

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07920046 9

БИБЛИОТЕКА
А. А.

ЗАЕШНИКОВА.

Шкафъ .....

Пола .....

№ .....

*ACA

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

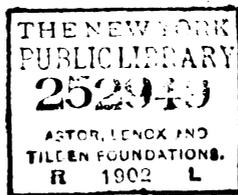
ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОЕВСКАГО

Т О МЪ VII

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА
1862

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконоенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 8 января 1862 года

Ценсоръ *Ө. Веселого*

ВРАЖЬЕ ЛЪБИКО, ДА БОЖЬЕ КРЪБИКО

(РАЗСКАЗЪ НИНИ)

На моихъ глазахъ и приключилось все это, золотой мой. Много я въ тѣ поры слезъ выплакала, гляючи на ихъ житье-бытье горькое. Надо сказать тебѣ, бриллантовый, что по четырнадцатому годочку я къ Петру Петровичу въ домъ поступила: въ горничныя меня къ барышнѣ Настасьѣ Петровнѣ опредѣлили. Ну-съ, жилъ Петръ Петровичъ бариномъ. Поди годокъ ужъ седьмой какъ вдовѣлъ онъ. Всякій ему почетъ и уваженіе. Домъ чаша позная. Чего-чего только небыло въ этомъ домѣ! И ковры-то персидскіе богатѣющіе: на солнышко вынесешь пылъ встряхнуть, такъ дивуешься просто; цвѣты-то, только-что не дышутъ: просто распрелестъ такая, что и въ сказкѣ не сказать. Ризница одна, сказывали, полтора пуда вѣсила, позолота на ней что жаръ горитъ, а ужъ что серебра-то дѣдовскаго, нажитого, — и не скажешь. Шкапы ломились подъ ковшами, судочками, подносами, да всякой утварью. Да чего и говорить! — такой богатѣй, что и въ городѣ другого такого небыло. Одни флигеля-то при домѣ почтай цѣлый кварталъ занимали, и жили-то въ нихъ все свои же крѣпостные: дворецкіе, да камердинеры, да фолейторы. На охоту двинется — псовъ-то, что людей, цѣлый полкъ ведутъ. Первый человекъ на губерніи былъ. А изъ себя онъ былъ мужчина видный такой, плотный да акуратный. Голосъ-то что труба звенить, — громко таково. Взглядъ что у сокола, ясный да пронзительный, а на головѣ-то волосики что боберь, такъ серебромъ и отливаются. Нраву былъ твердаго, — господинь своему слову. Ужъ что изрекъ Петръ Петровичъ — значить безпремѣнно быть тому, и весь міръ напротивъ него пой-

ли — устоять. Дивилися всѣ эдакому въ немъ характеру; зналъ онъ это и похвалялся. Лестно ему было. Пообщаетъ ли онъ кому что, — примѣрно сомнѣніе того беретъ, — такъ одно слово только скажетъ: «я, говоритъ, Петръ Петровичъ, тебѣ скажываю», — ну и значить дѣло сдѣлано. И великая вѣра его слову была, потому изойди ты всю губернію, а не найдешь такого человѣка, который бы на барина поклепъ взвелъ, что онъ словомъ своимъ его обманулъ. Жилъ онъ какъ князь какой, и надо тебѣ сказать, что затѣвалъ онъ эти праздники да гулянья ни для кого другого, какъ для Настасьи Петровны. Очень ужъ любилъ ее; душу свою положилъ въ нее. Бывало примется она съ обручемъ по залу бѣгать да прыгать, — извѣстно дитя еще была, а Петръ Петровичъ въ кресла усидется. Большія у него такія кресла были, да чудные; что хочешь, то и строй изъ нихъ: потрогай за винтикъ — постелька раскроется, потрогай за другой — столикъ что изъ земли выскочить, волтерами прозывались. Такъ сидитъ это Петръ Петровичъ въ креслахъ-то, и по цѣлымъ часамъ глазъ съ барышни не сводитъ. Али ночью бывало не спится ему — придетъ въ спальню къ Настасьѣ Петровнѣ, тихохонько на цыпочкахъ къ постелькѣ ея подкрадется, сядетъ на стуликъ, да такъ почитай что съ часикъ и просмотритъ на личико ея сонное, и дыханіе не переводитъ, нето чтобъ кашлянуть. Насмотрится въ волю, перекреститъ — и уйдетъ. Развѣ когда лампадку поправить, коли плохо горитъ. Завсегда въ спальнѣ у ней лампадка передъ нерукотворнымъ Спасомъ теплилась. Не сравнялось Настенькѣ и пятнадцать годковъ, а ужъ жениховъ-то у ней видимо-невидимо, какъ въ сказкахъ говорится, золотой мой. И званія-то всякаго: и дворяне-то, и помѣщики, и офицеры. Извѣстно: невѣста богатая, изъ лица тоже распрекрасная, и молоденькая, дѣтенышъ еще. Еще бы глаза на такую прелесть не просмотришь! А надо тебѣ сказать, что въ ту пору въ нашей сторонѣ рано замужъ выдавали. По шестнадцатому годочку, глядишь — ужъ и съ прибылью. Петръ Петровичъ насчетъ браку такое въ умѣ своемъ разсужденіе имѣлъ, что ненадо, говоритъ, мнѣ богатаго да знатнаго: Настѣ, говоритъ, ни того, ни другого не занимать стать; а будь, говоритъ, человѣкъ душа и по сердцу ей придись. Много, говоритъ, я на своемъ вѣку всякихъ браковъ видалъ; покойница жена сама за меня за бѣднаго выходила, не погнушалась. Выбери, говоритъ, я Настѣ жениха такого, что

весь вѣкъ станеть за меня Бога молить. Ну и точно сталъ онъ часто къ себѣ молодыхъ людей приглашать; по цѣлымъ вечерамъ бывало тары да бары, все выглядываетъ да высматриваетъ. Случилось на эту самую пору, что Настасья Петровна простудилась и заболѣла, да ужь такъ заболѣла, что весь домъ на цыпочкахъ заходилъ; горячка у ней открылась. Петръ Петровичъ только-что съума не сошолъ; лица на немъ не было. Въ какую-нибудь недѣлю постарѣлъ такъ, что и не запрознаешь его. Что докторовъ-то понаѣхало, — сколько только въ городу было, а вѣтъ легче. Помню это, одинъ день, очень ужь худо ей было. Ходить это Петръ Петровичъ, руки ломаетъ, въ лицѣ ни кровинки, — въ гробъ краше кладутъ: ходить по комнатѣ, волосики на себѣ рветъ, и шепчетъ что-то про себя, а глаза мутные да нехорошіе такіе. Остановится передъ образомъ, всплеснетъ руками. «Чѣмъ, говорить, я прогнѣвилъ тебя, Господи? за что казнь посылаешь?» Возропталъ человѣкъ. Подойдетъ къ Настѣ, посмотритъ на нее эдакъ жалостливо, покачаетъ головой да и отойдетъ. А въ глазахъ ни слезинки, только лицо-то все какъ на пружинахъ подергиваетъ. Собрались это доктора, совѣтуются, а сами на себя непохожи, — и рѣчи-то у нихъ съ языка нейдутъ; совсѣмъ обезкураженные. Видимо плохо дѣло. Въ это самое время входитъ Перепелкинъ, Иванъ Сидорычъ. Пріятелями они были съ Петромъ Петровичемъ закадычными; жили что братья родные, душа въ душу. Разъ по пяти на дню навѣщалъ онъ въ этомъ горѣ Петра Петровича. Вотъ входитъ этотъ Перепелкинъ и ведетъ за руку какого-то молодого человѣка. Изъ себя просто картина, черноводосый, глаза такъ и горять, щеки иѣжныя, какъ у барышни. — «Вотъ, говорить Иванъ Сидорычъ Петру Петровичу, — доктора тебѣ привезъ: проѣздомъ онъ у меня остановился; авось, Богъ милостивъ, и внушитъ ему что на пользу.» Петръ Петровичъ даже изъ лица измѣнился, краска у него пятнами по щекамъ пошла. Схватилъ доктора за руку, а самъ дрожить, слова сказать не можетъ.

— Гдѣ больная? докторъ-то говорить.

Повели его. Сталъ онъ смотрѣть на нее, долго такъ смотрѣлъ... за руку взялъ. Трубку вынулъ изъ кармана, къ грудкѣ приставилъ и ухо приложилъ. Долго такъ слушалъ, а самъ на часы смотритъ. Мы всѣ ни живы, ни мертвы стоимъ, него чтобъ пошевельнутся — глазомъ моргнуть, духъ перевести не смѣемъ.

Спялъ это онъ трубку, къ самой ключицѣ приставилъ и опять слушаетъ. Много такъ времени прошло, и говоритъ онъ: «А гдѣ лекарства? покажите мнѣ.» Показали, посмотрѣлъ онъ. — «Ну, говоритъ Петру Петровичу, не тревожьтесь: Богъ милостивъ, поднимемъ на ноги. Всѣ эти склянки прикажите выбросить, а я пропишу другое.» Написалъ это, прощается. — «Не безпокойтесь, говоритъ: она не такъ опасна, а я вечеромъ побываю.» Стоитъ это баринъ передъ нимъ какъ помѣшанный, держитъ за руку и слезы у него изъ глазъ капаютъ. — «Докторъ! говоритъ: спаситель! переѣзжайте ко мнѣ, утѣшите отца, Богъ наградитъ васъ! Я все успокойнѣ буду.»

— Извольте, докторъ-то ему говоритъ: — только извините, больше недѣли мнѣ нельзя здѣсь прожить; впрочемъ о будущемъ что загадывать. Я сегодня же переѣзжаю къ вамъ.

Точно, къ вечеру переѣхалъ онъ. И имущества-то у него всего два чемоданчика оказалось, да и то одинъ книжками былъ набитъ. Больной все не лучше. Сталъ онъ ей самъ вливать лекарства въ ротъ, раздвинетъ зубки да и выльетъ. А она голубушка какъ мертвая безъ памяти лежитъ. Уговорилъ онъ барина идти соснуть, а самъ остался у постели, и меня у дверей уложилъ. «Неравно, говоритъ, понадобишься.» Ну-съ, умаялась я за день-то, уснула. Извѣстно, дѣвичій сонъ крѣпокъ. Ужь на зарѣ глаза открыла, да и обезумѣла. Больная моя шепчетъ: «папу позовите.» А докторъ склонился надъ ней, держитъ за руку да и говоритъ: «нельзя вамъ говорить, вредно; успокойтесь.» Вскочила я съ постели, глаза продираю: не во снѣ ли, думаю, попритчилось? Увидѣла это барышня меня. — «Арина, говоритъ, это ты!» — «Я, говорю, брильянтовая моя!» — бросилась ей руки цѣловать. Любили мы все ее: ангельская душа была. А докторъ взялъ да отвелъ меня эдакъ рукой. — «Не тревожь, говоритъ, нельзя.» Послушалась я. Ужь какъ обрадовался баринъ Петръ Петровичъ, и рассказать нельзя; словъ такихъ нѣту. Обнялъ доктора, а самъ какъ заплачетъ, точно малый ребенокъ, насили уняли. Все горе свое, что накопилось, въ слезахъ излилъ. Съ того часу легче и легче становилось барышнѣ. Цѣлые дни бывало Петръ Петровичъ съ докторомъ у ней сидятъ. Говорить-то ей докторъ запретилъ, такъ она ангельчикъ повернется къ нимъ на правой бочокъ да и слушаетъ, какъ они промежъ себя рѣчь ведутъ. Ну и скажу тебѣ, золотой мой, всякихъ людей я на своемъ вѣку видѣла, а такого

рѣчистаго какъ докторъ и не приводилъ Богъ. Истинно, сахарныя уста были. Заслушаешься, какъ почнетъ разсказывать, да все это у него складно, да гладко, да разумно выходило. Разсудить, какъ расписатьъ. Головушка была брильянтовая, золотой мой. Ужь начто Петръ Петровичъ умомъ взялъ, никто противъ него въ спорѣ не устивалъ, а и этого онъ зачастую побѣждалъ. Да такъ это хорошо да тихо спорить, что и слушать пріятно, нето-что горлодеръ другой, что звономъ только и береть, да руками что капусту рубить. Скромный былъ человекъ, любезная душа. Ну и любо было Настасьѣ Петровнѣ слушать его. Цѣлый часъ бывало онъ говорить, а она не моргнетъ. Какъ вопьется въ него глазками, такъ цѣлый часъ и не отводитъ. Развѣ иной разъ улыбнется такъ, да и скажетъ: «докторъ, вы ужь такъ хорошо говорите, что послѣ никого слушать не захочется.» Засмѣется тотъ. — «Я, говорить, что! а вотъ хотите, я васъ познакомлю съ такими, что послѣ нихъ вы и слушать меня не станете?» — Познакомьте, говорить ему Настасья Петровна. Вотъ пойдетъ онъ къ себѣ, принесетъ книжечку какую и начнетъ читать. Сладостно читалъ, распріятно. Слушамши его, все одно что передъ очами людей видишь и рѣчи ихъ слышишь. Слушаетъ и Настасья Петровна бывало, долго слушаетъ да и скажетъ: «Такъ, докторъ, такъ! хорошо, очень хорошо; а все-таки это книга, а не живой человекъ.» — Ну, отвѣчаетъ тотъ, объ этомъ мы еще съ вами поспоримъ въ свое время, а теперь потрудитесь приказать себѣ помолчать. Очень вы сегодня, говорить, много щебечете, какъ птичка, что волѣ обрадовалась. — Замолчить она, засмѣется, а сама ласково таково смотритъ ему въ глаза. Такимъ манеромъ почитай цѣлые вечера проводили въ бесѣдѣ. Полюбился докторъ Петру Петровичу, сталъ онъ обходиться съ нимъ все равно что съ роднымъ. Почнетъ бывало о своихъ хозяйскихъ дѣлахъ да думкахъ разсказывать, тотъ такъ и сыплеть. На все головушки хватило. Чего только не зналъ этотъ докторъ! такъ что баринъ иной разъ слушаетъ его, слушаетъ да и скажетъ: «нехорошо, говорить, докторъ, нехорошо: хватило бы вашей головы не на одинъ десятокъ, а вы одинъ ею владеете.» Ну-съ, прошло эдакимъ манеромъ съ недѣлю времени; обжился нашъ докторъ въ домѣ и не ѣдетъ. Барышня слабенькая все еще была и въ постелькѣ лежала; докторъ по ночамъ книжки ей читаетъ, а я у порога постелю постельку, да и прикурну подъ его голосъ. Вотъ разъ и

случилось, золотой мой, открыла я глазокъ: вижу, спитъ барышня, а докторъ—то наклонился надъ нею и въ любовь ее тихо цѣлуетъ, а самъ блѣдный какъ полотно, только глаза какъ уголья горятъ и губы что-то шепчутъ. Вижу, всталъ онъ; глаза закрыла, чтобъ смуты не было. Перешагнулъ онъ черезъ меня и ушелъ въ свою комнату. На другой день позволилъ барышнѣ съ постели встать. Ну и ухаживалъ же онъ за ней, какъ за ребенкомъ малымъ; только что на рукахъ не носитъ. Проведетъ ее въ залъ, усадитъ въ кресла, а самъ за фортепяно сядетъ и запоетъ. И цѣль же!.. что это за голосъ былъ, Господи ты мой! Иной разъ запоетъ что божественное, — точно клиръ ангельскій; али русскую какую заунывную, душа выплается слушаючи. Изъ дому выйдетъ — не вернется безъ того, чтобъ чего не принесъ ей въ презентъ али конфетъ, али книжечку какую, али ноты. Оправилась совсѣмъ барышня, веселенькая такая стала. Цѣлые дни бывало съ Николай Александрычъ (доктора такъ звали). Тары да бары да смѣшки у нихъ. Помню это, о днѣ рожденія Настасьи Петровны было. Никого Петръ Петровичъ въ тотъ день не звалъ: семейнымъ порядкомъ любилъ такіе дни праздновать. Вотъ за обѣдомъ Николай Александрычъ и говорить: «Благодарю васъ, Петръ Петровичъ, за ваше радушіе и родственныи пріемъ. Гдѣ бы, говорить, ни былъ я, завсегда буду въ сердцѣ хранить, а теперъ позвольте проститься съ вами: завтра я ѣду. Настасья Петровна благодаря-бога оправилась и больше въ моей помощи не нуждается.» Говоритъ это, а у самого голосъ дрожить и слеза на рѣсницѣ заиграла. Барышня веселенькая была до этого, а тутъ какъ услышала, головку опустила и губки надула. Выслушала его Петръ Петровичъ да и говорить: — «Послушайте, Николай Александрычъ, за что вы мою птичку смущаете? видите какъ нахохлилась!» — и показываетъ на Настасью Петровну. — «А вотъ что я вамъ скажу: полюбилъ я васъ какъ родного, да и Настѣ вы кажется не чужой, а что скажетъ Настя?» Закраснѣлась моя Настасья Петровна и головку въ тарелку опустила. «Али можетъ мы-то васъ любимъ, да ваше сердце васъ въ другую сторону тянетъ? Такъ дай вамъ Богъ и безъ насъ всякаго счастья!» Николай Александрычъ такъ весь и просіялъ: лицо зардѣлось, глаза большіе такіе стали да свѣтлые. — «Петръ Петровичъ! говорить, о такомъ счастья я и во снѣ не смѣлъ мечтать. Обнялъ его старыи баринъ, подвелъ къ Настасѣ Пе-

тронѣ, взявъ ее за руку да и говорить : « Вотъ вамъ мое сокровище, берегите ее, въ вашихъ рукахъ этотъ кладъ не пропадетъ. » Барышня какъ піонъ раскраснѣлась, глазки такъ и смѣются, веселенькая такая стала. Выпили за новорожденную, а потомъ за жениха и невѣсту. Вечеромъ втроемъ они за полночь просидѣли. Послѣ сказывала Настасья Петровна, что порѣшили они промежъ собой черезъ годъ свадьбу бытъ, а на то время Николай Александрычъ ѣдетъ въ иностранныя земли для науки. Странно мнѣ это показалось, золотой мой. На что человекъ умный и ученый, а все вишь мало ему! Жадность ужъ такая прости-господи, а черезъ жадность эту и счастье свое похоронилъ. Охъ-хо-хо! Дня черезъ два проводили его какъ слѣдуетъ въ путь-дорожку, по родственному. И молебень напутственный отецъ Мардохей отслужилъ, и образомъ его Петръ Петровичъ благословилъ. Одно запримѣтила я, что женихъ нашъ не на образъ Владычицы смотрѣлъ, не поклоны земные клалъ, а все съ Настасьи Петровны глазъ не спускалъ. Закручинилась послѣ проводовъ наша птичка. День денской ходитъ невеселая, носикъ опустивши, головку повѣсивши. Съ недѣлю такъ прошло, полегчало видно ей. Опять зазвучалъ голосокъ ея въ дому, и Петръ Петровичъ встрепенулся, сталъ по гостямъ развѣзжать, къ себѣ принимать. Въ скоромъ времени письмо отъ жениха пришло. Запрыгала наша птичка, защибетала. Носится по всему дому съ письмомъ, точно невѣсть съ какимъ кладомъ. И мнѣ-то прочла, что онъ ей описываетъ, и къ нянѣ-старухѣ въ дѣвичью забѣжала. « Выслушай, говоритъ, няня, что мнѣ женихъ мой дорогой пишетъ », а сама веселенькая такая. Съ полгода такъ времени прошло, какъ стало съ ней твориться такое дѣло, что я долго и въ толкъ взять не могла. Завсегда какъ развѣдутся гости, али сама изъ гостей вернется, я ее раздѣвала. Такъ это бывало наказаніе божіе съ ней; дурачится что ребенокъ малый. Бѣгаетъ по комнатѣ, не даетъ раздѣтъ, хохочетъ какъ безумная. А какъ уляжется въ постельку, — усадить меня возлѣ себя и начнетъ болтать : кто былъ, да какъ одѣтъ, да какой смѣшной тотъ, да какой глупой другой. Съ постели соскочить на босу ногу, начнетъ представлять какъ кто ходить да говорить. Уморно такъ, что животики надорвешь, слушаючи. Ужъ такая была проказница, да ужъ такъ хорошо она представляла, что на кіатрѣ тебѣ. Такъ вотъ какая она была прежде, а тутъ съ ней

точно стихъ какой приключился. Сама на себя стала непохожа, точно съ переполоху али глазу. Приѣдетъ — ни словечка не скажетъ. Станешь раздѣвать ее, а она какъ сама не своя, уставишь глаза на свѣчку и не пошевельнется, какъ статуя какая; ни улыбочки на лицѣ, только глаза эдакъ широко раскроетъ, да и смотритъ на свѣчку, точно видитъ тамъ что. Али иной разъ, только-что шагъ въ комнату сдѣлаетъ, опустится въ кресла, да такъ и просидитъ съ полчаса. Разъ десять напомнимъ ей, что раздѣваться пора, — не слышитъ; сидитъ какъ мертвая. Начнемъ раздѣвать что ребенка; и руки и ноги у ней не свои. Какъ куклу раздѣваешь. Сначала только по вечерамъ съ ней такія вещи приключались, а тутъ стала и днемъ чудить. Ходитъ по своей спаленкѣ, руки за спину заложивъ, въ лицѣ ни кровинки — и въ цѣлый день ты отъ нея слова не добьешься. Подоидетъ бывало къ фортепяно, откроетъ его, сядетъ и руки ужъ положить, чтобъ играть, да такъ и останется и просидитъ съ часъ и болѣе, а сама на ноги глаза устала, какъ будто и видитъ что въ нихъ. И спроси ты ее, гдѣ она, — такъ право и не скажетъ. Али книжечку возьметъ, развернетъ, да такъ съ ней и просидитъ почитай до обѣда, — и странички не перевернетъ. Что, думаю, съ ней это поприключилось? Не съ глазу ли? Мало ли злыхъ да завистливыхъ людей на свѣтѣ! Барышня-съ такая распрекрасная, что и не диво что завистники нашлись. Сказала я нянѣ. Стала та ей по ночамъ, когда спитъ, на ухо молитвы отговорныя читать. Все въ томъ же положеніи. Запримѣтила я, что только въ тѣ дни, какъ письмо отъ жениха принесутъ, она какъ-будто другой становилась, да и то ненадолго. Возьметъ письмо, а руки такъ у ней и заходятъ и краска на лицѣ заиграетъ; прочтетъ, положить его въ шкатулку и еще хмурѣе станетъ. Ходитъ по комнатѣ, руки ломаетъ, и лицо у ней все подергиваетъ. Думалось мнѣ долго, не по женихѣ ли это она сокрушается, да въ скоромъ времени и тутъ стало сомнѣніе брать; дѣло-то ужъ очень странное какое-то стало на моихъ глазахъ твориться. Вижу, зачатила моя барышня къ Моравинымъ. Денденской али она у нихъ, али они у насъ; ни праздника, ни будней не пропускаютъ. Сама-то Моравина, Марфа Гавриловна, не сколь часто бывала; хвора я была женщина и порченная какая-то: все по церквамъ да монастырямъ и жила; а прихворнетъ, такъ что къ ней старцевъ и старицъ понаидетъ, — городъ изъ дому

сдѣлаеть. И баню-то, и сѣноваль, и каретникъ займутъ, точно твой монастырь станеть. И ведетъ она съ ними бесѣду по душѣ. Самыхъ что нишаеть старыхъ по одному въ спаленку къ ней проводятъ. Можетъ горе-то ея горькое и жизнь сиротская и къ молитвѣ-то ее обратила. По двадцать седьмому годочку дѣвкой она послѣ батюшки осталась. Старикъ-то богачъ былъ первостатейной; все къ ней, единственной дочери пошло. Сказывали, тысячь на двѣсти добра было. Изъ лица-то Марфа Гавриловна больно неказиста была. Оспа маленькую ее попортила, да и гнусила очень. Такъ всѣ ее по городу гнусявкой и звали. Ну и при эдакомъ значить изъянѣ все же отъ жениховъ отбою небыло. Много ихъ наvertsывалось, да всѣ съ гарбузомъ во свояси вернулись. — «Развѣ я не вижу, разсуждаетъ Марфа Гавриловна, что не я имъ мила, а добро мое? Лучше, говорить, вѣкъ дѣвичій вѣковать, чѣмъ отъ нелюбимаго мужа страсти да огорченія принимать. Такъ, золотой мой, и порѣшила въ дѣвкахъ остаться; да лукавый силенъ. Приѣхалъ на ту пору Викторъ Михайлычъ въ городъ, муженекъ ея теперешій. Мужчина изъ себя видный, всякому обращенію ученый, и ужъ такой охочій до нашей сестры, что на поди. Большое счастье ему въ этомъ дѣлѣ было. Ужъ на роду видно такъ написано. Что онъ дѣвокъ у насъ на городу перепортилъ — и не сосчитаешь. Сами лѣзутъ проклятыя, и знаютъ, что недобромъ кончится, — все не беретъ. И стыдъ дѣвичій забыли. Да и барыньки наши, прости имъ господи, только-что на шею на мужниныхъ очахъ не вѣшаются. Что куры изъ-за пѣтуха, такую промежь себя войну подняли, что на тебѣ! Больно ужъ онъ имъ по вкусу что-то приошлся. А онъ-то и радешенекъ, что сыръ въ маслѣ катается. Извѣстно, мужчина. Увидала это его Марфа Гавриловна, — втюрилась дѣвка, только-что съ ума не сходитъ. Запрежь того всегда дома сидѣла, а тутъ по гостямъ такъ и живетъ. Разрядится что пава, брильянтовъ понавѣшаетъ, благо непокупные, отъ тятеньки достались; расфуфырится, что твоя жарь-птица. Сама стала гостей принимать, банкеты да обѣды справлять, — въ домѣ просто дымъ коромысломъ. А сама даже съ лица спала, за нимъ гонямшись. Стала и думка грызть, какъ бы корнемъ какимъ приворотить его къ себѣ; почали къ ней на дворъ знахарки да ворожеи всякія шлындать. Чтó она на нихъ денегъ извела, а все нѣтъ пользы. Занимается Викторъ Михайлычъ своими амурами и вниманія на нее не обращаетъ. Ви-

дять всё: просто изводится дѣвка. Стали объ этомъ Викторъ Михайлычу смѣхомъ говорить. А ему въ тѣ самые поры, сказывали, жутко приходилось. Деньги какія-то казенныя ухлопалъ, да и свое что было на пріятелией да пріятелиницъ въ трубу спустилъ. Словомъ должно-быть круто было, что на Марфы Гавриловны денежки польстился и сосваталъ ее. Очумѣла дѣвка отъ радости. И старому и малому рассказываетъ, что вотъ-де Господь какое счастье послалъ. Стали было родные отговаривать ее: смотри, говорятъ, роденька миленька, чтобъ слезы горячи не потекли! развѣ не видишь, что не тебя беретъ онъ, а богатство твое?— и слышать дѣвка не хочетъ. «Да я, говоритъ, прачкой бы къ нему пошла, рабыней его, полы мыть, только бы мнѣ жить съ нимъ вмѣстѣ, любоваться на него, солнышко мое ненаглядное. Значить одно слово — заполонилъ онъ сердце ея дѣвичье. И ума своего не спросила, пошла за него. Ну-съ, честнымъ пиркомъ да за свадебку. Была я и на свадьбѣ, золотой мой. Аграфена ключница пригласила. Что у насъ смѣху въ ту пору между дѣвками было!.. Изъ дѣвичей мы глазѣли. Викторъ-то Михайлычъ очень ужъ несообразно велъ себя.

И свадьба не свадьбой смотрѣла. Пріѣхали отъ отца молодые, пошли проздравленія да пляска. Она смотритъ на него, кажись въ душу бы влѣзла къ нему. А онъ точно и не молодой. Хоть бы порядокъ соблюлъ, посидѣлъ съ женушкой на диванчикѣ, рядышкомъ. Куда тебѣ! что кобель, такъ за чужими барынями и гоняется. Со стороны-то смотрѣтъ соблазно. А ей, Аграфенѣ-то Гавриловнѣ, и горя мало. Какъ-будто и не въ обиду такое дѣло: веселая да счастливая. Чудно, золотой ты мой, свѣтъ божій созданъ! Ну и пошли у нихъ съ этого самаго дня такіе порядки, что и говорить-то не хочется. Переписала она на его имя имѣвіе, а ему того и нужно. Закурилъ молодець, да такъ закурилъ, что на поди! рукой его не достанешь. Первымъ человѣкомъ въ городѣ зажилъ. А ему за все это отъ нея пето-что попреки, а окромѣ ласки да угожденія ничего нѣтъ. Позавелъ онъ себѣ полюбовницъ; только-что не на глазахъ Марфы Гавриловны цѣлуется да мизуется съ ними, а та хоть бы словечко промолвила. Одна ея забота приворожить его къ себѣ. Ворожеямъ да знахаркамъ перестала она вѣру лавать, да и случай одинъ нехорошій вышелъ. Подсудобила ей одна старуха такого приворотнаго зелья, что Викторъ Михайлычъ чуть душу Богу не отдалъ. Три

недѣли въ постелѣ пролежалъ, насилу отбоярился. Повижилась она передъ нимъ, и на образъ поклялась — не заниматься впередъ такимъ дѣломъ. Простила. Стала она къ старцамъ да странникамъ разнымъ обращаться, чтобы молитвой помогли. Какъ только Викторъ Михайлычъ залукнется на ярманку (а часто онъ по ярманкамъ разѣзжалъ: охотникъ былъ до нихъ), такъ и запрудятъ у ней весь дворъ богомольцы да странники. Кормить-пойти она ихъ до отвалу, все ничего не помогаетъ! Пообщаются ей съ три короба; каждый передъ другимъ свое средство выхваляетъ. Кто травку или камушекъ такой чудный предлагаетъ, что мужнину любовь возвращаетъ, кто записку такую приворотную, что старецъ на горѣ Араратѣ пишетъ. И такая сила у записки той, что врагъ твой лютей первымъ пріятелемъ твоимъ становится. А она развѣсивъ уши слушаетъ да плачется на нихъ. Ну самъ Викторъ Михайлычъ неочень-то жаловалъ такихъ странниковъ. Понаѣдетъ бывало съ ярманки съ цыганами да музыкой, велитъ припереть ворота, да и почнетъ ихъ собаками травить. Такимъ манеромъ отучилъ ихъ отъ дому. Развѣ ужъ тайкомъ какого проведутъ.

Такъ вотъ, золотой мой, какіе люди были эти Моравины. И повадилась къ нимъ паша Настасья Петровна въ гости. Глядишь — вечеръ наступаетъ, а она сама не своя, точно на иголкахъ. Лошадь велитъ заложить, одѣвается, глаза блестятъ, такая веселая, улыбочка на губахъ, а щеки такъ полымемъ я пышутъ. Что, думаю, тамъ распрелестнаго такого пашла, что такъ вотъ ее и тянетъ? А пріѣдетъ домой, какъ въ воду опущенная. И личико-то суровое, и все воздыхаетъ. Марфа Гавриловна сама-то къ намъ въ кои вѣки заглянетъ, ну а Викторъ Михайлычъ зачастилъ. То книжечку привезетъ, то узоръ какой для вышиванья отъ супруги своей. Пойдутъ они тутъ по залѣ расхаживать, а сами все шу-шу-шу... Стала я прищѣпать, что какъ-будтобы и Петру Петровичу гость этотъ не посердцу. Сталъ онъ день ото дня хмурѣе становиться; какъ-будто что на душѣ камень у него легло. Въ ту пору войдетъ въ комнатку къ Настасьѣ Петровнѣ, такой конфузный. Ходитъ ужъ онъ ходить изъ угла въ уголъ, поглядываетъ на дочь, а она тѣмъ временемъ книжкой займется. Со стороны видимо, что хочется ему сказать что-то ей, а духу не хватаетъ. Подсядетъ это, книжечку ея посмотреть, а по глазамъ видно, что не книжка у

него на умѣ. Опять пройдетъ по комнатѣ; потретъ эдакъ крѣпко лобъ рукою, и ротъ ужь откроетъ чтобъ сказать, да такъ какъ-будто смѣшается и уйдетъ. А та тоже, какъ-будто гиря у ней на шеѣ висѣла и сняли ее: такъ и вздохнетъ во всю грудь. Помню, разъ это Петръ Петровичъ зашолъ да и говорить: «письмо пишу я къ Николай Александрычу, такъ не припишешь ли чего?» — Нѣтъ, отвѣчаетъ: — что мнѣ ему писать? скажите что здорова. — «Неловко, говорить Петръ Петровичъ: — ты давно не писала. Не успѣла ли ты разлюбить его?» Говорить это и улыбочку хочеть сдѣлать, какъ-будто шуточкой сказываетъ, а у самого губы дергають и живчикъ на вискѣ заигралъ. Настасья Петровна вспыхнула; но оправилась скоро. «Вотъ, говорить, пришла вамъ фантазія!» — вскочила съ кресель и быстро заходила по комнатѣ, а сама разговариваетъ сама съ собой, скороговоркой: «Да! напишу я ему; надо написать... Я ему большое письмо напишу, все, все скажу...» Подошла къ столу, схватила листь бумаги и перо взяла. Вышелъ Петръ Петровичъ тихохонько, а самъ плечами пожимаетъ. А я въ тѣ поры цвѣты убирала на окнѣ. Чтѣ, думаю, она затѣяла? Вижу — сидитъ пишетъ, и скоро-скоро, такъ перо и бѣгаетъ. Минуты двѣ не прошло, бросила перо и встала. «Зачѣмъ? шепчетъ: пусть самъ все увидитъ!» И стала ходить по комнатѣ и руки ломать. Походила эдакъ немножко и говорить мнѣ: «скажи папѣ — голова у меня болитъ, писать не стану...»

Вотъ такъ-то стала она чудесить, золотой мой. Чуяло мое сердце, что недоброе творится у насъ, а чтѣ такое, — и сама себѣ объяснить не могла. Тѣмъ временемъ стала весна подходить. Побѣжали съ горъ потоки. Весь божій міръ, что невѣста къ вѣщу, въ травку зелень стала одѣваться; жаворонки прилетѣли. Талой землей такъ въ воздухѣ и носить. Хорошо о ту пору на душѣ становится, золотой мой. Самое развеселое время. Птичій голось что нивѣсть какая музыка распрятень. На кусточикъ сирени что нивѣсть на какую красавицу писанную смотришь; глазъ отвести нехочется. А небо-то голубое-разголубое, да чистое... ии рябики. Опрокинешь голову на него посмотришь, такъ точно тонешь въ немъ, али крылья тебѣ кто подвязалъ, и поднимають они тебя, — крылья-то эти. Такъ-то хорошо, такъ-то распрекрасно. Всякую кручину что рукой сниметъ. Каждый прохожій точно роднепкимъ тебѣ приходится. Только стыдно къ незнакомому челоувѣку приставать, а то такъ бы бажись и

заговорила съ нимъ , что вотъ-де хорошо какъ кругомъ. А ужь о подружкахъ и рѣчи вести нечего... Сколько разъ на дню перепалуешься съ ними ! Точно сестры онѣ тебѣ родныя. Извѣстно, золотой мой, другому человѣку и не такова хороша она весна кажется, а ужь я больно любила ее... И старъ я сталъ человѣкъ, а люблю. Эхъ-хе-хе! хорошее время, золотой. Такія мои мысли, брильянтовый, что развѣ злой человѣкъ весны не любитъ, али злодѣй, что казнь ему такая отъ рожденія наложена за грѣхи прародительскія. Ну, думаю: можетъ съ весной и моя пташка крылышки расправитъ и по-старому защебечеть; а въ это время, какъ на счастье, письмо отъ жениха пришло, что быть ему скоро. Обрадовалась я, земли полъ собой не чувствовала; всю дворню обѣгала — повѣстила. Только вижу, барышня моя не-примѣръ противу прежняго хуже. Такое съ ней творится, что и боязно-то, и жалко смотрѣть на нее. Нравная какая-то стала, точно порченая, прости-господи. То цѣлые дни сидитъ, слова отъ нея недобьешься, и что вокругъ ея дѣлается — не видитъ и не слышитъ, точно обойденная; а то вдругъ задурить, — злая да капризная станетъ. То не такъ, это не такъ... все не по ней. Дверью хлопнешь — вздрогнетъ, напустится на тебя, ногами затопаетъ и расплачется. На столъ начнешь накрывать, — извѣстно посуда не изъ дерева: брякнешь какъ-нибудь тарелкою, выско-чить изъ комнаты... ахи да охи! Безпокоятъ, изволите видѣть, ее... «Мучители вы мои, говорить: злодѣи вы, а не люди!» и пойдетъ, и пойдетъ... и расплачется. Перепугается баринъ, почнетъ утѣшать, — куда тебѣ! уйдетъ въ свою комнату, запретъ и цѣ-лый день не выйдетъ. На болѣзнь жаловаться — не жалуется, а на глазахъ таетъ дѣвка. Ужъ начнетъ бывало баринъ упраши-вать ее, чтобъ за докторомъ послать; и не говори ей лучше! Такое повесеть, что и вчужѣ-то слышать досадно. «Что, гово-рить, вамъ уморить меня хочется, здорѣваю-то лечить? Погодите, вотъ прїѣдетъ свой докторъ!» — да и захохочетъ во все горло.

Больше всего мнѣ отъ нея доставалось, потому я за ней хо-дила. И постель-то прибрана дурно, и стулъ-то не на мѣстѣ... не угодишь на нее. А зайди въ недобрый часъ къ ней, чтобъ поприбрать, — выгонитъ. «Оставь, говорить, меня въ покоѣ.» Такъ цѣлые дни и стоитъ комната неубраная. Очень мы всѣ на нее дивились. А тутъ вскорѣ у меня съ ней такой грѣхъ приклю-чился, что никогда я его не забуду. Цѣлый день сидѣла она у

себя, и къ обѣду и къ чаю не выходила, а такъ ужъ подъ вечеръ выскочила да и говорить: «Что, говорить, вы меня уморить что-ли голодомъ хотите? я чаю хочу! сейчасъ подать!» А чего! за часъ какой подходила спрашивать ее, такъ и дверь не отворила. Ну побѣжала я, нагрѣла самоваръ, налила чаю и несу. Сидитъ она въ креслѣ и про чай кажется забыла, на стѣнку смотреть. Ставлю я это подносикъ съ чашкой, да ужъ и сама не знаю какъ то случилось, что ставимши-то, стукнула я громко. Какъ вздрогнетъ она да позеленѣетъ, такъ у меня сердце похолодѣло. — «Ты что? а?» какъ закричитъ, да замещетъ глазами, а по лицу пятна багровыя пошли, да недолго думая, хлопъ меня по щекѣ. Обезпамятѣла я. Сколько я у нихъ до сего не изжила, сколько мнѣ теперича вѣку, а еще не знала я за собой такого грѣха, чтобы кто меня по лицу ударилъ. Закружилась у меня голова, огоньки въ глазахъ запрыгали; кое время духу не могла перевести: захватило. А потомъ какъ заплачу!.. Горько мнѣ прегорько стало. Кажись лучше бы сквозь землю отъ стыда провалиться. За что, думаю, она мнѣ эдакую боль сердечную причинила? Вижу — барышня обнимаетъ меня, а сама какъ рѣка разливается. «Ари-нушка, говорить, прости меня! Что я сдѣлала!.. Ударь меня! ударь поскорѣй... мнѣ легче будетъ... Господи, что я за сумашедшая? что я сдѣлала! что я сдѣлала!» Руки ломаетъ, а сама блѣдная, даже синеватая; куда вся краска дѣлась. Ужъ такъ-то мнѣ жалко стало смотрѣть на нее. Христость, говорю, съ вами, барышня, моя родненькая; не убивайтесь. Я ничего, не сержусь... И стала я у ней руки цѣловать. Такъ она инда ошалѣла. Стоит и смотреть на меня такими большими глазами. — «И ты же, говорить, еще руки у меня цѣлуешь!» и бросилась мнѣ на шею. «Милая моя, родная моя, прости меня... Ахъ какая я несчастная!.. Смерть лучше такой жизни!» Стала я ее успокаивать. Пришла она въ себя, потише стала; только повременамъ эдакъ всплеснетъ руками да и скажетъ: «Господи, до чего я дошла, какая стала!..» и закроетъ лицо ручками. Полночь пробило, какъ она совѣмъ приутихла, нераздѣваясь въ постельку легла и уснула. На утро, только-что вышла я изъ дѣвичей, чтобы къ барышнѣ идти комнату прибирать, слышу — колокольчикъ и тройка къ намъ во дворъ. Глазомъ мигнуть не успѣешь, какъ я ужъ была у брички; гляжу — женишка обрученаго Господь даетъ. Пустилась со всѣхъ ногъ къ барышнѣ; вижу — Петръ Петровичъ идетъ навстрѣчу и

весь домъ, что только стараго и малаго было въ немъ, на погахъ. Вбѣжала я въ комнату ея какъ шальная. И сама не знаю, что мнѣ такъ нетерпѣлось донести поскорѣй барышнѣ. Ворвалась да и остановилась: стоитъ моя барышня передомной... лица на ней нѣтъ, зубы стиснуты и смотритъ такъ, какъ-будто спрашиваетъ глазами. Неловко мнѣ стало, стою я передъ ней и молчу. «Пріѣхалъ?» спрашиваетъ, да такимъ глухимъ голосомъ, какъ-будто не она говоритъ, а другой кто. «Пріѣхалъ, барышня», отвѣчаю; а самое отъ страха лихоманка треплеть. Обернулась это она къ образу, что въ уголкѣ висѣлъ. «Господи, говоритъ, подкрѣпи!» и вышла. А Николай Александрычъ съ Петромъ Петровичемъ въ залѣ стоятъ. Какъ завидѣлъ онъ ее, бросился, за руку схватилъ и цѣлуетъ руку. Она ничего, не отнимаетъ, только лицо у ней все дергается, точно въ родимчикѣ. Николай Александрычъ перепугался очень. «Да вы больны, говоритъ, Настасья Петровна! Что съ вами!» — Да, я нездорова, отвѣчаетъ и улыбнуться хочется, а улыбочка-то не выходитъ. — «Да что такое? вамъ очень нехорошо!» — Да, нехорошо! говоритъ. Завтра я скажу вамъ; мнѣ много что сказать нужно, а сегодня оставьте меня и не тревожьте. И ушла. Смотритъ ей во слѣдъ Николай Александрычъ, а самъ какъ каменный, бровью не моргнетъ и точно приросъ къ мѣсту. Взялъ его подъ руку Петръ Петровичъ, къ себѣ повелъ; за полночь вдвоемъ просидѣли. Ужь что они тамъ говорили, Господь ихъ вѣдаетъ; только барышня во весь день глазъ не показывала. На утрѣ стала я за бесѣдкой любимой бариновъ розанъ полоть; вижу — идетъ Настасья Петровна, и Николай Александрычъ съ ней. Идетъ это она такъ скоро, что только-что онъ за ней поспѣваетъ и повернули прямо въ бесѣдку. Что грѣха таить? соблазнилъ меня лукавый подслушать, о чемъ промежъ нихъ рѣчь поидеть. Припала я къ щелочкѣ, смотрю однимъ глазкомъ и уши наострила. Какъ вошли они, опустила барышня на скамейку, да и говоритъ, — прерывисто такъ, будто дыханіе у ней захватываетъ: «Кляните меня, презирайте, а я должна вамъ сказать: я не люблю васъ, я люблю другого.» Сказала это и точно разслабленная прислонилась къ стѣнкѣ. А женихъ стоитъ передъ нею точно мертвецъ, и произительно такъ на нее смотритъ. — «Я ожидалъ этого... я вчера еще все узналъ... значитъ не судьба!» Потомъ слѣлъ противъ нея, взялъ за руку да и говоритъ: «Не горюйте, ради всего святого, успокойтесь. Я не стану мѣшать вашему

счастью; оно мнѣ дороже всего на свѣтѣ.» Заплакала она.— « Не плачьте, говорить: о чемъ плакать? развѣ вы виноваты въ чемъ передо мной? вы благородная дѣвушка, вы чество поступили. Ну перестаньте плакать, — уговариваетъ ее: — улыбнитесь!» А у самого слезы изъ глазъ капають, и голосъ такой надорванный. Сталъ онъ къ ней приставать, чтобъ сказала, кого она полюбила. «Я самъ, говорить, стану любить его какъ брата.» Отвѣкивалась она долго, но сказала подконецъ. — «Виктора Моравина», говорить. Какъ отпрыгнетъ Николай Александрычъ отъ нея, точно на жабу наступилъ, али змѣя его за ногу укусила. — «Да вѣдь онъ женатый!» говорить, а самъ какъ въ лихорадкѣ трясется. — «Женатый, отвѣчаетъ ему барышня глухо: — «Богъ съ вами, Богъ съ вами!» заговорилъ опять Николай Александрычъ: — это такъ у васъ, это пройдетъ. Вы нездоровы, оттого все. Вы обманываете себя, что любите его; вы его нелюбите, онъ нестоитъ васъ... я знаю этого человѣка...» И пошолъ, и пошолъ... долго онъ ей говорилъ. А она сидитъ, головку опустивши, и насмѣшка у ней на губахъ играетъ. Ужъ что онъ ей говорилъ, а все-то, золотой мой, и въ толкъ взять не могла. А очень хорошо говорилъ. Какъ окончилъ, барышня ему на это: «Я сказала вамъ, что я васъ не люблю; вы должны оставить меня.» — «Нѣтъ, отвѣчаетъ Николай Александрычъ: — я васъ неоставлю... мнѣ будетъ грѣшно оставлять васъ. Вы погибаете, я долженъ васъ спасти... хоть черезъ это несчастенъ всю мою жизнь буду...» Говорить это онъ ей, а слезы такъ ручьями и бѣгутъ по лицу. — «Какъ! говорить такъ вы хотите насильно жениться на мнѣ? этого нельзя, знаете почему?» Встала она передъ нимъ, выпрямилась, и глазами такъ прямо на Николая Александрыча и уставилась. — «Я, говорить, любовница Моравина», и скорешенько вышла. Идетъ по алейкѣ, а ее что былинку полевую изъ стороны въ сторону качаетъ. Николай Александрычъ, какъ сказала она ему это слово, какъ сталъ, такъ и почитай минутъ пять нетронувшись и простоялъ, а послѣ эдакъ провелъ рукой по лицу, будто спросонья, оглянулъ бесѣдку дикими такими глазами и побрелъ домой, да на пути-то (слѣдила я за нимъ) разъ пятокъ останавливался. Стоитъ эдакъ съ минуту какъ пригвожденный, и опять тронется. Цѣлый день этотъ у насъ въ дому какъ въ могилѣ тихо было: точно вымерли всѣ, муха пролетитъ, такъ слышно. Къ обѣду столъ накрыли было, да такъ и убрали. Барышня съ Николай

Александрычемъ по своимъ комнатамъ заперлись. Старый баринъ вышелъ было, сѣлъ, пощипалъ хлѣбца, да такъ ни до чего ведотрогиваясь и ушолъ. А ужъ хмурый—то, какъ туча. Подъ вечерокъ отъ Моравина ключница пришла, съ письмомъ къ барышнѣ. Отнесла я къ ней, подаю. Такъ и вспыхнула моя барышня, на конвертикъ взглянувши, разорвала и стала читать. Прочла, скоро такъ глазки по бумагѣ бѣгали, положила на столъ и прошлась по комнатѣ раза два, подошла къ столу, опять прочла письмецо, да такъ раза четыре принималась; потомъ нахмурила бровки и бросила на полъ. Какъ стала я убирать комнату, подняла его и припрятала. И теперь оно у меня хранится, золотой мой, въ память о барышнѣ. Пстой я тебѣ покажу.

.....

Няня сползла со своего сундука, на которомъ свернувшись клубомъ рассказывала мнѣ эту исторію, и стала рыться въ боковомъ ящичкѣ. Долго перебирала она клубочки нитокъ, перстеньки, моточки шерсти и наперсточки, пока не подала мнѣ листокъ почтовой бумаги: чернила порыжѣли и мѣстами совсѣмъ вылиняли. Я съ трудомъ прочелъ:

«Настя! Я сегодня узналъ, что твой женихъ пріѣхалъ. Мы должны, если не навсегда, то на время разстаться: этого требуетъ благоразуміе. Постарайся до свадьбы скрыть свое положеніе, а тамъ Богъ милостивъ. Женихъ твой кажется добрый человѣкъ и не захочетъ сдѣлать скандала. Прощай. Я ѣду мѣсяцевъ на пять по дѣламъ; я вѣрю, что для меня настанутъ еще тѣ свѣтлыя минуты, которыми ты дарила, мой добрый ангелъ... но навремя надо все позабыть. Прощай! Письмо изорви.»

Вотъ, судырь ты мой, какъ бросила она это письмецо, подошла къ окну, растворила его, сѣла на подоконникъ, да и задумалась... а я потихоньку изъ комнаты вышла. На другой день, Ларька сказывалъ, у стараго барипа съ Николай Александрычемъ большой разговоръ въ кабинетѣ происходилъ, а послѣ того разговора вошолъ онъ къ барышнѣ, да и говорить: «Настасья Петровна! я сейчасъ говорилъ съ вашимъ батюшкой. Ему давно все извѣстно. Порѣшили мы, что черезъ недѣлю наша свадьба. Потомъ сейчасъ же ѣдемъ на Кавказъ: вамъ надо лечиться. Вѣрте, говорить, что вы найдете во мнѣ отца, брата, доктора. Всю жизнь вамъ отдамъ.»

Такъ она же озлобилась, услышавъ такую рѣчь. — «Послушайте, говорить, докторъ: я уже сказала вамъ, чѣмъ я была для Моравина.» — А тотъ ей: «забудьте ради-бога старое, забудьте, какъ-будто и небыло его. Теперь начнется для васъ новая жизнь.»

Она такъ и вспрыгнула съ кресла, точно укушенная.

— Я не могу быть вашей женой! Слышите: не могу! Если папа хочетъ, я пойду за васъ. Я уважаю папину волю; я ему много горя принесла, а счастья онъ отъ меня не видѣлъ; но я буду несчастная женщина. Вы ненавистны мнѣ. Если вы не откажетесь, горько вамъ будетъ... я отравлю всю вашу жизнь. Я буду каждый день, каждый часъ, каждую минуту мучить васъ... Я на все рѣшусь, на все... я развратницей стану.

Сказала это, да и хлопнулась въ кресло. Морозъ у меня по кожѣ пробѣжалъ, золотой мой, какъ услышала я такія слова. Цвѣты я въ то время подъ окошечкомъ поливала. Что ато, думаю, съ ней: безстыжая какая стала, какія слова? лукавый чтоли въ нее вселился? А Николай Александрычъ бросился къ ней. «Полпоте, говорить: вы больны, и сами не знаете что говорите... Это не ваши слова, это ваша болѣзнь говорить... Все пройдетъ, все переменится... Вы полюбите меня.. И долго еще онъ ей говорилъ. А она на все это: — «Кчему, говорить, лишнія слова? Я сказала вамъ: пойду я за васъ, но нехорошо вамъ будетъ.» И засмѣялась такъ злобно...

.....

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Черезъ недѣлку повѣнчали ихъ. Настасья Петровна торопила. Ходила она все это время какая-то странная. Не плакала и не радовалась, а такъ какъ-будто не она и замужъ выходить, только улыбочка непріятная съ губъ не сходила. На всѣ жениховы распросы «да» да «нѣтъ»... И словъ другихъ онъ отъ нея не слыжалъ. Подъ вѣнцомъ оба что къ смерти приговоренные стояли. Петръ Петровичъ тоже хмурый да пасмурный. Со стороны посмотришь: не свадьбу люди играютъ, а похороны сиравяютъ. Какъ повелѣлъ отецъ Мардохѣй (онъ и вѣнчалъ ихъ) лобзаніе сотворить, — потянулся къ ней Николай Александрычъ такъ она такъ и отшатнулась, точно отъ зачумленаго. Отецъ Мардохей посмотрѣлъ ей эдакъ провзительно въ глаза, покачалъ головой, да и говорить поучительнымъ такимъ голосомъ, тихонько: «непотребно, сударыня, непо-

требно!» Смутилась она. Приѣхали отъ вѣнца. Первое слово ея мужу, чтобъ завтра безпремѣнно ко всѣмъ съ визитами ѣхать, а послѣзавтра балъ. Сталъ онъ ее уговаривать, что лучше поотдохнуть, да прямо въ дорожку, на Кавказъ. И слышать не хочетъ: «хочу, говорить, веселиться. Новая жизнь началась.» Это она его слова вспомнила. «Не для тоски и скуки я замужъ вышла; тосковать я бы и одна сумѣла. Я хочу веселиться, мнѣ нужно общество. Мнѣ нужно рѣже васъ видѣть. Вы мнѣ противны.» Говорить это, а самоё всю такъ и дергаетъ: «Хорошо-хорошо, говорить онъ ей: — все сдѣлаю, мой ангелъ, только успокойся.»

— Ангелъ? узнаете, говорить, вы этого ангела! и засмѣялась. Подошолъ это Петръ Петровичъ къ ней, въ лобъ ее цѣлуетъ, а у самого слезы на глазахъ. — «Настенька, говорить, если ты любишь меня старика, такъ будешь любить и своего мужа.»

— Папа, отвѣчаетъ она: — въ гробъ прикажите лечь за васъ, — лягу, а любить его немогу. Впрочемъ онъ такой умный, все знаетъ. Онъ говорить, что я люблю его.

И опять засмѣялась. Сталъ ее Петръ Петровичъ ласкать. — Ты, говорить, больна, мой дружокъ, а больные на все по-своему смотреть. Вотъ онъ тебя вылечить.

— Трудно, папа, говорить она: — охъ какъ трудно! Вотъ гдѣ болитъ! — и указала на сердце. Переглянулись Петръ Петровичъ съ молодымъ баринномъ, и замолчали оба.

Зажили наши молодые своимъ домкомъ, да зажили-то неладно. Душа вымучилась, гляючи. Я въ приданое пошла за Настасьей Петровной и осталась при ней. Наглядѣлась я дивъ дивныхъ въ волюшку. Она то сама по гостямъ, то къ себѣ назоветъ, а на мужа и не глядитъ, словно онъ чужой ей. Спросить онъ о чемъ ее, — такъ отвѣтить, что и холопу своему несдѣлъ такъ отвѣчать. Куралесила она эдакимъ манеромъ мѣсяца съ три, о Кавказѣ и напоминать не велѣла, какъ вдругъ сама пристала: хочу да хочу ѣхать. Баринъ обрадовался; собрались наскоро и тронулись. Думаю себѣ: авось на дорогѣ поразмыслить она отъ скуки, что неладно съ мужемъ поступаетъ. Тотъ души въ ней не чаешь; кажись, прикажи — умерь бы за нее, а отъ нея кромѣ лаянья да брани и слова другого не слышитъ. Такъ куда тебѣ! во всю дорогу, (а дорога-то дальная) и десяти словъ съ нимъ не сказала, а если и спросить что, такъ глаза въ другую

сторону повернуть, какъ-будто на что смотреть.. Приѣхали это въ какое-то укрѣпленіе. Еще пуще хандрить начала; скучно вишь ей! А тутъ какъ на грѣхъ повѣдала она, что въ другомъ укрѣпленіи верстъ за двѣсти, подружка ея старая замужемъ живетъ, и та узнавши, писала къ ней и къ себѣ въ гости просила. Пристала это она къ Николай Александрычу: поѣдемъ да поѣдемъ! А онъ о ту пору расхворался. Уговаривалъ онъ ее, что время теперь нехорошее, черкесы шалять; да вѣдь развѣ урезонишь такую блажную? Навяла проводниковъ, да одна и удрала, безъ его вѣдома. И покаралъ же ее Господь! Чѣмъ грозилъ баринъ, то и сбылось. Услѣдвали ее нехристи, да съ собой въ горы и утащили. Много переполоху это дѣло въ укрѣпленіи и на всей линіи надѣлало; а ужъ что съ бариномъ стало, и говорить не стану. Слово такихъ не найдешь. Больной, самъ поскакалъ въ погоню, охотниковъ нанялъ, да куда-тебѣ! и слѣдъ простылъ; такъ ни съ чѣмъ и вернулся. Быстрые кони у этихъ азіатовъ. Сталъ по начальству хлопотать. Переметчикамъ такъ и сорить деньгами, чтобъ вывѣдали гдѣ она. И цѣлыето дни на ногахъ да въ развѣздахъ. Перемѣнился такъ, что и узнать нельзя; куда вся красота дѣлась. Точно живой мертвецъ ходитъ. Только живости своей не потерялъ; еще больше какъ-будто прибыло ея у него. Мѣсяца эдакъ четыре прошло, какъ ихній лазутчикъ повѣстилъ, что видѣлъ онъ ее въ ихъ аулѣ. И прозвище-то я аула этого помнила, да запоминать... мудреное такое, не по нашему прозывалось. Еще пуще онъ захопоталя; деньгами такъ и сыплеть. Черезъ азіатовъ дѣло повелъ, и начальство участіе приняло. Согласились они отпустить ее; но выкупъ большой запросили. Известно: азіаты Христа-то не знаютъ. Баринъ съ перваго слова согласился; онъ хоть и себя-то заложить готовъ... да начальство стало торговаться и выторговало что-то; а все же сказывали, много приходилось. Собрался баринъ наскоро, въ свой городъ махнулъ и меня взялъ. Приѣхалъ, заложилъ имѣніе, да самому-то ѣхать не въ мочь, разболѣлся очень: такъ его свернуло, что въ постель слегъ. Боялась я, что и не встанетъ... Черезъ повѣреннаго дѣло повелъ; и тянулось-то оно почитай болѣе года. Чтô перестрадалъ баринъ за это время, и сказать не умѣю. Тутъ къ одному горю другое: стараго барина Господь прибралъ... Охъ-хо-хо!.. Повѣстили наконецъ письмомъ, что ѣдетъ Настасья Петровна. Только-что

оправился баринъ, а тоже навстрѣчу собрался; насилу отговорили, остался. Да чего! лучше бы ему уѣхать: извелся онъ за это время, поджидаячи ее. Цѣлые дни на крыльцѣ — на дорожку смотреть, что собака сторожевая. Ночью — глаз не сомкнетъ; развѣ посидитъ въ креслахъ да подремлетъ, а стукнитъ чѣмъ, какъ встрепавый вскочитъ и спрашиваетъ, не ѣдетъ ли. Ну и дождался наконецъ; пріѣхала. Онъ первый и завидѣлъ брику, да духу вѣрно не хватило встрѣтить ее, ушолъ въ домъ и сталъ ходить по залѣ, а самъ какъ въ лихорадкѣ. Вошла она, и мальчугана какого-то черномазаго держитъ на рукахъ. Ну, думаю, вѣрно у азіатовъ для забавы выпросила. Подошолъ онъ къ ней робко и руку протянулъ. Подала она ему да и говоритъ: «Посмотри какой хорошенькой!» и показываетъ черномазаго. — Кто это? спрашиваетъ Николай Александрычъ; и голосъ у него порвался. — «Это мой сынъ», отвѣчаетъ... и усмѣшечку сдѣлала! Такъ она мнѣ этимъ противна стала, золотой мой, что такъ бы я и плюнула въ безстыжіе ея глаза. Баринъ изъ лица измѣнился, кровь въ голову бросилась, да вскорѣ оправился, наклонился и поцѣловалъ маленькаго, а послѣ протянулъ ей руку да и говоритъ: «будемъ друзьями!» Она в вниманія не обратила. «Я устала, говоритъ: проводи меня, Арина», и пошла въ свою комнату. Посмотрѣлъ онъ ей вслѣдъ, стиснулъ зубы, прошепталъ «у, змѣя!» и вышелъ. Пошло у насъ опять постарому. Барыня только не вочуетъ въ гостяхъ, а Николай Александрычъ какъ тѣнь бродитъ. Прежде хоть и тяжело бывало ему, да въ ину пору какъ-будто упованіе онъ на Господа полагалъ, что образумится она и другой станетъ, а тепереча в рукой махнулъ. Видимо хотѣлось ему и совсѣмъ-то позабыть о ней; да видно умомъ сердца не возьмешь. Незабывчива она сердцу-то. Сталъ онъ по клубамъ ѣздить, въ карты играть — да нѣтъ! скоро бросилъ. За книги застѣлъ — тоже не сколь долго завяты были. Со стороны видно, что велика печаль на душѣ его, и нѣту такого средствія, чтобъ и забыть. А тутъ опять этого Моравина нелегкая принесла. Обезумѣла наша Настасья Петровна отъ радости, первая къ нему поѣхала; ну извѣстно, и пошли шашни. До сего времени хоть эдакого дѣла за ней не водилось. А барину какъ-будто в сторона все это. Да и стало съ нимъ очень недоброе твориться. Захирѣлъ совсѣмъ и какъ полуумный ходить. Въ ину пору и взглянуть-то на него страшно. Глаза дикіе да страшные. Начнетъ что гово-

рять, остановится на полусловѣ и замолчить, какъ-будто и все сказалъ. Иной разъ кликнетъ тебя, стоишь передъ нимъ и ждешь приказа; а онъ потретъ эдакъ рукою лобъ и махнетъ рукою. «Нѣтъ, говоритъ, забылъ!» Стала я бояться за него, золотой мой, какъ бы чего съ отчаянія не совершилъ надъ собой. Особенно напугалъ онъ меня одинъ денекъ. Ну и денекъ же это выдался! Съ раннего утра ушолъ онъ изъ дому и вернулъ уже къ обѣду. Самъ на себя непохожъ, точно жилецъ съ того свѣта. Подъ мышкой ящикъ какой-то привнесъ. Спросилъ о барынѣ: дома ли? А чего, она съ одиннадцатаго часу къ милому дружкѣ залукнулась. Прошолъ онъ въ кабинетъ, открылъ ящикъ и вынулъ оттоль пистоль. Сталъ онъ ее прилаживать, а руки такъ у него и ходять. Жутко мнѣ стало, смотрѣвши на это. Приладилъ, сталъ ходить по комнатѣ. Ужь ходилъ же онъ, ходилъ, почитай часа три ходилъ. И устали-то его ноженькамъ нѣтъ, развѣ прислонится эдакъ спинкой къ стѣнкѣ на минуточку, да и опять заходитъ. Потомъ сѣлъ за столъ, бумагу какую-то вынулъ и сталъ писать. А я все подглядываю за нимъ, боязно мнѣ. Часъ эдакъ двѣнадцатый насталъ, какъ оставилъ онъ писаніе и кажись задремалъ. Стала я барыню изъ гостей поджидать. Часъ пробилъ на полиціи, какъ позвонилъ кто-то. Отперла я дверь, да и остановилась какъ вкопаная. Стоитъ моя барыня передо мною растрепаная, платье порвано и въ грязи... лица на ней нѣтъ, только глаза какъ уголья горять. Я даже перекрестилась, на нее взглянувши. И говорить она, а слезы такъ ея и душать: «Что, хороша я?.. Выгналъ меня... какъ тварь...» И зарыдала, да вдругъ и притихла; стиснула зубы и тучка по лицу пробѣжала. «А что, спрашиваетъ, мой?» — Въ кабинетъ у себя, отвѣчаю. Нехорошо что-то имъ. Цѣлый день маковой росинки во рту не было, и очень ужъ кручинны. — Улыбнулась она такъ скверно. «Постой я ему покажусь; какая я теперь интересная!» Схватила я ее за руку. «Бога, говорю, побойтесь... И такъ вы его вѣкъ заѣли.» Ейбогу, такъ и сказала, золотой мой. Сердце не стерпѣло. Остановилась она. Оглядѣла меня такимъ взглядомъ съ ногъ до головы, что страшно мнѣ стало, и вошла въ кабинетъ. Иду я за ней, а сама молитву про себя творю. Лежитъ онъ въ креслахъ и спить... Лицо страшное такое, и все судорги его дергаютъ. Взглянула она на него и вздрогнула; увидѣла бумагу на столѣ взяла и читать стала. Вдругъ какъ оцѣнешетъ; лицо какъ у

мертвой стало, а грудь высоко-высоко стала подниматься, и дыханіе прерывистое... да какъ зарыдаеть и упала къ его ногамъ. Соскочилъ баринъ, смотритъ на нее глаза вытаращивши. А она еще пуще рыдаетъ; такъ рыдала, что окна кажись въ домѣ дрожали. Только и разберешь: «прости меня». Краска у барина на лицѣ заиграла, когда онъ услышалъ эти слова; схватилъ ее за руки какъ ребенка, и отнесъ на постель, въ спальню. Стала она метаться, какъ въ горячкѣ; такъ всю ночь прометалась, а къ утру безъ памяти сдѣлалась. Три дня въ эдакомъ положеніи была. Какъ опомнилась, открыла глаза и стала кого-то искать. Увидѣла барина, у постели онъ сидѣлъ, схватила его руку, стала ее цѣловать, а сама такъ и заливается слезами и слова сказать не можетъ. Къ вечеру съ постельки встала, только слабенькая такая, точно былинку ее изъ стороны въ сторону качаетъ. Все время глазъ съ мужа не спускаетъ, да такъ смотритъ на него любовно и радостно, что со стороны весело на сердцѣ становилось. Барина и не узнаешь. Точно другой человѣкъ на свѣтъ родился: такъ счастьемъ и дышетъ. На ночь долго она молилась, а утромъ встала. Лицо такое серьезное, задумчивое да строгое, только на губахъ такая добрая, ангельская улыбочка. Вышла къ барину и попросила коляску заложить къ матери-вгуменьѣ, преподобной Прасковѣ съѣздить. Настоятельница она дѣвичьяго монастыря была, что за три версты за городскимъ кладбищемъ. Сталъ онъ ее отговаривать, что слабенькая еще она; да нѣтъ упросила. Самъ онъ хотѣлъ съ ней ѣхать, да сказала она, что хочетъ одна побесѣдовать съ матерью Прасковѣй. Поѣхала, а часа черезъ три кучеръ одинъ вернулся — и письмо отъ барыни къ барину привезъ. Пишетъ она ему, что осталась въ монастырѣ и ищетъ на себя на годъ наложила; что чувствуетъ она великой своей грѣхъ передъ Богомъ и мужемъ своимъ. И считаетъ себя недостойною не только жить съ нимъ, но и смотрѣть на ликъ его ангельской. Что хочетъ она много молиться, а когда Богъ проститъ, то придегъ къ нему. Не умѣю я, золотой мой, рассказывать, а такъ это скорбно да жалостно написано, что плакала я, какъ малый ребенокъ, слушавши это письмо. Баринъ тоже прослезился, потомъ перекрестился, да и говорить: «Госноди, прости меня, не зналъ я тебя; но нѣтъ конца твоимъ милостямъ.» Поѣхалъ онъ къ матери-вгуменьѣ просить, чтобъ уговорила она Настасью Петровну въ домъ

вернуться. Строгий выговоръ она ему сдѣлала, что не дѣло онъ просить, что коли грѣшная душа жаждетъ покаянія, великъ грѣхъ смущать ее. Безъ малаго годъ пробыла она въ монастырѣ. Навѣщала я ее часто, — и принимала она меня какъ ровню свою. Только и рѣчей у ней, что о своей жизни прошлой, грѣховной. Ужь плачется-плачется бывало, инда сердце замираетъ, слушавши. Расказала однажды она мнѣ, что прочла она въ этомъ письмѣ завѣщаніе Николай Александрыча. Писалъ онъ въ немъ, что руку на себя накладываетъ, но чтобъ никого въ томъ не винили, что за нимъ есть своя вина, а что все имѣніе завѣщаетъ любимой женѣ своей Настасьѣ Петровнѣ... Горько она плакала, рассказывая это. А ходила она, золотой мой, въ рубищѣ, самыя черныя работы справляла. Мнѣ, говорить, легче теперь; можетъ Господь умилоствится надъ грѣшной работой и войду я въ домъ мужа женою его по духу и плоти. Ну и баринъ тоже, очень сталъ усердствовать къ молитвѣ, а допрежь этого я никогда не видѣла, чтобъ онъ въ храмъ божій заглянулъ, а тутъ сталъ преусердно на колѣняхъ молиться. Къ концу искуса стала она совсѣмъ поспокойнѣе. Мать-игуменья много ее духомъ подняла. О самую пасху святую, послѣ причастія св. таинъ, разрѣшила ей къ дому возвратиться. Говѣла она на страстной, дни и ночи безъ сна и пищи на колѣняхъ проводила. Господи, что народу-то къ пасхальной обѣднѣ въ монастырь понаѣхало! Вся знать изъ городу подъявилась. Знали всѣ ее, ну и каждому хотѣлось видѣть, почитай годъ глазъ никому не показывала. Стояла она всю обѣдню на колѣняхъ, въ боковомъ притворѣ. Платье на ней бѣлое, сама худенькая да блѣдненькая, хотъ картину рисуй съ нея. А баринъ стоитъ веселый да радостный, какъ женихъ. Вынесли святыя дары. Подошла она, а слезы такъ и бѣгутъ у ней по щекамъ, да тихо таково; а лицо свѣтлое, торжественное такое. Видимо, что тишина и благодать божія на душѣ ея. Какъ приобщилась святыхъ таинъ, подошла къ Николай Александрычу, и руки къ нему протянула, а сама точно свѣтомъ какимъ необычайнымъ окружена. Господи, думаю, это ли прежняя Настасья Петровна? Все лицо-то у ней, до единой складочки преобразилось. Поцѣловалъ онъ ее, такъ она и зардѣлась, какъ невѣста, тихо заплакала и руку его поцѣловала. Стали всѣ поздравлять ихъ. Изъ церкви прямо домой поѣхала.

.....

Ужь какъ зажили-то, золотой мой, и человѣка такого ненайдешь, чтобъ рассказать-то умѣлъ. Слава-богу, пожила я на своемъ вѣку по разнымъ господамъ. Всякаго вдоволь насмотрѣлась, а ужь такой любви да совѣта промежду супругами и не видывала. Точно благодать господня денно и ночью надъ ними сіяла. Ну и усердна же она стала къ Богу и молитвѣ. Да какъ и не усердовать?.. Не взыщи онъ своею милостью, такъ бы на весь вѣкъ и осталась несчастненькою. Такъ-то, золотой мой: «Вражье лѣпко, да божье крѣпко!»

С. ФЕДОРОВЪ

ТАИНСТВЕННОЕ УБИЙСТВО

(ИЗЪ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ ФРАНЦІИ. 1840 ГОДА)

1 сентября 1840 г., около половины девятого вечеромъ, служители и работники на мызѣ принадлежащей къ помѣстью Шанблѣ, лежащему вблизи города Пюи, собрались въ обширной кухнѣ замка, самъ помѣщикъ по патріархальному обычаю тѣхъ странъ, Луи Марселянжъ сидѣлъ вмѣстѣ съ ними; онъ придвинулся къ камину, на которомъ медленно догоралъ огромный пень.

Г. Марселянжъ разговаривалъ обернувшись спиною къ окну, выходявшему на задній дворъ, какъ вдругъ яркій свѣтъ озарилъ стекла; раздася выстрѣлъ и стекла полетѣли въ дребезги. Г. Марселянжъ зашатался и упалъ мертвый на-поль.

Всѣ перепугались, и въ первую минуту присутствующіе не поняли въ чемъ дѣло. Двое или трое изъ нихъ бросились къ дверямъ и осмотрѣли дворъ; но уже было поздно: убійца успѣлъ скрыться.

Ночь была темная; сильный вѣтеръ завывалъ между деревьями. Всеобщій страхъ овладѣлъ бѣдными людьми. Всѣ окружили трупъ барина, котораго виски и ротъ обливала уксусомъ кухарка, дрожащая всѣмъ тѣломъ. Нѣкоторые плакали: г. Марселянжъ былъ баринъ добрый, простой, готовый всегда помочь нуждающемуся. «Странно! сказалъ одинъ изъ мужчинъ, смотря на борзую собаку покойнаго, лизавшую холодную руку барина: — собаки лежали здѣсь подъ столомъ, когда раздася выстрѣлъ, и не пошевельнулись. А между тѣмъ чутье у нихъ отличное.

— Страннѣе еще, замѣтилъ другой, — что сторожевая собака молчала. Вѣроятно убійца изъ ея знакомыхъ.

— Нужно послать въ Пюи за докторомъ, сказалъ третій.

— Докторъ! зачѣмъ тутъ докторъ? Лучше увѣдомить нашихъ барынь.

Всѣ переглянулись, но никто не успѣшилъ исполнить порученія. Довольствовались только тѣмъ, что дали знать о случившемся меру лярдейрольской общины, въ вѣдомствѣ котораго состоялъ замокъ Шанбла.

Луи-Вильгарденъ Марселянжъ принадлежалъ къ почтенному и многочисленному семейству въ Мулинѣ. 1 іюля 1835 г. онъ женился на дѣвицѣ Теодорѣ Рошъ-Негли де Шанбла (Roche-Négly), происходившей отъ одной изъ самыхъ древнихъ и самыхъ богатыхъ фамилій въ Веле (Velay). Дѣвица Теодора была уже немолода; природа не одарила ея ничѣмъ привлекательнымъ, но она считалась хорошей партіей. Старикъ Шанбла жилъ еще; дружба этого почтеннаго человѣка имѣла самое благотворное вліяніе на первыя отношенія супруговъ, потомучто съ ихъ стороны бракъ былъ кажется только дѣломъ расчета. Теодора Шанбла и женихъ ея разбирали очень хладнокровно каждый пунктъ свадебнаго контракта и послѣ бракосочетанія принялись, такъ же хладнокровно, за составленіе своего бюджета. Г. Марселянжъ былъ молодъ, трудолюбивъ и подавалъ прекрасныя надежды; но онъ принесъ женѣ только недвижимость въ 120,000 франковъ и 15,000 долгу, сдѣланнаго по случаю вступленія въ бракъ. Состояніе дѣвицы Шанбла, единственной дочери, должно было быть современемъ весьма значительно, но въ настоящую минуту она не могла имъ еще располагать. Съ общаго согласія супруги рѣшились просить г. Шанбла, чтобы онъ отдалъ имъ въ аренду, за весьма умѣренную плату, помѣстье Шанбла.

Старикъ согласился на просьбу дѣтей, которыя такимъ образомъ поселились въ Шанбла. Вскорѣ г. Шанбла умеръ и г. Марселянжъ оутился въ весьма затруднительномъ положеніи. Госпожа Рошъ-Негли записала дочери все свое имѣніе, оставивъ однако за собой пожизненное пользованіе его доходомъ. Смерть мужа давала ей большое право на наслѣдство, около 40,000 франковъ, и ежегодную пенсію въ 2400 франковъ, такъ что г. Марселянжъ нашолся бы можетъ быть въ необходимости отказаться отъ помѣстья, стоящаго около 150,000 франковъ. Онъ испугался подобныхъ денежныхъ обязательствъ и счелъ болѣе выгоднымъ переселить къ себѣ тещу. Госпожа Рошъ-Негли жила тогда въ Лионѣ, среди роскоши и удовольствій; расточительная въ высшей степени, она была пропитана аристократической гордостью, о которой можетъ имѣть понятіе только тотъ, кто встрѣчалъ въ провинціи подобные типы.

Къ несчастью госпожа Рошъ-Негли согласилась жить съ дочерью и зятемъ.

Вліяніе матери на дочь сдѣлалось вскорѣ замѣтнымъ. Приученной къ блеску аристократической жизни, увеселеніямъ, ничтоже-

ству свѣтскихъ людей, графинѣ стало неловко среди этой патриархальной, сельской жизни. Она могла любоваться вдали пастухомъ или скотницей, но жить бокъ-о-бокъ съ подобными людьми, говорить ихъ языкомъ, интересоваться ихъ мыслями, дѣлами, было по ея мнѣнію въ высшей степени неприличнымъ. Въ первый разъ, когда г. Марселянжъ заговорилъ въ ея присутствіи о цѣнѣ овецъ, она вытаращила глаза и прикусила губы.

Тутъ-то она и вспомнила, что Марселянжа звали Вильгарденъ, просто Вильгарденъ, что до брака онъ служилъ гдѣ-то чиновникомъ, слѣдовательно былъ чѣмъ-то въ родѣ приказчика. Къ несчастію госпожа Марселянжъ слишкомъ охотно слушала эти презрительныя слова.

Между тѣмъ родился ребенокъ и вскорѣ Теодора сдѣлалась снова беременной. Несмотря на то пришлось оставить Шанбла, гдѣ всеѣмъ приходилось знаться только съ подозрительными людьми. Графиня Рошъ-Негли рѣшила поселиться въ Сюи: тамъ по крайней мѣрѣ можно было принимать гостей и запахъ кухни не доходилъ до гостиной. Въ распоряженіи г. Марселянжа оставили одну закопченную комнату и то, какъ говорили, слишкомъ хорошую для него. Барыни вели жизнь самую роскошную и вспоминали съ презрѣніемъ о скупой расчетливости, заведенной въ Шанбла; графиня начала производить причитающійся въ ея пользу вычетъ изъ наслѣдства и дочь вполнѣ съ ней согласилась. Дошло до того, что отказались кормить людей зятя, что госпожа Шанбла подала просьбу о разводѣ и Марселянжа перестала принимать въ домѣ жевы его.

Въ разводѣ было отказано. Всевозможныя старанія къ примиренію супруговъ, даже вмѣшательство архіепископа ліонскаго, не привели ни къ чему. Разорвалась и послѣдняя связь: втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ умерли оба сына Марселянжа. Его не удостоили даже увѣдомленіемъ о смерти послѣдняго ребенка и онъ узналъ объ этомъ новомъ несчастіи черезъ постороннее лицо.

Отказъ въ разводной былъ данъ въ іюнѣ 1839 г.; четырнадцать мѣсяцевъ спустя происходила сцена, описанная нами въ началѣ нашего разсказа.

На слѣдующій день, 2 сентября, меръ Сенъ-Этьенъ Лардероля послалъ къ тецѣ и вдовѣ нѣкоего Лудовика Ашара (Achar), съ извѣщеніемъ о приключившемся несчастіи. Человѣкъ этотъ былъ пораженъ хладнокровіемъ, съ которымъ онѣ приняли извѣстіе.

Нѣсколько часовъ спустя, королевскій прокуроръ и слѣдственный судья прибыли въ Шанбла и произвели предварительное изслѣдованіе; тѣло убитаго лежало еще въ кухнѣ на столѣ. Приглашенный врачъ нашолъ въ немъ пулю и двѣ крупныя дроби. Одно ре-

бро было сломано, одно изъ легкихъ разлавлено; смерть должна была быть мгновенная. На спинкѣ стула, на которомъ сидѣлъ Луи Марселянжъ, найденъ слѣдъ дроби; въ верхнемъ стеклѣ окна оказалось совершенно круглое отверстіе: тамъ прошла пуля.

Во время этихъ изслѣдованій вошелъ человекъ, съ чернымъ крепомъ на шляпѣ, одѣтый какъ обыкновенно отъѣваются въ той странѣ люди средняго сословія. Глаза его упали на трупъ и блеснули выраженіемъ дикой ненависти. Это было мгновеніе, но здѣсь присутствовали три человекъ, наблюдатели по своему званію, вахмистръ и два жандарма. Люди эти переглянулись; одна и таже мысль проникла въ ихъ голову: *этотъ человекъ долженъ быть убійцей!*

Человекъ подвинулся впередъ и предупредилъ чиновниковъ, что для нихъ и нѣкоторыхъ родныхъ Марселянжа приготовлена въ одной изъ залъ замка закуска. Тотъ же человекъ служилъ за столомъ.

Въ числѣ гостей находился нотаріусъ Мепленъ (Méplain), родственникъ убитаго; при видѣ человекъ, который подошелъ къ нему переимѣнить тарелку, Мепленъ не могъ скрыть своего отвращенія. Слѣдственный судья обратилъ также вниманіе на этого лакея съ зловѣщей наружностью; ему сказали, что это нѣкто Яковъ Бессонъ (Besson), бывшій пастухъ, потомъ лакей въ Шанбла, въ настоящее время довѣренное лицо шанбласкихъ дамъ, котораго Марселянжъ долженъ былъ выгнать изъ дому за грубости. Слѣдственный судья сказалъ на ухо жандармскому вахмистру:

— У этого человекъ крепъ на шляпѣ, а я готовъ бѣться объ закладъ, что онъ доволенъ тѣмъ, что случилось.

Вахмистръ взглянулъ на Бессона съ большимъ вниманіемъ и отвѣтилъ:

— Мнѣ можетъ-быть придется арестовать этого молодца.

Онъ замѣтилъ, что губы Якова Бессона были вздутыя и лицо покрыто слѣдами свѣжей оспы. Бессонъ ходилъ тихо и ноги его были обуты въ туфли; цвѣтъ кожи смуглый, волосы густые, очень черные, глаза сѣрые.

Когда правосудіе окончило свою первую обязанность, послѣдовали похороны Марселянжа. Родные, прислуга, сосѣди, всѣ пошли за гробомъ, сожалея о столь добромъ баринѣ. Въ замкѣ остался одинъ только человекъ, принявшій за пищу съ задумчивымъ видомъ: этотъ человекъ былъ наперсникъ дамъ Шанбла, Яковъ Бессонъ.

Когда возникъ вопросъ о назначеніи присмотрщика за печатями, кто-то предложилъ Бессона. Нотаріусъ Мепленъ воскликнулъ: «Личный врагъ умершаго! да это неприлично!» Когда начали настаивать

вать, говоря, что Бессонъ — представитель вдовы умершаго, братъ его, Тюрши де Марселянжъ, окончательно воспротивился подобному выбору.

Между тѣмъ правосудіе искало виновнаго и не находило его. Обратились къ общественному мнѣнію: оно отвѣтило, что у г. Марселянжа не было враговъ, что смерть его возбудила всеобщее сожалѣніе. Одинъ только человекъ, нѣкто Дево (Devaux), бывшій фермеръ, внослѣдствіи повѣренный дамъ Шанбла, не раздѣлялъ этихъ чувствъ. За нимъ числилась значительная недоимка, и преслѣдуемый Марселянжемъ, какъ онъ говорилъ, со всевозможною строгостью, онъ открыто его ненавидѣлъ. Когда до него дошло извѣстіе о смерти, онъ воскликнулъ: «Слишкомъ поздно!» Наглыя слова эти обратили сперва на себя вниманіе правосудія, но безспорно доказанное alibi ⁽¹⁾ разсѣяло всякія подозрѣнія.

Приходилось слѣдовательно искать преступника въ другомъ мѣстѣ.

Арестовали нѣсколькихъ нищихъ, въ томъ числѣ нѣкоего Михала Бессона, по прозванію Маньянъ (Magnan), полу-слѣпнаго, который еще 1 сентября просилъ у Марселянжа милостыню. Крестьянинъ Клавдій Рено (Renaud) указалъ на него какъ на человека, который могъ сдѣлать выстрѣлъ. Кромѣ того арестованы: еще одинъ Бессонъ, по прозванію Села (Cédat), Петръ Виллельё (Villedieu), Боассонне (Boissonnet), Иванъ Моренъ (Maurin), по прозванію Будуль (Boudoul). Выслушано болѣе пятисотъ свидѣтелей, но мракъ стущался вокругъ совершеннаго преступленія. Крестьяне, люди бѣдные, но осторожные, говорили поминутно запинаясь. Казалось таинственная сила заставляла ихъ молчать; въ ней легко было замѣтить скорее какой-то всеобщій страхъ, чѣмъ подкупъ.

Одни только родные умершаго, Тюрши де Марселянжъ и госпожа де Тарадъ, братъ и сестра, требовали настойчиво справедливой мести. Съ этой стороны подозрѣнія вскорѣ обозначились.

При первомъ слухѣ о смертоубійствѣ, аліерскій (Allier) префектъ баронъ Мешенъ (Méchin), вспомнилъ, что за нѣсколько времени до смерти Марселянжа, госпожа Тарадъ говорила ему объ опасеніяхъ своихъ, по случаю непонятнаго отсутствія брата, Луп де Марселянжа, обѣщавшаго быть въ Муленъ; она просила сдѣлать официальное розысканіе, опасаясь убійства во время путешествія. На вопросъ префекта, что могло возбудить въ ней подобныя мысли, она отвѣтила, что братъ ея въ ссорѣ съ женой и тещей, и опа-

(1) Юридическій терминъ, означаетъ пребываніе заподозрѣваемаго въ другомъ мѣстѣ.

сается съ нѣкотораго времени заговора противъ его жизни. «Если я буду убитъ, говаривалъ онъ, — отомстите за меня.»

По собраннѣмъ справкамъ оказалось, что въ послѣднѣй годъ жизни Марсеянжъ имѣлъ постоянно подобныя опасенія. Еще до разрыва съ женой ему показалось однажды, что его отравили яичницей, приготовленной горничною госпожи Марсеянжъ, Иоанной-Маріей Будонъ (Boudon). Даже смерть дѣтей родила въ душѣ его страшныя подозрѣнія.

Человѣкъ, котораго Марсеянжъ опасался болѣе всего, на котораго онъ указывалъ какъ на будущаго своего убійцу, былъ Яковъ Бессонъ. Находясь втеченіи шестнадцати лѣтъ въ услуженіи въ семействѣ Шанбла, Бессонъ пріобрѣлъ такое вліяніе надъ своими господами, что изъ пастуха, простого лакея, достигъ званія дворецкаго и сдѣлался довѣреннымъ человѣкомъ. Но Бессонъ напрасно старался подчинить Марсеянжа своему вліянію; новый хозяинъ съ перваго шагу сумѣлъ остановить зазнавашагося лакея и возбудилъ въ немъ такую злобу, что тотъ разражался бранью, произносилъ грубыя или ципическія слова, — злобу, усилившуюся еще подъ вліяніемъ семейныхъ несогласій и ненавистей. Въ этомъ-то человѣкѣ Марсеянжъ видѣлъ опаснаго врага; чтобы защищаться отъ его нападений, онъ не выходилъ иначе какъ съ двумя пистолетами. Когда Бессона выгнали изъ Шанбла, жена и теща приняли его къ себѣ. Дошло до того, что Марсеянжъ изъ опасенія мести Якова, рѣшился отдать въ аренду земли Шанбла и воротиться на родину, къ старику отцу. Уже сдѣланы были приготовленія для пріема его въ помѣстьѣ Брандонъ, близъ Мулина; онъ долженъ былъ ѣхать 2 сентября и вмѣсто того палъ подъ пулей убійцы, на тридцать четвертомъ году отъ рожденія.

Все это заставляло предполагать многое; но съ другой стороны убѣдились, что Бессонъ, едва за нѣсколько дней до убійства, началъ поправляться отъ сильной оспы. Многіе свидѣтели показали, что 1 сентября Бессонъ могъ едва ходить, тогда какъ отъ Сюи до Шанбла по крайней мѣрѣ два съ половиною часа ходьбы.

Вотъ положеніе, въ которомъ находились изслѣдованія правосудія, когда вдругъ начало попемногу разъясняться вліяніе, заставлявшее свидѣтелей молчать. «Мы не можемъ говорить, пока не будутъ арестованы Яковъ Бессонъ и Марія Будонъ, а то насъ ожидаетъ такая же участь какъ и г. Марсеянжа.» Фраза эта была сказана одному изъ священниковъ въ Сюи.

Въ то же время терпѣніе жандармовъ навело ихъ на другіе слѣды. Молодой пастухъ въ Шанбла, Андрей Арзакъ (Arzac), еще при жизни Марсеянжа производилъ въ замкѣ странныя рѣчи. «Я знаю

страшную вещь», сказалъ онъ однажды въ кухнѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ. — «Что тебѣ знать! Принудятъ тебя, такъ скажешь.» — Нѣтъ, хоть руби мнѣ голову!» — Пустое! что можетъ знать такой дуракъ какъ ты? Ты ничего не знаешь. — «Кабы я сказалъ, вы бы иначе зашѣли.»

Допросили Арзака, котораго слова совпадали такъ странно съ опасеніями Марселянжа. Арзакъ отвѣтилъ, что онъ ничего не знаетъ; но лишь только терялъ изъ виду жандармовъ, онъ ходилъ изъ кабака въ кабакъ, повторяя: «Я ничего не скажу.»

Наконецъ одинъ крестьянинъ Клавдій Рено развязалъ языкъ. Онъ сказалъ, что въ день совершенія преступленія, при закатѣ солнца, человѣкъ одѣтый въ бѣлую блузу, съ ружьемъ на плечѣ, прошолъ съ большими предосторожностями черезъ огородъ; Рено спрятался за кустъ и узналъ Якова Бессона. Другіе два свидѣтеля видѣли, какъ Яковъ Бессонъ проходилъ черезъ поля, по направленію къ замку; за двадцать минутъ до выстрѣла замѣтили какъ онъ входилъ въ лѣсъ, окружающій Шанбла.

И ничто не предвѣщало приближенія убійцы; собаки, обыкновенно столь бдительныя, не лаяли. Слѣдовательно убійца былъ домашнимъ человѣкомъ! Онъ зналъ привычки дома, время ужина, мѣсто, гдѣ Марселянжъ садился обыкновенно у камина!

19 ноября арестовали Якова Бессона. Показанія посыпались градомъ. Одинъ свидѣтель слышалъ какъ Яковъ сказалъ одному изъ своихъ братьевъ: «Кто-нибудь долженъ погибнуть, онъ или я»; другому онъ сказалъ: «Все кончится черезъ двѣ или три недѣли.»

Пастухъ Арзакъ продолжалъ запираяться; но непроницаемый въ присутствіи полиціи, онъ сказалъ одному изъ сосѣдей, что боится сказать правду, опасаясь Якова Бессона и его братьевъ. Эти братья, восемь сильныхъ молодцовъ, составляли родъ клана, котораго всѣ боялись. Однако тетка и крестная мать Арзака, Маргарита Моренъ, жена Сулье заставила его, своими признаніями, поднять немного занавѣсу этой тайны. Она рассказала, что однажды, еще при жизни Марселянжа, Арзакъ ей передалъ, что Яковъ Бессонъ обѣщалъ ему полный передникъ денегъ, если онъ отравитъ супъ, приготовленный для Марселянжа. Нѣсколько времени спустя, она нашла между вещами пастуха фаянсовую чашку старинной формы, съ бѣлымъ порошкомъ. Когда она хотѣла попробовать, Арзакъ воскликнулъ: «Не подносите этого ко рту, это ядъ, который мнѣ далъ Бессонъ.» После того она снова видѣла ту же чашку, но уже пустую. По совершеніи убійства Маргарита Моренъ нашла въ карманѣ у Арзака пули и старыя пуговицы. «Такими пулями, сказалъ ея племянникъ, — убить г. Марселянжъ.» Наконецъ, и что важнѣе всего, тетка Ар-

зака получила отъ своего племянника 2 сентября желѣзную цѣпь, которую онъ будтобы нашолъ. На этой цѣпи держали собаку въ Шанбла, и такимъ образомъ объясняется ея молчаніе. Собака пропала съ цѣпью вечеромъ въ день смертоубійства; воротилась на слѣдующій день безъ цѣпи. Нѣсколько времени спустя неизвѣстный человѣкъ убилъ бѣдную собаку выстрѣломъ изъ ружья.

Многіе свидѣтели, въ особенности нѣкто Гостейнъ, утверждали, что пастухъ говорилъ имъ о 600 франкахъ, обѣщанныхъ ему Бессономъ за отравленіе Марселянжа.

Запирательство Арзакъ не могло ослабить этихъ показаній; легко было замѣтить, что изъ жалости онъ надѣялся продать правосудію свою тайну. Многіе говорили, что родные Марселянжа вручили одному нотаріусу 10,000 франковъ и что жандармамъ поручено покупать свидѣтелей. Но какъ дамы Шанбла были извѣстны въ странѣ, какъ всѣ знали ихъ состояніе, всѣ видѣли ихъ расходы, то и повторяли, что съ ними можно было болѣе выиграть. Онѣ, какъ это впоследствии подтвердилось, заняли 30,000 франковъ, что при ихъ богатствѣ слѣдовало приписать только желанію нанести уронъ правосудію. Въ добавокъ ко всему вдова жертвы казалось покровительствовала тому, на котораго общественное мнѣніе указывало какъ на убійцу мужа. Бессонъ въ тюрьмѣ былъ окруженъ пощечинами госпожи Марселянжъ; она же послала прокурору списокъ лицамъ, готовымъ свидѣтельствовать въ пользу Бессона. Можно было подумать, что начинается открытая борьба противъ закона и что свидѣтелей будутъ покупать съ аукціона.

Андрей Арзакъ проговорился насчетъ этого; однажды онъ сказалъ вахмистру: «Я не могу *еще* ничего сказать.» Вахмистръ представилъ его тотчасъ къ королевскому прокурору. «Еслибъ мнѣ дали хорошее мѣсто, я бы рассказалъ все», прибавилъ онъ. Но когда чиновникъ принялъ пастуха строго, тотъ испугался до слезъ, повторилъ что скажетъ, если ему дадутъ мѣсто, и все-таки ничего не сказалъ.

Нѣсколько времени спустя онъ видѣлся съ дамами Шанбла, говорилъ съ ними, ѣлъ у нихъ и упорство его удвоилось.

Вотъ факты, которые пріобрѣлись слѣдствіемъ среди препятствій, безпрестанно возрастающихъ: ненависть Якова Бессона къ прежнему его барину, угрозы, намѣреніе отравленія, показанія, удостоверяющія *alibi* Бессона. На основаніи таковыхъ обвиненій, послѣ девятнадцати мѣсяцевъ слѣдствія, въ уголовномъ судѣ Верхней Лоары начался первый процессъ, съ тѣмъ только, чтобы очистить главное обвиненіе отъ жи, нагроможденной страхомъ или подкупомъ.

14 марта 1842 г. Яковъ Бессонъ предсталъ передъ судъ, состоящій подъ пресѣдательствомъ г. Смита (Smith). Должность королевскаго прокурора исполнялъ г. Марилья (Marilhat). Гг. Гильо (Guillot), и Матьё (Mathieu) были защитники. Г. Гиллэменъ (Guillemin) бывший адвокатъ при кассационномъ судѣ, представилъ записку о происшествіяхъ, которыя мы описали.

Спрошенный по нѣкоторымъ пунктамъ обвиненія, Яковъ Бессонъ опровергъ все: онъ не принималъ никакого участія въ семейныхъ несогласіяхъ; познакомился онъ съ Арзакомъ только спустя пятнадцать дней послѣ убійства.

Призвали Арзака. «Помню только одно, сказалъ онъ: — какъ раздался выстрѣлъ.»

Президентъ напоминаетъ Арзаку, какому наказанію подвергаются лжесвидѣтели. — Были ли вы въ замкѣ Шавбла со времени смерти г. Марселянжа?

Арзакъ. Одинъ разъ.

Президентъ. Кушали ли вы тамъ?

Арзакъ. Нѣтъ, ничего.

Президентъ. Горничная говоритъ, что она давала вамъ ѣсть. Берегитесь, Арзакъ! Не говорили ли вы свидѣтелю Гостейну, что вамъ предлагали 600 франковъ, если вы отравите г. Марселянжа?

Арзакъ. Если и говорилъ, то не помню.

Гостейнъ. А я такъ помню очень хорошо.

Президентъ. Арзакъ, справедливо ли показаніе? Яковъ Бессонъ предлагалъ ли вамъ 600 франковъ за отравленіе г. Марселянжа? Еслибы это было фальшиво, вы бы не колебались, вы бы не говорили «не помню»; напротивъ того, вы бы громко отрицали.

Арзакъ. Если я это и сказалъ, то самымъ невиннымъ образомъ, шутя.

Президентъ. Не говорили ли вы вашей теткѣ Маргаритѣ Моренъ, что вамъ предлагали много денегъ, если вы положите яду въ супъ г. Марселянжа?

Арзакъ. Нѣтъ.

Президентъ. Какъ вы думаете, хорошая ли женщина ваша тетка? Въ состояніи ли она обманывать правосудіе?

Арзакъ. Нѣтъ.

Маргарита Моренъ при этихъ словахъ своего племянника встаетъ живо и восклицаетъ указывая на Арзака: — Г. президентъ, прикажите его арестовать! Онъ держалъ цѣпь собакъ во время совершенія убійства.

Президентъ. И вы продолжаете утверждать то, что племянникъ вамъ говорилъ относительно отравленія г. Марселянжа?

Маргарита Моренъ. Да.

Президентъ. А вы, Арзакъ, сказали ли Петру Моренъ, вашему дядѣ: «Я знаю одну вещь, которой не скажу никому, еслибъ мнѣ даже сняли голову?»

Арзакъ. Я сказалъ это въ шутку.

Президентъ. А вы, Моринъ, приняли это тоже въ шутку?

Моринъ. Напротивъ, фраза эта была сказана совершенно серьезно.

Президентъ. Арзакъ, не сказали ли вы вахмистру Жеранту (Gérente): «Я не могу еще ничего сказать?»

Арзакъ. Нѣтъ.

Вахмистръ Жерантъ. Онъ мнѣ это говорилъ.

Президентъ. Арзакъ, не сказали ли вы вашему отцу и Якову Сулону (Soulon), что вы боитесь Якова Бессона и его братьевъ, и что все это не приведетъ ни къ чему хорошему? Не сказали ли вы Ульону (Ouillon): «Еслибы кто выстрѣлилъ въ г. Марселянжа, тотъ получилъ бы хорошую награду»? И вахмистру Полю (Paul), что вы сказали бы все, еслибъ вамъ дали хорошее мѣсто?

Арзакъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Президентъ. Вы лжете въ присутствіи правосудія. Вы опровергаете показанія многочисленныхъ свидѣтелей. Правосудіе не можетъ принять вашихъ объясненій. Еще разъ, говорите правду.

Арзакъ. Я это и дѣлаю; до сихъ поръ я ее не говорилъ, теперь показываю одну истину.

Президентъ приказалъ арестовать Арзака. Г. Гильо, принявъ во вниманіе важность обстоятельствъ, предложилъ дѣло Якова Бессона отложить до слѣдующаго засѣданія.

Судъ согласился. Что касается Арзака, то онъ подалъ апелляцію; 2 іюня кассационный судъ отвергъ его апелляцію.

Уголовный судъ Пуи-де-Дома (Puy-de-Dôme) собрался 10 августа подъ предсѣдательствомъ г. Бюжона (Bujon). Кресло прокурора занималъ г. Марилья. Г. Гильо защитникъ. При г. Тюрши де Марселянжъ находился Теодоръ Бакъ (Bac), тогда еще молодой адвокатъ изъ Лиможа (1).

Начинають съ допроса Арзака. Онъ говоритъ, что до поступленія въ услуженіе къ Марселянжу онъ не зналъ Якова Бессона; говорилъ съ нимъ въ первый разъ близь ручья Летъ, гдѣ пасъ свое стадо. Никогда не упоминалъ теткѣ Моренъ о 600 франкахъ, пред-

(1) Теперь громкое имя во французской адвокатурѣ.

ложенныхъ за отравленіе Марселянжа ; желѣзную цѣпь собаки нашолъ въ паркѣ и не зналъ кому она принадлежитъ.

Президентъ. Не говорили ли вы , что знаете весьма важную вещь , которой не скажете однако никому ?

Арзакъ. Я не помню что сказалъ , но если и сказалъ это , то шутя. Мнѣ всѣ надоѣдали , жандармы угощали меня виномъ , чтобы заставить меня говорить.

Послѣ этого допроса г. *Гильо* объявилъ , что онъ противится вмѣшательству въ дѣло семейства Марселянжа , которое не имѣетъ ни права , ни интереса быть обвинителемъ. Г. *Бакъ* въ короткой рѣчи доказалъ , что ущербъ , понесенный семействомъ убитаго , даетъ ему на то законное право , составляетъ прямой его интересъ. Онъ представилъ съ одушевленіемъ плачевныя послѣдствія лже-показаній Арзака и во все время рѣчи не спускалъ глазъ съ обвиненнаго. Тотъ началъ беспокоиться ; онъ не могъ переносить этого взгляда , хотѣлъ отъ него избавиться и вставалъ съ угрозами. Жандармы едва могли его остановить.

Президентъ. Арзакъ , для вашей собственной пользы , будьте спокойны.

Арзакъ. Господинъ президентъ , зачѣмъ онъ на меня смотритъ ?

Вмѣшательство въ процессъ семейства Марселянжа допущено и судъ приступилъ къ выслушанію свидѣтелей.

Михаилъ Сулье , дядя обвиненнаго , показалъ , что Арзакъ принесъ жевѣ его цѣпь собаки , которую Маргарита надѣла на козу ; что Арзакъ рассказывалъ , что онъ посѣщалъ госпожу Марселянжъ , которая его накормила и напоила , и наконецъ сказала : « Бѣдный Арзакъ ! неужно говорить никому что ты видѣлъ и слышалъ , а когда мы воротимся въ замокъ , я обезпечу твое существованіе. »

Матье Моренъ показалъ , что Арзакъ , будучи пастухомъ въ Шанбла , говорилъ : « Я вамъ предсказываю , что съ г. Марселянжемъ случится вещь очень нехорошая ; » о посѣщеніи госпожи Марселянжъ онъ повторилъ тоже что говорилъ Сулье.

Маргарита Моренъ , жена Сулье , показала что мы знаемъ уже о намѣреніи отравить супъ приготовленный для Марселянжа , о найденной ею чашкѣ съ ядомъ , о пуляхъ , о цѣпи дворовой собаки.

Арзакъ. Если вы хотите вѣрить моей теткѣ , она вамъ расскажетъ вещи еще интереснѣе. У меня никогда не было ни блага порошку , ни пуль. Развѣ вы не видите , что она полуумная и сама не знаетъ что говоритъ ?

Маргарита Моренъ. Я показала истину и повторяю ее. Я не получала денегъ , онъ получалъ ихъ одинъ !

Президентъ. Арзакъ, откуда вы получали 100 франковъ, которые у васъ будтобы были украдены?

Арзакъ. Эти 100 франковъ накопились изъ получаемаго мною жалованья.

Маргарита Моренъ. У него не было денегъ, а за нѣсколько дней до смерти г. Марселянжа онъ у него вдругъ появились. Онъ купилъ полотно и далъ мнѣ взаймы 10 франковъ.

Антоній Перренъ (Perrin) подтвердилъ извѣстный уже фактъ о намѣреніи отравить супъ г. Марселянжа.

Иванъ Гостейнъ (Hostein) показалъ тоже.

Иванъ Петръ Жеранжъ, вахмистръ. Въ апрѣлѣ 1841 г. Арзакъ приходилъ ко мнѣ жаловаться на покражу у него 100 франковъ. Я ему говорилъ объ убійствѣ г. Марселянжа и приглашалъ его открыть правосудію все что онъ знаетъ; Арзакъ колебался и отвѣтилъ: я не могу еще ничего сказать.

Арзакъ. Вахмистръ Жеранжъ сказалъ мнѣ: чего ты беспокоишься изъ-за 100 франковъ, когда можешь легко получить 200, если скажешь все что знаешь въ дѣлѣ Марселянжа?

Клавдій Рено. Однажды поутру, мѣсяцъ спустя послѣ смерти г. Марселянжа, при выходѣ изъ церкви, я заговорилъ съ Арзакомъ о настоящемъ процессѣ. Я сказалъ: кажется правосудіе очень интересуется ядомъ, игравшимъ роль въ настоящемъ дѣлѣ. — Вотъ какъ! возразилъ Арзакъ: правосудіе этимъ занимается?.. И онъ началъ мнѣ что-то говорить, но я не захотѣлъ его слушать и ушелъ.

Арзакъ. Я никогда не говорилъ съ Клавдіемъ Рено, я его не знаю.

Клавдій Рено. Я знакомъ съ Арзакомъ около пяти или шести лѣтъ.

Приглашонъ свидѣтель **Шабріе** (Chabrier).

Президентъ. Шабріе, Арзакъ утверждаетъ, что Яковъ Бессонъ не могъ дѣлать ему предложенія отравить Марселянжа, потому что предложеніе это было слѣлано вамъ, и что вы говорили объ этомъ Маргаритѣ Моренъ.

Шабріе. Я не знаю Якова Бессона; слѣловательно онъ не могъ мнѣ дѣлать никакого предложенія.

Президентъ замѣчаетъ, что въ деревнѣ, во время производства предварительнаго изслѣдованія, не знали куда дѣвался Шабріе, и Арзакъ, неопасаясь быть опровергнутымъ, могъ приписать ему подобныя слова.

Марьянна Тари. Мѣсяцъ или шесть недѣль спустя послѣ преступленія, Арзакъ сказалъ мнѣ; что Яковъ давалъ ему ядъ; потомъ

онъ просилъ меня не говорить объ этомъ никому, утверждая, что это была злая, завернутая въ бумагу.

Арзакъ. Это ложь.

Марьянна Тари. Все сказанное мною сущая правда. Арзакъ говорилъ со мною во время уборки картофеля.

Бакъ, обращаясь къ Арзаку. Не были ли вы у дамъ Шанбля подъ предлогомъ просить помилованія за поправу? кормилъ ли онъ и повли ли васъ тогда?

Арзакъ. Да.

Бакъ. Однако въ предыдущихъ вашихъ показаніяхъ вы постоянно опровергали этотъ фактъ. Съ какою цѣлью дѣлали вы это?

Арзакъ. Я все совершенно забылъ, поэтому и не говорилъ о моемъ посѣщеніи. И сегодня я бы молчалъ, еслибъ не вспомнилъ всего.

Бакъ. Когда вы просили прощенія у госпожи Марселянжъ, не сказала ли она вамъ: «всѣ твои родные противъ меня»?

Арзакъ. Сказала.

Бакъ. Не прибавила ли она: «Если ты будешь молчать, то по возвращеніи въ Шанбля, я обеспечу твое существованіе»?

Арзакъ. Нѣтъ, этого она не говорила.

Бакъ. Однако вы рассказывали это Матвѣю Моренъ и вашему дядѣ Сулье.

Арзакъ. Свидѣтели эти лгутъ.

Вдова покойнаго Марселянжа была приглашена наканунѣ адвокатомъ обвинительной стороны. Она вошла одѣтая вся въ черномъ; лицо, покрытое слѣдами свѣжей оспы, изображало нѣкоторое волненіе; глаза были красные и распухли.

Адвокатъ защиты противится выслушанію этого свидѣтеля, котораго фамилія не была ему заранѣе объявлена. Судъ соглашается съ его требованіемъ и госпожа Марселянжъ удаляется.

Королевскій прокуроръ чтаетъ представленное ею письменное показаніе.

В. Знаете ли что-нибудь о преступленіи, въ которомъ обвиняется Арзакъ?

О. Я не знаю Андрея Арзака.

В. Не слылъ ли и не ѣлъ ли Андрей Арзакъ у васъ въ то время, когда носились уже слухи объ участіи его въ убійствѣ несчастнаго г. Марселянжа, или по крайней мѣрѣ о томъ, что онъ знаетъ объ этомъ много подробностей, которыхъ сказать не хочетъ?

О. Правда, что Арзакъ былъ у меня одинъ разъ и что я приказала его накормить; но тогда я не знала, что онъ подозрѣвается въ соучастіи въ убійствѣ г. Марселянжа.

В. Въ какихъ обстоятельствахъ и по какому случаю Арзакъ былъ у васъ, и почему вы его угощали?

О. Арзакъ пришолъ ко мнѣ просить прошенія за отраву, сдѣланную на моихъ поляхъ его стадомъ. Я отвѣтила, что имѣніемъ моимъ управляетъ Жиронъ-Пистръ (Jiron-Pistre), повѣренный семейства Марселяжа, и поручила ему обратиться къ этому человѣку. Онъ такъ и сдѣлалъ. Но г. Жиронъ-Пистръ воротилъ Арзака ко мнѣ, говоря, что помилованіе зависитъ отъ меня. Тогда я написала вашему повѣренному и не знаю чѣмъ кончилось это дѣло, потому что Арзака болѣе не видѣла.

В. Странно, что вы такъ хорошо приняли человѣка, который приходилъ просить у васъ прошенія.

О. Я это сдѣлала изъ уваженія къ хозяину Арзака, меру Сенъ-Этьеня, которому приходилось часто угощать моихъ людей.

В. Многіе свидѣтели показали, будто Арзакъ говорилъ, что въ то время когда вы его принимали и угощали у себя, вы и ваша мать совѣтовали ему молчать о происшествіяхъ, бывшихъ въ замкѣ Шанбла.

О. Я ничего подобнаго не говорила Арзаку, ни мать моя, которая его даже и не видѣла.

В. Можете ли вы сказать намъ что-нибудь о Яковѣ Бессонѣ, обвиненномъ въ убійствѣ вашего мужа?

О. Яковъ Бессонъ служитъ въ нашемъ семействѣ шестнадцать лѣтъ и мы никогда не могли ни въ чемъ его упрекнуть.

В. Носились слухи, что когда Яковъ Бессонъ былъ арестованъ, вы посылали ему въ тюрьму бѣлье и разныя вещи. Подобный поступокъ со стороны лица, высоко поставленнаго въ обществѣ, оскорбляетъ приличія и чувство общественной нравственности.

О. Правда, что когда Яковъ Бессонъ былъ арестованъ, я ему послала постель, потому что онъ еще не оправился отъ болѣзни; правда тоже, что я ему постоянно посылала кушанье.

В. Отвѣты эти заставляютъ меня вамъ сказать, что подобное поведеніе съ вашей стороны оскорбляетъ всякія чувства приличія. Дѣло не касается однихъ подозрѣній; теперь Яковъ Бессонъ обвиняется въ убійствѣ вашего мужа, и когда правосудіе направляетъ противъ кого-либо свое обвиненіе, то оно вѣроятно имѣетъ на то свои причины, которыми жена не можетъ пренебрегать, въ особенности если дѣло касается убійцы ея мужа.

О. Я была всегда увѣрена, что Яковъ Бессонъ невиновенъ въ преступленіи, въ которомъ его обвиняютъ и всегда желала, вмѣстѣ съ правосудіемъ, открыть убійцу. Я даже предлагала слѣдственному

судѣмое содѣйствіе въ поискахъ, помощьюъ денегъ, которыя должна была доставить.

В. Когда заболѣлъ Яковъ Бессонъ?

О. Въ первыхъ числахъ августа, 6 или 7 августа 1840 г.

В. Извѣстно ли вамъ положительно, что вечеромъ 1 сентября 1840 г., въ день совершенія преступленія, Яковъ Бессонъ былъ въ Пюи?

О. Это мнѣ извѣстно положительно. За три или за четыре дня до того онъ только началъ вставать съ постели.

Королевскій прокуроръ въ рѣчи своей повторилъ извѣстные уже факты, обвиняющіе Якова Бессона, доказывающіе соучастіе Арзака и его лже-показанія. При каждой обвинительной фразѣ Арзакъ встаетъ съ угрозами, сжимаетъ кулаки, бросаетъ восклицаніями; его едва сдерживаютъ.

Гильо представляетъ защиту. По мнѣнію адвоката, рѣчи говореныя Арзакомъ не могутъ быть названы ложью. Весь вопросъ состоитъ въ томъ: сказалъ ли онъ правду въ присутствіи суда. Чтоже доказываетъ противное? Все говоренное имъ только пустая болтовня; здѣсь же онъ не говоритъ ничего, потому что ничего не знаетъ.

А еслибъ онъ и зналъ что-нибудь и отказался сказать, развѣ это будетъ съ его стороны лже-показаніемъ? Нѣтъ. Это былъ бы только проступокъ, отказъ сдѣлать показаніе.

Правда, что Арзакъ опровергаетъ слова, которыя ему приписываютъ свидѣтели; но чтобы опроверженія эти имѣли важность, чтобы въ нихъ могло быть лже-показаніе, нужно, чтобы опровергаемый фактъ былъ въ пользу или въ обвиненіе Якова Бессона. Между тѣмъ болтовня Арзака — просто вымыселъ легкомысленнаго человѣка, который хотѣлъ поважничать; она не можетъ ни споспѣшествовать открытію истины, ни останавливать ее.

Наконецъ доказано ли, что Арзакъ произносилъ эти ничего незначащія слова? Какую вѣру можно имѣть въ свидѣтелей, которые могли быть подкуплены семействомъ Марселяжа?

Адвокатъ противной стороны, *Бакъ* отвѣтилъ съ замѣчательной силой. Вотъ лучшія мѣста изъ его рѣчи:

• Господа присяжные. Когда совершится преступленіе, правосудіе старается отыскать виновнаго; но сколько препятствій встрѣчаетъ оно, чтобы найти человѣка, который хорошо обдумалъ свой дурной поступокъ и дѣлаетъ все, лишь бы избѣжать удовлетворенія должнаго обществу! Въ особенности въ вашихъ странахъ, господа, все кажется служить препятствіемъ розысканіямъ правосудія. Глубокія долины, ущелья, обрывистыя скалы, густые лѣса, вся эта богатая и могучая

природа кажется покровительствуетъ убійцѣ, доставляетъ ему засады для совершенія преступленія, и убѣжища, гдѣ онъ можетъ скрыватьсѣ. Совѣсть свидѣтелей, болѣе глубокая чѣмъ самыя глубокія долины, болѣе неприступная чѣмъ самыя обрывистыя скалы, болѣе таинственная чѣмъ темныя лѣса, приходитъ повидимому въ помощь преступнику. Въ этомъ климатѣ быстрой мести страхъ связываетъ уста, и нѣтъ обстоятельство, въ которыхъ вамъ не приходилось бы оплакивать клятвенно-преступленія, затемняющаго истину, вводящаго въ обманъ правосудіе.

• Но чего должно ожидать, если какое-нибудь сильное и таинственное покровительство окружаетъ преступника, если къ страху присоединяется оболъщеніе? О! тогда приходится отчаяваться или по крайней мѣрѣ добиваться правды исподоволь, чрезъ тысячи препятствій, постоянно возрастающихъ!

• Два года прошло уже съ тѣхъ поръ какъ г. Марсеянжъ лежитъ въ землѣ, съ сердцемъ пробитымъ двумя пулями, а семейство его не можетъ до настоящаго времени похоронить его достойнымъ образомъ, и лже-показанія вырастаютъ постоянно между нимъ и убійцей!.. Насъ хотѣли привести въ уныніе, мы напротивъ того окрѣпли въ нашей рѣшимости. Мы приходимъ просить правосудія противъ лжесвидѣтельства, какъ и будемъ просить правосудія противъ убійцы.

• Что такое лжесвидѣтельство? Вопросите вашу совѣсть. Свидѣтель принимаетъ на себя священную обязанность говорить правду, всю правду. Онъ долженъ объявить правосудію все что знаетъ, все что видѣлъ, все что слышалъ. Если онъ скроетъ одну частицу, онъ нарушаетъ святость присяги, онъ оскверняетъ святыню правосудія, онъ совершаетъ лжесвидѣтельство.

• Скрылъ ли Арзакъ съ дурнымъ намѣреніемъ важныя вещи, которыя онъ знаетъ? Да. Прослѣдимъ его неполныя показанія, его наглуго ложь.

• До совершенія преступленія онъ странно озабоченъ. Все доказываетъ, что онъ чей-то наперсникъ, что въ грудь его вложили страшную тайну, отъ которой она разрывается на части. «Я вамъ предсказываю, что съ г. Марсеянжемъ случится вещь очень нехорошая.» Арзакъ сказалъ это Матвѣю Моренъ за годъ до совершенія преступленія.

• Послѣ убійства Арзакъ знаетъ болѣе всѣхъ. Говорятъ о ядѣ, онъ тотчасъ безпокоится. «Я бы сказалъ что знаю, говорить онъ Петру Моренъ, — но боюсь, что со мной худо поступать.» Онъ повторяетъ тоже самое въ тюрьмѣ Якову Сулону и своему отцу: «Я готовъ сказать что знаю, но боюсь Бессона и его братьевъ.»

• Самому правосудію, вахмистру Фору (Furge), онъ дѣлаетъ полуоткровенія: «еслибъ мнѣ обѣщали хорошее мѣсто, я бы сказалъ все что знаю.» Но вскорѣ это хорошее движеніе останавливается, дурныя чувства просыпаются. Онъ ничего не знаетъ, или не можетъ ничего сказать.

• А, слѣдовательно вы знаете что-нибудь! Но что знаете вы, Арзакъ?

То что онъ говорилъ многимъ, — что ему предлагали отравить г. Марселянжа. Онъ все указалъ: и жертву, и лицо, которое дѣлало ему предложеніе, и цѣну, и ядъ, и чашку, въ которой хранился этотъ ядъ. Сегодня онъ опровергаетъ показанія свидѣтелей въ этомъ отношеніи.

• Развѣ Арзакъ не говорилъ и Антонию Перренъ о супѣ и шести стахъ франкахъ? Это шутка, сказалъ онъ. Плачевная шутка! И какая страшная точность въ подробностяхъ! постоянно 600 франковъ! постоянно Марселянжъ и Бессонъ!

• Теткѣ и крестной матери своей, которая заступаетъ для него родную мать, онъ сказалъ въ минуту изліянія, что могъ бы получить много денегъ, еслибъ положилъ яду въ супъ своего барина.

• Этого однако мало. Намъ нужно что-нибудь осязательнѣе, вещественнѣе. Маргарита Моренъ находитъ у Арзака чашку, вполонину наполненную бѣлымъ порошкомъ. • Не поднесите этой чашки ко рту, восклицаетъ Арзакъ: — это ядъ, который мнѣ далъ Бессонъ. •

• Въ это ли время г. Марселянжъ жаловался на покушеніе отравить его? Не думаю. Не думаю, чтобы у Арзака хватило духу совершить преступленіе. Однако нѣсколько времени спустя чашка появляется пустою. • Несчастный! что ты сдѣлалъ? восклицаетъ Маргарита Моренъ: — ты погубилъ себя! • Арзакъ оправдывается: • Я, говоритъ онъ, зарылъ ядъ въ землю подъ камнемъ. •

• Развѣ это сны большого воображенія? развѣ это вымыселъ разумной женщины? Маргарита Моренъ придумала все это, чтобы погубить племянника: но зачѣмъ? съ какою цѣлью? съ какимъ намѣреніемъ? какая страсть ею руководила?

• Говорятъ, она сумасшедшая! Странное сумасшествіе, которое создаетъ факты столь правдоподобные, столь обстоятельные, столь логическіе, которое порождаетъ доказательства! Странное сумасшествіе, которое добываетъ себѣ чашку старинной формы, какъ-будто остатокъ богатства древней фамиліи! Гдѣ могла Маргарита найти эту чашку? У себя? Въ хозяйствѣ землепашца нѣтъ подобныхъ; въ лавкѣ? Давно уже не продаютъ чашекъ такой формы и изъ такого матерьяла. Она нашла ее между платьемъ Арзака... и не могла найти ее нигдѣ больше.

• Она сумасшедшая! Господа жюри слышали ее; они оцѣнили ея показаніе, спокойное и смѣлое.

• Но всякое сомнѣніе исчезнетъ. Является новый свидѣтель, дѣвица Тари, которой Арзакъ передавалъ тайну о бѣломъ порошокѣ. Однако будучи уже подозрѣваемъ, онъ беретъ обратно слово ядъ, говоритъ о золѣ, потомъ умоляетъ ее молчать.

• Несмотря на то вы слышали эту дѣвушку. Провидѣніе привело ее сюда, и когда ребенокъ этотъ, на лицѣ котораго рисуется его ясная душа, поднималъ глаза къ распятію, не затѣмъ чтобы выпросить себѣ прощеніе за ложь, но чтобы получить силы показать правду въ этомъ плачевномъ дѣлѣ, вы всѣ слышали Арзака, какъ онъ, торжествуя надъ ея робостью, восклицалъ, что это есть настоящее жесвидѣтельство, избличающееся во врагахъ, возносимыхъ къ изображенію Христа.

• Нѣтъ, Арзакъ : не ей, а вамъ слѣдуетъ взглянуть на Христа, который читаетъ въ душѣ вашей; вамъ должно молиться, чтобы приобрести силы раскаяться! Религія, которая одна готова на самоотверженіе, бодрствуетъ у вашего бока. Даже въ эту минуту, въ неисчерпаемомъ своемъ милосердіи, она готова простерть вамъ свои объятія. Слушайте ея голоса. Взгляните на Бога и подумайте, чего онъ отъ васъ требуетъ. Дайте излиться тому, что сокрыто въ вашемъ сердцѣ. Откройте передъ правосудіемъ, которое истекаетъ отъ самого Бога, тайну, пожирающую и удивляющую васъ. Умоляю васъ, пусть наконецъ истина изойдетъ изъ вашихъ устъ. Тогда я не буду обвинять васъ; напротивъ того, я сдѣлаюсь вашимъ защитникомъ!.. Вы молчите? Я исполню до конца мою обязанность!..

• Вы видите, господа жюри, все доказываетъ, что Бессонъ повѣрилъ Арзаку свою тайну. Въ цѣлой системѣ обвиненія нѣтъ сомнительныхъ пунктовъ.

• Арзакъ не хочетъ передать намъ этой тайны, и чтобы не сказать истины, нѣтъ лжи, нѣтъ противорѣчій, нѣтъ нелѣпости, въ которыхъ бы онъ не впадалъ.

• То память ему измѣняетъ; то сказанное имъ пустая болтовня; то чтобы узнать, что дѣйствительно происходило, нужно обратиться къ Шабріе... Всѣ объясненія для него хороши, исключая истины. Дѣйствительно, ложь имѣетъ тысячу путей, но ни одного выхода.

• Но то, что знаетъ Арзакъ, еще не все. 2 сентября утромъ онъ отдалъ теткѣ цѣпь, взятую, какъ самъ сказалъ, у собаки въ Шанбля. Маргарита Моренъ узнаетъ объ убійствѣ и начинаетъ беспокоиться; она и многіе другіе видятъ между преступленіемъ и этой цѣпью тайную связь. Арзакъ говоритъ одинъ разъ, что онъ ее нашолъ, другой разъ — что онъ получилъ ее отъ Ивана Будона. Два мѣсяца спустя, правосудіе спрашиваетъ его объ этомъ важномъ обстоятельстве: онъ ничего не знаетъ, никогда не слышалъ о цѣпи; должно-быть тетка ее украла, съ намѣреніемъ погубить его. Воспоминаніе объ этой цѣпи приходитъ тогда только, когда начинаютъ обвинять его самого. Тутъ Арзакъ вспомнилъ; можетъ-быть онъ припомнитъ себѣ еще много другихъ вещей: и ядъ, и пули, тѣ пули, за которыя Маргарита Моренъ выгнала его отъ себя... Все воображеніе, скажете вы! Но если ваша тетка сказала правду о цѣпи, то почему ей не сказать правды обо всемъ остальномъ?

• Но что же это за человѣкъ, который замѣшанъ во всѣ происшествія, предшествовавшія и послѣдовавшія за убійствомъ, который предсказываетъ преступленіе за годъ впередъ, въ рукахъ котораго находится ядъ, который долженъ былъ убить г. Марселянжа, и пуля, которая его убила, и цѣпь собаки, которая молчала?.. Что это за человѣкъ, который обладаетъ такими тайнами и ходитъ въ сопутствіи жи?

• О, господа жюри, избавьте меня отъ подобнаго вопроса! онъ насъ заведетъ слишкомъ далеко. Вспомнимъ только, что гдѣ начинается со-

мнѣніе, тамъ наши доводы должны кончиться и что мы должны опасаться перейти за границу истины!..

«Но этотъ человѣкъ, котораго все обвиняетъ, вѣроятно будетъ защищаться! Онъ представитъ какія-нибудь объясненія!

«Нѣтъ, господа, нѣтъ! Вы всё слышали нѣкоторую защиту Арзака. Всѣ которые меня обвиняютъ, — гугъ, сказалъ онъ: — четырнадцать жесвидѣтельствъ развернулось въ этой палатѣ. Я одинъ зерцало правды, слѣдовательно перемѣнимся мѣстами: пусть свидѣтели сядутъ на мою скамью; я ихъ буду обвинять.»

«Скажите по крайней мѣрѣ, что заставляетъ этихъ людей давать ложныя показанія? Не страхъ ли, вслѣдствіе котораго они молчали? Не ненависть ли? Но за что же они бы васъ ненавидѣли? Не подкупъ ли? — Да, говорите вы, свидѣтель подкупленъ; у насъ есть доказательство: Маргарита Моренъ получила франкъ!..

«Что! — Несчастное семейство только-что похоронило любимаго брата; преисполненное чувствомъ своей обязанности, оно начинаетъ собирать вокругъ себя свѣдѣнія, касающіяся преступленія, и призываетъ въ замокъ, полный слезъ и грусти, Маргариту Моренъ; она является, совершивъ продолжительное путешествіе въ проливной дождикъ; усталую женщину навормили... бѣдной работницѣ, потерявшей свой день, даюгъ одинъ франкъ... Вотъ происки! вотъ подкупъ! вотъ щедрость семейства г. Марселянжа! вотъ за какую цѣну Маргарита Моренъ продала голову своего племянника!

«Я болтунъ, говорить Арзакъ; я шутилъ, я хотѣлъ поважничать. Странная шутка! пророческій болтунъ, который одинъ знаетъ и предсказываетъ будущее!

«Вы говорили безъ умыслу! Въ такомъ случаѣ, Арзакъ, во время вашихъ уединенныхъ ночей, когда вы спали подъ сводомъ небесъ, на вашемъ пастушескомъ ложѣ, Богъ вѣроятно посылалъ вамъ пророческіе сны, которые вы рассказывали на слѣдующій день!

«Такимъ образомъ жесвидѣтельство явно. Но какая ему причина? Останиваиваетъ ли Арзака страхъ Бессона и его осьми братьевъ? Нѣтъ, страхъ этотъ долженъ былъ уступить передъ большимъ еще страхомъ наказанія, которому онъ подвергается. Не заставляютъ ли его молчать причины болѣе важныя, болѣе таинственныя? Не можетъ ли онъ говорить необвиняя одною себя? Это жесвидѣтельство не есть ли необходимостью для защиты лицъ намъ неизвѣстныхъ? я не хочу этого знать, потомучто нахожу въ другомъ мѣстѣ то, чего ищу.

«Господа жюри, мы слышали въ этомъ процесѣ странныя вещи. Когда несчастный упалъ подъ пулями убійцы, намъ говорили о безнадежной вдовѣ, о неутѣшной супругѣ, просящей у Бога и людей мести за кровь мужа, и вы вѣроятно присоединялись къ этой священной печали, къ этой законной ярости. Но здѣсь что видѣли мы! Нѣжныя попеченія, услужливое вниманіе для тѣхъ, которыхъ обвиняетъ правосудіе; здѣсь каждое подозрѣніе даетъ право на покровительство сильнаго семейства; Яковъ Бессонъ осыпанъ въ тюрьмѣ ласками вдовы

Марселянжа: супруга, становясь на одну доску какимъ-то страннымъ образомъ съ тѣмъ, котораго правосудіе указываетъ какъ убійцу мужа ея, говорить Арзаку: «Все твоё семейство противъ меня!» Этому же свидѣтелю, который долженъ все знать, вдова Марселянжа повторяетъ: «Молчи, и ты будешь обезпеченъ на всю твою жизнь!...»

«Вотъ что мы видѣли! — Не знаемъ на чемъ останутся наши открытія и долго ли еще голова Медузы, высѣченная надъ дверью одного большого дома, будетъ препятствовать правосудію войти въ него. Но, что бы ни случилось, госпожа Марселянжъ, придетъ день, въ которомъ и вамъ нужно будетъ дать отчетъ и въ вашемъ поведеніи, и въ вашихъ словахъ. Придетъ день, въ которомъ мнѣ можно будетъ спросить васъ торжественно и сказать вамъ: пока мужъ вашъ лежалъ въ сырой могилѣ, пробитый двумя пулями, пока изъ ранъ его текла еще кровь, ожидая мести, которая вамъ была поручена, — вы умоляли свидѣтелей молчать... вы старались ихъ подкупить! вы мѣшали правосудію, и ваше безбожное усердіе дошло до того, что вы, знатная и богатая дама, вы, находившая, что мужъ вашъ недоволенъ для васъ знаменитъ, что онъ приказчикъ, — вы, забывая ваше величіе и вашу аристократію, вы сажали за вашъ столъ бѣднаго пастуха, который приходилъ просить у васъ помилованія; вы свизошли до самой короткой вольности, до вольности, которая прельщаетъ и развращаетъ...»

«Нужно было весьма сильныхъ побужденій, чтобы заставить васъ отступить до такой степени отъ вашихъ привычекъ!»

«У подобныхъ вамъ только двѣ вещи сближаютъ разстоянія и уравновѣиваютъ общественное положеніе, — двѣ вещи, равно таинственныя и страшныя: смерть и преступленіе!...»

Какъ повторяетъ вкратцѣ всѣ обвиненія, лежащія на Арзакѣ, и оканчивается слѣдующими словами:

«Слѣдовательно, господа жури, вы знаете всѣ и причину и послѣдствія. Ищите затѣмъ, можетъ ли что нибудь оправдать обвиненнаго.

«Недостатокъ ли умственнаго развитія? Вы слѣдили за нимъ во все время преній; вы замѣтили его тонкій умъ подъ грубой оболочкой.

«Его застѣчивость? Вы видѣли, что онъ угрожалъ свидѣтелямъ даже въ вашемъ присутствіи.

«Хитрость, дерзость, упорство въ преступленіи, — вотъ смягчительныя обстоятельства, на которыя онъ можетъ сослаться.

«Несмотря на то, я желалъ бы, оканчивая мою рѣчь, сказать что-либо въ пользу этого человѣка.

«Арзакъ! вы бѣдны, общество не дало вамъ образованія, которое просвѣщаетъ умъ и возвышаетъ сердце. Вы доступны страху, подкупу, разврату. Находясь въ столь ничтожномъ положеніи, вы приблизились къ знатному дому; благородное семейство приняло васъ, поощряло. Вы повѣрили его всемогуществу, вы вообразили себѣ, что оно избавитъ васъ отъ наказанія, которое васъ ожидаетъ! или можетъ-быть вы думаете, что если и будете осуждены, благодарность его не оста-

вить васъ и въ кандалахъ и усладить горечь вашего самоотверженія? Въ вашемъ невѣжествѣ, вы скорѣе, вѣрнѣе силѣ вашихъ таинственныхъ покровителей, чѣмъ всемогуществу закона.

• Арзакъ, вы жертва мечты, пробужденіе которой будетъ страшное! Знайте, что здѣсь всѣ сословія уравниваются. На этой скамьѣ знатная дама дѣлается вамъ совершенно равною. Здѣсь одна власть, власть закона и никакое человѣческое могущество не можетъ ему противостать. Арзакъ, подумайте! вы молоды, а будущее убѣгаетъ отъ васъ. Взгляните на пропасть, въ которую вы падаете! (Арзакъ дѣлаетъ знаки отрицанія и указываетъ пальцемъ на распятіе).

• Вы призываете Бога... Да, призывайте его и сдѣлайте то чему онъ васъ научить. Двѣ великія вещи истекаютъ отъ него: истина и правосудіе... Истина, которая для всѣхъ насъ проникла въ это собраніе, какъ лучи солнца, которые насъ освѣщаютъ, — истина, которой вы одни противитесь и которая одна можетъ васъ спасти. О! дайте ей излиться изъ вашихъ устъ! если вы будете противиться, тогда правосудіе, вооруженное мечемъ, одно останется при васъ! а правосудіе, слышите ли, не имѣетъ сердца, никакія уваженія его не останавливаютъ; оно нанесетъ вамъ ударъ безъ всякой жалости!... Ничто, нѣтъ, ничто васъ не защититъ!... (Волненіе Арзака усиливается),

• Ваши отрицанія не обманутъ никого, Арзакъ! Вы принимаете наглость за невинность; разубѣдитесь. Возвратитесь къ чувствамъ болѣе искреннимъ. Удалитесь отъ лицемерія, позвольте истинѣ появиться на вашихъ устахъ и прошедшее можетъ быть будетъ забыто.

• Вы молчите? ваша наглость усиливается! Вы присоединяете святотатство къ жесвидѣтельству! Вы знаками зываете еще Бога, того Бога, котораго закона признать не хотите!.. Хорошо же! поручите себя Богу: онъ одинъ можетъ вамъ простить. Люди не могутъ этого сдѣлать!!!.

По прочтеніи краткаго изложенія дѣла, присяжные признали Арзака виновнымъ въ жесвидѣтельствѣ, но съ обстоятельствами уменьшающими вину. Согласно съ заключеніемъ королевскаго прокурора Марилья, судъ приговорилъ Арзака къ дѣсятилѣтнему заключенію и выставленію къ безчестному столбу, тахішимъ наказанію.

22 августа дѣло Якова Бессона было внесено въ уголовный судъ Пюи-де-Домъ; освѣщенное зловѣщимъ свѣтомъ, проистекшимъ изъ процесса Арзака, темное дѣло это обѣщало собравшимся слушателямъ много интереснаго. Кровавая тайна процесса; продолжительная безнаказанность виновнаго; покровительство лица, которое должно бы было пожертвовать собой для достиженія справедливой мести; свидѣтели напуганные, свидѣтели подкупные; странныя открытія въ домашней жизни семейства благороднаго, богатаго и

сильнаго, сверхъ того обѣщанное присутствіе дамъ Шанбла, — все способствовало возбужденію любопытства.

Судъ находится подъ предѣлательствомъ г. Мандосса (Mandosse); г. Муленъ (Moulin) генеральный адвокатъ занимаетъ мѣсто королевскаго прокурора. На скамьѣ защитниковъ находятся гг. Руэ (Rouher) и Гильо. Теодоръ Баки, адвокатъ обвинительной стороны, присутствуетъ при г. Тюрши де Марселянжѣ и госпожѣ Тарадѣ, братѣ и сестрѣ убитаго.

Яковъ Бессонъ выслушиваетъ обвинительный актъ съ какимъ-то глуповатымъ снокойствіемъ. За нимъ, между двумя жандармами стоитъ пастухъ Арзакъ, уже осужденный и приведенный въ качествѣ свидѣтеля. На немъ еще нѣтъ платья приговоренныхъ. При входѣ онъ перемгнулся съ Яковомъ Бессономъ почти незамѣтнымъ образомъ.

Начался допросъ Якова Бессона. Онъ показалъ, что семейныя несогласія между супругами Марселянжъ начались еще въ 1837 г.; объ этихъ несогласіяхъ онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ. Что касается лично его, Бессона, то у него были частыя ссоры съ г. Марселянжомъ, но ссоры эти кончались ничѣмъ. Несмотря на то, онъ долженъ былъ оставить службу въ домѣ Марселянжа, который запретилъ ему появляться въ Шанбла.

В. Говорили ли вы Клавдія Риффаръ (Riffard), упоминая про вашего барина: мы его спустимъ скоро?

О. Не знаю; но если я и сказалъ что-нибудь подобное, то это касалось семейныхъ несогласій.

В. Со времени увольненія васъ отъ службы, были ли вы въ замкѣ Шанбла?

О. Я былъ одинъ разъ, въ 1839 г., проходилъ черезъ лѣсъ и говорилъ съ однимъ колесникомъ, который работалъ у своей избы.

В. Были ли вы вооружены ружьемъ?

О. Нѣтъ.

В. Знаете ли вы пастуха Арзака?

О. Я съ нимъ познакомился только послѣ убійства г. Марселянжа, недѣли двѣ или три спустя.

Спрошенный какъ онъ провелъ время 1 сентября, Яковъ Бессонъ показалъ, что поутру, сколько помнитъ, онъ гулялъ съ Жирардомъ (Girard); вечеромъ, около четырехъ или пяти часовъ онъ доходилъ до заставы Виеннъ, гдѣ и отдыхалъ. При возвращеніи, онъ разговаривалъ съ караульнымъ у заставы. Остальное время дня онъ провѣлъ на своей улицѣ и около семи часовъ разговаривалъ съ Маріей

Баріюль. По возвращеніи домой Бессонъ ужиналъ и легъ въ постель. Дней пять или шесть передъ тѣмъ онъ только началъ выходить.

В. Въ первомъ допросѣ вы показали, что 1 сентября вы не выходили никуда.

О. Напротивъ того, я выходилъ. На мнѣ были синіе панталоны, голубая блуза и кажется шляпа. Очень можетъ быть, что я заходилъ домой и бралъ вмѣсто шляпы фуражку.

В. Башмаки, которые вы надѣвали 1 сентября, были ли подбиты гвоздями?

О. Да... (*поправляясь*) нѣтъ, на мнѣ были туфли.

В. Первымъ вашимъ дѣломъ, когда вы узнали о совершившемся преступленіи, было показать Лудовику Ашару (Achard) ваши ноги, покрытыя ссадинами. Развѣ вы не могли ходить еще въ то время?

О. Нѣтъ, разумѣется: кожа не имѣла еще времени окрѣпнуть.

В. Какъ же это можетъ быть, чтобы будучи больнымъ, какъ вы говорите, вы рѣшились въ тотъ же самый день, 2 сентября, ѣхать въ замокъ Шанбла?

О. Потомучто я долженъ былъ присутствовать тамъ во время пребыванія чиновниковъ.

В. Какая на васъ была тогда обувь?

О. Сапоги.

В. Не говорили ли вы нѣсколькимъ лицамъ ночью съ 2 на 3 сентября, что во время совершенія преступленія вы были больны и потому никто не можетъ подозрѣвать васъ въ убійствѣ?

О. Не помню, говорилъ ли я это, но по прибытіи въ Шанбла я замѣтилъ, что всѣ шептались и подозрѣвали меня, тогда я и заговорилъ про мою болѣзнь.

В. Не было ли на васъ 2 сентября полосатыхъ бархатныхъ панталонъ оливковаго цвѣта?

О. Я никогда не носилъ подобныхъ.

В. Очень многіе свидѣтели показываютъ противное.

О. Въ этотъ день на мнѣ были синіе суконные панталоны.

В. Когда вы увидѣли трупъ вашего барина, не взглянули ли вы на него съ ненавистью?

Бессонъ, улыбаясь: Нѣтъ, сударь.

Президентъ. Слѣдовательно вы не совершили этого страшнаго преступленія?

Бессонъ, спокойно. Нѣтъ, сударь.

Послѣ того перешли къ выслушанію свидѣтелей.

Петръ Пикаръ (Picard), бывшій лакей Марселянжа. Мы сидѣли за ужиномъ, какъ вдругъ кухня вся освѣтилась, я услышалъ выстрѣлъ и баринъ тотчасъ же упалъ. Я бросился къ нему, чтобы его

поднять, но тотчас же увидѣлъ, что изо рта шла кровь и что онъ не шевелился. Я побѣжалъ къ дверямъ, но не дальше; признаюсь, я былъ такъ слабъ, что не могъ шевелиться, я потерялъ и силу, и присутствіе духа. Хотѣли ѣхать за докторомъ, но... это было слишкомъ поздно, баринъ скончался мгновенно... Говоря это Пикаръ зарыдалъ какъ ребенокъ. Бессонъ и не пошевелился.

Президентъ. Вы очень любили вашего барина?

Пикаръ. Всѣ его любили, не только въ домѣ, но и окрестные жители. У него были два врага, сколько всѣмъ извѣстно: Яковъ Бессонъ и Дево, бывший фермеръ.

В. Какое было выраженіе лица Бессона, когда онъ на слѣдующій день прѣхалъ въ Шамбла?

О. О! у него лицо было очень пасмурное, *очень черное.*

В. Что заставляетъ васъ предполагать, что именно Бессонъ совершилъ преступленіе?

О. Его несогласія съ г. Марселянжемъ.

В. Извѣстно ли вамъ объ этомъ, что г. Марселянжа предупреждали, будто Бессонъ пробирался по ночамъ въ амбаръ въ Шамбла?

О. Да, г. Марселянжъ говорилъ мнѣ самъ объ этомъ. Однажды онъ мнѣ также сказалъ, что Бессонъ очень радъ его несогласіямъ съ женой.

В. Дочь Антонія Морена не говорила ли вамъ чего-нибудь?

О. Однажды дѣвушка эта сказала мнѣ, что въ Шамбла дѣла идутъ очень плохо; что госпожа Марселянжъ, съ которой она заговорила о ея мужѣ, когда тотъ находился въ отсутствіи, отвѣтила ей: «Я бы желала, чтобы мужъ мой, лошади и экипажъ провалились гдѣ-либо въ пронасть.»

В. Въ минуту убійства лаяла дворная собака?

О. Нѣтъ, сударь; по крайней мѣрѣ никто ее не слышалъ.

В. А другія собаки?

О. И тѣ лежали спокойно подъ столомъ; несмотря на то, что чутье у нихъ очень чуткое, онѣ не пошевелились.

В. Не бѣгала ли дворная собака за пастухомъ Арзакомъ?

О. Очень часто она пропадала и ее всегда находили у Арзака; баринъ за это сердился неоднократно.

Яковъ-Матвѣй Эксбрея (Echbray), плотникъ въ Камбриолѣ, показалъ, что г. Марселянжъ сожалѣлъ, что не приказывалъ вскрыть тѣла своихъ дѣтей, полагая, что они отравлены его женой; что Яковъ Бессонъ приходилъ по ночамъ къ амбару; что, какъ говорилъ однажды о Клавдіи Рено, который встрѣтилъ Якова Бессона ночью 1 сентября въ окрестностяхъ Шамбла, одинъ мельникъ ска-

залъ : «Клавдій будетъ молчать, за нимъ присматриваютъ не одинъ и не двое.»

Клавдій-Марія Гуи (Gouy), владѣтель въ Сень-Пьеррѣ-Рейнакѣ, показалъ, что Марселянжъ былъ человѣкъ добрый, сострадательный, что его вскоре забудутъ, что онъ виновъ во всемъ свою тещу, что однажды ему показалось будто онъ отравленъ.

Маріянна Моренъ, бахромщица. Въ 1839 г., около праздника св. Андрея, я была въ Пюи, у госпожи Марселянжъ, желая получить свѣдѣнія о моемъ отцѣ, который путешествовалъ съ г. Марселянжемъ. Барыня, которой я сообщила о моемъ безпокойствѣ, отвѣтила : «Я получила письмо, но не читала его; и не жалѣла бы вымало, еслибъ узнала, что г. Марселянжъ съ каретой и лошадьми провалился въ пропасть.»

Иванъ-Флоримондъ Поль, каноникъ въ Пюи. — Я былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ покойнымъ Марселянжемъ. Онъ часто жаловался мнѣ на семейныя свои несогласія, обвиняя во всемъ свою тещу. Однажды онъ жаловался мнѣ и на равнодушіе своей жены.

Президентъ. Не извѣстно ли вамъ, не желалъ ли г. Марселянжъ примиренія съ женой?

Аббатъ Поль. Онъ говорилъ объ этомъ очень часто. Нѣсколько времени тому назадъ нѣкто Деломбръ (Delombre) передавалъ мнѣ разговоръ свой съ вловою Марселянжа. Госпожа Марселянжъ сказала : «Еще до смерти моего мужа убили стража Коломбе (Colombet); какъ ни искали, а не могли найти виновника преступленія». На это Деломбръ ей отвѣтилъ : «Коломбе былъ человѣкъ одинокій, ни съ кѣмъ несвязанный, тогда какъ у г. Марселянжа есть братъ, сестра, семейство, которые будутъ преслѣдовать убійцу. Ежели преступленіе совершено однимъ человѣкомъ, тогда можно не найти его; но ежели это, какъ въ настоящемъ случаѣ полагаютъ, послѣдствіе заговора, то онъ будетъ открытъ». Деломбръ, говоря это, замѣтилъ (это его выраженіе), что госпожа Марселянжъ сдѣлалась *мрачною, безпокойною, какъ дичь, которую завидѣла борзая собака*.

Адвокатъ Бакъ. Не слышали ли вы весьма странной фразы, сказанной госпожею Марселянжъ, когда скончался ея второй сынъ?

Аббатъ Поль. Слышалъ; говорятъ она сказала : хорошо что умеръ, а то какъ бы онъ былъ воспитанъ!

Президентъ. Вы продолжали бывать какъ у господина, такъ и у госпожи Марселянжъ?

Аббатъ Поль. Да, сударь, меня принимали въ обоихъ лагеряхъ, потому что это были дѣйствительно два непріятельскіе лагерья. Вскорѣ однако я замѣтилъ, что дамы не желаютъ, чтобы я продолжалъ

мои посѣщенія въ Шанбла. Какъ я не обращалъ на это никакого вниманія, то со мной начали обращаться гораздо холоднѣе.

Иосифъ Гранжонъ (Grangeon), нотариусъ въ Монферра, показалъ, что Марселянжъ былъ человекъ строгой честности, что всѣ его уважали и любили, что крестьяне находили въ немъ рѣдкую въ наше время уступчивость.

Доротей де Фроманъ (de Froment), изъ Мулена. Въ послѣднее путешествіе г. Марселянжа въ Муленъ, онъ мнѣ говорилъ объ опасеніи своемъ погибнуть въ скоромъ времени неестественной смертью. Когда я началъ надъ нимъ шутить, онъ повторилъ: «Я увѣренъ, что меня убьютъ». Я спрашивалъ на кого нападутъ его подозрѣнія; онъ назвалъ Якова Бессона, Марію Будонъ и еще третье лицо, котораго фамиліи не могу припомнить.

Президентъ. Не говорилъ ли вамъ Марселянжъ о своихъ дѣтахъ?

Фроманъ. Говорилъ. Однажды, находясь въ сильномъ волненіи, онъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Я понимаю ненависть, которую питаютъ ко мнѣ эти женщины; но что сдѣлали имъ мои бѣлые дѣти, за что ихъ было отравлять!»

Михаилъ Сулье, землемашецъ въ Лашо, рассказалъ извѣстныя уже подробности о цѣпи дворовой собаки и о посѣщеніи Арзакомъ дома Шанбла.

Президентъ. Не говорилъ ли вамъ Клавдій Папаръ (Papard), что вашему племяннику Андрею Арзаку предлагали деньги за отравленіе г. Марселянжа?

Сулье. Помню, что Папаръ рассказывалъ мнѣ, будто онъ слышалъ въ одномъ кабакѣ, что Арзаку предлагали 600 франковъ за отравленіе г. Марселянжа. Люди, говорившіе это, были Симеонъ и Антоній Перрень.

Президентъ. Что происходило въ сочельникъ 1840 г.?

Сулье. Иванъ Моренъ, по прозванію Будуль, приходилъ ко мнѣ и записалъ мою фамилію и моего зятя, говоря, что онъ доставитъ записку эту дамамъ Шанбла. Въ другой разъ Будуль встрѣтилъ мою жену и предлагалъ ей деньги, если она не пойдетъ въ судъ свидѣтельствовать.

Адвокатъ Бакъ. Когда Будуль записывалъ ваши фамиліи, сказалъ ли онъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ?

Сулье. Кажется все было сдѣлано съ тѣмъ, чтобы насъ пригласить свидѣтельствовать въ пользу этихъ дамъ.

Матьи Моренъ, землемашецъ въ Лардеролъ, показываетъ, что Арзакъ говорилъ, будто ему предлагали 3,000 франковъ за отрав-

вленіе Марселянжа, что Булуль уговаривалъ и его свидѣтельство-
вать въ пользу дамъ Шанбла.

Петръ Гра (Gras), землепашецъ. — Недѣли за двѣ до убійства г.
Марселянжа, я отпавился съ Клавдіемъ Белонъ въ Пюи. На дорогѣ
мы встрѣтили Якова Бессона. Белонъ говорилъ съ нимъ нѣсколько
минуть и сказалъ мнѣ потомъ, что не позже какъ осенью дамы
Шанбла будутъ полными хозяйками и что все должно кончиться въ
пользу одной или другой стороны. Когда я узналъ объ убійствѣ, я
воскликнулъ: «Эти барыни хотѣли быть хозяйками... какъ все это
устроилось скоро!»

Президентъ. Бессонъ сказалъ, что въ это время онъ лежалъ
больной въ постелѣ.

Гра. Въ такомъ случаѣ я ничего не понимаю. Про то знаетъ свя-
тая троица.

Иосифъ Бадіу (Badiou), землепашецъ въ Камбриолѣ, показалъ,
что онъ часто видѣлъ Якова Бессона въ панталонахъ оливковаго
цвѣта.

Степанъ Обриэ (Obrier), присяжный землемѣръ. — Я слышалъ од-
нажды какъ госпожа Марселянжъ, стоя на порогѣ риги, гдѣ моло-
тили хлѣбъ, сказала: «Я была бы очень довольна, еслибъ моего мужа
вымолотили какъ эту рожь.»

Г. Марселянжъ рассказывалъ мнѣ, что онъ хотѣлъ когда-то вос-
претить Бессону унести двуствольное ружье; тотъ воскликнулъ:
«*Не хлопайте такъ съ этимъ ружьемъ: оно и для васъ можетъ при-
годиться.*» Отъ него же мнѣ извѣстно, что когда госпожа Марсе-
лянжъ хлопотала о разводѣ, она и мать ея подсылали къ покойному
публичную женщину, подъ предлогомъ размѣна денегъ на золото.

Нѣкто Десо, родственникъ дамъ Шанбла, говорилъ мнѣ: «Не-
много замѣшкался съ убійствомъ г. Марселянжа».

Я слышалъ также отъ многихъ, что дамы эти надѣялись скорѣ
переѣхать въ Шанбла, намѣреваясь преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, кто
показывалъ противъ Бессона.

Я видѣлъ у Бессона болѣе ста разъ бархатные панталоны оливо-
коваго цвѣта.

Обвиненный опровергаетъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства.

Диманъ (Dimans), бывший нотаріусъ. Однажды я ѣхалъ верхомъ,
встрѣтилъ г. Марселянжа и продолжалъ путь вмѣстѣ съ нимъ. Ука-
зывая на мои пистолеты, торчавшіе въ ольстрахъ, я сказалъ: «Вотъ
чѣмъ мы защитимся, если на насъ нападутъ.» Онъ отвѣтилъ: «На
васъ нападутъ развѣ тѣ, кому понадобятся ваши деньги; но на мою
жизнь покушается ничтожный человѣкъ, котораго я выгналъ отъ
себя.»

Графъ де-Шомуру (de Chomourous), родственникъ дамъ-Шанбла, приписываетъ причину несогласій госпожѣ Рошъ-Негли, *злполучной тещѣ*, какъ онъ ее называетъ. Въ присутствіи суда онъ старается смягчить это выраженіе. Можетъ-быть, говоритъ онъ, я произнесъ слово *злполучной* въ минуту гнѣва и подъ влияніемъ смерти добрѣйшаго человѣка; но я не желалъ бы, чтобы къ нему привязывали особенное значеніе.

Президентъ. Любилъ ли г. Марселляжъ свою жену?

Графъ де-Шомуру. Да, и онъ съ этимъ не скрывался. Однажды, выигравъ процессъ противъ жены, онъ мнѣ сказалъ: «Еслибъ я ее встрѣтилъ на улицѣ, я бы ее поцѣловалъ.»

Маргарита Моренъ, жена Сулье, повторивъ прежнее свое показаніе, данное при допросѣ Арзака, продолжаетъ: — Когда г. Марселляжъ былъ убитъ, я подумала, какъ и всѣ въ нашей странѣ, что виновникомъ этого преступленія — Яковъ Бессонъ. Я сказала его невѣсткѣ: «Вы убили лучшаго человѣка въ свѣтѣ.» Она мнѣ отвѣтила: «Берегись, Яковъ вспылчивъ; онъ тебя упечетъ, если встрѣтитъ.»

Между тѣмъ, по приказанію президента, приглашонтъ человѣкъ, воспоминавше о которомъ вызвано показаніями Маргариты. *Андрей Арзакъ* вошелъ.

— Васъ обезчестило одно осужденіе, сказалъ *президентъ*: — но поймите, къ вамъ могутъ имѣть еще состраданіе. Если сегодня вы воротитесь къ лучшимъ чувствамъ, если выскажете правду, голосъ вашего раскаянія можетъ быть выслушанъ, вамъ могутъ облегчить вашъ приговоръ.

Арзакъ смотритъ, кланяется всѣмъ съ величайшимъ спокойствіемъ и отвѣчаетъ, что кромѣ того что сказалъ, не знаетъ ничего больше. — Я могъ говорить кой-какія шутки нѣкоторымъ лицамъ, во мнѣ надоѣдали и я не зналъ что сказать этимъ вралямъ.

Онъ отказывается отъ пуля, найденныхъ будтобы въ его карманѣ, отъ яду показаннаго теткѣ. — Я невиненъ, восклицаетъ онъ съ одушевленіемъ: — *я судейская ошибка!*

Президентъ. Поймите хорошо ваше положеніе. Васъ грубо обманули, если васъ увѣрили, что кто-нибудь въ состояніи вамъ покровительствовать, чтобы пересмотрѣть вашъ приговоръ или выпустить изъ тюрьмы, если рѣшеніе останется въ своей силѣ; это самый скверный совѣтъ, какой только могли вамъ дать. Если же вы не подчиняетесь ни чьему влиянію, если вы послушны только собственному вдохновенію, то у васъ можетъ быть только одна надежда облегчить наказаніе, то-есть сказать правду, всю правду.

Арзакъ, холодно. Я говорю правду.

Спрошенный, завтракалъ ли онъ у дамъ Шанбла, когда ходилъ просить прощенія за поправу, Арзакъ отвѣтилъ, что ему дали только стаканъ вина и что впрочемъ съ него по этому дѣлу взыскали 20 франковъ.

Адвокатъ Бакъ. Никакого взысканія небыло.

Президентъ. Не простили ли вамъ эти дамы, съ тѣмъ однако, что вы будете молчать?

Арзакъ, съ одушевленіемъ. — Эти дамы уговорили меня только сказать правду, всю правду, и не дѣлать какъ моя тетка болтушка.

Клавдій Рено. 1 сентября я копалъ картофель, какъ вдругъ увидѣлъ у опушки лѣса Ріу человѣка, одѣтаго въ блузу, бархатные полосатые панталоны оливковаго цвѣта и фуражку приподнятую сзади, съ дуствольнымъ ружьемъ. Миѣ показалось, что это былъ Яковъ Бессонъ и я хотѣлъ съ нимъ заговорить; но человѣкъ этотъ отвернулся, бросилъ въ кусты камень, какъ-будто пугая дичь, и вошелъ въ лѣсъ, такъ что я вскорѣ потерялъ его изъ виду. Удивленный всѣмъ этимъ, я сошелъ съ своего поля и направился къ дому, оглядываясь отъ времени до времени. Мой незнакомецъ незамедлилъ выйти изъ лѣса Ріу и прошелъ черезъ мое поле. Онъ шолъ тихо. Тогда я сказалъ себѣ: «Здѣсь что-нибудь да кроется»; и желая убѣдиться, основательны ли мои подозрѣнія, я прибавилъ шагу. Пришедъ домой, я рассказалъ женѣ что видѣлъ и вооружившись ломомъ, сталъ при выходѣ изъ еловаго лѣса, гдѣ незнакомецъ мой, судя по направленію, которое онъ принялъ, долженъ былъ пройти. Я находился нѣсколько минутъ въ засадѣ, какъ вдругъ, незная откуда онъ явился, я увидѣлъ Якова Бессона, который стоялъ впереди меня въ пяти или шести шагахъ, смотрѣлъ направо и налѣво, но не могъ меня видѣть, потомучто я былъ спрятанъ деревомъ. Вскорѣ однако онъ перепрыгнулъ черезъ ручей, вскарабкался съ трудомъ на противоположный берегъ и скрылся наконецъ въ лѣсу. Въ этотъ разъ я узналъ положительно Якова Бессона.

Солнце ложилось, когда онъ проходилъ черезъ мое поле. На слѣдующій день, когда миѣ сказали о смерти г. Марсельяжа, я тотчасъ подумалъ: «Это должно-быть дѣло вчерашняго господина; посмотрю какимъ путемъ онъ шолъ.» Я воротился къ своему полю и отыскалъ шаги его въ томъ углу, гдѣ растутъ бураки. Тутъ же я замѣтилъ, что башмаки его не были подбиты гвоздями.

При первыхъ допросахъ Клавдій Рено не сказалъ положительно, узналъ ли онъ Якова Бессона; говорилъ о Маньянѣ, говорилъ, что видѣлъ двоихъ людей. Теперь только онъ присовокупилъ: — Покоряясь голосу моея совѣсти и необращая вниманія ни на какія

обстоятельства, я долженъ вамъ сказать, что въ этомъ человѣкѣ я узналъ положительно Якова Бессона.

Президентъ, желая чтобы показаніе Клавдія Рено, столь важное и положительное, выразилось подъ всѣми видами, дѣлаетъ ему слѣдующіе вопросы :

В. Видѣли ли вы лицо Бессона ?

О. Очень хорошо. Меня онъ не могъ видѣть, но я не спускалъ глазъ съ него. Лицо, въ особенности губы, были раздуты какъ послѣ осны. Я имѣлъ достаточно времени, чтобы узнать Якова Бессона.

В. Увѣрены ли вы въ этомъ ?

О. Да, увѣренъ.

В. У васъ нѣтъ сомнѣній, но если вы сомнѣваетесь хотя немного, вамъ слѣдуетъ это объявить.

О. Человѣкъ этотъ былъ Бессонъ, я не сомнѣваюсь. Я сказалъ правду и теперь ее повторяю. Что касается другого человѣка, о которомъ я говорилъ, онъ былъ далеко ; онъ стоялъ гораздо выше и не шевелился. Я полагаю, это былъ такой же зритель какъ и я.

Далѣе свидѣтель переходитъ къ попыткамъ подкупа и настрашенія, которыхъ онъ былъ жертвою послѣ 1 сентября.

— Однажды вечеромъ въ сильный туманъ и дождь ко мнѣ пришолъ какой-то человѣкъ ; дверь была заперта ; я не хотѣлъ впустить, но человѣкъ говорилъ такимъ сладкимъ голосомъ, что я успокоился и подумалъ : «Онъ не можетъ сдѣлать зла, у него голосъ слишкомъ сладокъ.» Я сказалъ : «Подождите, сейчасъ добуду огня.» Но человѣкъ отвѣтилъ : «Не стоитъ, мнѣ нужно вамъ сказать два слова.» Человѣкъ вошелъ и просилъ меня не говорить того что я видѣлъ и не называть кого видѣлъ, присовокупляя, что мнѣ дадутъ за то много денегъ. Онъ вышелъ и мнѣ хотѣлось знать, куда онъ направится. Я вышелъ на задній дворъ и увидѣлъ двоихъ людей, подходящихъ къ моему ночному посѣтителю ; всѣ трое направились въ лѣсъ.

Послѣ того въ кабакъ, по случаю моего показанія, Берже, меръ Лардероля, и Будуль побили меня, хотя мы были дружны и неоднократно пили вмѣстѣ.

Когда Клавдій Рено кончилъ свое показаніе, многіе свидѣтели подтвердили, что тотчасъ послѣ убійства онъ говорилъ имъ о своей встрѣчѣ, называлъ Якова Бессона и указывалъ на него какъ на виновника преступленія.

Изабелла Делень, жена Тара, видѣла 1 сентября, при закатѣ солнца, у ручья Лешъ, человѣка въ блузѣ съ ружьемъ. Она его не

узнала, но по возвращеніи домой сказала мужу, что это должно быть былъ Яковъ Бессонъ.

Послѣднее показаніе, обозначающее путь, по которому слѣдовалъ убійца 1 сентября, принадлежитъ Матвѣю Рено, умершему во время произволства слѣдствія. Его читаютъ. — Возвращаясь изъ Комбріоля, говорилъ свидѣтель, и желая идти ужинать къ дядѣ, я встрѣтилъ незнакомца, котораго появленіе меня невольно поразило. Онъ прорѣзывалъ дорогу, по которой я слѣдовалъ и направлялся отъ лѣса Фресильи къ лѣсу Шанбла. На немъ была бѣлая или сѣрая блуза, фуражка; подъ блузой торчало что-то длинное. Онъ шолъ довольно бодрымъ шагомъ. Губы у него были толстыя, взглядъ нехорошій. Вообще эта встрѣча мнѣ неонравилась.

Яковъ Видаль, землепашецъ, присутствовавшій на ужинѣ у дяди Матвѣя Рено, дополняетъ это показаніе слѣдующимъ образомъ: — Матвѣй отправился въ Комбріоля за виномъ. Онъ вскорѣ воротился захихавшись и рассказалъ о встрѣчѣ съ человѣкомъ, который его напугалъ. Нѣсколько времени спустя всѣ мы услышали выстрѣлъ изъ ружья.

Когда Матвѣй Рено былъ призванъ въ Пуи въ качествѣ свидѣтеля, я ему сказалъ: «Если ты не скажешь правды, я донесу королевскому прокурору.» Онъ отвѣтилъ: «Будь потише; когда придетъ время суда, я скажу все.»

На слѣдующій день послѣ убійства я первый объявилъ Матвѣю Рено о смерти г. Марселянжа. «Это меня не удивляетъ, сказалъ онъ. — Ты слѣдовательно узналъ вчерашняго незнакомца? спросилъ я. — Да, но я могу всего не говорить.» Втеченіи дня онъ мнѣ сообщилъ, что это былъ Бессонъ, но просилъ не говорить объ этомъ. Матвѣй признался мнѣ, что при встрѣчѣ Бессонъ сказалъ ему: «Если ты будешь говорить, я съ тобой сдѣлаю то, что вскорѣ сдѣлаю съ другимъ.»

Въ мартѣ мѣсяцѣ Матвѣй Бессонъ, братъ обвиненнаго, спросилъ меня, что я думаю объ исходѣ процесса. «Яковъ заплатится головой», сказалъ я. — «О! отвѣчалъ онъ, эти проклятыя барыни заставили его это сдѣлать. Безчестіе падетъ на все наше семейство.»

Петръ Теисіе (Teyssier), кучеръ, возившій Бессона въ Шанбла, видѣлъ и трогалъ его панталоны бархатные, сливковаго цвѣта.

Яковъ Лега, аббатъ въ Сенъ-Этьень-Лардероль, передалъ странный разговоръ, бывшій между его служанкой и Маріей Будонъ. «Должно однако сознаться, сказала служанка, что тѣ, которые заставили убить г. Марселянжа, просто сволочь. — Развѣ наши дамы Шанбла сволочь? спросила Марія Будонъ. — По чести! отвѣтила слу-

жанка: — убившіе г. Марселяжа страшная сволочь, будь это дамы или крестьянки, господа или лакеи.»

Иванъ Тари, землепашецъ, передалъ странную фразу, сказанную Бессономъ. Однажды Бессонъ задумался. «О чемъ ты думаешь?» спросилъ его. — «Я думаю о томъ, что я пасъ въ Шанбла свиней, и что вскорѣ буду тамъ хозяиномъ».

Геронимъ Пюженъ (Pugin), сосѣтъ дамъ Шанбла, помнитъ очень хорошо, что 1 сентября, около полуночи или въ половинѣ перваго, дверь ихъ дома отворилась и затворилась съ шумомъ.

Викторія Видаль, жена Пюжена прибавляетъ: — Услышавъ шумъ, съ какимъ заперла дверь, я сказала моему мужу: «Пришолъ кто-то, кому очень хотѣлось воротиться домой.» Бессонъ такъ часто и такъ ненатурально говорилъ о своихъ больныхъ ногахъ, что я невольно восклицала: «какъ мнѣ надоѣли ноги Бессона!»

Иоанна-Марія Баріоль, жена Корню, въ Пюи. — Во вторникъ, 1 сентября, въ шесть съ половиною часовъ вечера, я видѣла какъ Бессонъ разговаривалъ съ портнымъ, противъ дверей дома Шанбла. Онъ ходилъ съ трудомъ. На немъ была фуражка.

Президентъ, обращаясь къ Бессону. — Вы говорили, что на васъ была шляпа. (Къ Маріи Баріоль:) Не замѣтили ли вы на немъ бархатныхъ панталонъ?

Марія Баріоль, живо. — Нѣтъ, никогда.

Адвокатъ Бакъ. Вы посѣщали Бессона въ тюрьмѣ? вы жили съ нимъ?

Марія Баріоль. Да.

Сежалонъ (Séjalon), портной въ Пюи, видѣлъ Бессона ходящаго свободно по улицѣ, въ шляпѣ.

Президентъ. Видѣли ли вы на немъ бархатные панталоны оливковаго цвѣта?

Сежалонъ. Да, очень часто.

Лудовикъ Ашаръ, бывшій лакей въ Шанбла. — 2 сентября въ восемь часовъ утра я отправился въ Пюи извѣстить о смерти г. Марселяжа. Когда я вошелъ въ комнату Бессона, онъ мнѣ сказалъ, показывая свои ноги: «посмотри какъ оспа мнѣ ихъ отдѣлала!»

Президентъ. Вы ли потребовали видѣть Бессона?

Ашаръ. Нѣтъ; когда я завтракалъ, горничная сказала мнѣ: «Нашъ Яковъ очень боленъ; не хотите ли его видѣть?» Тогда я отправился къ нему въ комнату.

Президентъ. Когда вы сообщили горничной о приключившемся несчастіи, очень ли она огорчилась?

Ашаръ. Она поблѣднѣла.

Президентъ. А какъ приняла извѣстiе дамы? Была ли огорчена?

Ашаръ. О, да!

Президентъ. Плакали ли онѣ?

Ашаръ. О, нѣтъ!

Андрей Шамаръ. 2 сентября я спалъ въ Шанблѣ вмѣстѣ съ Бессономъ. Показывая свои ноги, онъ мнѣ сказалъ: «Еслибъ я не былъ боленъ, меня бы обвинили; несчастiе хоть на что-нибудь да пригодилось.»

Любопытство возбуждается въ высшей степени при вызовѣ новаго свидѣтеля, — госпожи *де ла Рошъ-Негли*, тещи г. Марселянжа. Она одѣта съ богатой простотой: на ней черное шолковое платье, обшитое мѣхомъ, шляпка шолковая голубая. Черные длинные локоны обрамляютъ лицо, почти еще молодое, несмотря на объявленные ею пятьдесятъ восемь лѣтъ; взглядъ быстрый, повелительный, губы тонкія. походка благородная и гордая.

Госпожа Рошъ-Негли отвѣчаетъ на вопросы спокойно, безъ всякаго внутренняго волненiя.

В. Неизвѣстно ли вамъ, были ли между г. Марселянжемъ и вашей дочерью несогласiя съ самаго начала ихъ супружеской жизни?

О. Г. Марселянжъ не умѣлъ быть счастливымъ съ моей дочерью съ первыхъ дней брака.

В. Когда вы поселились вмѣстѣ съ ними, были ли вы свидѣтельницей ихъ домашнихъ ссоръ?

О. Иногда.

В. Не принимали ли въ нихъ сами участiя?

О. Напротивъ того.

В. Не было ли у васъ съ вашимъ зятемъ денежныхъ споровъ?

О. Нѣтъ, никакихъ.

В. Почему оставилъ онъ супружескiй кровъ?

О. Вѣроятно г. Марселянжъ находилъ это для себя болѣе выгоднымъ.

В. Извѣстно ли вамъ, что г. Марселянжъ, покушавъ однажды личницы, приготовленной вашими людьми, почувствовалъ себя очень дурно и жаловался, что онъ отравленъ?

О. Мы никогда не слыхали ничего подобнаго... никогда!.. никогда!..

В. Не жаловался ли онъ съ горечью на поведенiе въ отношенiи къ нему Якова Бессона и Марiи Будонъ?

О. Нѣтъ.

В. Не вмѣшивалась ли Марiя Будонъ въ семейныя дѣла ваши?

Не сказала ли она однажды: «онъ счастливъ что имѣеть такую жену; я бы давно управилась сама собой»?

О. Люди мои знаютъ только свое дѣло; они не вмешивались въ наши ссоры.

В. Находялся ли Яковъ Бессонъ 1 сентября въ Пюи?

О. Да, онъ легъ въ восемь часовъ.

В. Выходилъ ли онъ вечеромъ того дня?

О. О, отнюдь нѣтъ, отнюдь нѣтъ!

В. Не ходилъ ли онъ гулять прежде чѣмъ легъ спать?

О. Да, сударь, но недалеко.

В. Въ которомъ часу вы возвратились домой 1 сентября?

О. Я воротилась домой въ девять часовъ, съ дочерью, за которой заѣзжала къ одной нашей знакомой.

В. Не возвращался ли кто-нибудь изъ вашихъ домашнихъ въ двѣнадцать или въ часъ ночи домой?

О. Рѣшительно никто.

В. Хотя Бессонъ служилъ у васъ, на вашемъ жалованьи, не ходилъ ли онъ однако работать въ Шанбла большую часть недѣли?

О. Да, онъ ходилъ туда очень часто.

В. Почему посылали вы работать въ Шанбла человѣка, находящагося въ услуженіи у васъ?

О. Потому что тамъ было для него занятіе.

В. Знали ли вы, что между Бессономъ и вашимъ зятемъ бывали ссоры?

О. Мнѣ объ нихъ говорили, но я не знала, чтобы онѣ могли быть серьезны.

В. Послѣ прекращенія сожителства вашего зятя съ женой, не старались ли нѣкоторые члены вашего семейства возстановить между ними согласіе?

О. Да.

В. Не противились ли вы этому?

О. О, никогда!

Послѣ графини Рошъ-Негли женщина *Шамаръ* показала, что однажды она встрѣтила въ лѣсу Якова Бессона, гуляющаго съ дамами Шанбла; онъ обхватилъ вѣвъ подъ руки.

Женщина Шамаръ можетъ-быть видѣла и еще что-нибудь, потому что хозяинъ ея г. *Утенъ* (Oudin) слышалъ какъ она рассказывала, будто на гуляньи въ лѣсу, подавая руку госпожѣ Марселянжъ, Бессонъ дѣлалъ то, чего неслѣдовало дѣлать.

Наконецъ входитъ *Теодора де ла Рошъ Негли*, вдова Марселянжъ. Она вся одѣта въ черномъ; длинный вуаль скрываетъ ея лицо. Ей 38 лѣтъ. Врожденная ея неловкость и весьма замѣтные слѣды

оспы дѣлають ее гораздо старше. Сходство ея съ матерью поразительно. Отвѣты ея, даваемые сначала тихимъ, едва внятнѣмъ голосомъ, принимаютъ понемногу болѣе увѣренности.

Въ залѣ царствуетъ самое глубокое молчаніе.

Президентъ, вѣжливо, успокоительнымъ тономъ: — Сударыня, я принужденъ просить васъ приподнять вашъ вуаль.

Госпожа Марселянжъ открываетъ лицо, и обращается постоянно къ президенту.

Президентъ. Можете ли, сударыня, дать правосудію какія-либо объясненія объ убіеніи г. Марселянжа, вашего мужа?

Г-жа Марселянжъ. Я ничего не знаю.

В. Были ли враги у вашего мужа въ здѣшнемъ краѣ?

О. Нѣтъ. Когда онъ скончался, я давно уже была въ разлукѣ съ нимъ.

В. Не было ли споровъ между вами и вашимъ мужемъ?

О. Были, по случаю нѣкоторыхъ требованій моей матери; г. Марселянжъ хотѣлъ разлучиться со мной, потомучто я не рѣшалась оставить матери.

В. Мужъ вашъ требовалъ вашего возвращенія подъ супружескій кровъ, но вы отказались.

О. Здоровье мое не позволяло мнѣ соединиться съ мужемъ; въ Шанблѣ вообще холодно и я намѣрена была провести зиму въ Пюи.

В. Не отправились ли вы въ Ліонъ, къ вашей матери, на время вашихъ родовъ?

О. Да.

В. Вашъ мужъ не пріѣхалъ ли за вами въ Ліонъ послѣ вашихъ родовъ?

О. Да.

В. У васъ тогда не было еще несогласій съ вашимъ мужемъ?

О. Были незначительныя ссоры и я надѣялась, что присутствіе моей матери возстановитъ согласіе въ нашемъ семействѣ, въ особенности когда она свои доходы соединитъ съ нашими.

В. Послѣ того ссоры ваши, говорятъ, еще усилились?

О. Мнѣ кажется, что на этотъ счетъ много преувеличено.

В. Вашъ мужъ при жизни говорилъ всѣмъ, что онъ могъ бы жить съ вами въ согласіи, еслибъ не совѣты, которые вамъ давала ваша мать.

О. Это неправда.

В. Въ какомъ промежуткѣ времени скончались ваши дѣти?

О. Четыре мѣсяца спустя одинъ послѣ другого.

В. Увѣдомили ли вы вашего мужа о смерти второго ребенка?

О. Онъ скончался почти скоропостижно.

В. Старался ли тогда вашъ мужъ сблизиться съ вами?

О. Да.

В. А вы чтоже, сударыня?

О. Право не знаю.

В. Не заболѣлъ ли Бессонъ оспой вскорѣ послѣ васъ?

О. Да, около 7 или 8 августа.

В. Когда онъ выздоровѣлъ?

О. Въ концѣ августа онъ началъ поправляться.

В. 1 сентября 1840 г. не возвратился ли кто-нибудь домой послѣ полуночи?

О. Не знаю, я спала.

В. Извѣстно ли вамъ, что поѣвъ кушавья, приготовленнаго вашими людьми, г. Марселянжъ заболѣлъ и жаловался, что онъ отравленъ?

О. Я никогда не слыхала ничего подобнаго.

В. Не сказали ли вы однажды въ Шанбла, когда молотили хлѣбъ, въ присутствіи Обріе: «Я бы желала, чтобы моего мужа вымолотили подобнымъ образомъ»?

О. Я даже не знаю этого человѣка.

Президентъ. Пригласите свидѣтеля Обріе.

Обріе входитъ.

Президентъ. Сударыня, узнаете ли вы этого человѣка?

Г-жа Марселянжъ. Я съ нимъ никогда не говорила и знаю его только въ лицо.

Президентъ. Какъ же онъ можетъ утверждать, что вы сказали вышеприведенную фразу, если вы съ нимъ никогда не говорили?

Г-жа Марселянжъ. Я не могла сказать ничего подобнаго.

Президентъ. Но вы соглашаетесь съ тѣмъ, что вы съ нимъ говорили?

Г-жа Марселянжъ. Обріе никогда не былъ моимъ наперсникомъ.

Президентъ, къ Обріе. — Слышали ли вы, какъ госпожа Марселянжъ произнесла слова, которыя вы повторили?

Обріе. Слышалъ.

Обріе передаетъ подробности этого разговора. При каждомъ словѣ госпожа Марселянжъ прерываетъ его; она не боится болѣе говорить громко, и смотритъ прямо въ лицо Обріе. — Въ какое время слышали вы, сказала она, чтобы я говорила что-нибудь подобное? Въ которомъ году?

Обріе. Я, сударыня, не могу опредѣлить эпохи.

Г-жа Марселянжъ. Но годъ?

Обриэ. Мнѣ кажется, что это былъ мѣсяць...

Г-жа Марселляжъ. Начнемъ съ году.

Обриэ. Это былъ мѣсяць...

Г-жа Марселляжъ. Но годъ! годъ! Мнѣ нужно знать годъ!

Обриэ. Это было въ годъ послѣ смерти вашего отца.

Г-жа Марселляжъ. Этого недостаточно; назовите годъ! Что же? Еще разъ повторяю: мнѣ нужно знать годъ!

Г-жа Марселляжъ опровергаетъ равнымъ образомъ показаніе *Маріи-Анны Моренъ*, будто она сказала: *Я бы желала, чтобы мужъ мой, лошади и экипажъ провалились идль-нибудь въ пропасть.*

Марія-Анна Моренъ настаиваетъ на своемъ показаніи.

Г-жа Марселляжъ. Я даже не знаю этой женщины.

Марія Моренъ. Вы меня не знаете!.. а кто же хомятъ за вашими коровами въ Шанблэ?

Г-жа Марселляжъ. Можетъ-быть, но я ее не знаю. Впрочемъ я не могла бы даже сказать ничего подобнаго. По природѣ я не очень разговорчива, въ особенности съ людьми. Наконецъ гдѣ же я сказала это?

Марія Моренъ. У васъ на дворѣ, возлѣ воротъ, гдѣ я васъ нашла при моемъ приходѣ.

Г-жа Марселляжъ (съ гордостью). Развѣ я имѣю обыкновеніе исполнять обязанность дворника?

Президентъ. Извѣстно ли вамъ, что г. Марселляжъ-отецъ получилъ безымянное письмо?

Г-жа Марселляжъ. Нѣтъ.

В. Вы не слышали ничего объ этомъ?

О. Нѣтъ.

В. Не желаете ли вы взглянуть на это письмо?

О. Какъ вамъ угодно.

Г-жа Марселляжъ, бросивъ взглядъ на письмо: — Я его вижу въ первый разъ.

Президентъ. Не находите ли вы, что почеркъ этого письма похожъ на вашъ почеркъ?

Г-жа Марселляжъ. Нѣтъ.

Президентъ. Не замѣчаете ли вы, что буква *М* написана такъ, какъ вы имѣете обыкновеніе ее писать?

Г-жа Марселляжъ. Нѣтъ.

Адвокатъ Бакъ. При дѣлѣ есть письмо госпожи Марселляжъ, адресованное на имя мера Берже; вы его узнаете?

Г-жа Марселляжъ. Да.

Президентъ. Не посылали ли вы Бессону, съ тѣхъ поръ какъ онъ содержится въ тюрьмѣ, пищу и вещи?

О. Да, я ему доставила постель и посылала ежедневно объѣдъ.

В. Однако вы знали, что онъ обвѣнчался въ убійствѣ вашего мужа?

О. Я никогда не думала, что онъ можетъ быть виноватъ; я его видѣла у себя въ восемь часовъ вечера, когда онъ ужиналъ и ложился спать.

В. Вы его видѣли когда онъ ложился спать?

О. Нѣтъ, сударь; я поѣхала провести вечеръ у госпожи Рошъ-Негли, моей тетки.

В. Въ какомъ часу вы воротились?

О. Въ девять часовъ.

Адвокатъ Бакъ. Не старался ли г. Марселянжъ примириться съ вами послѣ прекращенія сожительства?

До настоящей минуты, кромѣ нѣсколькихъ движеній нетерпѣнія, Теодора Марселянжъ владѣла собой вполне. Энергія ея души проявлялась только въ лаконическихъ и гордыхъ отвѣтахъ; въ нихъ замѣтно было ясное пониманіе дѣла, сильная воля и большая осторожность. При вопросѣ г. Бака она обернулась въ первый разъ къ слушателямъ и сказала:

— Нѣтъ, м. г., никогда!

Президентъ. Г. де Шомуру, вашъ родственникъ, не старался ли возстановить между вами согласія?

Г-жа Марселянжъ. Г. Шомуру никогда не спрашивалъ насъ о нашихъ дѣлахъ; онъ никогда ими не занимался.

Адвокатъ Бакъ. Однако г. Шомуру показалъ совершенно противное.

Г-жа Марселянжъ. Повторяю, онъ со мной никогда не говорилъ о нашихъ дѣлахъ.

Президентъ. По возвращеніи вашемъ съ матерью въ Шанбла, не ходили ли вы гулять въ лѣсъ?

Г-жа Марселянжъ. Да.

Президентъ. Вы подавали руку Якову Бессону?

Г-жа Марселянжъ (съ презрѣніемъ). Нѣтъ, сударь, нѣтъ. Еслибъ я устала, я бы облокотилась на руку своей горничной.

Президентъ. Вы требовали раздѣла имущества? Какія тому были причины?

О. Мужъ мой разорялъ имѣніе и отказывалъ мнѣ въ необходимомъ.

В. Не говорили ли вы, что мужъ вашъ былъ чѣмъ-то вроде приказчика?

О. Я никогда не говорила ничего подобнаго. Правда, я узнала,

что Марселянжъ не его фамилія и что его звали *просто* Вильгарденъ ; но это было еще до свадьбы.

Адвокатъ Бакъ. Г. президентъ , не угодно ли вамъ спросить у госпожи Марселянжъ , не произнесла ли она , осматривая помѣстье Шанбла послѣ смерти мужа, слѣдующихъ словъ : *Ахъ! мой замокъ, мой замокъ! какъ тебя отдѣлали, бѣдный мой замокъ! зачѣмъ же умеръ раньше этотъ свинья Марселянжъ!*

Г-жа Марселянжъ. Я, сударь, никогда не употребляю подобныхъ выраженій.

Президентъ. Слѣдовательно вы сказали только : *Зачѣмъ онъ не умеръ раньше?*

Г-жа Марселянжъ. Нѣтъ, сударь.

Адвокатъ Бакъ. Знали ли вы , сударыня , что втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ смерти вашего мужа , его тревожили зловѣщія предчувствія?

Г-жа Марселянжъ. Такъ какъ я не жила съ нимъ , то и не могу знать этихъ подробностей.

Президентъ. Не желаетъ ли кто сдѣлать другіе вопросы госпожѣ Марселянжъ? (Глубокое молчаніе). Сударыня, вы можете удалиться.

Одинъ изъ присяжныхъ. Я желалъ бы знать , правда ли , что во время пребыванія г. Марселянжа въ Пюи ему отвели самую неудобную комнату?

Г-жа Марселянжъ. Ему дали комнату, которая была свободна.

Послѣ этихъ словъ Теодора де Марселянжъ садится возлѣ своей матери. На лицахъ какъ одной, такъ и другой незамѣтно ни малѣйшаго волненія.

По мѣрѣ того какъ пренія подвигались впередъ, настроеніе духа Бессона видимо измѣнялось. Лицо наливалось кровью , глаза вздувались, во всѣхъ чертахъ видно было уныніе. Онъ слѣдилъ съ безпокойствомъ за послѣдними показаніями , облокотивъ голову на лѣвую руку.

Президентъ открылъ списокъ лицамъ, долженствовавшимъ свидѣтельствовать въ пользу подсудимаго.

Докторъ Юрбъ (Urbe) пользовалъ Бессона; болѣзнь была серьезная ; больной началъ выходить въ послѣднихъ числахъ августа.

Аббатъ Гедъ (Hedde), викарій въ Пюи, причащалъ Бессона 17 августа. Послѣ убійства Бессонъ былъ очень огорченъ. По мнѣнію аббата, онъ казался ему всегда человѣкомъ спокойнымъ , строго исполняющимъ свои обязанности , неспособнымъ сказать даже неприличное слово.

Свидѣтель прибавляетъ , что онъ давалъ обвиненному религіоз-

ныя утѣшенія въ тюрьмѣ. Привратникъ тюрьмы опровергаетъ, чтобы подобное сообщеніе могло имѣть мѣсто; тогда аббатъ Гедъ сознается, что онъ не могъ проникнуть до самого арестанта, но проходя по коридору тюрьмы, видѣлъ его сквозь рѣшетку одной двери.

Привратникъ. Я увѣренъ, что Бессонъ не имѣлъ сообщенія ни съ кѣмъ, развѣ только хитростью.

Президентъ, аббату. — При тюрьмѣ есть кацелярь и ваше посѣщеніе могло быть излишнимъ.

Аббатъ Гедъ. Я полагалъ, что принявъ его исповѣдь... къ духовному отцу имѣютъ обыкновенно болѣе довѣрія... Сверхъ того я не зналъ, что Бессонъ содержится въ секретѣ: съ нимъ гуляли многіе арестанты.

Привратникъ. Вы ошибаетесь, и этого быть не могло. Втеченіе двухъ мѣсяцевъ Бессонъ былъ удаленъ отъ всякаго сообщенія.

Фабръ показываетъ, что онъ видѣлъ обвиненнаго 1 сентября вечеромъ, около половины осьмого или осьми часовъ, возвращающагося домой.

Показанія остальныхъ шести свидѣтелей не заключаютъ въ себѣ ничего новаго; они вращаются на томъ, что 1 сентября вечеромъ Бессонъ былъ дома и что лица, показывавшія противъ Якова, подкуплены семействомъ Марселянжа.

Всѣ однако замѣтили отсутствіе одного свидѣтеля, самаго важнаго: Маріи Будонъ. Почему ее здѣсь нѣтъ? Почему она не явилась на приглашеніе суда? Не опасались ли ея присутствія, и таинственное покровительство не скрыло ли ее отъ правосудія, которое могло потребовать отъ Маріи строгаго отчета? Общественное мнѣніе дѣлало эти вопросы съ перваго засѣданія; *адвокатъ Бакъ* въ свою очередь считаетъ нужнымъ сдѣлать ихъ теперь дамамъ Шамбла.

Приглашаютъ Теодору де Марселянжъ.

Президентъ. Дѣвушку эту искали безуспѣшно; не можете ли вы, сударыня, сообщить правосудію какія-либо о ней свѣдѣнія?

О. Я не знаю что сдѣлалось съ этой женщиной.

В. Давно ли она васъ оставила?

О. Да, давно... (спохватившись) Съ того времени какъ она насъ... оставила, она мнѣ нужна была для... совершенія путешествія, и съ того времени... я ее не видѣла.

В. Но не слышали ли вы о ней чего-нибудь? Не старались ли вы получить или не получали ли вы отъ нея извѣстій?

О. Нѣтъ.

Адвокатъ Бакъ. Какъ давно видѣли вы ее въ послѣдній разъ?

О. Недѣль шесть тому назадъ ; съ тѣхъ поръ я ее не видѣла.

В. Въ какой странѣ вы оставили Марію Будонъ?

О. Я была на водахъ въ Эксѣ и тамъ ее оставила.

В. Какъ! вы покинули дѣвушку, которая вамъ служила столько времени, которая поѣхала съ вами въ далекое путешествіе, — вы покинули ее на чужой сторонѣ?

О. Она сама пожелала тамъ остаться.

В. И вы, принимая вашъ отвѣтъ за достовѣрный, вы согласились оставить ее на чужой сторонѣ, незанимаясь болѣе ею?

О. Ей очень понравилось въ тѣхъ краяхъ.

В. Слѣдовательно эта дѣвушка, которая вамъ служила съ такимъ усердіемъ, бросила васъ и привадила возвратиться однихъ?

О. Повторяю, что она сама желала тамъ остаться.

В. Этому трудно повѣрить: всѣмъ извѣстна привязанность здѣшнихъ жителей къ нашимъ горамъ; ниодинъ изъ нихъ не захочетъ остаться одинокимъ на чужой сторонѣ.

О. Марія Будонъ этого хотѣла.

В. И вы согласились, — вы, которые знали очень хорошо, что правосудіе потребуетъ ея присутствія, что показаніе ея столь важно?

О. Я не виѣла права противиться ея намѣреніямъ.

Нѣтъ возможности описать глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго этими странными, холодными отвѣтами: всѣ приходили въ изумленіе, негодованіе, даже въ ужасъ. *Я ее тамъ оставила, съ очень нравилось въ тѣхъ краяхъ...* При этихъ фразахъ невольная дрожь пробѣгала по зрителямъ. Всѣ предугадывали здѣсь новую тайну, страшную тайну; подобныя женщины кажутся на все готовы, отъ нихъ можно ожидать всего.

Госпожа Марселянжъ думаетъ однако, что она покончила съ правосудіемъ; она встаетъ, немного блѣвѣе обыкновеннаго, и вѣрнымъ шагомъ направляется къ матери. Молчаніе воцарилось страшное; во всей залѣ слышенъ только шумъ тяжелаго шелковаго ея платья; тѣ изъ зрителей, до которыхъ оно прикасалось, отодвигались инстинктивно отъ этой женщины.

Молчаніе, воцарившееся въ залѣ, не нарушается ничѣмъ втеченіи нѣсколькихъ минутъ. Президентъ смотритъ съ грустью на эту женщину; Бакъ съѣлъ, взволнованный истиннымъ душевнымъ смущеніемъ, неимѣющимъ ничего общаго съ заранѣе подготовленною ролью адвоката. Вдругъ онъ встаетъ. Нужно покончить съ этими женщинами, нужно, если это только возможно, вырвать у нихъ послѣднее слово. — Сударыня, можете ли вы сказать намъ, какое чувство руководило вами, когда вы отправили вашу горничную?

На сей разъ отвѣчаетъ уже не госпожа Марселянжъ, а мать ея,

графиня Рошъ-Негли. Она оборачивается съ гордостью, окидываетъ адвоката презрительнымъ взглядомъ съ ногъ до головы, и говорить :

— *Развѣ нами руководитъ чувство, когда мы отпускаемъ прислугу?*

В. Въ такомъ случаѣ, сударыня, можете ли объяснить, что побудило вамъ дочь оставить горничную въ Швейцаріи?

Графиня, съ видимымъ нетерпѣніемъ. — Оставить ее въ Швейцаріи! Горничная отошла отъ насъ, чтобы ухаживать за больной матерью, которая послѣ того скончалась. Она осталась въ Швейцаріи, потому что была больна отъ огорченія.

В. Какъ! она была больна?

О. Да, сударь.

В. И вы оставили ее тамъ безъ всякихъ средствъ? Какой же важный поводъ задержалъ вашу дѣвушку въ столь отдаленной мѣстности безъ надежды на помощь?

О. Она искала спокойствія души.

Новая дрожь пробѣжала по всему собранію; новое молчаніе. Графиня старается смотрѣть на всѣхъ съ презрѣніемъ, но невольно останавливаетъ свой взглядъ на адвокатѣ, который не снуетъ съ нея пытливаго взора.

Президентъ прерываетъ молчаніе; его голосъ дрожитъ. — Но наконецъ, сударыня, какія же средства у этой дѣвушки въ чужихъ краяхъ?

О. Кажется, что съ ея характеромъ она сумѣетъ заставить уважать себя.

В. Но что такое уваженіе, если нечѣмъ жить? Оставили ли вы ей или посылали денегъ?

О. Будучи уважаема, она будетъ работать.

В. Да вѣдь она больна! (Настойчиво). Оставили ли вы ей или посылали денегъ?

О. Нѣтъ, о нѣтъ.

Президентъ. Донольно! Ваши отвѣты будутъ взвѣшены.

Графиня. Какъ угодно!

Адвокатъ Бакъ. Есть вопросъ, котораго я не осмѣлился сдѣлать матери; но какъ ни тяжела моя обязанность, я его сдѣлаю вамъ, сударыня. Когда скончался одинъ изъ нашихъ внуковъ, не сказала ли ваша дочь: «Лучше что умеръ; онъ былъ бы такъ дурно воспитанъ?»

Графиня. Не думаю.

Адвокатъ Бакъ. Аббатъ Поль показалъ это положительно.

Графиня. Аббатъ Поль... А!

Адвокатъ Бака. Еще слово, сударыня. Извѣстно ли вамъ, что зять вашъ былъ увѣренъ, будто жена его отравила своихъ дѣтей?

Графиня встаетъ, бросаетъ на адвоката взглядъ невыразимаго презрѣнія и съ жестомъ, котораго передать нѣтъ возможности, говоритъ:

— Милостивый государь, на подобные вопросы не отвѣчаютъ.

И она уходитъ, не поклонившись суду и преслѣдуя Бака своимъ страшнымъ взглядомъ.

На слѣдующій день генеральный адвокатъ Муленъ читаетъ отчетъ о происходившихъ преніяхъ. Онъ описываетъ первое время, столь тихое, жизни супруговъ Марселянжъ, до дня, когда злосчастное вліяніе тещи поселило между ними несогласіе и даже ненависть. Ненависть эту раздѣляютъ двое преданныхъ людей: Яковъ Бессонъ и Марія Будонъ. Одинъ изъ нихъ скрылся отъ правосудія, и «вы вѣроатно оцѣнили уже всю важность этого обстоятельства и всю тяжесть подозрѣній, которыя оно бросаетъ на виновниковъ этого исчезновенія».

Генеральный адвокатъ описываетъ жизнь Бессона, который изъ пастуха возвысился понемногу до степени довѣреннаго чловѣка. Власть его превышала власть барина. Жизнь подъ однимъ кровомъ сдѣлалась невозможною для супруговъ, когда отца не увѣдомляли о смерти ребенка, или когда холодная мать, стоя у маленькаго гроба, могла произнести непонятную для всѣхъ насъ фразу: «Лучше что скончался этотъ ребенокъ! Какъ же бы онъ былъ воспитанъ подобнымъ отцомъ?»

Когда начали искъ о раздѣлѣ имущества, въ которомъ (странное противорѣчіе!) г. Марселянжа упрекаютъ въ томъ, что онъ управляетъ имѣніемъ съ слишкомъ большою расчетливостью, — когда началъ этотъ искъ, то можно-сказать защищали скорѣе дѣло Бессона, чѣмъ дамъ Шанбла. Посредствомъ этой тяжбы сбывались всѣ его надежды, вырвавшіяся неволью въ словахъ: «Я пасъ свиней въ Шанбла, но вскорѣ буду тамъ хозяиномъ».

Какъ же удивляться послѣ этого угрозамъ и предсказаніямъ Бессона, предчувствіямъ г. Марселянжа? Были ли эти предчувствія, эти опасенія послѣдствіями робкой души? Конецъ доказалъ противное.

Принужденный оставить Шанбла, г. Марселянжъ хочетъ отдать въ аренду свое помѣстье. «Понимаете ли какую ярость возбуждаетъ это извѣстіе? Здѣсь числа — роковое дѣло: 2 сентября долженъ быть подписанъ контрактъ; минуты дороги. Вы, которымъ нужно убить г. Марселянжа, спѣшите! Завтра будетъ поздно! Спѣшите! Ночь благопріятствуетъ, небо покрыто тучами, южный вѣтеръ дуетъ

съ силой; настало время. Вы едва поправляетесь отъ опасной болѣзни; ваше состояніе поможетъ вамъ устранить подозрѣніе. Спѣшите! пришолъ часъ! Если вы еще слабы, если вы еще несовсѣмъ поправились, побѣдите вашу слабость, сдѣлайте усиліе, ступайте; завтра, завтра 2 сентября, будетъ поздно. Убийца, спѣши!»

Даже генеральный адвокатъ рисуетъ картину злополучной ночи. Убийца имѣлъ успѣхъ во всемъ. Онъ зналъ такъ хорошо мѣстность... ему покровительствовали и темная ночь, и вѣтеръ дувшій съ такой силой...

По совершеніи преступленія, дамы ограничиваются нѣсколькими холодными словами. Вамъ сказали, что госпожа Марселянжъ проливала слезы. «Вы ее видѣли, господа присяжные; вы сами можете оцѣнить ея чувствительность. «Этого быть не можетъ! Я не понимаю какъ это случилось.» И все тутъ сказано! Я обращаюсь къ вашей совѣсти. Какъ приняли бы вы подобное извѣстіе? Могъ ли бы самый нечувствительный человѣкъ огривичиться этими холодными словами? Оставилъ ли бы онъ посланнаго въ кухню? Не поспѣшилъ ли бы онъ напротивъ того къ нему навстрѣчу, не закидалъ ли бы онъ его вопросами, не потребовалъ ли бы подробностей? Мы обвиняемъ здѣсь одного человѣка, господа присяжные, но поймите насъ, *мы затрогиваемъ нравственную сторону процесса.*»

Причина преступленія явна: это месть, и месть необыкновенная. Бессонъ удовлетворялъ собственную ненависть и ненависть дамъ Шавбла. Въ домѣ Шавбла таятся прежнія, глубокія, вѣрныя причины убійства, причины породившія преступленіе.

Къ нравственнымъ доказательствамъ, обвиняющимъ Бессона, присоединяются еще и матеріальныя: Бессона видѣли на мѣстѣ преступленія, съ ружьемъ, съ его чертами лица, съ его бархатными панталонами. Захотятъ можетъ-быть опровергнуть показаніе Клавдія Рено. Этимъ хвастались давно, напши даже свидѣтелей, чтобы его поколебать; но Рено, независимо отъ собранныхъ со всѣхъ сторонъ свѣдѣній, независимо отъ постоянства его въ истинѣ, Рено не можетъ быть лжесвидѣтелемъ. Лжепоказанія въ уголовныхъ дѣлахъ не бываютъ никогда противъ обвиненнаго. Правда, могутъ случиться отвратительныя исключенія, но они слишкомъ рѣдки. Кто могъ подкупить Клавдія Рено? Правосудіе? Этотъ пунктъ не требуетъ даже опроверженія. Это благородное семейство, которое исполняетъ открыто самую священную обязанность? Нѣтъ, Рено не могъ быть соблазненъ. Онъ могъ, подъ вліяніемъ страха, скрывать долго истину; но наконецъ совѣсть восторжествовала.

Показаніе Пюженъ достаточно доказываетъ, что ночью съ 1 на 2 сентября дверь дома отворилась и затворилась. Дамы въ этотъ

день возвратились въ девять часовъ; аббатъ Карталъ былъ дома. Остаются: Марія Будонъ, чтобы отворить дверь, и Яковъ Бессонъ — чтобы въ нее войти. Спросите теперь себя: почему Марія Будонъ похищена у правосудія?

Если оправданіе невозможно, то что же сдѣлается съ alibi, въ особенности при столь многочисленныхъ примѣрахъ подкупа? Впрочемъ свидѣтели, показывавшіе въ пользу alibi, появляются только два съ половиною мѣсяца спустя послѣ 1 сентября, — тогда, когда память можетъ уже измѣнить или по крайней мѣрѣ упустить изъ виду нѣкоторыя подробности.

Слѣдовательно есть полное убѣжденіе, и «сказаніе должно послѣдовать за преступленіемъ. Виновный передъ вами. Виновный!.. это человекъ, который ненавидѣлъ несчастнаго Марселяжа, который хотѣлъ быть хозяиномъ на его мѣсто. Можетъ-быть посторонняя страсть возбудила его, но онъ одинъ отправился на мѣсто въ тотъ день, когда преступленіе сдѣлалось необходимымъ. Все что можетъ сдѣлать убѣжденіе непоколебимымъ, все собрано здѣсь. Нравственныя доказательства связываются съ материальными. Совершено большое преступленіе; передъ вами большой преступникъ, но я не говорю единственный. Именемъ общества мы призываемъ всю строгость вашего правосудія на голову Якова Бессона.»

Чтеніе этого документа, простого, энергическаго, строгаго, было выслушано всѣми съ религіознымъ смущеніемъ, исключая главнаго дѣателя. Безстрастіе Бессона не измѣнилось ни на одну минуту. Каждый спрашивалъ у себя съ ужасомъ тайну этой непоколебимой безопасности.

Между тѣмъ встаетъ г. Руэ и произноситъ слово въ пользу обвиненнаго. Адвокатъ напоминаетъ сперва, почему дѣло не было предоставлено разбирательству мѣстнаго суда.

...Основаніе нашего процесса колеблется, въ немъ разыгрываются страсти, которыя могутъ повести къ непоправимымъ ошибкамъ; всѣ поняли, что первые судьи не представляли достаточной гарантіи въ законномъ безпристрастіи. Не будутъ ли васъ преслѣдовать и здѣсь эти страсти, дурные совѣтники, снабдители судебныхъ мѣстъ судейскими ошибками? Не встрѣтили ли вы въ публикѣ заранѣе составленныхъ убѣжденій, которыя вкрались въ душу того, кто не зналъ еще, что будетъ присяжнымъ въ настоящемъ дѣлѣ!

Но не спѣшите, господа, записывать моихъ словъ, и давать имъ значеніе, котораго они не имѣютъ. Пусть никто не думаетъ, что я хочу обвинять неутѣпное семейство. Его горе свято и достойно уваженія. Я знаю, что этому семейству принадлежитъ право требовать у правосудія мести за пролитую кровь: право это освящено законодательствомъ; оно вписано въ человѣческіе законы. Но я знаю также, что желаніе

места, какъ бы оно ни было священо, можетъ ослабить, что желаніе получить законное удовлетвореніе можетъ привести иногда къ заблужденію самыхъ законныхъ, самыхъ благородныхъ мысли.

• Предубѣжденіе!... Вотъ завязка настоящаго дѣла! Вотъ опасеніе, которое должно занимать васъ постоянно! Не слушайте его обманчиваго голоса! устранили отъ васъ всякую страсть, всякое движеніе взволнованнаго сердца! Я хочу говорить только съ голосомъ разсудка. Я хочу имѣть слушателей хладнокровныхъ, серьезныхъ, взвѣшивающихъ осторожно каждое обвиненіе и останавливающихся передъ опасеніемъ произнести несправедливый приговоръ. Устранивъ предубѣжденіе, займитесь твердо разсмотрѣніемъ дѣла, одного дѣла. Не допускайте сомнѣній; пусть краснорѣчивое слово не волнуется нашего сердца. Выводы, смѣшанные со слезами и скорбью — величайшая опасность для совѣсти присяжнаго. Съ нашей стороны вамъ ненужно опасаться подобной ошибки; мы повторяемъ еще разъ: обращаемся только къ голосу разсудка.

Послѣ этого ловкаго вступленія, г. Руэ приступаетъ къ изложенію фактовъ. И во первыхъ онъ воздержится отъ всякаго вмѣшательства въ домашнюю жизнь семейства. Защитникъ Бессона, онъ не обязанъ защищать той, которой никто не считалъ еще себя вправе обвинять. Онъ это говоритъ по крайней мѣрѣ; но уступая тотчасъ же необходимости защиты своего кліента, Руэ рассказываетъ исторію супружества Марселянжа: напоминаетъ, что г-жа де ла Рошъ-Негли свадебнымъ контрактомъ отказалась отъ всего, что для пользы своего зятя она отдала помѣстье въ аренду за самую ничтожную плату. Съ чьей стороны самоотверженіе? Но Вильгарденъ сдѣлалъ долги; одна мысль его завиваетъ: для уплаты долговъ, онъ боится починать свое наследственное имѣніе; онъ сберегаетъ доходы. Онъ заводитъ скупость въ домѣ, привыкшемъ къ роскоши.

Смерть г. Шанбла даетъ ему новаго кредитора — графиню. Вильгарденъ струсилъ: ему пужно имѣть тещу подъ рукой, слить во едино оба состоянія. Въ Пюи, г-жа Шанбла хочетъ жить согласно своему званію; Марселянжъ думаетъ только о томъ, какъ бы уплатить долги. Вотъ начало непріятельскихъ дѣйствій. Могли ли какія-либо страсти взять верхъ надъ денежными спорами? Бессонъ и Марія Будонъ, старые служители дома, были необходимыми повѣренными. Вотъ и все.

Послѣ разлуки супруговъ Бессонъ остался на жалованьи у г. Марселянжа, хотя служилъ по преимуществу женѣ и тещѣ. Онъ не былъ причиною тяжбы, которая воспламенила воображеніе г. Марселянжа и показывала ему вездѣ враговъ.

Послѣ преступленія Бессонъ былъ арестованъ; ни одно матеръ-

льное доказательство не говорило противъ него и твердость его втеченіе двухъ лѣтъ ни въ чемъ себѣ не измѣнила. Напротивъ того, показанія обвинительныхъ свидѣтелей мѣнялись поминутно.

Обвиненіе, которое пережило всѣ остальные, которое выросло изъ постоянной измѣчивости свидѣтельствъ, обвиненіе противъ Якова Бессона, — одно ли оно, и сильно ли оно? Нѣтъ; его обвиняютъ какъ виновника въ убійствѣ, и кромѣ того какъ соучастника въ немъ: двойное притязаніе, ослабляющее силу самаго обвиненія.

Приводятъ и нравственныя, и матерьяльныя доказательства.

Нравственныя доказательства: они основаны на фразахъ, которыя могутъ быть опровержены или объяснены грубостью и недостаткомъ образованія. Фразы не доказательство.

Но развѣ преступленіе не можетъ быть объяснено иначе, какъ ненавистью лакея? развѣ оно не могло быть совершено кѣмъ другимъ, а не Бессономъ? За нѣсколько времени до смерти Марселянжа одинъ несчастный лѣсной сторожъ палъ подъ пулю убійцы: какая-нибудь пустая неприязнь, за поимку въ воровствѣ лѣса. Не могла ли подобная же причина вооружить убійцу противъ г. Марселянжа? Въ минуту, когда Коломбе, этотъ сторожъ, боролся со смертью, г. Алироль, докторъ въ Пуи, услышалъ въ толпѣ слова: *тоже самое случится съ Марселянжемъ!*

• Чтѣ доказываетъ противъ Бессона осужденіе Арзака? Разумѣется мы должны принять съ уваженіемъ приговоръ присяжныхъ въ Пуи; но другихъ присяжныхъ ничего не связываетъ. Странная загадка этотъ Арзакъ: вы видѣли какъ г. президентъ просилъ его именемъ свободы, именемъ надежды на помилованіе, открыть все правосудію, вы видѣли, что онъ остался твердъ, непоколебимъ; вы слышали, какъ онъ повторялъ: «Люди несправедливы, Богъ будетъ меня судить.» Отгадали ли вы этого человѣка? Обвиненіе не должно вооружаться показаніями Арзака! Въ нихъ все сомнительно, невѣрно.

• Матвѣй Рено узналъ Бессона; во время слѣдствія онъ показалъ противное. Пять человѣкъ свидѣтелей рассказываютъ встрѣчу съ Бессономъ каждый по-своему. Развѣ вы можете болѣе вѣрить кабацкимъ сплетнямъ, чѣмъ торжественному показанію, данному въ присутствіи судьбы?

• Но все падаетъ передъ алibi. Никогда небыло лучше доказаннаго; его удостовѣряютъ восемь человѣкъ свидѣтелей. Осудите съ Яковомъ Бессономъ и этихъ людей, если вы захотите быть послѣдовательны. У васъ не хватило духу арестовать ихъ: слѣдовательно алibi остается въ своей силѣ; оно остается какъ могущественное сомнѣніе, въ присутствіи вины и жи главныхъ свидѣтелей. Это сомнѣніе будетъ оплотомъ для обвиненнаго.

• Вотъ мои слова — въ пользу защиты, слова безыскусственныя, су-

хія, но необходимы. Да помогутъ они обвиненному! Да будутъ слова защиты увѣчаны успѣхомъ, который слѣдуетъ назвать законнымъ!.

27 августа Теодоръ Бакъ произнесъ слѣдующія слова :

• Господа присяжные. Когда, волнуемый тяжелымъ предчувствіемъ, Луи-Марселянжъ говорилъ у себя въ семействѣ про свою тоску и опасенія, тогда онъ воскликнулъ : «Если меня убьютъ, отпистите за меня!»

«А черезъ восемь мѣсяцевъ тотъ же самый крикъ раздался въ Шанбла и долетѣлъ до брата и сестры. Только на этотъ разъ крикъ поднялся изъ могилы.

• Братъ съ сестрой поклялись исполнить мольбу убитаго брата. Они сѣли на край могилы, ожидая мести, которая приходила слишкомъ тихо. И эта месть, призываемая два года, два года отвлекаемая, приближается наконецъ...

• Уже тотъ, чье жесвиѣтельство возвышалось между правосудіемъ и убійцею, преодолевъ нашими стараніями; что же касается тѣхъ, которые остаются свади обвиненнаго, то вчера еще одинъ Богъ зналъ, когда придетъ для нихъ день правосудія; сегодня же и люди начинаютъ его предчувствовать!

• Людовикъ-Марселянжъ умеръ, вы знаете какъ: полный надеждъ и жизни, готовый оставить наши горы, наполненные для него грустными воспоминаніями и мрачными предчувствіями, готовый соединиться съ любимымъ отцомъ, съ братомъ и сестрой, готовый возвратиться къ семейному счастью, котораго онъ такъ долго былъ лишонъ! Распоряженія для отъѣзда были сдѣланы; родители предупреждены, контрактъ на отдачу въ аренду Шанбла ожидалъ только подписи; на слѣдующій день онъ прощался навсегда съ здѣшнимъ краемъ, какъ вдругъ его поразила пуля убійцы!

• Онъ сидѣлъ среди своихъ людей, которые его любили; вокругъ все было тихо и спокойно. Вдругъ блеснула молнія, раздался выстрѣлъ, и онъ упалъ, неpronзвнесъ ни слова, непославъ даже прощальнаго вздоха своему семейству, навѣки потерянному!

• Бросаются на дворъ, чтобы преслѣдовать убійцу: мрачная ночь скрываетъ его въ своей тѣмѣ, порывистый южный вѣтеръ заглушаетъ шумъ его шаговъ...

• Кто виновникъ преступленія? Кого должно преслѣдовать? Кого называть? Какъ сбудется мольба несчастной жертвы?

• Все помогаетъ сокрытію виновнаго: дикая, угрюмая природа, гуща сосновыхъ лѣсовъ, лѣсовъ темныхъ и молчаливыхъ, скрывающихъ тайну убійцы, обрывистыя скалы, глубокіе овраги и нравы болѣе грубые, чѣмъ вся эта грубая природа.

• Правосудіе, сперва безсильное, стало искать у Марселянжа враговъ, и не нашло ихъ. Вспомните, какія слезы сопутствовали похоронному его шествію. Всѣ сосѣдніе крестьяне, всѣ служившіе въ доиѣ, провожали его до несѣднаго жилища. Всѣ молились и плакали надъ

его гробомъ! Всѣ!.. Нѣтъ, ошибаюсь. Одною тамъ не было; одинъ только остался въ замкѣ; онъ ѣлъ и пилъ, пока надъ трупомъ произносили послѣднія молитвы... Этотъ человѣкъ былъ Яковъ Бессонъ!

— Взгляните, говорите вы, на стража Коломбе! Какая нибудь пустая неприязнь! А кто вамъ говорить, что тайный узелъ не связываетъ этихъ двухъ убойствъ? Многіе это полагаютъ. Странныя подозрѣнія носились надъ этою смертью: Коломбе могло быть повѣрено что-нибудь тайнѣ. Все что я знаю, это то, что сказала г-жа Марселяннъ по случаю этого преступленія: *Коломбе убили, а убійцы не нашли!* И когда ей отвѣчаетъ мужикъ, что подобной вещи не можетъ случиться съ г. Марселянжемъ, эта женщина, которая въ вашемъ присутствіи держала себя такъ гордо, которая не поблѣднѣла давая свое показаніе вождѣ стула, на которомъ убить ее мужъ, — эта женщина, слушая слова Делюбра, сдѣлалась мрачною и безпокойною!

— Не вѣдъ слѣдовало произносить имя Коломбе.

— Правосудіе сбилось съ пути, говорите вы; подозрѣнія переходили шагъ развѣ отъ одного къ другому.

— Да, правосудіе сбилось съ пути; но могло ли быть иначе? Когда глубокая тайна окружала преступленіе, когда все покровительствовало убійцѣ, и затрудненіе добиться правды у этихъ обитателей горъ, которымъ всегда угрожаетъ месть, и легкость достать жесивдѣтелей между бѣдными, доступными обольщенію людьми, и семейство Шавбла, которое сыпало вокругъ себя лестью, настрашеніемъ, деньгами, — вы смѣете обвинять правосудіе, что оно ходило ощупью? — Въ самомъ дѣлѣ!!!

— А! можетъ-быть всѣ, на кого падало подозрѣніе, были участниками преступленія? Можетъ-быть между ними были помощники Бессона? Не знаю. Но какъ бы ни было, порадуемся этой вершинителности, этимъ минутнымъ ошибкамъ, потому что онѣ приготовили отъкрытіе истины. Произведено дознаніе о поведеніи каждаго изъ этихъ людей; невинность ихъ была провозглашена: убійцы не слѣдуетъ искать между ними. Всѣ вышли чисты изъ этого испытанія... всѣ!.. Одинъ остался, обремененный подозрѣніями, ежеминутно увеличивающимися, и этого-то и есть убійца! Вы сами убѣдитесь!

— Настоящее преступленіе не есть обыкновенное преступленіе. Бессонъ понялъ это и хотѣлъ защищаться. Его спросили, гдѣ, когда, онъ почувствовалъ себя въ первый разъ предметомъ подозрѣній, здѣсь ли, тамъ ли? Въсто отаѣта, онъ смутился... Нѣтъ. Яковъ Бессонъ, не въ кухнѣ, не на улицѣ, не вокругъ васъ слышался шопотъ, который васъ морозилъ! Вы слышали неясный голосъ вашей совѣсти! Вы слышали крикъ угрызенія совѣсти, подымавшійся изъ глубины вашей души! Обманутый страхомъ, вы читали во всѣхъ взглядахъ, вы слышали изъ всѣхъ устъ обвиненіе, которое подымалось только изъ вашей груди!

— Такимъ образомъ указанъ убійца! Вотъ первая примѣты! Вотъ куда нужно направиться! Голосъ, вышедшій изъ общественнаго мѣдѣя и изъ совѣсти человѣка, навнутри и навнѣ, направляетъ меня къ

дому Шанбла. Я вхожу туда и что же вижу? Семейство въ раздорѣ, борьбу жены съ мужемъ, тещу, которая поддерживаетъ несогласіе, ненависть, дошедшую до крайнихъ предѣловъ, и всѣ страсти, ведущія къ преступленію, накопившіяся надъ четырьмя лицами.

Здѣсь г. Бакъ рпсуетъ въ свою очередь исторію перваго времени этого супружества. Упрекаю въ скуности, сабланнымъ г. Марселлянжу, онъ противопоставляетъ расчетливую жизнь жены до дня прибытія въ Шанбла злополучной тещи. Тогда начинаются несогласія и домашній очагъ становится тѣснымъ для совмѣщенія супруговъ. Рассказываетъ о смерти дѣтей, передаетъ слова, сказанныя г-жою Марселлянжъ и прописанныя въ показаніи аббата Поля, и продолжаетъ:

• Но кто же вы, сударыня, вы, которые на гробѣ послѣдняго нашего ребенка выражаете такія звѣрскія чувства, что нѣтъ едвали можно повѣрить? Кто вы такаа, вы, которую ничто не трогаетъ, — ни видъ смерти, ни трауръ, который васъ окружаетъ, ни слезы, которыя льются вокругъ васъ? А! не знаю, но отъ васъ я могу ожидать всего, отъ васъ, которая неизвѣстно гдѣ остановитесь... Но я замолчу: я вспоминаю, что у васъ здѣсь нѣтъ защитника.

• После смерти дѣтей, уединенный въ огромномъ замкѣ Шанбла, среди дикихъ горъ, одинъ съ своими страшными опасеніями, вдали отъ друзей, семейства, лишонный всякой привязанности, г. Марселлянжъ провелъ много длинныхъ и скучныхъ часовъ. Вечеромъ, въ своей пустынной комнатѣ, онъ мечталъ о первомъ времени своей женитьбы, о семейныхъ радостяхъ, до которыхъ только прикоснулся, о счастьи, которое убѣгало, объ опасеніяхъ, отъ которыхъ онъ не могъ защититься, и съ сжатымъ сердцемъ, со слезами на глазахъ, немѣя души, гдѣ бы излить свою горечь, онъ спрашивалъ у Бога, у облаковъ, которыя пролетали, у блѣдныхъ звѣздъ, у всей окружающей меланхолической природы — не придетъ ли что-либо вырвать его изъ уединенія, не скрываетъ ли будущность какого-нибудь счастья, какой-нибудь неожиданной надежды? Но ничто ему не отвѣчало.. ничто, кромѣ унылаго крика ночной птицы, кромѣ шума вѣтра, который завывалъ между горъ и свисталъ вокругъ высокихъ сосенъ старыхъ лѣсовъ Шанбла! И тогда вдали, у опушки темнаго лѣса, онъ видѣлъ изображеніе Якова Бессона, съ ружьемъ на плечѣ, бросающее на него зловѣщіе взгляды и угрозы смерти!!!

• Въ эти-то таинственныя минуты г. Марселлянжъ прозираетъ въ свою участь, предсказывалъ смерть и просилъ мести за преступленіе. Кого опасался онъ въ особенности? Маріи Будонъ и Бессона.

Адвокатъ припоминаетъ всѣ слова и пророческія предсказанія о смерти г. Марселлянжа.

• Пустымъ привидѣніемъ, говорите вы; мечты больного воображенія —

всѣ эти страхи г. Марселляжа! Онъ умеръ, а вы требуете объясненія его предчувствій; вы требуете доказательствъ! Я, я вамъ указываю на могилу. Вотъ мои доказательства. Другихъ мнѣ не нужно!

•Сперва попробовали яду: процессъ Арзака доказалъ это. Каждый догадывается, какую роль Арзакъ разыгралъ въ убійствѣ. Намеки объ отравленіи, соучастіе въ немъ — кто другой могъ этого потребовать, кромѣ Бессона? Поведеніе его послѣ убійства доказываетъ это. Онъ думаетъ только о себѣ: показываетъ свои ноги, покрытыя ссадинами; начинаетъ оправдываться заранѣе; безпокойство вездѣ его преслѣдуетъ; у него нѣтъ той увѣренности, которую передъ вами называли спокойствіемъ невинности!»

Адвокатъ напоминаетъ всѣ обличительныя слова, вырвавшіяся изъ смущенной совѣсти Бессона и Маріи Будонъ; ненависть, которая пережила смерть, побѣгъ важнаго свидѣтеля, покровительство распространенное надъ обвиненнымъ, сваданіе гордой дамы съ Арзакомъ, пастухомъ въ лохмотьяхъ.

•Свидѣтелей, которыхъ нельзя подкупить, она страшаетъ. Нужно ли напоминать это странное выраженіе, вышедшее изъ устъ г-жи Марселляжъ: *Когда мы будемъ въ Шанбла, мы справимся съ свидѣтелями, показывающими противъ Бессона; мы ихъ поблѣмъ, какъ поблѣмъ г. Марселляжа.*

•Мы ихъ поблѣмъ! Что за выраженіе! Это вы поблѣте отъ страха!

•Всѣ слуги, всѣ приверженцы благороднаго дома поставлены на ноги. Лестъ, вострашеніе, подкупъ плодятся подъ попечительствомъ дамъ Шанбла. Марія Будонъ, Иванъ Моренъ по прозванію Будуль, главные агенты, ходятъ всюду, разсѣвая отъ имени дамъ обѣщанія, угрозы, деньги; успокоенныя такимъ рвеніемъ, дамы повѣряютъ слова, слышанныя Роарономъ: «съ деньгами можно все сдѣлать».

•Древнее наслѣдство семейства Шанбла тратится на покупку свидѣтелей. Одинъ человѣкъ видѣлъ убійцу, говорилъ съ нимъ, обладаетъ страшною тайною; Матвѣй Рено видѣлъ все, можетъ все сказать, и мы находимъ этого человѣка ведущаго веселую жизнь въ кабакахъ Пюи и восклицающаго съ стаканомъ въ рукахъ: *Выпейте, деньги барыни платятъ!*

•Я расточительность ота зашла далеко. Вы знаете состояніе дома Шанбла, вы знаете доходы его, могущіе удовлетворить всякой роскоши! Чтоже? когда начинались пренія въ Пюи, дамы Шанбла брали взаимны тридцать тысячъ франковъ! И это древнее помѣстье Шанбла, которое никогда не было обезвѣщено недоувѣріемъ кредитора, которое было чисто отъ всякаго долга, — его закладываютъ, чтобы платить за лжесвидѣтельство!

•Что за покровительство, что за необходимость доводить самоотверженіе дамъ Шанбла для Бессона до разоренія, до безчестія?

•Г-жа Шанбла сказала вамъ недавно этимъ гордымъ тономъ, кото-

рый всѣ вы слышали: *Люди мои знаютъ только свое дѣло.* Но для Бессона вѣроятно иногда отступали отъ аристократизма этого правила. Я бы желалъ знать, дѣлалъ ли онъ свое дѣло, когда вечеромъ, подъ тѣнью сосенъ Шанбла, въ пріятной зелени лѣсовъ, рука этихъ дамъ облакачивалась на немъ съ такой нѣжностью, что даже стыдливость деревенской женщины была встревожена! Когда я вспомню эту фамиллярность, эту живую противоположность между высокоумными требованіями дамъ и ихъ поведеніемъ, это наглое покровительство убійцы, я невольно спрашиваю себя съ содроганіемъ: каждая ласка гордой дамы не имѣла ли своей цѣли?.

Президентъ. Г. Бакъ, прошу васъ, не забывайте, что у дамъ Шанбла здѣсь нѣтъ защитника.

Адвокатъ Бакъ. Я не пойду дальше: еще не пришло время разгадки этой страшной тайны. Я не хочу еще звать, какую участь принимали дамы Шанбла въ убійствѣ г. Марселянжа. Но я знаю, что вдова, которая покровительствуетъ открыто убійцѣ своего мужа, подкупаетъ свидѣтелей, чтобы его спасти, которая для достиженія этой цѣли не щадитъ ни состоянія, ни чести, которую ничто не остававливаетъ, ни общественное мнѣніе, ни стыдъ, ни чувство собственнаго достоинства; что женщина, которая не признаетъ обязанностей возлагаемыхъ на нее ея положеніемъ, званіемъ, именемъ, самыми простыми приличіями; что подобная женщина недостойна состраданія! Еслибы открылись новые факты, новыя обвиненія противъ г-жи Марселянжъ, я не хотѣлъ бы ихъ слышать; довольно съ меня того, что я знаю. Я видѣлъ ея фамиллярность съ Бессономъ, я видѣлъ какъ она подготавливала лжесвидѣтелей, какъ она свисходила до этого постыднаго преступленія, чтобы спасти убійцу своего мужа; я не хочу знать больше ничего! Пусть она избѣгнетъ, если можетъ, мести законовъ: она не избѣгнетъ мести болѣе немолчливой, болѣе страшной, которая началась уже! Пусть она найдетъ въ своемъ сердцѣ наказаніе, котораго заслужила! Чтобъ для нея не было покоя! Пусть она вѣчно опасается быть изобличенною! Пусть страхъ будетъ ея спутникомъ! Пусть позоръ ее преслѣдуетъ! Пусть ее точитъ червь угрызенія совѣсти! Пусть, послѣ этой жизни стыда и страха, вѣчное правосудіе съедеть на ея могилу! Вотъ все, чего я хочу; я не требую другого наказанія для дамъ Шанбла!

• Кромѣ этихъ нравственныхъ доказательствъ нужны ли еще другія? Разумеется нѣтъ; но и матеріальныхъ доказательствъ у насъ много. •

Адвокатъ разсматриваетъ показанія Клавдія и Матвѣя Рено, Гра, Эксбрея и прочихъ, и продолжаетъ слѣдующими словами:

«Такимъ образомъ Бессона видѣли идущаго въ Шавбла. Это не все: Плюжень слышалъ какъ онъ возвращался. Остается еще одно доказательство, самое важное можетъ-быть, — эти обвинительные панталоны, которые скрыли.

• Что же противопоставляютъ всему этому? Alibi! послѣднее средство отчаянной защиты. Alibi! уступка слабости или снисходительности, воспоминаніе неполное, которое ловко подкрѣпляютъ, а можетъ-быть и вліяніе тѣхъ тридцати тысячъ франковъ, занятыхъ дамами Шавбла, вотъ элементы свидѣтельствъ портныхъ, кухарокъ, товарищей Бессона. Почему же во главѣ списка свидѣтелямъ, присланнаго г-жею Теодорою Марселянжъ королевскому прокурору, не вписаны имена самихъ дамъ? Какъ! вы знаете достоверно о невинности этого человѣка, вы съ нимъ говорили въ то время, когда совершалось преступленіе, вы можете спасти его однимъ словомъ, и вы молчите! Вдова Марселянжа, развѣ вы опасаетесь, что ваше показаніе заподозритъ? Говорите, сударыня! именемъ истины, именемъ правосудія, именемъ Бога, говорите! Вы молчите. Ваше имя слишкомъ благородно можетъ-быть, чтобы значиться въ спискѣ свидѣтелей. Но по крайней мѣрѣ впишите въ него имя вашей горничной. Нѣтъ! Марія Будонъ нѣма какъ и вы.

• Но что же остававляло этихъ женщинъ на порогѣ правосудія? кто говорилъ имъ, что ихъ свидѣтельство не будетъ имѣть вѣсу? А! знаю: Бессонъ былъ въ Шавбла. Вотъ почему онѣ предпочли купленные свидѣтельства.

• Такимъ образомъ все обвиняетъ Бессона, все, даже могила. Въ древнія времена, когда вѣра была сильнѣе, когда величіе церковныхъ обрядовъ производило глубокое впечатлѣніе на сердца, виновника въ преступленіи открывали иначе, чѣмъ посредствомъ разумныхъ, но медленныхъ изысканій уголовного судопроизводства. Окровавленный трупъ вносили въ церковь; зажигали вокругъ свѣчи, погребальныя пѣсни раздавались подъ священнымъ сводомъ; и среди этого мрачнаго великолѣпія, на глазахъ собравшагося молчаливаго народа, къ трупу приближался каждый, кого касалось подозрѣніе и возлагая руку на полуоткрытую рану, призывалъ небо въ свидѣтели своей невинности. Застывшая кровь должна была потечь подъ святотатственной рукою убійцы. Разумѣется чудо можетъ-быть и не совершалось. Но ужасъ сидѣлъ у ногъ трупа, крыло ангела смерти трепетало надъ открытымъ гробомъ; и когда приближался убійца, сердце его обмирало, охолодѣвшая рука не могла призвать неба въ свидѣтели и каждый могъ прочесть преступленіе на блѣдномъ его лицѣ.

• Бессонъ подвергся этому испытанію, и оно осудило его!

• Онъ вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ трупъ Марселянжа; онъ вошелъ въ нее съ ненавистью въ сердцѣ и съ радостью удовлетворенной мести въ глазахъ. Его взглядъ упалъ на гробъ и въ это краткое мгновеніе гробъ изобличилъ его!

• Господа, наша задача не кончена. Есть еще виновные, которыхъ

должно уличить. Какъ ни медленно подвигается наше дѣло, но мы знаемъ, что настанетъ часъ правосудія!

• Когда месть Бога изливала на землю воды потопа, гордая гора радовалась, думая, что одна долина будетъ затоплена. Между тѣмъ волны растутъ, растутъ безостановочно и заливаютъ уже скаты удивленной горы... Они растутъ, растутъ! вершина смѣется еще, когда уже первая волна брызнула на ея гордое чело.

• Такимъ точно образомъ семейство Марселянжа предчувствуетъ минуту, когда оно достигнетъ вершины своего дѣла. Втеченіи двухъ лѣтъ оно видитъ постоянно въ своихъ снахъ призракъ Людовика, который восклицаетъ: «Если я умру убитый, отомстите за меня!» И призракъ этотъ будетъ появляться постоянно, покуда месть не будетъ полная! и двѣ кровавыя раны въ его боку закроются только тогда, когда на могилѣ его не совершится тройное удовлетвореніе.

• Да! Чтобы мольба нашего брата исполнилась .. чтобы призракъ его удалился отъ насъ наконецъ, мы впишемъ, — это необходимо, — три имена на его гробъ: вчера Араака, сегодня Бессона, завтра васъ, дамы Шанбла!

Вся эта страсть, вся эта поэзія, обезцвѣченная можетъ-быть въ нашемъ переводѣ, глубоко затронули сердца слушателей. Глаза ищутъ инстинктивно дамъ Шанбла, которыхъ имена смѣлое краснорѣчіе пригвоздило такъ-сказать къ скамьѣ обвиненныхъ. Онѣ удалились; и *генеральный* адвокатъ, среди всеобщаго волненія, потребовалъ противъ Бессона приговора, безъ смягчающихъ обстоятельствъ. Потому что «ежели Бессонъ былъ орудіемъ чужихъ страстей, онъ въ тоже время служилъ и своимъ собственнымъ». *Г. Гуэ*, котораго талантъ, спокойный и умѣренный, подмѣтилъ слабую сторону обвиненія, проситъ обратить вниманіе на слѣдующее странное положеніе: есть заговоръ, говорятъ, между тѣмъ послушимый одинъ. Ежели виновныхъ больше, то почему же останавливаться передъ ними и вооружаться только противъ одного? Гдѣ же равенство передъ закономъ? Ежели господа невинны, то и лакей не можетъ быть виновнымъ; ежели они виноваты, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ судить всѣхъ вмѣстѣ.

Пренія кончились; на послѣдній вопросъ Бессонъ отвѣтилъ увѣряя энергически въ своей невинности. Присяжные уходятъ въ залу совѣщаній, и возвращаются черезъ двадцать пять минутъ, произнося елиногласно приговоръ виновности, безъ смягчающихъ обстоятельствъ. Хладнокровіе Бессона не устояло противъ этого удара: смертельная блѣдность покрыла его лицо; глаза налились кровью. Президентъ произноситъ приговоръ: приговоренный опускаетъ голову; ноги подъ нимъ подгибаются; его уводятъ.

16 сентября кассационный суд отвергъ апелляцію Арзака ; 29 сентября подана апеллія Бессона. Несоблюденіе формы при чтеніи показанія одного изъ свидѣтелей потребовало новаго пересмотра дѣла, которое и перенесено въ ронскій уголовный судъ.

Пришлось все начинать снова. Произведено вторичное слѣдствіе, въ то же самое время производилось королевскимъ прокуроромъ въ Пюи и дополнительное слѣдствіе. Современіе произнесенія приговора въ Ріомѣ правосудіе получило многочисленныя свѣдѣнія ; называли даже очевидцевъ ; такой-то слышалъ какъ Арзакъ говорилъ Бессону : « почему ты не стрѣляешь ? » Другой зналъ какою цѣною куплено было преступленіе. Пятьдесятъ два новыхъ свидѣтеля должны были открыть правосудію тайну , которой частица только была извѣстна.

Первое засѣданіе суда назначено было на 19 декабря.

Въ Ліонѣ съ большимъ любопытствомъ чѣмъ въ Пюи, чѣмъ въ Ріомѣ, ожидали появленія дамъ Шанбла. Народный вистивктъ чувствовалъ, что настоящій процессъ производится вокругъ этихъ двухъ женщинъ , и что каждый шагъ, слѣданный правосудіемъ впередъ, сдвигалъ завѣсу неприкосновенности , окружавшую вдову и тещу убитаго. Но и на этотъ разъ всеобщее ожиданіе было обмануто. За нѣсколько дней до открытія преній разнесся слухъ, что дамы Шанбла, вызываемыя къ суду во всѣхъ мѣстностяхъ , указанныхъ ихъ мѣстомъ пребыванія , не были найдены. Говорили , что онѣ скрылись въ какомъ-нибудь монастырѣ или бѣжали въ Сардинію. Марія Будонъ также не являлась.

Таково было положеніе вещей , когда ронскій уголовный судъ собрался подъ предсѣдательствомъ г. Жоссерана (Josserand). Кресло королевскаго прокурора занималъ г. Фельяль-Шовень (Feuilhade-Chauvin). Адвокатомъ обвинительной стороны былъ тотъ же молодой краснорѣчивый человекъ , который вовремя преній въ Пюи и въ Ріомѣ показалъ столько таланта, — Теодоръ Бакъ ; на скамьѣ защиты находился г. Лашо (Lachaud). Всѣ ожидали отчаянной борьбы этихъ двухъ атлетовъ, которыхъ защита г-жи Лафаржъ вызвала изъ мрака и освѣтила равнымъ блескомъ.

Всѣ чувствуютъ, что съ обѣихъ сторонъ сдѣлано будетъ послѣднее усиліе ; обвиненный призвалъ 48 человекъ свидѣтелей ; трое приглашенныхъ королевскимъ прокуроромъ не являются послѣ троекратнаго вызова ; это графиня де ла Рошъ-Негли де Шанбла, Теодора де ла Рошъ-Негли, вдова Марселянжа и Марія Будонъ. *Королевскій прокуроръ* приговариваетъ ихъ къ наказанію, определенному закономъ для свидѣтелей, неявляющихся по вызову правосудія.

Г. Лашо не удивляется, что эти несчастныя женщины избѣгаютъ роли свидѣтелей, тамъ гдѣ ихъ заставляютъ переносить всѣ страданія обвиненія, тамъ гдѣ ихъ распинаютъ публично; но по его мнѣнію, безъ ихъ присутствія защита Бессона невозможна. Ихъ отсутствіе падетъ всею тяжестью на его голову. Онъ полагаетъ отложить преніе.

Г. Бакъ противится этому. — Не наше слово, говоритъ онъ, удаляетъ ихъ. Еслибъ онѣ были невинны, онѣ бы положились на защиту закона. Но онѣ бѣгутъ!

Королевскій прокуроръ полагаетъ, что присутствіе этихъ дамъ не составляетъ необходимости. Онѣ давали показаніе только относительно одного факта, касающагося Бессона, — относительно *alibi*, и онѣ не единственныя свидѣтели этого факта. На будущемъ засѣданіи положеніе было бы тоже самое, а правосудіе не можетъ быть связано капризами свидѣтелей.

Судъ приказываетъ продолжать пренія. Мы не будемъ входить въ излишнія повторенія всѣхъ вопросовъ, извѣстныхъ читателю. Мы приведемъ только новыя факты, новыя показанія или измѣненія прежнихъ свидѣтельствъ. Итакъ напомнимъ:

Степанъ Гра, по прозванію *Форе*, встрѣтилъ Бессона вооруженнаго ружьемъ, близъ ла Шапель, за нѣсколько времени до совершенія преступленія.

Иванъ Гостейнкъ. За годъ до смерти г. Марселянжа, Андрей Арзакъ сказалъ мнѣ, что Яковъ Бессонъ предлагалъ ему 600 франковъ за отравленіе г. Марселянжа.

Михаилъ Сулье, дядя Арзака, сознаетъ, что Иванъ Моренъ, по прозванію Будуль, предлагалъ ему четыре или пять штукъ монеты въ сто су, лишь бы онъ не свидѣтельствовалъ противъ своего племянника.

Маргарита Моренъ говоритъ много новаго. Разказавъ то, что мы уже знаемъ объ Арзакѣ, она продолжаетъ: «Племянникъ мой передавалъ мнѣ, что Бессонъ предлагалъ ему большой кошелекъ: — О вы! сказалъ онъ мнѣ, — вы, которая такъ любите деньги, еслибъ вы видѣли все золото и серебро, которое я видѣлъ! Ими можно было бы наполнить вашъ фартукъ. Яковъ хотѣлъ дать мнѣ три тысячи штукъ въ двадцать су, и я не принялъ. — Чтожъ нужно было сдѣлать, спросила я, чтобы получить все это? — Положить яду въ супъ баряна. — А! отвѣтила я: — я бѣдна, но еслибъ даже г. Парронъ (казначей въ Пюв) наполнилъ мой фартукъ однимъ золотомъ, я бы все-таки этого не сдѣлала.»

В. Говорилъ ли вамъ Арзакъ кто далъ ему порошокъ?

О. Молодая барыня дала его Бессону, а Бессонъ моему племян-

нику. Якобъ Бессонъ собирався убить г. Марселянжа (это также рассказывалъ мнѣ Арзакъ), онъ отправился къ моему племяннику въ поле, приставилъ ружье къ его груди и грозилъ убить, если тотъ не пойдетъ съ нимъ вмѣстѣ, чтобы держать собаку. Арзакъ принужденъ былъ идти, и онъ пошелъ. По прибытіи въ Шавбля, Арзакъ держалъ собаку, которая его знала, Бессонъ хотѣлъ, чтобы онъ стрѣлялъ; Арзакъ отвѣтилъ, что онъ не умѣетъ цѣлить... и Бессонъ выстрѣлилъ.

Президентъ. Кто вамъ рассказалъ это?

Маргарита. Кто рассказалъ? Боже праведный! Собственные уста племянника; Арзакъ рассказалъ мнѣ все это въ то время, когда я нашла пули въ его карманѣ и спрашивала, откуда онѣ. Я тогда льстила ему, чтобы все узнать. То что я вамъ говорю теперь, я не хотѣла рассказывать. Но мой духовникъ принудилъ меня показать всю истину. Я сказала все... больше ничего не знаю.

И Маргарита глубоко вздохнула, какъ человѣкъ, котораго грудь освободилась отъ гнетущей ее тяжести.

— Знакомы ли были Арзакъ и Бессонъ? спросилъ *президентъ*.

— Они познакомились, отвѣтила Маргарита, — когда Бессонъ предложилъ ему отравить барина. Въ замкѣ они притворялись незнакомыми, но въ полѣ было совсѣмъ другое.

— Это ложь, воскликнулъ *Бессонъ*, немогшій во время этого показанія скрыть безпокойнаго любопытства, обнаруживавшагося холоднымъ потомъ, который инстинктивно вытирали его руки.

— Напротивъ того, все правда, отвѣтила *Маргарита* спокойно. — Это не ложь, другъ мой Бессонъ; это не ложь!

Приводятъ Арзака, который не знаетъ ничего о только-что давномъ показаніи. Онъ становится у рѣшотки съ самымъ спокойнымъ и равнодушнымъ видомъ. При первомъ вопросѣ онъ объявляетъ, что не понимаетъ пофранцузски и можетъ отвѣчать только на своемъ нарѣчій.

— Да онъ всегда говорилъ пофранцузски! восклицаетъ г. *Бакъ*.

— Боже мой! Нѣтъ, я не понимаю ни слова, отвѣчаетъ непоколебимо Арзакъ.

— Вы хотите ввести въ заблужденіе правосудіе? говоритъ помощникъ прокурора *Демильякъ де Крузильякъ* (Demialh de Crouzinac). Я былъ у васъ въ тюрьмѣ, я объяснялся съ вами на вашемъ нарѣчій и вы втеченіи четверти часа отвѣчали мнѣ постоянно пофранцузски.

— Четверть часа! восклицаетъ *Арзакъ* на отличномъ французскомъ языкѣ: — вы оставались у меня едва десять минутъ.

Арзакъ рѣшается говорить пофранцузски.

Маргарита, призванная снова, повторяет свое показаніе, но съ видимою скорбью; *Арзакъ* во всемъ запирается съ насмѣшливымъ спокойствіемъ. Тщетно *президентъ* закликаетъ его сказать истину.

— Истина, говоритъ *Арзакъ*, — та, что я столько же держалъ собаку, сколько и вы ее держите въ эту минуту. Я желалъ бы знать, гдѣ нашли, что я лжесвидѣтель и существуетъ ли правосудіе только для богатаго, тогда какъ для бѣднаго его вовсе нѣтъ.

Президентъ. Но этотъ матерьяльный фактъ, эта цѣпь, которая не можетъ лгать!

Арзакъ, съ оживленіемъ. — Да, сударь; да, сударь, еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ, вы бы слѣмали тоже. Еслибъ вы нашли лундоръ, не подняли ли бы вы его? А я, сударь, я подниму желѣзо, какъ вы подымете золото. Еслибъ вы на полѣ нашли состояніе, оставили ли бы вы его тамъ? Я васъ спрашиваю въ свою очередь; если есть правосудіе для всѣхъ, оно должно быть и для меня. Умоляю васъ, г. президентъ, какъ добраго малаго, хорошо поискать *корни* (*bien chercher les racines*) моей тетки и мои. Если не для меня, то для моего семейства, для моего старика отца, для моей сестры, которые плачутъ день и ночь.

Президентъ. Въ такомъ случаѣ признайтесь во всемъ.

Арзакъ поднося живо руки къ шеѣ, ко рту, ко лбу. — Пусть рѣжутъ мнѣ шею, и здѣсь, и здѣсь, на тысячи кусковъ, но никакъ не заставятъ меня сказать того, чего я не знаю.

Его уведягъ и собраніе остается нѣсколько времени подъ вліяніемъ восклицаній этого дикаго краснорѣчія.

Послѣ того выслушиваютъ нѣсколькихъ новыхъ свидѣтелей, которые 1 сентября вечеромъ въ сумерки, видѣли какого-то чело-вѣка, неузнавая его впрочемъ, въ бѣловатой блузѣ, вооружоннаго короткимъ ружьемъ, бродящаго вокругъ Шанбла.

За ними пришла очередь на свидѣтелей *alibi*, свидѣтелей *de visu*, свидѣтелей по наслышкѣ; къ прежнимъ прибавились еще: 1) нѣкто *Бонне*, которому *Тусевъ Фабръ* говорилъ 2 сентября, что онъ видѣлъ 1 сентября Бессона ужинающаго въ *Пию*, между 7 и 8 часами вечера; 2) *Антоній Вигурё* (*Vigouzeux*), землепашецъ, который видѣлъ обвиненнаго въ 7½ часовъ вечера у дверей дома Шанбла; 3) *Степанъ Лоранъ* (*Laurent*), привратникъ семинаріи, которому *Вигурё* говорилъ о вышеизясненномъ обстоятельстве; 4) сестра *Сентъ-Клеръ*, которой *Вигурё* передавалъ тоже самое; 5) *Марія Бобе*, бахромщица, которая 1 сентября въ сумерки видѣла Бессона у дома приходскаго священника; 6) *Викторія Порта*, прачка, которая видѣла Бессона въ 6½ часовъ.

Но странное дѣло! ни одинъ изъ новыхъ свидѣтелей *alibi* не

можетъ представить объясненіе , которое могло бы быть принято , почему онъ умолчалъ по настоящее время о фактѣ столь важномъ : всѣ даютъ разныя показанія о платьѣ , которое было на Бессонѣ !

Несмотря на то , показанія эти казалось на минуту переѣнили характеръ преній ; мрачное лицо Бессона прояснилось . Умныя черты лица Арзака отражаютъ этотъ лучъ надежды . Слова вахмистра *Фора* прибавили новой пищи этой увѣренности . Жандармъ , спрошенный о *Маргаритѣ Моренѣ* , отвѣчаетъ : — Что касается *Маргариты* , то я не могу имѣть въ нее большой вѣры . Какъ хотите , это мое мнѣніе . Я ничего не знаю о ея нравственныхъ качествахъ ; могу только сказать , что она столько болтала , столько болтала , что трудно предположить , чтобъ она всегда говорила правду .

Арзакъ , громко вздыхая . — Слышите ль ?

Хвастливая и смѣлая натура молодого пастуха ясно обрисовывается послѣ этого обстоятельства , которое онъ считаетъ столь благопріятнымъ для своего дѣла , окончательно осужденнаго . Онъ не хочетъ болѣе сидѣть , какъ того требуютъ жандармы ; онъ вырывается изъ ихъ рукъ и восклицаетъ съ страстною веселостью : — А вы , сивія птицы ! вы говорите , что я нехорошій человѣкъ ! Ведите , меня противъ непріятеля ! вы увидите тогда каковъ я , хорошій ли я французъ ! Я не воръ и не убійца !

Президентъ . Вы не имѣете права говорить . Садитесь !

Арзакъ . Здѣсь столько обо мнѣ разсуждали , что я имѣю право говорить . Позвольте по крайней мѣрѣ жаловаться несчастнымъ !

Г. Урбъ , докторъ , который лечилъ Бессона отъ оспы , показалъ , что болѣзнь началась въ первыхъ числахъ августа ; нагноеніе показалось 15 , выздоравливаніе 20 числа . Съ этого дня , какъ дѣло казалось лакея , докторъ болѣе его не посѣщалъ .

Аббадъ Гетъ показалъ , что 17 августа онъ исповѣдывалъ и причастилъ Бессона .

Изъ двухъ этихъ свидѣтельствъ должно вывести заключеніе , что Бессонъ не могъ выходить въ день успенія пресвятой богородицы ; но достаточно доказано , что онъ выходилъ за нѣсколько дней до 1 сентября , хотя докторъ прибавляетъ : « Болѣзнь могла продолжаться еще дней пятнадцать спустя послѣ 20 числа . »

Жербье (*Gerbier*) , содержатель кабака въ Пюи , показалъ , что Бессонъ за нѣсколько дней до 1 сентября былъ у него въ кабакѣ .

Королевскій прокуроръ . Увѣрены ли вы въ этомъ ?

Жербье . Совершенно убѣжденъ . Я пилъ съ нимъ вмѣстѣ ; я даже ему сказалъ : « О бѣдный Яковъ ! какъ тебя отдѣлало . » Онъ отвѣ-

тилъ : «Да, меня повредило порядкомъ, но теперь полегче». На головѣ, обернутой въ платокъ, у него была фуражка.

В. И это было до 1 сентября ?

О. Да, сударь, за нѣсколько дней.

В. Что даетъ вамъ возможность помнить это число ?

О. У меня память очень хороша ; притомъ еслибъ это случилось послѣ убійства, мы бы объ немъ вѣроятно говорили.

Этимъ послѣвшимъ показаніемъ кончились пренія 23 декабря ; пришла очередь адвокатовъ. Первый всталъ г. *Бакъ* и произнесъ слѣдующія слова :

• Господа присяжные,

• Когда семейство Марселянжа клялось на могилѣ убитаго брата преслѣдовать убійцу, оно не скрывало отъ себя препятствій, которымъ ему придется преодолевать. Оно видѣло сильное семейство, становящееся между нимъ и убійцей ; оно видѣло цѣлую партію, вооруженную, чтобы препятствовать дѣйствию правосудія. Но убѣжденія его окрѣпли въ братской привязанности и оно рѣшило, какія бы ни были препятствія, идти прямо къ своей цѣли и отдохнуть только достигнувъ ея.

• И мы, господа, сильные убѣженіемъ постепенно образовавшимся, присоединяясь къ этому святому и страдальческому дѣлу, мы тоже понимали, сколько встрѣтимъ затрудненій. Но, скажемъ откровенно, если мы и ожидали встрѣтить гдѣ-либо жесвидѣтельство со всею его ловкостью, то не въ настоящемъ собраніи.

• Мы видѣли уже многое въ ріомскомъ уголовномъ судѣ ; мы думали, что послѣ осужденія Арзака, послѣ бѣгства дамъ Шанбла, постоянство тѣхъ, которые сопротивляются истинѣ, начнетъ ослабѣвать и оставить правосудію его свободное теченіе.

• Между тѣмъ, чтоже случилось ?

• Цѣлый легіонъ новыхъ свидѣтелей, вышедшихъ неизвѣстно откуда, залилъ нашу ограду. И вотъ *alibi*, которое казалось уничтожено новымъ слѣдствіемъ, подымаетъ голову и подкрѣпляется неожиданными свидѣтельствами ; ненависть, которая казалось насытилась смертью г. Марселянжа, пробуждается снова для поруганія его памяти ; тѣ, которые откровенно содѣйствуютъ правосудію, принуждены защищать свое доброе имя и можетъ-быть теперь мечтаютъ уже о поруганіи семейства, которое я имѣю честь представлять здѣсь.

• Не знаю намѣрены ли наши противники развивать принципы, положенные ими въ основаніи защиты, принципы столь явные въ призваніи легіона новыхъ свидѣтелей. Въ такомъ случаѣ я предоставляю себѣ право доказать, на чьей сторонѣ было жесвидѣтельство и восторжествовать надъ безбожною ненавистью, которая преслѣдуетъ свою жертву и за могилой. Что касается настоящаго, то задача моя проста и легка. Послѣ меня вы услышите голосъ болѣе значительный.

Я же хочу представить вамъ только въ нѣсколькихъ словахъ факты уже вамъ извѣстные.

Мы не будемъ слѣдить за адвокатомъ во всѣхъ его необходимыхъ повтореніяхъ. Замѣтимъ только мимоходомъ нѣсколько остроумно набросанныхъ портретовъ, какъ напримѣръ графини Шанбла, которую графъ Шомуру называлъ *злополучной*, или если хотите *мерзкой* тещей. Г. Шомуру, человѣкъ серьезный, знавшій графиню съ дѣтства, писалъ Луи Марселянжу 2 мая 1838 г.: «Нѣтъ ничего хуже женщины, пользовавшейся жизнью, если она подъ старость становится ханжой; она дѣлаетъ несчастье всѣхъ ее окружающихъ.»

Относительно высокомерныхъ отрицаній г-жи Марселянжъ, ея грубыхъ словъ, удостовѣренныхъ столькими свидѣтелями, замѣтимъ слѣдующее мѣсто въ рѣчи г. Бака :

«Я слышу, что защита восклицаетъ, будто слова эти неправдоподобны; что нѣтъ возможности, чтобы г-жа Марселянжъ съ ея воспитаніемъ, съ ея аристократическими привычками, говорила съ крестьянами въ выраженіяхъ столь грубыхъ. На это я отвѣчаю: «Да, у г-жи Марселянжъ есть привычка презрѣнія и гордости; но она воспиталась въ Шанбла среди крестьянъ; но она привыкла не воздерживаться въ ихъ присутствіи и въ случаѣ надобности говорить ихъ языкомъ: но ничто не сродняется легче какъ аристократическія манеры съ низостью чувствъ; но всѣ злыя сердца составлены изъ одной и той же грязи; но языкъ страсти вездѣ и всегда одинъ и тотъ же!»

Адвокатъ описываетъ большими чертами исторію причинъ убійства и самое убійство. Дошелъ до соучастничества Арзака, онъ доказываетъ его существованіе показаніями Маргариты Моренъ, первыми запирательствами Арзака относительно цѣни. Арзакъ наконецъ сознается, что онъ отдалъ теткѣ цѣнь на другой день послѣ убійства: значитъ онъ во всемъ сознается. Какова бы ни была наглая энергія этого человѣка, онъ изболоченъ окончательно.

«Арзакъ полагалъ, что смѣлое слово и въ нѣкоторомъ родѣ дикое краснорѣчіе устрашатъ правосудіе. Онъ надѣялся найти спасеніе въ наглости и гордости взгляда. Онъ ошибся.

«Арзакъ! спокойная и твердая осанка, застѣчивость, которая приличествуетъ обвиненному, — вотъ проявленіе спокойной души, вотъ характеристика невинности. Чтоже касается надменности, громкаго голоса, вызывающаго взгляда, огненнаго проявленія страстныхъ чувствъ, это признаки встревоженной совѣсти: это усиліе организма, можетъ быть могущественнаго, но дурного, усиліе отчаянное, которое разлетается въ дребезги передъ вѣчнымъ величіемъ правосудія.»

Мы не будемъ приводить нравственныхъ и матерьяльныхъ доказательствъ виновности Бессона; они извѣстны читателю и рѣчь г. Бака заключаетъ въ себѣ въ этомъ отношеніи приведенныя въ порядокъ, истолкованныя и разобранныя показанія свидѣтелей. Но мы не можемъ умолчать о томъ мѣстѣ рѣчи, которое не касается собственно процесса. Страшная жалость овладѣваетъ адвокатомъ при видѣ этого обвиненнаго, этого преступника, котораго преданность довела до преступленія и который сегодня оставленъ тѣми, для кого онъ жертвовалъ честью и жизнью.

• Да, есть свидѣтельство, которое должно было возвышаться въ вашу пользу до самаго конца; да, есть великодушіе даже въ преступленіи, котораго не слѣдуетъ покидать. Дамы Шанбла должны были раздѣлить съ вами до конца положеніе, въ которое онѣ васъ поставили. Невинны ли вы или преступны, онѣ должны были послѣдовать за вами даже на скамью обвиненныхъ!

• Въ особенности если вы невинны, почему я не вижу ихъ здѣсь, этихъ набожныхъ дамъ, которыя вѣруютъ въ предвѣчнаго Бога, въ предвѣчное правосудіе, въ помощь, въ которой провидѣніе никогда не отказываетъ невинному? Что мѣшаетъ имъ придти въ помощь правосудію? Какое чувство принуждаетъ ихъ къ бѣгству? Говорятъ, онѣ опасаются! Если онѣ невинны, чего онѣ могутъ опасаться? Развѣ правосудіе можетъ такъ легко заблуждаться? Развѣ оно преслѣдуетъ на-удачу? Онѣ опасаются!.. Развѣ, чтобы ихъ защитить, у нихъ нѣтъ друзей, ихъ положенія въ свѣтѣ, состоянія, оружія безсильныхъ противъ истины, но всемогущихъ для защиты невиннаго?

• Странная система! Хотятъ доказать, что Бессонъ былъ въ Пюи въ минуту совершенія преступленія, и дамы Шанбла, которыя это знаютъ, которыя его видѣли, которыхъ чистосердечное показаніе не могло бы быть опровергнуто, не смѣютъ этого засвидѣтельствовать! Бессонъ арестованъ, и дамы Шанбла молчатъ! Бессонъ подвергается самому страшному наказанію, и дамы Шанбла бѣгутъ!

• Какъ, сударыни! человекъ этотъ невиненъ, вы это знаете, вы можете избавить его отъ — эшафота и вы его покидаете!

• Вамъ не вѣрили, говорите вы; клевета васъ обезчестила, заблужденіе общественнаго мнѣнія васъ испугало! Но я васъ спрашиваю о первоначальномъ слѣдствіи, когда никто еще не возвышалъ голоса противъ васъ. Кто заставлялъ васъ молчать тогда?

• Какъ, госпожи Шанбла! вы боитесь, чтобы вамъ не повѣрили, въ Пюи, среди вашихъ согражданъ, вашихъ друзей, въ городѣ гдѣ семейство ваше пользуется вѣковымъ уваженіемъ, въ городѣ полномъ вашего вліянія, въ городѣ гдѣ все вамъ покровительствуетъ, все... даже величіе религіи!

• Какъ! вы, которыя живете въ тѣсной связи съ сановниками, — вы обитесь имъ довѣриться! Вамъ нужно сказать одно слово, чтобы осво-

бодить невиннаго — и вы не говорите этого слова! Но пусть же по крайней мѣрѣ вмѣсто васъ говоритъ Марія Будонъ. Она была съ Бессонемъ: пусть она покажетъ, что она его видѣла! И ей вѣроятно не повѣрятъ, и вы ее увозите въ чужіе края, гдѣ она скрывается...

• Кто не понимаетъ, господа, значенія молчанія дамъ Шанбля? Онѣ молчать, а между тѣмъ покровительствуютъ виновному, забывая, что лучшимъ покровительствомъ было бы сказать правду, которая бы его спасла! Онѣ молчать, а между тѣмъ хлопочуть о свидѣтеляхъ, забывая, что лучшимъ свидѣтельствомъ было бы ихъ собственное! Онѣ молчать, а между тѣмъ посылають королевскому прокурору списки свидѣтелей, забывая, что имена ихъ должны бы значиться во главѣ этихъ свидѣтельствъ!

• Чтоже это за покровительство, которое помнить все исключая того, что могло бы тотчасъ очистить обвиненнаго... кромѣ истины?

• Чтобы г-жа Марселянж рѣшилась заговорить, нужно было пригласить ее къ допросу; но это первое усиліе сломаю силы этихъ женщинъ; онѣ бѣжали передъ опасностью новаго допроса; онѣ покинули своего соучастника. Ахъ, Бессонъ! обратите вниманіе на мои слова: можетъ-быть нѣкоторыя липа желаютъ тайнѣ, чтобы ваша голова покатылась на плахѣ, потомучто ваша смерть — это молчаніе, а молчаніе для нихъ — это безнаказанность; я не говорю спокойствіе: для преступныхъ его быть не можетъ!.

Слушатели находились еще подъ вліяніемъ этой великолѣпной импровизаціи, когда *королевскій прокуроръ* началъ рѣчь. Встрѣчая въ ней бездву повтореній, мы выишемъ мѣста эпизодическія и самыя замѣчательныя.

• Между тѣмъ приходитъ ночь, приближается часъ преступленія; Бессонъ отправляется въ уединенное поле Арзака, который уведеть собаку, при помощи обвинительной цѣпи. Несчастное животное! и ему придется испытать месть: онъ былъ помѣхой, свидѣтелемъ; онъ долженъ умереть, и нѣсколько дней спустя, его мертвое тѣло находятъ въ лѣсахъ Шанбля.»

Арзакъ вскакиваетъ и издаетъ нѣсколько полудикихъ восклицаній; спокойный и строгій взглядъ королевскаго прокурора останавливаетъ его.

• Припомните, господа, что дѣлалъ Арзакъ во время настоящихъ преній. Онъ доходилъ до наглости, которая перерождалась въ скандалъ. Какъ, несчастный! васъ клеймидо правосудіе, и вы глупою яростью лишаете себя всякаго чувства состраданія! Вы находитесь подъ гнетомъ страшнаго приговора, еще болѣе страшнаго обвиненія, и вы смѣете смотрѣть нагло въ глаза правосудію, вмѣсто того чтобы просить у него помилованія! А! васъ хорошо понялъ Бессонъ; онъ хорошо сдѣлалъ взявъ васъ въ помощники, онъ могъ быть увѣренъ въ васъ.

• По моему убѣжденію, господа, Арзакъ принадлежитъ къ тому разряду людей, къ счастью весьма немногочисленному, для которыхъ нѣтъ ничего священнаго, которыхъ не пугаетъ никакое преступленіе, ни величіе, ни строгость правосудія и которые не отступаютъ при видѣ крови. Вотъ почему Бессонъ прибѣгнулъ къ его дикой энергіи. •

Арзакъ громко хохочетъ; генеральный прокуроръ бросаетъ на него взглядъ полный состраданія и продолжаетъ объяснять поведение Бессона. Онъ говоритъ про дверь дома въ Пюи, дома обыкновенно столь спокойнаго, дверь котораго около полуночи затворяется съ шумомъ. На слѣдующій день является посланный съ извѣстіемъ. Какой тамъ дають отвѣтъ? *Нашъ бѣдный Яковъ очень боленъ.* Странное дѣло! Хозяйка дома, отецъ, мужъ убитъ, а Марія Будонъ, эта безбожная служанка, думаетъ только о болѣзни Якова. Посланнаго спрашиваютъ только потому, чтобы знать, что убійца не былъ видѣнъ.

• Этого было достаточно чтобы успокоить Бессона. Каждый другой вопросъ лишній; ни одного воспоминанія о жертвѣ, ни одного вздоха! Вотъ по-моему самое сильное доказательство виновнаго Бессона... Здѣсь я встрѣчаю дамъ Шанбла. •

Всѣ вдругъ замолчали. Что скажетъ королевскій прокуроръ? Какъ опишетъ онъ участіе этихъ женщинъ въ тайнѣ, носящейся надъ этимъ убійствомъ, женщинъ, которыхъ законъ еще не преслѣдуетъ, но которыхъ громко обвиняетъ голосъ народа. Г. Фельядъ Шовенъ замолчалъ на минуту и среди мертваго молчанія произноситъ слѣдующія слова:

• Еслибъ я ихъ считалъ виновными, я бы это сказалъ громко, со всею независимостью моего сана. Голосъ мой не принадлежитъ никому; я его не предоставляю въ распоряженіе никакихъ страстей, обвиняетъ ли онъ или оправдываетъ. Я хочу только истины, безпристрастья.

• Еслибъ я долженъ былъ дать положительное мнѣніе, я бы сказалъ: Нѣтъ, я не считаю ихъ виновными *въ смыслѣ* закона; я не вижу въ дѣлѣ ничего, что бы доказывало ихъ соучастіе. Но свободны ли онѣ отъ всякаго упрека? Хотя ихъ здѣсь нѣтъ, я имѣю право, больше того— я обязанъ упрекнуть ихъ во многомъ. Я желалъ бы ихъ защитить, но не могу. Я долженъ упрекнуть ихъ въ ихъ непонятной холодности, въ ихъ страшномъ равнодушіи, которыя не бываютъ удѣломъ женскаго сердца.

• Какъ! является посланный съ письмомъ; его къ нимъ несутъ, онѣ читають... и его къ нимъ не вводятъ тотчасъ. Жена, мать не бросаются къ нему навстрѣчу. Нѣтъ, онѣ и не показываются, и довольствуются незначительными подробностями, сообщенными впоследствии меромъ Сень-Этьена!

• Ахъ! къ сожалѣнію я долженъ вамъ сказать, что ежели вы и не любите г. Марселянжа какъ мужа, какъ сына, онъ все-таки человекъ, онъ умерщвленъ! Его окровавленный трупъ лежалъ въ вашемъ замкѣ Шанбля! Вы женщины, и вы не нашли для него ни одной слезы, ни одного вздоха, ни одного воспоминанія! Уходите, бѣгите, ищите уединенія, и тамъ плачьте всѣми вашими слезами, въ которыхъ вы отказали вашему мужу, вашему умерщвленному мужу! •

Слова эти произвели на слушателей какое-то чувство досады, разочарованія; всѣ ожидали, что въ отношеніи дамъ Шанбля ораторъ прибѣгнетъ къ выраженіямъ болѣе строгимъ. Чему же должно было приписать подобную воздержность г. Фельядъ-Шовена? Щекотливому положенію королевскаго прокурора, для котораго не пришло еще время говорить противъ новыхъ преступниковъ, и который не могъ ввести въ процессъ Якова Бессона *законно* соучастія дамъ Шанбля. Вотъ по нашему мнѣнію смыслъ этого нравственнаго безчестія, которое останавливается на порогѣ закона.

Повторивъ вкратцѣ всѣ обвиненія, королевскій прокуроръ разобралъ и опровергъ доказательства, представленныя подсудимымъ, въ особенности касающіяся алиби. Необходимость этого алиби почувствовали впоследствии, и въ первомъ показаніи, данномъ въ качествѣ свидѣтеля, Бессонъ увѣрялъ, что втеченіи дня перваго сентября онъ не выходилъ изъ дому дамъ Шанбля. Послѣ того поцарапались свидѣтели алиби; ихъ нашли; но ихъ разногласіе доказываетъ, какъ мало можно на нихъ полагаться.

• Правосудіе и месть! восклицаетъ оканчивая свою рѣчь королевскій прокуроръ. — Да, изъ могилы Марселянжа исходитъ продолжительный крикъ мести, который раздается даже въ этомъ собраніи. Помните этотъ великодушный римскій законъ, который гласилъ: •Отписти за смерть того, послѣ котораго ты наследуешь. Если ты не будешь вѣренъ этой святой любви, которая связываетъ между собой членовъ одной семьи, ты недостойнъ принадлежать къ семейству и ты недостоинъ получить наследство. •

• Мечь, которой домогается семейство Марселянжа, предписана вышеприведеннымъ римскимъ закономъ. Да, это священная обязанность, которую семейство Марселянжа приходитъ выполнить съ нашимъ собраніи. И повторяю, я душевно сожалѣю, что не вижу возлѣ брата и сестры убитаго, его жены и той, которая должна бы была быть его второю матерью. Онѣ этого не захотѣли, онѣ были глухи на мой голосъ.

• Но поставимъ въ сторону наши чувства и займемся только нашею совѣстью и обязанностями, которыя она на насъ возлагаетъ. Господа присяжные, я вамъ скажу одно слово: Если вы увѣрены въ виновности

этого человѣка, въ такомъ случаѣ забудьте ваши сердца, забудьте личность обвиненнаго и слушайте только голоса закона.

Послѣ этой рѣчи, выслушанной Бессономъ съ спокойнымъ и вѣрнымъ маниемъ, а иногда и съ отгѣнкомъ удовольствія, г. Лашо произнесъ рѣчь въ защиту подсудимаго.

• Господа присяжные,

• Богъ не допустилъ, чтобы предубѣжденіе и ошибка взяли верхъ. Онъ остановилъ этого человѣка у ступеней эшафота. Милосердное правосудіе привело его сюда. Восемь дней тому назадъ, при началѣ настоящихъ преній, я дрожалъ за себя, за обвиненнаго и, позвольте вамъ сказать, за васъ, господа присяжные.

• Я боялся для обвиненнаго страшныхъ показаній, вводимыхъ противъ него; я боялся для себя ответственности за столь важное дѣло; наконецъ для васъ, господа присяжные, я боялся предубѣжденій, которыя васъ окружали со всѣхъ сторонъ. Я боялся, что ваша совѣсть не устоитъ противъ столькихъ возгласовъ.

• Сегодня я не дрожу болѣе; послѣднія пренія, при помощи новыхъ показаній, дали процессу совершенно другой оборотъ и увѣрили меня въ необходимости оправданія. Что ни дѣлайте, ни положительныя слова королевскаго прокурора, ни высокое краснорѣчіе г. Бака не помогутъ ничего противъ фактовъ. Человѣкъ этотъ долженъ выйти отсюда оправданный. Осужденіе невозможно.

Описывая факты, десять разъ рассказанные, предшествовавшіе и послѣдовавшіе за смертью г. Марселянжа, г. Лашо полагаетъ, что онасенія покойнаго, указывавшаго впередъ на своихъ убійцъ, могли привлечь какого-нибудь тайнаго врага, увѣреннаго, что во всякомъ случаѣ всѣ подозрѣнія падутъ на домъ Шанбла. Защитникъ обѣщаетъ отомстить за всѣ обвиненія, которыя сыпались на этотъ домъ. Говорили, что женщина, представительница знатнаго дома, была причиной несогласій двухъ супруговъ; она была яблокомъ раздора, затѣйщицей всего. Невсегда такъ думали: въ 1838 г. Марселянжъ-отецъ думалъ совершенно иначе, какъ доказываетъ письмо, писанное имъ же къ падчерицѣ.

Г. Бакъ. Отъ кого получили вы это письмо? Вѣроятно отъ дамъ Шанбла?

Г. Лашо. Можетъ-быть...

Г. Бакъ. Отъ дамъ Шанбла!.. И вы защитникъ Бессона!

Г. Лашо читаетъ письмо, въ которомъ Марселянжъ-отецъ хвалитъ вдову Шанбла и совѣтуетъ сыну своему побольше увѣренности въ сношеніяхъ съ нею. — Я высоко цѣню это мнѣніе г. Марселянжа-отца, продолжаетъ адвокатъ, потому что онъ одинъ изъ

всего семейства громко опровергалъ обвиненія, взводимыя на домъ Шанбла.

Г-жа Тарасъ, живо. — Вы ошибаетесь, сударь!

По мнѣнію адвоката, началомъ семейной распри должно считать привычки роскоши г-жи Теодоры Шанбла и скупость г. Марселянжа, такъ что разлука сдѣлалась необходимою. Онъ разбираетъ слова, приписанныя Бессону, опровергаетъ ихъ, объясняетъ и доходить до намѣренія отравленія, гдѣ встрѣчаетъ Арзака.

• Я изучалъ Арзака, господа, и этотъ человѣкъ меня удивляетъ. Вотъ двадцати-трехлѣтній юноша, удивленный по настоящей девѣ отъ общества другихъ людей и который вознесся однимъ могуществомъ своей природы; это одна изъ первоклассныхъ организацій, которая при другихъ обстоятельствахъ зашла бы можетъ-быть далеко. Въ его жесткомъ голосѣ, въ его полудикости, въ его живописномъ одушевленіи есть что-то великое и краснорѣчивое, что меня глубоко поражало.

• Вчера, я долженъ сказать, я былъ свидѣтелемъ самой великолѣпной борьбы. Слово, г. Бака, слово которому я удивляюсь, которое для меня красивѣе всего, что я слышалъ по настоящее время, — это слово было вчера торжественнѣе, шире обыкновеннаго. Г. Бакъ не былъ просто воодушевленнымъ адвокатомъ семейства Марселянжа: это былъ человѣкъ безпристрастный, добросовѣстный, краснорѣчивый. Къ богатой рѣчи, поразившей всѣхъ, какъ и меня, г. Бакъ присоединялъ равно краснорѣчивыя тѣлодвиженія и пронизательный голосъ. Взглядъ г. Бака поражалъ грубаго мужика, стоялъ надъ нимъ; въ его глазахъ была мужественная и благородная гордость, соответствовавшая вполне мужественному и благородному взгляду г. Бака; но на его устахъ была улыбка силы и могущества, которая казалось останавливала слово г. Бака. И говорю вамъ, г. Бакъ, въ этой борьбѣ, которую вамъ придется вскорѣ возобновить снова, этотъ мужикъ побѣдилъ васъ величественнымъ краснорѣчіемъ своего молчанія. Эта исключительная природа объясняетъ много вещей.

• Вотъ каковъ Арзака, господа; я проведу охотно десять лѣтъ моей жизни въ изученіи этого человѣка, великаго и любопытнаго, этой исключительной способности. Если вы углубитесь въ характеръ Арзака, вы можете объяснить себѣ рѣчи, которыя онъ произносилъ. Кто поручится намъ, что слушая о домашней жизни Шанбла, ребенокъ этотъ не пожелалъ показаться человѣкомъ, властвующимъ страшной тайной? •

Послѣ этого портрета Арзака, г. Лашо рисуетъ портретъ Маргариты Моренъ, представляя ее непослѣдовательной старушкой, почти полуумной, дающей показанія ни на чемъ неоснованныя.

Трудно представить себѣ оригинальную пантомину пастуха во время блестящей рѣчи г. Лашо, представившаго съ такой жалкой

стороны свидѣтеля, сгубившаго Арзака. Онъ казалось впивалъ въ себя слова, преувеличивая ихъ значеніе; онъ вставалъ съ своей скамьи, протягивалъ руки, нагибалъ голову, упиваясь оправданіемъ, которое ему казалось неопровержимымъ. Торжествующая улыбка рисуется на его устахъ и онъ отъ времени до времени борючетъ молитвы, посматривая то на распятіе, то на судей, то на защитника Бессона. Г. Лашо останавливается, Арзакъ падаетъ на скамью и приходитъ въ отчаяніе отъ этого молчанія. «Какъ жалко, говорить онъ: — все шло такъ хорошо!»

Бессонъ сосредоточился самъ въ себѣ, онъ чуждъ тому, что происходитъ передъ нимъ. За г. Лашо стоитъ человѣкъ, который обращаетъ на себя всеобщее вниманіе поразительнымъ сходствомъ съ обвиненнымъ; человѣкъ этотъ — Степанъ Бессонъ, одинъ изъ осьми братьевъ. Присутствіе этого человѣка, разрѣшонное судомъ, открываетъ поле разнымъ, самымъ смѣлымъ догадкамъ. Всѣ Бессоны, видѣнные и встрѣченные въ различныхъ мѣстахъ, въ столь противорѣчащія часы, могутъ ли быть однимъ и тѣмъ же человѣкомъ?

25 декабря послѣ терпѣливаго разбора г. Лашо всѣхъ показаній, послѣ краткаго отвѣта г. Фельяда-Шовена, адвокатъ Бакъ произнесъ новую рѣчь. Здѣсь намъ приходится снова остановить читателей; отвѣтъ его — образецъ краснорѣчія. Мы выписываемъ изъ него самыя важныя мѣста:

• Господа,

• Мученикъ ли Бессонъ? Герой ли Арзакъ? Дамы Шанбла — образцы ли приличія и добродѣтели? Мы сами — подлые ли и ненавистные клеветники? Правосудіе присоединилось ли къ нашимъ безразсуднымъ ненавистямъ? Общественное мнѣніе, обманутое нами, произнесло ли одинъ изъ этихъ неосторожныхъ приговоровъ, который должно оплакивать впослѣдствіи? Если вы могли, господа, повѣрить на минуту этимъ поэтическимъ созданіямъ молодого и блестящаго воображенія, ежели чародѣйство таланта, который мы уже знали, но который никогда еще не проявлялся съ такой силой и такимъ блескомъ, могло въ глазахъ вашихъ измѣнить до такой степени дѣйствительность, въ такомъ случаѣ мы сдаемся. Пусть Арзакъ, возстановленный въ прежнее состояніе, вступитъ на пьедесталъ, который для него воздвигнули; пусть дамы Шанбла выйдутъ съ торжествомъ изъ своего убѣжища и воротятся въ замокъ, гдѣ присутствіе Лудовика Марсалажа не будетъ ихъ болѣе стѣснять; пусть знаменитый Бессонъ мечтаетъ подъ свѣжей зеленью старинныхъ аллей о непонятной судьбѣ, которая изъ свинцоваго въ Шанбла возвела его на степень хозяина замка!

• Что же до насъ касается, пока будетъ совершаться этотъ торжественный въѣздъ въ Шанбла, мы заплатимъ издержки чужой побѣды

и съ грустью въ сердцаѣ направимся къ тѣмъ же самымъ мѣстамъ; мы отыщемъ сырую насыпь, гдѣ сложены смертные останки, и тамъ подъ небомъ, свидѣлемъ столькихъ страданій Лудовика Марселяжа, близъ того замка, гдѣ онъ въ молчаніи и тишинѣ пережилъ столько горя, мы поклонимся по крайней мѣрѣ дорогому трупу его, что мы сдѣлали все, чтобы исполнить послѣднюю его мольбу, и что послѣднія слова его: «Если умру убитый, отомстите за меня», не остались безъ отгоска по крайней мѣрѣ въ сердцахъ нашихъ!

«Но можетъ ли это быть? Возможное ли дѣло, чтобы правосудіе, чтобы присяжные въ Пюи, присяжные въ Рюмѣ, чтобы общественное мнѣніе поддались такому страшному заблужденію?»

Разсмотрѣвъ показанія какъ прежнихъ, такъ и новыхъ свидѣтелей, описавъ поступки и рѣчи Арзана, адвокатъ продолжаетъ олдвующимъ образомъ:

«Скажите теперь, защитникъ обвиненнаго, что этотъ человѣкъ (Арзакъ) не умѣлъ понять своего прискорбнаго положенія, что этотъ человѣкъ былъ глухъ на всѣ предостереженія; скажите, что этотъ человѣкъ надѣлся, вслѣдствіе ошибки грубаго ума, наглостью приобрѣсти безнаказанность. Скажите это, м. г., но не говорите, что онъ меня побѣдилъ; не говорите, что наглость разбойника можетъ побѣдить или сравняться съ твердостью честнаго человѣка.

«Вы спрашиваете, какой интересъ могъ имѣть Яковъ Бессонъ въ совершеніи преступленія. Этотъ интересъ, вы его не видѣли! Истиннѣ, вы одни его не видѣли: потомучто ежели что-либо могло съ самаго начала направить розысканіе правосудія на Якова Бессона, это его интересъ. — Что родило подозрѣніе въ городѣ Пюи? Почему вездѣ, — на улицѣ, въ гостиныхъ, въ кабакахъ, въ городѣ, въ деревняхъ, говорили: *Впрямую Бессонъ совершилъ это преступленіе? Почему Бессонъ, вучимый безпокойствомъ, говорилъ всѣмъ: Несчастіе на что-нибудь да пригодилось; еслибъ не оспа, меня непременно бы обвинили? Почему сказалъ онъ привратнику тюрьмы, который его принялъ такъ хорошо: Я не удивляюсь, что меня арестовали, но оправданіе мое очень просто: я былъ боленъ? Почему утомляя онъ свидѣтелей своими преждевременными оправданіями? Почему? — Потомучто онъ зналъ такъ же хорошо какъ и всѣ, что онъ имѣлъ интересъ въ преступленіи, и что интересъ этотъ обвинялъ его.*

«Но какая вѣль руководила Бессономъ? Цѣль была двоякая: месть и жадность; месть личная, жадность личная отчасти; месть дамъ Шанбла, также отчасти.

«Взгляните на положеніе этого человѣка и на положеніе семейства, въ которомъ онъ жилъ. Семейство это было въ борьбѣ съ г. Марселяжемъ. Борьба была оживленная, заводились тяжбы; вамъ это говорили; забыли только сказать одно: что дамы Шанбла ихъ проигрывали одну за другой.

—Цѣль этихъ тяжбъ была принудить г. Марселянжа оставить замокъ Шанбла. Цѣль не была достигнута. Что же оставалось сдѣлать? Прибѣгнуть къ преступленію.

—Этимъ фактамъ вы противопоставили богатыя и роскошныя картины. Вы рисовали дамъ Шанбла такими красками, что повеюгъ ихъ полюбишь. Жаль только, что картины ваши нарисованы однимъ воображеніемъ. Какія данныя приводите вы? Гдѣ доказательства? Гдѣ свидѣтельства?»

Изобрѣтенія эти адвокатъ опровергаетъ еще разъ, описывая домашній бытъ семейства Шанбла, гдѣ забывали все, даже священныя обязанности жены и матерп. Всѣ страсти этого семейства олицетворяются въ одномъ человѣкѣ, Бессонѣ. Одинъ человѣкъ призываетъ и предвѣщаетъ преступленіе: это Бессонъ.

—И человѣкъ этотъ не убійца? Онъ, который выразилъ столь горячее желаніе преступленія, который предсказалъ его въ столь дикихъ словахъ, онъ не убійца? Такъ гдѣ же убійца? Гдѣ его искать? Вѣрнѣ ли мнѣ фантастическимъ видѣніемъ защиты? Вступить ли мнѣ въ царство тѣней, въ которое меня хотѣли приманить? Или указать вамъ прямо на человѣка, котораго видѣли въ лѣсахъ Шанбла?

—...Теперь я скажу нѣсколько словъ о молчаніи этихъ дамъ во время перваго слѣдствія, о показаніяхъ ихъ въ уголовномъ судѣ въ Пюи-де-Домъ и объ отсутствіи ихъ въ настоящую минуту.

—Вы намъ сказали вчера, оправдывая ихъ поведеніе, что это чуть-ли не образецъ приличія, и что дамъ Шанбла можно упрекнуть развѣ въ одномъ: онѣ слишкомъ мало сдѣлали для обвиненнаго.

—Вы совершенно правы. Дамы Шанбла сдѣлали для этого человѣка или слишкомъ много, или слишкомъ мало: слишкомъ много, если онъ виновенъ; слишкомъ мало, если онъ невиненъ.

—Если онъ виновенъ, я понимаю все: я понимаю бѣгство дамъ Шанбла, я понимаю исчезновеніе Маріи Будонъ, я понимаю безстыдное покровительство, окружавшее обвиненнаго, я понимаю старанія купить лжесвидѣтелей; я понимаю все, потому что преступленіе должно защищаться или бѣгствомъ, или ложью.

—Но если Бессонъ невиненъ, какъ должно мнѣ понимать странное поведеніе этихъ героинь? Что долженъ я сказать о женщинахъ, которыя знаютъ, что человѣкъ не виноватъ, и не хотятъ защитить его своимъ присутствіемъ? Что могу я сказать о женщинахъ, которыя бѣгутъ передъ величіемъ правосудія? Какъ понять мнѣ все это?

—Вы говорите, что онѣ бѣдныя женщины, безъ поддержки, слабыя, что онѣ принуждены были уступить передъ наглостью клеветы. Какъ же вамъ можно вѣрить! Дамы Шанбла — бѣдныя женщины, безъ поддержки! дочери стариннаго дома, почитаемаго всѣми въ старинномъ городѣ Пюи! Да онѣ могли обратиться къ своимъ предкамъ и достаточно было бы одного имени ихъ, чтобы защитить каждаго Шанбла, если онъ невиненъ!

• Чѣмъ могло заставить ихъ бѣжать? Клевета? Да развѣ она такъ всемогуща? Развѣ она такъ легко проникаетъ въ наше собраніе? Развѣ между клеветой и невинностью дамъ Шанбла не было безпристрастія суда, голоса столь сильнаго правосудія и истинны?

• Онѣ остановились, говорите вы, изъ опасенія быть обезчещенными. Да развѣ бѣгство не безчеститъ ихъ сильнѣе чѣмъ мое слово?

• Невинность бросается въ объятія правосудія; преступленіе боптается свѣта, оно дрожитъ передъ правосудіемъ; оно скрывается и бѣжитъ вѣчными бѣгствомъ.

• Дамы Шанбла не явились сегодня. Развѣ голосъ, который раздавался въ началѣ настоящихъ преній, который призывалъ ихъ торжественно, не могъ до нихъ проникнуть? Гдѣ же онѣ, если этотъ голосъ, раздающійся нынѣ по всей Европѣ, не потрясъ ихъ слуха?

• Ихъ бѣгство объясняетъ все; поведеніе ихъ давно все объяснило.

• *Я всегда думала, что Яковъ Бессонъ невиненъ*: вотъ чего у нихъ допытывались наконецъ. *Я всегда думала!* вамъ слѣдовало сказать: *я знала!*

• Вгляните, господа, что дѣлаютъ эти дамы: Бессонъ обвиненъ, его арестуютъ; дамы Шанбла знаютъ, что онъ невиненъ — и молчатъ!

• А, сударыни! вы набожны, вы вѣрите въ Бога; вы видите страшныя обвиненія, падающія на невиннаго, которому вы покровительствуете; однимъ словомъ вы можете спасти его, и вы не говорите ничего... ничего, ничего!

• Черезъ нѣсколько дней воздвигнется эшафотъ посреди города Пюи; окровавленная голова скатится къ вашему дому; и вы позволите ей скатиться и сохраните въ вашемъ сердцѣ тайну невинности? Ахъ, этого быть неможетъ!

• Еслибъ вы знали что-нибудь, вы бы сказали; еслибъ вы знали въ особенности, что въ семь часовъ вечера Бессонъ былъ у васъ, вы бы сказали это.

• Но нѣтъ, вы молчите.

• Что прикажете думать, господа? Мы понимаемъ участие, которое можно принимать въ старомъ служителѣ; но участие это доходить ли до преступленія?

• Одна только вещь могла породить взаимную отвѣтственность, соединяющую этихъ дамъ съ Бессономъ, одна только вещь:

• *Соучастіе.*

• Да, соучастіе! Если дамы Шанбла ничего не сказали втеченіи двухъ лѣтъ, это потому, что онѣ не знали ничего въ пользу обвиненнаго; если онѣ свидѣтельствовали о невинности Бессона передъ римскимъ уголовнымъ судомъ, это потому, что онѣ были къ тому принуждены, что онѣ его соучастницы!

• Хотѣли доказать невинность Бессона его энергическимъ слокомъ ствѣемъ, его хладнокровіемъ.

• Этотъ человѣкъ — мученикъ, говорили, и онъ готовъ взойти на

существо съ лицомъ сіяющимъ невинностью; взгляните, какое спокойствіе, какаѣ мужественность!

• Господа, тайна этого спокойствія вамъ извѣстна.

• Есть люди, которые боже вѣрятъ силѣ своихъ таинственныхъ покровителей, чѣмъ всемогуществу правосудія.

• Бессонъ, ваше спокойствіе основано на заблужденіи. Всякое покровительство разлетается въ дребезги передъ могуществомъ закона, передъ правосудіемъ и безпристрастіемъ присяжныхъ; ничто вамъ не поможетъ: ни жесвидѣтельство, ни покровительство дажѣ Шанбла; ни обѣщанія, которыя вамъ были сдѣланы; ничто не переѣмнитъ вашего положенія. Арзаку покровительствовали; гдѣ Арзакъ? А вы? гдѣ вы будете векорѣ? Пусть тѣ, которые пришли въ это собраніе съ убѣжденіемъ, что ловкостью, ложью, покровительствомъ можно побѣдить судей, обезоружить строгость правосудія, пусть они всѣ узнаютъ, что ничто не помѣшаетъ истинѣ выйти наружу, ничто не помѣшаетъ преступленію быть наказаннымъ!

• Вы, господа присяжные, должны дать имъ этотъ страшный урокъ.

Послѣ двухлѣтней борьбы защита и обвиненіе кончили свою задачу. Президентъ представилъ краткій выводъ изъ всѣхъ преній, въ которомъ не забылъ ни интересовъ обвиненнаго, ни требованій общества, которое его обвиняло, и представилъ присяжнымъ три вопроса:

первый — касающійся смертоубійства произвольнаго;

второй — преднамѣренности;

третій — въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на первый вопросъ — соучастія въ преступленіи.

Черезъ пять минутъ присяжные воротились и на первый вопросъ отвѣтили: *да*, единогласно; на второй вопросъ *да*, единогласно. О смягчающихъ обстоятельствахъ не сказали ничего. Бессонъ выслушалъ чтеніе приговора, какъ-будто непонимая его; но когда королевскій прокуроръ потребовалъ примѣненія смертной казни и исполненія ея на одной изъ публичныхъ площадей въ Пюи, вся энергія Бессона лопнула въ одно мгновеніе: онъ склонилъ голову на руки, заплакалъ и сталъ машинально утирать слезы; когда же приговоръ былъ произнесенъ, онъ немогъ уже устоять на ногахъ; его отнесли въ тюрьму и положили на постель почти безъ чувствъ. Тамъ только онъ пришелъ въ себя. Какъ почтенный аббатъ Мартуре, землякъ Бессона, началъ его утѣшать, онъ отвѣтилъ: «приговоръ произнесенъ, онъ долженъ исполниться.»

29 декабря 1842 г. приговоренный подалъ апелляцію въ кассационный судъ.

17 февраля 1843 г., согласно заключенію *генеральнаго прокурора*, апелліація его отвергнута.

Все кончилось для Бессона. Когда осужденный узналъ, что приговоръ сдѣланъ окончательнымъ, онъ горько плакалъ. Но, несмотря на всѣ употребленныя старанія, языкъ его не развязался: «зачѣмъ говорить? повторялъ онъ: — пришлось бы замѣшать слишкомъ многихъ». И онъ прибавлялъ: «меня мучитъ не смерть: съ ней нужно покончить; но это страшное путешествіе, которое будетъ вѣчнымъ». Онъ думалъ о переѣздѣ изъ Ліона въ Пюи. 27 марта его посадили въ коляску, окруженную жандармами. Во время первой половины путешествія Бессонъ былъ спокоенъ. Но когда онъ увидѣлъ холмы Велея, онъ началъ беспокоиться. При видѣ первыхъ домовъ деревни Сенъ-Этьенъ и дороги ведущей въ Шанбла, Бессонъ судорожно заплакалъ. Часъ спустя онъ наблюдалъ съ судорожнымъ волненіемъ, какъ экипажъ подымался на гору Анись, на которой возвышается городъ Пюи.

На слѣдующій день, 28 числа, Бессонъ совершилъ пѣшкомъ, среди огромнаго стеченія народа, переходъ отъ тюрьмы до площади Мартуре. Шагъ его былъ твердый, лицо спокойное. Ничто не показывало внутренняго волненія, развѣ одна страшная блѣдность. Близъ эшафота онъ боролся минуту съ помощниками палача; мгновеніе спустя Бессонъ унесъ въ вѣчность тайну драмы, разыгравшейся въ Шанбла.

Пастухъ Арзакъ умеръ въ 1845 г. въ тюрьмѣ въ Клермонѣ. Процессъ, начатый противъ дамъ Шанбла, вслѣдствіе ихъ отсутствія остановился на производствѣ слѣдствія.

ПОЛЯ

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ

Въ тѣлѣгѣ ѣду по холмамъ.
Порой для взора нѣтъ границъ...
И все поля по сторонамъ,
И надъ полями стая птицъ...

Я ѣду день, я ѣду два —
И все поля кругомъ, поля!
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ едва —
А тамъ поля, опять поля!

Дорой ручей, порой оврагъ,
А тамъ поля, опять поля!
И въ золотыхъ опять волнахъ
Съ холма на холмъ взлетаю я.

Но гдѣ же люди? Ни души
Среди безмолвныхъ деревень!..
Не вѣрится такой глуши!
Хотя бы встрѣча въ цѣлый день!

Лишь утромъ сѣрый четверикъ
Передо мною пролетѣлъ...
Въ пыли лишь красный воротникъ
Да черный усъ я разглядѣлъ...

Вотъ наконецъ бредетъ старикъ...
Остановился, шляпу снялъ, —
Бормочетъ что-то... «Стой, ямщикъ!
Эй, дядя! съ чѣмъ Господь послалъ?»

— «Осмѣлюсь, баринъ, попросить —
 Не подвезете ль старика?»
 «Садись! зачѣмъ не услужить!
 Услуга жъ такъ невелика!

Садись!» — «Я здѣсь, на облучекъ...»
 — «Да мѣсто есть; садись рядкомъ!»
 Но споромъ взять никто бъ не могъ:
 Старикъ уперся на своемъ;

Твердилъ, что въ людяхъ онъ пожилъ
 И къ обращенію привыкъ,
 И знаетъ свѣтъ; иначе бъ былъ
 «Необразованный мужикъ!»

У старика былъ хмурый видъ,
 Цвѣтисто-вычурная рѣчь;
 Одѣтъ былъ бѣдно, но обрить,
 И бакенбарды висѣлъ до плечь.

«Я былъ дворовый человѣкъ» —
 Онъ говорилъ — «у князя Б.
 Да вотъ, пришлось кончать свой вѣкъ
 На волѣ! самъ ужъ по себѣ!»

— «И слава-богу!» — «Какъ кому!
 И какъ кто разумѣетъ свѣтъ!
 А по понятію моему,
 Отъ всей ихъ воли — толку нѣтъ!»

«Еще я понѣшнихъ князей,
 Выходить, дѣдушкѣ служилъ...
 Князь различать умѣлъ людей:
 Я въ домѣ можетъ первый былъ!»

Да вотъ, настали времена!
 Теперь иди, хоть волкомъ вой!
 Стара собака, не годна,
 Ёсть даромъ хлѣбъ, — такъ съ глазъ долой!

Еще скажу: добры князья!
 «Съ тебя оброку не хотимъ»;

А хочешь вешлю? — молъ, — такъ ятъ...
 «Покорно васъ благодаримъ!»

«Жаль ихъ самихъ!» И тутъ старикъ
 Повелъ расказъ, какъ врозь идетъ
 Весь княжий дворъ: шалить мужикъ,
 Заброшенъ сахарный заводъ,

Слѣда ужъ нѣтъ оранжерей,
 Охота, птичникъ и пруды
 И всѣ забавы для гостей
 И карусели и сады —

Все въ запущенъи, все гниеть...
 Усадьба прежде — городокъ
 Была! вездѣ присмотръ, народъ!
 Все пей и ѣшь, все было бѣ въ шрокъ!

«Да, вспомнѣшь про старину!»
 Онъ заключилъ: «былъ складъ да ладъ!»
 Э, ну ихъ съ волей! право, ну!
 Да что она? одинъ развратъ!

«Одинъ развратъ!» онъ повторялъ...
 Отжившій миръ въ его лицѣ,
 Казалось, силы напрягалъ,
 Какъ пламя, вспыхнуть при концѣ...

«Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ,
 Сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
 На ямщика: — спросите ихъ,
 Куда глядятъ? чего хотятъ?»

Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
 Но за отвѣтомъ сталъ въ тупикъ:
 Никакъ желанное словцо
 Не попадало на языкъ...

«Чего?..» онъ началъ-было вслухъ...
 Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
 Да вдругъ какъ свиснетъ во весь духъ, —
 И тройка ринулась впередъ!

Впередъ — въ пространство безъ конца!
 Впередъ — невниманн ничему!
 То былъ отвѣтъ ли молодца,
 И кони ль вторили ему, —

Но мы неслись какъ отъ вожковъ,
 Какъ изъ-подъ тучи грозовой,
 Какбы мучителей-бѣсовъ
 Погоню слыша за собой...

Неслись... а вокругъ по сторонамъ
 Поля мелькали, и неразъ
 Овечье стадо здѣсь и тамъ
 Кидалось въ сторону отъ насъ...

Неслись... «Кудажъ те дьяволъ мчитъ!»
 Вдругъ сорвалось у старика,
 А тотъ летитъ, лишь вдаль глядитъ,
 А даль-то, даль — какъ широка!..

А. НАШКОВЪ

БѢГЛЫЕ ВЪ НОВОРОССІИ

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ЛЕВЕНЧУКЪ И МИЛОРОДЕНКО

Въ концѣ апрѣля, по пути въ крайнюю степь, что близь азовскаго поморья, по направленію отъ одной изъ старыхъ украинскихъ губерній, пробирались глухими тропинками, оврагами и одинокими степными лѣсками двое пѣшеходовъ. Оба они были молоды, измощены усталостью, въ потертой одеждѣ и съ палками въ рукахъ. Ночевали они подъ стогами, пили рѣдко изъ колодцевъ, а болѣе изъ невысохшихъ еще снѣговыхъ озерковъ, ѣли что богъ-дасть, и торопились-торопились. Младшій изъ нихъ, типъ чистаго малоросса, немного мѣшкватый и вялый, шолъ какъ-будто нехотя, пугливо оглядывался по сторонамъ, вздрагивалъ при малѣйшемъ звукѣ и шорохѣ въ степи, ранѣе старшаго сворачивалъ въ сторону, едва завидя на пути одинокій шинокъ, куторъ или провѣзжую смиренную телѣжечку. Зато старшій шолъ смѣлѣе и даже весело. На немъ былъ зеленый жилетъ, съ ключемъ на веревочкѣ, и ветхіе плісовые шаровары. Онъ бойко говорилъ порусски, хотя былъ родомъ малороссъ, то-есть малороссъ изъ дворовыхъ, то-есть скорѣе русскій чѣмъ малороссъ.

— Ты братъ, Хоринька, смотри у меня не дури, не кручися: я уже въ пятый разъ бѣгаю. А что, сходить; ровно, миленькій, ни-

чего. Въ первый разъ-таки, какъ поймали и привели, скажу тебѣ, испороли на-порядкахъ. Исправникъ былъ выжига; червонцемъ не откупился. А зато мѣста-то, мѣста какія! Батюшки мои свѣты! Ты представить не могишь, что это за край, эта поморская сторона! Ужь недаромъ же я веду тебя туда, братецъ! Тамъ хоть тоже уже посёлки пошли, да все не чета нашей «панщинѣ»; сказано — волюшка: вотъ какъ птицы вольныя, тамъ и земля вольная! Сперва тебѣ разныя языки, а тамъ сбоку сплошь донщина, а тамъ наши города и море! Жизнь, жизнь, родимый! Денегъ дадутъ тебѣ вдоволь, начпортикъ выхлопочуть. Папы тамъ нето-что у насъ; все кавалеры и по-кавалерски тебя содержатъ. Значить нето-что у насъ, по старымъ панскимъ хуторамъ, въ мѣсячину тебѣ толоконце одно отпускаютъ, значить дерть собачью, жито пополамъ съ яшною мучицей, по пуду на душу. А тамъ тебѣ и соль, и сало, и масло греческое, прямо съ порта, въ постные богоспасенные дни. Ъшь-кушай да трудись, хлопчикъ. Сказано, вольница! Захочешь жены, спать одному скучно, — и жинку тебѣ справятъ новую. Пять разъ я бѣгалъ и пять разъ все новыхъ шамшурокъ мнѣ сами паны поставляли! Такое уже заведеніе было, коли ты лакомка; ейбогу!

Младшій на эти слова тихо вздохнулъ, но продолжалъ сѣменить босыми ногами, держа сапоги черезъ плечо и изрѣдка протирая тряпичей разбодѣвшіеся отъ вѣтра глаза.

— Что ты вздыхаешь, Хоринька? Слушай, Харькѣ. Эти твои оханья да вздохи — только однѣ глупости. Ну куда мы идемъ, а? Слышалъ ты про азовскіе лиманы, или про донскіе гирла и камыши? Ну? Глупъ ты есть, человекѣ, и только! Говорю тебѣ: приведу тебя въ такія мѣста, что ахнешь. Бось ты — обують тебя; нагъ ты — одѣнуть; гладень — накормятъ; пьяница — пить дадутъ; бабъ любишь — предоставятъ тебѣ такое безпутство, что ума въ помраченье ударишься! Волюшка, волюшка, Харитонъ!.. Кто ее не любить? Бѣжалъ я, братецъ, впервой сдуру, отъ блажи, понятія еще не имѣлъ значить о кавалерѣ Петиле, у котораго послѣ трижды въ наймахъ бурлакой жилъ, — тамъ такой французикъ, подъ Бердянскомъ стени держалъ, — а и то что со мною сталося! Вышелъ я, братецъ, наработавшись и намучившись вдоволь, въ дождливые, студеныя деньки, пробирался, какъ и мы теперь, свинными дорожками, по захолустьямъ. Да какъ вышелъ я за Днѣпръ, какъ увидѣлъ, что это уже не наша панская Украина, а вольная со свѣта-созданія царина, значить степь, гдѣ куда ни

глянешь, все поле да поле, ковыль эта разстилается, да коршунѣ летаетъ, — всползъ я избитый и усталый на курганъ и кинулъ взоромъ впередъ себя. Голова такъ и закружилась, а глаза чуть не ослѣпли отъ голубого свѣта, простора и сверканья всякаго. И смотрѣлъ я, братецъ Хоринька, съ кургана того отъ самаго утра до вечера; упалъ и заплакалъ съ радости; всталъ, а все не насмотрѣлся досыта. Такъ бы кажется и пошолъ бы съ него на всѣ четыре стороны разомъ... Волюшка, волюшка! Пстой, и ты не то заговоришь, какъ увидишь ее! сказано, рай!

• Эхъ ты степь моя, степь бердянская...

• Жизнь постылая, доля панская!

И веселый жоака, выйдя изъ глубокаго оврага, по дну котораго шолъ съ товарищемъ, несмотря на свою усталость, звонко запѣлъ еще какую-то длинную и неопредѣленную бурлацкую пѣсню съ пригѣвомъ:

• Гей ты воля, воля, панское бездолье!

• Лѣнися, работай, — умрешь, не помянуть!

Потомъ засмѣялся и замолчалъ.

— Харько! сказалъ онъ опять, плетясь въ какую-то горку.

— Что?

— Ты Левенчукъ по прозванію?

— Левенчукъ.

— Ну, тебя же мы, какъ придемъ, окрестимъ иначе. Вотъ я Милороденко по прозвищу, тамъ на хуторѣ, дома значить, по ихней панской ревизіи; а въ бурлакахъ я, братецъ, повсегда Александръ Дамскій, и имени уже теперь не мѣняю; такъ меня всѣ кавалеры тамъ, значить помѣщики, и знаютъ, потому что пачпортовъ теперь уже мнѣ ненужно, — и безъ нихъ теперь я знаю какъ обойтись. А вотъ тебѣ пачпортикъ на первый разъ нуженъ. Слушай, Харько!

— Что, Василь Ивановичъ? спросилъ грустно вздыхая новичекъ.

— Какъ придемъ мы на границу, до нагайскихъ степей; береги ты меня, душа Хоринька. Покаюеъ я тебя: Непьющъ я съ измалства; а какъ доберусь до воли, — вотъ уже пятый разъ въ шинкѣ у лысой Ганны пропиваюся; какъ собачій сыиъ, до нитки. Береги меня, Хоринька, какъ свою душу; не давай мнѣ сразу простору; ублажай меня, уговаривай, пожалуй и свяжи, нокломоти при

людяхъ, обругай хоть скверною бранью, а водки много не давай. Хоть просить буду, хоть бить тебя буду, не давай водки, не давай и денегъ. Граница уже близко; вотъ тебѣ вся моя казна, возьми и спрячь... Не силенъ я тутъ противъ соблазна... Охъ, не силенъ! Сказано — воля!

Милороденко дѣйствительно остановился, присѣлъ на траву, снялъ сапогъ, досталъ оттуда въ грязной ветошкѣ какую-то сумку, вынулъ три замасляныхъ асигнаціи, посмотрѣлъ на нихъ на свѣтъ со вниманіемъ и какбы съ сожалѣніемъ, похлопалъ по нимъ и отдалъ ихъ товарищу.

До желанныхъ мѣстъ крайняго юга оставалось недалеко. — Туда стремились новые товарищи, какъ стремятся и стремились искони, но неодолимому влеченію, сотни и тысячи другихъ имъ подобныхъ бѣглыхъ русскихъ людей, съ перелетными отъ сѣвера птицами, ища новой нищи и новой доли.

Два-три перехода, и они были наконецъ на рубежѣ того непочатаго, или мало-еще початаго края Новороссіи, гдѣ Милороденко пророчилъ своему товарищу такое счастье и богатство у господъ кавалеровъ, какого онъ и воснѣ не видывалъ.

Овраги и лѣсистыя балки стали попадаться рѣже. Стоги, подъ которыми они ночевали и прятались на отдыхъ отъ дождей и солнца, исчезли вовсе. Пошла сплошная, необозримая, заросшая густыми цвѣтущими уже травами степь. Сель и хуторовъ невидно было вовсе. Кое-гдѣ только мелькали въ сторонѣ, чернѣя длинными шестами, со вздѣтыми на нихъ пучками ковыля, одинокія овчарни. Да иной разъ, пробираясь чуть видною въ травѣ колеєю проселка, натыкались они на пустынный колодезь, дотога глубокій, что не было видно его дна, какъ туда ни смотри. Встрѣчные чумацкіе обозы они обходили, а къ одинокимъ пахарямъ въ степи приближались. Подойдутъ, особенно вечеромъ, къ огоньку, Милороденко поклонится, подсядетъ на корточки къ маленькому костру, заговорить посмѣиваясь и смотря по своему обычаю въ ладони, перебросить съ руки на руку уголекъ, закуритъ трубочку, и сейчасъ начинаются у него распросы и шутки.

— Что? отъ пановъ? Панскіе? спросять его.

— Панскіе! скажетъ и заляжется смѣхомъ Милороденко, передавая анекдоты о хуторскихъ невзгодахъ.

Но Левенчукъ шолъ печально и мало принималъ участія въ веселыхъ проказахъ и расказахъ товарища.

Въ одномъ мѣстѣ Милороденно, угощенный кѣмъ-то на перенуты, говорилъ товарищу, сильно вздыхая:

— Какъ будемъ мы идти близко къ морю, такъ рѣчка Мертвыхъ воды есть. Такъ-то! Впервое, какъ я убѣжалъ, жилъ я въ косарской артели; шли мы уже съ заработковъ отъ одного барина и наткнулись на злое дѣло. Въ другой артели нето косарь, нето чортъ его знаетъ кто, зарѣзалъ нашего же должно-быть бѣлаго брата, старика-лакея; а этотъ шолъ къ жерю съ дочкой, маленькой дѣвочкой. Этотъ-то извергъ, чтобъ ему пусто стало, старику переквасилъ глотку сонному, деньги отнял и убѣжалъ. Были, говорятъ, у него деньги небольшія, дрянъ. Такъ дѣвочка привела отца еще полу-живого на Мертвыя-воды; тотъ стоналъ съ перерѣзаннымъ горломъ, упалъ на порогъ тамъ какой-то катки и говорить умеръ, а на мѣстѣ не могъ назвать значить убійцы своего. Скверное это было дѣло. Мы сейчасъ сбѣжались, жалѣли; ходили смотрѣть и на дѣвочку, и на умирающаго, а у него были такіе бакенбарды бѣлые, такъ и торчали съ телѣги; какъ его повезли въ городъ; самъ худой да лысый. Страшный таимъ и донынѣ. Дѣвочка не могла расказать откуда они убѣжали, и ее взялъ кто-то въ пріемыши!

Въ другомъ мѣстѣ Милороденно бесѣдовалъ:

— Да ты мнѣ скажи, Харько: и вправду ты думалъ утопиться, какъ я тебя увидѣлъ на плотинѣ и сманилъ? — Это было уже на последнемъ привалѣ, ночью, въ кустакъ дикаго терновника, гдѣ они расположились поѣбжиться уже повольнѣе и даже сами рѣшились развести огонекъ.

Левенчукъ ничего не отвѣтилъ. Его сѣрые широкіе, задумчивые глаза, при черныхъ курчавыхъ волосахъ, печально смотрѣли на догоравшій уголь, тогда какъ каріе, веселые, наигранные, какъ у кошечки, и подвижные глаза Милороденна такъ и смѣялись.

— Вылезъ я изъ камыша, продолжалъ хождока всеобщій вожака: — вылезъ, смотрю — человекъ сидитъ надъ водоспускомъ, плачетъ, охаетъ, все озирается и хватается за голову. Шапку снялъ и уже ноги свѣсилъ надъ омутомъ... Ждалъ я что будетъ, а ты все ближе къ омуту, ближе, да плачешь; я и крикнулъ: «Шо-то, дурный!» ты и остановился. Расскажи же, братъ, какъ это ты задушалъ, когда жену-то твою порѣшили, топиться въ панской речкѣ?

— Чтo же, дядно, началъ Левенчукъ: — скажу тебѣ, я ходилъ за овцами у пани; ну ходилъ и ходилъ; скука тамъ смертная была. Разъ и зоветъ меня старая пани: «Харько, я тебя женить хочу!» —

«Воля ваша, говорю, пани.» — «Да ты не знаешь на комъ? — Не знаю!» — «На Варькѣ, на дочкѣ Петриковны; хочешь?» — «Воля ваша!» говорю; а у самого сердце такъ и обмало! А Петриковна была ключницей у нашей пани, проворовадась, ее и сослали на птичню. Цила запоемъ съ горя эта старая мать Варькина; да мы-таки съ самой Варькой поладили. Повѣнчали насъ, въ числѣ другихъ шести паръ, разомъ. Пани наша уже эти свадьбы всегда справляла заурядъ, осенью, передъ филиповками. Не знались мы и ниразу до свадьбы съ Варькой не говорили ни слова. Известное дѣло, а пасъ овецъ все въ степи и рѣдко домой навѣдывадся. Повѣнчали насъ, посадили за столъ, а потомъ спать положили... Харько помолчалъ.

— Ну дяденька, скажу я прямо: такъ стыдно было мнѣ на свою жену глядѣть, что больше году мы и вмѣстѣ жили, и за столъ ѣсть садилась, и уже любить-то я ее началъ, а говорить еще по душѣ не говорили и не глянули другъ другу въ глаза прямо; все больше молчишь, или перекинешься такъ, пустымъ словомъ, да м то глазъ отъ земли неподнимаю. И разсмотрѣлъ я ее правда уже черезъ годъ. Пасъ я, какъ всегда, овецъ — «отару»; обжить ко мнѣ сосѣдская дѣвочка: «Дядько Харько! кричить: — тетка Варька сына тебѣ родила!» Непомню я какъ допасъ овецъ до вечера; напоялъ ихъ, загналъ въ сарай, вбѣжалъ въ хагу, а въ хатѣ ладаномъ вакурено, сосѣди чинно сидятъ, люлька виситъ съ потолка, а Варвара лежа качаетъ съ лавки ребенка. Я кинулся къ люлкѣ, она приподнялась. «Харитусю! говорить шопотомъ: — это наша дѣтинка!» Мы взглянули уже черезъ люльку другъ на друга прямо, и сложивъ надъ дитятью, заплакали и тихо поцѣловались. Съ той поры мы на людей уже стали похожи. Люди радовались и мы радовались. Да недовелось пожить счастливо. Съѣздила наша пани въ городъ и купила новую молотилку, такую машину, съ чугуннымъ барабаномъ. А въ прошломъ году у насъ сильная пшеница уродилась. Привезли эту машину, поставили на току въ сараѣ и стали молотить лошадыми, а бабы солому отгребали. Мазали эту машину дегтемъ. Разъ и моей Варькѣ загадали съ другими идти до той молотилки; а сама наша пани всегда при работахъ стоитъ. Пока запрягли коней, пока пани отъ горницъ дриплелась, бабы и ладанъ на выдумки. Та на коня верхомъ лѣзетъ, та въ снопахъ перекидывадется, а моя и говорить: «Гдѣ, бабы, мазница съ дегтемъ? Давайте себѣ сапоги помажемъ!» — «Вонъ, говорятъ, подъ коз

лесомъ!» Она и ползла. Подставила одинъ саногъ, смазала; стала и другой мазать. А тутъ кричать: «Пани идетъ, пани!» Машинистъ у насъ кривой, подлець такой былъ, со злобы чтоли; повернулъ барабанъ, лошади дернули, колеса завертѣлись, а Варька рукавомъ и попала подъ чугунное колесо. Бабы кричать: «стой, стой!» А онъ кричить на погонщиковъ: «бей, гони коней! барыня идетъ! мы стоимъ, ничего не дѣлаемъ.» А Варька! Бойся крикнуть; притаилась... машина пошла... Охъ, дядько! И вспомнить страшно... Застонала она, что-то захрустѣло... Прибѣжала опять ко мнѣ въ степь таже сосѣдская дочка. Ореть-голоосить на всю степь: «Ты тутъ овецъ все, дядько, пасешь, а тамъ уже твоей Варьки на свѣтъ не стало!» Бросилъ я овцу и прибѣжалъ на хуторъ. «Гдѣ, говорю, гдѣ?»—«На панскомъ дворѣ!»—Прибѣжалъ я въ самую панскую горницу, а она-то, моя Варька, уже на полу лежитъ, и сама старая пани простоволосая надъ нею мечется... Куда тебѣ! Руку оторвало, и всю потрощило ее, мою сердечную, въ куски! Охъ, дядюшка, страшно!.. Я какъ глянулъ, такъ и самъ упалъ... Отлили водою меня... Похоронили ее, голубочку, а мнѣ свиту новую справили. И впрямъ: пани тутъ пожалуй сама и виновата. Да уже я, какъ встрѣтился съ машинистомъ, глянулъ на него, а онъ глаза понурилъ, сталъ и говорить мнѣ: «иди своею дорогою, не смотри на меня: ты какъ собака злой!» Зашолъ я въ шинокъ какъ-то. Кучеръ нашъ гулялъ. Перепоилъ насъ. Тутъ и машинистъ храбрился. Я и задумалъ недоброе. Уже не смогъ я эту овцу въ стени больше пасти. То бывало ходишь день-деньской по жарѣ, печешься, ѣсть-пить хочется, вода въ баклагѣ теплая, прогнвишая, овца собьется въ кучу... сядешь; кругомъ ни души; одно мѣрево огнями передивается, да овражки свистятъ. Скука... руки бы на себя наложилъ! Дѣлать, работать нехочется; да и что сработашь, ходючи безъ устали? Развѣ ложку какую выдолбишь! А все прежде жилось. Вечерь-то, вечеръ! хата!—такъ и манять. Придешь, и все забыть. Ляжешь возлѣ нея, прижмешься къ ней, а въ хатѣ чисто, травами сухими пахнетъ, постель бѣлая; она смѣется, шепчетъ тебѣ сладкимъ шопотомъ,—и до утра иной разъ не спишь! Ну, меня и повело, какъ Варьку порѣшили. Охъ, дядько... боюсь! Не допытывай меня... Ну чтоже?.. такъ-то; вотъ разъ нашли машиниста подъ осломъ убитого; волки уже и голову ему объѣли. Порѣшить себя тутъ задумалъ и я... Сперва удавиться хотѣлъ, а потомъ утониться. Люди меня усовѣщивали; судъ допытывалъ. Это я уже въ третій

разъ... надъ омутомъ-то сидѣть! Грѣшное дѣло; и спасибо тебѣ, Василь Ивановичъ, что ты меня избавилъ!.. А все какъ-то жутко еще, и мерещится все недоброе... Безъ руки лежитъ, вся погрѣшенная, покроваленная на панской молодилѣ!.. А собака собачья и смерть. Не я его убилъ. Должно-быть чужой кто. Онь все-шатался по любовницамъ по ночамъ. Ну, а тутъ уже прямо меня пододрѣдать стали, люди начали обходить меня. Задавали по допросамъ. Пани въ солдаты погрозились отдать. Я и самъ сталъ какъ неживой. Какъ собака голодная мыкался. Много нашихъ разбрѣдось изъ хутора въ разные годы, а самъ не рѣшался. Все думалъ: какъ уйти? И въ голову не прибиралось...

— Вотъ постой, постой, Хоринька; какъ придемъ, да какъ помѣщу я тебя въ неводчики, при рыбныхъ ловляхъ, или въ какую косарскую артель, — добромъ комянешь, любезный человѣкъ! А вотъ я такъ иначе бѣгалъ...

— Какъ же ты, дядюшка, бѣгалъ? спросилъ уже нѣсколько спокойнѣе, какбы облегча душу Левенчукъ, помолвившись вслухъ на восходъ солнца впотѣмахъ и дождавъ спать у потухшаго окончательнаго костра.

— А вотъ какъ я убѣждалъ впервое, началъ Милороденко, весело закидываясь навзничъ и потягиваясь подъ кустомъ: — моя сказка, простой ты чедовѣкъ, короче. Видишь ли, ты еще теперь настоящій хохолъ; а я уже и тогда былъ натертѣе; въ лакеяхъ значить обрѣтался и по-господски говорилъ какъ слѣдуетъ. Ну, скажу тебѣ по правдѣ, ничто меня всегда такъ не манило, какъ выходитъ крупичатый хлѣбецъ, то-есть значить бабѣ сладкое дѣло. Ну, простота, послѣ разныхъ Гапокъ да Галекъ, комхъ я отпустилъ съ шузами, и за то былъ какъ слѣдуетъ сбченъ, чортъ меня и попутал до-конца; я было отъ этого бѣжать! Прошлялся по Таганрогу; а тутъ и изловили меня полицейскіе на базарѣ; домой переслали, вдули, братъ, это меня опять по всѣмъ порядкамъ. А тутъ опять душа пить попросила... Влюбилась въ меня, до побѣгу еще значить, племянница самого барина... да!

— Что ты? Ахъ, братецъ ты мой! даже вскрикнулъ отъ испугу въ темнотѣ Левенчукъ и вспрыгнулъ на корточки.

— Эхъ, дурачина ты братъ, дурачина! Ну чего смотришь такъ? Вотъ то-то и дѣло, что ничего! продолжалъ, вальготно потягиваясь, Милороденко: — это почти тоже самое дѣло; никакой разницы нѣту, кромѣ опчей значить чистоты... Просто, ровно ничего!

Сперва я наливала къ барыни въ ономко; въ оладу видѣлся, воду, зонтики ей туда носила; а тамъ дѣло ужали, затерли меня; баринъ въ кандалы заковалъ, сослать задумалъ; да увезла она меня къ своей матери; тамъ въ прививалахъ у какой-то омерзавшии мать эта жила. Выкрала меня барыня изъ амбара, съ дѣвкою. Были, были старухи хоромъ, совѣщались; душечна ты моя, съ разными господами и чиновниками, и рѣшили насъ, братецъ, попросту, тоже по-обычай. Да! чего ты это смотришь? именно повѣнчать; мнѣ въ хлопотать обывали вольную. А баринъ и заартачился. «Не дамъ, говоритъ: она нашъ родъ опозорила, съ халубѣмъ повязалась, такъ пусть останется моею холопкою-крестьянкою, коли вѣнчаться хочеть!» Ну, насъ не повѣнчали; такъ мы и остались. Зажали это мы съ нею, не скажу весело, а сносно. По богомольямъ ѣздили; и въ манишвахъ, въ перчаткахъ, какъ слѣдуетъ хожу; трубку при господахъ курю, даже фракъ мнѣ справили! Только и стала меня ревновать эта моя барыня-подруга. И не буду я тебѣ, душа, много рассказывать. Одинъ таки пьяный попъ насъ повѣнчалъ. Любовью да ревностью задала тогда мнѣ моя жена за годъ такой копошти, что и я призадумался. Оно конечно: я спалъ на пуховикѣхъ, ѣлъ сытно; нашъ же Сережка, съ которымъ я прежде въ бабки игралъ, кушать намъ подавалъ. Я ему кричу: «Ээй; малый! трубку!» А онъ ни гу-гу; въ сѣняхъ только иной разъ кулакъ шутникъ покажетъ. Жили мы въ городѣ, на краю, на квартирѣ у дяконницы. Иной только разъ завалишься въ кабачекъ и закутишь съ мѣщанами да съ мужичьемъ; деньги были. Я вакштафъ курилъ; говорю тебѣ, въ карты въ прифранецъ съ чиновниками вывчился, въ халатъ сидѣлъ по цѣлымъ днямъ. А она все меня цѣлуеть, да мучитъ ревностью. «Ты, говоритъ, Матрену нашу прежде любилъ, съ Парашкой знался! Правда это? Признайся, говоритъ, признайся!» Да все грызеть и плачетъ. Опротивѣла она мнѣ; сталъ я и бивать ее подчасъ. А люди добрые, мошенники городскіе, и посоветовали: «Обокрадь ее, да и убьжи!» Ну, красть я не кралъ, а бить — отпоролъ единожды въ спальнѣ нагайкою; сказано, отпротивѣла мнѣ, такъ за косы ее и таскалъ, бимши! Она ничего; стала тише, руки мнѣ цѣлуеть... А тутъ я и получилъ изъ Таганрога записочку отъ одной красотки: тамъ въ модницамъ жила и мы въ бѣгахъ знались. Вманула меня опять волюшка. Эхъ, подумалъ я, бить насъ забори! пуховики да супы, да лежанье одно, да панеліе расказали; сталъ я больно суревъ... У! натерпѣлась она тогда отъ

меня! а на второмъ году я и далъ тягу, уже окончательно, да съ той поры уже ее и не видѣлъ...

— Чтоже, дядько, а она гдѣ теперь стала?

— Умерла, свазують; братецъ, вскорости безъ меня! Вѣдь это давно уже было. Я холостъ уже вотъ четвертый годъ. Возвращался къ барину. Да уже въ другой разъ неполадили. Сильно я ему грубымъ и досаждалъ. Баринъ повѣстки обо мнѣ разослалъ, панъ я бѣжалъ. Ловили меня, приводили снова разъ къ нему; жены я не засталъ уже тогда. Сосѣди совѣтовали ему: «дай вольную Василь!» Не далъ! Ну, а я уже, душечка, подумай, покурилъ вахштау; домой-то, значить, къ пану своему больше и не хотѣлось. Ну, съ той поры по сей день, четвертый годъ, и состою въ бѣгахъ. Дѣтей, видишь ли, не произвелъ, не осталось. Родня женина стремится должно-быть и вспомнить меня. Хоть и мнѣ страшно вспомнить это ихъ всѣхъ. Скверные, братецъ, люди! Да я-то теперь уже разбогатѣть хочу, показать себя имъ всѣмъ, что я за человекъ! Чтожъ что я холопъ? такъ и не вѣнчать? Панъ вольной не далъ, ну и отъснилъ тѣмъ насъ. А будто трудно было подмахнуть бумагу? Ну, я же имъ это покажу, и безъ нихъ обойдемся! Разбогатѣю вотъ какъ! Сторона это такая, что только трудись — золото лопатами тутъ всѣ загибаютъ...

Оба товарища на этомъ заснули. Ночью Левенчуку все казалось, будто что-то шелестѣло въ степи, точно конь близко гдѣ-то сиделся оторваться отъ привязи, оторвался, и оыркая все бѣгалъ впотьмахъ. Разъ онъ открылъ глаза. Прямо надъ нимъ висѣло темное-темное, усыпанное звѣздами небо. Голосъ какой-то птицы уныло охалъ вдали. Кузнечики трещали. А въ мысляхъ его было смутно. Глаза горѣли, въ вискахъ стучало. Покинутая родина и чуждая даль сжимали бѣдное, напуганное сердце.

Разбудили ихъ пѣсни жаворонковъ и все крылатое населеніе степи, сверкавшей подъ каплями крупной утренней росы. Голубые туманы переливались вдали. Слѣва шли волнистые зеленые лесогоры. Справа синѣло нето море, нето таже безконечная, будто въ гору идущая степь. Что-то отдавалось уже не украинскими простыми и тихими картинами, а чѣмъ-то инымъ...

— Видишь эти пустыри? допытывалъ Милороденко: — много я тутъ помыкался! Въ Москвѣ теперь я пожилъ два года, а сколько уже здѣсь церемьны. Вонъ видишь, уже хуторокъ гнѣдится надъ балкою, садикъ разводять, прудъ мигомъ вырыли, мельницу въ триста ста;

вать, памога горницы строить. А два года назадъ тутъ одна степь была. Теперь и дорогу туда протоптали. Такъ и при заповорощахъ тутъ заимки заимали. Воя напка и земля тутъ старозаимочными хуторами стала. Наши предки съ тобою тоже сюда пришли и закрѣстились. Ну, а мы съ тобою уже теперь вольные...

Пройдя еще два-три пустынныхъ аула; съ косоглазыми шапачами, сидѣвшими у порога своихъ странныхъ и приземистыхъ хатъ, пѣшеходы вошли въ область разнообразныхъ и разноплеменныхъ новороссійскихъ колоній, и подъ вечеръ очутились у знаменитаго порубежнаго въ краѣ шинка «Лысой Ганны», котораго такъ боялся Милороденко. Въ шинкѣ и кругомъ шинка, близъ байрака, сновали какіе-то люди. Фургоны стояли, волю паслись, верблюды шагали къ водопою. Татары въ бараньихъ шапкахъ мелькали. Двери въ шинокъ были распахнуты настезь. Вольника и двѣ скрипки брэнчали у крыльца. Музыканты были слѣпые нищие. Старшій изъ нихъ затягивалъ подъ музыку пѣсню: «Ой фортуно, фортуненка! де до тебе стежка?» Милороденко ввелъ Левенчука въ шинокъ, ткнулъ пальцемъ на бородатаго жида-шинкаря, сказавши: «Вотъ этожъ и Лысая Ганна!» узналъ двухъ-трехъ сосѣднихъ знакомыхъ и заметался.

— Всечестнѣйшая и преблагородная компанія! сказалъ онъ: — цѣлуйте меня, я Александръ Дамскій и опять между вами! Лейба шельма, водки!

— А! это ты, Дамскій? отозвались его пріятели изъ посѣтителей Лейбы, все народъ мрачный и бѣдовый: — гдѣ былъ? откуда пожаловалъ?

— Изъ Кіева, антихристы, изъ Кіева, а былъ и въ Москвѣ, милочки! Дважды нажился въ это время и дважды продулся! Да межъ вами доносчиковъ нѣтъ?.. Тронь меня, я и ножомъ теперь пырну; незамай! жить хочется, жить давайте мнѣ — я теперь вольный человекъ! Пришолъ это мимоходомъ къ барину своему на хуторъ, говорю: долно биться, будемъ мириться. А онъ, какъ положилъ, и всыпалъ мнѣ двѣсти. Я опять тягу.

Чего только не дѣлалъ тутъ Милороденко. Помня зарокъ пріятеля, Харько было сперва воспротивился просьбамъ его дать денегъ. Но уже Александръ Дамскій хлѣбнулъ горькухи и преобразился. Про розги и свиданіе съ баринномъ онъ вралъ для щегольства. Изъ веселаго и кроткаго человека — это сталъ звѣрь: ноздри раздулись, ли-

цо побѣднѣло! Онъ свисталъ, прыгалъ, давалъ притѣлячъ пинки, кричалъ: «Воля, воля! Я вѣдь воляный!»

— Ахъ ты хохоль-свинонасъ! крикнулъ онъ на вою хату Левченчуку: слышите, добрые люди, денегъ не дасть! И ни слова дальше неговоря, поподчивалъ сопутника страшною батрециной; далъ пинка въ спину, а потомъ въ животъ... Со оверкающими глазами, свержежомъ зубовъ и растрепаннымъ, отнялъ онъ подъ вечеръ у перепуганнаго и избитаго Харька всѣ свои деньги и пустилъ шаръ во всѣ заставни.

Левченчукъ ждалъ два дня, наконецъ выпросилъ у шинкаря кусокъ хлѣба и пошелъ куда глаза глядятъ. Событіе съ нимъ никакого не удивило. Его насмѣшливо обходили, какъ новичка.

Приставши безмолвно къ первой партіи косарей, онъ обрадовался, что его ни о чемъ не спрашивали и ему ничего не говорили, и прокосилъ у какого-то колониста болѣе недѣли. Потомъ его направилъ въ сосѣдству, къ помѣщику, полковнику Панчуковскому.

Левченчукъ поплотъ указанною дорогой, скоро нашолъ на Мертвыхъ-водахъ Панчукѣвскаго, увидѣлъ среди отеди его новый, красивый, кирпичный домъ, кругомъ котораго возводили высокую каменную ограду, а въ сторонѣ кирпичную, съ фронтонами и подъ желѣзною крышею, огромную овчарню. Вся усадьба, какъ видно, только-что обзаводилась и напоминала скорѣе ирландскую или саксонскую ферму, чѣмъ украинскій, заднѣпровскій хуторъ. Левченчукъ пришолъ прямо къ панскому крыльцу, гдѣ уже дожидались другіе. Вышелъ господинъ молоденькій, съ бѣлокурными усиками, фантовато одѣтый.

— Здравствуйте, ребята! сказалъ онъ бойко, повоеенному: — много васъ пришло?

— Шестьдесятъ, ваше высокоблагородіе.

— И все больше нашего поля люди? спросилъ и весело подмигнулъ полковникъ.

— Точно такъ...

Полковникъ, увѣрявшій всѣхъ, что тотъ не хозяинъ, кто не выросъ подъ крѣпкою командой и самъ не выучился повелѣвать, ужѣлъ таки владѣть приходящими къ нему.

— Ну, милые люди, будьте же гостями; завтра сѣнокосъ въ рѣчкѣ; у кого начпорта вѣтъ, тому цѣна полтина асигнаціями въ день; у кого есть — полтина серебромъ. Ступайте въ контору; выйдите по чаркѣ водки и пока маршъ на токъ молотить!

— Рады стараться! гардаули пришедшіе и пошли въ контору, хвала ласковость и бойкость умѣлаго господина.

Левенчукъ въ конторѣ записался на мѣсяць. Востановленный и все еще въ туманѣ отъ небывалой новой жизни, онъ отчутился съ хозяйскимъ цѣпомъ въ рукахъ на току, сталъ постукивать по сношамъ, глянулъ въ сторону и обомлѣлъ... Милороденко! Онъ глазами своимъ не вѣрилъ. Въ какой-то дыривой нищенской свѣткѣ, съ блѣднымъ, взылымъ лицомъ и потускнѣвшими глазами, брешенный въ шинкѣ Лысой Гавны недѣлю навадъ, его жожака и недавній товарищъ уже былъ тутъ и также тыкалъ цѣпомъ въ сношы, въ двухъ шагахъ отъ него. Улучивши минуту, Харько поровнялся съ нимъ и шепнулъ, подсмѣиваясь и высотъ пугливо поосматривая на него:

— А что, дяденька? и вы тутъ?

— Тутъ! отвѣчалъ тотъ со вздохомъ, и тихо повернувши тускые и испытые глаза за клюню, кивнулъ туда головой; оттуда неслись хлопанья кнута и крики. Кого-то сѣкли, а полковникъ, громко считая удары, приговаривалъ въ антрактахъ наставленія, то сердясь, то весело причитывая прибаутки.

— Кого это, дядюшка? спросилъ пугливо Левенчукъ.

— Товарища тамъ нашего одного; я угомонился, видишь ли, — а тотъ и сегодня пьянъ нашился, и барину здѣшнему нагрубилъ на работѣ, да и съ приказчикомъ тутъ не поладилъ...

— Такъ и здѣсь, дядюшка, сѣкутъ? Тутъ же мы по волѣ?

— Охъ, и тутъ! порядки эти и здѣсь заводятся, видишь! Давно я тутъ не былъ; ну, безъ меня оно такъ и стало! Да ты на то не смотри; полковникъ добрый человекъ: отчего же и не посѣчь дурака нашего брата? хуже, какъ въ станъ явить, а ты бѣглый!

— Почему же вы стали? спросилъ Левенчукъ.

— По гривеннику...

— Отчего такъ мало?

— Среди недѣли, видишь ли, пришолъ и одежду еще хозяйскую заняли. Что дѣлать! И на это тутъ иные порядки на бѣглыхъ стали! Прогорѣлъ я; ну, да авось поправимся скоро!

— А вы же толковали про медь да сало, дядинька? Гдѣ же онѣ, эти горы и эти мѣста, гдѣ и кормятъ и поятъ вдоволь, и гдѣ эта воля живетъ и сама промежду людьми ходитъ? И тутъ какъ у насъ на панцижъ!..

— Э, подожди! не все разомъ! А пробовалъ, Хоринька, бор-

щину съ салцомъ или съ свѣжею таранью? Тутъ по близости и ловятъ эту рыбу! А?..

— Пробовалъ...

— А что, вкусна?

— Рыба вкусна, да и работа вкусна; у насъ дома такъ рано не встають и поздно не ложатся. Тутъ все построве. Заглядывся — и гонять. А рыба вкусна...

— То-то же, голубчикъ Хоринька! Да слушай: какъ бы опохмѣлиться? Откажись сегодня отъ порціи своей для меня... Я тебя отблагодарю; а съ завтрашняго дня уже я ни-ни... ни капли! Въдь ты уже знаешь, что это я только пью, какъ сюда на волю вырвусь! Прости ты и мой побой въ шингъ. Сказано: человекъ дорвется до безопасности; паномъ сталъ самъ, ну и пропадай душа!

Хоринька отказался отъ порціи своей, и Милороденко опять повеселѣлъ, хотя цѣпомъ стучалъ по снопамъ до вечера молчаливо и никого не смѣшил и не озадачивалъ своими шутками.

Дни потекли незамѣтно. Вся почти артель полковника, человекъ въ двѣсти, состояла изъ бѣглыхъ; они часто мѣнялись, уменьшались въ числѣ. Были изъ нихъ и постоянные, нанятые по годамъ и болѣе. Тутъ былъ значительный рискъ. Они жили въ особыхъ избахъ и землянкахъ. Пуританскіе, чистые нравы этого народа не допускали на работѣ никакихъ споровъ и послушанія. Все шло какъ на ученьи рекрутъ и въ глазахъ самаго свирѣпаго командира. Почевали дѣтомъ работники однако подъ открытымъ небомъ, гдѣ-нибудь поблизости въ оврагѣ; прятались въ току или въ овчарномъ сараѣ. Становой, купленный здѣсь недешево, очевидно сюда нарочно не заглядывалъ. Но жизнь бѣглой артели была вѣчною тревогою, вѣчнымъ ожиданіемъ. Вотъ налетятъ!.. въ кандалы, по этапу — и маршъ обратно въ постылые хутора, на работу... Расплативались съ бурлаками еженедѣльно по субботамъ. Зато въ воскресенье было уже ихъ время. Иные и тогда работали за половинную цѣну, другіе расходились по сосѣднимъ и дальнимъ шинкамъ, попить и побалагурить съ наплывными же, бѣглыми дѣвчатами...

— Да! говорилъ какой-то рябой въ красной рубахѣ богатырь, также изъ бѣглыхъ, нанявшійся у Панчуковскаго: — вы вотъ, ребята, спокойны; полковникъ — человекъ-огонь, и начальство должно быть для насъ свое убажаетъ! А вотъ я намедни у нѣмца, за Мертвою, молотилъ; слышимъ, звенить колокольчикъ. Нѣмецъ вѣшалъ, кричитъ: «кто бродяга, маршъ въ поле!» Мы, бурлаки, но за скир-

дами; да въ ровѣ. А становой за нами, вѣсѣхъ перевязалъ... Насилу откупился нѣмецъ: пятьдесятъ червонцевъ, скажутъ, далъ. У моего пана на Воронкѣ я вчиромъ былъ; уже тотъ за насъ тамъ не потерялся бы...

— «Ну, нѣтъ, бесѣдовалъ въ свой чередъ, покуривая трубочку, Милороденко: — какъ имъ, чиновникамъ, не розыскать насъ, колибъ сами паны не думали откупаться тутъ за насъ? нето-что людей съ собаками, — собакъ людьми отыщутъ, коли захотятъ! чутье уже у нихъ такое!» Толпа захохотала.

— Какъ такъ? Расскажи...

— А вотъ какъ. Былъ у насъ, не тутъ-то, на вашей вольной земелькѣ, — а у насъ, въ панской нашей Рассеѣ, былъ въ уѣздѣ судья, отличный, распродобрѣющій и еще молодой человекъ, и жена у него писаная красавица; наѣхали разъ къ судѣ гости, значить ближние и чужіе дворяне, и вскорости пропала у него, послѣ ихъ сѣзда, пара лучшихъ собакъ, — а онъ былъ завзятый охотникъ. Не было тогда судьи дома. Кто укралъ? — «Кто-нибудь изъ гостей значить побаловалъ!» — «Ну, красть дворянамъ не полагается!» думала судыха, да долго недумавши, выслѣдила черезъ людей дорожку въ сосѣднюю губернію, куда увели собакъ, велѣла заперчь каретку, сѣла сама молодочка, да и покатила туда. Уговорила тамошняго исправника, подѣхала къ тому господину, попросту значить укравшему собакъ, сама остановилась на селѣ, а исправникъ пошолъ къ нему да и накрылъ собакъ, въ самой то-есть спальнѣ у пана, тамъ подъ его брачною кроватью; первое время онъ тамъ держалъ собакъ, боясь погони. Взяла тогда барыня собакъ, посадила ихъ съ собою въ каретку, отблагодарила исправника и поѣхала. Такъ-то!.. Не унесутъ тебя ни лисьи хвосты, ни собачьи пятки, коли тутъ тебѣ сами кавалеры не помогутъ... эдакая судыха хоть кого найдетъ!

Въ первое же воскресенье Левенчуку удалось быть близъ одной сосѣдней приморской зажиточной слободки, въ одинокой займкѣ, на песчаной косѣ, на сватѣбѣ одной дѣвочки, выходившей за неводчика, какъ видно изъ бѣглыхъ. Отецъ ея тоже былъ наплывной, изъ бѣглыхъ. Левенчукъ своимъ глазамъ не вѣрилъ. Невѣста и ея подруги, сосѣднія вольныя крестьянскія дѣвушки, сидѣли въ кисейныхъ французскихъ платьяхъ. Вѣнчалась молодая въ шолковомъ канаусѣ и въ наколкѣ изъ бархатной сипели. На свадебномъ столѣ стояли въ тарелкахъ конфеты изъ Таганрога. Гостямъ разносили кизлярское, а

Бродягіе музыканты играли польку и кадрилъ изъ самоувѣренной оперы Верди, завезенной прямо изъ Тосканы въ Одессу.

— «А? а? вѣдь все изъ вольныхъ, либо изъ бурлаковъ! шептала Милороденко очарованному Левенчуку, когда они протерлись въ толпу смотрѣть на молодыхъ: — посмотри, всѣ дѣвки сидятъ въ перчаткахъ, а молодой при часахъ!.. Это, другъ, не чета нашей хохландіи, гдѣ потомъ пахнетъ отъ каждой, братецъ, дѣвки какъ отъ козла!»

На крыльцѣ же, на свѣжемъ воздухѣ, въ толгѣ усердныхъ слушателей, какой-то щедушный, загнанный старикашка рассказывалъ, какой у нихъ въ селѣ, возлѣ Тамбова, генералъ былъ: — «Какъ подашь ему это, бывало, либо трубку въ пыли, либо воды теплой напитокся, — такъ и пустить въ тебя чѣмъ попало; трубку, стаканъ ли, тарелку ли, что держать, такъ въ рыло и угодить тебѣ. Мнѣ морду разъ окровавилъ такъ, что стыдно было въ люди показаться!»

— Скоро воля будетъ; пачпортовъ не будетъ! мрачно говорилъ другой: — не будетъ неволи, и пачпортовъ не будетъ!

— Ну, да въ Нахичевани теперь и то ихъ всякому продаютъ! откликнулся на это кто-то: — значить воля близко!

— Э, братцы! говорилъ возлѣ долговязый парень изъ толпы, въ нанковомъ жилетѣ и пальто, купленномъ у какого-то жидка на торгу: — какъ затѣялъ уже бѣжать я сюда, наша барыня будто подопрѣла; вотъ сущее слово подопрѣла, точно снѣжокъ по веснѣ подалась. Старость чай стала давать, намъ водку на работѣ! Да нѣтъ, теперь уже шабашъ!.. Шабашъ, не пойду!

Музыканты заливались. Скрипки весело пиликали. Разносился пуншъ съ визляркой. Пьяный сосѣдскій поваръ, накормивши всю компанію, съ важностью барина пыхтѣлъ и трубку изъ длиннаго армянскаго чубука курилъ, развалившись у крыльца, на травкѣ.

— Медамъ, медамъ; перметѣ-сь, ангажѣ, — полька! говоритъ кто-то, взявши смазливую горничную подъ руку и идя съ нею сквозь толпу. Толпа громко на эти слова хохотала. Левенчукъ посмотрѣлъ — Милороденко.

— Ты и по иностранному знаешь?

— Знаю! Супруга вывчила...

И долго шли танцы подъ вербами.

Мѣсяцъ освѣтилъ дворъ хаты и рядъ крышъ слободки. Толпа

прогуливался. Девятки хихтали. Милороденко, нахлывавшись польки, потъ съ лица утиралъ.

— Да вы бы, сударь, трепака ударили! говорили ему зрители.

— Нельзя, я бариномъ два вода былъ: трепакъ — халуйское дѣло...

Поздно ночью онъ нашколъ гвардица.

— Что, Харько, все о своей Варькѣ думаешь? Чего осовѣлъ? свирѣпо спросилъ онъ Левенчука: — глянь, какое веселье! А ты! Все о Варькѣ своей, о бабѣ покойной убиваешься, а?

— Нѣтъ, не о Варькѣ; а такъ скучно!

— Глянь-ка на молодую: что за красивая бабѣшка! хочешь, и тебѣ смастерить? опросилъ Милороденко: — тутъ только мигни, можно!

— Нѣтъ, скучно мнѣ, — ничто не манитъ! Да ты и смѣлѣ меня, а мнѣ все какъ-то жутко...

— Ну такъ поцѣлуемся!

И пріятели обнялись.

— Такъ будемъ трудиться, чтобъ разбогатѣть? Богатъ, значить воленъ!

— Будемъ. Надо устроиться; а то все страшно — стало строже все...

— Спасибо за дружбу! добавилъ Милороденко: — а за уступленную порцію — тогда помнишь? — вдвое спасибо! Я не забуду тебѣ этого, Хоринька! Клякни только, встрѣтима ли, нѣтъ ли: удружу и я тебѣ! Помни! А теперь дамъ совѣтъ: хочешь на лиманы, на Донъ, къ морю?

— А что?

— Тамъ скорѣе деньгу теперь зашибешь; тамъ контрабанду теперь свозять...

— Нѣтъ, погоди, огляжусь прежде здѣсь... Ты смѣлѣ меня — ты дока на все...

— Ну, какъ знаешь. А за водку спасибо. Не забуду тебя. Я же, братъ, прощай! Товарищи передали, зовутъ къ неводамъ, въ гирла донскія. У меня, коли тихое житье, скучно; я уже попорченный: Миѣ давай такую волю, чтобъ хмѣлеть прошибало, чтобъ духъ отъ нея захватывало. Тамъ и страшно, да зато же и заработокъ хорошій. А мнѣ уже пора и на старость что припасать; норѣ свою завести: Хоть бы такъ, зернышка какого, какъ зайцы на зиму припасаютъ да суслики... Недаромъ же я теперь уже навѣки бро-

свѣтъ и барина, и вѣкъ свѣтъ! Хочу отенениться, замань пашѣ куплю.

II

ВЪГЛЕЦЫ ВЪСНАГО ПОДЪИТА

Прошло три года.

Была прелестная степная майская пора. По дикому и пустыному пути, между Днѣпромъ и Мелитополемъ, быстро скакалъ въ полясочкѣ, на четвернѣ добрыхъ лошадохъ, видный и веселый-блондинъ; въ широкой соломенной шляпѣ, съ бороδοю и въ свѣтломъ пикейномъ сюртучкѣ, родъ горожанина, афериста или помѣщика. Онъ разсматривалъ виды по сторонамъ дороги. Фу, какая глушь! Нагайско-татарская степь шла вправо и влѣво, изрѣдна только волнуясь и упираясь потомъ погорѣлыми отъ зноя травами, камышами и песчаными косами въ синее, ярко горѣвшее море. Здѣсь по приземистой травѣ мелькали какіе-то крупные, темно- и свѣтло-желтые цвѣты, въ видѣ крестиковъ, чашечекъ, колокольчиковъ и вѣздъ, иногда сплошь заливая свою желтизною поляны. Какъ бы вы ни смотрѣли, куда бы ни кинули напряженнаго взора, — одни поля, холмы на небосклонѣ, да мелкія, въ огненной лазури потонленныя облачка. Кое-гдѣ только темнѣютъ вдали, по сторонамъ, одинокія овчарни, откуда, вавидя рѣдкаго путника, вдругъ кинутся стаей громадныхъ пастушьи собаки, темными черточками вытянутся по степи, и вотъ-вотъ кажется настигаютъ васъ. Но разстояніе такъ далеко, что онѣ скоро остановятся и тихо, свернувши свои косматые хвосты, возвращаются назадъ. Бѣлыми пятнами ходятъ безчисленные дрофы по дикимъ, плугомъ не тронутымъ пустырямъ. Коршуны стоятъ въ небѣ. Пестрые олегатическіе аисты сторонятся отъ дороги, чуть не задѣваемые колесами, да широко раздается во всѣ стороны вѣчный свистъ, стонъ и шорохъ степи.

— Самъсь! это будто ѣдетъ кто намъ навстрѣчу? спросилъ баринъ, высунувшись изъ-за плеча старика кучера. Онъ куритъ сигару и скучалъ дорогой. Съдой, какъ лунь, кучеръ посмотрѣлъ въ свою очередь, наставя ладонь къ глазамъ.

— Богъ его знаетъ, что оно такое! нето колониствъ на телѣгѣ, нето коровъ гонять! Тутъ его никакъ не разберешь, что оно въ степи!

Скоро путники действительно разглядывъ въ мерцающей дали известный зеленый, на желѣзныхъ осяхъ, фургоны колонистовъ, и въ немъ ѣздока и возницу. Фургонъ стоялъ; путники что-то въ немъ правляли.

— Что, обломались? спросилъ господинъ изъ коляски.

— Чека соскочила.

Путники разговорились. Колонистъ спросилъ:

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Полковникъ гвардіи въ отставкѣ, Владиміръ Алексѣичъ Панчуковскій. А вы кто, позвольте узнать?

Колонистъ снялъ баранью шапку и отвѣтилъ, отлично выговаривая порусски и улыбаясь:

— Колонистъ Богданъ Богданычъ Шульцвейцъ изъ-подъ Орѣхова, изъ колоніи Граубинденъ, коли знаете; теперь ѣду изъ-за Ростова...

— Очень радъ познакомиться. Не курите ли? Вотъ вамъ сигара, Богданъ Богданычъ, чистѣйшая кабанасъ...

— Нѣтъ... я вотъ сарептскій; я нюхаю-съ! Это — табачокъ очень тоже ароматный! Мы его сами и съѣмъ въ колоніяхъ нашихъ-съ.

— Что новаго на морѣ? Что хлѣбъ?

— Съ пшеницей вяло, со льномъ крѣпко; сало идетъ вверхъ; фрагтовыхъ судовъ мало, — конторы жмутся.

— Ай! это несовсѣмъ хорошо!

Сѣли путники на травкѣ, достали кое-какую закуску. Кучера тоже познакомились, закурили тютюнецъ и повели бесѣду.

— Куда вы собственно ѣздили? спросилъ небрежно Панчуковскій, несмотря на простоватаго, засаленнаго собесѣдника и покручивая хорошенькіе русые усики. Онъ усталъ отъ дороги. У его товарища между тѣмъ, хотя уже пожилого человѣка, румяное полное лицо такъ и отливало густымъ молокомъ менонистекой; нѣкогда пятавшей его кровной коровы; фланелевая фуфайка была чистѣйшаго табачнаго цвѣта, синія куртка вся въ пятнахъ, а синіе штаны были засунуты въ высокіе кунеческіе санogi, не безъ аромата дегтя.

— По дѣламъ-съ, господинъ полковникъ; известное дѣло — мы минуты свободной не имѣемъ: либо дома моволимъ руки, либо по степямъ оси тремъ на своихъ фургонахъ!

— Какія же у васъ дѣла? спросилъ еще небрежно полков-

никъ : — все, я думаю, насчетъ картофеля? «картофель ундъ пан-чосель», какъ мы говаривали еще въ школь мадлярателяхъ изъ ва-шей братьи?

— Какъ какія? всякія! Мы народъ торговый—съ.

— Значить и овощами торгуете, и саломъ, и табаккомъ? —

— Торгуемъ всѣмъ! Всѣмъ, либеръ геръ, всѣмъ!

Колонистъ всталъ онова помочь кучеру перепречь лошадей. Полковникъ прилегъ на травкѣ, поглядывая съ улыбкою на уходившія пятки товарища, подкованныя мѣдными гвоздями, и помышляя: «Вотъ стадо барановъ! Я думаю, женился въ семнадцать лѣтъ, и жена его теперь тоже на овцу похожа, вѣтъ индѣкъ съ медомъ, чулки даже во снѣ вяжеть!»

— Чтo же у васъ за дѣла, скажите? спросилъ онъ опять коло-ниста, подсмѣиваясь.

— Вы хотите знать? извольте. Дѣло недолгое. Я на дняхъ купидъ колонию—съ, вотъ что; неподалеку отъ Николаева, близъ помѣстья—съ герцога Ангальтъ-Кеттенъ; съѣздивъ потомъ на Донъ, принявъ степи для нагула овецъ, да не удалось, — надо подождать, когда снимутъ сѣно; а теперь ѣду кушить, коли придется, съ тор-говъ, въ Николаевѣ наши бывшія батареи, то-есть разный хламъ—съ севастопольскихъ батарей: дерево, обшивку, брусья, а пожалуй и чугуны. Наше дѣло комерческое; чтó попадетъ подъ руку, всѣмъ торгуемъ. Ничѣмъ не пренебрегаемъ и времени не упускаемъ. Вы знаете нашу пословицу: моргенъ, моргенъ, ундъ ни хтъ гѣйте...

— Загенъ алле фауленъ лѣйте? Какъ не знать! Но скажите, за-чѣмъ вамъ еще степи за Дономъ? Гдѣ, позвольте, у васъ собствен-ная—то земля? Извините, я не разслышалъ...

— Моя собственная земля, мейне айгене эрде, есть и подъ Граубинденомъ, и въ другихъ округахъ, да мѣста стало уже намъ, колонистамъ, мало. Такъ—то—съ, не удивляйтесь! Наши кое-кто уже въ Крыму ищутъ земель, на Амуръ послали депутатовъ при-смотреться тамъ насчетъ занятія земель подъ колоніи. Засуха; ну и надо перегнать часть овцы на лѣто за Донъ.

— Сколько же у васъ овечки? спросилъ Панчуровскій, пощипывая усики и смотря на это кроткое, румяное лицо, и зѣвнула: — да не хотите ли масла, колбаси? Вотъ вамъ масло, вотъ хлѣбъ! Я совсѣмъ усталъ отъ дорогъ. Не хотите ли? вотъ пошникъ. Я тоже все хлопочу, строюсь...

— Благодарю! отвѣтилъ кудрявый колонистъ, оправдывая свои

блэккурры, съ просьбою уже, нѣмецкіе пейсы, выбивавшіеся изъ-подъ барашковой шапки, и принимаясь за масло: — у меня овцы довольно! О, очень довольно...

— Сколько же?

— У меня семьдесятъ пять тысячъ головъ овцы въ разныхъ мѣстахъ-съ.

Панчуковскій приподнялся на локтѣ.

— Что-о-о? Какъ-съ? Сколько? Я не слышалъ! сказалъ онъ и заикнулся подобно незабвенному Манилову, нѣкогда пораженному сказочной профессіей Чичикова, по покупкѣ мертвыхъ душъ.

— Семьдесятъ пять тысячъ головъ-съ мериносовъ! отвѣтилъ опять смиренный собесѣдникъ и сталъ копаться въ котомкѣ, укладывая свою провизію: — но, мейнъ либеръ геръ, какъ здѣсь ни хорошо, а скучновато; все въ Германію тянетъ... мы здѣсь чужіе!

Духъ захватило у Панчуковскаго. Мигомъ къ головѣ его мелькнули соображенія: «Если семьдесятъ пять тысячъ мериносовъ у него, то сколько же онъ долженъ получать дохода? На худой конецъ по цѣловому съ головы, и того семьдесятъ пять тысячъ рублей серебромъ. Двѣсти-пятьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями, четверть миліона въ годъ!»

И онъ окинулъ взглядомъ колониста съ головы до ногъ, какбы соображая, какъ такое засаленное существо могло владѣть такимъ богатствомъ?

— Да вы не шутите? сказалъ онъ и сѣлъ.

Колонистъ засмѣялся. Бѣлые зубы, опять напомнившіе корову, такъ и ослабились до полныхъ румяныхъ ушей.

— Нѣтъ, не шучу!

Панчуковскій, летѣвшій изъ Петербурга въ степи за наживой, бросившій модный свѣтъ, щегольскихъ товарищей, оперу, Невскій, французскіе водевилы и комфортъ всякаго рода для барышей, невольно вздохнулъ, придвинулся къ собесѣднику, вертѣвшему въ грубыхъ рукахъ замасленную барашковую шапку, и сказалъ, протягивая руку:

— Очень радъ познакомиться! Вы колонистъ и я колонистъ. Мы оба Колумбы и Кортесы своего рода, или скорѣе бродяги и бвглецы изъ родныхъ мѣстъ за наживой. Мы колонизаторы дикаго и безлюднаго края. Намъ тѣсно стало на родинѣ, на стѣвѣ; ну, мы и бѣжали сюда. Вѣдь такъ?

Колонистъ ажуратно и громко высморкался.

— Э! что тут говорить! Какъ ни говори, а нѣмцы вамъ нужны. Вотъ, мы первые здѣсь овцеводы. Земля тутъ прежде гуляла, а теперь не гуляетъ. Наши колоніи садами стали, мы ягвоа разводимъ вамъ, оживляемъ ваши пустыни...

— Сколько же у васъ земли? допытывалъ полковникъ.

— Около тридцати тысячъ десятинъ собственной; а то еще арендую у сосѣднихъ нагайцевъ и у господъ дворянъ. Фрицъ, достань мнѣ табачку въ табакерку! крикнулъ онъ кучеру: — на дорогу свѣженькаго подсынемъ. Такъ-то-съ.

Долговязый Фрицъ принесъ кожаный мѣшочекъ и сталъ сыпать табакъ въ табакерку хозяина.

Колонистъ между тѣмъ еще присѣлъ, опять намазалъ масла на хлѣбъ, присыпалъ зеленымъ сыромъ и сказалъ:

— А вы адѣшній? Зачѣмъ вы службу бросили? Вамъ уже скоро и генераломъ бы легко быть!

— Я тутъ тоже теперь кое-чѣмъ маклакую. Хуторъ устроиваю, землю купилъ, хлѣбопашество наймомъ веду. Вѣдь я тоже, повторяю, колонистъ, бродяга; бросилъ старый, скучный сѣверъ.

— Ну, такъ будемъ же знакомы. Мы одного поля ягоды! Ваша правда-съ! Только станеть ли у васъ столько съ охоты и труда? У меня и свои корабли теперь тутъ есть. Два года уже, какъ завелъ. Самъ на своихъ судахъ и шерсть съ овецъ своихъ прямо въ Бельгію отправляю.

— Ахъ, какъ все это любопытно! Позвольте: у васъ значитъ и свои конторы есть въ азовскихъ портахъ, въ Бердянскѣ, въ Мариуполѣ, въ Ростовѣ?

— О, нѣтъ! Это все я самъ! говорилъ колонистъ, чавкая и добродушно жуя хлѣбъ съ масломъ: — зачѣмъ намъ еще конторы? Я поѣду и отправлю хлѣбъ или шерсть; потомъ опять поѣду и приму заграничный грузъ. А то и моя жена поѣдетъ. О, у меня жена добрая!

— Какъ! и она? ваша жена тоже комерціей занимается?

— Да; вы не вѣрите? вотъ зимой изъ Николаева она мнѣ на санкахъ сама привезла сундукъ съ золотомъ; я хлѣбъ туда поставилъ. Такъ вотъ запрягла парочку, да съ кучеромъ, вотъ съ этимъ самымъ Фрицомъ, моимъ племянникомъ, и привезла. Зачѣмъ пересылать? Еще трата на почту...

Полковникъ посмотрѣлъ на Фрица: рыжій верзило тоже смѣялся во весь ротъ. А колонистъ, какъ на товаръ, приглядывался на

идеальной нарядъ красавца-полковника, на его перстни, пикейный сюртучекъ, лаковые полусапожки, узорные чулки, бѣлую соломенную шляпу и первѣйшей моды вѣнскій фэзтончикъ. Два давнишнихъ противоположныхъ полюса русскихъ дѣловыхъ людей, эти два лица сильно занимали другъ друга.

— Вы отлично говорите порусски, сказалъ полковникъ :—давно ваша семья переселилась, или такъ-сказать бѣжала изъ родной тѣсноты въ Россію? извините, это меня сильно занимаетъ; повторяю вамъ снова, я тоже вашъ собратъ, переселенецъ, а по нашимъ русскимъ понятіямъ, бѣглець! Мы теперь тоже за умъ беремся, да ужъ не знаю, такъ ли? Что-то въ насъ много еще дворянскаго; можетъ оттого, что мы бѣглецы по волѣ, съ паспортами...

— Мой дѣдъ, видите ли, переселился при графѣ Сперанскомъ, около сорока лѣтъ назадъ; мы пѣшкомъ пришли сюда, съ котомками; дѣдъ и отецъ мой несли старые саксонскіе сапоги свои за плечами, а отецъ мой послѣ него еще двадцать пять лѣтъ былъ, у нашего же земляка Фейна, простымъ пастухомъ. Я тоже въ юности-съ долго былъ при стадѣ вашего Абазы. Земля, сказать, тутъ обѣтованная, нетронутая еще; многихъ еще она ждетъ. Раздолье, а не жизнь тутъ всякому; лѣнивъ только русскій человѣкъ! Эхъ, гляньте, какая дичь, какіе пустыри: бурьянъ, вѣчная цѣлина, — ни косы, ни плуга не знала! Люблю я эти мѣста. Будто и бѣдныя, а троньте эту землю — кладъ кладомъ.

Полковникъ спросилъ :

— Какой же секретъ въ томъ, что вы такъ скоро, такъ страшно разбогатѣли?

— Секретъ? никакого секрета! Даже трудно сказать, какъ. Какъ? просто трудились сами, и все тутъ.

— Сами трудились! подумалъ Панчуковскій : — вретъ шельма вѣмецъ; должно быть фальшивыя асигнаціи въ землянкахъ дѣдали, да ловко и спустили!

Просидѣли еще немного новые знакомцы. Степь молчала, вечерѣло. Ни звука не было слышно. Однѣ лошади позвякивали сбруей да несли тююнищемъ отъ новыхъ друзей-кучеровъ.

— Я и не спросилъ васъ, сказалъ на прощаньи Панчуковскій : — вы ѣздили за Донъ; были вы у насъ на Мертвыхъ-водахъ, за сороковою болгарскою колоніей? какъ понравился вамъ нашъ околотокъ? можно ли ждать чего хорошаго отъ этой мѣстности?

— На Мертвыхъ-водахъ? На Мертвыхъ... Пойдите! Да! Точ-

но, я тамъ недѣлю назадъ ночевалъ... у священника... **Постойте,** погодите...

— У отца Павладія ?

— Такъ, такъ, у него именно ! Что за славный, добрый старикъ ! и какой начитанный ! Нашего Шиллера знаетъ, еще такая у него красивая воспитанница. Самъ онъ ее и грамотъ учитъ, и она при мнѣ читала и писала. Какъ же можно ! хорошія мѣста !

— Какъ ? воспитанница ? возразилъ красивый полковникъ : что за странность ! Это премило ! Я живу отъ отца Павладія въ семи верстахъ, а не знаю.

— О-о, полковникъ ! такъ вы волокита ! засмѣялся, вѣзая въ фургонъ, колонистъ и погрозился : — смотрите, напишу отцу Павладію, и предупрежу его !

— Нѣтъ, я не о томъ ; но меня удивило, какъ я живу такъ близко и ничего не знаю ! Въ нашей глуши это диво. А вы будто бы и не охотникъ приударить за иною гребчихой, въ полѣ ?

— Э ! фи ! У меня своя жена красавица, полковникъ.

Новые знакомцы будто сконфузились и помолчали.

— До свиданія, полковникъ !

— До свиданія, геръ Шульцвейнъ !

Лошади двинулись.

— Не забудьте и насъ посѣтить : спросите хуторъ Новую-Диканьку, на Мертвой.

— Съ удовольствіемъ ! А гдѣ онъ тамъ ?

Лошади колониста остановились. Полковникъ къ нему добѣжалъ рысцой и рассказалъ, какъ къ нему проѣхать.

— Есть же у васъ дѣтки ? спросилъ полковникъ, ставши на подножку и свѣсясь къ колонисту въ фургонъ.

— Есть двѣ дочери ; одна замужемъ, а другая еще дитя.

— За кѣмъ же замужемъ ваша старшая дочь, геръ Шульцвейнъ ?

Колонистъ покачалъ головой и прищурилъ голубые глаза.

— Вы не ожидаете, я думаю ?

— А что ?

— За пастухомъ-съ. Я выдалъ дочь мою за старшаго моего чабана, Гейнриха-Фердинанда Мюллера, и, либеръ геръ, нахожу, что это сущая пара. Отличный, добрый зять мнѣ и знаетъ свое дѣло ; пастухъ и вмѣстѣ овечій лекарь. Живутъ припѣваючи, а дочка моя все двойни родить !

Полковникъ похлопалъ его по рукѣ и по животу.

— А вашъ Гейнрихъ откуда?

— Онъ подданный другого Гейнриха, Гейнриха XXXIV, герцога крейцъ-шлейцъ-фонъ-лобенштейнскаго: тѣсно имъ у герцога стало, онъ и переселился сюда.

— Не забудьте же хуторъ Новую-Диканьку, недалеко отъ большой дороги! сказала полковникъ, смѣясь титулу 34-го Гейнриха крейцъ-шлейцъ-лобенштейнскаго и кланяясь вслѣдъ уѣзжавшему интересному фургону.

— Поклонитесь отцу Павладію отъ меня! прибавилъ въ свой чередъ улыбаясь и колониствъ.

Пыль опять заклубилась по дорогѣ.

— А ну, говори мнѣ, скотина, что тамъ за такая воспитанница живетъ у нашего попа, на Мертвой? спросилъ кучера полковникъ Панчуковскій.

Самуйликъ ничего не отвѣтилъ. Онъ былъ подъ влияніемъ вѣжливой бесѣды съ Фрицомъ.

— Ну чтоже ты молчишь, ракалія, а? Не я ли тебѣ поручалъ все развѣдать, разыскивать? И въ семи верстахъ! а?

Кучеръ пріостановилъ слегка лошадей, снялъ шапку и обернулся. Глуповатое и старческое лицо его было оскѣнено мучительною, тяжелою мыслью.

— Баринъ, увольте...

— Это что еще?

— Не могу...

— Что это? Ты уже, братецъ, разсуждать?

— Не будетъ никакого толку, ваше высокоблагородіе, отъ этихъ вашихъ дѣловъ. Мало ихъ черезъ мои руки у васъ перебивало! Эхъ баринъ, предоставить-то не штука; да жалко послѣ. А вы побаловали, да и взашей!

— Скверно, братъ, и подло; не исполнилъ порученія...

Самуйликъ еще что-то говорилъ, но уже полковникъ его не слушалъ. Лошади бѣжали снова вскачь. Бубенчики звенѣли. Картины по сторонамъ дороги мелькали. Вечерѣло...

А въ головѣ полковника-фермера, полковника-комерсанта, строились планы горячихъ, дерзкихъ, небывалыхъ еще на Руси, въ средѣ его сословія, предпріятій. То водопроводы онъ мыслилъ въ какомъ-то городѣ затѣвать, то шумную аферу по закупкѣ всего запаса какого-то хлѣба въ одномъ изъ портовъ думалъ сдѣлать; то

школу хотѣлъ гдѣ-то тайно открыть въ столицѣ и потомъ пустить о ней статью «отъ неизвѣстнаго» въ газеты; то какому-то ученому заведенію мыслилъ разомъ купить и поднести въ даръ большое собраніе картинъ. Недавно по сосѣдству сманивали его на выборы. «Нѣтъ, не тѣ времена!» глубокомысленно отвѣтилъ онъ, благодаря дворянъ: «теперь намъ пора подумать и о матерьяльномъ счастьи на землѣ; оно можетъ-быть еще выше духовнаго!» Такъ онъ сталъ думать, прочтя что-то вродѣ этого въ Токвилѣ. А теперь у него изъ головы еще не выходилъ невѣроятный колониствъ, съ его полумилліонными доходами, собственными кораблями по Азовскому морю, и съ такою же вѣроятно, какъ онъ, румяною и бѣлокурою супругой, возящей по стенамъ на парѣ сундуки съ золотомъ супруга. Задумался баринъ и о питомцѣ священника... Панчуковскій посѣщалъ въ свой хуторъ Новую-Диканьку, гдѣ на другое утро, на неизмѣнный праздникъ дня своего рожденія, ожидалъ онъ гостей.

III

НОВОЗАИМОЧНЫЙ ХУТОРЪ НОВАЯ-ДИКАНЬКА

На другой день къ полковнику дѣйствительно съѣхалась куча гостей. Подѣзжая къ его красивой усадьбѣ, всѣ пріятно изумлялись, глядя на выроставшія почти ежемѣсячно новыя каменные и кирпичныя постройки. — «Вотъ ловкій господинъ! говорили они: — а эта Новая-Диканька — суцая американская ферма!» Новозаимочный хуторъ полковника въ самомъ дѣлѣ очень измѣнился съ тѣхъ поръ какъ приходили въ него наниматься бѣжавшіе отъ старосвѣтскихъ хуторскихъ невзгодъ, изъ старой Украйны, пріятели Левенчукъ и Милороденко. Хотя кругомъ его была попрежнему одна скучная во многихъ отношеніяхъ степь, но благоустроенная заимка, колонія гвардейскаго комерсанта и земледѣла, уже значительно пополнилась. На юру пологого косогора стояла красивая усадьба. Двухъ-этажный, подъ красный кирпичъ, домикъ, во вкусѣ швейцарскихъ иди скорѣе французскихъ деревенскихъ мызъ, глядѣлъ изъ-за высокихъ каменныхъ стѣнъ, съ крѣпкими дубовыми воротами. Часть обширнаго двора занята была молодымъ садомъ. Отличныя конюшни, огромные амбары для ссынки хлѣба, сараи для овечьей шерсти и хозяйственныхъ машинъ, флигель для дворни, — все было кирпичное,

непестротуренное еще, какъ и домъ, и подъ желѣзными крышами. Кухня, на голландскій манеръ, съ изразцовыми стѣнами и асфальтовымъ поломъ, была возлѣ. Издалека и съ большимъ трудомъ привезенные тополи были посажены вокругъ дома, подросли и отлично скрадывали пустынную степную наружность остальной усадьбы. За домомъ въ полуверстѣ былъ токъ, съ хлѣбною клуней, а еще въ сторонѣ и ближе къ дому каменные сарай для овецъ и избы для батраковъ, то-есть бѣлаго разнаго люда, какъ мы знаемъ. По двору, подъ стѣнами ограды, стояли разныя земледѣльческія орудія, еще новыя и свѣженькія, покрашенныя голубою или красною краскою: плужки, бороны, сѣялки, конныя грабли, вѣялки и большая новость въ краѣ — жатвенныя машины. Въ клунѣ очевидно работала уже паровая молотилка, потомучто небольшая желѣзная труба, какъ на фабрикахъ, торчала оттуда, изрѣдка вѣнчаясь облачкомъ сѣраго дыма. Паровой локомобиль иногда подвозился къ колодцу; къ нему приправлялась мельница, и обозы съ сосѣднихъ хуторовъ мигомъ скоплялись возлѣ за помоломъ. Близъ овчарни былъ устроенъ надъ оврагомъ кирпичный заводъ, также съ машиною для лѣпки кирпича. Ни рѣки, ни пруда не было вблизи усадьбы. Вода доставалась изъ глубокихъ колодцевъ. Не было и деревни. Тутъ все шло наймомъ. Черезъ два сосѣднихъ оврага, разъединявшихъ поля, перекинута были красивыя чугунные мостики. У конторы на столбѣ былъ укрѣпленъ колоколъ, для зова рабочихъ.

Экипажи загромаждали дворъ. Въ отворенныя окна дома неслись громкіе разговоры. Всѣ двери были настежь. Слуги шныряли отъ кухни въ домъ и обратно. Гости, мужчины, сидѣли за утреннимъ кофеемъ, въ обширномъ угольномъ кабинетѣ хозяина, между кучами цвѣтовъ и шкафами съ книгами, по хорошенькимъ мягкимъ диванамъ. Тутъ были и старики, и молодые, въ сертукахъ и въ байковыхъ пальто, или въ простыхъ домашнихъ курткахъ. Иныя сіяли нѣжнѣе майскаго утра, въ своихъ пикейныхъ сертучкахъ и бѣломъ какъ снѣгъ бѣльѣ, и отъ нихъ пахло духами, только-что прибывшими черезъ Таганрогъ изъ Марсели. Другіе кажется никогда не мыли рукъ, не чесали головы, не стригли копытообразныхъ ногтей, и отъ нихъ пахло овцами и коровьимъ навозомъ. Сидѣла тутъ, съ длиннѣйшею трубкой, и какая-то барыня, по фамиліи мадамъ Щелкова, изъ казачекъ, вѣчно кашляющая и съ загорѣлымъ лицомъ, какъ у сгонщика или мелкаго разсылнаго хлѣбной конторы, но въ то же время въ лентахъ и въ шолковомъ платьѣ. Но послѣдняя очевидно пріѣхала

съ короткимъ визитомъ и попала въ мужскую компанію въ кабинетъ за дѣломъ, мила платокъ въ рукахъ подобострастно и утирая слезы, заглядывала вѣтъ въ глаза, оправдываясь иногда, что трубку курить отъ какой-то болѣзни, и все какъ-будто торопилась кончить какія-то печальныя дѣла и соображенія. Она подсаживалась, съ богатырскою трубкой, то къ одному, то къ другому кружку, слушала толки о близкой будтобы эманципаціи со слезами на глазахъ и повторяла: «Ахъ, боже-мой! Ахъ, Господи! А-я то гребли не кончила, свай не набила; хлѣба сколько набѣяла... кому убирать его, кому убирать! пойдѣмъ мы по свѣту!» — Читатель разумѣется можетъ знать, что эманципація тогда еще не угрожала ни греблѣ, ни сваямъ, ни хлѣбу этой барыни. Остальной женскій полъ, очаровательныя новороссійскія дамочки, разодѣтыя азіатскими бабочками, во французскихъ кисеяхъ и шелкахъ, сидѣли въ гостиной и ходили по залѣ. Самъ хозяинъ, какъ слышно было — холостякъ, но удостоенный визитовъ дамъ, былъ сильно въ духѣ. Ему всѣ льстили, всѣ ахали, разсматривая его домъ, картины, хозяйство, машины. Всѣ гуртомъ сходили на токъ, въ овчарни и въ рабочія избы. Барыня Щелкова, подоткнувши шолковое ліонское платье (она тоже не отставала отъ моды), также сходила и въ овчарни, и на токъ, удивляясь полковнику и хваля его хозяйство. Каріе глаза полковника сіяли волей и счастьемъ; усики, загнутые кверху, были надушены. На всѣхъ онъ смотрѣлъ съ довольствомъ. Всѣ были веселы.

— Мы, господа, бѣглые, то есть въ европейскомъ смыслѣ колонисты; это я вчера Шульцвейну говорилъ — вы слышали про него?

На эту тему сталъ ораторствовать Панчуковскій и говорилъ весь день.

Подъ общій шумъ, разговоры свелись на хозяйство каждаго, и всѣ расхвастались. Тотъ превозносилъ своего чабана и свое стадо тонкорунныхъ мериносовъ. Другой прославлялъ себя за громадное увеличеніе запашки. Третій увѣрялъ, что скупить въ портахъ все бельгійское желѣзо и повезетъ его въ Полтаву и въ Харьковъ, въ подрывъ сибирскому. Другіе говорили о машинахъ. — «Нѣтъ!» говорилъ сосѣдній арендаторъ, нынѣ уже русскій помѣщикъ и душевладѣлецъ, а еще недавно эстляндскій нѣмецъ и булочникъ, Адамъ Адамычъ Шваберъ: «всѣ эти машины чепуха! Лопнетъ котелъ, искра вылетитъ на скирдъ, и пропадъ цѣлый токъ хлѣба. Гдѣ тутъ этимъ скотамъ еще ходить за паровыми котлами!» Кто-то хвасталъ

собственной ловкостью, какъ онъ товарища надулъ баранами. И товарищъ тутъ самъ сидѣлъ. — «Нѣтъ, что товарищи!» возражали другіе: «въ Петербургѣ слышно о преобразованіи полиціи. Телеграфъ сюда ведутъ. Ростовъ газомъ думаютъ освѣщать. Французы ѣдутъ сюда угольевъ вкатъ. Газета слышно въ Таганрогѣ будетъ...» — «Какъ бы денегъ больше было! замѣтилъ кто-то на это: «лучше всего было бы! Не изъ-за скуки же здѣшней жизни бросили мы съ вами, господа, свои сѣверныя родныя мѣста!»

Уже подъ вечеръ къ Панчуковскому подсѣлъ юноша — студентъ одесскаго лица, учитель дѣтей сосѣдняго купца и вмѣстѣ салотеннаго заводчика, Шутовкина.

— Владиміръ Алексѣичъ!

— Что вамъ угодно?

— Я слышалъ о вашей добротѣ... Дайте мнѣ триста цѣлковыхъ взаимы, пока до получки жалованья съ моего хозяина. Я вамъ возвращаю съ благодарностью, черезъ мѣсяць.

— Зачѣмъ вамъ?

— До зарвзу нужно. Мы съ хозяиномъ ѣдемъ завтра послѣ обѣда въ-городъ. Братъ его подбиваетъ на рискъ. Хочется недаромъ проѣздить въ городъ, а проживя тамъ съ недѣлю, сдѣлать одну аферу. Тутъ всѣ аферируютъ. Говорятъ, лёнъ падаетъ въ цѣнѣ, фрахтовыхъ судовъ мало, а дней черезъ пять-восемь, думаю, поднимется. Ну, я хочу сорвать барышъ. Тутъ вонъ дѣти даже ажіотируютъ; жидки ребятишки, намедни, въ Мелитополь, подвезенные кѣшки съ орѣхами на базарѣ скупили и перепродали съ барышомъ, въ празникъ... Неужели же намъ все съ книгами сидѣть! Право. Помогите! такъ бы хотѣлось недаромъ тутъ пробыть на вакансіяхъ.

Панчуковскаго въ это время кто-то позвалъ изъ другой комнаты. — Извините! сказалъ онъ студенту и вышелъ.

Студентъ сидѣлъ, разсматривая картины по стѣнамъ, потомъ подошелъ къ роялю, открылъ его и сталъ играть. Страстные звуки шопеновской мазурки огласили домъ и дворъ, на мѣстѣ которыхъ еще пять-шесть лѣтъ назадъ гулялъ одинъ пустынный украинскій сирокко — суховѣй, да бурьяны громадныя качались. Студентъ, малороссъ и музыкантъ въ душѣ, игралъ съ чувствомъ, склонивши къ клавишамъ Эрара свои бѣлокурые пышные волосы. Думалъ ли онъ

Шопенъ, о какой-нибудь недоступной красавицѣ, или о затѣвливомъ аферѣ со льномъ, трудно было рѣшить. Въ этомъ новомъ и странномъ краѣ какъ-то все это мѣшалось вмѣстѣ.

Полковникъ воротился.

— Извольте, сказалъ онъ опять студенту, — я вамъ денегъ дамъ; но вы подождите, пока уйдутъ другіе гости. У меня есть къ вамъ дѣло...

Студентъ всталъ, тряхнулъ волосами, и съ чувствомъ пожалавши ему руку, сѣлъ опять играть. Его окружили дамы; онъ былъ ихъ любимецъ.

— А правда ли, что на бѣглыхъ облавы у насъ вездѣ скоро будутъ? кто-то крикнулъ отъ карточного стола хозяину.

— На какихъ это? на насъ? спросилъ шутливо Панчуковскій.

— Нѣтъ, на безпачпортныхъ.

— Да, слышалъ я отъ Подкованцева исправника: васъ и меня это въ особенности, Адамъ Адамычъ, касается! сказалъ полковникъ арендатору Шваберу. — Тогда просто хоть лавочку закрывай. А я, признаюсь, мало вѣрю въ ожидаемое переселеніе народовъ съ сѣвера. И признаюсь, открыто передерживаю изъѣдка бѣдную Русь! Всѣ подличаютъ противъ своихъ ближнихъ исподтишка; отчего же мнѣ открыто иной разъ не купить становаго и не попользоваться бродягами?

Полковникъ тоже сѣлъ играть въ банкъ, высыпавши кучу золота. Взоры всѣхъ просіяли. Поставлена первая карта; она дама. Банкъ занялъ все общество. Подошли и дамы. Онъ также принялъ участіе въ азартной игрѣ направо и налѣво. Одна капитанша, урожденная гречанка, подбоченившись, стала, вынула изъ колоды карту, подумала и поставила на нее свои брильянтоваыя серьги, а потомъ золотую брошь. Мужъ стоялъ возлѣ и улыбался, ожидая чѣмъ кончится счастье жены. Южныя сердца бились горячо.

Обѣдали поздно. Послѣ обѣда передъ вечеромъ всѣ вышли во дворъ. За воротами сошлись батраки и батрачки поздравить полковника. Явилась скрипка. Разносили угощенія. А полковникъ, разетегнувшись и выказавши свою цолковую канаусовую рубаху, пустился съ негритянками, какъ онъ выражался, трепака плясать. Дамы хохотали. Мужчины хвалили его за особое умѣнье быть популярнымъ. Потомъ всѣ взошли снова наверхъ и усѣлись на обширномъ балконѣ антресолей чай пить.

— Раскажите ради-бога, спросилъ меланхолическій студентъ,

просившій денегъ у хозяина, — что за названіе этой рѣчки здѣсь «Мертвыя воды», и какъ населялся этотъ околотокъ?

— Да, отвѣтилъ хозяинъ: — исторія заселенія моей земли и вообще этихъ окрестностей любопытна. Мы читаемъ записки о колонизаціи Канады, Новой Зеландіи, Перу и Колумбіи; а допытывался ли кто-нибудь до недавнихъ событій заселенія нашихъ бывлыхъ запорожскихъ земель, нашего азовскаго поморья или хоть бы одного здѣшняго уѣзда? Это цѣлая поэма, во вкусъ Купера и Вашингтонъ-Ирвинга; да-съ, не шутите съ нами!

— Видите ли вонъ тѣ холмы? Туда версть пятнадцать будетъ, да въ противную сторону отсюда, до того вонъ кургана, столько же почти. Ну-съ, эта вся земля, это нѣмецкое-съ почти великое герцогство, наша сказочная завоевательница Запорожья и Крыма, Екатерина, долго недумая, взяла да за какимъ-то завтракомъ и подарила одному бѣглому греческому митрополиту изъ Турціи, упавшему передъ нею съ челобитной на колѣни. Ему дана была эта земля въ подарокъ, съ тѣмъ чтобы онъ тутъ устроилъ страннопріимный домъ и населилъ землю. Митрополитъ умеръ, ничего этого неслѣдъ оставши. Кто-то изъ здѣшнихъ тогдашнихъ чиновныхъ провладѣлъ этою землею, безъ всякаго права, лѣтъ двадцать; потомъ ее опять взяли въ казну и велѣли продать съ торговъ. Покупщиковъ долго не являлось. Странствовала съ прошеніями объ этой землѣ нѣкоторое время въ Петербургъ полусумашедшая старушка, изъ переселенныхъ сюда поблизости даматокъ, надобѣдала всѣмъ министрамъ, требуя отдачи этой земли по завѣщанію Екатерины ей — на устройство страннопріимнаго дома. Ыздила она изъ степей въ Петербургъ въ одноколѣкъ, на маленькой пегашкѣ, носившей имя Манички. Многіе министры, посмѣиваясь на безумныя искательства старушки, знали эту Маничку и на просьбы ея хозяйки: «коли не отдаете мнѣ земли, то дайте хоть сѣна моей лошади!» отпускали съ своихъ сѣтельныхъ конюшень ей сѣна. Я еще, служа въ гвардіи, видѣлъ и старушку и ея конька, уже совершенно дряхлыхъ. Тогда земля эта была уже за другимъ, и старушка собиралась ѣхать въ Европу, просить заступничества другихъ дворовъ. Двадцать пять лѣтъ назадъ, говорю я, эти степи, гдѣ еще укрывались тогда по камышамъ и балкамъ дикія лошади, были проданы съ аукціона. Всѣ четырнадцать тысячъ десятинъ этой земли купилъ, черезъ повѣреннаго; одинъ польскій графъ, богачъ, въ нашей гвардіи служилъ и я его зналъ, — сынъ виденскаго аристократа, чахоточный и никуда невыѣзъ-

жавшій. За-глаза куплена степь, снятъ планъ, составленъ проектъ переселенія туда крестьянъ изъ одной сѣверной губерніи. Эти насильныя переселенія были тогда въ модѣ. Проектъ утвержденъ и повѣренный сталъ вести дѣло переселенія. Выведены плугомъ черты громадной деревни, свезенъ матерьялъ, стали строиться превосходныя избы, на все отпускались деньги щедрою рукою, а повѣренный былъ питерскій бюрократъ и все любилъ вести на шегольство. Выхлопоталъ онъ у епархіи и священника въ будущую деревню. Это и есть нашъ вселюбезнѣйшій отецъ Павладій, о которомъ мы съ вами поведемъ рѣчь особо!» прибавилъ Пашчюковекій, обращаясь къ студенту, подмигивая и потирая его по колену...

— Любопытно! очень любопытно! говорилъ студентъ, слѣдя съ балкона голубыми задумчивыми глазами за уходившею въ вечерніе сумерки окрестностью, о которой шла рѣчь.

— Такъ моя поэма не скучна, господа?

— О, нѣтъ, нѣтъ, кончайте пожалуйста!

— Вотъ-съ, продолжалъ хозяинъ, — какъ уже избы стали кончатъ, а строенія возводили все каменные, отецъ Павладій, тогда еще юноша, пріѣхавшій съ молодою чернобровой супругой, и началъ говорить повѣренному: «Что вы дѣлаете? строите село на безводной степи; отведите его версты за двѣ влѣво, къ балкѣ: тамъ ключъ въ оврагѣ бьютъ самородные пруды можно устроить хорошіе!» — «Какъ можно, говоритъ строитель: село выведено на большую дорогу, и планы уже утверждены; мы выроемъ тутъ колодцы.» — «Ну, какъ знаете, говорилъ попъ, а я себя жилище буду строить у балки, да и церковь уже позвольте тамъ построить; я буду тамъ садъ возлѣ нея разводить.» — Церковь разрѣшено строить у балки, въ видахъ обѣщанія даромъ устроить садъ, а люди дескать и за двѣ версты дойдутъ въ праздникъ. Церковь построена, построился и отецъ Павладій, кончена и деревня. Иначе не хотѣли переселять людей. Какъ можно! Надо, чтобъ все было готово. Началь строитель землекопавъ, выкопалъ колодцы, расплатился и уѣхалъ съ докладомъ въ Петербургъ, что все готово: — даже въ каждой хатѣ столъ стоитъ, образъ привѣшенъ, вся утварь припасена и отъ замковъ на каждой двери ключъ въ конторѣ ждетъ хозяевъ. Треть-стать семействамъ загаданъ выѣздъ изъ Россіи на новокупленную степь. Повхали переселенцы, съ кибитками и скотомъ. Прибыли на мѣсто, разведены по хатамъ. Отецъ Павладій молебень отслужилъ, все посвятилъ и зажили переселенцы. Вспахали подъ озимъ, посѣяли, а

пока питались готовымъ запасомъ. Не нарадуется повѣренный, пишетъ письма въ Петербургъ. Только и ударила гнилая, безснѣжная зима. А еще до того всю осень народъ прохворалъ. Что за притча! Кто ни напьется изъ колодца, — и заболѣлъ. Да что долго говорить: до весны вымерла половина деревни; хватились переводить въ другое мѣсто, запретили пить воду изъ колодцевъ, — куда вамъ! Эпидемія хватила такая, что къ петрову дню другого года изъ трехъ-сотъ-то семействъ, господа, осталась въ живыхъ одна кривая старуха...

Данчуковскій помолчалъ и опять сталъ говорить:

— Да, все погибло и вымерло; умерли дѣти, старики, отцы и матери, умеръ и повѣренный, умерла и жена отца Павладія. Некому было могилъ копать! Какъ узнали объ этомъ въ Петербургъ, ужась напалъ на владѣльца, — отказался вовсе отъ этой земли и до конца жизни тутъ уже не былъ. Скоро онъ самъ умеръ и земля перешла къ его племянницѣ. Остался одинъ отецъ Павладій, съ церковью и молодымъ садомъ у балки. Развелъ онъ дѣйствительно хорошенькій садъ, даже рощу, устроилъ прудъ. Сосѣдніе и дальніе колонисты, бывшіе еще безъ церквей, болгары, сербы и даже греки, стали къ нему приходомъ; а тѣ-то опустѣлые дома бурлаки по камню растащили. И теперь тамъ отъ бывшей деревни только видны плугомъ обведенныя мѣста дворовъ и улицъ, да крестъ огромный на кладбищѣ стоитъ. Такъ легли всѣ до едина переселенцы. Умерла скоро и послѣдняя старуха. Ну-съ, часть этой земли, именно пять тысячъ десятинъ я сперва взялъ у новой владѣлицы въ аренду, а потомъ, какъ видите, купилъ; а другую арендують по частямъ, какъ знаете, кто хочетъ. Чумаки-то (какъ была еще тамъ большая дорожа, о которой все хлопоталъ строитель, и были еще незаброшены роковые колодцы), видя страшный крестъ, и прозвали прежде безыменную, тутъ протекающую по сосѣдству рѣчку, а потомъ и всю здѣшнюю землю «Мертвыми водами». Вотъ почему нашъ околотокъ такъ и зовется, хотя, какъ видите, онъ цвѣтетъ и красуется вехуже какого-нибудь Висконсина, Элебемы или Портъ-о-Пренса, населенныхъ колонистами заморскими...

Студентъ всталъ, сошелъ внизъ въ залъ, сѣлъ за рояль и началъ играть чудный *marche funèbre* Шопена.

— Однакоже какъ недурно онъ играетъ! сказалъ прислушиваясь кто-то изъ гостей.

— Да, очень даровитый человек! ответил другой голос из среды слушателей, уже утонувших в потьмахъ.

Помолчали минутъ съ десять. Снизу летѣли плѣнительные звуки.

— Такъ у отца Павладіа должно-быть преавантажный теперь уголокъ? спросилъ, громко чихнувши, Шваберъ.

Сумерки уже такъ сгустились, что всѣ на балконѣ сидѣли почти не видя другъ друга, будто на воздухѣ въ облакахъ.

— Да, ответилъ задумчиво Панчуковскій:— мѣсто тамъ прелестное, называется Святодуховъ-Кутъ, на ключахъ; большой садъ, душистая густая роща, прудъ отличный; церковь вся въ кустахъ оирени, акацій и въ тополяхъ; весною просто рай. Я однако рѣдко, признаюсь, тамъ бываю...

— Отчего же?

Панчуковскій помолчалъ.

— Вы хотите знать, отчего?

— Да.

— Извольте: два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся! Я аферистъ, и отецъ Павладій аферистъ; онъ хлопочетъ о наживѣ, и я: ну, мы и соперники — вотъ, какъ двѣ торговки шашлыккомъ на базарѣ...

Слушатели разсмѣялись.

— Хороши соперники! Вы ворочаете чуть не сотнями тысячъ, а это бѣднякъ, сельскій священникъ...

— Да! посмотрите, что это за священникъ!

— А что у него за воспитанница тамъ есть? спросилъ, сопя и зѣвая, Шваберъ.

— Право не знаю! ответилъ разсѣянно полковникъ:— я три года уже у него не былъ, поссорился на одномъ дѣлѣ. Развѣ подросла въ это время! А человекъ онъ добрый и умный; корыстолюбивъ только, какъ латинскій попъ!

— Да будто уже нашимъ и денегъ ненужно?

— Это еще вопросъ...

— А гдѣ ваша кухарочка? спросилъ опять хозяина, сходя съ лѣстницы, тяжеловатый Шваберъ и толкнулъ его, шутя, подъ бокъ. — Въ это время дворъ, крыльцо и ограда полковника освѣтились разноцвѣтными фонарями импровизованной иллюминаціи.

— О! богъ-знаетъ что вы вспомнили, камрадъ, — кухарку! Я ее прогналъ давно въ-зашей. Пожалуста этого не вспоминайте. Те-

нерь у меня на умѣ не пустяки. Я тысячу десятинъ пшеницы на это лѣто заставляю и думаю убирать наймомъ; это не шутка!

Начались танцы. Послѣ ужина всѣ стали развѣзжаться. Кучера дремали. Мѣсяца не было видно, но ясная звѣздная ночь дѣлала поездку безопасною. Уже многіе юноши уѣхали. Дамы оставили Новую-Диканьку перевозноса хозяина за угощенія. Уѣхали и старики. А на крыльцѣ у подвѣзда шла крупная словесная перепалка двухъ нѣмецкихъ соотчичей, арендатора Адама Адамыча Швабера и колониста, конскаго заводчика Карла Иваныча Вебера. Оба нѣмца были послѣ ужина сильно выпивши и спорили порусски о достоинствахъ своего родича, богача Шульцвейна. Веберъ говорилъ, что слава и гордость ихъ колоній, Богданъ Боганычъ Шульцвейнъ скоро будетъ русскимъ графомъ и княземъ и всю губернію заберетъ въ руки; что ему и какой-то орденъ прислали, и что онъ въ своей колоніи заглавываетъ гимназію и газету. А Шваберъ кричалъ во все горло: «Врешь, врешь! Шульцвейнъ шельма, и ты шельма! Такого осла хвалить! Онъ гробіанъ и ты эзель! Врешь! А-а! Такъ ты хвалить? у него табачная голова, и полный карманъ мошенничества: онъ севастопольскій воловій паркъ обокралъ! Ты, Карлъ, ты, Карлуша, можешь надувать русскихъ; а для насъ — слушай, братъ: вотъ тебѣ кулакъ, а вотъ это и другой, — онъ овечья голова, шафсконокъ, и больше ничего! Молчать! Ну!»

Остальные зрители этого пѣтушьяго боя наконецъ розняли спорщиковъ, уложили каждаго порознь въ его зеленый, съ клеенчатымъ верхомъ, нѣмецкій фургонычъ, и погнали кучеровъ. Но взѣрошенные и красные, какъ послѣ бани, бюргеры Шваберъ и Веберъ, тѣдучи рядомъ за воротами, еще долго ругались изъ фургоновъ и гдѣ-то даже будтобы опять на дорогѣ выходили на траву, спорили и ругались, и даже хватали другъ друга за виски. Такъ говорила молва.

Уѣхали всѣ; остались одни хозяинъ и студентъ.

— Погодите, оставьте вашу фуражку! сказалъ Панчуковскій.

— Владиміръ Алексичъ, надо ѣхать. Вѣдь я верхомъ, а до нашей усадьбы двадцать верстъ будетъ.

— Да развѣ завтра у васъ уроки? кажется завтра праздникъ!

— Но вѣдь я вамъ сказалъ, что мы послѣ обѣда ѣдемъ въ городъ...

— Ахъ извините, точно! сейчасъ я вамъ дамъ деньги; только остались бы вы у меня переночевать — а утромъ и дождете...

— Нельзя, право нельзя: козыниъ нашъ человекъ строгій; изъ донскихъ; вы ихъ знаете?

— Какъ не знать! скажите однако: это онъ чтоли губернантику свою, московскую институтку поколотилъ и она пѣшкомъ ушла къ нагайцамъ, лѣтъ пять назадъ?

— Кажется... Можетъ... я право не знаю!..

— О, еще срывааете! Онъ съ кнудомъ гнался за нею съ мезожица въ садъ и разшвырялъ по полю все ея книги и вещи; говорить, не сдалась на его исканія въ этомъ захолюстѣ! Ну, да не въ томъ дѣло; пойдите въ кабинетъ.

Они пошли.

— Извините: ваше имя и отечество?

— Михайловъ, Иванъ Аполоничъ, отвѣтилъ поклонившись хорошенкій студентъ.

— Ну-съ, Иванъ Аполоничъ, я вамъ триста рублей дамъ, а вы мнѣ сослужите службу!

Михайловъ поклонился.

— Я бы вамъ самъ далъ денегъ. и вотъ они, — недалеко за ними ходить! но вотъ въ чемъ дѣло: вы слышали сегодня о евангелистикѣ, отцѣ Павладіѣ? У него есть воспитанница, — понимаете, другъ мой? У меня на нее есть виды, — поняли?

Студентъ покраснѣлъ.

— Ну-съ, вы къ нему, подъ предлогомъ займа денегъ, и побѣжайте; онъ падохъ къ хорошимъ процентамъ и дастъ...

— Но онъ меня не знаетъ.

— Я напишу поручительство...

— Отчего же вамъ самимъ къ нему не съѣздить, насчетъ этого его дѣвочки, если уже вы?..

Студентъ не договорилъ и опять покраснѣлъ.

— Нельзя; я уже имѣлъ съ нимъ ссору за одну дѣвочку, а на людей моихъ плоха надежда. Они мнѣ помогутъ послѣ. А тутъ нужно только узнать, что у него за пріемимъ этотъ и стоитъ ли она вниманія? Вы какъ-нибудь устройте такъ, чтобы ее увидѣть; если нужно, то и заночуйте; да ужъ лучше всего побѣжайте сейчасъ! Дѣло денежное, само себя оправдываетъ...

— А далеко это?

— Да верстъ семь будетъ, девять, небольшое.

Студентъ посмотрѣлъ на часы.

— Теперь девятый часъ; не поздно ли будетъ?

— Чтобъ вѣхать сейчасъ? и отлично, поѣзжайте! я вамъ дамъ своего коня, а вашъ отдохнетъ. Отецъ Павладій много читаетъ и поздно опять ложится. Поѣзжайте. Только вы оттуда ко мнѣ заверните и разбудите меня, хоть за полночь будетъ. Я положусь на вашъ вкусъ, только посмотрите...

— Извольте: очень благодаренъ, и если увижу вашу незнакомку, то къ свѣту еще и ворочусь къ хозяину, а вамъ все расскажу — до подробности...

Письмо полковникомъ къ священнику написано, лошадь осѣдлана, дорогу рассказали, и при взошедшемъ мѣсяцѣ легкоподвѣмный юноша поскакалъ тропинкой въ Святодуховъ-Куть. Будущій комерсантъ не думалъ объ усталости, не помышлялъ, что въ одну ночь, съ поѣздкой за деньгами, ему придется сдѣлать верхомъ версть за тридцать. Онъ скакалъ и скакалъ, рисуясь перебѣгающею тѣнью по росистымъ холмамъ и по лощинкамъ...

IV

СВЯТОДУХОВЪ-КУТЬ, ЖИЛИЩЕ СВЯЩЕННИКА

Скоро мелькнулъ передъ студентомъ оврагъ, перешедшій потомъ въ глубокую балку, лѣсокъ, золотая маковка церкви и бѣлый домикъ, на склонѣ оврага. Повѣяло сыростью отъ невидимаго пруда. Высокій плетень, утыканный терновникомъ, окружалъ домикъ... Все здѣсь какъ-будто уже спало, когда подъѣхалъ студентъ; но скоро свѣтъ мелькнулъ изъ низенькаго, кустами и деревьями окутаннаго домика. На топотъ коня, самъ священникъ показался на крылечкѣ и со свѣчкой встрѣтилъ Михайлова.

— Здравствуйте; отъ кого вы?

— Отъ Панчуковского съ письмомъ.

— Отъ Панчуковского? пожалуйста!

— А я думалъ, что вы уже спите.

— О, нѣтъ; вечеръ отличный; я только-что воротился съ поля, гулялъ. Вы кто-съ?

— Студентъ одесскаго лицея Михайловъ. Вотъ вамъ письмо Владиміра Алексѣича.

Вошли въ комнату. Священникъ прочелъ письмо, посмотрѣлъ на гостя, опять на письмо; сказалъ: «очень хорошо-съ!» и за-

суетился. Зажогъ въ главномъ углу пріемной комнаты, у лампы передъ кѣтомъ, другую свѣчу, поставилъ на столъ и вышелъ. Студентъ сталъ осматривать комнату. Груды книгъ лежали по дивану, стульямъ и на лежанкѣ. Къ обыкновенной смѣси запаха ладана и воска, встрѣчающей у насъ каждаго въ жилищѣ священника, здѣсь примѣшивался еще чудный запахъ бѣлыхъ акацій, еклонящихся цвѣтущими вѣтвями съ надворья къ раскрытому окну. И вдругъ въ темнотѣ кустовъ, у самаго уха гостя, загремѣлъ такъ чудно и дерзко соловей, что у Михайлова сердце ёкнуло. Священникъ вошелъ, принесъ табакъ для папиросъ и бумаги, сказалъ: «а? каково-съ поеть?» поставилъ и опять ушелъ. Вслѣдъ за нимъ такъ же неожиданно вошла въ комнату статная, будто еще несовсѣмъ на возрастѣ, но уже совершенно-развитая дѣвушка, съ подносомъ въ рукахъ, и поставила на столъ чашки къ чаю. Она ушла. Михайловъ успѣлъ разглядѣть и ея полныя руки, сочныя губы и темныя брови, бѣлое лицо, подобранныя вѣнкомъ русыя косы и красную ситцевую юпку. Звякая монистами, она гордо и смѣло повернулась, гордо взглянула на гостя, сдвинула густыя брови и ушла, помахивая полными круглыми локтями.

— Вѣрно она! подумалъ новый Лепорелло и съ замирающимъ сердцемъ сѣлъ въ углу, осматривая комнату. Все студенту казалось таинственнымъ. Вошелъ священникъ, и тихо шелестя рясою, также сѣлъ. Студентъ разсмотрѣлъ его больше: это оказался совершенно круглый, приземистый и тучный старичокъ, съ отекившимъ лицомъ, красноватой мясистой лысиной, едва прикрытой прядями сѣдыхъ волосъ, съ утлюю косичкой, перевязанной полинялою ленточкой, и въ камлотовомъ сѣромъ подрясникѣ, подъ гаруснымъ старенькимъ кушакомъ. Онъ сѣлъ въ кресло противъ Михайлова и посмотрѣлъ на него.

— Вы здѣшній? спросилъ онъ съ улыбкой.

— Нѣтъ, я родомъ изъ Одессы, на лѣтнихъ кондиціяхъ-съ...

— У купца Шутовкина?

— Точно такъ-съ. А вы почему знаете?

— Слышалъ, про васъ говорили мнѣ, что вы способны и на всѣ руки-съ...

Михайловъ покраснѣлъ.

— Вы давно знакомы съ г. Панчуковскимъ?

— Второй разъ его вижу; я съ нимъ познакомился у нашего хозяина...

— А! Извольте-съ. Деньги я вамъ сейчасъ дамъ. Онъ ни-
шетъ, что ручается за васъ и что вы завтра же рано ѣдете въ го-
родъ. Начто же это вамъ деньги?

— На одно нужное дѣло. Я хотѣлъ бы на нихъ кое-что зарабо-
тать...

Священникъ всталъ, сказалъ за дверь: «Оксана, скорѣй само-
варчикъ!» и опять тихо сѣлъ.

— Извините; я вижу, вы точно торопитесь; но позвольте мнѣ,
дикарю, за одолженіе васъ деньгами, хотя полчаса побесѣдовать съ
вами. Что новаго-съ въ свѣтѣ, въ литературѣ? Вы давно изъ Одес-
сы? Мы такъ рѣдко видимъ людей, способныхъ носить имя люд-
ское...

— Мѣсяць назадъ...

Священникъ взялъ пачку книгъ съ дивана.

— Вы не думайте, чтобъ мы, здѣшніе священники, были чужды
свѣта. Вотъ вамъ Гоголь, вотъ Пушкинъ: на послѣднія деньги
справилъ-съ. Но у насъ есть и Тургеневъ, и г. Писемскій, и Май-
ковъ. Вотъ и «Космосъ» Гумбольдта-съ. Скучновато въ степи, осо-
бенно зимою. Мы и коротаемъ время, чѣмъ можемъ. Позвольте-съ...
вы читали изданную за границей книгу о сельскомъ духовенствѣ въ
Россіи?

Студентъ хотѣлъ удержаться, но сильно покраснѣлъ. «Какое?»
подумалъ онъ съ досадою: «живетъ въ глуши, а все знаетъ; ну
чтоже? и я не дюжинный человекъ! Но впрочемъ объ этой-то
книжкѣ я гдѣ-то что-то слышалъ; кажется нападки на духовныхъ!»
И онъ бойко отвѣтилъ:

— О, какже! Читалъ. Галиматя, пасквиль на Россію, вздор-
ная брань!...

Священникъ тихо крикнулъ, придвинулся къ столу и перебирая
листы журналовъ, ласково возразилъ:

— Э, нѣтъ, молодой человекъ; не грѣшите! что пользы всѣмъ
намъ обманывать другъ друга? Много правды въ этой безпощадной
и рѣзкой книгѣ. Вѣрите ли, я плакалъ, ее читая. Ни «Записки
Охотника» Тургенева, ни «Шинель» Гоголя, надъ чѣмъ я зачитыва-
лся уже теперь, на старости лѣтъ, — ничто меня такъ не тро-
гало... Поднять и нашъ забытый вопросъ! Пора! о, давно-съ
пора...

Опять вошла дѣвушка, внесла самоваръ, сурово глянула на
столъ, степенно все уставила; но при плавномъ выходѣ ея студен-

ту показалось, что она уже ласковѣе, хотя украдкой, смотритъ на него изъ-подъ напряженныхъ густыхъ бровей.

— «Ишь, плутовка!» подумалъ онъ: «а какая степенница! такъ-вы вѣдь всѣ здѣшнія степенячки-поморянки! Да какая же она хорошенькая! Что за стань, что за плечи и брови! а щеки — какъ персики въ пушку!»

— О! говорилъ между тѣмъ, ахая и неподдѣльно удекаясь, священникъ, подслѣповатыми припухшими глазами ища на страѣ ложку, тыкая ее дрожащими пальцами въ сахарницу, настаивая чай и торопливо ея разливая: — что я испыталъ, читая эту книгу! Мое дѣтство, мое загнанное и грязное дѣтство, порочная и дразнящая юность, мои жалкіе товарищи, общій обманъ, насилия и невѣжество, — все мелькнуло вновь передо мною... Вы читали въ журналахъ нашихъ отвѣты?

Михайловъ покраснѣлъ уже какъ ракъ, взмахнулъ недорко волосами и на этотъ разъ признался, что не читалъ.

Священникъ вздохнулъ.

— Жаль, молодой человѣкъ, очень жаль; учитесь! Кто у васъ профессора?

Студентъ отвѣтилъ.

— Нѣтъ у меня ни дѣтей, ни жены; всѣхъ я тутъ похоронилъ, какъ вымерла наша колонія. Слышали? спросилъ печально отецъ Павладій.

— Да, слышалъ: говорятъ ужасы произошли въ вашей колоніи! Правда?

— У! жутко приходилось тогда; да Господь вынесъ. Извольте, извольте однако получить—съ деньги!...

И онъ подалъ ему изъ шкатулочки деньги.

Стали пить чай. Оксана прислуживала, чаще и долѣе не выходила изъ комнаты.

— Э! что вы смотрите на нее? Пуркуа регардэ? спросилъ священникъ студента, оставя чай и неожиданно заговоривши коверканнымъ французскимъ языкомъ.

— Мнѣ ли не смотрѣть на такихъ хорошенькихъ дѣвушекъ! отвѣтилъ нѣсколько обидчиво и также пофранцузски студентъ: — вы забываете, что мнѣ не шестьдесятъ лѣтъ!

— Оксана, выйди! рѣзко сказалъ священникъ, и когда она вышла, обратился къ Михайлову. Онъ былъ блѣденъ и встревоженъ.

— Извините меня и за невѣжливый вопросъ, и за непрошеную

бесѣду на языкѣ, который я такъ плохо и самоучкой кое для какихъ книжекъ изучилъ; но этотъ вопросъ сорвался у меня невольно. Скажите... извините меня... вамъ ничего не говорилъ на этотъ счетъ полковникъ?

— Нѣтъ, ничего. Вотъ вопросъ! Я самъ спросилъ, такъ пришло въ голову.

— Ахъ боже-мой! Я вѣрю вамъ, вѣрю! Господи!.. Но позвольте, вы такъ молоды еще, такъ мало еще знакомы съ Владиміромъ Алексѣичемъ. Остерегайтесь его. Вы не повѣрите, что это за опасный человѣкъ. Онъ богатъ, счастливъ по-своему, всѣми любимъ; всѣ ему завидуютъ. Но что за извращенный это человѣкъ! Я съ нимъ, открою вамъ, сперва поссорился за одну соблазненную имъ колонистку, мою прихожанку; года три назадъ я опять повелъ съ нимъ войну за украденую имъ неподалеку, изъ дворни градоначальника еще, кухарку-мѣщанку. И откуда онъ сорвался? Точно зѣбрь съ цѣни сюда явился. Не пропуститъ ни одной дѣвушки на гребовицѣ или при уборкѣ хлѣба. Повѣрите ли, сущій разбойникъ! Какъ кого увидѣлъ, намѣтилъ, такъ и соблазнилъ. Это какая-то чума въ своемъ родѣ. А какой тихій, свѣтскій: водой не замутишь; говорить какъ дѣвушка! И между тѣмъ тутъ въ околоткѣ нѣтъ мужа, брата, отца, которые бы на него не плакались. Онъ на меня страхъ первое время наводилъ. И все ему какъ съ гуся вода! Многое на него выходитъ жалобъ. Заманить, а потомъ еще иной разъ со стромомъ и прогнать. Повѣрите ли, эту послѣднюю мѣщанку держалъ болѣе году, водилъ ее въ шелкахъ, въ кабриолетѣ въ городъ пускалъ; какое-то тоже побочное дитя ея въ кафтанчикахъ водилъ, а потомъ взялъ да и далъ ей на дорогу сто розогъ... Это они называютъ: выпить бутылку, и объ полъ! Извергъ, ейбогу-съ извергъ! Называютъ они теперь изъ Россіи, какъ коршунье, въ наши мѣста; кидаются въ аферы, спекулируютъ... Это еще бы ничего, да Бога забываютъ-съ, вертепы разврата позаводили! Что французскіе конторщики въ портовыхъ городахъ, что наши спекуляторы — комѣщики здѣсь! А еще гвардіи полковникъ... Страмъ!

Михайловъ засмѣялся.

— Вотъ право не ожидалъ; а какой порядочный кажется человѣкъ!

— Не ожидали? Смѣйтесь себя, смѣйтесь! А это сущій разбойникъ. Ейбогу. Я и самъ, коли хотите знать, его люблю за умъ и за даровитость. До тридцати лѣтъ получилъ чинъ полковника, гвар-

днѣ; повѣяло новыми стремленіями, вышелъ въ отставку, сталъ хозяйничать; ему повезло. Тутъ бы себя подблѣнѣе обставить, а онъ развратничаетъ какъ послѣдній купчишка на уѣздной ярманкѣ, какъ армейскій юнкеришка съ цыганками! Тьфу! За этимъ ли онъ бѣжалъ изъ гвардіи, изъ столицы, въ такую глушь? Да! вы меня спросили о моемъ цѣемьшѣ...

— Да-съ, прехорошенькая! ужъ извините, попросту сказалъ...

— Эхъ, вамъ все красота на умѣ! А ея, скажу вамъ, судьба прегорькая. Должно-быть отецъ ея былъ изъ бѣглыхъ, изъ помѣщичьихъ лакеевъ. Шла она съ нимъ изъ Россіи сюда; на ночлегъ въ стени отцу ея какой-то бродяга, нето косарь, нето дворовый бурлака, перехватилъ ножомъ глотку. Прибѣжалъ онъ съ нею сюда ко мнѣ во дворъ, истекая кровью, и упалъ у меня бѣднякъ на порогъ. Отъ умиравшаго только слышали какое-то имя; его отвезли въ Таганрогъ; тогда уже наступила война, госпитали смѣшались и я не могъ добиться толку, гдѣ умеръ старикъ и умеръ ли? Да не могъ же онъ вылечиться. Бумагъ при немъ не было; ну его вѣрно и похоронили такъ безъ отмѣтки. Съ той поры я ее и вскормилъ; самъ умилъ кой-чему и пока держу ее въ услуженіи. Да надобно свести въ городъ, отдать хоть сестрѣ моей: все-таки тамъ будетъ спокойнѣе. А то тутъ пока еще замужъ выйдетъ, хорошаго человѣка найдеть, — несовсѣмъ безопасно. Сказано: выставь сахаромъ такой на окнѣ, какъ разъ мухи облѣпять! хе-хе! Ужъ извините шеля; молодой человѣкъ.

И отецъ Павладій самъ отъ души засмѣялся, помахивая лысою старою головной и моргая красноватыми, припухшими глазками.

— Вы же вонъ первый замѣтили ее! продолжалъ онъ: — а жаль дѣвку, точно добрая. Моя дѣвчиха только за нею и приглядываетъ. Да извините, что васъ задержалъ; скучновато на безлюдь. Вы получили деньги, напишите же теперь росписочку. Да ужъ тоже извините, включите, что на мѣсяць тамъ, по первое положимъ іюля, по три процента, вы ихъ и включите въ капиталъ.

Михайловъ поднялъ брови.

— Что вы, отецъ Павладій! по три на мѣсяць?

— Да ужъ это извините. У насъ уже такъ. Я хлопочу о перкви; но хлопочу пожалуй еще больше и о себѣ; жалованье намъ плохое, страна тутъ комерческая, время горячее, деньги нужны всякому; ну и рискъ бываетъ. Я и даю на рискъ; вѣдь я человѣкъ также или нѣтъ? А вы вѣрно тоже на дѣло берете?...

— На дѣло.

— Ну и рассчитайте: стоитъ ли брать? Тогда и берите. А я свое сказалъ; такъ-то-съ.

Священникъ, придержавши деньги, смотрѣлъ на студента.

Михайловъ недолго думая взялъ деньги, какъ берутъ ихъ всѣ молодые кандидаты въ аферисты, несоображая даже, выручить ли онъ ими хоть заемные проценты. Онъ быстро отмахалъ священнику росписку. Отецъ Павладій надѣлъ очки, прочелъ два раза росписку вслухъ, попросилъ сбоку еще словами, а не одними цифрами написать, что взято триста и девять рублей серебромъ и простился съ гостемъ. Михайловъ вышелъ. Сѣрый конь Панчуковскаго быстро домчалъ его въ Новую-Диканьку.

— Ну что? спросилъ Панчуковскій, съ газетой и съ сигарой лежа въ постелѣ: — я васъ поджидалъ!

И онъ протянулъ ему небрежно руку.

— Далъ попъ, да зато же и проценты взялъ, по три на одинъ мѣсяць...

Полковникъ громко на весь домъ расхохотался.

— Ну, такъ я и зналъ! Ай да подицъ! Современный! Это ужъ извизиите, онъ тоже не отсталый человекъ; а я думаю книгами хвасталъ, а?

— Хвасталъ, сказалъ робко Михайловъ.

Захохоталъ еще громче прежняго полковникъ, и отъ его смѣха огласились всѣ комнаты пустого холостого дома.

Поговорили еще. Маятникъ одиноко стучалъ гдѣ-то изъ нижнихъ комнатъ.

— Итакъ покорнѣйше васъ благодарю, Владиміръ Алексѣичъ, за ручательство.

— Не стоитъ благодарности. Что за пустяки! Ну-съ, а насчетъ нашей красавицы?

— Да! сказалъ студентъ, вертя фуражку: — вы поручили узнать насчетъ той сироты?..

— Ну чтоже-съ?

— Она дочь убитаго бѣглаго...

— Бѣглаго! А!.. Далѣе. Значить она отцу Павладію принадлежить также, какъ и моему положимъ Абдулкѣ...

Студентъ рассказалъ подробно исторію убійства ея отца.

— Ее взялъ священникъ, когда отца ея зарѣзали, и съ тѣхъ

поръ она у него въ услуженіи. Онъ ее грамотъ сталъ учить, два года назадъ; читать и писать выучилъ, и очень любить.

Панчуковскій зѣвнулъ.

— Онъ ее выдать должно-быть задумалъ выгодно замужъ, выкупъ возьметъ...

— Дѣвочка прехорошенькая! твердилъ студентъ съ чувствомъ: — просто прелесть! Я рѣдко встрѣчалъ такія лица, и строгія, и соблазнительно-увлекающія! Полная, пышная, здоровая... Знаете, этотъ бьющій въ глаза пылъ здоровья... Знаете...

— Человѣкъ, лошадь барину! крикнулъ Панчуковскій съ постели: — вы же когда опять у меня будете?

— Когда деньги привезу отдавать.

— Жди теперь тебя! подумалъ полковникъ и любезно простился съ гостемъ.

Студентъ опять поскакалъ по стемнѣвшей степи. Близилось утро. Было уже передъ разсвѣтомъ.

Между тѣмъ какъ студентъ еще выходилъ отъ священника, съ нимъ на порогѣ въ потьмахъ столкнулся какой-то человѣкъ, нето мѣщанинъ, нето рядчикъ изъ города. статный малый, съ узломъ въ рукахъ, который онъ очевидно несъ къ священнику. Когда отецъ Павладій проводилъ гостя и, незатворяя за собою двери, вошелъ и остановился въ освѣщенной еще попарадному комнатѣ, принедедшій съ узломъ ступилъ изъ сѣней въ пріемную.

— А, Левенчукъ! откуда Богъ несетъ? Что это?

Пришедшій поклонился въ поясъ.

— Это, батюшка, уже примите; это вамъ свѣжая рыбка съ тони, да часть дичинки: самъ стрѣлялъ.

— Спасибо, спасибо. Оксана, возьми! крикнулъ тихо священникъ въ сѣни: — я это люблю, и спасибо!

Но Оксана не явилась. Левенчукъ помолчалъ и опять поклонился.

— Батюшка!

— Что тебѣ?

— Какъ же насчетъ того-съ?

— Чего?

— Да насчетъ обещанія вашего?

— Какого?

— А про Оксану?..

Отецъ Павладій отошелъ и выставился изъ комнаты въ окно, въ которое еще громче несло съ пѣніе соловьевъ.

— Видишь ли, братъ, сказалъ онъ неоглядываясь: — ты человекъ добрый и я тебя узналъ; да ты бѣглый, значитъ ничто. Ну, какъ тебѣ повѣрить душу человеческую? Ты безпачпортникъ, бродяга, вѣдь такъ?

— Такъ...

— А я тебя покрываю?

— Покрываете.

— Ну, значитъ и ты преступникъ, и я. Придутъ, потащутъ тебя, раба божьяго — и пропала дѣвка.

— Батюшка! Что хотите возьмите, а отдайте ее за меня; другой годъ васъ прошу, молю; отдайте, не загубите и моей души... Богомъ Господомъ молю!

— Ну слушай; вотъ тебѣ мой зарокъ: принеси сто цѣлковыхъ на церковь, да сто цѣлковыхъ на выкупъ твой, — напишу къ твоей госпожѣ, авось дадутъ тебѣ волю... Тогда и бери Оксану-то. Что, согласенъ? Хочешь, сяду и напишу твоей барынѣ: прямо скажемъ все!

— Нѣтъ, батюшка! Богъ его вѣсть, какъ еще дома посмотрятъ теперь на мое бѣгство; обвиняли же меня за машиниста нашего! Берите двѣсти цѣлковыхъ на церковь, а уже на выкупъ у барыни моей не требуютъ; не пустить меня теперь барыня. Знаю я, что не пустить. Смидитесь, батюшка, обвиняйте такъ... Мы за Кубань, мы въ Молдавію убѣжимъ...

Священникъ подошелъ къ столу, погасилъ свѣчи, сталъ къ окну и высунулся опять въ него по поясъ, глядя на освѣщенную мѣсяцемъ росистую окрестность, по которой раздавались соловьиные крики. Изъ стѣн вошла и тихо стала у косяка двери Оксана. Она плакала; плакала и Левенчукъ.

— Ну, сказалъ священникъ, рѣзко и неоглядываясь: — перевидалъ я тутъ немало васъ горемычныхъ! Богъ васъ благословить! Вѣнчаю!

Левенчукъ и Оксана поклонились ему въ ноги.

— Когда хочешь, приноси только деньги; значитъ ты порядочный человекъ, достаточный, надежный, ну значитъ тогда и бери. А я собственно не себя беру; ни-ни! Что ее въ самомъ дѣлѣ держать? я и самъ думаю. Еще что скажутъ! Но ей-же-ей, Господи,

желалъ бы я, чтобы ты ей принесть счастье, горемычной сиротѣ. И гдѣ ея родина, и откуда она — не знаю!

Левенчукъ вдохнулъ.

— Ну вотъ же вамъ, батюшка, семдесятъ пять цѣлковыхъ, а остальные можетъ и всѣ къ тройцѣ отдамъ.

Онъ вынулъ изъ конца затасканаго платка деньги и отдалъ.

— Ты гдѣ былъ это время и гдѣ теперь состоишь?

— Былъ на неводахъ и въ конторѣ хлѣбной былъ; а теперь опять всю весну при неводѣ. Тамъ и дичинки вамъ набилъ...

— Контробандой занимался?

— Случалось.

— Нехорошо, Харитонъ, поганое дѣло; отвѣчать будешь, брось! Ну ступай же, бери свою Оксану. Чай подъ ракеткой побесѣдовать рветесь. Ступайте же, цѣлуйтесь себѣ, мои пташечки! Только далѣе ни-ни... Чуешь ты, Харько?

— И, батюшка, будто мы уже какіе антихристы, законъ отцовъ знаемъ!

— А твой Милороденко гдѣ? Давно онъ меня шутками не смѣшилъ.

— Богъ его вѣсть гдѣ онъ. Хотѣлъ покаяться, остепениться; а про то не знаю...

— Ну ступайте же. Да накорми его, Оксана, борщикомъ; чай голоденъ, тамъ и каши спроси у дьячихи. Навидѣлся я васъ, несчастныхъ! Это ты сегодня съ моря, а? Должно-быть пѣшедраломъ?

— Да пѣхтурой; гдѣ намъ, ваше преподобіе, иначе! Еще съ утра вышелъ; ни крохи во рту не было...

И Левенчукъ пошелъ съ Оксаной.

А въ то время какъ студентъ, исполненный самыхъ пылкихъ надеждъ на аферу съ занятыми деньгами, летѣлъ по степи и ему навстрѣчу загоралось приморское утро, дымясь, свѣжѣя и освѣщаясь всякими блесками, Панчуковскій призвалъ въ спальню своего Самуилика, уже знакомаго намъ стараго кучера, и сказалъ ему:

— Впервыхъ проснись, скотина, и слушай въ оба; вторыхъ безъ нравоученій, иначе — плети; а третьихъ изволь съ завтрашняго же дня собрать мнѣ всѣ справки о той воспитанницѣ поповой! Слышишь ли: собрать, да самая вѣрныя!

Самуиликъ хотѣлъ что-то сказать, но только махнулъ рукою и мрачно и молча вышелъ. Онъ зналъ, что баринъ иногда съ нимъ шутить, но иногда не шутить и больно не шутить.

Уже солнце всходило, когда студентъ свернулъ влѣво и для краткости пути поѣхалъ черезъ небольшую безыменную рѣчку, отдѣлявшую землю купца Шутовкина отъ проѣзжей дороги. На рѣчониѣ былъ хуторъ и водяная мельница. Спустившись шагомъ на плотину, студентъ увидѣлъ толпу мужиковъ; забивавшихъ пали у водоспуска. Барыня въ лентахъ и подъ зонтикомъ стояла тутъ же, и куря длинную трубку и поминутно кашляя, жалостно и суетливо покрикивала на рабочихъ и распоряжалась.

— Здравствуйте, сказалъ студентъ, узнавши въ барыниѣ вечерашнюю знакомку Щелкову, бывшую у Панчуковского.

— А! это вы, мосье! крикнула печально вслѣдъ скакавшему знакомцу мадамъ Щелкова: — вы вотъ катаетесь, а мы, труженники-бѣдняки, уже на работѣ! экскюзэ!»

Студентъ приударилъ по лошади и скоро вошелъ на крыльцо еще сонного, сельскаго купеческаго дома.

А въ гуциниѣ раKITника и ясенковъ, разведенныхъ надъ ключевымъ прудомъ отцомъ Павладіемъ, короткій конецъ майской чуткой ночи коротали, забывъ весь свѣтъ, Девенчукъ и Оксана...

V

НАШИ КЕНТУККИ И МАССАЧУЗЕТЪ

— «Что такое однако эти бѣглые въ Новороссіи?» спросить заѣзжій въ эти мѣста. — «А что такое бѣглые?» отвѣтять ему туземцы: «Извѣстно что: бѣглые, да и все тутъ! Крѣпостная Русь, вшедшая свое убѣжище, свои Кентукки и Массачузетъ. Здѣсь бѣглыми земля стала. Не будь ихъ — ничего бы и не было: ни дощины, ни Черноморья, ни преславной былой запорожской земли, ни всей этой вѣковѣчной гостепріимной царинѣ, къ которой стремятся съ сѣвера и изъ другихъ мѣстъ за волею и люди и звѣри и птицы! Все тутъ бѣглые; Ростовъ, Мариуполь, Тагапрогъ, все бѣглые. Эти портовые богачи, купцы и мѣщане, эти Шелбановы, Пуштошневъ, Катаманьевы, Безродные, — поройтесь въ преданіяхъ ихъ, какова ихъ исторія? Недавніе предки ихъ, крѣпостные, — выходцы изъ Россіи, либо помѣщичьи, либо казенные бѣглые!» — Такъ вамъ отвѣтять туземцы. А сами присмотритесь на бѣглыхъ — люди какъ люди. Чтоже ихъ сманиваетъ сюда? Приволье земель и работъ, только трудись; на всѣхъ труда станеть...

Со всѣхъ концовъ Россіи, а съ сѣвера въ особенности, шли огромными артелями наемщики на югъ. Они шли по большимъ и малымъ дорогамъ съ косою за плечами, парни и дѣвки, нанимаясь по пути въ косари и гребцы. Цѣлыя села, гуртомъ выходя изъ тѣсныхъ околотковъ, шли по дорогамъ, въ пыли и духотѣ, босикомъ и молча, въ ожиданіи тяжелаго труда. Отдѣльныя артели сливались въ отряды, отряды сдвигались въ цѣлыя арміи и на крайнемъ югѣ шествовали медленно, затопляя собою до того безлюдныя степи, слободы и города. Разбиваясь на новыя партіи, они становились къ дѣлу, и зеленныя степи то тамъ, то тутъ начинали бѣлѣть ихъ рубахами и сіять ихъ потертыми косами и серпами. Было тутъ немало и вольныхъ крестьянъ съ билетами и помѣщичьихъ съ паспортами; но въ каждой артели было еще болѣе и бѣглыхъ. Трудъ нуженъ, трудъ дорогъ; рукъ мало, дѣло кипитъ, трава сохнетъ, пшеница зрѣетъ, горитъ, наливается, осыпается, сотни и тысячи рублей готовы погибнуть: какъ тутъ не принять бѣглыхъ, господа юристы? Милости просимъ! хоть и опасно, да кто ихъ усчитаетъ въ этой неоглядной степи? Есть гдѣ поработать, есть гдѣ и спрятаться. Спрячетъ ихъ свой братъ землякъ, спрячетъ и помѣщикъ, когда налетитъ гроза въ видѣ исправника или становаго, станъ котораго здѣсь величиной чуть не съ ганноверское королевство. Становаго тутъ купить всякая депозитка; онъ и смотреть сквозь пальцы. Чуть зазвенѣлъ однако жадный полицейскій колокольчикъ, бурлаки прячутся въ бурьяны, байраки, стоги или въ камыши, или въ глазахъ самой власти бѣгутъ черезъ границу ея уѣзда. А помѣщику и колонисту безъ бѣглаго нѣтъ житья. Бѣгле — народъ смиренный, трезвый, усердный, чистые ливерпульскіе пуритане въ душѣ. Беретъ бѣглый за работу меньше вольнаго; ну да и обчитать его легче: не пожалуется!... Поплачетъ развѣ только, либо выругаетъ за околицей хутора не-почеловѣчески, и только. Потому-то здѣсь все шито и крыто. Бѣгле идутъ на линію, за Кубань, въ Крымъ и въ приморскія степи на югъ, какъ домой, изъ всякихъ суровыхъ и тѣсныхъ уѣздовъ сѣвера. Пуританизмъ ихъ удивительный. Известно слѣдствіе въ окрестностяхъ Нахичевани, открывшее, что партія бѣглыхъ ночевала въ стенномъ байракѣ, у какой-то лѣсничихи, какъ при этомъ одинъ изъ бѣглыхъ укралъ у хозяйки ведро и какъ за это товарищи его сперва высѣкли, а потомъ, недолго думая, повѣсили на дубу: «не страми дескать хорошихъ людей!» Такъ-таки и повѣсили.

Точки соединенія всего этого лѣтняго захожаго люда въ степяхъ, притонъ ихъ отдыховъ и наймовъ, ихъ увеселительные клубы, это — шинки зажиточныхъ слободъ и одишкіе постоялыя дворы съ громадными, уже извѣстными читателю степными колодцами.

Эти шинки вещь любопытная. Кто ихъ здѣсь не знаетъ, за рѣкою Богатыремъ, Джемрекомъ, въ селахъ Большой-Янысель и Старый-Керменчикъ и вдоль по рѣкамъ Кобыльной и Волчей, а равно въ анухтинныхъ и черниговскихъ хуторахъ, въ малаканской слободѣ Астраханкѣ и въ нѣмецкой колоніи Красный-трактиръ? Впервыхъ такіе шинки приносятъ огромный доходъ. Въ обширной слободѣ они непременно устроены на главной улицѣ или на площади близъ церкви. Это по праздникамъ своего рода лондонская биржа или исакиевская площадь сената во время торговъ на откупа. А хотите знать какъ нанимаются бѣглые лѣтомъ и какъ ажіотируютъ этими *бѣлыми неграми* наши южные плантаторы? Извольте. Подъѣзжая въ праздникъ къ мѣсту ихъ сходки, вы еще издали усматриваете небывалую толкотню и услышите громкій говоръ народа. Толпа стоитъ передъ шинкомъ вплоть до церкви, какъ на торгу. Отдѣльныя кучки стоятъ по сосѣднимъ переулкамъ, сидятъ подъ плетнями или идутъ рѣшать дѣло еще далѣе, на выгонъ, за село, чтобы не было свидѣтелей. Въ общей толпѣ и передъ этими отдѣльными кучками прохаживаются помѣщики, кавалеры средней руки и приказчики богатыхъ, нанимая артели, выслушивая торги и послѣднія цѣны, сбивая упорныхъ разными штуками и другъ у друга, у своего же брата, сманивая небольшою надбавкой уже нанятыхъ рабочихъ. Иной приказчикъ въ синемъ кафтанѣ и въ синихъ шароварахъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, ходитъ-ходитъ, торгуется, надсѣдается, сошолся, нанялъ, выставилъ ведро водки на магарычъ, сосчиталъ свою артель и спѣшитъ домой; а по пути, иногда у самыхъ воротъ его, встрѣчаетъ артель приказчикъ другого помѣщика, надбавляетъ рабочимъ ничтожную плату и уводитъ ихъ съ собой. Бываютъ при этомъ и свалки наемщиковъ и нанятыхъ. Случается, что ловкій соглядатай отъ одного помѣщика явится въ степь, прямо на работу къ нанятымъ другого, съ цѣлью сманить ихъ разными льготами; а другой—то хозяинъ еще ловче, подглядитъ его штуки, да тутъ же въ степи его и высѣчетъ на обѣ корки. А старики новичкамъ говорятъ: «вы тому не удивляйтесь, что этотъ нанъ высѣкъ ключника того пана: такъ было и встарину, какъ наши степи селились и еще люди тутъ ходили незакрѣпленные, какъ запорожцы.

Придетъ юрьевъ день. — являются верховоды, кричатъ : « на Кильчень!» либо « на Самару!» Одно село выселяется , а другое идетъ ему навстрѣчу въ иное мѣсто. По мостамъ и по плотинамъ идутъ обозы съ дѣтьми, добромъ и стариками; идутъ батраки и бабы, прощаются съ родичами; возы ревуть, возы скрипятъ, а пацы заѣзжаютъ другъ передъ другомъ, спорять, сманиваютъ къ себѣ нашего брата и рубятся саблями, а иногда и пищали бывало хлопаютъ. Оно такъ всегда тутъ было!... Тотъ паць бывало при проѣздѣ обоза хвалить свое, а этого свое; говорить : « идите ко мнѣ, люди добрые! дамъ вамъ и стени вдоволь, и хорошей воды, и лѣсу, и хать, и скота!» А ужъ что совретъ, то совретъ, лишь бы ему сманить ихъ, вотъ какъ и теперь...» Есть преданіе, какъ одинъ свирѣпый командиръ, преслѣдуя здѣсь бѣглыхъ, налетѣлъ гдѣ-то на артель неводчиковъ и гаркнулъ на нихъ : « гдѣ ваши пащпорты?» Тѣ переглянулись. Генераль былъ безъ конвоя съ одною свитою. — « На баркѣ, ваше сіятельство!» отвѣтили тѣ и пошли по доскамъ одинъ за другимъ за паспортами. Взошли на барку, оттолкнули ее отъ берега и показали ему оттуда что-то вродѣ пищей, со словами : « вотъ наши пащпортики!» И эти слова стали съ той поры здѣсь поговоркою. — Войдите, читатель, въ праздникъ до начала торга въ церковь такой слободы, гдѣ занимаются косари и гребцы, когда идетъ еще обѣдня и всѣ чинно стоятъ и молятся, слушая отца Прѣкопа или отца Дѣроша. Дымъ густо стелется, дьячекъ баситъ, а изъ дыма глядятъ все черповолоусыя и русыя чубатыя головы, будто сейчасъ вышли съ картинъ Шевченка, Трутовскаго и Соколова. Обѣдня кончилась; наполняется площадь и шинокъ. Въ одномъ изъ такихъ шинковъ долгое время внаймахъ подъ Керменчикомъ былъ бѣглый поваръ какого-то генерала изъ Калуги, который держалъ отличную простую кухню и постукивая ножомъ навстрѣчу входившаго загорѣлаго люда, выкрикивалъ : « А кому угодно котлетокъ à la метрдотель, бланманже, сюрперфию и все что угодно!» Никакихъ утонченныхъ диковинокъ жидъ-содержатель шинка не могъ разумѣться, по его вызову, предложить гостямъ; по прибаутки новара приманивали толпу и шинокъ былъ не въ накладѣ, справляя иногда впрочемъ свадебныя пирушки для сосѣднихъ поселянъ и бѣглыхъ съ такими угощеніями, что хоть бы и въ городѣ. — Про бѣглыхъ тутъ ходятъ и плоскіе избытые анекдоты, рассказы о томъ, какъ они вѣнчаются вокругъ полевыхъ кустиковъ, или обходя одинокій стогъ три раза. Обошли, вотъ и мужъ и жена, пока снова разойдутся. Такіе же ходятъ толки и о

крестинахъ Это уже область мѣстнаго юмора. Но пора работъ кончилась. Бѣглые съ полей переходятъ къ неводамъ. Здѣсь осенью вся бѣглая, разбившая свои оковы Русь... Уходя изъ шинковъ, косарскія артели поютъ особыя мѣстныя пѣсни, съ сочиненными тутъ же намеками на сосѣднихъ помѣщиковъ, отдавая имъ похвалы за милосердіе или остра надъ ихъ скарденостью и стѣсненіями, вродѣ этого :

• А въ недѣлю рано
Найдемось до пана :
Рано поранѣньку,
Хочъ и къ Макарѣнку... »

Или такую пѣсню :

• Чужи паны, якъ пугачи,
Держуть людей до пивночи,
А нашъ соловейко
Пускае ранѣнько ;
Дае водки й грошей —
Спаси его Боже !
Дае борщу й каши —
Отто паны наши !..
Дае не жаліе —
Всякъ ёго радіе !.. »

Такія пѣсни пѣлись въ косовицу и на Мертвыхъ-водахъ, на поляхъ купца Шутовкина, братьевъ Небольцевыхъ, близъ помѣстьевъ Панчуковскаго, Швабера, Вебера и на церковной земелькѣ Свято-духовскаго хутора. Понедѣльные и помѣсячныя артели давно стали вездѣ и тамъ, ходили, косили, мелькали своими бѣлыми рубахами, и въ зной и въ духоту поливали своимъ потомъ горячее лицо степей. А если вы спросите, отчего бѣгають иные сюда, такъ вамъ даже скажутъ, что изъ иныхъ уже такихъ богоспасаемыхъ мѣстностей прямо «по омерзительной привычкѣ». Хатка сплетена изъ камыша, примазана глиной ; въ хаткѣ ни стола, ни лавки порядочной, а въ дворѣ плетень камышевый. Придетъ свинья необрядная, толкнетъ чесаишисъ, и повалитъ все это. Толкнетъ съ досады и самъ хозяинъ хату ногою, повалилъ ее, и пойдетъ въ бродяги. Ему и жены не жалко, и дѣтей. Такъ по десяти и по двадцати лѣтъ шляются. Видно дома солоно. А иной проворовался, ограбилъ, убилъ. Есть и бѣжавшіе отъ страха наказанія за покражу лоскута холста, сальной свѣчки. И ходятъ въ бродягахъ годы. Думали переводить бѣглыхъ, оцѣпляли города, села. Прибылъ въ эти мѣста, лѣтъ двад-

цать назадъ, между прочимъ другой, подобный упомянутому выше свирѣпый начальникъ и вызвался искоренить тутъ всѣхъ бѣглыхъ. А подначальникъ былъ у него человекъ обстрѣленный и зналъ, какъ это легко говорится и какъ трудно дѣлается. Захотѣлъ этотъ первачъ свой край объѣздить. Бѣдить и тѣдить, совсѣмъ замучилъ помощника. Ужасъ навелъ на бѣглыхъ своими выходками и жестокостью. Въ кандалы перековалъ цѣлыя тысячи, остроги ими переполнилъ по всему взморью. А помощника совсѣмъ выбилъ изъ силъ. Вотъ и подвелъ штуку помощникъ. Проморилъ какъ-то владыку въ степи, а все везетъ его далѣе, все далѣе. Ужь тотъ и животикъ сталъ потирать и поглядывать изъ коляски: что за бѣсовъ край! хоть бы корчма или деревушка какая, — а до города еще верстъ двадцать. Остановился первачъ. «Ну, говорить, какъ бы чего закусить?» Кинулись къ свитѣ, ничего нѣтъ. А это уже помощникъ такъ подвелъ. «Нѣтъ ли хоть корочки чернаго хлѣба? Нѣтъ ли тутъ постоялаго гдѣ-нибудь?» спрашиваетъ первачъ. — «Куда вамъ, ваше сіятельство! у насъ ли этому быть, въ этой голой и пустой сторонѣ! А вотъ стойте: тутъ въ сторонѣ, на берегу моря, неводокъ кажется есть; бѣднячекъ одинъ держитъ артель. Угодно-съ? можетъ разживемъ чѣмъ-нибудь?» — «Вези, братецъ, вези! просто умираю съ голода!» Его привезли. «Здравствуйте, ребята!» гаркнулъ первачъ на рабочихъ, выходя изъ коляски. «Здравствуйте, пане!» — «Давайте ѣсть; что у васъ имѣется?» — «Чтоже у насъ будетъ, пане; мы люди бѣдные; хлѣбъ-соль, да развѣ рыбки вамъ поймать?» — «Давай!» И закинули неводъ. Ужь тогда ли поймали, или было приготовлено заранѣе, только неводчики и устроили ему закуску: уху изъ самой первѣйшей рыбы, съ бездною молокъ и потроховъ; въ ноздри душистый паръ такъ и ударилъ; икры свѣжей вывалили ему цѣлый боченокъ; да горячій хлѣбъ, да голодный зубъ, главное, помните. Натѣлся генералъ до отвала; едва поворотится. Кинулъ неводчикамъ червонецъ, благодарить помощника: «Ну братъ, такого обѣда и цари не ѣдятъ!» Отѣхалъ поѣздъ въ степь, скрылось море и коса съ неводчиками. Помощникъ и говорить: «А знаете, ваше сіятельство, у кого мы обѣдали?» — «Нѣтъ, не знаю...» — «У бѣглыхъ!» — «Быть не можетъ!» — «То-то-съ; переведете ихъ, такъ и рыбы такой тутъ некому будетъ поймать...» Генералъ задумался и больше не козырился, сталъ какъ и всѣ мы грѣшные...

А плантаторы между тѣмъ не дремали. Громадныя ватаги коса-

рей и гребцовъ, чедовѣкъ въ триста и въ четыреста, расхаживали по быстро косимымъ степямъ. Сами велемочные господа кавалеры изподъ Ростова, Бердянска, Мариуполя и Мелитополя, кто верхомъ, въ широкой бердянской или одесской, а иногда и прямо панамской шляпѣ, или вѣшкоу, съ плеткой, усердно расхаживали среди артелей, неклись съ утра до ночи на страшномъ солнцекѣ и обращали свои лица въ подобіе жолтаго земляного угля. Двигаясь медленными точками и бѣля сврими шляпами, они какъ коршуны, стоявшіе въ небѣ надъ ними, зорко поглядывали по сторонамъ, подмѣчая либо задѣнвившагося косаря, либо накидывая жаднымъ и плотояднымъ взглядомъ смазливую гребчиху, съ грѣховнымъ помысломъ приласкать ее печеркомъ, въ прохладѣ одинокой степной пустки, за стаканомъ пуншика и глоткомъ коньяку или водки. «Эй, хлѣпцы! эй, дивчата!» покрикивали степные поморскіе плантаторы, съ бойкостью яростныхъ, настоящихъ яки помахивая на куцыхъ клячъ плеткой и верхомъ ведя по пылающимъ въ зноѣ равнинамъ свои ватаги: «а нуте, постарайтесь! а нуте, разомъ, разомъ, разомъ! дружнѣе! Котель каши съ саломъ, два ведра водки лишнихъ на магарычи! А нуте, нуте, нуте!» И сотни обѣленныхъ бурьянами косъ дружно и мѣрно сверкають; сотни грабелей взбивають и складываютъ въ копны душистый чай нашихъ степей, мягкое и пѣжное зеленое сѣно. Среди полянъ стоятъ косарскіе и гребовицкіе таборы. Косовица во всемъ ходу, въ полномъ разгарѣ. У привала дымится изъ навознаго кирпича костерокъ. Громадная арба, съ полотняною крышею, въ видѣ гроба, безъ устали открывается и закрывается, подвозя на волахъ или верблюдахъ крупы, соль и рыбу отъ хозяевъ. Нѣсколько бочекъ едва успѣваютъ подвозить къ таборамъ изъ дальнихъ колодцевъ воду. Выпекаются въ хозяйскихъ хуторахъ, въ особенныхъ печахъ, и въ сутки сѣдаются по триста и по четыреста хлѣбовъ, на одномъ полѣ, у одного хозяина. Изъ Мариуполя и Таганрога подвозятся мѣшки и мѣшочки на тысячи и болѣе рублей серебромъ мелочи. Нанимаются артели въ десятки и сотни чедовѣкъ понедѣльно. Расплата производится по субботамъ. Наморившіяся загорѣлыя и запыленныя дѣвки и бабы сидятъ въ тѣни, гдѣ-нибудь подъ амбаромъ или подъ конюшнею, нераспѣвая пѣсень и не шутя въ ожиданіи расчета. Косари безъ шапокъ стоятъ кучами по двору или у крыльца. А сами гостепріимные господа плантаторы сидятъ у крылечка, передъ столикомъ, и расчетъ ведутъ. Этой партіи триста цѣлковыхъ, этой сто тридцать пять, той двѣсти. Кости на

счетахъ звонко выщелкиваютъ красные куши. Перо тутъ же записываетъ сказочные лѣтніе новороссійскіе расходы. Хозяева въ эти минуты не видятъ передъ собою ни живописныхъ типовъ: украинскихъ косарей, ни хорошенькихъ, подгорблыхъ на вѣтрѣ и присмаженныхъ на солнцѣ гребчихъ. Они видятъ одно сѣно, конны, стоги, свои стада и барыши. «А! вонъ и самъ панъ полковникъ выѣхалъ!» говорили иногда сосѣдскіе приказчики, изъ мѣщанъ и вахмистровъ, вида, что и Панчуковскій выѣхалъ къ гребцамъ или къ косарямъ, на красивомъ сѣромъ или буланомъ жеребчикѣ: «Ну, это уже недаромъ! вѣрно старый хрычъ Самуиликъ ему смастерилъ какую колонистку, либо изъ нашихъ дѣвокъ какую припасъ полакомиться. Ишь ты! какъ молодой орликъ, летаетъ и плаваетъ передъ рядами. Вонъ остановился; шутить; видно сигарку закуриваетъ... Эхъ, житье этимъ господамъ, право! Денегъ — куры не клюютъ; спать себѣ вволю, пьютъ, бѣлятъ, книжки читаютъ — тѣбу! А ты трудись... а отъ дѣвокъ имъ и отбою нѣту!.. Какъ тѣ салтацы проклятые турецкіе проживаютъ...»

Такъ говорили приказчики; разумѣется отъ зависти.

VI

ОКСАНА И РАКИТНИКЪ

Въ одной изъ такихъ бѣглыхъ артелей быть и Левенчукъ. Онъ былъ въ наймахъ недалеко отъ Святодухова хутора; часто подъ вечеръ мелькала въ яру и въ раковой роцѣ его смурая барашковая шапка. Какъ же полюбились Левенчукъ и Оксана? Э, господи! Какъ любятъ птицы небесныя, звѣрки полевые? Ужь разумѣется очень просто, какъ любитея все привольное, дикое население степей вѣка и десятки вѣковъ, нарождаясь и смѣняя другъ друга.

Безъ вздоховъ, безъ лишнихъ словъ, просто и даже очень просто полюбились и жили своею любовью Левенчукъ и Оксана. Левенчукъ окрѣпнѣ на волѣ въ эти три года; возмужалъ, и ревниво берегъ издали свою Оксану, нанимаясь то въ певода, то въ юденцики у окрестныхъ колонистовъ и вездѣ высматривая ее и слѣдя за нею. Ихъ встрѣчи были кратки. Тихая и степенная красавица безъ него никому не спускала, кто бы ее ни затронулъ. Возясь

и работая въ кухнѣ, въ огородѣ, на дворѣ и въ домѣ священника, съ утра до ночи, она и дитя кривой дьячихи закачаетъ, и полы вымоетъ, и птицъ накормитъ, и часто поетъ-поетъ, какъ жаворонокъ задирается. А сойдетъ ночь, скрипнетъ валержникъ въ ракетникѣ, она молча и покорно идетъ къ Левенчуку, покорно ластится и жаркими-жаркими объятіями нѣжитъ его. Словъ какъ-то нѣтъ у нея; все бы глухо молчала да нѣжилась, какъ кошечка, возле него. Соберутся къ святодуховскому пруду сосѣднія гребчихи за водой, полощатся въ кустахъ, припасаютъ ведра воды, умываютъ забрызгавша лица, запыленные руки и плечи, и Оксана выйдетъ изъ пошевой хаты. Наслушается всего, поможетъ одной-другой воды набрать, подастъ ведра на коромысло, придетъ домой и все рассказываетъ дьячихѣ. — «Ты только молчи, Оксана, говоритъ на это дьячиха: — ты лучше всѣхъ, а только молчи! Я уже тебя найду жениха сама!»

— «Да, держи кармантъ!» думаетъ Оксана: «и безъ тебя знаемъ, гдѣ что получше, покраще!» — Сама раздѣнется для работы, затопитъ печь, засучитъ рукава, поставитъ горшки, лукъ крошитъ, пшею толчетъ, обѣдъ готовитъ, — а сердце такъ и колотится. — «Вотъ, думаетъ: дѣвки полагаютъ, что я такая недотрога, никуда ногой не хожу, ни въ наймы въ стень, ни въ гости ни къ кому; а я-то... а ночи?... а ракетникъ?... Да и тетка Горпина такъ же думаетъ!..» Пойдетъ на прудъ днемъ, бѣлье моетъ. Обнаженныя ноги съ кладочки въ водѣ рисуются, солнце пышетъ въ лицо. И все ей жалко кого-то. Сама боится глянуть въ сторону. «Глянь, шепчетъ ей что-то: глянь! въ кусты орѣшника, въ темныя ясени, въ ракиты глянь; вонъ тамъ на берегу, по тотъ бокъ пруда стоитъ кто-то — глянь!..» И весело ей, и тяжело, и совѣстно, и страхъ какъ хочется посмотрѣть. «И чего я гляну! думаетъ Оксана, стуча валькомъ по бѣлью: теперь полдень, онъ косить гдѣ-нибудь или неводъ тянетъ...» Поднимаетъ глаза и обомлѣла: на берегъ вышелъ изъ байрака Левенчукъ и давно машетъ ей, зоветъ ее. — А вечеръ придетъ... Давно она не видѣла Харькъ. Постлалась на лавкѣ, въ кухнѣ, помолилась, три поклона положила, и крестится, ложась спать. Помнить все, что было днемъ: какъ она дитя дьячихи Горпины колыхала, какъ вечеромъ корову доила, а сама все смотрѣла опять въ сторону, дура, и ждала, что вотъ-вотъ кто-то изъ-за угла покажется. Уже заснула Оксана, спитъ, а ночью чувствуетъ, что покраснѣла: совѣстно ей подумать, какъ это она

выйдетъ замужъ и въ люди покажется... Лучше бы такъ просто по-
долшивъ жить и тихо любить!

— Не помнитъ Оксана ни отца, ни матери; даже не знаетъ, кто
были ея отецъ и мать и гдѣ ея близкіе. Слышала, что отца ея зарѣ-
зали и что съ той поры ее взялъ въ приемъши отецъ Павладій. И
съ особомъ любовью ходитъ она за дитятю тетки Горшины, пѣвать
его, поминутно съ нимъ возится и поетъ ему степныя малорусскія
колыбельныя пѣсни.

Худое и слабое дитя иной разъ безъ жѣры расплачется. Оксана
матери его не дастъ укачать. Не отходитъ отъ него и поетъ непе-
реставая. То на руни его возьметъ, пойдетъ съ нимъ по двору и въ
лѣсовъ, то опять положить въ колыбель и поетъ:

— Ой, ходитъ сонъ по улицѣ,
Слоняется, шатается,
Къ намъ въ гости онъ пытается.
Ты спи, дитя, до обѣда;
Матерь въ полѣ у сосѣда.
Сорветъ она три вѣточки:
Ой, первую — ростливую,
А другую — сонливую,
А третью — счастливую.
Чтобъ ты спало, счастье знало,
А чтобъ росло, не худѣло,
Не худѣло, не болѣло...
Сонъ-дремота къ колыбели,
Добрый разумъ въ добры думки,
Подрѣсточки на косточки,
А здорье на всю тебя,
Въ малый ротикъ — говорунки,
А на ножки — побѣгушки...

Такъ пѣвала часто Оксана, до знакомства съ Левенчукомъ. Какъ
она познакомилась, трудно и сказать. Былъ онъ какъ-то въ церкви,
стоялъ тамъ такой печальный да жалкій; тихо крестясь приложил-
ся къ кресту, когда отецъ Павладій отпущкъ съ обѣдни дочитывалъ.
Потомъ косилъ онъ въ косаряхъ на церковной степи у отца Павла-
дія, а она воду косарямъ носила. Только и знакомства. А какъ по-
томъ она ему всю душу отдала, стала ходить и бѣгать къ нему, че-
резъ плетень прыгая, лисичкою въ кустахъ выступая, — этого она
и не расскажетъ. Стала вдругъ она и болѣе заботливая; хлопочеть и
старается по хозяйству, будто собирается куда, будто послѣдніе дни
для нея настали. А сама похудѣла, точно измученная чѣмъ, но еще

боже съ тѣмъ похорошѣла. Русая коса какъ шолкъ вычесана; темныя брови еще темнѣй стали; а слегка впавшіе, тоскующіе глаза не по лѣтамъ такъ и мечутъ любовныя чары. Движенія замедлились; тѣло просится къ лѣни, а работы гибель. Выйдетъ Оксана на шпиль косогора, станетъ противъ рощи, стоитъ и вдругъ заплачетъ. Долго стоитъ, смотритъ и поетъ за душу берущую пѣсню нашей Украйны...

Или заберется она въ глушь байрака, сядетъ въ кустахъ; шьетъ узоромъ сорочку, за слезами нитки не видитъ и тихо напѣваетъ любимую пѣсню, которой выучилась у дочки сосѣдней бакшевницы, пропавшей безъ вѣсти два года назадъ, вслѣдъ за отходомъ партіи неводчиковъ:

- Въ воскресенье рано зазвонили звоны.
- Слушай, слушай, мати: то не по милому ль?
- Какъ по немъ, скорѣе меня снаряжайте, —
- Съ нимъ въ одной могилѣ меня закопайте...
- Положите рядомъ съ миломъ головами,
- Чтобъ была размова тихая межъ нами;
- Чтобъ шумѣли листья, пташки пѣсни пѣли,
- Облака рядочкомъ поверхъ насъ летѣли...
- А въ ногахъ поставьте кресты золотые,
- Чтобъ сказали люди: «лежатъ молодые!»

Пѣсня спѣта; слезы душатъ Оксану; она тихо упала лицомъ на работу, и плачетъ—плачетъ... еще отъ рожденія она такъ не плакала. На душѣ и горько и тяжело. А мысли роятся между тѣмъ: «Ну, желала бы я однако знать, гдѣ этотъ пройди-свѣтъ Харьковъ? Должно-быть съ дѣвчатами чужими возится, водку гдѣ-нибудь пьетъ. И не страмъ?...» Поднимаетъ голову и ахнула: Левенчукъ сидитъ противъ нея на корточкахъ, держитъ трубку въ зубахъ, копается въ кисетѣ съ табакомъ и смѣется. «Вотъ и хорошо, что ты запѣла, а я по голосу я нашолъ тебя!» Застыдилась Оксана. Ей весело и вмѣстѣ жутко. Дрожь въ рукахъ и въ груди. Она не придвигается къ нему ближе. Онъ смѣется надъ нею. Она кидаетъ въ него нитками, траву щиплетъ, въ глаза ему хочетъ бросить. А онъ ей руки крутитъ, борется съ нею, десятки прозваній ей ласковыхъ и смѣшныхъ даетъ... «Та прочь же, прочь!» говоритъ она ему морщась и будто отталкивая его, а сама все къ нему ближе... Солнце не заглядываетъ въ гущину ясенковъ! Только вѣтеръ перебѣгаетъ по верхушкамъ... Дикая утка откуда-то налетѣла, пошныряла раза два надъ байракомъ, улетѣла опять, и снова прилетѣвши, тяжело шлепнулась въ осоки

озерка, ниже пруда. Должно-быть гнѣздо ея тамъ свито. А Левенчукъ рассказываетъ, гдѣ онъ былъ въ эти двѣ недѣли, гдѣ неводъ тянули, какъ пароходъ откуда-то ночью набѣжалъ, дымъ длубился, море шумѣло, наплыли лодки къ берегу, все какіе-то нето армяне, нето далматы бѣгали, выгружали запретный товаръ, контрабанду въ камыши, и съ верховыми укрыли ее потомъ до разсвѣта дагѣ. Говорить, что эти дни онъ косилъ возлѣ Святодуховки и все соби-рался къ ней, только ждалъ расчета. — «Я видѣлъ тебя, Оксана; прошлую ночью къ двору вашему подходилъ... ты спала на дворѣ подъ горницею, да я не посмѣлъ черезъ плетень перелѣзть... Лежишь ты, раскинулась — а я хотѣлъ подобраться къ тебѣ, наугать! И какъ это вы собакъ не держите; просто страшно! Еще обворуютъ!» — «И, Харитусю! Отъ злого человѣка и собака не спасеть!» — «Ну гдѣ же нашъ батюшка теперь, Оксаца?» — «Дома; пчелъ ѣдетъ покупать на троицу! Приходи тогда...» — «Э, нельзя! Намъ заказано въ лиманы; французъ чаю привезетъ; разгружать станемъ; по десяти цѣлковыхъ на человѣка въ почъ будетъ... Не приду; а послѣ опять косить приду до вашего нѣмца...» — «А, постой! тихо крикнула Оксана и замерла: — постой; какъ-будто кто яромъ подъ ногами вонъ у насъ идетъ; нето отецъ Павладій, нето посторонній кто... Ишь крадется!» Но шумъ замолкъ; на сердцѣ Оксаны отлегло. Левенчукъ закурилъ трубочку и опять пошли толки. Онъ рассказываетъ, какъ жилъ еще у своей барыни, какъ овецъ пасъ, какъ его женили, какъ Варьку машиной задушило и потрощило, какъ онъ утопиться задумалъ и уже вторья сутки просиживалъ надъ омутомъ у мельницы, и какъ его спасъ и смазилъ на линію Милороденко. Оксана въ сотый разъ слушаетъ и плачетъ, тихо вышивая узорную сорочку или броса яглу и безмолвно слушая Левенчука. «Ну гдѣ же теперь нашъ Василь Ивановичъ, нашъ Милороденко?» спрашиваетъ она, тихо въ мысляхъ молясь за него. — «Э, Оксана! Ищи вѣтра въ полѣ; сказываютъ, что онъ точно усилъ за эти три года разбогатѣть. Сперва, говорятъ, былъ онъ при неводахъ, а потомъ у какого-то грека на хуторѣ пасѣку держалъ и самъ завелся пчелами; даже въ мѣщане въ Азовѣ хотѣлъ приисаться, по чужому имени — все домою то же обзавестись мостился. Передаютъ, что уже и при деньгахъ былъ. Да какая-то бабенка ему тутъ подвернулася. Онъ сперва у нея ключникомъ нанялся — она тоже помѣщица чтоли. А тамъ и въ любовники къ ней пошалъ. Годъ такъ жилъ! А съ этой весны куда-то и пропалъ

опять безъ вѣсти. Какъ будетъ наша свадьба, Оксана, передъ петровками, мы его розыщемъ... хочешь? Я припасъ еще денегъ; самая валюта остается, такъ и скажи батюшкѣ!» — «Скажу.» — «Скажи, что послѣ тройцы, какъ управлюсь на морѣ да покошусь еще у нѣмца съ недѣлю, приду и остальной за тебя выкупъ принесу... Ну, а гдѣ же мы станемъ жить тогда, Оксана?» — «Охъ! Уйдемъ отсюда; тутъ уже намъ не житье; слышно, все розыскиваютъ бродягъ, а вѣдь мы не люди, мы съ тобою бродяги... Боже! Хоть бы на Дунай; или въ ту Анатолю пробраться... У турокъ слышно вѣсть принимаютъ; вонъ я слышала, Харько, къ нашей дѣячихѣ сестра съ богомолья изъ Ерусалима, проходомъ въ Россію, наворачулась, говоритъ, что нашего народу видимо-невидимо изъ Одессы и изъ Польши туда перешло и по Дунаю такъ слободами и живутъ.» — «Не можетъ быть, Оксана, о! не можетъ быть, чтобъ до невѣрныхъ переходили.» — «Ну, а я уже слышала; тамъ пачпортовъ не требуютъ...» — «А! батюшки, батюшки! вотъ доля!» — «А слышалъ ты тоже, вонъ понадыя къ намъ отъ Шутовкина купца наѣзжала, пипена занимать и постнаго масла на косарей, — нашъ батюшка на барыши на лѣто и это держитъ: будто къ Небольцевымъ господамъ исправникъ выбѣгалъ съ понатыми, село обходилъ, все сундуки и погреба осматрѣлъ и шестнадцать человѣкъ за конвоемъ въ Ростовъ отвелъ. Плачу тамъ, плачу было такого, что и-и! Нашли, говорятъ, въ подвалѣ стараго-престараго сапожника; онъ двадцать девять лѣтъ уже какъ бѣжалъ, сказываютъ отъ какого-то помѣщика, нето изъ Рязани, нето изъ Москвы, и все время это жилъ въ подвалахъ, обшивалъ все околотки...» — «Ну, ну?» спрашивалъ Левенчукъ, все блѣднѣя и едва переводя дыханіе. — «Какъ вывели его оттуда, а онъ, какъ мушка сонная, осенняя, такъ и шатается отъ вѣтру: ухватился за волосы сѣдые, бѣлые, да и упалъ объ землю.» — «Ведите меня, говорить, хоть въ Сибирь, а только домой не ведите, на хуторъ. У меня, говорить, тутъ уже своя родина, и жена другая, и дѣти взрослые; а то я руки на себя наложу; я не краль, не грабилъ, тихо жилъ себѣ, работалъ...» — А исправникъ смѣется. «Ведите его, молодчика, да покрѣпче закуйте; онъ уже по четыремъ ревизіямъ пропущенъ, ему и имени христова нѣтъ уже...» И повели его на Екатеринославъ особо. Такъ сказывала Шутовкина купца понадыя...» — Левенчукъ всталъ, оправился. Встала и Оксана. — «Ну, Оксана, теперь ты будь готова. Послѣ тройцы заразъ повѣнчаемся! Я пойду на корабли; я

договорюся... я уже устрою... Не житье намъ точно здѣсь ставится. Набрехалъ-таки Милороденко, или оно измѣнилось уже! А ты только будь значить готова; не въ Туречину, и тутъ найдешь мѣсто! Вонъ я въ прошлое лѣто шолъ на заработки, съ чужимъ мѣщанскимъ пачпортомъ, за Елисаветградъ. Ну да и мѣста же это по Днѣпру, Оксана! Заполъ я въ такую лощину: все балки, песокъ красный, слюды блестятъ на солнцѣ, тюльпаны дикіе какъ колокола цвѣтуть, алые и желтые, по степямъ и по ярамъ, — пахнетъ, весело, привольно... Вотъ хоть бы туда! Будь только готова; уже мы спрячемся — а тамъ, слышно, и волю всѣмъ скажутъ! Согласна, серденько мое?» — «Согласна!» — «Такъ жди же меня, жди, жди...»

Близился день тройцы, храмового праздника въ хуторѣ отца Павладія. Сосѣдніе колонисты, бѣглые и всякій обычный, захожій людъ въ окрестностяхъ, свято чтили и помнили этотъ день. Отецъ Павладій, отъ студеной весны лишившійся всѣхъ своихъ пчель, затѣвалъ давно завести новую пасѣку, сторговалъ въ сосѣдней болгарской колоніи двадцать колодокъ и съ старикомъ дьячкомъ, который былъ у него ходоконъ по всѣмъ денежнымъ дѣламъ, собирався ѣхать туда на своей пѣгашкѣ, вслѣдъ за обѣдней. Между тѣмъ онъ собирався нанять мимоходомъ, гдѣ случится, изъ болѣе грѣховныхъ прихожанъ своихъ, неразъ послѣ исповѣди бывшихъ въ наказаніи на поклонахъ, десятокъ-другой подешевле косарей, на свое подцерковное заповѣдное поле. Да кстати тоже съ какого-то колониста, къ этому же дню, слѣдовала получка капиталца и процентовъ, по пятнадцати эдакъ на сто, за полгода. Таковы уже заразительные обычаи этого комерческаго новороссійскаго люда. Въ минувшемъ году отецъ Павладій пустилъ часть круглаго капиталца на сосѣдній портъ, въ долъ съ какимъ-то грекомъ, чрезъ того же дьячка, скупивши малую толику пшеницы и льна. А немало деньжатъ блуждало и по сѣвернымъ уѣздамъ губерніи, и по Дону, и до Кубани, оставляя подъ залогомъ, въ сундучкѣ и въ комодахъ отца Павладія, серебряныя ложки, браслеты, столовое бѣлье, росписки, часы, даже ордена отставныхъ майоровъ и ротмистровъ, нынѣ усердныхъ плантаторовъ по рѣкамъ Мертвой, Кобыльной и далѣе до Яны-Салы...

VII

ПОХИЩЕНІЕ

Троицкій день начался радостно для отца Павладія и прочихъ обитателей Свѣтодуховскаго хутора. Съдѣнкій рябоватый дѣденькъ, въ ожиданіи обѣда съ выпивкою винца, метался прилизанный и прифрантившійся съ утра, между прибранною сараемъ церковью и домомъ владѣльца. Дѣвчуха варила вѣтъ батюшкѣ, себѣ и гостямъ, обыкновенно навѣзавшимъ здѣсь къ краму. Отецъ Павладій ловко спряталъ въ своихъ коморкахъ къ мѣсту книги, журналы и газеты; богъ съ ними — нелюбимаго мѣстными господами Гоголя и гениаго директорами сосѣднихъ училищъ Бѣлинскаго (котораго отецъ Павладій въ просудѣ души звалъ не Бѣлинскій, а Бѣлинскій), навурлилъ весь домъ немилосердно ладономъ, такъ что суетившаяся съ утра Оксана вбѣжала было, уже во время обѣдни, съ чѣмъ-то въ спальню батюшки, торопясь скорѣе покончить хлопоты, что-то поставить, что-то взять, надѣть послѣднія двѣ ленты въ косу и пойти степенно и величаво въ церковь, но остановилась въ клубахъ непрогляднаго дыма, покрутила носомъ и, ухватясь за глаза, выскочила на крыльцо. — «Ужь это вѣрно батюшка раскутился; вѣрно роснымъ накурилъ такъ!» Еще раза два простучавши по зеленому двору быстрыми пятками, Оксана наконецъ заперла ворота и пошла въ церковь. На ней была новая ситцевая красная юбка, синіе шерстяные чулки и козловые башмаки, только-что изъ лавки. Много было тамъ господъ. Много экипажей стояло у склона байрака, между кустовъ и подъ рощею, у водѣланнаго отцомъ Павладіемъ пруда. Церковь, вся обросшая и густо укутанная бѣлыми акаціями, сиренью и лимамц, едва оттуда торчала золотою маковкою. Чинно прошла обѣда съ каѣвостомъ и съ колѣнопреклоненіемъ. Отслуженъ желебенъ за живыхъ; отслужена обычная панихида и по умершимъ, бѣлымъ и приснопамятнымъ переселенцамъ на Мертвыя-воды. Какъ плакалъ обыкновенно, ежегодно за панихидой, отецъ Павладій, живой свидѣтель гибели этихъ переселенцевъ, такъ онъ прослезался и теперь. «Господи, помни сихъ, сихъ несчастныхъ, умершихъ, умершихъ разомъ...» прибавлялъ онъ всегда эти свои слова къ заупокойной молитвѣ, просвѣтлѣвши отъ горя и вспоминая въ числѣ «сихъ, сихъ несчастныхъ» и свою молодую, чернобровую покой-

ницу, по прїѣздѣ сюда всѣхъ плѣннвшую своимъ тихимъ нравомъ и бѣлизною лица. На этотъ разъ круглый и тучный, съ красноватою лысиною, старичекъ особенно казался милъ, въ этой маленькой чистой церкви, усыпанной песочкомъ, утыканной отъ полу до потолка, по угламъ и по иконостасу, свѣжими вѣтками, срѣзанными съ рослыхъ липъ и берестовъ, посаженныхъ его собственною рукою. Въ лучахъ свѣта, прорывавшихся въ распахнутыя окна, празднично мелькали; кланяясь, черноволосыя и русыя головы, тихо и степенно мелькалъ въ какой-то старенькой лиловой съ разводами ризѣ самъ отецъ Павладій, усердно кадя въ лицо всякому и тихо повторя знакомыя молитвы. А козловатый дишкантикъ дьячка, благодушно ухмылявшася на крылось, мѣшался съ пѣснями соловьевъ, гремѣвшихъ съ вѣтокъ рощи, обступившей церкви. Были въ церкви русскіе поселяне и многіе колонисты. Последніе красовались въ своихъ особенныхъ народныхъ одеждахъ. Неся святые дары, на большомъ выносѣ, отецъ Павладій вышелъ изъ алтаря, читая выгтно поминанія, медленно поднялъ глаза, сперва было упершіеся въ загорѣлый затылокъ дьячка, неуспѣвшаго отойти вправо, и увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ себя Панчуковского. Сердце невольно у него ёкнуло. Онъ его здѣсь никакъ не ожидалъ увидѣть. — «Гдѣ же однако Оксана?» безъ всякой причины подумалъ онъ, читая молитвы. Продолжая попрежнему говорить поминанія; онъ повелъ глаза влѣво, какбы ища кого, и радостно остановился на переклоненной, передъ выносомъ даровъ, своей воспитанницѣ, Оксанѣ. Отецъ Павладій былъ такъ поэтически любезенъ, такъ въ духъ, что послѣ службы, приглася многихъ къ себѣ обѣдать, не забылъ и Панчуковского ласковымъ словомъ. — «А у меня отъ васъ, полковникъ, былъ посоль, сказалъ онъ, простодушно хихикая: — кажется г. Михайловъ, студентъ на кондиціяхъ у купца Шутовкина; и я ему далъ, по вашему ручательству, триста цѣлковыхъ-съ...» — «Очень благодаренъ...» — «Неудобно ли же и вамъ ко мнѣ закусить?» — «О нѣтъ, извините; я сейчасъ на три дня уѣзжаю на торги, за Донъ; тамъ степь отдается, — ее Шульцвейнгъ хочетъ ваять; ну, мы и поторгуемся!» — «Вотъ какъ!» — «Да пора же вамъ русскимъ за умъ взятыся съ нѣмцами!»

— Ого! думалъ отецъ Павладій, скидая рясу въ алтарѣ и спѣша къ другимъ гостямъ: — даже съ Шульцвейномъ тягается! Дона, тузъ! И отлично, что я пристроилъ подъ его ручательство часть деньжатъ! Это все тоже что нашъ Ротшильдъ!

Гости пообѣдали и разѣхались рано. Оксана прислуживала за столомъ. Отецъ Павладій покушавши задернулъ занавѣски въ спальнѣ, заснулъ, всталъ; выпилъ кваску и уѣхалъ съ дьячкомъ, какъ собирався, за пчелами, въ надеждѣ принятъ подъ нихъ еще подводъ на мѣстѣ.

— Смотри же, Горпина, говорилъ онъ, уѣзжая: — не бросайте такъ горницъ; день праздничный, много народу къ пруду за водой шатается; еще бы чего не украли.

— А мнѣ, батюшка, можно за роцу къ дѣвушкамъ пойти, когда сойдутся къ байраку пѣсни пѣть? спросила Оксана.

— Можно; только безъ Горпины не ходи. Ты знаешь! всякій народъ по праздникамъ бываетъ. Я ее со свѣту за тебя стоню!

И телѣжка съ духовными отцами запрыгала по кочковатой дорожкѣ.

Пришолъ вечеръ. Заря разыгралась съ невиданною роскошью. Къ байраку за водой сошлись и сѣхались, для утренняго запаса; гребцы и косари. Толпы разошлись по пригоркамъ; взяли за руки, стали пѣсни пѣть. Дѣвки стали въ «хрещика», въ «коршуна» играть, разбѣгаясь съ звонкими пѣснями и съ веселымъ хохотомъ. Дукаты блещутъ, ленты развиваются. Явилась и скрипка откуда-то. Плясъ поднялся. Парни долго пока стояли въ сторонѣ, посмѣиваясь и по обычаю громко хвастая разными разностями. Одни насли тутъ же лошадей, сопровождающихъ всегда косарскія партіи, другіе играли въ карты, третьи въ орлянку...

— У меня, братцы, семь цѣлковыхъ есть!

— Овва! Уже и семь; а у меня двадцать дома зарыто...

— Брешешь!

— Ейбогу!

— А по мнѣ такъ три молодицы въ Ростовѣ убиваются... да я не жалею!

Взрывъ хохота.

— То можетъ три свиньи, а не три молодицы! кричатъ дѣвки.

Хохотъ усиливается.

Хвастунъ, какъ говорится, «у сѣркъ очей позичаетъ» (у волка глазъ занимаетъ) и не знаетъ куда дѣться отъ града насмѣшекъ. Шумъ, бѣготня обращаютъ вниманіе на другое мѣсто. Ночь стемнѣла. Пары дѣвокъ и парней расходятся по сторонамъ, по полю и къ лѣсу. У пруда шалуны огонь было разложили и опять его потушили...

Тутъ произошло необыкновенное событіе. На утро заговорилъ о немъ весь околотокъ.

Но надо воротиться нѣсколько назадъ.

Утромъ въ тотъ день передъ обѣдней къ Панчуковскому пріѣхалъ купецъ Шутовкинъ.

— «Я къ вамъ, полковникъ, съ просьбой!» сказалъ онъ. Это былъ грязный и жирный толстякъ, съ маленькими свинными глазками, съ одышкой и съ миллионнымъ состояніемъ въ томъ же уѣздѣ.

Шутовкинъ отерся и съѣлъ. На дворѣ было душно.

— Вы меня извините... Нападаютъ на мои привычки товарищи, что я бариномъ тутъ въ волю живу, не скаредничаю... Вотъ у меня дѣти; я учителя при нихъ держу, и отличнаго... Но вѣдь я вдовецъ... Понимаете?

— Такъ-съ...

— Такъ помогите же мнѣ, полковникъ, обдѣлать одно дѣльцо... Понимаете?

— Какое?

Купецъ засмѣялся. Жирные глазки его слезились.

— Край здѣсь на женщинъ бѣдовый; ихъ нѣтъ здѣсь. Я давно, видите ли, ищу кого-нибудь взять къ себѣ въ подруги...

— Ну-съ, чтоже... И съ-богомъ!

— Здѣсь, видите, глушь, дрянъ все народецъ; сплетни сейчасъ заводятъ, смѣются... Я было рѣшилъ дѣло попристойнѣе завести — за своею гувернанткою какъ-то пріударилъ, къ дѣтямъ ее было нанялъ; такъ не поддалась. А теперь уже просто даже влюбился, мамѣтилъ одну дѣвочку. Вы человекъ холостой, поймете меня... Я рѣшился увести одну особу...

Панчуковский протянулъ гостю руку, но вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ: кого же это онъ?

— Bravo, Мосей Ильичъ! Кто же эта особа?..

Толстякъ оглянулся кругомъ и, сопя отъ одышки, прошепталъ, трепая по рукѣ полковника:

— Одна тутъ колонистка есть, болгарка, дѣвка просто ошеломительная.. Что дѣлать! Я уже и старухъ къ ней подсылалъ, видите ли, и подарки ей дѣлалъ, — ничто не беретъ... Такая рослая-съ, какъ кедръ ливанскій; всю душу изморила. Рѣшился я ее просто

живѣмъ съ украсть; завезу ее на свой заводъ, или въ городъ прежде, спрячу, и въ недѣлку адошь ее завербую совсѣмъ!

Шутовкинъ перевелъ духъ. Потъ валилъ съ него въ три ручья, а руки и губы его дрожали. Панчуковский нувствовалъ къ нему обращеніе, но слушалъ его усердно.

— Полковникъ, сказалъ гость; — мы съ вами коммерческія дѣла обдѣлывади; помогите мнѣ въ этомъ! Я къ вамъ обратилъ какъ къ доброму человеку. На людей своихъ мы положиться вполне не можемъ; у васъ дворня дружная подобрана, да и они ничто предъ вами. Я у васъ навѣки останусь въ долгу. Помогите!

— Какъ же мы дѣло устроимъ, Мосей Ильичъ?

— Сегодня вечеромъ у Святодуховки, по поводу праздника, какъ я узналъ, соберутся съ окрестностей дѣвки и парни; мы подвѣдемъ двумя тройками, — моя красавица тоже тамъ будетъ... Ну, а уже самое дѣло покажетъ, какъ его порѣшить...

Полковникъ всталъ.

— Согласенъ, извольте. — Абдулка, Самусь! крикнулъ онъ въ окно любимцамъ своимъ. И запершись въ кабинетъ, господа обдумали все какъ надо.

— А полиція? спросилъ Панчуковский: — вѣдь эти болгары народъ метительный и злой, нето-что наши; пойдутъ съ ябедами. Станутъ искать пропавшую...

— Э, полковникъ! Какіе вы пустяки, извините, говорите: а это зачѣмъ?

И Шутовкинъ потрепалъ себя по бумажнику. Боковой карманъ былъ туго набитъ.

Уже поздно, къ ночи, парни и дѣвки у святодуховской рощи затѣяли прыгать черезъ огни, какъ на Ивана-купала. Священника не было дома и некому было запретить это прыганье. Кто-то было поднялъ голосъ и сказалъ: — Что вы, озорники, дѣлаете? Этого не дозволяютъ и на Ивана; а вы теперь затѣяли. Не вовремя такое дѣло бѣду несеть! — «Своя воля!» отозвались изъ толпы. Принесли парни и дѣвки соломы, вѣтокъ, бурьяну, разложили костерки отъ оврага къ рощѣ и стали сразбѣгу прыгать, ухватясь руками и гада: чьи руки разорвутся надъ огнемъ во время прыжка, тому въ тотъ годъ не вѣнчаться. Голоса стали звонче, шумъ и гамъ усилились. Подошли новые парни, въ томъ числѣ люди Панчуковского. —

«Э! съ вами бѣгать — горе наживемъ!» со смѣхомъ отпѣкивались дѣвки отъ исканій полковническаго Абдулки и еще одного рыжаго парня. Но на слова: «сударыня-боярыня, пожалуйста ручку!» руки подавались какъ и другимъ. Нечего говорить, что въ это же время, какъ знакомцы и незнакомцы потѣшались въ виду подцерковной рошцы запретною игрой, поодаль къ двумъ курганамъ впотѣмахъ побѣхали и стали у оврага коляска и телѣга. «Тише, тише!» распоряжался съ телѣги, не вставая, толстякъ Шутовкинъ. Часть его подобранной шайки вмѣшалась въ играющихъ, двое залегли на дорогѣ въ кустахъ, а Самусь, полковникъ и онъ самъ ждали у лошадей. Полковникъ, слегка блѣдный отъ ожиданій, стоялъ облокотясь о свою коляску, запряженную ухарскою скаковою четвернею, молча глядѣлъ въ темный воздухъ, въ рядъ мелькавшихъ огоньковъ, и покручивалъ усы.

— Что-то нейдуть, неслышно ничего! Какъ-то дѣло разыграется? думалъ Панчуковскій. — Утащить, схватить не шутка; да какъ уйти отъ погони! ихъ вѣдь не шестеро тамъ...

Шутовкинъ только удушливо сопѣлъ и неподвижно съ огромной телѣги глядѣлъ вдаль, прислушиваясь къ игравшимъ у огня. Лошади стояли опуствя уши и только изрѣдка вздрагивали, дремая и лѣниво переступая съ ноги на ногу. Многое думалось полковнику. Онъ всю минувшую щегольскую Питеръ, изящную гвардію, товарищей, ошеру, разные прочитанные романы, разныхъ нѣжныхъ барышень, въ которыхъ еще недавно влюблялся, и соображалъ, какимъ разбойничьимъ и смѣлымъ дѣломъ теперь ему пришлось заняться: чистый Стенька Разинъ или по крайней мѣрѣ Казы-Магома и Шамиль, укравшіе Орбеліани и Чавчавадзе. «Эхъ, край! думалъ онъ: чистый эдемъ!» Не успѣлъ онъ раскинуться мыслями, какъ со стороны сторожи, лежавшей въ кустахъ, раздались голоса: «Шш! бѣгутъ!» и въ тоже время вдали у огня произошла какая-то сумятица и свалка.

Черезъ минуту Шутовкинъ и Панчуковскій услышали, какъ по полю, впотѣмахъ, тяжело бѣжало нѣсколько человекъ, то останавливаясь, то опять ускоряя шаги, какбы борясь съ кѣмъ-то по дорогѣ. Вбѣжавши въ кусты, эти лица ускорили бѣгъ, соединившись съ засадою. Еще черезъ секунду раздались сдержанные крики: «Ой-ой! пустите, пустите!» и прямо къ телѣгѣ плотоядно-трешетавшаго Мосея Ильича сразмаху была притащена бившаяся бѣлая фигу-

ра. Босы у нея были раскинуты, грудь распахнута, одежда изорвана.

— Душечка, душечка, перестань! перестань! щептай Шутковкинъ, ловя ее съ телѣги въ цотѣмахъ жадными, дрожавшими руками, и едва изъ силъ выбившаяся присауга свалила ее къ нему въ телѣгу, онъ закричалъ обезумѣвшимъ отъ радости голосомъ: «Погоидй, валай! гони вскачь! бей!»

И оба экипажа шарѣхнули по предварительному условію въ разныя стороны. Развязанные колокольчики на нихъ зазвенѣли и понеслись, то смолкая, то опять звеня и пропадая вдали. Они скакали безъ умолку, летя безъ дороги. Отскакавши версты три, экипажи опять подвязали колокольчики и понеслись неслышно въ темнотѣ далѣе. Но среди ихъ неожиданно появился, какбы также по условію, какой-то верховой и полетѣлъ съ колокольчикомъ въ рукахъ, звеня, въ третью противоположную сторону. Онъ уже сбиль слушавшихъ окончательно...

Толпа играющихъ между тѣмъ едва могла опомниться отъ изумленія. Въ концѣ вереницы уже погасавшихъ огней произошла безумная суматоха. Пробѣжала молва, что какой-то царень, крѣпко ухвативши за руку дѣвку, потащилъ ее насильно. «Не дави, пусти; а то брошу!» говорила она. — «Не бросай, скачи, а то не повѣнчаемся, какъ разорвемся!» Она засмѣялась и не вырвала руки. Пары побѣжали. Эти же двое вдругъ отдѣлились и побѣжали въ сторону, въ поле. Дѣвушка все еще смѣялась и отбивалась слегка. Цѣкъ нимъ прибѣжали еще двое. Они скрылись въ темнотѣ. Раздались крики: «Ой-ой! спасите, не пускайте!» Парни сбѣжались на то мѣсто. — «Кого это кто подхватилъ?» — «Милованку, Мидовану, дѣвку изъ колоніи!» — «Кто же это?» — «А бѣсъ его знаетъ...» Оглянулись, стали перебирать межъ собой, кто это недоброе такое затѣялъ. Смотрятъ — знакомые всѣмъ полковницкіе люди тутъ, и Абдулка между ними стоитъ и тоже мечется, будто ищетъ, кто бы это такое затѣялъ. А крики все дальше и дальше по полю...

— На коней, братцы, на коней! закричала толпа парней: — гдѣ ваши кони? въ погоню за ними, отбивать! Бей ихъ, бей! Какъ! нашихъ дѣвокъ красть! Бей... души ихъ!..

Парни кинулись на пастбищный дугъ за лошадьми, прскакали верхами по звуку колокольчиковъ, а другіе побѣжали пѣшкомъ въ стороны. — «Садись и ты на коня!» кто-то крикнулъ Абдулкѣ. — «У меня свой тутъ!» отвѣтилъ тотъ и поскакалъ также. У него былъ

за пазухой колокольчикъ. Онъ-то, влетѣвши въ степь; вынулъ его, зазвенѣлъ имъ, повернулъ коня назадъ и сбилъ этимъ дружную погоню. Ему это было не впервые: зажубанскій татаринъ, онъ еще недавно набивалъ руку на подобныхъ наѣздахъ.

Костры между тѣмъ стали потухать сами собой. Дѣвки разбѣжались нервыя:

— Пойдемъ и мы, тетка, скорѣе домой! вотъ страсти! говорила напуганная Оксана теткѣ Горпинѣ, между тѣмъ сильно подгулявшей съ какими-то солдатами, тутъ же у пруда, и едва волочившей ноги.

— Охъ, бабо! скорѣе, скорѣе пойдемъ! да нуте же, двигайтесь шибче! вотъ засидѣлись тутъ! а неравно батюшка прѣхалъ; что тогда намъ будетъ? Скорѣе, скорѣе, скорѣе! вотъ страсти! я сама вся мертвая!..

— И, моя кралячка, а такъ-таки ничего; сказано: повеселились, ну и все тутъ! отвѣчала Горпина, сильно пошатываясь, при помощи Оксаны спускаясь въ оврагъ и въ роуцу и безпрестанно спотыкаясь. Оксана ее поддерживала, пугливо къ ней прижимаясь и въ ужасѣ вглядываясь въ темныя, будто враждебныя ей вѣтви ракичника.

А въ темнотѣ теплой чудной ночи то тамъ, то здѣсь носились какіе-то шорохи, свистъ раздавался, топотъ конскій звучалъ, крики издали проносились, и ни одна звѣздочка не освѣщала темной, непроглядной ночи. Байракъ замолкъ. Зазвенѣлъ еще гдѣ-то за холмами колокольчикъ, зазвенѣлъ и опять затихъ. Вся молчала таинственная, обворожительная новороссійская ночь...

— Господи! выручатъ ли они ее? подумала, перекрестившись, Оксана. Плетень затрещалъ подъ ея рукою. Она перелѣзла во дворъ и отперла ворота.

Введя тетку Горпину въ кухню, Оксана уложила ее тотчасъ спать. Сама она не рѣшилась стлаться, по лѣтнему обычаю, на дворѣ на крыльцѣ, а тоже легла въ кухнѣ, заперла двери на замокъ, и наскоро помолившись, свернулась, еще дрожа отъ неожиданныхъ страховъ и стала думать: «вотъ страсти, такъ страсти! Боже-боже! гдѣ-то теперь мой Харьковъ! И батюшки нашего до сихъ поръ еще вѣту! Что это значить? Господи, спаси насъ и помилуй!..»

Оба экипажа версты за шесть опять съѣхались. Продолжалъ скакать въ противную сторону одинъ Абдулка, сбивши погоню парней.

— Поздравляю, Мосей Ильичъ! сказалъ Панчуковскій, доскакавши до осинової рощицы и выпрыгнувши изъ коляски.

— Спасибо, Владиміръ Алексѣичъ! отвѣчалъ тотъ, протягивая впотъмахъ Панчуковскому толстую теплую руку и лова его за плечи. — Позвольте васъ обнять! Эта роща, это осинки останутся у меня навсегда памяты...

Похищенная колонистка сидѣла молча, тяжело дышала и не поднимала отъ колѣней лица. Она была связана возжами.

— На заводъ! крикнулъ кучеру Шутовкинъ: — благодарю еще разъ, полковникъ. Я у васъ въ долгу. Пошолъ!

— Будьте счастливы!

Тройка Шутовкина выбралась снова изъ лоцинки въ гору, отъ условеннаго мѣста свиданія, отъ осинокъ, и поскокала по пути къ салотопенному заводу Мосея Ильича, бывшаго отъ его собственнаго, незаселеннаго помѣстья верстахъ въ пятнадцать. Тамъ Шутовкинъ предстояло, среди уединеннаго, почти пустаго лѣтомъ хутора, какъ новому рыцарю Теобальду, склонить или несклонить на свою сторону сердце имъ похищенной новой Элеоноры.

Панчуковскій между тѣмъ стоялъ впотъмахъ, въ раздумьи, у осинокъ. — «Завтра надо ѣхать на торги! мыслялъ онъ: — все хлопоты и хлопоты. А счастье все какъ-будто за горами. Гдѣ же оно? Гдѣ? Что, какъ бы теперь же и мою?..» И духъ у него замеръ. Онъ прошелся раза два у коляски. Вѣрный Самусь управлялъ лошадей. Чужая удача охмѣлила полковника.

— Самусь!

— Чего угодно?

— Абдулки еще неслышно?

— Никакъ нѣтъ-съ...

— А скоро будетъ сюда, какъ думаешь?

— Должно-статься скоро.

Панчуковскій сталъ вслушиваться. «Да или нѣтъ»? думалъ онъ съ тревогой въ сердцѣ, вдыхая нѣжный запахъ хлѣбовъ и травъ и тихо похаживая возлѣ коляски. «Ѣхать ли на торги, или и мнѣ порѣшить теперь же, въ эту ночь, съ моею красавицей, задуманное, желанное, — небывалое еще и неиспытанное мною?.. Нѣтъ, это уже будетъ слишкомъ дерзко! я-то уже никакъ не уйду

отъ преслѣдованія. Меня узнають, отыщутъ ее... А чудная, чудная дѣвушка! Нѣтъ, нѣтъ... Ёду на торги отсюда же, прямо ёду... Въдь сорокъ верстъ... — Самусь! сказалъ онъ и не успѣлъ услышать отвѣта, какъ со стороны осинокъ изъ-за косогора послышался еще отдаленный, а потомъ близкій топотъ лошади, бѣжавшей вскачь.

— Абдуль-съ Албазычь! сказалъ Самуйликъ: — это онъ-съ...

Панчуковскій выждалъ, встрѣтилъ Абдулку, сѣлъ наземь, велѣлъ къ себѣ ближе подойти Абдулкѣ и Самуйлику и сказалъ:

— Такъ какъ же, ребята? А нашему дѣлу развѣ пропадать, а?

— Нашему-то? спросилъ Абдулка, стирая съ лица потъ.

— Да.

— Ну, нашему и подавно, ваше высокоблагородіе, не слѣдствуетъ пропасть! Полагать должно, что и намъ не приходится зѣвать.

Полковникъ досталъ изъ коляски припасенную флягу водки, далъ кучеру и слугѣ по стакану, далъ имъ закусить изъ собственнаго склада, выпилъ самъ и закурилъ сигару.

Лошадямъ дали вздохнуть, понаесли ихъ съ часъ по травѣ. Полковникъ легъ на разостланномъ коврикѣ и думалъ: «Вотъ край! вотъ мѣста, эта Новороссія! рассказать бы о нихъ нашимъ питерскимъ! О, какое раздолье во всемъ! Что за почъ, какіе чудные и таинственные романы она здѣсь покрываетъ!»

Панчуковскій велѣлъ готовиться въ путь. Лошадей опять запрягли. Онъ сѣлъ въ коляску, а Абдулка поѣхалъ за нимъ верхомъ. Всю дорогу говорили они шопотомъ, ѣхали шагомъ.

Ночь между тѣмъ будто еще болѣе стемнѣла. Въ первый разъ уже прокричали пѣтухи. Мѣсяцъ въ то время показывался только передъ самымъ утромъ. На дворѣ отца Павладія все было спокойно. Тетка Горпина крѣпко спала въ сѣняхъ кухни, оглашая ихъ изрѣдка храпомъ. Оксана нарочно положила ее спать на порогѣ, у выхода изъ сѣней на крыльцо, а дитя Горпины положила въ кухнѣ. Самой Оксанѣ долго не спалось, какъ она ни мостилась для этого. Ужъ она передумала съ полкороба и о Харькѣ, и о томъ, что онъ обѣщался явиться вскорѣ послѣ троицына дня. Перекидывала она въ:

мысляхъ картины ожидаемой свадьбы своей : какъ она одѣнется, какъ пойдетъ въ церковь, какъ на нее люди будутъ смотрѣть ; а ей жутко, и весело, и страшно. «Что, какъ бы Левенчукъ пришолъ въ эту самую ночь?...» неожиданно подумала она : «вотъ бы до смерти обрадовалъ ; и эти страхи прошли бы сейчасъ ! Да что я въ самомъ дѣлѣ ; какая-таки я дура ! Гдѣ ему теперь шиться по ночамъ ; онъ на неводахъ...»

Оксана съ этою мыслью повернулась къ стѣнѣ , сжала глаза и рѣшилась окончательно заснуть , какъ въ снѣгахъ скрипнула половица . «То вѣрно тетка Горпина проснулась и ищетъ воды съ помѣльемъ напиться !» рѣшила она . Шаги опять раздалися , уже подъ окномъ , и послѣ кто-то взялся за ручку двери , подумавъ , что она вѣрно заперта снутри, и затихъ...

«Левенчукъ!» мысленно рѣшила Оксана и быстро въ восторгѣ вскочила съ постели . Ей стало вмѣстѣ и страшно и радостно . Ознобъ пробѣжалъ по ея спинѣ . Дыханье замерло . Она въ одной рубашкѣ подбѣжала къ окну ; какъ ни темно еще было на дворѣ , но въ сумеркахъ ей показалось , что какія-то двѣ тѣни прошли по двору . Мысль о возвращеніи дьячка и отца Павладія , а потомъ вдругъ о ворахъ мигомъ блеснула въ ея головѣ . Какъ была раздѣтая , она кинулась за печь , постояла , вся дрожа отъ испуга , а потомъ стала наскоро одѣваться . «Что, какъ придуть и зажгутъ огонь , а она раздѣтая ! И кто бы это былъ ? Какъ спокойно ходить по двору ! Вѣрно батюшка ; да сердитый прѣхалъ ! Достанется и мнѣ теперь !» Наскоро накинула она юнку , стала повязывать вокругъ головы косы и въ ужасѣ ахнула . Дверь быстро отворилась и съ зажженою восковою свѣчю въ кухню вошли блѣдный и взволнованный Панчуковскій и сіяющій Абдулка . Оксана сразу не успѣла сознать всей опасности своего положенія ; но въ первый же мигъ узнала и свѣчу , взятую у кивота въ комнатахъ отца Павладія , и вспомнила , что даже спички тамъ на столикѣ всегда лежали . «А гдѣ же тетка Горпина?» подумала она , глупо запахивая рубаху и прижавшись за притолокъ печи . Но свѣчу вошедшіе сейчасъ задули , едва окинувши глазами кухню .

— Чего вамъ ? тихо спросила Оксана изъ-за угла печи , не зная въ лицо пришедшихъ и слыша , что они къ ней идутъ .

Ее мигомъ впотьмахъ схватили двѣ крѣпкія руки и стали вязать . Она крикнула сперва : «Тетка ! тетка Горпина !» силясь отбиться ; но вслѣдъ затѣмъ крикнула громче , по мѣстному обычаю : «Кто въ Бога вѣруеть , ратуйте !» Недолго съ нею боролись полков-

никъ и Абдулка. Они завязали ей ротъ , стянули возжою ей ноги и руки и бережно , тихо перешагнувши чрезъ тетку Горпину , понесли ее дворомъ черезъ плетень , и церковною оградою и ложиной оврага вышли къ пруду и къ рощѣ. « Это удивительно ! » думалъ Панчуковский , неся Оксану и передавая ее Самуилу : « какъ спокойно и безпрепятственно унесли мы эту драгоценность отца Павладія ! И арбузовъ по ночамъ съ бакши такъ счастливо не воруютъ тутъ ребятишки ! » — « Вотъ же вамъ , ребята , пока по червонцу ; а доставимъ до мѣста , будетъ еще по два ! » сказалъ полковникъ , уложивши въ коляску Оксану , и самъ сталъ моститься къ ней. Вопреки Шутовкину , дрожавшему при покражѣ своей красавицы , полковникъ былъ совершенно спокоенъ .

— А старуху , ваше высокоблагородіе , ослобонить ? спросилъ Абдулка .

— Развяжи ее , освободи !

Абдулка сбѣгалъ обратно во дворъ отца Павладія , обошелъ снова всѣ комнаты священника , поставилъ на мѣсто къ кивоту свѣчу , заперъ всѣ двери , снялъ веревку съ ногъ и съ рукъ тетки Горпины , нечувствовавшей между тѣмъ съ похмѣлья ничего бывшаго въ ту ночь съ нею , перешагнулъ опять чрезъ нее и снова побѣжалъ къ коляскѣ .

— Что ты такъ долго былъ тамъ ?

— Жаль было веревки ; это , ваше высокоблагородіе , на нее съ новыхъ постромокъ захватилъ !

Коляска , подхваченная быстрою четвернею , понеслась легче вѣтра . Теперь обычай полковника ѣздить не иначе какъ вскачь , особенно пригодился .

— А мнѣ куда ? спросилъ провожая барина Абдулка .

— Ты ступай домой . Да смотри , молчи обо всемъ !

— Слушаю—съ , будьте спокойны .

Исторія вышла громкая , но ея драма завершилась еще неожиданнымъ отступленіемъ . Толпа подпившихъ у раKITника парней погналась по слуху за колокольчиками , отбивать похищенную колонистку . На дальнемъ перекресткѣ у мостка , надъ дрянною мочажинкою , поросшею вербами , парни наскочили на какого-то верхового . Крики : « бей , бей ! души ихъ , лови ! » его испугали . Онъ притихъ на сѣдлѣ и вздумалъ было ускакать въ сторону , отъ мостка къ вербамъ . « А , сюда ! вонъ онъ ! держи его ! » заорала толпа и пойманный ею верховой былъ стащенъ съ лошади .

«Кто ты? гдѣ она? гдѣ вы ее дѣвали?» горланили парни. Почтеннѣйшій другъ Вебера, арендаторъ Адамъ Адамычъ Шваберъ (это былъ, онъ) трухнулъ, ненашутку. Онъ ѣхалъ также съ тайнаго свиданья, отъ одной модочанской вдовы изъ раскольниковъ, бережно хранимой имъ отъ своей супруги и отъ всѣхъ, и теперь испугался, вдвойнѣ и того, что его окружила толпа пьяныхъ, и того, что могли открыть его похождения. Онъ сталъ было запиратъся, что ничего не знаетъ и не видѣлъ.

— Да что его слушать! Бей его! Розогъ сюда, розогъ! гаркнула пьяная толпа. Съ почтеннаго отца семейства стащили зеленую куртку, сбили съ него шляпу, положили его на траву и всыпали ему сотню вербовыхъ, да такихъ, что лучше бы и не вспоминать этого.

— Ну, теперь, дядюшка, ступай и не поминай насъ дихомъ! Можетъ и не ты, а все-таки подѣломъ!

Измученный, огорченный и до смерти напуганный Шваберъ остался одинъ, одѣлся, съ трудомъ снова взлѣзъ на коня, едва добрался до своего домика, охая вошелъ въ комнаты и легъ спать въ кабинетъ вмѣсто спальни. До утра онъ проплакалъ и мысленно ругался на всѣ лады. Но событіе той ночи онъ положилъ скрыть отъ всѣхъ и скрылъ, какъ серьезный и честный нѣмецъ.

Купецъ Шутовкинъ, помѣстивши свою дульцинею на салотопенномъ заводѣ, въ пустой хатѣ, подъ стражей двухъ вѣрныхъ слугъ, дотога забылся въ своемъ счастьи, что несмотря на дѣтей, сталъ къ ней ѣздить явно, среди бѣла дня, проводя у ней цѣлыя сутки и дрожа надъ ея бѣлымъ, молодымъ тѣломъ, какъ ревнивый турокъ. Онъ забылъ и дѣтей своихъ, и пересуды всего околотка. Скандаль вышелъ въ окружности общій, небывалый. Всѣ костили грязнаго сластолюбца на чемъ свѣтъ стоялъ. Процѣживали сквозь сотни ситъ каждую вѣсточку о его переѣздахъ къ ней, о томъ, какъ черезъ какой-то неглубокій ручеекъ онъ по ночамъ пробирался къ своей красавицѣ, несмотря на собственную тучность, на особоустроенныхъ ходуляхъ; какія ей давалъ имена, какъ вель себя у нея. Это все уже мигомъ узнали пытливые умы. Только, какъ обо всемъ обычномъ, объ этомъ также говорили недолго. Прошла молва, что болгаре той колоніи, откуда была эта дѣвушка, ходили

жаловаться въ станъ, а потомъ въ судъ; ходили и къ самому купцу, но кошелькъ точно произвелъ свое : уgomонился и становой, и судъ, и грозные обрусѣлые болгаре, и сама похищенная. Черезъ три недѣли она свободно усѣлась въ фургонъ Мосея Ильича и открыто перѣѣхала къ нему въ домъ, на новое диво всѣхъ новороссійскихъ его сосѣдей, дѣтей и ихъ учителя, студента Михайлова.

Зато съ Оксаной была другая исторія. Оксана какъ въ воду канула. Прискакали на другой день безъ памяти отецъ Павладій и дьячекъ ; они все узнали еще дорогою и накинудись на дьячиуху.

— Гдѣ Оксана ?

— Не знаю ; такъ и такъ попритчилось !

Дьячекъ схватилъ старую Горшину за сѣдые косы и сталъ бить ее и мотать по хатѣ. Священникъ обезумѣлъ отъ горя.

— Чтожъ дѣлать ! Бейте не бейте , а я не знаю ; пропала моя душа ! стонала подъ жестокими ударами дьячка Горшина.

— Да гдѣ же ты была , подлець-баба ? гдѣ была ? допытывалъ дьячекъ.

— Чтоже ! напоили люди , солдаты какіе-то у пруда... Я была съ нею тамъ, а послѣ заснула въ сѣняхъ, а тутъ и попритчилось.

— А ! солдаты ? у пруда ! Иди-же сюда... Дьякъ заперъ жену въ чуланъ, пыталъ, но ничего не открывалъ. Не могъ ничего открыть и отецъ Павладій.

— Ту, положимъ, укралъ купецъ ; а эту ? Панчуковскій ? Такъ нѣтъ же ; онъ еще съ утра уѣхалъ за Донъ...

Такъ думалъ священникъ.

И точно, самого Панчуковского во время пропажи Оксаны дома не было. Это знали всѣ. Черезъ три дня онъ воротился изъ-подъ Ростова, гдѣ его видѣли всѣ, какъ онъ тамъ былъ и спокойно торговался о степи. Шульцвейнъ уступилъ. Панчуковскій надбавилъ большую цѣну и взялъ у владѣльцевъ степь себѣ.

Куда же помчалась коляска полковника, въ концѣ ночи, огласившей тихіе и уединенные берега Мертвой двумя похищеніями ? Очень просто: Панчуковскій увезъ свою плѣнницу на арендуемую имъ у одной донской помѣщицы землю, оставилъ ее тамъ подъ надзоромъ Самуйлика, а самъ съ другимъ батракомъ, сторожившимъ его уединенную пустку (хижинку между двумя овчарскими загонами и чабанской хатой), поспѣшилъ на торги. Оксана была спрятана за перегородкой. Въ ожиданіи барина, услужливый Лепорелло предлагалъ ей ѣсть и пить ; но она упорно отъ всего отказалась и ничкомъ

на кровати пролежала до вечера. Подъ вечеръ полковника обратно примчала бойкая четверня. За повозкой ѣхалъ и знакомый фургонъ Шульцвейна; но его хозяинъ сидѣлъ въ коляскѣ съ Панчуковскимъ и съ нимъ вошелъ въ пустку, продолжая понѣмецки разговоръ и споръ о перебитой у него арендѣ. Оксана слышала все изъ-за перегородки и не рѣшалась отозваться. Она считала гостя за пріятеля своего похитителя и не знала, что этотъ самый гость первый ему когда-то сказалъ о ней и первый любовался воспитанницей отца Павладія. Посидѣлъ немного Шульцвейнъ, понюхалъ табачку, спросилъ еще разъ совздохомъ: «Такъ вы не отдадите мнѣ этой степи и за отступное?» Получилъ отказъ и взялся за шапку.

— Вы слышали, спросилъ колонистъ, выходя на крыльцо и продолжая рѣчь понѣмецки: — вы слышали, — тамъ на торгахъ, какъ вы уже ушли къ хозяевамъ, пріѣхалъ купчикъ съ Мертвой и привезъ извѣстіе — странное извѣстіе — о покражѣ сегоднишнею ночью двухъ дѣвушекъ, возлѣ рощи вашего сосѣда священника, и будто одна изъ похищенныхъ та самая воспитанница священника, о которой я вамъ когда-то, помните, говорилъ?

— Нѣтъ, не слышалъ! отвѣтилъ полковникъ, бережно запирая за собою двери.

— Жаль, сказалъ уѣзжая Шульцвейнъ: — такихъ господъ, — это навѣрное наши помѣщики, либо офицеры-горожане, — ихъ-бы давно пора остановить... Это скверно, подло! Прощайте! Напишите мнѣ кто это?

— Прощайте! Съ удовольствіемъ ..

Колонистъ уѣхалъ. Панчуковскій отослалъ людей на овчарню, вышелъ, осмотрѣлъ кругомъ свою пустку, вошелъ туда обратно, заперъ за собою двери, постоялъ въ сѣняхъ и тихо ступилъ за перегородку. Оксана сидѣла опуствя голову на связанные руки...

Между тѣмъ пора, назначенная Левенчукомъ для послѣдняго выкупа Оксаны, давно прошла. Отецъ Павладій ходилъ по комнатѣ, залажа назадъ руки, выглядывалъ въ степь, подходилъ къ байраку, къ пруду: «Вотъ здѣсь она бѣлье мыла, тутъ часто шила, птицу стерегла. Ахъ подлець же, подлець Панчуковскій! что выкинулъ! Это онъ, онъ! больше никому. Звѣрь-кровопійца, и позвѣриному запропастилъ ее безъ слѣда!» — Такъ думалъ отецъ Павладій; и сердце

уже не машило его по обычаю пойти запереться въ спальнѣ, перебирать и считать депозитки новыхъ барышей. Зато же онъ насѣдалъ на литературу. По цѣлымъ днямъ читалъ новые московскіе и петербургскіе журналы, а на книгу «Сельское духовенство въ Россіи» сталъ даже разборъ писать, охая, сопя и незная, гдѣ лучше выбрать студеное мѣстечко въ домѣ для работы. А кругомъ наступала послѣдняя знойная, душная пора уборки хлѣбовъ...

Разъ привезъ попу дьячекъ изъ города почту. Онъ кинулся прежде на газеты, единственную роскошь своего пустынного и глухого степенного быта.

— Боже, опять публикація о бѣглыхъ! Экъ ихъ сколько! Когда-то этому конецъ будетъ?

И онъ сталъ читать, наскоро разрывая пакеты херсонскихъ, таврическихъ, донскихъ и прочихъ мѣстныхъ вѣдомостей.

— Послушай, Фендриховъ, говорилъ онъ дьячку, степенно стоявшему у дверей: — вотъ что пишутъ. Дай-ка платокъ носовой... да трубочку набей... за табакомъ надо съѣздить... Слушай: вонъ въ таврическихъ пишутъ: «Оное же правленіе извѣщаетъ, бѣжалъ въ третій разъ, четыре года назадъ, макарславской губерніи, южнобайрацкаго уѣзда, дворовый человекъ номѣщика Студныченка, Василій Милороденко, онъ-же по прозвищамъ въ бѣгахъ: Александръ Дамскій и Аксѣнъ Шкатулкинъ. Бѣжалъ онъ, обвиняемый въ сообществѣ съ нахичеванскими армянами, дѣлавшими фальшивыя асигнаціи, и въ подбѣлкѣ для придонскихъ пристаней, бѣглымъ же людямъ всякаго званія, пачпортовъ. Примѣты ему: носъ, ротъ, подбородокъ и уши умѣренные, глаза каріе, волосы и усы темно-русые. Особыхъ примѣтъ не имѣется. Говоритъ хорошо порусски; веселаго нрава, вѣжливъ, и выдаетъ себя иногда за человека высшаго круга; болѣе занимается въ лакеи и въ приказчики, а въ часы загула ходитъ по шинкамъ и сборищамъ, съ бубномъ, играя на немъ за деньги. Почему оное правленіе, ведя дѣло о пачтортахъ и фальшивыхъ асигнаціяхъ, нашедшему или указавшему его обѣщаетъ дать приличное вознагражденіе и покорнѣйше проситъ всѣ подлежащія присутственныя мѣста не оставить...» и проч.

— А, Фендриховъ! слышишь?

— Слышу-съ, ваше преподобіе! Подлю-съ.

— Вѣдь это тотъ самый Милороденко, другъ Левенчука, что и у насъ на подцерковной два года назадъ косилъ? Какъ ты думаешь?

— Тотъ-съ; я его еще съ двора прогналъ тогда; къ нашей Оксанѣ еще, безобразный человѣкъ, тогда подбирался, ваше преподобіе...

— Эхъ Оксана, Оксана!.. Да ты слышишь — фальшивыя асигнаціи дѣлалъ и пачпорты... А это вѣдь каторгой пахнетъ! А кажется и хорошій человѣкъ. Повторяю тебѣ, Левенчукъ ему еще и пріятель; онъ сказывалъ, что этотъ Милороденко на дворянкѣ будто былъ гдѣ-то женатъ... Да гдѣ-то, Фендриховъ, и Левенчукъ теперь? Дьячекъ вздохнулъ.

— Да-съ, срокъ-съ подходит! на дняхъ, полагать должно, онъ вынырнетъ гдѣ-нибудь, Оксану потребуетъ, либо деньги, выкупъ назадъ!

— Что деньги! Не въ деньгахъ дѣло! не ихъ, братецъ ты мой, жаль! Жаль парня; хорошій человѣкъ! Вѣдь голову потеряетъ, руки на себя наложить; узналъ ужъ я его, что за человѣкъ! Какъ онъ надежды эти строилъ — поселиться за Кубанью или въ Бессарабіи хотѣлъ; а ужъ Оксану-то любилъ онъ, любилъ... Подло, Фендриховъ, Панчуковскій поступилъ! Не убоился таганрогской исторіи!

— Подло-съ; распренодѣющій и развратный человѣкъ, и только-съ. Сказано, смердъ собачій, а не людъ божій! Я бы ему голодному въ голодь, али прозябшему въ морозъ, въ метель — хлѣба, мѣста теплаго не далъ: я бы ему больному...

Въ это время въ сѣняхъ скригнули двери. Дьячекъ настрочилъ уши, шмыгнулъ туда, посмотрѣлъ, вошелъ въ сѣни, поговорилъ съ кѣмъ-то и явился въ комнату смущенный.

— Ваше преподобіе! тамъ отъ этого самаго Панчуковского-съ, отъ полковника пріѣхали! — И такова сила богатаго человѣка въ свѣтъ: какъ ни бранили полковника эти люди, а появился простой посланный отъ него, и они потерялись.

Отецъ Павладій засуетился, оправился, даже прежде надѣлъ подрясникъ и вышелъ къ пріѣхавшему. Сначала онъ смѣшался, увидя, что это лакей.

— Что тебѣ, любезный? спросилъ радушно отецъ Павладій, не поднимая глазъ на посланнаго.

— Полковникъ прислали просить газетъ, что вы получаете, — на день только: говорятъ, отъ скуки почитать! отвѣтилъ Абдулка. (Это былъ онъ.)

Священникъ задумался.

— «Странно! подумалъ онъ: до сихъ поръ ниразу не просилъ; или онъ прикидывается, чтобъ показать, что совѣсть чиста, или въ самомъ дѣлѣ не онъ укралъ Оксану. — Такъ гдѣ же она и кто ее укралъ?...

Онъ вынулъ платокъ, самъ незная для чего, повертѣлъ его, высморкался.

— Такъ ты говоришь, что ему газеты?

— Точно такъ-съ.

Отвѣчая это, Абдулка бойко поглядывалъ по сторонамъ, какбы обнюхивая, въ какомъ положеніи находятся стѣны здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ онъ тутъ свободно ходилъ и ставилъ обратно свѣчку.

Священникъ вертѣлъ въ рукахъ платокъ.

— Это ему читать?...

— Читать-съ.

— Стало онъ дома? Это скучаетъ онъ значить?

— Дома-съ.

— Онъ что дѣлаетъ?

— Извѣстное дѣло, баринъ! Больше нишуть-съ, лежатъ на диванѣ, или приказы отдають; либо курятъ... У насъ тоже гости бывають...

— Кто же?

— Господа Небольцовы, нѣмецъ Шульцвейнъ опять насчетъ степи наѣзжалъ...

— А онъ ѣздитъ куда?

— Какъ не ѣздить! Въ поле ѣздить на работу; такъ куда-нибудь, въ гости...

Священникъ обратился къ дьячку, у котораго ротъ, съ пріѣздомъ Абдулки, какъ открылся, такъ и остался.

— Газеты, Фендриховъ, на столѣ лежатъ?

— На столѣ.

— Всѣ тамъ лежатъ?

— Всѣ.

— Ну, такъ ты ему это дай; а ты, видишь-ли, любезный, полковнику кланяйся и скажи ему отъ меня... слышишь? отъ меня скажи: очень радъ, да чтобъ только листочковъ тамъ не помяли.

— Будьте покойны-съ.

— А косари почему? нежданно и уже безъ всякой причиныбрякнулъ старикъ

— По трехрублевику—съ въ день и по три порціи.

— Ай, батюшки! вотъ ломають! Ну, да я и по трехрублевику не достану; гдѣ намъ!

Посланный уѣхалъ. Священникъ вошелъ въ комнату, сталъ передъ дьячкомъ, отеръ крупный потъ съ лица и разставилъ руки, а потомъ ударилъ себя по лбу: «Вотъ опростоволосился! И чего я такъ его почтилъ? Что, братъ Фендриховъ, а? Каковъ тузище?..»

Дьячекъ махнулъ рукой и зарычалъ:

— Голодному ли, въ морозъ ли, больному ли, а я бы ему отказалъ! Развратникъ, антихристъ! это онъ, другому некому; я уже знаю! Экъ, анафема! И еще за газетами къ намъ-же... Тьфу! и страму имъ нѣтъ!

Газеты полковнику отвезены; но онъ ихъ бросилъ нечитавши и слѣдовательно неимѣвши случая узнать, кого разыскиваютъ изъ новыхъ бѣглыхъ, за чѣмъ онъ прежде всегда слѣдилъ, между прочимъ. Когда священникъ получилъ обратно газеты, онъ замѣтилъ, что полковникъ ихъ вовсе не читалъ. Онѣ были въ одномъ положеніи, какъ сложилъ онъ ихъ, отправляя.

— Странно, подумалъ священникъ:—такъ и есть, онъ ихъ бралъ чтобъ только видъ показать, что его совѣсть противъ меня чиста. Но съ бѣглыми какъ-бы онъ теперь не попался...

VIII

ПШЕНИЦА

Но между тѣмъ какъ Мосей Ильичъ Шutowкинъ, поруча своихъ дѣтей Михайлову, съ незапамятнымъ порывомъ отдался позннимъ опытамъ любви и плотоядно увеселялся въ компаніи своей красавицы, а Михайловъ, предоставляя малымъ птенцамъ клевать не одни зерна науки, но и всякія другія зерна, благодушно аферировалъ съ мелкими окрестными торгашами, — въ это время буквально никто положительно въ околоткѣ не зналъ, куда дѣлась вторая красавица. Таковы уже степи. Ктѣ укралъ, догадывались сначала темногіе; но потомъ и эти бросили свои догадки и почти перестали вовсе судить о нихъ. Да и не къ тому повернулись въ ту пору общіе толки и мысли. Въ это время подходила жатва пшеницы; пшеница начинала уже осыпаться, всѣ хватались за серпы и косы, а между тѣмъ носились тревожные слухи

о саранчѣ, что будто гдѣ-то, нето съ Дону, нето изъ Крыма. она летѣла и близилась. Съ трепетомъ поглядывалъ на свой громадный рисковый тысячадесятинный посѣвъ пшеницы Панчуковскій. Онъ частенько показывался на балконѣ верхняго яруса своего дома и, куря душистую кабанасъ или фуэнтѣсъ, всматривался на далеко-волнующіяся сухимъ шорохомъ хлѣбныя нивы.

— Почемъ у васъ въ конторѣ объявлена цѣна за сѣмку десятины пшеницы? подобострастно спрашивали полковника мелкіе сосѣди его изъ небогатыхъ дворянчиковъ.

— Дорого-съ, говорилъ, надменно подшучивая, новороссійскій янки: — по девяти цѣлковыхъ за десятину, скосить только и сложить въ копны! Осточертѣла мнѣ эта пшеница совсѣмъ своими анафемскими расходами...

— А! по девяти цѣлковыхъ за одно это? вотъ сказать бы это въ Питерѣ!

Сосѣди ухмылялись улыбочками голодныхъ собакъ, но втайнѣ трепетали, что и имъ надо будетъ тоже платить.

Но гдѣ же Оксана? Куда запряталъ ее Панчуковскій, съ той поры какъ ее завезъ было на свой хуторъ, подъ Ростовомъ? Никто этого не зналъ и не вѣдалъ.

Знали сосѣди, что точно полковникъ ѣздилъ въ день пропажи Оксаны на торги, былъ тамъ съ Шульцвейномъ и черезъ три дня воротился. Сталъ онъ потомъ ѣздить всюду попржнему, разговорчивый, степенный, веселый и вмѣстѣ серьезный, плѣняя всѣхъ своимъ нарядомъ, обращеніемъ, прической и даже щегольскими ногтями. Глянетъ по отѣздѣ его на свои лапищи и на навозоподобные ногти какой-нибудь Веберъ или Шваберъ, или сосѣдь-плантаторъ изъ русскихъ же, разсмѣется и плюнетъ на полъ, неметеный уже двѣ недѣли, по поводу полевыхъ работъ...

— И когда у этихъ господъ, замѣчаетъ иной изъ нихъ, — времени стаеть еще на такое продовольствіе ручекъ и ногтей! Тутъ некогда иной разъ головы вычесать, бороды побрить; рубаху одну по недѣлямъ въ степи таскаешь, такъ что послѣ жена и въ спальню къ себѣ не подпускаеть! А онъ?! Это непостижимо! и дѣла какъ-будто илутъ еще лучше нашего! Вонъ и Шульцвейна. говорятъ, осилилъ... непостижимо!

— Сказать бы опять, что полковникъ, еслибы похитилъ точно дѣвушку, — думали иногда сосѣди, — то ворота бы затворялъ въ

свое жилище; а то нѣтъ : всякій входитъ туда и выходитъ оттуда свободно!

Стѣны дѣйствительно были высоко выведены; не взлѣзешь безъ порядочной лѣстницы на нихъ ни снутри, ни снаружи. На воротахъ висѣли огромные замки. Снутри они еще запирались прежде на ночь на желѣзные засовы, а теперь стояли постоянно настежь. Въ кухонный флигель, единственное зданіе, кромѣ конюшни, внутри главнаго двора (остальныя зданія, рабочія, кузница, овчарни, скотскіе сараи и токъ были за дворомъ, въ полуверстѣ) также всѣмъ позволялось входить. Въ самомъ домѣ наконецъ, внизу и вверху, окна были какъ всегда, незакрыты ставнями. Въ нижнихъ окнахъ, подъ полуопущенными бѣлыми жалюзи, отороченными алыми фестонами, часто показывалась красивая русая голова владѣльца. Слуга, поваръ, кучеръ и приказчики отдѣльныхъ частей, являясь изъ кухни и изъ задворныхъ строеній, такъ же свободно входили въ домъ за приказаніями и по дѣламъ домашняго обихода. Однажды, только въ это время полковника сильно огорчили нѣкоторымъ громовымъ извѣстіемъ. На степь, перебитую имъ для своихъ овечьихъ стадъ у Шульцвейна на торгахъ, налетѣла съ Кубани саранча и въ два дня съѣла всѣ камыши и травы... «Оборвалось! — сказалъ Панчуковскій: — ну, да зато же нѣмца въ пыль стопталъ!» И стада, вышедшія было изъ его хуторовъ на новыя приволья, возвратились снова назадъ. Зато домашнее счастье выкунало теперь всякія потери: да и ожидался сборъ съ баснословнаго въ краѣ посѣва пшеницы. «Сто тысячъ дохода за-глаза! думалъ полковникъ: — за-глаза!» Часто подъ-вечеръ, высунувшись изъ окна кабинета въ тѣнь на воздухъ, когда солнце уже переваливалось за другую часть красиваго двухъ-этажнаго дома, кидалъ онъ на дворъ просо и кормилъ изъ своихъ рукъ голландокъ, кохинхинокъ, хохлатыхъ разнородныхъ куръ собственнаго завода, или сманивалъ къ крыльцу, швыряя гарниемъ крупы, цѣлыя стаи голубей, водившихся на крышѣ также каменной конюшни. Голуби кружились, садились по двору стадами, или насытившись у крылечка, вились надъ большими тополями, осѣнявшими домъ до верхушекъ оконъ второго этажа, полузакрытаго ими. Ходила возлѣ куръ и голубей, ухмыляясь въ счастья и въ гордости хозяйки, одна подслѣповатая батрачка, шестидесятилѣтняя добродушная корга, Домѣха, также изъ бѣглыхъ. Въ бѣгахъ она пребывала уже болѣе сорока лѣтъ, мыкалась во многихъ мѣстахъ и рада была, что сперва пристроилась въ

Новой-Диканькѣ кухаркою нанятыхъ рабочихъ, потомъ коровницей и наконецъ птичницей. Домаха была совершенно съдая и даже съ съдыми, кустоватыми бровями, отмѣнно шедшими къ ея темно-оливковому, южному морщинистому лицу. Она постоянно гдѣ-нибудь смиренно кончалась, отличалась мягкостью нрава и голоса, исполняла молча все что ей давали, замѣняла и огородницу, и водоноса, и дворника, и даже дворовую собаку. Хотя теперь у полковника во дворѣ, въ отличныхъ деревянныхъ конуркахъ, содержались на цѣпи два злѣйшихъ цербера, но полковникъ, поглядывая иногда на нихъ и на Домаху, шутливо думалъ: «Нельзя ли уволить и собакъ, и ихъ должность также поручить Домахѣ? Она вѣрно и лаяла бы съ усердіемъ по ночамъ!»

Итакъ слѣдовъ пребыванія Оксаны у Панчуковского не оказывалось.

— У! проклятое бурлачье! оно горой за него стоит! говорили мелкіе сосѣди, изрѣдка еще толкуя о лихой дворнѣ полковника: — Точно вертепъ Синей Бороды! Что попадетъ туда, пиши пропало; какъ въ воду канеть. То пробавлялся захожими по волѣ красавицами, изъ окольныхъ, а тутъ уже, какъ черкесь, воровать живьемъ сталъ... Шутовкинъ тоже укралъ, да не прячется; а этотъ еще хитритъ!

Являлись даже нарочитые соглядатаи къ полковнику. Пріѣзжалъ между прочимъ братъ Небольцевъ, естественная дрянь, сплетникъ, слабохарактерный, подслѣповатый игрокъ и гаденькій мотъ, въ домахъ какъ въ паутиѣ, съ цѣлью будтобы купить браковыхъ овецъ у полковника, а собственно поглазѣть и понюхать, не спрятана ли гдѣ-нибудь въ Новой-Диканькѣ похищенная воспитанница отца Павладія? Его приняли отмѣнно сухо, но вѣжливо, и онъ уѣхалъ, ничего неоткрывши. Являлись въ Новую-Диканьку, будто мимоѣздомъ, изъ Святодухова-Кута и дьячекъ, и самъ отецъ Павладій. Даже губернаторъ, говорятъ, прислалъ полковнику при энергической нотѣ, для свѣдѣнія и отвѣта, безыменный доносъ о передержательствѣ бѣглыхъ крестьянокъ и «неизвѣстно куда пропавшей воспитанницы священника Павладія Поморцева». Панчуковскій мастеръ былъ отписываться; отвѣтилъ губернатору такъ же рѣзко и умно, а вмѣстѣ съ тѣмъ частно послалъ исправнику три ящика отличныхъ дорогихъ сигаръ. Но не могъ полковникъ не обидѣться на выходки сосѣдей изъ болѣе порядочнаго круга.

— Господа, довольно! говорилъ онъ въ одной компаніи, играя

въ банкъ третьи сутки: — всякая шутка должна имѣть свой конецъ. Я прошу васъ больше не упоминать при мнѣ объ этой исторіи. Она обижаетъ и меня, и мой чинъ, и мое положеніе въ свѣтѣ. Я вышелъ уже изъ поры дожиннаго волокитства .. Я, господа, не черкесь и не юнкеръ, а Владиміръ Алексѣичъ Панчуковскій!

Еслибы кто захотѣлъ однакоже подлинно узнать о судьбѣ Оксаны, тому стоило только обратиться съ вопросами къ старому «чабану» на арендномъ хуторѣ полковника. Въ день, когда Панчуковскій, проводивши послѣ торговъ съ хутора колониста, вошелъ за перегородку своей пустки, чабанъ къ вечеру слышалъ невыразимые крики. Чей-то сперва сильный и громкій, потомъ тихій и слабый голосъ молилъ о пощадѣ...

Старый чабанъ, больной уже и дряхлый человекъ, а нѣкогда музыкантъ, вторая скрипка какого-то князя, изъ бѣглыхъ, собирався уже Богу молиться послѣ ужина и ложиться спать, какъ наконецъ обратилъ вниманіе на эти крики. Онъ вышелъ изъ своей хаты, постоялъ, послушалъ — и давно-замершее сердце съ силой застучало въ его груди. Онъ сходилъ къ овцамъ, воротился; крики стали смолкать. Кучеръ барина и другой батракъ, надѣленные по обѣщанію суммой на вынивку, весело ушли въ оврагъ съ квартою водки, привезенной съ торговъ. Старикъ стоялъ одинъ. «Не мнѣ видно старому забродчику, — подумалъ онъ, — не мнѣ одному не было счастья на свѣтѣ! То еще чья-то доля пропадаетъ, коли не пропала!» Сълъ, уронилъ съдую голову на колѣни и заплакалъ. А ночь была такъ же восхитительна и попрежнему чудные, таинственные, обворожительные шорохи носились въ воздухѣ окольныхъ стѣн...

Къ ночи крики и голоса въ пусткѣ смолкли. А на утро полковникъ вышелъ веселый, какъ-то богатырски-смѣлый, далъ ближайшей прислугѣ опять на могорычъ, Самуyliка оставилъ, а съ батракомъ уѣхалъ. Немного погодя наѣхалъ въ эту неотпѣтую глушь, четверней въ каретѣ, будто барина привезъ, одинъ Абдулка, побылъ тутъ часа съ три и къ вечеру выѣхалъ. Въ каретѣ окна были занавѣшены. Чабанъ это видѣлъ съ поля. «Не наше дѣло! — думалъ онъ: — не наше!» И тихо допасалъ свое стадо, тыкая пал-

кою въ траву и соображая и повторяя, по обычаю со скуки, счетъ прожитыхъ имъ горемычныхъ годовъ...

Полковникъ отлично устроился. Плѣнница его долго не смирялась; но потомъ, также какъ и все на свѣтѣ, смирилась. Кого не проберетъ желѣзный коготь неволи и заточенія! Ее помѣстили въ уединенной комнаткѣ дома Новой-Диканьки, на мезонинѣ. Разумѣется за нею ходила баба Домаха и какъ кормила собакъ на привязи и куръ по двору, съ такимъ же молчаливымъ добродушіемъ хлопотала она и возлѣ убивавшейся господской плѣнницы.

— Что ты, мое сердце, стонешь все? глянъ: вонъ тебѣ ленты новыя купили, кофту суконную, юпки пошили! Чего плакать? И! въ наши годы мы не то сносили! говорила иной разъ Домаха, взбираясь на вышку къ Оксанѣ.

— Душно, бабо, нельзя тутъ быть подъ этою крышею! Отъ желѣза паръ такой, духота, какъ въ банѣ, — и это съ утра до ночи, цѣлую ночь мечешься! Хоть бы посвѣжѣе...

— Такъ зачѣмъ же ты противишься, неласкова къ нему? Тебя и держутъ подъ замкомъ. А то пошла бы себѣ уточкою по свободѣ. Оксана отмалчивалась и только плакала.

— Да вы, бабо, хоть окошко мнѣ отворите...

— Слуховое? Другого нѣтъ...

— Да хоть слуховое, для воздуху.

— Эге! А какъ выскочишь, да сдуру еще расшибешься съ крыши? На то оно и забито у насъ желѣзомъ; тутъ прежде панская казна, сказываютъ, была. Около двери и сундукъ стоялъ.

— Куда мнѣ разбиваться и скакать съ крыши! Пронада теперь уже совсѣмъ моя голова; куда мнѣ идти! всѣ отъ меня откажутся; и то я была сирота, а теперь чѣмъ стала?

Домаха качала головой.

— Сердце мое, сердце! одумайся! На что оно-то, что ты говоришь! Панъ у насъ добрый; побудь съ нимъ годокъ-другой, онъ тебя въ золото одѣнетъ. Вонъ и я была молода, нашъ баринъ сперва меня было отличилъ, а тамъ и до дочекъ моихъ добрался. Такъ чтожь? Поплакала, да и замолчала! Сказано, переможетя...

— А зачѣмъ же вы, бабо, бѣжали, да уже столько лѣтъ тутъ мыкаетесь въ бурлакахъ, на чужбинѣ?

— Э! про то уже я знаю!.. Видишь, сердце, скажу я тебѣ пожалуй — я пана нашего любила и во всемъ ему была покорна; да пани наша старая меня допекла, какъ померъ онъ, — отъ нея я и бѣжала... Я и бѣжала, сердце!

— Бабо, бабо! жгите меня лучше на угольяхъ, ставьте на стекла битыя, только дайте мнѣ домой воротиться, — дайте тамъ съ горя моего помереть!

— Да ты же сирота, бѣглая, Оксана! куда тебѣ идти?

— Я про то уже знаю, бабо! Попросите барина, чтобъ пустилъ меня; будетъ уже мнѣ тутъ мучиться... будетъ!..

— Неможно, Оксано, неможно, и пустыя ты рѣчи говоришь! а когда хочешь, вотъ тебѣ нитки и иголки, шей себѣ рубашки; ишь какого холста баринъ купилъ! Голандскаго...

Домаха еще постояла, покачала головой и тихо ушла, недоумѣвая, какъ это, среди такой холи и роскоши, такая непокорность. Оксана плакала и, пока было свѣтло, принималась безъ всякаго сознанія шить что ей дѣвали. Она, ноя отъ тоски, думала о священникѣ, о привольной рощѣ, о ракитникѣ; дитя Горпины мысленно качала... А Левенчукъ?..

Передъ захожденіемъ солнца Домаха посла ей ужинать, всякихъ яствъ и питій вволю. Ничего не ѣла Оксана. — «Левенчукъ, Левенчукъ! гдѣ ты?» шептала она... Сумерки сгущались, мѣсяцъ вырѣзывался передъ слуховымъ окномъ, ступеньки по лѣстницѣ навѣрхъ скрипѣли подъ знакомыми шагами, и дверь въ вышку Оксаны отворялась... «Это онъ!» подумаетъ Оксана, задрожавши всемъ тѣломъ, и кинется въ уголь коморки. Какъ бы хотѣла она въ ту минуту ножъ въ рукахъ держать!..

Несмотря на темноту, легко однако отыскивается и ея уголь, и она сама. Глухая и пустынная окрестная степь и темная-темная ночь не слышатъ ничего, что дѣлается и кроется въ этомъ каменномъ домѣ, за эту высокую оградой.

Къ разсвѣту Владиміръ Алексѣичъ выходилъ опять на площадку лѣстницы, будилъ ногой спавшую у порога завѣтныхъ дверей вѣрную дуэнью Домаху, приказывалъ ей пуще глаза беречь плѣнницу, и сходилъ внизъ. Внизу же иногда его покорно ждали тѣже услужливые Лепоредло, Абдулка или Самуйликъ. «Ну, думаетъ Домаха: баринъ теперь остепенился; одну знаетъ!» А Владиміръ Алексѣичъ, нерѣдко въ туже ночь до утра, съ ними верхомъ скакалъ на другое свиданье, въ какой-нибудь уединенный казацкій или коло-

нистскій хуторъ , гдѣ ожидали его новыя , путемъ долгихъ исканій купленныя ласки чернобровой Кятри , Одѣрки или голубоокой и въ степяхъ нѣмецкой Каролинхенъ . Оксана не знала что и прибрать въ голову , когда онъ уходилъ отъ нея . Только сердце усиленно билось въ ея груди , какъ у перепела , неожиданно перемѣщеннаго съ привольныхъ дикихъ нивъ , изъ пахучихъ гречихъ или просъ , въ тѣсную плетеную клѣтку : сколько ни мечись , сколько ни стучай въ стѣти глупою , разбитою головою , не вырвешься , не порхнешь опять на вольную волю !

Были послѣдніе дни іюля .

День клонился къ вечеру . По полю , безъ оглядки и безъ дороги , спѣшилъ куда-то напрямикъ рослый , дюжій , загорѣлый и страшно запыленный наренъ , въ синемъ мѣщанскомъ жилетѣ , въ черной новой свиткѣ и въ стѣрой новой барашковой шапкѣ . Онъ изрѣдка останавливался у косарскихъ артелей , подходилъ , что-то порывисто спрашивалъ и поспѣшно уходилъ снова далѣе . При повороткѣ на Святодуховъ-Куть онъ было остановился , какбы въ раздумьи , идти ли туда , или взять въ сторону ? Пошолъ было мимо , но одумался , махнулъ рукой и своротилъ опять туда . Отецъ Павладій столкнулся съ нимъ у церковной ограды , идя зачѣмъ-то съ ключами въ церковь .

— Левенчукъ ! Откуда ?

— Я , батюшка . . .

Священникъ опомнился и болѣе не спрашивалъ . Онъ молча пошолъ обратно въ домъ . Левенчукъ пошолъ за нимъ .

— Ну , вижу я , началъ запыхавшись священникъ , стѣвши дома на крыльцѣ : — вижу , что ты , Харько , все знаешь !

— Знаю , батюшка !

— Гдѣ же ты это такъ долго былъ ?

— Боленъ былъ , на пристани ; чуть не умеръ .

— Да , ты похудѣлъ , похудѣлъ ! . .

Въ эти четыре долгихъ недѣли Левенчукъ точно похудѣлъ , но въ тоже время вазмужалъ , будто выросъ еще болѣе и загорѣвши и покраснѣвши отъ дороги , похорошѣлъ . Волосы скобкой , стриженные усы стали виднѣе . Молодецъ-молодцомъ .

— Что это въ котомкѣ у тебя ? Гдѣ это ты такъ принарядился ?

— Это подарки невѣстѣ и вамъ , батюшка ! Да и какъ было не на-

рядиться, дожидаясь такого дня? Работы было вдоволь на пристаняхъ; и выкупъ готовъ — да невѣста, должно статься, не готова, батюшка! А я-то и хатку уже себѣ сторговалъ на поморьи, тихимъ трудомъ замыслилъ жить съ нею...

Священникъ замоталъ головою, всхлипывая и смотря на Харьку, въ испугѣ и въ смущеніи.

— Убью, батюшка! сказалъ неожиданно Левенчукъ, ударивши котомкой оземь: — убью его, зарѣжу какъ собаку!

Глаза его сверкали. Лицо побѣлѣло. Онъ былъ очень красивъ.

— А потомъ что будетъ? спросилъ священникъ, самъ не зная, что отвѣчать на эту угрозу.

— Что вамъ, батюшка, каяться, какъ на духу? спросилъ въ свой чередъ Левенчукъ.

— Говори какъ на духу!

— Ну, я подожгу полковника, запалю его со всѣхъ концовъ, клуню, овчарню, все зажгу, убью его и на себя руки положу! вотъ что!

Священникъ прошолся по комнатѣ.

— Ахъ ты душегубъ, душегубъ, Харько!

— Я-то душегубъ? Нѣтъ, не я, а онъ! Да что мнѣ теперь, ну? Думалъ въ бѣгахъ счастье найду... И тутъ его прежде насъ, дураковъ, забрали! Дураки мы. Вотъ что, батюшка. Право дураки. Теперь я уже понялъ! Не то намъ слѣдуетъ дѣлать, — вотъ что!

Священникъ всталъ, взялъ за полу Левенчука, повелъ его въ спальню, разложилъ святой покровъ на столѣ, подъ образами, раскрывъ на немъ евангеліе и сказалъ:

— Беру съ тебя присягу, Харитонъ: поклянись мнѣ, что ничего того не сдѣлаешь, на что повернулся нечестивый твой языкъ! Клянись, Харько! Я этого не поущу!

— Не буду я клясться, батюшка! Не буду!

— Клянись, Харько, клянись скорѣе, дурацкая твоя душа, а то донесу! ейбогу донесу!

— Донесите, донесите! А мы на васъ надѣялись какъ на отца родного; вы же намъ несчастнымъ, бѣглымъ, совѣты давали, укрывали насъ, кормили и снабдеживали насъ...

— Я-то? ахъ ты глупецъ, дуракъ Харько! Когда я бѣглыхъ держалъ? Да нѣтъ, ты не уйдешь отъ меня! Клянись, Харько! ты не понимаешь что говоришь! Клянись! повторялъ священникъ Ле-

венчуку, указывая на святую книгу и самъ между тѣмъ трухнувши ненашутку: — давай присягу, а то свяжу тебя и донесу...

Левенчукъ подошолъ.

— Такъ слушайте же, батюшка: вотъ что будетъ теперь. Бѣжалъ я съ неводовъ отъ моря, какъ вѣсть о пропажѣ Оксаны дошла туда съ людьми! Повѣрите ли? всѣ жалѣли, какъ я бѣгомъ пошолъ оттуда. По пути, на перекресткахъ, на мостахъ у переправъ, всѣ жалѣли. Народъ зашумѣлъ, грозитъ, волнуется — такъ мнѣ ли терпѣть? Два дня я бѣжалъ, да вчера безъ души и уналъ въ какой-то дощичкѣ. Чабаны веберовскіе меня нашли, въ корчму перенесли. Меня оттирали, кровь бросилъ одинъ жидокъ... Вѣтъ рука моя еще перевязана; истомился я, а все-таки добѣжалъ до Ананьевки, а послѣ до Андрюховки. «Что, спрашиваю у людей: правда ли это?» — Правда, отвѣчаютъ, и всѣ жалѣютъ и тамъ, да на полковника указуютъ: «что! грѣха не хотимъ брать на душу, никому больше! Это уже какъ змѣй лютый, какъ волкъ; кто попадетъ, съѣстъ навѣрно!» Такъ-то, батюшка, говорятъ про него люди...

Священникъ смотрѣлъ на него исподлобья. Онъ его и жалѣлъ вмѣстѣ, и боялся.

— Такъ я уже, батюшка, вотъ теперь какъ надумалъ: пойду его просить; можетъ я его умолю, а можетъ неумолю, въ ногахъ валяться буду! Не дасть — не гнѣвайтесь, батюшка... зарокъ свой я порѣшу!..

Слезы бѣжали на подстриженные усы Харька.

Губы его тихо вздрагивали. Глаза тоскливо слѣдили за священникомъ. Священникъ передернулся, глянулъ въ окно, закрылъ книгу и сказалъ:

— Ну, коли такъ, такъ съ-богомъ; я надѣюсь, что полковникъ отдастъ тебѣ Оксану. Нѣтъ у меня тебѣ благословенія на злое дѣло; пожалѣй и меня, мои старые-то годы! А я самъ буду писать Панчуковскому... Авось онъ отдастъ Оксану. Да берегись только! Видишь вонъ, твоего же пріятеля Милороденка отыскивають; не уцѣлѣтъ ему, — въ каторгу сошлютъ, проклеймятъ, а все за его продѣлки! Вонъ и примѣты его уже опубликованы... Такъ и съ тобой-то будетъ; берегись!

Священникъ сѣлъ, надѣлъ очки, съ трудомъ написалъ письмо, открылъ сундукъ, досталъ оттуда деньги, и замѣтя, что въ комнатѣ стояли уже въ слезахъ дьячекъ и старая дьячиха, сказалъ:

— Вотъ тебѣ, Левенчукъ, это письмо; а вотъ и твои деньги; я

грѣшенъ, я позарился на выкупъ, и задержалъ твое дѣло. Ну, да Богъ тебя благословить; достанешь ее. — веди, обвиняю и такъ; не достанешь ее — не хочу твоего добра! Фендриховъ, эти деньги вычеркни изъ книжки той, знаешь? Имъ уже у насъ не быть, на церковь-то...

— Гдѣ быть, ваше преподобіе! Деньги несчастныя!

Левенчукъ торжественно поклонился въ ноги попу, даже поклонился и дьячку съ дьячихой, вышелъ за двери; и не успѣла взволнованная компанія выбѣжать на шпиль, гдѣ такъ часто Оксана выжидала съ поморья Левенчука, какъ и слѣдъ Харька пропалъ.

— Что будетъ, то будетъ! рѣшилъ священникъ, возвращаясь домой.

— Ничего не будетъ, чувствую! отвѣчалъ всхлипывая дьячекъ: — не могій вербунду въ иглочное ухо, ваше преподобіе; такъ-то-съ!

Дьячекъ рева плакалъ.

Шошъ Левенчукъ часть-другой; солнце уже начинало садиться. Туманъ пошолъ яромъ. Вышелъ онъ на косогоръ и ударилъ себя въ голову: «И тутъ не везетъ треклятая доля! Съ дороги, на семи шагахъ, сбился! Гдѣ же это я?» И онъ сталъ смотрѣть.

Стемнѣло. Дикіе гуси вверху неслись къ западу, чуть шелестя надъ его головою. Семья дрохвъ, испугнутыхъ съ ночлега, поднялась во ста шагахъ отъ него и побѣжала въ сторону, мелькая между бурьянами. Ночные кузнечики трещали. Звѣзды зажигались. А въ полуверстѣ оттуда огонекъ кто-то на ночь сталъ разводять...

Пошолъ Левенчукъ на огонекъ. Подходить: купеческая телѣга съ товарами стоитъ; два купца на буркѣ лежатъ. Лошади овесъ съ оглобелъ изъ мѣшка ѣдятъ. Котелокъ каши варится на таганкѣ. Поздоровался Левенчукъ съ купцами; подсѣлъ къ нимъ. Видятъ тѣ, что онъ все вздыхаетъ; выспрашивать стали. Расказалъ все Левенчукъ, какъ онъ отъ барыни своей бѣжалъ, какъ тутъ жилъ, какъ дѣвку полюбилъ, и кто она такая, и какъ ея отца зарѣзали. Купцы перелягнулись, стали живѣе его слушать. «Ну-ну, говори, миленькій!» Все передалъ Левенчукъ объ Оксанѣ, что слышалъ отъ нея самой и отъ другихъ, въ томъ числѣ еще и отъ Милороденка, когда онъ впервые шошъ въ эти мѣста. — «Куда же дѣли того зарѣзаннаго?» спросилъ старшій изъ купцовъ. — «Въ Таганрогъ отвезли; тамъ онъ и умеръ, полагать должно.» Помолчали купцы, распросили еще объ Оксанѣ, жалѣли о ней до крайности, совѣтовали Харьку обождать, не горячиться съ хлопотами о ея спасеніи, напра-

вляди Левенчука съ жалобой въ судъ и снова къ градоначальнику, и наконецъ, посадивши его силою съ собою ужинать, объявили, что они сами торговцы, часто бывающіе въ азовскихъ городахъ, торговали когда-то и въ Севастополь, и въ самомъ Таганрогѣ, а теперь торгуютъ въ Моршанскѣ, и что еслибы когда-нибудь Левенчукъ захотѣлъ бросить здѣшнюю бродячую жизнь, они ему предлагаютъ мѣсто. «Дарма что ты бѣглый! видимъ мы, что ты за человѣкъ: отпиши только и мы тебя вызовемъ. А писать такъ-то и туда-то.» «Да коли женишься на Аксюткѣ-то, то и съ хозяйкою своею пріѣзжай!» заключили купцы. — «А какъ твоего грабителя прозываютъ? — «Панчуковский.» — «Панчуковский?» — «Да.» — «Ужъ не она-ли это?» повторяли между собою купцы: «вѣрно она и есть, барыня-то эта у насъ въ городѣ!»

Усталый и истерзанный душою донельзя, Левенчукъ заснулъ подъ телѣгою; а купцы, долго еще лежа у костерка, поодаль отъ него и отъ своего возницы, толковали промежь-собою, все повторяя: «Вѣрно это она и есть; некому больше! Скажемъ ей; а то она, сердечная, его сколько лѣтъ розыскиваетъ...»

IX

ВЪГЛЫЕ РАСШАЛИЛИСЬ

Рано до-свѣта Харько вскочилъ, оглянулся. Купцовъ уже не было. Перекрестившись три раза на восходъ солнца, онъ сообразилъ свою дорогу и пошелъ по росистымъ еще сумеркамъ.

Щегольской домикъ Новой-Диканьки вырѣзался передъ нимъ, когда солнце стало уже входить за красными кирпичными овчарнями полковника.

Левенчукъ подошелъ къ первой овчарнѣ. Оттуда только-что вышли овцы. Ненадя тутъ пастуховъ, онъ пошелъ къ батрацкимъ хатамъ. Изъ батраковъ кто умывался тутъ на дворѣ, кто Богу молился у своего крыльца, земно кланаясь, а кто велъ воловъ на водной.

— Панъ дома?

— Дома. А что тебѣ?

— Въ косари не нужно-ли?

— А чего-жъ ты безъ косы?

— Бурлака, братцы!

— Такъ! Ну иди же до конторщика. Тамъ сегодня расчетъ за эту недѣлю...

— Воскресенье сегодня! а я и забылъ! подумалъ Левенчукъ.

— Шинокъ у васъ есть? спросилъ онъ, усиливаясь быть развязнымъ и веселымъ.

— Э! да ты, я вижу, хорошій человекъ. Не угостишь-ли?

— Можно. Гдѣ же тутъ у васъ водка?

— Пойдемъ, пойдемъ! отвѣтилъ батракъ: — откупщикъ тутъ всегда на косовичное время выставку становить. Онъ пріятель барину! Вотъ и шинокъ нашъ!

Левенчукъ вошелъ въ хатѣнку, гдѣ была временная выставка водки и гдѣ полковникъ обратно собиралъ по субботамъ большую часть денегъ, платимыхъ рабочимъ втеченіе недѣли. Харько поставилъ новому знакомому полкварти.

— Рано немного, сказалъ жидъ-шинкарь: — да хорошимъ людемъ можно!

Слово за словомъ, Левенчукъ узналъ нравы барскаго двора, какъ и когда баринъ встаетъ, гдѣ его видѣть можно, кто у него въ дворнѣ.

— Ты только крѣпись, говорилъ хмѣлѣвшій товарищъ: — требуй хозяйскую косу и полтину серебромъ въ день! Требуи; дадутъ!

— Ну, братику, а дѣвка та, спросилъ Левенчукъ, усиленно переводя дыханіе: та... знаешь, что отъ пана?... тутъ она?

Подгулявшій батракъ осмотрѣлся по хатѣ. Шинкаря небыло въ ту минуту у прилавка.

— Тутъ... ты только никому неговори...

— Гдѣ?

— Наверху у пана живетъ... шш!

Левенчукъ вскочилъ.

— Куда ты?

— Будетъ уже; допивай ты; а мнѣ пора въ контору...

Левенчукъ вышелъ. Народъ, собиравшійся къ расчету, уже подваливалъ къ шинку. Левенчукъ пошелъ къ дому и не узналъ сперва полковническаго двора: такъ этотъ дворъ измѣнился и уютно обстроился съ той поры, какъ Харько сюда пришелъ впервые, неопытнымъ бродягой, и тутъ, встрѣтившись съ прогорѣвшимъ Милороденкомъ, уступилъ ему свою порцію водки и тѣмъ ему сильно угодилъ.

Онъ ходилъ долго вокругъ ограды, у воротъ стоялъ, на мезонинѣ смотрѣлъ. Видѣлъ онъ окна, вверху раскрытыя; на балконѣ стулъ

стоялъ. Онъ вошелъ во дворъ; прямо пошелъ къ крыльцу и столкнулся на немъ лицомъ къ лицу съ полковникомъ.

— Ты косарь? спросилъ разсѣянно Панчуковскій.

— Косарь.

— Очень радъ; а это твой билетъ чтоли? опять спросилъ Панчуковскій, сося сигару и принимая отъ Харька письмо священника.

— Билетъ! отвѣтилъ Левенчукъ, сверкнувши глазами.

Панчуковскій потянулся, взглянулъ на ясное, чудное утреннее небо, потомъ на первыя строки письма — рука его дрогнула; онъ протеръ глаза, искоса посмотрѣлъ на Левенчука, дочиталъ, слегка поблѣднѣвши, письмо до конца и долго не могъ сказать ни слова. Письмо состояло въ слѣдующемъ: «Владиміръ Алексѣичъ! Не будемъ обманывать другъ друга. Вамъ сошли прежнія ваши исторіи. Вы теперь похитили мою Оксану. Это общій голосъ; не отрекайтесь; да и некому другому этого сдѣлать. Умоляю васъ, отдайте ее. Податель сего письма — ея женихъ, Харитонъ Левенчукъ, изъ таганрогскихъ поселянъ. Отдайте дѣвушку; вы уже ею, ваше высокоблагородіе, насытились. Отдайте, пока она еще можетъ быть имъ принята. Если прежнія ваши дѣйствія остались безнаказанны, то за это новое — кара господня васъ не пощадитъ. Богатство не спасетъ нигдѣ до конца недобраго человѣка. Прахомъ пойдетъ оно у васъ; вспомните гласъ старца, готоваго сойти въ могилу. Эта кара близится. По духу же исповѣдника, предупреждаю васъ: не отдадите дѣвушки, за послѣдствія поручиться нельзя. Вамъ не сдобровать! Послушайте меня. Вашъ слуга Павладій Поморскій.»

Панчуковскій постоялъ. Левенчукъ также не говорилъ ни слова.

— Отецъ Павладій ошибается! сказалъ полковникъ, закусивши губу: — я этой дѣвушки не знаю и ея у меня нѣтъ...

Левенчукъ молчалъ.

— Ея у меня нѣтъ, и баста; слышишь? скажи отцу Павладію, чтобъ онъ ко мнѣ не смѣлъ обращаться съ такими письмами.

— Ваше высокоблагородіе! сказалъ подступая Левенчукъ: — какой вамъ выкупъ дать за нее? Я попу соглашался выплатить за нее на церковь двѣсти цѣлковыхъ; возьмите триста; наймусь къ вамъ; въ кабалу, въ крѣпость за вами запишусь; отдайте только мнѣ ее!

Полковникъ пожалъ плечами и оглянувшись улыбнулся.

— Глупъ ты, братъ, и только! Глупъ, и все тутъ... Ея у меня нѣтъ!

Левенчукъ повалился въ ноги полковнику. Онъ понялъ сразу, что

съ этимъ человѣкомъ правдой не возьмешь, и потерялся, позабылъ весь закалъ, весь пылъ своего негодованія и своей мести.

— Ваше... ваше высокоблагородіе! вопилъ онъ, валяясь безъ слезъ, въ пыли крыльца, и цѣлуя лаковые полусапожки Владиміра Алексѣича: — я дома на родинѣ похоронилъ жену молодую, и двухъ лѣтъ съ ней не пожилъ; здѣсь нашолъ себѣ другую. Баринъ! Отдайте мнѣ ее! Зачто вы отняли ее у меня, погубили до вѣку насъ обоихъ!

— Да говорятъ же тебѣ, братецъ, что ея у меня нѣту... Какой ты!

— Будетъ уже вамъ съ нею, ваше высокоблагородіе! Не губите ее... отдайте; вы уже ею натѣшились... Будемъ знать одни мы про то!.. отдайте...

Панчѣковскій отступилъ.

— Ищи ее у меня вездѣ, коли хочешь; иголка она чтоли! Ну, ну, ищи! Не вѣришь?

И онъ вошелъ въ сѣни, распахнулъ дверь въ лакейскую — а самъ стоялъ на порогѣ.

Храбрость бросила Харька. Онъ всталъ, началъ глуно вертѣть въ рукахъ шапку.

— Ежели я... сказалъ онъ, задыхаясь отъ спершихся въ горлѣ слезъ: — ежели я... хоть чѣмъ!.. то убей меня Богъ!.. Господи!

Полковникъ повернулся къ нему спиной и уполъ въ комнаты, посвистывая.

Оглянувся Левенчукъ по двору, повелъ рукой по снятой шапкѣ, подошолъ къ кухнѣ, тамъ еще постоялъ; во дворѣ не было ни души. Пѣтухи заливались по задворью. Воробьи кучами перелетали съ тополей на ограду. Левенчукъ пошолъ за ворота и сѣлъ тамъ на лавочкѣ.

Онъ самъ не зналъ что и думать. У шинка народъ собирався. Конторщикъ пошолъ туда, а къ барину въ домъ Абдулка рукомойникъ понесъ умываться.

За ворота вышелъ, съ трубкой въ зубахъ, въ бѣломъ фартукѣ и ухорски заложивши руки въ карманы штановъ, поваришка Антронка, тоже изъ бѣглыхъ, малый лѣтъ двадцати трехъ, отъявленный негодай, часто битый за воровство даже у полковника.

— Ты чего тутъ сидишь, сволочь? отнесся онъ задорно къ Левенчуку.

— Можетъ сволочь ты, отвѣтилъ Левенчукъ, утирая слезы : — а я за дѣломъ!

— За какимъ дѣломъ? проваливай! скамейка барская! вонъ, иродово отродье!

— А ты барскій?

— Барскій, полковницкій; я ихъ халуй, значить сторожъ; а ты убирайся вонъ, сибирный твой родъ!

И Антропка столкнулъ Харьку со скамьи.

Левенчукъ пошолъ опять къ воротамъ.

— Ты куда, говорятъ тебѣ?

— Дѣло есть.

— Не ходи, побью!

— Э! посмотримъ...

— Что? какъ? это значить къ полковнику паниматься идешь, да еще и форсишь?

Антропка подбѣжалъ и загородилъ Харьку дорогу въ ворота.

— Не ходи, ударю въ морду!

— Попробуй! отвѣтилъ Левенчукъ, опомнившись и чувствуя снова приливъ всей злобы и ярости къ этому мѣсту.

Антропка ударилъ его въ ухо. Левенчукъ зашатался и уронилъ шанку.

— А ну еще! сказалъ онъ, стоя блѣдный, какъ былъ, и выжидавая новаго удара.

— Бью! чтоже? ну, бью! крикнулъ Антропка и опять ударилъ.

— А ну еще!

— И еще бью! вотъ какъ!

Антропка ударилъ еще разъ.

— А еще будетъ?

— Будетъ и еще! крикнулъ Антропка, свиснувши снова въ упорно-терпѣливое ухо Харька.

— А! зарычалъ въ свой чередъ Левенчукъ: — теперь и ты уже держись; я тебѣ покажу, какъ добрыхъ людей даромъ бить...

И какъ буря онъ кинулся на поварченка, смялъ его какъ колокъ сѣна, сгрѣбъ подъ себя и сталъ его бить безъ милосердія по глазамъ, ушамъ и по затылку.

На неистовые вопли Антропки сбѣжалась вся дворня полковника, а мужчины и бабы его выручили.

— Кто это его, кто? спросилъ Абдулка, явившись на подмогу

другимъ, уже отливавшимъ водою до полусмерти избитаго Антропку.

— Вонъ онъ!

— Кто это?

— А Богъ его знаетъ кто! отвѣчали бабы, указывая на Левенчука, входившаго уже въ шинокъ.

Абдулка побѣжалъ за нимъ въ догонку и на бѣгу, въ сѣняхъ шинка, спросилъ сбравшихся косарей:

— Гдѣ тутъ тотъ разбойникъ?

— Ужъ и разбойникъ! разбойники тѣ, что нанимаютъ по два рубли, а расплачиваются по полтиннику! отвѣтили изъ толпы.

— Ты билъ нашего повара? запальчиво крикнулъ Абдулка, вскочивши въ шинокъ и съ выкатившимися, разсвирѣпѣвшими глазами ставши передъ носомъ Левенчука.

— Я билъ. Ну, а ты чего?

Лицо Харька было зелено, губы его дрожали.

— Э! до меня такъ скоро не доберешься! крикнулъ татаринъ, озираясь по хатѣ, куда уже, чуя грозу, начинали собираться любопытные съ надворья.

— Посмотримъ!

— Посмотримъ!

Абдулка скинулъ поддевку.

— Выходи на просторъ; закричалъ онъ: — выходи изъ хаты на просторъ!

Конторщикъ, вбѣжавши сюда, сталъ было его останавливать.

— Не замай, Савельичъ, а то и тебѣ бока намну! бѣшено зарычалъ Абдулка и вышелъ изъ хаты, сопровождаемый конторщикомъ и толпою, и на ходу расноясываясь.

— Что это они до тебя? спросили Харька оставшіеся въ хатѣ косари.

Левенчукъ бросилъ на столъ три цѣлковыхъ.

— Пейте, братцы; за мою душу пейте! сказалъ онъ тоскливо и вышелъ, также сжимая свитку.

Не успѣлъ онъ показаться на дворѣ, какъ на него разомъ кинулись Абдулка, Самуйликъ и прежде побитый поварчукъ.

Первые двое стали его вязать, а озлобленный Антропка схватилъ полѣно и сталъ имъ бить Харька сзади и по чемъ попало.

Часть косарей приняла сторону Харька.

— Пустите его! что вы, душегубы! ведите къ барину, если онъ

что сдѣлать! говорили косари: — мы и сами пойдемъ жаловаться; намъ расчетъ не тотъ даютъ!

— Нѣтъ, не поведемъ его туда! тутъ его живого въ землю зароемъ! бѣшено кричалъ Абдулка, колотя Левенчука.

Митомъ Левенчука связали

— Въ судъ его, въ станъ! горланила полковницкая дворня.

Побѣжали за телѣгой.

— Еще веревокъ! кричалъ Абдулка: — а! ты въ барскій дворъ ходишь, да еще и бьешься! веревокъ еще! повозку скорѣе!

Привели лошадей, притащили повозку. Стали запрягать. Левенчукъ стоялъ связанный. Високъ у него былъ расшибленъ, и кровь текла изъ-подъ растрепанныхъ темныхъ волосъ. Антропка, опьянѣвшій отъ бѣшенства и отъ прежде полученныхъ побоевъ, ходилъ возлѣ него и громко на всѣ лады ругался. Бабы пугливо жались къ сторонѣ.

— Готово? спросилъ отважно Абдулка, спѣшившій выиграть время: — мы и барина не станемъ беспокоить! въ судъ его, разбойника!

— Братцы! громко крикнулъ косарямъ связанный Левенчукъ: — они меня побили, связали, въ судъ хотятъ везти! А самъ баринъ ихній мою невѣсту укралъ... Я, братцы, Левенчукъ! Попова дѣвка за меня просватаана была... Она у полковника тутъ въ заперти... въ любовницахъ. Спасите! Братцы, не дайте праведной душѣ погибнуть!.. Спасите!

— Ну, еще рассказывать! началъ Абдулка.

Последнихъ словъ Харько не договорилъ. Абдулка, Самуйликъ и Антропка схватили его и потащили къ телѣгѣ, снова угощая его побоями.

— Э, нѣтъ! отозвался тотъ самый батракъ, котораго Харько угощалъ съ утра, загороя имъ дорогу: — я самъ пойду до барина! Зачто вы его бьете и тащите?..

— Да, да! зачто? заговорили въ толпѣ и косари, испуганными и озлобленными кучками сходясь къ нимъ.

— Э! да что на нихъ смотрѣть! тащи его! Самусь! садись, вези его! Антропка, бей по лошадамъ!

— Нѣтъ, не пуцу! сказалъ опять охмѣлѣвшій батракъ, загора живая лошадамъ дорогу.

Тутъ побѣжали съ криками остальные косари изъ шинка. Произошла общая свалка. Одни тащили Левенчука къ повозкѣ, другіе

отталкивали его назадъ. Вѣсть о томъ, что это женихъ воспитанницы священника, украденной полковникомъ, облетѣла всѣхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! теперь ужь не троньте его, оставьте! заговорили косари разомъ и оттѣснили Левенчука отъ Абдулки.

Подгулявшій батракъ ударилъ по запряженнымъ лошадямъ, гоня ихъ съ пустою телѣгою прочь. Самуиликъ кинулся ихъ останавливать, а косари въ суматохѣ совершенно отбили Харька, распутали ему руки и выпустили.

— Отдайте мою невѣсту! сказалъ тогда бѣшено Левенчукъ, ставши передъ слугами Панчуковского. Это уже былъ не прежній, хуторской пастухъ. Степи измѣнили его...

Абдулка, поваръ и Самуиликъ остались одни противъ остальныхъ.

— Нѣтъ у насъ никакой дѣвки!

— Врешь, есть! она наверху у барина вашего живетъ! кричалъ Левенчукъ.

— Отдавай, а то силой возьмемъ! гудѣли косари.

— Вотъ что выкусите! отвѣтилъ Абдулка показывая кукишъ и пошолъ съ товарищами къ барскому двору, очевидно потерявши надежду овладѣть обидчикомъ закадычнаго пріятеля, Антропки.

Левенчукъ, утирая кровь съ виска, сѣлъ на крыльцо шинка.

— Дайте, братцы, хоть трубки покурить, коли съ нами такъ поступаютъ: — собаки, и тѣ лучше насъ стали жить на свѣтъ!

Пріятель его батракъ съ форсомъ подаль ему трубку, сѣлъ возлѣ него и обнялъ его заливаясь слезами.

Толпа между тѣмъ шумѣла: «Какъ! Быть не можетъ! Такъ этого самаго невѣсту? И имъ спускать? Не заступиться за него? Гдѣ же тому конецъ будетъ?»

— Пойди, братику, сказалъ Харько батраку, откашливаясь и плюнувши кровью: — пойди хоть осьмушку вынеси! Всѣ печѣнки ироды отшибли! Ишь ты, кровь пошла...

Косари орали болѣе и болѣе.

Полковникъ между тѣмъ, уйдя отъ Левенчука, подбѣжалъ къ окну въ кабинетъ и долго слѣдилъ, изъ-за занавѣсокъ, пока непрощенный гость вышелъ за ворота. «Воротить его? Отдать ему развѣ Оксану?» подумалъ онъ, но почитавши съ полчаса газетъ, успокоившись, оставилъ дѣло такъ, и пошолъ наверхъ къ Оксанѣ.

Оксана сидѣла въ своей коморкѣ, вышивая какую-то рубаху. Домаха сидѣла на полу возлѣ нея, тоже что-то штопая.

— Оксана! хочешь домой? спросил полковникъ.

Она не подняла глазъ.

— Что, еслибы за тобою пришли, бросила бы ты меня? Неужели бросила бы! спросил чутко полковникъ.

Оксана встала, сложила шитье и поклонилась въ ноги Панчуковскому.

— Пане! Пустите меня, заставьте вѣчно за себя Богу молить...

Въ исхудаломъ, нѣжномъ и кроткомъ лицѣ ея кровинки не было.

Панчуковскій хотѣлъ что-то сказать и затихъ. Съ надворья раздался странный гулъ голосовъ и одно изъ оконъ на мезонинѣ зазвенѣло.

— Береги ее! успѣлъ только сказать Панчуковскій Домахъ и выбѣжалъ на балконъ.

Едва Панчуковскій взошелъ туда, какъ увидѣлъ, что передъ запертыми уже на замокъ его воротами стоитъ куча народу, а Абдулка, Самуйликъ и конторщикъ бранятся съвозъ затворы.

День между тѣмъ, какъ часто бываетъ на югѣ, неожиданно измѣнился. Въместо жгучаго, остраго суховѣя, доносившаго съ утра подъ узерчатые жалюзи комнату сухой и волнистый шелестъ горящихъ въ зноѣ нивъ, небо стемнѣло, облака неслись густою грядой и накрапывали дождь.

— Что это? громко спросилъ своихъ людей Панчуковскій, склонясь черезъ перилы балкона.

— Косари взбунтовались, робко отвѣтилъ конторщикъ: — не хотятъ по цолтиннику брать, требуютъ по два рубли.

— Ну, такъ гоните ихъ взашей!

— Мы стали ихъ гнать, а они въ контору ворвались, стекла перебили; мы едва успѣли ворота запереть — все распяно...

— Ваше благородіе! смѣло крикнулъ кто-то изъ толпы: — отдай дѣвку! а то плохо тебѣ будетъ!

Глянулъ полковникъ: вся толпа въ шапкахъ стоитъ. «Эге!» подумалъ Панчуковскій, сильно струхнулъ и медленно вошелъ въ комнаты съ балкона. Сойдя впопыхахъ внизъ, онъ позвалъ къ себѣ Абдулку.

— Что тамъ такое? говори правду!

— Плохое дѣло! Косари перепились, а тутъ еще бурлака тотъ пришолъ, — дѣвченку эту требуетъ...

— Отдадимъ ее, Абдулъ! Чортъ съ ней! Еще бы чего не надѣлали... Что они? въ ворота ломились?

— Запѣлимъ! говорятъ. Да нѣтъ, Владиміръ Алексѣичъ, не подавайтесь. Коли что, такъ я и ружье заряжу и по нимъ выстрѣлю холостымъ; — напугаемъ ихъ, они и разбѣгутся!

— Чтоже вы? гудѣла толпа за воротами: — гдѣ это видано, чтобъ дѣвокъ съ поля таскать! тутъ не антихристы какіе! Мы найдемъ на васъ расправу...

— Вонъ отсюда, подлецы! кричалъ опять сквозь ворота Абдулка, неотпирая желѣзнаго засова: — что вы пришли сюда буйнить? вонъ отсюда!

— Ломай, братцы! Топоры сюда! уже безъ памяти ревѣла толпа: — не даютъ, такъ ломай! пробьемся и возьмемъ силою у живодѣровъ!

И въ ворота снова ударили чѣмъ-то тяжелымъ, а потомъ оттуда наперли кучею всѣ разомъ. Схваченные и прокованные желѣзными скобами ворота только слегка заскрипѣли, но не подались.

Абдулка метался между тѣмъ что было мочи и ругался на всѣ лады, грозя дерзкимъ карою станowego, исправника и самого губернатора.

— Что намъ теперь исправники и ваши становые! Вы дѣвку нашу отдайте! тутъ наша воля, въ стени-то вашей! До суда далеко! выкрикивали голоса за воротами.

Полковникъ взбѣжалъ снова наверхъ. На площадкѣ лѣстницы онъ натолкнулся на совершенно-обезумѣвшую отъ страха Домашу. Старуха жевала что-то помертвѣвшими губами и простоволосая, неуспѣвши накинуть на сѣдую голову платка, дико смотрѣла на Панчуковского.

— Гдѣ она? спросилъ полковникъ, идя послѣшно мимо старухи.

— Тамъ; это я ее заперла на ключъ! Еще бы не выскочила къ нимъ сдуру...

— Ну, береги же ее!

Онъ вошелъ въ верхнюю комнату, бывшую къ сторонѣ воротъ, и изъ-за притолка окна увидѣлъ у ограды цѣлый лагерь. Какіе-то верховые явились... Народу было человѣкъ триста или болѣе. Одни сидѣли, другіе стояли или ходили кучками, какбы обсуждая, какъ исполнить затѣянное. Трое лѣстницу какую-то съ овчарии тащили. Остальные нили, размѣстившись по травѣ; горланили всѣ.

— Вотъ и поди, живи тутъ въ этой необъятной Новороссіи! мыслилъ Владиміръ Алексѣичъ: — тутъ чистую осаду Трои выдержишь; успѣютъ и взять тебя, и ограбить, и убить, пока дашь знать властямъ хоть вѣсточкой! Думалъ ли я дожить до этого? А! вонъ и еще что-то замышляютъ!..

Прибѣжалъ наверхъ запыхавшись поваренокъ.

— Что ты, Антронка?

— Конторщикъ проситъ кассу въ домъ внести; неравно вломятся; боится, что растащутъ!

— Вломятся? въ ворота? Что ты!

— Да-съ.

— Ты почему думаешь?

— Стало можно, коли между ними вонъ бѣглые ростовскіе неводчики появились и бунтуютъ; какъ бы чего по правдѣ не было, ваше высокоблагородіе?..

Панчуковскій еще разъ глянулъ изъ-за притоли. Нопя картина открылась передъ нимъ. Овцы его бродили вразсыпную безъ пастуховъ. Шинкаръ откупщика, зная уже нравы такихъ событій въ степяхъ, съ еврейскою предусмотрительностью за хатою шинка лошадь себѣ запрягалъ. А изъ двухъ батрацкихъ избъ, спустившись тайкомъ въ лоципу, бѣжали вдали, по пути къ камышамъ на Мертвую, пятеро батраковъ, батрачки и мальчишки-табунщики потрусливѣ. со страху бросивши въ хатахъ и барское добро и свои пожитки.

Панчуковскій сошелъ снова внизъ. Въ кабинетъ Абдулка быстро заряжалъ ружье.

— Вотъ я ихъ! Я ихъ!

И зарядивши, онъ пошелъ опять на балконъ мезонина. Изъ толпы черезъ ограду швыряли уже изрѣдка камнями.

— Разойдитесь, крикнулъ опять съ балкона Абдулка: — васъ обманули; тутъ никакой дѣвки нѣтъ! А плату сподна вамъ мы вышлемъ; только усмиритесь и не бунтуйте, братцы; вотъ что!

Градъ увѣсистыхъ камней и побранокъ изъ толпы отвѣтилъ на эти слова, черезъ стѣны.

— Такъ стойте же! крикнулъ Абдулка съ балкона, приложился изъ ружья и выстрѣлилъ...

Чей-то сѣренькій конекъ заржалъ, побѣжалъ и на пяти шагахъ споткнувшись, упалъ, убитый наповаль въ голову.

— Ты же говорилъ , что зарядишь холостымъ ? спросилъ испугавшись Панчуковскій .

— Такъ имъ и надо-сь ! Шельмы , а не люди !

Осаждающіе дѣйствительно были озадачены выстрѣломъ , кинулись вразсыпную и вдали , у хатъ и овчарень , снова стали собираться кучками . Кто-то громко грозилъ изъ толпы , что подожгутъ овчарни и батрацкія хаты . Другой топоромъ помахивалъ издали .

— Что тутъ дѣлать ? думалъ полковникъ , ходя то вверхъ , то внизъ по лѣстницѣ дома . Люди наскоро пообедали и ему стали накрывать на столъ .

— Есть у воротъ сторожа , Абдулъ ?

— Есть , Антропка съ собаками караулитъ ; я ихъ съ цѣпи спустилъ !..

— Ну , какъ бы дать знать въ станъ , либо въ городъ ? спросилъ Панчуковскій : — я-то ихъ не боюсь , да какъ бы не подожгли чего ! Вѣдь такого дѣла и ожидать было трудно... .

— Ночью развѣ Самойлу верхомъ пошлемъ , авось прорвется черезъ нихъ !

Всталъ полковникъ изъ-за стола . Пошелъ съ Абдулкой опять наверхъ . Смотрятъ : къ толпѣ осаждающихъ подъѣхалъ какой-то фургончикъ парой . Сидѣвшій въ немъ о чемъ-то говорилъ съ косарями . Вотъ собирается отъѣзжать , на домъ полковника смотреть... .

— Маши , Абдулъ , платкомъ ; или хоть полотенцемъ помани , авось замѣтятъ... .

Сбѣгалъ Абдулка за полотенцемъ , свѣсилъ съ балкона и давай махать .

— Кажись и изъ фургона махнуло ! сказалъ Абдулка .

— Это тебѣ показалось , уѣхали... . Ну , чтоже мы теперь будемъ дѣлать ?

Осаждающіе будто притихли къ вечеру , пошли къ шинку . Настала ночь . Разумѣется , ночью не спала ни на волосъ вся дворня полковника , карауля вездѣ , чтобы буяны не перебрались гдѣ во дворъ , черезъ стѣны или въ ворота . Говорятъ , что самъ полковникъ на цыпочкахъ , впродолженіе всей темной , сырой ночи , неразъ обходилъ дозоромъ всѣ уголки двора , прислушивался къ побранкамъ и къ вольнымъ пѣснямъ неунимающихся буяновъ , и три раза кормилъ собственными руками постоянно голодныхъ до той поры сторожевыхъ собакъ , и тѣ съ охрипшими отъ надрыва горлами

лаяли и метались по двору всю ночь. — «Вотъ такъ Русь! думалъ полковникъ: чего только въ ней не бываетъ!»

Ночью, подъ предводительствомъ СамуЙлика, сдѣлана была въ видѣ рекогносцировки вылазка со стороны осажденныхъ къ колодцу. Партія смѣльчаковъ состояла изъ самого СамуЙлика, двухъ кухарокъ, повара и прачки. Они очень осторожно вышли, миновали оврагъ. Но за ними вязалась одна изъ цѣпныхъ собакъ, наткнулась на сторожей у колодца, разлаялась, и ихъ открыли. Поднялась тревога. Отъ шинка двинулась куча въ погоню. Смѣльчаки бѣжать. У самыхъ воротъ произошла свалка и поварчука съѣздили сзади такъ по уху, что тотъ едва успѣлъ въ ворота вскочить. Водарилась снова тишина.

Ночью страшно усталый полковникъ было вздремнулъ на ходу, прилегши гдѣ-то въ залѣ на канapé. Вдругъ его будятъ.

— Что такое?

Смотрить... Окна дома ярко освѣщены. Въ залѣ стоятъ также освѣщенные, блѣдные отъ испуга его совѣтчики, Абдулка и СамуЙликъ.

— Что это?

— Избы батрацкія горять, огонь къ овчарнямъ перебрасывается... Это они; тотъ-то бурлака вѣрно поджоги-сь!

Молча взошелъ Панчуковскій опять на балконъ.

— Отдайте намъ дѣвку! дѣвку отдайте! доносились голоса сквозь дождь съ пригорка.

— Фу ты пропасть! сказалъ въ свой чередъ невыдержавши Панчуковскій: — да чтоже это со мной дѣлается! Иди, Абдуль, бери Оксану; отдай имъ... Вотъ не ожидалъ!

— Мы уже ходили къ ней, Владиміръ Алексѣичъ; да она сама теперь напугалась: сидитъ и дрожитъ; боится и выглянуть на эти чудеса!

— Съ чего же это все намъ сталося, Абдуль?

— Жидъ шельма должно-быть удралъ со страху; они вѣрно разбили бочку и перепились.

— Кричи же имъ, Абдуль, что я все отдамъ: и Оксану и деньги, какія просятъ; чтобы только унялись!

Сталъ опять кричать Абдуль; шчего не выходитъ. И звонкій дотолъ голосъ его едва долеталъ черезъ ограду, въ шумѣ и въ ревѣ пожара, истреблявшаго батрацкія хаты. А отъ шинка неслись звуки бубна и пѣсень, несмотря на дружный дождь, шедшій съ вечера.

Но небывалая ночь кончилась. Стало свѣтать. Густые туманы клубились вдаль. Пожаръ не пошолъ далѣе.

Отъ толпы подошла къ воротамъ новая кучка переговорщиковъ: всѣ они были пьяны и едва на ногахъ стояли.

— Что вамъ ?

— Мы до полковника.. пустите; мы за дѣломъ...

— Зачѣмъ ?

— Дайте намъ дѣвку нашу, да бочку водки еще ; мы уйдемъ.

— А кнотовъ ? кричалъ невыдержавши Абдулка въ щель воротъ.

— Нѣтъ, теперь уже насъ никто не тронетъ ; мы бурлаки, а бурлаковъ турецкій салтанъ беретъ теперь подъ покровъ.

Такіе толки дѣйствительно въ то время ходили между бѣглецами.

Пока люди полковника переговаривались съ пьяными депутатами, самъ Панчуковскій, потерянный до конца, сидѣлъ у письменнаго стола.

— Не догадался я, забылъ ночью послать верхового въ городъ или хоть къ сосѣдямъ бы къ кому-нибудь ; прорвался бы кто на добромъ конѣ! А сегодня уже поздно : они оцѣпили хуторъ кругомъ и какъ-видно идутъ на проломъ ! Поневоля тутъ и о голубиной почтѣ вспомнишь.

Панчуковскій написалъ наскоро письмо къ Шутовкину, прося его дать знать о событіяхъ этихъ въ станъ и въ городъ, и позвалъ Самуйлѣика.

— Ну, Самуйлѣикъ, бери же лучшаго коня, да скажи къ Мосею Ильичу на хуторъ, на проломъ ; авось проскачешь.. А ее я выпущу !

Вздохнулъ Самуйлѣикъ, вспоминая собственные совѣты и предостереженія полковнику, когда тотъ замышлялъ объ Оксанѣ. Но не успѣлъ Панчуковскій передать кучеру письма, какъ съ надворья раздались новые крики.

— Что тамъ ? спросилъ полковникъ и подбѣжалъ къ окну.

— На токъ, на токъ ! ревѣла толпа, подваливая снова отъ шинка : — скирды зажигать ! Не соглашаются, такъ на токъ ! Небось выдадутъ тогда ! Валяй, а нето такъ и нивы запалимъ !

Опять загудѣли крики. Пьяные коноводы направлялись уже къ току. Душа Владиміра Алексѣича начинала уходить въ пятки. Но въ это время вдаль за косогоромъ звякнулъ колокольчикъ. Ближе

звенить и ближе. Застучало сердце Панчуковскаго. Онъ вскочилъ и взбѣжалъ въ сотый разъ наверхъ. Разнокалиберный людъ у шинка столпился. Раздались крики : «Исправникъ , исправникъ !» Не прошло и минуты , какъ толпа мигомъ пустилась вразсыпную , кто по дорогѣ , кто къ оврагамъ , кто въ недалекіе камыши. Кто былъ съ лошадыю , вскочилъ верхомъ ; всѣ пустились въ разныя стороны. Въ сизовой дали , изъ-за косогора точно показалась бричка вскачь на обывательскихъ. За нею верхами же скакали человекъ тридцать провожатыхъ. То были понятые. Такъ всегда здѣсь въ степи ѣздили на горячія слѣдствія любимецъ околотка , исправникъ изъ отставныхъ черноморскихъ моряковъ , капитанъ-лейтенантъ Подкованцевъ. За нимъ также вскачь ѣхалъ еще зеленый фургонъ...

Съ форсомъ подлетѣвши къ раствореннымъ уже настезъ воротамъ Панчуковскаго , Подкованцевъ остановился , скомандовалъ понятымъ : «ловить остальныхъ ; кого захватите , въ кандалы ! лихо ! маршъ !» въѣхалъ во дворъ , выѣзъ изъ брички , взошелъ пошатываясь на крыльцо и въ сѣняхъ встрѣтился съ полковникомъ , у котораго , какъ говорится , лицо въ это время обратилось въ смятый , вынутый изъ кармана платокъ.

— Честь имѣю во всякое время , кстати и некстати , явиться другомъ ! бойко отранпортовалъ заливчатскій капитанъ-лейтенантъ , постоянно бывшій навеселѣ и говорившій всѣмъ помѣщикамъ своего округа «ты».

— Ахъ , какъ я радъ вамъ ! Избавитель мой !

Панчуковскій обнялъ Подкованцева , поцѣловалъ его , хотѣлъ вести въ кабинетъ и остановился. За спиной становаго стоялъ полу-печально , полуослабившись , въ той же знакомой синей курткѣ , рыжеватый гигантъ Шульцвейнъ. «Какими судьбами?» тихо спросилъ сильно покраснѣвши Панчуковскій.

— Вы г. Шульцвейну обязаны своимъ освобожденіемъ отъ шалостей моихъ пріятелей , бѣглыхъ , коли они вамъ что плохое сдѣлали ! сказалъ Подкованцевъ.

Панчуковскій въ смущеніи протянулъ руку колонисту и указалъ ему на развалины сгорѣвшихъ и еще дымившихся избъ.

— Да ! говорилъ поглаживая усы исправникъ : — меня г. Шульцвейнъ извѣстилъ ; онъ меня за Мертвою нашолъ ! Это подлецы ! взаправду кажется мои бѣглые расшалились. Ужъ это извините ; съ ними тутъ не шути ! Надо облавы опять по уѣзду учинить. Нуто,

колонель, теперь бью́шки, пока моя команда кое-что сдѣлаетъ! Эй! венигъ коньячку! А нехудо бы и манжé; я ничего три дня цѣлыхъ не вѣлъ, за этими мертвыми тѣлами. Трехъ потрошилъ, дѣто — вонь... тѣфу! Ты впрочемъ не удивляйся дерзости своихъ обидчиковъ; это у насъ бывало прежде чаще. Одному еврею—съ живому даже голову отпилили безпаспортники; я ее самъ видѣлъ. Вотрѣ саите! прибавилъ исправникъ, выпивая стаканъ коньяку: — такъ—таки ее и отпилили пилой, да еще тупою; я ее и за бородку держалъ! Тутъ уже они въ наготѣ—съ!

Принесли закуску. Подкованцевъ уѣлся надъ икрой и надъ балыками.

Шульцвейнъ кряхтѣлъ, ухмыляясь потиралъ себѣ румяныя щеки, и масляныя кудри, и сильно перекофуженный похаживалъ волѣ оконъ. Улучивши минуту, онъ отозвалъ Панчуковского въ сторону.

— Скажите пожалуйста, началъ онъ, съ видимымъ участіемъ схвативши полковника за руку: — неужели это правда, зачѣмъ подъялись на васъ эти негодяи?

— Что такое? Я васъ не понимаю.

— Да о дѣвушкѣ этой—то: говорятъ, что дѣйствительно вы ее похитили?

— И вы вѣрите? Не грѣхъ вамъ?

— Какъ не вѣрить тутъ? Я вотъ просто потерялся. Вы знаете, я свои степи часто объѣзжаю. Мой молодецъ вчера мимо васъ ко мнѣ спѣшилъ изъ Граубиндена, увидѣлъ здѣсь это дѣло, распросилъ и прискакалъ ко мнѣ, а я уже поспѣшилъ вотъ къ исправнику.

— Очень вамъ благодаренъ! Но могу васъ увѣрить, что эти пущенные слухи — сущій вздоръ. Я не похищалъ этой дѣвушки и ея у меня нѣтъ.

— Зачѣмъ же эти буйства, скажите, эти поджоги? Удивительно!

— Слышите? Панчуковский спросилъ вмѣсто отвѣта, обратясь къ исправнику: — Шульцвейнъ удивляется, изъ-за какихъ это благъ я подвергся тутъ такому насмѣю!

— Могу васъ увѣрить, отнесся черезъ комнату Подкованцевъ, жуя во весь ротъ сочный донской балыкъ: — за полковника я поручусь, ма фуа, какъ за себя! Это мой искренній другъ и лебошей никогда онъ не былъ способенъ дѣлать, — пароль донеръ!

— Зачто же однако эта толпа рѣшилась на такія дѣйствія?
Панчуковскій улыбнулся.

— Какой же вы чудакъ, почтеннѣйшій мой! Не знаете вы здѣшняго народа! Мой конторщикъ сбавилъ цѣну на этихъ дняхъ. Многіе стали съ половины недѣли, а пришли къ расчету, — всѣ одно захотѣли получить и подпили еще вдобавокъ. Шинкаръ перепугался, ушолъ; а они бочку разбили. Что дѣлать! На то наша Новороссія иногда Америкой зовется! Ее не подведешь подъ стать нашихъ старыхъ хуторовъ: чтó въ Техасѣ творится, то и у насъ въ южнобайрацкомъ уѣздѣ!

— Именно не подведешь, гаркнулъ утираясь Подкованцевъ: — еще разъ вотрѣ санте! А теперь поманижѣкавши можно и за дѣла... Ну что, Васильевъ?

На порогѣ залы показался рослый, бравый мужикъ. То былъ любимый исправницкій содкій, какъ говорили о немъ, тоже изъ Обглыхъ, давно приписавшихся въ этомъ краѣ.

— Что? поймали еще кого?

— Шестерыхъ изловили, ваше благородіе, а остальные разбѣжались.

— Лови и остальныхъ.

— Нельзя-съ; въ уѣздѣ г. Сандараки перебѣжали, граница-съ тутъ за рѣкой...

— Вотъ и толкуйте съ нашими обычаями; бѣда-съ! Кого же поймали?

— Да изъ бунтовавшихъ главнаго только не захватили. Онъ еще ночью бѣжалъ, сказываютъ, въ лиманы, къ морю. Да онъ и въ поджогѣ не участвовалъ-съ, какъ показываютъ.

— Главный? Ктоже онъ? Какъ о немъ говорятъ?

— Будто бы изъ бурлаковъ-съ, Левенчукомъ прозывается... Онъ за эту дѣвку ихъ высокоблагородія-съ... за нее и буйствовалъ и другихъ подбилъ...

Подкованцевъ также подошелъ къ полковнику, взялъ его подъ руку и отвелъ къ окну.

— Экутѣ, моншеръ! Ты мнѣ скажи, по чистой совѣсти: укралъ ты дѣвку эту? ну, укралъ? Говори! Ты только скажи; я на нее взгляну только; а въ дѣлѣ ни-ни; какъ-будто бы ее и небыло... слышишь? Я только глазомъ однимъ гляну!

— Ейбогу же это все враки, никого у меня нѣтъ!

Подкованцевъ почесалъ за ухомъ. Сѣрые глаза его были красны.

— Ну, Васильевъ, обратился онъ къ соцкому : — заковать арестованныхъ и препроводить въ городъ ! Отпуская понятыхъ изъ первой слободы , а тамъ бери новыхъ и такъ веди до мѣста... Маршъ !

— Насчетъ же опять той лошади убитой , бурлацкой , спросилъ соцкій : — какъ прикажете ? Это ихъ человекъ убилъ !

— Какъ приказать ! Сними съ нея кожу , и баста... на сапоги тебѣ будетъ ! Вѣдь тоже бѣглая !

— Теперь же мы въ банчишку , синьоръ ! весело заключилъ исправникъ по уходѣ соцкаго , обращаясь къ хозяину : — а вы , мойнъ геръ , хотите ? подмигнувъ онъ Шульцвейну .

— Нѣтъ , пора домой-съ . Въ степь-съ надо .

Колонистъ походилъ еще немного возлѣ оконъ , взявъ шапку , простился и уѣхалъ , вздыхая .

Исправникъ же до поздней ночи попивалъ морской пуншъ , то есть ромъ съ нѣсколькими каплями воды , игралъ съ Панчуковскимъ въ штосъ , выигралъ десять червонцевъ , поцѣловалъ хозяина въ обѣ щеки , сказалъ : — « Не унывай , Володя ! мы дѣльцо обдѣлаемъ и съ виновныхъ взыщемъ ! » и уѣхалъ , напѣвая романсъ : « Морякъ , морякъ изъ всѣхъ рубакъ ! ты выше и храбрѣе ! » « Адье , милашка ! крикнувъ онъ Панчуковскому уже изъ-за воротъ и прибавилъ : « Слушай , сердце ! Мнѣ часто въ голову приходитъ : какъ я умру ? своею смертью , или не своею ? Былъ я и въ походахъ съ Нахимовымъ , и чуму перенесъ... богъ-вѣсть ! — Стоитъ ли обѣ этомъ думать !

— Какъ кому !

Исправникъ уѣхалъ .

— Ворота однако на запоръ отнынѣ постоянно ! сказалъ полковникъ слугамъ : — благо что отдѣлались отъ одной бѣды ; надо впередъ остерегаться еще болѣе...

— Аксютку же прикажете выпустить теперь ? спросилъ Абдулка по отъѣздѣ исправника , ухмыляясь и раздѣвая барина въ кабинетѣ .

Полковникъ развалился на диванѣ , зѣвнулъ .

— Оксану-то ?

— Да-съ ; что ее теперь держать ? Мы розыщемъ другую..

— Нѣтъ! пусть, Абдулъ, она еще поживетъ. Я поѣду швейцару на хутора молотить; такъ ты ее тогда впередъ доставишь! Да не забудь и самоваръ туда съ провизіей отправить: а то я тогда безъ чаю тамъ просидѣлъ...

Полковникъ успокоился. Событія однако приняли иной неожиданный оборотъ.

А. СКАВРОНСКІЙ

СВѢЖЕЕ ПРЕДАНИЕ

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ

ГЛАВА V

Зачѣмъ стихи, зачѣмъ не проза ?
Зачѣмъ не тополь, а береза ?
Зачѣмъ не лѣто, а зима —
Не свѣтъ, а тѣма, и вѣчно тѣма,
Все покрывающая разомъ :
И тупоуміе, и разумъ,
И честный подвигъ, и обманъ,
И вашъ протестъ, и мой романъ ?..

Когда стихи журчатъ и льются,
И свѣжи какъ потокъ лѣсной,
Или какъ черти надъ водой
Поютъ и воютъ и смѣются, —
Я вслѣдъ за ними уношусь
И ближе къ жизни становлюсь,
И чувствую, что жизнь больная
Мнѣ не чужая, а родная, —
Родная, кровная моя;
Что съ ней неволью связанъ я
То ненавистью, то любовью,
Какъ чуткій нервъ съ живою кровью,
Какъ съ моремъ зыбкая волна
Или какъ съ арфою струна.

Когда богиня пѣснопѣвнѣй

Не хочется звать моихъ сомнѣній,
 Когда, свободная, она,
 Все то, что можетъ, то и смѣетъ,
 Къ тому и льнетъ, кого жалѣетъ;
 Когда, невпямя никому,
 Она свои мѣняетъ страсти —
 Я какъ дитя у ней во власти...

Я самъ незнаю почему
 Она такъ дорожитъ Камковымъ.
 (Увы, друзья, такимъ неновымъ,
 Непоэтическимъ лицомъ!)
 Иль старое все такъ же ново?
 Иль новое не зрѣло слово?
 Или у вѣчно-молодой
 Камены умысль иной?..
 Иль эта прихотница хочетъ,
 Пускаясь за героемъ въ путь,
 Меня, и васъ, и всѣхъ надуть?
 Или о томъ она хлопочетъ,
 Чтобъ пищу дать моимъ врагамъ
 И накормить ихъ до упаду?..
 Незнаю!.. Зажигаю вновь
 Мою вечернюю лампаду
 И вповь пою, врагамъ въ услуду,
 Камкова и его любовь.

И такъ въ назначенные сроки,
 А именно по середамъ
 И пятницамъ (по вечерамъ),
 Онъ сталъ княжнѣ давать уроки.
 Иныхъ — повѣрьте, господа —
 Иныхъ дѣвицъ учить бѣда
 Тому, кто слишкомъ деликатенъ.

Камковъ былъ вѣжливъ, былъ пріятель,
 Уступчивъ, но и онъ подчасъ
 Былъ раздражителенъ. Неразъ
 Большая жолчь его страдала.
 Кому пріятно убѣждать,
 Что дважды-два совсѣмъ не пять?
 Онъ утомлялся — и бывало

Съ душой измученной спѣшилъ
Домой, ложился и хандрить.

Ужь я незнаю, оттого ли
Камковъ взялся княжну учить,
Что и въ тискахъ суровой доли
Не позабылъ, не могъ забыть
Ту ночь, тотъ балъ, какъ сонъ минувшій,
Тотъ образъ дѣвушки мелькнувшей...
Тотъ образъ ангела безъ крылъ,
Который такъ его плѣнилъ.
Иль мой философъ простодушный
Взялся за подвигъ оттого,
Что оставалось у него
Довольно времени...

Признаться,
Въ послѣднемъ можно сомнѣваться.

Начавъ учить княжну, онъ былъ
Такъ вѣжливъ, что не приступилъ
Къ экзамену; нашолъ, что поздно
Учить граматикѣ. Серьезно
Онъ это все сообразилъ,
Или, подкупленъ красотою,
Съ своею совѣстью хитрилъ.

Еще невѣдая, незная,
Насколько милая княжна
И развита и смышлена,
Онъ сталъ учить ее, читая
Любимыхъ авторовъ своихъ.
Читая Пушкина, Кольцова,
Онъ разбиралъ ихъ каждый стихъ,
Докапывался до живого,
До сердцевины — и потомъ
Въ теорію вплеталъ картины
Изъ русской жизни, безъ затѣй
Мѣшая были нашихъ дней
Со временами пугавщины (¹).

(¹) Въ Москвѣ случалось мнѣ слышать «пугавщина» — вмѣсто *пугачевщина*.

Онъ сталъ бесѣдовать съ княжной
 Какъ-будто съ очень развитой
 Дѣвицей — и негодованья
 На общество, на ложь, на зло
 Онъ не скрывалъ, и упованья
 Свои высказывалъ (зѣло
 Онъ вѣрилъ, что заря мерцаетъ,
 Что грязь мѣстами подсыхаетъ
 И что вѣдаромъ Гоголь насъ
 Кололъ не въ бровь, а прямо въ глазъ).
 Онъ говорилъ незапинаясь
 И ужъ конечно нестѣсняясь...

Межъ тѣмъ въ глубокой тишинѣ
 Миссъ Плэдъ сидѣла въ сторонѣ
 И свѣсивъ локонь, наклоняла
 Сѣдую голову — читала,
 Писала письма, вѣл вязала
 Предъ лампой съ темнымъ колпакомъ,
 Филейнымъ шевеля крючкомъ.

Миссъ Плэдъ — Ларисы гувернантка,
 Была отчасти пуританка,
 Пять лѣтъ въ Парижѣ провела,
 Перевела трактатъ о рабствѣ,
 И говорятъ, сестрою въ братствѣ
 Евангелическомъ была;
 Отлично знала пофранцузски,
 Но... трудно говорить порусски.
 Порусски словъ до десяти
 Она могла произнести.
 Когда же слушала Камкова, —
 Не понимала ни полслова,
 Что не мѣшало ей подчасъ,
 Немного шуря лѣвый глазъ,
 Поглядывать съ недоумѣньемъ,
 О чемъ Камковъ мой говоритъ
 Княжнѣ съ такимъ одушевленьемъ
 И почему она молчитъ.

Княжны суровая пугливость,
 Задумчивая тишина

Ея лица, неторопливость
 Ея движеній, глубина
 Очей лазурныхъ, молчаливость,
 «Да», «нѣтъ» и больше ничего —
 Все это друга моего
 Сначала трогало, и было
 Ему такъ ново и такъ мило ;
 Потомъ сомнѣнье вдругъ нашло,
 Какъ тѣнь на блѣдное чело
 Довѣрчиваго педагога.
 Однажды — на грядущій сонъ —
 «Ужь не глупа ль?» подумалъ онъ...
 И думалъ онъ объ этомъ много
 И долго мучился. «Княжна
 Такая странная ! Кто знаетъ —
 Твердилъ онъ — можетъ-быть она
 Меня совсѣмъ не понимаетъ.
 Но... Господи ! какъ хороша !
 Мадона въ лѣтскихъ сповидѣньяхъ
 Рафаэля !.. Что за душа
 Въ глазахъ, во всѣхъ движеньяхъ
 Какая прелесть !.. Пусть она
 Неразвита и неумна...
 Зато... и не глупа же очень...»

Въ одну изъ пятницъ, озабоченъ
 Такимъ сомнѣньемъ, — «Нѣтъ же, нѣтъ ! —
 Онъ мысленно себѣ въ отвѣтъ
 Твердилъ упрямо : — «нѣтъ, глазами
 Такими тулость не глядеть !
 Она меня благодарить
 И молчаливыми устами,
 И этимъ взглядомъ. Боже мой !
 Какъ я неправъ передъ княжной !»

И вотъ проклятый Мефистофель
 (Московскій, стало безъ затѣй)
 Ему надъ ухомъ шепчетъ : «Эй !
 Неслишкомъ вглядывайся въ профиль
 Княжны загадочной своей.
 Вѣдь это не мечта поэта
 И не мадона, въ безднѣ свѣта

Межь ангеловъ по облакамъ
 Грядущая, и не Психей
 Изъ ирамора, среди музея
 Поставленная знатокамъ,
 Такимъ какъ ты, на удивленье :
 Нѣтъ, это смертное творенье —
 Княжна Таптыгина... Простись
 Съ надеждами — и отвернись !
 Вѣдь ты и чижика подъ сѣтью
 Держать не станешь ; стало-быть
 Тебѣ, мой другъ, обуха плетью
 Во-вѣки не перешибить !»

Такъ бѣсъ поддразнивалъ Камкова.
 Опъ зналъ съ чего ему начать.
 Другое на ухо другого
 Онъ вѣрно сталъ бы напѣвать.
 Въ аристократку педагога
 Влюбить — задача недурна,
 Особенно для психолога.
 Конечно, швейка и княжна,
 Мѣщаночка и баронеса
 Для любознательнаго бѣса
 Всѣ одинаково равны,
 Всѣ для него испечены
 Изъ одного того же тѣста ;
 Но — у людей разряды есть,
 У всякаго свое есть мѣсто,
 Своя особенная честь,
 И надобно, чтобъ грѣхъ попуталъ,
 Чтобъ кто-нибудь все это спуталъ...

Пусть говорятъ : «попуталъ грѣхъ !»
 Я, господа, грѣха не вижу
 Въ томъ, что люблю и ненавижу
 Кого хочу... Но ѣдкій смѣхъ,
 Надменный тонъ, расчеты свѣта,
 Мертвящій холодъ этикета,
 Сердцеъ продажныхъ маскарадъ —
 Какой любви не охладятъ,
 Кого не оттолкнуть ?

Далеко

Отъ шума свѣтскаго жила
Моя княжна. Она ждала,
Какъ развлеченія, урока...
И тишина была кругомъ,
Когда Камковъ являлся въ домъ.
Самъ князь въ ту зиму былъ въ отлучкѣ.
Пустымъ казался бель-этажъ,
Когда Камковъ касался ручки
Звонка. Дверей парадныхъ стражъ,
Швейцаръ являлся безъ ливренъ,
Лакей въ душѣ, какъ всѣ лакеи;
Почуя носомъ бѣдняка,
Глядѣлъ немного свысока
И молча принималъ Камкова,
Какъ господина, нанятаго
Въ извѣстный часъ, въ извѣстный день
Тревожить княжескую лѣнь.
И какъ обычный посѣтитель,
Шолъ безъ доклада мой учитель.
Сперва по лѣстницѣ шагаль,
Потомъ черезъ холодный залъ,
Покашливая, направлялъ
Свои шаги онъ къ коридору
Довольно темному, къ дверямъ,
Завѣшаннымъ ковромъ — и тамъ
Встрѣчалъ застѣнчивую Лору
Или Ларису — у окна
Или у лампы съ книгой. Станный
Былъ взглядъ у ней, когда она
Его встрѣчала. Такъ со сна
Глядитъ на васъ ребенокъ, рано
Разбуженный и чѣмъ-нибудь
Пріятно изумленный. Грудь
Прикрывши книжкой, подходила
Она къ столу, не говорила
Ни слова и была блѣдна.
Она къ уроку приступала
Какъ-будто къ таанству; она
Какъ-будто молча изучала
Камкова. (Мой ученый другъ
Сталъ увивать.) Она молчала,
Молчала три недѣли — вдругъ

Пришла въ себя, заговорила,
 И такъ Камкова изумила
 Что онъ... и руку протянулъ,
 И усмѣхнулся, и вздохнулъ
 Отъ радости... И боже мой!
 Съ какою милой простотой,
 Съ какой улыбкою привѣтной,
 Съ какою искренней, замѣтной
 Довѣрчивостью начала
 Она съ нимъ говорить!.. Призналась,
 Какъ въ первый разъ она боялась
 Его прихода; какъ была
 Она тупа и какъ страдала,
 Когда его не понимала.
 — «Я думала, что на меня
 Вы будете кричать — сказала
 Она, рѣсницы опушта,
 Съ зардѣвшимся лицомъ: — вѣдь я,
 Сказать по правдѣ, безтолкова.
 Такъ напримѣръ что значить слово
 «Сосредоточенность?..» Потомъ
 Квяжна, чертя карандашомъ
 Какой-то носъ въ пустой тетрадкѣ,
 Сказала: «не могу смѣкнуть,
 Что значить «личность». Брань, нападки?
 Или другое что-нибудь?»

Не повторю вамъ объясненій,
 Всѣхъ выводовъ и заключеній,
 Всего того, что говорилъ
 Герой мой и чему училъ:
 Нѣтъ, вы сочли-бъ за неприличность,
 Когда-бъ я сталъ вамъ объяснять
 Въ стихахъ, какъ надо понимать
 «Сосредоточенность» и «личность».
 Все это намъ давнымъ-давно
 Журналами объяснено.

Хоть личностью въ толпѣ безличной
 Изъ васъ никто не знаменить,
 Но каждый фронтъ иль фатъ столичный
 Вамъ все на свѣтѣ объяснить.

Онъ лѣтомъ, по дорогѣ съ дачи
 На дачу, весело рѣшить
 Всѣ философскія задачи,
 И ужь конечно разбравить
 Идеалистовъ. Въ наше время
 Другое выплываетъ племя —
 Не любить слова «идеаль».
 Ахъ, это слово!.. это слово
 Несчастное чуть дышетъ — и
 Ждетъ какъ лекарства отъ Лаврова
 Или отъ Страхова статьи!
 Въ тѣ дни, напротивъ, было вновь
 Оно, и каждый въ этомъ словѣ
 Глубокій смыслъ подозрѣвалъ
 И философствуя, мечталъ.
 И можетъ-быть княжна мечтала,
 Ждала чего-то впереди,
 И думала, что все возможно...
 И сердце въ дѣвственной груди
 Полнѣе билось; сонъ тревожный
 Смыкая очи, не смыкалъ
 Горячихъ устъ... Онъ рисовалъ
 Не за предѣлами могилы,
 А въ жизни разума и силы
 И чести, свѣтлый идеаль...

Камковъ ей часто намекалъ,
 Что есть у всякаго народа
 Святая цѣль — его свобода.
 По-своему онъ понималъ
 Свободу. Быть вполне свободнымъ —
 Онъ думалъ — значило связать
 Себя во многомъ, сочетать
 Свой личный идеаль съ народнымъ.
 Такъ отчего же мой Камковъ
 Не слѣдался славянофиломъ?
 Друзья! нетрата лишнихъ словъ,
 Скажу, что бѣдный мой Камковъ
 Не вѣрилъ потаеннымъ спламъ.
 «Нѣтъ! часто думалъ онъ: — пока
 Нашъ мужичекъ безъ языка, —

**Славянофильство невозможно
И преждевременно, и ложно...»**

Но что онъ думалъ, я писать
 Подробно вовсе не намѣренъ ;
 Я, господа, вполне увѣренъ,
 Что изъ подобныхъ думъ создать
 Лицо — напрасный трудъ. Едвали
 И тѣ, которые читали
 Его статьи (осьмнадцать лѣтъ
 Тому назадъ), воображали,
 Что онъ *лицо*... Полуноэтъ,
 Полуфилософъ, часто съ видомъ
 Насмѣшки надъ самимъ собой
 Онъ говорилъ : Э, боже мой !
 Ниразу невступивши въ бой,
 Какимъ гляжу я инвалидомъ !
 Пора на лаврахъ отдыхать !
 На содержанье поступать,
 Пора усердно притворяться
 Влюбленнымъ въ баронесу, стать
 Ея собачкой, къ ней ласкаться
 И передъ ней хвостомъ вилять...»

А баронесса начинала
 Не въ шутку волноваться: знала
 Она что съ ней, но не могла
 Понять что съ нимъ: онъ сталъ желтѣе,
 Разсѣяннѣе, холоднѣе,
 Скорѣй придиричивъ, чѣмъ остѣрь.
 — Ужель, княжна!.. Нѣтъ, это вздоръ !
 Нѣтъ, это только подъ сомнѣньемъ
 («Ужь если я не увлекла!»)...
 И баронесса съ нетерпѣньемъ
 Влюбленной женщины ждала
 Развязки...

Въ маѣ, за границу

Она съ собой его звала.
 Она звала Камкова въ Ницу,
 Въ Венецію, въ Неаполь, въ Римъ, —
 Столицу напы, идіотовъ —
 Цоповъ, натурщицъ, патриотовъ

И мраморныхъ боговъ. Предъ нимъ
 Она хвастливо раскрывала
 Большой съ рисунками альбомъ,
 Рассказывала, наменяла,
 Гдѣ можно умереть вдвоёмъ... (1)

Камковъ шутилъ, и бѣсъ лукавый
 Въ ней колебалъ разсудокъ здравый,
 Начто ужъ кажется она
 Была умна и учена!

Въ тотъ день, когда княжна Камкова
 Такъ удивила, ужъ никакъ
 Не ждалъ сюрприза онъ другого.
 Домой вернувшись, мой чудакъ
 Нашолъ записку; распечаталъ,
 Прочелъ... еще прочелъ — и спряталъ.
 Писала женская рука,
 Но не поженски коротка
 Была записка. Лаконична
 Насколько можно, и ясна.
 Насколько должно. Я отлично
 Ее запомнилъ.

Вотъ она:

ЗАПИСКА БАРОНЕССЫ

«Зачто вы стали избѣгать
 Друзей? Чудакъ вы!... развѣ честно
 Такъ съ женщинами поступать?
 Позвольте прямо вамъ сказать:
 То, что изволить васъ пугать,
 Не можетъ быть для васъ нелестно.
 Мнѣ ваше сердце неизвѣстно.
 Свое я не хочу скрывать,
 К чему скрывать! вѣдь я страдаю
 Не оттого, что я люблю,
 А оттого, что я незнаю
 Любима ли? Я васъ молю

(1) Стихъ А. Н. Майкова...

Меня не мучить! Дайте слово,
 Что завтра въ *десять* вы у насъ.
 Я для другихъ больна; для васъ
 Я завтра вечеромъ здорова.»

И только!.. Если не считать
 За этимъ — точекъ... Точки эти
 Затѣмъ и выдуманы въ свѣтъ,
 Чтобъ непонятно выразить
 Понятное. Блажомъ; кто можетъ
 По нимъ о счастья гадать,
 Кого ихъ тайный смыслъ тревожить!

И эти точки мой герой
 Невольно принялъ къ сердцу близко.
 Но откровенная записка —
 Увы! не сердце, а покой
 Больной души его смутила...

И вотъ, не безъ душевныхъ слезъ
 Припалъ онъ жаркой головою
 Къ своей подушкѣ, нераздѣвъ
 И неразуть, точь-вточь поэтъ,
 Неумолимую судьбою
 Въ темницу брошенный, и тамъ
 На жертву крысажъ и мечтамъ
 Покинутый...

Свѣча горѣла

И догорала. Онъ лежалъ,
 Лежалъ... потомъ и вѣрно всталъ,
 Раздѣлся... Полночь прогулявъ
 На дальней башнѣ; онъ задулъ
 Свѣчу и наконецъ заснулъ.

Герой мой спитъ. — Чу! зачликала
 На мокрой кровлѣ воробей:
 Не солнце, а весну онъ кликала

Заря все шире, все теплѣй;
 Вставала... дождякъ капалъ
 Съ досчатыхъ кровель; рыхлый снѣгъ
 Былъ смѣшанъ съ грязью; санный бѣгъ
 Каменья мостовой царавалъ;
 Колесъ глубокіе слѣды
 Сплывались; не было вѣды
 Ни на саняхъ, ни на колесахъ.
 Весна протягивала посохъ
 И слышался со всѣхъ сторонъ
 Въ Москвѣ великопостный звонъ.

Еще довольно было рано,
 Чтобъ ѣхать въ гости къ холостымъ,
 Но мы старушкѣ извинимъ.
 Въ ворота въѣхала Ульяна
 Ивановна, снѣпа застать
 Камкова, и была серьезно
 Удивлена, что онъ такъ поздно
 Еще изволить почивать.
 Она пріѣхала съ служанкой,
 Съ своимъ мѣшочкомъ и съ визанкой
 Баранковъ. — «А когдажъ онъ встанетъ
 Изволить? Скоро будетъ восемь
 Часовъ; мы разбудить попросимъ.»
 Пошла кухарка отверять
 Скрипучій ставень. Всталъ съ постели
 Герой мой и глаза протеръ
 И удивился:

— Неужели

Княгиня?.. гдѣ? съ которыхъ поръ?..
 Сейчасъ одѣнусь. —

— «Не сердитесь,

Отецъ мой: ѣду изъ Москвы
 Молиться къ Троицѣ...»

— Ужь вы и шутите!

И за меня тамъ помолитесь,
 Сказалъ онъ отворяя дверь.

Она вошла...

— «Ну да, конечно, теперь...
 Мой милый, Петръ Ильичъ; теперь...
 Угоднику, поклоны вѣчно...
 Я буду, какъ и за тебя...»
 — Зачтожь такъ долго за меня...
 Вы будете трудиться? Я...
 Такихъ моленій недостойтъ! —

— «Ну, милый, ты ужь будь покойнѣе...
 На этотъ счетъ. Вѣдь это я...
 Уладила, что ты урочище...
 Дашь моей княжвѣ. Была
 У родственницы и дала...
 Твой адресъ. Я тебя въ пророки
 Какіе-то произвела:...
 Сказала... ну, что я сказала...
 Про то молчу. Вѣдь я слыхала...
 Какой ты мастеръ: говоришь...
 Какъ книга — и не улетишь...
 Вслѣдъ за тобой, и не поймаетъ...
 Такъ высоко ты забираешь...
 Недаромъ ты одну изъ дамъ...
 Приворожилъ; чуть не свихнула...
 Съ ума... ну да... И по губамъ...
 Старушки бабьей праскользнула...
 Усмѣшка. Впрочемъ не кольнуть...
 Камкова и не замекнуть...
 Хотѣлось ей на что-нибудь...
 Напротивъ, бабья хотѣла...
 Ему польстить и не умѣла...»

«О!» — выслувавъ ея слова,
 Камковъ подумалъ: «Москва...
 Москва!..» (Вчерашнее...
 Мелькнуло въ головѣ его.)
 Неужели твое призванье...
 Все знать, не дѣлать ничего...
 И сплетничать?..

Совсѣмъ вносъ...
 Происходило въ головѣ...
 Старушки, и не о Москвѣ
 Напоминало ей больное

Въ душѣ мѣстечко! Можетъ-быть
 Довольная своимъ вступленьемъ,
 Она съ замѣтнымъ истеривеньемъ
 Рѣшилась вдругъ его спросить.

— «Что дочка? и чему ты учишь?
 И скоро ли ее приучишь
 Меня за вѣдму не считать?
 Вѣдь я люблю ее... я мать!»

Камковъ очнулся. Не съума ли
 Она сошла?.. — Что вы сказали?
 Какая вѣдма?.. —

... — «Отчего жъ,

Когда она меня встрѣчаетъ,
 Ее голубушку бросаетъ
 Всю въ лихорадочную дрожь?

Ты ей скажи, и не желаю

Пугать... не подожду... Я знаю

Какъ тяжело и страшно ей

Встрѣчаться съ матерью своей.

Вотъ и на дняхъ она каталась

Съ своей мадамой, и на ней

Былъ бархатный салопчикъ; ей

Остановиться бѣ... Сильно сжалось

Во мнѣ сердечушко, когда

Она какъ вѣтерокъ промчалась.

И то сказать, прошли года

Съ тѣхъ поръ какъ я съ княжной разсталась!

Тогда еще и трехъ годковъ

Ей не было. Отецъ боялся,

Что я приду за ней; суровъ

Онъ былъ со мной и горькихъ словъ

Моихъ не слушалъ. Богу кляся,

Что мнѣ какъ собственныхъ ушей

Не видѣть дочери моей...»

Княгини голосъ оборвался.

Камковъ съ усиленъ молчалъ.

— «Ну вотъ, онъ клятву и сдержалъ!..»

Она съ тоской договорила,

И съ безпокойствомъ поводила

Платкомъ по подбородку!..

— «Эла

Я не желаю», начала
Опять княгиня: — «столько знаешь
Какія дѣются дѣла.
На свѣтъ! и не разгадаешь
Какъ поступать...»

— Чтожъ было съ вами?

Спросилъ Камковъ, моргнувъ глазами.
— «Не вынесла, мой другъ. Въ нашъ домъ
Князь помѣстилъ свою Любашу,
Цыганку. Заваривши кашу,
Хотѣлъ онъ скрыть ее — и скрылъ!..
И гдѣ жъ ее онъ помѣстилъ?
Съ княжною рядомъ — подлѣ дѣтской!!
Я няньку нанялъ, говоритъ :
Привезъ изъ слободы вѣмецкой.
Да съ этой нянькой и кутить...
Что будешь дѣлать? Я ни слова,
Ни полсловечка... Я взяла
Да и ушла. Ну да, ушла
Въ день воскресенія христова
Изъ церкви прямо какъ была,
Въ нарядномъ платьѣ, наняла
Карету да и покатила
Вонъ изъ Москвы — да и забыла
Про колыбелку!»

— Не могли

Вы поступить иначе — я
Недурно поступила. —

— «Свято

Я исполняла долгъ мой... Но,
Тутъ извини : я виновата.
И не оправдывай!.. Грѣшно
Мнѣ было въ эдакомъ содомѣ
Покинуть дочку. Наказалъ
Меня Господь!.. Всѣхъ въ нашемъ домѣ
Всѣхъ муженекъ мой разогналъ;
И няню... и ее отправилъ
Въ деревню; при себѣ оставилъ
Двухъ поваровъ, да изъ людей
Какимъ-то чудомъ лишь Матвѣй

Мой удѣльцъ — старикъ усердный.
 Онъ недоимки собирать...
 Былъ посланъ. Любитъ кулачить,
 А впрочемъ чистоты примѣрной.
 Конечно, въ домъ меня пускать
 И онъ не смѣлъ: за мной слѣдили.
 Я знаю, старика водили
 Въ полицію, зато что онъ
 Вишь отъ меня принесъ поклонъ
 Малюткѣ...

— Какъ же поступила

Съ нимъ полицейскіе?

— «Ну какъ!

Извѣстно какъ — обыкновенно.»

— Чтожъ онъ?

«Да ничего», — смиренно

Отвѣтила княгиня. — «Такъ

Несчастлива и наказали

Изъ-за меня... Съ тѣхъ поръ, мой другъ,

Чтобъ люди-то не пострадали,

И на меня нашолъ испугъ;

Въ особенности за Матвѣя

Мнѣ было тягостно...»

Краявѣя

До самыхъ такъ-сказать бровей,

Хозяинъ мой внималъ своей

Печальной гостьѣ. Ничего-то

Не зналъ онъ, хотъ и жилъ въ Москвѣ.

Въ его горячей головѣ

Былъ міръ иныхъ идей — работа

Ученая... Мой педагогъ

Никакъ вообразить не могъ

Своей наивной ученицы

Въ такой средѣ... среди такой

Житейской грязи. Такъ шарпы

Иль нимфы посреди гнилой

Трясины мы никакъ не можемъ

Себѣ представить.

Но отложимъ

Фантазію, не утомимъ

Читателя и сократимъ

Рассказъ княгини.

— «Я добьтсь»

Хотѣла правъ своихъ... мириться
 Хотѣла — горлости своей
 Не слушала — и чтожь? меня же
 За это обвинили! Даже
 И репутаціи моей
 Не стали вѣрить... Онъ, злодѣй,
 Не пощадилъ меня нисколько...
 Убью! кричала... Попробуй только!
 Вотъ начала и подростать
 Моя княжна, и стали мать
 Ей людоѣдкой представлять.
 Чего ужъ ей не говорили,
 Чѣмъ не пугали, не мutilи
 Разсудка дѣтскаго!.. При ней
 Хорошихъ не было людей.
 Еще не знаешь ты какъ люди
 Жестокосердны. Впрочемъ буди
 Его святая воля! Все
 Перетерплю — и что мое,
 То не уйдетъ. Ушло — вернется.
 У Бога очередь ведется...»

— Но, перервалъ ее Камковъ: —
 Положимъ, трехъ-пяти годовъ
 Ребенокъ былъ напуганъ вами!

— «Ну да, напуганъ. Онъ слезами
 Меня встрѣчалъ, рвался изъ рукъ,
 Головку пряталъ...»

— Увѣряю,
 Княгиня, еслибъ кто другой
 Рассказывалъ... Но, боже-мой!
 Я все еще не понимаю:
 Ребенокъ могъ бояться васъ.
 Ну, а теперъ?

— «Теперъ? — не знаю,
 Отецъ мой! Только всякій разъ,
 Когда случайно я встрѣчаю
 Мою красавицу — она
 Какъ платъ становится блѣдна,
 Ну словно видѣтъ хладнокровно»

Меня не можетъ... ну... ну словно
Я врагъ заклятый. Да и я
Сама къ ней подступить не смѣю:
Что, если оттолкнетъ меня?..»

— А если бросится на шею?
Чего же вы боитесь?

— «Нѣтъ,
Боюсь я...» былъ ея отвѣтъ.
И блѣдная старушка стала
Еще блѣднѣй. Богъ-вѣсть о чемъ
Она потупясь размышляла,
И въ этотъ мигъ ея черты,
Которыя года измѣяли,
Еще живѣй напоминали
Остатки прежней красоты;
И вглядываясь, можно было
Узнать въ ней мать княжны (въ сухомъ
Цвѣткѣ мы узнаемъ съ трудомъ
Его родню, что съ вѣтеркомъ
Весной льетъ аромать кругомъ).
И мысль свести ихъ соблазнила
Камкова...

— Я васъ помирю,
Сказалъ онъ: — я вамъ говорю
Какъ честный человѣкъ.

— «Неужто?
Отозвалась она: — а мужъ-то
Мой благовѣрный, — развѣ онъ
Допустить!»

— Полноте бояться,
Онъ гдѣ-то рыщетъ...

— «Я, призваться,
Сама хотѣла... Ты поклонъ
Мой отнеси сначала. Бѣду
Сегодня къ Троицѣ; ну да
Авось Господь пошлетъ побѣду
Надъ сопротивными... Когда
Я ворочусь, — ты ей, мой милый,
Просвирку отнесешь: повѣрь,
Что это будетъ хорошо. Теперь
Прощай пока!»

И заспѣшила

Старуха — и перекрестясь
Уѣхала.

Десятый часъ

Былъ на часахъ Камкова. Онъ
Невольно вспомнилъ вечеръ. Легъ онъ
На свой диванъ между двухъ оконъ,
И, грустный, вслушивался въ звонъ:
Колокола протяжно пѣли,
Тянули душу, но не грѣли.
Одна мечта была тепла,
И та — мучительна была...

ГЛАВА VI

Извѣдано, что хитрость есть
Умъ дураковъ, и несвободныхъ,
Добавлю я: и всѣхъ, чья честь
Вращается среди природныхъ
Ея враговъ. Врагамъ же нѣсть
Числа — ихъ больше, чѣмъ голодныхъ
Волковъ въ лѣсу, чѣмъ хищныхъ птицъ
Въ степи; что шагъ, то и возможность
Сгубить всю жизнь свою... Въ лисицъ
Насъ превращаетъ осторожность...
Мы, люди съ правилами, такъ
Искажены, такъ лицемѣримъ,
Что поневолѣ только вѣримъ
Чистосердечію собакъ.

Мужъ баронесы *** былъ скорѣе
Баранъ чѣмъ волкъ, но съ нимъ хитрѣе
Она была чѣмъ съ кѣмъ-нибудь;
Она не слишкомъ опасалась
Его роговъ, — она боялась
Своей измѣною кольнуть
Его достоинство баранье,
Утратить все свое вліянье,
И быть осмѣянной пустой
Великосвѣтскою толпой,
Къ которой ни по состоянью,

Ни по связямъ , ни по призванью ,
Никакъ принадлежать не могъ
Мой благородный педагогъ.

Но баронесъ мало было
Хитрить съ барономъ : нѣтъ , она
Сама съ собой осуждена
Была хитрить , и такъ хитрила,
Какъ никогда...

Въ условный день
Свиданья , долго притворялась
Она поутру спящей ; лѣвъ
Ей было встать. Она терлась
Въ своихъ сомнѣньяхъ , зарывалась
Въ подушки... «Вечеръ все рѣшитъ!»
Она мечтала.

Люди встали ,
Скребли , мели и перестали.
Всѣ думали , хозяйка спить.
А между тѣмъ она твердила ,
Твердила : «вечеръ все рѣшитъ».
Но вотъ одѣвшись , побранила
Она себя за этотъ бредъ
И за вчерашнее посланье
Къ Камкову. — Кажется признанья
Въ немъ не было... Конечно нѣтъ !
Лукавый ей шепшулъ въ отвѣтъ.

Потомъ за чаемъ разсудила
Она , что глупо поступила ;
А впрочемъ , врядъ ли онъ пойметъ —
Въ чемъ дѣло... Нечего напрасно
Тревожиться , и онъ прекрасно
Поступить , если не придетъ.
Да и она его не ждетъ ,
Совсѣмъ не ждетъ и имъ не бредитъ :
Напротивъ , очень можетъ быть ,
Что и сама она уѣдетъ
На цѣлый вечеръ. Заложить
Велитъ двумѣстную карету
И ко всеобщей къ Ф. . . .
Отправятся. Пускай придетъ

И не застанетъ дома... Боже,
Какъ онъ разсердится!

— Зачто же

Вы сердитесь, философъ мой!
Могла ль я думать, что рѣшитесь
Вы на свиданіе со мной?
Нѣтъ, вы сперва въ меня влюбитесь,
Потомъ уже... О, вы чудакъ
Такой, какихъ на свѣтѣ мало!
Что за бѣда, что я не стала
Васъ дожидаться? Если такъ
Васъ это сердить, — чѣмъ хотите
Я искуплю мою вину...
Желайте, требуйте, ищите —
И я... я васъ не обману.
Отбросьте недоразумѣнья!

Такъ въ области поображенья
Она бесѣдовала съ нимъ:
Герой былъ счастливъ, и — незримъ.
Она была боготворима
И такъ же какъ и онъ незрима...
Пускай глядятъ — пусть смотритъ сынъ...
Пусть смотритъ мужъ...

И за обѣдомъ

Съ однимъ помѣщикомъ-сосѣдомъ
Она кокетничала; винъ
Ему заморскихъ предлагала,
Сама въ стаканы наливала
И тѣшилась... пусть ни одинъ
Изъ нихъ не видятъ, что тамъ бродитъ
У ней въ мозгу, что происходитъ
Въ душѣ... Въ смѣющихся глазахъ
У ней темнѣе было вдвое
Чѣмъ ночью въ черныхъ облакахъ
Иль въ омутѣ на днѣ. Какое
Намѣреніе скрывалось въ ней,
Когда она своихъ гостей
Такъ угощала за обѣдомъ —
Кто понялъ?.. Но съ ея сосѣдомъ,
Едва изъ-за стола онъ всталъ,

Случилось диво: онъ повѣсилъ
 Свой красный носъ и задремалъ...
 Потомъ привсталъ, поклонъ отвѣсилъ,
 Потомъ, чтобъ больше не дремать,
 Въ гостинницу поѣхалъ — спать:

Съ утра болтающіе гости
 Ее терзали. Тайной злости
 Полна, она лишь объ одномъ
 И думала и говорила
 При всѣхъ, открыто, за столомъ,
 Что хочетъ выѣхать; потомъ,
 Когда она самъ-другъ осталась
 Съ барономъ, вдругъ ей показалось,
 Что въ спину-колетъ, что она
 И простудилась и больна...
 Что ей такъ хочется къ графинѣ
 Заѣхать... и... увы! должна
 Скучать...

«Ахъ! вспомнила она
 При мужѣ — буду полатынѣ
 Учиться: — кажется звала
 Сегодня я Камкова. Зла
 Я на него. Да, никакова
 Въ немъ такта нѣтъ: по четвергамъ
 Зову, зову... дастъ мнѣ слово —
 И надуваетъ! Вѣчно къ памѣ
 Придетъ не вовремя. Намедни
 Пришолъ поутру; я къ обѣдни
 Сбиралась — вѣчно невпопадъ!
 Такой чудакъ.»

— Ну чтожь? я радъ!
 Тряхнувши гладенькой головкой,
 Сказалъ баронъ: — опъ малый ловкій
 И нечего сказать; ученъ,
 Ученъ собака!

Вотъ разсталась
 Она съ супругомъ и пошла
 Въ свой будуаръ. Уже смеркалось;
 Заря по окнамъ пронесла

Огни свои и за гардиной
 Куда-то спряталась. Въ гостиной
 Часы пробили девять. Свѣтъ
 Прощальный въ сумеркахъ печальныхъ
 Еще кой-гдѣ мелькалъ въ зеркальныхъ
 Померкшихъ стеклахъ. Въ кабинетъ
 Къ барону лампу осторожно
 Пронесъ лакей, но будуаръ
 Былъ темень... Щекъ румяныхъ жаръ
 Не озарялъ его... тревожно
 Она оглядывалась; слухъ
 Ея былъ напряжонъ. — Возможно ль,
 Чтобъ время медленное вдругъ
 Подкралось къ ночи! Не безбожно ль
 Оно обманываетъ насъ?
 Неужели условный часъ
 Такъ близокъ?.. Сдержанно и бурно
 Дышала грудь ея... звонокъ —
 И онъ войдетъ...

Чу! молотокъ

Позолоченаго Сатурна,
 У Гименея неспросясь,
 Протяжно, съ разстановкой разъ
 Ударилъ... два... и сосчитала
 Она удары: десять!.. Встала
 И, блѣдная, пошла къ дверямъ
 Передней.

— «Ты сегодня въ клубъ?»

— Ну да, мой другъ, конечно тамъ,
 Сказалъ баронъ.

Баронъ былъ въ шубѣ

И ждалъ кареты; кучерамъ
 Былъ посланъ нагоняй. Терпѣнье
 Въ немъ лопнуло. — «Какой подлець
 Закладываетъ!» въ заключенье
 Ворчалъ онъ подъ носъ. Наконецъ
 Къ крыльцу карета подкатилась
 И въ клубъ барона увезла.
 Жена въ переднюю вошла,
 И на швейцара покосилась;
 Но — не къ швейцару обратилась,
 А къ камердинеру:

— «Позвать

Мнѣ сына.»

— Онъ никакъ изволилъ

Въ концертъ уѣхать...

— «Кто позволилъ?

Баронъ? Какъ мальчика пускать
Въ такія лѣта, одного! Спросите,
Кто изъ людей поѣхалъ съ нимъ?
Какая мука!.. Доложите,
Коли придетъ Камковъ. Другимъ
Отказывайте: говорите,
Что я больна и спать легла.»

Сказала, бровью повела —
И вышла.

Боги! нѣтъ страданья

Несноснѣе какъ ожиданье
Влюбленныхъ. Тотъ, кто испыталъ
Его, — тотъ медленно глоталъ
Сокъ приторный изъ чаши самой
Противной скуки. Надо быть
Не женщиной, не свѣтской дамой,
Чтобъ до конца ее допить
И на другой же день въ постелю
Не слечь на цѣлую недѣлю.

Еще довольно весела
Она была, когда вошла
Въ свой кабинетъ. Нашла, что мало
Огня въ каминѣ. Наброеала
Туда щипцами угольковъ,
Подумала: придетъ Камковъ
И что-то скажетъ?.. — Не дожидаться
Ему признанья новыхъ словъ!
Нѣтъ, я вторично унижаться
Не стану. Нѣтъ! — И ей заняться
Хотѣлось. Спичкою зажгла
Она свѣчу, достала книжку,
Читать хотѣла — прилегла
И встала... Вспомнила Амшну,
Свою собачку, и пошла
Ее укладывать, а кстатѣ

Узнать объ горничной объ Катъ,
 Которая вчера слегла
 Отъ головной простудной боли.
 Ей нужно къ икрамъ привязать
 Горчишники. Нехудо знать
 Чтò дѣлается... Словомъ, все ли
 Въ порядкѣ.

— Боже мой!.. Камковъ!

Ты можеть-быть своихъ часовъ
 Не заводилъ — или пропала
 Моя записка... или... но
 Мнѣ совершенно все равно...
 И баронеса повторала,
 Что никого она не ждетъ
 И жлать не кочеть. Пусть придетъ,
 Пусть не придетъ, — ей дѣла мало,
 Ей все равно!.. Изъ-за него
 Она терзать себя не станетъ.
 Чтò онъ такое? ничего!
 Плебей, учитель! Вѣчно завягъ,
 Чтòбъ хлѣбъ засушныи добывать...
 Ему ль цѣнить! Ему ль понять!
 И прочее. — Нѣтъ, нѣтъ! Вѣрнѣе,
 Всего вѣрнѣе, что Камковъ
 Не заводилъ своихъ часовъ,
 И непременно онъ поздиѣ
 Придетъ... Не получить не могъ
 Онъ моего письма... У ногъ
 Моихъ онъ выпросить прощенье
 И за минуту промедленья,
 Нетолько за десять минутъ!

А между тѣмъ часы бѣгутъ
 Замѣтно исчезаютъ краски
 Съ ея лица; глаза не лгутъ:
 Они горять... Лицо безъ маски
 Омрачено уже такой
 Досадою, такой тоской,
 Чтò... если умъ съ душою бѣдной
 Еще попржнему хитритъ,
 — Ты, баронеса, говоритъ

Ей зеркало, — такую блѣднѣй,
 Такою смутной не была
 Съ тѣхъ поръ какъ сына родила.
 И покачнувшись, отошла
 Она отъ зеркала, и руки
 Скрестила, и опять легла.
 И долго вслушивалась въ звуки
 Иль въ гулъ шаговъ, колесъ, саней
 На улицѣ... Войдя онъ къ ней
 Сейчасъ, — она бы не сумѣла
 Подняться: такъ оцѣпенѣла
 Всѣмъ тѣломъ, такъ была она
 Вся въ чуткій слухъ превращена.
 Войдя онъ къ ней сейчасъ, — и въ зрѣнье
 Въ такое жъ чуткое, какъ слухъ,
 Она бы превратилась вдругъ.
 И ни одно его движенье
 Не ускользнуло бы; въ одно
 Неуловимое мгновенье
 Все было бъ понято.

Грѣшно

Ему такъ медлить! Какъ! ужели
 Одинадцать?! Какъ бой часовъ
 Далеко слышенъ! прогудѣли
 Удары... кончено! Камковъ
 Не будетъ...

Въ залу устремила

Она свой взоръ — тамъ тѣма была,
 И въ темную она вошла
 Гостиную, и показалось
 Ей тамъ, что помѣшалась.
 Она, что бредить на яву —
 Къ невидимому существу
 Идетъ навстрѣчу... Испугалась
 Она такой мечты; осталась
 Однакоже впотымахъ, потомъ
 Къ окошку подошла, и лбомъ
 Прижавшись къ темной рамѣ, стала
 Глядѣть на улицу. Съ угла
 Отъ фонарей была свѣтла
 Большая улица. Мелькали
 То здѣсь то тамъ, то выростали,

То съѣживались тѣмъ. Вотъ
 Какая-то мамзель идетъ,
 Какой-то кавалеръ за нею
 Спѣшить, вытягиваетъ шею —
 Картузъ клеенчатый блеститъ
 И пропадаетъ... Вонъ въ овчинной
 Шубейкѣ баба штофъ несетъ.
 Вотъ ѣдетъ рымью съ пикой длинной
 Казакъ и можетъ-быть везетъ
 Депеши... Вотъ в неуклюжіи
 Фонаричекъ: съ лѣстницей нагъ лужей,
 Должно-быть вздумалъ помечтать,
 Остановился... и опять,
 Опять все пусто... Вотъ изъ мрака
 Къ столбу фонарному собака
 Идетъ, за ней изъ-за угла
 Другая, третья... и пришла
 Собачья свадьба. Раздается
 Задорный лай... Что это, сонъ
 Проклятый, или жизнь!? А онъ!..
 Онъ можетъ-быть теперь смѣется
 Иль началъ Гогеля читать!
 Увы! мечтою не догвать
 Того, что въ руки не дается!..
 Чего-жъ ты ждешь? Какой любви,
 Какихъ чудесъ изъ-подъ земли?
 Повѣрь, никто въ плащѣ не встанетъ
 Съ гитарой вродѣ твоимъ окномъ.
 И серенады пѣть не станеть!
 Тутъ не Испанія, не Римъ!
 . . . . .
 И баронеса воротилась
 Въ свой кабинетъ и ухватилась
 За колокольчикъ... Боже-мой!
 Какой первической рукой
 Она звонила, дозвываясь
 Кого-нибудь — и вотъ ужъ къ ней
 Идетъ по коврикамъ лакей.
 — «Кто былъ у насъ? мнѣ показалось
 Что кто-то позвонилъ?»
 — Чего-съ?
 — «Кто былъ за волчаса?»

— Никто-съ.

— «Ступай.»

Теперь пора сознаться,
 Что никогда еще она
 Такъ не была оскорблена:
 Она хотѣла засмѣяться —
 И стала плакать... (нѣжный полтъ
 Красиво плачетъ). Огоньками
 Сверкали на ея ушахъ
 Алмазы; все лицо руками
 Она закрыла, и съ висковъ
 На локти черными волнами
 Сбѣгали косы... Не Камковъ
 Ужь былъ въ умѣ у ней... Что значить
 Камковъ? И не любовь въ ней плачетъ,
 А плачетъ гордость. Ужь до тла
 Въ ней догорѣла страсть; желанья
 Потухли... баронеса зла —
 И только!.. Тихія рыданья,
 Истерики припадокъ...

Но

Что долго плакать! Ужь давно
 И спать пора! «Давно-ль я стала
 Такой первической?» сказала
 Она, и локти отняла
 Отъ столика и подняла
 Свѣчу, и въ спальню отворила
 Дверь полированную. — Спать
 Такъ спать! Другую засвѣтила
 Она свѣчу, но раздѣвать
 Себя не кликнула ни Катю,
 Ни Дуни; а замѣчу кстати,
 Что баронеса никогда
 Сама не раздѣвалась; это
 Событѣ съ нею, господа,
 Случилось въ первый разъ... Ну да,
 Событѣ! Впрочемъ безъ корсета
 Она была, и стало-быть
 Ей не предвидѣлось большого
 Труда себя разоблачить.
 Ктому же Катя нездорова,
 А Дуня спить — кчему будить!

Неторопливо раздѣвалась
 Она и наконецъ осталась
 Въ одной сорочкѣ. «Боже-мой!
 Какой однакоже больной
 Кажусь я въ зеркалѣ! уныло
 Подумала: — а прошлый годъ
 Я такъ свѣжа была!..» И вотъ
 Она вниманье обратила
 На томные свои глаза,
 На пятна слезъ (замѣтно было,
 Что по лицу прошла гроза)...
 Раздѣтая, она осталась
 Передъ трюмо; сперва созналась
 Съ невольной грустью, что она
 Безъ платья ужь не такъ стройна
 Какъ въ платьѣ, что на пьедесталѣ
 Поставленную, можетъ-быть
 Ее не стали бы цѣнить
 И восхищаться бы не стали.
 И баронеса начала
 Себя осматривать: нашла,
 Что плечи пышны, грудь бѣла
 И высока, и руки стройны,
 И волосы роскошны, и
 Все, все, что нужно для любви
 И вѣги... Но благопристойны
 Мы будемъ, и не скажемъ вамъ
 Всего, что въ зеркалѣ предстало
 При двухъ свѣчахъ, безъ покрывала,
 Ея заплаканнымъ глазамъ.
 «Дуракъ Камковъ!» она сказала
 Почти съ презрѣньемъ, и въ сердцахъ
 Задула свѣчи. Вотъ, впотѣмахъ
 Отлернутая занавѣса
 Опять задернулась и спать
 Легла спокойно баронеса.
 Ей тихой ночи пожелать
 И мы непрочь: вѣдь ей досталась
 Довольно трудная игра.
 Она, несчастная, съ утра
 Страдала, вдоволь настрадалась, —
 Пора заснуть! Но не спалось

Ей бѣдной : въ жизнь былую,
Блестательную, молодую,
Воображенъе унеслось,
И унесло съ собой до слезъ
Обиженное сердце... Было
Надъ чѣмъ подумать ! Но забыла
Она, какъ вѣтрено губила
Она сердца, когда была
Моложе. Память говорила
Ей о другомъ : она плыла
На пароходѣ за границу ;
Была въ Миланѣ — какъ царицу
Ее встрѣчали тамъ : она
Всей тамошнею молодежью,
Какъ василекъ шумящей рожью,
Съ утра была окружена.
За ней ухаживалъ посланникъ
И лордъ въ гороховомъ пальто,
И политическiй изгнанникъ,
И пламенный артистъ — и кто,
Кто былъ тогда ея избранникъ ?
Кто былъ у ногъ ея ? — Никто
И всѣ до одного !.. И каждый
Изъ нихъ, томясь ревнивой жадой,
Готовъ былъ жертвовать собой
За мигъ любви, и — боже-мой !
Все позабыть, и гдѣжь влюбиться !
Въ Москвѣ !.. И можетъ это быть ?
И можетъ вздоръ такой присниться ?
И кто повѣритъ, что она
Была въ Камкова влюблена ?
Плебей ! учитель ! — Нѣтъ, Россiя !
Еще ты дикая страна !
Невѣждами населена,
Медвѣдями ! И молодые
Какъ старики, и старики
Какъ дѣти... Можно отъ тоски
Здѣсь умереть. Пора въ Тоскану,
Въ Миланъ, въ Венецію. Не стану
Я больше медлить здѣсь ; прощай,
Прощай, Москва ! съ тобой прощаться
Я рада, только пожелай

Мнѣ никогда не возвращаться.
 Конечно, можно кой-кого
 Здѣсь уважать. Литература
 Цвѣсть начинаетъ ; я не дура
 И понимаю... для чего
 Пристрастной быть? — ужъ за науки
 Россія привилась отъ скуки,
 И въ этомъ можно принимать
 Участье, но... но — не дышать,
 Не жить!

Такія-то блуждали
 Въ ней мысли и мѣшали спать,
 И до нея не долетали
 Ночные звуки : такъ она
 Была въ себя погружена.
 Но вотъ Амишка заворчала,
 И баронеса услышала,
 Что кто-то въ спальню къ ней вошелъ.
 То былъ баронъ; онъ былъ въ халатъ,
 И шаркалъ туфлями, на столъ
 Ночникъ поставилъ и къ кровати
 Придвинулся.

— «Ты спишь, другъ мой?..»

Блѣдна, какъ мраморъ гробовой,
 Она въ подушкахъ чуть дышала.
 «Ты спишь?» Она не отвѣчала,
 И не хотѣла отвѣчать.
 «А я хотѣлъ тебѣ сказать,
 Что я сегодня двадцать тысячъ
 Привезъ изъ клуба; а тебя
 И не разбудишь!» — Еслибъ высѣчь
 Тебя могла я — про себя
 Она подумала — признаться,
 Была бь отъ этого непрочъ.
 Какъ жаль, баронъ, что въ эту ночь
 Ты не изволилъ проигратъся. —
 Такъ, чуть дыша, въ объятяхъ сна
 Притворно-сладкаго, она
 Кипѣла. Видно притворяться
 Ей не наскучило... И онъ
 Не разбудилъ ея... Баронъ
 Былъ деликатенъ. Но закроемъ

Ихъ ложе пологомъ : авось,
Соединивъ ихъ, успокоимъ
Сердца ихъ, бьющіяся врозь.

И на другой день въ праздникъ (въ будни
Для баронесы) ровно въ часъ
Она проснулась пополудни,
Явилась Катя. — «Что ты?» — «Вась
Я разбудить не смѣла; надо
Вамъ въ магазинъ; уже давно
Заложена карета.» — «Но
Я нездорова... впрочемъ рада
Я выѣхать. А какова
Погода?..»

Баронеса встала
Усталой, впрочемъ голова
Была свѣжа. И причесала
Ей Катя волосы. Корсетъ
Ужъ баронеса надѣвала,
Когда ей подали пакетъ
Съ печатью. Тихо положила
Она письмо на туалетъ,
Задумалась, но не спросила
Откуда, отъ кого? Заныло
Въ ней сердце. Можетъ-быть Камковъ
Вчера былъ очень нездоровъ,
Не могъ пріѣхать? — никакого
И оправданья нѣтъ другого.
Но если только умирать
Не вздумалъ онъ, я и читать
Не стану! Долго колебалась
Она : назадъ ли ей послать
Письмо, или прочесть? Осталась
Одна и — сорвала печать.

ПОСЛАНИЕ КАМКОВА

Когда бъ въ условный часъ свиданья,
Давъ волю роковымъ мечтамъ,

Прочелъ я по твоимъ глазамъ
 О тайнахъ твоего страданья, —
 Клянусь, я бѣ палъ къ твоимъ ногамъ.
 И, сердцемъ нищій, всѣ богатства
 Его тебѣ бы обѣщалъ,
 Твое бы сердце обокралъ,
 И совершилъ бы святотатство.
 Клянусь! я бѣ обманулъ тебя,
 Себя, и Бога и природу,
 Я бѣ искашилъ свою свободу
 И обладалъ бы нелюбя.
 Нѣтъ, передъ любящей душою,
 Передъ страданіемъ твоимъ
 Я прохожу, склоняя главою,
 Какъ передъ чашею святою,
 Глухимъ отчаяньемъ томимъ.
 Запуганъ жизнью, я страдаю,
 Когда люблю и не люблю,
 Но о прощеньи не молю
 И ничего не принимаю
 Отъ тѣхъ, которымъ не даю.
 Скажи — и справедливо будетъ,
 Когда ты скажешь обо мнѣ:
 Несчастный! онъ меня не любитъ,
 А могъ бы счастливъ быть волюнѣ!..

И баронеса прочитала
 Стихи, и тутъ же разорвать
 Хотѣла ихъ, но воздержала
 Себя отъ гнѣва, чтобъ опять
 Ихъ надосугѣ прочитатъ...

Какъ вамъ понравились, читатель,
 Стихи героя моего?
 — Да что, помиуйте! мечтатель! —
 Мечтатель, больше ничего!
 Писалъ онъ искренно быть-можетъ,
 Но... но и это не поможетъ
 Въ нашъ вѣкъ въ поэзіи смѣшонъ
 Восторженный какой-то тонъ...
 Кчему, прикидываясь птицей,
 Парящей въ небѣ, сознавать,

Что неумѣемъ мы летать?
 Кчему намъ язвы врачевать
 Какой-то розовой водицей,
 Тогда какъ нуженъ можетъ-быть
 Намъ ядъ, чтобъ вышло все наружу
 И кровь очистилась?... — Ну да!
 Согласенъ съ вами, господа,
 Но — ядъ глотая, вы на стужу
 Не выходите: ревматизмъ
 Получите и въ прозаизмъ
 Такой владите, что микстура
 Да пластыри замѣнять вамъ
 Все, чѣмъ могла бь литература
 Гордиться, жизнь цвѣсти, и грѣтъ
 И двигать васъ... Больного
 Здоровымъ мы не назовемъ,
 Но и на судъ не позовемъ
 Ничѣмъ невиннаго Камкова.
 Въ тѣ дни, когда онъ обиталъ
 И землю бременилъ, — едвали
 Друзья большимъ его считали :
 Для нихъ служилъ онъ образцомъ
 Души и мысли непреклонной.
 Въ средѣ холодной, дряблой, сонной
 Онъ выросъ — но глядѣлъ бойцомъ,
 Когда его впервые встрѣтилъ
 Студентъ Бѣлинскій, и Камковъ
 Быть-можетъ прежде всѣхъ замѣтилъ
 Въ немъ искру божью — и отвѣтилъ
 На первый пылъ его идей
 Живою дружбою своею...
 Бѣлинскій долго оставался
 Къ нему пристрастнымъ (господа,
 Скажу вамъ на ухо) тогда...
 Нашъ первый критикъ восхищался
 Стихами друга моего,
 И даже видѣлъ въ немъ поэта...
 Камковъ напротивъ на него
 Нерѣдко нападалъ за это.
 Своихъ стиховъ онъ не цѣнилъ ;
 Когда же Лермонтова скорбный
 Раздался голосъ — онъ почтилъ

Свою поэзію надгробной,
Безъ слезъ и жалобъ... Не упалъ
Онъ духомъ, только разъ угрюмый
Поникъ надъ лермонтовской думой:
— «Мы здѣсь прощены», сказалъ.

Л. ПОЛОНСКІЙ

О НАЛОГЪ

ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ТЕОРИИ

(*Théorie de l'impôt, par Proudhon*)

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Разсматривая внимательно направленіе новѣйшей публицистики на западѣ и сравнивая ее напримѣръ съ публицистикой сороковыхъ годовъ, мы замѣтимъ между ними огромную разницу, указывающую на измѣненіе стремленій и потребностей въ самомъ обществѣ. Вопросы чисто политическаго характера начинаютъ мало-помалу уступать мѣсто вопросамъ экономическимъ и социальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь теперь идетъ не о томъ, какая форма правленія приличнѣе для государства, какія права, — божескія или человѣческія должны управлять обществомъ; но дѣло идетъ теперь о томъ, чтобы вмѣстѣ съ появленіемъ новыхъ понятій о правѣ и справедливости дать обществу правильное экономическое устройство, обезпечить его нравственное и матерьяльное благосостояніе, короче сказать — подчинить общество необходимымъ и неизмѣннымъ экономическимъ законамъ. Причина такой перемѣны въ направленіи литературы на западѣ лежитъ въ историческомъ развитіи общества въ послѣднемъ столѣтіи.

Французская революція сдѣлала окончательный расчетъ съ старымъ феодальнымъ порядкомъ. Иден XVIII вѣка о государствѣ, о правахъ человѣка, высказавшіяся тогда въ первый разъ, не по-

гибли вмѣстѣ съ революціей, но одѣлались достояніемъ науки, переходили мало-помалу въ массу и стали наконецъ ей присущи. Если мы на практикѣ не видимъ этого, если въ большей части учреждений какъ политическихъ, такъ и гражданскихъ мы примѣчаемъ преобладаніе прежняго порядка, то изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, что великій переворотъ XVIII столѣтія прошолъ для міра совершенно безслѣдно. Для того чтобы какаѣ-нибудь идея глубоко проникла въ массу, чтобы народъ сжился съ нею и она стала бы такъ-сказать его второю природою, нужно время и долгое время.

Мы знаемъ сколько вѣковъ массы воспитывались въ феодальныхъ началахъ; поэтому странно было бы требовать, чтобы общество внезапно переродилось внѣшнимъ и внутреннимъ образомъ въ какія-нибудь шестьдесятъ лѣтъ. Но, повторяемъ, идея умереть не можетъ: освобождаясь отъ своихъ крайностей и утопій, она медленно, но вѣрно пробирается по всѣмъ общественнымъ отношеніямъ и совершаетъ свое дѣло обновленія исподволь. Чтó за дѣло, если на западѣ практика или лучше-сказать рутинна съ своими застарѣлыми привычками и предрасудками силится сохранить гражданство въ обществѣ, и опираясь на матерьяльную силу, становится наперекоръ новому стремленію: идея, если только она истинна, пріобрѣтаетъ только новую силу, очищаясь въ горнилѣ испытаній. Къ числу такого рода идей принадлежатъ политическія идеи, завѣщанныя концомъ XVIII столѣтія.

Обращаясь къ экономическимъ и социальнымъ отношеніямъ въ обществѣ, мы встрѣчаемъ не только на практикѣ страшный хаосъ и анархію, но и самыя теоріи колеблются между двумя крайностями. Писатели различныхъ школъ расходятся въ самыхъ основныхъ принципахъ: одни требуютъ безусловной свободы, другіе безусловнаго равенства; одни настаиваютъ на сохраненіи *statu quo* въ экономическихъ отношеніяхъ, другіе требуютъ радикальнаго измѣненія всѣхъ общественныхъ отношеній.

Причины такой неопредѣленности и такого противорѣчія заключаются въ относительной новизнѣ такого рода изслѣдованій. Французская революція, пройдя огнемъ и мечемъ по старому порядку, не успѣла коснуться матерьяльныхъ отношеній народа по очень естественной причинѣ. Прежде чѣмъ разсуждать о народномъ благосостояніи, нужно было освятить великое начало человѣческой личности, ея достоинство, ея гражданскія и политическія права, доставить ей условія для свободнаго развитія въ общественномъ порядкѣ. Прежде чѣмъ говорить напимѣръ о свободномъ трудѣ, какъ объ

условіи матеріальнаго богатства, нужно было возвести въ политическій принципъ самую свободу, поставить ее наравнѣ съ государственнымъ началомъ и сдѣлать ее такимъ образомъ вѣрною гарантіею самаго труда. Но зато, едва только политическіе вопросы приходили къ болѣе или менѣе удовлетворительному разрѣшенію, какъ вопросы экономическіе и социальныя возникали съ тѣмъ большею энергіею и силою, чѣмъ ближе казались къ разрѣшенію и практическому приложенію вопросы чисто-политическаго характера. Такое общественное явленіе не составляетъ отличительной черты одной нашей эпохи; вездѣ и всегда вопросы религіозныя и политическіе предшествовали экономическимъ и социальнымъ и служили этимъ послѣднимъ какъ бы предвозвѣстниками. Такъ въ Римѣ, вслѣдъ за приобрѣтеніемъ плебеями политическихъ правъ возникъ тотъ же часъ социальный вопросъ о поляхъ (*ager publicus*), какъ необходимое условіе для улучшенія матеріальнаго быта бѣднаго класса. Въ Германіи религіозная реформація повлекла за собой, вопреки желаніямъ и намѣреніямъ самыхъ реформаторовъ, попытки къ преобразованіямъ въ политическихъ и экономическихъ отношеніяхъ. Крестьянскія войны и коммунистическія стремленія анабаптистовъ не суть случайныя историческія явленія. Такимъ же точно образомъ въ первую французскую революцію, послѣ крушенія политическихъ партій, социальный вопросъ подымается, правда въ очень уролиивой формѣ, въ заговорѣ Бабёфа. Въ 1830 году, послѣ іюньской революціи, этотъ же вопросъ является въ болѣе научной формѣ; наконецъ въ 1848 году социальная партія становится даже, хотя и на время, во главѣ всего политическаго движенія. Нельзя не согласиться, что социальныя теоріи, возникшія съ одной стороны вслѣдствіе народныхъ нуждъ и матеріалистическихъ стремленій общества, съ другой — какъ противодѣйствіе чисто-формальной политики, представлялись до сихъ поръ въ болѣе или менѣе узкихъ формахъ утопіи, неприменимыхъ ни въ какомъ обществѣ, ложныхъ въ самомъ основаніи. Смѣшивая въ одномъ понятіи государство, общество и индивидуумъ, социалисты пришли къ отрицанію всякой человеческой личности, къ непризнанію въ человѣкѣ *собственнаго* духовнаго и свободнаго начала. Но съ другой стороны всѣ эти теоріи основаны на принципѣ, конечно плохо понятомъ въ своемъ приложеніи, но въ сущности истинномъ, который долженъ получить въ государствѣ болѣе широкое и разумное примѣненіе, чѣмъ ему давали до сихъ поръ политическія партіи. Это принципъ *блага*, *матеріальнаго* и *нравственнаго благосостоянія*, критеріумъ при оцѣнкѣ всякаго политическаго дѣйствія. По этой-то вѣркѣ народъ, руководимый всегда положительнымъ инстинктомъ улучшенія, судить о законахъ и политическихъ партіяхъ

и такъ легко увлекается теоріями и доктринами, обещающими ему дѣйствительныя блага.

Соціальная партія будетъ всегда составлять оппозицію партіи формальной политики. Обѣ онѣ могутъ исчезнуть только при появленіи ученія, которое укажетъ государству на истинное его назначеніе по пути распределенія умственныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ благъ, опредѣлитъ то, что оно само можетъ предпринять и что должно оставить индивидуальной свободѣ, и назначить такимъ образомъ законное участіе для инициативы власти и для инициативы гражданъ.

Къ числу самыхъ важныхъ и притомъ самыхъ трудныхъ вопросовъ, представляющихся въ общественной экономіи, принадлежитъ *вопросъ о налогахъ*.

Относясь съ одной стороны къ государственному праву, къ необходимымъ условіямъ существованія государствъ и правительствъ, съ другой — ко всему экономическому быту народовъ, вопросъ этотъ стоитъ на рубежѣ древняго и новаго права и требуетъ немедленнаго разрѣшенія. Недостатки старой системы налоговъ сознаются одинаковымъ образомъ и правительствами, и народами, на которомъ они лежатъ всею своею тяжестью. Дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ европейскихъ государствъ, возрастающій съ каждымъ годомъ, повсемѣстная жалоба на обременительность контрибуцій, поглощающихъ собою большую часть народнаго капитала, а слѣдовательно и средства къ улучшенію народнаго быта, — все это давно уже побуждало ученыхъ публицистовъ и экономистовъ обратить все свое вниманіе на эту вѣтвь общественной науки, съ цѣлью согласить возможности практику съ новыми требованіями справедливости и права. Къ несчастію, эти изслѣдованія не повели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ: одни писатели сочли зло неисправимымъ, всякую реформу невозможною; другіе предлагали утопіи, не только не сообразныя съ настоящимъ экономическимъ устройствомъ общества, но и положительно противорѣчація основнымъ законамъ политической экономіи. Поэтому вопросъ о налогѣ остался до сихъ поръ какимъ-то неразрѣшимымъ миеомъ; старая практика, сталкиваясь съ новыми понятіями, производитъ все болѣе и болѣе запутанности въ общественныхъ отношеніяхъ и потребность реформы чувствуется изо дня въ день сильнѣе.

Правительства швейцарскихъ кантоновъ рѣшились подать примѣръ инициативы при разрѣшеніи вопроса о налогѣ. Съ этою цѣлью собранъ былъ въ 1859 году конгрессъ въ Лозаннѣ, который однакоже ничего не рѣшилъ и доказалъ только, насколько старыя экономическія теоріи несостоятельны при настоящихъ потребностяхъ обще-

ства. Въ 1860 году правительство кантона Вб предложило конкурсъ и премію за лучшее сочиненіе о налогѣ. Програма конкурса состояла въ слѣдующемъ: 1) опредѣлить причины аномалій, существующихъ въ прежней системѣ распределенія и взиманія налоговъ и 2) указать на способы, по которымъ можно было бы приступить къ реформамъ, могущимъ согласить настоящее экономическое состояние обществъ съ требованіями справедливости и права.

Премія была присуждена сочиненію знаменитаго французскаго публициста Прудона. Сочиненіе это было издано сперва въ Брюсселѣ, а потомъ въ Парижѣ у Дантю. Успѣхъ былъ самый полный; первое изданіе было раскуплено въ нѣсколько дней. Причины такого успѣха заключались какъ въ извѣстности автора, такъ и въ достоинствахъ самой книги. Не странно ли — Прудонъ, *официально* увѣнчанный преміей!..

Въ исторіи новѣйшей публицистики трудно найти имя, которое сосредоточило бы на себѣ столько ненавистей, столько неза заслуженныхъ оскорбленій, какъ имя Прудона. Во Франціи нѣтъ ни одной политической партіи, ни одной философской и экономической школы, для которой это имя не было бы какъ-то грознымъ призракомъ, стоящимъ у входа въ науку съ дамассовымъ мечемъ безпощадной критики и непобѣдимой діалектики. Монархистъ и республиканецъ, доктринеръ и демократъ, экономистъ и социалистъ, бюрократъ и мѣщанинъ, всѣ съ одинаковымъ ужасомъ произносятъ это имя. А между тѣмъ это имя принадлежитъ человѣку честному, чистому и кроткому, какъ древній пуританинъ, человѣку, который посвятилъ весь свой геній, все свое время, всѣ свои силы на служеніе ближнему, котораго ни бѣдность, ни тюрьма, ни всякія исправительныя и иныя полиціи не могли заставить измѣнить своимъ убѣжденіямъ или бросить перо и сознаться побѣжденнымъ. Причины такой ненависти къ человѣку, истинно-талантливому, заключались какъ въ свойствахъ его генія, такъ и въ самомъ характерѣ французовъ нашего столѣтія. Прудонъ — олицетворенное отрицаніе, не то дѣтски-старческое отрицаніе, въ которомъ пародировали философы-скептики прошлаго столѣтія, а отрицаніе мужественное, выросшее на суровой революціонной почвѣ, основанное на глубокомъ изученіи человѣческаго общества. Ошибки и парадоксы Прудона лежатъ не столько въ основныхъ началахъ, проповѣдуемыхъ имъ, сколько въ практическихъ примѣненіяхъ, которыя думалъ онъ дать имъ въ обществѣ. Строгій и послѣдовательный логикъ, онъ не останавливался ни передъ какими крайностями, смѣло проводилъ свою мысль до конца, ломая по пути всѣ старыя и закоренѣлыя предрассудки, не-

обращая вниманія даже на то, что явилось вслѣдствіе исторической необходимости и уничтоженіе чего могло бы повлечь за собой хаосъ въ общественныхъ отношеніяхъ. Понятно, что писатель такого закала былъ не по плечу французовъ. Независимость убѣжденій не въ духѣ французскаго характера; французъ непрѣменно долженъ принадлежать къ какой-нибудь партіи или школѣ, и въ самомъ сильномъ разгарѣ страстей не забываетъ своего лозунга. Оттого-то писатель, не принадлежащій ни къ какой партіи, не можетъ возбудить его сочувствія; а если этотъ писатель кромѣ того безпощадно рубитъ правду и нападаетъ на всевозможныя партіи, то неудивительно, что равнодушіе переходитъ въ ненависть и злобу. Ктому же французы, изучавшіе критику по остроумнымъ кривляньямъ Вольтера, философію — по высокопарнымъ лекціямъ Кузена, свободу — по элегіямъ и мечтаніямъ Ламартина, не могли понять писателя, который заговорилъ съ ними мужественнымъ языкомъ первобытнаго человѣка; они испугались этого языка, къ которому не привыкли, какъ испугались напора новыхъ идей, съ которыми не могли совладать.

Книга Прудона: «*Théorie de l'impôt*» есть его послѣдній трудъ. Она написана, какъ мы сказали, по поводу конкурса, назначеннаго швейцарскимъ кантономъ Во и есть единственное до сихъ поръ полное и систематическое сочиненіе объ этомъ предметѣ. Авторъ разсматриваетъ налогъ съ исторической, экономической и государственной точки зрѣнія и заключаетъ предложеніемъ общихъ реформъ, которыя можно предпринять въ системѣ налоговъ при настоящемъ состояніи общества.

Книга эта замѣчательна еще тѣмъ, что въ ней авторъ, проникнутый важностью своего предмета, излагаетъ его просто, безъ всякихъ увлеченій и парадоксовъ, какъ прилично сочиненію, имѣющему догматическій, а не полемическій характеръ. Мы предлагаемъ читателямъ возможно-полное знакомство съ этимъ замѣчательнымъ трудомъ, увѣренные, что въ такомъ важномъ вопросѣ полнота не только не будетъ излишнею, но даже необходимою.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ ПОНЯТІЯ О НАЛОГѢ

«Des réformes toujours, des utopies jamais.»

I

НАЛОГЪ СОГЛАСНО ДРЕВНЕМУ ПРАВУ

Начала, управляющія человѣческими обществами, суть произведенія двухъ противоположныхъ силъ: *необходимости*, т. е. природы вещей и ихъ законовъ, и *свободнаго произвола*. Извлечь эти начала, опредѣлить условія для существованія общества — дѣло очень нелегкое, потому что для этого нужно изучить и согласить въ ихъ взаимномъ вліяніи другъ на друга эти двѣ силы, столь противоположныя между собою.

Свободный произволъ проявляется въ обществѣ двояко: онъ говоритъ или во имя коллективности, какъ корпорація, каста, городъ, государство, или же онъ есть выраженіе личности какъ индивидуума.

Свободный произволъ государства носитъ обыкновенно названіе *государственнаго разума* (*raison d'État*); индивидуальный же произволъ есть въ собственномъ смыслѣ *свобода*. Подобно тому какъ необходимость и свободный произволъ находятся между собою въ противоположности, такъ и государственный разумъ и свобода образуютъ между собой неменѣе очевидную оппозицію, какъ это намъ часто придется встрѣчать впоследствии.

Исторія указываетъ намъ на это взаимное дѣйствіе противоположныхъ силъ; поэтому, слѣдя за историческимъ ходомъ развитія идей, мы можемъ мало-помалу уяснить себѣ истинныя правительственныя начала, условія общественнаго равновѣсія, правила для политической экономіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и правила для налога. Бѣглый взглядъ на нравы прошлаго съ точки зрѣнія налога кажется намъ поэтому здѣсь необходимымъ.

«Человѣческія общества — говоритъ Ипполитъ Пасси — существуютъ только при условіи удовлетворенія необходимымъ потребностямъ общаго дѣла. Всѣ эти общества даютъ своимъ правительствамъ средства выполнять свое назначеніе; всѣ обязаны доставить издержки для защиты національной территоріи и поддержанія

внутренняго порядка, и у всѣхъ налогъ существуетъ въ формахъ, болѣе или менѣе приспособленныхъ къ успѣхамъ цивилизаціи.»

Такова исходная точка. Общество можетъ существовать только образовавши у себя правительство. Правительство это, каково бы оно ни было, требуетъ содержанія. Издержки на содержаніе покрываются гражданами посредствомъ труда ихъ, совершенно также какъ тѣже граждане трудомъ удовлетворяютъ своимъ личнымъ потребностямъ. Такой порядокъ лежитъ въ самой природѣ вещей, въ необходимости, и никто никогда не думалъ оспаривать его.

Но свободный произволъ, отъ котораго зависитъ главнымъ образомъ всякое общественное дѣйствіе, не слѣдуетъ вначалѣ такой строгой логичности. Одна изъ привилегій человѣка заключается въ томъ, что онъ разсуждаетъ о необходимости, и прежде чѣмъ подчиниться, часто борется съ нею.

Поэтому первую мысль человѣка, едва пробужденнаго цивилизаціей, было сложить съ себя обязанности труда при помощи порабощенія своего ближняго. А какъ правительство тогда состояло изъ людей самыхъ сильныхъ и ловкихъ, то государственннй разумъ неприминулъ освятить такое угнетеніе, требуя налогъ исключительно у подчиненнаго, рабочаго класса, или же у завоеваннаго населенія, обращеннаго въ данниковъ. Такъ образовалось вначалѣ насиліемъ и при освященіи религіей право завоеванія, которое держалось въ Европѣ до конца прошлаго столѣтія и которое существуетъ еще доселѣ, правда нѣсколько прикритое, во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ.

Однакоже этотъ государственннй разумъ древнихъ, какъ ни кажется намъ несправедливымъ по своимъ эгоистическимъ стремленіямъ, не есть совершенная несправедливость. Онъ имѣлъ свои тайныя побужденія, свою цѣль, свое назначеніе, — скажемъ даже болѣе: онъ имѣлъ свой законъ и свое право. Философъ не можетъ смотрѣть на него какъ на случайное учрежденіе, какъ на роль произвольнаго макиавелизма. Онъ ищетъ каковъ долженъ быть смыслъ этого древняго рабства, въ которомъ сознаніе новыхъ народовъ видятъ одну вопіющую несправедливость.

Когда первые люди, разбросанные по поверхности земной, стали сближаться и составлять небольшія политическія общества, когда они учредили браки, отцовскій авторитетъ, собственность, царское достоинство, нѣсколько законныхъ формулъ, тогда увѣровали въ тезисъ: «omnis potestas a Deo», и съ этого времени власть облекается цивилизующимъ дѣйствіемъ. Но той же самой причиною всякая собственность исходила отъ правительства: *Domini est terra et plenitudo ejus*, говоритъ псалмопѣвецъ.

Собственники или благородные сотрудники короля разсматривались как простые пользователи; что же касается до массы, находившейся еще въ состояніи дикости, такъ какъ дѣло шло о томъ, чтобы образовать ее къ труду, смягчить нравы, то и участію ея естественно были слѣбое повиновеніе и рабство. Нужно сознаться, что при помощи такой суровой дисциплины рабскаго труда народы возвысились мало-помалу до цивилизаціи, до свободы и до познанія своихъ правъ.

Такимъ образомъ условія налога шли параллельно условіямъ собственности. Все что производилъ рабъ, считалось собственностью господина, точно также какъ все что производилъ покоренный народъ, плоты, крѣпостные, фискальные колонисты — считалось принадлежностью государства. Что касается до собственности, то будучи привилегіею свободнаго, т. е. благороднаго человѣка, она изъята была отъ всякой подати; но какъ она истекала всегда отъ высшей власти, то и обязана была воздавать ей почтеніе.

Въ библіи мы находимъ изложеніе всѣхъ этихъ отношеній. Богъ, выводя Авраама изъ Ура халдейскаго, даетъ ему ханаанскую землю въ обладаніе. Такимъ образомъ Авраамъ, иностранецъ и безъ собственности въ Халдеѣ, угрожаемый поэтому опасностью рабства и подати, становится въ свою очередь собственникомъ и можетъ пользоваться господскими правами въ Ханаанѣ.

Богъ обѣщаетъ Моисею дать своему народу въ обладаніе обѣтованную землю и въ тоже время приказываетъ гнать передъ собой туземцевъ, уничтожать ихъ идоловъ и храмы. Извѣстно, что не всѣ туземныя племена были истреблены и даже изгнаны: часть ихъ осталась въ странѣ, обращена была въ рабство или слѣлана данниками.

При раздѣлѣ добычи сначала Моисей, а потомъ и всѣ начальники и цари откладываютъ извѣстный процентъ въ пользу левитовъ и на постройку храма.

Таковы были, согласно древнему праву, собственность, налогъ, жалованье общественнымъ чиновникамъ и наконецъ употребленіе общественныхъ фондовъ. Для дополненія картины укажемъ, что вспомоществованіе и милосердіе имѣютъ также свое начало въ древнемъ правѣ: «Когда ты будешь жать и уронишь нѣсколько колосевъ, — не подымай ихъ... Когда ты будешь собирать плоды съ масличнаго дерева, — не бери до послѣдней ягоды... Когда ты будешь рѣзать виноградъ, не возвращайся за забытыми гроздьями: все это для чужестранца, для сироты, для вдовы, и Господь благословитъ тебя въ твоихъ трудахъ.»

Этотъ способъ раздачи милостыни заключаетъ въ себѣ много

трогательнаго и поэтическаго; но не забудемъ, что параллельно съ нимъ идетъ то же право, собственность, налогъ по этому праву.

Другіе народы древности, какъ великія восточныя монархіи, такъ и республики Греціи и Рима, понимали публичное право и налогъ въ томъ же духѣ, какъ еврей. Военныя экспедиціи Сезостриса, Навуходоносора, Кира имѣли единственною цѣлью дань (*gattin*). Аѳинны существовали податью, которую они брали съ городовъ, по большей части тоже греческихъ. Спарта была организована для грабежа; Римъ, распространившій между сосѣдними націями понятіе о всемірномъ правѣ, заставилъ дорого платить себѣ за эту услугу, подчиняя побѣжденныхъ народовъ своему праву. Что же касается до того, чѣмъ существовалъ Римъ до завоеваній, то можно сказать, что государство держалось просто посредствомъ эксплуатаціи плебея патриціемъ, что согласно принципу, налоговъ въ собственномъ смыслѣ не было, потому что не было податныхъ лицъ, что высшая власть и патриціи жили доходами съ своихъ помей; когда же нужно было прибѣгнуть къ контрибуціямъ, то тотчасъ же явилось для обложенныхъ податью гражданъ особое право *ius tributum*, похожее на теперешній избирательный цензъ; обыкновенно же общественная казна пополнялась посредствомъ грабежей; наконецъ налогъ на иностранцевъ существовалъ еще до завоеваній.

Римскій патриціатъ не довольствовался политическимъ подчиненіемъ покоренныхъ народовъ, но дѣлилъ между собою ихъ земли, такъ что покореніе вело за собою всегда экспроприацію туземцевъ. Постоянно за арміями слѣдовали проконсулы, прокураторы, эзакторы, которыхъ главное назначеніе было выжимать изъ страны все что только возможно. Территорія дѣлалась общественною собственностью, *ager publicus*, и обрабатывалась въ пользу правительства прежнимъ населеніемъ, обращеннымъ въ рабство. Муниципій, мѣстныхъ аристократическихъ учрежденій, только увеличивали зло. Рѣчь Цицерона противъ Верреса открываетъ намъ отчасти эти законныя грабительства, бывшія правиломъ, а не исключеніемъ. При томъ же ораторъ нападаетъ главнымъ образомъ на Верреса не за огромность его злодѣяній, а за то, что онъ совершалъ ихъ надъ римскими гражданами. Изъ этого мы можемъ видѣть, что римскіе граждане были избавлены отъ всякаго рода тяжелыхъ повинностей. Одинъ этотъ фактъ говорить уже очень много за себя.

Безъ сомнѣнія, когда данники были совершенно истощены, или когда подвластныя страны возмущались, то граждане греческіе и римскіе понеобходимости должны были изъ собственныхъ доходовъ покрывать государственныя издержки. Тогда устанавливались налоги такимъ точно образомъ и по тѣмъ же началамъ, которыми

руководствуются до сихъ поръ. Нѣтъ почти ни одной формы налога у новѣйшихъ народовъ, которая не существовала бы въ Греціи или въ Римѣ. Но что отдѣляетъ радикально учрежденія греческія и римскія отъ современныхъ, что исключаетъ между ними всякаго рода уподобленіе, это именно то, что такъ какъ производство основывалось исключительно на рабскомъ трудѣ, то налогъ, равно какъ и собственность, сохраняли свой характеръ древняго права, и хотя онъ иногда падалъ на гражданъ-собственниковъ, притомъ весьма умѣренно, но все-таки онъ главнымъ образомъ лежалъ на рабочемъ классѣ и ограничивался въ отношеніи къ нему только крайнею необходимостью. Ненужно еще забывать, что налогъ, платимый свободнымъ человѣкомъ, былъ частью не производства его, а добычи.

Поэтому греческій и римскій фискъ не принесъ для системы налоговъ никакого существеннаго улучшенія. То, что жестокіе и грубые римляне сдѣлали съ египтянами, греками и другими восточными народами, ихъ учителями и образцами, то самое сдѣлали съ верные варвары съ римлянами. Цивилизація сдѣлалась во второй разъ ланницей варварства. Феодализмъ продолжаетъ экономическое преданіе древняго права; безчисленные налоги натурою, деньгами, конфискаціи, десятины взиались съ холоповъ, вилановъ, простолюдиновъ, единственно по волѣ феодальныхъ владѣтелей и прелатовъ.

Въ поземельной книгѣ «Magni-sur-Tille» мы находимъ, что во время первыхъ родовъ владѣльницы всѣ жители деревни обязаны были въ продолженіи пятнадцати дней охотиться по болотамъ и рвамъ за лягушками, чтобы крикъ ихъ не обезпokoилъ родильницы.

Визандорскій замокъ близъ Лондона былъ построенъ при Эдуардѣ III рабочими, которыхъ королевскіе гайдуки хватили на большихъ дорогахъ; тѣ, которые вздумали спастись бѣгствомъ, были заключены въ тюрьмы и судимы какъ дезертиры и преступники. При постройкѣ Версаля употреблены были войска, и никто, въ какомъ бы онъ чинѣ не былъ, не имѣлъ права отлучиться отъ работы даже на четверть часа.

«Король хочетъ ѣхать въ Версаль — пишетъ m-me де-Севишь — во видю Богу этого не угодно, по невозможности окончить такъ скоро постройку и по страшной смертности рабочихъ, трупы которыхъ вывозятся каждую ночь цѣлыми телѣгами.»

По слухамъ, довольно вѣроятнымъ, Версаль стоилъ 1,400 миліоновъ франковъ, т. е., считая по 5⁰/₀, эта дача стоила ежегодно 70 миліоновъ.

Льготы, равно какъ и нѣкоторый порядокъ при взиманіи нало-

говъ, прибрѣтенные общинами у королей и феодалныхъ владѣтелей, впрочемъ за чистыя деньги, были рѣдкимъ исключеніемъ. По принципу же, согласно съ средневѣковымъ правомъ, холопъ, виланъ и простолюдинъ были дикари, съ которыми можно обращаться какъ съ вѣчными скотомъ въ виду самыхъ интересовъ цивилизаціи.

Нужны были цѣлыя столѣтія, чтобы въ публичное право вошли начала вродѣ слѣдующихъ: что каждая услуга требуетъ платы, что всякій предметъ потребленія можетъ быть полученъ кѣмъ бы то нибыло только взамѣнъ равносильнаго и что для такой мѣны нужно согласіе какъ покупателя, такъ и продавца. Подобныя экономическія истины показались бы возмутительны въ XVII вѣкѣ христіанской эры. Права владѣтелей были совершенно противны имъ, а они (т. е. владѣтели) отказывались отъ своихъ правъ только по доброй волѣ, или въ силу какой-нибудь специальной хартіи.

Въ средніе же вѣка мы встрѣчаемъ слѣдующій фактъ. Именно короли дѣлаются самыми ревностными поборниками свободы и эманципаціи крѣпостного класса рабочихъ. Такъ Филиппъ-красивый даетъ право рабамъ выкупаться у своихъ владѣтелей. Король впрочемъ самъ въ своихъ владѣніяхъ занимается такою распродажею вольныхъ. Людовикъ X идетъ далѣе: онъ не только даетъ право выкупаться рабамъ, но и принуждаетъ ихъ къ выкупу. Понятно, что если при этомъ феодалные владѣтели теряли что-нибудь, то король во всякомъ случаѣ оставался въ выигрышѣ; потому что освободившись отъ зависимости своего владѣтеля, крестьянинъ дѣлался уже прямымъ подданнымъ короля, а слѣдовательно и подчинялся общимъ правиламъ относительно налоговъ.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ массахъ человѣческихъ существуетъ склонность къ бездѣйствію, которая побуждаетъ ихъ работать только для самаго необходимаго, и добывши это необходимое, онѣ предпочитаютъ праздную бѣдность трудовому довольству. Такое расположеніе замѣчево было у всѣхъ ликихъ народовъ; оно существуетъ въ довольно значительной степени и у цивилизованныхъ.

Лекарство отъ такой праздности во всѣ времена было одно и то же; его употребляли и короли и феодалные владѣтели, его употребляютъ и теперь еще владѣтели невольниковъ. Оно состоитъ въ томъ, чтобы отнимать у работника часть его производства, съ тѣмъ чтобы заставить его произвести еще столько. И замѣтимъ здѣсь, что *налоги* (потому что о немъ идетъ рѣчь), для того чтобы быть дѣйствительнымъ, падалъ именно на необходимое, т. е. какъ-разъ противоположенъ тому, чего мы теперь требуемъ.

« Увеличеніе налоговъ, было первымъ и самымъ древнимъ средствомъ цивилизаціи, самою спльною полицейскою мѣрою.

« Я знаю права вилановъ, — говорилъ констабль Бурбонъ на генеральныхъ штатахъ, собранныхъ при Карлѣ VIII : — если не обуздывать ихъ, обременяя налогами, то они скоро сдѣлаются дерзки. Если повтому вы снимете съ нихъ совершенно цоголовную дань, то они станутъ въ отношеніи своихъ госнодъ людьми невыносимыми. Они не должны знать что такое свобода ; для нихъ нужна одна зависимость. Что касается до меня, то я считаю, что эта подать есть самая крѣпкая цѣнь, могущая удержатъ ихъ. » Квакеры, эти тихіе, благочестивые люди, установившіе между собою древнее христіанское братство, проповѣдаютъ такія же истины : они говорятъ, что нужно удерживать работниковъ и *неслишкомъ много платить имъ*. Такая же доктрина была провозглашена во французскомъ парламентѣ г-мъ Гизо: *Трудъ есть узда*, сказалъ онъ. А между тѣмъ г. Гизо человекъ новаго порядка, онъ не партизанъ средневѣкового права и даже не католикъ. Онъ конституціонный роялистъ и протестантъ.

Учрежденіе генеральныхъ штатовъ для установленія налоговъ и субсидій есть огромная революція въ зародышѣ въ вопросѣ о налогахъ : аристократія націи призвана была вотировать основы, раскладку, даже способы взиманія налоговъ. Но замѣтимъ здѣсь слѣдующее важное обстоятельство : народъ не принималъ въ этихъ штатахъ никакого участія, потому что онъ самъ по себѣ ничего и не производилъ. Вотировали налогъ прамые и непосредственные начальники народа : поземельные владѣтели, аббаты, прелаты, мѣщане, начальники артелей. Всѣ эти классы, представители которыхъ участвовали въ генеральныхъ штатахъ, сами не платили никакихъ налоговъ, но какъ они получали съ народа свой собственный доходъ, то для нихъ было важно не обременять народъ слишкомъ тяжкими и разорительными налогами. Таковъ смыслъ значащаго учрежденія генеральныхъ штатовъ во Франціи. Подобное же движеніе является въ Англіи. При королѣ Іоаннѣ въ 1355 году англійскіе штаты дѣлають шагъ впередъ. Они берутъ на себя инициативу по множеству вопросовъ, бывшихъ доселѣ исключительно привилегією королевской власти : они рѣшаютъ безапелляционно и расходятся въ опредѣленные сроки, устанавливають налогъ на всѣхъ французовъ безъ различія сословій и даже на королевскіе домены ; требуютъ наконецъ, чтобы налоги взимались ихъ собственными агентами, а не королевскими чиновниками.

Во Франціи борьба штатовъ съ королевскою властью, продолжающаяся при Карлѣ VIII, Карлѣ IX и при Людовикѣ XIII, кончается

полнымъ торжествомъ власти. Съ этого времени штаты выжили до самаго 1789 года.

Каково бы нибыло вліяніе генеральныхъ штатовъ на конституцію новѣйшаго права въ отношеніи налоговъ, нужно сказать, что роль ихъ была болѣе нравственная, чѣмъ дѣйствительная. Что же касается до полученныхъ результатовъ, то вотъ какъ говоритъ объ нихъ одинъ изъ ревностныхъ писателей-роллистовъ :

«Такъ какъ доходы съ коронныхъ удѣловъ были недостаточны для правительства, — пишетъ Этьенъ Паскье, — то нужно было дополнить ихъ налогами. Вся тяжесть этихъ послѣднихъ пала на низшій классъ. Его призывали вмѣстѣ съ господиномъ и прелатомъ въ собраніе, чтобы позолотить пилюлю и выманить какъ можно больше денегъ. Ласкаемый въ своемъ самолюбіи, онъ сѣло обѣщала много. Какъ членъ собранія, для него не было уже поводовъ къ ропоту. Нѣсколько хорошихъ декретовъ относительно реформъ были неболѣе какъ наружною выставкою, годною для одного народа.»

Изъ этихъ словъ, писанныхъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, легко понять безъ дальнѣйшихъ объясненій, сколько невѣроятныхъ злоупотребленій породили подобныя понятія объ общественныхъ отношеніяхъ и налогахъ. Но замѣтимъ, что такимъ образомъ вездѣ начинался на западѣ политическій порядокъ, что черезъ подобныя идеи прошла цивилизація и, что всего страннѣе, въ подобной практикѣ мы отыщемъ начала, которыя должны управлять обществомъ и системою новѣйшихъ контрибуцій.

Итакъ бросимъ еще одинъ взглядъ на эту систему налоговъ, какою она представляется намъ въ феодальномъ правѣ и въ древнемъ рабствѣ.

Вездѣ налогъ является врожденною печатью рабства. Привилегированные классы, недовольствуясь тѣмъ, что они избавлены были отъ всякихъ повинностей, заставляютъ платить себѣ еще говораріи и пансіоны изъ государственныхъ доходовъ. Такъ какъ эти пансіоны не могли быть выплачиваемы изъ доходовъ королевскихъ удѣловъ, то они естественно падали опять-таки на низшій классъ. Поэтому-то привилегированные классы, боровшіеся вначалѣ съ требованіями казны, стали ихъ потомъ поддерживать въ виду собственныхъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи система не много измѣнилась во Франціи съ 1789 года.

Жалобы этого времени представляютъ печальное, раздражающее сердце однообразіе. Такъ мы читаемъ въ 1484 году :

«Земледѣлецъ долженъ содержать и платить людямъ, которые

его бьютъ, выгоняютъ изъ дому, заставляютъ спать на голой землѣ, отнимаютъ всякія средства къ существованію.»

.. Въ 1560 году : «Владѣтели, находящіеся въ процессѣ съ своими вассалами, посылаютъ въ дома ихъ солдатъ, которые ихъ бьютъ, оскорбляютъ и доводятъ до послѣдней крайности. Они (владѣтели) отнимаютъ у жителей городовъ и деревень лѣса и пастбища, которыми эти послѣдніе пользовались съ незапамятныхъ временъ. Они взимаютъ дорожныя пошлины и не думаютъ поддерживать дорогъ, переходовъ, шоссе. Солдаты на постояхъ не довольствуются продовольствіемъ своихъ домохозяевъ : они принуждаютъ ихъ покупать въ другомъ мѣстѣ и ничего за это не платятъ. Очень часто они берутъ полводы у земледѣльцевъ и дѣлаютъ на нихъ нѣсколько этаповъ ; они крадутъ и уносятъ вещи своихъ домохозяевъ и вмѣсто вознагражденія бьютъ и оскорбляютъ ихъ... Во время королевскихъ проѣздовъ у крестьянъ забирались лошади для короля и его свиты и платилось сколько вздумается.» — Ж. Б. Сей цитируетъ рѣзкія слова Ришельё ; «Народъ не таксируютъ, а грабятъ ; состояніе приобретается не трудомъ, а воровствомъ.» То, что Ришельё говорилъ вслухъ, то Мазарини дѣлалъ исподтишка.

Въ это же время разбогатѣвшая буржуазія начинаетъ добиваться дворянства и титуловъ. Получая дворянскіе дипломы, за которые платились очень дорого, она подобно феодальнымъ владѣтелямъ избавлялась отъ всякихъ налоговъ. Дворянскій дипломъ былъ выкупомъ или лучше-сказать правомъ на королевскую милость и на пользованіе общественною казною.

Такъ по мѣрѣ того какъ несчастный рабъ, истощенный побоями, голодомъ и нищетою, становится трудолюбивѣе, разумнѣе, нравственнѣе, по мѣрѣ того какъ онъ сбрасываетъ съ себя невѣжественную оболочку и цивилизуется, господа его развращаются все болѣе и болѣе и поведеніе ихъ становится все отвратительнѣе. Нѣтъ никакого сравненія между правами дворянства XV, XVI и XVII вѣковъ и тѣми, которые были напримѣръ при Карлѣ-великомъ, когда бароны и владѣтели жили съ *своими людьми*, какбы составляя одну семью и требовали съ нихъ только то, что было установлено обычаями. Чѣмъ ближе къ XVIII столѣтію, тѣмъ жалобы народа становятся все чаще и тяжелѣе. Вотъ что мы читаемъ напримѣръ въ 1676 году : «Все что народъ выработываетъ, идетъ на пищу, благосостояніе и покой другихъ классовъ. Бѣдный земледѣлецъ обрабатываетъ свое поле, сѣетъ, собираетъ жатву, работаетъ въ потѣ лица день и ночь, въ холодъ, въ жаръ, въ дождь и въ вѣдро, живетъ бѣдно, кускомъ черстваго хлѣба и водою, и все это для того, чтобы дать господамъ возможность жить въ роскоши

и довольствѣ. Онъ работаетъ не для себя, а для другихъ; весь его трудъ идетъ на удобства самыхъ богатыхъ и самыхъ праздныхъ.»

Но мы довольно привели цитату. Черезъ такія-то бѣдствія прошолъ народъ, пока достигъ большаго развитія цивилизаціи!

Такъ какъ, согласно древнему праву, принципъ и цѣль налога было принужденіе человѣка къ труду, такъ какъ его общему формою было удрученіе рабочаго класса, то понятно, что взиманіе его было разнообразно до безконечности. Поэтому существовалъ налогъ на все: на землю, на жатву, на скотъ, на рыбу, на дичь, на живность, на трудъ, на право жительства, на печи, на рожденіе, на смерть, на бракъ. Изъ всѣхъ этихъ налоговъ самыя отвратительныя, извѣстныя подъ именемъ *феодалныхъ правъ*, были уничтожены въ 1789 году по общему согласію самихъ владѣтелей. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что начало *сложности налоговъ* вышло именно изъ феодальнаго неравенства. Это одно заставляетъ какъ можно серьезнѣе изслѣдовать это начало.

Употребленіе общественныхъ фондовъ, точно также какъ и доля и раскладка налога, зависѣло совершенно отъ воли владѣтелей и короля. На всѣхъ собраніяхъ генеральныхъ штатовъ повторяются жалобы о томъ, что вотированные налоги не идутъ по назначенію. На собраніи, бывшемъ при Людовикѣ XIII, Лабрильеръ осмѣливается сказать, что Францискъ I, вмѣсто того чтобы строить корабли, выстроилъ въ Парижѣ модель своей мадритской тюрьмы. Генрихъ III издержалъ три мильона франковъ на свадьбу своего фаворита Joyeuse. Мазарини выдавалъ своимъ племянницамъ приданое изъ государственнаго бюджета; самъ онъ составилъ состояніе, равнявшееся тремстамъ мильонамъ на наши деньги. Людовикъ XIV выстроилъ своей любовницѣ г-жѣ Монтеспанъ замокъ Кланьи, стоившій 2,862,721 тогдешнихъ ливровъ. Онъ же издержалъ на постройку Версаля болѣе мильярда. Испуганный огромностью издержекъ, онъ приказалъ сжечь всѣ бумаги, относившіяся до этой постройки.

«Васъ вознесли до небесъ — пишетъ ему Фенелонъ въ 1695 г. — зато что вы затмили своимъ величіемъ всѣхъ вашихъ предшественниковъ: это значитъ, что вы разорили всю Францію для того, чтобы ввести при дворѣ самую чудовищную и неизлечимую роскошь. Ваше имя сдѣлалось ненавистнымъ для цѣлой Франціи, невыносимымъ для ея сосѣдей.»

Сравнивая настоящее положеніе Франціи съ тѣмъ, какое было при Людовикѣ XIV, мы видимъ, что несмотря на свою революцію, она на дѣлѣ недалеко ушла впередъ.

Французскій народъ такъ же довѣрчивъ и щедръ къ своимъ госу-

дарственнымъ расходамъ, тѣже вооруженія, тѣже постройки, тоже мотовство. Вся разница только въ томъ, что съ 1789 года существуетъ во Франціи образованный средній классъ, который вотпругаетъ налогъ и дѣлаетъ видъ, что парламентируетъ.

Таково было развитіе понятія о налогѣ въ европейскихъ государствахъ до конца XVIII столѣтія. Разсматривая усѣхи, сдѣланные публичнымъ правомъ въ Европѣ съ этого времени, мы найдемъ, что усѣхи эти болѣе очевидны дѣ теоріи, чѣмъ на практикѣ. Если по принципу феодалное право перестало дѣйствовать во всѣхъ конституціонныхъ монархіяхъ, то въ дѣлѣ распредѣленія, величины и взпманія налоговъ существуютъ тѣже несправедливости и неравенство, какія были во времена феодализма. Мы усмотримъ это нагляднѣе впослѣдствіи, когда подвергнемъ критикѣ различныя системы, существующія теперь для налоговъ.

II

НАЛОГЪ ПО НОВѢЙШЕМУ ПРАВУ

Нѣтъ ничего легче, послѣдовательнѣе и проще, какъ прослѣдить развитіе произвола; напротивъ, нѣтъ ничего труднѣе достиженія справедливости и истины. Нужно постоянное усиліе ума, чтобы сдѣлаться философомъ, нужна энергическая воля, чтобы остаться честнымъ человѣкомъ, — между тѣмъ какъ невѣжество и безнравственность идутъ сами собою. Пусть мыслитель, пусть гражданинъ забудутся на минуту: они впадутъ въ ошибки, которыя нерѣдко ложатся пятномъ на всю жизнь.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что для того, чтобы закрѣпить въ средневѣковой Европѣ вилана, принудить его къ труду, чтобы угнетать народонаселеніе, неужно было много думать и затрудняться: у всѣхъ народовъ и во всѣ эпохи процедура эта была одинакова.

Все это дѣлалось, какъ тогда говорили, ради священныхъ интересовъ государства, цивилизаціи... Итакъ по принципу, рабъ, холопъ, виланъ, простолюдинъ, пролетарій и служитель составляли одно и то же; онъ обязанъ былъ отлавать своему господину, владѣльцу, королю, герцогу все что производилъ, за исключеніемъ того, что ему крайне необходимо было для существованія. Если господинъ давалъ ему что-нибудь сверхъ этого, то это была простая милость съ его стороны или поощреніе.

Въ настоящее время идеи эти измѣнились повсемѣстно. Христи-

анскія націи пережили переворотъ во Франціи. Верховная власть перешла въ западной Европѣ въ руки массъ. Но правительство, государство хотя и перешло въ другія руки, поглощаетъ такое же количество денегъ; часто даже издержки его увеличиваются съ каждымъ годомъ. Дѣло поэтому заключается въ томъ, чтобы объявить причину такой аномалии и сдѣлать болѣе справедливую повѣрку общихъ издержекъ общества. Другими словами: мы видѣли, что такое былъ налогъ по феодальному праву; теперь нужно изслѣдовать, каковъ онъ долженъ быть въ настоящее время.

Около вѣка уже ученые экономисты занимаются изслѣдованіемъ этого вопроса, но ни одинъ еще ни пришелъ къ точному и ясному заключенію. Всѣ они находили недостатки въ настоящей системѣ налоговъ, анализировали ихъ, отыскивали причины, и трудно предположить, чтобы эти люди, столь разумно указывавшіе на зло, не подозревали лекарства отъ него. Какимъ же образомъ они не указали на него? Отвѣтъ очень простъ: они не смѣли; они отступили передъ перспективой, которая казалась имъ слишкомъ выходящею изъ обычной колеи; они думали, что обществу нехорошо преслѣдовать справедливость слишкомъ настойчиво, и то, что было для учителей дурно-понятой отговоркой, стало для послѣдователей догмой.

А между тѣмъ подобная двусмысленность не можетъ долѣе продолжаться. Общество требуетъ справедливости и истины. Съ каждымъ днемъ темнота разсѣвается, и на той точкѣ, до которой дошла теперь наука, достаточно одного человѣка, который бы осмѣлился указать, чтобы всѣ увидѣли зло своими глазами. «Я постараюсь быть такимъ человѣкомъ», говоритъ Прудонъ въ своей книгѣ.

Начнемъ съ того, что прочистимъ себѣ дорогу. Для этого употребимъ способъ алгебраическій — исключеніе.

Что такое налогъ въ свободномъ обществѣ?

Налогъ не есть ни дань, ни оброкъ, ни наемная плата, ни гонорарій, ни припошеніе, ни страховая премія.

Налогъ не есть *дань*. Понятіе о дани несовмѣстно съ понятіемъ о свободномъ обществѣ. Даже при присоединеніи одного государства къ другому, граждане завоеваннаго государства уравниваются теперь въ правахъ съ гражданами завоевывающаго; какъ тѣ, такъ и другіе платятъ одинаковую контрибуцію. Феодальное понятіе о дани перестало существовать со времени первой французской революціи.

Налогъ не есть *оброкъ*. Отношеніе между членами общества в государствѣ нельзя угодить отношенію, бывшему на примѣръ между крестьянами и помѣщикомъ, или отношенію французской на-

дѣи къ своему духовенству, у котораго была отнята собственность во время революціи. Духовный бюджетъ разсматривается во Франціи какъ оброкъ или вознагражденіе за церковныя имѣнія. Равнымъ образомъ и наши крестьяне платятъ помѣщику оброкъ за право пользованія землею или извѣстною свободою при выборѣ занятій. Не то совѣтъ налогъ въ государствѣ.

Налогъ не есть *наемная плата*: это значило бы возвратиться къ прежнему порядку, смотрѣть на государство какъ на отдѣльное отъ націи лицо и признавать за нимъ права выше и раньше правъ самой націи. Государство есть сама нація, организованная политически; она одна есть собственникъ и распорядитель.

Налогъ не есть *юкорарій*, родъ преміи или жалованья, назначаемого государству въ качествѣ основателя, инициатора и правителя націи.

Налогъ не есть *приношеніе* или жертва, какъ думалъ маркизь де Мирабо. Это значило бы дѣлать исключеніе общимъ правиломъ. Подобнаго исключенія требовало для себя духовенство до 1790 года и было съ своей точки зрѣнія право. Но государство выше всякой другой институтіи, и прилагать доктрины какой-нибудь институтіи къ государству чистая нецѣльность.

Наконецъ налогъ не есть *страховая премія*. Здѣсь подъ именемъ страховой платы разумѣется гарантія, предоставляемая каждому собственнику въ защиту его собственности отъ всѣхъ тѣхъ, кто какими бы то нибыло образомъ могъ посягнуть на него. Таково было между прочимъ мнѣніе Эмиля де Жирандена. «По нашему мнѣнію — говоритъ онъ — налогъ долженъ быть страховой преміей, возносимой всякимъ собственникомъ, чтобы застраховать себя противъ рисковъ, могущихъ нарушить его владѣніе или пользованіе. Между этими рисками мы на первомъ планѣ поставимъ гибельныя послѣдствія революціи.» Изъ этихъ словъ ясно видно, что г. Жиранденъ пережилъ времена революціи 48 года и — убоился. Какъ человекъ богатый и притомъ собственникъ, онъ непрочь былъ видѣть въ каждомъ несобственникѣ грабителя, котораго могутъ удержать только страхъ божій и страхъ полиціи. Но мысль слѣдять изъ налога страховую премію, еслибы она была принята, показала бы только слѣдующее: 1) что общество не вѣритъ въ справедливость; 2) что оно смотритъ на собственность не какъ на *право*, но какъ на *совершившійся фактъ*, наконецъ 3) чтобы удержать *statu quo*, нужно прибѣгать относительно неимущаго класса ко всѣмъ средствамъ, необходимымъ для безопасности имущаго, другими словами — прибѣгать къ *силѣ*. Такая теорія оскорбительна для общества и безнравственна. Страховыя общества могутъ конечно существовать какъ

вѣтви публичнаго права и приносить большую пользу, но смыслъ, придаваемый имъ г. Жирарденомъ, есть новое воплощеніе феодализма и ретроградное движеніе на тридцать вѣковъ.

Обратимся теперь къ здравому смыслу: Налогъ есть *доля, платимая каждымъ гражданиномъ для издержекъ по общественнымъ дѣламъ.*

«Всякая контрибуція — говоритъ Шеве — есть вкладъ, дѣлаемый каждымъ гражданиномъ съ законною надеждою получить изъ употребленія его соотвѣтственную пользу; изъ этого слѣдуетъ, что общество обязано доставить каждому плательщику дивидендъ, соотвѣтственный его контрибуціи.»

Изъ этого понятія, общаго всѣмъ свободнымъ государствамъ, выходитъ, что налогъ или лучше-сказать система правительственныхъ издержекъ и сборовъ есть въ сущности не болѣе какъ *мѣна*. То, что правительство даетъ гражданамъ въ разнаго рода услугахъ, должно быть совершенно равно тому, что оно отъ нихъ требуетъ либо деньгами, либо трудомъ, либо продуктами.

Таково будетъ наше первое положеніе, важность котораго непосредственно чувствуется каждымъ, но къ сожалѣнію, приложеніе этого начала далеко не совершенно въ нашемъ обществѣ. *Налогъ есть мѣна*. Какъ для полученія извѣстныхъ выгодъ мѣна происходитъ между лицами, семействами и т. п., такъ точно для полученія другихъ выгодъ мѣна можетъ происходить только между частными лицами и лицомъ коллективнымъ, которое есть *государство*. Инициатива земледѣльцевъ, промышленниковъ, торговцевъ, подрядчиковъ, перевозчиковъ, работниковъ и т. п. достаточна для удовлетворенія большей части общественныхъ нуждъ. Вмѣшательство правительства въ предпріятія, зависящія единственно отъ личной дѣятельности, отвергнуты въ одно время и наукой и свободой. Дѣйствительно уже доказано, что такое вмѣшательство стоитъ гораздо дороже, чѣмъ свободный самоуправный трудъ. Но есть и такія услуги, которыхъ инициатива, издержки и ликвидація не могутъ быть представлены частному лицу, но принадлежать коллективности гражданъ. Такія услуги составляютъ спеціальность государства и суть предметъ налога.

Замѣтимъ прежде всего, что государство есть учрежденіе не единственное въ своемъ родѣ. Подъ нимъ существуютъ огромныя корпораціи, которыхъ можно разсматривать какъ маленькія государства въ государствахъ: будучи организованы для извѣстныхъ интересовъ, они имѣютъ свои издержки и сборы, словомъ свой бюджетъ. Законъ, управляющій ими, точно такой же, какъ и тотъ, который долженъ управлять государствомъ. Кому же государство не

есть просто юстиція, полиція, дипломатія и война: оно завѣдываетъ кромѣ того дѣлами, имѣющими коллективный интересъ. Въ этомъ—то отношеніи, и независимо отъ его верховности, государство подчиняется закону *кредита* и *дебета* или просто закону *мысли*.

Появшаи такимъ образомъ это первое начало, намъ нетрудно уже будетъ подвигаться впередъ по лабиринту отношеній.

Такъ какъ государство есть ничто иное какъ самая большая изъ корпорацій, образуемая жителями страны для гарантіи и служенія своимъ интересамъ, и такъ какъ между частнымъ лицомъ и государствомъ съ точки зрѣнія налога существуетъ простое отношеніе *цѣны*, то тотъ же часъ представляется вопросъ: какова должна быть естественная цѣна государственныхъ услугъ?

На это мы отвѣтимъ неколеблясь: *государство оказываетъ услуги по своей цѣльи, т. е. по собственной цѣльи, безъ прибыли.*

При старомъ порядкѣ услуги государства, или лучше—сказать услуги власти и дворянства можно было уподобить торговлѣ, которую ведетъ промышленникъ, получающій сверхъ собственной цѣны извѣстную прибыль. А такъ какъ власть въ государствѣ была лицомъ значительнымъ, которое не стало бы тревожить себя изъ-за мѣщавскаго жалованья, то и рѣшено было давать ей прибыль, сообразную съ ея значеніемъ и достоинствомъ. Отсюда произошли штатные доходы, пансіоны и почетно-прибыльные мѣста для придворныхъ, любовницъ и фаворитовъ, словомъ всего, что составляло нѣкогда блескъ бывшей французской монархіи.

Но политическая экономія живетъ началами, а не фикціями; въ настоящее время, когда всѣ начали разсуждать и рассчитывать, эта роскошь, нѣкогда ослѣплявшая, начинаетъ скандализировать всѣхъ.

Поэтому слѣдуетъ точное различіе между услугами и продуктами частныхъ лицъ, которыхъ нормальная и законная цѣна состоитъ во первыхъ изъ издержекъ производства и во вторыхъ изъ процента или прибыли, и между продуктами и услугами государства, цѣна которыхъ должна быть равна издержкамъ безъ всякой прибыли. Различіе это основывается на томъ, что работникъ, заботясь самъ о своемъ существованіи, долженъ жить своимъ трудомъ не только то время, когда онъ работаетъ, но и имѣть для всякихъ случайностей будущаго остатокъ, между тѣмъ какъ государство существуетъ при вѣрной помощи всѣхъ гражданъ; оно дѣйствуетъ только для гражданъ и само по себѣ не отличается отъ совокупности гражданъ. Такъ что еслибы случилось ему получить какую-нибудь прибыль, то эта прибыль вышла бы не его прибылью, а при-

былью гражданъ и должна быть тотъ же часть употреблена на какое-нибудь общественное дѣло.

По понятію нѣкоторыхъ, услуги государства должны получать какъ можно болѣе чистой прибыли. Такъ напримѣръ поступлено было во Франціи съ желѣзными дорогами, что и породило сильную финансовую аристократію. Согласно такому порядку, богатство страны измѣряется не дешевойзною услугъ, а величиною дивиденда. Когда акціи желѣзныхъ дорогъ поднимаются, т. е. когда акціонеры получаютъ больше дивиденда, то говорятъ, что общество богатеетъ, между тѣмъ какъ въ сущности выходитъ наоборотъ. Согласно этой же теоріи государственники утверждаютъ, что чѣмъ болѣе страна платитъ налоговъ, тѣмъ она богаче. Для этихъ фискальных экономистовъ страна состоитъ не изъ жителей, платящихъ контрибуцію, а изъ людей, пользующихся бенефиціями этой контрибуціи.

Чтобы добыть на свои расходы денегъ больше нормального налога, правительства въ европейскихъ государствахъ съ своими министрами, агентами, чиновниками употребляютъ всевозможные предлоги. То увеличиваютъ содержаніе чиновниковъ, то число этихъ послѣднихъ. Министръ такой великой имперіи какъ Франція, сочтетъ себя неудовлетвореннымъ, если будетъ получать жалованье равное жалованью министра какого-нибудь маленькаго государства, напримѣръ Бельгіи. Такъ если министръ короля Леопольда получаетъ 20,000 франковъ содержанія, то министръ императора французовъ долженъ получать 100,000. Что бы сказали, еслибы сапожникъ изъ Валансьена издумалъ требовать 20 франковъ за пару сапогъ, основываясь на томъ, что онъ принадлежитъ къ великой націи, между тѣмъ какъ сосѣдь его черезъ рѣку, бельгіецъ беретъ за такую же пару 6 франковъ? Но рутинеры имѣютъ привилегію извращать не только здравый смыслъ, но и самый порядокъ вещей. Во Франціи находятъ очень естественнымъ, что бюджетъ, который по здравой политической экономіи долженъ быть пропорціоналенъ населенію, увеличивается напротивъ въ болѣе быстрой прогрессіи чѣмъ населеніе. Притомъ же есть множество средствъ награждать себя за такъ-называемыя государственныя услуги. Начиная отъ капрала, который получаетъ свой безгрѣшный доходецъ съ солдатской порціи и кончая завѣдывающимъ штатными доходами, все это во Франціи грабило и щипало самымъ невиннымъ образомъ, такъ что можно смѣло сказать, что услуги государственныя стоили на 25 и 30% больше, чѣмъ онѣ должны бы были стоить. Такія же злоупотребленія существуютъ въ Англіи и вездѣ на западѣ.

Поэтому-то въ здравой и добросовѣстной политикѣ дѣла должны

идти совершенно противоположно тому, какъ они шли до сихъ поръ. Основую для теоріи должно быть правило, отвѣчающее коротко на всевозможные софизмы: общественныя услуги, къ какому бы разряду онѣ ни относились, должны быть установлены для страны по *собственной цѣли*.

Согласно этой теоріи, всякіе пошлины и сборы за пути сообщенія должны быть уничтожены, коль скоро они имѣютъ цѣлью, какъ это дѣлается во Франціи и Англіи, вмѣстѣ съ издержаннымъ капиталомъ приносить прибыль. Пути сообщенія страны составляютъ существенную часть ея бюджета; поэтому пользованіе ими принадлежитъ всѣмъ, т. е. государству, а слѣдовательно никому въ особенности. Поэтому, когда издержки на содержаніе возвращены, пользованіе путями сообщенія должно быть предоставлено націи даромъ. Если заставлять платить за пользованіе всѣми дорогами согласно правиламъ частной торговли, т. е. въ виду покрытія издержекъ на содержаніе, погашенія капитала и прибыли съ него, то это значитъ наложить на страну *эмбарго* гораздо болѣе разорительное для страны, чѣмъ простое взиманіе налога для издержекъ такого рода. Политико-экономы вздумали было сдѣлать исключеніе для каваловъ и желѣзныхъ дорогъ, и гибельныя слѣдствія начинаютъ уже сильно чувствоваться. Относительно каваловъ, правительство давно уже принуждено было выкупить ихъ у частныхъ компаній. Что же касается до желѣзныхъ дорогъ, то эксплуатація ихъ частными компаніями даетъ поводъ къ жалобамъ гораздо болѣе важнымъ и выкупъ ихъ правительствомъ есть вопросъ давно рѣшенный всѣми практическими людьми.

Но для полнаго познанія сущности налога не довольно привести его къ настоящему понятію, которое есть *мѣна*, не довольно указать, что согласно этому понятію, общественныя услуги должны даваться страцѣ, платящей контрибуцію, агентами правительства по собственной цѣли: нужно еще, чтобы эти услуги соотвѣтствовали дѣйствительнымъ нуждамъ, чтобы ихъ требовалъ общественный интересъ, словомъ — чтобы онѣ приносили пользу.

Всякое правительство на западѣ стремится отличить себя отъ націи, представляемой имъ, составить изъ себя что-то отдѣльное, выше самой страны. Оно считаетъ, какъ говоритъ Прудонъ, необходимымъ для своего авторитета тысячи издержекъ, которыя далеко не приносятъ такой же пользы для націи. Ему нужны солдаты и чиновники, оно имѣетъ честолюбивыя виды, которые часто далеко не соотвѣтствуютъ вѣдамъ самой націи. Для содержанія этихъ чиновниковъ и солдатъ нужны деньги и много денегъ: цифры доказываютъ, что требованіе денегъ превышаетъ каждый годъ смѣты, а

эти послѣднія превышаютъ сборъ ; что вслѣдствіе этого налогъ постоянно увеличивается и еще образуетъ долгъ , погашеніе котораго только увеличиваетъ его, и наконецъ образуется окончательный прогрессъ дефицита.

Поэтому правительству прежде всего нужно узнать когда и какъ, при какихъ условіяхъ какая-нибудь государственная издержка можетъ считаться привносящею пользу.

На это мы отвѣтимъ правиломъ, неимѣющимъ исключенія: всякій продуктъ или услуга, чтобы не принесть чистаго убытка, должна отвѣчать такой потребности, чтобы тотъ, кто чувствуетъ эту потребность, согласился дать изъ производительности своей цѣну, по крайней мѣрѣ равную издержкѣ, которую стоитъ эта производительность.

Видъ этого правила услуги и продукты, превышая потребности предложенія и требованія, падаютъ въ цѣнѣ; относительно правительства это значитъ, что издержка, употребленная имъ, либо неблагоприятна, либо чрезмерна, но во всякомъ случаѣ разорительна. Короче сказать, законъ предложенія и требованія долженъ существовать какъ для государства, такъ и для частныхъ лицъ. Согласно этому-то закону, сознанному скорѣе инстинктивно, чѣмъ разумно, во всѣхъ почти европейскихъ націяхъ признано за принципъ, что всякая государственная издержка должна быть вотирована палатами. Здѣсь мы видимъ ошутительно, какимъ образомъ экономическій принципъ преобразовался въ принципъ политическій.

Однимъ изъ слѣдствій этого принципа будетъ указать на настоящее мѣсто для государственныхъ издержекъ въ системѣ общественнаго употребленія и производительности. По мнѣнію однихъ, государственный издержки цивилизованнаго общества суть издержки перваго порядка; онѣ должны идти впереди всѣхъ частныхъ потребностей, всѣхъ другихъ потребленій. Напротивъ того Адамъ Смитъ, а за нимъ и множество экономистовъ, обозначаютъ вообще всѣ государственныя издержки непроизводительными, а слѣдовательно и общественныхъ чиновниковъ непроизводителями. Но Адамъ Смитъ соглашается, что услуги эти и чиновники полезны и даже необходимы въ обществѣ; онъ хочетъ сказать, что производительность ихъ отрицательная, что рѣшительно неимѣетъ смысла.

Нужно сознаться, что масса населенія, народъ, почти всегда помогаетъ своему правительству въ его огромныхъ издержкахъ, что для него слава, наружный блескъ идутъ впереди экономическихъ расчетовъ. Разумѣется все это хорошо до того времени, когда приходится платить.

Тогда дѣло совсѣмъ другого рода : народъ начинаетъ обвинять фиска, жаловаться на неравенство налога , требовать законовъ противъ роскоши , налога на богатыхъ и т. п. Во Франціи одна только буржуазія рѣшается иногда критиковать издержки правительства. Буржуа , какъ человѣкъ дѣловой , знаетъ , что каждая издержка покрывается сборомъ , т. е. налогомъ. Народъ же не думаетъ объ этомъ : онъ съ нѣкотораго рода гордостью говоритъ , что бюджетъ Франціи скоро достигнетъ двухъ миллиардовъ. «Налогъ — говоритъ Мишель Шевалье — беретъ съ платящихъ его лицъ суммы , большая часть которыхъ могла бы составить капиталъ. Слѣдовательно налогъ поглощаетъ сущность народнаго улучшенія. Если поэтому желаютъ серьезно улучшить судьбу бѣднаго класса , то нужно уменьшить налогъ и употреблять его съ пользою.»

Такія истины непонятны народу. Для него , живущаго со дня на день , непонятно , что начало благосостоянія его заключается въ бережливости тѣхъ , у которыхъ остается что-нибудь ежедневно ; народъ требуетъ , чтобы фиска падалъ именно на это сбереженіе и давалъ бы ему пользоваться имъ.

Ктому же народъ часто разсуждаетъ на манеръ Людовика XIV : онъ думаетъ , что для того , чтобы дѣла шли хорошо , нужно *много издерживать*. Что за дѣло — говоритъ онъ — что бюджетъ великъ ? Издержанныя деньги не потеряны : онѣ обращаются между капиталистами , чиновниками , солдатами , подрядчиками и потомъ снова возвращаются въ казну посредствомъ налога. Дѣла отъ этого нисколько не терпятъ. Экономисты (нужно отдать имъ справедливость) очень часто опровергали этотъ софизмъ , но аргументъ ихъ какъ-то плохо дѣйствовалъ на массы. Найдется даже между дѣловыми людьми много такихъ , которыхъ никакъ нельзя убѣдить въ противномъ.

До сихъ поръ въ изслѣдованіяхъ нашихъ мы не встрѣчали большихъ затрудненій. Руководствуясь исторіей , здравымъ смысломъ , справедливостью и математическою логичностью , мы дали положительные и ясные отвѣты на вопросы : что такое былъ налогъ въ древнія времена и какимъ образомъ поступали общества вначалѣ въ этой вѣтви народной администраціи ? Что такое налогъ самъ по себѣ и чѣмъ онъ долженъ быть?—Эти вопросы , чисто объективные , внѣ всякой свободы личности , внѣ человѣческой субъективности , представлялись намъ какъ простые вопросы права , какъ алгебраическая задача , разрѣшимая обыкновеннымъ путемъ юридическихъ и математическихъ доказательствъ. Теперь же намъ нужно обра-

таться къ произволу человѣческому, который, неподчиняясь никакимъ законамъ, приводитъ разумъ въ крайнее смущеніе.

Какъ устанавливаются налоги?

Съ кого и на чемъ онъ долженъ быть взимаемъ?

Какимъ образомъ будетъ производиться уплата его?

Какова должна быть величина налога?

Эти вопросы, которыхъ никакимъ образомъ нельзя отклонить, принадлежатъ къ числу трудныхъ въ общественной экономіи.

При прежнемъ порядкѣ феодальнаго права вопросы эти не представляли никакой трудности. Такъ на первый вопросъ: какъ устанавливается налогъ? отвѣчали колеблясь: существующею властью. На второй вопросъ: на комъ долженъ лежать налогъ? Отвѣтъ: на народѣ. Собственно король имѣлъ право таксировать всѣхъ, кого ему вздумается; но на дѣлѣ народъ, т. е. рабочій и производящій классъ, платилъ одинъ. Дворянство избавлялось отъ всякаго налога посредствомъ военной службы, бывшей предлогомъ къ новымъ привилегіямъ; духовенство въ бѣдственное время предлагало нѣсколько денегъ, но эти деньги возвращались ему впоследствии сторицею. Такимъ образомъ оставался одинъ простой народъ, работники, виланы: на нихъ на однихъ лежалъ весь налогъ.

На чемъ налогъ долженъ быть взимаемъ? Отвѣтъ: на всякаго рода цѣнностей, на всемъ. Такъ въ самыя отдаленныя времена фискъ увеличилъ свои взиманія до безконечности. Очень рано сборщики податей поняли слѣдующую фискальную истину: что средство вытянуть какъ можно болѣе денегъ у націи заключается не въ томъ, чтобы налагать сразу большую сумму на какой-нибудь городъ, семейство или лицо, какъ это дѣлаетъ завоеватель, взявшій приступомъ городъ и назавтра удаляющійся. Но средство это заключается напротивъ въ разнообразіи контрибуціи, сообразно элементамъ богатства: столько за землю, столько за дома, столько за ремесло, столько за право перехода, столько за движимость, за хлѣбъ, за вино, за масло и т. д. Все что имѣетъ цѣнность для частнаго лица, имѣетъ такую же цѣнность въ глазахъ фиска: поэтому всякая цѣнность должна быть таксирована.

Какимъ образомъ, т. е. какого рода цѣнностями будетъ платиться налогъ? Въ этомъ фискъ былъ вначалѣ очень сговорчивъ; все для него было хорошо: золото, серебро, хлѣбъ, фуражъ, скоть, провизія, бѣрщина. Но мало-помалу впрочемъ онъ началъ предпочитать наличныя деньги, что еще болѣе затрудняло несчастнаго плательщика.

Какова должна быть величина налога? Отвѣтъ: все что превышаетъ необходимыя издержки работника.

Таковъ ужь былъ принципъ рабства, основаніе феодальнаго права. Впослѣдствіи мы увидимъ, что таковъ же принципъ и пролетаріата въ нашихъ новѣйшихъ обществахъ.

Мы видимъ, что вся эта экономія представляетъ совершенную логичность и правильность. Новѣйшее общество сдѣлало бы огромный шагъ впередъ, еслибы могло придать своему правительству ту же ясность и опредѣленность принципа, которыми руководствовало древнее общество.

Теперь этотъ привилегированный порядокъ пересталъ существовать; мы знаемъ, какимъ образомъ это произошло и не жалѣемъ о немъ. Но вникая въ новый теоретическій порядокъ, т. е. въ тотъ, который связываетъ начала съ ихъ слѣдствіями, мы увидимъ, что наше общество находится въ состояніи ужаснѣйшей анархіи.

Такъ, возвращаясь къ нашей задачѣ, спросимъ: какимъ образомъ при новомъ порядкѣ дѣлается тоже самое, что и прежде? Правительства самыя конституціонныя создаютъ постоянно новые налоги, сверхъ того еще занимаютъ, накапливаютъ долгъ, увеличиваютъ дефицитъ. Польша-Лун-Курье не приходилъ въ себя отъ удивленія. Онъ указывалъ на представительную машину какъ на самую вѣрную, самую удобную для выжиманія денегъ изъ націи, не возбуждая ся крикомъ. Въ настоящее время, шестьдесятъ лѣтъ послѣ революціи, Франція находится въ положеніи худшемъ, чѣмъ была въ 1789 году. При открытіи генеральныхъ штатовъ національный долгъ равнялся тремъ миллиардамъ; теперь, несмотря на ликвидацію, онъ утроился... Возвратимся къ налогу.

На второй вопросъ: на комъ долженъ лежать налогъ? старый порядокъ отвѣчалъ откровенно: на простомъ народѣ. — На всѣхъ! гордо отвѣчаетъ новый порядокъ.

Исключая бѣдныхъ! даже прибавляютъ филантропы. Лучше нельзя было сказать. Но — странное обольщеніе! распредѣляя налогъ по всѣмъ классамъ гражданъ, по всѣмъ состояніямъ, по всякой промышленности, безъ привилегій ни для дворянства, ни для духовенства, ни для корпорацій, случилось то, что мы пришли къ одному результату: именно мы только прикрыли привилегіи и увеличили кругъ привилегированныхъ. Что же касается до народа, то положеніе его нисколько не улучшилось. Какъ во Франціи, Англіи, Бельгіи, такъ еще больше въ Австріи, Германіи, Пруссіи, весь налогъ падаетъ на народъ и почти исключительно на него одного. Да при настоящихъ экономическихъ условіяхъ и невозможно, чтобы было иначе.

Для того чтобы выйти изъ этого лабиринта аномалій, не достаточно ни историческихъ изслѣдованій, ни обыкновенныхъ дан-

ныхъ политической экономіи и права. Дѣло идетъ уже не о счетѣ и не о счетности; вопросъ чисто органической: нужно обратиться къ психологіи обществъ.

Новѣйшее право, замѣстивъ старый порядокъ въ Европѣ, сдѣлало одну новую вещь: оно поставило на одну линію двѣ власти, бывшія прежде въ состояніи подчиненія. Эти двѣ власти суть *государство и индивидуумъ*.

Въ самомъ дѣлѣ, революція не уничтожила этой тайной, мистической власти, называемой государствомъ; она не ограничила общества одними индивидуумами, вступающими между собою въ широкія сдѣлки, заключающими контракты, устанавливающими законы, какъ это думалъ авторъ «*Contrat social*», Жанъ-Жакъ Руссо.

Нѣтъ: правительство, власть, государство, — какъ хотите назовите, — возстало изъ развалинъ стараго порядка цѣльнымъ, нетронутымъ, сильнѣе чѣмъ прежде. Новаго прибавилась только свобода, т. е. условія свободы, ея гражданское и политическое состояніе.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что государство, какъ его понимала революція, не есть что-то отвлеченное, роль законной фикціи, какъ полагали нѣкоторые и между прочимъ Ж. Ж. Руссо. Оно есть дѣйствительность столь же положительная, какъ само общество, какъ самъ индивидуумъ. Государство есть коллективная сила, происходящая во всякомъ обществѣ людей какъ слѣдствіе ихъ взаимныхъ отношеній, солидарности ихъ интересовъ, мнѣній и страстей. Безъ сомнѣнія, государство не существуетъ безъ гражданъ; оно не выше ихъ и не явилось прежде нихъ; но оно существуетъ, потому что они существуютъ, отличаясь отъ всѣхъ и отъ каждаго специальными правами и атрибутами. Равнымъ образомъ и свобода не есть какая-то фиктивная способность выбора между дѣланіемъ и недѣланіемъ чего-нибудь: она есть способность положительная, *sui generis*; она для индивидуума, совокупности страстей и различныхъ способностей, тоже что государство для коллективности гражданъ.

Вотъ почему государственный разумъ не тоже самое, что разумъ индивидуальный, почему государственный интересъ не тоже что индивидуальный интересъ, хотя бы этотъ послѣдній совпадалъ съ интересомъ большинства гражданъ, почему акты правительственные совѣмъ другого свойства, чѣмъ акты частныхъ лицъ. Способности, интересы, атрибуты различаются между государствомъ и гражданиномъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ различается коллективность отъ индивидуальности. Одинъ изъ примѣровъ такого различія мы имѣли случай видѣть, когда мы доказали, что мѣна не одинакова для государства и для частнаго лица: Государство, какъ сила коллективности, имѣя свой собственный, специфическій разумъ,

свой возвышенный интересъ, свои особыя отправления, имѣть такъ же и свои права, которыхъ невозможно не признать безъ того, чтобы не подвергнуть опасности права, состоянія и свободы самыхъ гражданъ.

Государство есть покровитель свободы и собственности гражданъ, не только тѣхъ, которые родились, но и тѣхъ, которые рождаются. Опека его обнимаетъ настоящее и будущее; она распространяется на будущія поколѣнія: поэтому государство должно имѣть права, соответствующія этимъ обязанностямъ.

Государство наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ, оно есть хранитель общественнаго довѣрія и гарантія при исполненіи контрактовъ. Эти обязанности предполагаютъ для государства новыя права какъ надъ лицами, такъ и надъ вещами, права, которыхъ нельзя отрицать безъ того, чтобы не нарушить общественной связи.

Государство есть суля попреимуществу; на немъ на одномъ лежитъ обязанность исполнять свои приговоры. Отъ этого рождаются для государства новыя права, безъ которыхъ его собственная гарантія и юстиція были бы ничтожны.

Но, скажутъ, все это существовало и прежде въ государствѣ. Если принципъ и его приложение, теорія и практика остались тѣже, то что же новаго прибавила собственно революція?

Между старымъ и новымъ порядкомъ на западѣ разница именно въ томъ, что прежде государство воплощалось въ одномъ человѣкѣ («L'Etat, c'est moi»), между тѣмъ какъ теперь оно находитъ свою дѣйствительность въ самомъ себѣ, какъ могущество коллективности.

Слѣдовательно государство на западѣ сохранило свою власть и силу, но потеряло свой авторитетъ; у него есть только права, гарантированныя интересами и правами самихъ гражданъ.

Древнее общество, основанное на абсолютизмѣ, стремилось къ сосредоточиванію и неподвижности. Новое общество, основанное на дуализмѣ государства и индивидуума, стремится къ децентрализаціи и движенію. Идея совершенствованія человѣка или прогресса явилась въ человечествѣ въ одно время съ новымъ правомъ.

Выведемъ теперь съ точки зрѣнія налога слѣдствія изъ этихъ началъ.

а) Изъ того, что государство, власть коллективная, физическая и нравственная нація, имѣетъ свои отправления, атрибуты, права, — слѣдуетъ, что права государства и его дѣйствія могутъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ распространяться на всякое лицо, на всякую вещь. Такъ напримѣръ государство требуетъ отъ гражданъ военной службы, лишаетъ ихъ собственности за извѣстное вознагражденіе, въ виду общаго интереса; оно судитъ тяжущихся и преслѣдуетъ

исполненіе своихъ рѣшеній; гарантируя собственность гражданъ и ихъ открытія, оно беретъ себѣ долю изъ ихъ прибыли.

б) Изъ того, что введеніемъ новаго права всякій гражданинъ участвуетъ въ законодательствѣ и правленіи своей страны, безусловный господинъ своего труда и продукта, равный всѣмъ другимъ, — слѣдуетъ, по мнѣнію Прудона, что при инициативѣ свободы въ общественномъ тѣмъ развивается огромное промышленное движеніе. При свободѣ промышленности всякій человѣкъ имѣетъ право предаваться всякаго рода предпріятіямъ, небудучи подчиненъ никакимъ корпоративнымъ правиламъ; при свободѣ торговли рынокъ пріобрѣтаетъ огромное одушевленіе; обращеніе дѣлается безграничнымъ и распространяется во всѣ стороны; при раздѣленіи труда всѣ интересы сцѣпляются между собою, и промышленности, теряя своей независимости, становятся солидарны; при быстротѣ и разнообразіи сдѣлокъ, всякаго рода цѣнности, движимыя и недвижимыя, переходятъ безпрестанно изъ рукъ въ руки, сегодня служатъ кредиту одного, завтра кредиту другого, такъ что въ этомъ безграничномъ движеніи вѣтъ возможности найти хоть одинъ моментъ устойчивости.

Вотъ на этомъ-то вихрѣ, который безпрестанно уноситъ людей и вещи, должно государство основывать самую главную изъ своихъ привилегій, т. е. раскладку и взиманіе налоговъ.

Экономисты какъ-кажется и не подозреваютъ этого огромнаго преобразования. Они разсуждаютъ о налогѣ какъ-будто общество и экономическій міръ находится въ состояніи вѣчнаго покоя. Они забываютъ, что со времени революціи неподвижность исчезла вмѣстѣ съ средневѣковымъ правомъ и что человѣчество двигается двумя противоположными силами: необходимостью, т. е. закономъ государственнымъ, или научными аксіомами и свободой, возвышающейся надъ всякими началами, всякими теоріями и всякими аксіомами. Они спорятъ между собою и принимаютъ то единичный налогъ, то разнообразный; одинъ рѣшаетъ все налогомъ на капиталъ, другой — налогомъ на доходъ; истощивъ доказательства, но не признавая своихъ заблужденій, они вступаютъ въ сдѣлку, подобно мольтеровскимъ докторамъ: «уступите мнѣ ремень, а вамъ уступлю александрійскій листъ» (*laissez-moi la rubarbe, et je vous passerai le sené*).

«Теперь, вмѣстѣ съ маніей къ единичности, къ централизаціи, всѣ бросились на единичный налогъ; разнообразіе налога затруднительно, противорѣчія фактовъ скандальны; довольно одного декрета, чтобы покончить разомъ со всѣми этими противорѣчіями, установитъ порядокъ какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ мірѣ». Такъ разсуждаютъ всѣ эти *остръжные* экономисты.

сты, для которыхъ общественная наука, по выраженію г. Тьера, есть очень *скучная литература*. Для нихъ непонятно, что всѣ эти унификаціи, централизаціи совершенно противны политической экономіи, которая существуетъ только при свободѣ, независимости, конкуренціи, движеніи, самопроизвольности и безпрестанномъ видоизмѣненіи, которая не признаетъ другого закона кромѣ *равновѣсія*, что всегда и во всѣхъ случаяхъ она предполагаетъ существованіе *двухъ противоположныхъ силъ*.

Что касается до насъ, то мы смотримъ на экономію обществъ какъ на слѣдствіе огромнаго и всеобщаго дуализма. Принимая въ расчетъ всѣ стремленія, всѣ антагонизмы, всѣ инициативы, мы думаемъ, что дѣло государственнаго человѣка состоитъ именно въ томъ, чтобы управлять этими часто противоположными силами согласно законамъ равновѣсія и справедливости.

ВЛАДИМИРЪ ФУКСЪ

ЛИТЕРАТУРА И ПРАВЫ АНГЛІИ

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ

СТАТЬЯ ТѢИ

I

РЕЛИГІЯ И ПОЛИТИКА

Съ новыми учрежденіями, въ 1668 году, проявился и новый духъ въ Англіи. Революція нравственная явилась постепенно вслѣдъ за революціей соціальной: человѣкъ измѣняется въ одно время съ государствомъ, въ томъ же смыслѣ и отъ тѣхъ же причинъ; характеръ приспособляется къ положенію, и въ нравахъ и литературѣ начинаетъ мало-помалу господствовать тотъ характеръ серьезный, нравственный, способный къ дисциплинѣ и независимости, который одиѣкъ былъ способенъ поддержать и довести до совершенства англійскую конституцію.

I

Англія не безъ труда достигла всего этого. Положеніе дѣлъ при Вильгельмѣ, Аннѣ и двухъ первыхъ Георгахъ — отвратительно. На него хочется смотрѣть съ точки зрѣнія Свифта: если онъ могъ описать *Yahoo*, значить онъ его видѣлъ; обнаженный или разряженный, запряженный въ карету или самъ важно сидящій въ каретѣ, онъ не менѣе отвратителенъ. Это время представляетъ лишь развратъ въ высшихъ слояхъ, грубое невѣжество въ низшихъ; толпа интригановъ руководитъ грубую чернь. Люди, въ изступленіи страсти, неистовствуютъ, сожигаютъ портретъ адмирала

Бинга, требуют его смерти, переходят от одной партии к другой, и кажется готовы в своем изступлении разрушить все гражданские постановления. Когда вели на судъ доктора Сечвереля, толпа мясниковъ, трубочистовъ, разносчиковъ, развратныхъ женщинъ и всякой сволочи сопровождала его съ криками ярости и энтузіазма, воображая, что церковь въ опасности, и вечеромъ того же дня начала жечь храмы диссидентовъ. Когда лордъ Ботъ, вопреки народному мѣнью, поставленъ былъ на мѣсто Потта, въ него кидали камнями и онъ не могъ выѣзжать иначе, какъ охраняемый кулачными бойцами. При каждой политической переимѣнѣ слышится ропотъ, происходятъ свалки. Но еще хуже, когда на очереди личный интересъ народа. Джинъ изобрѣтенъ въ 1684 г., а пятьдесятъ лѣтъ спустя Англія истребляла его въ числѣ семи миллионъ галлоновъ. На вывѣскахъ было означено, что за двѣ копѣйки можно напиться пьянымъ, за четыре — до полусмерти; сверхъ того продавецъ брался снести въ свой погребъ тѣхъ, которые не въ состояніи болѣе пить и уложить ихъ тамъ на солому, до отрезвленія. По улицамъ Лондона на каждомъ шагу валялись пьяные и только состраданіе прохожихъ не допускало ихъ быть раздавленными экипажами. Хотѣли ослабить пьянство посредствомъ налога, но эта мѣра не помогла; вино продавалось по прежней цѣнѣ, доносчиковъ немедленно убивали, судьи не смѣли произносить приговоровъ. Палата уступила и Вальполь, боясь возмущенія, уничтожилъ свой законъ. Все эти законодатели въ торжественныхъ парикахъ и горюстахъ, архіереи въ кружевахъ, раззолоченные лорды помѣщались на спинѣ чудовища, большею частію покорнаго, но страшнаго въ своей ярости. Это оправдалось въ 1780 г. при возмущеніи лорда Гордона. Безъ плана и предводителя, по одному крику: «смерть паннамъ!» чернь бросилась на тюрьмы, освободила преступниковъ, наносила оскорбленія перамъ, и въ продолженіи трехъ дней владѣла городомъ, предавая всякаго рода неистовствамъ. Разбитыя бочки жину образовали ручьи на улицахъ. Женщины и дѣти пили стоя на колѣняхъ. Пьяная толпа бушевала, нѣкоторые вовсе теряли сознаніе и погибали въ горящихъ домахъ. Одинадцать лѣтъ спустя, въ Бирмингамѣ, таже чернь сожгла дома диссидентовъ, и на другое утро всѣхъ зажигателей нашли мертвецки-пьяныхъ на дорогѣ, въ канавахъ и ямахъ. Инстинктъ пробуждался дико въ этой сытой и слишкомъ сильной массѣ. Она, подобно разъяренному быку, бросалась на первый красный лоскутъ, который ей показывали.

Высшее общество было еще немного хуже черни. Если не было до сихъ поръ революціи болѣе благодѣтельной, чѣмъ революція 1688 года, то и ни одна изъ нихъ не была произведена и поддержи-

ваема болѣе грязными руками. Измѣна была вездѣ, и не простая, а двойная, тройная. При Вильгельмѣ и Аннѣ адмиралы, министры, члены совѣта, придворные лакеи, всѣ въ заговорѣ съ Стюартами, которыхъ сами уже разъ продали и готовы еще продать; торгъ смѣнялся торгомъ, измѣна шла въ восходящей прогресіи. Самый великій полководецъ того времени, герцогъ Мальборо — ничто иное какъ человѣкъ жившій на содержаніи у женщинъ, скупой до грязи, обворовывавшій солдатъ, эксплуатирующій государственныя тайны, измѣнникъ Іакову, Вильгельму, Англіи, способный пожертвовать жизнью за пару сапогъ и ввести въ засаду къ французамъ экспедицію англійскихъ солдатъ. За нимъ слѣдуетъ Болинброкъ, циникъ и скептикъ, поочередно министр королевы и претидента, одинаково безчестный въ отношеніи обоихъ, торгующій совѣстью, браками и обѣщаніями, потратившій свой геній на интриги и дошедшій наконецъ до всеобщаго презрѣнія. Наконецъ Вальполь, выгнанный изъ палаты за лихоимство, двадцать лѣтъ бывшій первымъ министромъ и хваставшійся тѣмъ, что знаетъ тарифъ каждой совѣсти. «Шотландскаго члена можно купить за 200 фунтовъ стерлинговъ, говоритъ Монтескьё въ своемъ путешествіи въ Англію. — Англичане не стоятъ своей свободы, они продаютъ ее, и еслибы вздумали возвратить ее имъ, они бы во второй разъ ее продали.» Стоитъ прочесть въ журналѣ Додвингтона, личности вродѣ безчестнаго Фигаро, какъ искусно совершалась эта торговля. «Во время одного выбора — говоритъ докторъ Кингъ — Вальполь, подоидя къ одному изъ членовъ противной партіи, отвелъ его въ сторону и сказалъ: «отдайте мнѣ вашъ голосъ; вотъ вамъ банковый билетъ въ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ.» Членъ отвѣчалъ ему: «сэръ Робертъ, вы недавно еще оказали услугу нѣкоторымъ изъ моихъ близкихъ друзей и жена моя была милостиво принята при дворѣ, чѣмъ конечно обязанъ я вашему ходатайству. Я былъ бы очень благодаренъ (и при этомъ онъ положилъ билетъ въ карманъ), еслибы не исполнилъ вашего желанія...» Вотъ съ какимъ тактомъ обдѣльвались дѣла! Испорченность такъ глубоко проникла въ нравы и политику, что лордъ Ботъ, донесшій на Вальполя, былъ вынужденъ самъ слѣдовать его примѣру. Его сотоварищъ Фоксъ обратилъ кассу казначейства (pay-office) въ рынокъ, велъ разныя сдѣлки, въ одно утро выдалъ 25,000 фунтовъ стерлинговъ. Голоса покупались за чистыя деньги и купившій все-таки не могъ быть увѣренъ, что ему не измѣнятъ въ рѣшительную минуту и не перейдутъ на сторону противника за большую сумму. Сановники тоже вели торги чинами, выгодными мѣстами съ большимъ окладомъ. Чтобъ получить вакансію, зани-

мающему ее давался пенсіонъ въ двѣ, три, пять и семь тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Питтъ, самый честный изъ дипломатовъ, глава тѣхъ, которые называли себя патріотами, часто бралъ назадъ давное слово, попеременно обвинялъ и защищалъ Вальполя, стоялъ за войну и за миръ — все для того, чтобъ остаться министромъ. Его соперникъ Фоксъ — безстыдный негодай. Герцогъ Ньюкестль, «имя котораго — коварство», былъ живая карикатура, самый неловкій, самый невѣжественный, служившій посмѣшищемъ для всѣхъ, презираемый аристократією, все-таки оставался при министерствѣ тридцать лѣтъ, и десять лѣтъ былъ первымъ министромъ, въ силу своего родства, богатства, выборовъ, которыми онъ распоряжался, и мѣстъ, которыя онъ раздавалъ. Паденіе Стюартовъ сосредоточило правленіе въ рукахъ нѣсколькихъ сильныхъ фамилій, которыя овладѣли королемъ, возбуждали страсти толпы, интриговали и перебывали власть другъ у друга.

Въ частной жизни повторылись тѣже явленія. Король обыкновенно ненавидѣлъ своего старшаго сына; сынъ этотъ дѣлалъ долги, просилъ у парламента увеличенія пенсіона и соединялся съ врагами отца. Георгъ I держалъ свою жену въ тюрьмѣ тридцать три года и проводилъ каждый вечеръ съ двумя безобразными любовницами. Георгъ II, любившій жену, имѣлъ любовницъ для тона, радовался смерти своего сына, похитилъ завѣщаніе отца. Его старшій сынъ былъ игрокъ, и занявъ однажды у Доллингтона 5,000 фунтовъ стерлинговъ, сказалъ, увидѣвъ его въ окно: «Этого челоуѣка считаютъ самымъ умнымъ въ Англіи, а между тѣмъ мнѣ удалось надуть его на 5,000 фунтовъ.» Единственный честный челоуѣкъ былъ Георгъ III, но и тотъ отличался странностями, былъ, какъ извѣстно, поврежденъ, потомучто всю молодость свою провелъ взаперти: «Всѣ молодые люди безнравственны — говорила его мать — а женщины сами ухаживаютъ за мужчинами, недожидаясь, чтобы на нихъ обратили вниманіе.» Въ самомъ дѣлѣ, порокъ не скрывался даже подъ изящною маской. «Здѣсь очень цѣнятъ деньги, а честь и добродѣтель не въ большемъ почетѣ», писалъ Монтескьё. Англичанину нужны деньги, женщины и хорошій обѣдъ. Какъ только измѣнится эта обстановка, онъ или застрѣлится, или сдѣлается воромъ. Молодые люди предавались самымъ грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ. Самые извѣстные изъ нихъ назывались могиканами и каждую ночь были ужасомъ Лондона. Они останавливали прохожихъ и заставляли ихъ плясать, покаявая имъ ноги остриемъ шпаги; иногда они сажали женщину въ бочку и сбрасывали ее съ высоты или ставили вверхъ ногами; другіе сплющивали носы прохожимъ и пальцами выковыривали имъ гла-

за. Свифтъ, комики и романисты описали эти грязныя вакханаліи, доходившія до неслыханныхъ жестокостей. Эти бурные темпераменты требовали сильныхъ ощущеній и находили ихъ въ разрушеніи всего, что уважають люди и чему покровительствуютъ законы. Преслѣдуя священниковъ, они руководились тѣмъ же инстинктомъ, который заставляетъ ихъ издѣваться надъ полиціей.

Коллинъ, Твиддэлъ и Болингброкъ были для нихъ авторитетомъ; растлѣніе нравовъ, привычка къ измѣнамъ, столкновеніе между сектами, свобода мнѣній, научныя открытія и броженіе умовъ заглушило христіанство. «Религія нѣтъ въ Англіи, говорилъ Монтескье. — Пять или шесть членовъ нижней палаты ходятъ иногда въ церковь... Если кто-нибудь вздумаетъ заговорить о религіи, его поднимутъ на-смѣхъ. Прежде всего нужно прослыть человѣкомъ хорошаго тона, а вотъ въ чемъ состоитъ этотъ тонъ, по словамъ лорда Честердольфа (о чести и справедливости онъ говоритъ только вскользь, для формы):

«Прежде всего нужно имѣть хорошія манеры», говоритъ онъ своему сыну. Въ каждомъ письмѣ онъ повторяетъ это съ такою силою убѣжденія и съ такими неопровержимыми доказательствами! «Ну, какъ твои манеры, любезный другъ, грація и всѣ маленькія достоинства, необходимыя для любезнаго молодого человѣка? Приобрелъ ли ты ихъ? Достаточно ли въ нихъ успѣваешь? Старайся образоваться, не чисти ногтей въ обществѣ, не ковыряй въ носу, держи хорошенько ноги... Тебѣ теперь всего нужнѣе учитель танцованія... Старайся выбросить изъ головы кембриджскую ветошь... Мнѣ сказывали, что m-me *** хороша какъ ангелъ, и несмотря на это, вѣрна своему мужу, хотя прошло уже болѣе года со дня ихъ свадьбы. Надо развить эту женщину... не приложишь ли ты своихъ стараній?..» Потомъ далѣе: «Что говорила тебѣ г-жа ***? Для серьезной привязанности я предпочелъ бы ее, но для обыкновенной связи г-жа *** лучше. Впрочемъ одно не мѣшаетъ другому. — Будь милъ, ловокъ, волочись больше; старайся правиться женщинамъ: онѣ выводятъ юношей въ люди; съ мужчинами будь искателемъ: придворная ловкость выведетъ на дорогу.»

Онъ ставитъ ему въ примѣръ Болингброка и Мальборо, самыхъ развратныхъ людей этого времени. Не забудьте, что это говоритъ человѣкъ серьезный, бывший министръ, представитель хорошаго воспитанія и изящнаго вкуса. Онъ хочетъ эмансипировать своего сына, придать ему французскій лоскъ, дополнить серьезныя дипломатическія познанія. Лоскъ этотъ, такъ свойственный парижанамъ, выходитъ здѣсь карикатурень. Эта пересаженная любезность — ложь, заимствованная живость — недостатокъ здраваго смы-

сла, а свѣтское воспитаніе служить къ размноженію комедіантовъ и негодяевъ.

Такова была мысль Ге (Gay) въ оперѣ «Бродяги» и образованный классъ неистово аплодировалъ своему вѣрному изображенію.

Пьеса была играна шестьдесятъ три вечера сряду, при громѣ рукоплесканій; дамы писали куплеты на вѣраxъ, а главная актриса вышла замужъ за герцога. Какая сатира! Воры такъ наводнили Лондонъ, что въ 1728 году чуть не ограбили самой королеву; они ходили шайками, имѣли своихъ предводителей, казну, начальника и размножались невѣроятно, хотя каждую недѣлю ихъ *возами* возили на висѣлицы. Вотъ общество, которое изобразилъ Ге; по его мнѣнію, оно было не хуже свѣтскаго и очень сходилось съ нимъ въ нравахъ, поведеніи и морали. «Трудно сказать, бродяги ли берутъ примѣръ съ джентльменовъ, или джентльмены съ бродягъ, когда дѣло идетъ о модныхъ порокахъ.» Въ чемъ на примѣръ П. отличается отъ перваго министра? Онъ тоже начальникъ шайки воровъ, у него также есть списокъ, куда заносится приходъ; онъ также съ двухъ сторонъ беретъ деньги, также велитъ арестовать и вѣшать своихъ друзей, когда они ему мѣшаютъ, подобно ему выражается парламентскимъ нарѣчіемъ и дѣлаетъ классическія сравненія; онъ также важенъ, приличенъ и приходитъ въ негодованіе, если заподозрять его честность.

Вы можетъ-быть замѣчаете, что онъ ссорится съ своимъ помощникомъ за свой личный интересъ и хватаетъ его за горло?.. но давно ли Робертъ Вальполь и лордъ Тоунсендъ взяли другъ друга заворотъ, по такому же поводу? Послушайте наставленія, которыя П. даетъ своей дочери; это кодексъ обыкновенныхъ свѣтскихъ приличій: «Имѣйте любовниковъ, сударыня; женщина должна умѣть пользоваться своими достоинствами, если она и не принадлежитъ къ высшему кругу и никогда не была при дворѣ... Какъ! вы выходите за М. потому только, что любите его! Любить!.. я думалъ, что вы слишкомъ хорошо воспитаны для этого. Дочь должна быть для меня тѣмъ, чѣмъ бываютъ придворныя дамы для министровъ: орудіемъ къ достиженію цѣли.» Что же касается до М., то это достойный зять такого политика. Если онъ въ рѣчахъ не такъ блистателенъ, какъ на дѣлѣ, это объясняется его возрастомъ. Найдите мнѣ молодого офицера, съ болѣе приличными манерами и совершающаго такіе похвальные подвиги. Онъ отважно идетъ на грабежъ: вотъ вамъ храбрость; онъ раздѣляетъ добычу съ друзьями — вотъ и великодушіе.

— Видите, господа, говоритъ онъ: — я не таковъ, какъ придворныя друзья, которые только общаются. Пусть они надуваютъ другъ

друга, а мы слишком честны, чтобъ слѣдовать ихъ примѣру. Онъ любезенъ, имѣлъ съ полдюжины женщинъ и дюжину дѣтей, бываетъ въ непристойномъ обществѣ, миль съ женщинами, которыхъ тамъ встрѣчаетъ, ловокъ, умѣетъ поклониться и сказать каждому любезность: «Mlle S. ! вы попрежнему экспансивны и отличаетесь милою небрежностью свѣтскихъ женщинъ ! Всѣ вы, женщины, любите откровенность. Женни, не прикажете ли рюмку вина? — Я употребляю крѣпкіе напитки только когда у меня разстроены желудокъ. — Вотъ отговорка свѣтскихъ женщинъ : у свѣтской барыни всегда разстроены желудокъ.» Не есть ли это разговоръ людей хорошаго тона? Вы вѣрно совершенно убѣдитесь, что М. принадлежитъ къ высшему кругу, когда узнаете, что онъ давно заслуживаетъ петли и все еще не повѣшенъ ; это уже неопровержимое доказательство. Впрочемъ вотъ и еще другое : онъ говоритъ, что не придерживается отсталыхъ понятій о совѣсти и нравственности, т. е. такъ же мало стѣсняется въ удовольствіяхъ, какъ любой дворянинъ Англіи. Грязная сторона его жизни ничуть не возмутила бы людей порядочнаго общества. Дамы усердно аплодировали сценамъ въ тюрьмахъ, игорныхъ и питейныхъ домахъ, разговорамъ мошенниковъ и извѣстнаго рода женщинъ. Онѣ пѣли пѣсни Полли, испугаясь никакихъ вольностей, и охотно знакомились съ разными судебными и медицинскими подробностями. Страшная, болѣзненная иронія слышна во всей пьесѣ и даже спустя сто лѣтъ душа возмущается при мысли объ изобразенныхъ въ ней людяхъ.

II

Но это была только наружная оболочка, и тонкіе наблюдатели, какъ напримѣръ Вольтеръ, сумѣли различить это. Между тинной надіей и пѣной на поверхности текла великая національная рѣка, которая, очищаясь по мѣрѣ теченія, выказывала уже настоящій цвѣтъ своей воды и готовилась принять ясное и спокойное теченіе. Она текла по своему родному руслу ; каждый народъ имѣетъ свое русло и движется по его склону. Этотъ-то склонъ и даетъ форму и размѣры каждой цивилизаціи и его-то слѣдуетъ распознать съ самаго начала.

Для этого намъ нужно послѣдовать за путешественниками двухъ странъ, которые въ эту минуту переѣзжаютъ Ламаншъ. Никогда еще Англія не подражала сильнѣе Франціи, а Франція Англіи. Чтобъ ясно видѣть направленіе обѣихъ націй, стоило только открыть глаза. Лордъ Честерфильдъ совѣтовалъ своему сыну учиться разговору

въ Парижѣ: «онъ вертится тамъ на изящныхъ предметахъ, историческихъ событіяхъ, критикѣ и даже философіи, что несравненно лучше англійскихъ разсужденій о погодѣ и вистѣ.» На самомъ дѣлѣ, французы цивилизуются посредствомъ разговора, англичане напротивъ. Французъ по окончаніи механическаго труда тотчасъ прибѣгаетъ къ разговору и въ немъ находитъ отдохновеніе. Едва избавившись отъ религіозныхъ войнъ и феодальной системы, французы уже сказали свое слово. Открылся отель Рамбулье и салоны, началась бесѣда, продолжавшаяся два вѣка; нѣмцы, англичане, вся Европа ихъ слушала и старалась повременамъ подражать имъ. Какъ любезно велись бесѣды! съ какимъ тактомъ! Съ какой ловкостью и граціей умѣли убѣдить, забавить, похвалить большому самолюбію, увлечь вниманіе, внушить опасную истину и всегда быть за тысячу верстъ отъ скуки! И какъ скоро все это развилось, приобрѣлись пріятные жесты, легкость слова, изящество, пикантность и ясность изложенія! Слогъ, нѣсколько еще тяжелый, при Бальзакѣ дѣлается игривымъ, легкимъ, и наконецъ получаетъ крылья съ Вольтеромъ. Строгія науки, какъ политическая экономія и теологія, суровыя обитательницы академій и сорбонны, — и тѣ говорятъ эпиграмами. «*Esprit des lois*» Монтескьё исполнено остроумія противъ законовъ. Періоды Руссо, произведшія внослѣдствіи революцію, обдумывались не болѣе восемнадцати часовъ. Философія Вольтера блеститъ тысячею радужныхъ цвѣтовъ. Всякая идея выражалась удачною острою; всѣ думали шутя; самыя трудныя и щекотливыя истины дѣлались достоинствомъ салоновъ и перебрасывались нѣжными ручками дамъ, подобно волану, неоставляя пятенъ на ихъ кружевныхъ манжетахъ. Страсти умѣряются, любовь доходитъ до приторности, приличія доведены до высшей степени, люди дѣлаются «чувствительны». Англичане начали смотрѣть на французъ какъ на взвѣженныхъ женщинъ или учителей танцованія.

Всмотритесь однакожъ поближе въ этихъ разряженныхъ франтовъ, воркующихъ стихи Флоріана. Духъ общечеловѣчности, приведшій ихъ къ этой извѣженности, донелъ ихъ и до многого другого; въ разговорахъ развивались идеи. Еще и теперь, при современной мрачности настроенія, принципы философіи и политики развиваются за столомъ. Думать поспѣшно, взапуски, есть праздникъ для ума. Все развитіе француза основано на этомъ. Въ началѣ вѣка дамы, при случайныхъ встрѣчахъ, толкуютъ о Декартѣ, Николѣ, Боссюэтѣ, а теологія и общественная нравственность, облеченныя въ пикантную форму, вкрадываются въ салоны. Никогда общество такъ жадно не доискивалось истины, какъ въ XVIII вѣкѣ. Эти раздуплонные маркизы и наряженные фаты такъ же охотно слушали философію, какъ

и оперу; происхожденіе живыхъ существъ, приключенія Іакова-Фаталиста, вопросъ о свободной волѣ, правила политической экономіи и отчеты «человѣка съ сорока эю» (*L'homme aux quarante écus*), — все служило поводомъ къ парадоксу и новымъ открытіямъ. Всѣ тяжолыя плиты, которыя отесывались въ тишинѣ учеными труженниками, мигомъ полировались въ этомъ блестящемъ обществѣ. Тамъ думали, чтобы думать, нестѣсняясь практической невозможностью; теоріи развивались иногда только какъ теоріи. Тамъ играли общими истинами, выкапывали изъ среды ихъ одну, прежде незамѣченную, и развивали, нестѣсняясь правилами разсудка и реторики; на землѣ становилось тѣсно, надо было возвыситься до области чистой пден. XVIII вѣкъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ за XVII-мъ. Описывали умѣнье жить, лесть, мизантропію, скуность; изучали человѣка существующаго и человѣка абстрактнаго. Писатели релігіозные и монархическіе и писатели свободные и релігіозные составляли одну семью. Буало прокладывалъ дорогу Руссо, а Расинъ Робеспьеру.

Ораторское искусство ввело правильную рѣчь въ театральныя пьесы и классическій тонъ въ проповѣди; ораторамъ же обязаны обнаруженіемъ правъ и появленію «*Contrat social*». О человѣкѣ, его наклонностяхъ и обязанностяхъ составилось понятіе тѣмъ болѣе правильное, что его много и съ разныхъ сторонъ перетолковывали и обсуживали. Отъ аристократіи оно перешло къ народу и слѣжалось уже не забавой, а догматомъ; изъ нѣжныхъ ручекъ скентиковъ женскаго пола попало оно въ грубыя, но энергичныя руки, и изъ свѣтла будуаровъ преобразилось въ народный путеводный факель. Вотъ теченіе, которому слѣдовалъ французскій умъ въ продолженіи двухъ вѣковъ, наслаждаясь изяществомъ обращенія, забавляясь блестящими идеями, восторгаясь теоріями, до тѣхъ поръ пока въ ту минуту, какъ онъ уже думалъ, что достигъ своихъ волшебныхъ замковъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что у него нѣтъ земли подъ ногами и онъ обрушивается въ бездну революціи.

Совѣмъ другимъ путемъ шла англійская цивилизація. Она образовалась не въ силу обществённости, но въ силу нравственнаго направленія: вотъ почему и люди вышли другіе. Французы были поражены англійской жизнью.

«Во Франціи — говоритъ Монтескьё — я былъ друженъ со всѣми, въ Англій же ни съ кѣмъ. Здѣсь надо жить, какъ англичане, для самого себя, ни о комъ не заботиться и ни на кого не рассчитывать. Это страшные геніи, всегда одинокіе и печальныя. Они сосредоточенны, живутъ и думаютъ сами съ собою. Большею части изъ нихъ умъ не дастъ покоя, потомучто неимѣетъ исхода; они съ та-

нимъ презрѣніемъ и даже отвращеніемъ смотрять на многія условія жизни, что бывають несчастливъ по своей собственной волѣ.» Вольтеръ тоже безпрестанно упоминаеть о мрачнѣйшей энергіи англійскаго характера. Онъ говоритъ, что въ Лондонѣ бываеть повѣтріе, во время котораго люди вѣшаются; онъ съ солрогоаніемъ рассказываетъ, что одна молодая дѣвушка зарѣзалась, а любовникъ ея остался невозмутимо спокоенъ наружно, только оставилъ у себя ножъ. Его удивляло это огромное количество мизантроповъ. «Въ чемъ они будутъ искать исхода? Есть впрочемъ одинъ, расширяющійся съ каждымъ днемъ...» Англичанинъ, серьезный и вдумчивый отъ природы, неможеть считать жизнь шуткой или удовольствіемъ; его взоръ обращенъ не на веселую виѣшность и улыбающуюся природу, но на внутренній, духовный міръ; онъ разсматриваеть самого себя, сосредоточиваеться въ своемъ внутреннемъ мірѣ и незамѣчаетъ другихъ красотъ, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ явиться въ немъ самомъ; для него правота — единственный и неограниченный принципъ человѣческой жизни, и съ ней сообразуются все его дѣйствія. У него хватить силъ на это предпріятіе, потомучто гордость служитъ ему опорой. Выбравъ свою дорогу самъ, онъ постыдится ее оставить и будетъ избѣгать всякаго искушенія; онъ чувствуетъ, что борется и достигаетъ цѣли, что это подвигъ трудный, возбуждающій удивленіе, однимъ словомъ чувствуетъ себя человѣкомъ.

Съ другой стороны онъ освобождается отъ скуки, своего главнаго врага, и удовлетворяеть свою жажду дѣятельности; выполнение долга даетъ работу его способностямъ и цѣль его жизни, побуждаеть его къ различнымъ общественнымъ учрежденіямъ, распространенію истинъ, и даже робкія души подвигаетъ на долгую борьбу. Холодный темпераментъ создалъ у нихъ правила морали, а стойкій нравъ далъ ей силу. Умъ, направленный такимъ образомъ, всего способнѣе къ понятію долга; воля подъ такимъ вліяніемъ не уклонится отъ его исполненія. Вотъ главное основаніе, которое проявляется во всѣхъ отрасляхъ ихъ общественной жизни; оно часто бываеть незамѣтно, но стоитъ такъ же крѣпко, какъ тѣ первоначальные словъ, которыя кладуть свою печать на всю почву.

III

Самый протестантизмъ опредѣляетъ духъ народа. Слѣдуетъ заглянуть поглубже подъ его жесткую кору. Вольтеръ смѣялся надъ пустословіемъ проповѣдниковъ и ригоризмомъ вѣрующихъ. «На оперы, ни концертовъ по воскресеньямъ; даже карты такъ строго

запрещены, что въ нихъ играютъ только знатные, или какъ здѣсь называютъ, порядочные люди». Его смѣшати англикане, «такъ усердно собирающіе десятины», и пресвитерьяне, «которые всегда сердятся и проповѣдуютъ въ нощь», квакеры, «которые идутъ въ церковь въ шляпахъ, ожидать вдохновенія». Но развѣ только эта вѣщность заслуживаетъ вниманія и развѣ, зная нѣкоторые обряды, можно сказать, что знаешь сущность религіи? Между всѣми этими сектами есть общая связь; въ какой бы формѣ ни проявлялся протестантизмъ, его цѣль есть выработка нравственнаго чувства: вотъ почему онъ такъ и популяренъ; его принципы и догматы сообразны съ національными инстинктами. Чувство, изъ котораго все происходитъ у реформата, это тревога совѣсти; у него есть идеалъ высшей правоты и онъ сознаетъ, что далеко еще не достигъ до него. Онъ думаетъ о страшномъ судѣ и признаетъ себя осужденнымъ, падаетъ ницъ, молится о прощеніи и обновленіи своей души. Онъ убѣжденъ, что никакая власть, никакія усилія не могутъ спасти его и прибѣгаетъ ко Христу, какъ единственному примирителю, только отъ него ждетъ обновленія и спасенія.

Религія, понятая такимъ образомъ, составляла для англичанъ того времени нравственное обновленіе. Передъ такимъ душевнымъ настроеніемъ исчезаетъ всякая метафизика, теологія, вѣщные обряды и дисциплина; христіанство служитъ здѣсь къ успокоенію и очищенію сердца. Посмотрите на этихъ людей, одѣтыхъ въ темное платье, которые гвусятъ въ воскресенье вокругъ ящика изъ чернаго дерева, въ то время какъ личность въ брыжахъ, «съ видомъ Катона» читаетъ псалмы. Неужели у нихъ въ сердцахъ одни «теологическіе бредни» или пустыя фразы? Нѣтъ, въ нихъ высокое чувство благоговѣнія. Этотъ пустой храмъ диссидентовъ, эта сокращенная служба, эта простота англиканской церкви способствуютъ сосредоточенности на томъ, что они читаютъ и слушаютъ. Молитва, выраженная обыкновеннымъ языкомъ, находитъ прямой путь въ ихъ сердце, и можете быть увѣрены, что она туда проникнетъ, потому что это племя отъ природы способно къ глубокому чувству и грандіознымъ представленіямъ, которыя они находятъ въ библіи. Вольтеръ не могъ понять этого; все это не подходитъ подъ французскій масштабъ. Библейскіе рассказы, со всей ихъ суровой энергіей, жажда истины, тоска по ней, громы и молніи, порывы святого энтузіазма—глубоко потрясаютъ эти библейскія души. Тоже дѣйствіе производятъ и другія ихъ книги. Prayer-book, перелагаемая изъ рода въ родъ вмѣстѣ съ библіей, есть выраженіе чистой молитвы. Въ ней вѣетъ духъ зарождающейся поэзіи и возрождающейся религіи XVI вѣка и чувствуется, какъ у Мильтона, двой-

ное вдохновеніе, овладѣвшее человѣкомъ и возвысившее его до неба.

Эти молитвы, произносимыя у одра умирающаго или въ случаяхъ общаго и частнаго горя, эти страстно-краснорѣчивыя изрѣченія уносятъ человѣка въ невѣдомый міръ. Если нѣкоторые свѣтскіе джентльмены зѣваютъ и насмѣхаются, то есть и такіе, на которыхъ впечатлѣніе бываетъ потрясающее. Мысль о смерти и безконечномъ пространствѣ, въ которое погрузится душа, мысль объ этомъ невидимомъ судіѣ, вездѣсущемъ, всевѣдущемъ, поражаетъ сердца какъ молнія; земной міръ и его законы начинаютъ казаться имъ призраками, они во всемъ ищутъ одну только истину. Этотъ купецъ, всю недѣлю сидѣвшій за конторкой и сводившій итоги, этотъ *squire*, откармливатель скота, умѣющій только кричать, пнуть и перепрыгивать рвы, верхомъ на лошади, эти *yeomen* и *cottagers*, которымъ доставляетъ удовольствіе драться на кулачкахъ или надѣвать на голову лошадиную узду, чтобъ удобнѣе дѣлать гримасы, — всѣ эти неразвитые люди, погрязшіе въ физической жизни, оживаютъ нравственно подъ вліяніемъ религіи. Они предаши ей всей душою; это видно изъ возмущеній, которыя обнаруживаются внезапно, лишь только кто захочетъ коснуться церкви. Тоже подтверждается распродажею протестантскихъ книгъ, какъ «*Pilgrim's progress*», «*Whole duty of man*», которыя можно найти на подоконникѣ *yeoman's* и *squire's*. Людей этого класса можно расшевелить только нравственными размышленіями и религіозными чувствами. Духъ пуританъ, нѣсколько умѣренный, кроется еще подъ землею и проявляется всюду, гдѣ находить для себя пищу.

Это замѣтно при взглядѣ на секты. Во Франціи ясенисты и сзуты похожи на маріонетокъ прошедшаго вѣка, дерущихся для забавы настоящаго. Здѣсь квакеры, баптисты и проч. уважаются и признаются государствомъ, о нихъ упоминаютъ извѣстные писатели, ученые, ими занимаются люди благонамѣренные, представители націи. Они заводятъ споры, потомучто имъ кажется, что они неодинаково вѣрятъ. Невѣрующими можно назвать только тѣхъ людей, которые вовсе не говорятъ о религіи. Если люди дѣлаются сектантами, значить въ нихъ говорить сильное чувство. Эта религія живетъ, потомучто развивается; живительная сила проникаетъ въ догматы, забытые уже полтора ста лѣтъ. Вольтеръ былъ удивленъ, найдя аріанъ между глубокими мыслителями Англій, какъ напримѣръ Кларкъ и Ньютонъ. Оживаетъ не одинъ только догматъ, но обновляется и самое чувство: изъ-за аріанъ умозрителей проглядываютъ методисты практики, и вслѣдъ за Ньютонемъ и Кларкомъ идутъ Уайтхильдъ и Уэслей. Никакая другая исторія не разъясняетъ на-

столько англійскаго характера. Въ глазахъ Юма, Вольтера, они образуютъ секту конвульсіонеровъ и монашествующихъ и приобрѣтаютъ вліяніе посредствомъ ригоризма и экзальтаціи, которые во Франціи повели бы къ ихъ паденію. Уэслей, ученый оксфордскаго университета, но вѣрить въ чорта, которому приписываетъ явленіе всѣхъ болѣзней, злыхъ сновидѣній, землетрясенія и проч. Въ его семействѣ слышали какіе-то сверхъестественные звуки; отца его два раза душилъ домовою, а самъ онъ видитъ перстъ божій въ самыхъ обыденныхъ явленіяхъ жизни. Однажды, когда его застигло градомъ на дорогѣ въ Бирмингамъ, онъ принималъ это какъ наказаніе за то, что онъ не обращалъ на путь истины людей, обѣдавшихъ съ нимъ въ этотъ день. Когда нужно было на что-нибудь рѣшиться, онъ открывалъ біблію и старался найти въ словахъ текста разрѣшеніе своихъ сомнѣній. Въ Оксфордѣ онъ постигся до изнуренія; отправляясь на корабль въ Америку, ѣсть одинъ хлѣбъ и спать на голомъ полу; онъ восемьдесятъ четыре года велъ жизнь апостола, проповѣдая въ разныхъ мѣстахъ и раздавая все свое имущество; говорятъ, что онъ роздалъ 30,000 фунтовъ стерлинговъ, проѣхалъ сто тысячъ лѣй и произнесъ сорокъ тысячъ проповѣдей. Что могъ бы сдѣлать такой человѣкъ во Франціи въ XVIII столѣтіи? Здѣсь его слушаютъ, слѣдуютъ его ученію; онъ оставилъ по смерти восемьдесятъ тысячъ послѣдователей, а потомъ число ихъ возрасло до миліона. Мученія душевныя, толкнувшія его на эту дорогу, увлекли вслѣдъ за нимъ многихъ другихъ. Исповѣдь этихъ проповѣдниковъ поразительна: Георгъ Стори страдаетъ силіномъ и старается выказать въ черномъ цвѣтѣ всѣ людскія дѣла и занятія. Маркъ Бунтъ считаетъ себя отверженнымъ, потому что еще въ дѣтскомъ возрастѣ произнесъ одно богохульное слово; онъ молится цѣлую жизнь, и неуспокоившись, поступаетъ въ военную службу, съ надеждою быть убитымъ.

Джонъ Гаймъ имѣлъ видѣнія и вѣрилъ, что въ немъ обитаетъ злой духъ. Другой, подмастерье у булочника, страдалъ и чахъ цѣлую жизнь, потому что его хозяинъ пекъ хлѣбъ по воскресеньямъ. Вотъ души, представляющія обильную почву для религіознаго энтузіазма и такихъ очень много въ Англій; къ нимъ-то первымъ и привилась доктрина. Уэслей проповѣдывалъ, что «вѣра состоитъ не въ принятіи какого-нибудь догмата или цѣлаго ряда догматовъ, но въ ощущеніи присутствія божія, общеніи души съ міромъ невидимымъ; это есть полнѣйшее и внезапное обновленіе сердца. Вѣрить не значитъ только признавать справедливость догмата, но признавать всѣмъ сердцемъ, что Христосъ умеръ именно за нашъ личный грѣхъ, что онъ любилъ *собственно* насъ и положилъ жизнь именно

за мѣсь. Вѣрующій долженъ чувствовать прикосновеніе невидимой руки и возрожденіе въ себѣ, намѣсто ветхаго, новаго человека, прощennaго, очищеннаго и столько же склоннаго къ добру, сколько прежній былъ склоненъ ко злу. Чудо совершается и можетъ совершиться во всякую минуту, во всякомъ мѣстѣ, внезапно. Самый закоренѣлый грѣшникъ можетъ, безъ всякой видимой причины, сейчасъ же обратиться на путь спасенія.»

Мысли, долго бродившія въ головахъ этихъ меланхоликовъ, вдругъ разрѣшаются цѣлою бурей, темпераментъ получаетъ нервный толчокъ, котораго до сихъ поръ не испытывалъ, и являются конвульсіи. Уэслей и его послѣдователи ходили по всей Англіи, проповѣдуя нищимъ, крестьянамъ, мастеровымъ, на открытомъ воздухѣ, иногда въ присутствіи двадцати тысячъ людей, и «пламя загоралось подъ ихъ стопами по всей землѣ». Въ Кингсвудѣ Уайтфильдъ проповѣдывалъ грубымъ рудокопамъ, «хуже всякихъ язычниковъ», и видѣлъ бѣлыя полосы, образовавшіяся отъ слезъ на ихъ почеркѣвшихъ щекахъ. Одни дрожали и повергались ницъ, другими овладѣвали радостное порывы. «Послѣ проповѣди—говоритъ Томасъ Оливеръ—сердце мое было разбито и я не могу выразить той жажды истины, которая мной овладѣла. Я чувствовалъ, что буквально могу улетѣть на небо. Экзальтація доходила до сумашествія, а сумашествіе дѣлалось заразительнымъ.» «Въ Эвертонѣ—говоритъ одинъ посторонній свидѣтель—нѣкоторые изъ обращенныхъ стонали, другіе дико ревели. Общій симптомъ было ускоренное и стѣсненное дыханіе, какъ у людей, которыхъ начинаютъ душить. Крики напоминали крикъ человека, умирающаго насильственной смертью. Многіе плакали тихо или падали просто безъ чувствъ... Противъ меня стоялъ молодой крестьянинъ, здоровый и крѣпкій; вдругъ онъ упалъ и я слышалъ какъ доски трещали отъ ударовъ его ногъ... Я видѣлъ тоже мальчика лѣтъ восьми, который ревелъ громче всѣхъ своихъ товарищей; лицо его было красно какъ сукно. Вообще всѣ, на которыхъ schoлило вдохновеніе, дѣлались или красными, или синими. Одна изъ женщинъ, пораженная этимъ зрѣлищемъ, хотѣла выйти, но едва сдѣлала четыре шага, какъ упала въ такихъ же конвульсіяхъ.» За конвульсіями немедленно слѣдовало обращеніе; обращенные платили долги, бросали пьянство, молились и наставляли другихъ. Уэслей собиралъ ихъ въ общины, устраивалъ испытанія и взаимное обученіе, подводилъ духовную жизнь подъ строгую дисциплину, строилъ храмы, избиралъ проповѣдниковъ, возбуждалъ энтузіазмъ. Еще теперь его послѣдователи издерживаютъ три милліона въ годъ, разсылая миссіи по всѣмъ частямъ свѣта, и на берегахъ Миссиссипи и Огіо повторяютъ опыты обращенія. Тотъ же инстинктъ

даетъ себя знать тѣми же признаками, доктрина все еще жива, и люди, какъ и въ XVI столѣтїи, находятъ поэзію въ раздраженїи нравственнаго чувства.

IV

Родъ теологическаго тумана покрываетъ и заслоняетъ это пылающее жерло. Иностранецъ, который посѣтилъ бы въ это время Англію, увидѣлъ бы въ этой религіи только тьму разсужденій, противорѣчїй и проповѣдей. Всѣ знаменитые ученые и проповѣдники, Барроу (Barrow) Тиллотсонъ, Соутъ (South) Стиллигольтъ, Шерлокъ, Рикардъ, Бинтли, Бюрнеръ, Бакстеть, Берклеи проповѣдуютъ какъ автоматы, — говоритъ Аддисонъ, — однимъ тономъ, неизмѣняя положенія рукъ. Какое странное впечатлѣніе должны производить эти проповѣди на Француза, на Вольтера на примѣръ, который все читаетъ! Вотъ на примѣръ Тиллотсона, пользующійся самымъ большимъ авторитетомъ, проповѣди котораго по смерти проданы были за 2,500 фунтовъ стерлинговъ: Трудъ, имѣющій въ себѣ... матерьяльный, потому что заключается въ трехъ томахъ in-folio, въ семьсотъ страницъ каждый. Чтобы рѣшиться прочесть его, нужно быть критикомъ по профессїи или имѣть непремѣнное желаніе спастись. *Какая великая мудрость быть религіознымъ*: вотъ текстъ его первой проповѣди, съ которой началась его слава. «Въ этой фразѣ, говоритъ онъ, заключаются два термина, одинаковые по смыслу и составляющіе причину и слѣдствіе; они многими авторами употребляются какъ слова однозначашія.» Это вступленіе заставляетъ думать, что авторъ хочетъ учить грамматикѣ. «Объяснивъ такимъ образомъ слова, я перехожу къ предложенію, которое они составляютъ, т. е. что религія есть лучшее изъ знаній и самая высшая мудрость. Я постараюсь объяснить эту истину въ трехъ видахъ: во первыхъ прямыми доказательствами, во вторыхъ представивъ въ контрастъ безумство невѣрія и порока, въ третьихъ защищая религію противъ обыкновенныхъ упрековъ въ невѣжествѣ и нелѣпности. Начинаю съ прямого доказательства.» Тутъ развиваетъ онъ свои доказательства такъ очевидно, что ихъ хочется не читать, а цупать руками.

Сорокъ вторая проповѣдь: противъ злословія. — «Во первыхъ я разсмотрю сущность этого порока и въ чемъ онъ заключается, во вторыхъ опредѣлю, какъ далеко простирается запрещеніе предаваться ему, въ третьихъ укажу вредъ этого порока, въ четвертыхъ приведу нѣкоторые разсужденія съ цѣлью остановить людей отъ

этого порока, впятыхъ предложу правила, служація къ исцѣленію отъ него и средства его избѣгнуть.» Какой слогъ! и таковъ онъ повсюду. Ничего живого, одинъ сухой скелетъ. Всѣ идеи пронумерованы, какъ у схоластикомъ; нѣтъ ни силы, ни увлеченія, ни ума, ни воображенія, ни одной оригинальной и блестящей идеи, никакой философіи; одинъ цитаты обыкновеннаго ученаго. Всякую высокую, задушевную истину, всякое страстное библейское слово онъ разбираетъ сперва *положительно*, потомъ *отрицательно*, ставитъ подъ ярлычекъ каждое слово, такъ что выйдутъ цѣлыхъ три проповѣди прежде чѣмъ онъ дойдетъ до подраздѣленія и доказательства, и каждая изъ нихъ есть методическое перечисленіе всѣхъ аргументомъ. Диспуты французской сорбонны производились такимъ же образомъ. При дворѣ Людовика XIV его бы приняли за семинариста; Вольтеръ назвалъ бы его сельскимъ священникомъ. Онъ обладаетъ всѣмъ, что способно шокировать свѣтскихъ людей, и въ одномъ качествомъ, которое бы ихъ привлекало. Это потому, что онъ обращается не къ свѣтскимъ людемъ, а къ христіанамъ; его слушатели не ищутъ забавы или пикантности, они не требуютъ изысканнаго анализа и низины ощущеній; они приходятъ затѣмъ, чтобъ разъяснили имъ писаніе и доказали истину. Сила ихъ сочувствія выказывается въ сосредоточенномъ вниманіи. Въ текстѣ они видятъ слова самого Бога и требуютъ, чтобы доискивались смысла въ каждой буквѣ, чтобъ объясняли каждое изрѣченіе, фразу за фразой. Они допускаютъ цитаты изъ разныхъ учителей, изъ разныхъ переводомъ и толкованій; они довольны, если ораторъ дѣлается граматкомъ, эллинистомъ, схоластикомъ. Ихъ не пугаетъ ученая пыль съ древнихъ фоліантомъ. Когда указанъ принципъ, они требуютъ подтверждающихъ его доказательствъ; имъ нужно убѣдиться, унести въ головѣ запасъ истинъ на цѣлую недѣлю. Они приходятъ на проповѣдь серьезно, какъ ходятъ въ конторы, чтобъ сдѣлать дѣло, порыться добросовѣстно въ теологіи и логикѣ, покаяться и исправиться. Они не требуютъ блестящ; ихъ серьезный здравый смыслъ охотнѣе перевариваетъ холодныя разсужденія. Но части морали имъ нужны справки и методическіе отчеты, какъ и въ торговлѣ; они смотрятъ на совѣсть какъ на портвейнъ и на селедки.

Въ этомъ Тиллотсонъ отличается. Онъ конечно педантъ, какъ говорилъ Вольтеръ; «у него всѣ нечлѣныя манеры, заимствованныя въ университетѣ; онъ никогда не былъ смягченъ обществомъ женщинъ»; онъ непохожъ на французскихъ проповѣдниковъ, изящныхъ говорумомъ съ придворной манерой, которые за красоту слога и ловкую рождественскую проповѣдь приобрѣтаютъ епископство и сочувствіе высшаго круга. Тиллотсонъ пишетъ какъ честный чело-

вѣкъ , не ищущій ораторской славы , а желающій убѣдить слушателей . У него бездна ясности , естественности и прямоты .

«Чистосердечіе , сказалъ онъ гдѣ-то , имѣетъ всѣ вѣшнія качества , неговоря уже о другихъ . Если хвастовство бываетъ иногда сносно , то искренность безусловно лучше . На самомъ дѣлѣ , зачѣмъ человѣкъ притворяется и старается казаться не тѣмъ , что есть ? Затѣмъ , что качество , которое онъ себѣ приписываетъ , хорошо . Подражать и притворяться — это надѣвать на себя маску какого-нибудь достоинства . Самый лучший способъ казаться чѣмъ-нибудь — это быть имъ на самомъ дѣлѣ , тѣмъ болѣе что притворяться иногда труднѣе , чѣмъ имѣть на самомъ дѣлѣ хорошее качество . Если человѣкъ его не имѣетъ , то можно побиться объ закладъ , что рано или поздно это откроется и тогда всѣ труды пропали . Долго играть роль трудно ; нынче или завтра природа возьметъ свое . Вотъ почему удобнѣе быть хорошимъ на самомъ дѣлѣ : тогда ужъ нечего бояться подозрѣній и въ итогѣ выходить , что искренность — естественная мудрость .» Нельзя не вѣрить человѣку , который говоритъ такимъ образомъ . Онъ производитъ впечатлѣніе не литературное , а нравственное ; рѣчь его не ораторская , но дѣйствительная ; онъ не забавляетъ , а ведетъ къ дѣлу .

Въ этой огромной мануфактурѣ морали , гдѣ каждый ставокъ повертывается такъ же правильно какъ и другой , при однообразномъ шумѣ , можно однакоже замѣтить два , которые звучатъ сильнѣе и лучше другихъ : это Барроу и Соутъ . Нельзя сказать , чтобъ они были тяжелы ; Барроу очень походилъ на училищнаго сторожа и одѣвался такъ небрежно , что однажды , когда онъ проповѣдывалъ въ Лондонѣ при незнакомыхъ ему слушателяхъ , цѣлая конгрегація вышла вонъ изъ церкви . Онъ объяснялъ слово *eucharistia* на кафедрѣ , со всей полнотой лексикона , комментировалъ , переводилъ , раздѣлялъ и подраздѣлялъ какъ самый знаменитѣйшій схоластикъ , такъ же мало заботясь о публикѣ , какъ и о самомъ себѣ . Однажды , когда его спросили , не усталъ ли онъ послѣ четырехъ-часовой проповѣди , онъ отвѣтилъ , что у него дѣйствительно начали уставать ноги . Его сердце и умъ отличались такимъ богатствомъ , что и самые недостатки обращались въ силу . Его метода отличалась геометрической ясностью , неисощимой плодотворностью , необыкновенной силой и логичностью . Онъ по четыре раза сряду писалъ одну и ту же проповѣдь , неуставая объяснять и доказывать , упорно развивая уже ясную мысль съ такимъ изобиліемъ толкованій , что вниманіе слушателя наконецъ утомлялось , а умъ все еще продолжалъ кружиться вслѣдъ за огромной машиной , увлекаемый ея тяжестью .

Послушайте его рѣчи о любви къ Богу и ближнему . Въ цѣлой

Англіи не встрѣчалось болѣе подробнаго и сильнаго анализа, такого неутомимаго разложенія идеи во всѣхъ ея частяхъ, болѣе поразительной логики, соединяющей въ одной мысли всѣ нити сюжета.

Сила и недостатокъ вкуса — вотъ главныя черты этого краснорѣчія. Оставимъ этого математика, дреяннаго человѣка, который слишкомъ любитъ доказательства и поищемъ между свѣтскими людьми того, котораго называли самымъ остроумнымъ изъ проповѣдниковъ.

Робертъ Соутъ такъ же отличается отъ Барроу характеромъ и жизнію, какъ склаломъ ума и сочиненіями; онъ всегда во всеоружіи, страстный роялистъ, партизанъ божественнаго права и пассивнаго повиновенія, жолчный порицатель диссидентовъ, противникъ терпимости, никогда не останавливавшійся предъ крупнымъ словомъ, когда дѣло шло о противникахъ. Въ сравненіи съ нимъ Бриденъ, казавшійся такимъ грубымъ французомъ, былъ просто вѣжливъ. Его проповѣди имѣли видъ современнаго разговора, а вы знаете какимъ слогомъ выражались въ то время въ Англіи; нѣтъ ни одного оборота, котораго бы онъ испугался. Онъ рассказываетъ маленькія вульгарныя происшествія со всѣми мельчайшими подробностями; онъ — выраженіе народа. Слогъ его анекдотическій, остроумный и рѣзкій, жесты энергическіе, комичные, со всѣми волюстиями и оригинальностями. Онъ хохочетъ и бранится на кафедрѣ и представляетъ людей въ лицахъ такъ вѣрно, что слушатели легко могутъ узнать ихъ на улицѣ; этимъ портретамъ ненужно и подписи. Прочтите этотъ отрывокъ о лицемѣрахъ: «представьте себѣ человѣка въ высшей степени самолюбиваго, сварливаго и злого; такого, который способенъ напоятывать въ уши великимъ людямъ и выходить на дорогу, сталкивая съ нея людей лучше себя. Несмотря на все это, у него вѣчно постная мина, вѣчное «господи-помилуй» на губахъ и вѣчное сѣтованіе о современныхъ порокахъ. О, это св. Амвросій или Августинъ, не по учености — это вѣдь вещь земная (увѣи онъ выше ея, или по крайней мѣрѣ она выше его), но по ревностному соблюденію постовъ; по взорамъ, набожно устремленнымъ на небо и по святому негодованію на грѣхъ ближнихъ. Какъ счастливы тѣ набожные люди и дамы, которые имѣютъ любовниками такихъ людей, такихъ самоотверженныхъ, милостивыхъ, умныхъ! Трижды счастливы тѣ семейства, въ которыхъ они удостоиваются откушать въ пятницу, чтобы показать, какое христіанское воздержаніе, какая нравственная сила и какое умерщвленіе плоти заключается въ рѣшимости на скверный обѣдъ, въ ожиданіи хорошаго ужина!» Такой человѣкъ долженъ былъ восхвалять откровенность; онъ и хвалилъ ее, но съ какой вѣдой ироніей!

Кафедра пользовалась всеми преимуществами сцены, и въ описаніяхъ тѣхъ энергическихъ натуръ, которыхъ въ свѣтѣ называютъ дурными людьми, проявлялась ѣкая фамильярность. «Конечно есть люди, у которыхъ языкъ плохо поворачивается отъ природы, такъ что они не могутъ подлакивать этому хвосту, который извивается змѣйкой, восхваляетъ самого себя и рассказываетъ, въ похвалу себѣ, величїи исторїи въ продолженїи четырехъ битыхъ часовъ, затапывая въ тоже время въ грязь остальное человѣчество. Есть также нѣкоторые странные люди, съ дурнымъ характеромъ, которыхъ не проймешь ни страхомъ, ни надеждою, ни строгой миной, ни улыбкою и низачто не уломаешь принять въ свой домъ какую-нибудь нищую племянницу лорда или внука духовной особы. Наконецъ есть такіе скверные люди, которые осмѣливаются чувствовать, что къ нимъ несправедливы, когда носятъ ихъ репутацію или вредятъ ихъ интересамъ и которые, къ довершенїю всего, осмѣливаются объявлять, что они думаютъ и чувствуютъ и вовсе не признаютъ себя выючными животными, которымъ можно взваливать всякій хламъ на спину, или комнатными собачками, обзаванными полизать руку барина, послѣ того какъ онъ соблаговолилъ ихъ уларить.» Здѣсь всѣ удары мѣтки; это нѣчто продѣ бокса, въ которомъ каждый ловкій уларь встрѣчается громкимъ смѣхомъ. Посмотрите однакожь, какое дѣйствіе производятъ всѣ эти тривїальности.

Съ проповѣди уносятъ въ души энергическое чувство; тамъ показывали вещи какъ онѣ есть, безъ покрывала, и публика чувствуетъ себя нѣсколько поматю, но тѣмъ не менѣе поддерживаемою сильною рукою. Это кафедра дѣйствующая, особенно въ сравненїи съ французскою. Въ этихъ проповѣдяхъ нѣтъ тонкости искусства, правильности и сдержанности проповѣдей французскихъ. Это не образцы слога, прїятности, разведенной учености, умѣреннаго воображенія, скрытой логики, постыннаго вкуса и измѣщения, напоминающихъ рѣчи римскаго форума и аѳинской агоры. Онѣ далеко не классическія, но зато чисто-практичныя. Чтобы выработать эту грубую цивилизацію, нужны были жесткія руки и тяжелые рабочіе инструменты; изящное французское садоводство не помогло бы. Если Барроу многословенъ, Тиллотсонъ тяжелъ, Соутъ тривїаленъ, всѣхъ остальныхъ читать скучно, зато всѣ они обладали силою убѣжденія; рѣчи ихъ не образцы красворчїя, но материалы для прочнаго зданія; ихъ слава не въ книгахъ, а въ дѣлахъ; они не описали, а создали нравы.

Въ то время теологія наводняла Англїю. Англичане, пресвитериане, независимые, квакеры, баптисты, противники св. троицы,

опрровергаютъ одинъ другихъ «съ такою же любезностью, какъ лисеннисты предають проклятію езуитовъ», и ни на минуту не кладуть оружія. Что можно сохранить изъ этого арсенала? Во Франціи по крайней мѣрѣ самые пышные дѣтѣ ума и генія выросли на шипахъ схоластики; если предметъ былъ серьезень, то форма привлекала. Паскаль и Боссюэтъ, Фенелонъ и Лабрюэръ, Вольтеръ, Дидро и Монтескьё, друзья и недруги, всё положили въ нее свои самыя дорогія сокровища. На канвь сухихъ доктринъ XVII столѣтіе вышло блистательную эпитрахиль, а XVIII вѣкъ раздергалъ ее всю по ниточкамъ, имѣющимъ каждая свой отдѣльный блескъ. Въ Англіи же все тяжсло, плоско и печально; даже великіе люди, какъ Аддисонъ и Локкъ, дѣлаются скучными, когда принимаются за защиту христіанства. Отъ Чиллингворта до Палей апологін, опроверженія, споры наводятъ скуку своимъ изобиліемъ; все это небольѣ какъ хорошее разсужденіе. Теологъ объявляетъ войну папистамъ въ XVII вѣкѣ, деидамъ въ XVIII; по правиламъ тактики, онъ укрѣпляется на принципѣ, окружаетъ себя аргументами, прикрывается текстами и спокойно пробирается подъ землю, въ прорытыхъ канавахъ; подойди близко, вы замѣтите блѣднаго піонера съ сморщеннымъ лбомъ, съ одервенѣлыми руками, въ грязной одеждѣ; онъ доволенъ и воображаетъ себя защищеннымъ отъ всякаго нападенія; его глаза, постоянно устремленные въ землю, не замѣтили рядомъ съ бастіономъ широкой дороги, по которой непріятель можетъ напасть на него въ тылъ. Какая-то неизлечимая посредственность удерживаетъ ихъ въ тѣхъ трапезяхъ, въ которыя никто не заглянетъ. Они не выразумѣли ни своихъ текстовъ, ни своихъ изрѣченій. Они слабы въ критикѣ и философіи. Они обращаются съ точностью юристовъ и психологовъ къ поэтическимъ образамъ писанія, къ смѣлости слога, къ мистическимъ ощущеніямъ, къ тонкимъ отвлеченностямъ александрійской метафизики. Обратимся къ самому знаменитому ученому, къ Ларке, къ математику, философу, теологу: онъ занимается передѣлкой аріанства. Самъ великій Ньютонъ комментируетъ апокалипсисъ и доказываетъ, что папа антихристъ. Несмотря на свой геній, они дѣлаются отсталыми и ограниченными, лишь только коснутся религін. Они не идутъ впередъ, а упрямо колотятся головой въ одну и ту же стѣну. Съ національнымъ англійскимъ терпѣніемъ нѣсколько поколѣній сходитъ въ одну общую яму, между тѣмъ какъ непріятель проходитъ на разстояніи мили. Въ ямѣ совѣтуются, составляютъ каре, потомъ кругъ, покрываютъ его камнями, потомъ кирпичами и удивляются, что несмотря на это, непріятель идетъ впередъ. Я читалъ множество этихъ трактатовъ и не почерпнулъ изъ нихъ ни одной идеи.

Становится жалъ столькохъ трудовъ; удивляешься, что изъ столькохъ поколѣній людей добродѣтельныхъ, ревностныхъ, умныхъ и честныхъ, такъ много читавшихъ и такъ владѣвшихъ спомъ, ни одинъ не добился чести быть поставленнымъ даже на нижнюю полку библіотеки. Печально размышляешь объ этой второй школѣ схоластиковъ и приходишь до убѣжденія, что если она не оказала услуги наукъ, такъ только потому, что ея силы направлены были къ устройству общественной жизни.

Эти люди умозрители только по наружности. Это анологисты, а не мыслители. Ихъ занимаетъ не истина, а нравственность. Они бы увидѣли злостное направленіе въ глубокой безпристрастности критика и философа. Ихъ замучило бы угрызение совѣсти, еслибы они безъ задней мысли предались свободному размышленію. На самомъ дѣлѣ, въ совершенно свободномъ разсужденіи есть родъ грѣха, потомучто допускаетъ сомнѣніе, взвѣшиваетъ добро и зло на однихъ вѣсахъ и принимаетъ безразлично благочестивыя и скандалезныя доктрины, лишь бы онѣ были доказаны. Они пропускаютъ всѣ волянистыя разсужденія, смотрятъ на нихъ какъ на занятія для празднаго ума; изъ умствованія они извлекаютъ только способы хорошо себя вести. Они не любятъ его и ограничиваютъ, лишь только оно захочетъ быть независимымъ; они требуютъ, чтобъ разумъ былъ христіанскимъ и протестантскимъ и не признаютъ его въ другой формѣ; они обращаютъ его въ слугу и подчиняютъ библейскому и утилитарному смыслу. Тщетно въ началѣ вѣка проявляются свободные мыслители; ихъ позабыли чрезъ сорокъ лѣтъ. Деизмъ и атеизмъ были здѣсь случайными явленіями, которыя зараженный воздухъ большого свѣта и избытокъ врожденныхъ силъ производятъ въ обществѣ. Учители вольнодумства Толашъ, Тиядаль, Мандевилъ, Болингброкъ встрѣтили противниковъ сильнѣе себя. Главы опытной философіи (Рай, Бойль, Барроу, Ньютошъ), высшіе авторитеты между учеными (Бинтлей, Кларке, Уэртуртовъ, Беркелой), самые остроумные, самые любимые и самые искусные писатели (Доккъ, Аддисонъ, Свифтъ, Джонсонъ, Ричарсонъ), весь авторитетъ науки и генія ополчился противъ нихъ. Опроверженія дались рѣкою. Каждый годъ, сообразно постановленію Роберта Бойля, люди замѣчательные по своему таланту или знанію, должны были произнести въ Лондонѣ восемь проповѣдей, «чтобъ укрѣпить христіанскую религію противъ безбожниковъ-деистовъ, язычниковъ, магометанъ и жидовъ». Эти защитительныя рѣчи способны побѣдить либеральный духъ и укрѣпить правотверныхъ. Духовные писатели Кларке, Бинтлей (Bentley), Ло (Law),

Уатъ, Уарбуртонъ, Ботлеръ равны по познаніямъ съ свѣтскими учеными.

Ктому же свѣтскіе люди имъ помогали. Аддисонъ написалъ «Защиту христіанства», Локке — «Единство христіанства и разума», Рай — «Премудрость божію въ твореніи». Среди всѣхъ этихъ голо-совъ рѣзче всѣхъ раздается одинъ: Свифтъ своей жестокой ар-сией явивъствуетъ изящныхъ негодяевъ, которымъ пришла мысль уничтожить христіанство. Будь они въ десять разъ многочисленнѣе — имъ бы не удалось это, потому что у нихъ нѣтъ доктрины, которой они бы могли замѣнить его. Высокое умозрѣніе, которое одно можно бы предложить на его мѣсто, оказалось несостоятельнымъ. Всѣ фило-софскія концепціи не дали корня. Берклеи говорилъ объ уничтоже-ніи матеріи и то не явно, а какъ теологъ-политикъ, который хочетъ пошатнуть основанія безсмертія и матерьялизма. Ньютонъ напалъ на неудавшуюся идею о пространствѣ и оказался не болѣе какъ матема-тикомъ. Локкъ шолъ ощупью, дѣлалъ только предположенія, кото-рыя иногда бралъ назадъ, не имѣя въ виду ихъ далекихъ послѣд-ствій и ведождая ничего до конца. Онъ самъ не пускался въ вели-кіе вопросы и хотѣлъ предохранить отъ нихъ публику. Онъ напи-салъ книгу, чтобы узнать, какіе предметы доступны людямъ и какіе выше ихъ пониманія. Онъ ищетъ границъ ума человѣческаго и найдя ихъ очень скоро, не огорчается. «Запремся въ своемъ малень-комъ мірѣ и будемъ прилежно его разрабатывать. — Наше назначе-ніе въ мірѣ — постараться узнать все, но только чтó касается хода нашей жизни». Юмъ, болѣе смѣлый, пошелъ далѣе, но по той же до-рогѣ; онъ ничего не оставляетъ чистой наукѣ, совершенно уничто-жаетъ умозрѣніе; по его мнѣніямъ мы не знаемъ ни субстанцій, ни причинъ, ни законовъ; когда мы утверждаемъ, что одинъ фактъ связанъ съ другимъ, то это наобумъ, безъ достаточныхъ доказа-тельствъ, въ силу навыка; «явленія по своей природѣ изолированы и отдѣльны»; если мы приписываемъ имъ связь, она существуетъ только въ воображеніи; истина — одно только сомнѣніе, но и въ немъ должно еще сомнѣваться; заключеніе то, что намъ нужно очистить свой умъ отъ всякой теоріи и обратить его на одну дѣйстви-тельность. Осмотримъ наши крылья, но для того, чтобы ихъ срѣзать, и ограничимся употребленіемъ ногъ. Такой пирронизмъ возвращаетъ читателей къ прежнимъ вѣрованіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, честный Рай дѣ приходитъ въ ужасъ; онъ видитъ, что общество распадается, божество исчезаетъ, семейство уничтожается; онъ возражаетъ какъ отецъ семейства, какъ гражданинъ, какъ человѣкъ религіозный и ставитъ здравый смыслъ высшимъ судьей въ дѣлѣ истины. Едвали когда-нибудь умозрѣніе падало до такой низкой степени. Рай дѣ да-

же непонимаетъ системъ, которыя опровергаеъ; онъ поднимаетъ руки къ небу, когда хочетъ привести въ примѣръ Аристотеля и Лейбница. Людямъ этой страны мало дѣла до метафизики; чтобъ интересоваться ихъ, ей надо сузиться до предѣловъ психологіи. Въ этомъ видѣ она будетъ наука положительная и полезная какъ ботаника; лучшимъ плодомъ, который они съ нея получаютъ, будетъ теорія нравственныхъ чувствъ. Въ этой области преимущественно трудились Шэфсбюри, Гетчесонъ (Hutcheson), Прайсъ, Смитъ, Фергюсонъ и Юмъ; въ ней они почерпнули свои самыя оригинальныя и самыя прочныя идеи. Инстинктъ народа такъ силенъ, что подчиняетъ самыхъ независимыхъ и позволяетъ имъ дѣлать только открытія, ведущія къ его выгодѣ. За исключеніемъ двухъ-трехъ литераторовъ съ офранцуженнымъ складомъ ума, все они занимаются разработкой морали. Эта мысль соединяетъ вокругъ христіанства все силы, которыя во Франціи Вольтеръ обращаетъ противъ него. Они защищаютъ его какъ опору гражданского общества и частной нравственности. Прежде его поддерживалъ инстинктъ народа, теперь за него стоитъ мнѣніе. Сила, придающая авторитетъ мнѣнію инстинкту, есть то нравственное направленіе, которое изъ массы народа перешло въ высшіе умы. Это же направленіе ввело его въ литературу и изъ народного сдѣлало официальнымъ.

V

Когда смотришь издали на англійскую конституцію, то не замѣчаешь ея рѣзкой особенности, которая вблизи дѣлается очевидна. Она кажется цѣлой массой привилегій, т. е. несправедливостей, освященныхъ временемъ; на самомъ же дѣлѣ она есть собраніе контрактовъ, т. е. признанныхъ правъ. У каждаго есть свое право, большое или малое, которое онъ защищаетъ изо всехъ силъ. Моя земля, мое достояніе, мое право, гарантированное хартіей, какое бы оно нибыло, устарѣлое, косвенное, бесполезное, частное, публичное, — никто не долженъ до него касаться; одинъ эюк я буду защищать какъ мильонъ, потому что касаясь его, касаются моеѣ личности. Я брошу свои дѣла, потрачу время, деньги, буду устраивать лиги, платить штрафы, пойду въ тюрьму, умру, но не сдѣлаю полности, не покорюсь несправедливости, не уступлю пяди изъ своего права.

Это чувство ясно выразилось въ деклараціи 1688 года и развивается у Локка. «Въ началѣ каждаго общества, говоритъ онъ, должно ставить независимость человѣка. Каждый имѣетъ отъ природы право

приобрѣтать, судить, наказывать, вести войну, управлять своимъ семействомъ и своими людьми. Общество есть контрактъ между мелкими властелинами, которые, заключивъ между собою полюбовныя условія, согласились составить общину, чтобы жить въ безопасности, мирѣ и согласіи другъ съ другомъ, спокойно пользоваться своимъ имуществомъ и удобнѣе защищаться отъ тѣхъ, которые не принадлежатъ къ ихъ союзу. Тѣ, которые соединились въ одинъ корпусъ, имѣютъ общіе законы, судопроизводство и высшую власть для наказанія преступниковъ, составляютъ гражданское общество.» Они допускаютъ однихъ только посредниковъ. Это люди свободные, оставшіеся такими и послѣ заключенія обоюдныхъ условій. Ихъ общество не устанавливаетъ ихъ правъ, но гарантируетъ ихъ. Офіціальныя акты подтверждаютъ абстрактную теорію. Палаты начали процессъ съ Сечверелемъ, чтобъ доказать публично, что англійская конституція основана на контрактѣ и что подданные этого королевства имѣютъ неотъемлемыя права, утвержденныя за ними закономъ, Лордъ Чатамъ, защищая избраніе Вилькса, утверждаетъ, что «права самага малаго и самага высокаго изъ подданныхъ имѣютъ одно основаніе — неприкосновенность общаго закона, и что если народъ потеряетъ свои права, то и права перовъ окажутся ничтожными.» Права основаны не на предположеніи или философіи, но на дѣйствительномъ фактѣ: я разумѣю великую хартію, доказательство правъ, актъ habeas-corpus и всѣ законы, вотируемые въ парламентѣ. Эти права существуютъ, написаны на пергаментѣ, сохраняются въ архивахъ съ печатями и подписями; право фермера и лорда написаны на одной страницѣ тѣми же чернилами, рукой одного и того же писаря; рука въ перчаткѣ встрѣчается здѣсь съ грубою крестьянскою рукою. Они и неравны-то по взаимному согласію; мужикъ такой же властелинъ въ своей хижинѣ, съ девятью шиллингами въ недѣлю, какъ и герцогъ Мальборо въ своемъ замкѣ, съ 90 тысячами фунтовъ стерлинговъ годового дохода.

Вотъ люди, всегда готовые къ защитѣ. Прослѣдите это чувство права въ подробностяхъ политической жизни; сила грубаго темперамента и дикихъ, сосредоточенныхъ страстей служить ему оружіемъ. Присутствуя на выборахъ, вы прежде всего замѣтите, какъ эти люди набиваютъ желудокъ на счетъ кандидата; эль, джинъ, водка льются рѣкой; желудки избирателей наполняются, лица краснѣютъ; они начинаютъ дѣлаться свирѣпыми. «Враждебное чувство возрастаетъ съ каждымъ стаканомъ. Человѣкъ совершенно безвредный дѣлается опаснымъ.» Дебатъ обращается въ битву, инстинктъ сварливости ищетъ выхода. Кандидаты теряютъ голосъ отъ крика; ихъ качаютъ на стульяхъ, съ большою опасностью для ихъ шеи;

толпа реветъ, аплодируетъ, раздаются великія патриотическія слова, гнѣвъ и пьянство вздуваютъ жилы, кулаки сжимаются, пальки идутъ въ дѣло и страсти бульдоговъ направляютъ интересы страны; разсердить ихъ опасно; они не пощадятъ ни лордовъ, ни палатъ, и если правительство захочетъ притѣснить человека противъ ихъ воли, они принудятъ его отменить свой законъ.

Обуздать ихъ нельзя; здѣсь гордость присоединяется къ инстинкту для защиты своего права. Каждый чувствуетъ, что «домъ его есть его дворецъ» и что законъ охраняетъ входъ къ нему. Каждый знаетъ, что защищенъ отъ частныхъ нападковъ, что произволъ ему нестрашенъ, что онъ можетъ отвѣчать ударомъ за ударъ, раной за рану, что его будутъ судить судомъ независимымъ, по общему для всѣхъ закону. «Еслибъ у англичанина — говоритъ Монтескье — было столько враговъ, сколько волосъ на головѣ, и тогда ему нечего бояться. Тамъ законы имѣютъ силу для всѣхъ одинаковую и люди въ этой странѣ скорѣй союзники, чѣмъ сограждане. Недавно леди Молине послала вырвать нѣсколько деревьевъ съ земли, купленной королевою для Кензингтона и затѣяла процессъ, идущій какъ несоглашаясь на мировую; даже секретаря королевы заставляла прождать три часа...» У нихъ «ни одинъ не боится другого». Поговорите съ ними и вы увидите, какъ эта независимость возвышаетъ ихъ духъ. Матросъ, перевозчикъ на баркѣ Вольтера, считаетъ свою участь завиднѣе его и съ сожалѣніемъ смотритъ на него, принимая плату за трудъ. Гордость выражается на каждомъ шагѣ. Честерфильдъ говоритъ, что каждый англичанинъ считаетъ себя способнымъ сладить съ тремя французами. Они считаютъ себя, въ отношеніи къ цѣлому человечеству, буйволами въ стадѣ обыкновенныхъ быковъ. Они гордятся своимъ кулачнымъ боемъ, своей говядиной, своимъ элемъ, всѣмъ, что можетъ поддержать силу и страсть мужественной воли. «Ростбифъ и пиво болѣе укрепляютъ руки, чѣмъ вода и лягушки». Въ глазахъ толпы, ихъ сосѣди французы не болѣе какъ голодные парикмахеры, цинисты и рабы, какія-то второстепенныя созданія, неимѣющія власти ни надъ своимъ тѣломъ, ни надъ своею совѣстью, между тѣмъ какъ они, англичане, лучшій цвѣтъ всѣхъ народовъ. «Вотъ они — говоритъ Гольдшмидтъ — съ гордой осанкой, съ презрѣніемъ во взглядѣ, съ высокими стремленіями, печальныя и задумчивыя. Они не подорованные, вышли прямо изъ рукъ природы съ своей грубой отвагой, вѣрные всѣму, что имъ кажется справедливымъ, неподдающіеся никакому стѣсненію. У нихъ даже крестьянинъ слѣдитъ за своими правами и умѣетъ уважать свое человеческое достоинство. Такіе люди способны страстно стоять за обществен-

выя дѣла, потому что это ихъ дѣла, между тѣмъ какъ во Франціи это дѣло короля и г-жи Помпадуръ. Здѣсь партіи такъ же пылки, какъ и секты: сторонники нижней и верхней церкви, капиталисты и мѣсцовы, придворные и сельскіе хозяева, всѣ имѣютъ свои догматы, свои теории, свои права и свои ненависти, какъ пресвитеріане, англикане и квакеры. Деревенскій сквайръ крупно выражается насчетъ ганноверскаго дома и пьетъ за здоровье отсутствующаго короля; 13 января виги провозглашаютъ тостъ за челоуѣка въ маскѣ (палача Карла I). Ихъ сажаютъ въ тюрьмы, ссылаютъ, казнятъ и несмотря на это стѣны парламента трясутся отъ ихъ проклятій.» Жизнь политическая, подобно жизни религіозной, бьетъ черезъ край и излишекъ ея свидѣлствуетъ о силѣ пламени, которое его поддерживаетъ. Страстность партій политическихъ и религіозныхъ есть признакъ жизни; постоянное спокойствіе есть выраженіе общаго равнодушія, а ихъ драки на выборахъ выражаютъ горячее участіе. Здѣсь кровельщикъ читаетъ газету во время своей работы на крышѣ. Въ каждомъ шагѣ правительства публика принимаетъ участіе; дѣло идетъ о ея чести и о ея благѣ; горе министру, который не сумѣетъ распорядиться! Во Франціи Конфлонъ, бывшій причиною гибели флота, наказанъ былъ одной эпиграмой; здѣсь адмиралъ Бингъ, побоявшійся пустить свой флотъ въ дѣло, былъ разстрѣлянъ. Каждый принимаетъ участіе въ дѣлахъ по мѣрѣ силъ и положенія; чернь разбиваетъ головы людямъ, которые не хотятъ пить за здоровье Сечевереа; джентльмены выѣзжаютъ цѣлыми кавалькадами ему навстрѣчу. Всегда какой-нибудь любимецъ или недругъ народа вызываетъ общія демонстраціи. Вотъ Питтъ, въ котораго бросаютъ золотыми коробочками, Гренвилъ, котораго осмистали при выходѣ изъ палаты, лордъ Бушъ, любимецъ королевы, котораго толпа провожаетъ крикомъ и сжигаетъ его эмблемы—сапогъ и юнку. Вотъ герцогъ Бетфордъ, котораго дворецъ осаждаетъ толпою и едва могъ быть спасенъ цѣлымъ горнизономъ пѣхоты и кавалеріи. Вотъ Вилькисъ, котораго бумаги захвачены правительствомъ и который присужденъ къ уплатѣ денежной пени. Каждое утро журналы и памфлеты толкуютъ о дѣлахъ, судятъ о достоинствахъ, называютъ ихъ настоящимъ именемъ лордовъ, ораторовъ, министровъ. Говорить всякій имѣетъ право. Общественное мнѣніе растетъ, вздымается какъ волны и затопляетъ интриги и цезурияду. Оба Питта возвысились именно при помощи общественнаго мнѣнія и независимость личности ведетъ къ независимости государства.

Въ такомъ государствѣ, гдѣ всѣ страсти свободны, проявляется во всей силѣ ненависть, зависть, жажда богатства и почестей, го-

ворить Монтескье. Подумайте какую силу должно имѣть здѣсь краснорѣчіе. Въ первый разъ послѣ уничтоженія древней трибуны оно нашло такую обильную почву и такую богатую жатву ораторовъ, равныхъ по разнообразію таланта, энергіи убѣжденій и великолѣпію слога тѣмъ, которые населяли греческую агору или римскій форумъ. Понастоящему краснорѣчіе должно было уже давно развиться въ силу свободы преній, важности обсуживаемыхъ интересовъ и великости обѣщанныхъ наградъ; но теологическая нетерпимость, мѣстные интересы и тайна парламентскихъ засѣданій отнимали у него половину силы, не давая ему полного простора. Наконецъ полная гласность доставила парламенту цѣлую націю слушателей. Слово расширяется и растетъ по мѣрѣ развитія и цинична публички. Классицизмъ, достигшій совершенства, даетъ ему методу и развитіе. Современное образованіе вводитъ въ техническія разсужденія свободу разговорной рѣчи и полноту общихъ идей. Въ-сто того чтобъ предлагать аргументы, они ведутъ разговоръ, изъ прокуроровъ дѣлаются ораторами.

Съ Аддисономъ и Свифтомъ геніальность и вкусъ вторгаются въ полемику. Вольтеръ не знаетъ «были ли подготовленныя рѣчи, которыя говорились въ Афинахъ и Римѣ, лучше импровизированныхъ рѣчей Виадгама, лорда Картерета и ихъ соперниковъ.» Наконецъ побѣждена и сухость спеціальныхъ вопросовъ, и наряду съ красивыми аббатами, пишущими во Франціи академическія любезности, является мужественное краснорѣчіе Юніуса, лорда Чатама, Фокса, Питта, Борка и Шеридана.

Какой-то особенный духъ проявляется въ этихъ рѣчахъ; эти люди говорятъ такъ, какъ-будто они сражаются, безъ пощады и сдержанности. Они какъ-будто сорвались съ цѣпи и несутся, оставившись для того только, чтобъ поразить сильнѣе и неуловимѣе. Питтъ, произнося свою первую рѣчь, уже владѣлъ своей несокрушимой смѣлостью. Тщетно старался Вальполь его «обуздывать» и уничтожить: его сарказмы возвращались къ нему, усилены оскорбленіями, и всемогущій министръ преклонился предъ оскорбительной правдой, брошенной ему въ лицо молодымъ человѣкомъ. Безмѣрная гордость, которую могла превзойти только гордость его сына, дерзость, подчинявшая всѣхъ его сотоварищей, римскій патриотизмъ, требующій для Англіи всемірной тираніи, самолюбіе, нещадившее людей и денегъ, поддерживавшее въ націи страсть къ приобрѣтенію и видящее исходъ только въ будущей блистательной славѣ и неограниченномъ могуществѣ, воображеніе, переносящее въ парламентъ силу сценической декламации, проблески внезапнаго вдохно-

венія, смѣлость поэтическихъ образовъ, — вотъ источники его краснорѣчія.

«Вчера еще Англія могла противостоять цѣлому міру, сегодня ни одинъ бѣнякъ не воздастъ ей почести!.. Милорды, вы не можете покорить Америки. Мы вынуждены будемъ наконецъ сдѣлать уступку; уступимъ же, пока есть еще время, пока насъ къ тому не принудили. Я говорю, что мы должны непременно уничтожить эти притѣснительные законы; они должны быть измѣнены и вы ихъ измѣните, клянусь честью! Вы согласитесь на это, порукой въ томъ моя репутація; я согласенъ признать себя идиотомъ, если вы наконецъ не одумаетесь!.. Вы напрасно будете увеличивать расходы и тратить понапрасну силы, собирать и покупать помощь, вести торгъ и мѣну съ какимъ-нибудь бѣднымъ германскимъ князькомъ, который выставляетъ своихъ подданныхъ на иностранныя боины: ваши усилія всегда будутъ тщетны, особенно при помощи торговыхъ сдѣлокъ, потому что онѣ раздражаютъ непримиримо души вашихъ враговъ. Какъ! посылать противъ нихъ наемныхъ грабителей! отдавать ихъ и ихъ имущества на жертву грубаго солдатства! Будь я американецъ, я не положилъ бы оружія, покуда на моей землѣ остался бы хоть одинъ наемщикъ! Никогда! никогда! никогда!.. Но, милорды, какъ зовутъ того человѣка, который, чтобъ довершить стыдъ и злодѣянія нашей арміи, предложилъ и допустилъ присоединить къ ней сѣкиру и ножъ дикарей? Призывать на союзъ съ образованнымъ народомъ необузданную свирѣпость лѣснаго звѣря, отдавать на жертву этимъ людоедамъ наши собственные учрежденія, нашихъ прежнихъ друзей и родственниковъ, позволять имъ пить кровь дѣтей и женщинъ, разорять ихъ страну, опустошать жилища, истреблять ихъ родъ этими адскими псами! Милорды, эти ужасы вопіютъ о возмездіи и справедливости! Если имъ ее не окажутъ, останется пятно на нашей національной чести. Это нарушеніе конституціи: мнѣ кажется это противно закону.»

Слышится эхо Мильтона и Шекспира въ этомъ трагическомъ величіи, въ этой страстной торжественности, въ мрачномъ блескѣ и слишкомъ сильномъ слогѣ. Въ эту-то великолѣпную и кровавую мантию драпируются англійскія страсти; подъ этимъ знаменемъ готовятся въ битву съ тѣмъ сильнѣйшимъ могуществомъ, что посреди ихъ есть святое чувство, чувство права, которое ихъ соединяетъ и облагораживаетъ.

«Я радуюсь, что Америка устояла; три мильона людей, настолько лишенныхъ чувства свободы, чтобы безпрекословно позволить обратить себя въ рабство, могли бы обратить въ рабовъ и остальныхъ... Духъ, который возстаетъ теперь въ Америкѣ противъ ва-

шихъ налоговъ, тотъ же самый, который возставалъ въ Англіи противъ добровольнаго приношенія и корабельнаго налога; это духъ, поднявшій на ноги Англію и возстановившій конституцію посредствомъ билля о правахъ; это духъ, утвердившій великій, основной и существенный принципъ, что ни одинъ англійскій подданный не можетъ быть обложенъ податью безъ своего согласія. Этотъ славный духъ виговъ объемлетъ теперь три мильона американцевъ, предпочитающихъ свободную бѣдность позолоченнымъ цѣпкамъ и неблагородному богатству, и готовыхъ умереть какъ свободные люди за защиту своихъ свободныхъ правъ... Какъ англичанинъ по происхожденію и принципу я признаю за американцами святое и неотъемлемое право собственности, право, обязывающее ихъ защищать ее до послѣдней возможности.»

Питтъ, сознавая свое право, сознаетъ и права другихъ; съ помощью этой идеи онъ держалъ въ рукахъ цѣлую Англію. Онъ вставалъ къ англичанамъ противъ нихъ самихъ; онъ узнавали родной инстинктъ въ правилѣ, что воля людей священна и законна: въ предѣлахъ ихъ владѣній и что каждый обязанъ возстать за ея нарушение.

Сильныя страсти и мужественное сознаніе права, вотъ основы этого краснорѣчія. Въмѣсто оратора, общественнаго дѣятеля, вождя, те простого писателя, частнаго человѣка; прочтите письма Юніуса, которыя посреди безпокойства и раздраженія народнаго (1769—1772) падали какъ огненные капли на анхорадочныя члены политическаго тѣла. Онъ выбираетъ эпитеты не для красоты слова, а чтобъ сильнѣе выразить оскорбленіе... Ораторскія тонкости дѣлаются въ его рукахъ орудіями пытки, и когда онъ оттачиваетъ свои періоды, это для того, чтобъ они глубже проникали въ рану. Съ какими смѣлыми укоризнами, съ какой жолчной и жгучей ироніей, съ какой обдуманностью и неутомимостью онъ способенъ пресѣдовать, покажетъ самый текстъ. «Милордъ, пишеть онъ герцогу Бетфорду: вы такъ не привыкли къ изъяденію уваженія или почтенія со стороны публики, что еслибы въ послѣдующихъ строкахъ вырвалась у меня какая-нибудь любезицъ или одобреніе, вы приняли бы это за сарказмъ, направленный противъ вашей установившейся репутаціи или пожалуй за обиду...»—«Въ вашемъ характерѣ и поведеніи, пишеть онъ герцогу Графону, есть что-то отличающее васъ не только отъ другихъ министровъ, но даже и отъ всѣхъ людей: вы не только дѣлаете зло съ намѣреніемъ, но ниразу не сдѣлали добра ошибкой; не только одинаково употребляли во зло свою лѣнь и дѣятельность, но приняли за неизмѣнный принципъ, если можно такъ выразиться, за преобладающій геній вашей жизни, перейти

во всѣхъ возможныхъ противорѣчїяхъ; и сразу не наткнувшись на тѣнь добродѣтели, и несмотря на всю измѣчивость и вѣтреность, сразу не запутался, ошибкой, въ умное и благородное дѣло.» Онъ продолжаетъ негодовать даже послѣ его униженїя и паденїя. Несмотря на сознанїе, что «въ своемъ теперешнемъ положенїи его врагъ способенъ обезоружить личную вражду, онъ удваиваетъ свои нападки.» Что до меня касается, я не берусь понять того благоразумнаго декорума и тѣхъ кроткихъ правилъ сдержанности, которыя въкоторыя люди стараются согласить съ веденїемъ самыхъ отважныхъ дѣлъ. Я не допустилъ бы себя имѣть уваженїе къ человѣку неуважающему цѣлой націи. Въ моихъ глазахъ его не защитили бы ни низкая покорность, съ которой онъ оставляетъ свою должность въ минуту опасности, ни прѣчнвй шитъ трусости, которымъ онъ себя прикрываетъ. Я буду преслѣдовать его до конца моей жизни и направлю послѣднїя усилїя, чтобы спасти отъ забвенїя его позоръ и увѣковѣчить его побужденїе жмъ.» За исключенїемъ Свифта, нѣтъ ни одного человѣка, прїотившаго въ своемъ сердцѣ столько ада и ненависти! Последнее чувство очищается тѣмъ, что полагаетъ себя орудемъ справедливости. Это убѣжденїе ихъ возвышаетъ; эти люди приходятъ въ ярость, но не унижаются; каковъ бы ни былъ врагъ, они смотрятъ ему прямо въ глаза.

Повищемъ невѣе суроваго генїя и болѣе мягкую форму. Есть человекъ, счастливый со дня рожденїя, узнавшїй все почти неудачь, котораго отецъ воспиталъ въ довольствѣ и радости, котораго общественное мнѣнїе на двадцать первомъ году признало цвѣтомъ ораторовъ и главою большої партїи, либеральный, челоуѣколюбивый общественный, вѣрный благодарнымъ наделамъ, которому даже враги прощали ошибки, а друзья его обожали, котораго работа не утомила, соперничество не озлобило, власть не испортила, который любилъ бесѣды; литературу; удовольствїя, и который оставилъ печать своего генїя въ естественности, ясности и легкости своихъ рѣчей. Отъ него можно конечно ожидать сдержанности. Это государственный человекъ; министръ, который говоритъ въ присутствїи всего парламента, о самыхъ знаменитыхъ фамилїяхъ королевства, имѣя слушателей ихъ родственниковъ, зная, что каждое его слово вонзится стрѣлой въ сердце и честь пятисотъ слушателей. Но что ему за дѣло? ему измѣнили и онъ хочетъ наказать измѣнниковъ; вотъ къ какому позорному столбу онъ ихъ выставляетъ.

«Нѣтъ словъ достаточно горькихъ, чтобы выразить презрѣнїе, которое внушаетъ мнѣ ихъ поведенїе. Какое наглое признанїе въ политической безнравственности! Какъ-будто эта измѣна не такъ же важна; какъ другїя. Это не только униженїе званїя, которое дол-

жны бы носить только люди примѣрной честности; это поступокъ, уничтожающій ихъ право на названіе джентльменовъ и низводящее ихъ на самую низшую степень, оскорбляющее древній благородный характеръ англійскихъ перовъ и способный ослозорить сословіе англійскихъ законодателей въ глазахъ Европы и позидѣннаго потомства. Я не знаю и не хочу знать, какой волшебной силой эти высокіе лорды могутъ превратить порокъ въ добродѣтель; но во всякомъ другомъ мѣрѣ, кромѣ политическаго, между людьми, вносящими званія придворныхъ лордовъ, такой примѣръ грубаго вѣроломства былъ бы наказанъ презрѣніемъ и позоромъ.»

Потомъ, обращаясь къ палатамъ :

Если англійскія палаты настолько позабыли свой вѣсъ въ конституціи, что отступились отъ своей прежней борьбы и побѣды въ великомъ дѣлѣ свободы и человѣчества, если онѣ такъ равнодушны къ главному интересу своего существованія, а не теряю надежды, что благородный характеръ цѣлой націи еще далеко не упалъ до этого уровня; я вѣрю, что народъ англійскій такъ же возстанетъ противъ тайныхъ вліяній, какъ и противъ открытаго злоупотребленія; я вѣрю, что онъ не потеритъ этихъ подземныхъ заговоровъ противъ своей конституціи, какъ не потерпѣлъ бы вѣшателства и оскорбленія отъ чужеземцевъ.»

Вотъ вспышки обыкновенно кроткаго и общительнаго характера; судите, что же могутъ сказать другіе. Какое-то страстное увеличеніе господствуетъ въ лебатахъ по поводу процесса Гастингса и французской революціи, въ жолчной риторикѣ и преувеличенной декламациі Шеридана, въ беспощадномъ сарказмѣ великолѣпныхъ приговоровъ второго Питта. Они любятъ рѣзкія краски; они ищутъ набора громкихъ словъ, симметрически продолженныхъ одозицій, огромныхъ и звонкихъ періодовъ. Они не боятся оскорбить вкусъ, а ищутъ эффекта. Сила есть ихъ господствующая черта, въ особенности принадлежащая самому умному чловѣку этого времени, Эдмонду Борку. «Заговорите съ Боркомъ о какомъ вамъ угодно предметѣ, говоритъ Джонсонъ, — онъ во всякое время готовъ опровергать васъ.» Онъ поступилъ въ парламентъ не въ равней молодости, какъ Фоксъ и оба Питта, но 35 лѣтъ, имѣя время изучить все основательно, свѣдущій въ правѣ, исторіи, философіи, литературѣ, обладающій такимъ многостороннимъ образованіемъ, что его сравнивали съ лордомъ Бэкономъ. Но преимущественно онъ отличался отъ всѣхъ другихъ быстротою соображенія, изощренною занятіями и философскими сочиненіями; онъ быстро схватывалъ общіе выводы и видѣлъ напередъ недоступное другимъ направленіе происшествій и самый тайный смыслъ вещей, съ презрѣніемъ отно-

сая «объ. егомъ, безсмысленномъ стадѣ мнимо-государственныѣхъ людей, которые отвергаютъ существованіе всего, что не бросается въ глаза грубо-матеріальною оболочкой, и которые не только неспособны вестидѣла цѣлаго государства но даже недостойны вертѣть одного колеса въ этой машинѣ.» Къ довершенію всего, онъ обладалъ живымъ воображеніемъ; и проводя читателя сквозь статистическія свѣдѣнія и сухіе документы, рисовалъ передъ его глазами странныя лица, совошм ихъ памятниками, костюмами, пейзажами и ждзвенной обстановкой. Ко всей силѣ ума, дѣлавшей изъ него систематика, присоединилась энергія сердца, обращавшая его въ энтузіаста. Онъ вышолъ въ люди единственно при помощи своихъ трудовъ и достоинствъ, безъ малѣйшаго явна на совѣсти; неизнемогая, подл ударамъ бѣдности и непожертвовавши независимостью своихъ убѣдлввій блестящей карьерѣ. Вся молодость его прошла въ востановленіи доминирующей для разныхъ книгопродавцевъ. Онъ вносилъ на полетическое поприще горячую ненависть къ преступленію, незапятнанную совѣсть, любовь къ человечеству, чувствительность, любвеобильную лишь молодому человеку. Онъ искалъ опоры для человечества въ принципахъ нравственности, требовалъ, чтобъ дѣла вернулись людямъ высокаго благородства, и кажется принялъ за правило воссоздать все благородное и великодушное. Онъ благородно ратовалъ прогавъ посвященности на независимость Англїи, за права народа во Франціи, противъ злоупотребленій частныхъ владѣльцевъ въ Индіи. Онъ съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ защищалъ индусовъ противъ алчности англичанъ, индусовъ «этихъ злополучныхъ труженниковъ, принимающихъ побои сперва отъ фермера, потомъ отъ его преемника, переходящихъ изъ рукъ одного деспота къ другому, старающемуся вытянуть всю возможную выгоду во время своего управленія, переходящихъ такимъ образомъ сквозь востановленный строй розогъ, пока истощатся въ нихъ послѣднія капли крови.» Повсюду онъ является защитникомъ принципа и карателемъ порока, употребляя на это всю силу своего знанія, высокаго ума и великодушнаго слога, съ неутомимымъ жаромъ рыцаря и моралиста.

Нужно читать цѣлкомъ его произведенія: иначе васъ поразятъ преувѣличеніе, странность и нѣкоторая бездеремонность; но вчитавшись въ него, увлечешься невольно. Иногда его рѣчь, прозаическая или написанная, можетъ составить цѣлый томъ: такое въ ней обиліе доказательствъ и благороднаго негодованія. Это изложене цѣлой администраціи, полная исторія индійскихъ колоній, цѣлая теорія революціи и политическаго устройства, льющаяся бурнымъ потокомъ, чтобъ затопить какое-нибудь беззаконіе, которое

хотять помиловать; или несправедливость, которой даютъ право гражданства. Конечно въ этомъ потокѣ есть много ифы и нечистоты; миллионы странныхъ басенныхъ телматъ на его поверхности; онъ не останавливается для выбора: фантастическіе образы, преувеличеніе, наныщенность, неблагопристойность, шутки, проклятія являются ширіадами. Онъ скажетъ, говоря о процентахъ на 48 на 100, которыми англичане разорили Индію; что чистота денегъ составляетъ новую мекроту, изъ которой вышла на свѣтъ цѣла семья глистовъ и солитеровъ, соеущихъ внутренность Индіи. Его не оставитъ ни описаніе самыхъ страшныхъ вырвѣкъ, ни оглушительный громъ проклятій, ни гигантская странность шутокъ. Онъ и его послѣдователи не имѣли вкуса. Тоніе греческіе или французскіе выводы никогда не находили мѣста у германскихъ племенъ; тамъ все выходило грубо или плохо описано; ему вовсе не помогаетъ изученіе Цицерона и заключеніе своихъ порывовъ въ рамки латинской реторикки. Онъ остается полудинарентъ, погрязшимъ въ преувеличеніе; в силу, во порывы его такъ выдержаны, убѣжденія такъ глубоки, чувство такъ горячо и обильно, что оварященіе уже не имѣетъ мѣста, и въ его выступленіи изъ границъ вылилось полноту благороднаго сердца и глубокаго ума и чувствуешь немалое уваженіе къ этой страшной экспансивности, грозной какъ потокъ, широкой какъ море, играющей безчисленными множествами радужныхъ цвѣтовъ, при лучахъ высокаго воображенія, сообщающаго своей свѣтъ этой жуткой водѣ.

VI

Откройте Рейнвольда, у котораго выведены всѣ эти личности и поставте имъ въ паралель тонкіе французскіе портреты этого времени, этихъ веселыхъ министровъ, этихъ милыхъ и граціозныхъ аббатовъ, этого маршала де-Саксъ, перенесшаго въ стрисбургскую крѣпость тѣже приемы, которые выѣлъ при версальскомъ дворѣ. Здѣсь же, подъ блѣднымъ небомъ и вѣчными туманами, являются задумчивыя и выразительныя фізіономіи; рѣзкія особенности характеровъ не испугали артиста; онъ не упустилъ изъ вида ни грубую и плоскую напыщенность, ни рѣзкость, ни сварливость; у него личности не сглажены и не подведены подъ одну форменно-благообразную линію. Ихъ красота заключается въ холодной рѣшимости, въ глубокой серьезности и грустномъ благородствѣ блѣднаго лица, въ сознательной важности, рѣшительности и сдержанности жеста. Виѣсто женства свободнаго поведенія ихъ окружаютъ чест-

ныя женщины у серьезных и дѣятельныхъ, добрыхъ матерей, окружающихъ своими дѣтьми; у нихъ развилась нравственность и съ всю чувство человеческого достоинства и семейственности, приличіе въ костюмѣ, безукоризненная выдержанность героинь миссъ Бюрней. Они во всемъ успѣваютъ: Бенуэль (Bekewell) преобразуетъ и улучшаетъ ихъ скотъ, Артуръ Юнгъ — земледѣліе, Говардъ — тюрьмы, Арикрайтъ (Arkwright) и Уаттъ — промышленность, Адамъ Смитъ — политическую экономію, Бентамъ — уголовные законы, Локкъ, Геттесонъ; Фергюзонъ, Райдъ, Стюардъ (Steward) Прайсъ — физиологію и нравственность. Они очистили частныя нравы и принялись за общественыя. Они укрѣпили свое правленіе, утвердились въ религіи. Джонсонъ имѣетъ право говорить что, «ни одна нація въ мірѣ не обработала лучше своей почвы и своего духа». Нѣтъ страны болѣе богатой, свободной, благоденствующей, въ которой бы частныя и общественныя усилія были такъ постоянно и искусно направлены къ улучшенію частнаго и общественнаго устройства.

Одного только имъ не хватаетъ: чистаго умозрѣнія; именно этотъ пунктъ, за отсутствіемъ всѣхъ другихъ, составляетъ теперь славу Франціи (?): Англійскія карикатуры указываютъ на рѣзкую противоположность между обѣими націями; съ одной стороны французъ, дрожащій отъ холода въ сквозной хижинѣ, худой, съ длинными зубами, передъ нимъ блюдо улитокъ и пучекъ зелени; онъ впрочемъ очень доволенъ, утѣшается республиканскимъ шарфомъ и человѣколюбивыми прокламаціями. Съ другой стороны англичанинъ, красный и толстый, въ комфортабельной комнатѣ, передъ кушеткомъ кроваваго ростбифа и бутылкой пѣнистаго эля, ворчащій на общественныя бѣдствія и министровъ, готовыхъ разорить страну. Они доходятъ такимъ образомъ до начала Французской революціи, оставаясь консерваторами и религіозными при видѣ вольнодумцевъ и республиканцевъ. Безсознательно оба народа шли въ продолженіе двухъ вѣковъ къ этому сильному столкновенію между собою, безсознательно оба дѣлали все, чтобы сдѣлать ударъ сильнѣе. Всѣ ихъ усилія, всѣ ихъ идеи и великіе люди толкали ихъ къ этому неизбежному выходу. Полтораста лѣтъ вѣрности и общихъ идей утвердили француза въ вѣрѣ въ человѣчество и чистый разумъ; полтораста лѣтъ нравственныхъ размышленій и политической борьбы привязали англичанина къ существующей конституціи и положительной религіи. У каждой націи свой догматъ и свои идеалы; обѣ не понимаютъ и ненавидятъ одна другую. То что у однихъ называется обновленіемъ, другіе называютъ разрушеніемъ; что одни уважаютъ какъ установленіе правъ, другіе проклинаютъ какъ уничтоженіе всякаго права. Что кажется однимъ уничтоже-

ніемъ предразсудковъ, другіе называютъ растлѣніемъ нравственно-сти. Никогда противоположность между двумя народами не выражалась такъ сильно, и Боркъ, съ превосходствомъ мыслителя и ненавистью англичанина указываетъ на нее.

Онъ приходитъ въ негодование при мысли объ этомъ «трагикомическомъ фарсѣ», который во Франціи называютъ обновленіемъ рода человѣческаго. Онъ не допускаетъ, чтобъ зараза такой нелѣпости могла когда-нибудь проникнуть въ Англію. Онъ смѣется надъ простаками, которые, проснувшись отъ жужжанія демократическихъ обществъ, вообразили себя накануне революціи. «Изъ того, что подлюжины кузнечиковъ наполнили лугъ своимъ докучнымъ крикомъ, между тѣмъ какъ миллионы стадъ жуютъ спокойно жвачку подъ тѣнью британскихъ дубовъ, мы заключили, что одни только кузнечики живутъ въ полѣ, что ихъ должно быть много и что они что-нибудь большее, нежели эта худая, прыгающая и шумящая толпа докучныхъ насѣкомыхъ». Настоящая Англія, «всѣмъ нибѣющимъ крышу надъ головою и хорошую одежду на плечахъ», съ отвращеніемъ и презрѣніемъ смотритъ на принципы и дѣйствія французской революціи. «Одна мысль установить новое правительство наполняетъ насъ ужасомъ. Мы всегда желали выводить изъ прошедшаго все что имѣемъ, какъ наслѣдіе нашихъ предковъ». Наши права не вѣтаютъ въ воображеніи философовъ, но занесены въ хартію. «Мы требуемъ себѣ льготъ не какъ общечеловѣческаго права, но какъ права англійскаго». Мы ненавидимъ это абстрактное пустословіе, снимающее съ человѣка всякую отвѣтственность, для того чтобы сдѣлать его самонадѣяннымъ теоретикомъ. «Насъ не потрошили, какъ птицъ въ музеумѣ, чтобы набить потомъ отрепьемъ, соломой и исписаной бумагой о правахъ человѣка». Наша конституція—не фактивное условіе, составленное Руссо, которое можно нарушать каждые три мѣсяца, но настоящій контрактъ, посредствомъ котораго король, дворяне, народъ, церковь связаны между собою. Королевская власть, привилегіи лордовъ, земля крестьянина,—все одинаково священно. Какая бы ни была собственность или наслѣдственное право, мы его уважаемъ, и цѣль нашихъ законовъ—сохранить каждому его право и собственность. Мы смотримъ на короля съ уваженіемъ, на парламентъ съ любовью, на власти съ покорностью, на священниковъ съ почтеніемъ, на лордовъ съ доброжелательствомъ. Мы рѣшились повиноваться существующей церкви, сохранить существующую монархію и демократію въ той степени, въ которой она есть теперь, безъ перемѣны. Мы всюду уважаемъ собственность: въ корпораціяхъ, въ отдѣльныхъ личностяхъ, церковную и гражданскую. Мы думаемъ, что ни одинъ человѣкъ, ни цѣлое обще-

ство не имѣть права отнимать у другого того, чѣмъ онъ владѣть по праву или по наслѣдству. Нѣтъ ни одного общественнаго чело-вѣка, который бы не порицалъ безчестной и жестокой конфискаціи, сдѣланной у Французской церкви Французскимъ національнымъ со-бравіемъ. Мы не потерпимъ, чтобъ наша церковь подчинена была казвѣ, чрезъ полученіе пенсіона. Наша церковь независима, какъ нашъ король и наше дворянство; мы равно смотримъ на то, что архіерей богаче герцога, что епископъ винчестерскій имѣть 10,000 фунтовъ стерлинговъ годового дохода. Намъ противно Французское воровство, вопервыхъ какъ нарушеніе права собственности, вовто-рыхъ какъ оскорбленіе религіи. Мы убѣждены, что общество должно имѣть свои вѣрованія; мы производимъ справедливость изъ ея святаго корня и чувствуемъ, что изсушивши источникъ, изсу-шимъ и самый ручей. Мы отбросили, какъ ядовитаго червя, невѣріе, которое очернило начало этого столѣтія и мы очистились, между тѣмъ какъ французы коснѣютъ. Ни одинъ юноша, родившійся въ послѣд-нія сорокъ лѣтъ, не читалъ у насъ Коллена, Толанда, Тиндела и всего этого стада, называвшаго себя свободными мыслителями. Атеизмъ противенъ не только нашему разуму, но и нашему инстин-кту. Мы протестанты не по необходимости, а по призванію. Церковь и государство, въ нашемъ умѣ, два нераздѣльные понятія. Мы осно-вываемъ свое благоустройство на сознаніи права, а сознаніе права на вѣрѣ въ Бога.»

«Что поставите вы на мѣсто Бога и права? Народное могущество, т. е. дрозволь, измѣняющійся по числу голосовъ. Мы отрицаемъ, чтобъ конституція могла быть нарушена только пожеланію большин-ства. Если конституція страны разъ установлена, никакая существую-щая власть не можетъ ее измѣнить, нарушивъ священнаго усло-вія, если только на это не будетъ согласія всѣхъ партій. Мы отвер-гаемъ, чтобъ большинство имѣло право создавать конституцію; нуж-но вопервыхъ, чтобъ весь народъ передалъ это право большинству. Мы не допускаемъ, чтобъ грубая сила могла изображать законную власть и чтобъ чернь составляла націю. Настоящая, естественная аристократія не имѣть въ государствѣ отдѣльнаго интереса и сама не можетъ быть отдѣлена отъ его интересовъ. Когда толпа дѣй-ствуетъ подъ руководствомъ этой естественной дисциплины, — я признаю ее *народомъ*; но если вы отдѣлите толпу отъ ея есте-ственныхъ начальниковъ и вооружите ее противъ нихъ, — я не признаю народа въ этомъ распущенномъ стадѣ дезертеровъ и негодяевъ. Мы всѣми силами ненавидимъ права тираніи, при-писываемыя этой толпѣ, и еще болѣе права бунта, направленнаго противъ самихъ себя. Мы думаемъ, что англійская конститу-

ція, продолжаетъ Боркъ, есть залогъ, переданный настоящему поколѣнію прошедшимъ, для того чтобы оно передавало его дѣлѣ, и если современное поколѣніе имѣетъ право распоряжаться ею какъ своею собственностью, оно должно также уважать въ ней собственность другихъ поколѣній. Намъ кажется, что если реформаторъ поднимаетъ руку на недостатки государства, онъ долженъ дѣлать это съ святымъ уваженіемъ и нѣжной заботливостью, какъ будто притрогивался къ ранамъ отца... Если измѣнять составъ государства такъ часто, такъ совершенно и такъ легкомысленно, какъ это дѣлають Французы, вся послѣдовательность и связь общества уничтожатся. Поколѣнія не будутъ связаны одно съ другимъ. Люди будутъ жить и умирать одинокими, какъ лѣтнія мухи. Мы протестуемъ противъ грубой близорукости, которая видитъ въ человѣкѣ только настоящее, уничтожаетъ его достоинство и считаетъ его только за единицу большого стада. Мы презираемъ эту школьную философію и эту таможенную арифметику, по которой Французы раздѣляютъ государство и права на квадратныя миля и единицы. Намъ страшитъ этотъ грубый цинизмъ, который, срывая покровы съ жизни, дѣлаетъ изъ королевы женщину, а изъ женщины животное, который попираетъ духъ рыцарскій и духъ религіозный — два вѣща человеческой природы, и кидаетъ ихъ въ грязь вмѣстѣ съ наукой, подъ ноги невѣжественной толпы. Намъ пугаетъ это систематическое уравненіе, которое, разстраивая гражданское общество, ставитъ во главѣ правленія адвокатовъ-ябедниковъ, ростовщиковъ, руководимыхъ безстыдными женщинами, содержательей гостиницъ, клерковъ, лавочниковъ, парикмахеровъ и танцовщиковъ и которое кончить тѣмъ, что если монархія опять водворится во Франціи, то оно подчинитъ націю самому отъявленному произволу.»

Вотъ что писалъ Боркъ въ 1790 году, въ началѣ французской революціи. Гель спустя чернь въ Бирмингамѣ разрушала дома англійскихъ якобинцевъ, а уэднесбурійскіе рукокопы выходили толпами «на помощь королю и церкви». Крестовый походъ противъ крестоваго похода; напуганная Англія была настолько подвѣявіемъ фанатизма, насколько Франція подвѣяніемъ энтузіазма. Питтъ объявлялъ, что невозможно вести дѣла съ безбожной націей. Боркъ говорилъ, что война ведется не между двумя народами, но между собственностью и силою. Нетерпимость и ненависть были одинаковы съ той и другой стороны. Это не было столкновеніе двухъ правленій, но двухъ цивилизацій и двухъ доктринъ. Два огромныхъ локомотива, летѣвшіе съ ужасной быстротою, столкнулись не случайно, но въ силу судьбы. Цѣлый періодъ литературы и философіи скопалъ пары, которые ихъ напо-

вали, и построилъ ихъ путь. Въ громѣ этого столкновения между шипѣніемъ пара и краснымъ пламенемъ, извивающимся вокругъ нихъ и направляющимся къ небу, внимательный зритель можетъ еще различить накопленіе силы, которая выработала у обѣихъ машинъ такія крѣпкія стѣнки и устала землю такими прочными обломками.

НА УЛИЦЪ

Когда прошусь я съ нимъ, когда забуду я
Больного города безпутную тревогу!
Вонъ какъ изломанныхъ тревожная семья
Безумно мечется по улицамъ...

Въ дорогу!

На родину! Пойдетъ передо мной опять
Переливаться рожь волною колосистой
И золотые сны мнѣ будетъ навѣвать
Свободный воздухъ роцъ, здоровый и душистый,
Съ души омоется его святой струей
Всѣхъ этихъ чувствъ гнилыхъ и мерзкой жизни плѣсень,
И радостно въ душѣ зашевелится рой
Иныхъ, родныхъ картинъ, иныхъ и новыхъ плѣсень.

О. ВЕРГЪ

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

ГОСПИТАЛЬ

Вскорѣ послѣ праздниковъ я сдѣлался боленъ и отправился въ нашъ военный госпиталь. Онъ стоялъ особнякомъ, въ полуверстѣ отъ крѣпости. Это было очень длинное одноэтажное зданье, окрашенное желтой краской. Лѣтомъ, когда происходили ремонтныя работы, на него выходило чрезвычайное количество вохры. На огромномъ дворѣ госпиталя помѣщались службы, дома для медицинскаго начальства и прочія пригодныя постройки. Въ главномъ же корпусѣ располагались одиѣ только валааты. Палатъ было много, но арестаускихъ всего только двѣ, всегда очень наполненныхъ, но особенно лѣтомъ, такъ что приходилось часто сдвигать кровати. Наполнялись наши палаты всякаго рода «несчастливымъ народомъ». Ходили туда наши, ходили разнаго рода военные подсудимые, еодержавшіеся на разныхъ абвахтахъ, рѣшоные, нерѣшоные и пересылочные; ходили и изъ исправительной роты, — страннаго заведенія, въ которое отсылались провинившіеся и мало надежныя солдатикки изъ батальоновъ, для поправленія своего поведенія, и откуда, года черезъ два и больше, они обыкновенно выходили такими мерзавцами, какихъ на рѣдкость и встрѣтить. Заболѣвшіе изъ арестаусовъ у насъ обыкновенно поутру объявляли о болѣзни своей унтеръ-офицеру. Ихъ тотчасъ же записывали въ книгу и съ этой книгой

отсылали больного съ конвойнымъ въ батальонный лазаретъ. Тамъ докторъ предварительно свидѣтельствовалъ всѣхъ больныхъ изъ всѣхъ военныхъ командъ, расположенныхъ въ крѣпости, и кого находилъ дѣйствительно больнымъ, записывалъ въ гошпиталь. Меня отмѣтили въ книгѣ, и во второмъ часу, когда уже всѣ наши отправились изъ острога на послѣобѣденную работу, я пошелъ въ гошпиталь. Больной арестантъ обыкновенно бралъ съ собою сколько могъ денегъ, хлѣба, потомучто на тотъ день не могъ ожидать себѣ въ гошпиталѣ порціи, крошечную трубочку и кисеть съ табакомъ, кремнемъ и огнивомъ. Эти послѣдніе предметы тщательно запрятывались въ сапоги. Я вступилъ въ ограду гошпиталя не безъ нѣкотораго любопытства къ этой новой, незнакомой еще мнѣ варьяціи нашего арестантскаго житья-бытья.

День былъ теплый, хмурый и грустный — одинъ изъ тѣхъ дней, когда такія заведенія, какъ гошпиталь, принимаютъ особенно-дѣловой, тоскливый и кислый видъ. Мы съ конвойнымъ вошли въ пріемную, гдѣ стояли двѣ мѣдныя ванны и гдѣ уже дожидались двое больныхъ, изъ подсудимыхъ, тоже съ конвойными. Вошелъ фельдшеръ, лѣниво и со властію оглядѣлъ насъ и еще лѣнивѣе отправился доложить дежурному лекарю. Тотъ явился скоро; осмотрѣлъ, обошелся очень ласково и выдалъ намъ «скорбные листы», въ которыхъ были обозначены наши имена. Дальнѣйшее же распisanіе болѣзни, назначеніе лекарьствъ, порціи и проч. предоставлялось уже тому изъ ординаторовъ, который заведывалъ арестантскими палатами. Я уже и прежде слышалъ, что арестанты не нахвалятся своими лекарями. «Отцовъ не надо!» — отвѣчали они мнѣ на мои распросы, когда я отправлялся въ больницу. Между тѣмъ мы переводились. Платье и бѣлье, въ которомъ мы пришли, отъ насъ отобрали и одѣли насъ въ бѣлье гошпитальное, да сверхъ того выдали намъ длинныя чулки, туфли, колпаки и толстыя суконныя, бураго цвѣту халаты, подшитые цѣло холстомъ, цѣло какимъ-то пластыремъ. Однимъ словомъ халаты были до послѣдней степени грязны; но оцѣнилъ я его вѣдѣи уже на мѣстѣ. Затѣмъ насъ повели въ арестантскія палаты, которыя были расположены въ концѣ длиннѣйшаго коридора, высокаго и чистаго. Наружная чистота вездѣ была очень удовлетворительна; все что съ перваго раза бросалось въ глаза, такъ и дослѣдилось. Впрочемъ это могло мнѣ такъ показаться послѣ нашего острога. Двое подсудимыхъ пошли въ

палату вальво, я направо. У двери, замкнутой желѣзнымъ болтомъ, стоялъ часовой съ ружьемъ, подлѣ него подчасокъ. Младшій унтеръ-офицеръ (изъ гошпитальнаго караула) велѣлъ пропустить меня и я очутился въ длинной и узкой комнатѣ, по обѣимъ продольнымъ стѣнамъ которой стояли кровати, числомъ около двадцати двухъ, между которыми три-четыре еще были незаняты. Кровати были деревянныя, окрашенныя зеленой краской, слишкомъ знакомыя всѣмъ и каждому у насъ на Руси, — тѣ самыя кровати, которыя по какому-то предопредѣленію никакъ не могутъ быть безъ клоповъ. Я помѣстился въ углу, на той сторонѣ, гдѣ были окна.

Какъ уже и сказалъ я, тутъ были и наши арестанты, изъ острога. Нѣкоторые изъ нихъ уже знали меня или по-крайней мѣрѣ видѣли прежде. Гораздо болѣе было изъ подсудимыхъ и изъ исправительной роты. Трудно-больныхъ, т. е. невстававшихъ съ постели было не такъ много. Другіе же, легко-больные или выздоравливавшіе, или сидѣли на койкахъ, или ходили взадъ и впередъ по комнатѣ, гдѣ между двумя рядами кроватей оставалось еще пространство, достаточное для прогулки. Въ палатѣ былъ чрезвычайно удушливый, больничныи запахъ. Воздухъ былъ зараженъ разными непріятными испареніями и запахомъ лекарствъ, несмотря на то, что почти весь день въ углу топилась печка. На моей койкѣ былъ надѣтъ полосатый чехолъ. Я снялъ его. Подъ чехломъ оказалось суконное одѣяло, подшитое холстомъ и толстое бѣлье слишкомъ сомнительной чистоты. Возлѣ койки стоялъ столикъ, на которомъ была кружка и оловянная чашка. Все это для приличія прикрывалось выданнымъ мнѣ маленькимъ полотенцемъ. Внизу столика была еще полка; тамъ сохранялись у пившихъ чай чайники, жбаны съ квасомъ и прочее; но пившихъ чай между больными было очень немного. Трубки же и кисеты, которые были почти у каждого, невключая даже и чахоточныхъ, прятались подъ койки. Докторъ и другіе изъ начальниковъ почти никогда ихъ не осматривали, а если и заставляли кого съ трубкой, то дѣлали видъ, что не замѣчаютъ. Впрочемъ и больные были почти всегда осторожны и ходили курить къ печкѣ. Развѣ ужъ ночью курили прямо съ кроватей; но ночью никто не обходилъ палату, кромѣ развѣ иногда офицера, начальника гошпитальнаго караула.

До тѣхъ поръ я никогда не лежалъ ни въ какой больницѣ;

все окружающее потому было для меня чрезвычайно ново. Я замѣтилъ, что возбуждаю нѣкоторое любопытство. Обо мнѣ уже слышали и оглядывали меня очень безперемежно, даже съ отѣнкомъ нѣкотораго превосходства, какъ оглядываютъ въ школахъ новичка или въ присутственныхъ мѣстахъ просителя. Справа подлѣ меня лежалъ одинъ подсудимый, писарь, незаконный сынъ одного отставнаго капитана. Онъ судился по фальшивымъ деньгамъ и лежалъ уже съ годъ, кажется ничѣмъ не больной, по увѣрявшій докторовъ, что у него аневризмъ. Онъ достигъ цѣли: каторга и тѣлесное наказанье миновали его и онъ, еще годъ спустя, былъ отосланъ въ Т-къ, для содержанія гдѣ-то при больницѣ. Это былъ плотный, коренастый парень лѣтъ двадцати восьми, большой плутъ и законникъ, очень неглупый, чрезвычайно развязный и самопадѣянный малый, до болѣзни самолюбивый, пресерьозно увѣрившій самого себя, что онъ честнѣйшій и правдивѣйшій человекъ въ свѣтѣ и даже вовсе ни въ чемъ не виноватый, и такъ и оставшійся навсегда съ этой увѣренностью. Онъ первый заговорилъ со мною, съ любопытствомъ сталъ меня спрашивать и довольно подробно рассказалъ мнѣ о вѣнскихъ порядкахъ гошпиталя. Разумѣется прежде всего онъ заявилъ мнѣ, что онъ капитанскій сынъ. Ему чрезвычайно хотѣлось казаться дворяниномъ или покрайней мѣрѣ «изъ благородныхъ». Велѣлъ за нимъ подошолъ ко мнѣ одинъ больной изъ исправительной роты и началъ увѣрять, что онъ зналъ многихъ изъ прежде-сосланныхъ дворянъ, называя ихъ по имени и отчеству. Это былъ уже сѣдой солдатъ; на лицѣ его было написано, что онъ все вретъ. Звали его Чекуновъ. Онъ очевидно ко мнѣ подлизывался, вѣроятно подозревая у меня деньги. Замѣтивъ у меня свертокъ съ чаемъ и сахаромъ, онъ тотчасъ же предложилъ свои услуги: достать чайникъ и заварить мнѣ чаю. Чайникъ мнѣ обѣщаль прислать назавтра М-цкій изъ острога, съ кѣмъ-нибудь изъ арестантовъ, ходившихъ въ гошпиталь на работу. Но Чекуновъ обѣщаль все дѣло. Онъ досталъ какой-то чугунокъ, даже чайку, вскипятилъ воду, заварилъ чаю, однимъ словомъ услуживалъ съ необыкновеннымъ усердьемъ, чѣмъ возбуждалъ тотчасъ же въ одномъ изъ больныхъ нѣсколько ядовитыхъ насмѣшекъ на свой счетъ. Этотъ больной былъ чахоточный, лежавшій напротивъ меня, по фамилии Устьянцевъ, изъ подсудимыхъ солдатъ, тотъ самый, который, испугавшись наказанія, вышилъ крышку дна,

крѣпко настоявъ въ немъ табаку, и тѣмъ нажилъ себѣ чахотку; о немъ я уже упоминалъ какъ-то прежде. До сихъ поръ онъ лежалъ молча и трудно дыша, пристально и серьезно ко мнѣ приглядываясь и съ негодованіемъ слѣдя за Чекуновымъ. Необыкновенная, жолчная серьезность придавала какой-то особенно комическій оттѣнокъ его негодованію. Наконецъ онъ не выдержалъ:

— Ишь, холопъ! Нашолъ барина! проговорилъ онъ съ разстановками и задыхающимся отъ безсилія голосомъ. Онъ былъ уже въ послѣднихъ дняхъ своей жизни.

Чекуновъ съ негодованіемъ оборотился къ нему:

— Это кто холопъ? произнесъ онъ, презрительно глядя на Устьянцева.

— Ты холопъ! отвѣчалъ тотъ такимъ самоувѣреннымъ тономъ, какъ-будто имѣлъ полное право распекать Чекунова и даже былъ приставленъ къ нему для этой цѣли.

— Я холопъ?

— Ты и есть. Слышите, добрые люди, не вѣрять! Удаляется!

— Да тебѣ-то что! Вишь они одни, какъ безъ рукъ. Безъ слуги непривычны, извѣстно. Почему не услужить, мохнорылый ты шутъ!

— Это кто мохнорылый?

— Ты мохнорылый.

— Я мохнорылый?

— Ты и есть!

— А ты красавецъ? У самого лицо какъ воронье яйцо... коли я мохнорылый.

— Мохнорылый и есть! Вѣдь ужъ Богъ убилъ, лежалъ бы себѣ да помиралъ! Нѣтъ, туда-же собираетъ! Ну чего собираешь!

— Чего! Нѣтъ ужъ я лучше сапогу поклонюсь, а не лаптю. Отецъ мой не кланялся и мнѣ не велѣлъ. Я... я...

Онъ было хотѣлъ продолжать, но страшно закашлялся на нѣсколько минутъ, выплевывая кровью. Скоро холодный испугательный потъ выступилъ на узенькомъ лбу его. Кашель мѣшалъ ему, а то бы онъ все говорилъ; по глазамъ его видно было, какъ хотѣлось ему еще поругаться; но, въ безсиліи, онъ только отмахивался рукою... Такъ что Чекуновъ подконецъ ужъ и позабылъ его.

Я почувствовалъ, что злость чахоточнаго направлена скорѣе

на меня, чѣмъ на Чекунова. За желаніе Чекунова подслужиться и тѣмъ достать копѣйку никто бы не сталъ на него сердиться или смотрѣть на него съ особымъ презрѣніемъ. Всякъ понималъ, что онъ это дѣлаетъ просто изъ-за денегъ. На этотъ счетъ простой народъ вовсе не такъ щепетливъ и чутко умѣетъ различать дѣло. Устьянцеву не понравился собственно я, не понравился ему мой чай, и то что я и въ кандалахъ какъ баринъ, какъ-будто не могу обойтись безъ прислуги, хотя я вовсе не звалъ и не желалъ никакой прислуги. Дѣйствительно мнѣ всегда хотѣлось все дѣлать самому и даже я особенно желалъ, чтобъ и виду не подавать о себѣ, что я бѣлоручка, нѣженка, барствую. Въ этомъ отчасти состояло даже мое самолюбіе, если уже къ слову сказать пришлось. Но вотъ, — и рѣшительно не понимаю какъ это всегда такъ случалось, — но я никогда не могъ отказаться отъ разныхъ услужниковъ и прислужниковъ, которые сами ко мнѣ навязывались и подконецъ овладѣвали мной совершенно, такъ что они настоящему были моими господами, а я ихъ слугой; а по наружности и выходило какъ-то само собой, что я дѣйствительно баринъ, не могу обойтись безъ прислуги и барствую. Это конечно было мнѣ очень досадно. Но Устьянцевъ былъ чахоточный, раздражительный человѣкъ. Прочіе же изъ больныхъ соблюдали видъ равнодушія, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ высокомерія. Помню, всѣ были заняты однимъ особеннымъ обстоятельствомъ: изъ арестантскихъ разговоровъ я узналъ, что въ тотъ же вечеръ приведутъ къ намъ одного подсудимаго, котораго въ эту минуту накаазываютъ шпицрутенами. Арестанты ждали новичка съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Говорили впрочемъ, что наказанье будетъ легкое, — всего только пятьсотъ.

Понемногу я оглядѣлся кругомъ. Сколько я могъ замѣтить, дѣйствительно больные лежали здѣсь все болѣе цынготною и главною болѣзнию — мѣстными болѣзнями тамошняго края. Такихъ было въ палатѣ нѣсколько человѣкъ. Изъ другихъ, дѣйствительно больныхъ, лежали лихорадками, разными болячками, грудью. Здѣсь не такъ какъ въ другихъ палатахъ: здѣсь были собраны въ кучу всѣ болѣзни, даже и венерическія. Я сказалъ дѣйствительно больныхъ, потому что было нѣсколько и пришедшихъ такъ, безо всякой болѣзни, «отдохнуть». Доктора допускали такихъ охотно, изъ состраданія, особенно когда было много пустыхъ кроватей. Содержаніе на абахтахъ и въ остро-

гахъ казалось сравнительно съ госпитальнымъ дотого плохо, что многіе арестанты съ удовольствіемъ приходили лежать, несмотря на спертый воздухъ и запертую палату. Были даже особенные любители лежанья и вообще госпитальнаго житья-бытья; всѣхъ болѣе впрочемъ изъ исправительной роты. Я съ любопытствомъ осматривалъ моихъ новыхъ товарищей, но помню, особенное любопытство тогда же возбудилъ во мнѣ одинъ, уже умиравшій, изъ нашего острога, тоже чахоточный и тоже въ послѣднихъ дняхъ, лежавшій черезъ кровать отъ Устьянцева и такимъ образомъ тоже почти противъ меня. Звали его Михайловъ; еще двѣ недѣли тому назадъ я видѣлъ его въ острогѣ. Онъ давно уже былъ боленъ и давно бы пора ему было идти лечиться; но онъ съ какимъ-то упорнымъ и совершенно ненужнымъ терпѣньемъ преодолевалъ себя, крѣпился и только на праздникахъ ушелъ въ госпиталь, чтобъ умереть въ три недѣли отъ ужасной чахотки; точно сгорѣлъ человекъ. Меня поразило теперь его страшно-измѣнившееся лицо, — лицо, которое я изъ первыхъ замѣтилъ по вступленіи моемъ въ острогъ; оно мнѣ тогда какъ-то въ глаза кинулось. Подлѣ него лежалъ одинъ исправительный солдатъ, уже старый человекъ, страшный, и отвратительный неряха... Но впрочемъ не пересчитывать же всѣхъ больныхъ... Я вспомнилъ теперь и объ этомъ старикашкѣ единственно потому, что онъ произвелъ на меня тогда тоже нѣкоторое впечатлѣніе и въ одну минуту успѣлъ дать мнѣ довольно полное понятіе о нѣкоторыхъ особенностяхъ арестантской палаты. У этого старичонки, помню, былъ тогда сильнѣйшій насморкъ. Онъ все чихалъ и всю недѣлю потомъ чихалъ даже и носѣ, какъ-то залпами, по пяти и по шести чиховъ за-разъ, акуратно каждый разъ приговаривая: «Господи, далось же такое наказанье!» Въ ту минуту онъ сидѣлъ на постели и съ жадностью набивалъ себѣ носъ табакомъ изъ бумажнаго сверточка, чтобъ сильнѣе и акуратнѣе прочихаться. Чихалъ онъ въ бумажный платокъ, собственный, клѣтчатый, разъ сто мытый и до крайности полинялый, причѣмъ какъ-то особенно морщился его маленькой носъ, слагаясь въ мелкія, безчисленныя морщинки, и выставлялись осколки старыхъ, вочернѣлыхъ зубовъ, виѣстѣ съ красными, слюнявыми деснами. Прочихавшись, онъ тотчасъ же развертывалъ платокъ, внимательно разсматривалъ обильно-накопившуюся въ немъ мокроту и немедленно смазывалъ ее на свой бурый, казенный ха-

лать, такъ что вся мокрота оставалась на халатѣ, а платокъ только что развѣ оставался сыренекъ. Такъ онъ дѣлалъ всю недѣлю. Это копотливое, скряжническое сбереженіе собственнаго платка въ ущербъ казенному халату вовсе не возбуждало со стороны другихъ больныхъ никакого протеста, хотя кому-нибудь изъ нихъ же послѣ него пришлось бы надѣть этотъ же самый халатъ. Но нашъ простой народъ небрезгливъ и негладивъ даже до странности. Меня же такъ и покориблило въ ту минуту, и я тотчасъ же съ омерзеніемъ и любопытствомъ невольно началъ осматривать только-что надѣтый мною халатъ. Тутъ я замѣтилъ, что онъ уже давно возбуждалъ мое вниманіе своимъ сильнымъ запахомъ; онъ успѣлъ уже на мнѣ нагрѣться и пахнуть все сильнѣе и сильнѣе лекарствами, пластырями и какъ мнѣ казалось, какимъ-то гноемъ, что было неумудрено, такъ какъ онъ съ незапамятныхъ лѣтъ несходилъ съ плечъ больныхъ. Можетъ-быть холщевую подкладку его на спинѣ и промывали когда-нибудь; но навѣрно не знаю. Зато въ настоящее время эта подкладка была пропитана всѣми возможными неприятными соками, примочками, пролившеюся водою изъ прорѣзанныхъ мушекъ и проч. Кому же въ арестантскія палаты очень часто являлись только-что наказанные шпирютеями, съ израненными спинами; ихъ лечили примочками, и потому халатъ, надѣвавшійся прямо на мокрую рубашку, никакимъ образомъ не могъ не портиться. Такъ все на немъ и оставалось. И все время мое въ острогѣ, всѣ эти нѣсколько лѣтъ, какъ только мнѣ случалось бывать въ госпиталѣ (а бывалъ я частенько), я каждый разъ съ боязливою недовѣрчивостью надѣвалъ халатъ. Особенно же нравились мнѣ иногда встрѣчавшіяся въ этихъ халатахъ вши, крупныя и замѣчательно жирныя. Арестанты съ наслажденіемъ казнили ихъ, такъ что когда подъ толстымъ, неуклюжимъ арестантскимъ ногтемъ щелкнетъ бывало казненный звѣрь, то даже по лицу охотника можно было судить о степени полученнаго имъ удовольствія. Очень тоже не любили у насъ клоповъ и тоже бывало подымались иногда всей палатой истреблять ихъ въ иной длинный, скучный зимній вечеръ. И хотя въ палатѣ, кромѣ тяжелаго запаха, снаружи все было по возможности чисто, но внутренней, такъ-сказать подкладочной чистотой, у насъ далеко не щеголяли. Больные привыкли къ этому и даже считали, что такъ и надо, да и самые по-

рядки къ особенной чистотѣ не располагали. Но о порядкахъ я скажу послѣ...

Только-что Чекуновъ подалъ мнѣ чай (мимоходомъ сказать на палатной водѣ, которая приносилась разомъ на цѣлыя сутки и какъ-то слишкомъ скоро портилась въ нашемъ воздухѣ), отворилась съ нѣкоторымъ шумомъ дверь и за усиленнымъ конвоемъ введенъ былъ только-что наказанный шпицрутенами солдатикъ. Это было въ первый разъ, какъ я видѣлъ наказаннаго. Впослѣдствіи ихъ приводили часто, иныхъ даже приносили (слишкомъ ужъ тяжело наказанныхъ), и каждый разъ это доставляло большое развлеченіе больнымъ. Встрѣчали у насъ такового обыкновенно съ усиленно-строгимъ выраженіемъ лицъ и съ какою-то даже нѣсколько натянутою серьезностью. Впрочемъ пріемъ отчасти зависѣлъ и отъ степени важности преступленія, а слѣдственно и отъ количества наказанія. Очень больно битый и, по репутаціи, большой преступникъ, пользовался и большимъ уваженіемъ и большимъ вниманіемъ, чѣмъ какой-нибудь бѣжавшій рекрутикъ, вотъ какъ тотъ напримѣръ, котораго привелъ теперь. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ ни особенныхъ сожалѣній, ни какихъ-нибудь особенно-раздражительныхъ замѣчаній не дѣлалось. Молча помогали несчастному и ухаживали за нимъ, особенно если онъ не могъ обойтись безъ помощи. Фельдшера уже сами знали, что слаютъ битаго въ опытныхъ и искусныхъ руки. Помощь обыкновенно была въ частой и необходимой перемѣнѣ смоченной въ холодной водѣ простыни или рубашки, которою одѣвали истерзанную спину, особенно если наказанный самъ уже былъ не въ силахъ наблюдать за собой, да кромѣ того въ лѣвкомъ выдергиваніи занозъ изъ болячекъ, которыя зачастую остаются въ спи-нѣ отъ сломавшихся объ нее палокъ. Послѣдняя операція обыкновенно очень бываетъ непріятна больному. Но вообще меня всегда удивляла необыкновенная стойкость въ перенесеніи боли наказанными. Много я ихъ перевидалъ, иногда уже слишкомъ битыхъ, и почти ни одинъ изъ нихъ не стоналъ! Только лицо какъ-будто все измѣняется, поблѣднѣетъ; глаза горять; взглядъ разсѣянный, безпокойный, губы трясутся, такъ что бѣдняга нарочно прикусываетъ ихъ бывало чуть не до крови зубами. Вошедшій солдатикъ былъ парень лѣтъ двадцати трехъ, крѣпкаго мускулистаго сложенія, красиваго лица, высокій, стройный, смуглотѣлый. Спина его была впрочемъ порядочно пообита.

Сверху до самой поясицы все его тѣло было обнажено; на плеча его была накинута мокрая простыня, отъ которой онъ дрожалъ всѣми членами какъ въ лихорадикѣ, и часа полтора ходилъ взадъ и впередъ по палатѣ. Я вглядывался въ его лицо: казалось онъ ни о чемъ не думалъ въ эту минуту, смотрѣлъ странно и дико, бѣглымъ взглядомъ, которому видимо тяжело было остановиться на чемъ-нибудь внимательно. Мнѣ показалось, что онъ пристально посмотрѣлъ на мой чай. Чай былъ горячій; паръ валилъ изъ чашки, а бѣднякъ взявъ и дрожалъ, стуча зубъ объ зубъ. Я пригласилъ его выпить. Онъ молча и круто повернулъ ко мнѣ, взялъ чашку, выпилъ стоя и безъ сахара, причѣмъ очень торопился и какъ-то особенно старался не глядѣть на меня. Выпивъ все, онъ молча поставилъ чашку и даже не кивнувъ мнѣ головою, пошелъ опять сновать взадъ и впередъ по палатѣ. Но ему было не до словъ и не до киваній. Чтоже касается до арестантовъ, то всѣ они сначала почему-то избѣгали всякаго разговору съ наказаннымъ рекрутикомъ; напротивъ, помогши ему вначалѣ, они какъ-будто сами старались потомъ не обращать на него болѣе никакого вниманія, можетъ-быть желая какъ можно болѣе дать ему покоя, и не докучать ему никакими дальнѣйшими вопросами и «участіями», чѣмъ онъ кажется былъ совершенно доволенъ.

Между тѣмъ смерклося, зажгли ночникъ. У нѣкоторыхъ изъ арестантовъ оказались даже свои собственные подсвѣчники, впрочемъ очень не у многихъ. Наконецъ, уже послѣ вечерняго посѣщенія доктора, вошелъ караульный унтеръ-офицеръ, считалъ всѣхъ больныхъ, и палату заперли, внеся въ нее предварительно ночной ушатъ... Я съ удивленіемъ узналъ, что этотъ ушатъ останется здѣсь всю ночь, тогда какъ настоящее ретирадное мѣсто было тутъ же въ коридорѣ, всего только два шага отъ дверей. Но ужъ таковъ былъ заведенный порядокъ. Днемъ арестанта еще выпускали изъ палаты, впрочемъ не болѣе какъ на одну минуту; ночью же ни подъ какимъ видомъ. Арестантскія палаты не походили на обыкновенныя и больной арестантъ даже и въ болѣзни несъ свое наказаніе. Кѣмъ первоначально заведенъ былъ этотъ порядокъ — не знаю; знаю только, что настоящаго порядка въ этомъ не было никакого и что никогда вся безполезная сушь формалистики не высказывалась круше, какъ напримѣръ въ этомъ случаѣ. Порядокъ этотъ шель ра-

разумѣется не отъ докторовъ. Повторяю: арестанты не нахвалились своими лекарями, считали ихъ за отцовъ, уважали, почитали ихъ. Всякій видѣлъ отъ нихъ себѣ ласку, слышалъ доброе слово, а арестантъ, отверженный всѣми, цѣнилъ это, потому что видѣлъ неподдѣльность и искренность этого добраго слова и этой ласки. Она могла и не быть; съ лекарей никто бы не спросилъ, еслибъ они обращались иначе, то-есть грубѣе и безчеловѣчнѣе: слѣдственно они были добры изъ настоящаго челоуѣколюбия. И ужъ разумѣется они понимали, что больному, кто бы онъ ни былъ, арестантъ ли, шѣтъ ли, нуженъ такой же надримѣръ свѣжій воздухъ, какъ и всякому другому больному, даже самаго вышшаго чина. Больные въ другихъ палатахъ, выздоравливающіе надримѣръ, могли свободно ходить по коридорамъ, задавать себѣ большій моціонъ, дышать воздухомъ не настолько отравленнымъ, какъ воздухъ палатный, спертый и всегда необходимо наполненный удушливыми испареніями. И страшно и гадко представить себѣ теперь, до какой же степени долженъ былъ отравляться этотъ и безъ того уже отравленный воздухъ по ночамъ у насъ, когда вносимъ этотъ ушатъ, при теплой температурѣ вѣлаты и при извѣстныхъ болѣзняхъ, при которыхъ невозможно обойтись безъ выхода? Если я скажалъ теперь, что арестантъ и въ болѣзни несъ свое наказаніе, то разумѣется не предполагалъ и не предполагаю, что такой порядокъ устроенъ былъ именно только для одного наказанія. Разумѣется это была бы безсмысленная съ моей стороны клевета. Больныхъ уже мечего наказывать. А если такъ, то само собою разумѣется, что вѣроятно какая-нибудь строгая, суровая необходимость принуждала начальство къ такой вредной по своимъ послѣдствіямъ мѣрѣ. Какая же? Но вотъ тѣмъ-то и досадно, что ничѣмъ другимъ нельзя хоть сколько-нибудь объяснить необходимости этой мѣры и сверхъ того многихъ другихъ мѣръ, дотога непонятныхъ, что нетолько объяснить, но даже предугадать объясненіе ихъ невозможно. Чѣмъ объяснить такую безполезную жестокость? Тѣмъ, видите ли, что арестантъ придетъ въ больницу нарочно притворившись больнымъ, обманетъ докторовъ, выйдетъ ночью въ сортиръ и пользуясь темнотою убѣжить? Серьезно доказывать всю нескладность такого разсужденія почти невозможно. Куда убѣжить? какъ убѣжить? въ чемъ убѣжить? Днемъ выпускаются по одному;

такъ же могло бы быть и ночью. У двери стоитъ часовой съ заряженнымъ ружьемъ. Ретирадное мѣсто буквально въ двухъ шагахъ отъ часового, но несмотря на то, туда сопровождаетъ больного подчасокъ и не спускаетъ съ него глазъ все время. Тамъ только одно окно, по-зимнему съ двумя рамами и съ желѣзной рѣшеткой. Подъ окномъ же на дворѣ, у самыхъ оконъ арестантскихъ палатъ, тоже ходитъ всю ночь часовой. Чтобъ выдти въ окно, нужно выбить раму и рѣшетку. Ктожь это позволить! Не положимъ, онъ убьетъ предварительно подчаска, такъ что тотъ и не крикнетъ, и никто того не услышитъ. Но допустивъ даже эту нелѣпость, нужно вѣдь все-таки ломать окно и рѣшетку. Замѣтите, что тутъ же подлѣ часового спятъ палатные сторожа, а въ десяти шагахъ, у другой арестантской палаты, стоитъ другой часовой съ ружьемъ, возлѣ него другой подчасокъ и другіе сторожа. И куда бѣжать зимой въ чулкахъ, въ туфляхъ, въ больничномъ халатѣ и въ колпакѣ? А если такъ, если такъ мало опасности (т. е. понастоящему совершенно нѣтъ никакой), — для чего такое серьезное отягощеніе больныхъ можетъ-быть въ послѣдніе дни и часы ихъ жизни, больныхъ, которымъ свѣжій воздухъ еще нужнѣй чѣмъ здоровымъ? Для чего? Я никогда не могъ понять этого...

Но: если ужъ спрошено разъ: «для чего», и такъ какъ ужъ пришло къ слову, то не могу не вспомнить теперь и еще объ одномъ недоумѣніи, столько лѣтъ торчавшемъ передо мной въ видѣ самаго загадочнаго факта, на который я тоже никакимъ образомъ не могъ подыскать отвѣта. Не могу не сказать объ этомъ хотя нѣсколькихъ словъ, прежде чѣмъ приступлю къ продолженію моего описанія. Я говорю о кандалахъ, отъ которыхъ не избавляетъ никакая болѣзнь рѣшонаго каторжника. Даже чахоточные умирали на моихъ глазахъ въ кандалахъ. И между тѣмъ все къ этому привыкли, все считали это чѣмъ-то совершившимся, неотразимымъ. Врядъ ли даже и задумывался кто-нибудь объ этомъ, когда даже и изъ докторовъ никому и въ умъ не пришло, во все эти нѣсколько лѣтъ, хоть одинъ разъ походатайствовать у начальства о расковкѣ трудно-больного арестанта, особенно въ чахоткѣ. Положимъ, кандалы сами по себѣ не богъ-знаетъ какая тягость. Вѣсу они бываютъ отъ восьми до двѣнадцати фунтовъ. Носить десять фунтовъ здоровому человеку не отягчительно. Говорили мнѣ впрочемъ, что отъ кандаловъ послѣ нѣсколь-

кихъ лѣтъ начинаютъ будтобы ноги сохнуть. Не знаю правда ли это, хотя впрочемъ тутъ есть нѣкоторая вѣроятность. Тягасты, хоть и мадая, хоть и въ десять фунтовъ, прицѣпленная къ ногѣ навсегда, все-таки ненормально увеличиваетъ вѣсъ члена и чрезъ долгое время можетъ оказать нѣкоторое вредное дѣйствіе.... Но положимъ, что для здороваго все ничего. Такъ ли для больного? Положимъ что и обыкновенному больному ничего. Но таково ли для трудно-больныхъ, таково ли, повторяю, для чахоточныхъ, у которыхъ и безъ того уже сохнутъ руки и ноги, такъ что всякая соломинка становится тяжела? И право, еслибъ медицинское начальство выхлопотало облегченіе хотя бы только одвигъ чахоточнымъ, то ужъ и это одно было бы истиннымъ и великимъ благодѣніемъ. Положимъ, скажетъ кто-нибудь, что арестантъ злодѣй и недостоинъ благодѣній; но вѣдь неужели же усугублять наказаніе тому, кого уже и такъ коснулся перстъ божій? Да и повѣрить нельзя, чтобъ это дѣлалось для одного наказанія. Чахоточный и по суду избавляется отъ наказанія телеснаго. Слѣдственно тутъ опять-таки заключается какая-нибудь таинственная, важная мѣра, въ видахъ спасительной предосторожности. Но какая? — понять нельзя. Вѣдь нельзя же въ сѣмьомъ дѣлѣ бояться, что чахоточный убѣжитъ. Кому это придетъ въ голову, особенно имѣя въ виду извѣстную степень развитія болѣзни? Прикинутъ же чахоточнымъ, обмануть докторовъ, чтобъ убѣжать, — невозможно. Не такая болѣзнь; ее съ перваго взгляда видно. Да и кстати сказать: неужели заковываютъ челоуѣка въ ножныя кандалы для того только, чтобъ онъ не бѣжалъ или чтобъ это помѣшало ему бѣжать? Совсѣмъ нѣтъ. Кандалы — одно шельмованіе, стыдъ и тягость, физическая и нравственная. Такъ по крайней мѣрѣ предполагается. Бѣжать же они никогда никому помѣшать не могутъ. Самый неумѣлый, самый мелокій арестантъ сумѣетъ ихъ безъ большого труда очень скоро подпилить или сбить заклепку камнемъ. Ножныя кандалы рѣшительно ни отъ чего не предостерегаютъ; а если такъ, если назначаютъ они рѣшительно каторжному только для одного наказанія, то опять спрашиваю: неужели-жъ наказывать умирающаго?

И вотъ теперь, какъ я пишу это, ярко напоминаетъ мнѣ одинъ умирающій, чахоточный, тотъ самый Михайловъ, который лежалъ почти противъ меня, недалеко отъ Устьянцева, и который умеръ, помнится, на четвертый день по прибытіи моемъ въ

палату. Можетъ-быть я и заговаривалъ теперь о чахоточныхъ, невольно повторяя тѣ впечатлѣнія и тѣ мысли, которыя тогда же пришли мнѣ въ голову по поводу этой смерти. Самого Михайлова впрочемъ я мало зналъ. Это былъ еще очень молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти, неболѣе, высокій, тонкій и чрезвычайно благообразной наружности. Онъ жилъ въ особомъ отдѣленіи и былъ до странности молчаливъ, всегда какъ-то тихо, какъ-то спокойно-грустный. Точно онъ «засыхалъ» въ острогѣ. Такъ въ крайней мѣрѣ о немъ потомъ выражались арестанты, между которыми онъ оставилъ о себѣ хорошую память. Вспоминаю только, что у него были прекрасные глаза и право не знаю, почему онъ мнѣ такъ отчетливо вспоминается. Онъ умеръ часа въ три пополудни, въ морозный и ясный день. Помню, солнце такъ и провизывало крѣпкими, косыми лучами зеленыя, слегка подмерзшія стекла въ окнахъ нашей палаты. Цѣлый потокъ ихъ лился на несчастнаго. Умеръ онъ не въ памяти и тяжело, долго отходилъ, нѣсколько часовъ сряду. Еще съ утра глаза его уже начинали не узнавать подходившихъ къ нему. Его хотѣли какъ-нибудь облегчить, видѣли, что ему очень тяжело; дышалъ онъ трудно, глубоко, съ хрипѣньемъ; грудь его высоко подымалась, точно ему воздуха было мало. Онъ сбиль съ себя одѣяло, всю одежду и наконецъ началъ срывать съ себя рубашку: даже и та казалась ему тяжелою. Ему помогли и сняли съ него и рубашку. Страшно было смотрѣть на это длинное-длинное тѣло, съ высохшими до кости ногами и руками, съ опавшимъ животомъ; съ поднятою грудью, съ ребрами, отчетливо рисовавшимися, точно у скелета. На всемъ тѣлѣ его остались одинъ только деревянный крестъ съ ладонкой и кандалы, въ которыя кажется онъ бы теперь могъ продѣть изсохшую ногу. За полчаса до смерти его, все у насъ какъ-будто притихло, стали разговаривать чуть не шепотомъ. Кто ходилъ, — ступалъ какъ-то неслышно. Разговаривали межъ собой мало, о вещахъ постороннихъ, изрѣдка только взглядывали на умирающаго, который хрипѣлъ все болѣе и болѣе. Наконецъ онъ блуждающей и нетвердой рукою нащупалъ на груди свою ладонку и началъ рвать ее съ себя, точно и та была ему въ тягость, безпокоила, давила его. Сняли и ладонку. Минуть черезъ десять онъ умеръ. Стукнули въ дверь къ караульному, дали знать. Вошелъ сторожъ, туло посмотрѣлъ на жертвеннаго и отправился къ фельдшеру. Фельдшеръ, молодой и добрый на-

мый, немного излишне занятый своею наружностью, довольно впрочемъ счастливою, явился скоро; быстрыми шагами, ступая громко по притихшей палатѣ, подошолъ къ покойнику и съ какимъ-то особенно-развязнымъ видомъ, какъ-будто нарочно выдуманнмъ для этого случая, взявъ его за пульсъ, пощупалъ, махнулъ рукою и вышелъ. Тотчасъ же отправились дать знать караулу: преступникъ былъ важный, особаго отдѣленія; его и за мертваго-то признать надо было съ особыми церемоніями. Въ ожиданіи караульныхъ, кто-то изъ арестантовъ тихимъ голосомъ подалъ мысль, что нехудо бы закрыть покойнику глаза. Другой внимательно его выслушалъ, молча подошолъ къ мертвецу и закрылъ глаза. Увидѣвъ тутъ же лежавшій на подушкѣ крестъ, взялъ его, осмотрѣлъ и молча надѣлъ его опять Михайлову на шею; надѣлъ и перекрестился. Между тѣмъ мертвое лицо kostenѣло; лучъ свѣта игралъ на немъ; ротъ былъ полураскрытъ; два ряда бѣлыхъ, молодыхъ зубовъ сверкали изъ-подъ тонкихъ, прилипшихъ къ деснамъ губъ. Наконецъ вошолъ караульный унтеръ-офицеръ при тесакѣ и въ каскѣ, за нимъ два сторожа. Онъ подходилъ все болѣе и болѣе замедляя шаги, съ недоумѣніемъ посматривая на затихшихъ и со всѣхъ сторонъ сурово глядѣвшихъ на него арестантовъ. Подойдя на шагъ къ мертвецу, онъ остановился какъ вкопанный, точно оробѣлъ. Совершенно обнаженный, изсохшій трупъ, въ однихъ кандалахъ, поразилъ его, и онъ вдругъ отстегнулъ чешую, снялъ каску, чего вовсе не требовалось, и широко перекрестился. Это было суровое, сѣдое, служилое лицо. Помню, въ это же самое мгновенье тутъ же стоялъ Чекуновъ, тоже сѣдой старикъ. Все время онъ молча и пристально смотрѣлъ въ лицо унтеръ-офицера, прямо въ упоръ, и съ какимъ-то страннымъ вниманіемъ вглядывался въ каждый жестъ его. Но глаза ихъ встрѣтились и у Чекунова вдругъ отчего-то дрогнула нижняя губа. Онъ какъ-то странно скривилъ ее, оскалилъ зубы и быстро, точно нечаянно кивнувъ унтеръ-офицеру на мертвеца, проговорилъ:

— Тоже вѣдь мать была! и отошолъ прочь.

Помню, эти слова меня точно пронзили... И для чего онъ ихъ проговорилъ, и какъ пришли они ему въ голову? Но вотъ трупъ стали поднимать, подняли вмѣстѣ съ койкой; солома захрустѣла, кандалы звонко, среди всеобщей тишины, брякнули объ полъ...

Ихъ подобрала. Тѣло понесли. Вдругъ всё громко заговорили. Слышно было какъ унтеръ-офицеръ, уже въ коридорѣ, досыдалъ кого-то за кузнецомъ...

Но я отступилъ отъ предмета...

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКИЙ

ЯВЛЕНІЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОПУЩЕННЫЯ НАШЕЙ КРИТИКОЙ

ГРАФЪ Л. ТОЛСТОЙ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ

- 1) ВОЕННЫЕ РАСКАЗЫ. 2) ДѢТСТВО И ОТРОЧЕСТВО. 3) ЮНОСТЬ, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. 4) ЗАПИСКИ МАРКЕРА. 5) МЕТЕЛЬ. 6) ДВА ГУСАРА. 7) ВСТРѢЧА ВЪ ОТРЯДѢ. 8) ЛЮЦЕРНЪ. 9) АЛЬБЕРТЪ. 10) ТРИ СМЕРТИ. 11) СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

I

ОБЩИЙ ВЗГЛЯДЪ НА ОТНОШЕНІЯ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ КЪ ЛИТЕРАТУРѢ

Vox clamantis in deserto.

Напередъ увѣренъ, что и читатели «Времени», и пожалуй сама редакція журнала обвинять автора этой статьи въ самой отчаянной парадоксальности или по крайней мѣрѣ въ явно-неблагонамѣренномъ желаніи уколоть почувствительнѣе нашу критику такимъ вопіющимъ фактомъ, что будтобы графъ Л. Толстой и его сочиненія принадлежать къ разряду «явленій современной литературы, пропущенныхъ нашею критикой».

А между тѣмъ ни парадоксальности въ мысли, ни злонамѣренности противъ критики нашей тутъ нѣтъ нисколько, а есть только настоящее дѣло.

Критика — скажутъ мнѣ — однакоже сразу замѣтила появленіе въ литературѣ автора «Военныхъ рассказовъ», «Дѣтства и отрочества»

и проч.? Да еще бы ужь она и появленія-то такого новаго, оригинальнаго, сразу явившагося съ «словомъ и властію» таланта не замѣтла!.. Она пожалуй даже «привѣтствовала» новый талантъ, какъ дѣйствительно новый, свѣжій и сильный, пожалуй «заявила» свое сочувствіе къ нему и проч...

Да вѣдь «привѣтствовать» и «заявлять сочувствіе» — дѣло весьма легкое, штука такъ-сказать казеннѣйшая изъ казенныхъ. Задача критики, если только она точно критика, не въ томъ только, чтобы «привѣтствовать» и «заявлять сочувствіе», хотъ у насъ и это иногда — подвигъ похвальный, часто смѣлый, на который рѣдко кто рѣшится первый, но крайней мѣрѣ печатно: вѣдь это нето-что брань, къ которой мы замѣчательно привыкли, потому что она «на вѣрсту не виснетъ». Чтобы заявить гласно сочувствіе къ явленію новому, къ которому сочувствія никѣмъ еще незаявлено, надобно имѣть много вѣры въ душѣ, — вѣры въ правду явленія и вѣры въ самого себя. Иное дѣло въ кружкахъ. Тутъ производство въ таланты и даже, съ позволенія сказать, въ геніи — подвигъ для насъ нисколько не трудный. Ото всего, чтó бы въ извѣстномъ кружкѣ, большомъ или маломъ, во все-таки кружкѣ, ни сказалось, ни правильнѣе — ни сболтнулось, всегда очень возможно отступить, если талантъ дѣйствительно обманетъ надежды, или если кружку почему-либо покажется, что онъ обманулъ его, кружковыя, надежды...

Но задача критики, повторяю, не въ томъ только, чтобы привѣтствовать и заявлять сочувствіе. Дѣло критики — уловить и отмѣтить особенность, личность таланта, если особенность, личность проглядываютъ въ немъ. Либо вовсе недолжно быть литературной критики, либо въ этомъ именно, т. е. въ разъясненіи существа таланта, заключается ея прямая, настоящая и едвали не единственная обязанность.

Задача критики бываетъ часто очень нелегкая, въ особенности по отношенію къ талантамъ, хотя и дѣйствительно оригинальнѣйшымъ, но отличающимся преимущественно своими внутренними силами, своей такъ-сказать виртуозностью, а не широтою, яркостью или общественнымъ значеніемъ концепцій.

О двухъ только родахъ литературныхъ явленій писать очень легко, а именно:

1) очень легко писать «ерунду» (позвольте употребить это любимое, хотя вѣсколько халатное слово нашей современной критики) о вещахъ геніальныхъ, и

2) столь же легко умному человѣку писать очень умныя вещи о литературной «ерундѣ». Сей послѣдней, т. е. литературной «ерундѣ», я придаю объемъ довольно значительный и обширный. Въ область

ея «съ теченіемъ время» могутъ попасть не только такія вещи, какъ «Подводный камень» г. Авдѣева, но пожалуй даже и трети двѣ походовеній или лучше-сказать «полежаній» Обломова. *Conditio sine qua non* — разумѣется въ томъ, чтобы ерунда или принадлежала чело-вѣку все-таки даровитому и умѣющему ловко и наглядно ставить передъ глазами живущіе въ воздухѣ общественныя и нравственныя вопросы, или со всей дерзостью посредственности скакала за самыя крайнія грани общественныхъ и нравственныхъ вопросовъ.

Чувствуете ли вы, что напримѣръ о «Полинькѣ Саксъ», о «Подводномъ камнѣ» можно размахнуться гораздо задорнѣе, чѣмъ о «Семейномъ счастьи» Л. Толстого? Даже не только задорнѣе, а дѣйстви-тельно горячѣе, если вы, какъ мыслитель честный, станете бо-роться съ животвенностью парадокса, на которомъ основанъ «Подводный камень», или съ холодною холульностью главной идеи «Полиньки Саксъ». Или вѣдь напримѣръ ни объ одной изъ простыхъ, живыхъ, вполне конкретныхъ женскихъ натуръ, созданныхъ Островскимъ, не напишете вы такого диширамба, какимъ разра-зился нѣкогда г. Пальховскій по поводу взломанной «Ольги» г. Гон-чарова, въ «Московскомъ Вѣстникѣ». Вѣдь о тихой и простой драмѣ «Семейнаго счастья» или о женщинахъ Островскаго нужно гово-рить только то, что до самаго предмета касается, а напротивъ, о барышнѣ Ильинской или о герояхъ и о героинѣ «Подводнаго камня», что касается до нихъ самихъ — ровно говорить нечего: зато и о развитости женской природы, и о свободѣ половыхъ отношеній (*за и противъ* — это какъ угодно e *semper bene*) наговориться можно вдово-ль, врасосъ, такъ-сказать «съ заскокомъ»...

Да-съ, мудреная вещь для критики живыя, органическія, худо-жественныя произведенія!

Хорошо, скажу еще разъ, если рама ихъ широка, какъ рама историческихъ картинъ, если въ нихъ кишить и волнуется цѣлый новый міръ, бросаая въ глаза каждому своимъ, хотя порою и «же-стокими», но всегда типическими правами, открывая повсюду самыя широкія перспективы. Тогда ничего, если вы даже и ошибетесь въ разгадкѣ намѣреній художника, въ пониманіи значенія этихъ пер-спективъ; ничего, если вы увлечетесь одной какой-либо рѣзкой стороною явленій раскрывающагося въ произведеніяхъ міра: вы, если вы чело-вѣкъ истинно серьезный и серьезно даровитый, по по-воду ихъ все-таки напишете блестящія статьи о «Темномъ цар-ствѣ». Что за дѣло, что вы увлеклись, что вы въ своемъ отрицаніи не видали и даже не хотѣли видѣть свѣтлыхъ сторонъ этого тем-наго царства? Нужды нѣтъ. Вы, даровитый и честный теоретикъ, все-таки сдѣлали свое дѣло. То, что въ «Темномъ царствѣ» есть

дѣйствительно *темнаго*, вы изслѣдили съ полною, честною и смѣлою послѣдовательностью. Въ своемъ голомъ отрицательномъ отношеніи къ жизни вообще и къ особенному міру художника вы виноваты или виноваты только какъ вообще всѣ теоретики виноваты противъ жизни.

Но что вы сдѣлаете съ вашимъ теоретическимъ отрицаніемъ въ отношеніи къ другимъ, болѣе или менѣе замкнутымъ художественнымъ мірамъ, — мірамъ, неразстворяющимъ передъ вами широко настежь свои двери, требующимъ со стороны человѣка извѣстнаго углубленія, извѣстнаго посвященія въ нихъ?

А вѣдь такихъ замкнутыхъ художественныхъ міровъ и было и есть, да по всей вѣроятности и будетъ немало, и стало-быть они суть необходимыя, органическіе продукты души человѣческой...

Я знаю, вы будете жестоко-послѣдовательны. Вы бывали уже неразъ жестоко-послѣдовательны! Вы разобьете эти міры діалектическимъ молотомъ: что дескать ихъ жалѣть?.. и увы! намъ, не-теоретикамъ, необладающимъ вашею храбростью отношеній къ жизни и къ душѣ человѣческой, останется только повторять съ увыніемъ пѣснь духовъ изъ Фауста:

Weh, Weh!
Du hast sie zerstört,
Die schöne Welt,
Mit mächtiger Faust (!)!

пожалуй даже съ напраснымъ призывомъ:

Baue sie wieder,
In deinem Busen baue sie auf (!)!

Но пусть и напрасенъ въ отношеніи къ вамъ призывъ, — увыніе наше будетъ не за эти міры, а за васъ. Теоріи ваши, сдѣлавши свое дѣло, — дѣло вполне полезное и честное, — пройдутъ, а міры, къ которымъ были они прилагаемы съ безпощадною послѣдовательностью, останутся. Останутся и поэзія вообще и Пушкинъ въ особенности, да не только Пушкинъ, но даже и меньшіе въ этомъ царствѣ, такіе меньшіе, которые вамъ совѣмъ уже ненужны, которые

(!) Увы, увы!
Ты его разбилъ,
Прекрасный міръ,
Могучимъ кулакомъ!

(*) Построй его вновь,
Въ своей груди возсоздай его!

создавали совершенно замкнутые міры, если только міры ихъ окажутся дѣйствительно-поэтическими мірами...

Поэтическими, т. е. необходимыми и можетъ-быть даже болѣе необходимыми, чѣмъ паровыя машины, пароходы и желѣзныя дороги!

Но произведенія Л. Толстого не принадлежатъ даже къ такого рода совершенно замкнутымъ, «пенужнымъ» для нашей современной критики мірамъ. Еслибы это было такъ, равнодушіе къ нимъ не требовало бы большихъ разъясненій... Но вѣдь Толстой — не лирикъ какъ Тютчевъ, Огаревъ, Фетъ, Полонскій, хотя въ немъ и много лиризма. Это даже не повѣствователь исключительныхъ драмъ, совершающихся въ исключительныхъ обстановкахъ, не историкъ исключительныхъ, тонко-развитыхъ и притомъ такъ-сказать тронутыхъ, надломленныхъ организацій, какъ Тургеневъ. Понятно охлажденіе теоретиковъ къ Тургеневу и оно должно быть объяснено ихъ послѣдовательностью. Но Толстой менѣе всего походитъ на Тургенева, стало-быть и причинъ равнодушія къ нему надобно искать въ другихъ источникахъ, нежели тѣ, изъ которыхъ пронесло охлажденіе теоретиковъ къ Тургеневу.

Толстой прежде всего кинулся всѣмъ въ глаза своимъ безпощадѣйшимъ анализомъ душевныхъ движеній, своею неумолимой враждою ко всякой фальши, какъ бы она тонко развита ни была и въ чемъ бы она ни встрѣтилась. Онъ сразу выдался какъ писатель необыкновенно оригинальный смѣлостью психологическаго приѣма. Онъ первый посмѣлъ говорить вслухъ, печатно о такихъ душевныхъ дразгахъ, о которыхъ до него всѣ молчали, и притомъ съ такою наивною, которую только высокая любовь къ правдѣ жизни и къ нравственной чистотѣ внутренняго міра отличаетъ отъ наглости. Этотъ приѣмъ изобличалъ въ художникѣ и возвышенную искренность природы, и безспорно-гениальное чутье жизни. Едвали что подобное искренности этого приѣма найдется въ какомъ другомъ писателѣ, даже изъ писателей чужеземныхъ.

Приѣмъ этотъ всѣ болѣе или менѣе замѣтили, да и не замѣтить его было невозможно. Но никто, сколько мнѣ помнится, не потрудился взглянуть попристальнѣе въ источники этого приѣма и подумать посерьознѣе о его послѣдствіяхъ. Никто не задалъ себѣ вопросовъ: подлинно ли искренность эта есть непосредственная, наивная, или въ ней есть тоже своего рода надломленность и тронутость? и чѣмъ эта безпощадная искренность отличается напримѣръ отъ искренности, столь же несомнѣнной, столь же и даже до цинизма смѣлой реалиста Писемскаго или отъ искренности Островскаго, которая такъ проста и такъ въ себѣ самой увѣрена, что никогда и не

заботится даже показывать публикѣ, что вотъ дескать: какаѧ я искренность: любуйтесь или ужасайтесь (1).

Между тѣмъ Толстой, разработывая свои психологическія задачи, постепенно дошолъ до такихъ нравственныхъ результатовъ, которые не только не имѣютъ ничего общаго съ требованіями и воззрѣніями теоретиковъ, но даже прямо имъ противорѣчатъ, лотого противорѣчатъ, что остается совершенно необъяснимымъ помѣщеніе его «Люцерна» и «Альберта» въ «Современникѣ»: такъ рѣзко эти произведенія расходятся въ духѣ и направленіи съ журналомъ теоретиковъ. Молчаніе о Толстомъ и о его лучшемъ произведеніи: «Семейномъ счастіи» за направленіе, которое ясно обнаружилось въ его дѣятельности — дѣло совершенно понятное. Непонятно только то, какимъ образомъ съ самаго начала теоретики не видали, куда поведетъ молодого писателя искренность его анализа? И «Люцерна», и «Альбертъ», и «Семейное счастье» — не крутой поворотъ какой-нибудь съ прежней дороги, а прямое продолженіе ея, прямой результатъ того психическаго анализа, который поразилъ всѣхъ въ «Военныхъ расказахъ», въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ» — и нѣсколько утормилъ даже читателей, какъ и самого автора, въ «Юности».

Дѣло въ томъ, что разъясненіе значенія анализа, отличающаго произведенія Толстого, сравненіе его рода искренности съ другими и выводъ этой искренности изъ историческихъ данныхъ общаго нашего развитія, могли бы можетъ-быть уяснить для насъ въ нашемъ сознаніи гораздо больше фактовъ, чѣмъ безконечное распластаніе «обломовщины», чѣмъ даже всевозможныя обличенія всероссійскихъ иллюзій въ ихъ печальной несостоятельности.

Ну прекрасно, мы — обломовцы, и достаточно уже казнили насъ за то, что мы обломовцы: мы несостоятельны во всемъ томъ, что великоуѣнно называли убѣжденіями и достаточно опозорены за это въ лицѣ такихъ даже нашихъ представителей, которыхъ нелегко было видѣть намъ позоримыми... Не говорю ни слова противъ этого критическаго приѣма нашихъ теоретиковъ. Онъ имѣетъ свое важное, даже великое значеніе, и притомъ (чего сами теоретики можетъ-быть не подозреваютъ) онъ, этотъ приѣмъ, вытекаетъ прямо изъ нашей народной сущности, изъ свойствъ самой природы русскаго человѣка. Въ этомъ-то и заключается главнымъ образомъ его сила. Русскій человѣкъ — такъ ужь его Богъ создалъ — не боится прилагать ножъ анализа и бичъ комизма къ какимъ бы то нибыло *сиди-*

(1) Укажу хоть напримѣръ на чудовищныя мечтанія Балзалинова въ послѣдней части удивительной трилогии о немъ, а изъ первыхъ вещей Островскаго на новеллу Мишина въ V актѣ «Вѣдной новѣсты».

мым явленіямъ. Мы вонъ даже къ смерти, наименѣе комическому изъ всѣхъ видимыхъ явленій жизни, можемъ относиться съ такою прямою взгляда, съ какою относится къ ней Толстой въ одномъ изъ своихъ «Военныхъ расказовъ» и въ очеркѣ «Три смерти»; въ ней самой даже можемъ равнодушно подмѣчать комическія стороны, какъ подмѣчаетъ ихъ г. Горбуновъ въ двухъ изъ своихъ расказовъ (*смерть старухи и визиты къ вдовѣ*). Комическое или по крайней мѣрѣ отрицательное отношеніе ко всему составляетъ можетъ-быть высшее свойство нашего ума. Такъ чтожь тутъ конечно падить намъ нашу несостоятельность, въ чемъ бы и въ комъ бы она ни проявилась?..

Но кромѣ того, что взглядъ теоретиковъ силенъ, онъ въ тоже время и честенъ. Его даже и на минуту не поставишь на одну доску съ другими взглядами, выражающимися въ настоящее время въ нашей критикѣ. Онъ смѣло и прямо смотритъ въ глаза той правдѣ, которая ему является, неуклонно и безпощадно выводитъ изъ нея всѣ послѣдствія. Онъ не беретъ на прокатъ чужихъ, хотя бы и англійскихъ воззрѣній; онъ неспособенъ тоже услаждаться и правдымъ эстетическимъ дилетантизмомъ. Онъ хочетъ *дѣла*, прямо имѣетъ въ виду *дѣло*, и все то, что не *дѣло* или что кажется ему не *дѣломъ* — отрицаетъ безъ малѣйшаго колебанія. Пусть его пониманіе *дѣла* односторонне, его захватъ узокъ. Это ничто. Чѣмъ уже захватъ мысленнаго горизонта, тѣмъ онъ доступнѣе взгляду массы. Давно извѣстно *qu'il n'y a que des pensées étroites qui régissent le monde*. Широкая мысль, если она не въ обладаніи гениа, расплывается часто въ безвоздушномъ пространствѣ. Узкая мысль видитъ передъ собою ближайшую цѣль и показываетъ ее другимъ: она бьетъ навѣрняка. Пусть у жизни есть свои тайны, пусть только на пути къ алхиміи обрѣло человѣчество химію съ ея благотѣльными практическими приложеніями, — въ настоящую минуту взглядъ теоретиковъ торжествуетъ и *долженъ* торжествовать. Въ торжествѣ его участвуетъ одна изъ сторонъ народнаго духа, торжествуетъ стало-быть все-таки непосредственная жизненная сила... Ей нуженъ былъ выходъ, и нашолся.

Да извинятъ меня читатели за это отступленіе въ пользу теоретическаго направленія. Оно вовсе не лишнее. Тотъ странный фактъ, что сочиненія графа Л. Толстого должны быть по всей строгой справедливости отнесены къ разряду явленій, незамѣченныхъ нашею критикою, равно какъ и самое образованіе разряда такихъ явленій, — можетъ быть объяснено только мауровленіемъ нашей критики.

Дѣло самое ясное, что для современной критики нашей литера-

тура перестала быть не только главнымъ и полнымъ, но вообще сколько-нибудь знаменательнымъ выраженіемъ жизни. Перестала ли она быть таковымъ для самой жизни, — это еще вопросъ; но что для критики, т. е. для сознанія нѣсколькихъ, для сознанія избранныхъ, пожалуй передовыхъ людей, перестала, — это несомнѣнно. Въ самомъ дѣлѣ, для котораго изъ имѣющихъ силу критическихъ направленій нашихъ она составляетъ то, что составляла нѣкогда для Полевого, Надеждина, Бѣлинскаго?.. Рѣшительно ни для одного. Вѣрующихъ въ литературу осталось мало, т. е. вѣрующихъ въ нее какъ въ органическую силу, какъ въ живой голосъ жизни.

У литературы есть пожалуй защитники, призванные, авторитетные, такъ-сказать официальные. Это — поборники чисто-эстетическаго взгляда, поклонники *искусства для искусства*. Но не ихъ разумѣю я, говоря о маломъ числѣ вѣрующихъ въ литературу. Литературные гастрономы (иного названія они не заслуживаютъ), эти господа всего менѣе способны видѣть въ литературѣ живую силу жизни. Какъ таковая, она бы ихъ и пугала и тревожила. Да направленіе чистыхъ эстетиковъ и не есть собственно направленіе. Основное начало ихъ (искусство для искусства) не имѣетъ за себя ни психологическихъ, ни историческихъ данныхъ: оно порождено праздымъ дилетантизмомъ. Ни на одного великаго художника нельзя указать, который бы видѣлъ въ своемъ высокомъ дѣлѣ одно искусство для искусства; никакихъ пружинъ въ сложномъ механизмѣ души и человѣческой не отыщешь для узаконенія шахматной игры въ поэзіи. Поэтому о чисто-эстетическомъ направленіи критики и о его отношеніи къ литературѣ говорить рѣшительно не стоитъ. Надобно оставить мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ. Что такое литература для эстетическаго направленія, — это вопросъ совершенно неинтересный. Сегодня для него литература — Шекспиръ, Пушкинъ и т. д., а завтра можетъ-быть, по гастрономической прихоти, романы Анны Радклеяфъ или «Постоялый дворъ» г. Степанова.

Но что составляетъ литература для имѣющихъ силу и жизненность направленій, — это дѣло очень важное.

1) Для славянофильства, поскольку выразилось оно до сихъ поръ во всѣхъ своихъ изданіяхъ (а выразилось оно уже достаточно), литература была и будетъ всегда явленіемъ подчиненнымъ, а не самосущимъ. Наша литература: Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Островскій. Славянофильство съ большими ограниченіями и какъ-то *снисходительно* принимаетъ Пушкина; видитъ заблудшую комету въ Лермонтовѣ; весьма плохо понимаетъ Островскаго, а въ Гоголѣ, ставя его выше всѣхъ другихъ нашихъ писателей, видитъ вовсе не то, что видятъ другіе. Въ одной изъ искривлѣннѣйшихъ статей своихъ

славянофильство чуть-чуть не положило всю русскую литературу къ подножію «Семейной хроники». Дайте славянофильству полную волю, — оно рѣшительно оставитъ насъ при одной допетровской письменности да при Гоголѣ и «Семейной хроникѣ» изо всей новой литературы. Нѣтъ спора, что «Семейная хроника» есть произведеніе истинно-замѣчательное, даже высокое; нѣтъ тоже спора и въ томъ, что Гоголь былъ громадный талантъ; но дѣло-то въ томъ, что «Семейная хроника» принадлежитъ къ разряду тѣхъ исключительныхъ произведеній, которыя, сами по себѣ взятая, представляютъ явленія выше обычнаго, даже талантливаго уровня и которыхъ авторовъ вы однако усомнитесь, и притомъ совершенно справедливо усомнитесь; назвать великими писателями; что же касается до Гоголя, то этотъ великій писатель представляетъ въ настоящую минуту вопросъ чрезвычайно спорный, не по отношенію къ силѣ его таланта, а по отношенію къ значенію его произведеній. Великоруссы начали видѣть въ немъ малоросса, понимавшаго въ нашемъ, великорусскомъ быту только отрицательныя стороны, а малороссы откидываютъ его къ великоруссамъ. Съ другой стороны, своимъ несочувствіемъ къ Пушкину, славянофильство похериваетъ въ нашемъ развитіи цѣлую полосу, которой онъ былъ блистательнымъ результатомъ, а малымъ пониманіемъ Островскаго отрицаетъ всю ту народную жизнь, которая органически сложилась изъ коренныхъ старыхъ и привзошедшихъ новыхъ стихій. Явное дѣло, что славянофильству, относящемуся такимъ образомъ къ самымъ крупнымъ литературнымъ фактамъ, дорогъ въ литературѣ только его собственный идеальчикъ. «Служи!» говоритъ оно литературѣ (да и самой народной жизни, въ которой одно принимаетъ, а другое произвольно отвергаетъ) — и награждаетъ литературу по степени болѣе или менѣе усерднаго служенія. Обличительную литературу напримѣръ оно приняло подъ свое покровительство, какъ разъясненіе и кару оффиціально-общественной гнили, но литературу отрицательную оно ненавидѣло. Тургенева оно похвалило нѣкогда за «Хоря и Калиныча», въ тоже самое время какъ назвало гнилымъ одно изъ блистательнѣйшихъ его произведеній въ отрицательной манерѣ («Три портрета»). На Писемскаго славянофильство, долго о немъ молчавшее и какъ-будто нехотѣвшее признавать его существованія, возстало съ яростью за его Ананія въ «Горькой судьбинѣ», т. е. именно за то, что въ «Горькой судьбинѣ», драмѣ весьма плохой въ художественномъ отношеніи, — и ново, и живо, и смѣло, и сильно. Въ настоящую минуту, единственное литературное явленіе, безусловно принимаемое славянофильствомъ, есть г-жа Кохановская. Все прочее въ литературѣ и стало-быть въ жизни — потому что какихъ же инакъ

сторонъ жизни да служитъ выраженіемъ литература, — все прочее, безъ исключенія даже Островскаго, или вовсе не подходитъ, или подходитъ только съ извѣстными ограниченіями подъ мѣрку теоріи. Ибо въ сущности славянофильство, несмотря на всю свою религіозную любовь къ народу, есть все-таки теорія, и свои теоретическія наклонности выражало неразъ даже и по отношенію къ быту народа, къ явленіямъ, которыя, какъ напримѣръ пѣсни, непосредственно изъ этого быта возникли, или, какъ драмы Островскаго, сознательно и полно его выражаютъ.

2) И — странное дѣло! Несмотря на всю разницу формъ выраженія, внѣшнихъ симпатій и тона, направленіе *теоретическое* и направленіе *славянофильское* удивительно сходны между собою въ томъ, что оба кладутъ жизнь на Прокрустово ложе; сходны въ смѣлой послѣдовательности взглядовъ; сходны въ равно-несомнѣнномъ благородствѣ образа мыслей и чувствованій, въ суровой гражданской строгости, въ трезвенномъ пониманіи общественныхъ обязанностей, сходны наконецъ въ томъ, что только они два имѣютъ и могутъ имѣть дѣйствительную силу. Разница между славянофилами и теоретиками, т. е. положимъ, между покойнымъ Хомяковымъ и г. Чернышевскимъ, между г. И. Аксаковымъ и Добролюбовымъ, только въ томъ, что гг. Чернышевскій и Добролюбовъ, хотя точка отравленія ихъ есть собственно западная, по натурѣ своей гораздо больше русскіе люди, чѣмъ всѣ славянофилы. Они способны къ тому, чтобы сжигать за собою корабли, они смѣлы и безпощадны въ приложеніи уровня *общиннаго* начала къ многообразнымъ фактамъ жизни. Храмя этому общинному началу славянофилы строятъ въ старомъ византийскомъ стилѣ, а они въ простѣйшемъ казарменномъ. Славянофильство въ будущемъ можетъ-быть и сильнѣе ихъ, потому что имѣетъ готовыя формы для своего идеала; а формы вообще, да притомъ готовыя, завѣщанныя вѣковыми преданіями, дѣло не малой важности. Но въ настоящую минуту теоретики — гораздо болѣе ихъ господа положенія. Передъ ними теперь все кромѣ славянофильства и «Русскаго Вѣстника» смолкаетъ и склоняется, даже въ послѣднее время «Библиотека для чтенія», этотъ послѣдній лагерь шахматной игры въ искусствѣ: противъ нихъ все оказывается безсильно, даже бывалая ѣдкость г. Павлова. Потому, — смѣлы и прямы. А главнымъ образомъ, теоретическій взглядъ, силой своего отрицанія, вполне русскій. Не вся сущность русскаго, т. е. русской жизни, захвачена взглядомъ теоретиковъ, но зато уже одна сторона, отрицательная, вполне имъ исчерпывается. Дальше идти некуда въ отрицаніи, и взглядъ теоретиковъ въ которое время еще будетъ передовымъ взглядомъ. Прибавить надобно еще, что кромѣ своей смѣлости и

народности, онъ, по опредѣленности своихъ цѣлей, просто и ясно до того, что кладетъ всѣмъ въ ротъ жованую и пережованую пищу, не требуетъ никакихъ усилій мышленія, даже *отучаетъ* мыслить, даже востоянно смѣется надъ всякими усиліями мышленія, а массѣ разумѣется это и на-руку. И понятно, да и впередъ толкаетъ. Наконецъ вотъ еще что: теоретическій взглядъ глубоко презираетъ и жизнь съ ея органическими законами, съ ея исторію, да и литературу, какъ органическое выраженіе органической жизни; но въ тоже самое время въ немъ слишкомъ много практической смѣтки, чтобы онъ позволялъ себѣ слишкомъ рѣзко расходиться съ жизнью и съ ея выраженіемъ, литературою, — и онъ съ необыкновенною ловкостью подлаживаесть, подстроиваесть подъ свой тонъ всѣ знаменательныя ея явленія. Славянофильство просто отметаесть и въ литературѣ и даже въ быту народномъ всѣ явленія, несогласныя съ его идеаломъ, называя ихъ въ литературѣ гнилью, а въ быту народномъ порчею, уродливостью и т. д. Теоретики поступають практичѣе: они видять и заставляють другихъ видѣть только то что имъ надобно въ знаменательныхъ явленіяхъ жизни и литературы.

Замѣчательнѣйшій примѣръ подлаживанія и подстроиванія, въ томъ теоріи, литературныхъ фактовъ — представляетъ отношеніе теоретиковъ къ Островскому. Долго, какъ извѣстно, журналъ, въ которомъ теперь съ полнотою и послѣдовательностью выражается взглядъ теоретиковъ, находился «безъ кормила и весла». Западничество, котораго онъ былъ послѣднимъ порожденіемъ, уже умирало во дни его младенчества и совсѣмъ умерло когда онъ росъ, ибо смертная хрипота этого направленія въ «Атенѣхъ» 1857 года не принадлежитъ къ признакамъ жизни, а «Наше Время» въ *наше* время представляетъ очевидно разложеніе трупа. Но западничество, умирая, отвеслось враждебно къ новому слову литературы. Своимъ вѣрнымъ, хотя и дряхлымъ отрицательнымъ тактомъ оно почувало, что идетъ сила новая, сила богатырская, сила народная — и иначе какъ враждебно; оно, по существу своему чисто отрицательное, не могло отнестись къ этой силѣ. Журналъ долго продолжалъ тянуть старую пѣсню, и враждебнѣе всѣхъ другихъ, даже «Отечественныхъ Записокъ», побѣдившихъ его только постоянствомъ, относился къ новому факту жизни и литературы. Но журналъ самъ по себѣ былъ молодъ и свѣжъ и охотно допускалъ въ составъ свой новые соки. Когда эти соки сдѣлались въ немъ преобладающими, условное положеніе стало для него очень затруднительно. Какъ отъ вражды къ новому, возраставшему въ силѣ своей факту, перейти къ его принятію, пониманію и узаконенію?... Дѣло между тѣмъ разрѣшилось очень просто. Теоретики увидали въ новомъ литературномъ фактѣ

то, что имъ было надобно, бессознательно закрыли глаза на то, что имъ вовсе было ненадобно или, также бессознательно, въ ослѣпленія своей вѣры (ибо у нихъ съ самаго начала выразилась живая стихія: вѣра) перевернули это имъ ненадобное на изнанку. Островскій явился у теоретиковъ великимъ писателемъ, но только какъ изобразитель «Темнаго царства».оборотъ необыкновенно ловкій, но по всей вѣроятности не преднамѣренный. Такъ вышло, такъ сдѣлалось...

Взгляни теоретики на Островскаго какъ на народнаго поэта, т. е. взгляни просто, а не подъ угломъ теоріи, — журналъ долженъ былъ бы порѣшить все свое западное прошлое. Теоретики своею вѣрою, какъ всякая вѣра бессознательно, спасли его отъ такихъ вавилонскихъ жертвъ. Люди новые и свѣжіе, люди притомъ русскіе, они поняли, что за сила Островскій; но какъ теоретики, они поняли въ немъ только то, что подходило подъ ихъ взглядъ, и надобно отдать имъ справедливость, поняли такъ, что эту отрицательную сторону дѣятельности Островскаго полнѣе и понять невозможно. Статьи о «Темномъ царствѣ» произвели на массу читателей чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Писанныя человѣкомъ истинно-даровитымъ, горячимъ и честнымъ, онѣ имѣли за себя и большую долю правды...

Вѣдь нельзя же сказать въ самомъ дѣлѣ, чтобы «жестокіе» нравы, представляемые почти повсюду художникомъ, чтобы жизнь, которая сама себя забыла дотога, что, по ея разумѣнію, «эта Литва, она къ намъ съ неба упала», — нельзя же, говорю я, сказать, чтобы все это представляло собою «свѣтлое царство»... А этого и было достаточно, чтобы узаконить новый литературный фактъ во имя теоріи. На любовный характеръ семейнаго начала, на явныя симпатіи художника къ русской натурѣ, широкой ли, какъ натуры Любима Торцова и Петра Ильича, христіански ли чистой и великодушной, какъ натуры Бородинки и Мити, глубокой ли и въ запущенности, какъ натура Хорькова, и въ загнанности, какъ натура Кабанова; на величавость патріархальныхъ фигуръ благодушнаго Русакова и суроваго Ильи Иваныча; на типы русскихъ матерей, трогательныя даже тогда, когда они, какъ мать Олимпиады Самсоновны, погружены въ тину непроходимой глупости; на симпатію поэта къ его королю Лирю — Большову; наконецъ на цѣлый рядъ граціозныхъ, симпатическихъ и вмѣстѣ глубокихъ женскихъ натуръ, созданныхъ поэтомъ, на многоразличныя струны русской души, имъ первымъ тронутыя, — на все это теоретики закрыли глаза. Только они, съ ихъ фанатическою вѣрою въ теорію, могли это сдѣлать. Все это имъ было ненадобно. Опять повторяю: такъ ими почувствовалось, и потому такъ вышло, такъ сдѣлалось...

Сдѣлалось же то, что теоретики узаконили новый литературный фактъ, чего не удалось видѣвшимъ въ Островскомъ народнаго поэта, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось то, что теоретики стали во главѣ умственнаго развитія. Главенство ихъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока жизнь не разъяснитъ сама себя новыми явленіями и пока съ этими новыми явленіями они не станутъ въ явный разрѣзъ. Покамѣстъ же, передъ глазами большинства, они положительно правы. Только меньшинство, и притомъ весьма малочисленное, видитъ явленія, ими незамѣчаемыя.

«Какая гордость со стороны меньшинства!» подумаютъ можетъ-быть читатели. Да вѣдь, милостивые государи, меньшинство съ своей стороны указываетъ вамъ на факты. Разбейте прежде факты, которые я привелъ вамъ по поводу Островскаго; убѣдите меня, что Толстой напримѣръ — явленіе вполне замѣченное и оцѣненное, или что онъ явленіе справедливо-незамѣченное, что не стоило его замѣчать, — я откажусь конечно отъ своей упорной недовѣрчивости къ теоріи. Вѣдь только то мѣрило хорошо, подъ которое подходятъ всѣ знаменательные факты жизни и всѣ вѣчные инстинкты души человѣческой. Для того чтобы я повѣрилъ въ теорію, я прежде всего попрошу у нея въ полное и законное свое обладаніе не только Пушкина, не только свѣтлыя стороны міра; изображаемаго Островскимъ, не только Толстого, но даже меньшихъ: Тютчева, Огарева, Фета, Полонскаго. Вѣдь душа человѣческая столько же какъ и теорія неумолима въ своихъ требованіяхъ, а пожалуй еще и неумолимѣе. Теоретики скажутъ можетъ-быть, что это душа ненормальная, развращенная; а я имъ отвѣчу, что вотъ уже семь тысячъ лѣтъ она такъ ненормальна и такъ развращена, и что срокъ, когда по ученію Фурье, луна соединится съ землею и когда произойдетъ совершенный переворотъ въ мозгахъ человѣческихъ, ни мнѣ, ни имъ неизвѣстенъ.

3) Что касается до взгляда чисто-западнаго, то о немъ въ настоящую минуту вользя говорить какъ о дѣйствительно-существующемъ, живомъ направленіи. Взглядъ этотъ сдѣлалъ свое дѣло, и дѣло великое, хотя исключительно-отрицательное: дѣло разъясненія и очищенія національности литературы. Сила его заключалась не въ немъ самомъ, а въ слабости и фальши противоположныхъ ему положительныхъ воззрѣній, да въ томъ еще, что онъ опирался въ свое время на живую силу, на литературу. Поминкамъ по этому великомъ покойникѣ я посвятилъ уже нѣсколько статей во «Времени», къ которымъ и позволяю себѣ отослать читателей.

Дѣло въ томъ, что пока западничество опиралось на живую силу, — оно само было сильно. Какъ же скоро оно разошлось съ

жизнью и выраженіемъ ея силъ, какъ скоро оно стало незамѣчать новооткрывавшихся силъ жизни или, непонимая ихъ, задумало враждовать съ ними, — оно пало. Фактъ очень простой и ясный. Наличие застоя (раннее или позднее, это все равно) ждетъ всякое направленіе, какъ скоро оно начнетъ расходиться съ жизнью. Въ какихъ-нибудь десять-пятнадцать лѣтъ такъ много воды утекло; что весьма ученый журналъ «Атеней» не встрѣтилъ въ массѣ рѣшительно никакого сочувствія, а нѣкоторыми антинаціональными выходками возбудилъ даже негодование, — что начатое добросовѣстно и энергично «Московское Обозрѣніе» не прожило даже и года, что «Русская Рѣчь» даже и по вступленіи въ супружество съ «Московскимъ Вѣстникомъ» имѣетъ очень ограниченный кругъ читателей; что «Наше Время» читается только по любви публики къ литературнымъ скандалчикамъ. Время перемѣнилось и никакія усилія, никакіе авторитеты, никакія даже ученія и полемическія дарованія (что гораздо поважнѣе нашихъ самосоздающихся и саморазрушающихся авторитетовъ) не спасутъ уже отжившаго взгляда.

Ни оживъ взглядъ, безъ исключенія даже взгляда теоретиковъ, не презраться въ настоящую минуту такъ глубоко и жизнь и литературу, какъ издыхающее западничество. Что такое напри- мѣръ литература для г. Павлова, редактора «Нашего Времени»? Его собственныя повѣсти да литературный періодъ, который онъ прожилъ въ молодости. Ни Островскій, ни Писемскій, ни даже Тургеневъ для него не существуютъ. Допетровская письменность для него «темна вода во облацѣхъ воздушныхъ». Что такое была литература наша для многоученаго и мрачнаго «Атеней»? Можетъ-быть тѣ странныя, чтобы не сказать «странные» апологи, которые онъ печаталъ въ видѣ десерта промежду своихъ тяжело-ученыхъ статей... Что была наша литература для «Московского Обозрѣнія»? Разныя пѣмецкія и французскія брошюры?.. ибо ко всѣмъ *нашимъ* явленіямъ оно, несмотря на свое кратковременное существованіе, успѣло уже отнестись съ озлобленіемъ до пѣны у рта. Что такое наконецъ наша литература для г-жи Евгеніи Туръ? Опять-таки, точно также какъ для г. Павлова, *вопервыхъ* ея собственныя романы и повѣсти, да *восторыхъ* романы, повѣсти и ученія сочиненія извѣстнаго кружка, весьма ограниченнаго даже и въ западномъ смыслѣ. А главное-то дѣло, что ея «Русской Рѣчи» до русской литературы и до русской жизни собственно и дѣла нѣтъ: эти интересы слишкомъ мелки передъ интересами борьбы съ ультрамонтанствомъ!..

Чтоже сказать о послѣднемъ, совершенно случайномъ убѣжищѣ западнаго взгляда, о столбцахъ фельетона «С.-Петербургскихъ вѣ-

домостей», — столбцахъ, которые ставоятся иногда ристалищемъ для барда, являющагося подъ таинственнымъ именемъ *Гымалэ*?. Воззрѣнія этого барда — уже какой-то явный анахронизмъ, лишонный даже всякаго литературнаго такта. Въдъ только при полифѣишемъ отсутствіи этого, столь же необходимаго въ литературѣ, какъ и въ жизни качества, возможно было напрімѣръ, по поводу изданія пѣсенъ Кирѣевского, ругаться заднимъ числомъ надъ міромъ нашихъ эпическихъ сказаній и вообще нашего народнаго творчества. Явленіе истинно-изумительное!.. И тѣмъ болѣе оно изумительно, что бардъ газеты-колоніи совершенно расходится въ этомъ пунктѣ со взглядомъ журнала-метрополіи, съ теперешнимъ направленіемъ «Отечественныхъ Записокъ», — направленіемъ, болѣе славянофильскимъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, чѣмъ само славянофильство. Многие, читая глумленія г. Гымалэ надъ богатырями и Зибемъ-Тугаринымъ, встрѣтившись нежданно-негаданно съ этимъ странно-несвоевременнымъ повтореніемъ давно всѣмъ извѣстной статьи Бѣлинскаго, — полумали: ужъ не штука ли это? не сдѣлано ли это по особенному ордеру метрополіи, для заявленія, что дескать вовсе не наши барды дѣйствуютъ на столбцахъ газеты, что мы молъ сами по себѣ, а онъ сами по себѣ, имѣютъ свое мнѣніе, высказываютъ свой взглядъ? Иначе никто не умѣлъ и не могъ объяснить себѣ какъ этой, такъ и другихъ, поистинѣ удивительныхъ статей г. Гымалэ.

4) «Отечественныя Записки», нѣкогда такъ долго и съ такою славою проводившія взглядъ западный во всѣхъ, самыхъ крайнихъ его послѣдствіяхъ, потомъ, по удаленіи Бѣлинскаго, лѣтъ десять дышавшія непроходимую скукою «капитальныхъ» статей о русской литературѣ, — въ послѣдніе два года рѣшились выступить въ обновкѣ. Занимствовавши у славянофильства его вѣру въ народъ и его убѣжденіе въ разобщенности народа съ образованнымъ классомъ, — онѣ рѣшительно не знаютъ до сихъ поръ что дѣлать съ своей обновкой и какъ съ ней обращаться. Съ народомъ и съ его бытомъ онѣ познакомились очень недавно. Поражонные новымъ міромъ, который раскрылся имъ въ сказкахъ, собранныхъ г. Афанасьевымъ и въ пѣсняхъ, набранныхъ у разныхъ собирателей г. Якушкинымъ, онѣ пришли въ такой неопитскій азартъ, что все неподходящее подъ жизненный взглядъ и складъ рѣчи этихъ сказокъ и пѣсенъ перестали считать за литературу народа. Предложивши глубокомысленно вопросъ: народный ли поэтъ Пушкинъ? и разрѣшивши его отрицательно, на томъ основаніи, что народъ Пушкина не читаетъ, — онѣ забыли въ своемъ пивеческомъ азартѣ два простыхъ обстоятельства: 1) что ни одинъ изъ первостепенныхъ европейскихъ поэтовъ

не подойдет подъ рамку ихъ понятія о народномъ повѣ, а подойдутъ развѣ только второстепенные и третьестепенные — Борнсъ, Гейбель и т. д., и 2) что только большее распространеніе грамотности въ народѣ покажетъ, будетъ ли народъ читать Пушкина или нѣтъ. Вообще же о взглядѣ этого журнала нельзя говорить въ настоящую минуту какъ о чемъ-либо самостоятельномъ. Это клочки славянофильства, лишонныя жизненной цѣлости и энергическаго духа славянофильства.

5) Наконецъ взглядъ, выросшій первоначально на почвѣ западной, но значительно видоизмѣнившійся сообразно съ потребностями времени, примѣнившійся, приладившійся къ этимъ потребностямъ и довольно долго отвѣчавшій на нихъ съ несомнѣнныхъ тактомъ и замѣчательною ловкостью, — представлялъ собою до послѣдняго года «Русскій Вѣстникъ».

Начатый кружкомъ умѣренныхъ западниковъ, кружкомъ уединеннаго Поръ-Рояля западничества, онъ не имѣлъ за собою кораблей, которые надо было бы сжечь, вступая на новый берегъ. Ни г. Катковъ, ни г. Леонтьевъ не заявили себя въ литературѣ никакимъ рѣзкимъ фактомъ, по которому бы ихъ можно было прямо отнести къ направленію послѣдней эпохи Бѣлинскаго и «Писемъ объ изученіи природы». Скромные и добросовѣстные ученые, извѣстные спеціальными философскими, историческими или филологическими трудами, они являлись до изданія «Вѣстника» только жрецами западной науки, окруженные нѣсколькими, какъ и подобаетъ жрецамъ, таинственнымъ нимбомъ.

Время, выбранное ими для изданія новаго журнала, было самое благопріятное. «Современникъ» тогда еще не сложился, и находясь «безъ кормила и весла», служилъ преимущественно гиподромомъ для фешенебельныхъ ристаній «иногороднаго подписчика»; «Отечественныя Записки» дышали, какъ выше упомянуто, мертвящей скукою «капитальныхъ» статей о русской литературѣ, распространенныхъ до пересела замѣчанія къ хрестоматіи г. Галахова. Единственный чисто-литературный журналъ — не удивляйтесь! — былъ въ это время безалаберный и безобразный «Москвитянинъ», гдѣ на каждую бочку меда, въ видѣ комедіи Островскаго или романа Писемскаго, приходилось по ведру дегтю, вродѣ твореній гг. М. Дмитриева, Кулжинскаго, Архипова и т. д., гдѣ постоянно всѣ передовые взгляды главнаго редактора и всѣ юношески-горячія и честныя стремленія молодой редакціи парализировались самимъ же главнымъ редакторомъ, его непонятною привязанностью къ старому хламу и его неохотою вести журналъ акуратно и современно въ матерьяльномъ отношеніи. Большая часть идей литературныхъ, ко-

торья были проповѣдываемы и защищаемы тогда «Москвитяиномъ», постепенно перешли въ литературу, но перешли какъ нѣчто стихійное. О журналѣ нѣтъ и помину — да и подѣломъ! Не вливаютъ вина новаго въ мѣхи ветхіе.

Въ эту-то минуту броженія однихъ силъ и застою другихъ явился «Русскій Вѣстникъ» и сразу сталъ передовымъ и первенствующимъ органомъ. «Русская Бесѣда» явилась позднеѣ, да и вившись, не могла съ нимъ соперничать.

Журналъ началъ нѣсколько неопредѣленно, но очень ловко. Изъ туманной, хотя и глубокомысленной статьи главнаго редактора о Пушкинѣ трудно было понять отношеніе новаго органа мысли къ литературѣ и жизни: казалось только всеѣмъ, что направленіе его и дѣльно, и серьезно, и неввраждебно литературѣ. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» явилась даже комедія Островскаго («Въ чужомъ пиру похмѣлье»), что немало содѣйствовало къ утверженію этой мысли... Между тѣмъ съ первыхъ же политическихъ статей журнала почувлось нѣчто новое, до тѣхъ поръ небывалое, серьезное и энергическое, готовое на всякую честную борьбу. Статьи эти были бы передовыми въ любомъ изъ лучшихъ европейскихъ журналовъ и вполне заслуживали названіе руководящихъ. Много нужно было времени для того, чтобы разоблачились *arsana fidei*, чтобы вышла наружу англійская подкладка доктрины, да и самъ журналъ еще не высказывалъ такъ прямо, какъ впоследствии, своей англоманіи. Съ другой стороны, новое направленіе съ самаго же начала показало какъ-говорится «зубы», и притомъ очень острые. Письма Байбороды, — справедливо ли, нѣтъ ли заѣдалъ Байборода своихъ противниковъ, — на нашу еще не совсѣмъ твердую читающую массу имѣли большое вліяніе.

Вслѣдствіе всего этого, перелѣ авторитетомъ «Русскаго Вѣстника» преклонилось все кромѣ славянофильства — а для славянофильства еще не настала его *день*.

Въ эту первую эпоху своего существованія «Вѣстникъ» хотя уже и начиналъ въ своемъ литературномъ отдѣлѣ угощать публику произведеніями г-жи Нарской и князя Кугушева, стало-быть свѣдѣтельствовалъ уже нѣкоторымъ образомъ или о своемъ крайнемъ безвкусіи въ литературѣ, или о своемъ къ ней крайнемъ равнодушіи, — но за превосходныя политическія статьи и за серьезное подніятіе многихъ общественныхъ вопросовъ читатели взглянули бы сквозь пальцы, какъ на чистую случайность, даже и на то, если-бы журналу вздумалось вдругъ помѣстить въ отдѣлѣ изящной литературы даже «Прекрасную астраханку», или «Битву русскихъ съ кабардинцами», — произведенія, отъ которыхъ, правду сказать, не-

слишкомъ далеко отстоятъ различные плоды «дамскаго» и «кавалерскаго» баюванія, помѣщавшіеся и понынѣ еще зачастую помѣщаемые въ почтенномъ журналѣ.

Сначала такая литературная неразборчивость казалась всѣмъ случайностью. Но въ томъ-то и дѣло, что такъ только казалось. Подъ этою неразборчивостью таилось равнодушіе къ литературѣ. А къ литературѣ нельзя долго оставаться равнодушнымъ. Подъ равнодушіемъ къ литературѣ таится еще нѣчто другое...

Чтоже именно?

А вотъ видите ли: подъ равнодушіемъ къ литературѣ таится необходимо равнодушіе къ жизни, которой литература служитъ живымъ голосомъ. Въдѣ литература — вовсе не какая-нибудь отвлеченность. Въдѣ неужели *точно* о литературѣ или по крайней мѣрѣ *только* о литературѣ идетъ толкъ, когда наприимѣръ «Современникъ» вдругъ объявитъ Пушкина поэтомъ побрякушекъ, или г. Дудышкинъ вдругъ ци съ того, ни съ сего лишитъ Пушкина его народнаго значенія? Въдѣ неужели тоже по одному только тупому безвкусію «Русскій Вѣстникъ» безразлично готовъ помѣщать и Островскаго съ Тургеневымъ и Толстымъ, и произведенія г-жи Нарской, гг. Кугушева, Ахшарумова и tutti-quantі? Неужели этотъ многоученный и достопочтенный журналъ тоже только по безвкусію чуждается помѣщенія у себя произведеній въ народномъ духѣ, которые, наскучивши лежать въ шкафахъ редакціи, вылетаютъ наконецъ изъ кѣтокъ на свѣтъ божій и съ немалымъ успѣхомъ появляются въ другихъ журналахъ? Не можетъ быть, чтобы все это дѣлалось *такъ*. Тутъ на днѣ дѣла лежатъ коренныя симпатіи и антипатіи, не къ цевиннымъ конечно произведеніямъ литературы, а къ жизни, къ той жизни, которой литература является выраженіемъ... Даже и направленіе чисто-эстетическое, и то, несмотря на свою кастрированность, имѣетъ тоже свои симпатіи и антипатіи, имѣетъ основы болѣе глубокія, чѣмъ теорію шахматной игры въ цкустаѣ. Подъ односторонними крайностями этого «цевиннаго» свнуха все-таки, хотъ можетъ-быть и безсознательно, скрываются вопросы общественные, нравственные и психическіе. Помните ли вы наприимѣръ, что въ одно время у критиковъ этого воззрѣнія появилась манія говорить легкимъ тономъ о Зандѣ? Помните ли вы, что недавно они заявили тоже свое легкое мнѣніе о Шилларѣ? Неужели же подобныя маніи и странныя заявленія порождены одними эстетическими требованіями? Полноте пожалуста, Мѣщански-нравственному идеальчику противны протестъ Занда и порывистый, уносящій лиризмъ Шиллера; комфортъ это нарушаетъ, изъ границъ условнаго приличія выводитъ. Вотъ въ чемъ и вся штука.

Нетолько въ каждомъ вопросѣ искусства, но даже и въ каждомъ вопросѣ науки лежитъ надѣй его другой вопросъ, вопросъ плоти и крови, вопросъ тѣсно связанный съ существенными сторонами жизни, и собственно только вопросы плоти и крови важны, потому что только въ такіе вопросы вносятъ плоть и кровь могучіе силами борцы. Человѣкъ столь-великой души и жизненной энергіи какъ Ломоносовъ не писалъ бы доноса на Миллера за выводъ нашихъ варяговъ изъ чужой земли, и не дѣлился бы этотъ вопросъ, безпрестанно возникая вновь, до нашихъ временъ — еслибы подъ нимъ не скрывалось живого вопроса о значеніи и силѣ нашей національности. *Родъ и обитаніе* не дѣлили бы такъ рѣзко и враждебно насъ всѣхъ, служащихъ знанію и слову, еслибы корнями своими эти «ученые» понятія не вросли въ живую жизнь, не опредѣляли бы такъ или иначе ея значеніе въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Борьба за мысль чисто-головную невозможна или смѣшна какъ ссора мольеровскихъ философовъ въ «*Le mariage forcé*». Только за ту головную мысль люди борются, которой корни въ сердцахъ, въ его сочувствіяхъ и отвращеніяхъ, въ его горячихъ вѣрованіяхъ или таинственныхъ, смутныхъ, но неотразимыхъ, и какъ вѣкая сила, могущественныхъ предчувствіяхъ.

Тѣмъ болѣе относится это къ литературѣ, по сущности своей болѣе общедоступной, болѣе демократической, нежели знаніе. Въ ней интересы имѣютъ еще болѣе плотяной, кровный характеръ. Интересы эти (симпатіи или антипатіи) возбуждаютъ въ ней одни только первостепенныя явленія, каковы напримѣръ въ нашей литературѣ Пушкинъ, Грибоедовъ, Гоголь, Лермонтовъ, Островскій, хотя разумѣется въ отношеніи къ такимъ, дѣлающимъ эпоху явленіямъ, симпатіи или антипатіи высказываются сильнѣе и очевиднѣе. Вообще никакое явленіе словесности не можетъ быть разсматриваемо въ его эстетической замкнутости и отдѣльности. Отразило произведеніе дѣйствительныя, живыя потребности общественнаго организма, — вы конечно уже задасте себѣ вопросы о значеніи этихъ потребностей; выразило оно собою какія-либо насильственные и болѣзненныя напряженія; вопросы, извнѣ пришедшіе и искусственно впривитые или искусственно подогрѣтые, — вы начинаете отыскивать причины напряженій и искусственныхъ вопросовъ. Отъ внѣшняго вида растенія вы идете къ корнямъ, роетесь въ глубь. Маловажны часто произведенія, но важны и глубоко знаменательны вопросы, ими затрогиваемые или обнаруживаемые, попытки разрѣшенія которыхъ получаютъ значеніе положительное или отрицательное; важны и знаменательны эти отклики многообразной жизни, какъ сама жизнь многообразные, отклики мѣстностей, сословія, касты, тол-

ковъ., различныхъ словъ образованности, отклики самобытные или съ чужого голоса, туземные или навъянные поэзіи, важны и знаменательны для мыслителя, религиозно-внимательно прислушивающагося къ подземной работѣ жаждительныхъ силъ жизни.

Явное дѣло стало-быть, что когда оказывается въ извѣстномъ направленіи равнодушіе къ литературѣ народа, оно въ переводѣ на прямой языкъ есть просто равнодушіе къ жизни народа. Равнодушіе же къ жизни какой бы то ни было — явленіе совершенно естественное.

Въ сущности оно — только маска презрѣнія или ненависти. Потому-то въ направленіяхъ энергически-самостоятельныхъ, каковы славянофильство и направленіе теоретиковъ, эта маска даже и не надѣвается. Славянофильство прямо презираетъ всю, *имлкую* по его мнѣнію, жизнь и не скрываетъ своего неуваженія ко всей литературѣ, служившей и доселѣ служащей выраженіемъ этой гнили. Теоретики прямо и безстрашно уничтожаютъ въ лицѣ Пушкина всю, не только русскую поэзію, — гоня ее вонъ изъ жизни, — прямо ненавидятъ все то, что не велеть непосредственно къ гражданской честности и матерьяльному благосостоянію, ненавидятъ философію какъ чужь и срунду, ненавидятъ исторію, стремящуюся осмыслить то, что по ихъ теоріи есть только заблужденіе и препятствіе къ осуществленію ихъ идеала.

«Русскій Вѣстникъ» не сталъ въ такое прямое отношеніе къ жизни и къ литературѣ. Его вражда къ нимъ — не безусловная, какъ вражда теоретиковъ, и не пуританская, какъ вражда славянофильства. Идеалъ его узокъ въ сравненіи съ идеаломъ теоретиковъ и несамостоятеленъ въ сравненіи съ идеаломъ славянофильства.

Для «Русскаго Вѣстника», въ противоположность славянофильству, только европейская и притомъ англійская жизнь и только европейская литература суть явленія дѣйствительныя и законныя; русская же жизнь и русская литература, пока онѣ не доросли до европейскихъ и притомъ англійскихъ размѣровъ, — чистый вздоръ, къ которому можно относиться съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, переходящимъ напоследокъ въ цинизмъ презрѣнія, ибо только такимъ цинизмомъ и можно объяснить помѣщеніе «Прекрасныхъ астраханокъ» въ многоученомъ журналѣ. Ему ни въ жизни нашей, ни въ литературѣ ничто не дорого: нынче редація помѣститъ, и помѣститъ съ большимъ удовольствіемъ произведеніе Тургенева, Островскаго, Толстого или Кохановской, но никогда не подниметъ перчатки за кого-либо изъ этихъ писателей, а завтра, или пожалуй и нынче же, въ той же книжкѣ что нибудь вродѣ «Корнета Отлетаева» или «Битвы русскихъ съ кабардинцами». Оно и понятно.

Какъ произведенія упомянутыхъ писателей, такъ и произведенія г. Кугушева, г-жи Нарской или г. Зряхова, передъ ихъ высшимъ, *алицикимъ* (единственно патентованнымъ) воззрѣніемъ — величавы равно безконечно-малыя. Потому же самому *нынче* напимѣрь они вооружились за самую легкую тѣнь, брошенную на личность Грановскаго, ибо *нынче* такъ было или казалось имъ нужно; *завтра* они съ полнѣйшимъ равнодушіемъ дозволятъ г. Лонгинову обличать *лжеученія* Бѣлинскаго.

Съ другой стороны, въ противоположность взгляду теоретиковъ, для «Русскаго Вѣстника» одна только *русская* жизнь и одна только *русская* литература ничтожны до того, что ими не стоитъ и заниматься. Жизнь европейская, преимущественно же англійская, дѣло другое. Объ этой жизни и о ея литературѣ

какъ можно смѣть
Свое сужденіе имѣть?

Въ ней они нисколько не видятъ тѣхъ язвъ, которыя смѣло видятъ русскій взглядъ теоретиковъ, несклоняющихся ни передъ какимъ авторитетомъ. Извѣстныя явленія русской жизни и литературѣ «Русскій Вѣстникъ» пожалуй и приметъ благосклонно-величественно подъ свою «мышцу крѣпкую и руку высокую», поколику эти явленія, какъ напимѣрь Пушкинъ, сближали насъ съ развитою жизнью, — но дастъ этимъ явленіямъ такое мизерное значеніе, что лучше бы онъ ужъ ихъ и не защищалъ. Точно по головкѣ поглядитъ да скажетъ: «пай, дитя, а кошка — дура!» разумѣя подъ дурую-кошкою всякое самостоятельное проявленіе мысли и жизни. О *кошкѣ* онъ впрочемъ до сихъ поръ благоразумно молчалъ, молчалъ и объ Островскомъ и о Писемскомъ и даже о народномъ значеніи Пушкина; но вѣроятно недолго *пребудеть* въ таинственномъ молчаніи. Въ нынѣшнемъ году уже разверзлись врата капища и начались экскурсіи въ область русской словесности.

Да! самый «Русскій Вѣстникъ», и тотъ нашолъ невозможнымъ совершенно молчать о литературѣ: фактъ поистинѣ замѣчательный! Начавши же говорить о литературѣ, журналъ, если онъ только захочетъ быть послѣдователенъ, не можетъ не обнаружить къ ней того презрѣнія, которое скрывалось до сихъ поръ подъ маскою безразличія и равнодушія, — или самая сущность его воззрѣній должна радикально измѣниться.

Въ жизни «Русскаго Вѣстника» бывали кризисы, во время которыхъ мелькали временами замѣчательные симптомы коренной перемѣны во взглядѣ; но эти симптомы были фальшивые. Взгляду «Русскаго Вѣстника» измѣниться нельзя: послѣ кризисовъ только

обнаруживалась все болѣе и болѣе патентованная и прочная англійская подкладка, хотя самые кризисы были такого свойства, что могли измѣнить направленіе журнала.

Первый такой кризисъ былъ тогда, когда изъ журнала выдѣлились ультра-западные элементы и сосредоточились въ «Атенеѣ».

Называя эти элементы ультра-западными, я разумѣю западничество въ его конечномъ у насъ развитіи, т. е.

1) *Въ идеѣ централизаціи*, передъ идеаломъ которой, по ученію Бѣлинскаго въ половинѣ сороковыхъ годовъ и по ученію Атенея въ концѣ пятидесятыхъ, — «Турція, какъ организованное государство предпочитается «племенному сброду» славянства, и Австрія, въ лицѣ ея жандармовъ, играетъ въ отношеніи къ этому племенному сброду цивилизаторскую роль».

2) *Въ идеѣ отвлеченнаго человѣчества*, передъ которымъ исчезаютъ народы и народности.

3) *Въ идеѣ Сатурна-прогресса*, постоянно пожирающаго чады своихъ, — идеѣ, энергически выраженной Бѣлинскимъ въ положеніи, что «гвоздь, выкованный руками человѣческими, дороже и лучше сѣмага лучшаго цвѣтка въ природѣ».

Ультра-западники «Атенея» далеко были и сами не послѣдовательны въ своемъ ученіи. Послѣднюю изъ этихъ идей, по крайней мѣрѣ такъ, какъ она смѣло и рѣзко выразилась въ положеніи Бѣлинскаго, они поднять не смѣли. Ее подняли и повели дальше теоретики, повели честно до знаменитыхъ положеній: а) что яблоко нарисованное никогда не можетъ быть такъ *якусно*, какъ яблоко настоящее и что красавица писаная никогда не удовлетворитъ насъ такъ, какъ красавица живая; и б) что все, считавшееся до сихъ поръ за важное и даже за главное въ жизни человѣчества: философія, исторія, поэзія, искусство — въ сущности вздоръ, что все дѣло въ гражданской честности и въ матерьяльномъ благосостояніи. Ультра же западники взяли себѣ вопль только идею централизаціи и вполонину идею отвлеченнаго человѣчества. Удовлетворившись инстинктивной враждой къ нашей, славянской національности, они указали границы понятію о человѣчествѣ. Человѣчество для нихъ есть германо-романская національность и передъ жизнью этой національности — наша русская жизнь есть и была звѣриная, а не человѣческая. Вотъ все, до чего они дошли.

Между тѣмъ на этомъ самомъ крайнемъ пунктѣ ученія западный лагерь долженъ былъ разъединиться.

Самая германо-романская національность выработала своимъ развитіемъ двѣ идеи:

1) *идею централизаціи*, т. е. поглощенія личности общиною, все

равно будетъ ли эта община папство, ветхозавѣтная республика пуританъ, тероръ конвента или фаланстера Фурье,

и 2) *идею свободы* въ полнѣйшемъ развитіи *личности и національности* до самыхъ крайнихъ предѣловъ: до потери протестантскими церквами сознанія своего происхожденія и возстановленія этого сознанія путемъ ученаго изслѣдованія, надъ чѣмъ такъ зло и остроумно смѣялся покойный Хомяковъ, и до освященія въ Англіи всѣхъ предразсудковъ политическихъ, общественныхъ и нравственныхъ потому только, что они, эти предразсудки, — національныя, англійскіе.

Ультра-западные элементы первобытнаго «Русскаго Вѣстника» выбрали по своимъ личнымъ вкусамъ и наклонностямъ первую идею, но не были послѣдовательны въ своемъ ученіи. Поэтому они стали скоро совершенно ненужны. Ихъ смѣнили на сценѣ теоретики, люди свѣжіе, горячіе и рѣшительные, которыхъ не остановилъ германско-романскій идеалъ общественности.

Другіе элементы, оставшіеся въ «Вѣстникѣ» и плотнѣе въ немъ сосредоточившіеся, принялись за разработку другой идеи.

Началась вторая эпоха существованія журнала.

Въ эту эпоху сила его возрасла еще больше. Направленіе не потеряло, а напротивъ много выиграло вслѣдствіе отдѣленія отъ него примѣси враждебныхъ элементовъ. Силу однако получилъ «Вѣстникъ» болѣе отрицательною, чѣмъ положительною стороною своей дѣятельности, а именно своей враждою къ централизаціи. Вражда дѣйствительно выражалась съ такою энергіею и послѣдовательностью, что даже славянскія національности приняты были журналомъ подъ милостивое покровительство... Тутъ въ нѣкоторомъ родѣ были сожжены даже корабли.

Позвольте по сему поводу сдѣлать маленькую эпизодическую вставку. Помните ли вы какъ загрызъ Байборода профессора Крылова за статью его, помѣщенную въ «Русской Бесѣдѣ»? Вѣроятно и тогда многіе догадывались, что дѣло идетъ не объ *equester* и *equestris* и не о томъ подобныхъ спорныхъ спеціальностяхъ. Иazza этого не топчутъ людей въ грязь. Самый духъ статьи тоже не могъ полатъ повода къ озлобленію. Въль только во второй статьѣ своей доведенный до ожесточенія своими антагонистами, Крыловъ началъ предъ ними заискивать. Въ первой же, кромѣ своеобразнаго взгляда на развитіе Рима да эпизодической мысли о возможности федеративнаго будущаго для славянъ въ XII вѣкѣ — ничего не было такого, что могло бы возбудить сильный антагонизмъ. Правда, Крыловъ своей оригинальной и надобно сказать правду, могущественной діалектикой въ пухъ и прахъ разбивалъ

централизованный взгляд г. Чичерина на историю России, — но не из-за личности же г. Чичерина поднятъ былъ ученый скандалъ. Дѣло въ томъ, что «Вѣстникъ» первоначальнаго состава еще стоялъ за централизацію, и такимъ его элементамъ, какъ гг. Коршъ, Соловьевъ, Чичеринъ, мысль о томъ, что татары — не благодѣтели наши а задержатели нашего развитія, мысль, которая влекла за собою историческое развѣнчаніе прогрессистовъ: Ивана IV и его сотрудниковъ, — была рѣшительно «непереносна». Вотъ въ чемъ была и вся «штука», а ужь конечно не въ *ordo equestris*. А между тѣмъ эта «штука» заставила замѣчательнаго, но какъ видно не сильнаго характеромъ мыслителя выдти изъ себя и въ діалектическомъ увлеченіи разразиться другою статьею, поистинѣ уже постыдною. Что же касается до первой статьи, то она, встрѣченная враждою «Вѣстника» первой эпохи — въ «Вѣстникѣ» второго образованія — въ эпоху вражды съ централизаціей, — могла бы безъ всякаго сомнѣнія занять самое почетное мѣсто. Вѣдь на страницахъ «Вѣстника» второй эпохи появлялись временами ультра-національныя, даже ультра-славянскія и даже — *credite, posteri!* — ультра-русскія статьи гг. Палаузова и Берга.

Многіе добрые люди стали уже думать, что «Русскій Вѣстникъ» рѣшительно хочеть сдѣлаться національнымъ журналомъ и готовы были отъ всей души признать за нимъ руководящее значеніе не только въ политикѣ, но въ жизни вообще и пожалуй въ литературѣ.

Эти добрые люди ошиблись.

У «Русскаго Вѣстника» вторичнаго образованія была только отрицательная послѣдовательность. На положительную же, какъ оказалось впоследствии, у него нехватало такта или энергій.

• А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!..

говоря словами Татьяны; руководящее значеніе, до котораго онъ съ самаго начала заявилъ себя охотникомъ, могло окончателно за нимъ утвердиться!.. Еслибы у журнала стало силы поднять идею національности въ ея широкомъ значеніи, — первенство его, даже до сихъ поръ, было бы несомнѣнно. Ни взглядъ теоретиковъ, несмотря на свою послѣдовательность, ни взглядъ славянофильства, несмотря на свою крѣпкую почву, не устояли бы противъ этого вполне практическаго взгляда. Утопіи о соединеніи луны съ землею, очевидныя для всякаго разумѣющаго «смыслъ писаній» подъ безпощаднымъ отрицаніемъ теоретиковъ; суровый пуританизмъ и исключительная любовь къ однимъ элементамъ народной жизни, съ нескрываемою враждою къ остальнымъ, — столь

же очевидныя свойства славянофильства, — переваримы не для всякаго желудка и если до сихъ поръ перевариваются, то во имя отрицанія, въ которомъ всё мы согласны. Простое же, чистое понятіе о національности, принятое со всёми его жизненными послѣдствіями — хотябы то даже съ петровской реформой и купеческимъ бытомъ «Темнаго царства» — не оскорбляло бы никакихъ кровныхъ симпатій, симпатій къ жизни и къ искусству.

Въ такомъ случаѣ, т. е. выкинувъ флагъ широкаго понятія національности, «Русскій Вѣстникъ» неминуемо долженъ былъ бы выдти изъ своего неопредѣленнаго и безразлично-равнодушнаго отношенія къ литературѣ, и притомъ выдти не такъ, какъ онъ вынужденъ былъ въ послѣднее время. Руководящее значеніе прочно для направленій только тогда, когда они опираются на жизнь и литературу, когда высшія точки ихъ суть высшія точки самой жизни и самой литературы, когда литература народа есть для нихъ выраженіе національной, такъ или иначе складывающейся или уже сложившейся жизни. Тотъ фактъ, что при всемъ равнодушіи къ національной жизни и національной литературѣ, «Вѣстникъ» пользовался однако долго несомнѣннымъ первенствомъ, — поясняется только нашимъ напряженнымъ общественнымъ состояніемъ. Цѣлостное развитіе ушло такъ-сказать на время въ глубь, на задній планъ, а нѣкоторыя стороны его рѣзко и напряженно выдвинулись впередъ: вопросы крестьянскаго быта, судопроизводства, финансовъ, общественной гласности и проч. Эти вылающіеся вопросы «Русскій Вѣстникъ» поднималъ въ свое время такъ сильно и такъ дѣльно, что съ нимъ всё благомыслящіе люди соглашались, тѣмъ болѣе что разработка вопросовъ была большею частію отрицательная, указывавшая преимущественно на наши недостатки; положительная же сторона, патентованная «аглицкая» подкладка еще не проступала наружу такъ явно какъ теперь.

Между прочимъ успѣху и вліянію журнала немало помогла и литература, непопользуемая его большимъ сочувствіемъ. Я говорю впрочемъ не о произведеніяхъ Островскаго, Тургенева, Толстого, Кохаиовской: то были рѣдкіе гости въ «Вѣстникѣ». Но въ немъ болѣе года являлся дѣятелемъ единственный истинно-даровитый и замѣчательный обличитель — Щедринъ. Какимъ образомъ этотъ писатель, своей глубокой любовью къ народу близкій къ славянофильству, а смѣлою послѣдовательностью въ отрицаніи неуступающей теоретикамъ, попалъ въ «Вѣстникъ», и какъ «Вѣстникъ» печаталъ нѣкоторые изъ его рассказовъ, напримѣръ «Арипушку» и «Марфу Кузьмовну», — это можетъ быть объяснено только неуставленностью, неопредѣленностью нашихъ воззрѣній вообще.

Пока дѣло идетъ объ отрицаніи, мы всё сходимся, исключая раздѣвъ изъ числа всѣхъ г. Аскоченскаго съ К°. Мы часто, во имя этого общаго и всѣми равно раздѣляемаго отрицанія, готовы взглянуть сквозь пальцы на совершенно несимпатическія положительныя стороны, проглядывающія у того или другого изъ отрицателей. До поры до времени, мы еще не можемъ и нѣкоторымъ образомъ неправѣ быть послѣдовательными.

А между тѣмъ необходимость послѣдовательности рано или поздно, но все-таки неминуемо ждетъ насъ въ будущемъ, быть-можетъ и недалеко. Слова Любима Торцова насчетъ заоя : «нельзя перестать,—на такую линію попалъ» относятся и къ ходу направленія мысли, если точно это направленіе, а не праздношатаііе мысли.

Факты, свидѣтельствующіе о необходимости послѣдовательности, уже и теперь являются нерѣдко передъ нашими глазами. Разошелся напримѣръ Щедринъ съ «Вѣстникомъ» и не сойдется съ нимъ никогда Островскій; разошелся окончательно Тургеневъ съ «Современникомъ» и не расходитъ съ нимъ, несмотря на свою положительную народность, Островскій; вѣдь это все явленія важныя, явленія такіа, которыя смѣдно объяснять закулиснымъ тайнами литературныхъ мірковъ : вѣдь «претятъ» отъ такихъ милыхъ объясненій. Тутъ есть вѣчто высшее закулисныхъ тайнъ, а закулисныхъ тайны, хотьбы даже онѣ и были, давно слѣдуетъ «по-боку» ! Высшее же есть послѣдовательность логики направленій, все равно сознательная или безсознательная. Для будущаго будетъ странно не то, что Тургеневъ напримѣръ разошелся съ направленіемъ «Современника», а то, что въ «Современникѣ», прямо отрицающемъ какъ вещи ненужныя : философію исторію, поэзію, народность — явились и «Дворянское гнѣздо», и статья «о Донъ-Кихотѣ и Гамлетѣ». Странно не то, что во все существованіе «Вѣстника» въ немъ явилась всего только одна комедія Островскаго : «Въ чужомъ пирѣ похмѣлье», но то, что и эта одна комедія въ немъ явилась. И это будущее, которому странно покажется многое, что намъ не казалось странно, и наоборотъ, совершенно ясно будетъ многое, въ чемъ мы путались, — оно уже начинается, оно уже заявляетъ необходимость логической послѣдовательности.

Въ особенности замѣчательно то, что послѣдовательность выражается непремѣнно по отношенію къ литературѣ. Пренебрегайте ею какъ «Русскій Вѣстникъ», отрицайте ея значеніе вообще какъ теоретики, презирайте ее какъ живое выраженіе ложной жизни, подобно славянофильству, вы все-таки какъ только выйдете изъ чистаго отрицанія на положительную почву — непремѣнно по отноше-

вію къ ней выскажете ваши симпатіи и антипатіи. И нельзя иначе. Она одна есть *положительное* выраженіе жизни, вась окружающей. Нужды нѣтъ, что она есть *идеальное* выраженіе этой жизни. Мы давно кажется перестали вѣрить, чтобы *идеальное* было нѣчто отвлеченное отъ жизни. Мы знаемъ всё, какъ знаетъ даже Печоринъ, что идея есть явленіе органическое, что она носится въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, что она имѣетъ силу, крѣпкую какъ обоюдоострый мечъ.

Все идеальное есть ничто иное какъ аромать и цвѣтъ реальнаго, и какъ таковое, непременно выражается въ литературѣ. Противенъ вамъ запахъ и не нравится цвѣтъ, вы въ сущности враждуете съ почвою и воздухомъ. «На зеркало нечего пѣнять, коли рожа крива», повторилъ бы я гоголевскій эпиграфъ къ «Ревизору», если бы съ понятіемъ о зеркалѣ не связывалось понятіе о слѣпой безсознательности литературы или точнѣе сказать — искусства. Вы не литературой, а самой жизнью, ей отражаемою, недовольны, но ваше недовольство жизнью непременно выразится такъ или иначе по отношенію къ литературѣ.

Посмотрите какъ рѣзко начинаютъ уже обозначаться наши различныя направленія, какъ настоятельна становится для каждого необходимость сжигать за собою корабли. Развѣ можно въ одно и тоже время вполне сочувствовать Пушкину и вмѣстѣ съ тѣмъ сочувствовать славянофиламъ или теоретикамъ? сочувствовать Островскому и вмѣстѣ сочувствовать англоманамъ?

Потому что, вѣдь что такое Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Островскій, въ переводѣ на чистый и ясный языкъ? Пушкинъ, это узаконеніе поэзіи въ жизни, идеализма мысли и ощущеній, и вотъ почему онъ для теоретиковъ «поэтъ цюбрякушекъ»; Пушкинъ, это наше право на Европу и на нашу *европейскую* національность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право на нашу самобытную особенность въ кругу другихъ европейскихъ національностей, — не на фантастическую и изолированную особенность, а на ту, какую Богъ далъ, какая сложилась изъ напора реформы и отсадокъ коренного быта, и вотъ почему его не любятъ славянофилы. Пушкинъ, это нашъ стройно и волно выразившійся протестъ противъ догматизма и «жестокихъ нравовъ», повершитель дѣла многихъ приснопамятныхъ протестантовъ, отъ Ломоносова до Карамзина, и вотъ почему онъ для гг. Бурачка, Асочепскаго и всей компаніи вракобѣсія ненавистнѣй даже демоническаго Лермонтова. А вмѣстѣ съ тѣмъ накопецъ Пушкинъ-Бѣлкинъ, Пушкинъ «Капитанской дочки», «Дубровскаго», «Родословной» и т. д.; узаконитель нашей почвы, преданій, реакція нашей родной обломовщины, которая, какова она инаесть,

все-таки жизненный штольцовщины, и вотъ почему холодны къ нему ультра-реформаторы. Съ другой стороны Лермонтовъ, это узаконеніе нашей страстности, того тревожнаго начала, безъ котораго бы мы закисли въ *общинномъ* смиреніи славянофильства и въ дешево-умилительныхъ примиреніяхъ у дверей кабака. Что такое въ настоящую минуту Гоголь въ переводѣ на прямой языкъ, — трудно еще опредѣлить съ полною ясностью; но что во всякомъ случаѣ дѣло идетъ теперь не о его великой художественной силѣ, а о чемъ-то другомъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Для многихъ рѣшительно непереваримы статьи о немъ г. Кулиша; но переваримы онѣ или нѣтъ, а ихъ не разобьешь голословными ругательствами, въ которыхъ подвизается г. Максимовичъ. Г. Кулишъ сказалъ только то, что большая половина украинской народности давно уже чувствовала; равно какъ Писемскій въ своей статьѣ о второй части «Мертвыхъ душъ» первый смѣло высказалъ то, что чувствовали многіе русскіе люди, — то, что Гоголь не изобразитель великорусской жизни. Еще прежде Писемскаго, и тоже художникомъ, но не въ статьѣ, а въ романѣ, былъ сдѣланъ искренно, но какъ-то робко намекъ на безсердечность гоголевскаго юмора... намекъ, въ ту пору едва замѣченный... Что такое наконецъ Островскій, этотъ, со всѣми его недостатками, единственный *новый* и народный нашъ современный писатель? Съ одной стороны историческая поправка Гоголя по отношенію къ русскому быту, почему онъ и ненавистенъ всѣмъ западнякамъ, даже умѣреннымъ. Съ другой стороны онъ — продолжатель по духу, при всемъ своеобразіи формъ, дѣла Пушкина и всѣхъ протестантовъ, почему и не имѣеть счастья нравиться славянофильству. Для него народъ — не крестьянство и старое боярство, а просто народъ. Какъ поэтъ народный, онъ не владея въ соблазнительное поприще повѣствователя или драматурга изъ крестьянскаго быта, а взявъ народный бытъ въ его единственно самобытномъ выраженіи, нестѣсненнымъ крѣпостнымъ правомъ, какъ крестьянство, и чужеземнымъ кафтаномъ, какъ бюрократія, — въ купечествѣ, и равно видитъ въ немъ какъ уродливья, такъ и правильныя стороны развитія... Теоретики поняли и глубоко поняли его безпощадность въ изображеніи уродливостей «Темнаго царства», но «лучъ свѣта въ темномъ царствѣ» признали какъ-то неполно, какъ-то вынужденно.

Теоретики... Когда я пишу теперь это слово, — одного изъ теоретиковъ, едвали не самаго даровитаго изъ нихъ, уже нѣтъ болѣе. Нѣтъ... когда еще такъ много пути лежало передъ нимъ, когда еще такъ много и могъ и долженъ былъ онъ сказать... Замолкъ благородный и энергически-честный голосъ, молодая сила сошла

въ вѣдра земли, — голосъ, хотя и недавній, но уже «со властію», сила хотя и отрицательная, но народная... Эта дань понятнаго сожалѣнія о даровитомъ дѣятелѣ не значить съ моей стороны того, чтобы смерть Добролюбова считалъ я событіемъ, обезоруживающимъ взглядъ теоретиковъ. Этому взгляду еще много предстоитъ дѣла — и дѣлатели, вѣтъ сомнѣнія, найдутся.

Вотъ направленіе «Русскаго Вѣстника» — дѣло другое. За него начинаютъ болѣть теперь самые жаркіе его поклонники.

Послѣ второй совершившейся въ немъ революціи, т. е. послѣ выдѣленія изъ него элементовъ, образовавшихъ «Русскую Рѣчь», его третичное образованіе не обнаружило въ немъ никакого существеннаго, живого содержанія, кромѣ англійской подкладки.

А между тѣмъ, именно въ этотъ моментъ, будь журналъ послѣдователемъ, — онъ, освободясь окончательно отъ всѣхъ своихъ ультра-западныхъ элементовъ, могъ стать въ самыя прямыя отношенія къ національной жизни и національной литературѣ, стать оплотомъ національности вообще и русской національности въ особенности. Ему предстояла и серьезная борьба, и можетъ-быть прочная побѣда съ утвержденіемъ руководящаго значенія.

Почему въ самомъ дѣлѣ выдѣлилась изъ него «Русская Рѣчь»? неужели же только изъ-за статьи г-жи Туръ о madame Свѣчинной? Пожалуй и изъ-за статьи, но во всякомъ случаѣ статья была только вѣншиимъ поводомъ. Для «Русскаго Вѣстника» — такъ по крайней мѣрѣ должно полагать — обнаружилось, что ярая вражда съ французскимъ ультрамонтанствомъ въ предѣлахъ Россіи — впервыхъ донкихотство, а вовторыхъ въ основахъ своихъ расходится съ серьезнымъ философскимъ взглядомъ коренной редакціи на религіозные интересы. Взглядъ высказался не прямо, а въ видѣ намека и очень скоро погибъ въ хламъ печальнѣйшихъ домашнихъ дразговъ; но онъ высказался, онъ могъ быть шагомъ на новую ступень развитія. Шагомъ же этимъ редакція могла развязать себѣ руки на серьезную борьбу и съ ультра-западничествомъ, и съ мракобѣсіемъ, и съ теоретиками, и съ славянофильствомъ.

Но борьба могла быть начата только во имя философіи, искусства и національности — этихъ вѣчныхъ знаменъ «развращеннаго» человѣчества, до тѣхъ поръ пока луна не соединится съ землею.

Время для начатія борьбы было самое удобное и благопріятное. Мѣсяца за два, много за три, до открытія г-жою Туръ походовъ на «Русскій Вѣстникъ», раздался запросъ г. Дулышкина о томъ: народный ли поэтъ Пушкинъ? Незадолго также вышелъ и томъ «Русской Бесѣды», въ которомъ рѣзко обнаружилось произвольное обращеніе славянофильства съ народнымъ бытомъ, даже въ самыхъ

искреннихъ его выраженійхъ, пѣсняхъ. Что же касается до теоретиковъ, то они тогда поминувъ свирѣпствовали надъ философскою, исторіею и искусствомъ.

Всякое направленіе живетъ борьбою, въ борьбѣ пріобрѣтаетъ и силы, и яркую особенность, и авторитетъ. Плохо то направленіе, которому незачто и не съ кѣмъ бороться: даже оно въ такомъ случаѣ и не направленіе, ибо или совсѣмъ безсильно, или прищипываетъ къ другому, сильнѣйшему, значить попусту толчется на свѣтъ, отвлекая только задаромъ силы отъ ихъ настоящаго средоточія. Признакъ самобытности и силы направленія — борьба... Это чувствовалъ и чувствуетъ «Русскій Вѣстникъ»; но за что же осталось ему бороться? Прежде, въ свою первоначальную эпоху, онъ боролся вообще за свѣтъ и свободу. Отдѣлились элементы, образовавшіе мрачный «Атеней», — «Вѣстникъ» сталъ бороться противъ централизаціи за народности, мѣстности, исторію, избѣгая впрочемъ прямо говорить, за что онъ борется, и только смѣло обличая то, противъ чего онъ борется. Желѣзная логика фактовъ влокла его къ дальнѣйшей послѣдовательности; отъ него отдѣлились послѣдніе элементы, препятствовавшіе ему поднять знамя народности. Положеніе его опредѣлялось окончательно.

Но на то, чтобы смѣло и послѣдовательно выкинуть флагъ національности, у «Русскаго Вѣстника» опять-таки не стало такта или эвергій. А между тѣмъ, такъ какъ одной англійской подкладкой, хоть и патентованной, не проживешь, потому что надъ этой подкладкой удачно смѣялся даже и фельетонистъ трактирнаго «Развлеченія», то все-таки надобно было сойти съ олимпійскихъ высотъ на арену борьбы...

А. ГРИГОРЬЕВЪ

НО ПОВОДУ ОДНОЙ СОВРЕМЕННОЙ ПОВѢСТИ (*)

НРАВСТВЕННО-КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

(К. А. Б—ОЙ)

Ну чтоже, богъ неумолимый?
Ну, мучь меня! Еще ко мнѣ
Пошли хоть двадцать птицъ голодныхъ,
Неутомимыхъ, безотходныхъ,
Чтобъ рвали сердце мнѣ оны!
А всежъ людей я создалъ!.. Твердый!
Смѣясь надъ злобою твоей,
Смотрю я, непокорный, гордый,
На красоту моихъ людей.
О, хорошо ихъ сотворилъ я,
Во всемъ подобными себѣ:
Огонь небесный въ нихъ вселилъ я
Съ враждою вѣчною къ тебѣ,
Съ гордыней вольною Титана
И непокорностью судьбъ.

-Прометей-.

Примириться, говорите вы, принять отъ жизни то, что она даетъ; «не всѣмъ быть героями, знаменитостями отечества; пусть какой-нибудь гений напишетъ поэму, нарисуетъ картину, издастъ законъ, — а мы, люди толпы, придемъ и посмотримъ на все это; неужели запрещено устроить простое, мѣщанское счастье?..»

Несогласенъ я съ вами, шѣтъ, тысячу разъ нѣтъ: можно заставить жизнь дать то что я хочу, можно быть героемъ и безъ театральнаго подмостковъ, не принимать простого, мѣщанскаго счастья, — я постараюсь убѣдить васъ въ этомъ.

Современный герой оказывается всюду несостоятельнымъ предъ дѣломъ, предъ подвигомъ. Вникните въ причины этого явленія; вы

(*) О прекрасной и замѣчательной повѣсти «Молотовъ» г. Помяловскаго, мы высказали свое мнѣніе въ этомъ году. Ред.

увидите слабость воли, апатію, хуже того — безнадежное отчаяніе... и вы принимаете на себя защиту его!

Нынче часто раздаются слова: примиреніе, оправданіе, безропное принятіе факта, изученіе его. Всѣ науки сдѣлали громадныя успѣхи, жизнь отстала отъ нихъ на полѣтка и ея явленія несостоятельны предъ выработанными теоріями; видѣнъ полный разладъ между внутреннимъ человѣкомъ и дѣйствительностью... Это правда, но никакимъ примиреніемъ не забросать пропасти, ни изъ какого оправданія не построить моста на тотъ берегъ. Нужно дѣло, нуженъ подвигъ, должно быть героемъ и не должно находить успокоенія въ простомъ, мѣщанскомъ счастьи; пужна борьба, а не примиреніе, нуженъ протестъ, а не оправданіе.

Поговоримъ о «современномъ героѣ» хоть по поводу той прекрасной повѣсти, которая вызвала вашъ споръ и посмотримъ, что такое это простое *мѣщанское счастье*, которымъ онъ удовлетворяется. Съ легкой руки Гёте, смѣло раздѣлившаго рефлектирующаго человѣка отъ человѣка живущаго дѣйствительной жизнью, и замѣтимъ — только громаднымъ, творческимъ талантомъ заставляющаго забывать такую несообразность, о которой и въ голову не пришло Шекспиру, когда онъ создавалъ тотъ же типъ въ Гамлетѣ; такъ съ легкой руки Гёте чуть ли не всѣ поэты и романисты воспользовались его вполне удавшейся попыткой и выставляемые ими герои всегда сопровождаются своими мѣфистофелями. Герой дѣйствуетъ, живетъ, творитъ дѣла, любитъ, наслаждается, страдаетъ; Мѣфистофель его судитъ, критикуетъ, отравляетъ жизнь его анализомъ, хочеть надъ его дѣлами, подсмѣивается надъ его любовью, преслѣдуетъ его сомнѣніемъ и отрицаніемъ. Я ничего не могу сказать противъ такого приѣма, и поэтъ-художникъ имъ вполне достигаетъ цѣли. Но удержать эту раздвоенность и провести ее черезъ всю повѣсть, поэму, драму — не легко. И посмотрите, какъ нарушеніе въ этомъ отношеніи художественной и дѣйствительной правды тупо отдается на выведенныхъ лицахъ. Симпатія къ герою слабѣетъ по мѣрѣ того какъ онъ заражается рефлектирующимъ началомъ своего Мѣфистофеля, симпатія къ Мѣфистофелю растетъ по мѣрѣ того какъ его демоническое, отрицающее начало раскрываетъ высокія, благородныя чувства, тающіяся за нимъ. Мысль мою легко доказать безчисленными примѣрами, взятыми изъ повѣстей и романовъ нашего времени. Но я этого дѣлать не стану, напротивъ того я постараюсь объяснить это явленіе. Тогда мы убѣдимся, что причины его лежатъ гораздо менѣе въ слабости нашихъ литературныхъ талантовъ, чѣмъ въ несостоятельности самой жизни, вызывающей подобныя явленія, потому что современный герой съ большими или

медальюна отъѣжкамъ вадѣтъ всюду, стаго-быть есть явленіе нормальное, не дсклонительное; романы и доѣкта представляють только фотографическія копіи съ даго.

Итакъ о герое. Современный герой прежде всего принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ «случающихъ людей». Сердце его открыто для высшихъ чувствъ, никто не можетъ заподозрѣть его честности, мысли его пріимала въ себя все что выработано эпохой, въ немъ основаны: лучшія наши надежды, сосредоточены наши упования, оцъ впереди другихъ и ведетъ ихъ за собою, въ немъ находится откликъ на наши благородныя стремленія. Такимъ рисуется современный герой; въ годовѣ читателя слагается его образъ на атихъ основаніяхъ; оцъ проникается къ нему симпатіей, пріядвывается къ нему душою и догла полнее впечатлѣніе готово, воображеніе достаточно настроено, когда является непреложная необходимость доказать дѣломъ, что герой дѣйствительно одаветъ преданными ему свойствамъ — является и дѣло, обыкновенно любовныя отношенія его къ женщицѣ. Остановимся на минутку, чтобы объяснить себѣ, отчего именно этотъ сюжетъ представляется художникомъ, какъ пробный камень для его героя. Мы де ошибемся, если скажемъ, что этотъ мотивъ составляетъ существенное содержаніе романа столько же у насъ, сколько въ иностранныхъ литературахъ. Разумѣется, что есть и другія, тоже весьма захватывающія стороны жизни, которыя заслуживаютъ симпатіи неменѣе любви; но попытки ввести ихъ въ романъ и составить изъ нихъ его содержаніе рѣдко бываюи успѣшны. Причина подална. Жизнь недостаточно еще выработалась, чтобы возбудить такой же всеобщее и сильное къ нимъ сочувствіе, какимъ пользуется любовное приключеніе. Тѣмъ легче объяснить это у насъ, гдѣ жизнь общественная и гражданская таяется дѣло, почти незамѣтно, гдѣ она: во все не представляетъ никакихъ положительныхъ интересовъ, а поддерживаетъ только отрицательною своею стороною. Вотъ почему любовь является не только могущественнѣйшимъ, но и исключительнѣйшимъ двигателемъ жизни въ нашихъ романахъ и повѣсткахъ; вотъ почему она всегда является пробнымъ камнемъ для вывоиннаго на сцену героя. Мы не станемъ упрекать художественное произведеніе за эту вѣчно-юную, вѣчно-свѣжую тему творческой фантазіи, на которую человекъ будетъ до тѣхъ поръ трепетно отзываться, пока въ груди его не перестанетъ биться сердце; мы видимъ въ ней вѣчное слово жизни всей природы, махровый цвѣтокъ ея, но не принесемъ ей въ жертву всего остального, неменѣе высокаго и благороднаго. Мы готовы и ее «притащить на сулу неподкупнаго разума», но только затѣмъ, чтобы отдать ей должное. Апотеозой

любви; любовью юноши и дѣвы, въ страстномъ восторгѣ прироста замыкаетъ самое себя и раздвигаетъ предѣлы индивидуальнаго. Влѣбѣ высокаго сознательнаго индивидуальнаго блаженства идти: дальше начинаются нныя области, въ которыхъ любовь служитъ уже могущественнымъ рычагомъ, средствомъ. Она не въ силахъ составить содержание всей человѣческой жизни, но одухотворяетъ собою все что лежитъ за исключительною личностью; что наполняетъ сферу всеобщаго. Она не можетъ подчинить себя стремленію; живущія въ ея тѣсныхъ и эгоистическихъ границахъ; напротивъ, только нныя великія области жизни могутъ дать ей пищу, тотъ святой огонь, который поддержитъ ея жизнь и погучую страсть обратитъ въ высокое чувство. Любовь входитъ въ жизнь великою силою; но не можетъ исчерпать ее; напротивъ, жизнь даетъ элементы любви, расширяетъ горизонтъ ея; тинетъ ее въ сферу всеобщаго. Влюбленные ипуть удалиться отъ окружающей ихъ жизни, это правда; но оставьте ихъ наединѣ, оторвите отъ жизни, — вы увидите, устойчива ли любовь и откуда станетъ она добывать материалъ, чтобы свѣтлнпкъ любви продолжалъ горѣть пламенно и ясно: Любовь есть участіе во всемъ; а не отчужденіе отъ всего. Горе этому чувству! Если оно будетъ силиться подчинить себя общія явленія или изгнать отказаться отъ нихъ! Несостоятельность этого чувства не замедлитъ проявиться; какъ мы это увидимъ въ критической оцѣнкѣ современнаго героя; къ которому и возвращаемся послѣ нашего отступленія:

Итакъ мы ожидаемъ отъ нашего героя подвига; дѣла! Дѣло это, въ нашихъ повѣстяхъ и романахъ, обыкновенно; какъ мы сказали, — любовь и отношенія героя къ любимой женщинѣ. Мы высказали нашу симпатію къ нему; наше сочувствіе въ великому человѣческому чувству. Какъ же относится обыкновенно къ нему герой нашъ? Онъ поступаетъ отаратительно, пошло. Онъ чувствуетъ самую сильную, самую чистую симпатію къ дѣвушкамъ, дѣвушка эта любить его. Онъ долженъ только сказать: «я люблю тебя, любишь ли ты меня?» Онъ не можетъ и сомнѣваться, что если онъ только скажетъ эти слова, то они встрѣчены будутъ сочувствіемъ; онъ неизмѣнно услышитъ признаніе. Вотъ все дѣло, вотъ весь подвигъ. Но напрасно станете вы ожидать этого вопроса отъ современнаго героя: онъ не произнесетъ его. Онъ лучше согласенъ лѣнливо тянуть неопредѣленные, тяжелыя для обоихъ отношенія цзо дня въ день, пока громъ не грянетъ и не разразится какою-либо грязью нависшая надъ вами обоими туча; а если не то, такъ будетъ, повидимому противъ своей воли, вызывать трепетно желаемое признаніе отъ самой женщины. Разумѣется, со стороны женщины та-

ней доводить, возмущать, такъ восмущая и ведяна она, чтобы по сверхъестественному первому броситься на щено любимого человека; не предполагать, что трепетное признаніе въ любви охладитъ съ устъ ее, и объята стыливающимъ румянцемъ, прачеть она лицо свое на друга перола. Теперь уже отъ его слова зависитъ и рѣшеніе судьбы ее. Теперь, она отада, уже ему джа думу, всю жизнь. Что-то пронаведати ея? Слова любви и сампатин? Нѣтъ, вовсе нѣтъ. Современный герой, стоитъ какъ громомъ пораженный. Овъ озадаченъ неопредѣленностью, овъ сиюужень своимъ положеніемъ, какъ будто блудная девушка, сконпарометировала его — овъ не находитъ словъ, что сказать, овъ не знаетъ что дѣлать. Фактъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что овъ общій. Негодько въ новѣздахъ в романахъ Туриннада, герои котораго преимуществу оказываются такими, какими стараемся мы обрисовать ихъ, но во всѣхъ другихъ замѣчательныхъ литературныхъ произведеніяхъ герои на rendez-vous оказываются несоотвѣтельными. Одни защищаютъ его, стараются справиться различными обстоятельствами, воспитаніемъ, средою, условіями самой жизни — его слабую волю, его неспособность на какой бы то нибыло подвигъ; другіе караютъ и илеймають его за тѣ же свойства. Мы постараемся разобрать мнѣніе тѣхъ и другихъ: оное поближе подейдемъ къ истинѣ.

— Сравнимъ современнаго героя съ героемъ минувшаго поколѣнія. Пушкинскаго или Лермонтовскаго героя, Овѣгина или Печорина, ужь разумѣется никто не упрекнетъ въ недостаткѣ воли, въ слабости характера въ ихъ отношеніяхъ къ любимымъ женщинамъ. Они оладывались любви волюй, незадумываясь, они не размышляли что дѣлать, когда промѣношди влству любви. Для нихъ любовь вретанчалась либо случайно, какъ цѣвгокъ въ полѣ, который онъ не задумывался сорвать, либо развлеченіемъ среди гнетущей ихъ тоски, вріатнымъ препровожденіемъ времени; они не только не боялись любви, напротивъ, они полагали ее, они играли или потѣивались ею. Вспомните котъ привлеченныхъ мною героевъ. Задумывались ли они надъ тѣмъ, что любовь есть вещь серьезная и весьма серьезная? Что значило ихъ слово? Какую цѣну имѣло оно, если не для любимыхъ женщинъ, то для нихъ самихъ? Съ такимъ легкимъ, вѣтренымъ взглядомъ на серьезнѣйшія отношенія между мужчиной и женщиной легко было жить на свѣтѣ, несмотря на преслѣдованій ихъ всю жизнь духъ сомнѣнія, страданія, несмотря на весь байронизмъ ихъ. Отношенія эти ни къ чему не обязывали, герой обыкновенно думалъ и говорилъ:

Въ толпѣ другъ друга мы узнали,
Сошлись — и разоидемся вновь.

Насколько выше онъ современнаго героя искренностью чувствъ и готовностью отдаться ему, настолько надеется нтъ предѣтъ, когда узнаешь, что чувство это ничего нтъ не стоило; «страдали они любовью, это правда, но они страдали не въ нтъ на свѣтъ; — ужъ такой печальный взглядъ былъ у нтъ на все. Мы могла бы привести несметное число доказательствъ въ нашу пользу и просить только не забывать, что нтъ вовсе не говоритъ о художественномъ вымышленномъ образѣ, нарисованномъ Пушкинымъ или Лермонтовымъ. Печоринъ напришнръ любить Белу, любить Вѣру, ухаживаетъ за Мери и всѣхъ ведетъ къ ужасной катастрофѣ. Онъ наругался до воль надъ великимъ чувствомъ. Что и говорить! но онъ и не задумывался каждой изъ нтъ признаться въ любви или вынести это признаніе силой своего характера. Должно замѣтить, что время такихъ героев вовсе не прошло и для нашей жизни. Подобныхъ героев, влочащихся за дѣвушками; много играющихъ съ любовью, занимающихся ею по врожденному призванію — тѣмъ, но мы говоримъ не о нихъ. Они не принадлежатъ уже къ числу лучшихъ людей», каковымъ бы отчаяннымъ Байронизмомъ ни были они прощипкуты. Время ихъ миновало, хотя весьма вѣроятно, что ихъ всегда будетъ много. Дальнѣшаго движенія; болѣе широкаго развитія, ждать приходится не отъ нихъ. Наше поколѣніе, какъ ни мало замѣтно, но все-таки шагнулъ впередъ; равная этого — большее уваженіе къ чувству, большее уваженіе къ женщинамъ, большее уваженіе къ самому себѣ. Нашъ герой останавливается произнести признаніе; боится сказать слово: это потому, что онъ серьезно смотритъ на чувство, онъ цѣнитъ болѣе свое слово, отъ котораго зависитъ теперь все дѣло. Это уже большой шагъ впередъ. Ein Mann — ein Wort, уважать свое слово становится обязательнымъ для каждаго честнаго, развитаго человѣка. И съ этой точкой зрѣнія мы не иначе какъ съ чувствомъ глубокой симпатіи относимся къ слабости и безхарактерности современнаго героя. Онъ не играетъ такъ легкомысленно чувствомъ, какъ играли нтъ Овгильдъ и Ночерцы. Онъ знаетъ, что любовь обаявается, что онъ повиненъ ей отъѣтомъ, что любить для превращенія времени безцельно, что вообще нельзя легко относиться къ жизни, которая для него «пустая и глупая шутка».

Но какъ бы глубоко и искренно ни лежали причины, по которымъ нашъ герой оказывается слабымъ и жалкимъ на любовномъ свиданіи, какъ-бы ни былъ серьезень взглядъ его на самое чувство; какъ-бы крѣпко ни было убѣжденіе его въ великомъ значеніи каждаго произносимаго имъ слова, — все это не можетъ снять съ него всей отвѣтственности; чувство тѣмъ моментѣ остается поруган-

нать, любимая женщина оскорблена до мозга костей, чувство уваженія къ самому себѣ нарушено. Всѣ дальнѣйшія объясненія, вѣдущія къ оправданію его и примиренію съ нимъ, безсильны. Онъ приходитъ къ тому убѣжденію, что надобно «покориться». А что было бы съ нимъ, еслибы любимая имъ дѣвушка назвала его трусомъ? какіе горячіе потоки словъ подлились бы изъ устъ его о честности и благородствѣ, какъ ловко составилось бы оправданіе въ верность и преданность! Что остается послѣ всего этого женщины, какъ не отвернуться съ негодованіемъ и презрѣніемъ отъ такого человека? А какъ краснорѣчивъ, какъ увлекателенъ казался ей герой, пока не было рѣши о дѣлѣ! Онъ умѣлъ же уладить дѣвушку, онъ не приходилъ силы отойти отъ нея вовремя, онъ не высказался вначалѣ, чего онъ дѣйствительно стоитъ! Хорошо еще, что онъ не прикрывается романтической отговоркой, бывшей въ большомъ ходу еще въ недавнее время, что любовь закралась въ душу его незаметно, упала какъ снѣгъ на голову, охватила неспросась его сердце. Слава-богу, что въ немъ недостаетъ хотя настолько благородства, чтобы праять самимъ собой не кривить душой. Въдъ это выходитъ та же дѣра въ любовь, надъ которой мы смѣялись на предшествующей страницѣ. Правда, герой не охотится за любовью, не на лошади и зѣбрѣ бѣжитъ. Но почему же не вести дѣло до конца? Васъ встрѣчаютъ сочувствіемъ, васъ готовы поддержать, положеніе опредѣлилось, обстоятельства выяснились — что же вы молчите, падаете въ обморокъ, высказываете грубые упреки за неловкое положеніе, въ которомъ вы очутились по своему малодушію? отчего вы потеряли голову и сообразить ничего не можете, для чего же драматизировались вы въ мантию «честныхъ людей?» не следовало ли подумать обо всемъ этомъ пораньше? Нѣтъ, вы ни на что не годны, потому что всякое дѣло сопряжено съ большими или меньшими затрудненіями, одолѣть которыя вамъ не подъ силу; едѣ вамъ до борьбы съ жизнью, до битвы съ препятствіями! Вы уважаете ваше слово и мы уже сказали, какъ смотримъ мы на эту сторону вашего развитія; но уваженія къ слову тутъ мало: надо еще дѣло, непремѣнно дѣло.

Жаль бѣдную женщину, столкнувшуюся съ подобнымъ героемъ, и жаль не потому, что мечты ея разлетѣлись въ прахъ, что надежды осѣнѣны, чувства поматы: нѣтъ, жаль потому, что ой дѣйствительно иного лучшаго нельзя встрѣтить, потому что наши герои дѣйствительно «лучшіе люди». А вы говорите — примириться, принять то что даетъ жизнь и подрѣзать крылья своихъ желаній, или успокоиться на мѣщанскомъ счастьи, потому что никакое иное не-

возможно! Обождите, вы поговорите еще и объ этом шлодѣ, спокойномъ счастьи!

Въ зачатку современнаго героя приводить обыкновенно то оправданіе, что обстоятельства, среда, самая жизнь наша дѣлаютъ его такимъ, что лучшаго продукта отъ современнаго общества и ожидать нельзя, что настоящіе герои могутъ существовать въ другихъ странахъ, въ другихъ обществахъ, только не у насъ; стало-быть и наше негодованіе противъ героя неумѣстно и показываетъ только незнаніе, непониманіе тѣхъ общественныхъ условій, подъ влияніемъ которыхъ слагается подобный характеръ. Съ нимъ надобно примириться, какъ приходится примириться со всѣмъ, что ни происходитъ вокругъ насъ; слѣдуетъ ни на что не сердиться, ничѣмъ не огорчаться, развѣ только за исключеніемъ лично касающихся насъ обстоятельствъ.

Но каковы послѣдствія подобнаго взгляда на жизнь? согласны ли они съ высокими, благородными, человѣческими свойствами? Дѣлать ли они дѣйствительно то успокоительное примиреніе, основанное на любви, какъ признакъ свѣжести и здоровости организма, или подъ ними кроется что-то иное, отъ чего содрогается наше сердце и охватываетъ душу тоска? Это — болѣзненная апатія, безнадежное отчаяніе, отравляющія не только современныхъ намъ людей, но какъ хроническая болѣзнь, переходящая на то поколѣніе, которое смѣнитъ насъ и отъ котораго уже вправѣ будутъ ожидать не одного ищаднаго анализа, не одной разлагающей рефлексіи, не одного разрушающаго отрицанія, но горячаго дѣла, героическаго подвига! Если заплатились мы униженіемъ нашего собственнаго достоинства за ошибки, не нами сдѣланныя, то эти ошибки и подавно не будутъ въ состояніи снять ответственности съ будущихъ людей за недостатокъ воли, за слабость характера, за неспособность на дѣло. Что за оправданіе, что всѣ люди скроены по одному образцу, созданы по одному типу, что различіе между ними болѣе кажущееся, а въ сущности они вовсе не различаются другъ отъ друга? Разумѣется, что за подобнымъ оправданіемъ слѣдуетъ душевная, невозмутимая тишина и конецъ всякому негодованію. Зачто же въ самомъ дѣлѣ сердиться на человека за его грубость, пошлость, безнравственность, когда вы убѣждены, что каждый на его мѣстѣ поступилъ бы также какъ онъ? Всмотритесь въ дѣйствія и поступки какаго-либо негодяя, выикните хорошенько въ обстоятельства, среди которыхъ родился и выросъ онъ, — вы объясните себѣ его поведеніе и поступки; но объяснить фактъ не значитъ еще примириться съ нимъ. И это не-

только въ сферѣ нравственной, духовной, человѣческой жизни, въ которой никогда не снимется ответственности съ человѣка, какъ организма, болѣе или менѣе способнаго на развитіе своей воли и характера, но и въ сферѣ явленій грубой материальной или животной жизни. Допустить противное значитъ допустить грубый, восточный фатализмъ и успокоиться на безстрастномъ индѣйскомъ самозерцаніи. Ударилъ молнія въ дѣмъ и произвела въ немъ пожаръ, опустошеніе, смерть. Явленіе совершилось по законамъ природы; они, никогда и никѣмъ не могутъ быть нарушены; вамъ извѣстны эти законы и послѣдствія ихъ. Чтожь? явленіе объяснено, ничто въ немъ не сокрыто отъ вашей пытливыя мысли — слѣдуетъ ли затѣмъ примиреніе? Мы не говоримъ, что плакать и бѣсноваться, рвать на себѣ волосы и страдать поможетъ настоящему дѣлу. Мы говоримъ, что слѣдуетъ вступить въ борьбу съ грубою стихіей, побѣдить ее вѣчто бы то ни стало, — но не примириться съ фактомъ уже потому, что примиреніемъ не спасешься отъ другого и третьяго удара безсмысленной силы. Но если подчинить ее невозможно, если борьба не подъ силу, если побѣда не является даже мечтой? Все же противъ примиреніе, не хочу я его! Тогда я лучше соглашусь плакать и бѣсноваться, страдать и рвать на себѣ волосы. Вспомните мнѣ о Прометѣѣ, этотъ великолѣпнѣйшій мнѣ юной греческой фантазіи. Посмотрите какъ свѣжъ и великъ онъ, несмотря на три тысячу лѣтъ, которые разделяютъ насъ отъ времени его созданія.

Тѣмъ безотраднѣе и неслѣнѣе является примиреніе въ явленіяхъ нравственной, духовной, человѣческой жизни. Объяснить можно какое, угодно, преступленіе. Въ природѣ все связано неизмѣннымъ, вѣчнымъ закономъ причинности: преступникъ вышелъ преступникомъ потому, что ничѣмъ другимъ не могъ выйти, ужъ такъ сложилась жизнь его; быть-можетъ, и это даже весьма вѣроятно, что ему нелегко было слѣзаться преступникомъ, что онъ пережилъ страдания, мучительныя минуты, пока не дошелъ до того состоянія, въ какомъ вы его застаете. Но это, повторяю, тоже объясненіе, а не оправданіе. Я понимаю, что само преступленіе можетъ возбудить къ себѣ наше сочувствіе, но во всякомъ случаѣ это сочувствіе измѣняется борьбой, происходившей въ душѣ преступника. Сочувствіе это можетъ быть дотого сильно, борьба дотого возвышенна, что поправный законъ отходитъ на второй планъ, и преступникъ оправданъ если не общественными учрежденіями, то общественною содѣлостью. Вспомните случай, бывшій въ парижскихъ ассизахъ, куда привели мать, пойманную въ воровствѣ булки изъ одной пекарни, для спасенія отъ голода своего ребенка; да и многое можно приписать изъ случившаго на глазахъ нашихъ. Съ человѣка потому нель-

за снять ответственности за дѣла его и поступки, что онъ чело-вѣкъ, что въ немъ лежитъ возможность дѣйствовать и иначе, хотя мы и можемъ объяснить себѣ, почему онъ поступилъ именно такъ, и почему вовсе не могъ поступить иначе.

Обращаясь теперь къ нашему герою, мы скажемъ ему: не оправдывайся ни средою, ни воспитаніемъ, ни обстоятельствами, потому что ты достаточно уменъ и хорошо понимаешь, какія будутъ послѣдствія всѣхъ твоихъ поступковъ, да и незнаніемъ оправдаться не сможешь. Не примиримся мы и съ страданіемъ героя, какъ естественнымъ и ближайшимъ слѣдствіемъ его безхарактерности и пошлости; не утѣшимся и тѣмъ, что на его мѣстѣ поступилъ бы точно такимъ образомъ всякій другой изъ нашихъ «случившихъ людей». Нѣтъ, мы не снимемъ съ него ответственности, и въ чувствѣ, возбуждаемомъ имъ въ насъ, нельзя не найти отбѣнка презрѣнія. Онъ извѣнляетъ идеалу, сложившемуся о немъ въ головѣ нашей до этого грустнаго свиданія, онъ не то, что говорилъ, онъ обманулъ насъ, какъ обманулъ создавшаго его художника. Мы не извинимъ его еще болѣе потому, что по этому поступку, по отношеніямъ его къ любимой женщинѣ, мы имѣемъ полное право составить невыгодное понятіе о его чести и благородствѣ на всякомъ иномъ поприщѣ дѣятельности; мы не станемъ ожидать отъ него дѣла, подвиговъ, на которые необходима прежде всего извѣстная доля самопожертвованія, увлеченія, въ которыхъ рефлексія неумѣстна и только вредитъ.

Вмѣсто симпатій къ герою растетъ въ душѣ нашей отвращеніе къ нему, зато что онъ обманулъ насъ. Отношенія мужчины къ женщинѣ служатъ вѣрнымъ мѣриломъ для нравственной оцѣнки его; если они двоядушны, нечестны, — грустно становится при мысли, чѣмъ окажется такой человекъ на всякомъ другомъ поприщѣ. Спортическіе вопросы, какъ бы ни глумились надъ ними, останутся вѣчно животрепещущими, вопросами, на которые прежде всего откликнется человекъ.

Но почему же любовное свиданіе, любовное признаніе ставятъ втупикъ современнаго героя? Почему не готовъ онъ бѣжать за своимъ счастьемъ такъ же добродушно, такъ же откровенно и безболзненно, какъ дѣлали это герои проходящаго поколѣнія, какъ дѣлаютъ и теперь многіе, всегда готовые на любовную интригу? Почему губы героя заклеиваются, когда нужно произнести признаніе въ любви, которою переполнено его сердце, между тѣмъ какъ прошлые герои не задумывались никогда надъ подобнымъ дѣломъ, между тѣмъ

какъ много и теперь изъ принадлежащихъ къ числу «лучшихъ людей» готовы произносить признаніе хоть по разу въ мѣсяцъ, если еще не чаще? Мы уже сказали, что «лучшіе люди» болѣе уважаютъ чувство, болѣе дѣлать свое слово. Они знаютъ, что признаніе ведетъ за собою цѣлый рядъ послѣдствій, къ которымъ невозможно не относиться серьезно безъ потери права на имя честнаго человѣка и на чувство собственнаго уваженія къ себѣ. Теперь мы и обратились къ этому вопросу, къ послѣдствіямъ, которыя ведетъ за собою честно высказанное признаніе въ любви къ любимой женщинѣ.

Мы не возьмемъ на себя роли защитника романтической вѣчной любви; мы знаемъ несостоятельность человѣческаго чувства не только предъ вѣчностью, но и предъ размахомъ человѣческой жизни, но далеки и отъ того, чтобы все значеніе одного изъ самыхъ великихъ человѣческихъ чувствованій приравнять мимолетному поцѣлу двухъ случайно встрѣтившихся мотыльковъ. На чувствѣ любви построена семья, на семьѣ построено все общественное зданіе. Чтобы ни говорили новѣйшіе реформаторы, чувство, необходимость семейлюбія нельзя вычеркнуть изъ сердца человѣческаго, какъ нельзя исключить изъ него чувства любви. Несостоятельность новѣйшей семьи предъ политико-экономической и нравственной критикой доказываютъ только, что и это краугольное учрежденіе также подвержено измѣненіямъ и реформамъ, какъ всякое иное учрежденіе, но несомнѣнность его съ человѣческимъ развитіемъ можетъ быть признава тогда только, когда будетъ доказано, что для благоденствія и преуспѣванія человѣческаго рода людямъ слѣдуетъ разойтись; жить врозь, а не вмѣстѣ. За любовью же послѣдуетъ непременно жизнь вмѣстѣ и семья съ ея выгодными и стѣснительными сторонами, съ ея радостями и горестями. Но семья есть не только учрежденіе гражданское: она освящается еще церковью, бракомъ. Бракъ становится дѣломъ гражданскимъ и религіознымъ; онъ вмѣняетъ законы, которые во имя общечеловѣческихъ интересовъ скрываютъ личную свободу. Общество построено на принесеніи ему въ жертву личной свободы или по крайней мѣрѣ значительной ея доли; для личности ничего нѣтъ возмутительнѣе, какъ стѣсненіе этой свободы. Отсюда борьба, ухищренія обойти законъ, миновать брачныя узы, съ желаніемъ сохранить хотя часть блаженства, доставаемого любовью. Женщина, скованная бракомъ еще болѣе чѣмъ мужчина, венарушая его не можетъ удовлетворить тѣмъ сторонамъ и потребностямъ жизни, которыя получили законное право существованія вслѣдствіе неравенства положенія ея сравнительно съ правами, удержанными за собою мужчиной. Явилась курь-

твара до всѣхъ многообразныхъ видахъ, — явленіе естественное и нормальное, рядомъ съ гранитнымъ учрежденіемъ, на которомъ, стоитъ общественная жизнь въ продолженіи цѣсколькихъ тысячъ лѣтъ.

Но, возразятъ намъ, все это несколько не касается до современнаго героя; онъ знаетъ, что «бракъ для многихъ — святое отношеніе, для другихъ — любовное насиліе жить вмѣстѣ, когда хочется жить врозь, и совершеннѣйшая роскошь, когда хочется и можно жить вмѣстѣ», какъ говорить докторъ Круповъ. Отчего же онъ боится брака? — а онъ непремѣнно боится его, боится любви, страшась любовнаго признанія. Чтоже иное можетъ поставитъ его въ такое неловкое и пошлое положеніе, удержать выраженіе чувства, которымъ переполнено его сердце и которое противъ его воли рвется наружу? Бракъ боится онъ по причинамъ нравственнымъ и экономическимъ. Мы скажемъ нѣсколько словъ какъ о тѣхъ, такъ и о другихъ.

Безъ чувства любви, разъ или цѣскольکو разъ посѣщающаю душу человѣческую, но самой сущности своей преходяще и измѣнчиво, то сама жизнь, какъ сложилась она и какъ выработалась нравственный характеръ челоѣка, еще болѣе доказываетъ преходящія и измѣнчивыя свойства этого чувства. Съ самыхъ древнихъ временъ поэты жалуются на мимолетность и неустойчивость любви, а блаженства, доставляемыя ею, таковы, что челоѣкъ ждалъ бы сохранить ихъ вѣчно. Убитый сомнѣніемъ, забвенный рефлексіей, обманутый въ лучшихъ надеждахъ своихъ и упованіяхъ, современный герой съ тѣмъ же духомъ сомнѣнія относится къ этому чувству, какъ ко всѣмъ остальнымъ. Всю жизнь свою онъ цѣдетъ изъ чаши, отравленной отрицаніемъ, яломъ пропитанъ весь его организмъ, мысль, чувство, воля; въ его смѣхѣ слышатся саркастическіе звуки, въ его наслаженіяхъ замѣтны слѣды провіа. Горячо забилось его сердце отъ встрѣчи съ женщиной, безпощаднымъ анализомъ подтачиваетъ онъ готовое распуститься чувство, и кончаетъ тѣмъ, что не вѣритъ въ него, не вѣритъ въ себя, не вѣритъ въ любимую женщину, какъ Гамлетъ, сомнѣвающийся въ любви Офеліи. Можетъ ли для челоѣка, такимъ образомъ настроеннаго, свѣтло рисоваться будущее, когда онъ неспособенъ по природѣ своей наслаждаться настоящимъ и отравляетъ его отрицаніемъ? А безъ спокойнаго и свѣтлаго взгляда на будущее, безъ крѣпкой вѣры въ него, въ свою силу сдѣлать его отраднымъ и счастливымъ, нельзя рѣшиться даже на такой повидимому невеликій подвигъ, какъ признаніе въ любви. А обязательства, соединенныя съ словомъ, а свобода, а прочія стороны и области жизни! Любовь

не можетъ исполнить всю ея; она захватить и увеселить съ собою далеко не все; остальное она можетъ только согрѣть, освѣтить. Такъ ли бываетъ, оглянитесь кругомъ. Много ли вы найдете брачнѣвъ, которые подтверждали бы, что слѣдуемая за любовью семья есть участіе двухъ во всемъ; а не исключеніе двухъ изъ всего; грѣхъ притиренія съ окружающею средою, а не борьба личная, непримиримая — борьба двухъ противъ всѣхъ? Человѣкъ выдвигаетъ на себя брачныя узы; считается чуть ли не погибшимъ для общаго дѣла; много будеть хлопотъ у него у себя дома, чтобы удержать часть своей дѣятельности и своего времени на что-либо выходящее изъ интересовъ его семьи.

Съ глубокимъ сочувствіемъ объясняемъ мы причины, подвѣсившія доверчивъ сложился нашъ герой; мы страдаемъ за него; но и стыдимся за его малодушіе и безхарактерность. Оправдательство, примиреніе съ нимъ мы все-таки не можемъ во имя того идеала, во имя того высокаго нравственнаго достоинства, для достиженія котораго мы вызываемъ его на борьбу съ окружающею его средою: «Слово дѣло!» повторяемъ мы ему: «слово и дѣло!» слова его были таковы, что рождали въ насъ увѣренность въ его способности на дѣло. Онъ обманулъ насъ, онъ обманулъ автора.

Другія причины, сказали мы; по которымъ боится онъ брака, экономическія соображенія, — вопросъ запутанный и сложный. Потребность любви есть естественное; неизмѣнное свойство человѣческаго организма; право на нее принадлежитъ къ числу естественныхъ правъ человѣка. Законъ дозволяетъ пользоваться этимъ правомъ только посредствомъ брака, гражданскаго учрежденія, освященнаго церковью. Бракъ отнимаетъ значительную долю личной свободы и выдвигаетъ обязательства, которыя всѣми добросовѣстно выполнены быть не могутъ и становится привилегіей для избранныхъ; и между тѣмъ какъ любовь осталась естественнымъ правомъ всякаго человѣка, — любовь «законная», право имѣть семью становится роскошью. Рядомъ съ законнымъ учрежденіемъ стоятъ обычаи; неволешіе въ законъ, породившіе особаго рода отношенія и тысячи несчастныхъ жертвъ, отверженныхъ обществомъ, породившіемъ ихъ и относящимся къ нимъ съ самымъ безчеловѣчнымъ и несправедливымъ презрѣніемъ. Къ обязательствамъ, налагаемымъ бракомъ, честный человѣкъ не можетъ не относиться серьезно; они остались бы для него обязательствами и помимо этого учрежденія, какъ бы они ни сковывали его свободу. Но жить одному и жить семьей — это двѣ вещи разныя. Если человѣкъ живетъ своей работой и работа въ состояніи дать средства существованія ему одному, то женившись, онъ долженъ обезпечить все семейство

нам работать по крайней мѣрѣ въ два раза больше. Возмемте, да это, и если возможно, то легко ли? О соотвѣствіи со стороны женщины здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Если она гдѣ и раздѣляется бремя семейное вмѣстѣ съ мужичной, то вовсе не въ той средѣ общества, въ которой вращается современный герой. Стало-быть, въ соображеніи экономическія заставляютъ задуматься при прочтеніи осемь любовнаго признанія. Художники рѣдко останавливаются на этой провѣ жизни; они любятъ обходить ее, чувствуя, что, вѣ безъ нея выводимый ими герой погрязнетъ довольно глубоко въ житейской пошлости. Вотъ новый петочникъ для его разсужденій и сомнѣній, который обойденъ быть не можетъ. Помнимъ этого до-проса онъ знаетъ право на любовь, но освободиться отъ обязанности, налагаемыхъ ею, онъ тоже не можетъ: а это право и эти обязанности несомнѣнны, не укладываются; отсюда идетъ борьба, требующая силы и энергіи, какъ бы поступить онъ и рѣшился. Но существованіе всѣхъ этихъ причинъ не приводитъ къ оправданію героя. Все это должно было быть ему извѣстно и до встрѣчи съ женщиной. Безхарактерность и трусость его остаются тогда же безхарактерностью и трусостью, и ломать и мять сапосъ и пистолетъ чувство, все-таки не приходится; уничтожать свое собственное достоинство — тоже. Я нарочно не отдѣляю того рокового, трагическаго случая, когда любовь является между мужичной и женщиной уже несвободными; но вѣломъ обсужденіи и тутъ потребуется также рѣшительность и твердость воли для превращенія того трагическаго положенія, въ какомъ очутились лица столь часто повторяющейся на нашихъ глазахъ драмы.

.. Не знаю съ достаточной ли ясностью объяснилъ я причину, ставящую нашего героя въ такое непріятное и тяжелое положеніе. Правда, онъ выработаны самою жизнью и нашими воспитаніемъ. Объясненіе это еще весьма неважно вполнѣ удовлетворило насъ. Мы страдали вмѣстѣ съ героемъ и всю вину слагали съ него, да жизнь и среду, его окружающую. Пришло иное время, прежнее объясненіе не успокоиваетъ насъ. Чтоже это въ самомъ дѣлѣ? Все среда да среда заѣла! Да развѣ среда творится безусловно, сама собою, безъ всякаго вліянія на нее человѣческой воли? Что бы вы говорили намъ естественная метафизика о вѣчныхъ и неизмѣняемыхъ законахъ причинности, объясняющихъ все на свѣтѣ, геройское самоотверженіе и грубѣйшій эгоизмъ, — также естественное и законно то явленіе, что мы недовольны этимъ объясненіемъ, не удовлетворяемся его примиряющимъ характеромъ и требуемъ подвига, дѣла. Слова эти тоже слышатся всюду, носятъ въ нашей атмосферѣ...

« Это недовольство всѣми сторонами, примиряющаго свойства объясненіемъ должно было проявиться прежде всего въ художественныхъ литературныхъ произведеніяхъ, но къ сожалѣнію, помысли эти были безуспѣшны. Да и не могло быть иначе. Поэтическое представление изображаетъ жизнь, воспроизводитъ ее. Стремленіе художника создать что-либо несуществующее еще въ жизни — быть безуспѣшнымъ. Образъ, готовый пожалуй сложиться, но несложившійся еще, является блѣднымъ и безжизненнымъ. Литература въ этомъ отношеніи совершенно имѣетъ всѣ свойства зеркала; она отражаетъ къ себѣ все происходящее въ жизни, но отражаетъ нелучшее тѣ вложенія, которыя составляютъ дѣйствительную сущность жизни, какъ зеркало, которое ясное всего отражаетъ прямо падающійся противъ него предметъ и менѣе ясно отражаетъ предметъ, выходящійся въ отдаленіи, на окраинѣ комнаты.

« Въ жизни только чувствуется потребность вынять людей, вынять дѣла, только слышится гласъ: «довольно словъ! мы потеряли умственное кѣпленіе; дайте намъ подвиговъ!» но въ дѣйствительности нѣтъ еще героевъ, настоящихъ людей, и потому въ попыткѣ сложить будущій, страстно желаемый и трепетно ожидаемый образъ героя всегда будутъ слышаться фальшивыя ноты. Прошу васъ вспомнить хотя бы одинъ только примѣръ, представляемый героемъ въ повѣсти г. Тургенева «Наканунѣ»: осталось ли довольно имъ общественное сознаніе, воинно вынать, совершенно постороннихъ красотъ, предвзвѣченныхъ повѣстью? Противъ героя, изображеннаго въ ней, ничего сказать нельзя; но чувствуете ли вы, какимъ диссонансомъ отдаетъ онъ въ окружающую васъ жизнь? Это герой не нашего романа. Гораздо болѣе сочувствія возбуждаютъ въ васъ герои другихъ повѣстей того же писателя. Въ нихъ вѣтъ такой рѣзко бросающейся въ глаза неправды. Мы недовольны въ нихъ только тѣмъ, что они обманываютъ насъ, что сложившееся въ душѣ нашей убѣжденіе въ свойствахъ и характерѣ ихъ оказывается несостоятельнымъ при первомъ соприкосновеніи ихъ съ дѣйствительной жизнью, когда она потребуетъ отъ нихъ заявить дѣломъ то, о чемъ такъ умно, такъ краснорѣчиво говорятъ они; что авторъ не умѣлъ подмѣтить въ нихъ тѣхъ необходимыхъ замѣтныхъ чертъ, которыя бы не оставляли въ душѣ нашей сомнѣнія, что они вступаютъ дѣйствительно такъ и въ законъ случаѣ иначе; что они самъ обманываются ихъ геройствомъ, увлекаемый симпатіей къ нимъ и духомъ всеобъемлющаго объясненія и оправданія. Но отсутствіе въ нихъ этихъ необходимыхъ чертъ не унимаетъ еще всей правды; герой живетъ дѣйствительно въ той знакомой намъ средѣ, которую съ такимъ искусствомъ, съ такою поэтической прелестью воспроизводитъ г. Тургеневъ.

Между тѣмъ оставаться и въ прецѣдентъ! двусмысленность, относительно новыя требованія, положенія невозможно. Необходимо выйти изъ смѣшной и вопиющей безхарактерности, изъ этой, удручающей болѣзни воли, изъ неспособности на какое бы то ни было дѣло. Герой повѣсти, послужившей причиною моего спора въ этомъ, фривольный трудный вопросъ, вышелъ страстно желаемый выходы, куда?.. въ простое, мѣщанское счастье; на томъ основаніи; что онъ самъ сходять съ подмостковъ и идетъ въ толпу; иль бы дойти до единственнаго призванія — честно наслаждаться жизнью. Да что жъ изъ этого, что наслаждаются? И животныя честно наслаждаются жизнью. И что значить для героя честно наслаждаться жизнью? Ходить исправно въ департаментъ, не пьянствовать, не играть въ карты, не воровать и не брать взятки, не развратничать? Даже и эти добродѣтели уже выше мѣщанскихъ требованій; иль бы еще удовлетворится герой нашъ? Такъ можетъ быть онъ не объявляетъ и претензій на болѣе широкія, на болѣе высшія общественныя свойства: иль онъ разжаловалъ себя изъ героевъ въ простые солдаты; можетъ быть онъ и не думалъ никогда выходить изъ толпы и не мечталъ быть героемъ; можетъ быть никакіе интересы, выходящіе изъ сферы мѣщанскихъ стремленій, не были ему знакомы, сердце его никогда не отзывалось на нихъ, горизонтъ его высокаго таланта не расширялся далѣе этихъ стремленій? Нѣтъ; на свиданіи съ вѣрной своей онъ только лазаря корчить, неподозрѣвая, что эти же обнаруживаетъ онъ все свое безспіе и прочія дряблыя свойства. Не подступили бы мы къ нему съ такими вопросами и требованіями, если бы онъ былъ гоголевскій сановникъ Готliebъ или Порозовъ или милѣйшій Акакій Акакіевичъ. Нѣтъ, онъ обманулъ насъ и не скрылъ отъ насъ своей пошлости. Подойдемъ къ нему поближе. Нравственныя свойства его обнаруживаются имъ при знакомствѣ съ его пріятелемъ или другомъ художникомъ, который самъ такъ не правился, и при противоположеніи этихъ двухъ характеровъ. Сопоставляясь въ благородныхъ чувствахъ нашего героя мы не имѣемъ права, судя по тѣмъ даннымъ, которыя представлялъ намъ авторъ. Мы можемъ только найти нѣсколько вѣщихъ и неповоротливыхъ его ушь, которому не подъ силу разоблачить остроумнѣйшіе парадоксы его пріятеля — Мефистофеля; но, судя по вліанію героя на своего пріятеля, вліанію, основанному на высокихъ и честныхъ его убѣжденіяхъ, слѣдуетъ заключить, что герой одаренъ действительно сильнымъ и благороднымъ характеромъ. Прошедшая имъ жизнь еще болѣе убѣждаетъ насъ въ этомъ. Его негодованіе противъ вѣчнаго гореванья, противъ никому ненужной тоски, противъ безпредметнаго отчаянія, противъ мрачнаго взгляда на жизнь и домо-

раздѣленіи «лириковъ» показывають намъ, что онъ освобожденъ отъ романтической золотухи, занесенной на нашу почву и тѣмъ «еще» мучившей недавнее поколѣніе; герой — человекъ дѣйствительной, реальной жизни; онъ стоитъ съ требованіями отъ ней простымъ и здравымъ. Онъ хорошо понимаетъ этотъ употребительный выраженіе, которымъ пылъ свмается съ личности великаго индивидуальности: «среда забѣла»; онъ прямо обвиняетъ пріятеля въ эгоизмѣхъ и дилективѣхъ и требуетъ съ него слово перемѣнить жизнь, взглянуть въ будущее, сдѣлать запасъ на старость, которая иначе стоить кинуть на «веселенькіе пейзажики», наконецъ «быть что собой». Весотрицающій духъ Мефистофеля задумывается надъ этимъ словомъ и язвительная, саркастическая улыбка застѣвается на устахъ его при этомъ «реальномъ» для него словѣ. Напрасно пытаться потерять бесполезно, потому что никакая совѣсть не выдержитъ мефистофелевской дилектики; вдругъ явилось ни съ того ни съ чего слово, которымъ играть нельзя. *Недодожилъ* этотъ удивилъ насъ, но и впрочемъ примирился съ намъ на слѣдующей страницѣ, тогда узнавъ, что если Мефистофеля уже слишкомъ беспокоитъ совѣсть и дерзко спрашиваетъ его: «впередъ не будешь?» то онъ въ будущемъ отвѣчалъ: «буду, непременно буду!» Этимъ была восстановлена правда отрицанія. Безразличіе, индифферентизмъ; апатія пріятель возмущають нашего героя, а эта апатія и неспособность ни къ какому дѣлу и составляла отличительную черту героев прошлаго времени, противъ которыхъ возстало общее сознаніе. Чего можно ожидать отъ людей, которые не чувствуютъ злости ко злу, равнодушіе къ добру, которые разучились смѣяться даже, которыхъ совѣсть не мучитъ, про которыхъ слово можно сказать, что они спячатъ. Ничего отрицательнаго, ничего положительнаго, полное безразличіе къ роду, отечеству, любви, свободѣ, счастью, слава — пустые звуки; одинъ эгоизмъ, полный, безапелляціонный эгоизмъ, да и тотъ жить, потому что эгоизмъ этотъ не влечетъ за собою ни добродѣтели, ни наслажденія, ни чувства собственного достоинства. Намъ понятно это болѣзненное сомнѣніе, это полное отсутствіе надежды и вѣры, это безвліе, возбуждающее состраданіе, потому что мы сами прошли чрезъ этотъ фазисъ развитія, потому что знаемъ тѣ скрытыя и глубокія раны этой болѣзни; знаетъ это хорошо и герой нашъ. Налобно думать, что послѣдующій фазисъ будетъ совершеннѣйшій, что новая форма мысли и чувства ближе къ истинѣ и идеалу — увидимъ. Несостоятельность же печоринскаго разочарованія оказывается немедленно по предложеніи ему какого-либо средства для прекращенія такого жалкаго и бесполезнаго существованія. Такое же средство предложилъ герой нашъ своему пріятелю и

излечилъ его по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время; совершеннаго далекаго ожидать здѣсь невозможно: мы знаемъ, какъ доживаютъ такіе люди. Но главное дѣло, что вся эта дурь кончилась на себя пріятелемъ нашего героя. Какъ ни безотрадны слова его и парадоксы, за ними слышится что-то живое, человѣческое, еще не совсемъ сгнившее. Самъ авторъ хорошо это чувствуетъ и не старается, чтобы не высказать этого въ какихъ-нибудь «веселенькихъ», «пейзажикахъ» вроде бабы съ шарманкой, старика, скрипача и тѣмъ, оборванца мадьячки и тому подобнаго. Можно всегда предсказывать, что къ подобнымъ личностямъ, выходящимъ въ продолженіе жизни герою, сохранится вся симпатія читателя. Оно понятно. Въ нихъ много остроумнаго, парадоксальнаго, много поэтическаго элемента и поэтической обстановки, а главное — никто не ожидаетъ отъ нихъ подвига, иныхъ дѣлъ, кромѣ описанныхъ въ «веселенькихъ» «пейзажикахъ», стало-быть никто не будетъ обмануть. Каждый увѣренъ, что какъ только пройдетъ первый выль и жажда деятельности подобнаго разочарованнаго господина, возбужденная истеричей съ живымъ и здоровымъ организмомъ, какъ только станетъ ему снова скучно, то онъ ляжетъ на лаванъ, задеретъ на стѣну, цока и будетъ ждать часть, другой, третій, не перемѣнится ли расположеніе духа; а перемѣнится, — пойдетъ смотреть «веселенькіе пейзажики», и читатель успокоивается, довольный поэтической обстановкой малаго Мефистофеля. Но я увлекся менѣе занимательною для меня дѣтальною и забылъ моего героя. Мы сказали, что основываясь на характеристикѣ его, представленной авторомъ, мы были вправе ожидать отъ него если не благороднаго дѣла, то кѣрности себя самому; въ противномъ случаѣ онъ обманулъ насъ или характеристика его сдѣлана невѣрно и отъ автора ускользнули весьма замѣтные черты его характера, которыя объяснили бы поразившее насъ противорѣчіе.

Герой, повидимому вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ лучшимъ и жиденькимъ либераламъ, которыхъ расплодилось у насъ такъ много въ послѣднее время и отъ которыхъ не приходится ожидать ничего путнаго; онъ оказался негоднымъ для служебной дѣятельности не за современныя идеи, не за либерализмъ: нѣтъ, онъ просто оказался неспособнымъ человѣкомъ; вмѣсто того чтобы служить какъ люди, онъ все выкалъ въ дѣло, волновался и топтался; онъ, какъ выражался его пріятель, не сердился на свѣтъ, а безтолково любилъ его. Къ этимъ чертамъ мы не можемъ не относиться симпатично. Отношенія его къ слѣдствію объ убійствѣ жещицной своего мужа еще болѣе убѣждаютъ насъ въ томъ, что онъ дѣйствительно принадлежитъ къ «лучшимъ людямъ» нашимъ; во

какъ всё, онъ заѣденъ рефлексіей. Пріятель его утверждаетъ, что нынче нѣтъ человека чѣмъ-нибудь не заѣденнаго, кто средой, кто «слабодушествомъ»... не встрѣтишь нынче даже болвана безъ рефлексіи.

Роковое слѣдствіе дало сильный толчекъ его дальнѣйшему развитію. Онъ все сталъ объяснять внѣшними условіями, всякаго негодяя стало ему жалко, преступленіе явилось ему несчастіемъ, болѣзью, помѣшательствомъ; всякаго готовъ оправдать опъ, какъ его пріятель опровергнуть. Со dna души его поднялись силы, требовавшія выхода; къ нимъ присоединились такъ-называемые коренные вопросы о Богѣ, душѣ, грѣхѣ, смерти, и неотвязно требовали рѣшенія цѣльнаго, самостоятельнаго. Софизмы доктора, такого же сильнаго діалектика какъ и его пріятель, не могли удовлетворить его. Никакія доказательства, что вся эта блажь происходитъ оттого, что герой нашъ не уяснилъ себѣ своей дѣятельности; никакія увѣренія въ неизлечимости болѣзни; никакія убѣжденія, что виноватыхъ собственно нѣтъ, что само общество казнить ихъ вовсе не потому, что они виноваты, а потому что вредны, не могутъ разрѣшить сомнѣній и вопросовъ, мучившихъ нашего героя. Но оставаться съ ними цѣлую жизнь, нянчиться съ ними тоже невозможно. Выходъ былъ необходимъ, но куда, какимъ образомъ? Не неуважительными же отзывами объ обществѣ и благодѣтеляхъ и благодѣтельницахъ: они открыли только выходъ въ отставку.

Послѣдуемъ за нашимъ героемъ на любовное свиданіе; оно многое необходимо должно уяснить и показать намъ. Выходъ въ фатализмъ, въ это восточное самоуспокоеніе и въ покорность судьбѣ, въ которомъ онъ заподозрилъ любимую дѣвушку, возмущаетъ его; необходимость, несходность положенія современной женщины вызываютъ всю жизнь, которою обильно одаренъ организмъ его. Онъ выходитъ изъ себя при одномъ подозрѣніи, что самъ онъ рѣшилъ всё свои сомнѣнія и страданія примиреніемъ съ дѣйствительностью. «Примиреніе? говоритъ онъ: — о примиреніи заговорили?.. Лучшаго и выдумать нельзя? Нѣтъ, можно жить нашей такъ-называемой дѣйствительностью и не знать ея, ото всѣхъ замкнуться и никого не допустить до души своей. Можно имѣть понятія, которыхъ никто не имѣетъ, и не заботиться, что пошлая, давящая дѣйствительность не признаетъ ихъ. Можно весь вѣкъ ни одному человеку на свѣтѣ не сказать чѣмъ вы живете, и кончить жизнь такъ. На голову и сердце контроля нѣтъ.» На возраженіе, что все это въ головѣ да сердце и останется, онъ говоритъ, что можно ломать дѣйствительность; на то, что и ломать ничего не приходится, а слѣдуетъ слѣвать выборъ изъ четырехъ, — совѣтуетъ ждать пятаго,

утверждаетъ, что стыдно той женщинѣ, которая никогда не любила; что слѣдуетъ заставить жизнь дать отвѣты на всѣ мучающія насъ вопросы, что можно жить такъ какъ хочется, неспрашивая ни у кого позволенія, никому не давая отчета.

Не ясно ли, что герой нашъ, если только искренни его убѣжденія (а мы не смѣемъ заподозрить его искренности), дѣйствительно принадлежитъ къ числу «лучшихъ людей», что вы имѣете право требовать, чтобы все сказанное имъ онъ доказалъ на самомъ дѣлѣ? Посмотрите же, какъ поступаетъ онъ до той минуты, въ которую становится наконецъ, на зло всѣмъ обстоятельствамъ, женихомъ любимой дѣвушки? Она страдаетъ, она несетъ на себѣ все бремя жестокой и пошлой дѣйствительности, она испытываетъ тиранию, оскорбленія, подозрѣнія. Чтѣ дѣлаетъ герой нашъ? Онъ ждетъ всего отъ несущихся *«помимо его воли»* обстоятельствъ. Нѣтъ! сама жизнь рѣшаетъ одинъ изъ тяжелыхъ, самыхъ близкихъ ему, мучившихъ его вопросовъ, а не онъ заставляетъ ее рѣшать ихъ. Не ясно ли также, что все, чтѣ имъ сказано любимой дѣвушкѣ, когда она вызвала наконецъ его на объясненіе, были слова, слова и слова?

Правда, что на одномъ его поведеніи до того времени, когда дѣвушка становится его невѣстой, нельзя еще составить себѣ окончательнаго мнѣнія о несостоятельности этого господина предъ вопросами жизни, отсутствіи въ немъ энергіи и характера, когда приходится не краснорѣчиво разглагольствовать, а дѣлать дѣло; многія черты и свойства его требуютъ еще опредѣленія и уясненія; на чемъ основано его собственное примиреніе — намъ еще неизвѣстно. Последняя сцена даетъ на все это отвѣты, и своей неожиданностью, противорѣчіемъ съ идеаломъ, сложившимся въ головѣ нашей о героѣ, возмущаетъ насъ. Либо герой, говоримъ мы, вовсе не таковъ, какимъ онъ представленъ намъ, либо не могъ онъ такимъ пошлымъ образомъ примириться съ дѣйствительностью. Онъ обманулъ насъ. Мы не вѣримъ даже словамъ его, что онъ не нашолъ цѣли своего существованія, что онъ человѣкъ безъ призванія, что онъ выдѣлился изъ толпы, чтобы потеряться. Я удивляюсь только, почему съ такимъ отвращеніемъ говоритъ онъ, что не пошолъ бы служить по откупамъ. Тутъ-то и есть все рѣшеніе. Разумѣется, что какъ развитый, какъ «лучшій человѣкъ», онъ сталъ чернорабочимъ не ради процесса самаго труда, — нѣтъ, а изъ высокаго чувства самоуслажденія своей собственностью и слѣдующею за нею независимостью. Руководитъ имъ даже не любовь къ труду, а любовь къ деньгамъ. Отношенія его къ службѣ тѣже что школьника къ уроку. Мы прибавимъ отъ себя, что тѣже отношенія его и ко всему прочему въ жизни. Урокъ ложитъ въ головѣ: вотъ падежъ,

плюсы, хронологическая цифра, французскій глаголь... а школьнику что за дѣло до всего этого? Урокъ самъ по себѣ, а школьникъ самъ по себѣ. Да это-то и возмутительно, что школьникъ самъ по себѣ, а его урокъ самъ по себѣ: это-то и показываетъ наше малодушіе, нашу неспособность, что мы не умѣемъ поставить предъ нами грамматики и ариметики такъ, какъ салазки напримѣръ, къ которымъ онъ привязанъ душевно и которыя для него не сами по себѣ, а они для него и онъ для нихъ. Я не идеалистъ, я не люблю сантиментальности, не съ высоты романтическихъ облаковъ смотрю на хлѣбъ насущный, на тепло, на жилище, на поленьщину, — но ничего изъ этого не признаю за конечную цѣль всего сущаго. Безъ хлѣба насущнаго, безъ тепла и жилья пельзя развиваться; но хлѣбъ насущный, тепло и жилье еще не развитіе. Вопросъ этотъ ясенъ для всякаго поленьщика; какимъ же это непостижимымъ образомъ «лучшій человѣкъ» нашего общества такъ превратно относится къ нему? Пролетарій, это грустное порожденіе нашего времени, человѣкъ, добывающій хлѣбъ насущный всевозможнымъ трудомъ, долго собирающій собственность и въ одинъ незаработный голъ проживающій ее, возбуждаетъ все наше сочувствіе, но не рѣшаетъ вопросовъ, мучащихъ насъ. Матерьялисты стануть смѣяться, назовутъ насъ мечтателями, утопистами, — они спросятъ насъ: какіе же это вопросы, которые непременно, во имя человѣческаго достоинства, не смѣютъ покидать человѣка, если онъ не хочетъ потерять право на наше уваженіе? Ну хоть напримѣръ тотъ, чтобы герой нашъ, увѣренный въ невозможности никакого нравственнаго развитія безъ удовлетворенія матерьяльныхъ потребностей, не примѣнялъ бы эту акцію къ одному себѣ, а во имя любви и справедливости приложилъ ее ко всемъ неимущимъ и страдающимъ. О, тогда не пришился бы онъ такъ легко съ своими сомнѣніями, не рѣшалъ бы ихъ съ такою увѣренностью сомнѣвающейся дѣвушкѣ. Намъ напоминаетъ это рѣшеніе жизненныхъ вопросовъ другого героя, который объяснялъ ихъ каплями яда отравленной жизни, упавшими на любимую имъ женщину, которая посему приготовленный имъ рай не находила достаточно блаженнымъ. «Что въ томъ толку, что ты неглупъ и силенъ, что любишь работать? сказалъ бы онъ себѣ: но куда пошли твои силы?» Не удовлетворила бы его тогда благонравная чичиковщина, благочестивое пріобрѣтеніе, домостроительство, стяжаніе и хозяйственные скопы! Не тянулъ бы онъ въ это пошлое, мѣщанское болото любимой женщины, не противорѣчилъ бы самому себѣ, когда звалъ ее вмѣстѣ на борьбу, на осмысленіе жизни всеогрѣвающейю силою любви и преданности!

Если героиня — дѣвушка неглупая, то горькою насмѣшкою надъ

всѣмъ высокимъ и благороднымъ должны были показаться ей послѣ всѣхъ краснорѣчивыхъ рѣчей его увѣренія въ необходимости умѣренности, тихаго и вроткаго отношенія къ существующимъ интересамъ общества, въ бесполезности ломки, въ бесполезности борьбы. Дѣйствительно, положеніе нелѣпное — торчать ото всѣхъ особнякомъ; пальцами начать указывать, на смѣхъ подымуть, возненавидѣть! Только зачѣмъ же говорить было противное и возбуждать благородный энтузіазмъ въ дѣвушкѣ? — неужели чтобы втоптать его потомъ въ грязь? Зачѣмъ онъ увѣрялъ ее, что можно жить нашей такъ-называемой дѣйствительностью, и не признавать ее; при полной невозможности борьбы — замкнуться ото всѣхъ и никого не допустить до души своей; что можно имѣть понятія, которыхъ никто не имѣетъ, и не заботиться, что пошлая, давящая дѣйствительность не признаетъ ихъ; что можно наконецъ весь вѣкъ ни одному человѣку на свѣтѣ не сказать чѣмъ вы живете, и кончить жизнь такъ; что на голову и на сердце контроля нѣтъ? А тутъ пришлось съѣжиться, обособиться, притвориться, что и ты такой же человѣкъ, какъ всѣ. Иначе простымъ людямъ нельзя жить на свѣтѣ; неужели запрещено устроить простое, мѣщанское счастье? миллионы живутъ съ единственнымъ призваніемъ — честно наслаждаться жизнью. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что вы сами простые люди. Зачѣмъ же играть роль героя, человѣка, вышедшаго изъ толпы, какимъ вы кажетесь или желаете казаться по своему развитію? А такъ какъ вы дѣйствительно принадлежите къ «лучшимъ людямъ», то мы требуемъ, чтобы вы слова свои доказали дѣломъ и не прятались бы трусливо въ толпу, не прикрывались бы юродствомъ, когда дошло дѣло до доказательствъ. Не запрещено устроить простое, мѣщанское счастье и удовлетвориться имъ, только не вась, потому что искреннее сознаніе ваше, чувство собственного достоинства не должны допустить васъ до этого. Не выразись такъ глубоко убѣжденія его въ болѣе серьезныхъ, въ болѣе широкихъ требованіяхъ отъ жизни, мы примирились бы съ нимъ, мы не могли бы поступить иначе по слабому развитію его умственныхъ способностей и силъ душевныхъ; но на мѣщанскомъ счастьѣ мы примириться не можемъ. Вѣдь мѣщанское счастье состоитъ въ принятіи средствъ, формъ жизни за цѣль ея. Хорошо устроенная домашняя обстановка, правильное полученіе дохода или ренты, безмятежное самодовольствіе, невозмущаемая ничѣмъ, покойная съ комфортомъ жизнь составляютъ идеаль, цѣль мѣщанской жизни и мѣщанскаго благополучія. Можетъ ли примириться съ такой цѣлью герой нашъ? Еще разъ повторимъ: мы не романтики. Мы знаемъ, что современный герой ходитъ не Гамлетомъ, не Альмавивой, а во фракѣ

или въ форменномъ сертукѣ и въ резиновыхъ калошахъ; мы радуемъ не противъ поэтической обстановки, а противъ несостоятельности внутренняго содержанія. Смѣшно было бы требованіе наше, чтобы герой ходилъ въ атласныхъ панталонахъ и бархатномъ плащѣ. Человѣкъ, высоко развитый и съ самыми благородными требованіями отъ жизни, въ нашъ вѣкъ живетъ повидимому какъ всѣ люди, какъ живутъ мѣщане. Но это только внѣшняя форма, обстановка, а не сущность, не идеалъ, который внутри въ груди его, который не позволяетъ ему заснуть, остановиться, удовлетвориться не только формой, но и настоящимъ содержаніемъ, и постоянно шепчетъ душѣ его *вѣчно впередъ*. Не смѣйтесь надъ этимъ словомъ идеалъ. Это не задумчивая дѣва-миньона, не луна, не романтическія юношескія грезы, хотя и въ этомъ нѣтъ ничего смѣшнаго: нѣтъ, это всѣ тѣ благородныя, возвышенныя, широкія стремленія, живущія въ груди человѣческой отъ его созданія и появленія на землѣ, которыя онъ осуществляетъ въ наукѣ, искусствѣ, жизни; они освѣщаютъ и согрѣваютъ мысль его и чувство, рождаютъ готовность на самоотверженный поступокъ, на геройскій подвигъ. Эти стремленія не удовлетворятся картинами и канделябрами, пальмой и кактусами, коврами и рѣзной мебелью, серебромъ и фарфоромъ, мраморомъ и дорогими бобрами, ни даже шкатулкой, туго набитой банковыми билетами. Человѣкъ сытъ, одѣтъ, обутъ, хорошо и тепло помѣщенъ, онъ ходитъ въ оперу и музеи; а дальше что? Буржуа говоритъ: дальше ничего дѣйствительнаго, а начинаются бредаи и утопіи; цѣль достигнута, идеалъ осуществленъ, низведенъ на землю изъ мысли человѣческой. Но есть страдающіе и голодные, забытые и измученные, погрязшіе въ невѣжествѣ и утратившіе человѣческое подобіе! «Для примиренія со всѣмъ этимъ — говоритъ буржуа — есть мѣщанская филантропія и ея заведенія» и т. д. и т. д. Много подымается въ душѣ злобы и жолчи отъ подобнаго рѣшенія заплывшаго жиромъ и душевнымъ спокойствіемъ мѣщанскаго мозга, а вы совѣтуете примиреніе, принатіе фанга, объясненіе причины! Я вѣдь не противъ этого говорю: можно свѣтлою мыслью позвать, объяснить, любящимъ, кроткимъ сердцемъ простить, можно безвыходной апатіей, безнадежнымъ отчаяніемъ и совершенною утратою вѣры примириться... я понимаю это; можно согласиться даже ожидать другого времени для борьбы съ тѣми фатально повидимому сложившимися преградами, легшими бревномъ посреди дороги и заслонившими пути къ дальнѣйшему движенію впередъ: я и это допускаю; только не принимать дѣйствительность, пошлую и безобразную, за воплощенный идеалъ, не видѣть конечной цѣли въ простомъ, мѣщанскомъ сча-

сти. И это вовсе не означает лѣзть въ герои въ томъ смыслѣ, какъ это привимаютъ. Будто для подвига, для геройскаго поступка непременно необходимы подмостки, съ которыхъ герой видѣе для окружающей его толпы! Безъ сомнѣнія слава — могущественный мотивъ для развитія и увлеченія; жажда ея — одинъ изъ великихъ и священныхъ рычаговъ для подвига; но и она не можетъ быть исключительною цѣлью. Цѣль — это я самъ, мое сознаніе, мое достоинство, мои желанія и стремленія всѣ вмѣстѣ, не исключая ни одного, — идеалъ. Весь міръ — мой, для меня, а не я для него; простое мѣщанское, формальное счастье — для меня; семья и собственность, наука и искусство, общество и государство — все для меня, а не я для нихъ. Дальше этого прометеевского желанія, захватывающаго все мірозданіе, мысль идти не можетъ; тутъ предѣлъ. Можетъ-быть это самообольщеніе, гордыня духа человѣческаго; но пусть вьется силы, которыя оспаривали бы у человѣка господство надъ всѣми его окружающимъ, всѣ такъ называемыя фатальныя, неизбѣжныя силы, окружавшія, давившія, мучившія его съ самаго дѣтства: не задумываясь вступить онъ съ ними въ титаническую борьбу и все побѣдить всемогущимъ своимъ разумомъ. А вы совѣтуете остановиться на примиреніи!.. но тогда вѣдь не будетъ побѣды. Проведите вашу мысль и кротость до конца — вы ужаснетесь той бездны, куда влечетъ это примиреніе; человѣкъ взойдетъ на стѣну животнаго.

Не всякому можно быть Наполеономъ или Цезаремъ, но это ничего не доказываетъ. Есть изъ-за чего прийти въ отчаяніе, потерять вѣру въ могущество и способность человѣческаго организма, если принять, что все число героевъ во всей семьѣ человечества ограничивается только той небольшою кучкой, которую сохранила намъ исторія. Это только герои, которымъ случайно удалось быть на политическихъ и разныхъ другихъ подмосткахъ и потому поразившіе всѣхъ съ возвышенности мѣста, на которомъ они стояли. Возьмите для примѣра военнаго героя и послѣднюю войну, защиту Севастополя. Кто въ ней герой? Неужели только два-три генерала? Нѣтъ, много было въ ней героевъ, имена и подвиги которыхъ остались намъ неизвѣстны и останутся неизвѣстными; много было случаевъ увлеченія, самоотверженія, мужества, самопожертвованія, неопавшихъ ни въ реляціи, ни въ газеты. Правда, герой часто творитъ обстоятельства и становится извѣстнымъ, пріобрѣтаетъ славу; но еще чаще обстоятельства закрываютъ его, мѣшаютъ ему выказаться. Столько есть темныхъ, безвѣстныхъ, сокрытыхъ отъ всѣхъ взоровъ уголковъ, въ которыхъ идетъ борьба съ пошлой дѣйствительностью, въ которыхъ совершаются самоотверженные подвиги,

остающіеся неизвѣстными не только историкамъ, но и фельетонистамъ. Явятся благопріятныя обстоятельства, откроется арена другими героями — и сколько выступитъ новыхъ, здоровыхъ дѣятелей, героевъ! Не заключите пожалуста изъ моихъ словъ, что ихъ явится ужь слишкомъ много, что они выползутъ изъ норъ своихъ какъ тараканы ночью на кусокъ хлѣба; нѣтъ, я говорю только, что они есть, хотя быть-можетъ они и не попадутъ въ дѣтонисы и исторію; но только они выползутъ не изъ тѣхъ уютныхъ, комфортабельныхъ жилищъ, обильно украшенныхъ бронзой и дорогими коврами, въ которыхъ царствуетъ примиреніе, въ которыхъ идеаль жизнь — простое, мѣщанское счастье.

Такимъ образомъ и другая попытка вывести современнаго героя изъ того пошлаго и оскорбительнаго положенія, въ которомъ развивался онъ по отсутствію въ немъ силы воли и рѣшимости, немѣне неудачна, какъ и прежнія попытки, напр. въ «Накануиѣ». Оно и не могло быть иначе. Окостенѣлая рука, пробывшая долгое время въ лубкахъ, не скоро получитъ принадлежащую и свойственную ей силу и гибкость; содержавшаяся въ тяжелыхъ путахъ мысль наша, только едва проснувшаяся, не могла еще пройти въ кровь и кости наши, чтобы проявиться наружу и заявить себя дѣломъ. Петербургскій художникъ, чующій въ носящейся вокругъ него атмосферѣ страстно желаемую перемену, рѣшается напередъ начертить образъ героя, образъ котораго не дала еще жизнь. Только какая же разница между тѣмъ и другимъ! Первый, неудовлетворившись дѣйствительностью, во имя борьбы съ ней, во имя протеста выскочилъ изъ окружающей его среды и жизни; второй, оскорбленный немѣне его волнымъ разладомъ внутренняго и вѣшняго человѣка, ненашедши въ себѣ силъ для борьбы, ненашедши внѣ себя средство для достиженія цѣлей, обозначенныхъ идеаломъ, сдается, соглашается на примиреніе во имя права своего на простое, мѣщанское счастье. Утѣшаетъ насъ одно: именно то, что мы не вѣримъ въ искренность подобнаго примиренія со стороны героя, по тому образу его, какой сложился въ нашей мысли. Это не болѣе какъ одна минута уснокошенія, рездыха, чтобы подпяться и идти впередъ, дальше; это пауза, чтобы сообразить что дѣлать дальше; это привалъ для ратника, съ цѣлью собраться съ новыми силами, чтобы идти противъ врага. Такъ измученный, усталый, томимый жаждой путникъ съ восторгомъ и счастьемъ останавливается у свѣтлаго ручья, на ясной полянѣ. Дальше ея онъ ничего не видитъ; она будто цѣль всего далекаго пути его. Съ трепетнымъ наслажденіемъ глотаетъ онъ свѣжую, здоровую воду, съ безмятежнымъ спокойствіемъ вытягиваетъ одереветнѣлыя отъ ходьбы свои ноги. Но жажда утолена, тѣло от-

дохнуло, и онъ смѣло подымается, чтобы продолжать путь впередъ. Такова любовь, таково значеніе ея, съ тою только разницею, что въ дальнѣйшій путь идешь уже не въ одиночествѣ. Мы сказали въ началѣ нашей статьи, что любовью кончается индивидуальная жизнь человѣка, что она же выноситъ его въ сферу всеобщаго. Только въ сферѣ всеобщаго возможно развитіе. Горе влюбленному, если онъ не сознаетъ этой великой истины! Все личное, частное, индивидуальное окажется несостоятельнымъ; любовь не выдержитъ напора всѣхъ силъ, помѣщенныхъ въ груди человѣческой — и разлетится въ дребезги. Она была идеаломъ блаженства и благополучія, станетъ причиной горести, страданій, бѣдствій. Горе любви, построенной на замкнутости, на отчужденности, на удаленіи отъ всего и опирающейся на самое себя, разрѣшающей все сущее собою!

Но тутъ мы встрѣчаемся съ вопросомъ о правахъ и значеніи женщины. Мы предчувствуемъ уже возраженіе, что весь этотъ міръ всеобщихъ интересовъ, наука и искусство, гражданская жизнь и политическая — все это для мужчины, а для женщины ничего этого нѣтъ. Назначеніе ея — жить исключительно сердцемъ, весь міръ ея ограниченъ спальней и кухней. Да когда это наконецъ наступитъ то время, когда женщина будетъ признава человекомъ? долго ли еще будутъ спорить о такомъ простомъ предметѣ? На женщинѣ лежатъ великія семейныя обязанности, это правда; да развѣ той же категоріи обязанности не лежатъ также на мужѣ? Эти обязанности, несмотря на все великое значеніе ихъ, мужчина не признаетъ исключительными, но не задумывается выдѣлить ихъ, какъ единственное дѣло, на которое способна женщина. Не забудьте, что женщина — мать будущихъ гражданъ, что они растутъ подъ ея непосредственнымъ, исключительнымъ надзоромъ; чтоже вселить она въ молодыя головы, чѣмъ наполнить душу, какою любовью согрѣетъ сердце, на какой подвигъ приготовить сына, когда сознанію ея чужды всѣ общественные интересы, когда недоступна ей сфера всеобщаго? Можно положительно доказать, что всѣ характеристическія дурныя свойства женщины развились въ ней въ неволѣ, въ отчужденіи отъ всего, что благотворно дѣйствовало на развитіе мужчины; они явились въ ней вслѣдствіе ошибокъ, неправды, произвола, пустоты, непониманія мужчинъ. Напротивъ того, все хорошее, оставшееся въ ней, все несломанное и пощаженное безчисленными неблагоприятными обстоятельствами, которыми сопровождали несчастную судьбу ея въ продолженіи всего историческаго періода, громко говорятъ въ пользу ея упругой, подающейся, но не ломающейся природы. Жизнь стремится къ тому, чтобы открыть ей тѣже пути, какіе удержаны исключительно за собою муж-

чиной, чтобы войти въ міръ всеобщаго, науки и искусства, религіи и права, гражданственности и политики. Сколько выиграетъ обновленная ею жизнь, въ которую внесетъ она свою грацію, непреодолимую прелесть кротости и любви!

Послѣ этого естественнаго перехода къ размышленію о судьбѣ и значеніи женщины слѣдовало бы поговорить о современной героинѣ, какъ говорили мы о современномъ героѣ, но вы позволите мнѣ отложить рѣчь объ этомъ щекотливомъ вопросѣ когда-нибудь до другого раза.

II. ВЫВЫКОВЪ

ПРИМѢРЪ АПАТИИ

(письмо въ редакцію «Времени» по поводу статьи г. Антоновича «О почвѣ». Современникъ 1861, декабрь.)

Мы сердцемъ — хладные скопцы.

Пушкинъ.

Читали ли вы, милостивый государь, статью г. Писарева — *Сло-ластика XIX вѣка* въ IX книжкѣ «Русскаго Слова»? Если не читали, то прочтите непременно. Г. Писарева слѣдуетъ читать; г. Писаревъ по моему мнѣнію есть самое новое, самое выразительное проявленіе нашей современной литературы; въ немъ обнаруживаются глубочайшія ея тайны. Со всею искренностью говорю вамъ, что я ставлю названную мною статью выше многихъ другихъ, болѣе знаменитыхъ; не буду сокрываться, скажу прямо и смѣло, что я ставлю ее выше даже *Полемическихъ красотъ* г. Чернышевскаго. Какъ это уже всѣмъ извѣстно, г. Чернышевскій и г. Писаревъ не расходятся въ своихъ существенныхъ взглядахъ; но между ними существуетъ значительное различіе, и трудно не видѣть, что въ этомъ различіи многое говоритъ въ пользу г. Писарева. Мимоходомъ укажу вамъ нѣкоторыя черты разницы, замѣченной мною между этими писателями. Г. Чернышевскій — догматикъ, твердо держащійся извѣстныхъ идей; г. Писаревъ — критикъ и скептикъ, все подвергающій сомнѣнію и анализу. Г. Чернышевскій — аргументаторъ, желающій убѣждать читателей строгими логическими выводами; г. Писаревъ — свистунъ, избравшій своимъ главнымъ оружіемъ — брань и насмѣшку. Г. Чернышевскій полагаетъ, что онъ строитель; г. Писаревъ прямо говоритъ, что онъ разрушитель. Г. Чернышевскій смѣлъ и откровененъ, г. Писаревъ еще смѣлѣе и откровеннѣе; г. Чернышевскій есть основаніе и начало, г. Писаревъ — лыводъ и конецъ.

Вы видите слѣдовательно, что тотъ былъ бы непослѣдователенъ, кто, признавая г. Чернышевскаго за живое явленіе современной на-

шей жизни, не призналъ бы г. Писарева за прогрессъ, за явленіе еще болѣе живое. И потому признаюсь вамъ, для меня было бы очень лестно, я истинно гордился бы, еслибы за мною неоспоримо была признана заслуга, что я первый понялъ всю многозначительность этого явленія, что я въ нѣкоторомъ родѣ *открылъ* г. Писарева. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей г. Писаревъ выражаетъ опасеніе, что его сужденія могутъ быть приняты за *нелпныя выходы*, за *лай на луну*; мнѣ очень было бы прискорбно, еслибы подобныя опасенія по какимъ-нибудь несчастнымъ обстоятельствамъ укоренились въ немъ и помѣшали бы развитію его дѣятельности.

Мнѣ кажется изъ всего этого видно, какую искреннюю любовь питаю я къ російской словесности. Не прикидываюсь я, не притворю, не лицежрю, когда говорю объ этой любви. Прилежно, ревностно читаю я статьи г. Писарева и стараюсь открыть ихъ смыслъ и извлечь изъ нихъ поученіе.

Статья о *схоластикѣ*, которую я упомянулъ, стоитъ полного вниманія именно потому, что въ ней г. Писаревъ старается доказать такъ-сказать свою *законность*, старается убѣдить читателей, что онъ есть дѣйствительно живое и современное явленіе. Долгое время я искалъ въ этой статьѣ какой-нибудь точки опоры, чего-нибудь твердаго, на чемъ бы строились всѣ ея мысли, и долгое время не находилъ и недоумѣвалъ. «Мы идемъ впередъ», говоритъ г. Писаревъ; но почему онъ считаетъ переднею именно ту сторону, въ которую *идеть*, — этого никакъ не было видно; а что, какъ онъ свернулъ въ сторону, или поворотилъ даже прямо назадъ? «Мы отвергаемъ все старое», пишетъ г. Писаревъ; но онъ не даетъ никакихъ признаковъ, по которымъ можно бы убѣдиться, что его старое дѣйствительно старо и новое дѣйствительно ново; а что, какъ его новинка давно уже устарѣла? «Мы бьемъ направо и налево», провозглашаетъ г. Писаревъ; но я ничѣмъ не могъ удостовѣриться, что это героичество сопровождается разрушеніемъ того, что бьетъ г. Писаревъ; а что, думалъ я, можетъ-быть онъ только обобьетъ себѣ руки? «Мы жизнь, мы фактъ», восклицаетъ г. Писаревъ; но какая жизнь и какой фактъ, — рѣшить по его словамъ было невозможно. А что, если это дурной фактъ? если эта жизнь — нездоровая?

Наконецъ послѣ долгихъ исканій я съ великою радостію открылъ нѣкоторый *положительный* признакъ, который дѣйствительно можетъ быть порукою законности г. Писарева въ нашей литературѣ. Этотъ признакъ состоитъ въ нѣкоторомъ *жарѣ*, въ особенной *пламенности*, которую г. Писаревъ считаетъ прямымъ проявленіемъ жизни и которую потому прямо приписываетъ своему лагерю. У насъ, говоритъ онъ, господствуетъ «*пыльная, кипучая діалек-*

тика», «вообще *страстность*», «искреннее *воодушевленіе*», даже «*страстный* юношескій бредъ».

Итакъ вотъ въ чемъ дѣло, вотъ гдѣ тайна! Слово *горчее* есть безъ сомнѣнія слово *живое*. Вотъ основная точка зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на произведенія этого лагеря. О нихъ нельзя судить по признакамъ грубымъ, прозаическимъ, такъ-сказать матерьяльнымъ, какъ наприимѣръ — послѣдовательность, точность фактовъ, строгость выводовъ. Ничего подобнаго въ нихъ не должно искать, потомучто главное ихъ достоинство имѣеть болѣе тонкій, чисто-идеальный или поэтический характеръ; оно заключается въ сердечной теплотѣ.

При моей, извѣстной вамъ склонности къ идеализму, вы надѣюсь не станете подозрѣвать, что я нахожу здѣсь что-нибудь дурное. Въ самомъ дѣлѣ, что можно представить себѣ идеальнѣе, когда на ваше замѣчаніе: «какія здѣсь нелѣпости!» вамъ отвѣчаютъ: «зато сколько жару!» Вы можетъ-быть найдете, что искажаются факты, что дѣлаются дѣтскія соображенія; а вамъ вдругъ говорятъ: «какъ же вы не замѣчаете главнаго, — сердечной теплоты?» Повторяю, по моей склонности къ идеализму, я не нахожу тутъ ничего дурного. Хотя конечно нелѣпость — дѣло жестокое; хотя безъ сомнѣнія оскорбительно для человѣческаго смысла то обстоятельство, будто бы, пылая сердечнымъ жаромъ, нельзя не говорить нелѣпостей, будто бы даже позволительно говорить ихъ сколько угодно. Но — такъ и быть! Не всякое же лыко въ самомъ дѣлѣ въ строку! Жаръ такъ жаръ; дайте намъ жару — и все остальное простится вамъ!

И вотъ съ обыкновеннымъ моимъ усердіемъ я сталъ слѣдить за проявленіями жара въ нашей юной литературѣ. Сказать ли вамъ прямо? Наградой этихъ стараній было горькое разочарованіе. И во-первыхъ, что касается до г. Писарева, воспѣвающаго *страстность*, *пылкость*, *кипучесть*, доходящую до *бреда*, то можетъ-быть только г. Писаревъ, по самообольщенію, столь свойственному авторамъ, можетъ находить какіе-нибудь признаки этихъ свойствъ въ своихъ произведеніяхъ. Если это бредъ, то однакоже никакъ не страстный бредъ; это бредъ не сердечный, а такъ-сказать головной, то-есть мысленный, идеальный, воображаемый, существующей въ игрѣ представленій, а не въ дѣйствительности; однимъ словомъ это скорѣе *бредни*, но не горячка. Въ самомъ дѣлѣ произведенія г. Писарева, при всѣхъ другихъ своихъ достоинствахъ, замѣчательны своею холодностью; въ этомъ отношеніи я опять таки рекомендую ихъ вамъ какъ вѣчто дѣйствительно образцовое, какъ явленіе, въ которомъ всѣ свойства этого рода явленій достигаютъ своей превос-

ходной степени и обнаруживаются вполне отчетливо, вполне характеристически.

На сей разъ, къ крайнему моему сожалѣнію, я долженъ отложить изученіе г. Писарева; этого настоятельно требуютъ *интересы мнѣ*; начиная свое письмо г. Писаревымъ, я хотѣлъ только заявить вамъ, что онъ постоянно служитъ мнѣ путеводною звѣздой въ лабиринтъ нашей словесности. При помощи его я открылъ начала, на основаніи которыхъ долженъ судить о многихъ произведеніяхъ, и теперь систематически перейду къ собственному предмету настоящаго моего письма, т. е. къ статьѣ г. Антоновича о *началь*. Статья эта требуетъ вниманія по многимъ важнымъ причинамъ. Впервыя она явилась въ «Современникѣ»; вовторыя она направлена прямо противъ васъ; втретьихъ она касается *общихъ началъ*, раздѣляющихъ направленіе вашего журнала отъ направленія «Современника». По всѣмъ этимъ и другимъ причинамъ самъ «Современникъ» конечно долженъ придавать этой статьѣ гораздо бѣльшую важность, чѣмъ напримѣръ статьямъ о г. Лавровѣ, о словарѣ Гогоцкаго, о Гегелѣ и о другихъ подобныхъ отвлеченныхъ и никому ненужныхъ предметахъ. Вовсе ненужно натяжки для того, чтобы сказать, что статья г. Антоновича есть общій сулъ, полвый приговоръ, произнесенный «Современникомъ» надъ «Временемъ».

Безъ сомнѣнія вы теперь уже догадываетесь, какой главный упрекъ я намѣренъ слѣлать статьѣ г. Антоновича: именно, что я хочу упрекнуть ее въ отсутствіи жара. Вы понимаете, что еслибы я доказалъ справедливость этого упрека, то я вполне оборонилъ бы васъ. Потомучто г. Антоновичъ, хотя далеко отсталъ отъ г. Писарева, но также принадлежитъ къ числу писателей, у которыхъ если въ статьѣ нѣтъ жара, то уже ни за что другое нельзя твердо поручаться. У нихъ имѣеть полную силу разладъ между чувствомъ и умомъ, между сердцемъ и головою; и они живо напоминаютъ того повара, который на вопросъ: сумѣеть ли онъ хорошо приготовить обѣдъ? отвѣчалъ: «горячо будетъ, а за вкусъ не отвѣчаю!»

Но какъ доказать отсутствіе жара? Невольно изумляюсь я, помышляя, до какихъ тонкостей дошла въ настоящее время русская журналистика и какія трудныя задачи она ставитъ своимъ дѣтелямъ, напримѣръ вашему покорному слугѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое жаръ? Нѣчто неуловимое, грѣющее, но невидимое, проникающее, но неосозаемое. Какимъ же образомъ замѣтить такъ-сказать слѣды его отсутствія? Въ тысячу разъ легче было бы открыть какія-нибудь противорѣчія, грубыя ошибки, непослѣдовательность; но все это, какъ я уже сказалъ, въ настоящее время неимѣеть ни

малѣйшаго значенія. Слѣдовательно нечего дѣлать, приходится доказывать отсутствіе жара.

Начнемъ же сначала. Г. Антоновичъ пишетъ о *почвѣ*. Первое положеніе, которое онъ пространно и тщательно старается внушить своимъ читателямъ состоитъ въ томъ, что всѣ толки о почвѣ — одна *фраза*. Это его исходная точка. Нѣкоторые журналы, говоритъ онъ, безпрестанно повторяютъ на разные лады: почва, почва, почва... Слыша это, г. Антоновичъ рѣшился остроумно отвѣчать повтореніемъ другого слова: фраза, фраза, фраза, фраза... «Мы *видѣли* въ рукахъ — пишетъ г. Антоновичъ — печатную страницу, на которой ничего не осталось, ни одной мысли и слова, послѣ того какъ мы вычеркнули изъ ней фразу о почвѣ.» Пародировавъ эти слова, можно сказать: «мы видѣли не одну, а четыре или пять печатныхъ страницъ (начало статьи г. Антоновича), въ которыхъ ровно ничего нѣтъ, кромѣ варіацій на слово — фраза.» Такъ что если дѣло идетъ о повтореніяхъ, то трудно кому-нибудь перещеголять г. Антоновича.

Что вы на это скажете, милостивый государь? Мнѣ кажется, уже отсюда явствуется, что г. Антоновичъ не можетъ обнаружить особеннаго жара. Какой можетъ быть жаръ въ битвѣ съ *фразою*? Плюющую тотъ оказываетъ себѣ услугу, кто хочетъ превратить предметъ своей рѣчи въ совершенные пустяки. Зачѣмъ говорить о фразахъ? Нужно говорить о дѣлѣ. Берите не слово, а мысль своихъ противниковъ; чтобы пораженіе было глубокое, нужно бить въ глубину, а не останавливаться на поверхности. Скорѣе слѣдуетъ придать противникамъ всю важность, какую они могутъ имѣть, чѣмъ увѣрять читателей, что они только невинные составители фразъ.

И въ самомъ дѣлѣ, еслибы г. Антоновичъ взглянулъ на предметъ не столь небрежно и презрительно, то ему открылось бы широкое поле для обнаруженія своего жара. *Почва*, говоритъ онъ, есть фраза; положимъ такъ. Но вступая въ борьбу съ этою фразою; какъ же онъ не замѣтилъ, что въдѣляя ей — *легіонъ*? Почва подразумевает то, что растеть на ней. Что растеть, то имѣетъ *жизнь*. Все живое — *развивается*, имѣетъ *возрасты*, достигаетъ *зрѣлости* и проч. Живое существо имѣетъ *члены*. Между членами живого тѣла существуетъ *органическая связь*. Вообще живыя существа суть *организмы*. Только организмы имѣютъ *больныя мѣста*; только они *вырождаются*, *заражаются*, *болѣютъ* и *выздоровливаютъ* и т. д. и т. д.

Я могъ бы еще долго перечислять подобныя выраженія и различныя варіаціи этихъ выраженій, которыя всѣ чрезвычайно употребительны. Когда дѣло идетъ о народѣ, о *жизни* народа, эти выраженія сыплются съ особенною щедростью. Но они употребляются не-

только о народѣ, а не о множествѣ другихъ предметовъ. Они появились неслишкомъ давно, но литературный языкъ цѣлаго міра *заражёнъ* и проникнутъ этими выраженіями. Притомъ извѣстно, что они указываютъ на нѣкоторыя новыя понятія, на особый взглядъ на вещи, на особый пріемъ мыслей, особую точку зрѣнія, съ которою разсматриваются предметы. И чтоже? Г. Антоновичъ легкомысленно вырываетъ изъ этой сферы понятій одно слово *почва* (которое конечно для него не болѣе какъ фраза) и толкуетъ объ немъ почти такъ, какъ будто оно составляетъ выдумку журнала «Время». Что за удивительныя и трудно-сообразимыя явленія! Кажалось бы, дѣло весьма явное и публичное. Если г. Антоновичъ неслишкомъ недавно приобрѣлъ искусство читать, то не можетъ быть, чтобы онъ во время чтенія не встрѣчалъ безпрестанно этихъ выраженій. Если онъ хотя мало обладаетъ искусствомъ мыслить, то не можетъ быть, чтобы онъ не замѣтилъ тѣсной связи, въ которой находятся эти слова между собою. Одно изъ двухъ: или онъ долженъ былъ вовсе не говорить о почвѣ, или же, нападая на это понятіе, долженъ былъ нападать и на всѣ другія, которыя съ нимъ связаны. Чтоже помѣшало ему все это видѣть и замѣтить? Откуда такая крайняя слѣпота?

Разгадка, мнѣ кажется, здѣсь одна: она заключается въ нѣкоторомъ равнодушномъ невниманіи къ дѣйствительности, въ нѣкоторомъ анатическомъ отношеніи ко всему, что дѣлается и говорится кругомъ. Кто любитъ погружаться въ созерцаніе собственной премудрости и предаваться удовольствію уединеннаго созиданія самостоятельныхъ мыслей, тотъ скоро перестаетъ замѣчать окружающее, перестаетъ понимать его смыслъ, перестаетъ имъ интересоваться. Если вы выведете такого человѣка изъ его усыпленія и скажете ему свою мысль, онъ конечно вамъ отвѣтитъ: «непомню! ваши слова мнѣ кажутся бессмысленною фразою.»

Пойдемъ дальше. Несмотря на все это, отъ г. Антоновича не можно укрыться, что вопросъ о *народной почвѣ* уже давно трактуется въ нашей литературѣ. Но исторія этого вопроса въ его глазахъ покрыта непроницаемымъ туманомъ. По его мнѣнію корень всего заключается въ томъ, что «*сорвется* у кого-нибудь съ языка неовредѣлевная фраза». Г. Антоновичъ увѣряетъ, что «исторія почвы начинается съ «Маяка», толковавшаго впрочемъ не о почвѣ, а о народности»; что сперва просто толковали, но потомъ «какимъ-то чудомъ промелькнулъ наконецъ и вопросъ, что такое народность»; что впоследствии «*вдругъ* раздалась новая фраза о почвѣ»; что только «въ недавнее время почву стали переводить словомъ *народъ*»; что «нѣкоторые совершенно нейтральные люди *неожиданно*

превратились въ славянофиловъ»; что наконецъ все это пришло *къ* скромному требованію грамотности для народа».

Вотъ вамъ и вся исторія. Смѣшно рассказываетъ г. Антоновичъ! Все у него дѣлается *вдругъ, неожиданно*; все *сривается съ языка* или *является какимъ-то чудомъ*. Было бы странно объяснять г. Антоновичу дѣйствительный ходъ дѣла; тѣмъ болѣе странно, что рѣчь идетъ о «Времени», а именно во «Времени» и были *помощные* основательныя и обстоятельныя статьи, касающіяся исторіи вопроса о народности. Очевидно г. Антоновичъ незнакомъ съ нашею литературою вообще и съ «Временемъ» въ особенности. Очевидно, онъ очень мало интересуется литературою и готовъ считать ее со всѣми ея вопросами за «фразы, сорвавшіяся у разныхъ лицъ съ языка». Негодовать на него я считаю излишнимъ; убѣждать — его бесполезнымъ; тутъ остается только — наблюдать его.

Итакъ я васъ спрашиваю: гдѣ же тутъ жаръ? Тутъ есть равнодушіе, апатія, если хотите — презрѣніе и высокоуміе, но ужь никакъ не жаръ. Человѣкъ не знаетъ, не любитъ своей литературы, смотритъ на нее свысока и трактуетъ ее какъ рядъ нелѣпницъ и пустыхъ фразъ; тутъ есть всѣ условія для холода, но нѣтъ никакого мѣста для жара.

Вполнѣ убѣжденный, что по вопросу о народности ничего дѣльнаго не сказано и не можетъ быть сказано, г. Антоновичъ прибѣгаетъ къ крайнему доказательству: онъ задаетъ своимъ противникамъ, т. е. вамъ, множество вопросовъ и требуетъ категорическаго отвѣта. «Что значить, — говоритъ онъ, — отрываніе отъ почвы? Какими явленіями оно обнаруживается? Въ чемъ должно состоятъ сближеніе съ народомъ? Въ какомъ смыслѣ оно возможно? Кто и какъ долженъ сдѣлать первый шагъ? Съ чьей стороны должно быть больше сдѣлано уступокъ? Какой элементъ внесетъ въ будущее общее соединеніе та и другая сторона?»

Трудные вопросы, милостивый государь, и отвѣчать на нихъ мудрено. Странно однакоже, что г. Антоновичъ повидимому даетъ большой вѣсъ своимъ вопросамъ; помяните! вѣдь это уже давно извѣстно, что задавать вопросы ничего нестоитъ, и что гораздо труднѣе отвѣчать на нихъ. Легко, говорятъ, бросить камень въ колодець, да вытащить его мудрено. Впрочемъ мнѣ кажется г. Антоновичъ напрасно трудился, составляя свои вопросы; онъ упустилъ изъ виду простое соображеніе: будутъ ли ему отвѣчать или нѣтъ? Вѣдь вопросы вопросамъ рознь. Есть вопросы, вытекающіе изъ глубокаго пониманія предмета; такіе вопросы будятъ мысль и возбуждаютъ желаніе отвѣчать. Но есть другіе вопросы, которые во всѣхъ своихъ варіаціяхъ равняются одной фразѣ: *ничего непо-*

мисли. Въ послѣднее время странныя издоумленія овладѣваютъ россійскими умами, и у насъ нерѣдко появляются вопросы второго рода. Таковъ вопросъ г. Дудышкина: *почему Пушкинъ народный поэтъ?* Таковъ вопросъ г. Гымала: *почему Татьяна въ Овечьихъ рубашкахъ?* Сюда же относятся и вопросы г. Антоновича. Въ одинъ свѣтъ: *ничего непонимаю*. Если же кто говоритъ: а много понимашю, то чего оны желаетъ? Очевидно оны просить: *поучите меня*. А если кто публично просить: *поучите меня, то что ему слѣдуетъ отвѣчать?* Ему нужно оказывать: *поучитесь сами*.

Можетъ-быть вы возразите, милостивый государь, что г. Антоновичъ при этомъ обнаруживаетъ нѣкоторый жаръ. Какой оны скорый! скажете вы. Сейчасъ ему все вынь да положь. Сейчасъ и подавай ему полное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ. Но что касается до меня, въ этой *скорости* я вижу совсѣмъ другое. Г. Антоновичъ, какъ человѣкъ молодой, вѣроятно еще не знаетъ, какъ трудно жить на свѣтѣ. Трудно достигнуть истиннаго понятія о вещахъ; трудно понять и оцѣнить людей и ихъ жизнь; трудно понимать красоту, поэзію, литературу, исторію, народъ, и вообще трудно разрѣшать трудныя вопросы. Г. Антоновичъ еще легко смотритъ на жизнь; для него еще скрыта ея таинственная глубина.

Очень жаль, что мнѣ такимъ образомъ все приходится говорить о г. Антоновичѣ, а не о самомъ дѣлѣ. Еслибы оны были серьезнѣе, еслибы оны обнаружилъ большее уваженіе къ предмету своей рѣчи, то здѣсь именно было бы мѣсто поговорить о трудности *органическаго* взгляда. Этотъ взглядъ имѣетъ именно то достоинство, что трудно въсѣхъ другикъ. Оны имѣетъ широкость, которая избавляетъ его отъ всякой односторонности и дозволяетъ безграничное углубленію мысли въ предметъ. Подъ именемъ *почемъ* разумѣются тѣ коренныя и своеобразныя силы народа, въ которыхъ заключаются зародыши всѣхъ его органическихъ проявленій. Какое-бы явленіе ни представляла исторія, современная или будущая жизнь народа, будетъ ли это пѣсня, сказка, обычай, частная или гражданская форма, все это признается законнымъ, имѣющимъ дѣйствительный смыслъ — настолько, насколько органически связано съ народной сущностью. А это не такъ легко рѣшить. Самыя повидимому ненормальныя и уродливыя формы народной жизни могутъ быть органическими; и наоборотъ, самыя повидимому правильныя и стройныя явленія могутъ оказаться нечуждыми механическихъ примѣсей и инородныхъ элементовъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того чтобы судить народъ по какой-нибудь *нашей* мѣркѣ, нужно стараться вездѣ отыскать его собственную мѣрку, ту единственную и нормальную мѣрку, которая

Т. VII. — Отд. II.

опредѣляетъ самую сущность каждаго природнаго явления. Это значитъ — нужно молить народъ.

Но по старинному праву — *ignoti nulla curatio*, чего мы не знаемъ, того и желать не можемъ. Г. Антоновичъ ничего не знаетъ объ этомъ пониманіи, а потому и желать его не можетъ. Отсюда надо. По коренному свойству человѣческаго ума, кто чего не знаетъ, тотъ отвергаетъ существованіе того, чего онъ не знаетъ. Г. Антоновичъ дѣйствительно не вѣритъ въ существованіе почвы. Хотите ли знать, какъ онъ понимаетъ русскій народъ? Вотъ его слова:

«Наша почва дѣйствительна, первобытна и шивина (*вы хотите сказать: глина?*) въ своихъ возрѣвнѣхъ; она когда-то случайно захватывала большую часть ихъ на сторонѣ, нѣкоторыя (*какія?*) придумала сама по своему вкусу (*тубому?*), да такъ и остается съ ними неподвижно (*даже ли же она потеряла производительность?*), потому что никогда не имѣла случая (*ну какъ не быть случаямъ!*) сознательно испытать и разобрать ихъ. Народъ не задумывался надъ своими убѣжденіями (*авронтко по тупости*), ничто ихъ не колебало, сомнѣніе собственное или возбужденное со стороны никогда не закрадывалось въ его голову (*а расколъ?*). На нашей почвѣ небыло и нѣтъ тѣхъ колебаній и движеній, которыя пережили европейскіе народы. Незначительное большинство образованныхъ людей успѣло усвоить себѣ результаты, добытые Европою. Наша же почва находится въ совершенномъ девствѣнн этихъ результатовъ (*следовательно что же въ ней есть?*)».

Коротко и ясно. На нашей почвѣ не выросло ничего; она осталась первобытною. А въ Европѣ выросло кое-что. И следовательно тамъ, гдѣ у насъ не посвяжено и не посвялено что-нибудь европейское, тамъ уже ровно ничего нѣтъ, голая земля. Замѣтите съ какими убѣжденіями равнодушіемъ говоритъ это г. Антоновичъ; признаюсь, еслибы и имѣлъ подобныя мысли, я пришолъ бы въ совершенное отчаяніе. Вѣдь что онъ говоритъ? Чтобы показать, что на нашей почвѣ ровно ничего нѣтъ (что вполнѣ равняется отсутствію почвы) ⁽¹⁾, онъ выставляетъ на свѣтъ, что «наша почва находится въ совершенномъ девствѣнн результатовъ, добытыхъ Европою». А я васъ спрашиваю: кто же знакомъ съ этими результатами? Но моему шивнѣю,

(1) Для ясности я долженъ здѣсь прибавить замѣчаніе, требующее нѣкотораго усилія ума и потому несовсѣмъ удобное для печати. Когда о народѣ говорятъ во аналогіи какъ о почвѣ, то почва здѣсь разумѣется не въ *геологическомъ* смыслѣ и не въ *агрономическомъ*, какъ думаетъ г. Антоновичъ, а въ смыслѣ *органической географіи*. Въ смыслѣ этой географіи почва означаетъ часть земной поверхности, отличающуюся известнымъ характеромъ своихъ растений. Все это тонкости, я согласенъ; но я держусь того правила, что нужно понимать смыслъ тѣхъ словъ, которыя употребляемъ.

американскія сѣмя г. Антоновичъ находитъ въ совершенномъ извѣдѣніи большей части результатовъ, добытыхъ Европою. Слѣдовательно и онъ далъ еще отъ степныхъ и молодордвѣй почвы. А что же такое передъ нимъ мужикъ, простой мужикъ? Безплодный камень, камень, на которомъ не растетъ ни былякики. Чувствуете ли вы теперь, въ какой пустыни вы живете?

Не вѣрить г. Антоновичъ въ почву, не признаетъ онъ ея силъ и законовъ. Эти печальныя убѣжденія онъ излагаетъ съ невозмутимымъ равнодушіемъ. Послѣ предыдущаго его разсужденія о почвѣ вы могли бы подумать, что онъ считаетъ нужнымъ именно изъяснить нашу почву съ результатами добытыми Европою, и что тогда, когда будутъ засѣяны эти сѣмена, все пойдетъ у насъ пышно цвѣсти и распускаться. Но и въ этой мысли есть нѣкоторая вѣра въ почву, и потому г. Антоновичъ тщательно устраняетъ ее, какъ заблужденіе. «Мы, люди образованные, — говоритъ онъ, — отличаемся апатизмъ и бездѣйствіемъ и вообще не можемъ похвалиться собою. Какъ знать, можетъ-быть тоже будетъ и съ почвою, когда она научится грамотѣ; образованіе можетъ-быть и ее не выведетъ изъ апатизма, какъ не вывело и насъ.»

Что сказать на это? Да, мы апатичны, мы безплодны; мы ничего не любимъ такъ, какъ слѣдуетъ любить, ничего не дѣлаемъ такъ, какъ слѣдуетъ дѣлать. Упрекъ справедливъ, хотя и высказанъ совершенно апатически. Но ужели таже участь постигнетъ и почву? Была эта страшная мысль. Еслибы г. Антоновичъ былъ знакомъ съ нашими вопросомъ о народности, то онъ бы зналъ, что его предположеніе было нѣкогда принято и высказано съ горячею рѣзкостью. Было сказано, что мы, русскіе, назначены представить міру отрицательный примѣръ въ исторіи, примѣръ народа, безплодно прожившаго свою жизнь. Обстоятельства, при которыхъ родилась и развивалась эта мысль, весьма многозначительны. Впервыхъ, она сопровождалась фанатическимъ поклоненіемъ западной духовной жизни; во вторыхъ, она явилась въ то тяжелое время, когда наша собственная жизнь замирала и изсохла. Поэтому историки нашего студнаго душевнаго развитія справедливо замѣчаютъ, что эта мысль — печальное порожденіе печальнаго времени. Она и была высказана съ горячею, съ душевной болью, потому что это была мысль отчаянія.

Спрашивается теперь, почему же нашъ юный публицистъ въ настоящее время высказываетъ ту же мысль съ такой беззаботностію? Почему онъ такъ спокойно и безболѣзненно выражаетъ свое невѣріе въ почву? Очень просто. Онъ вовсе не разонароваемый или отчужденный человекъ. Онъ не вѣритъ въ почву, зато тѣмъ

тѣснѣе вѣрять во что-нибудь другое. Но всей вѣроятности онъ обладаетъ какимъ-нибудь секретомъ прокъ философскаго камня. Образование есть средство, *смазывающее* силы почвы; а у г. Антоновича вѣроятно есть средство, *преображающее* дурную почву въ хорошую, подобно тому какъ философскій камень превращалъ свинецъ въ золото. Понятно, съ какимъ высокопріемъ онъ долженъ смотрѣть на всякія другія попытки въ отношеніи къ почвѣ.

Вотъ напрямѣръ какъ онъ поворитъ о грамотности:

«А мы о грамотности думаемъ такъ, что она есть безразличное оружіе, сила, которая цѣнится не сама по себѣ, а по тому дѣйствию, которое она производитъ. И при грамотности весьма важно то, изъ чего она прилагается и что будутъ читать грамотные. Есть ли свѣтъ и хорошія книги, но зато есть много и такихъ, что при видѣ ихъ невольно возбуждается досада на изобрѣтеніе типографскаго искусства и гораздо лучше не умѣть грамотѣ, чѣмъ читать подобныя книги.»

Судя по этимъ словамъ, мнѣ кажется я угадалъ. Хорошія книги, о которыхъ упоминаетъ г. Антоновичъ, суть безъ сомнѣнія знаменитыя книжки *г. Чернышевскаго*. Въ нихъ заключается если не весь талисманъ, то по крайней мѣрѣ часть его. Согласитесь сами, что если эти книжки должны были неизменно произвести превращеніе въ убѣжденія г. Юркевича, человѣка, безъ сомнѣнія, въ конецъ испорченнаго чтеніемъ дурныхъ книгъ, то еще сильнѣе оно должно подѣйствовать на неиспорченный умъ народа.

Книжки — рѣшительно больное мѣсто «Современника». Это даже странно. Уже сколько разъ, какъ скоро рѣчь въ немъ зайдетъ о книжкахъ, сейчасъ начинаются какія-то скользкія, шаткія мѣткіи. Невольно приходитъ на умъ калифъ Омаръ и его мудрое рѣшеніе. Г. Антоновичъ вѣроятно чувствовалъ, что въ его словахъ что-то неладно; поэтому онъ иронически прибавляетъ: «на основаніи всего вышесказаннаго, всякій желающій можетъ утверждать, что мы возстаемъ противъ грамотности и образованія почвы и не признаемъ за ними важнаго значенія, хотя мы собственно хотимъ сказать, что не въ одной грамотности вся суть,» и пр.

Но не побоюсь я его пропія и обвиню его въ неуваженіи къ грамотности. Въ самомъ дѣлѣ вѣдь не всякое уваженіе одинаково; бываетъ и такое уваженіе, что оно равняется полному неуваженію. Есть уваженіе къ грамотности, которое никогда не дойдетъ до досады на типографскій станокъ и до нежеланія знать грамоту; это уваженіе основано на довѣрціи къ человѣческому уму, на той широкой вѣрѣ, что умъ есть сила, ирѣнная сама по себѣ, сама собою неизменно совершающая свой прогрессъ. Съ этимъ нельзя и сравнивать то уваженіе къ грамотности, которое основано на довѣрціи въ

на умъ человѣческому, а къ своимъ собственнымъ мыслямъ. Въ такомъ случаѣ чѣмъ уже обиднѣе, меньше чѣмъ-нибудь мысль, тѣмъ меньше она понимается мыслями другихъ, тѣмъ меньше находитъ книгу достояніемъ уваженія, тѣмъ больше встрѣчаетъ поводовъ досадовать на типографское искусство, и следовательно тѣмъ меньше онъ уважаетъ грамоту. Уши, грамота — видъ это тоже что свѣтъ для глазъ. Скажите, ктоже возставалъ противъ солнечнаго свѣта? Съ тѣхъ поръ какъ люди научились говорить, кто говорилъ о свѣтѣ иначе, какъ не съ радостью, какъ не признавалъ его за великое благо, за добро несомнѣнное? Для кого глазъ не былъ драгоценнѣйшимъ изъ всѣхъ органовъ? Кто могъ дойти до такого равнодушія къ жизни, до такой слѣпоты, чтобы смелтически взглянуть на солнце и заподозрить благодѣтельность его оцінка? Точно также мы смотримъ обыкновенно на грамотность и на типографское искусство. Если отъ нихъ вырвется что-нибудь дурное, то въ этомъ ихъ точно также не упрекнуть, какъ никто не упрекаетъ солнца за то, что отъ него ложатся тѣни. Г. Антоновичъ смотритъ на это иначе. Онъ несовсѣмъ доволенъ свѣтомъ солнца. Чтоже это значить? Скажите, кто жалуется на свѣтъ дневной? Кому и въ какомъ состояніи случается говорить, что онъ желалъ бы, чтобы *глаза ея не видѣли свѣта*? Такъ говорятъ только въ порывѣ отчаянія и говорятъ для того, чтобы выразить самую крайнюю степень отчаянія. Между тѣмъ г. Антоновичъ, какъ видно, вовсе и не подозреваетъ, что онъ говоритъ своимъ примѣчанимъ людямъ, потерявшимъ всякую надежду.

«*Отрешивъ завѣданіе! Объяснить се, мнѣ кажется, можно развѣ отнѣтъ ермиссіемъ съ алхиміею. Представьте алхимика, передъ которымъ кто-нибудь сталъ бы хвалить свѣтъ солнца, сталъ бы объяснять, какъ этотъ свѣтъ все озаряетъ, согреваетъ, вызываетъ къ жизни. «Да, конечно, отвѣчалъ бы адептъ: — кое-что свѣтъ дѣлаетъ и иногда полезенъ; но онъ слишкомъ развлекаетъ людей, не даетъ имъ заняться великимъ дѣломъ. У меня же въ лабораторіи есть болѣе могущественныя силы и тайны; у меня готовится философскій камень, передъ которымъ ничтожны всѣ организмы, все что солнце можетъ вызвать и возрастить на землѣ.»*

«Последнія страницы своей статьи г. Антоновичъ посвятилъ вопросу о зависимости между матерьяльнымъ благообстояніемъ и образованіемъ народа. Ничего новаго не сказалъ онъ объ этомъ стародавнемъ вопросѣ, да не сказалъ даже ровно ничего опредѣленнаго. Послѣ разныхъ, совершенно незначительныхъ соображеній, г. Антоновичъ заключаетъ, что «заботящіяся о грамотности народа должны *имѣть* позаботиться и объ улучшеніи его матерьяльнаго быта.» Спрашивается, надалъ тутъ новость и кто противъ этого спо-

рять? Дѣло въдѣ совѣтъ не въ томъ: Народъ, имѣющій материальное благосостояніе, можетъ умственно развиться, но можетъ и не развиваться. Мало ли людей и даже племенъ, которымъ материальное обезпечено и одинаково ведутъ скотолодскую жизнь? Съ другой стороны народъ, умственно развитый, рано или поздно, отъ всеобщей нѣмы и неудачны, но некрайне можно достигнуть материальнаго благосостоянія. Дѣло не въ томъ, чтобы мы заботились о благосостояніи народа; нужно достигнуть того, чтобы члены самого народа заботились о своемъ благосостояніи и умѣли охранять и оберегать его. Слѣдовательно вопросъ въ томъ, какое условіе важнѣе, главнѣе, существеннѣе. Противъ тѣхъ, которые придаютъ слишкомъ большую важность материальному благосостоянію, которые склонны видѣть въ немъ начало и конецъ, альфу и омегу всѣхъ земныхъ благъ, мы приведемъ одно прекрасное мѣсто изъ «Современника» же (1861 г. XI кн.; внутр. обзор.), мѣсто, странно противорѣчащее остальнымъ статьямъ, проникнутымъ тѣмъ же духомъ, какъ статья г. Антоновича.

«Успѣшное движеніе впередъ, — говоритъ неизвѣстный авторъ, — быстрое возрастаніе благосостоянія какъ всякаго общества, такъ преимущественно христіанско-человѣческаго, въ главѣ котораго поставлены высшіе человѣческіе интересы, тогда только и возможно, когда каждый членъ будетъ принимать горячее участіе въ дѣлахъ общественныхъ, когда каждый будетъ смотрѣть на дѣло общественное какъ на свое собственное. Скажемъ болѣе: самое существованіе подобнаго общества возможно только подъ условіемъ живого, живно-присущаго членамъ общества сознанія этихъ высшихъ человѣческихъ интересовъ, когда каждый членъ, во имя этихъ интересовъ, не оскорбленію, униженію, стѣсненію своего брата въ какихъ бы то нибыло правахъ, принадлежащихъ ему какъ человѣку и члену общества, смотритъ какъ на посяганіе своихъ собственныхъ правъ и правъ всего общества, и за дѣло брата готовъ жертвовать не только всѣми своими силами, но и жизнью, ибо по слову писанія, *больше селъ любви никтоже имать, да аще кто душу свою положитъ за други своя*. Только такое общество имѣетъ право на названіе человѣческаго въ тѣснѣйшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Тамъ гдѣ *высшіе человѣческіе интересы не поставлены во главѣ всѣхъ другихъ*, гдѣ живо не сознаются эти интересы членами общества на всякомъ шагу ихъ жизни, гдѣ люди не находятъ для себя ничего выше заботы о своихъ ежедневныхъ нуждахъ, о своемъ материальномъ благосостояніи, тамъ люди могутъ образовывать вродѣ персидскаго, бухарскаго и т. п., но никакъ не человѣческое общество.»

Вотъ мысли, которыя могутъ быть поучительны для г. Антоновича.

вѣща. Но: какъ имъ слѣдуетъ? Какое главное условіе для крѣпости и благосостоянія общества? *Пробужденіе во снѣхъ совѣсти; оживленіе фантазіи; самодѣтельно заключаемъ мы, вообще пробужденіе совѣсти, грамотности, умственное развитіе.*

П. Антоновичъ оказался равнодушнымъ или невѣрующимъ въ отношеніи къ нашей литературѣ, къ нашей почвѣ, къ грамотности и книгопечатанію; но надо отдать справедливость, — онъ обнаружилъ такое добродѣтельное къ материальному благосостоянію народа: Что сказать объ этомъ сочувствіи одному благу предпочтительно передъ другими?

Вопросъ о материальномъ благосостояніи и вообще объ устраненіи страданій, которымъ подвержено человечество, есть, какъ извѣстно, самый живей современный вопросъ. Но поднять онъ уже давно; онъ нашъ говорится въ евангеліи, и сказано тамъ именно слѣдующее: *ищите прежде царствія боася, и вся сія приложатся сама.* Мы вѣнчались, и вынѣ имѣть нужды изживая этого рѣшенія.

Люди всегда были, есть и будутъ идеалистами. Иногда говорятъ: хорошо человечество! Сколько времени люди живутъ на землѣ и до сихъ поръ не умѣли устроить такъ, чтобы никто не умеръ съ голоду. Какой несправедливый упрекъ! Развѣ люди когда-нибудь ставили себѣ цѣлѣю устройство главной и единственной цѣлѣю? Блабы когда-нибудь они занялись имъ преимущественно передъ прочимъ, то при извѣстной смышленности, отличающей ихъ отъ животныхъ, они безъ сомнѣнія достигли бы этой цѣли. Но этого никогда не было; люди всегда желали болыа; они вѣчно увлекались другими цѣлями, вышми желаніями. Они постоянно хотѣли дѣлать изъ жизни какое-то очень серьезное занятіе, превратить ее въ дѣло болѣе важное и пріятное, чѣмъ простое *отсутствіе страданій*. И потому они всегда были легкомысленны, всегда охотно подвергали опасности себя и другихъ и слѣдали изъ исторіи не мирно повѣсть семейнаго счастья, а какую-то азартную и кровавую игру.

Идеализмъ составляетъ весь корень человѣческихъ бѣдствій. Въ этомъ взглядѣ заключается одно изъ глубочайшихъ открытій нашего времени. Его многіе поняли и должны наконецъ понять и тѣ, кто ищетъ причины бѣдствій въ чемъ-нибудь другомъ, направль въ глупость людей, въ отсутствіи какихъ-нибудь случайностей и т.д. Не все-ли зло произошло оттого, что мы слишкомъ уважаемъ то, чего не слѣдуетъ уважать, считаемъ важнымъ то, что не имѣетъ никакой важности? Что мы такъ охотно признаемъ право тамъ, гдѣ нѣтъ права, что мы такъ легко жертвуемъ собою, такъ легко всадъ творимъ себѣ идоловъ и кумиры?

Если же корень зла въ этомъ, то в излеченіе зла должно впасть съ этого корня. Отсюда понятно, почему многіе припавъ къ мысли, что нужно разрушить идеализмъ и направить на него всѣ свои удары. Повидимому такимъ образомъ употребляется самое простое и вѣрное средство: не будетъ идеализма, исчезнутъ и всѣ бѣдствія, которыми онъ пережидаетъ. Какое жестокое заблужденіе! Эти люди своими рѣчами и дѣйствіями напоминаютъ тѣ шуточные совѣты, которые иногда предлагаются больнымъ. У васъ болитъ рука? спрашиваетъ забавникъ: — отрѣжьте ее и она не будетъ причинять вамъ боли. У васъ болитъ голова? Отрѣжьте ее: после пройдетъ. Такъ точно совѣтуютъ и тѣ, кто желаетъ разбавить человечество отъ уклоновъ идеализма. Отнять у человека идеализма значить совершенно тоже, что отнять у человека голову на томъ основаніи, что она у него болитъ. Намъ сто большой головы намъ нужна эта же голова здоровая, а не безголовое туловище. Большой идеализмъ долженъ быть не уничтоженъ, а превращенъ въ здоровый.

Да въ чѣмъ вы изгнаете идеализмъ изъ человечества? Вы указываете людямъ на ихъ страданія, вы перечисляете всѣ ихъ муки и всѣ роды смертей, которыя они претерпѣваютъ. Но развѣ это чтонибудь значить? Развѣ человечеству нужно призывать — страдать и умирать? Вы говорите о нуждахъ; но люди во всѣ времена показывали способность терпѣть, не жадничать и быть доволными малымъ. Вы говорите о смерти, голодной или кровавой? Но опять таки во всѣ времена люди указывали расположенію рисковать своею жизнью и гибнуть безропотно. Да и странную бы поправку вы сдѣлали въ человеческой природѣ, вычеркнувши изъ нея идеализмъ. Хотите ли вы ее замѣнить? Хотите ли вы, чтобы люди больше дорожили хлѣбомъ и жизнью, чѣмъ дорожатъ теперь? Едвали кто согласится на это. Въѣдъ если человекъ почему-нибудь хорошъ, такъ именно потому, что онъ никогда не былъ доволенъ одною сытостью и житейскими благами, что всегда есть блага, которыя онъ ставитъ выше всякой сытости и всякихъ житейскихъ благъ, что съ другой стороны для него есть нѣчто болѣе оскорбительное чѣмъ голодъ, болѣе мучительное чѣмъ пытка, и что следовательно какия бы силы на него ни дѣйствовали, какъ бы часто ни повторялось и какъ бы далеко ни простиралось ихъ дѣйствіе, все-таки нѣтъ въ мірѣ силы, которая бы могла покорить человека до конца. Поэтому міръ управляется идеализмомъ; какъ бы ни были вѣрные различныя силы, входящія въ игру жизни, власть и господство принадлежатъ той силѣ, которая всѣхъ кричитъ и одна непобѣдима, — идеализму.

Уже изъ того, что величайшее зло, какими страдаютъ люди,

прекратить отъ идеализма, противники идеализма должны были бы понять, что идеализмъ есть величайшая сила, которая дѣйствуетъ въ человѣческой жизни. Отъ малой силы не можетъ произойти большого зла, каковы бы уклоненія она ни подвергалась. Сила, подавленная другою силой, легко была бы обуздана господствующею силой и направлена къ нормальной дѣятельности. [Но сила безусловно наибольшая идетъ въ своихъ уклоненіяхъ до конца, потому что ничѣмъ не можетъ быть задержана.

Можно вѣтъ того, что идеализмъ есть самая крѣпкая изъ силъ человѣческой жизни, друзья человечества, люди, сострадающіе его бедствѣмъ, должны бы были убѣдиться, что въ этой силѣ заключено самое могущественное и единственное средство исцѣленія и оздоровленія. Какъ прежде, такъ и нынѣ исцѣлить и спасти міръ нельзя ни шльбомъ, ни порохомъ и ничѣмъ другимъ, кромѣ *благотворности*.

Все это слѣдовало бы многимъ принять къ свѣдѣнію. Если мы хотимъ дѣйствовать и быть полезными, то должны понимать, въ какомъ положеніи дѣло, за которое беремся. Какая выгода быть слѣпыми и не видѣть того, что и какъ существуетъ въ дѣйствительности? Зачѣмъ, желая добра людямъ, ставить первымъ условіемъ то, что они должны измѣнить свою природу? Зачѣмъ удивляться въ отвѣтъ на мысли и чуждаться людской жизни, той жизни, которая на самомъ дѣлѣ согрѣваетъ душу людей?

Такъ какъ возстаніе противъ идеализма есть дѣло естественное, то понятно, что противники идеализма впадаютъ на своемъ поприщѣ въ неисходныя затрудненія. Не говорю уже о томъ, что противъ идей возможно сражаться только равнымъ оружіемъ, т. е. идеями же, и что слѣдовательно передъ идеализмомъ въ его всеоружіи анти-идеалисты являются часто истинно-жалкими бойцами. Нѣтъ, даже если противники идеализма сами достаточно идеалисты, они теряютъ свою силу, потому что неизбежно подвергаются слѣдующей дилеммѣ:

или они послѣдовательно идутъ до конца и тогда доходятъ до выводовъ, возмущающихъ всякій умъ и всякое чувство;

или, что всего чаще, они невольно дѣлаютъ уступки, слѣдовательно мирятся съ идеализмомъ и потому впадаютъ въ явное противорѣчіе.

Въ первомъ случаѣ, когда анти-идеалисты послѣдовательны, они становятся страшны и дѣйствительно производятъ собою впечатленіе челоуѣка, который, соболѣзнуя о вашей больной головѣ, поглядываетъ на нее съ тѣмъ, чтобы какъ-нибудь срѣзать вамъ ее съ плеча. Къ самымъ сердечнымъ и задушевнымъ привязанностямъ

они приступают съ возмущительнымъ пладокроуіемъ. Они бранятъ величайшихъ поэтовъ, напр. Пушкина, съ высшей гонимостью о самыхъ громадныхъ явленияхъ человѣческой исторіи, одни изъ движеній пера зачеркиваютъ цѣлыя области челоуѣческихъ идеаловъ, забывая, что здѣсь они уже впадаютъ себѣ и что на этой дорогѣ за ними уже не послѣдуетъ никто, въ комъ естественный челоуѣкъ идеализмъ получилъ достаточное развитіе.

Но, какъ я сказалъ, чаще дѣло происходитъ иначе. Проникши идеализма въ сущности, вѣдь такіе же идеалисты, какъ и всѣ прочіе смертныя. Даже строгіе и глубокіе умы между ними не въ силахъ отказываться отъ многихъ великихъ проявленій идеализма и страстно любятъ ихъ, хотя и находятъ ихъ по крайней мѣрѣ безосновательными. Что же касается до простыхъ людей, до тѣхъ, которые плывутъ по теченію, то, хотя имъ легче отказаться отъ идеализма, чѣмъ умамъ глубокимъ, они не бываютъ послѣдовательны потому, что находятъ болѣе удобнымъ вступить съ ними въ связь; они не хотятъ идти прямо противъ вѣсовъ толпы и потому постоянно сражаются или скрываютъ свое противорѣчіе съ нею.

Возьму примѣръ изъ нашихъ маленькихъ домашнихъ дѣлъ. «Современникъ» недавно объявилъ, что онъ разошелся въ мнѣніяхъ съ г. Тургеневымъ. Въ какихъ мнѣніяхъ онъ разошелся и по какому причинамъ могло случиться, что Тургеневъ остался отъ движенія «Современника» вперёдъ, — это конечно остается тайною для читателей. Но для тѣхъ, кто хорошо знаетъ положеніе дѣла, совершенно ясно, что «Современникъ» дѣйствительно долженъ былъ давно разойтись съ Тургеневымъ. Не это странно, а странно то, почему же это не обнаружилось раньше, т. е. почему они разошлись въ мнѣніяхъ, но на дѣлѣ не расходились, и «Современникъ» продолжалъ печатать произведенія г. Тургенева; напр. *Дворянское гнѣздо* и *Донъ-Кихотъ* и *Гамлетъ*. Сказать ли прямо почему? Да просто потому, что какой же журналъ откажется печатать Тургенева и не станетъ хлопотать объ этомъ? Со стороны «Современника» это очень неослѣдовательно; но несмотря на то, кто же рѣшится считать въ немъ недостаткомъ статьи Тургенева? И такъ дѣло имѣетъ обратный видъ: не «Современникъ» оставилъ Тургенева, а Тургеневъ оставилъ «Современникъ».

Вотъ и теперь «Современникъ», заявляя о своемъ разставаніи съ Тургеневымъ, самъ незамѣчая даетъ этому дѣлу видъ олицомомъ важный, неприличный достоинству журнала. Цѣлый журналъ тягается съ однимъ челоуѣкомъ, да еще съ поэтомъ. И что такое для «Современника» поэтъ? «Что онъ Гекубѣ и что ему Гекуба?»

Приведу другой примѣръ, также не мажоважный. Г. Антоновичъ

весьма презрительно отзываясь о томъ, что въ вашемъ журналѣ были толки о драмѣ г. Мея *Псковитянка*. Онъ находитъ, что толкованіе о такихъ вещахъ можетъ служить только *дурнымъ признакомъ* для журнала. Между тѣмъ въ той же книжкѣ «Современника», гдѣ г. Антоновичъ выразилъ такіа мнѣнія, объявляется какъ о важной и великой новости, что въ «Современникѣ» будетъ напечатанъ *Мимиз* г. Островскаго. Спрашивается, какъ же это согласить? Положимъ, что еще неопечатаннаго *Мимиз* уже позволительно ставить гораздо выше «Псковитянки»; положимъ, что съ похвалами вашего критика (съ которыми я впрочемъ совершенно согласенъ) *Мимиз* не согласившись; но почему же строгій публицистъ запрещаетъ не только писать, а даже просто *говорить* о явленіяхъ, которыя могутъ быть однакоже великою новостью?

Впрочемъ, къ чему мелкіе примѣры? «Современникъ» весь, цѣлкомъ составляетъ одинъ большой примѣръ большого противорѣчія. Ратуя противъ идеализма и возставая на поэзію, онъ самъ служилъ поэзіи усерднѣйшимъ образомъ и былъ самымъ литературнымъ нашимъ журналомъ, въ то время какъ самъ же отвергалъ жизненное значеніе литературы. Какой журналъ отличался лучшимъ выборомъ повѣстей и стиховъ? Какой журналъ печаталъ не-что Тургенева, а когда нужно было, даже Бсенедиктова? Какой журналъ умѣлъ не только пользоваться прежними талантами, но и выводить на сцену новыхъ литературныхъ дарованій?

«Современникъ» похожъ на тщеславнѣйшаго Франта, который, будучи тщеславнымъ одишъ, для большаго шикку постоянно бранитъ тщеславство и тщеславіе. Или еще лучше: онъ похожъ на челоука, который постоянно бранитъ богатство, а самъ живетъ въ величайшей роскоши. Какъ бы то ни было, но только это — не серьезное дѣло.

Н. КОБИЦ.

ПО ПОВОДУ НОВЫХЪ ИЗДАНІЙ О РАСКОЛѢ

РАСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ СТАРООВРЯДСТВА, переданные С. В. Максимовымъ по раскольниковымъ рукописямъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861.

ЖИТІЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, имъ самимъ написанное. Издано подъ редакцію Н. С. Тихонова по раскрашенной рукописи Д. Е. Кожанчиковымъ. Спб. 1861.

ПОВѢСТЬ О НОВГОРОДСКОМЪ БѢЛОМЪ КЛОБУКѢ и СКАЗАНІЕ О ХРАНИТЕЛЬНОМЪ БЫЛІИ, МЕРЗКОМЪ ЗЕЛІИ, ЕЖЕ ЕСТЬ ТАБАЦЪ. Два произведенія раскольниковей литературы. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861.

Въ древней Руси въ каждой области существовало самоуправленіе, развивалась свободно-самостоятельная жизнь, обусловливаемая мѣстностью, племеннымъ характеромъ, особеннымъ родомъ занятій и дѣятельности и т. п. Съ усиленіемъ централизаціи эта самобытная жизнь должна была сглаживаться, подчиняться общему теченію и уровню. Не охотно разставались областные жители съ своею самостоятельностью и свободою, съ своими правами и стремленіями, и стояли въ оппозиціи долгое время къ новому для нихъ началу централизаціи. Въ смутное время самозванцевъ рушилось пасивное соединеніе областей; каждая область стремилась усилиться и возвратиться къ прежней самобытной жизни и приобрѣсть свои старыя права. Но вотъ, съ Михайла Федоровича и особенно съ Алексѣя Михайловича, централизація усилилась, и въ это время, по собственному выраженію народа, ему казалось, что излились на Русь православную всѣ апокалипсическіе фіалы горести. При усиливающемся господствѣ Москвы увеличилась тягостя и стѣсненія народа, который отвыкъ во время государственнаго беззарядія отъ повинностей. Въ массахъ явилось недовольство, и при указахъ, предписываю-

щихъ большіе налоги, народъ сталъ возмущаться. Повинностей деньгами и ватурою являлся цѣлый легіонъ: не находилось промысла и занятія, которые бы не были обложены данью; самый проѣздъ дорого стоялъ. Особенно горько приходилось крестьянамъ, когда выправляли клѣбныя и дежожныя повинности: ихъ сѣкли, мучили нещадно, случалось даже, что побивали на-смерть. Въ 1624 г. отъ этихъ операцій на Белоозерѣ разбѣжались всѣ посадскіе. Изъ друикихъ городовъ тоже всѣ недостаточныя, вся голытьба уходили отъ жестокостей или грозились, что разбредутся врознь. Воеводѣ посылали въ кормачье по областямъ, и они кормились на-славу: задачей ихъ было какъ можно больше замучить денегъ, а иногда они нападали на крестьянъ какъ разбойники и грабили ихъ. Правды и закона искать было негдѣ: они продавались на вѣсъ серебра и домашнихъ продуктовъ; развелись ябедники, которые сдѣлали изъ правды себѣ ремесло; по соглашенію съ судьями, они обвиняли честныхъ людей въ различныхъ преступленіяхъ, чтобъ взять окупъ. Прикрѣпленіе народа къ землѣ и запрещеніе перехода отъ одного владѣльца къ другому заставляло многихъ бѣжать по крайнамъ и искать «вольной воли». Сосѣди-помѣщики часто воевали другъ съ другомъ цѣлыми вотчинами, били и разоряли крестьянъ, своихъ людей мѣняли на борзыхъ собакъ, проигрывали и отдавали чиновникамъ вмѣсто вѣтки. Тиранствамъ не было мѣры: крестьянъ травили собаками, засѣкали до смерти, въ морозъ въ одной рубашкѣ запирали въ холодныя хатки или ставили на снѣгъ босыми ногами; у женщинъ вырѣзывали груди, вѣшали на сутки вверхъ ногами, и безъ всякой совѣсти оскаверняли дѣвицы и брачное ложе.

Недалеко подвинулось состояніе народа и при Петрѣ I; только при немъ еще болѣе становилось число недовольныхъ его стѣсненіями и нововведеніями. Его войны и постройки изнурили народъ рекрутскими наборами и сгубили тысячи людей; его преобразованія были страшно тяжелы для народа, и народъ отказался отъ нихъ. Его жестокія пытки, преслѣдованія и страшныя казни по одному ничтожному демосу и часто за одинъ покрой платья или ношеніе бороды возбуждали закоренѣлую ненависть къ нему. Его механическое произвольное созданіе государственной системы управленія, сухое развитіе централизаціи до смѣшныхъ мелочей, пренебреженіе чиновничествомъ обдастей, дѣленіе подданныхъ на касты, преархизіе русской народной жизни со всѣми ея преданіями и любовь къ иноземному, — все это поставило въ враждебное отношеніе къ нему народъ, для облегченія участи котораго онъ ничего не сдѣлалъ, и разорвало съ нимъ его духовную связь. Петръ хотѣлъ образовать одно дворянство и чиновничество, а о народѣ не заботился, считая его здымъ

раскольниковъ, неспособнымъ къ воспріятію его нововведеній. Простой крестьянинъ Посошковъ напрасно писалъ на имя Петра, показывая, что за тягости взвалены на плечи народа, говорилъ, что его нужно образовать, что нововведенія вовсе не въ его думѣ, что «безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никомни дѣлы невозможно». Не упоминаешь о жестокостяхъ во времена бирюзовщины и страданіи народа при Елизаветѣ Петровнѣ; скажемъ коротко, что втеченіе всего XVIII вѣка недовольство въ народѣ росло, росло и высоко поднялось. Ему навязывали различныя нововведенія, неспросясь его воли и желанія, посягали на святость и цѣлость его убѣжденій, вводили нектати произвольныя реформы, которыя вмѣсто улучшеній приносили лишнія тягости народу. Нагроможденныя некуственно, права и требованія не имѣли никакого отношенія къ жизни и стѣсняли ея свободное развитіе на каждомъ шагу. Толпы иностранцевъ, какъ голодныхъ пьяки, принуждены были часто безъ всякой надобности къ организму народному; вытягивали изъ него лучшіе соки и не давали ему свободнаго движенія. Эти просвѣщенные учителя не хотѣли понять коренныхъ народныхъ началъ и требованій духа національнаго, муштровали народъ по своей методѣ, считая его Иванушкой-дурачкомъ. Корпорация чиновническая и дворянская бросилась подражать иностраннымъ обычаямъ и гуляла въмечину на свою стать, приучалась къ безцѣленной роскоши и легкой мишурной жизни, которая для насъ теперь кажется нелѣпою и дикою. Какъ же долженъ былъ взглянуть на соблазнительныя затѣи строгій, степенный тогдашній русскій мужикъ, на трудовыя деньги котораго барство тѣшилось всякаго рода прихотями? Ему показался такой образъ поведенія безбожнымъ, языческимъ.

Все хотѣли навязать народу внѣшними насиліями, все желали перестроить по своему произвольному плану, который не имѣлъ жизненныхъ разумныхъ основаній, никакъ не вязался съ думами, чувствами и стремленіями народными. Но при всемъ наружномъ повиновеніи, никакія жестокія стѣснительныя мѣры не заставили перемѣниться народъ и остались безуспѣшны: онъ ушелъ только въ себя, сдѣлался страшно подозрителенъ, не уступилъ ничего изъ своихъ убѣжденій, жилъ постарому, питалъ прежнія свои задушевыя мысли и часто за нихъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, несъ голову на плаху. Народъ заявлялъ свои невольныя, естественныя требованія духа національнаго и стремленія къ самостоятельному развитію; его не понимали и не хотѣли признать законными эти естественныя требованія. Онъ ни въ комъ не видѣлъ заботливости и покровительства: мірская сходка его не имѣла силы и эти

ности. Волею взывающихъ о помощи и слезнымъ прошеніемъ крестьянъ заглушались дикими, неистовыми криками вакханалій тогдашняго барства. Горькія жалобы на притѣсненія не доходили по назначенію; крестьянъ гнали и били, когда они рѣшались обратиться съ своими требованіями; смѣльчаки, вздумавшіе прямо и открыто протестовать противъ наглыхъ угнетеній, осуждались какъ бунтовщики и мятежники, или безъ суда и слѣдствія погнбали въ острогахъ и рудникахъ.

Народъ шолъ искать утѣшенія въ тяжелой долѣ къ своимъ отцамъ духовнымъ, въ храмъ и за стѣны монастырей; но и здѣсь не находила покоя его страждущая душа, смущалась его мягкая совесть.

До XVI вѣка русскій народъ не имѣлъ достаточнаго познанія вѣры христіанской. Онъ ходилъ въ храмъ, твердилъ молитвы, проводилъ праздники; но дѣлалъ все безъ сознанія ихъ значенія, смѣшивалъ ихъ съ старыми языческими обрядами, одушевлялъ прехялыми понятіями и вѣрованіями. Въ XVI вѣкѣ начало пробуждаться сознаніе народа, и онъ сталъ выкатъ въ жизнь религіозную и заимѣвалъ въ ней много чуждаго, несвойственнаго его духу и характеру. Народъ любилъ путешествовать въ монастыри для богомолья и за совѣтами къ людямъ, посвятившимъ всю жизнь на служеніе Богу; но встрѣчалъ тамъ мірское стремленіе къ богатству, чести и довольству, и вмѣсто урока и назиданія выносили тяжелае сознаніе паденія жизни монашеской, воспоминалъ ирехнихъ своихъ суровыхъ аскетовъ, которые были полны любви къ народу, благотѣльствовали ему и защищали его предъ сильными. Онъ искалъ представителей вѣры и нравственности, которые бы входили въ жизнь его, слѣдили за нимъ разумнымъ взглядомъ и руководили на пути умственнаго и нравственнаго развитія, но не находилъ такихъ умныхъ и дѣльныхъ руководителей. Въ народѣ развилае потребность учиться, но правительство, взявшее на себя опеку ученія, не устроило никакихъ школъ для народа; а какія были, то ихъ преподаваніе было ненавистно народу и нисколько не вязалось съ его потребностями и характеромъ; онъ желалъ учиться у своихъ поповъ, но они или сами были тогда малограмотны, или не хотѣли заваяться ученіемъ народа. Тогдашнее духовенство большею частію погрузилось въ матеріальные интересы, не понимало стремленій народныхъ, дѣйствовало формально, но внѣшности, ценила духа и жизнь; на свою обязанность смотрѣло какъ на оброчную статью, холодно, механически, небрежно относилось къ дѣлу вѣры, и надъ внѣшностью ревягив шолъ пьяную руку не боялось кощунствовать передъ народомъ. Въ жизни большей части духовенства

того времени главной стихіей была лѣнь, пьянство, скрѣпничество; ложныя показанія за нѣсколько копѣекъ, ностоянныя, безобразныя ссоры причетниковъ между собою, ихъ судбища и клузы, брань съ прихожанами изъ-за нѣсколькихъ грошей, презрѣніе народныхъ нуждъ, лѣсть предъ высшими, особенно чиновниками и помѣщиками. Да и то нужно сказать, что оно могло сдѣлать, если его тѣснили и давили со всѣхъ сторонъ?

Липовный утѣшенія въ религіи, народъ не предвидѣлъ исхода изъ своего безотраднанаго положенія, и поставленный частью собственно въ этотъ замкнутый кругъ, онъ попытался развращеніемъ своей гражданской нравственности. Недовольный порядкомъ или лучше безпорядкомъ дѣлъ, немѣя силы открыто противодействовать напору неестественныхъ требованій, — народъ прибѣгалъ ко лжи и обману мѣстныхъ властей, къ записательству и изворотамъ и притворству всякаго рода, а кто могъ, дѣйствовалъ подкупамъ. Наружно исполнялъ народъ предписанія и повиновался распоряженіямъ по принужденію, изъ-подъ палки, нисколько нечувствуя имъ, необуѣженный въ необходимости и важности мѣръ, которыя предпринимались для его пользы, или лучше для пользы государства... Отсюда неуваженіе къ закону и увѣренность въ силѣ произвола его блюстителей: «небойся суда, а бойся судья», говоритъ онъ по опыту.

Въ силу этого убѣжденія народъ скрываетъ виновниковъ преступленія, считаетъ осужденныхъ закономъ несчастными. На исполнителей закона онъ сталъ смотрѣть какъ на враговъ своихъ и всѣ мѣры правительства перетолковывалъ по-своему, даже на самыя полезныя введенія смотрѣлъ подозрительно: они были далеки отъ требованій его духа и не находили въ немъ сочувствія и отзывавъ.

Между тѣмъ какъ большая часть народа грустно склонила голову и подчинялась противъ совѣсти всѣмъ распоряженіямъ, изрѣдка въ нестерпимыхъ случаяхъ поднимая ее энергически и разумѣется не на радость, — другая часть народа протестовала неповиновеніемъ господствующему порядку и возстала противъ неустройствъ и безпорядковъ общественной жизни, противъ стѣсненія мысли и совѣсти, противъ неправды судопроизводства, противъ рабства и злоупотребленій мѣстныхъ властей, тяжести налоговъ и безправія. Эти люди цѣлыми толпами безиріютно бродили по лѣсамъ, степямъ и пустынямъ, населяли новыя мѣста, бѣгая отъ рекрутчины, отъ податей, отъ наспоровъ, отъ судебныхъ проволочекъ на десять мѣтъ. Многіе цѣлыми партіями переселялись въ предѣлы Швеціи, Польши, Литвы, Турціи, въ Китай, въ Персію, на Кавказъ, въ Крымъ,

бѣжали отъ неправды государственной жизни, отъ низкаго произвола и деспотизма. Часть забравшихъ дѣйствительно бѣглецовъ, съ страшною ненавистью въ душѣ, старалась мстить господствующему безпорядку, открытою силой. Этихъ удалыхъ молодецъ заставляла бѣжать отъ житейскихъ невзгодъ и подавляющихъ обстоятельствъ разгуль-глубокой души, жаждущей дѣятельности и встрѣчающей гнетъ непреодолимый, тѣснота и духота жизни, изъ которой душа рвется на просторъ и требуетъ своихъ правъ и бѣшено стремится сломить тѣсную преграду всѣми возможными средствами, или сломить въ борьбѣ собственную голову, или же въ дикомъ весельи залезть горе и жажду дѣятельности зеленымъ виномъ. Отсюда появилось такое множество разбойниковъ въ концѣ XVII и въ XVIII столѣтіи. Они стояли за самостоятельность развитія народа, за его права, которыя такъ пошло понимали, на которыя не обращали вниманія; они мстили за это презрѣніе къ народному голосу, хотѣли уничтожить виновниковъ его несчастнаго продолженія: вѣшали бояръ и священнослужителей, грабили и били купцовъ, жгли всѣ попадающіеся бумажныя кляузы, четвертовали и мучили чиновниковъ, военныхъ, приказчиковъ и управляющихъ за поборы и притѣсненія народа, выпускали на свободу осужденныхъ къ наказанію закономъ, который они ненавидѣли, какъ несоотвѣтствующій жизни народной. Несмотря на всѣ жестокости, какія только могла изобрѣсть злоба человѣческая, разбойники все размножались и съ ожесточеніемъ и твердостью выносили пытки. Въ одной пѣснѣ говорится, что воть ведутъ на висѣльницу удалого разбойника; его сопровождаютъ отецъ, мать, молодая жена и дѣти и молятъ-просятъ его со словами, чтобъ онъ повисился, — и тогда простятъ его. Но

• Каменѣетъ сердце молодецкое:
Онъ противится царю, упрямствуетъ,
Отца-матери неслушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтахъ своихъ не болѣзнуетъ. •

Общее недовольство, сильный гнѣвъ на невнимательность къ нуждамъ, на презрѣніе страданій народныхъ даютъ глубокой смыслъ этимъ повидимому дикимъ и безразсуднымъ возстаніямъ бѣглецовъ противъ административнаго порядка стараго времени. Весьма характеристичный рассказываетъ случай раскольническій старецъ Корнилій, какъ на него напали разбойники и что это за лица. Отдыхалъ разъ ночью Корнилій въ лѣсу за Москвою одинъ, разложилъ огонекъ и пѣлъ повечеріе; вдругъ явилось 35 человекъ разбойниковъ.

«Осмотрѣвши въ кошелѣ моемъ — говорятъ онъ — и видѣвши се-
 большія, нужныя мнѣ книги и случившіяся тутъ новѣсти о счастливыхъ
 разбойникахъ, я денегъ только десять алтынкъ, — атаманъ велѣлъ
 мнѣ читать книги. Читать я имъ всю ночь; атаманъ слушалъ вни-
 мательно и наконецъ прослезился, приговаривъ: отъ сего дня пере-
 стану я разбойничать, а ты, отче, ступай съ широкъ и не бойся! И
 далъ мнѣ еще сверхъ того милостыню, приговаривъ: «Вышешнякъ
 вы есте!» (Рассказы Макс.). Тогдашніе разбойники дрались за льготы
 крестьянъ и свободу: потому народъ питаетъ свое сочувствіе къ
 нимъ, хотя и ему часто доставалось отъ ихъ шалостей, слагаетъ
 про нихъ свою поэтическую думу, обстановкаиваетъ свѣтлыми чер-
 тами обликъ всѣхъ этихъ добрыхъ молодцевъ, богато надѣленныхъ
 дарами природы, — молодцевъ, которые принимали сланинскіе близки
 къ сердцу явленія горькой жизни народа, не умѣли утѣшиться под-
 твержестью существующаго порядка дѣлъ, и въ безумномъ разгулѣ
 забывали свою судьбу и тратили силы. Народъ доселѣ поетъ нѣсни,
 въ которыхъ осмѣиваетъ всѣ ухищренія чиновниковъ и солдатъ въ
 борьбѣ съ ними; онъ влагаетъ въ уста разбойниковъ такіа рѣчи:

• Высылають часты высылки солдатскія,
 Они ловятъ насъ, хватають добрыхъ молодцевъ,
 Называютъ насъ ворами да разбойниками,
 И мы, братцы, вѣдь не воры, не разбойники:
 Мы люди добрые, ребята все повольскіе...

Наконецъ противъ стѣсненія вѣры, мысли и совѣсти, противъ без-
 порядковъ жизни гражданской и духовной возстала цѣлымъ тысячамъ
 народа, извѣстные у насъ подъ общимъ именемъ раскольниковъ.
 Преслѣдуемые за свое смѣлое, энергическое противленіе силѣ и вла-
 сти, они бѣжали по всѣмъ концамъ Россіи, крылись какъ дикіе
 звѣри въ темныхъ лѣсахъ, въ горныхъ вертепахъ и широкихъ пу-
 стыняхъ, а иные уходили за границу. Бѣглецы и разбойники мало-
 помалу уничтожались, раскольники же наоборотъ — увеличивались
 съ каждымъ годомъ. Руководясь порывами ума и совѣсти на пути
 къ самостоятельности и свободѣ развитія, они организовали свое
 демократическое общество, составили тѣсное братство на сред-
 ныхъ началахъ, стали въ оппозицію къ правительству, и никакая
 сила не могла поколебать ихъ задуманныхъ естественныхъ убѣжде-
 ній и стремленій.

Воровскіе казаки и разбойники были люди порывистые, люди
 дѣла, и не заботились объ организаціи общины; оттого и появленіе
 ихъ такъ безпорядочно и непродолжительно; а расколъ оттого росъ

и усладились; что первымъ дѣломъ его была пропаганда и распиреніе своей общины; притомъ у него была сила жизни умственной и сила спокойной послѣдовательности въ устройствѣ и организаціи общины. Гонимые и лишившіе гражданскихъ правъ, раскольники разбрелись по всей Россіи съ энергической проповѣдью о послѣднихъ временахъ, съ проклятіемъ на устахъ господствующей церкви и правительству. Они всѣми силами старались, считали святымъ долгомъ и обязанностью — разсѣвать свои убѣжденія; увеличивать число пріверженцевъ. Одни бродили подъ личиною юродивыхъ, другіе подъ видомъ продавцовъ, разносчиковъ, офеней, третьи приклепали народъ своимъ затворничествомъ, суровою, истинно-христіанскою жизнію; вездѣ слышался ихъ энергическій голосъ — и на струнѣхъ, плывшемъ по широкой Волгѣ, и въ закоптѣлыхъ мастерскихъ, и на фабрикахъ, и на заводахъ, и въ монастыряхъ, и на базарахъ, и на постоялыхъ дворахъ, и на сѣнокосѣ, и въ харчевняхъ. Народъ шло толпами къ этимъ проповѣдникамъ, слушалъ съ жадностью ихъ пылкія рѣчи о спасеніи отъ житейскихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, о терпѣніи во время гоненія антихриста и усердныхъ слугъ его. Искренно убѣжденные въ правотѣ своего слова и дѣла, живы потребностями и нуждами народными, эти наставники говорили въ его духѣ и характерѣ, со слезами на глазахъ, съ горячимъ участіемъ къ угнетенному народу, жертвовали своей жизнью, какъ ясно видно изъ «Житія протопопа Аввакума» и какъ увидимъ мы дальше.

Ихъ проповѣдь была направлена именно противъ тѣхъ злоупотребленій, отъ которыхъ страдалъ въ то время русскій человекъ и въ судѣ, и въ быту житейскомъ, и по части торговой. Народъ чувствовалъ, что слова раскольника дышатъ правдой: все, о чемъ онъ такъ горячо разсуждаетъ, крестьянину бросается въ глаза чуть не каждый день, — и онъ увлекался обѣщаніями спасти свою душу и избавиться отъ тягостей жизни. Вотъ почему ученіе раскольниковъ такъ широко обхватило русскій народъ. Съ другой стороны, ихъ согласія и общины были открыты для всѣхъ желающихъ и преслѣдуемыхъ закономъ; тамъ cadaго принимали какъ преслѣдуемаго антихристомъ, какъ несчастнаго страдальца. Въ общинахъ раскольниковъ находили пріютъ и бѣглый солдатъ, и раструженный попъ, и пьяница-монахъ, и колодникъ, ускользнувшій изъ острога, и подъячій, и бѣжавшій крестьянинъ отъ рекрутчины. Какъ ни далеко отдѣлялись разныя согласія другъ отъ друга странствомъ, но они имѣли постоянныя сношенія; одно общество посылало къ другому своихъ выборныхъ представителей, писало

послания и увѣщанія въ случаѣ нужды, сношлось съ заграничными раскольниками; изъ выборныхъ составлялись соборы, на которыхъ разсуждали о ученіи или нововведеніяхъ, о вѣрахъ претиводѣйствіи напору силы и т. п. Одно общество предудреждало и увѣщало другое въ случаѣ опасности, сообщало новости, интересныя для братства. Въ критическихъ случаяхъ они дѣйствовали различными происками, имѣли самыхъ вѣрныхъ агентовъ въ Москвѣ и Петербургѣ и большія связи, сыпали деньгами, гдѣ слѣдуетъ, изъ общественнаго капитала, который всегда былъ очень значителенъ: напримѣръ у рогожскаго кладбища онъ простирался до 12 миліоновъ. Неговоря о мелкихъ чиновникахъ, губернаторы и сильныя міра сего были въ ихъ рукахъ. И нужно удивляться практической мудрости и здравому смыслу этихъ простыхъ русскихъ темныхъ людей, какъ они хорошо знали слабыя стороны и умѣли водить за носъ преслащенныхъ особъ, сразу отгадывая, какъ подѣхать къ нимъ и сварить съ ними пиво. Они говорятъ о себѣ въ этомъ случаѣ, что нельзя же обойтись безъ столкновеній съ властями, и мы дескать подражаемъ Никодиму — днемъ бываемъ въ жидовскомъ сонмищѣ, свинарїонѣ и въ синагогахъ съ фарисеями и книжниками, а ночью бесѣдуемъ съ учениками христовыми и съ самимъ Господомъ; такъ какъ за правду насидишься въ острогѣ, до конца разордишься по хозяйству и промысламъ, то беремъ иногда грѣхъ на душу — молчаливаемъ о правдѣ, и каемся въ этомъ въ общемъ собраніи вѣрныхъ. Когда же не удаются имъ попытки, то эти Никодимы сильно возстаютъ противъ власти, открыто сопротивляются распоряженіямъ и твердо отстаиваютъ свои убѣжденія, — и тутъ ужъ не могутъ никакія увѣщанія, угрозы и обѣщанія. И чѣмъ больше употребляли противъ нихъ строгости, тѣмъ сильнѣе они отстаивали свои права.

Общины раскольническія поставлены такъ, что и послѣдній бѣднякъ имѣетъ въ ней голосъ; они руководствуются общимъ приговоромъ въ сомнительныхъ и судебныхъ дѣлахъ, а чаще всего чрезъ выборныхъ. Эти лица приобрѣтаютъ свое нравственное вліяніе не протекціей, авторитетомъ или родовымъ преимуществомъ, но личными качествами, подвигами, трудами и заслугами. Этимъ выборнымъ общество повинуетъ охотно и безирекословно, не изъ страха и боязни наказаній, но по убѣжденію въ добросовѣстности ихъ дѣйствій, въ безкорыстныхъ стремленіяхъ ради общественной пользы. Они руководятъ въ обществѣ судомъ и расправой, и ихъ приговоры никто не осмѣливается нарушить, и рѣдкій раскольникъ прибѣгалъ къ правительственному суду: онъ

хорошо знают его проволочни, его дороговизну и безжизненность. Раскольники имѣютъ такого рода правило: «лице кто пойдетъ подъ иносѣрный судъ о всякихъ мірскихъ междорѣчій, а христіанскій судъ презирай, таковаго отъ христіанства отлучить.» (Изв. о раск. Юан., ч. 2, стр. 50). Часто собираются они мірныя-сборомъ потолковать объ обстоятельствахъ, имѣющихъ вліяніе на ихъ самобытцую жизнь, о торговкѣ и промышленныхъ предпріятіяхъ, о устройствѣ порядка въ общинахъ, о распространеніи старой вѣры и т. п. Они знаютъ, что умъ хорошо, а два лучше, и результатомъ этихъ общихъ сходокъ является новое-выбудь-полезное заведеніе школѣ училища или богадѣльни. Они всегда поддерживаютъ своихъ сиротѣй, помогаютъ въ случаѣ неудачи изъ общественной казны, а богатые даютъ капиталы для оборотовъ людямъ промышленнымъ, крестьянамъ доставляютъ работу за отличную плату, и они трудятся добросовѣстно и усердно; кошишь кормить рабочихъ исправно, и самъ часто обѣдаетъ съ ними, разсуждая о дѣлѣ и выслушавъ замѣчанія нестеровыхъ. Подвергшагося суду и попавшагося чашевнику крестьянина-раскольника собрать не выдадутъ: они похлопочутъ за него, защитятъ и выкупятъ. Отъ этой обвинной ошени, между раскольниками почти нѣтъ бѣдниковъ, которыхъ такъ много между православными. О честности въ дѣлахъ между раскольниками и говорить нечего.

Бракъ въ раскольническихъ общинахъ совершается по большой части по взаимному согласію и съ благословеніемъ родителей. Всего замѣчательнѣе въ этомъ случаѣ то, что имѣя свободу бросить свою жену, рѣдкій раскольникъ рѣшается на это; развѣ шовадеть жена неровна, или особеннаго рода неудача въ выборѣ заставляетъ его прибѣгнуть къ разводу. Нельзя также не обратить особеннаго вниманія на то обстоятельство, что женщина у раскольниковъ имѣетъ большее значеніе и вліяніе, чѣмъ у православныхъ. Нерѣдко она руководитъ цѣлой общиной, управляетъ нѣкоторыя службы церковныя, занимается распространеніемъ раскола и обученіемъ дѣтей грамотѣ и развѣщеніемъ въ нихъ убѣжденій въ духѣ своей общины.

Вообще обученіе дѣтей грамотѣ и отчасти вѣрѣ предоставлено почти исключительно женщинамъ-мастерицамъ и скитницамъ, у которыхъ помѣщается или собирается часто цѣлая школа. Дѣтей обучаютъ пѣнію, кромѣ грамоты, четному полууставному письму, а дѣвочки сверхъ того рукодѣлю. У раскольниковъ есть школы живописи или иконописанія, водятся также тайныя высшія училища, въ которыхъ преподается вѣроученіе ихъ опытнымъ наставниками; отсюда выходятъ ихъ народныя учителя. Грамотность и начитан-

ность распространены между раскольниками: несправедливо, съидею, чѣмъ у православныхъ; женщины настолько же воспитываются, какъ и мужчины, а это дѣло не маловажное. Тамъ какъ раскольники болѣе промышленны, трудолюбивы, трезвы, дѣятельны въ обществѣ благосостояніи чѣмъ православныя, то по своему положенію, въ господствующему порядку, принуждены обдумывать свои дѣйствія, соображать средства, чтобы дѣрживе достигнуть дѣла. — По первому они бойчѣе и несравненно развитѣе православныхъ, самостоятельны и предпримчивѣе ихъ.

Несмотря на всѣ преслѣдованія и стѣсненія, раскольники дѣлали свои дѣла втихомолку, и всегда успѣшно устроили благосостояніе своей общины. Они завели свои типографіи, писали книги, и разсылали по всей Россіи; досель любили они и библіи иконы, такъ уважали мыя народомъ, имѣють лавки для продажи хлѣба, иконокъ, образовъ и другихъ необходимыхъ для раскольника принадлежностей. Въ скитахъ, общинахъ при часовняхъ и молебныхъ оны образовали свои библіотеки, изъ которыхъ выдавали книги людямъ мало-ресующимся чтеніемъ, руководили ихъ въ выборѣ несмысленнаго и объясняли прочитанное и побуждали къ добродѣтели. Словообразованіе литературная дѣятельность раскольниковъ развиты въ немалыя размѣрахъ. Сила мысли и слова ихъ заключается въ глубокое убѣжденіи, въ искренней любви къ веринѣ и къ ближнимъ, и въ народнымъ ихъ выраженіи. Въ своихъ сѣвахъ оны оцѣнивають горуку долю «остатцевъ ироніиго благочестія» и жалуются на недостатки жизни общества.

Потребность поэзіи не находила удовлетворенія въ литературѣ нашей, и потому раскольники такъ пристрастны къ древней русской письменности, въ которой встрѣчается много повѣстическихъ картинъ, особенно въ житіяхъ святыхъ и въ апокрифическихъ сочиненіяхъ. Въ жизни религіонной раскольники видятъ удовлетворенія естественной склонности къ догматизму, порядку и чувству справедливости, чего весьма было въ церквахъ православныхъ въ старыя гды. Въ раскольническихъ молебныхъ и скитахъ простой русскій человекъ находитъ пищу своей набожности, своему стремленію къ шзашеству: тамъ оны видятъ строгій порядокъ, ненарушаемый ни разговоромъ, ни смѣхомъ, тамъ все чисто и благообразно, видють нараспѣвъ, поють въ духѣ русскаго народа — протакно, заушываю, все исполняютъ по чину. Въ скитахъ къ простому мужику ласковы, доступны, никто его не толкаетъ, не бранить; тамъ накормятъ и накурятъ его, если оны нуждается, дадутъ совѣтъ самый практический, похотатайствуютъ за него вредъ фабрикантомъ, манатаи-

стою и на чиновникомъ, въ комъ ему нужда. Во всякомъ случаѣ всегда примутъ участіе, утѣшатъ въ горѣ и разогнать лишнее сомнѣніе. Общественно нападаютъ на поповъ бѣглыхъ и выбранныхъ изъ среды ихъ самихъ; не думаемъ по крайней мѣрѣ, что бы жизнь ихъ была слишкомъ позорна, потому что такихъ раскольники скоро выпроваживаютъ отъ себя, а о злоупотребленіяхъ говорить не стоитъ большого труда: сами раскольники бѣжали отъ злоупотребленій и не мирятся съ нами, ищутъ лучшаго. Все-таки они избравъ совѣсть свою челоуѣку сочувствующему дѣтъ свободу, будетъ ли это ихъ братъ крестьянинъ, или бѣглый попъ, поступающій въ ихъ общину. Самое дробленіе раскола на различныя секты, борьба и вражда между ними доказываетъ ихъ стремленіе къ усовершенствованію, а не застою жизни. Они съ благоговѣніемъ вспоминаютъ лица, пострадавшія за ихъ убѣжденія или съ усѣбхомъ распространявшія старую вѣру, считаютъ ихъ святыми и имена ихъ красными чернилами вносятъ въ святцы. У нихъ есть священныя мѣста, могилы, ключи и деревья, ятимыя ими по воспоминаніямъ событій изъ исторіи раскола; къ нимъ ходятъ они на поклоненіе, берутъ песокъ, стружку и воду въ надеждѣ получить исцѣленіе отъ болѣзни.

Въ самыхъ домахъ раскольниковъ господствуетъ порядокъ, чистота и опрятность и доводитъ эти качества даже до крайности; домашняго скота они не держатъ въ избахъ, гдѣ живутъ, а если взойдетъ печальная собака, раскольники моютъ и даже скоблятъ мѣсто, гдѣ она пробѣжала, и окуриваютъ избу ладаномъ. Особенно стараются они о благообразіи и чистотѣ божницы, которая часто засерывается пеленой; а въ отдѣльной горницѣ около божницы часто развѣшаны лѣстовки, хранится кадильница, висятъ лампадки, столъ накрытъ скатертью. Одежду раскольники любятъ широкую и темнаго цвѣта, въ старомъ вкусѣ; цвѣтныхъ платьевъ и особенно яѣмецкой одежды не терпятъ: онѣ говорятъ, что натуральныя цвѣты оттого нынче не имѣютъ соку и жизни прежней, что размножились цвѣты на шалахъ и ситцахъ; поэтому и плеча стала мереть часто отъ недостатка шпца, и меда теперь не ларимѣрѣ хуже прежнихъ. Одежда и борода для него священны: предки ихъ отстаивали эту принадлежность національности своею кровью, выплачивали за нее двойной окладъ и носили особое платье на помянутое, по приказанію Петра. Всѣ мелкіе обычаи у раскольника проникнуты своеобразнымъ, самобытнымъ взглядомъ; по своей степенности и простотѣ жизни, все изысканное, всякую роскошь, которая противорѣчитъ духу народному, онъ считаетъ пре-

досудительною слабостью; презираетъ всякую дѣсть; желаетъ униженіе предъ гордыми и сильными земли; гдѣ уничтожается свобода; самостоятельность и человеческое достоинство; хотѣли и желотныи были ея выраженія. Въ послѣднее время и говорятъ они на каждомъ дворѣ будетъ стоять шипящій чайникъ, сиречь шѣльный самоваръ; отъ чая, по ихъ словамъ, не бѣгаетъ только отчаянный; потому что китяне листья чайной травы окропляютъ иждождервенною водою и мѣняютъ на товары, чтобы окрѣпить души христіанскія; а кто пьетъ кофеи, тотъ на Христа строитъ ковь. Короткое и узкое платье, всѣ женскія модныя украшенія, чепцы и шляпы они признаютъ образомъ бѣсовскихъ змѣиныхъ. Шейные платки они считаютъ богопротивными: носить ихъ стали по приказу французскаго короля Карлуса, который заставлялъ ходить народъ съ петлей на шеѣ въ наказаніе зато, что будто бы удавили его отца: Вотъ что говорится въ раскольнической рукописи, которую удалось намъ читать въ Симбирскѣ; она принадлежала крестьянину деревни Камышеики: «Якоже быша въ дни носвы... Нынѣ подобнѣ тѣже самыя дни придоша къ намъ, и надобно бы намъ походить по немаломъ тѣснымъ путямъ, и о многостыжаніи а сладкой пищѣ, а наипаче о женахъ неподобало бы и подумать, но еще кому, что и горѣ всего — не покорятися церкви, не стричь волосы и имѣть подъ аугами скрипъ. Сіе кажетъ насъ, что мы не въ истинной христовой вѣрѣ и не имѣемъ благодати св. Духа, чтобы согрѣть сердечную землю нашу, и отъ сего всяко бы были плоды, еже рече апостола: плодъ духовный есть любви... Но сего всего не имамы, но равно тѣ же зима и мразове, что и у антихриста скрипитъ подъ ногами.» (Изъ посланія неизвѣстнаго). А касательно униженія своего человеческого достоинства предъ сильными въ царужныхъ земляхъ вотъ какъ говоритъ таже рукопись: «Нынѣ мало видимъ таковыхъ, чтобы стояли предъ божественною иконою со страхомъ и трепетомъ и съ благоговѣніемъ, якоже надлежитъ; но болѣе и всема много видимъ предсходящихъ предъ тою иконою, иже имать въ себѣ двѣ власти, духовную и плотскую, и содержитъ въ себѣ горласто орла и обладаетъ только тѣломъ, а не душою, и ту икону еще гдѣ чуть завидятъ или слышатъ, то кидаются съ мѣста безъ памяти, готовы хотябы и на ножъ, и стануть предъ нею со страхомъ и трепетомъ и благоговѣніемъ многымъ и кривымъ молчаніемъ, и опрятаютъ всѣ уды тѣла своего, и незнаютъ какъ и еще лучше стать...» Особенно не терпитъ онъ, когда изъ прихоти нарушаютъ посты или оскорбляютъ святыню храма: апостола предписавъ, говорить они, стоять въ церкви непокровенными главы, а нынѣшніе

никогда не покрываютъ главы париками; и такъ ходятъ въ церкви на молитву. Вообще часто слышится вопросы: зачѣмъ раскольникъ обставилъ бы такими фантастическими сказками свои мысли? Отчуждаются ли къ самымъ безразличнымъ обрядовымъ мелочамъ? Эти вопросы чуть-чуть что не похожи на такого рода тоже вопросы: зачѣмъ суздальскія лубочныя картинки не рисуютъ на французскій манеръ? — Да, для насъ странно это кажется; но если всмотрѣться попристальнѣе въ старую жизнь и въ степень развитія раскольника, такъ удивляться-то много нечего. Прже русскій человекъ жилъ такъ-сказать цѣльно, имѣлъ нераздѣлимый взглядъ и на вѣру, и на гражданственность, и на науку, въ блѣдномъ созерцаніи онъ видѣлъ движущуюся предъ нимъ жизнь со всѣми ея разнообразными выраженіями, не зналъ нашихъ уродливыхъ схоластическихъ подраздѣленій и дробленій, — и для него такъ же была важна сугубая аллилуя, какъ носеніе иноземнаго платья, какъ введеніе паспорта и нодушнаго оклада; однимъ словомъ — онъ видѣлъ произвольное стремленіе перестроить жизнь народную по собственному вѣру, заковать въ заморскія цѣпи и дорожки каждую личность, которая пришла по душѣ предкамъ и завѣщана была имъ какъ религіозное достоинство и выраженіе жизни духа. На этихъ мелочахъ проявленіяхъ жизни онъ только и могъ объяснить чего онъ хочетъ и чѣмъ ему противно: до отвлеченностей онъ отроду не отходилъ. Съ неразвитымъ рассудкомъ, непонимая связи причинъ и результатов, онъ поневолю долженъ былъ прибѣгать къ фантазамъ, облекать готовыми образами и аллегоріями свои мысли. И онъ вѣрнѣе и скорѣе достигалъ своей цѣли, чѣмъ всѣ противники раскольника; дѣйствовавшіе на него силеча тяжелыми силогизмами, составленными по всѣмъ правиламъ искусства, при помощи полицейскихъ убѣдительныхъ доказательствъ. Чѣмъ сильнѣе и разительнѣе могъ представить раскольникъ тягости и мученія народа, какъ въ изображеніяхъ послѣдняго времени или сравненіемъ себя съ мучениками первенствующей церкви? Этому-то фантастическому воззрѣнію и обязаны своимъ происхожденіемъ сочиненія о происхожденіи табака, который представляется выросшимъ изъ тѣла блудницы, зарытой въ могилу вмѣстѣ съ собакой; о происхожденіи картофеля такое же; сказаніе о хмѣльномъ питіи, отъ чего суть «устанися горелое вино душенпагубное», которое курить научилъ людской оубъ.

Въ такомъ же духѣ и характерѣ недавно издана брошюрка г. Кожанчиковымъ; въ ней заключается «Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клубкѣ»; извѣстная изъ актовъ и Памятниковъ словесности,

рассказываемых въ видѣ приложенія къ Русскому Слову, и «Сказаніе о кривательномъ быліи мерзкомъ землі, еже есть табачь». Здѣсь между прочимъ рассказывается, какъ ангелъ явился одному едскому и замочдалъ сказать людямъ, чтобъ они отстали отъ богородицкаго зелья табачной травы: на лицѣ ихъ недостойтъ крестнаго знаменія вображати, «не поволять Господь ниже тѣлесъ ихъ съ вѣрными догребати, ниже близъ святыхъ церквѣ, ни молитвы святыхъ творити надъ ними, ни пѣнія, ни службы, ни приношенія за нихъ взимати, яко они Богу врази, а диаволу тѣ друзи въ животѣхъ своихъ». Вотъ и ся, Богородица явилась на Красной горѣ недужной дѣвицѣ Оекѣ и между прочимъ сказала: «пизнства оставляя бѣ, табакъ отиодъ не иди бѣ: проклятъ бо есть отъ Бога и отъ св. отиодъ; егда кто его есиетъ, въ то время земля дрогаеть, Богородица вострепещетъ и дѣбо келькнется у божіа престола стоя». Въ этихъ сказаніяхъ дѣлается творческая народная фантазія съ своими обычными мотивами: въ древней русской письменности чрезвычайно много подобныхъ рассказовъ о явленіяхъ святыхъ людямъ въ случаѣ общественныхъ несчастій, съ правоучительными наказами. Нѣтъ ничего легче какъ смѣяться надъ этими повѣстями и сказаніями, какъ дѣлаютъ многіе; но трудновато понять и объяснить ихъ, почему они въ такой формѣ вылились изъ духа народнаго, какую мысль вносятъ они подъ своимъ фантастическимъ костюмомъ.

И на раскольническія сочиненія смотрѣли, да обскуранты и те царя смотрятъ, какъ на складочное мѣсто всякаго рода чужестранцевъ, какъ недавно доказалъ блистательно своей громадой книгой Александръ Б. Но оставимъ мертвыхъ погребать мертвецамъ, не будемъ тревожить старый хламъ, не побезпокоимъ господъ, которые придирались въ раскольническихъ сочиненіяхъ къ однимъ несообразностямъ и мелочамъ. Что съ нихъ спрашивать, когда вся ихъ жизнь была ничтожество и мелочь? Перейдемъ лучше къ явленіямъ утѣшительнымъ въ дѣлѣ раскола, на который обратили въ послѣднее время серьезное вниманіе, чего онъ давно стоить. Недавно дѣто выразился, что вопросъ о расколѣ сталъ моднымъ. Это неправа: скорѣе нужно видѣть въ немъ одинъ изъ насущныхъ вопросовъ времени, до котораго добрались самымъ послѣдовательнымъ, логическимъ путемъ. Явленіе такой важности и такое запутанное нельзя сразу рѣшить; намъ извѣстно, что нѣкоторые изъ ученыхъ готовятъ статьи по этому предмету; мы съ своей стороны высказали только соображенія по поводу новыхъ изданій о расколѣ и станемъ высказывать ихъ при разборѣ самыхъ книгъ. Да не заподозритъ нашъ читатель въ излишнемъ пристрастіи къ расколу: мы знаемъ его не-

достатки и полноты, но жаль, такъ давно и мрачно изображали, что теперь всѣмъ надобно повтореніе.

Предъ нами лежитъ небольшая книжка г. Максимова: «Рассказы изъ исторіи старообрядства, переданныя по раскольниковымъ рукописямъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова.» Она служитъ отличнымъ руководствомъ, какъ можно изъ раскольниковскихъ сочиненій добывать матеріалы для исторіи и для уясненія взгляда на поведеніе и жизнь раскола. Г. Максимовъ смотритъ прямо и безпристрастно на сочиненія раскольничьи, касается и недостатковъ ихъ; но при чтеніи его расказы въ почувствованіи не отвращеніе къ своимъ собратьямъ, но любовь и участіе, и если мелькнетъ улыбка на вашихъ устахъ, то отъ заискусности широты воззрѣнія или отъ оригинальнѣйшихъ оборотовъ и выраженій авторовъ раскольниковскихъ сочиненій. Онъ видя, г. Максимовъ назначалъ свои рассказы для всякаго образованнаго читателя, а не для специалистовъ, которые давно знакомы съ предѣльными сочиненіями. Онъ пополняетъ недостатокъ знанія восточной жизни раскола, указывая, гдѣ нужно, на постороннія свидѣтельства, и имѣетъ глубокой взглядъ на явленіе раскола въ русской жизни. Онъ говоритъ въ предисловіи къ рассказамъ:

«До сихъ поръ мы слышали только однихъ противниковъ раскола, слышали его защитниковъ и приверженцевъ; являлись только одни обвинители и судьи, невидя было обвиняемыхъ, неслышавъ ихъ оправданій. Оттого-то вообще такая неясность и запутанность понятій о самой сущности дѣла; оттого-то обнаруженіе раскольниковскихъ сочиненій столько же необходимо, сколько и полезно. Они одни въ соотвѣтствіи выдѣлили окончательно этотъ туманный и запутанный вопросъ въ русской жизни, который заурядъ съ московской земщиной, съ народными движеніями на Дону, Волгѣ, Уралѣ и въ Новгородѣ, представлялъ самыя яркія и законченныя картины въ русской исторіи: это едва ли не вся исторія русскаго народа.»

«Да, не напрасно же въ расколѣ таится такая несокрушимо живучая и дѣятельная сила, не напрасно тысячи людей погибли, оставивъ его; въ самыхъ варварскихъ встаніяхъ, а тысячи промолвонно отдавались смерти.»

«Мѣротерпѣнія народа переполнилась при Алексѣѣ Михайловичѣ; но народъ, считая его благочестивымъ и добрымъ, надѣялся еще, что царь избавитъ его отъ тягостей и поведетъ путемъ, по которому просилась шатающаяся природа. И вотъ цѣлый рядъ челобитныхъ полетѣлъ къ нему со всѣхъ сторонъ — и отъ частныхъ лицъ, и отъ цѣлыхъ общинъ; главное содержаніе этихъ челобитныхъ состояло въ искреннихъ жалобахъ на нововведенія церковныя и гра-

жизни, на тягости жизни и бѣдствія народа. Рассылаемыя новоисправленныя Никономъ книги народъ не хотѣлъ принимать, этою Никономъ за челоуѣка самовластнаго и гордаго, свесобнаго изъ нужнымъ и произвольнымъ реформамъ. Когда Алексѣй Михайловичъ повернулся не на путь, указываемый голосомъ народнымъ, отвергъ на соборѣ 1666 года противниковъ реформъ и началъ гнать ихъ, тогда составилось общество хранителей народныхъ началъ, дружно провозгласившее царя и патріарха антихристами и стало въ оппозицію съ церковью и государствомъ. Явился Степка Разинъ и народъ сталъ подъ его знамена, пошолъ искать своихъ правъ, своей свободы; по областямъ открылись бунты и во всѣхъ раскольничьи принимали дѣятельное участіе. Но открытія возстаній были подавлены; замолкъ съ ними громкій голосъ народа, общество было бессиленно на борьбу прямую. Послѣ этихъ неудачъ оно прибѣгло, какъ мы видѣли, къ другимъ мѣрамъ... въ тишинѣ дѣлало свое дѣло, отстаивало цѣную жизнь свои права, свои начала, и долболъ творить одно и то же.

Въ XVI и XVII столѣтіи мало стали довѣрять на Русь и грекамъ. Въ раскольнической литературѣ приписываютъ ихъ катрое поведеніе церемѣнѣ вѣры подъ вліаніемъ латинянь и турокъ. Въ соловецкой мелобитной прямо сказано: «Нынѣшніе, государь, греческіе учителя пріѣзжаютъ не исправлять, но золота и сребра и вещей собирать, а миръ истощать. Въ лѣпоту бо имъ самимъ пріѣзжать учиться православный христіанской вѣрѣ и благочестія навывають.» (д. 17) Въ «Повѣсти о бѣломъ клубкѣ» рассказывается, что когда турки плѣнили Царьградъ, — отъ безбожныхъ варваровъ нѣкоторые благочестивые хотѣли соблюсти книги греческой вѣры и съ ними отплыли въ Римъ; латиняне заинтересовались; хотѣли изучать, но цари, ради ихъ отступленія отъ православія, «улучиша время, принесенныя отъ грекъ книги въ свой римскій языкъ преложиша, а греческія книги вси огнемъ сожгоша» (изд. Кожанч., стр. 4). Адріаній расколочитель тоже говорилъ Алексѣю Михайловичу: «лучше, государь, старымъ грекамъ вѣрить, а не нынѣшнимъ ялдумъ, турскимъ свидѣтелямъ, которые смѣняютъ вѣру и продаютъ за золото, за сребро и за соболи сибирскія.» Прививая, что и Никонъ заразился этимъ латинскимъ и византійскимъ проказоннымъ духомъ, раскольники особенно напали на него, взывали всѣ господствующіе въ духовенствѣ недостатки на одного патріарха, приписали ему и грекамъ причину паденія царя и извращенія стараго порядка народной жизни. Возмущали раскольниковъ не одинъ Никонъ и царь, но безпорядки господствующей церкви, духовенства, государства и

властей. Изъ слѣдующихъ словъ Федора Дьякова ясно видно, что тогдашнее духовенство утратило довѣріе народа, какъ несоотвѣтствующее своей цѣли :

• Учителю настоящаго вѣка — пишетъ онъ — кони сатанины, ниже видѣ святыи Іоаннъ Богословъ. И каковы сами преступницы отеческихъ преданій и законовъ, таковыхъ и въ причтъ поставляютъ неускусныхъ въ писаніи простяковъ, воровъ и пьяницъ, и гнусное житье отъ юности проходящихъ. •

Мы могли бы исписать цѣлыя страницы перечисленіемъ тѣхъ недостатковъ, которые господствовали въ духовенствѣ въ это время, не касаясь раскольнической литературы, но это кажется дѣломъ чуждымъ и не требуетъ длинныхъ разсужденій. О деспотизмѣ Никона любопытствующіе могутъ прочитать въ исторіи Соловьева или въ запискахъ, не такъ давно изданныхъ русскимъ археологическимъ обществомъ.

Въ «Рассказахъ изъ исторіи старообрядства» г. Максимова есть отличное объясненіе, почему масса народа бѣжала отъ своихъ законныхъ поповъ и пошла охотно за простыми мужиками, пономарями и справщиками книгъ, признала ихъ истинными учителями вѣры и нравственности. Г. Максимовъ передаетъ «повѣсть душеплезну о житіи и жизни пренелюбнаго отца Корнилія», написанную ученикомъ его Пахоміемъ изъ устъ самого учителя «отъ истины въ пользу слушающимъ и чтущимъ душамъ и въ наслаженіе мярота вѣчнаго.» Корнилія принадлежалъ къ числу тѣхъ странниковъ, которые толпами ходили отъ монастыря до монастыря въ то беззачальное время. Онъ жилъ въ комельскомъ монастырѣ двадцать четыре года, былъ въ Москвѣ въ симоновскомъ, сергіевомъ, у Снаседа Цювомъ, въ Чудовѣ, въ Новгородѣ у митрополита-пекъ хлѣбъ, потомъ за искусство въ этомъ дѣлѣ вытребованъ къ патріарху; онъ не молчалъ предъ Никономъ, который предлагалъ ему мѣсто игумена деревяницкаго монастыря, но онъ отказался; не терпѣлъ Корнилія нововведеній, и когда увидѣлъ, что за убѣжденія жгутъ и головы рубятъ, бѣжалъ на Довъ, чрезъ два года пробрался отсюда въ яриловъ монастырь, потомъ въ Нилуvu пустынь. Пріѣхали надсмотрщики сюда узнать, по новоисправленнымъ ли книгамъ совершается служба, и когда священникъ отказался править литургію по новому, взялся служить пріѣхавшій поплъ. Три раза его останавливалъ Корнилія, когда онъ говорилъ не по старымъ книгамъ и, какъ пономарь, ударилъ его по головѣ «кадиломъ съ разжженнымъ углемъ» и разбилъ голову до крови. Товарищи новооставленнаго

попа вбѣжали въ ватарь, схватили Корнилія за волосы и разбили голову объ полъ до крови. Началась драка. Корнилія въ суматохѣ бѣжалъ вмѣстѣ съ Пахоміемъ, писателемъ его житія. Явились они въ олонецкомъ уѣздѣ и здѣсь Корнилія постоянно странствовалъ и перемѣнялъ мѣста жительства. Его вліяніе на народъ было огромное: онъ, «пьянства и празднословія гнушася отъ дѣтства и до кончины житія своего весьма сего сохраняяся», велъ жизнь цѣломудренную, сохранялъ строгій постъ; время проводилъ въ молитвѣ и трудахъ; онъ говорилъ: «проклятъ естъ тунеядецъ». Онъ часто бесѣдовалъ съ крестьянами и самъ училъ ихъ грамотѣ. Въ Каргополѣ преслѣдовали Корнилія враги, но игуменъ Спасо-Ефиміевъ монастыря любилъ старину и защищалъ Корнилія, да и посадскіе все были на его сторонѣ. Этотъ полуграмотный пономарь основалъ выговское общежитіе, изъ котораго выходили учителя по всей Россіи. Изъ его учениковъ еще при его жизни нѣкоторые уже были страдальцами за вѣру: такъ въ Каргополѣ на морозѣ стояли Андрей Семиголовъ и другой Андрей съ братомъ и потомъ сожжены, «да и Аванасій кузнецъ съ Озерецъ пострадалъ на Чарынды: въ трехъ застѣнкахъ былъ битъ, потомъ клещами ребра ломали и шупы члнули, потомъ въ зимнее время въ нестерпимые мразы обнѣжены стояше, и студеную воду со льдомъ на главу поливаху на многіе часы, донележе отъ браны его до земли соски смерзли, аки порошкіе, послѣди же огнемъ сожженъ бысть; тако скончася. Сѣмъ вси мученицы отъ отца Корнилія научены быша правовѣрью»; добавляетъ Пахомій. Известно, что въ это время начались страшныя преслѣдованія раскольниковъ; «царь государь, по словашу Шустерина, ревнуя по церкви, повсюду капановъ и раскольниковъ вслѣдкомъ изыскиваше и пустыя ихъ еретическія жилища разбираше; самихъ же онѣхъ неокоряющихся смертію; равами и заточеньемъ смиряше.»

Въ разсказѣ о Никонѣ Андрея Денисова, передающемъ г. Максимовымъ, выразилось все отвращеніе раскольниковъ къ размахистой, шумной жизни патріарха, къ его крутому деспотическому характеру, къ самоуправству, по которому онъ гнулъ всѣхъ съ нимъ сталкивающихся. Здѣсь передано очень много сказаній вероломныхъ, самыхъ фантастическихъ, о жизни Никона; во всѣхъ просвѣчиваетъ одна мысль, что Никонъ—врагъ божій, антихристъ! Особенно интересно описаніе брани Никона съ восточными патріархами на соборѣ (стр. 63). Когда Иларіонъ, рязанскій епископъ, сталъ читать Никону соборный приговоръ отправить его въ ссылку; онъ перебилъ его, бранилъ патріарховъ, называя ихъ

просаками и иными, а судъ ихъ баснею, правила живыми, Никонавъ книгою восточною, законъ царскій еретическимъ. Иларионъ обличалъ его жестоко, нарицая убійцею, блудникомъ, хищникомъ и «свѣими многими безчестными глаголы.» Когда патріархи приказали снять съ него чернѣйшій клобукъ и съ шеи панагію, Никонъ началъ кричать: «вы есте просаки и грабители, а не пастыри, и пришла есте не да пользу кую здѣ сотворите, но дестію и злодѣствомъ жестокоправныхъ человекъ сердца дохитите цѣлѣнамъ патріаршества точию, а не дѣломъ праву ихъ разрѣшеніе уничтожите, и тѣмъ поестую вашу, сребролюбную и аду подобную гертѣю поедаете» и пр. Цансій не утерпѣлъ и сшибъ посохомъ своего клобукъ съ никоновой головы. Начались укору и брань, но «обаче оловъ греческій левъ россійскаго пардоса», говоритъ Андрей Денисовъ. Когда сняли съ Никона клобукъ съ жемчужнымъ крестомъ и панагію, усыпанную драгоценными камнями, Никонъ сказалъ: «се яко пришлецы и невольницы суще, аще сія себѣ раздѣлите, — потребу и отраду отъ всѣхъ скорбныхъ, бывающихъ вамъ, да нѣкое время обращете.» Андрей Денисовъ говоритъ, что при Никонѣ «наволнишася абіе узлища узниковъ, огустѣша улицы связанными исповѣдниками, обогришася спекуляторстѣмъ бича кровію страдальцевъ, възгрѣша тѣхъ мечи на исповѣдническихъ ныяхъ, покрышася площади казенныхъ мучениковъ тѣлесами. Не толькое убо иножество зайцевъ, увязшихъ въ ловитвенныхъ тенетахъ вилася, елико повѣшенныхъ христіанъ за содержаніе благочестія зрящеся!» Между прочимъ онъ упоминаетъ, что при появленіи жестокихъ преслѣдователей многіе сожигали себя или вмѣстѣ въ домахъ, или цо одиночкѣ, иные топились или убивали себя какимъ-нибудь острымъ оружіемъ. Да, они разсуждали очень логично, что лучше разомъ кончить всѣ расчеты съ жизнью, чѣмъ лишиться ее послѣ безчеловѣчныхъ истязаній, а пожалуй, чего добраго, не вынесешь вытокъ, отречешься поневолѣ отъ своихъ убѣжденій.

Изъ трехъ посланій Аввакума особенно хорошо послѣднее, предсмертное; оно относится къ 1680 году и проникнуто искренностью; слодой, полно алегорическихъ русскихъ пріемовъ и отличается напынымъ, своеобразнымъ складомъ. «Посланіе это, говоритъ г. Максимовъ, носитъ на себѣ характеръ задушевной, откровенной исповѣди. Самая смѣлость его и наивность изложенія — одинаково поразительны и знаменательны. Между старообрядцами посланіе это почитается глубочайшимъ уваженіемъ.»

• Много говоритъ это посланіе человеку понимающему дѣло, и мы не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи — подѣлиться съ читателя-

ми выдержками изъ этихъ задущерныхъ строкъ Аввакума. Слѣдуетъ протопопъ обращается къ Алексѣю Михайловичу и проситъ его обратиться въ первое свое благочестіе: ты наученъ, говорить оцъ, здравымъ догматомъ единой православной вѣры съ нами же отъ юности. Зачѣмъ ты братію свою такъ оскорбляешь? — вѣдь всѣ мы имѣемъ одного отца, иже есть на небесѣхъ, по св. христову евангелію. И не покручинься, царь, что я съ тобой такъ говорю; вѣрь истинѣ! Честъ царева судъ любить, по словамъ пророка: Чтоже ересь наша? или какой расколъ внесли мы въ церковь; — какъ говорятъ объ насъ инокіи, называя въ лукавомъ и богомерзкомъ жезлѣ раскольническихъ и еретиками, а въ иныхъ мѣстахъ и предателями антихриста? Не остави мнѣ, Господи, грѣха сего: не вѣдать бо бѣдницъ: что творять! Ты, самодержецъ, за всѣхъ отвѣчать будешь, ибо ты, первый даждь мнѣ смѣлость нападать на насъ... мы не видимъ за собой и слѣду ересей. Если мы раскольники и еретики, то и всѣ св. отцы наши, и древніе благочестивые цари, и св. патріархи таковые же. О небо и земля! слыши глаголы сія потопныя и языки велерѣчивыя! За церковь мы страждемъ, умираемъ и проливаемъ свою кровь... Не хвались, пазъ ты глубоко, а не возсталъ искривленіемъ, а не исправленіемъ богоотметника и еретика Никола; умерь душею отъ ученія его, а не воскресъ. Не прогнѣвайся, что мы называемъ его богоотметникомъ: если правдою саросать насъ — мы скажемъ тебѣ о томъ ясно, изъ устъ въ уста, съ оней на очю. Если же не допустишь ты слѣзати такія образы — предадимъ на судъ христовъ. Тамъ и тебѣ будетъ тошию, да нимадо уже не пособишь себѣ. А о греческихъ властахъ и нынѣшней вѣрѣ ихъ самъ ты прежде посылаѣ Арсенія Сухонова разузнать у нихъ и знаешь, что у грековъ изсякло благочестіе... (ссылается на повѣсть о бѣломъ клоубкѣ). Чѣмъ больше ты насъ оскорбляешь, мучишь и томишь, тѣмъ больше мы тебя любимъ и молимъ Бога о тебѣ до смерти твоей и своей. Спаси, Господи, всѣхъ кланущихъ насъ и обрати ко истинѣ своей! Если не обратится, то всѣ погибнете на вѣки, а не временно. Прости, Михайловичъ-свѣтъ! Лучше мнѣ умереть потомъ, не прежде скажу тебѣ, что тебѣ знать надо (и никакъ не могу — шито притворяясь говорю): мнѣ сидящему въ темницѣ, какъ въ гробу, чла надобно? — развѣ смерть одну. Ей тако! — Нѣтъ, видно, государь, надо перестать мнѣ плакать о тебѣ: вижу — не исцѣлить тебя. Ну, прости же ради-господа, прощай до тѣхъ поръ, пока не увидимся мы тамъ... Тебѣ, государь, такъ угодно, да и мнѣ такъ любо. Ты царствуй многи лѣта, а я — буду мучиться многи лѣта: и пойдемъ вмѣстѣ въ вѣчныя своя дома, когда угодно то будетъ Богу. Ну, государь, хотя ты меня и собакамъ приказалъ выкинуть, но я еще благословлю тебя послѣднимъ моимъ благословеніемъ, а потомъ прости: ужъ только того и жду... Думаю, что скоро будетъ отложение тѣлу моему: ярыко утомилъ ты меня, да ктому и самъ я мало забочусь о зашней живи... Годыя кости мои будутъ растерзаны и влачими по землѣ пса-

ни и спавшии небесными. (Пророкъ ошибся, его сонъ). Хорошо и такъ: пріятно мнѣ и на землѣ лежать, свѣтомъ одѣянному и небомъ, подрытому; и небо мое, и земля моя, и свѣтъ мой и всю тварь Богъ мнѣ далъ... Не хотѣлося бы мнѣ въ тебѣ некрѣждуща, вѣдаю, всячески всяко будешь виѣсть не вынѣ, ино тамо увидиши. Амидѣ,

Таки торжественныя слова не нуждаются въ объясненіяхъ и сразу уничтожаютъ все лукавыя извороты толкователей; будто главные виноводы раскола ратовали изъ личныхъ цѣлей. Нѣтъ, высокій стоишь скорѣе бы сталъ поддаивляться, лѣстить и унижаться, гдѣ сила, власть и награда. Съ печальными стремленіями чуждыми не положили бы голову на плаху, крестясь своими обличеніями крестомъ, твердя одно и то же, что царь дѣйствуетъ антихристовски. Прочтите жизнь Аввакума по изданной г. Кожанчиновымъ рукописи, и вы согласитесь съ этимъ. Во второмъ посланіи Аввакумъ рѣдко обрисовывалъ, какъ Никонъ мучилъ его и другихъ расколочителѣй. (87 стр.)

«Исторія о вѣзгн Соловецкаго монастыря» и «Повѣсть о страданіяхъ соловецкихъ» заключаютъ въ себѣ чрезвычайно много интересныхъ данныхъ для исторіи раскола и согласны во многомъ съ соловецкимъ лѣтописцемъ. Много говорится о страданіяхъ старцевъ, которые отстаивали старую вѣру, по словамъ Денисова, въ числѣ 1500 человекъ, и мы не имѣемъ права не вѣрить во многому автору, когда соловецкій лѣтописецъ говоритъ, что воевода Левлевъ, осаждавшій обитель, отозванъ въ Москву за насильные поступки и притѣсненія монастырскихъ крестьянъ. Но особенно передается замѣчательный расказъ о судьбѣ Ивана Захарьева, соловецкаго писаря. Во время осады Захарьевъ вышелъ съ двумя товарищами изъ монастыря и схваченъ былъ по доносу какого-то крестьянина; съ годъ сидѣлъ Захарьевъ въ острогѣ и вздумалъ написать посланіе въ утѣшеніе Силы и Алексѣя, сидѣвшихъ въ кандалажскомъ монастырѣ; въ письмѣ онъ хвалилъ старыя уставы и порицалъ новыя. По неосторожности носищаго письмо это было оброчено, найдено и передано въ руки воеводы Волохова. Сначала онъ изломалъ Захарьеву руки встряскою, потомъ билъ его кнутомъ, затѣмъ велѣлъ поджигать тѣло его на огнѣ и наконецъ «отъ сожженнаго толико тѣла ребра клещами разженными извлачити повеле». Но и тогда воевода венасытился, по словамъ автора: остригши на головѣ Захарьева волосы, приказалъ лить на темя холодную воду втеченіи нѣсколькихъ часовъ. Двое сутки продолжались эти истязанія, на третій день воевода приказалъ страдальцу отрубить голову. Хотѣли похоронить Ивана съ честью, но воевода не позво-

диль: она обернула въ расхожу сирѣчь и замолла въ земля безъ прѣвѣ...

Послѣдній рассказъ г. Максимовъ передаетъ «Послание о св. отцахъ, имѣ на Мезенѣ рѣцѣ за дребле-церковное благочестіе во огни смерть воспріяху.» Въ 1744 году крестьянинъ Окладниковской слободы Артемій Ванюковъ донесъ холмогорскому архіепископу Варсоноію о мезенскихъ раскольникахъ. Архіепископъ, какъ челоуѣкъ суровый, неумолимый, потребовалъ отъ гражданской власти военной силы. Войско оцѣняло скитъ, въ которомъ заперлись раскольники, и стада уславивать ихъ чрезъ оградѣ сдѣлать; скитники пѣли молебны и не соглашались. Наконецъ, когда стали претивать дѣстатны и хотѣли дожать, дьяволенцы замолла скитъ отъ заперся хранима и брызъ шумъ пламенный яко громъ. И пламене огненный во мгновение ока охвати всю храниму: и такъ скончалось 86 душъ, декабрѣ 7. Въ концѣ сказанія приложена самая откровенная исповѣдь Ивана Акиндинова, написанная имъ за нѣсколько часовъ до смерти; она отличается до давности, доколицер истинною и искренностию. Прочитай ее, скажешь видѣть съ Тургеневымъ: «да, удивительно умѣть умираць русскій челоуѣкъ!»

И. АРХІЕПІСКОПЪ.

КРИТИКИ-ЭТНОГРАФЫ

Малороссійскій писатель Гоголь, по гг. Му-
линшу и Максимовичу («Основа» 1861, кн. 4, 5 и 9;
«Дельцъ» №№ 3, 5, 7 и 9)

Дѣло идетъ о рассказахъ Гоголя изъ малороссійскаго быта, которые были изданы подъ заглавіями: «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» и «Миргородъ». Что рассказы эти полны увлекающаго интереса, полны живыхъ, вочію движущихся образовъ, полны юмора, прежде неслыханнаго въ русской литературѣ, что на каждой страницѣ, если не въ каждой строкѣ ихъ слышится и сообщается читателю тотъ «добрый, свѣтлый смѣхъ», которымъ, какъ говорилъ потомъ самъ Гоголь, «можетъ засмѣяться только глубоко-добрая душа», — все это сразу рѣшила вся русская читающая публика и осталась при своемъ мнѣніи до сихъ поръ. Что эти рассказы — произведенія юностскія, произведенія молодого, начинающаго, но великаго таланта; — это давно рѣшила разумѣйшая часть русской критики и осталась при своемъ мнѣніи до нашихъ дней. Поэтому можно было полагать, что какъ ни много остается еще недосказаннаго о Гоголѣ относительно его человѣческой личности и поэтической дѣятельности; съ ея роковымъ концомъ, но это недосказанное никакъ не можетъ касаться его рассказовъ изъ малороссійскаго быта, о которыхъ, казалось, все рѣшено и перерѣшано уже нечего. Однако вышло не такъ: кто такъ думалъ, тотъ забывалъ о возможности существованія «этнографической критики», которая можетъ еще позвать Гоголя (или тѣнь его) на судъ; обвиняя его въ томъ, что онъ позволялъ себѣ говорить о предметѣ, ему неизвѣстномъ, взялся изображать жизнь и нравы престолярской Украины, не зная ея, и изображалъ украинцевъ не действительныхъ, а имъ самимъ сочиненныхъ, фантастическихъ, слѣдовательно внесъ въ грубое заблужденіе или просто обманулъ русскую публику, представивъ ей

украинскій народъ въ невѣрномъ свѣтѣ, «профанировалъ» его и въ тоже время (странное дѣло!) задержалъ «радушной тканью»... Именно такимъ этнографическимъ критикомъ и съ такими именно обвиненіями явился, въ журналѣ «Основа», г. Кулишъ; защитникомъ Гоголя предъ судомъ г. Кулиша вышелъ на страницы «Дня» г. Максимовичъ. Мы читали этотъ любопытный процессъ, эти близкія душѣ нашей, по участию къ подсудимому, пренія, — и теперь хотимъ передать произведенное ими на насъ впечатлѣніе... Недалеко какъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ «Время» упомянуло вскользь о г. Кулишѣ по поводу столкновенія, происшедшаго между «Основой» и «Сіономъ»; теперь представляется новый поводъ коснуться дѣятельности этого легендарнаго критика. Вечеромъ на хуторѣ, краткій анализъ этнографической критики мы никакъ входить не будемъ, на что имѣемъ двѣ причины: одну отгадають читатели сами, когда узнають что это за критика, а другая та, что мы тоже «москали и горожане», какъ назвалъ Гоголя Полевой къ великому удовольствію г. Кулиша; мы съ украинскимъ простонародцемъ непосредственно не ждали, стало-быть и спорить съ г. Кулишемъ по части этнографіи Украины намъ не приходится. Мы въ этомъ случаѣ — частичка русской публики, одушевлены одинаковымъ съ нею чувствомъ къ подсудимому, и хотимъ съ нею подѣлиться впечатлѣніемъ, вынесеннымъ изъ слушанія судебного процесса, надъ любимымъ поэтомъ, съ которымъ такъ много и такъ долго смѣялись его «добрыми», свѣтлыми смѣхомъ».

Первыя двѣ статьи этнографической критики, отчасти касаются предисловія къ первой части «Вечеровъ на хуторѣ» и затѣмъ сплошь посвящены разбору одного рассказа: «Сорочинская ярмарка», который начинается «Вечера на хуторѣ». Въ предисловіи г. Кулишъ дано слѣдующее толкованіе великаго грѣха Гоголя: это то, что на украинскіяхъ вечерникахъ онъ допустилъ присутствіе бабьейки, а къ Рудому-Пацкуну назвалъ гостей, способныхъ давать другъ другу дулю. Потомъ, когда г. Кулишъ приступилъ къ «Сорочинской ярмаркѣ», то тутъ, оказалось грѣховъ, т. е. грубыхъ ошибокъ вѣсть числа. Главнѣйшія изъ нихъ суть:

1) Описаніе украинской природы слишкомъ ярко и роскошно; оно разстлано «радушной тканью» или «розовой сѣткой», или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, въ контрастную украинскую природу.

2) Желая пошутить надъ и посмѣшить читателей, Гоголь нарочно придумалъ такое смѣшное имя, какъ Голоцуценко, — имя, которое добрые и дундичные украинцы не смѣли бы произнести въ разговорахъ между собою.

3) Гоголень Голоцуценко похотѣлъ нестолмпа надъ добрымъ украинцемъ

требда, сколько на городского мазурика. Добрый украинскій народъ сватается къ дѣвушкѣ не иначе какъ узнавши ее коротко и совершенно удостоверившись въ ее доброкачественности; сватается не иначе какъ осенью, по окончаніи полевыхъ работъ; сватается не самъ лично, а черезъ старостовъ, т. е. сватовъ. Голопуенко не хочетъ ничего этого знать и дѣйствуетъ совершенно наоборотъ: онъ въ первый разъ увидѣлъ Параску на ярманкѣ, въ августѣ мѣсяцѣ, и тотчасъ же, не ожидая осени, самъ непосредственно сдѣлалъ предложеніе ей отцу, Черевяку.

Черевякъ непохожъ на порядочнаго, зажиточнаго украинца, какинъ хотѣлъ представить его Гоголь, — непохожъ потому, что не возмущался необычнымъ предложеніемъ Голопуенки и еще рѣшился идти съ нимъ и съ дочерью къ жидацкѣ въ шинокъ и пить тамъ горѣлку.

Участіе цыгана въ сватовствѣ Голопуенки; вопросъ, сдѣланный Хиврею поповичу: «не сломали ли вы шен», и наконецъ самая свадьба, свернутая наскоро, на ярманкѣ, — все это черты, «профанирующія» украинскій народъ съ его нравами и обычаями; отъ такой свадьбы, — свадьбы безъ честнаго короваля, безъ дружескихъ и сельскихъ, съ ужасомъ долженъ былъ отвернуться добрый, учтивый и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный украинскій народъ.

Такимъ образомъ выходитъ, что вся «Сорочинская ярмарка» ничто иное какъ грубая ошибка. Неужели же въ ней нѣтъ ничего вѣрнаго? Г. Кулишъ говоритъ, что ничего: все невѣрно!... «Все вреть! И взятки берутъ не такъ, коли ужъ на то пошло,» какъ отзывался о новой комедіи одинъ этнографическій критикъ въ «Театральномъ развѣздѣ».

Прочтавъ двѣ статьи этнографической критики, мы съ большой нерѣзультативною развернули третью... Но — позвольте! впечатленіе, испытанное нами отъ третьей статьи, вѣсколько иное, нежели отъ первыхъ двухъ, и потому мы прежде на нихъ еще немного оставимся.

Исчисляя сейчасъ приведенныя нами ошибки Гоголя, г. Кулишъ «уснащаетъ» свою рѣчь слѣдующими крѣпкими положеніями:

«Судьбѣ угодно было, чтобы изъ среды насъ, украинцевъ, явился писатель съ первостепеннымъ талантомъ, но съ словомъ неукраинскимъ. Онъ убѣдительно всѣхъ доказалъ своими повѣстями тогдашнему обществу, что для изображенія Украины нѣтъ надобности въ украинскомъ словѣ и пр. («Основа», кн. 4, стр. 67)

«Съ самаго появленія въ свѣтъ «Вечеровъ на хуторѣ», а потомъ и «Миргорода», много было въ журналахъ толковъ объ украинскіхъ повѣстахъ Гоголя. Нѣкоторые изъ критическихъ разборовъ на писавы были людъ-

на весьма смелыми въ законахъ искусства и утвердилъ въ русской просвѣтѣ по этому поводу вѣроятно новыя понятія о художественности изображенія людей и природы. Но какъ видно, никто изъ журнальныхъ судей Гоголя не былъ приготовленъ къ этнографическому разбору украинскнхъ повѣстей его, а пожалуй не настала еще для критики пора, въ которую отъ художественнаго произведенія требуется безусловная вѣрность относительно нравовъ и обычаевъ изображаемаго народа... (Тамъ же, стр. 73)

Гоголь, при сочиненіи первой повѣсти «Вечеровъ на хуторѣ», не зналъ поселеннаго близко. Онъ видѣлъ его только съ помпщичьей крыльце или въ дождь. Онъ не сживалъ съ нимъ рядомъ; онъ не бывалъ его обыкновеннхъ гостемъ; онъ не носилъ на его свиданіи никакого-нибудь шопетва; званія, онъ даже не умѣлъ отличать свадебнаго торжества «дружка» отъ слова «дружка»... Словомъ, Гоголь не зналъ простонародной Украины и изображалъ ее какъ барина, видавшій въ мужикѣ одно смѣльное... (Тамъ же, стр. 79)

Очень понятенъ общій восторгъ столичныхъ земляковъ Гоголя, знавшихъ Украину не больше его самого и смотрѣвшихъ на простолюдина съ тѣхъ же помпщичьихъ и чиновничьихъ подмостковъ, что и самъ авторъ. Sed alia tempora! комическое палсничанье теперь уже ничего не значить въ литературѣ...

Я думаю, многіе согласятся, что Гоголь смотрѣлъ на простонародную Украину; представленную имъ въ «Вечерахъ на хуторѣ» въ поукраинскнхъ, т. е. онъ ее не зналъ, и что изображалъ онъ своихъ земляковъ по-городски, т. е. онъ между сельскимъ народомъ прѣживалъ не иначе какъ въ роли барина... (Тамъ же стр. 87)

Можетъ-быть въ тѣ времена гдѣ-нибудь на хуторѣ, близкомъ къ барской кулшѣ, въ самомъ дѣлѣ водились вечерницы съ бабалайкою, а къ такому пасичнику, который пишетъ *россійскія* городскія повѣсти изъ украинской сельской жизни, ѣзжали гости, дававшіе другъ другу дулю. Можетъ-быть гениальная *карикатура* Гоголя вовсе и не *карикатура* въ какомъ-нибудь уголѣ, *затмываемамъ барскими дворами съ передними и задними ходами*... (Стр. 88)

Г. Кулшъ стыдитъ тѣнь Гоголя, приводя ей въ назиданіе восторженннй отзывъ И. Аксакова объ украинцахъ, и потомъ прибавляетъ: «Этотъ говоритъ москвичъ, этотъ говоритъ *сѣверно-русскій баринъ*, сошедшій, по духу вѣка, ниже *помпщичьего крыльца*, вышедшій изъ *коллекки*, чтобы выщаться въ инообычный и иноязычный ему народъ...» (стр. 86)

О вопросѣ Кивря поповичу: не сломилъ онъ шею, г. Кулшъ говоритъ:

«Въ устахъ любящей осанинны эти слова звучатъ даже, кто бы она была, хотя бы вослѣдствіемъ изъ послѣднихъ. Можетъ-быть то и вѣрно, что написала г. Гензаровъ о медвѣжьихъ вѣжностяхъ *палеолитичес-*

смысл дворянских людей въ повѣсти: «Облагодѣнная исторія» (это мнѣсто легко принимается всѣ по похваламъ, которыми осыпали его въ великороссійскихъ критическихъ статьяхъ); но въ нашемъ украинскомъ народѣ, и даже между дворовою, панскою челядью можно услышать еще очень много *человѣческихъ* рѣчей. Любить у насъ до сихъ поръ умѣютъ, и формы выраженій, предназначенныхъ только для одной особы, да еще въ ночной тишинѣ, до сихъ поръ у насъ полны нашей поэзіи. Но спрашивается, что за поэзія въ словахъ влюбленной Хиври?... (Тамъ же)

Отъ гоголевыхъ украинцевъ (восклицаетъ наконецъ г. Кулишъ), любящихся поцыгански, отъ гоголевыхъ рыцарей-полковниковъ (это Вульба), которые позволяютъ себя тузить бурсану-сыну такъ, хотя бы и не пробовали, мы рѣшительно отворачиваемся. Можетъ быть и есть на свѣтѣ такая нація, которая назоветъ ихъ своими кровными типами, но мы, всѣ тѣ, кто въ настоящее время имѣетъ драгоцѣнное право называть себя украинцемъ, объявляемъ всѣмъ вообще, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что разобранные и упомянутые мною типы гоголевскихъ повѣстей — не наши народные типы... (Кн. 5, стр. 19).

Въ первыхъ двухъ статьяхъ г. Кулиша есть еще множество любопытнѣйшихъ мѣстъ. Мы могли бы привести прекрасные образчики его индивидуальныхъ опытовъ, гдѣ онъ дидактически изъясняетъ намъ, отчего на примѣрѣ вдова-поселянка всегда предполагается бѣдною, да и — отчего добродѣтельный паробокъ никакъ не осмѣлится лично просить руки дѣвушки у ея отца и проч. Но въ концѣ мѣ безъ этихъ образчиковъ уже достаточно уяснилъ себѣ, что такое этнографическая критика...

Этнографическая, чисто-этнографическая критика!.. Да вы вѣрно уже имѣете о ней ясное понятіе; вы вѣрно встрѣчались съ нею и въ «великороссійскомъ» мірѣ. — «Все дескать вретъ и ваятки не такъ берутъ, коли на то пошло...» Иди не припомните ли великолѣпныхъ отзывовъ въ которыхъ господъ этнографовъ о «Мертвыхъ Душахъ»? «Да это небываща, говорили они: Гоголь не имѣетъ понятія о жизни нашихъ губернскихъ городовъ; ну, гдѣ видаво, что бы на балѣ у губернатора кто-нибудь садился на-полю и лодилъ танцующихъ дамъ за платья? гдѣ видаво, чтобы губернаторъ занимался вышивавьемъ по канвѣ? И чего вы наконецъ хотите отъ писателя, который берется изображать чиновничьи продѣлки, а самъ не знаетъ русскихъ законовъ? У него Плюшкинъ, продающій своихъ крестьянъ, для совершенія кучей крѣпости даетъ довѣренность... кому же? председателю той гражданской палаты, въ которой должно быть совершена купчая, — и она совершается! Да развѣ это можно? развѣ тутъ есть хоть капля вѣроятности?»

И вѣдь въ самомъ дѣлѣ оно невѣроятно; а между тѣмъ вы безъ со-

миѣнія улыбались, слушая этихъ критиковъ и ужь конечно не пришло вамъ въ голову возражать, въ виду рѣшительной невозможности толковать имъ хоть сколько-нибудь тайну художественной правды, которая можетъ оставаться непарушимою правдою, несмотря на отступленія отъ мелочныхъ житейскихъ условій и формъ, — тайну, которая постигается только эстетическимъ чутьемъ, а не однимъ знаніемъ свода законовъ и даже не одними свѣдѣніями о *честномъ коровѣ, свѣтилкахъ* и другихъ этнографическихъ матерьялахъ...

Есть ли, независимо отъ взгляда на гоголевскіе рассказы, у г. Кулиша эстетическое и поэтическое чутье, — это видно изъ его воззрѣній, даже въ томъ кругу предметовъ, гдѣ онъ считаетъ себя особенно сильнымъ. Напримѣръ, поучая насъ тому, что замѣчательный украинскій паробокъ женится не такъ, какъ женился Голоуценко, а обдуманно, благоразумно, съ соблюденіемъ всѣхъ условій благоправія — онъ говоритъ, что украинскій паробокъ, достигшій «пѣвннго зрѣсту», — «великій практикъ въ своей сферѣ дѣйствій», что у него есть «инстинктивное пониманіе полезнаго и вреднаго для его быта, и это въ такой степени, что влюбленный козакъ готовъ умолять свою возлюбленную, чтобы она напоила его травою забвенія:

«Ой, дай мнѣ такѣ зілля, щобъ тебѣ забути!»

Г. Кулишъ не чувствуетъ, что видѣть въ этомъ стихѣ борьбу любви съ *практическими соображеніями*, значить отнять у него всю силу настоящей правды и оставить при одной сторонѣ комерческихъ соображеній. Онъ не чувствуетъ, что это совсѣмъ не то, что борьба любви съ препятствіями, *независящими отъ воли* влюбленнаго, совсѣмъ не то, что любовь, ненашедшая взаимности, которая всего естественнѣе и чаще вызываетъ мольбу о травѣ забвенія. Г. Кулишъ и не почувствовалъ, что пустившись въ идиллію, онъ самъ убиваетъ поэзію своего идиллическаго міра.

Оставимъ же въ сторонѣ эстетику и поэзію, которыя не съ руки намъ съ г. Кулишемъ, и возвратимся къ этнографіи.

Ошибка, сдѣланная Гоголемъ въ «Мертвыхъ Душахъ» противъ свода законовъ — дѣйствительно ошибка; а что сказали бы вы, еслибъ узнали, что большая часть этнографическихъ обыкненій г. Кулиша противъ Гоголя еще подлежатъ сомнѣнію? Сомнѣніе, и довольно сильное, наводитъ на нихъ г. Максимовичъ въ своихъ защитительныхъ статьяхъ. Онъ вопервыхъ сводитъ собственныя слова г. Кулиша, взятая изъ разныхъ его произведеній, откуда явствуетъ, что миѣнія сего критика объ украинскіхъ повѣстяхъ Гоголя миѣняются виѣстъ съ расположеніемъ его духа. А извѣстно, что отъ расположенія нашего духа зависятъ миѣнія только о такихъ пред-

иногда, съ которыми разумъ нашъ совладать не можетъ; т. е. ко-
торыхъ мы не понимаемъ. Далѣе г. Максимовичъ, ссылаясь на укра-
инскія пѣсни и народныя поговорки, да еще кой-какими этнографиче-
скими указаніями, доказываетъ:

«... что балабайка издавна брещитъ на вечерницахъ, и музыкаль-
ный слухъ блудницкихъ дичаши и паробковъ не возмущается зву-
ками этого инструмента, низшаго несчастіе возбуждаетъ негодова-
ніе г-на Кулиша»;

«... что была также въ большомъ употребленіи на Украинѣ»;

«... что украинцы совсѣмъ не такъ стыдливы, цѣломудренны и раз-
борчивы на имена, поговорки и даже выраженія въ ихъ обрадо-
выхъ пѣсняхъ, какъ поучаетъ насъ г. Кулишъ»;

«... что свадьба, т. е. церковный обрядъ вѣчанья, зачастую обхо-
дится на Украинѣ безъ честного корова, свѣтлоокъ и другихъ при-
надлежностей церемоніи, потомучто народное свадебное праздни-
ство можетъ претерпѣвъ спустя довольно значительное время послѣ
вѣчанья; такъ напримѣръ повѣчаютъ въ августѣ, а свадьбу празд-
нуютъ по окончаніи полевыхъ работъ, и тогда уже начинается со-
жительство молодыхъ».

Если все это такъ, то чтоже остается за г. Кулишемъ? Г. Ма-
ксимовичъ крѣпко стоитъ на томъ, что Гоголь зналъ простонарод-
ную Украиня нисколько не хуже г-на Кулиша. Ну, да оставимъ
пока это дѣло въ сомнѣніи: съ насъ довольно того, что драгоцѣн-
ная показаніи г. Кулиша о балабайкѣ, честіи корова и свѣтло-
окахъ — поколеблены.

Переходимъ къ третьей статьѣ этнографической критики. Мы
сказали, что развернули эту статью съ нерѣшимостью: читате-
ли, или уже довольно? Но на первыхъ строкахъ намъ бросились
въ глаза слѣдующія слова:

«Прежде нежели приступимъ къ указанію недостатковъ въ гоголе-
выхъ изображеніяхъ Украиня, считаемъ нелишнимъ замѣтить, что
мной Блудникъ... и пр.»

Какъ? г. Кулишъ еще не приступалъ къ указанію недостатковъ
въ гоголевыхъ изображеніяхъ Украиня? Чтоже это такое мы чи-
тали въ двухъ первыхъ статьяхъ? И чтоже будетъ дальше? Неужелъ
обити Голопуенко, Черевикъ, Параска и Хивра подвергнутся
болѣе тщательной этнографической перемыкѣ?.. Провернули стра-
ницу — вѣтъ! «Ночь накануне Ивана-Купала». Любопытво стаде-
вать узнать, чѣмъ-то угрѣшила эта повѣсть. Расскажи въ этой по-
вѣсти начинается словами:

«Лѣтъ, куда! болѣе чѣмъ за-сто (говоритъ покойникъ дѣду-
шкѣ) — нашего села е не узнала бы шито.»

Обретивъ первое анималие на это дело, г. Кулишъ дѣлаетъ слѣдующія соображенія:

«Выходитъ, что дѣло происходитъ во времена Анны Иоанновны, или въ послѣдніе годы царствованія Петра-перваго. Какъ бы это было интересно, еслибы Гоголь освѣтилъ своею повѣстью, хотя слегка, эту темную для насъ область, этотъ странный періодъ времени, который для Украины во многихъ отношеніяхъ, когда въ ней началось заводиться между казаками и дворянство, подражавшее изво всѣмъ, какъ и вездѣ, данному Петромъ великорусскому обществу, когда казаки начали терять свою солидарность, какъ самоправная корпорація, долго представлявшая собою народъ украинскій и сообщившая всему населенію Украины извѣстный характеръ, и когда крѣпостное право такъ сказать наклонилось въ ячичахъ, которыя положили петровскіе нѣмцы въ навозныя кучи, оставшіяся по всей Украинѣ отъ польской шляхты, въ видѣ ни на что живое негодныхъ старшинъ казацкихъ!»

Мы конечно не имѣемъ права требовать отъ автора, чтобы онъ въ своей повѣсти изображалъ намъ извѣстное время такъ, а не иначе; да и вообще мы должны разсматривать только то, что авторъ намъ предлагаетъ, а не вѣдалать ему фадаты, которыхъ онъ можетъ быть иногда не захочетъ выполнить. Но говоря объ авторѣ, сошедшемъ съ допріица жизни, мы имѣемъ право обратить его недостатки въ собственное назиданіе.

Выше удалось намъ поглядѣть на сплуг-на Кулиша въ дѣлѣ эстетики; теперь приводить судьба поучиться у него кое-чему и по частѣ логики. Видите ли: пока писатель живъ, мы не имѣемъ права требовать отъ него того-то и того-то, а когда онъ умеръ, то стали вдругъ обратять ему въ недостатки отсутствіе того, чего не имѣемъ были требовать при его жизни... Каково! Если въ произведеніяхъ автора есть недостатки, то начетъ и при жизни его критика имѣть полное право замѣчать ихъ и требовать ихъ исправленія; а почему же смерть автора должна развязать языкъ этнографической, или вѣской другой критикѣ? Не вотъ еще вопросъ: недостатки ли у Гоголя то, что г-ну Кулишу вздумалось назвать этимъ словомъ: «въ собственное назиданіе»? Впервые въ собственное назиданіе можно думать про себя и желать все что угодно, а нечестно, въ критической статьѣ, нельзя высказывать желаній ни къ кому ни къ городу, хотя бы они сами по себѣ были и хорошия желанія... «Лѣтъ, куда! болѣе чѣмъ за-сто», говорил покойникъ дѣдъ мой... Кому, скажите, придетъ въ голову видѣть въ этихъ словахъ указаніе на какую-нибудь историческую эпоху? Кто же не знаетъ, что всѣ концы дѣла, перелавая событіе, не на ихъ памяти случившестя, оправдываютъ время его живанія: «лѣтъ, куда! болѣе чѣмъ за-сто», т. е. шло-то давно. Нужна особенная узость мысли, нужно повереть своимъ мазкамъ

въ какой-нибудь тѣсной утолщѣ уткнувшись въ него съ тудымъ упрекомъ въ фантазмъ, чтобы получить способность прицѣпиться къ этимъ неопредѣленнымъ словамъ дѣла и на основаніи ихъ потребовать эти втораго фантастическаго разказа — изображенія извѣстной исторической эпохи, тогда какъ это изображеніе не было ни его задачею, ни его призваніемъ.

а) Забылъ же поймемъ мы дальше въ этнографическій разборъ «Мотъ иагнуръ Иаааа-Кулиша»? Вѣдь г. Кулиша не выйдетъ изъ своего угла, въ которомъ онъ заботится съ такимъ самодовольствомъ. Забылъ же заглядывая мы въ этотъ уголъ и что изъ него вышло?..

б) Жалуюсь что Гоголь изуродовалъ украинцевъ, г. Кулиша старается изобразить ихъ въ самомъ пріятномъ видѣ: по его взгляду, украинскій «зжиточный» паробокъ долженъ быть изображенъ благообразнѣйшимъ юношей, зжиточный украинецъ не долженъ, въ худшее время произведенія, ходить съ шиньомъ и пить тамъ съ будущимъ катомъ горілку, даже украинская «баба-мачиха» непременно должна являться съ шестисекой рѣчью на устахъ, — шнечко все будетъ невѣрно, несогласно съ бытомъ и духомъ просто-народной Украины. Чего же лучше? Казалось бы, что шашъ остается только умиляться душою отъ прекрасныхъ украинскихъ нравовъ и благодарить г. Кулиша за это умиленіе. Между тѣмъ знаете ли нѣтъ выходятъ? Начатакнись «Вечеромъ на хуторѣ», взглядышисъ мысленно на этихъ изуродованныхъ, по выраженію г. Кулиша, украинцевъ, нарисовались надъ ними демоны, мы повзаконились и почувствительнѣе сроднились съ ними душою. Связь смѣхъ у насъ неровно пробѣдалось чувство какого-то необъяснимаго «меченія къ этимъ живымъ людямъ, къ этимъ ясно-освѣщеннымъ образамъ, къ этому міру, полному своеобразной поэзіи даже въ самыхъ комическихкихъ его произведеніяхъ. Черезъ Гоголя мы полюбили Украину, черезъ Гоголя она стала намъ знакомою, все равно что родною стороною... Статьи г. Кулиша, предпринятія въ видахъ защиты просто-народной Украины отъ осмѣянія и искаженія, защиты не-прошеной и нежеланной, не только не прибавили ничего къ нашей прежнему сочувствію, пробужденному Гоголемъ, нисколько неизмѣнивъ нашихъ понятій о сущности украинскаго народнаго духа, но даже какъ-будто отдаляли отъ насъ украинскій міръ, какъ-будто обнаружили попытку оттолкнуть насъ отъ него. Нельзя предполагать, чтобы таково было намѣреніе г. Кулиша; что же это значитъ? Отвѣчаемъ смѣло: такова сила таланта и таково безсиліе критики, незаренной ни талантомъ, ни даже критическимъ тактомъ! Такого дѣйствіе прикосновенія къ художественному произведенію гру-

бой руки простого собирателя этнографических материалов, — руки, может-быть направленной задней мыслью на воссоздание чувства...

Да! мы поступили бы неосторожно, если бы притворились незамыгивающим особаго тона, слышимаго въ статьяхъ г. Кулиша. Этотъ тонъ можетъ-быть шевельнулъ бы насъ сильно, если бы онъ явился въ произведеніи болѣе искуснаго критика; но здѣсь намъ только жалъ г. Кулиша, съ его искусной и злобой безсмысленнаго озлобленія. Кому навредить могло вредъ въ голову, чтобы въ рассказахъ Гоголя былъ видѣнъ баринъ? К чему же г. Кулишъ надобляетъ многократнымъ повтореніемъ этого слова? К чему упреки за «неукраинское слово»? К чему упоминаніе о «великороссийскихъ» писателяхъ и «великороссийской» критикѣ, какъ о чемъ-то чужомъ, чуть не враждебномъ? Г. Кулишъ свѣдѣнъ отречься отъ украинскихъ типовъ Гоголя съ такою торжественностью, какъ будто это фанатикъ-сексаторъ отрывается отъ роду и племени во имя окаяннаго имъ догмата. Г. Кулишъ косится на «великороссийскую» литературу... за что это и почему? Потому только, что вы дорожите вашимъ роднымъ украинскимъ словомъ? Удивительно благородно и разумно! Развѣ великорусская литература, давить и гонить украинское слово, ищасть его развѣтію, не сочувствуетъ его успѣхамъ? Но упрямые фанатики, у которыхъ началъ всеобщаго примиренія, вертятся на языкѣ, никогда не касалось сердца; не хотятъ понять, что два нечуждые другъ другу шара, два большихъ семейства, живя подъ одной кровлей на равныхъ правахъ, могутъ не ишать, а помогать и быть взаимно полезнымъ другъ другу; что ивъ особдія и родственныя литературы могутъ развиваться рядомъ и дружно, вѣстѣнія одна другую даже въ своихъ самыхъ частныхъ стремленіяхъ, симпатіяхъ и цѣляхъ. Не хотѣть понять этого фанатикъ и, чужая на своемъ языкѣ, косится на особдія, какъ будто боится, чтобы голосъ его не заглушилъ какъ рѣчь...

Въ концѣ статьи г. Кулишъ говоритъ, что онъ не знаетъ, что такое украинское слово, и что онъ не знаетъ, что такое украинская литература. Этого не знаетъ никто, и это не знаетъ никто. Но это не значитъ, что украинское слово и украинская литература не существуютъ. Это значитъ, что украинское слово и украинская литература существуютъ, но они не знаютъ, что такое украинское слово и украинская литература. Это значитъ, что украинское слово и украинская литература существуютъ, но они не знаютъ, что такое украинское слово и украинская литература. Это значитъ, что украинское слово и украинская литература существуютъ, но они не знаютъ, что такое украинское слово и украинская литература.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе. — Событія прошлаго года въ Европѣ. — Военственныя стремленія. — Мирныя успѣхи.

Англо-американскія дѣла. — Окончаніе исторіи Трента и начало новыхъ затрудненій. — Главная задача Англіи. — Военныя мѣры сѣвернаго правительства.

Итальянскія дѣла. — Невыгодное положеніе бывшаго неаполитанскаго короля. — Министерскія затрудненія. — Слухи объ очищеніи Рима.

Австрійскія дѣла. — Путешествія императора. — Чрезвычайная храбрость войскъ. — Перестройка укрѣпленій.

Французскія дѣла. — Усовершенствость конституціи. — Приключенія съ печатью. — Рѣчь новаго года.

Последнія извѣстія. — Тронная рѣчь короля прусскаго. — Португальскія возмущенія. — Мексиканскіе подвиги европейцевъ. — Китайскіе перевороты.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ

Европа пережила тяжолый годъ. Она издержала на содержаніе 2,300,000 солдатъ неменѣе 1250 мильоновъ рублей. При итогѣ европейскаго населенія въ 135 мильоновъ душъ мужского пола всѣхъ религій, сословіи и возрастовъ, приходится, что каждая душа заплатила на содержаніе войскъ по 9 руб. 20 коп. Иной заплатилъ больше, иной по малолѣтству еще ничего не заплатилъ, но заплатили за него другіе, такъ что кругомъ приходится именно по 9 руб. 20 коп. съ души, не считая тутъ разныхъ убытковъ, происходящихъ отъ уменьшенія числа производительныхъ рабочихъ въ сельскомъ и городскомъ населеніяхъ, отъ необходимости кормить остающихся сиротъ, и т. д. Если рачитать все это, сумма военныхъ издержекъ должна увеличиться еще по крайней мѣрѣ вдвое, если не болѣе, и такой поборъ совершается въ такъ называемое мирное время: это вооруженный миръ или мирно-военное положеніе.

Т. VII. — Отд. III.

ніе. Мы не имѣемъ претензіи критиковать существующій порядокъ военно-мирныхъ издержекъ, находить его хорошимъ или дурнымъ: мы сообщаемъ только факты и цифры. Въ прошломъ году Европа заплатила 1250 миліоновъ рублей, и любопытно только рассмотреть, что она за эти дорогія деньги получила. Войны собственно никакой небыло, стало-быть войско служило только мирнымъ образомъ и еще въ качествѣ подкрѣпленія дипломатическимъ переговорамъ. Войско не только подкрѣпляетъ переговоры, но даже придаетъ имъ весь тотъ смыслъ, который они въ себѣ заключаютъ; безъ войска, стоящаго позади той или другой дипломатической ноты, самая нота имѣла бы значеніе частнаго мнѣнія, высказаннаго болѣе или менѣе ловко. Если не всякая нота есть ультиматумъ, по поводу непринятія котораго должна возникнуть война, то уже конечно всякая нота, смотря по обстоятельствамъ, можетъ сдѣлаться предпоследнею, и окончательное рѣшеніе вопроса, составляющаго предметъ ноты, можетъ быть предоставлено оружію. Поэтому ничего нѣтъ забавнѣе тѣхъ публицистовъ, которые говорятъ, что тотъ или другой вопросъ долженъ быть рѣшаемъ путемъ дипломатическимъ, а не оружіемъ. Въ сущности это одно и то же, и въ княжествѣ Монако или въ княжествѣ Лихтенштейнѣ никакъ не можетъ явиться великій дипломатъ, по случаю слишкомъ малаго количества войска. Старинная сказка о мечѣ, брошенномъ на одну чашку вѣсовъ, еще долго будетъ имѣть свое полнѣйшее примѣненіе. Пусть министръ иностранныхъ дѣлъ княжества Монако изложитъ свой взглядъ на послѣднія затрудненія, возникшія между Англіей и Соединеннымъ-Штатами, пусть даже онъ объявитъ, чью сторону будетъ держать его отечество въ предстоящемъ столкновеніи; но что же изъ этого выйдетъ? Какъ-бы ни была умно написана его нота, при отсутствіи штурцовой и пушечной опоры она не будетъ принята въ соображеніе. Стало-быть 9 р. 20 коп., издержанные въ прошломъ году каждымъ европейскимъ гражданиномъ всѣхъ сословій и возрастовъ на содержаніе войскъ, приобрѣли правительствомъ извѣстную долю дипломатическаго вліянія. Въ какой мѣрѣ полезно или выгодно это вліяніе на платящихъ, это другой вопросъ. Покажемъ мы предположимъ только, что каждый платящій на военные издержки, напр. гражданинъ Гогенцоллернъ-Зигмарингена, составляетъ съ своимъ правительствомъ нѣчто солидарное и находитъ если не выгоду, то по крайней мѣрѣ удовольствіе въ томъ вліяніи, какое приобретаетъ его отечествомъ вслѣдствіе того, что у него имѣется въ запасѣ столько-то штыковъ, готовыхъ по первому знаку броситься впередъ. Такимъ образомъ окажется, что французъ, за свои 9 р. 20 к.,

получилъ возможность оберегать въ Римѣ воображаемыя остатки свѣтской власти папы, или иначе-сказать составляетъ самую свѣтскую власть, и сверхъ того получилъ возможность съ гордо-стью смотрѣть на сосѣдей, ближнихъ и дальнихъ, по поводу своей *glorie militaire*. Хотя при раскладкѣ денегъ на мирно-военныя издержки съ каждаго француза пришлось въ прошломъ году нѣсколько больше средней цифры 9 р. 20 к., но зато надобно признать, что за свои деньги французъ получилъ и больше всѣхъ удовольствій, какъ отъ спасенія папы, такъ и отъ грома воинской славы и отъ совнанія, что Англія бьется высадки. Но неизвѣстно, много ли удовольствій получаютъ тѣ изъ платящихъ, которые не платятъ *преданныхъ*, но *независимыхъ* или независимо-преданныхъ газетъ. Англичанинъ за свои деньги получилъ гораздо меньше удовольствія, такъ какъ онъ смотритъ на дѣло съ боуде практической точки зрѣнія, но онъ можетъ считать, что если нѣтъ удовольствія, зато пользы много: военные корабли составляютъ такую серьезную поддержку торговыхъ операций, что англичанинъ на дѣломъ земномъ шарѣ можетъ торговать бумажными и ножовыми товарами какъ дома. Впрочемъ въ концѣ года получено было и немало удовольствія, когда правительство Соединенныхъ-Штатовъ, боясь войны съ Англіей, выдало захваченныхъ на англійскомъ кораблѣ посланниковъ южныхъ штатовъ. Австріецъ за свои 9 р. 20 к. приобрѣлъ пріятность насильственно считать венеціанцевъ и венгерцевъ своими соотечественниками, а венеціанцы и венгерцы, заплатившіе столько же, взаимно приобрѣли пріятность считать такими же австрійцевъ. Если такія пріятности приобрѣтены были нѣсколько дорого, то что же дѣлать? За всякое удовольствіе надо платить, и нерѣдко случается въ жизни, что маленькое удовольствіе, заплаченное дорого, тѣмъ кажется пріятнѣе. — За свои 9 р. 20 к. пруссакъ получилъ наслажденіе считать свое отечество первою державою Германіи и покровителемъ всѣхъ нѣмцевъ на свѣтѣ. Такъ это въ самомъ дѣлѣ, или нѣтъ, — другой вопросъ; но извѣстно, что люди часто платятъ за воображаемыя вещи непомѣрно дорого, и тѣмъ полнѣе наслаждаются, что весь процессъ совершается не наружу, а въ ихъ головѣ. — Испанецъ заплатилъ свои деньги за удовольствіе считать свое отечество приближающимся къ сану великой державы. У всякаго свой вкусъ, и особенно у испанца; извѣстно, что они отличаются дикими вкусами, напр. любятъ смотрѣть травлю быковъ людьми, и платятъ за это по праздникамъ большія деньги. — Итальянецъ заплатилъ 9 р. 20 к. за надежду въ скоромъ времени округлить свое отечество, воротить свою столицу

и выручить из нѣмецкихъ цѣпей своихъ венеціанскихъ земельковъ. Эта надежда заплачена недорого. Граждане второстепенныхъ и третьестепенныхъ государствъ платятъ для того же, для чего иной любитель расширяетъ свой деревянный домъ кирпичиками, такъ чтобы издали казалось, будто каменный. Оно видно, что деревянный, и всякій знаетъ, что деревянный, однако все-таки оно будто каменный. — Но если, этими привилегіями, приобретаемымъ каждымъ гражданиномъ Европы за 9 р. 20 к., надо прибавить великое внутреннее значеніе войска, безъ котораго могъ бы разрушиться существующій порядокъ выѣсть съ выгодами власть. Это уже не воображаемое, а дѣйствительное дѣло войска, принимающаго тутъ значеніе полицейское, касающееся не удовольствія, а прямой пользы.

Тяжелый былъ годъ для Европы, и одно-только изъ европейскихъ государствъ, которое считаетъ себя настолько сильнымъ, что можетъ постепенно убавлять свои войска, сдѣлало огромный шагъ впередъ. Это Россія, съ своею отчѣною крѣпостного права.

Еще тоже огромный шагъ впередъ сдѣлала Италія, нестолько соединеніемъ въ одно цѣлое, сколько введеніемъ болѣе свободныхъ формъ правленія въ бывшихъ большихъ помѣстьяхъ герцога тосканскаго, короля неаполитанскаго, папы, герцоговъ моденскаго и пармскаго. Остальные государства продолжали существовать на прежнихъ основаніяхъ, и если дѣлали у себя преобразованія, то неполныя, неудачныя, неоткровенныя или только поверхностныя. Въ этомъ отношеніи годъ особенно тяжелъ былъ для Австріи. Попытка ввести конституціонное устройство тамъ не удалась и правительство доведено до печальной необходимости признаться, что оно не поняло потребностей времени и разродилось недовоскомъ; оно дошло до убѣжденія, что устроить самоуправленіе должны не управители, а сами управляемые, что стало-быть *данное* такое устройство составляетъ даже граматическую ошибку; но конечно, теперь еще неизвѣстно, въ какой мѣрѣ дальнѣйшія дѣйствія австрійскаго правительства будутъ соответствовать этому убѣжденію. Венгрія весь прошлый годъ твердо стояла за свои старинныя права и отказывалась принять вновь данное устройство; Славонія, Кроація и Далмація, съ свойственнымъ славянскому племени пассивнымъ сопротивленіемъ, отказались послать своихъ представителей въ Вѣну; Трансильванія и не собиралась на сеймъ; Венеціанская область, заперуженная войсками, есть пока только укрѣпленный лагерь для помѣщенія солдатъ, оберегающихъ свою собственную стоянку. Чисто-нѣмецкія земли единодушно

стремится къ преобладанію надъ венгерскими и славянскими; а правительство старается раздѣлить подданныхъ, чтобы легче управлять раздѣленными. До нѣкоторой степени это удавалось въ Венгріи, въ Галиціи и въ Богеміи, но раздѣленіе только отлагаетъ время окончательнаго устройства и есть только паллятивное средство. Это мускусъ, дляемый отчаянно-больному: жизнь поддерживается, если можно жизнь назвать безплоднымъ раздраженіемъ; но мускусъ не возстановляетъ раздраженной гармоніи отравленій, не приостанавливаетъ и разложенія, которое подвигается впередъ съ роковою медленностью.

Для Франціи прошедшій годъ былъ такъ же благополученъ, какъ и прежніе. Въ Китаѣ побѣда; въ Кохинхинѣ побѣда; войска побѣдоносно занимаютъ Сирію, войска и флотъ побѣдоносно отправляются въ Мексику; голосъ Франціи побѣдоносно раздается въ совѣтахъ Европы; войска побѣдоносно охраняютъ пану; вездѣ побѣда, слава, слава!.. Къ концу года только оказалось, что все это стоило ужасно дорого; такъ что долги стали до нѣкоторой степени безпокойны. Французы были бы непрочъ пользоваться славой и платитъ за нее деньги только по настоящей, резонабельной цѣнѣ, не запутываясь въ неоплатные долги. Чтобы нѣсколько успокоить общественное мнѣніе, императоръ объявилъ, что онъ отказывается дѣлать новые долги безъ согласія своего министра финансовъ. Это еще больше переполошило общественное мнѣніе. «Стало-быть дѣло плохо, когда императоръ рѣшился отнять у себя право распоряжаться чужими деньгами», — заговорили французы, и стали догадываться, что кромѣ полутора мильярда долговъ есть еще какіе-то полтора, которые содержатся въ секретѣ, чтобы не причинить слишкомъ большой тревоги. Отъ такой догадки тревога увеличилась, и теперь даже всѣ мелочные лавочники шепчутся между собой о томъ, что дѣла слишкомъ плохи, что много забрано впередъ и — какъ-то придется раздѣливаться. Но искусная политика правительства учреждаетъ различныя отвлеченія, и французы могутъ находить утѣшеніе въ томъ, что такъ называемая свобода торговли, примѣненная къ торговому трактату съ Англіей, въ непродолжительномъ времени обогатитъ страну. При этомъ независимо-преданныя газеты говорятъ о трактатѣ въ восторженныхъ, но общихъ выраженіяхъ, стараясь не вникать, что отъ существующаго трактата до свободы торговли еще очень далеко.

Дѣла Пруссіи шли лучше, нежели можно было ожидать. Выборы въ парламентъ совершились такъ удачно, что характеръ палаты теперь не подлежитъ сомнѣнію: онъ будетъ либераленъ, и теперь уже

отъ правительства будетъ зависѣть поставить себя въ надлежачія отношенія къ народнымъ представителямъ. Сначала король выражалъ свое неудовольствіе на результаты выборовъ, безпрестанно твердя, что при такой палатѣ невозможно будетъ увеличить числа войска, что такая палата будетъ только перечить намѣреніямъ правительства. Но теперь онъ переимѣнилъ свой взглядъ на вещи; по крайней мѣрѣ изъ тронной рѣчи его очень можно заключить, что онъ смотритъ на палату немалое какъ на правительство, и только съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ угрозы замѣтилъ, что будетъ твердо охранять права короны. Точнымъ смысломъ прусской конституціи права короны опредѣлены довольно точно, и лучшіе изъ членовъ палаты, которые твердо держатся законности, сами будутъ усердно охранять законъ, стало-быть и свои, и коронныя права. Вся мудрость правительства будетъ состоять только въ томъ, чтобы не идти противъ теченія и не отдѣлять себя отъ народа.

Дѣла Англіи шли довольно удачно, особливо если принять во вниманіе, что въ 1861 году было вывезено изъ Америки 2,791,892 кипы хлопка, стало-быть почти столько же, сколько въ 1860, когда ввезено 3,151,563 кипы. Междоусобная война въ Америкѣ могла бы гораздо сильнѣе убавить количество привезеннаго въ Англію хлопка, еслибы блокада южныхъ портовъ содержалась съвернымъ правительствомъ дѣйствительнѣе и дѣятельнѣе. Но теперь, когда приняты самыя дѣйствительныя мѣры блокады, именно закрытіе портовъ камнями, дипломатія, при помощи пушекъ позади каждой своей ноты, будетъ требовать снятія этой небывалой и невидимой блокады. Дипломаты будутъ ухитряться изыскивать доказательства, почему Соединеннымъ-Штатамъ негодится засаривать свои собственные порты, но ни отъ кого не будетъ скрыто, что сущность дѣла заключается въ хлопкѣ. Покаместъ однакоже годъ кончился довольно благополучно: правительство Соединенныхъ-Штатовъ согласилось выдать Мазона и Слудея.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКІЯ ДѢЛА

Въ Европѣ давно было извѣстно, что посланники южныхъ штатовъ будутъ выданы. Но знали это только два благородные лорда: виконтъ Пальмерстонъ и ярлъ или графъ Россель. Ихъ лордства не сочли удобнымъ сообщить Европѣ то, что они знали. Напротивъ, въ видахъ дальнѣйшихъ дѣйствій касательно хлопка, они нашли, что выгоднѣе будетъ скрыть добрыя и мирныя намѣренія американскаго правительства и раздуть воинственный жаръ англичанъ.

На это достаточно было всего только тринадцать милліоновъ рублей, взятыхъ конечно въ карманахъ подданныхъ королевы Викторіи. Но сколько еще было убытковъ отъ упадка курсовъ въ ожиданіи войны, это считать трудно; но безъ сомнѣнія цифра эта болѣе десяти милліоновъ. Такимъ образомъ ихъ лордства бросили изъ кармановъ англичанъ около двадцати пяти милліоновъ рублей втеченіе декабря; только чтобы показать американцамъ, что Джонъ Буль не поверяетъ оскорбленія, которое впрочемъ и не было нанесено. Но вотъ какъ было дѣло.

30 ноября американскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Сенардъ, писалъ своему посланнику въ Лондонѣ г. Адамсу. Въ тотъ же день, 30 ноября, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ своему посланнику въ Вашингтонѣ, лорду Лайонсу. Двѣ депеши такимъ образомъ разѣхались. Въ половинѣ декабря обѣ депеши пришли по назначенію; г. Адамсъ долженъ былъ прочесть полученную изъ Америки депешу двумъ лордамъ, Росселю и Пальмерстону. Мирныя намѣренія вашингтонскаго кабинета были несомнѣнны; но ихъ лордства продолжали дѣлать военныя приготовленія, отправлять войска въ Канаду, и въ своемъ величій равнодушно изволили взирать на упадокъ курсовъ, причѣмъ многія тысячи людей терпѣли разореніе. Неизвѣстно въ какой мѣрѣ ихъ лордства или ихъ секретари воспользовались упадкомъ, но теперь, когда дѣло разъяснилось, оказывается несомнѣннымъ, что игра была выгодная и оченъ крупная. Вотъ что писалъ г. Сенардъ: «На насъ произвелъ очень благопріятное впечатлѣніе вашъ разговоръ съ лордомъ Пальмерстономъ. Говоря, что жизнь возмущенія поддерживается надеждою на признаніе Франціею и Англіею самостоятельности невольничьихъ штатовъ, вы сказали то, что есть. Возстаніе погибло бы въ три мѣсяца безъ этой надежды. Я никогда не думалъ ни минуты, чтобы такое признаніе могло произойти безъ того, чтобы тотчасъ не возгорѣлась война между Соединенными-Штатами и нѣсколькими державами, которыя признали бы невольничьи штаты. Я никогда не думалъ, что англійское правительство можетъ не видѣть этого и въ тоже время я всегда былъ увѣренъ, что англійское правительство должно точно также быть противно войнѣ, какъ и мы сами. Я увѣренъ, что правительство тщательно избѣгало подать Великобританіи какой-нибудь поводъ къ оскорбленію или раздраженію. Но мнѣ казалось, что англійское правительство не обращаетъ довольно вниманія на теченія, которыя какъ-будто тянутъ эти двѣ страны къ столкновенію. Изъ записки лорда Пальмерстона я заключаю, что англійское правительство теперь понимаетъ какъ важ-

но избѣгать всѣ возможныя столкновенія и что оно расположено серьезно разсуждать и дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. Если такъ, то мы расположены дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, какъ нація британская по происхожденію, по чувствамъ и по симпатіямъ. Цюльъ вашего разговора капитанъ Вильксъ, на корабль Сан-Ядинто, присталъ къ колоніальному англійскому пароходу и всталъ на немъ двухъ инсургентовъ, которые ѣхали въ Европу съ предательскими противъ своего отечества порученіемъ. Это случай для лорда Пальмерстона новый, неизвѣстный и непредвидѣнный по его послѣдствіямъ. Онъ долженъ быть регулированъ и разсмотрѣнъ двумя правительствами въ томъ духѣ, о которомъ я только-что говорилъ. Лордъ Лайонсъ благоразумно воздержался объясниться со мной по этому поводу, потому вѣроятно, что онъ ожидаетъ инструкцій изъ Лондона... Но необходимо вамъ знать въ этомъ дѣлѣ одинъ фактъ, неприписывая ему однакоже особенной важности, именно что призятіи Мазона и Слуделя на англійскомъ кораблѣ, капитанъ Вильксъ дѣйствовалъ вовсе безъ инструкціи своего правительства, причемъ какъ видите, вопросъ освобождается отъ затрудненій, которыя были бы неизбѣжными, еслибы онъ дѣйствовалъ по нашему приказанію. Я надѣюсь, что англійское правительство будетъ смотрѣть на это дѣло съ дружественнымъ взглядомъ, точно также какъ оно можетъ ожидать наилучшаго расположенія со стороны нашего правительства. Хотя эта цота и конфиденціальна, однако вы можете прочесть ее лорду Росселю и лорду Пальмерстону, если найдете это удобнымъ.»

Денеша лорда Росселя къ лорду Лайонсу, написанная въ тотъ же день, отличается тѣмъ же умѣреннымъ тономъ. «Очень важныя извѣстія дошли до правительства ея величества. Извѣстія эти доставлены адмиралтейству г. Вильямсомъ, почтовымъ агентомъ на пароходѣ Трентѣ. Изъ письма г. Вильямса отъ 9 ноября съ парохода Трента оказывается, что Трентъ вышелъ изъ Гаваны 7 ноября съ королевскою почтою и со многими пассажирами. Г. Вильямсъ говоритъ, что 8 числа, вскорѣ послѣ полудня, впереди былъ замѣченъ пароходъ, имѣющій всѣ признаки военнаго судна, но безъ флага. Приблизившись около четверти второго, онъ выстрѣлилъ по пароходу Тренту ядромъ и поднялъ американскій флагъ. Пока Трентъ медленно приближался, пароходъ опять выстрѣлилъ въ бугширить Трента. Бомба лопнула на разстояніи полукабельтова отъ корабля. Тогда Трентъ остановился и къ нему подступилъ офицеръ съ сильнымъ отрядомъ вооруженныхъ моряковъ. Офицеръ потребовалъ списокъ пассажировъ, и когда въ этомъ ему было отказано;

онъ сказалъ ; что ему приказано арестовать гг. Мазона , Слэдделъ , Мак-Фарландъ и Эстиса и что онъ убѣжденъ въ присутствіи ихъ на Трентѣ въ качествѣ пассажировъ. Пока шли по этому дѣлу переговоры, г. Слэдделъ выступилъ впередъ и сказалъ американскому офицеру, что названные имъ лица находятся передъ нимъ. Командиръ Трента и г. Вильямсъ протестовали противъ арестованія четырехъ пассажировъ, которые находились тогда подъ покровительствомъ англійскаго флага. Но Сан-Иццито нахолился тогда на разстояніи 200 ярдовъ отъ Трента, солдаты были на мѣстахъ, порты открыты и пушки наготовѣ. О сопротивленіи не могло быть и рѣчи, и названные пассажиры были силою уведены съ корабля. Потомъ потребовали, чтобы командиръ Трента отправился на Сан-Иццито ; но онъ отвѣчалъ, что не отправится иначе, какъ если взятъ будетъ силой, и тогда не настаивали больше на этомъ требованіи. Такимъ образомъ кажется, что нѣкоторые лица были силою взяты съ англійскаго корабля, съ нейтральнаго корабля, шедшаго своей дорогой законнымъ и мирнымъ образомъ. Такое насиліе есть оскорбленіе англійскаго флага и нарушеніе международнаго закона. Правительство ея величества, имѣя въ виду дружественныя отношенія, давио существовавшія между Великобританіей и Соединенными-Штатами, расположено думать, что американскій офицеръ, совершившій это насиліе, дѣйствовалъ не вслѣдствіе приказанія своего правительства, или что если онъ считалъ для себя дозволеннымъ такой поступокъ, то онъ сильно ошибся касательно смысла своихъ инструкцій. Ибо правительство Соединенныхъ-Штатовъ должно знать, что англійское правительство никогда не позволитъ, чтобы подобное оскорбленіе чести прошло безъ полнаго удовлетворенія, и правительство ея величества не хочетъ думать, чтобы правительство Соединенныхъ-Штатовъ преднамѣренно хотѣло завести споръ, въ которомъ вся безъ исключенія англійская нація будетъ единодушна. Такимъ образомъ правительство ея величества рассчитываетъ, что когда вопросъ будетъ подвергнутъ на разсмотрѣніе правительства Соединенныхъ-Штатовъ, это правительство по своему собственному произволу доставитъ англійскому правительству удовлетвореніе, которое только и можетъ успокоить англійскій народъ, именно : освободить четыре арестованныя лица и отласть ихъ вамъ, снова подѣ покровительство Англии, и представить приличныя извиненія. Если г. Севардъ не предложитъ вамъ этихъ условій, то вы ихъ предложите ему.»

Отвѣтъ г. Севарда очень длиненъ, и потому приводить его здѣсь мы не будемъ. Но надо замѣтить, что во время арестованія Мазона

и Сиддла и двухъ ихъ секретарей, въ Соединенныхъ-Штатахъ былъ бунтъ, который былъ подавленъ правительствомъ, причемъ правительство смотрѣло на Англію какъ на державу дружественную, тогда какъ Англія вдругъ вздумала назвать себя нейтральною. Въ самомъ дѣлѣ, если смотрѣть на южные штаты съ американской точки зрѣнія, то можно въ нихъ видѣть не иначе какъ бунтовщиковъ, и нейтральности не можетъ быть допущено ни съ чьей стороны. Предварительно перепискою было установлено, что къ этой внутренней борьбѣ прилагаются принципы, установленные парижскимъ конгрессомъ 1856 года, именно что нейтральный или дружественный флагъ покрываетъ непріятельскіе товары, не составляющіе военной контрабанды, и что эти товары не подлежатъ конфискаціи даже подъ непріятельскимъ флагомъ. Джемсъ Мазонъ и Мак-Фарландъ, проживавшіе въ Виргиніи, и Джонъ Сиддла и Джорджъ Эстисъ, проживавшіе въ Луизианѣ, суть граждане Соединенныхъ-Штатовъ. Когда эти господа сѣли на Трентъ, въ Гаванѣ было очень хорошо извѣстно, что Джемсъ Мазонъ ѣдетъ въ Англію будтобы въ качествѣ полномочнаго министра при севъ-джемскомъ дворѣ, будтобы съ порученіемъ Джефферсова Девиса, который воображаетъ себя президентомъ въ некоторыхъ земляхъ Соединенныхъ-Штатовъ, и что Мак-Фарландъ ѣдетъ съ нимъ тоже въ воображаемомъ качествѣ секретаря этого воображаемаго посольства. Джонъ Сиддла въ тѣхъ же обстоятельствахъ ѣхалъ въ Парижъ, съ воображаемымъ качествомъ уполномоченнаго при французскомъ императорѣ, и Джонъ Эстисъ былъ избранъ секретаремъ этого мнимаго посольства. Что эти лица присвоили себѣ такіа названія, это подтверждается тѣмъ же самымъ Джефферсономъ Девисомъ въ мнимомъ его посланіи къ незаконному и бунтующему конгрессу. Американцы рассчитывали не безъ основанія, что эти лица везутъ кредитивныя письма и инструкціи, то-есть документы, которые по законамъ считаются депешами. Послѣ однако сдѣлалось извѣстнымъ, что эти депеши были перевезены въ Европу на другомъ кораблѣ и переданы бунтующимъ эмисарамъ. При такомъ взглядѣ становится понятнымъ, что капитанъ Вильксъ совершилъ не насиліе, а просто законно, обыкновеннымъ образомъ остановилъ и захватилъ нейтральный корабль, занимавшійся перевозомъ военной контрабанды для употребленія и пользы инсургентовъ.

Требуется рассмотреть, имѣлъ ли онъ на это право сообразно съ международными законами, и рѣшить: 1) названныя лица и депеши при нихъ составляютъ ли военную контрабанду? 2) могъ ли капитанъ Вильксъ законнымъ образомъ остановить и осмотрѣть Трентъ

во случаю контрабандныхъ лицъ и депешъ? 3) воспользовался ли онъ своимъ правомъ законнымъ и приличнымъ образомъ? 4) найдя на кораблѣ лица, составляющія контрабанду съ контрабандными депешами, имѣлъ ли онъ право арестовать эти лица? 5) совершилъ ли онъ этотъ арестъ позволительнымъ образомъ, согласно съ международными законами? Если на всѣ эти вопросы можно отвѣчать утвердительно, то англійское правительство не имѣетъ права ни на какое удовлетвореніе.

По поводу перваго вопроса, морскіе законы такъ много занимаются вещами и такъ рѣдко лицами, что повидимому нельзя безъ натяжки прилагать къ лицамъ названіе контрабанды. Но лица точно также какъ и вещи могутъ быть контрабандой, потому что это слово означаетъ вообще «все что противно деклараціи, все запрещенное, незаконное». Всѣ писатели и судьи смотрятъ на лица, служащіе въ морской или въ военной службѣ непріятельской, какъ на контрабанду. Ваттель говоритъ: «война позволяетъ намъ отрывать у непріятеля всѣ пособія и препятствовать ему посылать уполномоченныхъ за помощью.» Вильямъ Скоттъ говоритъ: «можно остановить на пути непріятельскаго посланнаго.» Депеша точно также составляетъ контрабанду и везущіе ихъ или курьеры имѣютъ то же значеніе. При нѣкоторой придирчивости можно бы еще подыять вопросъ: могутъ ли по справедливости считаться контрабандой посланники непризнанной власти, составленной инсургентами? Но такая мелочность падаетъ сама собою передъ духомъ закона. Вильямъ Скоттъ, говоря о гражданскихъ чиновникахъ, которые могутъ быть задержаны, прибавляетъ: «когда непріятель считаетъ достаточно важнымъ дѣломъ посылать подобныя лица съ своими порученіями, на счетъ общества, то уже поэтому самому справедливо будетъ захватить корабль, посланный съ цѣлью, столь близко связанною съ враждебными дѣйствіями.»

Далѣе, по второму вопросу, Трентъ былъ корабль контрактный, корабль купеческій. Морской законъ признаетъ только три рода кораблей: военные, казенные и купеческіе. Трентъ принадлежитъ къ послѣднему классу. Сколько ни было споровъ по поводу осмотра кораблей въ мирное время, никогда еще никто не спорилъ противъ права воюющихъ сторонъ захватывать контрабанду на корабляхъ нейтральныхъ и даже дружественныхъ и противъ осмотра для опредѣленія, нейтральны ли эти корабли. Великобританія сама всегда считала истиннымъ морскимъ закономъ, что путешествіе корабля изъ нейтральнаго порта въ нейтральный нисколько не измѣняетъ правъ воюющихъ сторонъ.

По третьему вопросу исчезает всякое сомнѣніе, такъ какъ самъ лордъ Россель изложилъ осмотръ Трента американскимъ кораблемъ въ весьма законномъ и приличномъ видѣ, такъ что самъ г. Севардъ, въ отвѣтъ своему, сдѣлалъ лишь незначительныя поправки.

По четвертому вопросу, имѣлъ ли право капитанъ Вильксъ захватить найденную контрабанду, надо замѣтить, что этотъ захватъ и составляетъ единственную цѣль разрѣшоннаго морскими законами осмотра. Принципъ состоитъ въ томъ, что воюющая сторона имѣетъ право воспрепятствовать контрабанднымъ лицамъ или вещамъ достигнуть ихъ вреднаго назначенія. Въ этомъ отношеніи законъ такъ широкъ, что когда контрабанда найдена на нейтральномъ кораблѣ, то конфискуется не только она, но и самый корабль, на которомъ она перевозится, становится тоже контрабандой и тоже конфискуется.

Остается пятый вопросъ, и въ немъ лежитъ вся трудность. Какимъ образомъ международные законы предписываютъ распоряжаться найденной и захваченной на нейтральномъ кораблѣ контрабандой? Отвѣтъ нашолся бы очень легко, еслибы нужно было только отвѣчать на вопросъ: что дѣлать съ контрабанднымъ кораблемъ? Валъ его, отослать въ надлежащій портъ, подвергнуть его судебному разбирательству въ адмиралтействѣ, которое разсмотритъ и рѣшитъ вопросы о войнѣ, нейтралитетѣ, контрабандѣ и конфискаціи. Точно также легко найти отвѣтъ по вопросу: что дѣлать съ контрабандой, когда она состоитъ изъ вещей или денегъ? Но здѣсь вопросъ относится именно къ контрабанднымъ лицамъ. Законы умалчиваютъ объ этомъ, а между тѣмъ дѣло столь же важное, сколько и трудное. Во первыхъ воюющая сторона, совершившая захватъ, имѣетъ право помѣщать — офицеру, солдату, матросу, послианику или курьеру — продолжать незаконное путешествіе. Но съ другой стороны можетъ быть, что захваченное лицо совершенно невинно, то-есть можетъ быть, что оно не контрабанда. Для рѣшенія этого долженъ быть наряженъ надлежащій судъ. Если лицо это не контрабанда, то нейтральная держава, принявшая его подъ свой флагъ, обязана покровительствовать ему и имѣетъ право требовать удовлетворенія. Эта держава должна заботиться о безопасности лица, если оно невинно, и должна возратить его, если оно контрабанда. Здѣсь замѣшаны различныя вопросы о личной свободѣ, о жизни, о чести, объ обязанности. Здѣсь также замѣшаны различныя требованія, о благосостояніи, о безопасности, о чести, о власти. Обыкновенный судъ адмиралтейства здѣсь ровно ничего не значитъ, потому что оно имѣетъ законы и примѣры только касав-

тѣльно обыкновенныхъ предметовъ контрабанды, а не лицъ. Капитану Видксу слѣдовало бы повстоящему захватить весь корабль и отвести его въ одинъ изъ своихъ портовъ, но онъ предпочелъ ограничиться только четырьмя контрабандными лицами, что и повѣсилъ въ своемъ донесеніи правительству.

«Я не хотѣлъ захватить самый Трентъ, — пишетъ онъ, — по случаю ограниченнаго числа моихъ офицеровъ и экипажа, и потому еще, что такое распоряженіе съ моей стороны причинило бы слишкомъ большой ущербъ лицамъ невиннымъ, большому числу пассажирововъ, которые подверглись бы большимъ неудобствамъ. Поэтому я отказался отъ выгодъ, какія могли бы достаться на долю моихъ офицеровъ и экипажа изъ такого приза, какъ Трентъ, и отпустилъ его, задержавъ лишь столько времени, сколько необходимо было для пересадки, рассчитывая, что главная цѣль моя состояла въ томъ, чтобы служить интересамъ отечества и воспрепятствовать дѣйствіямъ южныхъ штатовъ.» Такимъ образомъ захваченныя контрабандныя лица не могли быть подвергнуты суду адмиралтейства наравнѣ съ другой контрабандой, и дѣло должно было рѣшиться дипломатическимъ путемъ. Если судить по прежде-бывшимъ примѣрамъ, то правительство Соединенныхъ-Штатовъ должно было удержать Мазона и Сидлея, не отдавать ихъ Англіи, такъ какъ сама Англія въсколько разъ точно такъ же распоряжалась съ нѣкоторыми лицами, еще менѣе контрабандными; но тогда Соединенные-Штаты всякій разъ протестовали противъ подобнаго своеволія.

«Британская нація, — пишетъ въ своей отвѣтной нотѣ г. Севардъ, — требуетъ отъ насъ именно того, что мы сами всегда настоятельно требовали отъ другихъ націй въ нашу пользу. Постановляя свое рѣшеніе, я не забылъ, что еслибы безопасность Союза требовала удержанія арестованныхъ лицъ, то наше правительство имѣло бы право и было бы обязано ихъ удержать; но мы уже настолько овладѣли возстаніемъ, такъ оно теперь уменьшается и такъ незначительны задержанныя лица, что я, къ счастью, не долженъ прибѣгать къ этой мѣрѣ. Напротивъ, въ силу принциповъ часто-американскихъ я сглаживаю нынѣшнее столкновеніе, и такимъ образомъ рѣшается вопросъ, который болѣе полулѣтъ удалялъ одну отъ другой двѣ страны и внушалъ постоянныя опасенія всѣмъ другимъ народамъ. Четыре требуемыя лица теперь находятся подъ военнымъ арестомъ въ форть Варренъ, въ штатѣ Массачузетсѣ. Они будутъ освобождены съ удовольствіемъ.»

Отвѣтъ этотъ былъ написанъ черезъ 26 дней послѣ письма на имя г. Адамса, и въ Англіи полученъ былъ недѣлю черезъ три по-

слѣ этого письма. Во всѣ эти три недѣли лорды Россель и Палмерстонъ, зная по первому письму миролюбивыя намѣренія правительства Соединенныхъ-Штатовъ, возбуждали воинственный азартъ англичанъ и дѣятельно готовились къ войнѣ, которой, какъ они навѣрное знали, не будетъ, но крайней мѣрѣ не будетъ по поводу ареста Мазона и Сиддла. Придется придумать какой-нибудь другой поводъ. Но за этимъ дѣло не станетъ.

Послѣ приключенія съ Трентомъ, английская шкуна «Джемсъ Нембль» была захвачена за нарушение блокады южныхъ портовъ и приведена въ Нью-Йоркъ, причемъ на ней англійскій флагъ развѣвался подъ американскимъ. Не было возможности придаться къ этому обстоятельству, потому что г. Севардъ тотчасъ написалъ объ этомъ лорду Лайонсу и тутъ же приложилъ ноту къ морскому министру, въ которой непризнаетъ дѣйствія американскаго офицера. Такой неприличный поступокъ — пишетъ г. Севардъ — долженъ былъ произойти вслѣдствіе незнанія своихъ обязанностей того офицера, который это приказалъ или этому потворствовалъ.»

Другое случилось происшествіе, къ которому также можно было придаться. Одинъ американскій пароходъ захватилъ троихъ англичанъ за нарушение блокады, а потомъ, при освобожденіи ихъ, капитанъ требовалъ клятвы или присяги, какъ непремѣннаго условія освобожденія. И на это г. Севардъ уже доставилъ ноту: «Такое требованіе не оправдывается никакимъ общественнымъ правомъ; надо приказать командирамъ судовъ, блокирующихъ южные порты, не требовать подобныхъ условій со стороны лицъ, захваченныхъ на корабляхъ, которые нарушаютъ блокаду. Можно задерживать эти лица въ качествѣ свидѣтелей, если ихъ показанія понадобятся для суда; но взятыя на нейтральныхъ судахъ, эти лица ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться военнопленными.»

Какъ же быть? Такая сговорчивость г. Севарда все-таки не снабжаетъ хлопокъ мануфактуры, которыя начинаютъ чувствовать ужасный недостатокъ въ сыромъ матеріалѣ. Работники голодаютъ при сокращенныхъ срокахъ работы, нѣкоторые работаютъ уже только черезъ день, да это все бы еще ничего. Главное дѣло въ томъ, что фабриканты-избиратели вынуждены сокращать свои обороты, ихъ денежная свѣтлость меркнетъ, а съ нею меркнетъ величіе Англіи. Этого терпѣть нельзя, надобно добыть хлопокъ вочто бы вистало, слѣдовательно надо признать самостоятельность вольничьихъ штатовъ и снять съ нихъ блокаду. Что за дѣло, что такимъ образомъ Англія, до сихъ поръ сильнѣе всѣхъ прочихъ государствъ на свѣтѣ возстававшая противъ невольничества, вдругъ

станеть держать сторону рабовладельцевъ противъ аболіціонистовъ? Тамошнія государственные люди не такъ бланко смотрять на вещи: фабрикантамъ нуженъ хлопокъ, и это рѣшаетъ все сомнѣнія. До сихъ поръ прямо выгодно было возставать противъ невольничества; нельзя же было, чтобы Англія, издержавъ столько денегъ на выкупъ своихъ невольниковъ, равнодушно смотрѣла, какъ другое богатое государство на это же самое дѣло не тратитъ ни копѣйки и продолжаетъ терпѣть эту язву. Ясно, что надо было противиться невольничеству. Теперь выгодно его признать, потому что белъ хлопка обойтись трудно. Стало-быть надо признать невольничьи штаты самостоятельнымъ государствомъ, принять его посланника, назначить туда своего полномочнаго министра, какъ къ двору какого-нибудь дагомейскаго царька, который по праздникамъ, въ ознаменованіе своего могущества, рубитъ головы двумъ или тремъстамъ плѣнниковъ. Но существованіе дагомейскаго дакаго царства еще сколько-нибудь шонятно, и гораздо понятнѣе черной республикѣ. Признавая южные штаты, придется согласиться со всеми теми доводами, которыми бланстало первое посланіе президента южныхъ штатовъ г. Джефферсона Девиса; онъ тогда увѣрялъ, что рабовладѣніе есть единственная форма, при которой можетъ развиваться цивилизація, что это такъ и побожески, и почеловѣчески, и что очень жалки державы, въ которыхъ нѣтъ черныхъ невольниковъ. При такихъ благородныхъ и благодѣтельныхъ для челоуѣчества убѣжденіяхъ, невольничьи штаты будутъ прекраснымъ союзникомъ для Англіи, именно — исправнымъ поставщикомъ хлопка. Но какъ быть? Очень просто: всякій безъ исключенія поводъ годится для войны, если только имѣется твердое намѣреніе войну затѣять. Чтобы сдѣлать блокаду какъ можно дѣйствительнѣе, правительство Соединенныхъ-Штатовъ нагроулило камнями нѣсколько барокъ и погрузило ихъ въ воду тремя рядами, при самомъ входѣ въ чарльстоунскій портъ. Послѣ такого распоряженія можно употребить крейсеровъ на другое назначеніе, потому что чарльстоунскій портъ такимъ образомъ уничтоженъ. Еще въ декабрѣ мѣсяцѣ лордъ Россель приказалъ своему посланнику въ Вашингтонѣ обратить вниманіе тамошняго правительства на неудовольствіе, какое будетъ возбуждено въ Англіи или на материкѣ, если будетъ исполнено намѣреніе морского министерства — блокировать южные порты посредствомъ камней; онъ велѣлъ сказать, что такой поступокъ будетъ считаться мщеніемъ и знакомъ того, что у самого правительства пропала всякая надежда на возстановленіе Союза. Затѣмъ получено извѣстіе, что чарльстоунскій портъ заваленъ, и англійскія

газеты хоромъ принялись неголовать: «крейсуйте, гоните его, блокируйте живыми силами, бомбардируйте городъ, сожгите его, возьмите приступомъ, но не унижайте такимъ образомъ прекраснаго порта. Это варварство! это вандализмъ, это предательство, вѣроломство, это не военныя дѣйствія, а какая-то дикая предѣла!»

Конечно, завалить портъ камнями, дѣло гораздо менѣе обыкновенное, нѣсколько болѣе рѣдкое, чѣмъ бомбардировка города; но сдвали нужно доказывать, что болѣе сообразно съ челоуѣколюбіемъ. Можно напомнить англичанамъ, что они сами сдѣлали тоже самое съ портомъ Александріи въ концѣ прошедшаго столѣтія и съ Буловью въ 1804 году, да ктому еще порты эти были непріятельскіе, а не свои, а союзное правительство имѣеть до сихъ поръ полнѣйшее право смотрѣть такимъ образомъ на чарльстоунскій портъ. Нельзя не признаться, что въ своемъ добрѣ всякій воленъ, тѣмъ болѣе что при нынѣшнемъ состояніи инженернаго искусства, по минованіи надобности въ камняхъ, ихъ недолго будетъ и вытащить. Но когда уже очень хочется войны, то и одинъ камень можетъ служить достаточнымъ предлогомъ, и бумагопрядильные фабрики надѣются твердо, что война будетъ.

Дѣла Соединенныхъ-Штатовъ начинаютъ уясняться, но крайнемѣрѣ по отношенію къ междоусобной войнѣ. Давно уже союзный генералъ Фремонъ издалъ прокламацію, въ которой говорилъ, что невольники возставшихъ противъ Союза людей всѣ должны быть конфискованы и стало быть этимъ самымъ становятся свободны. Тогда союзное правительство отперлось отъ этой прокламаціи, все еще съ большою слабостью рассчитывая, что можно возстановить союзъ безъ громаднаго переворота, который долженъ произойти вслѣдствіе уничтоженія невольничества. Союзное правительство все еще притворялось, будто первый поводъ войны — только цѣлость Союза, а что невольничество можетъ оставаться тамъ, гдѣ оно есть. Это было очень обидно для всѣхъ цивилизованныхъ людей. Съ какой же стати война, съ какой стати вся Европа страдаетъ отъ недостатка хлопка, если Союзъ не избавится отъ язвы невольничества? Возстановленный съ невольниками союзъ составлялъ бы *по праву* одно государство, но *по факту* было бы ихъ все-таки два, враждебные между собою, только подъ одною властью одного президента съ однимъ конгрессомъ, и междоусобная война точно также была бы всякій день возможна и вѣроятна, при извѣстной взаимной ненависти рабовладѣльцевъ и аболиціонистовъ. Напротивъ, при уничтоженіи невольничества, еслибы на время штаты и раздѣлились, то силою общихъ интересовъ они слились бы между собою и составили

было одно цѣлое! Въ уничтоженіи рабства заключается еще такое оружіе, посредствомъ котораго вашингтонскій кабинетъ можетъ предостеречь войну съ Англіей, столь желанную въ Англии войну. Объясни теперь конгрессъ откровенно и прямо, что междоусобная война въ Америкѣ ведется не изъ-за отвлеченнаго единства, никому въ Европѣ вѣнужнаго, ни для кого не важнаго и не занимательнаго; а собственно изъ-за уничтоженія невольничества, — явилось бы въ цѣлой Европѣ такое сочувствіе къ сѣверному правительству, перелѣзъ которымъ должны были бы замолчать сами хлопчатобумажные фабриканты. Конечно вся Англія, но не поголовно заинтересована въ хлопковомъ вопросѣ, и еслибы президентъ Линкольнъ прямо сказалъ Европѣ, что надо лишь немного подождать, что онъ только освободитъ невольниковъ, и тогда хлопокъ попрежнему рѣкою потечетъ на мануфактуры, — навѣрно общественное мнѣніе встало бы за него какъ олицѣвленіе челоуѣка, и Европа стала бы терпѣливо ждать, и охотно принесла бы нѣкоторыя жертвы, и фабриканты, подѣ давлениемъ общественнаго мнѣнія, согласились бы подождать.

«Вопросъ о невольничествѣ мало-помалу выдвигается на первый планъ, освобождаясь отъ затемнивашаго его вопроса о единствѣ штатовъ; невольничьи провинціи доведены теперь до послѣдней крайности и у нихъ теперь единственная надежда — на поддержку Англіи и Франціи. Барыши отъ признанія независимости юга дѣйствительно велики; но неужели двѣ державы, которыхъ самая почва освобождаетъ невольника, только-что онъ ея коснется, совершать такое тяжкое историческое преступленіе, какъ признаніе юга и освященіе невольничества какъ государственнаго учрежденія? Къ счастью, если это и случилось бы, то ненадолго: это только продлило бы нѣсколькую войну, а невольничество все-таки рухнетъ, выдержавъ ни напора событій, ни свѣта просвѣщенія.

«Новастороннему Англія и Франція своею терпимостью сами виноваты въ томъ, что у нихъ нѣтъ теперь хлопка. Почему Англія до сихъ поръ не думала о разведеніи хлопка въ Индіи? Почему Франція не заказывала себѣ хлопокъ въ Алжиріи, гдѣ рождаются еще лучшие сорта, чѣмъ тѣ, которые растутъ въ Луизианѣ? Причина этого заключается не только въ недостатокъ предусмотрительности, а именно въ потачку рабовладѣнію. Хлопокъ не производился въ другихъ частяхъ свѣта потому, что дешовая работа невольниковъ, поощряемыхъ бичемъ, дѣлала невозможною всякую конкуренцію. Рабство черныхъ невольниковъ есть экономическое рабство Европы. И если близорукіе хлопчатобумажные фабриканты будутъ тре-

бовать признанія независимости южныхъ штатовъ только для скорбйшаго полученія дешоваго хлопка, то она этииъ навсегда отдадутъ южнымъ штатамъ монополію хлопка, откажутся отъ экономической свободы Европы, и забывая всякую нравственность, пожертвуютъ цѣлою будущностью за минутныя нужды.

Это была бы политика мелкая, мелочная, палмерстоновская, потомучто первое условіе великой политики — постоянно принимать въ соображеніе челоѳическое достоинство; это была бы политика насущная, изо дня въ день, которая не видитъ дальше завтрашняго дня...

Впрочемъ какая же это — торговая нравственность?

Итальянскія дѣла

Прошолъ слухъ, будто новый французскій посланникъ въ Римѣ, г. Лавалеттъ, предложилъ бывшему неаполитанскому королю Франциску II выѣхать изъ Рима, на что его величество отвѣчалъ, что ему въ Римѣ очень хорошо; а на вопросъ, чѣмъ въ Римѣ лучше, нежели на примѣръ въ Мюнхенѣ, король отвѣчалъ, что въ Римѣ онъ совершенно какъ дома, живетъ въ принадлежащемъ ему дворцѣ на свои, скопленныя покойнымъ отцомъ его и имъ самимъ въ Неаполѣ деньги, пользуется титуломъ римскаго князя, тогда какъ за границей онъ составилъ бы только поводъ къ различнымъ затрудненіямъ для той державы, гостепріимствомъ которой сталъ бы пользоваться.

Этотъ слухъ былъ просто праздыкомъ для многихъ итальянскихъ газетъ. Стали выводить изъ этого, что французское правительство начинаетъ благосклоннѣе смотрѣть на Итадію, или лучше сказать разумнѣе смотреть на свое положеніе въ Римѣ. Можетъ быть это и такъ, но потому газетны стали нѣсколько разъяснять дѣло, смягчать, и оказалось въ этомъ смягченномъ видѣ слѣдующее: Г. де-Лавалеттъ, совершая обычныя визиты, когда только что занялъ свой постъ, между прочимъ разговаривалъ въ Квиринатѣ и съ бывшимъ королемъ неаполитанскимъ. Посланникъ тюринскаго двора, съ разными смягченіями и образцовою деликатностью дѣлъ понять, что на присутствіе французскихъ войскъ въ Римѣ никакъ не слѣдуетъ смотрѣть какъ на поощреніе бурбонистской реакціи въ бывшемъ королевствѣ Обѣихъ-Сицилій. И когда рѣчь естественнымъ образомъ дошла до убійствъ, которыя происходятъ вслѣдствіе известной организаціи роялистскихъ шаекъ, г. де-Лавалеттъ съ великимъ искусствомъ и со всеми изворотами рѣчи, необходимыми по

случаю крайней деликатности дѣла, осторожно давъ понять, что присутствіе короля на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ бывшихъ венеціанскихъ границъ до нѣкоторой степени было одною изъ немалыхъ послѣднихъ причинъ, поддерживающихъ усилія реакціи. Францискъ II умѣреннымъ образомъ опровергъ всѣ эти аргументы и объявилъ, что онъ въ настоящую минуту не имѣетъ покамышъ нѣмѣренія перемѣнить мѣсто жительства.

Очевидно, что сущность дѣла здѣсь таже, и не было ровно никакой надобности дѣлать смягченія. Если кто смотритъ на французское занятіе Рима безъ всякаго предубѣжденія, безпристрастно, тотъ видитъ очень ясно самъ собою, что французскія войска не оставляютъ Рима безъ какого-нибудь особенно могущественнаго степенія обстоятельствъ. Всякая безъ исключенія сила ищетъ проявленія, стремится выразиться, и ежели находитъ себѣ болѣе или менѣе соотвѣтствующее выраженіе, то отказаться отъ него уже не можетъ, неотказываясь отъ самой себя. Можетъ ли электричество отречься отъ проявленія себя въ искрѣ? Можетъ ли сила тяготѣнія не проявлять себя въ тяжести? Можетъ ли императоръ Наполеонъ III отказаться отъ занятія Рима? Для всѣхъ этихъ отреченій нужно равновѣрное противодействіе, при помощи котораго устанавлилось бы равновѣсіе; а безъ этого итальянцы только будутъ тѣшить себя надеждами. Сила не можетъ не проявляться, не переставая быть силой или не встрѣчая себѣ равносильнаго сопротивленія.

Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что итальянцевъ постоянно будутъ тѣшить слухами объ оставленіи Рима, безпрестанно будутъ доходить въ Италію «вѣрнѣйшія» извѣстія, изъ «самыхъ достовѣрныхъ источниковъ», о томъ, что «французское правительство, выведенное изъ терпѣнія тупымъ сопротивленіемъ папскаго правительства, рѣшилось наконецъ принять рѣшительныя мѣры для того, чтобы его наконецъ образумить.» Большая часть этихъ слуховъ будетъ придумана самими итальянцами, и по извѣстному закону, что человѣкъ охотно вѣритъ тому, чего сильно желаетъ, они будутъ сильно прикрѣплены. А потомъ, въ случаѣ если слухи эти позамолятся на довольно долгое время, они слегка будутъ поновляться уже прямо изъ Парижа. Такъ сдѣлано было въ послѣднее время, уже во второй половинѣ января. Въ газетахъ явился слухъ, будто г. Тувенель отъправилъ къ маркизу де-Лавалетту депешу, въ которой объявляетъ, что Франція не можетъ на неопредѣленное время продолжать занимать Римъ, и проситъ, чтобы самъ папа предложилъ какое-нибудь рѣшеніе этого дѣла съ тѣмъ, что Франція будетъ такое предложеніе поддерживать въ Туринѣ. Далѣе говорить, будто министръ-карди-

палъ Антонелли словесно отвѣчалъ на сообщеніе французскаго посланника, что одно средство на это и есть: возвратитъ намъ отшедшія отъ него провинціи. Можно въ послѣдствіи опровергнуть этотъ слухъ, или такъ онъ прекратится и упадетъ самъ собою, не подтвердившись. Но въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды: нѣкоторые правительства знаютъ очень хорошо, что опасна только совершенная безнадежность, и что люди всегда благодарны даже за такую надежду, которая не подтверждается.

Между тѣмъ папа говоритъ своему войску различныя пріятныя вещи, ссылаясь большею частію на ветхій заветъ, потому что новозавѣтнымъ ученіемъ нельзя объяснить, какимъ образомъ, у «намѣстника Христа», у представителя религіи добра и любви, могутъ быть пушки, штуцера, сабли и штыки. Въ послѣдній разъ, когда военный министръ папы, монсиньоръ де-Меродъ, представлялъ «святѣйшему отцу» офицеровъ его войска, онъ сказалъ имъ слѣдующее: «Видя васъ воздѣ себя, я помышляю о царѣ Давидѣ, который также былъ обобранъ своимъ сыномъ, былъ низкииъ образомъ преданъ и долженъ былъ терпѣть отъ лицемерія, лжи и безчестности своихъ враговъ. Но какъ и я, онъ видѣлъ вокругъ себя мужественныхъ людей, которые воспротивились соблазну и сиранинству его: куда прикажешь ты намъ идти? Я вамъ скажу, какъ Давидъ, что время еще не пришло; но какъ Авессаломъ погибъ, цоциснулъ горделивою главою своею въ вѣтвяхъ дерева, такъ и попытки нынѣшняго невѣрія и лицемерія наконецъ погибнуть, и мы видѣть возвратимся въ отнятыя и подвергнутыя тиранинству наши провинціи. Эти провинціи принадлежатъ святѣйшему престолу во всей своей цѣлости, и я не уступлю ничего, потому что не имѣю нрада покинуть церковныя владѣнія, которыя составляютъ ручательство свободы и независимости «намѣстника Христа». Я съ увѣренностью говорю: мы возвратимся въ эти провинціи. Если тогда не я буду съ вами, то будетъ тотъ, кто послѣ меня будетъ возсѣдать на этомъ престолѣ.»

Въ то же время національный римскій комитетъ въ особо напечатанной афишкѣ объявилъ, что новый заемъ, совершенный папскимъ правительствомъ послѣ 27 марта 1861 года никогда не будетъ признанъ итальянскимъ правительствомъ, ибо съ той минуты какъ сардинскій парламентъ объявилъ Римъ столицею Италіи, свѣтская власть папы юридически перестала существовать.

Несмотря однакоже на всевозможныя официальныя любезности между папскимъ и французскимъ правительствомъ, все-таки между ними существуетъ постоянное затаенное неудовольствіе, потому что

люди часто дуются на тѣхъ, кто оказываетъ имъ покровительство, а съ другой стороны и на тѣхъ, кто покровительство сносить неохотно покорно. Разбои въ бывшемъ неаполитанскомъ королевствѣ происходили исключительно только въ сѣверной его части, прилегающей непосредственно къ папскимъ владѣніямъ, потому что главная квартира или штабъ разбойничьихъ шаякъ постоянно находится въ Римѣ, а военная дорога ихъ пролегла черезъ небольшой пограничный городокъ Алатри; который до сихъ поръ былъ занятъ отрядомъ папскихъ войскъ. Независимо отъ большого или меньшаго расположенія Наполеона III къ Италіи, неаполитанскіе разбои были предосудительны для французскихъ войскъ, такъ какъ приготовленія къ нимъ совершались такъ-сказать на глазахъ французовъ, составляли конкуренцію ихъ пераздѣльному влиянію. По этому случаю выгодно было для генерала Гойона занять городъ Алатри своимъ отрядомъ. Монсеньоръ де Меродъ напротивъ находилъ выгоднѣе и удобнѣе занимать этотъ городъ, какъ ключъ къ неаполитанскимъ провинціямъ, своими жандармами. Рассказываютъ, что объ этомъ былъ споръ, и будтобы генералъ Гойонъ грозилъ даже вывести всѣ французскія войска изъ папскихъ владѣній и сосредоточить ихъ въ одномъ только Римѣ. Противъ такой угрозы кардиналъ Меродъ устоять не могъ, потому что горько чувствуетъ римское правительство свое безсиліе, тѣмъ болѣе горько, что французское заваніе обставлено тамъ всевозможными вѣжливостями и самыми приличными формами, а въ сущности составляетъ великую нравственную тягость. Какъ бы то нибыло, но споръ кончился; какъ и всѣ дипломатическіе споры, въ пользу сильнѣйшаго, и городокъ Алатри занятъ теперь на-половину французскими и папскими войсками.

Весмотря на все это, папа въ новѣйшій годъ наговорилъ генералу Гойону множество милыхъ, пріятныхъ вещей, такъ что тотъ конечно долженъ былъ почувствовать нѣчто въ родѣ именинъ сердца. Правда, генералъ, что дни и годы проходятъ быстро, и этимъ прямо напоминаютъ намъ, что у насъ здѣсь нѣтъ постоянной отчизны, что она на небѣ. Все проходитъ, и проходитъ быстро; однако для моего сердца большое счастье — увѣрить васъ еще, что ежели время проходитъ, то наша привязанность къ вашему августѣйшему императору и къ вамъ не проходитъ. Въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ я прошу о благополучіи императора, о благоденствіи его фамиліи, о Франціи, и въ особенности о той великой части Франціи, которая въ нашемъ положеніи такъ печется о нашей особѣ и о защитѣ святого престола нашего. Это особенное благословеніе — вамъ и всѣмъ этимъ храбрымъ офицерамъ, замѣча-

тельнымъ во прекрасному духу и дисциплинѣ, которую они поддерживаютъ въ своихъ солдатахъ, въ этихъ добрыхъ солдатахъ, которые постоянно окружаютъ меня съ такою любовью и о которыхъ я могу сказать съ апостоломъ Павломъ: «vos estis gloria et corona mea». Я надѣюсь, я думаю, я увѣренъ, что войско это находится здѣсь, чтобы воспрепятствовать совершиться несправедливости, нечестию, скажу даже дѣлу реполитическому, которое хотѣтъ сдѣлать. Да, именно затѣмъ оно здѣсь.»

Съ своей стороны король Викторъ Эммануэль по случаю новаго же года говорилъ: «Въ истекшемъ году итальянское дѣло не могло сдѣлать большихъ успѣховъ. Я надѣюсь, и имѣю поводъ надѣяться, что въ наступившемъ году мы будемъ счастливы.»

«По этому случаю нельзя не замѣтить, что его величество возлагаетъ слишкомъ большія надежды на наступившій годъ, — говоритъ Evening Star. — Если онъ не считаетъ большими успѣхами прошлогодній ходъ итальянскаго дѣла, если ему вначоу присоединеніе большого королевства, то чего же онъ ждетъ отъ нынѣшняго года? И если мало ему маргонскаго постановленія сардинскаго парламента, признаващаго Италію единнымъ нераздѣльнымъ королевствомъ, то чего же онъ хочетъ? Еслибы сказалъ это: самое императоръ австрійскій, то мы подумали бы, что онъ собирается потерять еще двѣ-три области; еслибы это сказалъ императоръ французовъ, то можно бы подумать, что онъ хочетъ «присоединить» еще что-нибудь вродѣ Сардиніи или Сициліи. Но чего же хочетъ король Италіи? Или можетъ-быть онъ цѣнитъ Римъ несравненно выше всего неаполитанскаго королевства? Это быть-можетъ; но дѣло не въ его рукахъ, и едвали онъ имѣетъ достаточные поводы надѣяться на то, чтобы въ нынѣшнемъ году Италія получила свою столицу. Для этого нуженъ былъ бы какой-нибудь переворотъ.»

Между тѣмъ итальянскія дѣла идутъ несовсѣмъ дурно, даже гораздо лучше, нежели можно было ожидать послѣ смерти Кавура. Главное дѣло покаместъ въ томъ, что неаполитанскіе разбои или такъ-называемая реакція приходятъ нѣсколько въ порядокъ. Воры начинаютъ славаться, и генераль Франчини рѣшительно не даетъ имъ покою. Сегодня онъ съ отрядомъ здѣсь, завтра въ другомъ мѣстѣ, въ 50 верстахъ, но что всего ужаснѣе для воровъ, такъ это то, что послѣзавтра онъ опять здѣсь. Это совершенно невыносимо для реакціонерныхъ шаекъ, изъ которыхъ покаместъ держатся еще двѣ, Чиприано ла-Гала и Крешенцо Гравинно; но многіе изъ ихъ рядовыхъ уже сдались. Эти два предводителя уже посылали къ

генералу Францини сказать, что и они сами готовы едаться; если только обещана имъ будетъ жизнь, съ тѣмъ, что ихъ отвезли бы на какой-нибудь островъ. Неаполитанскій губернаторъ генералъ де-Мармора не согласился входить съ ворами въ какія бы то ни было условія, и преслѣдованіе ихъ продолжается съ прежнею силой. Въ этомъ случаѣ безъ особеннаго самооболеженія есть поводы надеяться, что разбой скоро прекратится въ бывшемъ неаполитанскомъ королевствѣ.

Въ самомъ Неаполѣ народъ съ удивительною легкостью отвлекается отъ своихъ старыхъ привычекъ, за что впрочемъ правительству отплачиваетъ ему прекрасными, дорогими подарками. Между прочимъ правительство подарило городу Castello Nuovo новый замокъ, очень старинное зданіе, несмотря на свое имя. Castello Nuovo стоитъ рядомъ съ королевскимъ дворцомъ на берегу моря, притиснувшись къ заступу города со стороны моря, но въ тоже время имѣетъ весьма почтенное число пушекъ, направленныхъ, для обороны, на самый городъ. Когда строилось это громадное, тяжелое, неуловимое зданіе, то по плану пришлось заложить въ него часть великолѣпной артиллеріи, построенной еще въ XIII вѣкѣ Карломъ анжуйскимъ. Castello Nuovo былъ въ Неаполѣ чѣмъ-то родъ бастіонъ, точно такъ же ненавидимъ какъ бастіонъ, и служилъ почти для того же назначенія, съ тою только разницей, что заключенные въ Castello Nuovo умирали гораздо скорѣе, благодаря искусно устроеннымъ измамкамъ, въ которыхъ вѣшь и сырость очень проворно убивали тѣхъ, кого незачто было казнить публично. Тамъ умирали преимущественно люди, которыхъ подозревали въ свободномышленіи, тогда ихъ нельзя было уличить очевидными доказательствами, или такими людьми, дѣйствовавшими въ либеральномъ направленіи подъ покровомъ самого правительства и посаженные туда, когда взглядъ правительства перемѣнился, или наконецъ люди, повашіе туда по неизвѣстнымъ для нихъ причинамъ. Это—то драгоцѣнное зданіе, давно уже опустѣвшее съ того дня, какъ Гарибальди вошелъ въ Неаполь, подарено было городу. Лучшее употребленіе, какое городъ могъ сдѣлать изъ этого укрѣпленія, состояло въ томъ, чтобы его разрушить, что и было начато 2 января самимъ губернаторомъ, генераломъ де-Мармора. Это былъ настоящій народный праздникъ. Если прибавить къ этому, что рабочіе получали деньги за сломку, тогда какъ стали бы дѣлать тоже самое даромъ, то можно себя представлять, что они работали не безъ особеннаго удовольствія. Приступлено было къ операціи съ пѣснями въ честь Гарибальди и въ честь Мезанилло; многіе изъ любопытныхъ, собравшихся только по-

смотреть на работу, увлеченный общим дѣломъ, самъ! приключился за дѣло, и итальянецъ на своей удивленной Кауреръ долженъ былъ съ наслажденіемъ сердечнымъ слухомъ своимъ слышать эти пѣсни, и стукотню молоткомъ, и удары лома, который усердно рвуче-чтожалъ памятникъ. Предполагено на мѣстѣ укрѣпленія выстроить изъ готовыхъ матеріаловъ новый кварталъ, а на остальныхъ пространствахъ развести садъ для общественнаго гулянья. Оставить только монументальную арку Карла-анжуйскаго, какъ великолѣпное художественное произведеніе, какъ воспоминаніе о томъ, что было старину.

Неаполь понемногу принимаетъ новый видъ, такъ что путешественникъ, посѣтившій его года два тому назадъ, теперь едва узнаетъ его прежнюю уличную жизнь. Нищія мочезлы отъ перелома послѣднихъ распоряженій полиціи; тротуары улицъ Толлодо и Біаццо освободились отъ безчисленнаго множества лотковъ и мочочень, различныхъ мелкихъ торговашей, которыми до сихъ поръ изобилывалась. Муниципальная или городская стража до сихъ поръ еще не устроилась, но должность ея пока занимаетъ національная кохрарія, вмѣстѣ съ карабидерами, и дѣла идутъ прекрасно. Въ особенности она была полезна при введеніи различныхъ новыхъ уличныхъ порядковъ. До сихъ поръ въ рекруты по прошлому набору поступило 40,000 неаполитанцевъ, а по нынѣшнему національное войско прибрѣло изъ этихъ провинцій 36,000 человекъ. Народъ идетъ съ величайшею охотой, съ лѣсами, въ которыхъ все еще прославился національный герой.

Каурерскій левъ въ своемъ логовищѣ отъ времени до времени подаетъ голосъ, и только-что заслышится этотъ голосъ, и даже въ венеціанской области и на далматскомъ берегу печатаются газетныя подрядамъ на поставку кирпичей, землекоповъ и каменщиковъ для работъ въ дополняемыхъ и вновь создаваемыхъ крѣпостяхъ. Это разорительное дѣло само по себѣ уже стоитъ хорошаго повода, но какъ видно, каурерскій левъ этимъ не удовольствуется. Это гдѣ болѣе правдоподобно, что онъ имѣетъ несчастную для Австріи привычку исполнять свои обѣщанія, держать свое слово, что особенно дико для людей, которые привыкли извлекать выгоды изъ словъ несдержанныхъ обѣщаній. Вотъ напримѣръ что онъ пишетъ греккинскому комитету въ отвѣтъ на его письмо. «Вы прежде бросали перчатку учителямъ вашего отечества, и на вашу долю вышло большая часть ударовъ. Такъ обыкновенно вознаграждаются заслуги. Намъ остается одобреніе собственной совѣсти за исполненіе обязанности и неодолима рѣшимость въ скоромъ времени сдѣлать тоже»

Принимая съѣздъ восточнѣйшихъ — римскіе поны и всѣ тѣ, кто нѣтъ непреклонно ступаетъ или ихъ сносить: для поддержанія ихъ жизни нѣтъ нужды трупы. Я уже давно пошолъ бы съ вами; но не воевать потому же самому, почему рѣшился васъ покинуть. Однако жиддѣюсь быть съ вами. Между тѣмъ вооружайтесь всѣ, ружьемъ или коиньямъ другимъ оружіемъ. Между нашими храбрыми соотечественниками найдутся организаторы. Вооружайтесь поголовно. Пусть вашему примѣру послѣдуютъ и всѣ остальные провинціи. — Когда-то вооружатся и организуются, разбойники и злодѣи всѣхъ возможныхъ сортовъ пропадутъ. Особливо не оставляйте основаній, которые составляютъ нашу силу: «Италія и Викторъ-Эммануиль», и не допускайте партій. Мы всѣ принадлежимъ не къ партіямъ, а къ народу, который хочетъ устроиться.

Можетъ быть, что при такомъ голосѣ, на далматскомъ берегу являющейся большой вопросъ на каменную и землекопную работу.

Во послѣднее время въ Кастелламаре были весьма горестныя бѣдствія. Кастелламаре — городокъ въ шесть тысячъ жителей, близъ залива, на западъ отъ Палермо. Второго января прошлаго въ Палермо слухъ, что высадили неподалеку отъ города большой отрядъ бурбонцевъ. Въ ночь со 2 на 3 число жители Палермо спали спокойно только глазомъ, а начальство отпривило въ Кастелламаре послѣдствія бурбонцевъ. Оказалось потомъ, что высадки никакой не было, а произошло только мѣстное, туземное возстаніе. Въ Кастелламаре была давнишняя фамиліальная вражда, которая въ смутное время стала выражаться политическими отбѣнками партій. Предметомъ вражды былъ въ особенности нѣкто Бонузо, человекъ весьма преданный дѣлу единства Италіи. Въ декабрѣ онъ напечаталъ въ газеткѣ статью о враньскихъ бурбонской партіи въ Сициліи, но правительство не обратило на это никакого вниманія. Въ день новаго года явились на улицахъ Кастелламаре вооруженныя толпы, и съ криками: «да здравствуетъ республика! смерть либераламъ!» бросилась въ домъ Бонузо. У инсургентовъ было красное знамя, правдивые дѣлу единства Италіи явились безъ знамени. Произошла вражда, въ которой республиканцы одержали верхъ. Заперевъ Бонузо въ дочерью въ его домѣ, республиканцы сожгли домъ, подъ развалинами котораго уже черезъ нѣсколько дней нашли обгорѣлыя трупы дочери и отца. Были также и другія жертвы, но сколько именно погибло народу — пока еще неизвѣстно. Инсургенты нѣсколько времени совершенно владѣли городомъ, забрали гдѣ-то двѣ пушки и вывезли ихъ на берегъ, чтобы не давать высадиться бурбонцамъ, посланнымъ на судахъ изъ Палермо. Пришлось вызвать

неповерочную лодку, которая заставила замолчать эти два шумца. Барсальеры тогда высадились, и возстаніе тотчасъ было подавлено. Однако не обошлось и тутъ безъ драки: три охщера, слышавши выдвинувшіеся впередъ, были убиты, и съ ними человекѣ: доселе солдатъ. Захвачено и посажено подъ арестъ 34 инсургента. Изъ нихъ шестеро, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, немедленно разстрѣлены. Въ числѣ этихъ разстрѣленныхъ былъ бурбонскій священникъ Галанти, у котораго оказались карманы очень обстоятельно набиты золотомъ для извѣстныхъ цѣлей. Передъ смертью онъ объявлялъ, что все возстаніе было произведено на собственныя деньги его величества Франциска II, и такъ какъ бурбонскіе возданы уже во всякомъ случаѣ не могли бы имѣть ни малѣйшаго усѣба, то и пришлось пустить въ дѣло «да здравствуетъ республика!»

Въ итальянскомъ парламентѣ оппозиція воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы придаться къ министерству съ своимъ запросомъ. Въ оппозиціи тотчасъ явились удивительные человѣколюбивыя стремленія: стало жалъ разстрѣленныхъ бурбонистовъ и началось преніе о томъ, имѣло ли право правительство разстрѣлять этихъ шестерыхъ несчастныхъ. Можно многое сказать и за, и противъ этого поступка. Въ самомъ дѣлѣ, правительство по статуту не имѣетъ права судить обвиняемыхъ какими бы то ни было особыми трибуналами, кромѣ тѣхъ, какіе уже существуютъ; а сдѣланное разстрѣливанье захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ инсургентовъ совершилось по приговору какого-то особеннаго, скороспѣлаго суда, или даже престо безъ суда, по приказанію командовавшего арміею генерала. Но съ другой стороны можно замѣтить, что въ самомъ разгарѣ военныхъ дѣйствій нельзя судить такъ строго по статуту. Эти шестеро схвачены въ ту минуту, какъ они стрѣляли въ войска. Каждый изъ взявшихъ, въ свалкѣ имѣлъ полнѣйшее право ихъ захватить въ плѣнъ, а убить, застрѣлить или проткнуть штыкомъ. Но имъ вздумалось взять въ плѣнъ, а не рѣзать. Черезъ полчаса возстаніе было подавлено и плѣнные разстрѣлены. Этотъ варварскій актъ составляетъ такъ-сказать продолженіе перестрѣлки. Сказать бытъ если перестрѣлка была законна, то и прямое продолженіе ее закономерно не менѣе того. Опять и на это найдется тысяча возраженій, и противъ этихъ возраженій найдутся возраженія. Какъ бы то ни было, въ парламентѣ сочувствіе палаты возбуждено было съвѣтомъ г. Патерностро. Онъ въ короткихъ словахъ рассказалъ дѣло, представлялъ какъ захвачены были эти шесть наемныхъ убійцъ съ дымящимися послѣ выстрѣловъ ружьями, изъ которыхъ каждое по-валяло по одному изъ защитниковъ отечества. Затѣмъ онъ сла-

здѣ, что есаибгъ онъ начальствовалъ отрядомъ, который послѣ вразвѣтѣ бѣгъ пошелъ въ Каstellамаре; то онъ разстрѣлялъ бы всѣхъ враговъ отечества. (Браво!) Далѣе онъ прибавилъ, что въ Сициліи множество преступниковъ было распущено съ котораго и нѣтъ тюремъ въ то время, когда бурбонское правительство прибѣгло къ этой несчастной мѣрѣ, небудучи въ состояніи справиться съ возставшимъ населеніемъ, что подобные люди не стоятъ ни малѣйшаго сожалѣнія; когда попадаютъ прямо на мѣстѣ преступленія. «Надо — сказалъ онъ — уважать законъ. Прекрасно. Но намъ кричать со всѣхъ сторонъ, что пора покончить съ разбоемъ; такъ покончимъ же! Энергія! побольше энергія!» Рѣчь г. Патерностре имѣла много рѣздо больше упѣха, нежели рѣчи оппозиціи, стало-быть рѣшеніе дѣла склонилось болѣе на сторону энергіи.

Между тѣмъ дѣла министерства никакъ не могутъ быть названы совершенно процвѣтающими. Оно никакъ не можетъ дополниться, какъ сама Италія, и до сихъ поръ самъ президентъ министровъ занимаетъ двумя портфелями, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Обстоятельства, огромное количество работы и самый уставъ, опредѣляющій совѣтъ министровъ въ восемь человекъ, требуютъ, чтобы онъ избралъ министра внутреннихъ дѣлъ. Г. Раттацци не хочетъ занять этого мѣста, рассчитывая впоследствии, и не въ очень продолжительномъ времени, сдѣлаться самъ предсѣдателемъ министерствъ; другія лица, къ которымъ обращался г. Риказоли, также отказывались, такъ что теперь онъ одинъ несетъ на себѣ двойное бремя иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ и предсѣдательства совѣта. Остальные министры работаютъ довольно деятельно. Министръ морскихъ силъ неутомимо работаетъ надъ постройкою и вооруженіемъ флота, который увеличивается по мѣрѣ, а по часамъ. Военный министръ собираетъ и вооружаетъ войско, другіе тоже не сидятъ сложа руки; но величайшую дѣятельность проявляетъ президентъ, который показываетъ теперь можетъ быть нѣсколько болѣе твердости, неутомимости, прямоты, чѣмъ истиннаго таланта государственнаго человека.

Между-тѣмъ папскій посланникъ, кардиналъ Киджи, 23 января представлялся императору французовъ и въ своей рѣчи, представляя свои кредитивныя грамоты, рассказалъ императору немало пріятныхъ вещей. Его величество отвѣчалъ ему также разными пріятностями, а касательно своихъ отношеній къ папѣ сказалъ вотъ что:

«Будьте увѣрены, что я всегда буду стараться соединить мои обязанности, какъ государя, съ моею преданностью папѣ. Ваше на-

значеніе ко мнѣ будетъ способствовать, и несомнѣваюсь, къ содѣланію еще болѣе короткими отношеній, столь необходимыхъ для блага религіи и для мира всѣхъ христіанъ.»

Сеннакъ задавалъ Эдипу и всѣмъ рыцарямъ, влюбленнымъ въ Юкасту, неболѣе трудныя и неболѣе опасныя загадки. Чѣмъ значать эти общія мѣста? Какъ отыскать въ нихъ какое-нибудь значеніе? Но новая Юкаста, прекрасная Италия, ждетъ своего Эдипа, и когда г. Риказоли оставитъ свое президентство (что должно случиться довольно скоро, такъ какъ его положеніе теперь довольно затруднительно), кто возьмется разыгрывать роль Эдипа? Можетъ-быть г. Раттацци, такъ какъ онъ прошлымъ лѣтомъ навѣдывался къ сеннаксу и старался выпытать его намѣренія. Но успѣлъ ли онъ что-нибудь выпытать? — Вотъ жизненный для Италии вопросъ.

АВСТРІЙСКІЯ ДѢЛА

Венгрія находится вся на военномъ положеніи и управляется офицерами, которые командуютъ отрядами, занимающими страну. Престскій комитетъ — въ осадномъ положеніи. Объявлено, что всякій, безъ различія рожденія или чина, уличенный въ разбой, убійствѣ, поджигательствѣ, побѣгѣ или другомъ преступленіи, будетъ наказанъ смертію посредствомъ повѣшенія. Стало-быть на нѣкоторое время все находится въ извѣстномъ порядкѣ и до нѣкоторой степени обстоитъ благополучно и спокойно.

Этимъ временемъ воспользовался его величество императоръ, чтобы лично обозрѣть свои итальянскія владѣнія, туго наполненныя войсками и тщательно обстроеныя укрѣпленіями. Онъ неограничился только посѣщеніемъ Венеціи, но осмотрѣлъ и разныя другія крѣпости. Прошли слухи, что это путешествіе находится въ связи съ значительными вновь предположенными преобразованіями военной части и системы укрѣпленій. Въ самомъ дѣлѣ, императору доложено было, что въ случаѣ новой войны съ Италіею, непріятель поведетъ атаку не на знаменитый, густо покрытый укрѣпленіями четырёхугольникъ, не на открытое пространство между четырёхугольникомъ и Венеціею, а на одну изъ точекъ адриатическаго прибрежья. Съ тѣхъ поръ какъ кончена желѣзная дорога изъ Римни въ Анкону, защита береговъ стала для Австріи несравненно труднѣе. Въ нѣсколько дней или даже часовъ огромные запасы оружія, сварядовъ и большія массы войскъ могутъ быть доставлены отъ одного изъ пьемонтскихъ портовъ на адриатическій берегъ, и менѣе нежели въ двѣнадцать часовъ времени, экспедиція, отправившись изъ

Диваны, можетъ овладѣть какимъ-нибудь болѣе или менѣе важнымъ пунктомъ между Кьоджіа и Триестомъ, или между Триестомъ и Каттаро. При нынѣшнемъ настроеніи умовъ въ венеціанской области и въ Далмаціи, подобная высадка могла бы имѣть послѣдствія неспасительныя. Для предупрежденія такой неприятели, австрійскіе цржеверы намѣреы подвергнуть берега надлежащему осмѣлованію и подробной съемкѣ, разумѣется по указаніямъ самого императора.

Путешествіе императора было подобно великолѣпному торжественному шествію. Повсюду военныя встрѣчи, пушечныя салюты, шотры, военная музыка и восторженные клики «ура!» предавнаго войска, при почтительномъ, гробовомъ молчаніи населеній. Въ Вероцѣ въпримѣръ 2 января его величество производилъ шотръ на марсовомъ полѣ тамошнему гарнизону, состоящему изъ 20.000 человекѣтъ, раздѣленныхъ на семь бригадъ. Императоръ сказалъ нѣсколько милостивыхъ словъ офицерамъ; особенно замѣчательно въ этихъ словахъ слѣдующее: «Обстоятельства очень сложны; они могутъ сдѣлаться еще сложнѣе, несмотря на всю нашу умѣренность. Въ случаѣ осложненія, я буду рассчитывать на храбрость моихъ войскъ и на преданность моихъ народовъ.» Послѣ этого главнокомандующій второй арміи, фельдцейхмейстеръ фонъ-Бенедекъ, испросилъ разрѣшенія императора на этотъ разъ прервать полюбавшее въ подобныхъ обстоятельствахъ молчаніе, и въ своей военной простотѣ, безо всякихъ ораторскихъ прикрасть, въ краткихъ, во сильныхъ выраженіяхъ сказалъ императору привѣтствіе, изъ котораго между прочимъ усматривалось, что «какъ войско вѣрить одному только Богу, такъ онъ знаетъ одного только вождя, одну присягу: во всякое время и съ особенною радостью проливать свою кровь за своего обожаемаго вождя и за императорскій домъ.»

Эти слова были приняты офицерами съ неописаннымъ и невозможнымъ для описанія восторгомъ. Бросая на воздухъ кивера свои и поднимая вверхъ шагаи, всѣ присутствующіе весьма долгое время и весьма громко кричали въ честь своего обожаемаго монарха. Солдаты тоже оживились и приняли смѣлость нарушить надлежащее молчаніе усердными «ура» въ честь императора, который былъ очень тронуть.

Военный корреспондентъ, сообщающій газетамъ эту сцену, прибавляетъ, что императорское войско никогда не забудетъ той счастливой минуты, когда оно имѣло возможность выразить свои чувства безпредѣльной вѣрности и преданности, которыя выражаются не довольно часто лишь вслѣдствіе строгости военныхъ постановленій.

«Мы все пришли къ убѣжденію, — говоритъ онъ, — что прекраснѣйшія слова австрійскаго поэта: «Австрія заключается въ твоихъ лагерѣхъ» (in deinem Lager ist Oesterreich) всегда будутъ имѣть приложение къ императорскому войску...» (Donauzeitung.)

Никто конечно не сомнѣвается въ необычайной храбрости австрійскихъ войскъ, въ ихъ сверхъестественной стойкости; къ позору противъ нихъ нуждѣтъ. Но нельзя не замѣтить военному корреспонденту, что онъ выразился съ нѣсколько излишнею силой. Не только народъ, но даже и государство не заключаются въ лагерь, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ народы оставили свои точныя привычки и стали привыкать къ осѣдлой жизни. Выраженіе такого рода можетъ развѣ быть истолковано поэтическимъ энтузіазмомъ вѣрноподданничества, что объясняетъ многія излишества.

Въ Цинерѣ, 7 января, императоръ былъ съ эрцгерцогами Леопольдомъ и Иосифомъ, въ сопровожденіи главнокомандующаго и большой свиты. Въ одиннадцать часовъ е. в. дѣлалъ смотръ гарнизону и остался совершенно доволенъ отличнымъ порядкомъ вещей частей. Въ краткой одобрительной рѣчи, сказанной войскамъ, императоръ выразился, что «отличный духъ, замѣчательный имъ въ войскахъ, позволяетъ ему съ довѣріемъ взирать на *предстоящую* борьбу (bevorstehenden Kampf).»

Вся Австрія, кромѣ немногихъ, именно нѣмецкихъ провинцій, находится теперь на военномъ положеніи и готовится на весну къ войнѣ. Строятся укрѣпленія по далматскому и по венеціанскому берегамъ. Пробѣдомъ черезъ Венецію, императоръ, подъ прекраснымъ впечатлѣніемъ энтузіазма войскъ, назначилъ изъ сборовъ съ различныхъ народовъ, подвластныхъ Австріи, мильювъ флоринтовъ на постройку большого военнаго госпиталя. Но все это дѣлается и предпринимается въ виду «нынѣшняго настроенія умовъ» въ приморскихъ провинціяхъ вмѣстѣ съ расположеніемъ и направленіемъ умовъ въ остальныхъ не нѣмецкихъ провинціяхъ. «Morning Star», рассказывая о веронскомъ путешествіи императора, съ британскою расчетливостью рассматриваетъ, что было бы выгодно: вооружать ли берега, тратить громадныя суммы на постройку укрѣпленій и на ихъ расширеніе сообразно съ высѣшними требованіями военнаго искусства и дальности полета ядеръ, стрѣлы арсеналы, укрѣпленные лагеря, пушечные заводы и оружейныя фабрики, или — не строить ничего этого и не содержать огромнаго количества солдатъ, а передѣлать «нынѣшнее настроеніе умовъ» въ приморскихъ и въ другихъ провинціяхъ посредствомъ благоразумныхъ уступокъ? Рассматривая уступки эти,

«Mingling Blut» изъ сдѣлывается, и находятъ, что всего выгоднѣе, всего дешевле — отдать Венецію Италіи, а для остальныхъ провинцій сдѣлаться на то устройствомъ, которое они находятъ для себя удобнѣйшимъ и выгоднѣйшимъ. Все это во первыхъ ровно ничего бы не стоило, вторыхъ же «предстояло бы» никакой борьбы; солдаты, которые теперь имѣютъ сладостную надежду, потерявъ руку или ногу, лечась во вновь проектированный госпиталь, могли бы быть распушены, возвратились бы къ производительному труду и стали бы увеличивать массу общественнаго богатства.

Шуревъка, правительный славянской членъ австрійскаго рейхсрата, въ своемъ обзорѣни говоритъ о нынѣшнихъ порядкахъ, сочиненныхъ г. фонъ Шмерлингомъ, что «рѣшительно непонятно, какимъ образомъ государственный министръ можетъ доходить до такого самовольства, воображая себѣ, будто наше представительство, сама автономія можетъ удовлетворить желанія населеній. Надо же наконецъ ему громко объяснить, что не только мадьяры, поляки, чехи и кроаты, но даже и земли совершенно нѣмецкія, всегда бывшія вѣрными, въ высшей степени недовольны. Въ самомъ дѣлѣ всадій здѣтъ, что февральская конституція есть дѣло случайное, порожденное минутными обстоятельствами, уловка, которую г. фонъ Шмерлингъ полюбилъ какъ дитя свое родное. Надо было заложить мысль о политико-національной личности графа Шенена, которая была законна по смыслу диплома 20 октября 1860. Тогда рѣшились надѣть маску новыхъ идей, чтобы незамѣтно, большимъ крикомъ, повертеть назадъ. Г. фонъ Шмерлингъ старался бороться противъ истинной конституціи при помощи ложнаго представительства, противъ плотныхъ и политическихъ національностей при помощи національностей, изобрѣтенныхъ въ кабинетахъ. Въ 1848 году идеоло-либерализмъ г. фонъ Шмерлинга прекрасно послужилъ австрійскому правительству во Франкфуртѣ, чтобы одолѣть рождавшуюся оппозицію нѣмецкой національной партіи; точно также и теперь правительство употребило его для борьбы противъ зарождающейся свободы въ Австріи, и особенно противъ венгерской конституціи. Тринадцать лѣтъ тому назадъ франкфуртскій парламентъ воображалъ, будто подъ управленіемъ намѣстника имперіи свобода и единство Германіи будутъ обезпечены на вѣки вѣчные. Представители, избранные нѣмцами народомъ, были похожи на централизаторовъ высшаго австрійскаго рейхсрата; въ своей политической неопытности, они тоже видѣли только статутъ и считали себя совершенно обезпеченными при помощи нѣсколькихъ параграфовъ и при помощи нѣсколькихъ воображаемыхъ атрибутовъ

предоставленной имъ власти. Г. Шуселька болѣе всякаго другого видѣлъ случай поразмыслить объ исторіи Австріи и о ловкости г. фонъ Шмерлинга. Онъ видѣлъ, какъ его товарищи на франкфуртскомъ парламенту и онъ самъ — заснули въ пріятной безпечности и пропали подъ ударами одного слова, изобрѣтеннаго г. фонъ Шмерлингомъ, подъ «Маленькой Германіей». Австрія присвоила себѣ и своей партіи имя Великой Германіи, чтобы подъ этимъ знаменемъ востать въ конфедерацію всѣ государства австрійской монархіи и обязать Германію отвѣчать за всѣ послѣдствія ея тшеславной политики. Тогда г. фонъ Шмерлингъ проповѣдывалъ Великую Германію, чтобы поглотить Германію; такъ теперь проповѣдуетъ Великую Австрію, чтобы поглотить Венгрію. Умѣнье отвести глаза видно въ каждомъ новомъ проектѣ закона. Только что явился законъ о печати съ присвоеннымъ ему названіемъ либеральнаго, какъ издатели, книгопродавцы, писатели и типографщики принуждены были согласиться, что цензура была бы гораздо лучше этого закона; потому что никогда не было столько арестовъ, запрещеній и приготовленій по дѣламъ печати, какъ при г. фонъ Шмерлингѣ. Не говорю уже о нѣмецкихъ журналахъ, нынѣшній законъ превратилъ въ одной Венгріи носемь журналовъ.

Австрійская печать съ особенною любовью представляетъ государственнаго министра противникомъ конкордата и преданнымъ равенству въ роисповѣданіи. Проектъ закона о смѣшанныхъ бракахъ, о воспитаніи дѣтей въ той или въ другой религіи, о переимѣннваніи отличается неясностью, запутанностью, при помощи которой онъ удобно поддается всяческимъ толкованіямъ и уловкамъ. Все бы лучше было бы прямо списать венгерскій законъ, ясный, прямой и точный, дѣйствующій уже много лѣтъ; но австрійскимъ законодателямъ нужна неопредѣленность, чтобы былъ просторъ произволу и всевозможнымъ придиркамъ чиновниковъ и священниковъ. Ктому же новый законъ хотѣлъ сочинить такъ, чтобы обойти конкордатъ. Но мнѣнію министерства, неслѣдуетъ касаться принципа, въ силу котораго гражданскія права и обязанности зависятъ отъ того, къ какой религіи кто принадлежитъ. Въ наше время даже кажется невѣроятнымъ, что можно говорить о такихъ средневѣковыхъ понятіяхъ.

Можно привести безчисленное множество примѣровъ этой маси либерализма. Всякій помнитъ сѣтованія печати по поводу конкордата. Одни только венгерскія изданія не обращали на него вниманія, потому что относительно Венгріи онъ не признается и не существуетъ. Никто его не хотѣлъ, ни духовенство, ни прихожа-

на : правительство просто подписало актъ воображаемый. Расчитываютъ теперь, будто папа готовъ дозволить совершить заемъ подъ залогъ церковныхъ имѣній. Г. фонъ Шмерлингъ либеральничаетъ, чтобы выбраться изъ затруднительныхъ денежныхъ дѣлъ. Онъ говоритъ, что церковныя имущества существуютъ исключительно для оказанія пособія бѣднымъ; а теперь правительство всѣхъ бѣдѣ, потому что иждо теперь не нуждается въ такой огромной суммѣ для пополненія недочетовъ, какъ правительство; стало бытъ церковныя имѣнія должны поступить въ его безотчетное распоряженіе. Но имущества церкви въ самой Австріи такъ незначительны, что далеко не попомянутъ недочета, который по нынѣшнему биржевому курсу требуетъ займа болѣе 350 миліоновъ. Понятно поэтому, что г. фонъ Шмерлингъ имѣя нужду воспользоваться имуществами богатой венгерской церкви, упрекаетъ мадяровъ за ихъ несогласіе съ постановленіями конкордата. Разрѣшить залогъ церковныхъ имѣній въ Венгріи, по смыслу существующихъ договоровъ и законъ, можетъ только сеймъ венгерскій, и болѣе ни кто. Но дѣладутъ къ тому, чтобы заемъ совершился по одному только министрускому распоряженію. Едва ли однакоже найдется много желающихъ давать подъ такой залогъ деньги, потому что сеймъ рано или поздно откажетъ въ уплатѣ такого займа.

Дѣла запутаны и еще запутываются. Безденежье и ложное положеніе всей монархіи доводитъ министерство до мѣръ крайнихъ; оно въ послѣднее время, вѣроятно вынужденное обстоятельствами, остановило въ Триестѣ шестнадцать арабскихъ лошадей, купленныхъ въ Египтѣ для короля Виктора Эммануила. Дѣло было вотъ какъ. Офицеръ, купившій лошадей, хотѣлъ отправить ихъ на одномъ кораблѣ прямо въ Геную. Но капитанъ корабля объявилъ, что у него нѣтъ мѣста болѣе какъ на восемь лошадей. Нежелая раздѣлять транспорта, итальянскій офицеръ отправилъ ихъ на пароходѣ австрійскаго Ллойда прямо въ Триестъ. Зная однакоже, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, онъ сначала обратился къ австрійскому генеральному консулу въ Александрію съ вопросомъ, дозволить ли ему отвезти лошадей, сухимъ путемъ въ Цьемонтъ, и приступилъ къ отправкѣ только по полученіи отъ него положительнаго отвѣта. Вдругъ лошади въ Триестѣ задерживаются, подъ тѣмъ предлогомъ, что не только вывозъ, но и транзитъ лошадей черезъ австрійскія владѣнія запрещены.

Завязалась переписка и — еже царствію не будетъ конца.

Нелегко то положеніе, въ которомъ правительство такъ-важною своею великой державы принуждено приглядаться къ шестнадцати лошадямъ, принадлежащимъ сосѣднему государю. Но это дѣло конечно разрѣшится къ общему удовольствію.

Зато мексиканская экспедиція, въ которой участвуютъ генералы Испанія, Франція и Англія, теперь очень близко касается народовъ Австріи: ихъ эрцгерцога Максимилиана, брата ихъ императора; имѣеть надежду вступить на престолъ мексиканской республики, которая по этому случаю конечно не замедлитъ сдѣлаться королевствомъ или имперіей. Это счастливое событіе можетъ совершиться не иначе какъ съ согласія трехъ воюющихъ генералъ державъ. Мысль о мексиканской кандидатурѣ эрцгерцога Максимилиана принадлежить, говорятъ, императору Наполеону. Выборъ его палъ на эрцгерцога Максимилиана потому, что императоръ чувствуетъ къ нему личную симпатію и что будущій монархъ Мексики необходимо долженъ быть католикомъ. Императоръ Наполеонъ конечно не желаетъ никого изъ бурбонновъ и знаетъ, что ему невозможно будетъ провести кандидата изъ этого семейства. Можетъ быть тутъ были и другія соображенія, и во время конвенціональной верениски по этому дѣлу, князь Меттернихъ приказано было изъ Вѣны, неотвергая прямо сдѣланнаго предложенія, тонкимъ образомъ дать понять, что вѣнскій дворъ никогда не приметъ мексиканскаго просага исходнымъ пунктомъ переговоровъ объ уступкѣ Венеціи. Въ чемъ заключается связь между Венеціей и Мексикой, это конечно объяснить князь Меттернихъ. Во всякомъ случаѣ въ самой Мексикѣ дѣло не пройдетъ безъ всеобщей подачи голосовъ, что также доставляетъ императору Наполеону немалое удовольствіе.

Французскія дѣла

27 января начался для Франціи новый политическій годъ тронною рѣчью императора по случаю открытіи засѣданій сената и такъ-называемаго законодательнаго корпуса. Въ нынѣшнемъ году тронная рѣчь, по отношенію къ дѣламъ иностранной политики, отличается еще большею претивъ обыкновеннаго неопредѣленностью, такъ что газеты напрасно будутъ стараться открыть въ ней какой-нибудь матерьялъ для догадокъ и предположеній, къ чему всегда даетъ поводъ тронная рѣчь. «Въ истекшемъ году, — сказалъ императоръ, — несмотря на извѣстныя безпокойства, ширь утвердился. Всѣ съ намиреніемъ пущенные слухи касательно воображаемыхъ намиреній, разсѣялись сами собою передъ фактами. Мои отношенія съ иностранными державами для меня совершенно удовлетворительны, и посѣщеніе нѣсколькихъ государей еще болѣе способствовало укрѣпленію нашихъ дружественныхъ связей. Король прусскій, пріѣхавъ во Францію, могъ самъ судить о нашемъ же-

дешим еще больше облизаться съ правительствомъ и съ народомъ, которые идутъ слѣдующимъ и вѣрными шагомъ въ прогрессу. — И правительственное корабельство съ теоретическимъ напоромъ симпатическимъ и безкорыстнымъ советамъ способствовать примиренію двухъ вѣресовъ, которыхъ противорѣчіе смущаетъ посюду умы и совѣсти. Междуособная война, опустошающая Америку, нанесла огромный ущербъ нелицу помертвѣвшихъ выгодамъ. Однако до тѣхъ поръ, пока ярые нейтралитетъ державъ будутъ уважаться, мы должны ограничиваться только желаніемъ, чтобы непріязненные дѣйствія скоро прекратились. Авантюры слабо сопротивляются нашему величеству, и мы ни съ кѣмъ не были бы въ борьбѣ, если бы въ Мексикѣ поступки неправоудиннаго правительства не заставляли насъ соединиться съ Испаніей и Англіей, чтобы покрестительствовать нашимъ соотечественникамъ и превратить несправедливость враніи въ законъ и его правъ. Изъ этого столкновенія не можно выйти ничего такого, что могло бы имѣть вліяніе на наше будущее. Освободившись отъ всякихъ заботъ вѣдшихъ, я имъ особенно обращая вниманіе на состояніе нашихъ отношеній. Старовинное изложеніе сообщило вамъ объ истинномъ ихъ положеніи.

Съ «либеральнымъ извѣщеніемъ г. Фуллы» мы знакомы уже съ прошедшаго мѣсяца, а съ бюджетомъ его знакомимся въ будущемъ. Это будетъ довольно любопытный документъ, особенно любопытна будетъ степень его откровенности, предполагаемая сбереженія, цѣна войска и т. д. Со всемъ этимъ мы вѣроятно познакомимся въ слѣдующемъ мѣсяцѣ или, еще лучше, при рассмотрѣніи бюджета въ законодательной палатѣ, которой недавно данъ законъ объ утвержденіи слѣды по главамъ.

Это обстоятельство : законъ, данный законодательной палатѣ, невольно приводитъ на память недавнюю статью г. де-ла Героньера подъ заглавіемъ : «Конституціонная имперія.» Статья эта вызвала со стороны Монитера довольно строгое, хотя и несласуженное замѣчаніе, о которомъ, однако, послѣ.

«Конституціонная имперія существуетъ съ 1852 года, — говоритъ г. де-ла Героньеръ, — подчинилась тогдашней конституціи. Но ее либеральный характеръ былъ довольно долгое время прикрытъ, такъ что внутренніе и вѣдшіе враги ее распускали такого рода слухи, будто это диктатура. Надо однако признаться, что до декрета 24 ноября участіе собраній и страны въ дѣлахъ общественныхъ было скорѣе теоретическое, чѣмъ дѣйствительное. Сенатъ, безо всякой связи съ общественнымъ мнѣніемъ, терпѣлъ въ бездѣйствіи дѣла, удѣливши свою учредительную власть и другія важныя права,

между прочим драгоцѣннѣе всего было рѣшительное за себя осуществлющій чинности, — право подачи прошения. Законодательное собрание, запертое въ спеціальныя пренія чести и достоинства, не могло ни внести предложенія въ законы, ни выразить своего политическаго чувства; ни подать голоса; ни заявить себя какими-нибудь образомъ. Таки какъ оно произошло послѣ королевской подачи телосовъ, то величье его происхожденію заставляло думать только чувствовать недостатокъ власти. Словомъ сказать, все организаторскія силы правительства въ который-нибудь образъ были потоплены всемогуществомъ государя, который сосредоточивалъ въ себя жизнь всего народа. Его воля, его рѣшенія, его дѣйствія направляли и оживляли все. Въ мирѣ и войнѣ онъ былъ больше нежели самодержавный правитель: онъ былъ верховный распорядитель судеб, и когда послѣ ослепительной победы онъ вступалъ въ Парижъ во главѣ своихъ побѣдоносныхъ легионовъ, среди восторженныхъ кликовъ, то волкъ видѣлъ олицетвореніе власти, величавой побѣдою, смягченной умѣренностью и признанной общественною благодарностью. Въ этотъ триумфальный часъ обыкновенный человекъ опьянялъ бы отъ подобной популярности. Но умъ возмужавшій, обернувшись на самого себя, долженъ былъ задать себѣ вопросъ: обаяніе личности не слѣдуетъ ли уничтожать значеніе учреждений, имъ же созданныхъ основанныхъ? Достопытный декретъ 24 ноября былъ отвѣтомъ на эту мысль...

Далѣе искусный авторъ силится доказать, что отнѣхъ декретомъ конституція не была ни создана, ни изменена, а только обновлена, оживлена. До 24 ноября былъ сенатъ, законодательный корпусъ, государственный совѣтъ, министры, печать; но конституціонный принципъ въ имперіи былъ такъ — сказать медлительнѣе; свободу подъ императорскою властью онъ сравниваетъ съ тѣмъ заколочаннымъ замкомъ, гдѣ все живетъ, но въ тоже время все спитъ. Но сонъ продолжался не сто лѣтъ, а послѣ десятилѣтняго покоя совершилось пробужденіе и все пошло двигаться. Какъ въ собраніяхъ являлась возможность высказывать свои мнѣнія и опровергать чужія, собранія преобразились. Г. де-ла Героньеръ находить, что дѣла приняли оборотъ совершенно благоприятный, и употребляетъ немало траспортовъ для ихъ восхищенія. Затѣмъ онъ спрашиваетъ: послѣ всѣхъ этихъ перемены ищутся ли все условия всеобщаго правительства? И что такое свободное управленіе? И не забывая противорѣчій въ самомъ вопросѣ своемъ, пускается въ длинныя разсужденія касательно драгоцѣннаго свойства французской конституціи: совершенствованіи въ частностяхъ, не касаясь основаній. По мнѣнію его, все устроится, черезъ которыя прошли Франція въ

нотсливннхъ семействъ жить, имѣли тотъ главный недостатокъ, что были притязанію быть неколебимыми, вѣчными, неизмѣнными. Лучшее устройство не то, которое искусственнымъ образомъ придумано, а то, которое прилагается съ наибольшимъ умомъ и совершенствуется наиболѣе кстата. На эту то усовершенствоваость и рассчитываетъ всего болѣе г. де-ла Героньеръ и кончаетъ словами: «Пусть французскія конституція будетъ мудрымъ, правильнымъ развитіемъ всѣхъ благодѣяній *представительной системы*, во всей ея правдѣ, и devoidа насъ до толчковъ и опасностей *системы парламентской*. Такова наша твердая надежда, и самъ императоръ своимъ приказомъ даетъ намъ возможность это предвидѣть. Въ виду консервативной и прогрессивной имперіи нечего будетъ бояться партій: всѣ они будутъ подлженны всемогуществу императорскихъ учрежденій, точно также какъ вѣчно неизмѣнимо выше нихъ вѣкъ будетъ стоять императорство величіемъ своего происхожденія.»

Въ отвѣтъ на эти фразы, въ «Монитерѣ» явилась небольшая замѣтка, въ которой сказано, что писать можно совершенно свободно обо всѣхъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ правительственныхъ лицъ, но ни въ какомъ случаѣ нельзя касаться коренныхъ основаній французской конституціи. Очевидно, статья г. де-ла Героньера неоправдалась «Монитеру» по своимъ надеждамъ на усовершенствоваость. Слѣдуетъ вспомнить, въ чемъ состоитъ неподлежащая обсужденію коренныя основанія французской конституціи 1832 года: 1) отвѣтственный глава государства; 2) министры, зависящие отъ непонинительной власти; 3) государственный советъ, приготовляющій законы и поддерживающій ихъ въ законодательномъ собраніи; 4) законодательное собраніе, обсуживающее и вѣтирующее законы; 5) другое собраніе, власть перевѣшивающая, охраняющая основной законъ и общественныя вольности. Вотъ и все, что въ предисловіи къ конституціи оговаривается *основаніями*. Но первую главою допускается еще другое «основаніе». Первая глава гласитъ: «Конституція признаетъ, утверждаетъ и гарантируетъ великія принципы, провозглашонные въ 1789 году и составляющіе *основныя права во Франціи*. Чтобы не ходить далеко за приѣбрами протворствія въ этихъ коренныхъ основаніяхъ, замѣтимъ, что принципы 1789 года допускаютъ совершенно свободное изложеніе мыслей въ печати, даже безъ послѣдующихъ правоученій со стороны «Монитера». Сверхъ того въ статьѣ 32-й главы IV конституціи сказано: «*Всякое измѣненіе въ коренныхъ основаніяхъ конституціи, постановленныя прокламаціею 2 декабря и принятыя французскимъ народомъ, подвергается поголовной подачѣ голосовъ*». Послѣ этого нечего спорить; выходитъ, что конституція можетъ быть из-

мнѣніемъ, стало бытъ можетъ совершенствоваться, и въ дѣловое краснорѣчіе г. де-ла Героньера только размазываетъ коренное основаніе, призванное конституціею и точно въ ней выраженное.

Но г. де-ла Героньеръ не одинъ получилъ замѣчаніе. Въ началѣ послѣдняго мѣсяца многіе журналы подверглись замѣчаніямъ, предостереженіямъ и штрафамъ, все на основаніи 1852, а не 1789 года, хотя послѣдній составляетъ тоже одно изъ коренныхъ основаній.

Немаловажная новость во Франціи касается не прямо политикѣ, хотя и имѣетъ отношеніе къ международнымъ отношеніямъ. Это вопросъ о литературной и артистической собственности. Комиссія для ея обсужденія открыта 22 декабря, подъ предѣлительствомъ государственнаго министра графа Валевскаго и при вице-президентѣхъ графѣ Персианнѣ, министрѣ внутреннихъ дѣлъ в. г. Руденѣ, министрѣ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій. Сущность вопроса, обсуждаемаго въ этой комиссіи, заключается въ томъ: сколько времени художественное произведеніе должно принадлежать его творцу? Мнѣнія по этому вопросу чрезвычайна различны и въ законахъ, вопросъ бытъ рѣшаемъ навсегда одинаково. Въ 1778 году постановлено было, что всякій писатель *massé* остается полнымъ хозяиномъ и распорядителемъ своего созданія. Въ 1791 г. законъ призналъ полное право собственности писателей на ихъ произведенія, а наследники пользуются этою собственностью только стеченіемъ лѣтъ послѣ смерти писателя. Въ 1793 году этотъ послѣдній срокъ удвоился. Въ 1810 г. права наследниковъ расширены на двадцать лѣтъ. После того вопросъ былъ обсуждаемъ нѣсколько разъ; колебалось то 50 лѣтъ, то 30 лѣтъ права собственности наследниковъ. Въ Голландіи, въ Бельгіи, въ Швеціи право собственности наследниковъ простирается на 20 лѣтъ послѣ смерти автора; въ Пруссіи, въ Австріи, въ Португаліи — на 30 лѣтъ; въ Россіи и въ Италіи на 50 лѣтъ; въ Англіи, срокъ весьма короткий: семь лѣтъ послѣ смерти автора или 42 года по выходѣ въ свѣтъ изданія; собственность вѣчная признается только для изданій, напечатанныхъ университетами. Который же изъ всѣхъ этихъ сроковъ слѣдуетъ считать справедливейшимъ? Право литературной собственности вѣчное было бы внимательнымъ препятствіемъ распространенію свѣдѣній, въ особенности въ тѣхъ классахъ общества, которые не имѣютъ лишнихъ средствъ на покупку книгъ. При вѣчномъ правѣ, книги были бы дороже, нежели теперь, что мѣшало бы ихъ распространенію, стало бы мѣшало бы умственному развитію общества. Но если предположить, что это было бы справедливо, если надо признать вѣчное право собственности наследниковъ на созданія гениальнаго отца,

дѣла или вообще предка, то уже надо бы устроить въ пользу этихъ наследниковъ нѣчто вроде вѣчнаго майората; а иначе какой-нибудь спекуляторъ будетъ пользоваться выгодами этого вѣчнаго владѣнія. Съ другой стороны нельзя слишкомъ и ограничивать сроковъ, потому что нередко гениальныя созданія признаваемы бывають такими только долгое время спустя послѣ ихъ обнаруженія, стало-быть только дѣтями, а случается что внукамъ или правнучкамъ, можетъ быть возможно воспользоваться плодами когда-то непризнаннаго созданія. Когда сочиненія Бетховена и Вебера начали пользоваться столь заслуженною славой, они давно уже не составляли собственности наследниковъ. Защитники вѣчной литературной собственности возражаютъ на это, что вѣчное или очень продолжительное зачатіе имѣють очень немногія произведенія и что слѣдовательно потомки очень немногихъ людей — и еще какихъ людей! — имѣли бы возможность пользоваться этимъ правомъ. И гдѣ же тутъ справедливость, когда въ странахъ съ старинной цивилизаціей сочиненія писателей; жившихъ за 150 или 200 лѣтъ, обогащаютъ издателей; которые ихъ печатають; и театры; которые ихъ играютъ; а для прямыхъ наследниковъ и потомковъ не приносятъ ровно ничего? Время скоро увоситъ плохія произведенія, но хорошія кажутся должны бы быть настолько же выгодны, насколько они долговѣчны! Немало говорено было о нищегѣ, въ которой томится потомки Корнелія и Расина, тогда какъ ихъ имущества отданы даромъ въ общее пользованіе.

Какъ же быть? Какой выбрать срокъ? Это будетъ подробно обдумано комиссією въ слѣдующихъ засѣданіяхъ; а первое было несомненно исключительно вступительной рѣчи предсѣдателя.

Последнія извѣстія

Прусскій сеймъ открытъ 14 января лично самимъ королемъ. Его величество сказалъ между прочимъ: «Проекты законовъ, которые намъ будутъ представлены, покажутъ, что я вѣренъ своимъ принципамъ и имѣю въ виду усовершенствованіе конституціи. По сеймъ оказывается, что есть увеличеніе въ приходѣ, что даетъ намъ средства уменьшить требованіе новыхъ кредитовъ на преобразованіе войска.» Далѣе король упомянулъ о счастливомъ окончаніи столкновенія между Англіей и Соединенными-Штатами. «Моя встрѣча съ императоромъ Французовъ еще болѣе способствовала отношеніямъ дружественнаго сосѣдства, которыя существовали и до того. Переговоры касательно устройства торговыхъ сношеній между Таможеннымъ Союзомъ и Франціей продолжаются.» Потомъ упоминается объ

успѣлахъ правительства для достиженія однороднаго вѣнныхъ учрежденій во всѣхъ германскихъ земляхъ и о заботахъ, его касательно защиты нѣмецкихъ береговъ и развитія морскихъ силъ. «Пруссія будетъ продолжать заботиться о преобразованіи устройства Германскаго Союза.» Потомъ выражено было сожалѣніе о конституціонныхъ неурядкахъ курфиршества гессенскаго, съ надеждою, что въ этомъ государствѣ опять возстановится порядокъ и дартія 1831 года. «Согласно съ Австріею, — прибавилъ король, — мы вступили въ конфиденціальныя переговоры съ датскимъ правительствомъ по вопросу о Голштиніи и Шлезвигѣ. Со всѣми германскими владѣтелями мы твердо держимся федеральнаго устава и международныхъ договоровъ. Развитие нашихъ учреждений должно послужить величію и силѣ отечества. Я никогда не потерплю, чтобы развитіе вѣтренней политической жизни подвергло сомнѣнію права, коронныя силы и безопасность Пруссіи. Нынѣшнее состояніе Европы требуетъ, чтобы я и народъ мой дружно работали въ дѣлѣ, которое должно остаться общимъ между нами. Я рассчитываю на патристическую опору народныхъ представителей.»

Послѣ того какъ въ королевской португальской фамиліи были нѣсколько смертныхъ случаевъ, новая болѣзнь дома Годо возбудила въ народѣ опять толки объ отравленіи. Въ день раждества волненіе было такъ сильно, что на большой площади собралась бѣдная толпа народу, и королю подано было прошеніе о томъ, чтобы онъ оставилъ свой дворецъ Несесидадесъ. Домъ Люизъ и домъ Феррандо къ счастью были здоровы и показались на балконѣ, чтобы благодарить народъ. Ихъ встрѣтили рукоплесканія и восторженныя клики, между которыми слышалось: *Смерть отравителямъ!* Народъ требовалъ, чтобы король удалилъ отъ себя всѣхъ министровъ и всѣхъ дворцовыхъ чиновниковъ. Графъ Понте былъ захваченъ трюмою и не вышелъ бы живой изъ ея рукъ, еслибы его не отбила городская стража. У маркиза Луле и графа Томаса были перебиты стекла. Такимъ образомъ весьма похвальное усердіе къ престолу, перешло всякія границы, такъ что правительство выдвинуло нѣсколько отрядовъ войска для его обузданія. Вечеромъ 26 числа по городу ходили патрули и не давали толпамъ собираться; пришлось даже арестовать нѣсколько человекъ изъ слишкомъ усерствующихъ.

Испанія не дождалась своихъ союзниковъ въ Мексикѣ, и одолеваяемая воинственнымъ жаромъ, привялась за дѣло одна. 8 декабря городъ Вера-Крузъ пришелъ въ великое безпокойство отъ появле-

лія въ виду ея небольшой испанской эскадры, состоящей изъ двухъ фрегатовъ и десяти паровыхъ транспортовъ. До тѣхъ поръ мексиканцы все еще находились въ сладостной надеждѣ, что ежели европейцы когда-нибудь и вмѣшаются въ ихъ дѣла, то еще нескоро, а можетъ-быть все и такъ пройдетъ. А тутъ вдругъ одиннадцать вымпеловъ! Немедленно заперты были желѣзные рѣшотки порта, жители въ страшиломъ безпорядкѣ кинулись бѣжать изъ города, а военныя власти занялись уборкою всѣхъ военныхъ припасовъ и пушекъ. Показавъ себя, испанская эскадра въ боевомъ порядкѣ отошла на двѣнадцать миль отъ города и стала на якорѣ. Вечеромъ народъ, немного поуспокоившись, собрался съ духомъ и торжественно сжогъ стоявшій близъ города трехмачтовый испанскій корабль, захватившій въскольکو мѣсяцевъ тому назадъ. Однако разруженіе форта Сан-Хуанъ да Уллоа продолжалось. Изъ 132 пушекъ было увезено около шестидесяти.

Десятаго числа поутру вторая испанская дивизія, изъ тринадцати военныхъ судовъ и парусныхъ транспортовъ, присоединилась къ первой. Выѣстъ съ двумя военными кораблями, французскимъ и англійскимъ, которые уже давно тутъ стояли, это составило 26 судовъ: сила совершенно достаточная не только для сильной демонстраціи, но и для полнаго дѣйствія. На другой день командиръ эскадры, адмиралъ Рубалькаба, объявилъ командирамъ англійскаго и французскаго кораблей, что онъ намѣренъ потребовать сдачи города Вера-Круза и форта Сан-Хуанъ да Уллоа, рассчитывая, что ежели требованіе его въ 24 часа не будетъ исполнено, онъ возьметъ ихъ силою. По заключеніи надлежащихъ условій съ союзниками, которые еще не получали отъ своихъ правительствъ окончательныхъ инструкцій, но уже знали о заключеніи договора, 14 числа адмиралъ Рубалькаба, недожидаясь прибытія главныхъ французскихъ и англійскихъ силъ, послалъ губернатору предложеніе сдать городъ и фортъ. Недалеке предъ этимъ какъ наканунѣ, мексиканскій генералъ Урага забралъ всѣхъ лошадей въ городъ и въ окрестностяхъ и принудилъ страхомъ смертной казни, всѣхъ владельцевъ какихъ бы то нибыло домашнихъ животныхъ — отогнать свой скотъ на двадцать верстъ отъ Вера-Круза. Дороги были загромождены телѣгами и бѣглецами, и народъ бѣжалъ подъ вліяніемъ паншческаго страха. 15 числа полученъ отвѣтъ мексиканскихъ властей, которые обязались оставить городъ и фортъ въ тотъ же день къ первому часу пополудни. 17 числа утромъ испанцы вступили въ городъ и наши тамъ и въ фортъ болѣе семидесяти пушекъ, которыя даже не были заклепаны, множество пороху и снарядовъ: генералъ Урага впопыхахъ не успѣлъ вывезти всего

этого, или хотъ испортить. Въ полдень испанскій флагъ былъ поднятъ на фортѣ и привѣтствованъ надлежащимъ салютомъ.

Это только начало вѣроятно очень продолжительной и нелюбимой занимательности драмы: европейцы будутъ стараться завести порядокъ въ странѣ, которая вотъ уже нѣсколько десятилѣтій отвыкаетъ отъ порядка, въ странѣ близкой къ экватору, и по общему мнѣнiю, неспособной къ обыкновенному европейскому порядку. Путешественники, прибывшiе послѣ того изъ Мехико, видѣли, что всѣ дороги завалены изломанными и брошенными телегами; пушки валяются въ канавахъ, солдаты бродятъ безоружные въ лохмотьяхъ, голодные. Коротко знающiе Мексику люди боятся теперь, что подъ влiянiемъ нищеты и порождаемаго его раздраженiя, очень могутъ явиться шайки гверальсовъ, съ которыми потомъ трудно будетъ справляться ожидаемымъ французскимъ и англiйскимъ силами. Образовалась однакоже между туземцами довольно большая партiя, которая не видитъ другого средства вырвать эту прекрасную страну изъ рукъ анархiи иначе, какъ измѣнивъ въ ней окончательно политическое устройство.

Изо всѣхъ извѣстiй въ послѣднее время изъ Китая оказывается, что эта страна окончательно обращается на путь истинный, то есть на путь англiйскихъ бумажныхъ матерiй и открытой продажи опиума. Принципъ свободы торговли принесетъ здѣсь большiе барыши, если будетъ откровенно примѣняемъ къ дѣлу.

Извѣстно, что во время послѣдней войны китайскiй императоръ уѣхалъ къ Монголию, въ загородный дворецъ Йехо, и потомъ умеръ тамъ, неувидѣвъ снова стѣнъ своей столицы, *оскверненныхъ* присутствiемъ иностранцевъ. Тотчасъ же его любимые совѣтники, принадлежавшiе къ партiи самой враждебной прогресу, составили изъ себя совѣтъ регентства и завладѣли дѣлами, исключивъ изъ участiя въ нихъ князя Конга, на котораго всѣ смотрѣли какъ на представителя европейскихъ идей. Съ тѣхъ поръ какъ-будто навсегда дворецъ основался въ Йехо, а Конгъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, жилъ одинъ въ Пекинѣ и былъ постояннымъ предметомъ разныхъ происковъ.

Такое положенiе дѣлъ отчасти останавливало исполненiе трагата и было постоянно помѣхою прогреса, столь нетерпѣливо ожидаемаго. Князь Конгъ понялъ это очень хорошо и рѣшился, въ началѣ октября, лично съѣздить въ Йехо. Тамъ онъ нѣсколько разъ видѣлся съ вдовствующей императрицей-матерью и успѣлъ уговорить ее переѣхать въ пекинскiй дворецъ. 1 ноября молодой императоръ вступилъ въ свою столицу, и начались перемѣны.

Изъ восьми членовъ совѣта регентства трое были известны какъ предводители отсталой партіи: князья И, Чеунъ и Су-шунъ, братья перваго. На другой день послѣ вѣзда императора, всѣ они были арестованы, въ силу особаго, весьма замѣчательнаго декрета. Князь И обвинялся за все свое поведеніе во время послѣдней войны; ему приписывались всѣ жестокости надъ захваченными тогда европейцами, за что будтобы варвары отомстили разрушеніемъ лѣтняго дворца; ко всему этому, такъ какъ онъ сопротивлялся возвращенію двора въ Пекинъ, то и это поставлено ему въ вину, какъ предательство. Въ то же время князь Конгъ сдѣланъ первымъ министромъ китайской имперіи, такъ что онъ теперь высшее правительственное лицо въ Китаѣ послѣ вдовствующей императрицы-матери-регентши. Всѣ державшіе его сторону и стало-быть сторону европейской цивилизаціи приступили къ второстепенному участию въ правительственныхъ работахъ, а члены противной партіи были судимы особою комиссіею подъ предсѣдательствомъ князя Конга и приговорены къ различнымъ наказаніямъ. Три главные виновные, по китайскимъ законамъ должны были подвергнуться медленной смерти, то-есть быть разрѣзаны на куски.

«По всѣмъ симъ уваженіямъ, — сказано въ декретѣ, — казнь, назначенная палатою правосудія, кажется намъ справедливою. Но такъ какъ одна статья нашихъ законовъ дозволяетъ намъ нѣсколько смягчить казнь по отношенію къ князьямъ и великимъ сановникамъ нашего дома, то мы рѣшились оказать милосердіе по отношенію къ князю И и къ князю Чеунъ и предоставить имъ убить себя самимъ. Вслѣдствіе сего мы повелѣваемъ князю Хоа-Фунгу и министру правосудія Мао-Лину отправиться тотчасъ же въ государственную тюрьму, въ палату казней, и прочесть приговореннымъ къ смерти императорскій декретъ, повелѣвающий имъ немедленно лишить себя жизни. Это рѣшеніе, само по себѣ почетное, докажетъ всѣмъ, что мы не имѣемъ никакой личной ненависти къ преступникамъ. Что касается до Су-шуну, то его преступленія несравненно важнѣе двухъ другихъ, и было бы справедливо, изъ уваженія къ закону и къ общественному мнѣнію исполнить надъ нимъ приговоръ, присудившій его къ медленной смерти. Но наше сердце не можетъ вынести этой мысли, и мы рѣшились оказать милосердіе также по отношенію къ Су-шуну и измѣнить назначенную ему казнь на отсѣченіе головы.»

Остальные члены совѣта регентства лишены только своихъ чиновъ и званій, кромѣ военнаго министра, который сосланъ въ дальнія мѣста Монголіи.

Таким образом, это дворцовая революция, которая имеет характер удовлетворения, данного европейцам. Таким образом, значение для отношений между Китаем и европейскими державами время посылать, удобнейших условий, и в настоящее положение Китая совершенно изменяется.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ ШЕСТНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІИ (1)

Вотъ что, сыночекъ ты мой дорогой. Ты неразъ меня упрашивалъ, да и другіе, которые теперь знаменитыми учеными стали, а во время оно были моими учениками, — и они тоже просили, чтобъ я собрался какъ-нибудь да описалъ бы свою жизнь, какъ-есть съ самаго дѣтства: потому и ты, и они зачастую слыхали рассказы, въ какой нищетѣ я родился, и сколько горя привелось мнѣ вынести — когда я у себя въ горахъ былъ, и потомъ когда меня отдали въ ученье; и какъ свадьбу мою сыграли, и какъ обзавелся я семейкой и далъ ей воспитаніе, и какихъ трудовъ и хлопотъ мнѣ это стоило.

И чтобъ все это обратилось тебѣ на пользу и увидалъ бы ты, какъ иной разъ Господь Богъ чудеснымъ образомъ избавлялъ меня отъ гибели, и возблагодарилъ бы Отца нашего, иже на небесѣхъ, зато что родился ты въ лучшемъ противъ моего положеніи, невѣдавши нищеты, — вотъ для этого-то я и хочу угодить твоему желанью и поразсказать обо всемъ что со мной было, только бы далъ Богъ памяти.

Напередъ всего я тебѣ долженъ сказать, что хорошенько не припомню когда что было. Судя по чужимъ разговорамъ, и по собственному моему расчету — выходитъ, что родился я въ 1499 году. Было это въ родительскую среду, и какъ-разъ въ самую ту минуту,

---

(1) Предлагаемая статья составляетъ отрывокъ изъ «Записокъ Томаса Платтера», профессора и содержателя типографіи въ Базелѣ, отца извѣстнаго Феликса Платтера. Записки эти, на швейцарскомъ нарѣчій, изложены живымъ, разговорнымъ языкомъ; Платтеръ выросъ въ горахъ, и несмотря на многіе годы, проведенные въ ученьи, не въ силахъ былъ отвыкнуть отъ простонародной, «маленько-мужичкой» рѣчи.

Прим. переводчика.

когда только-что заблаговѣствовали къ обѣдни : вся семья у насъ просто себя не помнила отъ радости и начала промежъ себя толковать, что когда-нибудь да ужъ быть мнѣ пасторомъ. Отца у меня звали Антони Платтеръ : такъ и вся семья у насъ прозывалась Платтерами, потому домъ у насъ стоялъ на высокой-превысокой горѣ, а на горѣ-то на самомъ верху лощинка (die Platte) — знаешь, гдѣ деревня-то Гренхенъ ; а эта деревня приписана къ висповскому приходу. Матери фамилія была Зуммерматтеръ ; отецъ у ней сто двадцать шесть годовъ прожилъ на свѣтѣ, воиъ оно какъ. Да чего ! мнѣ самому довелось съ нимъ разговоръ имѣть, лѣтъ еще за шесть до того какъ помереть ему ; такъ вотъ онъ мнѣ сказывалъ — есть, говоритъ, знакомыхъ у меня здѣсь поблизости старичковъ десять : такъ тѣ, говоритъ, и меня еще постарше будутъ. Лѣтъ ужъ эдакъ сто ему стукнуло, какъ жениться задумалъ старикъ ; ну и женился на дѣвушкѣ, немолодой ужъ впрочемъ, полтъ тридцать-то ей ужъ навѣрно было ; да какъ бы вы думали ? вѣдь сына еще съ ней прижилъ. А померъ — когда у дѣтей его ужъ сѣдина пробиваться стала.

Домъ, въ которомъ родился я въ Гренхенѣ, проывается *На овражкѣ* (an die Graben). Мать какъ родила меня, такъ у ней грудь и заболѣла, и кормить меня грудью ей стало не въ мочь ; такъ никогда и не сосалъ я матерняго молока, и мать сама мнѣ потомъ говаривала : съ этого-то, говоритъ, и почались на тебя всякія напасти злыя. А кормили меня коровьямъ молокомъ, изъ рожка — точно когда ребенка отъ груди отымаютъ ; ну, а въ нашемъ краю маленькихъ ребятъ однимъ только молочкомъ и кормятъ ; случается — до четвертаго, до пятаго годочка все молокомъ однимъ кормятъ. Отецъ-то у меня померъ въ молодыхъ лѣтахъ, и мнѣ впрямъ не привелось его видѣть. У насъ такой былъ заведенъ порядокъ : всѣ бабы ткать были большія мастерицы, ну и вязать тоже, и какъ придется осевъ-то къ концу, мужички и понаѣдутъ къ намъ изъ Берна, шерсть закупать, что наши мастерицы-то наткутъ, чтобы было изъ чего одежды тамъ разной пошить для деревенскаго народу. Вотъ отецъ мой и поѣхалъ въ Туиъ, шерсти покупать, да какъ на бѣду, чума тамъ о ту пору была ; зачумился онъ и померъ. Мать скоро потомъ опять замужъ вышла, за Гейцмана, отъ нашего отъ Виспа недалече. Сестры двѣ у меня были, одна тоже чумой померла, да братьевъ трое : двоичко-то на войнѣ голову сложили, а третій въ Бернѣ душу Богу отдалъ. Отецъ померъ весь въ долгу какъ въ шелку, такъ что всѣмъ намъ, малышамъ, въ услуженье къ кредиторамъ привелось идти, какъ только силенки-то въ насъ понабралось мало-мальски. Я какъ былъ самый что-нииасть меньшей, такъ мой

тетки родныя; отцовы сестры, и держали меня при себѣ, поочередно каждая, не помню только долго ли.

А вогузъ это таня хороше помню, какъ взяла меня къ себѣ тетка Маргарита; взяла да и отнесла меня въ одинъ домъ, который прозывался *На пустоши*, къ сестрѣ ко своей; а та тѣмъ времяе работала съ другими бабаши. Взяла тетка Маргарита небольшую вязанку соломы, которая незнай зачѣмъ-то лежала въ избѣ, положила ее на столъ, а на нее меня посадила, да и ушла вмѣстѣ съ остальными. Вечеромъ тетки уложили меня спать, а сами умчались куда-то на послаблки. Я всталъ и побѣжалъ къ одной избѣ, а неподалечку отъ нея прудъ былъ. Тетки между тѣмъ воротились, видятъ — меня нѣтъ, и совсѣмъ переположились; наконецъ меня въ этой избѣ и нашал: я лежалъ посередкѣ между двухъ мужиковъ, а тѣ меня отогрѣваютъ, потомучто я замерзъ въ снѣгу. Послѣ того (я все-еще жилъ *На пустоши*): старшій мой братъ вернулся съ войны изъ Саюид; принесъ мнѣ деревянную лошаду, я все возилъ ее за веревочку: въ то время я положительно былъ увѣренъ, что лошадука можетъ бѣгать, и какъ нельзя лучше понимаю, почему дѣти воображаютъ себѣ, будто куклы у нихъ живыя. Однажды братъ въ шутку перешагнулъ черезъ меня да и дразнить: «ну, Томасинька! вотъ ты теперь больше-то ужъ и не вырастешь! да! и не вырастешь!» и это ужасно меня разогорчило.

Мнѣ было три года, когда на нашу сторону пріѣхалъ кардиналъ Матеусъ Шинеръ для совершенія конфирмаціи, по католическому обряду; пріѣзжаетъ и въ Гренхенъ. А у насъ въ деревнѣ былъ пасторъ одинъ, Антови Платтеръ; меня къ этому пастору и увели, съ тѣмъ чтобъ онъ былъ моимъ воспріимнымъ отцомъ. Послѣ обѣда кардиналъ (тогда онъ былъ чуть ли не просто епископомъ) отцравился въ церковь, конфирмировать. Незнаю что помѣшало моему родственнику-пастору проводить меня въ церковь, только я пошолъ туда одинъ. Кардиналъ сидѣлъ на стулѣ и дожидалъ когда приведутъ къ нему дѣтей. Я постоялъ-постоялъ съ минутку, да и побѣгаю къ нему.

— Чего тебѣ, малютка? спрашиваетъ онъ, виля что я одинъ.

— Хочу, говорю, конфирмоваться.

— А какъ тебя, говорить; зовутъ? и улыбается самъ.

— Да Томасомъ, говорю.

Онъ разсмѣялся, проговорилъ что-то такое, чего я и не понималъ, поднялъ руку и логонько потрепалъ меня за щеку. Въ эту минуту является мой крестный, взвизываетъ, что пустилъ меня одного; кардиналъ пересказалъ ему мои отвѣты и прибавилъ: «изъ этого ребенка непременно что-нибудь да необыкновенное выйдеть,

можетъ пасторъ. И такъ какъ я родился когда только-что заблаговѣстили къ обѣдни, то многіе душевно вѣрили, что быть мнѣ пасторомъ: потому-то и отдали меня въ ученіе раньше чѣмъ бы по настоящему слѣдовало.

По шестому году меня отправили въ долину Эйстенъ, близъ Штальдена, къ мужу одной моей тетки по матери, козъ у ней пасты. Помню, какъ часто я проваливался въ снѣгу, такъ что не могъ оттуда выкарабкаться; башмаки такъ тамъ и оставались, и я приходилъ домой босикомъ, весь дрожа отъ холода. У хозяина моего было больше восьмидесяти козъ, и ихъ я долженъ былъ пасты лѣтъ семь-восемь; а я былъ такой еще крошечный, что бывало какъ отворишь хлѣвъ, да не успѣешь ту же минуту посторониться, — онъ меня и съ ногъ долой, потомъ ступаютъ мнѣ по головѣ и по спицѣ, потому что я почти всякій разъ падалъ навзничь. Или напримѣръ гонишь ихъ черезъ висповскій мостъ: переднія со всѣхъ ногъ пускаются бѣжать на поле, засѣяное пшеницей; только успѣешь ихъ прогнать оттуда, смотришь — въ это время и остальные туда же заберутся: вотъ я въ слезы, потому знаю, что вечеромъ колотить меня за это будутъ. Тутъ на помощь прибѣгали ко мнѣ сторожа отъ другихъ крестьянъ, и особенно одинъ изъ нихъ, большой ужъ такой, Томасъ изъ Лейденбаха; ему всегда бывало жаль меня, и много онъ мнѣ добра слѣлалъ. Когда мы пригоняли козъ на высокія горы, на высоты ужаснѣйшія, тогда обыкновенно всѣ усаживались рядкомъ и вмѣстѣ закусывали: у насъ у каждаго черезъ спину была перекинута котомка, а въ ней сыръ положенъ и аржаной хлѣбъ. Поѣли, принимаемся баловать — камешками другъ въ друга кидаться. Это дѣлалось на ровной, совершенно гладкой лощинѣ, наверху огромной скалы. Разъ я хотѣлъ было вернуться отъ камешка, который летѣлъ прямехонько мнѣ въ голову, да и полетѣлъ внизъ головой со скалы; пастухи мои кричатъ: «ахъ ты Господи! ишь вѣдь грѣхъ какой, а?» и до тѣхъ поръ кричали, пока меня ужъ совсѣмъ невидать имъ стало, потому что упалъ я въ такое мѣсто, гдѣ имъ нельзя было меня и видѣть; такъ и порѣшили, что ну дескать, пропалъ совсѣмъ. Я однакожъ кое-какъ полнялся на ноги и опять къ нимъ. Сперва они съ горя плакали, а тутъ съ радости принялись плакать. Мѣсяца черезъ полтора послѣ того одна коза на этомъ же самомъ мѣстѣ слетѣла внизъ, и до смерти убилась бѣдная. Такъ ужъ видно Богъ меня спасъ.

Чуть ли не черезъ полгода послѣ тѣхъ поръ, гналъ я однажды рано утромъ моихъ козочекъ по одному крутому откосу; тамъ я очутился раньше всѣхъ, потому что мы ближе всѣхъ жили къ этому мѣсту. Козы свернули направо и пошли по узенькой тропинкѣ

на скалѣ, шириной въ одинъ шагъ какой-нибудь; внизу открывалась страшная пропасть, въ нѣсколько тысячъ футовъ глубины, въ голой скалѣ. Потомъ козы стали взбираться еще выше, потянулись гуськомъ по такой узенькой тропинкѣ, что едва могли устанавливаться своими маленькими ножками на клочкахъ травы, которые тамъ-сямъ попадались въ ущельяхъ скалѣ. Я было хотѣлъ идти за ними, но не успѣлъ проползти и одного шага, цѣпляясь за клочки травы, какъ ужъ мнѣ не было возможности идти дальше; я не могъ даже сойти на маленькую скалу, а тѣмъ еще больше не смѣлъ соскочить назадъ, потому что боялся потерять равновѣсіе и слетѣть въ ужасную пропасть. Поэтому я довольно долго не двигался съ мѣста, ожидая помощи отъ Бога. Все что я могъ для себя сдѣлать, такъ это — ухватиться обѣими руками за клочекъ травы, опереться большимъ пальцемъ одной ноги о другой клочекъ, и когда уставалъ, перемѣнять ногу. Въ такомъ скверномъ положеніи пуще всего меня пугали огромные коршуны, которые такъ и рѣяли надо мной. Я боялся, что того и смотри они меня утащатъ, такъ какъ иной разъ случается же вѣдь, что они таскаютъ маленькихъ ребятъ и овецекъ. Вотъ я и лежу себѣ, а вѣтеръ такъ и вздымаетъ кверху мою рубашонку, а панталонъ на мнѣ не было; пріятель мой Томасъ и увидалъ меня издали, только хорошенько не могъ распознать, что бы это такое было? видитъ, что платье на мнѣ такъ и вздымается вѣтромъ, ну и подумалъ сперва, что должно-быть это птица. Но лишь только узналъ меня, — перепугался, поблѣднѣлъ и крикнулъ мнѣ: «ничего, Томазинька, ничего! небось!» потомъ взбѣжалъ на маленькую скалу, ухватилъ меня за руку и утащилъ назадъ, чтобы намъ можно было настичь своихъ козъ. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, когда я вернулся обратно изъ дальнихъ сторонъ, гдѣ побывалъ въ школахъ, пріятель напомнилъ мнѣ какъ онъ спасъ мнѣ жизнь (оно пожалуй и такъ, только я полагаю, что скорѣе Богъ меня спасъ, а не онъ), и сказалъ, что когда я буду пасторомъ, такъ за его здоровье молебень долженъ отслужить.

Во все время моей службы у хозяина я велъ себя какъ нельзя быть лучше, такъ что много лѣтъ ужъ позже, онъ какъ-то говорилъ моей женѣ, что никто лучше меня на него угодить не могъ, какъ ни былъ я молодъ. Но къ теткѣ часто приходили знакомые, которые то и дѣло толковали ей, какъ опасна для меня пастушья жизнь, и дескать чего добраго, еще убьется пожалуй мальчишка-то. Вотъ тетка и говоритъ моему хозяину, что ей нехочется, чтобъ я у нихъ долше оставался; взяла и увела меня съ собой, къ великой печали крестьянина. Въ Гренхенѣ она меня помѣстила у другого у кого-то, у котораго мнѣ опять приходилось козъ пасти. Разъ какъ-то

маленькая дѣвочка, которая тоже пасла козъ; отцовскихъ, заигра-лась со мной на канавѣ, а по этой канавѣ вода изъ горъ протекала на поля. Въ самое это время козы наши забрались и незнай куды. Скинулъ я съ себя панталоны и взлѣзъ на гору, на самую-то вершину; дѣвочка такъ и воротилась домой безъ козочекъ; ну, а я, бѣдный крестьянскій парнишка, не смѣлъ вернуться домой безъ стада. Гдѣ-то высоко-высоко я примѣтилъ издали молодую серну, и подумалъ, что это одна изъ моихъ козочекъ: ужъ такъ была на нихъ похожа, ужъ такъ похожа! Я слѣдомъ и маршъ за ней, да вплоть до солнечнаго заката и проходилъ. Поглядѣлъ въ ту сторону, гдѣ у насъ деревня-то была — вижу, что нанизу почти-что ужъ ночь наступаетъ; начинаю спускаться. Вдругъ, въ одну какую-нибудь минуту, ночь совершенно темной сдѣлалась, и я скатываюсь отъ дерева до дерева, цѣпляясь за коренья, которые еще на-счастье высу-нулись изъ земли, потому больно ужъ спускъ-отъ крутой былъ. Деревья эти были лиственница (Lerchenbaum), изъ которой добывается терпентинъ. Ночь все чернѣй и чернѣй становилась; спускъ все круче и круче, и дальше идти мнѣ ужъ не было возможности. Вотъ я одну руку спускаю книзу и держусь за корень, а другой отбрасываю всторону землю, конаясь подъ деревомъ. Вдругъ земля осыпается. Я и покотился подъ корни; башмаковъ на мнѣ нѣту, шапки тоже, ничего нѣтъ; только рубашонка одна: все на канавѣ оставилъ. Такъ какъ я сидѣлъ скорчившись подъ деревомъ, то вѣроны должно-быть и примѣтили меня, поднялись съ вѣтвей, и ну каркать. Тутъ я смерть какъ перетрусилъ, боялся что пожалуй гдѣ-нибудь по близости медвѣдь есть; помолился Богу и заснулъ.

Проспалъ я такимъ родомъ долго, и когда проснулся, солнышко было ужъ высоко-высоко; но въ эту минуту я натерпѣлся такого страха, какого всю мою жизнь послѣ не приводилось испытать: увидалъ я, что кабы ночью еще на два, на три шага спуститься пониже, я бы слетѣлъ съ ужасной высоты — со скалы въ нѣсколько тысячъ туазовъ. Какъ теперь мнѣ отсюда выбраться? Я и сталъ взбираться кверху, цѣпляясь отъ одного корня до другого, до тѣхъ поръ пока не выбрался на такое мѣсто, гдѣ могъ стать на ноги, и пошелъ по дорогѣ къ дому. Подхожу къ рощѣ — попадается мнѣ дѣвочка какая-то съ моими козами, потому что онѣ пришли ночью домой однѣ; а домашніе наши перепугались, подумали, что я убитъ. Послали къ теткѣ спросить, пзнаетъ ли чтó со мной стало; тетка и еще старушка, жена хозяина, всю-то ноченьку простояли на колѣняхъ, все Богу молились о моемъ спасеніи. Послѣ этихъ поръ онѣ никогда больше не посылали меня козъ пастъ, потому ужъ крѣпко перепугались.

Однажды, еще въ ту пору когда я жилъ у этого хозяина, я упалъ въ огромный котелъ съ молокомъ, который на огнѣ стоялъ, ну и обварился, такъ что знаки на всю жизнь остались. Ты вѣдь видѣлъ. — А въ другой разъ былъ я въ лѣсу вмѣстѣ съ однимъ козопасомъ, мнѣ ровесникомъ; болтали-болтали мы съ нимъ (извѣстно, дѣти!) и говоримъ: кабы да крыльшки намъ — то-то бы славно! мы бы тогда черезъ горы перелетѣли, долетѣли бы вплоть до Нѣмечины (такъ у насъ въ Валлисѣ зовутъ нѣмецкую Швейцарію)... Въ эту самую минуту летить огромнѣйшій коршунъ, да такъ-таки прамеховько на меня; мы до-смерти перепугались, думали, что вотъ-то меня утащить! Закричали что было мочи, и ну палками отбиваться и молитвы читать; птица наконецъ улетѣла. Тутъ мы сказали другъ дружкѣ, что вотъ молю, скверно мы слѣлали, что крыльевъ захотѣли; не для того мы созданы, чтобы летать, а ходить чтобы. — А то вотъ еще какой случай былъ: пробрался я какъ-то въ расщелину на одной скалѣ, хрустало поискать; вдругъ вижу — пребольшущій такой камень сверху несется; прилегъ я лицомъ къ землѣ — пропалъ! думаю себѣ. Камень упалъ въ нѣсколькихъ саженахъ повыше меня и отпрыгнулъ, а меня такъ и не задѣлъ, потому что камни часто очень высоко отскакиваютъ. — Много было у меня радостей, когда я служилъ козопасомъ; теперь я все перезабылъ. Только что я помню хорошо: рѣдко-рѣдко когда пальцы на ногахъ у меня бывали цѣлы: почти-что всегда они были изцарапаны, исколоты, изрѣзаны. Питъ бывало иногда такъ хочется, что просто смерть; а питъ нечего. Ну и падать приходилось неоднократно. Утромъ чуть-свѣтъ насъ кормили аржаной кашей; на-день выдавался хлѣбъ аржаной да сыръ, и мы таскали ихъ на спину; вечеромъ — кислое молоко: чего жъ еще больше? Лѣтомъ я спалъ на сѣнѣ, зимой на мѣшкѣ съ соломой, въ которомъ столько было клоповъ и разной драня, что на поди. Такъ ужъ обыкновенно живутъ у насъ въ горахъ пастухи, которыхъ нанимаютъ себѣ крестьяне.

Вотъ меня заставили коровъ пасти у одного крестьянина, женатаго на одной моей родственницѣ. Потомъ, немного времени спустя, мнѣ вѣрно было опять идти къ моему родственнику, Антони Платтеру, «въ ученье»: такъ ужъ говорится обыкновенно, когда кого хотятъ отдать въ училище. Чуть ли не восемь-девять лѣтъ ужъ мнѣ было. Тутъ только впервые жизнь показалась мнѣ горькой, потому что родственникъ этотъ человекъ былъ прекрутой, а я — ну извѣстно, крестьянскій парнишка — неуклюжій былъ такой, неповоротливый. Онъ жестоко билъ меня, а иной разъ поднималъ съ полу за уши. Я кричалъ какъ коза, которую рѣ-

зять собираются, и сосѣди выговаривали ему за это, спрашивали — что онъ, убить чтоли меня хочетъ? Скоро впрочемъ пришолъ двоюродный братъ мой одинъ, который побывалъ въ училищахъ и въ ульмскихъ, и въ мюнхенскихъ; это былъ одинъ изъ *Зуммерматтеровъ* и звали его Паулусомъ. Родственники переговори-ли съ нимъ обо мнѣ, онъ и общался взять меня съ собой обучаться въ вѣмецкихъ училищахъ. Какъ услыхалъ я это, — бросился на колѣни, поблагодарилъ господа-бога, что избавилъ меня наконецъ отъ этого пастора, который учить меня не училъ, а былъ такъ страшно; все что я отъ него узналъ, это — пѣть съ грѣхомъ пополамъ «*богородицу*» да баловать съ другими учениками. Съ Паулусомъ я долженъ былъ сойтись въ Штальденѣ; но какъ-разъ по дорогѣ жилъ еще другой Зуммерматтеръ, моей матери братъ родной, которому приходилось быть моимъ опекуномъ; я зашелъ къ нему на поклонъ, онъ и далъ мнѣ золотой, который я и тащилъ въ рученкѣ вплоть до Штальдена, и сколько еще разъ по дорогѣ смотрѣлъ, цѣлъ ли; потомъ Паулусу его отдалъ. Такъ мы распростились съ родиной. По дорогѣ я собиралъ милостыню и отдавалъ своему *бакканту* ⁽¹⁾. Простота моя трогала добрыхъ людей, и мнѣ подавали немало. Когда мы переходили черезъ Гримзелъ, то зашли на одинъ постоялый дворъ. Тутъ еще въ первый разъ я увидалъ изразцовую печку; мѣсяцъ на нее свѣтилъ; я за большого теленка ее принялъ, и такъ какъ свѣтъ падалъ на нее изъ двухъ окошечныхъ рамъ, я такъ и думалъ, что это глаза у ней. Наутро я тоже въ первый разъ увидѣлъ гусей; они кинулись прямо на меня, хлопая крыльями и гикали: я и подумалъ, что это чортъ меня съѣсть хочетъ, закричалъ и со всѣхъ ногъ бѣгомъ отъ нихъ пустился. Въ Люцернѣ я увидалъ дома съ черепичной кровлей, и эти красныя крыши сильно меня занимали. Потомъ приходимъ въ Цюрихъ: тамъ Паулусъ поджидалъ себя понутчиковъ. Пока онъ ждалъ, я въ это время кормилъ его, чисто я одинъ; потому что на всѣхъ постоялыхъ дворахъ, куда ни придешь, очень любили послушать моего влезскаго выговора, и всегда что-нибудь да подавали. Наконецъ мы отправились въ Мейссенъ. Съ непривычки мнѣ эта дорога показалась ужасно какой длинной, да и кромѣ того, надо же мнѣ было лѣтъ нибудь прокормиться на дорогѣ. Всего насъ было человекъ восемь-девять: трое маленькихъ, а остальные все рослые бакканти; я былъ и моложе всѣхъ, да и ростомъ всѣхъ меньше. Когда я уставалъ и не могъ идти дальше, Паулусъ приходилъ съ розгами, а нето съ палкой и принимался жарить меня по голымъ-то ногамъ, потому что

(1) Такъ называли студентовъ въ Германіи.

панталонъ на мнѣ не было, а только дрянные чулки. Не упомяну всѣхъ приключеній, но нѣкоторыя остались у меня въ памяти. Разъ мы идемъ-себѣ да болтаемъ промежъ собой: бакканты рассказывали, что въ Мейссенѣ въ обычай вошло — позволять студентамъ гусей красть и утокъ, и что никакого имъ за это наказанія не бываетъ, если только хозяинъ не поймаетъ. Немного времени прошло послѣ этого, вдругъ видимъ — огромное стадо гусей близко деревни; сторожа нѣту. Я и спрашиваю у товарищей: въ Мейссенѣ мы чтоли? Да, говорятъ, въ Мейссенѣ. Схватилъ я камень, и пустилъ въ гусей; угадалъ одному гусю прямехонько въ голову, такъ онъ у меня и растянулся на мѣстѣ. А пускать камешками я научился еще когда козопасомъ былъ, и ловчѣ меня никто пускать ихъ неумѣлъ. Я скоренько подобралъ гуся, спряталъ къ себѣ подъ платье, и пошелъ мы по деревнѣ. Только сторожъ-то и бѣжить позади насъ, кричить, что обокрали его; мы сейчасъ же бѣжку; мужики за нами; и они-то увидали, что у меня изъ-подъ полы гусинья лапка выглядываютъ, да и гусь такой тяжелый былъ, что бѣжать съ нимъ не было мочи: я взялъ да и бросилъ его, и съ дороги сбился. Двоихъ моихъ товарищей настигли; стали они на колѣнки, и просятъ прощенья: вѣдь не мы, говорятъ, гуся-то украли. Мужики отпустили ихъ и подняли краденаго гуся. А я въ это время тряусь какъ въ лихорадкѣ и думаю про себя: «Ахъ ты Господи, грѣхъ какой! а все оттого, что сегодня утромъ Богу не молился.» А наши бакканты, которые впереди насъ шли, зашли въ деревнѣ на постоялый дворъ; тамъ мужики потребовали съ нихъ за гуся платы. И все дѣло-то шло о какихъ-нибудь двухъ батцахъ (семь-восемь копѣекъ). Незнай заплатили ли.

Въ лѣсу, неподалеку отъ Нюремберга, къ намъ присталъ разбойникъ одинъ, которому все хотѣлось какъ нибудь заговорить нашихъ баккантовъ да задержать, покуда не подоспѣютъ другіе его товарищи. Только съ нами былъ одинъ бравый дѣтвива, Антони Шальбестеръ изъ Виспа, для котораго четыре-пять человекъ было нипочемъ, какъ это оказалось послѣ. Онъ пригрозилъ разбойнику, тотъ струсилъ и отсталъ отъ насъ. Больно ужъ поздно было; намъ приходилось остановиться въ первой же деревнѣ. На постояломъ мы узнаемъ разбойника; вмѣстѣ съ нимъ и товарищи его были. Всѣ ужъ поужинали, только намъ, малышамъ, никто ничего подать не хочетъ; потому что за столъ мы никогда не сажались, а спали всегда на конюшнѣ. Только когда бакканты вышли изъ-за стола и потомъ спать вѣти хотѣли, Антони и говорить хозяину: «ну братъ, гости-то у тебя, какъ видно, парни не промахъ; да и самъ-то ты тоже нелучше; смотри у меня, чтобы ночью все было спокойно, а

нето такую кашу заваримъ, что и не расхлебаешь.» Вотъ мы и пошли на ковюшню. Ночью вдругъ слышимъ — отпереть ее хотятъ; а Автони замкнулъ двери толстымъ шишемъ, и такъ какъ постоянно носилъ съ собой трутъ и кремень, то сейчасъ же добылъ огня, свѣчку засвѣтилъ и разбудилъ остальныхъ баккантовъ. Разбойники бѣжать. Наутро глядь — ни хозяина нѣтъ, ни прислуги; прошли мы съ версту оттуда, встрѣчные намъ и говорятъ, когда узнали гдѣ намъ переночевать привелось: «чудное дѣло! говорятъ: какъ это васъ всѣхъ тамъ не перерѣзали! въ деревнѣ-то, говорятъ, разбойники на разбойникѣ.»

Съ полверсты недоходя до Нюрemberга, наши бакканты остались на постояломъ дворѣ, выпить; ну а въ такихъ случаяхъ они всегда засылали насъ впередъ. Вдругъ видимъ — восемь человекъ намъ навстрѣчу ѣдутъ верхомъ, лукъ у всякаго въ рукахъ, потому что объ эту пору конное войско еще не носило нищалае; окружили насъ, прицѣлились стрѣлами, и денегъ-имъ подавай. Постарше который былъ изъ насъ, и говоритъ: «Какія у насъ деньги! мы школьники, Христа-ради собираемъ.» А тѣ все свое: денегъ да денегъ. А онъ тоже свое: «Нѣту у насъ денегъ. Какія вамъ деньги!» Тутъ одинъ изъ верховыхъ выхватилъ саблю да какъ хватить его по головѣ, такъ и отрубилъ у него кисточку на шапкѣ; потомъ въ дѣвъ они уѣхали. Немного погодя къ намъ пристали и наши бакканты; имъ никакіе верховые не попадались навстрѣчу. И сколько съ нами бывало такихъ несчастныхъ приключеній, особенно въ Тюрингіи, да во Франконіи, да въ Польшѣ!

Когда мы пришли въ Нюрemberгъ, тѣ изъ насъ, кто зналъ какія-нибудь пѣсни, пошли пѣть по городу; а я сталъ собирать милостыню; въ школу такъ мы и не ходили. Учитель волѣлъ сказать нашимъ баккантамъ, чтобъ или они къ нему шли, или онъ самъ къ нимъ придетъ. «Нѣтъ ужъ пускай лучше онъ къ намъ идетъ», сказалъ Автони. Швейцарцы, которые тутъ были, предувѣдомили насъ, въ какой день онъ долженъ придти, — чтобы онъ врасплохъ насъ не засталъ. Автони и бакканты стали въ воротахъ, а мы, какъ поменьше были, навалили цѣлую груду камней на крышѣ. Въ скоромъ времени показался и учитель, а за нимъ слѣдомъ тянулася длинная вереница учениковъ, и большихъ и маленькихъ; мы въ нихъ пустили каменьями, они всѣ и разбѣжались. Тутъ нашла на насъ какая-то робость, и мы маршъ съ площади; но прежде захватили у сосѣда на ковюшнѣ трехъ жирныхъ гусей, которыхъ онъ

берегъ къ свадьбѣ дочери, и съѣли ихъ съ нашими пріятелями изъ швейцарцевъ. Послѣ того отправились въ Галле (въ Саксоніи), а оттуда въ Дрезденъ и въ Бреславль. На дорогѣ мы крѣпко голодали; но нѣсколько дней сряду намъ ничего не доводилось ѣсть кромѣ какъ луковицы какія-нибудь, либо печеныя жолули да двіе плоды. Спали мы подъ открытымъ небомъ, потомучто никто не хотѣлъ пускать насъ къ себѣ, и даже близко къ дому не подпускалъ, хотъ мы всегда такъ вѣжливо просили пустить насъ отдохнуть съ дороги; а то нерѣдко даже собакъ на насъ науськивали. Зато когда мы въ Бреславль пришли, такъ тамъ всего было намъ вдоволь, просто ѣшь не хочу, такъ что бѣдные школьники напустились на хорошую пищу, объѣлись и сильно захворали. Въ Бреславлѣ семь церквей и при каждой особая школа. Ученикамъ не дозволялось переходить изъ одной въ другую, и они другъ дружку выгоняли и отсылали обратно, а нето собирались вмѣстѣ и жестоко дрались на-кулачки. Говорятъ, ихъ за тысячу переходило, и всѣ они жили подаянїемъ. Часто я приносилъ по вечерамъ къ нашимъ баккантамъ блюдо по пяти разныхъ, а то еще и больше. Милостыню мнѣ подавали всегда съ радостью, потому больно ужъ я малъ былъ, да потому еще, что я былъ швейцарецъ, а на швейцарцевъ въ эту пору съ уваженіемъ смотрѣли, и жалѣли объ нихъ; это было именно въ то время, когда они потерпѣли страшное пораженіе въ битвѣ при Мариньянѣ, и народъ говорилъ объ нихъ: «глядь-ко — швейцарцы, швейцарцы! отступилась-таки отъ нихъ рать-сила небесная!» потомучто до этихъ поръ считалъ ихъ непобѣдимыми.

Разъ на базарѣ я пристаю къ двумъ какимъ-то господамъ, подающа прошу: ужъ такъ заведено у бѣдныхъ школьничковъ. Одного звали Бейкеноуэръ, другого Туггеръ. Туггеръ сталъ меня расирасивать, потомъ переговорилъ съ своимъ пріятелемъ, и говорить мнѣ: «Ну если ты въ самомъ дѣлѣ швейцарецъ, такъ я тебя съ собой возьму; ты намѣсто сына у меня жить будешь, и я тебя усыновлю по всей формѣ; только ты долженъ дать мнѣ слово, что на всю жизнь у меня останешься и куда бы я ни отправился, всегда меня дожидаться.» Я отвѣчалъ, что у меня на родинѣ есть олинъ человекъ, которому я отданъ на попеченіе; надо будетъ его сначала спроситься. А когда я сказалъ про это Паулусу, Паулусъ мнѣ говоритъ: «Я тебя увелъ изъ дому, такъ я же тебя и возвратить туда долженъ, а потомъ и дѣлай что они тебѣ прикажутъ.» — Я и отказался отъ предложенія Туггера, но всякій разъ какъ ни придешь къ нему на квартиру, никогда бывало не отпустить меня съ пустыми руками.

Въ Бреславлѣ мы долго пробыли, и въ продолженіи зимы я три

раза хворалъ: меня отправили въ больницу, такъ какъ у учениковъ тамъ и больница особая, и лекаръ особый. Городское общество платитъ за каждаго больного по 16 галлеровъ въ недѣлю, вслѣдствіе чего за больными уходъ отличный и кровати славныя, только ужъ клоповъ въ нихъ очень много, такъ что и я, и много другихъ еще кромѣ меня, мы все больше на полу спали, а не на кроватяхъ.

Зимой ученики спали въ школѣ, всѣ въ-повалку, на полу; бакканы въ небольшихъ келейкахъ, которыхъ при церкви св. Елизаветы цѣлыя сотни. Лѣтомъ мы всѣ уходили спать на кладбище; туда мы привносили съ собой соломы, которую набрасываютъ на улицахъ передъ домами важныхъ господъ. Въ случаѣ если начинался дождь, мы всѣ бѣгомъ пускались въ школу, а если кому же еще подымалась гроза, то мы цѣлую ночь пѣли что-нибудь духовное съ нашимъ субъ-регентомъ. Иногда послѣ ужина мы заходили на пивоварню за пивомъ, и толстые крестьяне-поляки такъ хорошо угощали насъ пивомъ, что право мнѣ случалось венаходить дорогу къ себѣ въ школу, хоть до нея разстоянія и всего-то было нѣсколько десятковъ шаговъ. Но за всѣмъ тѣмъ немного же мы учились. Греческаго языка въ той сторонѣ еще не знали, печатныхъ книгъ тоже. Только у учителя у одного и былъ печатный Теренцій. Когда принимались читать, такъ сначала продиктовать надо было, потомъ знаки разставить, потомъ отдѣлить предложенія, и наконецъ ужъ объяснять, дѣлать комментаріи, такъ что бакканы всегда выходили изъ школы съ огромной кучей бумагъ.

Изъ Бреслава мы отправились въ Дрезденъ. По дорогѣ намъ пришлось терпѣть ужасный голодъ. Насъ было восьмеро; мы положили раздѣлиться на цѣлый день: одни гусей чтобъ искали, другіе луку да моркови; съ однимъ изъ насъ былъ небольшой котелокъ. А которые поменьше, тѣ должны были идти въ городъ Ньюмаркъ, который былъ неподалеку отсюда, на большой дорогѣ, и постараться какъ-нибудь добыть хлѣба да соли, а за-городомъ былъ колодець: у колодца-то мы и уговорились собраться всѣ вмѣстѣ и провести ночь. Но какъ только изъ города примѣтили нашъ костеръ, сейчасъ же и стали по насъ стрѣлять; къ счастью еще, что въ насъ не попали. Мы кинулись назадъ и расположились позади одного бугорка, подлѣ ручья и небольшой роицы. Старшіе нарѣзали палокъ изъ кустарниковъ, чтобы шалашъ сдѣлать; гусей ощипали, морковь сварили въ котелкѣ, потомъ гусей стали жарить, воткнувши ихъ на палки, и какъ только которая сторона хоть сколько-нибудь испечется, мы сейчасъ же и рѣзать еѣ, и ѣсть. Ночью вдругъ слышимъ шумъ: спускали прудъ; рыба вся въ тинѣ и завязла. Мы половили рыбы сколько могли тащить съ собой, навязали на палку и обер-

нули рубашкой, а въ ближайшей деревнѣ часть мы отдали одному мужичку, зато что остатки онъ намъ позволилъ зажарить на пивѣ.

На дорогѣ, неподалеку отъ Дрездена, я захолю въ одну деревню собирать подавнiе; крестьянинъ, у котораго я остановился подъ окномъ, спросилъ откуда я. Какъ только узналъ, что я швейцарецъ, и спрашиваетъ: нѣтъ ли кого со мной въ товарищахъ; я сказалъ есть; онъ велѣлъ мнѣ сбѣгать за ними, и накормилъ насъ славнымъ ужиномъ, и пива было вдоволь. Пока мы пили—веселились, и крестьянинъ заодно съ нами, онъ и говорить своей матери, которая лежала на кровати тутъ же въ избѣ: «Ну, мать, вотъ ты все твердила, что передъ смертью больно тебѣ охота на швейцарца поглядѣть: натко—вотъ посмотри, вотъ тебѣ и швейцарецъ, да еще и не одинъ; я ихъ позвалъ нарочно, чтобъ тебѣ уловольствiе доставить.» Старушка поблагодарила сына, приподнялась съ кровати и говорить: «Мнѣ столько про швейцарцевъ наговорили, да все-то ихъ расхваливали, что мнѣ страхъ какъ хотѣлось хоть на одного швейцарца поглядѣть. Теперь какъ—будто мнѣ умирать поспокойнѣе будетъ. Позабавьтесь, голубчики, позабавьтесь.» И опять на кровать прилегла. Мы сказали крестьянину спасибо и ушли.

Когда мы пришли въ Мюнхенъ, городскiя ворота были заперты и намъ пришлось переночевать на полѣ. Утромъ на другой день насъ визачто не хотѣли пускать въ городъ, если только мы не укажемъ на кого-нибудь изъ горожанъ, который бы за насъ поручился. Паулусъ еще прежде бывалъ въ Мюнхенѣ; ему позволили отправиться къ тому человѣку, у котораго онъ раньше жилъ на квартирѣ. Тотъ пришолъ, поручился за насъ, и мы вошли въ городъ. Мы съ Паулусомъ нашли квартиру у одного лавочника, мыломъ торговалъ, Гавса Шреля; женать онъ былъ на молоденькой дѣвушкѣ, съ которой послѣ того онъ переѣхалъ на житье въ Базель, и о немъ многiе до сихъ поръ еще помнятъ. Я гораздо чаще помогалъ ему мыло дѣлать, чѣмъ ходилъ въ училище, и ѣздилъ съ нимъ по деревнямъ, гдѣ онъ закупалъ золу. Паулусъ постоянно ходилъ въ *Богородское* училище, а я если и ходилъ, то развѣ изрѣдка, потомучто мнѣ надо было ходить по улицамъ и пѣть пѣсни, чтобъ добыть хлѣба для моего бакканта, у котораго я находился въ услуженiи. Хозяйка меня ужасно какъ любила, потому ужъ я больно усердно ухаживалъ за ея старой собакой, черной и слѣпой, и зубовъ ужъ у этой собаки не было, и я кормилъ ее изъ своихъ рукъ. Мы ужъ тутъ нѣсколько времени прожили, какъ Паулусъ повздорилъ о чемъ-то съ хозяиномъ. Тутъ онъ положилъ вернуться на родину, потомучто цѣлыхъ пять лѣтъ мы тамъ не бывали. Вотъ мы опять пустились въ дорогу. Когда я пришолъ домой, мои прiатели просто не могли сразу

понимать меня, потому что я дотога былъ еще молодъ, что изъ дѣяка всякой мѣстности, въ которой я хоть сколько-нибудь времени прожилъ, у меня въ памяти остались кой-какія слова и я безпрестанно шеренутьивалъ ихъ въ разговорѣ.

Мать моя объ эту пору вышла за другого мужа. На ней женился Томасъ Герштерентъ, изъ Термина, такъ что у ней въ домѣ я былъ какъ-будто не у себя; мнѣ пріятнѣе было жить у родственниковъ. Въ скоромъ времени мы отпавились въ Ульмъ, и Паулусъ взялъ съ собою еще другого ученика, котораго звали Гильдебрандусъ Кальберматтеръ, такого же малыша какъ и я. Подарили ему сукна на платье, какъ это у насъ принято за обычай. Въ Ульмѣ Паулусъ далъ мнѣ это сукно и сказалъ, чтобъ я ходилъ съ нимъ по улицамъ, выпрашивая подаваніе на бѣдность. Такимъ родомъ я получилъ много денегъ, потому что умѣлъ ловко поддѣлываться и выпрашивать милостыньку — такъ какъ бакканты учили меня этому гораздо больше, чѣмъ ходить въ школу; я даже читать неумѣлъ.

Въ школу я ходилъ изрѣдка, и вездѣ таскался со своимъ сунномъ; часто я голодалъ ужасно, такъ какъ все что мнѣ подавали, я относилъ къ своему бакканту, и хоть бы крошечнымъ кусочкомъ когда поживился: дотога я боялся, что меня бить за это будутъ. Паулусъ взялъ съ собою другого бакканта, Ахация, изъ Майнца; Гильдебрандъ и я должны были ему прислуживать; но мой товарищъ съѣдалъ почти все что ему ни подавали, такъ-что бакканты за нимъ слѣдомъ шли по улицамъ, чтобы застать его врасплохъ, а нето принуждали его полоскать ротъ водой и потомъ воду выплевывать, чтобы видно было, ѣлъ ли онъ что. Если оказывалось, что ѣлъ, тогда повалить его на кровать, положить на голову подушку, чтобъ неслыхать было его крику, — и ну вдвоемъ тузить его по чему попало, просто изъ силъ выбьются. Чтобы и со мной того же не было, я всегда все приносилъ домой, и часто у насъ столько было хлѣба, что на немъ даже плѣсень появлялась. Плѣсень срѣзывали и давали намъ ѣсть. Неравъ приходилось мнѣ выпрашивать милостыню иѣснями вплоть до полувочи.

А надобно сказать, что въ Ульмѣ одна добрая барыня была, вдова, съ двумя дочерьми жила незамужними. Часто зимой добрая старушка укутывала мнѣ ноги теплой шубой, которую нарочно для этого она нагрѣвала сперва у печки и давала мнѣ полную миску каши, прежде чѣмъ отпускала отъ себя. Я бывалъ дотога иногда голоденъ, что отымалъ у собакъ кости, которыя онѣ глодали на улицѣ, а нето вытаскивалъ хлѣбныя крошки изъ щелей пола у себя въ училищѣ.

Потомъ мы возвратились обратно въ Мюнхенъ, гдѣ опять мнѣ

довелось вымрашивать подаваніе, подѣ видомъ что на сукно, которое однакожъ не мое было. Черезъ годъ послѣ того, когда мы возвращались на родину, то проходя черезъ Ульмъ, я все еще развозилъ сукно и просилъ на него милостыню, такъ что иные прямо стали говорить мнѣ: «Ахъ ты негодный мальчишка! да развѣ одежда все еще у тебя неслита? Ты ворюшка должно-быть.» Не знаю что стало потомъ съ сукномъ и было ли когда спити изъ него платье.

Съ родины мы еще разъ вернулись въ Мюнхенъ. Было воскресенье; бакканты наши сыскали себѣ квартиру, а у насъ у трюхъ остальныхъ учениковъ ея не было; вотъ мы и порѣшили идти въ Женетту, проспять ночь хоть на мѣшкахъ съ мукой. На улицѣ сидѣли нѣсколько женщинъ; онѣ насъ и спрашиваютъ, кто мы такіе, да куда идемъ; и какъ услышали, что квартиры у насъ нѣтъ и что мы швейцарцы, — одна мясничиха, которая тутъ же была, и говоритъ своей дочери: «Сбѣгай-ка поди домой, супъ разогрѣй да мясо, сколько у насъ тамъ осталось; пускай они у насъ переночуютъ. Люблю швейцарцевъ. Въ Инспрукъ я въ одной гостиницѣ служила, гдѣ оставались королевскіе придворные. Швейцарцамъ у него столько хлопотъ всегда бывало, и всегда-то такъ благородно они себя вели, что просто жизнь бы за нихъ свою рада отлатъ.» Вотъ она насъ накормила-напоила по горло, потомъ спать уложила, а утромъ и говоритъ: «Коли кто въ васъ хочетъ у меня остаться, такъ я и кормить того буду, и квартиру отведу.» Намъ-то конечно всѣмъ бы этого хотѣлось; мы и говоримъ ей, чтобъ она кого хочетъ, того бы и выбрала. Я на видѣ былъ побойчѣе другихъ, и попытѣе какъ-будто, она меня и взяла. У нея мнѣ дѣлать было почти-что ровно нечего, только пиво подавать да провожать ея иной разъ въ поле; а все-таки мнѣ надо было прислуживать моему бакканту. Мясничихѣ это не нравилось; разъ она мнѣ и говоритъ: «Да оставайся, говоритъ, у меня; брось ты своего бакканта; тебѣ больше не придется просить милостыни.» Вотъ цѣлую недѣлю я и не ходилъ ни къ бакканту, ни въ школу. Послѣ того и приходитъ баккантъ, стучится въ дверь. Мясничиха мнѣ и говоритъ: «Ну, говоритъ, твой баккантъ тамъ; скажи ему, что дескать ты боленъ.» Потомъ она его впустила и говоритъ:

— Баринъ-то ты какъ-видно хорошій, да только что бы тебѣ на дняхъ-то зайти? увидалъ бы по крайности что съ Томасомъ дѣлается; онъ прохворалъ все это время, да и теперь еще больной лежитъ.

— Эдакая вѣдь досада, отвѣчалъ онъ. — Эй, малый! когда тебѣ можно будетъ выходить, — ко мнѣ милости просимъ, назадъ.

На слѣдующее воскресенье послѣ вечеренъ онъ опять ко мнѣ приходитъ и говоритъ: «Слушай, мерзавецъ: коли ты не вернешься

ко мнѣ, я тебѣ такихъ тузовъ надаю, что любо-дорого.» Я и придумалъ — убѣжать лучше, а то вѣдь въ самомъ дѣлѣ изобьетъ. На другой день я и говорю мясничихѣ: «Въ школу идти надо, только сперва немѣшаетъ рубашки помыть.» Я не смѣлъ ей сказать что у меня въ головѣ было — пожалуй, думаю, еще разболтаетъ. Я и отправился изъ Мюнхена... сердце такъ и ноетъ; приходилось разстаться съ родственникомъ, съ которымъ мы столько исходили, да ужь больно онъ жестоко и безжалостно обращался-то со мной; жалъ мнѣ было и мясничихи: такая она ласковая ко мнѣ всегда была. Переѣхалъ я черезъ Изеръ-рѣку, потомучто боялся, что если на Швейцарію пойду, такъ Паулусъ того и гляди опять сойдется со мной; а онъ частенько-таки грозилъ намъ, что коли мы убѣжать вздумаемъ, такъ онъ насъ розыщетъ и всѣ намъ ребра переломаетъ.

На другой сторонѣ Изера высится небольшой холмикъ; я пріѣхалъ на немъ и горько заплакалъ... думаю: кто-то теперь обо мнѣ позаботится? Я думалъ пробраться въ Зальцбургъ, а нето въ Вѣну, въ Австрію. Въ эту минуту вижу — мужикъ мимо ѣдетъ на телѣгѣ; онъ отвезилъ соль въ Мюнхенъ, и ѣхалъ оттуда обратно, и ужь подь хмѣлькомъ, несмотря на то, что солнышко только-только еще всходило. Я сталъ просить его посадить меня съ собой. Когда онъ остановился покормить лошадокъ, я пошолъ въ деревню мялостыньку просить, и неподалеку отъ деревни сталъ поджидать его, да и заснулъ. Когда проснулся, думаю — ужь проѣхалъ, и расплакался ужасно; какъ-будто отца родного лишился. Онъ впрочемъ пріѣхалъ, но на этотъ разъ ужь совершенно пьяный; я опять сѣлъ съ нимъ, а вечеромъ онъ мнѣ и говоритъ: вотъ дескать дорога въ Зальцбургъ. Тутъ онъ свернулъ съ дороги; въ этотъ день мы цѣлыхъ восемь миль проѣхали. Прихожу въ деревню. А утромъ сильный былъ иней, точно снѣгъ выпалъ, а на мнѣ и башмачишковъ-то даже не было — такъ, дрянные чулки только, и тѣ всѣ изодранные; на головѣ тоже ничего не было; одинъ плащикъ маленькой на мнѣ былъ, да и тотъ безъ складокъ. Я было пошолъ въ Пассау: думаю — тамъ черезъ Дунай переѣду въ Вѣну; но въ Пассау меня не пустили: я и рѣшилъ вернуться въ Швейцарію и спрашиваю у караульнаго, гдѣ бы пробраться поближе.

— Да ступай, говорить, черезъ Мюнхенъ.

— Черезъ Мюнхенъ! Ну, говорю, лучше десять верстъ кругу дамъ.

Онъ послалъ меня на Фрейзингенъ, гдѣ тоже отличная школа есть. Тамъ я нашолъ нѣсколько человекъ швейцарцевъ; спрашиваютъ, отколѣ я. Дня черезъ два черезъ три приходитъ Паулусъ, да съ топоромъ еще! Ученики мнѣ и говорятъ: «Изъ Мюнхена бак-

кавъ какой-то пришоль, тебя розыскиваетъ.» Я сейчасъ же бѣжать, точно онъ въ догонку за мной пустился; пошолъ по дорогѣ въ Ульмъ, и укрылся у вдовы, у той самой, которая раньше мнѣ все ноги укутывала шубой. Она взяла меня къ себѣ и поручила стеречь въ огородѣ рѣпу; я и взялся, а про школу и думать было нечего. Только черезъ нѣсколько недѣль приходитъ одинъ изъ товарищей Паулуса и говоритъ мнѣ: «Паулусъ-то, говоритъ, здѣсь; тебя розыскиваетъ.» Цѣлыхъ 18 миль онъ прошолъ слѣдомъ за мной, все ему нехотѣлось меня лишиться: сколько доходу-то черезъ меня онъ получалъ! Онъ вѣскольکو лѣтъ мной только и кормился. Какъ только получилъ я это извѣстіе, сейчасъ же, хотъ ужъ ночь пастувала, бѣжать въ Констанць, и горячими слезами заливался: больно ужъ со вдовой-то жаль было разстаться.

Близъ Мерзбурга повстрѣчался мнѣ одинъ каменотесъ, въ Тургау онъ былъ раньше. Неможко подалше мы съ нимъ набрели на одного молодого крестьянскаго парня; каменщикъ мнѣ и говоритъ: «Деньжонокъ бы съ него содрать нехудо» — и закричалъ ему: «Мужичокъ, а мужичокъ! Нутка, говоритъ, развязывай-ка свою мощу, а не то худо тебѣ будетъ.» Парень струхнулъ, да и я тоже. Мнѣ бы въ эту минуту хотѣлось быть подалше гдѣ-нибудь. Только когда парень принялся вытаскивать кошелекъ съ деньгами, каменщикъ успокоилъ его и сказалъ, что просто только пошутить надъ нимъ хотѣлъ. Вотъ переправился я черезъ озеро, прихожу въ Констанць. Перешолъ мостъ и вижу нѣскольکو швейцарокъ-крестьянокъ въ бѣленькихъ юбочкахъ... ахъ ты Господи! какъ доволенъ-то я былъ! Мнѣ показалось, точно я въ раю. Пришолъ я въ Цюрихъ, и нахожу тамъ изъ Валлиса рослыхъ такихъ баккантовъ; поступилъ я къ нимъ въ услуженье, съ условіемъ, чтобы они взяли учить меня; а учили они меня столько же, сколько и другіе.

Черезъ нѣскольکو мѣсяцевъ Паулусъ прислалъ ко мнѣ изъ Мюнхена ученика своего Гильдебранда сказать, чтобы я шолъ назадъ, и что онъ меня прощаетъ. Но мнѣ показалось ужъ лучше въ Цюрихѣ остаться, хотъ я тамъ и не учился.

Въ Цюрихѣ былъ одинъ валезецъ изъ Виспа, Антониусъ Венеспъ его звали; онъ и уговорилъ меня отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ Страсбургъ. Намъ наговорили, что въ этомъ городѣ мы найдемъ много, много учениковъ, а школы хорошей тамъ нѣтъ; а вотъ-де въ Шлештадтѣ школа такъ школа. Отправились мы въ Шлештадтъ, и явились къ профессору Юганнесу Сѣпидусу, котораго я такъ любилъ. Какъ узналъ онъ, что мы изъ Валлиса, онъ намъ и говоритъ: «У! какой прескверный это народъ! все епископовъ отъ себя гоняють. Впрочемъ ежели вамъ ужъ больно охота учиться, —

ладно, я буду васъ учить; а нето вы мнѣ платить должны будете, хоть бы послѣднюю рубашку вамъ пришлось съ себя скинуть.» Это была первая школа, въ которой, какъ мнѣ показалось, учили какъ-слѣдуетъ. У Сапидуса было человѣкъ девятьсотъ учениковъ; впрочемъ онъ не одинъ же училъ, а были у него и помощники, все ученые: докторъ Гиръ напримѣръ, или Гемузеусъ, или Юганъ Губеръ, и много еще другихъ, которые впоследствии приобрѣли большую извѣстность.

При поступленіи своемъ въ школу я ровно ничего не зналъ, даже читать неумѣлъ: мнѣ ужъ восемнадцать лѣтъ было, а въ школѣ пришлось сидѣть среди малютокъ. Точно я былъ курица, а кругомъ меня цыпляты. Разъ какъ-то Сапидусъ дѣлалъ ученикамъ переклячку, нашолъ много именъ варварскихъ, и хотѣлъ передѣлать ихъ на латинскій ладъ. Вотъ онъ насъ и окрестилъ — меня въ *Томаса Платтеруса*, а товарища моего въ *Антоніуса Венетуса*, а потомъ и спрашиваетъ: «Нуте-ка, кто эти двое?» Мы оба встали съ мѣста, онъ и говоритъ: «Ну! говорить: эдакимъ уродамъ да такіа отличныя имена приходится носить!» Оно пожалуй и вправду такъ было, особенно мой товарищъ — чесоточный былъ такой, что ужасъ. Мы пробыли тутъ съ осени до троицына дня, но тутъ нашло столько учениковъ, что кормиться намъ стало ужъ вечѣмъ, и мы отправились въ Солотурнъ. Тамъ школа была сносная, и жизнь лучше, только много времени задаромъ пропадало въ церкви. Мы воротились обратно въ Валлисъ.

На слѣдующую весну я съзнова покинулъ родимый край вмѣстѣ съ двумя моими братьями. Когда стали прощаться съ матерью, она заплакала и вскричала: «Господи-батюшка! сжался ты надо мной, не дай умереть моимъ сынкамъ въ нищетѣ!» Только одинъ разъ, именно этотъ разъ, я и видѣлъ какъ мать плакала; а то она всегда была женщина съ характеромъ, точно мужчина, только груба ужъ очень. Какъ умеръ у ней и третій мужъ, она всякую мужскую работу все на себя брала, лишь было бы на что содержать остальныхъ своихъ дѣтей. Три изъ нихъ умерли отъ чумы; она ихъ сама, своими руками похоронила, потому что въ чумное время похороны обходились очень дорого. Съ первыми же своими дѣтьми она обращалась очень грубо, такъ что я рѣдко когда показывался домой. Пять лѣтъ кряду я не былъ на родинѣ, но какъ только показался домой, она мнѣ и говоритъ:

— На кого лѣшаго тебя черти принесли?

— Не черти, говорю, а ноги принесли; впрочемъ, говорю, а вамъ долго въ тягость не буду.

— Да не про тягость я говорю, сказала она: — а досада беретъ

смотреть-то на тебя: только знаетъ шляется изъ мѣста въ мѣсто! Разумѣется эдакъ ты никогда ничему не выучишься. А вотъ занялся бы тѣмъ, чѣмъ отецъ занимался, было бы лучше; изъ тебя вѣдъ настора никогда не выйдетъ; не дожидаться мнѣ эакаго счастья.

Ну, я и прожилъ у ней какихъ-нибудь два-три дня. Я бы пожалуй еще могъ рассказать въ эакомъ же родѣ про мать; но, если грубость оставить всторонѣ, такъ это женщина была набожная и добрая, и всякій отзывался о ней такъ же точно.

Братья оба остались въ Энтлибухѣ, а я пошолъ въ Дюрихъ. Тамъ учителемъ былъ Вольфгангъ Ноуэль, изъ Барра (въ дюрихскомъ кантонѣ); онъ перебрался туда изъ Парижа, и его *длиннымъ чортомъ* прозвали. Человѣкъ это былъ непомярно-высокаго роста и прямой души, только школой-то онъ занимался маловато. А мнѣ страхъ какъ хотѣлось учиться: пора ужъ, думаю!

А какъ-разъ въ самое это время намъ сказали, что изъ Эйнзидлена только-что, только-что пріѣхалъ учитель, человѣкъ чрезвычайно ученый, усердный, только чудакъ немножко. Я поставилъ стулъ въ уголъ въ классной комнатѣ, неподалоку отъ профессорской кафедры, и думаю себѣ: «либо помрутуть, либо выучусь». Это было въ школѣ Frauen-Münster; ее только-что отаѣляли заново. Приходить учитель и говорить: «Вотъ школа такъ школа! только ученики-то кажется плоховаты больно. А вотъ увидимъ. Ну чтоже вы? занимайтесь, занимайтесь!» А мнѣ такъ просто хоть голову отсѣки, я бы въ эту минуту перваго склоненія не отаѣтилъ, а между тѣмъ всего Домата наизусть зналъ. Сколько разъ бывало этотъ учитель въ потъ меня вгонялъ, ивда сорочка на мнѣ слѣдается вся мокрехонька, а между тѣмъ онъ хоть бы пальчикомъ меня ткнулъ; зато по крайней мѣрѣ изъ-за него я отъ простуды вымечился совершенно. Онъ и свиденное писаніе тоже намъ объяснялъ, и въ эти часы къ намъ въ классъ приходило много такихъ, кто и не принадлежалъ совсѣмъ къ школѣ. Какъ ни сурово однакожъ онъ обходился со мной, но нерѣдко вводилъ меня къ себѣ и давалъ мнѣ ѣсть; онъ ужасно какъ любилъ слушать мои рассказы про то, что привелось мнѣ вынести въ Германію, и до сихъ поръ еще я такъ живо объ этомъ помню...

... Я уже выросъ такой большой, что мнѣ ужъ нельзя было ходить по улицамъ и распѣвать, выпрашивая милостыню. Обнищалъ я совершенно. Жилъ я у одной старушки; вотъ голоду-то натерпѣлся, боже ты мой! Бывало ѣсть нечего — возьмешь и попросишь у хозяйки немножко соли, заваришь ее и пьешь этотъ отваръ, чтобы только червячка заморить, какъ говорится. Квартира мнѣ обходилась по батцу въ недѣлю. Иной разъ кто-нибудь пошлетъ

меня по своему дѣлу; вотъ и бѣжишь безъ отдыха. За лѣтъ нѣтъ платилъ по батцу; этими деньгами я и расплачивался за квартиру. Помогалъ тоже дрова таскать, и за другія работы брался; за это меня кормили, ну я и доволенъ. Да! я вѣдь еще *кустосомъ* (сторожемъ) былъ при школѣ, и всякій ученикъ обязанъ былъ платить мнѣ каждый годъ по пятачку къ богородицѣному дню; а ихъ пожалуй до шестидесяти бы набралось.

Такая жалкая жизнь тянулась до тѣхъ поръ, пока я не поступилъ къ Генриху Вердмюллеру, обучать двоихъ его сыновей. Тутъ я вснашутку принялся заниматься. Мнѣ хотѣлось вразъ выучиться и полатыни, и погречески, и поеврейски. Я проводилъ ночи безъ сна, и чтобъ незаснуть, наберешь бывало половъ ротъ воды, а нето песку — такъ и хруститъ на зубахъ. Я самоучкой дошелъ до пониманья Лукана и Гомера. А поеврейски — я взялъ нѣсколько уроковъ у Библиандрума, того самаго, что издалъ еврейскую грамматику; такъ какъ онъ жилъ на хлѣбахъ у Миковауса, то заберешься бывало къ нему ранехонько утромъ, когда онъ еще спитъ, и списывалъ его грамматику; а ему и ве въ домѣкъ.

Въ тотъ же самый годъ Дармионъ Илья, изъ Базеля, написалъ къ Пеликану въ Цюрихъ, чтобы тотъ отправился въ Венецію да распродалъ бы тамъ библию на еврейскомъ языкѣ, хоть за самую дешовую цѣну. Пеликанъ взялъ отъ него двѣнадцать книгъ; за каждую цѣна была назначена по кронталеру. А у меня какъ-разъ остался кронталеръ отъ отцовскаго наслѣдства, которое я незадолго до того получилъ; я и купилъ себѣ библию и принялся по ней учиться. Въ скоромъ времени нѣсколько пасторовъ обратились ко мнѣ съ просьбой, чтобъ я училъ ихъ поеврейски; въ числѣ ихъ былъ старикъ одинъ восьмидесяти лѣтъ.

На ту пору пришолъ въ Цюрихъ одинъ молодой человекъ изъ Люцерна, Родольфъ Колленъ, ловкій малый и недуракъ, ремесломъ канатчикъ; онъ и утащилъ меня въ Констанцъ. Когда онъ тамъ устроился и получилъ право на званіе мастера, я его попросилъ выучить меня плести канатъ. «Пеньки, говорятъ, у меня нѣту.» А у меня было еще деньжонокъ немножко, послѣ матери достались; я и купилъ ему пуда три пеньки, и выучился плести канатъ, такъ что любо! Но охота къ ученью все-таки у меня не пропадала, и когда мастеръ думалъ, что я спать легъ, я тайкомъ переводилъ Гомера. На работу я всегда таскалъ Гомера съ собой, и читалъ его, когда плелъ канатъ. Онъ это запримѣтилъ и говоритъ мнѣ: «Платтеръ! pluribus intentus minor est ad singula sensus! ужъ что-нибудь одно: либо учись, либо работай.» Разъ за ужиномъ онъ меня спрашиваетъ, какъ читается у Пиндара первый стихъ.

— *Ἀριστόν μιν τὸ ὕδωρ*, говорю.

— Ладно, говорить, и самъ смѣется: — такъ и быть, послушаен-ся Пиндара. Вина у насъ нѣту, такъ давай хоть воду пить.

Отъ него я пошлю въ Базель. Прихожу къ Гансу Штегелину, по прозванью «красный канатчикъ», прѣ котораго всѣ говорили, что эдакаго грубияна-учителя никогда еще не бывало на берегахъ Рейна. Оно въ самомъ дѣлѣ такъ и оказалось на первый же день. Такъ какъ я еще небольшо былъ силенъ въ наукахъ-то, онъ меня и распустилъ, и говоритъ:

— Поди, говоритъ, къ своему учителю, который училъ тебя такъ, и глаза ему выцарапай: ты ровно ни аза не смыслишь, просто къ чорту негодишься.

Ну я-то конечно: не посмѣлъ ему сказать, что сделаю чуть не три пуда канату; упрашивалъ-упрашивалъ его, чтобъ онъ меня у себя оставялъ, обѣщался вести у него домашнiе расходы, чего ему никто неумѣлъ дѣлать. Согласился. Положилъ мнѣ батцъ въ пелѣю, и на этотъ батцъ я свѣчку покупалъ, чтобъ было съ чѣмъ заниматься ночью.

Въ Базелѣ же былъ у меня знакомый одинъ, Кратандеръ, чело-вѣкъ ученый и набожный; подарилъ онъ мнѣ Плавта, въ восьмиуш-ку, чтѣ у него печатался, только безъ переплета. Я бралъ листы одинъ за другимъ попорядку, прикрѣпилъ ихъ къ гвоздю, воткну-тому въ пеньку, изъ которой я вилъ канатъ, такъ что могъ читать его и вблизи и издали, а иногда приходилъ мастеръ, я возьму да ско-ренько пенькой и накрою Плавта. Сошелся съ нѣсколькими студен-тами; имъ все хотѣлось, чтобы я держалъ на доктора, и они обѣ-щали представить меня Эразму, а тотъ бы отрекомендовалъ меня епископу. Они и на самомъ дѣлѣ оба пришли ко мнѣ на площадь св. Петра, гдѣ я помогая учителю плести претолстый-толстый канати-це; но сколько они ни уговаривали меня, — все безъ пользы, потому я твердо положилъ себѣ выучиться хорошенько моему ремеслу.

Черезъ нѣсколько времени я сошелся съ докторомъ Опорину-сомъ, который просилъ меня позаняться съ нимъ еврейскимъ язы-комъ. Я было отговаривался, что и самъ плоховато его знаю, да и времени свободнаго у меня нетакъ-то много, но онъ дотога убѣди-тельно упрашивалъ меня, что мой хозяинъ позволилъ мнѣ отлучать-ся съ квартиры каждый день по вечерамъ, съ пятого часу до шесто-го. Опоринусъ взялъ да и вывѣсилъ на воротахъ церкви св. Леонара объявленiе (при этой церкви онъ самъ содержалъ школу), что дискать сегодня въ школѣ будетъ урокъ изъ еврейскаго языка, будутъ вла-гаться начальныя правила еврейской грамматики. Въ назначенный часъ я и прихожу, и думаю, что Опоринуса одного только и застану, и не

прочелъ этого объявленія ; и вдругъ оказывается, что тамъ восемнадцать человекъ собралось, и народъ все ученый. Какъ увидалъ я это, сейчасъ же кинулся было назадъ, но Опоринусъ меня удержалъ и успокоилъ немножко. На-бѣду я еще въ фартукъ явился, въ которомъ канатъ вилъ.... сраму-то сколько, ахъ ты батюшки! Наконецъ меня кое-какъ уговорили; я и принялся читать по грамматикѣ доктора Мустера : объ ней еще не знали въ Базелѣ; объяснилъ имъ еще кое-что изъ Ионы пророка, по силѣ возможности равнуется.

Въ этотъ самый годъ пріѣхалъ въ городъ одинъ французскій дворянинъ, отправленный королевой наварской за границу, для изученія еврейскаго языка. Явился знаете такимъ щеголемъ, отлично одѣтъ, на головѣ токъ шитый золотомъ, а сзади его ланей, плицъ несетъ и шпагу. Вошелъ онъ въ школу — а я въ уголѣ сидѣлъ, за печкой, а слушатели кругомъ стола помѣстались; онъ полатыни и спрашиваетъ:

— Гдѣ же, говорить, профессоръ-то ?

Опоринусъ указалъ на меня рукой; французъ поглядѣлъ на меня съ большимъ удивленіемъ, полагая конечно, что ученому немѣшало бы одѣваться поприличіе. Урокъ кончился, онъ вышелъ вѣстѣ со мной, взялъ меня за руку и спрашиваетъ : что бы это такое значило, что я такъ скверно одѣваюсь?—*Mea res ad rectum rediit*, говорю. Тутъ онъ принялся мнѣ рассказывать, что вотъ кабы я согласился во Францію ѣхать, такъ королева просто какъ царя меня бы приняла; ну, а я отказался. Онъ постоянно ходилъ ко мнѣ на уроки, вплоть до своего отъѣзда. Черезъ девять лѣтъ; увидавши меня среди монаховъ августинскаго ордена, онъ еще издали закричалъ мнѣ:

— *O salve, domine Plattere!*

Я спросилъ его, гдѣ онъ побывалъ въ это время; оказалось, что былъ онъ на Критѣ, въ Азіи и Аравіи, учился у ученѣйшихъ раввиновъ и говорилъ поеврейски какъ на родномъ языкѣ: онъ былъ ужасно радъ, что привелось ему вернуться домой, и одѣтъ былъ попрежнему щеголемъ.

Немного времени спустя я возвратился въ Цюрихъ и нѣсколько времени занимался тамъ подъ руководствомъ Микониуса. Тутъ и жена его, да и самъ онъ, присовѣтовали мнѣ жениться на Анни, которая была у нихъ въ услуженіи, и сказали, что наслѣдство послѣ нихъ все перейдетъ къ намъ. Намъ обвѣнчали. Потомъ мы отправились въ Дубендорфъ и сыграли тамъ свадьбу у двоюроднаго брата микониусова. И какъ еще лихо свадьбу-то сыграли! Черезъ два дня я поѣхалъ въ Валлисъ, сказать родителямъ, что-молъ я вѣдь женился; они были страшно недовольны, потому что все мечтали о моемъ пастерствѣ. Тутъ мнѣ пришло на мысль устроиться наконецъ до-

брымъ порядкомъ , открыть школу и въ тоже время продолжать заниматься канатнымъ мастерствомъ...

Въ Виспѣ я устроилъ и канатную мастерскую, и школу завелъ: эммой у меня было учениковъ человекъ тридцать; родители ихъ доставляли намъ все необходимое: ну тамъ яца, молоко, овощи, мясо — и мы зажили припѣваючи.

.....

Когда я возвращался изъ Цюриха, я взялъ съ собой еще одного ученика , который еле-еле тащился переходя чрезъ Гримзель , и мы оба переиззяли и чуть не замерзли дорогой. Ему все хотѣлось приостановиться, отдохнуть, а я все понукалъ идти дальше, потому что зналъ какъ опасенъ въ горахъ этотъ отдыхъ. Разъ какъ-то , я былъ еще очень молодъ , надо мнѣ было переходить чрезъ высокую снѣжную гору ; я истомился ужасно, усталъ , и присѣлъ отдохнуть. Тутъ я почувствовалъ какое-то странное ощущеніе ; по всему тѣлу разливалась пріятная теплота, я и заснулъ, упершись руками въ колѣнки. Вдругъ подлѣ меня очутился кто-то, схватываетъ меня за плечи и говорить :

— Вставай, вставай, да и маршь ! полно сидѣть-то.

И куда тотчасъ послѣ того дѣвался этотъ человекъ , ужъ право незнаю; глядѣлъ-глядѣлъ я и наверху, и нанизу — нѣтъ, нигдѣ невидать ; пропалъ да и только. Я всталъ, съѣлъ хлѣбца ломтикъ, да и побрелъ дальше. Когда я рассказалъ про это горцамъ, они мнѣ и говорятъ, что дышать ты и всего-то на волосокъ былъ отъ смерти : потому что если на этихъ страшныхъ высотахъ человекъ продрогнетъ до костей, да вздумаетъ приостановиться, такъ съ самаго начала почувствуетъ пріятную теплоту, кровь значитъ кинется въ лицо и въ конечности, а какъ еще присядеть, — она отхлынетъ отъ сердца, тутъ и смерть человеку. Ну, думаю себѣ (да и горцы тоже такъ думали): видно ужъ самъ Богъ меня спасъ ; никто какъ Богъ. А умереть отъ холода ничего нѣтъ легче. Сколько въ горахъ людей находятъ , которые сидятъ-себѣ подпершись руками и дремлютъ какъ-будто, а они мертвые. Оттого, когда нѣсколько человекъ идетъ въ дорогъ, да застигнетъ ихъ ночь на горахъ, они возьмутся другъ съ дружкой за руки да и пляшутъ вплоть до разсвѣта.

Какъ пришолъ я въ Виспѣ , жена ужасно обрадовалась, что видитъ меня еще въ живыхъ , потому что нашъ патеръ заболѣлъ чумой. Съ нимъ бѣдшимъ пребезжалостно обращались : всѣ ушли отъ него прочь, только какой-то мальчикъ при немъ и остался. Вотъ моя жена и безпокоилась очень: ну, думаетъ, какъ и меня чума возьметъ, что тогда со мной будетъ? А я еще тогда, когда учился въ Цюрихѣ, проходилъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ тоже сильно дѣйствовала чума;

въ Гросмиюнстерѣ напริมѣръ въ одну яму девятьсотъ человекъ свалили, да въ другую семьсотъ. Тогда я пошлъ на родину кой съ кѣмъ изъ земляковъ. На ногѣ былъ у меня нарывъ: я такъ и думалъ, что это чума начинается, и насъ съ большимъ трудомъ отпустили въ Виспъ. Я пошолъ въ Гренхснъ, къ теткѣ Францѣ, и по дорогѣ, въ какіе-нибудь полдня, засыпалъ восемнадцать разъ! Тетка обернула мнѣ ногу канустными листьями, и съ божьей помощью я выздоровѣлъ. Чумы ни съ кѣмъ не было, а все-таки мѣсяца полтора мы не смѣли ни къ кому подойти близко. Послѣ мнѣ привелось видѣть чуну еще въ Цюрихѣ.

Въ Виспѣ жена родила (это былъ еще первый ребенокъ у насъ) и послѣ родовъ опасно захворала. Я не отходилъ отъ нея ни на минуту, потомучто въ Валлисѣ у насъ ужъ такъ заведено, что мужья остаются при жонахъ во все время болѣзни послѣ родовъ, чтобы послѣ того имъ легче было ужиться. Ребенка крестили и нарекли Маргаритой. Черезъ нѣсколько дней мнѣ говорили, что болѣзнь жены была преопасная, и удивительно, какъ это она выздоровѣла.

Когда епископъ Адрианъ Ритматтеръ узналъ, что я думаю выбраться изъ Валлиса, то послалъ ко мнѣ одного близкаго своего родственника съ предложеніемъ — не хочу ли я поселиться поближе къ нему, въ Зиттенѣ: тамъ бы школу открывъ, и доходу бы сталъ получать вдоволь. Я поблагодарилъ его преосвященство и просилъ у него позволенія позаняться еще нѣсколько лѣтъ, такъ какъ и молодъ еще очень, и малосвѣдущъ. Онъ только погрозилъ мнѣ пальцемъ и говорить: «Ахъ Платтеръ, Платтеръ! ну какже это ты? вѣдь ужъ ты въ лѣтахъ, и учился довольно: должно-быть у тебя другое чтó въ головѣ. Ну смотри, когда мы тебя послѣ еще станемъ звать, такъ ужъ прошу не отговариваться; для тебя же вѣдь для самого лучше на родинѣ служить, чѣмъ на сторонѣ гдѣ-нибудь.»

Мы съ женой отправились, взяли съ собой двѣнадцать-тринадцать золотыхъ, да изъ мебели кой-что захватили. Колыбель съ малюткой я уложилъ въ плетенку, которую таскалъ на спинѣ, а позади шла жена, какъ теленокъ за коровой.

Пришли мы въ Базель и я поступилъ въ провизоры къ доктору Опорнвусу. Жалованья мнѣ положили сорокъ ливровъ; до меня рѣшительно никто не получалъ эдакаго большого жалованья. За одну квартиру мы платили десять ливровъ; все было страшно дорого: четверть муки пшеничной напрімѣръ стояла шесть ливровъ, мѣрка вина восемь рапповъ (два гроша), потомучто тогда былъ голодъ, но къ-счастью недолго продолжался. Купилъ на базарѣ боченокъ вина и притащилъ его домой на плечахъ; сколько бывало спору изъ-за

этого вина у насъ выходило. У насъ всего-навсе одинъ стаканъ и былъ; вотъ я и говорю женѣ:

— На-ка, жена, пей: вѣдь тебѣ ребенка кормить надо.

А она говорить:

— Нѣтъ, ты пей: тебѣ вѣдь работать надо, а тамъ и школа у тебя на рукахъ будетъ.

Послѣ впрочемъ одинъ нашъ пріятель подарилъ намъ другой стаканъ, немножко побольше, на манеръ сапога сдѣланъ. Мебели правда лишней у насъ не было, ну да слава-богу хоть хлѣбъ-то съ виномъ никогда не переводились.

Изъ Базеля я отправился съ однимъ знакомымъ мнѣ докторомъ Джіованни Эпифаніусомъ, изъ Венеціи; онъ ѣхалъ въ Порантрию, ко двору епископа Филипа Гундельсгейма; вотъ этотъ-то докторъ и взялъ насъ къ себѣ обоихъ, и меня и жену. Дочка у насъ ужъ было и ходить начинала, да вдругъ заболѣла чумой, и на третьи сутки померла. Послѣ того Анни стала такая грустная, что докторша стала опасаться, чтобъ бѣдняжка сама бы не заразилась, и просила увезти ее куда-нибудь. Я и увезъ ее въ Цюрихъ. Возвращаюсь обратно, вижу — мой докторъ дотогу пьянъ, дотогу пьянъ, что спрашиваетъ меня, съ какой это стати я ушолъ отъ нихъ? а позабылъ, что самъ же еще просилъ насъ уѣзжать поскорѣе. Онъ сообщилъ мнѣ, что я у него тоже жена слегла въ постель, что съ ней чума. Послѣ того онъ пошелъ къ епископу обѣдать, и во время обѣда пилъ сколько душѣ угодно; оттуда зашелъ въ погребокъ и приказалъ принести къ себѣ на-домъ еще вина, такъ что гулялъ вплоть до полуночи. Епископъ впрочемъ любилъ его и глубоко уважалъ, потомучто Эпифаніусъ человекъ былъ весьма ученый. На другой день и его взяла чума, но ему хотѣлось вочто бы то вистало уѣхать изъ Порантрии къ епископу, который на ту пору былъ въ Делемонѣ. Пріѣхали мы въ Делемонъ; насъ было нехотѣли и пропустить, и не пустили бы, еслибъ епископъ не далъ на то разрѣшенія. Онъ усадилъ насъ за ужинъ, докторъ сѣлъ съ нимъ рядомъ; епископъ видитъ, что докторъ ничего не ѣстъ, и говоритъ ему:

— Что это съ вами? вы какъ-будто не въ духѣ сегодня.

Докторъ отвѣчалъ, что въ дорогѣ вспотѣлъ сильно и напился холодной воды, и оттого чувствуетъ себя что-то несовѣсьмъ хорошо. Утромъ на другой день епископъ уѣхалъ на охоту. Возвратясь, онъ послалъ за мной и спрашиваетъ, не отъ чумы ли померла у меня дочь, и докторша тоже не чумой ли больна? Да, говорю. Епископъ мнѣ и говоритъ:

— Съ какой же стати докторъ еще сюда пріѣхалъ? Чего добраго, ужъ и съ нимъ не чума ли?

— Незнаю, говорю я: — онъ мнѣ про это ничего не говорилъ.

Несмотря на то, епископъ велѣлъ какъ можно скорѣе увезти его. Ужъ я рыскалъ—рыскалъ по всей деревнѣ, куда бы помѣстить моего доктора; наконецъ нашолъ ночлегъ у какой-то содержательницы постоялаго двора. Докторъ мнѣ и говорить:

— Вотъ что Томасъ: ты бы сбѣгалъ къ женѣ да сказалъ ей, что коли хочеть видѣть меня еще въ живыхъ, такъ шла бы поскорѣе.

Бѣгу со всѣхъ ногъ къ докторшѣ; та ужасно забѣсилась.

— Ахъ онъ подлець эдакой! кричала она: — какъ я была больна, онъ отъ меня сейчасъ же и бѣжать! А теперь я къ нему шла! Нѣтъ, нѣтъ! и видѣть его не хочу!

А въ самое это время епископъ принуждалъ доктора ѣхать въ Мутъ; тотъ было поѣхалъ, да на дорогѣ и слетѣлъ съ лошади. Дѣло въ томъ, что содержатель постоялаго двора былъ въ Делемонѣ; онъ должно-быть узналъ чѣмъ боленъ докторъ, и велѣлъ намъ убираться середь ночи; я долго его уговаривалъ, и наконецъ онъ согласился, позволилъ намъ остаться до утра. Въ нашей комнатѣ остановился еще другой пасторъ, и на завтра ему надо было говорить проповѣдь. Я просто умолялъ его упробить прихожанъ, чтобъ они хоть какой-нибудь уголокъ отвели, гдѣ бы доктору можно было умереть спокойно, хоть бы избушку чтоли какую заброшеную, или свинной хлѣвъ. Нѣтъ, наотрѣзъ отказали. Ходилъ-ходилъ я изъ дома въ домъ, просилъ чтобъ только уголокъ дали хоть бы въ конюшнѣ, лишь было бы гдѣ помереть доктору, потомучто я ужъ очень хорошо видѣлъ, что долго ему не прожить. Наконецъ сыскалъ я одну женщину, родить собиралась. Я и рассказываю въ чемъ дѣло; она заплакала и такая въ ней жалость явилась, что обѣщала принять къ себѣ доктора. Мнѣ пришлось еще отдать полфлорина бабѣ какой-то, чтобъ только она помогла мнѣ перенести доктора, хоть гостинница и всего-то въ нѣсколькихъ шагахъ была. Мужики собрались по обѣ стороны посмотрѣть какъ мы поидемъ, и я попрекнулъ ихъ, какъ-де вамъ не грѣхъ и не стыдно! Передъ домомъ женщина поставила стулъ, на него мы и усадили доктора; потомъ она немного супцу ему налила и поцѣловала его въ губы: изъ себя онъ былъ видный такой мужчина и одѣтъ съ иголочки. Отвели мы его въ небольшую комнаточку, гдѣ постель была приготовлена. Тутъ она оставила меня одного съ нимъ, поцѣловавъ его передъ уходомъ еще разъ. Докторъ и говорить мнѣ, такимъ слабымъ голосомъ, что чуть-чуть и разслышалъ:

— Въ Базель ступай, въ Базель.

Я было сказалъ, что даскать визачто васъ не оставляю; онъ разсердился и далъ мнѣ понять, что лучше будетъ послушаться.

Снялъ съ шеи шнурокъ, на которомъ висѣло два-три колечка да еще зубчистка изъ червоннаго золота; взялъ еще перстень и печатку, которые онъ носилъ на большомъ пальцѣ, сказалъ, чтобы я шолъ въ Базель и все это отдалъ его женѣ, «да только, говорить, какъ можно скорѣе», — потому что онъ боялся — пожалуй какъ помретъ, меня и не выпустятъ изъ Делемона, да еще того и гляди отнимутъ вещи. Я сказалъ хозяйкѣ, что молъ сейчасъ вернусь; но я зналъ, что докторскаго платья достанетъ на расплату, потому я ушолъ поскорѣе. Послѣ узнаю, что бѣдный докторъ померъ на другой день послѣ моего ухода и съ честью былъ похороненъ въ Мутье... (1)

. . . . .

---

(1) Автобіографія продолжается, но студенческой жизни на этомъ мѣстѣ конецъ: начинается жизнь гражданина. Томасъ Платтеръ поселяется въ Базель, читаетъ греческій и еврейскій языки, и въ тоже время заводитъ типографію въ компаніи съ Опоринусомъ и еще двумя другими. Но эта первая попытка не удается; компанія разстроивается. Платтеръ остается одинъ; его дѣла идутъ что-называется въ гору, онъ обзаводится домкомъ, покупаетъ землю. Это было въ ту пору, когда онъ отпечаталъ «Уставъ» Кальвина. Сына своего Феликса, того самаго, къ которому онъ обращается въ началѣ своихъ записокъ, посылаетъ въ Монпелье учиться медицинѣ. По окончаніи курса онъ его женить на дочери одного изъ членовъ городского совѣта.

Одновѣкъ на семьдесятъ-второмъ году отроду, Томасъ Платтеръ въ томъ же году женился снова, и отъ этой жены имѣлъ еще пятерыхъ дѣтей. Умеръ восьмидесяти-двухъ лѣтъ, вслѣдствіе ушиба — какъ пишетъ сынъ, но разумѣется и преклонныя лѣта имѣли на его смерть свою долю вліянія. Мишель Монтень въ своей «Поѣздкѣ въ Италію» сообщаетъ много извѣстій о Феликсѣ Платтерѣ, у котораго домъ въ Базелѣ былъ расписанъ и разукрашенъ лучше всѣхъ домовъ въ городѣ. Онъ не можетъ вдоволь нахвалиться обширнымъ умомъ и познаніями Ф. Платтера, у котораго ему впервые удалось видѣть гербарій и богатую коллекцію анатомическихъ препаратовъ, отлично сохранившихся. Феликсъ Платтеръ тоже оставилъ намъ послѣ себя автобіографію, и тоже на швейцарскомъ нарѣчій, въ которой встрѣчается множество преинтересныхъ рассказовъ, особенно о томъ, что довелось ему видѣть въ Монпелье, гдѣ между прочимъ онъ, протестантъ, присутствовалъ при казни протестантовъ-французовъ, которыхъ сжигали живыхъ, между тѣмъ какъ студенты другихъ націй пользовались полной свободой вѣроисповѣданія.

ГУСТАВЪ ВЕРНЕРЪ И ЕГО ДОМЪ БРАТСТВА ВЪ РЕЙТЛИНГЕНЪ

Густавъ Вернеръ принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ людей, вся жизнь которыхъ посвящается исключительно на служеніе немущимъ, нуждающимся въ помощи ближнимъ своимъ. Плодомъ дѣятельности этого человѣка явился въ Рейтлингенѣ — *домъ братства*, который въ свою очередь породилъ множество отдѣльныхъ заведеній въ другихъ мѣстахъ.

Въ одно прекрасное утро, часовъ такъ около восьми, отправился я съ рейтлингенской станціи къ дому братства. Пройдя мимо цѣлага ряда кожевенныхъ заводовъ и перешедши по маленькому мостику черезъ Эхацъ, я очутился передъ главнымъ фасадомъ огромнаго трехъ-этажнаго зданія, которое служило помѣщеніемъ для бумажной фабрики дома братства. Въ настоящее время зданіе это снаружи доволно невзрачно, потомучто ему предстоитъ передѣлка, прежде чѣмъ оно будетъ передано, по новому назначенію, подъ механическія мастерскія. Направо отъ этого зданія, нѣсколько назадъ, находился двухъ-этажный такъ-называемый *матушкинъ домъ*. На одномъ планѣ съ послѣднимъ, но по другую сторону огромнаго двора, стояли экономическія и скотныя зданія, пока еще недостаточныя для такого хозяйства, которое имѣетъ въ своемъ владѣніи до ста моргеновъ земли (1). Отдѣльно стоялъ выстроенный изъ кирпича домъ, служащій для богадѣльни и называвшійся *божьєю помощью*. За всѣми этими зданіями тянулись цѣлые ряды различныхъ строеній: паровая кухня, машинная фабрика, чугунно и мѣдно-литейные заводы, слесарня, мастерскія для различныхъ столярныхъ работъ, акипажныя мастерскія, гравировальни, угольные и дроваые магазины и проч., и все это на пространствѣ какихъ-нибудь пяти моргеновъ.

Вернеръ стоялъ на серединѣ двора и разговаривалъ съ однимъ изъ работниковъ. Одѣтъ онъ былъ подомашнему и очень просто.

(1) Моргенъ въ Виртембергѣ немного болѣе $\frac{1}{4}$ нашей десятины.

Ростомъ онъ высокъ. Станъ его немного сухощавъ. Держится онъ прямо, только голову посить всегда немного наклоненную впередъ. На открытомъ лбѣ его видны были слѣды глубокихъ думъ, трудовъ и заботъ. Впадшія щеки его загорѣли отъ солнца: сѣдина пробивалась сквозь темные волосы; на губахъ его играла дружественная улыбка; въ глазахъ свѣтилась необыкновенная кротость, замѣняемая по временамъ пытливымъ, внимательнымъ взглядомъ на какой-нибудь вблизи стоящій предметъ. Я представился Вернеру, и наше давнишнее знакомство, при его радушномъ приемѣ, скоро было постарому восстановлено, а затѣмъ мнѣ удалось осмотрѣть, подъ личнымъ его руководствомъ, всѣ отдѣльныя зданія этого заведенія, про которое я тамъ много слышался. Прежде всего мы отправились на бумажную фабрику, гдѣ ежедневно готовится до 14—15 центнеровъ прекрасной печатной бумаги. При фабрикѣ этой состоятъ до двадцати рабочихъ, сибняющихъ другъ друга черезъ каждые двѣнадцать часовъ. Кромѣ того къ ней принадлежать еще до ста дѣвушекъ, занимающихся сортированіемъ и разрываніемъ тряпокъ, служащихъ матерьяломъ для приготовленія бумаги. Потомъ мы постепенно осмотрѣли: «матушкинъ домъ» съ его конторами (10), швальной (40), саножной и башмачной (36—40 лицъ) и проч.; экономическія строенія со скотнымъ дворомъ для тридцати шести штукъ рогатаго скота и для десяти лошадей; «божью помощь», заключающую въ себѣ: 1) учебныя комнаты для 130—140 мальчиковъ и дѣвочекъ, которые раздѣлялись на три класса, 2) верхнюю и нижнюю столовыя, 3) собственныя комнаты Вернера, которыя впрочемъ, какъ казалось, гораздо менѣе ему принадлежали, чѣмъ всей братской общинѣ; и наконецъ 4) спальни для мальчиковъ (спальни дѣвочекъ находились въ старомъ домѣ); машинныя мастерскія, гдѣ находятся до ста работниковъ и учениковъ, которые почти всѣ принадлежать къ дому братства. Въ число учениковъ могутъ вступать также мальчики, неприналежащіе къ заведенію. Они въ продолженіи года считаются на испытаніи, послѣ чего начинаютъ четырехлѣтнее ученіе, по окончаніи котораго предоставляется ихъ доброй волѣ — оставаться въ заведеніи или уходить изъ него.

По осмотрѣ всѣхъ этихъ заведеній отправились мы въ такъ называемую *корону*, съ 50 жильцами. Здѣсь находятся: серебряныхъ дѣлъ мастерскія, доставляющія въ торговлю большое количество кольчужныхъ цѣпочекъ, столовыхъ сервизовъ, готоваленъ и проч.; мастерскія для вязанья, тканья и плетенія различныхъ вещей изъ шолка, бумаги и шерсти; магазинъ для продажи, торговая контора и экспедиціонное заведеніе, посылающее своихъ агентовъ

не только по Виртембергу, но и въ Швейцарію и въ прирейнскія страны. Эти агенты ежегодно сбываютъ произведеній дома братства на сумму отъ 50 до 60 тысячъ гульденовъ. Далѣе находятся въ коронѣ магазны для склада всѣхъ произведеній какъ дома братства, такъ и принадлежащихъ ему отдѣльныхъ учреждений въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь же хранятся запасъ сырыхъ матерьяловъ. Для совершенія церковнаго богослуженія находится въ «коронѣ» особое помѣщеніе.

Въ такъ-называемомъ *вернеремъ домѣ* на каналѣ, близъ сада съ съ фруктовой плантаціею (въ первоначальномъ имѣніи Вернера), устроена ткацкая для лентъ, тесемокъ и проч. Открыта она была четыре года тому назадъ только съ однимъ станкомъ, а нынѣ увеличилась уже до семнадцати станковъ, которые всѣ въ ходу. Работаютъ на нихъ мальчики. Нѣсколько другихъ мальчиковъ и семь женщинъ и дѣвушекъ занимаются наматываніемъ тесемокъ на катушки. Наконецъ мы окончили нашъ осмотръ посѣщеніемъ самаго отдаленнаго отдѣленія дома братства, находящагося на четверть часа ходьбы отъ Рейтлингена въ такъ-называемой липовой лощинѣ. Это была водяная мельница о пяти жерновахъ и съ тремя голландерами. Вернеръ хочетъ ее перестроить и простое устройство ея замѣнить другимъ, болѣе искусственнымъ, которое по расчету его должно будетъ приносить болѣе выгоды. Сюда же онъ хочетъ перевести механическую ткацкую съ прядильной, находящіяся нынѣ въ Гамау, такъ какъ тамъ онѣ не представляютъ большой выгоды.

Послѣ общаго обѣда въ братской столовой Вернеръ отправился въ контору, а оттуда въ мастерскія; тѣмъ временемъ я, въ размышленіяхъ о томъ, что видѣлъ да слышалъ, прогулялся еще разъ по различнымъ рабочимъ заламъ, причѣмъ конечно расширявалъ то объ одномъ, то о другомъ предметѣ. Повсюду получалъ я отвѣты и объясненія, полныя любезности и предупредительности.

Въ 6½ часовъ вечера мы съ Вернеромъ отправились на станцію желѣзной дороги: ему также нужно было ѣхать въ Кархгеймъ, гдѣ его ждали сегодня, чтобъ онъ говорилъ тамъ проповѣдь. Изъ Кархгейма онъ намѣревался прибыть къ 11 часамъ въ Оберезингенъ, для совѣщанія съ тамошнею общиною, а оттуда уже утромъ воротиться въ Рейтлингенъ. Проведя еще цѣлый часъ въ дружескомъ разговорѣ, мы разстались съ Вернеромъ на станціи въ Бейзингенъ, гдѣ его уже ожидалъ экипажъ. Обмѣнявшись съ кучеромъ братскимъ привѣтомъ, сѣлъ Вернеръ въ коляску, — лошади тронулись и вскорѣ исчезли отъ моихъ глазъ.

Густавъ Вернеръ, сынъ бывшаго впоследствии директора финан-

совой палаты фонтъ-Вернера, родился въ Рейтлингенѣ въ 1809 году. По окончаніи обычнаго курса, сначала въ одной изъ виртембергскихъ семинарій, а потомъ въ тюбингенскомъ университетѣ, онъ состоялъ съ 1832 до 1834 года учителемъ въ одномъ частномъ пансіонѣ въ Страсбургѣ. Вернувшись въ послѣднемъ году на родину и пробывъ недолгое время въ родительскомъ домѣ, онъ вступилъ въ должность пастора въ Вальддорфѣ, въ тюбингенскомъ судебномъ округѣ, гдѣ нашолъ богатое поле для своей дѣятельности.

При исполненіи обязанностей по своему званію, Вернеръ началъ замышлять о большемъ расширеніи круга для своего человѣколюбія и вскорѣ напюль себѣ положительную цѣль. Не минулъ даже еще самый этотъ 1834 годъ, какъ Вернеръ уже основалъ техническую школу съ классомъ для маленькихъ дѣтей, при помощи пожертвованій отъ тамошней и сосѣдственныхъ общинъ. Увидя же однажды шесть что-называется круглыхъ сиротъ-малютокъ, въ Вернерѣ родилась рѣшительная мысль объ основаніи спасительнаго заведенія для безпріютныхъ дѣтей и тутъ же положить ему начало, принявъ къ себѣ этихъ шесть сиротокъ. Состоявшая при школѣ учительница женскихъ работъ, хотя до того времени незнавшая и непонимавшая ничего кромѣ своей иголки, не отказалась однакоже быть ему полезною помощницею, въ особенности относительно домашнего хозяйства. Выѣстъ съ тѣмъ жертвованія въ пользу заведенія стали чаще и богаче. Правда, что вначалѣ помѣщеніе и устройство оказались еще слишкомъ бѣдными и стѣсненными, однако въ 1838 году Вернеръ, къ радости своей, увидѣлъ число Богомъ врученныхъ ему дѣтей возросшимъ уже до десяти.

Но для столь дѣятельнаго ума, для сердца, столь исполненнаго христіанской любви, уединенное сельцо Вальддорфъ показалось слишкомъ еще малымъ поприщемъ, а такъ какъ къ этому обстоятельству присоединились еще другія положительныя причины, то онъ отказался отъ своего викарства въ Вальддорфѣ и переселился 14 февраля 1840 года въ Рейтлингенъ со всѣмъ своимъ приютомъ, состоящимъ изъ десяти сиротъ и упомянутой технической учительницы, которая тѣмъ временемъ успѣла сдѣлаться хорошою, практичною домохозяйкою. (Она и впослѣдствіи оставалась вѣрною принятымъ на себя обязанностямъ до самой смерти своей, воспослѣдовавшей лѣтъ шесть тому назадъ.) Безъ собственнаго состоянія, и при мѣнѣ чѣмъ умѣренномъ домашнемъ устройствѣ, еле-еле хватавшемъ на самыя крайнія нужды, Вернеръ тогда не былъ даже снабженъ съѣстными припасами болѣе какъ на одинъ только мѣсяць. Проповѣди, которыя онъ говорилъ по воскреснымъ днямъ, возбудили однакоже сочувствіе въ жителяхъ Рейтлингена, такъ что нѣсколько

дѣвицъ составили родъ общества, обязавшагося каждонедѣльно посвящать по извѣстному числу часовъ на руководѣльныя работы въ пользу вернерова пріюта. Доходъ съ этихъ работъ далъ возможность купить двухъ коровъ и нанять большое пространство пахатной земли, обработка которой отнынѣ сдѣлалась побочнымъ занятіемъ воспитанниковъ. Къ идеѣ Вернера о домашней дѣятельности присоединился еще принципъ, что подобные пріютные дома должны преимущественно сами собою поддерживаться.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Вернеръ не переставалъ продолжать свои воскресныя проповѣди, и вскорѣ слово его стало раздвигаться также и въ окрестныхъ селахъ, даже въ довольно отдаленныхъ, — гдѣ только общины изъявляли желаніе его слышать. Королевская консисторія однакоже нашла поводъ, еще въ 1841 году, потребовать отъ необычнаго кандидата пасторскаго званія объясненія насчетъ его отношеній къ господствующей церкви. Вернеръ отвѣчалъ, что онъ поставилъ себѣ задачу: въ духѣ и пониманіи св. Іоанна евангелиста стремиться къ распространенію христіанской вѣры, основанной на любви и получающей именно изъ послѣдней свою жизнь и свое развитіе; что впрочемъ онъ полагаетъ себя точно также въ нѣдрахъ евангелической церкви, какъ и въ то время, когда духовное начальство довѣряло ему дѣйствительное званіе священнослужителя. Пока еще консисторія удовлетворялась этимъ объясненіемъ; но въ 1850 году она послала Вернеру новый запросъ. На этотъ разъ Вернеръ отвѣчалъ просьбою освободить его отъ обязательнаго руководства символическими книгами, вслѣдствіе чего онъ былъ въ 1851 году исключенъ изъ списка кандидатовъ на пасторское званіе.

1848 годъ, который, производя такое сильное броженіе умовъ, вызвалъ на первый планъ и установилъ немалое число социальнo-жизнейскихъ вопросовъ, доставилъ и Вернеру много такого, надъ чѣмъ было-таки работы его спекулятивному уму. Идеи свои, выработанныя въ это время, онъ осуществилъ во вторую эпоху своей дѣятельности. На фабричную промышленность, принимавшую все большіе и большіе размѣры и такъ вредно дѣйствующую на нравственность рабочаго сословія, Вернеръ смотрѣлъ съ одной стороны какъ на великую опасность для человѣческаго общества, а съ другой — какъ на единственное средство для излеченія болѣзненнаго состоянія его. Товарищество (ассоціація) въ работахъ — вотъ онъ, этотъ лозунгъ нашего времени, и важнѣйшая задача новой эпохи состоитъ въ томъ, чтобы найти для этого товарищества такую форму, которая удовлетворяла бы всѣмъ потребностямъ какъ всего общества, такъ и каждой отдѣльной личности.

И все болѣе и болѣе преслѣдовала Вернера идея объ основаніи промышленности и ассоціаціи въ совершенно и исключительно христіанскомъ духѣ, пока наконецъ послѣ долгой борьбы мысль эта въ немъ не сложила положительно. Къ осуществленію же этой идеи Вернеръ тѣмъ болѣе чувствовалъ влеченіе, что у него было единственное желаніе — во первыхъ умножить экономическія средства своего заведенія, вовторыхъ имѣть возможность дальнѣйшаго бдительнаго присмотра за своими воспитанниками, уже приближавшимися къ 14—18-лѣтнему возрасту, и нравственность которыхъ, пока находящаяся еще въ неприкосновенной чистотѣ, тамъ, за стѣнами пріюта, среди искушеній испорченныхъ собратовъ ихъ по словію, безъ руководства опытнаго наставника легко могла подвергнуться безвозвратному паденію. Убѣжденіе въ дѣйствительной пользѣ и въ удобоисполнимости своей идеи уничтожило наконецъ всякую нерѣшительность въ душѣ Вернера, слѣдствіемъ чего было въ 1850 году приобрѣтеніе бумажной фабрики въ Рейтлингенѣ за 40,000 Флоринтовъ.

Постоянно совѣтуясь съ опытными людьми, Вернеръ съ молодыми своими воспитанниками прилежно принялся за дѣло, и въ маѣ мѣсяцѣ 1851 года было открыто новое фабричное производство.

Въ слѣдующемъ году онъ основалъ заемное общество, въ которомъ каждый могъ участвовать большимъ или меньшимъ вкладомъ. Однакоже все это болѣе или менѣе было только раздробленной дѣятельностью. Вслѣдствіе застоевъ въ промышленности, неурожаевъ, сильнаго града и т. п., почти всѣ жители села Флюорна обанкротились, причемъ на обѣдѣвшую общину выпала еще обязанность попеченія о семидесяти дѣтяхъ или около того. Мѣстное начальство, при всей своей готовности пособить этому горю, не знало ни что совѣтовать, ни что предпринять. Тогда Вернеръ явился на помощь и перевезъ двадцать изъ числа этихъ несчастныхъ дѣтей въ Рейтлингенъ, помѣстивъ ихъ отчасти въ собственномъ заведеніи, отчасти въ семействахъ своихъ друзей. Тогдашній судья оберидорфскаго судебнаго округа, Геймъ, хлопотавшій съ особеннымъ самоотверженіемъ о флюорнской общинѣ, уговаривалъ Вернера купить мельницу, назначенную къ аукціонной продажѣ, съ сорока моргенами земли, и учредить тамъ какое-нибудь промышленное заведеніе. Вернеръ убѣдился, что эта мѣстность болѣе удобна для полевого хозяйства, чѣмъ для фабричной промышленности, и при заключеніи купчей предложилъ общинѣ принять безмездно на свое попеченіе также и остальныхъ дѣтей, которыя покажутся помѣщались въ какомъ-то богоугодномъ заведеніи, а мельницу преобразовать въ

пріютъ для нихъ. Изъ главнаго заведенія были присланы сюда двое молодыхъ людей, и въ маѣ мѣсяцѣ 1853 года дѣти переведены въ новое ихъ жилище. Предпріятіе было крайне трудное: мельница въ разрушеніи, поля въ небрежности, дѣти въ физическомъ и нравственномъ запущеніи, средства для ихъ содержанія чрезвычайно малы. Но ничѣмъ не устрашима сила воли основателя и неусыпные труды превозмогли всѣ препятствія. При продолжительномъ общемъ пониженіи цѣнъ на недвижимыя имущества удалось постепенно увеличить это имѣніе до трехсотъ моргеновъ, а теперь, по учрежденіи въ немъ скотоводства, овцеводства, мучной мельницы, маслобойни, толчеи для костей и т. д., оно находится въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что даетъ богатый доходъ, и какъ Рейтлингенъ можетъ назваться промышленнымъ, такъ Флюорнъ земледѣльческимъ центральнымъ мѣстомъ заведеній Вернера, Флюорнскими съѣстными припасами, сохраняющимися въ Фрейденштаатскихъ магазинахъ, снабжаются не только всѣ вблизи лежащія второстепенныя пріютныя заведенія на Шварцвальдѣ (смотрители которыхъ въ каждый воскресный день, какъ для духовнаго укрѣпленія въ своихъ обязанностяхъ, такъ и для общихъ совѣщаній насчетъ экономическихъ и другихъ вопросовъ, собираются поочередно то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ), но эти припасы въ случаѣ надобности доставляются также и въ Рейтлингенъ, и даже дальше.

Промышленныя второстепенныя заведенія быстро умножались. Покупкою пріобрѣтались: въ одномъ мѣстѣ имѣніе, пользующееся водной системою, удобною для мельничныхъ поставовъ, въ другомъ — цѣлый рядъ зданій для устройства ситцовой фабрики (какъ въ Бенниггеймѣ съ тридцатью шестью станками), въ третьемъ существующая уже фабрика (какъ шерстяная и суковная фабрика въ Альтенштейгѣ). Сдѣлана предварительная покупка прекращеннаго химическаго завода въ Эдендорфѣ съ двадцатью зданіями и восемнадцатью моргенами полевой земли, и по сломкѣ нѣкоторыхъ ветхихъ домовъ, это имѣніе приведено въ надлежащее состояніе для учрежденія тамъ какой-нибудь новой промышленности; равнымъ образомъ пріобрѣтена въ собственность уединенная гостиница въ Вильгельмсглюкѣ, гдѣ преимущественно останавливаются только извозчики съ солью и горными продуктами. Кромѣ всего этого были еще учреждены: въ Гейльброшѣ дѣтскіи садъ и школа для мадевичихъ дѣтей въ пользу города; въ Штутгартѣ при складочномъ магазинѣ, лавкѣ и экспедиціонной конторѣ для триппа, еще заведеніе для работниковъ нанимающихся мѣста, бѣлошвейная школа (преимущественно для дѣвушекъ, выходящихъ изъ пріютовъ) и «вексельный банкъ для общества дома братства».

Во всѣхъ второстепенныхъ заведеніяхъ занимаются полевымъ хозяйствомъ и фабричною промышленностью, но отдавая притомъ преимущество одному изъ этихъ двухъ занятій. Работники, всѣ безъ исключенія, входятъ въ составъ общества. Дѣти, въ одномъ заведеніи обоого пола, въ другомъ либо мальчики, либо дѣвочки, обучаются наукамъ въ школахъ, участвуютъ въ полевыхъ работахъ (по убѣжденію основателя, работа на чистомъ воздухѣ — самое лучшее лекарство для болѣзненныхъ дѣтей) и занимаются тамбурною или вазальной работою. Всѣ фабричныя произведенія безъ различія отсылаются для продажи въ главное, рейтлингенское заведеніе.

Отъ различныхъ этихъ второстепенныхъ заведеній обратимся опять къ главному дому братства въ Рейтлингенѣ. Бумажная фабрика шла довольно успѣшно, но все-таки имѣла одинъ важный недостатокъ: именно не было достаточно воды для привода. Этому помогло приобрѣтеніе паровой машины, которая со всѣми расходами при покупкѣ ея обошлась въ 45,000 флоринновъ, а какъ заведеніе тотчасъ не могло располагать всей этой суммой, то за уплату поручались всѣ члены какъ самого общества, такъ и всей рейтлингенской общины. Съ тѣхъ норъ бумажная фабрика, при значительныхъ ей заказахъ, стала давать довольно удовлетворительную прибыль.

Поступленіе механика Шлаттера, изъ цюрихскаго кантона, въ члены общества дало поводъ къ учрежденію машиннаго завода, объемъ и дѣйствія котораго вскорѣ расширились. Затѣмъ послѣдовало устройство гравировальни, далѣе производство шерстяныхъ матерій, а также и войлоковъ для бумажной фабрики. Равнымъ образомъ въ промышленность заведенія поступили тесемочныя издѣлія. Изъ такого расширенія дѣятельности братскаго общества сама собою явилась необходимость завести мастерскія для различныхъ ремеслъ и работъ, неизбѣжныхъ въ домашнемъ обиходѣ. Такимъ образомъ явились однѣ за другими: швальня, сапожная и башмачная, столярная, кожаная, переплетная и другія, что вмѣстѣ съ тѣмъ доставило еще и средства готовить подрастающихъ молодыхъ людей къ такимъ занятіямъ, къ какимъ именно они чувствовали себя склонными по собственному призванію.

Между тѣмъ Вернеръ постоянно въ своихъ предпріятіяхъ все шолъ далѣе и далѣе. Онъ убѣдился, что бумажная фабрика, невзирая на всѣ сдѣланныя пожертвованія, все-таки не можетъ быть доведена до совершеннаго выгоднаго состоянія. Въ Лестингенѣ, лежащемъ отъ Рейтлингена на три часа ходьбы, можно было падѣяться на собраніе большого количества родниковой воды съ достаточною силою для машиннаго привода, такъ что оказалось весьма

возможнымъ, по переводѣ сюда бумажной фабрики, приять ей еще болѣе расширенный объемъ дѣйствій. Вслѣдствіе того Вернеръ безъ всякаго отлагательства тотчасъ же приступилъ къ исполненію этой мысли. По составленному плану предполагено было выстроить главное зданіе массивнымъ, трехъ-этажнымъ, длиною въ 300, а шириною въ 50 футовъ, и къ нему присоединить флигель немногимъ только меньше. Требующіеся для постройки камня нашлись въ самомъ мѣстѣ, а воды оказалось вполне достаточное количество для приведенія въ дѣйствіе 24 голландервъ и 2—3 машинъ. Всѣ необходимыя машины, аппараты и инструменты, всѣ слесарныя и столярныя произведенія могли быть изготовляемы въ рейтлингенскомъ заведеніи; но завѣсть тѣмъ требовался еще капиталъ въ 200,000 флориновъ. Когда постройка началась, Вернеръ еще не зналъ откуда онъ достанетъ денегъ на слѣдующіе даже дни, а между тѣмъ постройка шла себѣ впередъ да впередъ, конечно очень медленно и со многими остановками; но все-таки зданіе въ августѣ 1861 было покончено до самой крыши, и въ минувшемъ октябрѣ мѣсяцѣ предполагалось начать дѣйствія самой фабрики.

Отчетъ нашъ объ объемѣ выказавшейся нынѣ дѣятельности Вернера мы покончимъ слѣдующимъ спискомъ городковъ и селъ, гдѣ находятся многочисленныя его заведенія: Рейтлингенъ, Флюорнъ, Родтъ, Фрейденштадтъ, Алирбахъ, Геттельфингенъ, Шербахъ, Бюхенбергъ, Оберленгенгартъ, Штутгартъ, Оберензингенъ, Бинггеймъ, Шпильбергъ, Гейзипгенъ, Баллендорфъ, Гейльброннъ, Зальцбахъ, Вильгельмслокъ, Элендорфъ, Деттингенъ, Вейсбухъ, Алтештейгъ, всего 23 заведенія, съ пространствомъ земли до 2000 моргеновъ, съ 500 взрослыми и 800 воспитанниковъ отъ 2 до 20-лѣтняго возраста. Въ скоромъ времени къ нимъ присоединится, теперь уже можетъ-быть и присоединилось, селцо Вальдорфъ, и такимъ образомъ домъ, гдѣ вѣкогда бѣдный викарный пасторъ сдѣлалъ первый шагъ челоуѣколюбивой своей дѣятельности, снова поступить въ его распоряженіе.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Наслѣдство стараго года: задачи и «День». — Образчики его рѣчи и размышлений. — Официальное заявленіе. — Вопросъ о гласности сужденій мирового съѣзда и слухъ объ одномъ случайномъ послѣдствіи подобнаго вопроса. — Открытый мировой съѣздъ и его вліяніе. — Еще образчикъ недоверія. — Вопросъ о томъ, говорить ли правду. — Живописная группа. — Желанія, и надежды на ихъ исполнимость, основанныя на нашей измѣняемости. — Метаморфозы и смотръ знаменъ. — Извѣщеніе о предстоящихъ преобразованіяхъ. — Вкладчики въ пользу народнаго образованія. — Жалобы изъ Орла и утѣшеніе негодующимъ. — Проектъ «общаго поземельнаго банка». — Общества вспомошествованія: новгородскихъ чиновниковъ и московскихъ приказчиковъ. — Пушкинская стипендія. — Закрытіе петербургскаго университета. — Кончина Остроградскаго. — Подписка на памятникъ Никитину.

Много нерѣшенныхъ дѣлъ и вопросовъ оставилъ своему наслѣднику старый годъ. Чего стоитъ уже одно начало избавленія насъ отъ крѣпостнаго права! Говоримъ: начало, потому что дѣлъ окончательно рѣшенныхъ у насъ нѣтъ, — всѣ они въ производствѣ; но подвигъ прошлаго года состоитъ въ томъ, что актъ полнаго освобожденія онъ сдѣлалъ несомнѣннымъ; онъ сдѣлалъ это дѣло повому голу въ такомъ видѣ, что залежаться гдѣ-нибудь подъ сукномъ оно уже никакимъ образомъ не можетъ; онъ, положеніями 19 февраля, положилъ фундаментъ новому зданію, заготовилъ для него матерьялы, собралъ рабочія силы, и сооруженіе началось; въ старой стройкѣ, мѣшающей производству работъ, онъ распаталъ связи и отмѣтилъ се къ сносу; для новаго зданія начертилъ общій планъ, но нѣкоторыхъ деталей опредѣлить не успѣлъ, передавъ эту обязанность преемнику, въ видѣ нѣсколькихъ задачъ, надъ которыми надо подумать. Эти задачи уже доказываютъ, что его триста шестьдесятъ пять дней прошли не праздно и что не оставилъ онъ преемника

безъ послѣдства. Одно только дѣло можно бы пожалуй почестъ окончательно рѣшоннымъ за 1861 годъ: это — вопросъ о гласности, да и то вотъ макарьевскій мировой съѣздъ... Впрочемъ о макарьевскомъ мировомъ съѣздѣ скажемъ послѣ какъ-нибудь: не объ немъ же говорить въ прощальной рѣчи 1861 году!...

Поговоримъ лучше о газетѣ «День». Наша скорая, горячая, гордая своимъ внутреннимъ жаромъ, но необдуманная критика встрѣтила это изданіе площадною бранью, чуть не похоронила его въ самый день рожденія, даже придумала для него извѣстные отдѣленія... и ошиблась. «День» съ каждымъ номеромъ своимъ обращаетъ на себя все болѣе и болѣе вниманія. Мы намѣрены поговорить и поспорить съ нимъ въ особой статьѣ въ отдѣлѣ «критики», а теперь приведемъ нѣсколько образчиковъ его мнѣній, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ и очень кстати представляютъ тѣ задачи, которыя прошедшій годъ оставилъ для будущаго разрѣшенія, а также представляютъ то положеніе, въ которомъ нѣкоторыя дѣла сланы старымъ годовъ новому, т. е. до чего мы по этимъ дѣламъ додумались... Начнемъ съ того мѣста, гдѣ духъ нетерпимости, о чемъ мы уже говорили въ одной изъ статей нашихъ еще слышится въ этой газетѣ, но изъ-за него уже поднимается твердый голосъ, одушевленный здоровой мыслью. Это-то мѣсто, гдѣ говорится о нѣкоторыхъ доктринахъ, выработанныхъ и «отшлифованныхъ» по европейскимъ началамъ, доктринахъ, которыя, замкнувшись въ данной теоріи, не хотятъ признавать требованія жизни и духа, тѣхъ требованій, которыхъ не вмѣщаетъ въ себя ихъ отшлифованная теорія. Рѣчь такимъ образомъ идетъ въ защиту жизни, въ защиту живого народнаго духа.

«Какъ бы ни продолжали — заключаетъ одну изъ статей своихъ «День» — закупориваться отъ свѣжаго воздуха, вѣющаго отъ жизни, пробудившейся въ русскомъ народѣ, свѣжій воздухъ возьметъ свое: и вывѣтрить залежалыя, затхлыя, отвлеченныя доктрины. Остается надѣяться, что тѣ изъ нашихъ «жрецовъ науки», которые уже умиротворились и успокоились въ своемъ жреческомъ званіи, высвободятъ наконецъ сами науку на вольный божій свѣтъ, пустятъ свѣжій, вольный воздухъ въ свой душный и тѣсный храмъ, растворятъ настежь окна и двери; раздвинуть, если нужно, и самыя стѣны храма, и поймутъ, что только освободясь отъ всякаго духовнаго и умственаго рабства предъ послѣднимъ словомъ науки вообще и западной науки въ особенности, только признавъ за русскою народностью право на самостоятельную духовную и умственную дѣятельность, только проповѣдью духовной свободы, живого знанія и любвеобильной мысли — будутъ они въ состояніи направить къ плодотворной работѣ молодыя русскія силы.» («День» № 5)

Нельзя не согласиться, что въ этихъ словахъ больше фразъ, чѣмъ дѣла, но и въ этихъ фразахъ видно какое-то раздраженное, непріятное и *непрямое* отношеніе къ дѣйствительности. Все здѣсь, если хотите, правда. Кто не сочувствуетъ желанію дышать свѣжимъ воздухомъ, желанію освободиться отъ рабства даже предъ послѣднимъ словомъ науки? — потомучто послѣднее слово науки не всегда будетъ *послѣднимъ* словомъ... Впрочемъ рабство предъ послѣднимъ словомъ гораздо яснѣе можетъ быть въ примѣненіи къ той или другой доктринѣ; но свѣжій воздухъ!.. Люди просятъ и желаютъ свѣжаго воздуха, и что можетъ быть скромнѣе и законнѣе этого желанія? Они желаютъ его и ждуть отъ будущаго, отъ расчистки почвы, еще занятой кой-какимъ старымъ хламомъ и нужной для безпрепятственнаго возведенія новаго зданія.

Все это прекрасно, и мы первые сочувствуемъ этому; но вѣдь нельзя же одной строкой похерить то, что создала жизнь втеченіе полутора вѣка? Но переходимъ къ исчисленію задачъ, которыя прошедшій годъ, устами «Дня», передаетъ къ будущему разрѣшенію:

«Вопервыхъ вопросъ крестьявскій... О необходимости его развязки настоятельно свидѣтельствуетъ современное положеніе дѣлъ въ Россіи.

«Вовторыхъ вопросъ дворянскій... (разумѣется тѣсно связанный съ первымъ).

«Втретяхъ вопросъ объ отношеніяхъ государства къ правамъ самой жизни общественной, и дѣятельности государственной — къ самодеятельности общественной...

«Вчетвертыхъ вопросъ о свободѣ совѣсти и ея выраженіи въ словѣ...

«Впятыхъ вопросъ о народномъ образованіи. Народъ жаждетъ знанія; потребность грамоты проснулась въ немъ съ необъятною силою. Что въ состояніи предложить мы ему изъ нашего темнаго хаоса противорѣчивыхъ, невыработанныхъ доктринъ, теорій и отрывочныхъ понятій? Какихъ учителей дастъ ему среда, давно оторвавшаяся, чуждая ему по новымъ преданіямъ и по развитію? Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ:

«объ отношеніи нашего образованнаго общества и нашей положительной дѣятельности къ нашей народности и къ пробуждающейся дѣятельности самого народа. Здѣсь намъ грозятъ новое, страшное зло: *лженародности...*» («День» № 12).

О лженародности «День» общаетъ поговорить особо. Значитъ — что ни говорилось у насъ о ложно-понятой или совсѣмъ непонятой народности, — все это не то, что думаетъ «День». Вообще замѣтно, что порыванье его къ свѣжему воздуху такъ сильно, что

все кажется ему душашимъ, заслоняющимъ этотъ воздухъ, — въ томъ числѣ и наша литература: въ ней онъ слышитъ однѣ доктрины и теоріи, и изъ-за нихъ нисколько не слышитъ вѣянія свѣжаго воздуха. Всѣ литературные дѣятели, массою, рисуются предъ нимъ въ видѣ существъ, оторвавшихся отъ народа, непонимающихъ народа, неимѣющихъ понятія какъ приступить къ народу, и для него во всей этой массѣ уже нѣтъ никакого различія... Это немножко слишкомъ, это немножко смѣшно, но «День» въ самомъ дѣлѣ такъ думаетъ, что сейчасъ увидимъ, когда заговоритъ онъ о первомъ изъ предложенныхъ къ разрѣшенію вопросовъ.

«Совершаяся въ дѣйствительной, а не въ отвлеченной средѣ — начинаетъ «День» — охватывая съѣтъ своихъ могучихъ корней всѣ слои нашей исторической почвы, проникая во всѣ изгибы нашего общественнаго бытѣя, — онъ (крестьянскій вопросъ) тѣмъ неменше въ области тѣхъ отвлеченныхъ, досужныхъ, призрачныхъ интересовъ, которыми по большей части живетъ и пробавляется наше столичное общество, а съ нимъ и наша литература, — представляется какимъ-то жесткимъ ностороннимъ тѣломъ, упорно неразлагающимся, неуступающимъ никакимъ усилямъ химиковъ-теоретиковъ, неподающимъ даже и надежды составить съ прочими химическими ингредиентами какое-нибудь искусственное химическое третье. Въ немъ, въ этомъ крестьянскомъ вопросѣ, есть та грубость дѣйствительности, та дикость и сырость саморолка, полнаго внутренней органической силы, которая ставитъ въ неловкое къ нему отношеніе нашихъ прогресстовъ, доктринеровъ и либераловъ»...

«... не только въ крестьянскомъ, — во всякомъ дѣлѣ, касающемся нашего общественнаго бытѣя, являются и сталкиваются два начала, два созерцанія, двѣ точки отправленія и дѣйствованія: начало *бытовое* и начало, которое въ большей части случаевъ можетъ быть названо *юридическимъ*, начало вишняго, формальнаго права; оба разнаго происхожденія.

«Но нигдѣ, ни въ какомъ другомъ государственномъ вопросѣ эта противоположность двухъ точекъ зрѣнія — бытовой и юридической — не имѣетъ такой важности, какъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, по сло бытовому, земскому значенію. Здѣсь она немедленно отражается въ самой жизни, въ крестьянскомъ и дворянскомъ быту; здѣсь теорія сталкивается непосредственно съ упорнымъ бытомъ народа...

«Прежде всего представляется вопросъ: можетъ ли быть и могутъ ли требованія, органически изъ него вытекшія, нераздѣльно съ нимъ связанная, — быть подчинены началу юридическому, на которомъ основываются и держатся интересы помѣщичьяго сословія? Очевидно нѣтъ: вопервыхъ потому, что задачей всего совер-

шающагося переворота есть *улучшеніе*, а не искаженіе быта; вторыхъ потому, что положеніе 19 Февраля 1861 года признало, вопреки ученію иностранныхъ экономистовъ и юристовъ, законность бытового народнаго воззрѣнія, ограничивъ безусловное право собственности правомъ крестьянъ на вѣчное пользованіе; третьихъ потому, что при всей, достойной истинной похвалы, покорности нашего народа вѣшнему закону, все противорѣчащее требованіямъ его быта — неминуемо породить безобразіе...

«Затѣмъ представляется другой вопросъ: можетъ ли быть приписано въ жертву воззрѣніямъ народнымъ, можетъ ли быть отвергнуто то *право*, которое основывается на началѣ юридическомъ? Мы отвѣчаемъ положительно, что отвергнуть его нельзя безъ нарушенія справедливости, потому что оно уже само жило жизнью историческою, было признано законодательствомъ, выразилось законово вѣшнихъ явленіяхъ... Мы говоримъ не о самомъ началѣ, но о правѣ, возникшемъ изъ начала, однажды допущеннаго нашею общественною жизнью. Нарушеніе этого права привело бы къ разоренію цѣлаго сословія и пало бы всею своею тяжестью на невинныхъ, на тѣхъ, которые были вовсе непричастны первоначальному допущенію неправды и только унаслѣдовали положеніе, измѣнить которое сами были невластны. Слѣдовательно необходимо соблюсти всѣ требованія справедливости относительно *матерьяльныхъ* интересовъ помѣщичьяго сословія.

«Разрѣшается ли эта трудная задача современною дѣйствительностью? Едвали. Съ одной стороны крестьяне отказываются входить въ добровольныя соглашенія и продолжаютъ пребывать въ какомъ-то смутномъ ожиданіи, весьма невыгодномъ для нихъ самихъ и для всего государства въ отношеніи экономическомъ. Съ другой стороны помѣщики... Если многіе, предпочитая скорѣйшую развязку дѣла, охотно жертвуютъ и въ состояніи жертвовать значительною частью своихъ настоящихъ матерьяльныхъ выгодъ, то такого рода образъ дѣйствія для менѣе богатыхъ большею частью невозможенъ, да и нежелателенъ, потому что клонился бы къ ихъ разоренію.

«Итакъ, какимъ же образомъ выдти изъ этой дилеммы?..» («День» № 7).

Выходъ изъ этой дилеммы предлагается въ статьѣ г. Д. Самарина: *Уставная грамота*, помѣщенной вслѣдъ за вышеприведенными словами. Г. Самаринъ, для примиренія помѣщичьихъ интересовъ, основанныхъ на юридическомъ правѣ, съ бытовыми воззрѣніями народа, полагаетъ достаточнымъ, чтобы повинности или оброкъ за пользованіе землею, оставаясь въ томъ же размѣрѣ, пе-

рестали быть повинностями за пользованіе землею и вносились бы не помѣщику, а въ казну, какъ подать и вмѣстѣ съ податью; а помѣщики были бы вознаграждаемы изъ казны ежегодною рентою. Такимъ образомъ оброкъ, платимый крестьянами, проходитъ черезъ казну, такъ—сказать *измѣнился бы въ самомъ принципѣ*.

Редакція «Дня», невдаваясь сама въ обсужденіе мысли г. Самарина, изъявляетъ желаніе, чтобы принялъ это на себя другіе, разумѣется хорошо знакомые съ дѣломъ.

Слѣдуютъ потомъ размышленія по второму вопросу, тѣсно связанному съ первымъ, или лучше — неизбежно вытекающему изъ него :

«... *Крестьянское дѣло* есть въ тоже время и *дворянское дѣло* : оно въ равной степени затронуло интересы крестьянъ и помѣщиковъ, оно сдвинуло оба сословія съ ихъ вѣкового подножія... Дворянство на западѣ, въ обстоятельствахъ подобныхъ нашимъ, во все не задавало себѣ тѣхъ тревожныхъ вопросовъ о своей судьбѣ, какими смущается теперь дворянство у насъ въ Россіи. Почему же это такъ ?. Отчего могъ родиться вопросъ : что такое русское дворянство въ настоящее время ? И что же такое въ самомъ дѣлѣ теперь — русское дворянство ?»

Для разъясненія этого вопроса надо было заглянуть въ исторію, и исторія показала, что «люди въ Россіи дѣлились не столько по происхожденію, сколько по *наследственному роду занятій* ;» что народъ и дружина, *служилое* и *земское* сословіе — составляли главное дѣленіе населенія въ древней Руси, и въ основаніи этого дѣленія лежало то же начало, т. е. родъ занятій, а также и отношеніе ихъ къ государству ; что земля жила обычаемъ, подъ законамъ общиннаго быта и общиннаго поземельнаго владѣнія ; служилые люди не составляли общины, не знали общиннаго быта и общиннаго владѣнія : дѣятельность ихъ была личная, равно какъ и отношенія къ власти ; землю получала она отъ государя, за службу и вмѣсто жалованья, въ личное пользованіе и владѣніе, въ пожизненное или потомственное. Далѣе исторія указала на два событія, неславшія возрасти и укорениться сословному значенію служилыхъ людей : табель о рангахъ отняла у нихъ генеалогическій или аристократическій характеръ, открывъ къ нимъ доступъ лицамъ другихъ невпривилегированныхъ сословій, а указъ Петра III о вольности дворянства, предоставившій дворянамъ право *не служить*, отнялъ у сословія одинъ изъ его существеннѣйшихъ признаковъ. Другой (и послѣдній) существенный признакъ оставался въ своей силѣ до нашихъ временъ. Наконецъ «19-ое февраля 1861 года уничтожило на

вѣки вѣковъ крѣпостное право, а съ нимъ и существеннѣйшій признакъ дворянскаго достоинства, т. е. привилегію...»

«Распущенная дружина обращается домой, въ земство, и вноситъ въ него новые элементы. Въ земствѣ мы видимъ или скоро увидимъ два начала, двѣ бытовые стихіи: начало общины и начало личности, начало общиннаго поземельнаго владѣнія и начало личнаго поземельнаго владѣнія, общинниковъ-крестьянъ и личныхъ землевладѣльцевъ, большинство которыхъ едва ли не исключительно составляютъ нынѣшніе дворяне. Другихъ дѣленій намъ не предвидится.» («День» № 8)

«Дворянамъ необходимо (продолжаетъ «День» въ слѣдующемъ 9 №) опредѣлить себѣ самимъ, что они такое и чѣмъ могутъ быть, пристроить себя, отыскать себѣ почву и фундаментъ общественный.» Въ этой главной задачѣ, по мнѣнію «Дня», всѣ вопросы, разсужденія и соображенія преждевременны и не могутъ быть, даже въ теоріи, ни правильно постановлены, ни правильно разрѣшены... «Приписка дворянина, какъ дворянина, къ волости невозможна, или по крайней мѣрѣ будетъ явленіемъ насильственнымъ, искусственнымъ и нисколько не плодотворнымъ. Точно также бесполезно было бы *теперь* соединеніе выборныхъ отъ всѣхъ сословій для контроля земскихъ повинностей, пока еще не рѣшонъ самый вопросъ о сословіяхъ, пока крестьяне и помѣщики не развяжутся между собою, пока раздѣляютъ ихъ преданія о полноправности одного и безправія другого сословія.»

«Русскимъ дворянамъ (говорится далѣе) необходимо было бы въ первыхъ выикнуть въ историческій ходъ дворянскаго учрежденія и проникнуться сознаніемъ, что дальнѣйшее существованіе дворянскаго сословія, какъ сословія, на прежнихъ основаніяхъ, послѣ великаго дѣла 19 февраля 1861 года, невозможно; вовторыхъ отрѣшиться отъ прежнихъ воспоминаній, безплодныхъ сожалѣній и отъ всякаго духа сословной гордости и исключительности; въ третьихъ устранивъ всѣ перегородки, которыя отдѣляютъ его отъ народа какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ; въ четвертыхъ опредѣлять свои отношенія къ прочимъ сословіямъ... Таковы общія начала; ближайшею же заботою дворянства должно быть примѣненіе къ положенію 19 февраля устава о выборахъ и дворянской грамоты, т. е. III и IX т. Св. Зак. Необходимость такого примѣненія очевидна даже и при сохраненіи начала сословности: прежнее основаніе права голоса на дворянскихъ выборахъ лежало въ привилегіи крѣпостнаго права, въ извѣстномъ числѣ душъ, которыми владѣлъ помѣщикъ; но теперь это основаніе уже не можетъ имѣть никакой силы.»

Это послѣднее замѣчаніе повело къ вопросу о *цензѣ*, развитому въ 11 № «Дня». Вопросъ этотъ въ примѣненіи къ намъ совсѣмъ новый, и потому мы прослѣдимъ и высказаннымъ о немъ мыслямъ.

Начинается съ того, что «День» не видитъ вообще никакого нравственнаго основанія для идеи ценза. «Трудно понять, — говоритъ онъ, — почему человѣкъ, владѣющій сотнею десятинъ земли, признается болѣе способнымъ, болѣе разумнымъ, болѣе надѣленнымъ тѣми условіями, какія необходимы для полезнаго участія въ общественномъ дѣлѣ, чѣмъ человѣкъ, обладающій девяносто-девятью и девятью-десятью десятинами? Почему меньшинство «нимущихъ» имѣетъ право рѣшать участь громаднаго большинства «неимущихъ»? Почему это громадное большинство, составляющее то органическое ядро, которое хранитъ въ себѣ всемірно-историческую идею извѣстнаго народа, должно быть лишено голоса въ вопросахъ, непосредственно до него касающихся?..»

Затѣмъ разсматриваются два возраженія защитниковъ ценза. Первое то, что «нимущіе» болѣе заинтересованы въ сохраненіи твердаго порядка вещей, въ усовершенствованіи законодательства и вообще въ правильномъ развитіи гражданственности. Второе возраженіе состоитъ въ томъ, что считаютъ необходимымъ создать сильное замкнутое сословіе или увеличить силу *существующаго*, учрежденіемъ поземельнаго ценза, дающаго право вступить въ сословіе и исключющаго изъ него всѣхъ владѣющихъ землею въ меньшемъ размѣрѣ.

Въ первомъ возраженіи «День» видитъ ту мысль, что эгоизмъ, матерьяльный интересъ служатъ порукою въ томъ, что ничего противнаго видамъ этого эгоизма не будетъ предпринято, и весьма справедливо находятъ, что начало, лежащее въ основѣ этой мысли, кромѣ его безнравственности, непримѣнимо къ Россіи, потому что «у насъ (и такъ какъ въ Англіи или Франціи) нѣтъ «неимущихъ», за исключеніемъ самаго ничтожнаго числа; у насъ всѣ собственники или землевладѣльцы; у насъ немыслимъ крестьянинъ безъ земли; у насъ крестьянская община, какъ юридическое лицо, такой же землевладѣлецъ, какъ и любой помѣщикъ, и часто болѣе крупный, чѣмъ иной дворянинъ.»

Вмѣсто отвѣта на второе возраженіе предлагается вопросъ: какой же для созданія сильнаго сословія вы назначите цензъ — высокій или низкій? Если высокій, то, оказавъ нравственную несправедливость, «вы создадите *меньшинство*, сильное матерьяльнымъ богатствомъ только относительно, и совершенно безсильное предъ большинствомъ, у котораго останется громаднѣйшая масса богат-

ства ; и большинство, поставленное къ меньшинству въ непріязненное отношеніе, какъ непривилегированное къ привилегированному, будетъ своимъ центромъ тягости служить опорю всякому враждебному для меньшинства дѣйствію. Если же назначите низкій цензъ, то сдѣлаете приманку, которая будетъ только извлекать лучшія силы изъ большинства, а силы эти не пойдутъ въ прокъ меньшинству : сплываго-то сословія оно съ ними не образуетъ. Произойдетъ явленіе, подобное тому, которое представляетъ теперь низкая пошлина по третьей гильдіи для нашихъ мѣщанъ. Или — «такого рода цензъ могъ бы создать нѣчто вродѣ польской шляхты, — вредной общественной стихіи, неимѣющей ни той силы, какую даетъ аристократическое начало, ни силы, признаваемой въ себѣ массою простого народа.»

Всѣ вышеприведенныя мысли служили какбы предисловіемъ, предварительными соображеніями къ тому, что выражено положительно въ № 13 «Дня» (6 января). Здѣсь, по поводу открывшихся въ Москвѣ дворянскихъ выборовъ и по поводу напечатанной въ газетахъ рѣчи, произнесенной предъ открытіемъ такихъ же выборовъ въ Туль, — рѣчи, гдѣ приглашается дворянство къ соображеніямъ и предположеніямъ по пересмотру нынѣ дѣйствующаго устава о службѣ по выборамъ, а также по предмету устройства губернскихъ земскихъ повинностей, — редація «Дня» проектируетъ отвѣтъ, содержаніе котораго приводитъ здѣсь считаемъ излишнимъ, потому что въ № 10 «Сѣверной Почты», въ отдѣлѣ официальномъ, читаемъ слѣдующее :

«По поводу происшедшихъ въ разныхъ губерніяхъ дворянскихъ губернскихъ выборовъ, въ нѣкоторыхъ газетахъ напечатаны статьи, въ которыхъ обсуживаются вопросы о значеніи дворянства послѣ изданія положенія 19 февраля, и о тѣхъ предположеніяхъ, которыя по сему поводу могли бы быть представлены губернскими дворянскими собраніями на усмотрѣніе правительства. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ развивается мысль, что съ отмѣною крѣпостного права русское дворянство утратило отдѣльное значеніе въ ряду государственныхъ сословій и само должно заявить объ этой утратѣ. Подобныя статьи не выражаютъ мысли правительства, несогласны съ точнымъ смысломъ новыхъ узаконеній, и не соотвѣтствуютъ правильному развитію происходящихъ отъ нихъ послѣдствій. Высочайше-утвержденными положеніями 19 февраля только отмѣнено, согласно съ желаніемъ самого дворянства и при его содѣйствіи, крѣпостное право на дворовыхъ людей и на крестьянъ, водворенныхъ въ помещичьихъ имѣніяхъ. Русское дворянство, сохраняя преемственную память о своихъ подвигахъ на полѣ войны и на

вопреки гражданскихъ заслугъ, не могло и не можетъ признавать крѣпостного права кореннымъ условіемъ своего существованія. Оно приняло, согласно съ указаніями высочайшей воли государя императора, ревностное участіе въ дѣлѣ отиѣны этого права, и нынѣ конечно не забудетъ, что оно призвано не къ самоуничтоженію, но къ дальнѣйшему непосредственному участию, при введеніи въ дѣйствіе тѣхъ законоположеній, которыми означенное право навсегда отиѣнено.» •

Итакъ, поэтому всякое дальнѣйшее сужденіе о такъ названномъ выше «дворянскомъ вопросѣ», впредь до окончательнаго введенія въ дѣйствіе законоположеній 19 февраля, конечно не можетъ имѣть мѣста. Намъ остается только съ искреннимъ участіемъ слѣдить за дѣйствіями нашего дворянства по введеніи этихъ законоположеній.

Кстати: въ началѣ статьи мы упомянули о макарьевскомъ (нижегородской губерніи) мировомъ сѣздѣ. Чтобъ не забыть, расскажем это дѣло теперь же, извлекая рассказъ изъ журнала нижегородскаго губернскаго присутствія 13 сентября 1861 г.

На макарьевскомъ мировомъ сѣздѣ, въ селѣ Лысковѣ, двое изъ гг. членовъ сѣзда выразили мнѣніе, что въ присутствіи сѣзда бывають постороннія лица на основаніи 119 ст. Положенія о губ. и уѣздн. по крест. дѣл. учрежд.; но въ статьѣ этой говорится только, что имъ дозволяется быть въ присутствіи сѣзда при объявленіи рѣшенія; о томъ же, чтобъ они могли находиться при сужденіи и постановленіи рѣшеній — указанія въ статьѣ нѣтъ. Мировой сѣздъ представилъ это обстоятельство на разрѣшеніе губернскаго присутствія и при этомъ присовокупилъ, что «руководствуясь существующими въ отношеніи разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ узаконеніями, допустить постороннія лица находиться въ присутствіи сѣзда при сужденіи и рѣшеніи дѣлъ не слѣдовало бы, а тѣмъ болѣе при рѣшеніи дѣлъ помѣщичьихъ, потому что присутствіе постороннихъ лицъ въ этомъ случаѣ можетъ быть для гг. членовъ стѣснительнымъ.»

Губернское присутствіе, послѣ произволившагося диспута, большинствомъ голосовъ постановило: такъ какъ на основаніи ст. 117 Положенія о губерн. и уѣздн. по крест. дѣл. учрежд., разборъ дѣлъ въ уѣздныхъ мировыхъ сѣздахъ долженъ производиться примѣняясь къ порядку, установленному въ ст. 54—72, изъ которыхъ въ ст. 57 выражено, что при разборѣ дѣлъ, кромѣ истца, отвѣтчика и свидѣтелей, могутъ присутствовать и посторонніе, съ обязанностью сохранять тишину и порядокъ, — то увѣдомить макарьевскаго уѣзднаго предводителя дворянства, въ разъясненіе возбужденнаго имъ

вопроса, что на уѣздныхъ мировыхъ сѣздахъ могутъ присутствовать и посторонніе, съ обязанностью сохранять тишину и порядокъ.

Съ этимъ мнѣніемъ предсѣдателя и членовъ присутствія: гг. Арцыбашева, Драницына, Болтина и Жаловскаго не согласились члены: за губернскаго предводителя, нижегородскій уѣздный предводитель Остафьевъ, и по выбору отъ дворянъ Демидовъ, заявивъ, что ими будетъ доставлено особое по этому предмету мнѣніе.

Этотъ журналъ напечатанъ между прочимъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» (10 декабря № 275), съ нѣкоторыми размышленіями редакціи, удивляющейся, что предводитель дворянства не знаетъ положеній и пишетъ, что нѣтъ положительнаго закона, позволяющаго постороннимъ лицамъ присутствовать на мировыхъ сѣздахъ, тогда какъ этотъ законъ есть. Намъ напротивъ не удивляетъ не только одна изъ статей положенія, недосмотрѣнная предводителемъ, но даже и то, что гг. члены сѣзда находятъ присутствіе при ихъ сужденіяхъ постороннихъ лицъ для себя стѣснительнымъ; потому что даже и это можно объяснить — застѣнчивостью гг. членовъ: извѣстно, что произносить свое сужденіе вслухъ, какъ говорится на весь народъ, не всякому легко. Впрочемъ тутъ есть одно обстоятельство, которое несовсѣмъ подходитъ подъ наше объясненіе: отчего присутствіе постороннихъ считается *особенно* стѣснительнымъ при рѣшеніи дѣлъ помѣщичьихъ? Этого мы совсѣмъ не понимаемъ; тутъ должно быть что-нибудь или недоговорено, или переговорено.

Надо признаться, что мы забыли-было и № 275 «Инвалида», ж напечатанный въ немъ журналъ съ размышленіями; но какъ-то подулъ вѣтеръ съ той стороны, съ Волги, и на насъ пахнуло... не тѣмъ свѣжимъ воздухомъ, котораго проситъ «День», а затхлымъ запахомъ стараго строенія, остающагося еще въ видѣ неубрашнаго хлама на нашей общественной почвѣ. Молва, привнесенная этимъ вѣтромъ, вѣщаетъ, что жило-было одно служащее лицо, мировому сѣзду по службѣ непричастное, но постоянно посѣщавшее сѣзды въ качествѣ посторонняго зрителя, единственно изъ любознательности. Кому-то показалось, что лицо посѣщаетъ сѣзды недаромъ, а съ цѣлью выносить соръ изъ избы; на бѣду явилось въ газетахъ что-то вродѣ размышленій «Инвалида», и вотъ — приводятся въ движеніе особыя хитрыя пружины, которыя были весьма тщательно устроены въ нашемъ старомъ строеніи; отъ дѣйствія ихъ лицо, въ сущности и по увѣренію его непосредственнаго начальства, невиннѣйшее, является повиннымъ въ какомъ-то вредномъ вліяніи, и пружины приходятъ въ такое положеніе, что готовы взять за-

подозрѣнное лицо да и перенести его съ береговъ Волги на берега... Урала или другой какой-то рѣки.

Въ новомъ , только-что начатомъ зданіи такихъ пружинъ , которыя-бы могли всякое лицо , по одному безотчетному подозрѣнію , взять да и перенести , независимо отъ его желанія , съ береговъ одной рѣки на берега другой , — такихъ пружинъ въ новомъ зданіи по проекту не положено. Мировые съѣзды — учрежденія новыя , должествующія лечь , въ числѣ краугольныхъ камней , въ основаніе новаго зданія , и потому странно , что нашолся мировой съѣздъ , который тащитъ изъ стараго строенія ржавыя пружины ; точно также какъ странно , что макарьевскій мировой съѣздъ желаетъ руководствоваться узаконеніями , «существующими для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ въ *другихъ* присутственныхъ мѣстахъ» , старыхъ , т. е. давнымъ-давно учрежденныхъ , — тогда какъ для его руководства есть особыя , новыя , изданныя 19 февраля 1861 года узаконенія , соотвѣтствующія его назначенію !

Странно наконецъ : неужели мудроно понять , что все живое у насъ того только и желаетъ , того только и добивается , чтобы труды нашихъ общественныхъ дѣятелей , работающихъ какъ дѣломъ , такъ и словомъ , не крылись ни подъ какими пружинами , ни за какими закрытыми дверями ; чтобы массы , на которыя устремлены эти труды , не бродили въ потемкахъ , въ невѣдѣніи собственнаго положенія ; чтобы напротивъ , появивъ цѣли и направленіе общей работы , онѣ постепенно угнали и затушили въ себѣ то крайнее недовѣріе , которое такъ явно , такъ несомнѣнно обнаружили въ прошедшемъ году вновь-освобожденные массы и которымъ , сказать по правдѣ , одержимы не однѣ онѣ : мы всѣ недовѣраемъ , и намъ недовѣряютъ . Долго находясь подъ невидимымъ и неслышимымъ движеніемъ сложныхъ пружинъ , концы которыхъ терлись въ глубинѣ канцелярскихъ дѣлъ , мы всѣ какъ-будто потеряли способность къ откровенности , къ открытымъ дѣламъ и рѣчамъ , утратили тактъ , указующій что и въ какой степени откровенно можно сказать или сдѣлать . Оттого и такъ-называемая гласность , вновь провозглашенная и введенная въ употребленіе , долго не могла отыскать этого такта : она то являлась въ формѣ загадокъ , въ формѣ притчи о рабѣ лукавомъ , въ формѣ рассказовъ объ *мксѣ* , *миреклѣ* и *зетлѣ* , то , бросаясь въ другую крайность , при всемъ честномъ народѣ выворачивала наизнанку чью-нибудь душу , тыкала въ нее пальцемъ и громко произнося чипъ , шмя и фамилію пойманной жертвы . Всякій могъ замѣтить , что она постепенно приближалась къ этому такту и постепенно кругъ ея дѣятельности расширялся , по мѣрѣ того какъ недовѣріе въ нѣкоторыхъ сферахъ

слабѣло. Конечно, оно и теперь еще не ослабѣло окончательно, а потому и есть еще причины упрекать насъ въ недомолвахъ, порождающихъ верѣлко недоразумѣнїя, въ невыработкѣ разумно и честно-откровенной рѣчи; но уже изъ многого того, что говорили мы выше, можно понять, что разумная гласность все больше становится на твердую ногу, и въ этомъ отношенїи прошедшїй годъ не былъ совершенно безплоденъ.

Если напримѣръ обратиться еще разъ къ мировымъ сѣздамъ, то не всѣ они окажутся хватающимися за старыя пружины и желающими покрѣпче притворять за собой двери; даже можно сказать, что такіе *застѣпчивые* сѣзды выйдутъ довольно рѣдкими исключенїями. Вотъ расказъ г. Дм. Телепнева («Сѣв. Пч.» № 286):

«Костромской губерніи, кинешемскїй мировой сѣздъ напечаталъ извѣщенїе, что засѣданїя его въ продолженїе 1862 г. имѣютъ быть кажлаго мѣсяца 17 числа, въ 12 часовъ пополудни, въ г. Кинешмѣ, въ залѣ дворянскаго собранїя; при этомъ мировой сѣздъ объявилъ, что засѣданїя его публичны и открыты для всѣхъ сословїй, а потому всѣ желающїе могутъ присутствовать.

«Декабря 10 дня 1861 г. было у насъ первое открытое засѣданїе. Мировой сѣздъ предварительно, чрезъ волостныя правленїя, повѣстивъ всѣмъ желающимъ, что они могутъ присутствовать. Зага кинешемскаго дворянскаго собранїя обширна и роскошно отдѣлана; на концѣ ея, у портрета государя императора, поставленъ столъ для присутствїя. Въ разстоянїи шаговъ пяти отъ присутственнаго стола, поставлены стулья рядами; они были заняты публякою. Сидѣли рядомъ и дворяне, и крестьяне.

«Это былъ первый опытъ гласнаго дѣлопроизводства у насъ въ г. Кинешмѣ. Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ представилъ уставныя грамоты по имѣнїю г-жи Кондратьевой, имъ повѣренныя и найденныя правильными; но крестьяне подписью не утвердили ихъ. Призваны были къ столу крестьяне этого имѣнїя и повѣренный владѣлицы. Въ присутствїи ихъ и публики громко и внятну прочтены посредникомъ Куломзинымъ уставная грамота и слѣланное изысканїе имъ. Присутствующїе повѣрили уставную грамоту по планамъ, требуя въ то же время разъясненїя отъ обѣихъ сторонъ; спрашивали крестьянъ, въ чемъ они находятъ неправильность и невыгоду свою; спрашиваемые не имѣли никакихъ причинъ къ протесту. Гласное разъясненїе дѣла вразумило ихъ: они объявили свое удовольствїе и согласїе подписать и утвердить уставную грамоту; тогда мировой сѣздъ объявилъ имъ, чтобъ они вышли, обдумали и обсудили дѣло на свободѣ и потомъ объявили сѣзду,

свободно и безъ стѣсненій, накладываютъ ли они уставную грамоту безобидною и правильною. Черезъ часть крестьяне объявили мировому съѣзду полное удовольствіе и согласіе утвердить уставную грамоту, что и было исполнено.»

Потомъ говорится о разсмотрѣніи другой уставной грамоты, имѣвшемъ такой же результатъ, и о разбирательствѣ нѣсколькихъ жалобъ.

«Засѣданіе продолжалось до 7 часовъ пополудни (продолжаетъ потомъ г. Телепневъ). Обсуживались и рѣшались гласно многіе возникшіе вопросы. Крестьянъ разныхъ мѣстъ было болѣе семидесяти человекъ. Глубокая тишина не прерывалась во все время... Я слышалъ разсужденія крестьянъ послѣ мирового съѣзда. «А что, православные, вишь ты—какой законъ вышелъ! Бывало призовутъ нашего брата одинъ на одинъ, порядкомъ не распросятъ, а подчасъ и запугнутъ, напишутъ что знаютъ, прочтутъ такъ что не поймешь, велать руку приложить и отошлютъ, а что писали — про то Богъ ихъ вѣдаетъ! А теперь, вишь ты, судать при всѣхъ; одинъ такъ скажетъ, другой законъ укажетъ, правило отыскиваетъ, не таятся; все видно по правдѣ будетъ. Дай-богъ здоровья, видно дѣла-то у насъ стануть дѣлать не попржему!»

«Гласное разбирательство и разсужденіе приняты всѣми безъ исключенія съ умиленіемъ; многіе крестьяне, выходя изъ присутствія, перекрестились...»

Еслибы крестьяне слѣдили за нашей журналистикой, они вѣроятно точно также выразились бы по поводу размышленій «Дня» и официальнаго заявленія «Сѣверной Почты»; они сказали бы: «Вишь ты — одинъ такъ скажетъ, другой законъ укажетъ, правило отыскиваютъ, не таятся; все видно по правдѣ будетъ».

Слѣдуетъ дорожить этимъ проблескомъ надежды на близкую правду. Примѣръ — еще не доказательство; кинешемскій уѣздъ не составляетъ всей русской земли. Какъ права не водворятся по дущему велѣнью, такъ и вѣра въ нее не вселяется въ души разомъ, по данному предписанію. Примѣровъ недовѣрія, о которомъ мы упоминали выше, множество всюду; одинъ изъ нихъ очень наглядно рассказываетъ въ «Москов. Вѣдомостяхъ» мировой посредникъ курской губерніи, дмитріевскаго на Свапѣ уѣзда, г. Ратищевъ; онъ рассказываетъ, какъ крестьяне одного пишня въ его участкѣ отказались принять въ свое пользованіе землю, оставшуюся сверхъ выданнаго душевого надѣла, которую имъ отдавали за ничтожную плату, — отказались для того только, чтобъ не подписать условія и тѣмъ незакабалить себя на пять лѣтъ. Когда, послѣ долгихъ убѣжденій

и успокоительныхъ рѣчей, крестьяне все-таки стояли на своемъ, г. Ратищевъ составилъ объ этомъ протоколъ и прочиталъ его имъ, надѣясь, что по выслушаніи оцѣ олумятся и поймутъ свою пользу; но это нисколько не помогло. «Въ протоколѣ (говорить онъ) я между прочимъ объяснялъ ихъ отказъ отъ земли опасеніемъ, что они закабалятъ себя на пять лѣтъ, тогда какъ черезъ два года они ожидаютъ какой-то новой воли. При чтеніи этого мѣста вырвалось у крестьянъ одобрительное слово. Тогда я предложилъ имъ оставить землю въ своемъ пользованіи хотя на два года, но они и отъ этого предложенія отказались...»

Недовѣріе полное, недовѣріе безграничное ко всему писанному, форменному, идущему отъ господъ и грамотниковъ! А тутъ еще «застѣчивость» заставляетъ возбуждать такого рода вопросы: слѣдуетъ ли объяснять крестьянамъ статью положенія, которой они не знаютъ и потому не пользуются предоставляемымъ ею правомъ? Такой именно вопросъ случился въ калужской губерніи. Одинъ помѣщикъ пригласилъ мирового посредника помочь ему въ соглашеніи крестьянъ для составленія уставной грамоты; имѣнье его состоитъ изъ нѣсколькихъ деревень и нѣкоторыя изъ нихъ платили до сихъ поръ оброка меньше, нежели сколько слѣдуетъ по положенію. Начинаясь соглашеніе, и «въ разговорѣ посредника съ крестьянами обнаружилось, что они не знаютъ о существованіи 170 ст. мѣстн. полож. и не подозреваютъ, что существующій оброкъ не можетъ быть увеличенъ. Какъ только посредникъ коснулся этого предмета, то помѣщикъ успѣвши прервать разговоръ; а потомъ, отпустивши крестьянъ, выразилъ посреднику неудовольствіе, заключающееся въ томъ, что объясняя крестьянамъ смыслъ 170 статьи, посредникъ дѣлаетъ невозможнымъ соглашеніе со всѣми вообще крестьянами». Вотъ тутъ-то и произошло нѣчто вродѣ «застѣчивости»; да и какъ ей было не произойти: помѣщикъ видимо добрый, потому что до изданія положенія бралъ съ крестьянъ малый, легкій оброкъ. Посредникъ не возразилъ ему и самъ впасть въ сомнѣніе; вслѣдствіе чего и вошелъ въ губернское присутствіе съ представленіемъ, прося разрѣшить: «должно ли, при повѣркѣ уставной грамоты, объяснять крестьянамъ смыслъ всѣхъ подлежащихъ статей закона, хотя бы они и не дѣлали такихъ возраженій, на которыя по закону имѣютъ право?»

Читая это, чувствуешь, что и помѣщикъ и посредникъ — люди въ сущности недурные, а между тѣмъ вопросъ вышелъ странный, даже больше нежели странный: вѣдь онъ могъ родиться только въ такомъ обществѣ, гдѣ находятся люди, сомнѣвающиеся въ пользѣ

распространенія между народомъ юридическихъ свѣдѣній, въ такомъ обществѣ, гдѣ самая правда, даже обвародованная правда — можетъ еще находиться подъ какимъ-то надзоромъ... Мы говоримъ о понятіяхъ, объ образовавшейся съ теченіемъ времени привычкѣ... или лучше-сказать — отвычкѣ говорить чистую правду громко и полными словами, говоримъ о тѣхъ понятіяхъ, по которымъ допускается возможность не говорить правды, прятать ее.

Нѣтъ кажется надобности говорить, что губернское присутствіе разрѣшило вопросъ утвердительно, т. е. освободило правду изъ-подъ надзора. Правда стало-быть торжествуетъ!.. И это — истинное торжество, потому что если оглянешься назадъ, — ужасъ беретъ, чрезъ какія дебри должна пробираться на свѣтъ наша правда! Посмотрите напримѣръ на эту собранную одной газетой, какбы наскоро, небольшую группу дѣлъ, еще возможныхъ даже въ настоящее время : «Тамъ попадая-дворянка терзаетъ единственную дворовую свою бабу; тутъ столбовая малоархангельская помѣщица Леонтьева кормитъ гнилымъ картофелемъ и бьетъ горничную, и вмѣстѣ съ роднымъ братомъ безъ милосердія колотитъ пятнадцатилѣтнюю дѣвочку, зато что та съ голоду осмѣлилась пожаловаться мировому посреднику. Тамъ какой-то господинъ запрещаетъ своему мальчику-казачку учиться грамотѣ и таскаетъ его за волосы, оправдываясь, что безъ него некому будетъ и трубки набить барину; тутъ какая-то нижегородская дворянка Юрагина переступаетъ всѣ границы азіатскаго безправія и заставляеть губернатора публично заявить, что онъ самъ лично убѣдился въ *важномъ злоупотребленіи* касательно жестокаго обращенія ея съ дворовою дѣвушкой, а въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ батюшка съ сыномъ Тавровскіе въ банѣ деруть розгами 16-лѣтнюю дѣвицу и доводятъ ее до того, что оказалось необходимымъ сдѣлать медицинское освидѣтельство и чрезъ него уже удостовѣриться въ жестокосердіи помѣщиковъ Тавровскихъ. Всѣ эти и множество другихъ подобныхъ случаевъ притѣсненія крестьянъ и обидъ, причяняемыхъ имъ помѣщиками, оглашаются, по волѣ высшаго начальства, во всѣхъ вѣдомостяхъ и ведутъ за собою должную и строгую кару и общественнаго мѣнιά, и законнаго суда.»

Какова группа! каковы дебри!.. Не поминать бы ужъ намъ ихъ! Не поминать бы намъ лихомъ достойный лучшей памяти 1861 годъ, который мы хотѣли проводить съ миромъ и привѣтомъ!..

Да будетъ же миръ и привѣтъ надъ памятью этого года, унесшаго съ собою совершившіяся злыя дѣла! Да не повторяются они вновь, да не затемнятъ они молодого чела его преемника, которому

и безъ нихъ найдется много предметовъ для уборки и расчистки, и притомъ ему, первенцу новаго тысячелѣтія нашей роины, слишкомъ стыдно было бы нести на себѣ такія грязныя и безобразныя пятна...

Исполнятся ли эти смѣлыя желанія? — Что мудренаго! У насъ ужасно много надеждъ; ихъ часто нещадно разбиваетъ и пенелить суровая дѣйствительность, но изъ пепла рождаются другія, обновленные какъ фениксы, и сами мы, влекомые ими, превращаемся... Какъ бы ни глумился г. Щедринъ, что бы ни говорилъ онъ о новоглуповцахъ и о тождественности ихъ міросозерцанія съ міросозерцаніемъ старыхъ глуповцевъ, но право мы измѣняемся; даже мало сказать — измѣняемся: съ нами совершаются полныя метаморфозы. Вслушайтесь напримѣръ въ слѣдующія слова:

«Если купецъ нашъ никогда не отходилъ далеко отъ крестьянина, если помѣщикъ сообразовалъ (?) всегда свою жизнь съ жизнью земледѣльца, и пользуясь его трудами, никогда однако не рѣшался нарушать его исконныхъ преданій и обычаевъ, то ясно кажется, что никакая попытка къ улучшенію нашего быта не должна происходить безъ строгаго соображенія преданій и нуждъ земледѣльца, этого перваго камня нашего государственнаго зданія...

«Раскинувшись слишкомъ на четыреста тысячъ квадратныхъ миль, народъ русскій вездѣ пронесъ съ собою и свое общественное устройство, и знакомитъ съ нимъ одинаково всѣ племена, вошедшія въ составъ громадной имперіи.

«Пути провидѣнія неисповѣдимы. Почему знать, не лежитъ ли въ этомъ почти неестественномъ ростѣ какого-нибудь предназначенія для слиянія востока съ западомъ и для переформированія какъ того, такъ и другого?»

.....

«Теперь настала вождедѣльная минута пробужденія...

«Достаточно ли будетъ разгадана нами настоящая эпоха?»

«Хорошо ли мыобразимъ значеніе нашей домашней жизни въ прошломъ и силы народа, которымъ уступаетъ даже вѣшняя сила?»

«Сдѣлается ли для насъ яснѣе собственная жизнь, или мы будемъ продолжать послѣднія полтораста лѣтъ и бѣжать за большою Европою, и нальпмивать на свое здоровое тѣло пластыри, которыми она замазываетъ свои раны?»

«Не можетъ быть!..»

Вслушались? Все это конечно вы уже слышали неразъ, сказанное другими словами; но отгадайте откуда мы взяли эти слова, гдѣ

это напечатано? Низачто не отгадаете, если только вы не подсмотрѣли заранѣе. Вы вѣрно подумаете, что къ новому году возобновилась «Русская Бесѣда»? Совсѣмъ нѣтъ: это напечатано въ № 1 газеты «С. Петербургскія Вѣдомости»; этими мыслями она провожаетъ старый и встрѣчаетъ новый годъ... Ты ли это, наша маститая газета, отчаянная западница когда-то, въ минуту вдохновенія, принявшая форматъ «Journal des Débats»? Ты ли это? Какими тайными, «неисповѣдимыми путями» домыслилась ты до сліянія востока и запада, съ переформированіемъ того и другого посредствомъ нашего почти неестественнаго роста и общиннаго начала? Какимъ наконецъ чудомъ налетѣла ты на мысль о болѣзненномъ состояніи Европы и о употребляемыхъ ею пластыряхъ, а также о совершенно здоровомъ состояніи нашего тѣла, для котораго эти пластыри совсѣмъ негодны? Давно ли (не говоримъ о давнишнемъ), давно ли, — нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, — эта самая газета, по поводу нашихъ народныхъ былинъ и пѣсень, увѣрала, что во всей нашей поэзіи, и древней и новой, — въ этомъ беззавѣтѣйшемъ проявленіи народнаго духа, нѣтъ и призраковъ содержанія: «не было его прежде, нѣтъ и теперь», говорила она. Давно ли отрицала она значеніе Пушкина, сомнѣвалась въ народности Овѣгина, и Татьяну не рѣшалась назвать русской женщиной? Откуда же взялось теперь значеніе нашей домашней жизни, если мы ничѣмъ не жили и ничего не пережили? Чтоже это значитъ? Зачѣмъ ультра-западная газета такъ быстро перекрасила свое знамя?.. Нѣтъ ли чего объ этомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ»?.. Есть!

«Отечественныя Записки» (въ современной хроникѣ, за декабрь) произнесли смотръ всѣмъ знаменамъ, разобрали ихъ по сортамъ и объявили, что «Отечественныя Записки» держатся обѣщанія быть *отечественными* и желаютъ стоять на родной, т. е. тоже *отечественной* почвѣ. Но вѣдь это тоже метаморфоза; по крайней мѣрѣ мы какъ сейчасъ помнимъ, какъ бывало острила публика, спрашивая: отчего онѣ «Отечественныя Записки», когда въ нихъ нѣтъ ничего *отечественнаго*? А вотъ теперь онѣ говорятъ, что ихъ «скромное» знамя стоитъ на родной почвѣ, и притомъ въ центрѣ литературной колонны, тогда какъ другія знамена развѣваются поодаль, на флангахъ, и выражаютъ богъ-знаетъ что: одно — *жизнь безъ порядка*, другое — *порядокъ безъ жизни*; а далѣе слѣдуютъ уже значки безъ надписей, или съ надписями, которыхъ не разберешь. Всѣ это, т. е. собственно свою центральность и родную почву, «Отечественныя Записки» тутъ же доказываютъ, блистательно раскрывая на своихъ страницахъ богатѣйшее содержаніе нашей исторической народной

жизни, да еще допетровской жизни, гдѣ прежде, до метаморфозъ, была такая страшнѣйшая пустота.

Вотъ каково всепревращающее и всепретворяющее дѣйствіе духа времени! «Отечественныя Записки» тутъ же говорятъ о томъ, что направленіе ихъ *остается неизмѣннымъ*; но это, надо полагать, сказано для красоты слога; а можетъ-быть и искренно: можетъ-быть «Отечественныя Записки» въ самомъ дѣлѣ считаютъ себя, какъ одинъ китаецъ, *утвердившимся на срединѣ* и не чувствуютъ, что теченіе времени сноситъ ихъ, какъ утлую ладью, въ сторону отъ этой воображаемой средины, по направленію отъ *порядка безъ жизни къ жизни безъ порядка*. Онѣ можетъ-быть не ощущаютъ этого, а между тѣмъ таково направленіе теченія, и въ цѣта одвали не всѣхъ знаменъ, за очнь немногими исключеніями, начинаетъ входить эта обидная краска, съ разными примѣсами, производящими оттѣнки. Жизнь, еще неуспѣвшая овладѣть порядкомъ, съ каждымъ днемъ приливаетъ новыми волнами; ряды полчища, несущаго знамя порядка безъ жизни, рѣдѣютъ; крыльца и створы разбираемаго строенія понемногу снимаются и сносятся въ сторону, и — кто знаетъ? можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ суждено намъ узрѣть исполненіе самыхъ смѣлыхъ желаній!..

«Сѣверная Почта» заявляетъ о предстоящихъ преобразованіяхъ. «Намъ достовѣрно извѣстно (сказано въ этой газетѣ), что въ настоящее время находятся въ окончательномъ разсмотрѣніи высшихъ государственныхъ учрежденій слѣдующія работы:

«1) О главныхъ началахъ преобразованія всей вообще судебной части. Предположенія по сему важному предмету обнимаютъ: а) судоустройство; б) судопроизводство гражданское; в) судопроизводство по преступленіямъ и проступкамъ, и г) переходныя мѣры отъ порядка существующаго къ порядку новому.

«2) О полномъ преобразованіи всей городской и земской полиціи вообще.

«3) О порядкѣ составленія, разсмотрѣнія, утвержденія и исполненія государственнаго бюджета, а также частныхъ смѣтъ доходовъ и расходовъ всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій.

«4) О преобразованіи всего вообще управленія государственныхъ имуществъ и о примѣненіи къ государственнымъ крестьянамъ тѣхъ положеній 19 февраля 1861 г., кои касаются сельскаго общественнаго управленія.

«5) О примѣненіи сихъ положеній къ крестьянамъ государевыхъ, дворянскихъ и удѣльныхъ имѣній.

«6) Обь устройствѣ народныхъ школъ и вообще о системѣ народнаго образованія.»

Эти огромныя правительственныя задачи, составляющія разумѣется важнѣйшую часть наслѣдства, доставшагося новому году отъ его предшественника, могутъ быть только предметомъ ожиданій для общества, хроникѣ жизни котораго мы пытаемся смиренно вести на этихъ страницахъ. Но по предмету послѣдняго, шестого пункта, независимо отъ разрѣшаемаго правительствомъ общаго вопроса, въ обществѣ продолжается и растетъ движеніе; оно растетъ въ низшемъ слоеѣ общества, въ самомъ корнѣ его: въ селеніяхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, открываются школы; о нихъ начинаютъ говорить на сельскихъ и волостныхъ сходкахъ; крестьяне серьезно подумываютъ обь устройствѣ училищъ для своихъ дѣтей. Таковы приходящія съ разныхъ сторонъ извѣстія. Конечно, мы бы безъумно увлеклись, еслибъ вообразили, что это движеніе уже разлилось по всѣмъ волостямъ и селеніямъ; довольно и того, что оно началось мѣстами.

Государственный крестьянинъ котельническаго уѣзда (вятской губерніи) Д. Л. Сѣнниковъ пишетъ въ редакцію «Газеты для сельскихъ хозяевъ», что онъ, въ виду распространяющейся грамотности, «при помощи божіей приступилъ къ основанію и открылъ уже *бесплатную библіотеку для чтенія крестьянамъ*». «Библіотека (продолжаетъ онъ) будетъ имѣть: журналы и книги нравственнаго содержанія, повременныя политическія изданія, съ выборомъ недорогихъ и доступныхъ, также книги изъ быта народа; романовъ не думаю имѣть. При этомъ статьи изъ хозяйственныхъ журналовъ, близко подходящія къ условіямъ здѣшняго хозяйства, буду читать самъ съ разъясненіемъ, въ кабинетѣ библіотеки, при ранѣе-приглашонныхъ желающихъ читателей и особенно неграмотныхъ крестьянахъ; также въ извѣстные часы и въ сельской школѣ.»

Нельзя было не привести этого отрывка, потому что у насъ еще многіе воображаютъ крестьянина совсѣмъ не съ тою физіономіею, съ какою рисуется въ этомъ отрывкѣ Д. Л. Сѣнниковъ. Притомъ очень пріятно поставить его рядомъ съ другими дѣятелями на поприщѣ народнаго образованія. Таковыми являются въ письмахъ, полученныхъ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей»:

Помѣщикъ зміевского уѣзда (харьк. губ.) г. *Данилевскій*, и литераторъ, прибавимъ мы отъ себя, — который жалованье свое, по званію депутата въ бывшемъ комитетѣ обь улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, всего 680 руб., пожертвовалъ на общую пользу своего околотка, именно: 280 руб. на учрежденіе

сельской школы при волости села Пришиба, а 400 руб. на покупку книгъ для бѣднѣйшаго въ харьковской губерніи змѣевского уѣздаго училища, съ тѣмъ чтобы этими кнѣгами положено было въ бѣднѣйшемъ, заброшенномъ городкѣ Змѣевѣ основаніе публичной библиотекѣ. При этомъ корреспондентъ съ искреннимъ состраданіемъ говоритъ о Змѣевѣ, заглохшемъ съ тѣхъ поръ какъ графу Аракчееву вздумалось кавказско-харьковскій трактъ своротить съ него на Чугуевъ.

Другой подобный дѣятель и начинатель — въ бугурусланскомъ уѣздѣ, священникъ *Введенскій*, стараніями котораго открыто въ ноябрѣ мѣсяцѣ волостное училище въ имѣніи Н. П. Шелашникова, селѣ Исаклахъ.

Въ газетѣ «День» (6 января № 13) есть письмо изъ Орла, въ которомъ между прочимъ говорится: «если можно на чемъ-нибудь у насъ остановиться съ радостью и удовольствіемъ, такъ это только на однѣхъ воскресныхъ школахъ, дѣятельность которыхъ безспорно исполнѣ успешна, благодаря заботамъ гимназическаго начальства, а также проявившемуся въ низшихъ слояхъ общества постоянному и значительному стремленію къ образованію. Стыдно сознаться, что въ этомъ случаѣ простой народъ опередилъ наши благородныя и образованныя сословія — дворянское и чиновничье... Въ женскомъ училищѣ считается около 150 ученицъ, дочерей купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, а потомственной дворянки, если не ошибаемся, нѣтъ ни одной, дочерей же личныхъ дворянъ не болѣе десяти. — Кака-же причина этому? Глупая и безразсудная гордость, а также странная и непонятная приверженность ко всевозможнымъ сословнымъ различіямъ...»

Подобные крики горячаго негодованія слышатся уже не въ первый разъ; въ нихъ нѣтъ ничего непонятнаго, и... пусть идутъ событія своимъ естественнымъ ходомъ: пусть учатся эти сто пятьдесятъ дѣвицъ, — дочери купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ; пусть учится народъ, пожелавшій учиться; пусть поднимается онъ до надлежащаго нравственнаго уровня, и когда придетъ время, что уже не передъ кѣмъ будетъ гордиться преимуществами развитія, когда этихъ преимуществъ въ наличности не окажется, тогда гордость уляжется сама собою. Одного только надо желать: — чтобы училища не измѣнили того характера и тона, которые они считали бы можетъ-быть, въ присутствіи потомственныхъ дворянокъ, для себя обязательными. Надо желать, чтобы они забыли объ отсутствіи дворянокъ и дѣлали бы свое дѣло, недумая о томъ, откуда пришли сидящія на ихъ скамьяхъ ученицы.

Чѣмъ же еще помянуть намъ прошедшій годъ? Можно помянуть его попытками создать у насъ общественный кредитъ, попытками, также переданными къ дальнѣйшему исполненію нынѣшнему году. Послѣднимъ фактомъ этого рода является проектъ учрежденія *общаго поземельнаго банка*. Вотъ исторія этого предпріятія. Вслѣдъ за изданіемъ въ свѣтъ «Трудовъ комиссіи высочайше учрежденной для устройства земскихъ банковъ», нѣсколько капиталистовъ, совместно съ значительнымъ числомъ землевладѣльцевъ разныхъ губерній, приступили къ составленію проекта общаго поземельнаго банка. Составленный проектъ былъ тогда же въ главнѣйшихъ основаніяхъ опубликованъ; а нынѣ онъ представленъ на утвержденіе правительства. Участвующіе въ предпріятіи землевладѣльцы и капиталисты уполномочили нѣсколько лицъ для предварительныхъ дѣйствій и полученія дозволенія на учрежденіе банка. Уполномоченные суть: тайный совѣтникъ *Потемкинъ*, генераль-адъютантъ *Паткуль*, статсъ-секретарь тайн. сов. *Комовскій*, свиты е. и. в. генераль-майоръ *Кушелевъ*, потомственные почетные граждане братья *Мельниковы*, почетный гражданинъ *Галовъ*, купецъ *Сидоровъ*, помѣщикъ *Коніаръ*, банкиръ *Вертеймъ*, камеръ-юнкеръ *Марченко*, штабсъ-ротмистръ графъ *Стейнбокъ-Ферморъ*, поручикъ кн. *Голцынъ* и статск. совѣт. *Тарасенко-Отръшковъ*. Они объявляютъ, что въ настоящее время цѣнность недвижимыхъ имуществъ владѣльцевъ, изъявившихъ желаніе заложить ихъ въ общемъ поземельномъ банкѣ, составляетъ уже 29.172.550 руб., а сумма цѣнностей, завлеченная капиталистами для составленія основнаго капитала банка, достигла 1.210.000 руб.; наконецъ — по предварительнымъ увѣдомленіямъ, цѣнность имуществъ, предназначенныхъ къ залому въ банкѣ, по именнымъ спискамъ владѣльцевъ которыхъ еще находятся въ губерніяхъ, доходитъ до 120 миліоновъ руб. Желаемъ полного успѣха предпріятію, развивающемуся въ такихъ большихъ размѣрахъ!

Еще можно помянуть старыи годъ добрыми начатками такъ-называемыхъ обществъ взаимнаго вспомошествованія. Читатели знаютъ, что эти начатки давно начались, но кажется еще ни одно предпріятіе вполне не осуществилось; а между тѣмъ потребность въ нихъ несомнѣнно большая: не отъ избытка же благъ затѣваются они! Послѣдними по времени являются: въ Новгородѣ общество чиновниковъ, въ которомъ изъ всѣхъ губерскихъ учрежденій одна строительная комиссія не пожелала принять участіе, ибо чиновники ея нашли такое участіе для себя *обременительнымъ*... Почему обременительнымъ — богъ-знаетъ! Развѣ ненужнымъ?.. Такъ

гг. чиновники комиссій и стали какимъ-то страннымъ особнякомъ. Другое общество предполагается въ Москвѣ между купеческими приказчиками. Въ «Акціонерѣ» напечатанъ *вызовъ* къ образованію этого общества, подписанный гг. Ушаковымъ, Дуфнеромъ, Бобылевымъ и Переплетчиковымъ. Они представляютъ вопіющую потребность въ образованіи общества, характеризую довольно мрачными чертами условія быта московскихъ приказчиковъ, ихъ отношенія къ хозяевамъ и пр. Это міръ, еще не со всѣхъ сторонъ подробно разсмотрѣнный; это, по словамъ составителей *вызова*, классъ, «который сегодня грѣется чужимъ тепломъ, поддерживая его своимъ собственнымъ трудомъ, а завтра, по прихоти и капризу, можетъ стать въ ряды страшно-бѣдныхъ нашихъ пролетаріевъ.» Въ *вызовѣ* проводится прекрасная мысль, что цѣлью предполагаемаго общества должна быть не одна матерьяльная, но и нравственная взаимная поддержка, что тутъ должна быть «связь товарищей, подающихъ другъ другу руку, помогающихъ другъ другу и удерживающихъ отъ разныхъ поступковъ, подъ страхомъ исключенія изъ своего общества.»

Приведемъ еще два извѣстія, относящіяся къ послѣднему времени прошедшаго года:

Въ ознаменованіе 50-ти лѣтняго юбилея александровскаго лица, на проценты съ пожертвованнаго бывшими его воспитанниками капитала въ *шесть тысячъ руб.*, учреждена при петербургскомъ университетѣ стипендія «Александра Пушкина».

Между тѣмъ петербургскій университетъ 20 декабря закрытъ впредь до пересмотра университетскаго устава на новыхъ основаніяхъ. При этомъ положено: всѣхъ нынѣшнихъ студентовъ считать уволенными, предоставивъ имъ обращаться къ попечителямъ округовъ съ просьбами о приѣмѣ въ другіе университеты: профессоровъ и другихъ должностныхъ университетскихъ лицъ считать за штатомъ, впредь до открытія университета на новыхъ основаніяхъ, и по открытіи его предоставить какъ профессорамъ и другимъ лицамъ, такъ и студентамъ поступать въ университетъ, съ разрѣшенія начальства, на новыхъ основаніяхъ. Комиссія, занимающаяся пересмотромъ университетскаго устава, вмѣнено въ обязанность опредѣлять порядокъ поступленія вновь въ петербургскій университетъ всѣхъ упомянутыхъ лицъ, имѣя въ виду сохраненіе имъ правъ и преимуществъ, приобрѣтенныхъ профессорами и должностными лицами на службѣ, а студентами — при прохожденіи ими курса.

Поминая прошедшій годъ, мы приходимъ наконецъ къ настоящимъ поминкамъ. Этотъ годъ, уходя въ вѣчность, унесъ съ собою замѣчательнаго дѣятеля науки: 20 декабря скончался въ Полтавѣ академикъ М. В. *Остроградскій*. Имя это, которымъ земляки его гордились, «цѣля въ немъ собственную славу» (какъ сказано въ одномъ письмѣ изъ Полтавы), — это имя внесется въ исторію науки, которая и опредѣлитъ ему должное мѣсто въ ряду ее талантливыхъ подвижниковъ.

Эта печальная вѣсть напомнила намъ краткое свѣдѣніе, относящееся къ другой недавно понесенной нами утратѣ. Говорятъ, что въ Воронежѣ составляется подписка на памятникъ И. С. Никитину, что собрано до сихъ поръ 132 руб., и что въ числѣ жертвователей есть нѣсколько дѣвицъ, обучающихся въ мѣстномъ частномъ пансіонѣ.

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

1862

ФЕВРАЛЬ

(ГОДЪ ВТОРОЙ)

ВЫШЕЛЪ 27 ФЕВРАЛЯ

СОДЕРЖАНІЕ

Бѣгле въ Новороссіи. Повѣсть въ двухъ частяхъ. Часть вторая. А. СКАВРОНСКАГО	337
<i>Говорятъ, толкуютъ, споры да слова...</i> Стих. Ө. БЕРГА	454
ЛИТЕРАТУРА И ПРАВЫ АНГЛИИ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ. Статья вторая. Тэна	455
ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БЫВАЛАГО ОБЪ ІЕРУСАЛИМѢ. Н. Б. Вл.	494
СОВРЕМЕННЫМЪ ВИТІЯМЪ. Стих. А. АПУХТИНА	524
СЕМЕЙСТВО МОНСОВЪ. (Очеркъ изъ русской исторіи). Статья первая. МИХАИЛА СЕМЕВСКАГО	525
ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. О. ФИЛИПОВА	558
ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА. Часть вторая. Глава II. Госпиталь. Глава III. Продолженіе. Ө. М. ДОСТОЕВСКАГО	565
<i>Ночь</i> . Стих. А. Н. ПЛЕЩЕЕВА	598
ДЕРЕВЕНСКІЕ ТИПЫ. I. Дворникъ. В. КАТАРЕЦКАГО	599
УБИЙЦЫ ПЕШАРА. (Французское уголовное дѣло). Въ особомъ приложеніи въ концѣ книги.	1

СМ. НА ОБОРОТѢ

ПЕТЕРБУРГЪ

1862

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Какъ рѣшаются нравственные вопросы современной французской драмой. (<i>Nos Intimes</i> , комедія г. Сарду). П. А. Бибикова.	109
Записки князя Талейрана. Собранныя и изданныя графиней О... дю К..., переводъ съ французскаго. Четыре части.	121
Микроскопическія наблюденія. К. Н.	134
Два лагеря теоретиковъ. (По поводу «Дня» и кой-чего другого)	143
Деятнадцатый номеръ «Дня».	164

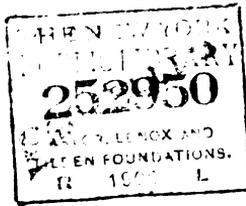
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Испанскія дѣла. — Беременность королевы. — Преслѣдованіе протестантовъ. — Намѣренія испанцевъ въ Мексикѣ. — Намѣренія мексиканцевъ дома. — Кандидатура эрцгерцога Максимилиана	45
Австрийско-турецкія дѣла. — Сходство между Австріей и Турціей. — Военственные стремленія Австріи	52
Хлопчатобумажныя дѣла. — Вліяніе войны на производство хлопка. — Количество обрабатываемаго хлопка въ Англіи. — Хлопка некуда дѣвать.	57
Прусскія дѣла. — Чего желаетъ феодальная партія. — Чего желаютъ умѣренные либералы и прогрессисты. — Стремленія противныя Австріи.	66
Французскія дѣла. — Превращеніе доходныхъ билетовъ	75
Последнія извѣстія.	77

С М Ъ С Ъ

Наши домашнія дѣла. (Современныя замѣтки)	65
Указъ объ увеличеніи податей и сборовъ. — Обнародованіе бюджета. — Новый предметъ литературной полемики. — Московскія мысли: объ образованномъ чловѣкѣ либералахъ и дворянствѣ. — Несоостоявшійся союзъ и нѣчто о среднемъ сословіи. — Остроуміе «Зрителя». — «Мировой Посредникъ»: его взглядъ; крестьянскія замѣтки. — Толки въ Твери, замѣченные г. Павловымъ, и толки въ Калугѣ, имъ незамѣченные. Исторія съ г. фонъ Ренне. — Печатный бланокъ. — Еще немножко о розгахъ, которыми усиленно интересуются въ Уфѣ. — Скорбь неизвѣстнаго корреспондента. — Удачное рѣшеніе одного волостного суда. — <i>Фальки</i> . — Скоро ли грамотность? — Шестая петербургская гимназія. — Преобразование Технологическаго института. — Два засѣданія кievскаго университетскаго совѣта. — Общество психіатровъ. — Еще двѣ новыя асоціаціи. — Преобразование въ Смольномъ монастырѣ	65
Некрологъ: Иванъ Ивановичъ Панаевъ	95
Вопросъ о народномъ здоровьѣ и интересы врачебнаго сословія въ Россіи. Н. Лъскова	96

Объявленіе отъ книжнаго магазина А. Ѳ. Базунова.

БЪГЛЫЕ ВЪ НОВОРОССИИ

НОВЕЛЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Х

НОВОЕ ЛИЦО — ПОМЪЩИЦА ИЗЪ РОССИИ

Дни клонились къ осени. Жиденькіе новороссійскіе садики по деревьямъ становились еще бѣднѣе. Листъ падалъ. Обитатели и обитательницы деревень болѣе задерживались въ домахъ. Комнатные цвѣты принимались съ воздушныхъ выставокъ обратно въ домъ за стекла. Изъ оконъ чаще гремѣли рояли. Книги сѣверныхъ журналовъ и газетъ читались болѣе. На токахъ усерднѣе стучали молотилки.

— Ну-съ, спрашивалъ Панчуковского заливчатскій волокита купецъ Шутовкинъ, встрѣтившись съ нимъ у кого-то изъ общихъ знакомыхъ на ширшествахъ: — такъ ваша красавица чуть-было васъ не погубила?

— Да; былъ грѣшокъ! Что дѣлать!

— Новую осаду Трои изволили выдержать?

— Выдержалъ, Мосей Ильичъ, пришлось испытать, нечего дѣлать!

Они послѣ сытнаго обѣда гуляли въ затихавшемъ, но еще прелестномъ садикѣ.

— Каково же драгоценное здравіе вашей Елены-съ? Я чай уже съ овалцемъ теперь скоро будетъ? Моя же такъ давно уже съ животикомъ переваливается...

Шутовкинъ сказалъ и, утираясь платкомъ, засмѣялся. Ему было душно. Вино и вкусный обѣдъ брали надъ нимъ силу.

— Ахъ вы, старый волокита! Не стыдно ли вамъ? У васъ дѣти взрослыя, учитель нанятой — почтенный студентъ... Смотрите, что о васъ дамы толкуютъ, вы уже черезчуръ открыто дѣйствуете. Вонъ у меня тоже плѣнница живетъ, а такъ сокровенно, что никого не обижаетъ и всѣ ѣздить ко мнѣ...

— Не могу, не могу; это уже моя страсть: къ бабенкамъ ослѣпляетъ меня. Что мнѣ свѣтъ! Живу здѣсь въ волю-съ!.. Я потому и о вашей спросилъ-съ, извините меня... Я люблю дѣло на чистоту, свѣчей не тушу никогда-съ и ни причемъ... Я вашихъ обрядовъ-съ несоблюдаю. Раскольникъ-съ, что дѣлать!

— Смотрите однако; не стѣсняйте за моею! У меня нравы гарема; попадетесь — голову долой, и сейчасъ въ мѣшокъ и въ воду! Я вѣдь тоже сродни туркамъ тутъ сдѣлался. Право, край у насъ роскошный, привольный. Вѣдь сюда кто ни попадись, перемѣнится. Люди тутъ какіе-то другіе становятся. Вотъ и мы съ вами...

— Такъ, такъ; а все-таки, Владиміръ Алексѣичъ, у меня крестины раньше вашихъ будутъ! подсмѣивался Шутовкинъ, продолжая ходить съ полковникомъ по садовой дорожкѣ, надъ обрывистымъ берегомъ Мертвой.

— Ахъ вы, забавникъ! Лучше покайтесь! Лучше скажите вашему учителю, что срокъ уже и его должку подходитъ, чтобы всѣ его скорѣе для уплаты кому слѣдуетъ: я поручитель, и у меня ужъ вѣди дѣло акуратно...

Купецъ былъ на этотъ разъ немало выпивши за обѣдомъ, снялъ на воздухѣ галстукъ, весело переваливался, шутилъ, пыхтѣлъ и безпрестанно ухмылялся. Сперва сталъ онъ рассказывать, какъ выгодно сбывъ сало, потомъ объ акціяхъ заговорилъ, наконецъ спросилъ совершенно неожиданно:

— Послушайте, полковникъ: васъ тутъ нѣкоторые не любятъ, считаютъ гордецомъ! Правда ли, тутъ болтаютъ, будто вы не вдовецъ вовсе, а что у васъ гдѣ-то... извините... на Волгѣ тамъ, въ Россіи-съ... жена законная есть, и говорятъ даже еще, будто старая-престарая и злая? Ну скажите мнѣ откровенно, правда это? Если правда, то поздравляю, дружище, — отлично сдѣлали, что бросили и ее, и наши старыя російскія мѣста-съ...

Панчуковскій вспыхнулъ и остановился. Онъ долго не могъ придти въ себя отъ неожиданнаго вопроса пріятеля, искоса посмо-

стрѣлъ ему въ глаза; но Шутовкинъ шлоъ попрежнему безопасно, будто ничего неслышавши, переваливался и утиралъ отвисшій, полъный и потѣвшій подбородокъ.

Панчуковскій остановился, вздохнулъ, посмотрѣлъ на часы.

— Мосей Ильичъ!

— Ась? что вы?

Онъ копался съ подтяжками.

— Я долго тутъ остаться не могу, мнѣ надо ѣхать...

— Куда же вы?

— Позвольте... Вы спросили меня о такой вещи, о такой, что я...

— Да вы не сердитесь, душенька! Ну, чтоже дѣлать! Была жена; была, понимаете? А теперь нѣту, и у васъ Оксаночка живетъ. Тѣмъ только и разница между нами: я вполне кучу себѣ въ власть, а вы частицей...

— Мосей Ильичъ, слушайте: если вы меня любите, прошу этого вдвора никогда при мнѣ не говорить! Ну-съ... Слышите ли? Я не стерплю этого въ другой разъ! Понимаете? Я давно вдовецъ, — повторяю вамъ, вдовецъ, лишился жены: въ цвѣтъ лѣтъ она умерла ѣдныжка — я я оплакиваю ее день и ночь... Эта сплетня мнѣ особенно неприятна, и я прошу васъ, требую именемъ нашей дружбы, услуги моей вамъ молю васъ, — не упоминать ни мнѣ, ни кому здѣсь другому о ней никогда. Жена моя умерла и все что я имѣлъ, явившись сюда, есть завѣщанное мнѣ ея состояніе. Я самъ точно никогда ничего не имѣлъ. Такъ передъ такими иконами-съ надо благоговѣть, а не шутить, и да будетъ стыдно тому, кто осмѣиваетъ-съ подобныя чувства!

Панчуковскій сказалъ это дѣльно, твердо, огорченнымъ голосомъ, даже отвернулся.

— Ну-ну, не сердитесь, колонель! Вѣдь я пошутилъ. Я васъ люблю, крѣпко люблю. А съ нынѣшнимъ вашимъ домашнимъ благополучіемъ васъ отъ души и отъ всего сердца-съ поздравляю. Товарищи мои, портовые купцы смѣются, что я живу нараснашку. А бѣсъ ихъ побери! Чтò однако у васъ за новый случай произошелъ, послѣ этой-то стычки съ косарями?

— Какой?

Полковникъ ходилъ еще взволнованный и кисло посматривалъ на обнаженные вѣтви сада.

— Да насчетъ вашего лакея, татарина этого?

— Ахъ да, правда! Вотъ случай, вотъ жалость! Бѣдняка этого Абдулку я посылааь за расчетомъ въ городъ, въ хлѣбную контору. Онъ деньги привезъ: но дорогою гдѣ-то несчастный поѣлъ въ шинкѣ порченой соленой рыбы, прѣхалъ домой, мучился сутки и сгорѣлъ такъ, что ничего немогли сдѣлать; и докторъ былъ... Я доктора изъ города на подставныхъ вызывааь... Вы знаете, я самъ готовъ околѣть иной разъ, а уже для людей я стараюсь. Тутъ уже у васъ въ Новороссіи мы не помѣщики. Вольный трудъ здѣсь нашего брата поневолю очищаетъ, дѣлаетъ человѣкомъ. И за это искреннее благодареніе вашимъ чуднымъ привольнымъ мѣстамъ...

Полковникъ оживился, повеселѣлъ. Онъ добродушно сталъ разглядывать тихіе туманные виды окрестныхъ степей, открывшіяся передъ ними съ пригорка, на краю сада. Голосъ его зазвучалъ мягче.

— Что за прелестныя мѣста, Мосей Ильичъ, посмотрите: вонъ алексинская церковь бѣлѣетъ, верхушка ея чуть сверкаетъ въ туманѣ; вонъ чичибеевскіе курганы; вонъ обозъ чумаковъ тянется... Ну, не счастье ли, не рай ли земной у насъ?

— А вы на выборы собираетесь?

— Какой вы чудакъ! Что вы о выборахъ вспомнили?

— Да такъ-съ. Часто я думаю, отчего это мы, купцы, исключены изъ дѣла земства-съ...

Они прошли еще нѣсколько по саду. Изъ дома звучала полька. Барышни танцовать затѣвали.

— Скажите однако какое несчастье! продолжалъ Шутовкинъ: — я все о вашемъ слугѣ думаю... Значить у васъ теперь лакея нѣтъ? Вы ищете новаго?

— Нашолъ уже; благодарю васъ...

— Гдѣ? Вотъ и отлично-съ...

— У нѣмца Шульцвейна, молодца изъ его хутора, что онъ возлѣ Дону нанялъ. Спасибо нѣмцу, хотъ этимъ мнѣ удружилъ, — уступилъ. Я его усиленно просилъ. Приходилось хотъ самому сапоги чистить. Онъ у него разсылнымъ съ осени былъ, — такой проворный, бойкій, хотъ и немолодой уже кажется человѣкъ. Онъ имъ доволенъ былъ, да раскусилъ, что онъ бѣглый, и отпустилъ его. Честный нѣмецъ бѣглыхъ не долюбиваетъ!.. Трусить, боится, нето-что мы съ вами...

— Не Митька Базарный? Я того знаю: воръ...

— Нѣтъ, Аксень Шкатулкинъ.

— Аксень Шкатулкинъ! позвольте, позвольте, я что-то припоминаю: не было ли о немъ публикацій? Должно-быть были. Вѣрно изъ неводчиковъ досталъ? Вы не слышали?

— А прахъ и побери! Я ихъ не разбираю! У меня все почти бѣглыми идетъ работа; оно лучше и дешевле. Развѣ когда отъ этого пострадаю! Мой штатъ вольный, какъ вы знаете: милости просимъ всѣхъ! Я на моихъ бѣглыхъ какъ на гору надѣюсь. Вѣдь провѣдай обо мнѣ петербургскіе журналисты, они меня за эти мои штуки со свѣту сгоняютъ. Да что на нихъ смотрѣть! Я, впрочемъ, какъ былъ въ Цитеръ, знакомство съ ними шапочное велъ. Славные люди; все бонъ-виваны. Бюрократы тамошніе однако лучше, зрѣлѣе и дѣльнѣе. А все-таки, Мосей Ильичъ, у насъ лучше живетъ, чѣмъ у нихъ. Не правда ли? Кладъ, а не землячка; уголокъ непечатой, своя Элебема и Висконсинъ: вѣдь такъ? Сколько вы, позвольте, за сало расчитываете получить осенью?

— Да тысячь двѣнадцать серебромъ опять въ одинъ разъ получу...

— Ну, а я-съ за мою пшеничку да за лень такъ тысячь сотенку цѣлковыхъ загребу... Вѣдь посѣвъ у меня теперь былъ сказочный-съ. Такъ какъ же себя не побаловать бабенками послѣ этого? Правда? Въ старыхъ нашихъ городахъ этихъ лакомствъ не знаютъ настолько!

— Чуть однако бѣглые васъ было не убили. Немѣшало бы вамъ ихъ побаваться. Ну, да авось сойдеть!

— Что мнѣ ихъ бояться! Деньги у меня припрятаны въ такомъ мѣстечкѣ, что нескоро до нихъ доберешься. Въ кабинетѣ на стѣнѣ и въ спальнѣ у кровати всегда готово оружіе. Стѣны вокругъ двора высокія, ворота надежныя...

— Не въ наружныхъ ворахъ бываетъ опасность, дружище, а во внутреннихъ. Вотъ что! Домашній врагъ опаснѣе всякаго Другого...

— Вы думаете?

Полковникъ оглянулся по саду.

— Домашняя прислуга, сказалъ онъ шопотомъ,—куплена у меня такими деньгами, о какихъ здѣшнимъ скаредамъ-помѣщикамъ и въ голову не придетъ никогда. Я на мою дворню какъ на самого себя надѣюсь!

— Да увѣрены-ли вы на примѣръ въ этомъ-то новомъ, все-таки повторяю, своемъ слугѣ?

— Въ Аксѣнѣ?

— Да-съ, въ Шкатулкинѣ чтоли, какъ вы сказали?

Полковникъ улыбнулся и опять по привычкѣ посмотрѣлъ во-кругъ себя.

— Это, скажу вамъ, камарадъ, такое чистое, добродушное, про-стое и глуповатое созданіе, что прелесть. На дняхъ я по ошибкѣ далъ ему для размѣна сторублевую вмѣсто десятирублевой депо-зитки, впотъмахъ. Чтоже бы вы думали? Принесъ изъ алексинскаго шинка, смѣется и говорить: вы только, баринъ, молчите, а мело-чи дали лишнихъ девяносто цѣлковыхъ. Я разумѣется расчелъ свои деньги, вижу, что лишняго ничего не было. Но какова привержен-ность! А?..

— Радуйтесь; что и говорить! Но лучше берегитесь; знаете какіе слухи ходятъ: уѣзды нашъ наполненъ фальшивыми монетчи-ами, на Сивашѣ, за Арабатской-стрѣлкой, разбойникъ настоящій по-казался; бродяги по донскимъ дорогамъ пошаливать стали; почту съ конвоемъ отправляютъ уже...

— Я спокоенъ и вамъ совѣтую бросить лишніе страхи.

— А ваша осада? Не подвернись прикащикъ Шульцвейна, не-увѣдомъ онъ исправника, — вѣдь вы пропали бы задаромъ, какъ му-ха-съ...

— О, вздоръ какой!

— Вздоръ, подите-же! А я повторяю, не будь у насъ все такъ-то-съ, на Руси, гдѣ еще нагайка десятскаго да вынннй крѣкъ на-питанъ-лейтанта Подкованцева-съ тысячную толпу способны раз-сѣять, аки вѣтерокъ облачка-съ во поднебесьи, то сослужила бы мы по васъ панихидку-съ, Владиміръ Алексѣичъ!

Панчуковскій, посматривая съ пригорка, откуда и его Новая-Диканька видѣлась, курилъ сигару и посмѣивался.

— Вы смѣетесь?

— Да, смѣюсь, потомучто наша чернь еще глупа, тупа и безо-бразна.

— Не шутите, полковникъ, съ нашими тихими и добрыми му-жичками, не употребляйте во зло ихъ кротости и смиренія-съ. Я самъ изъ мужиковъ-съ, честь имѣю доложиться...

— Вы, Мосей Ильичъ? Вы... происхожденіемъ?..

— Да, я-съ; я былъ симбирскимъ-съ ямщикомъ, въ юности въ-бабки игрывалъ; сѣкали меня; землю пахивалъ своими собствен-ными руками...

— Вы, вы?

— Я, я-съ!

— Вотъ не ожидалъ...

И полковникъ невольно окинулъ глазами Шутовкина съ головы до ногъ, будто впервые видѣлъ его.

— Чай, съ презрѣніемъ-съ считаете меня дуракомъ и за расколъ-съ? Дѣло нерѣшное, ваше высокоблагородіе. А я никому вреда не дѣлаю. Заводы мои идутъ отлично; я на армію свѣчи вонъ поставлю, въ гильдію плачу; вонъ три воскресныхъ школы на свой коштъ соорудилъ въ здѣшнихъ городахъ и ихъ содержу; книжекъ пропасть покупаю въ Питерѣ, хоть самъ малость читаю; библіотеку въ деревнѣ у себя сочинить успѣлъ, — заѣзжайте только читать! Картины изъ Москвы навезъ, почти всю выставку въ послѣдній разъ тамъ закупилъ, журналисту тоже тамъ вонъ одному бѣднячку малую толику далъ... Да-съ. А войди ко мнѣ въ домъ, на хуторъ, гдѣ я живу: чего тамъ только нѣтъ? И статуи изъ Греціи-съ, въ магазинѣ въ Одессѣ купилъ; и фортепьянъ двое; цвѣты, ковры, бронза, всякія украшенія, яства-съ тончайшія, вина... Учителя молодца держу при дѣтяхъ — вы его достаточно знаете — школу ихъ, чтобъ не дураками вышли; въ Москву въ университетъ повезу и тутъ-же во здравіе ихъ новую тамъ жертву чтоли для науки этой соблагодворю... А? Что? Чѣмъ-же я не человѣкъ-то теперь, ваше высокоблагородіе? Развѣ что въ чинахъ только не произошло ничуть, да въ сенатскихъ книгахъ помѣщикомъ не прописанъ...

Шутовкинъ разгорячился. За шейнымъ платкомъ снялъ сертукъ, а наконецъ и жилетъ. Несмотря на сѣрый денекъ, ему душно было до нестерпимости. Онъ сѣлъ на лавочку.

— Эка душно-то мнѣ, душно! Природа уже у меня такая сильная. Я и дѣвочку эту не изъ блажи какой похитилъ. Что дѣлать! Слабъ есмь человѣкъ да и все тутъ! Ну, а какъ Русь-то наша въ опасности, не дай-богъ, очутится? Кто больше сыпнѣтъ деньгами-то? Я или вы, ваше высокоблагородіе? Ну-ка, рѣшите? Что?..

Полковникъ ничего на это не отвѣтилъ. Пошли пріятели дальше по дорожкѣ. Вечерѣло. Шутовкинъ опять одѣлся; сползъ, пошатываясь, съ берега къ рѣкѣ, умылся, освѣжился и окончательно сталъ молодцомъ.

— Толстякъ, жирный волокита! Такъ-то вы меня всѣ и зовете! А моя барышня у меня на свободѣ вонъ ходитъ, въ почетѣ и ува-

женіи. А ваша? зачѣ вы ее томите одну? Хоть бы ихъ познакомиться намъ, душечка, чтоли?

— Чудакъ вы, право! Ваше положеніе и мое! Это два разные свѣта. Не могу я такъ шутить своими отношеніями къ людямъ, какъ вы.

— Не можете? Гм!..

Шутовкинъ посвисталъ и опять сѣлъ на скамеечку.

— А правда, что вы уже и ребрушки помяли вашей красавицѣ?

— Опять сплетни! Да оставьте ихъ ради-бога; то о живой буд-тобы женѣ моей, то о какихъ-то моихъ жестокостяхъ опять! И кто это вамъ мелеть?

— Та-та-та! На поди! Будто я уже васъ и незнаю, камрадъ! Вѣдь вы звѣрь лютой; ну что нѣжничать-то! Теперь вотъ я мелю съ похмѣлья. А тверѣзый я этого можетъ-быть и не сказалъ бы вамъ.

Пріятели еще потолковали и вошли въ домъ, гдѣ подали уже свѣчи.

Намеки Шутовкина однако остались не безъ послѣдствій для полковника. Панчуковскій сталъ еще осторожнѣе съ знакомыми. Въ это время ему прислали изъ Вѣны и изъ Парижа множество вещей для послѣдней отдѣлки дома: бронзы, деревянныхъ рѣзныхъ подѣлокъ, обоевъ, тканей, зеркалъ и ковровъ. Русскій человекъ уже не можетъ обойтись безъ того, чтобы мало-мальски устроивши свои дѣла, не затѣять отдѣлывать и превратить свой домъ въ подобіе лувр-скаго дворца или по крайней мѣрѣ магазина мануфактурныхъ издѣлій, причемъ первые бранные барыши, потраченные съ такимъ умомъ, обыкновенно на этомъ убиваютъ и самое дѣло. Сосѣди съз-жались теперь снова смотрѣть на диковинки полковника. Онъ былъ на верху блаженства, и указывая разгружаемые транспорты ящиковъ съ мебелью, зеркалами, фарфоромъ и бронзами, повторялъ:

— Да, господа, я не мотъ, но человекъ земли, праха... Люблю пожить, люблю довольство, за его поэтическія лучшія стороны. Ужъ на пустыки я денегъ не брошу; зато эти у меня рѣзные-съ дубовые, орѣховые и березовые столики, кресла и диванчики прямо отъ Кейзерлинга изъ Вѣны; эти подражанія гобеленамъ изъ Парижа... Все здѣсь чудеса рукъ первыхъ артистовъ!

— Вамъ бы жениться, жениться! повторяли старушки-болтушки изъ сосѣдокъ, всегда падкія подкузьмить ближняго какой-нибудь застарѣлою внучкой или золотушною и кислою племянницей.

— О! Владиміру Алексѣичу некогда о такомъ взорѣ думать, о женитьбѣ: у него столько дѣла, хлопотъ! говорили тутъ же на это сами внучки и племянницы, лорнируя мебель, бронзы и гобелены, но въ тоже время не забывая изрѣдка обратить лорнетъ, будтобы нечаянно, и на щегольской сертучекъ самого полковника, на его лаковые полусаножки, затѣйливую часовую цѣпь, съ колчаномъ стрѣлъ и съ лукомъ купидона, между кучею брелоковъ, а еще болѣе взглядывали онѣ на его убійственные раздушонные усики и на нѣжно-томные, губительные и вмѣстѣ ласковые глазки, когда онѣ стоялъ между ними, какъ съ иголочки, и ораторствовалъ.

Женскій полъ, въ знакъ особаго уваженія, не переставалъ посѣщать, въ сопровожденіи мужского пола, счастливаго обитателя вновь-созданнаго въ этой глуши хутора Новой-Диканьки. А полковникъ не переставалъ ликовать.

— Что старая Диканька! говорили нѣкоторые изъ друзей его: — что изъ того, что ее вмѣстѣ съ старосвѣтскою умирающею Україною воспѣлъ Гоголь! Эта старосвѣтская Украина была когда-то, когда-то хороша! Теперь это все еще милая, но уже печальная и пустынная могила... Жизнь здѣсь, а не тамъ, здѣсь у насъ, въ нашей Новороссіи! Здѣсь всѣ надежды юга! Отсюда выйдетъ его будущіость. Давно-ли вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ одинъ вѣтеръ пустынный бродилъ, бурьяны, ковыль да чертополохъ произрастали, перекати-поле прыгало; а теперь тутъ мигомъ выросъ поселокъ, домъ явился чудный, оживленное общество шумитъ, веселится, рожь гремитъ, чудеса свѣта всякія сюда стекаются...

— Искусственный плодъ все это! замѣчали другіе.

— Женитесь, женитесь, женитесь вамъ! продолжали въ тоже время шушукать полковнику болтушки-старушки.

На ихъ улыбки улыбался и онъ, попрежнему ораторствовалъ, шутилъ, спорилъ и пускался въ объясненіе живѣйшихъ вопросовъ современности.

— Это не человекъ! Нѣтъ, это какое-то божество! говорили о немъ дамы, возвращаясь иной разъ изъ веселой прогулки цѣлымъ обществомъ въ Новую-Диканьку.

— Ну, божество не божество, возражали суровые мужчины, нагруженные всякими яствами и тонкими питіями до отвалу: — а человекъ онъ точно хорошій. Главное — товарищъ отличный; дока на дѣла и вмѣстѣ неспѣсивъ.

Гости увѣжали. Полковникъ сѣлся за счеты, соображенія, предположенія, по хозяйству бродить и вздѣть пускался.

— «Еще такихъ года два-три, думалъ онъ, раскинувшись иной разъ въ кабинетѣ на диванчикѣ съ сигарой, — и я буду въ подумильонѣ чистаго капитала! Тогда я произведу расчетъ всѣмъ дѣламъ, все мелочное обращу въ наличныя деньги — и... куда-же тогда? Въ Петербургъ? Да, многимъ тамъ можно будетъ пыли пустить въ глаза такимъ капиталомъ! Сперва поважничая, вечера устрою тамъ, вторники чтоли, или четверги. Въ финансовый мѣръ попаду, стануть ко мнѣ ѣздить все дѣйствительныя да тайныя... Предлагать стануть мѣста... Развѣ въ губернаторы тогда куда-нибудь поѣхать на время?... Еще въ министры такъ пожалуй попадешь... Вотъ чортъ-возьми счастье! Да и женщинъ новыхъ увидимъ! А дѣла пойдуть все лучше и шире: устрою какое-нибудь общество на югъ... Нѣтъ, Диканьки моей тогда не продамъ... А не лучше ли на старость куда-нибудь въ чужіе края, на Лаго-ди-Комо, или въ Байскій заливъ, по пути счастоблюбивыхъ счастливецъ, римскихъ императоровъ?.. Въ Диканьку мою стануть путешественники съѣзжаться, смотрѣть на ея устройство... И какъ подумаешь, все дѣло рукъ одного чело-вѣка... одного!»

— Баринъ, барышня прогуляться просится! прерывалъ часто въ такія мгновенія мечты полковника новый слуга его Аксентъ Шкадукишъ.

Вслѣдъ за этимъ слугою и вся дворня начинала Оксану звать уже барышней.

— Прогуляться? Что? Я не разслышалъ, Аксентій...

— Да-съ, на воздухъ-съ. Затомилась должно-быть наверху...

— А! хорошо; иди ты съ нею, побереги ее тамъ, знаешь, пока...

Лѣстница тихо скрипѣла. Въ платочкѣ, блѣдная, тихая, но такая же какъ была хорошенькая, Оксана пугливо и бережно спускалась съ своей вышки, съ мезонина и шла освѣжиться за ворота, а когда не ожидали гостей, то и далѣе въ поле и къ овчарнямъ.

Ревнивый, или скорѣе чопорно-скрытный съ товарищами, Панчуковскій вовсе между тѣмъ не скрывался отъ своей дворни. Обсерваторница Оксаны, старуха Домаха иногда прихварывала, и полковникъ отпускалъ свою плѣнницу гулять либо съ кучеромъ. Самойлою, либо съ новымъ слугою Аксентомъ. Самойло и въ прогулкахъ не покидалъ своего мрачнаго настроенія, безпрестанно вдыхалъ, бормоталъ себѣ подъ-носъ нето молитвы, нето упреки и жа-

лобы на свое горемычное положеніе, что вотъ живетъ онъ теперь какъ пестъ бездомный, что у него и виду-то божьяго нѣтъ, то-есть пачпорта, что заставляютъ его иногда нехорошія дѣла дѣлать, и уже тутъ хоть что ни говори, а приказанія барина послушаться не слѣдуетъ, и что кто его и похоронитъ-то, когда онъ тутъ безъ вѣсти пропадетъ, безъ толку мыкаясь; а что въ Россіи у него и жонушка брошена и дѣтки малыя тамъ есть, вѣрно плачутся на него, житье свое безталанное и беспомощное проклинаютъ... Воркувъ былъ Самойло большой; на грудь онъ часто жаловался, что лошади полковника его какъ-то разъ побили, когда онъ ихъ насканивалъ въ четвернѣ. Походить Самойло съ Оксаной за воротами, кнутикомъ по травѣ помашетъ и воротится. Скучно ей было ходить съ нимъ.

— Дядюшка, пойдѣте хоть чуточку дальше, вонъ къ овчарнямъ, либо хоть къ тому вонъ колодцу дойдѣмъ! говорила Оксана, похаживая по травкѣ.

— Нельзя, сердце, нельзя! Баринъ увидитъ; пора уже и домой. Теперь тоже ходи съ тобой, а тамъ уже лошадей пора кормить, коляску помыть надо безпрѣмѣнно...

— Ахъ какой же вы, дядюшка Самойло Осипычъ! Ну, хоть вонъ на тотъ пригорочекъ дайте я сама добѣгу. Ноги дайте размять; сердце мое, вся душа во мнѣ изныла... Какой онъ вамъ баринъ!

— Нельзя; о, и не говори лучше! Баринъ морду побьетъ; тебѣ ничего, а мнѣ каково, какъ уйдешь?

— Да чтоже каково-то?

— Да какъ ты убѣжишь, говорю, отъ меня вовсе-то?

— Куда? Я! Богъ съ вами, дядюшка! И что вамъ приснилось!

Самойло не сдавался и ворчалъ поминутно, непокидая Оксаны и подозрительно поглядывая на свою сопутницу. Оксана начинала плакать.

— Постылая, постылая! Проклятая жизнь! Боже Господи! говорила она: — хоть смерть пошли, хоть кару какую небесную, болѣзнь; чтобъ я ослабла, горя своего не видѣла; чтобъ красота моя пропала, чтобъ и не смотрѣлъ онъ больше на меня, отказался бы отъ меня...

Самойло вынималъ изъ-за сапога трубку, набивалъ ее и, поглаживая сѣдую широкую бороду, начиналъ дымить любимыи тютюнець. Оксана смотрѣла вдаль. Слезы душили ее. Она старалась въ сизомъ туманѣ разглядѣть если не самый Святодуховъ-Кутъ, то

хоть бы путь къ нему, хотя бы среди печальныхъ и обнаженныхъ нивъ и сѣнокосовъ, холмовъ и ложинокъ затерянную туда степную дорожку. По этой самой дорожкѣ, читатель, еще такъ недавно летѣлъ полный надеждъ на барыши студентъ Михайловъ, невольная причина ея печальнаго похищенія. Вспоминаются Оксанѣ еще недавнія любимыя ея пѣсни, которымъ ее учила старая дьячиха. Она старается запѣть ихъ, стоя поодаль отъ Самойлы на пригоркѣ, за оградю дома; но слова и голосъ ей не служатъ. И пѣсни-то она будто уже все забыла. Она усиливается, напѣваетъ... Голосъ ея дрожить. Только и помнить она, напощивая про-себя вполголоса грустныя послѣднія слова пѣсни:

• Съ нимъ въ одной могилѣ меня закопайте,
Положите рядомъ съ милымъ головами,
Чтобъ была бесѣда тихая межъ нами;
Чтобъ шумѣли листья, пташки пѣсни пѣли,
Облака рядочкомъ поверхъ насъ летѣли;
Да въ ногахъ поставьте кресты золотые,
Чтобъ сказали люди: лежатъ молодые!.. »

— Э, сердце! Да ты пѣсни хорошія знаешь! Спой-ка еще, спой; я барину скажу, ты и ему запой, онъ тебѣ подаритъ что-нибудь...

Оксана Самойлѣ отвѣщивала низкій поклонъ.

— Оставьте меня, дядюшка, увольте! Коли я жива, то не томите меня, въ гробъ заранѣе не гоните! Пропала моя честь и душенька моя распропала... Горько-съ!

— Да развѣ тебѣ плохо тутъ жить-то, развѣ тебя не хотятъ все? Или ты его и взаправду не любишь?

— Не спрашивайте меня про это; про это доля моя знаетъ, бѣдная, горемычная... Маюсь я такъ-то у васъ, почитай какъ неживая...

Дважды впрочемъ въ первые мѣсяцы пыталась Оксана убѣжать. Одинъ разъ нашли ее на сѣновалѣ, куда она спряталась было, какъ-то уйдя до зари сверху изъ дому и ожидая пока ворота отпрутъ. Потомъ она тайкомъ переодѣлась въ платье Домахи, повязалась ея старымъ платкомъ, накинула на плечи ея шубейку и съ ведромъ уже было такъ дошла до колодца. Но тутъ узналъ и воротилъ ее поваренокъ Антропка. Сильно она просилась у него, молила его, кланялась ему, обѣщавая заплатить за свой побѣгъ.

— «Э, сволочь! заключилъ на эти вопли Антропка: — еще на

вась смотрѣть! Съ жиру ѳбситесь! Маршъ назадъ, къ барину-то! Чего слезы распустила! Туда же въ недотроги мостится!»

И онъ ее силою воротилъ, притаща въ самый кабинетъ полковника, котораго впрочемъ тогда дома не было.

Строгости надзора надъ Оксаною не прекращались.

— Пока она у меня, всѣмъ вамъ двойное жалованье, рѣшилъ Панчѹковскій, созвавшій всю дворню по случаю этого второго приключенія: — слышите? всѣмъ двойное жалованье, сколько бы времени тутъ ни прожила.

— Слышимъ... будемъ стараться-съ!

— А тебѣ, Антропка, вотъ... за услугу!

Полковникъ бросилъ Антропкѣ депозитку. Тотъ ему ручку поцѣловалъ.

— Такъ я же, смотрите, не шучу. А уйдетъ, всѣхъ долой прогоню... Слышите?

— Будьте спокойны-съ; мы уже не выпустимъ Оксанки-съ...

— Да языки держите тоже на привязи; а выйдетъ что-нибудь, какая сплетка, — кромѣ того что прогоню, еще вздую. Слышите? плети! Вѣдь вы меня знаете.

— Слушаемъ-съ, какъ не знать! ухмылялась безпачпортная дворня.

— То-то же!

Полковникъ въ тотъ же вечеръ, послѣ новаго побѣга, отправился наверхъ къ ѳбглянкѣ.

— А тебѣ, плутовка, не стыдно бросать меня, а? Ну скажи, не стыдно? Что тебѣ отецъ-то Павладій? Лучше тебѣ тамъ жилось чѣмъ, какъ ты тамъ стряпала да дрова носила, воду?

Молчаніе.

— Домаха, уйди отсюда...

Домаха вышла за двери. Полковникъ съ Оксаной остались одни.

— Оксаночка! не стыдно ли! Ты здѣсь какъ у матери въ холѣ! А бросишь меня, вѣдь я поймаю! что тогда будетъ? Вѣдь я со дна моря найду тебя опять.

Опять молчаніе. Полковникъ треплетъ плѣнницу по щекѣ, обнимаетъ ее, цѣлуетъ, на колѣни къ себѣ посадилъ.

— Вѣдь я тебя не упушу уже больше; ни-ни! извини уже, шалишь! Никому тебя не отдамъ...

Новое молчаніе.

— А поймаю, — извини: на конюшинѣ, душечка, выскну!.. о! я злой на это! Чикъ-чикъ, чикъ-чикъ! да!..

Оксана становится бѣлѣ стѣны. Полковникъ обвиняетъ ее еще крѣпче.

— Да, уже за это извини, я не люблю шутить! У меня будь, мое сердце, покорна, — озолочу тебя. А непокорна — и самъ прогоню, только прежде розочекъ всыплю... Ну, чтоже ты молчишь? Цѣлуй же меня, ну обними... вотъ такъ; да крѣпче, крѣпче... еще...

— «Боже Господи! Хоть бы ты убилъ меня тутъ! думаетъ Оксана, обнимая полковника: — или хоть бы я на это змѣей была, чтобы отъ моихъ губъ—то онъ сырую землю почернѣлъ!»

— Да чтоже ты молчишь, насупилась, будто сердилась на меня? Э! Я этого тоже не люблю, ты знаешь! Ну, коли убѣждать хотѣла и тебя простили, то смѣйся! Смѣйся же, говори тебѣ, смѣйся... Вотъ такъ, такъ... Ну, а теперь опять цѣлуй, такъ! и опять смѣйся!.. Покоришься, будешь по волѣ жить... у меня тоже мѣщачка такая была!..

Оксана сквозь слезы обнимала Панчуковского, приневожденная ластилась къ нему, скрывала горе и муки свои. А когда оставалась она одна и, ухвативши подушку руками, рыдала, весь свѣтъ проклиная, ей особенно мучительными казались нѣмые стѣны, вышки ея, и она долго-долго, сама незная о чемъ думаетъ, смотрѣла все на узенькое окошко, съ желѣзною рѣшоткой въ своей комнаткѣ, да на двери, будто все ожидая кого-то и будто невѣря еще, чтобы ея мученію не могло быть когда-нибудь нежданнаго конца.

Зато съ новымъ слугою полковника Оксана любила гулять въ тѣ дни, когда болѣе и болѣе хирѣвшая оберегательница ея Домаха не сходила по цѣлымъ днямъ съ своего коврика, отъ ея дверей, изъ темнаго уголка на верхней площадкѣ лѣстницы. Аксентій Шкатулкинъ былъ человекъ уже не первой молодости, сильно потертѣй, какъ видно, и помятый жизнью. Онъ держалъ себя весело, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то степенно и набожно, какъ многіе русскіе люди, окончательно положившіе перейти отъ широкой и затульной жизни къ покаянію, если только этому покаянію выпадало на долю дѣйствительно когда-нибудь осуществиться. Онъ ходилъ чистенько, не пилъ, не шумѣлъ, не бѣгалъ въ шинокъ, тотчасъ сошолся

со всею дворнею и часто молился вслухъ, особенно на сонъ грядущій. Въ его холотыяной сумочкѣ, когда онъ смиренно принялся отъ Шульцвейна къ полковнику, оказались и были замѣчены дворней кожаный бубень съ погремушками и святцы.

— Да вы почитаете не изъ духовныхъ? допрашивали его на первыхъ порахъ дворовые полковника.

— О, никакъ нѣтъ-съ! о, ей-же-богу нѣтъ! Я простой-съ... человекъ такъ себѣ-съ...

— Такъ вѣрно вы изъ музыкантовъ чьихъ какъ-нибудь, того-съ, тѣгу дали?

— О нѣтъ! и это ей-же-богу нѣтъ! и не изъ музыкантовъ.

— Такъ зачѣмъ же вамъ тотъ бубень и тѣ святцы?

— Когда мнѣ скучно бываетъ, я помолюся; когда же весело — въ бубень поиграю...

— Буррррр! закричалъ на это кто-то изъ батраковъ: — такія-то намъ и надо!

Оксана, повторяемъ, не отказывалась гулять съ Аксеномъ. Уидеть съ нимъ за ворота, а тамъ къ батрацкимъ избамъ, къ овчарнямъ, къ колодезю, а часто и въ поле. Сядетъ съ нимъ на пригоркѣ, слушаетъ его, смотреть въ степь на поля, какъ тамъ на зиму подъ жито пашутъ, вороны за плугомъ ходятъ, или сама что-нибудь говорить Шкатулкину, облегчая душу.

— Вы вотъ, дялюшка Аксентій Данилычъ, нето-что нашъ Самойло Осипычъ...

— А какъ-съ такъ, моя царица? говорите...

— Да вы вонъ тоже приставлены, а добрѣ его...

— Вы полагаете-съ? Быть тому не можетъ-съ! Такъ ли?

— О, какъ же! И еще я-съ впервые можно-сказать вижу такую услужливость, хоть вы и стары-съ, дяленька...

— Вы полагаете? Такъ-съ! пусть я старъ. А вы бы меня любили, коли бы я примѣромъ сказать не халуй былъ, а тоже положимъ полковникъ-съ? Отвѣчайте на это, барышня! А?..

Оксана повеселѣетъ отъ шутокъ Аксена и часто бывало шутить съ нимъ, смѣется отъ души. Они такъ въ полѣ и въ карты на виду у всѣхъ играли. Либо Оксана шьетъ, а Шкатулкинъ сядетъ противъ нея поодаль на корточкахъ да посвистываетъ, въ бубень играетъ. Полковникъ самъ это видѣлъ иногда съ балкона и хвалилъ Шкатулкина за услужливость.

— Вы, барышня, сиротка-съ? спрашивалъ Аксень.

— Да-съ. А вы?

— У меня не спрашивайте. Я непотребенъ-съ...

— Какъ-съ непотребны? Это какъ-съ?

— Я бродяга-съ чуть не съизмалства. Отца-мать хоть и помню, да что толку? Мало они меня учили, что такимъ дуракомъ стать.

— Жаль васъ, жаль, дядюшка...

— Да что меня жалтъ-то? Говорю вамъ, что я никуда-негоденъ-съ сталъ. Вы вотъ лучше, барышня, скажите... правда ли это, что вы... дочь убитаго бѣлаго-съ... бѣдняги, бурлачка-съ... того вотъ, что тутъ неподалечку когда-то былъ зарѣзанъ тоже... извините... другимъ бродягой-съ?..

— Правда... охъ, правда, дядюшка; я самая и есть... а вамъ меня жалко? Кто вамъ сказывалъ?

Шкатулкинъ мялся на мѣстѣ, закидываясь навзничь, посвистывалъ, и опять вставалъ. День вечерѣлъ. Они сидѣли у колодца, надъ оврагомъ, въ виду широкой зеленой поляны, по которой паслись овцы и пастухъ лѣниво ходилъ.

— Мнѣ-то васъ жалко ли? замѣчалъ Аксень, оглядываясь: — мнѣ-то жалко ли?

— Да-съ.

— Еще бы васъ не жалтъ-съ, когда я... такъ-сказать... съ вашимъ батюшкой, выходить... съ тѣмъ-то вотъ, значить, зарѣзанымъ...

— Ну, ну?

— Я съ нимъ, съ вами, выходить, вмѣстѣ и шолъ въ это-то мѣста, когда впервые бѣжалъ изъ Россіи...

— Такъ вы, дядюшка?..

— Э! уже вы, барышня, и допрашивать! Скоры больно! Я только говорю вамъ, зналъ вашего покойника батюшку и мертвымъ его видѣлъ, какъ хоронили его бѣдняка, въ Таганрогъ; въ больницѣ онъ и умеръ-съ, а васъ вотъ какою дѣвочкою видѣлъ... Только вы никому ни слова про то, слышите? А то меня откроютъ! Вѣдь я тоже несчастный-съ, въ бѣгахъ отъ господъ... Я и убѣжалъ сюда. А вы молчите; что толку-то сказать! Я вамъ не помогу... Моему же барину-полковнику я нынѣ приверженъ, аки рабъ-рабскій, и готовъ за него въ огонь и въ воду-съ...

Читатель разумѣется угадалъ уже, что Аксень Шкатулкинъ былъ никто иной какъ нами давно оставленный Милороденко, вѣдъ когда другъ и жоака Левенчука. Судьбѣ угодно было, чтобы въ но-

выхъ подвигахъ своихъ, спасаясь отъ поисковъ нахичеванской полиціи, онъ повалъ теперь именно въ домъ главнаго свата всѣхъ бѣглыхъ въ краѣ, Панчуковскаго, чтобы встрѣтиться у него съ Оксаною, о дѣтской судьбѣ которой первый онъ же передалъ когда-то бѣдному Левенчуку; идя съ нимъ глухими дорожками на югъ, въ степное приволье. И этой же судьбѣ наконецъ угодно было, чтобы Панчуковскій, получа газеты отъ своего кровнаго недруга, отца Павладія, не прочитадъ въ нихъ публикацій о послѣднихъ бѣглыхъ, съ описаніемъ примѣтъ Милороденка и его страсти къ свѣтскому разговору...

Оксана между тѣмъ сильно обрадовалась, что встрѣтилась съ человѣкомъ, хотя и преданнымъ ея губителю полковнику, но какъ видно съ добрымъ, честнымъ, разговорчивымъ и жалостливымъ. Ее радовало на ея скукъ и то, что между нею и слугою полковника затѣялось даже и нѣчто сокровенное, тайна завелась: онъ видѣлъ ее когда-то въ дѣтствѣ, видѣлъ и бѣдняка отца ея, котораго она сама не помнила, просилъ ее не говорить объ этомъ никому, и она молчала, держала слово.

— Аксентій Данилычъ, голубчикъ! сказала она ему однажды, сидя съ нимъ на крыльцѣ и гадая ему въ карты: — я все вамъ скажу, про все загадаю; только сослужите мнѣ службу!

— Какую?

— Помогите мнѣ уйти къ отцу Павладію, или извѣстите его, дайте мнѣ воротиться къ нему! шептала Оксана, оглядываясь.

Шкатулкинъ на это громко расхохотался; такъ и залился колокольчикомъ.

— Ахъ вы, шалуныя барышня! Да развѣ это возможно-съ? Да меня полковникъ за васъ щелчкомъ, однимъ махомъ порѣшить-съ! Что вы! Да я ему преданъ... я ему преданъ какъ отцу родному. Куда! сказать, такъ и родному отцу-то такъ я врядъ ли былъ бы преданъ.

Оксана смиряла пылкія надежды, просила ей хоть огурчика тайкомъ пронести, селедочки, что ей начинало что-то жечь подъ ложечкой, голова все кружилась. Аксентъ на это усмѣхался, смѣкая о близкой радости полковника. Зато въ другой разъ самъ Аксентъ заводилъ такую рѣчь:

— Барышня, а барышня!

— Чтó?

— У меня тоже къ вамъ теперь дѣло есть...

— Какое?

Это было въ воскресенье. Самойла и Аксену баринюшкѣ поручено было свозить Оксану въ сосѣднюю греческую деревушку, въ церковь, куда почти никто изъ православныхъ помѣщиковъ не завертывалъ. Она давно просилась у полковника помолиться. Вѣрные слуги исполнили приказъ въ точности. Освѣжили плѣнницу прогулкой и дали ей вмѣстѣ съ тѣмъ помолиться. Аксенъ вошелъ съ ней въ церковь, далъ ей сдѣлать три поклона, поцѣловать образъ, прочесть молитву и вывелъ ее обратно. — «Будеть-съ!» — «А какъ крикнула бы я въ церкви?» — шутила дорогою Оксана. — «Э! вы не замѣтили, тамъ наши батраки были... баринъ и объ этомъ распоряжился...»

Итакъ Оксана спросила у Шкатулкина, какое же у него къ ней дѣло? Они ѣхали въ коляскѣ. Самойло сидѣлъ на козлахъ, а Шкатулкинъ рядомъ съ Оксаной внутри экипажа. Они говорили шопотомъ.

— Вы вотъ меня все за старика считаете, барышня, а у меня душа молодая. Мнѣ жаль васъ, очень жаль, барышня! Скажите: что, еслибы настоящій-то... вашъ милый, Левенчукъ чтоли онъ, вдругъ явился бы къ вамъ?..

Оксана поблѣднѣла и чуть не вскрикнула. Аксенъ ее вовремя остановилъ.

— Любите ли вы его попрежнему, барышня, своего-то друга настоящаго, мужика-то, нашего брата? Любите? Или вы совсѣмъ...

— Не мучьте моего сердца, Аксентій Данилычъ...

— Да скажите, любите? Или вы отъ барина уже не отстали бы?

Оксана склонилась на грудь, руки ея упали, слезы выступили изъ глазъ.

— Люблю... я-то люблю Левенчука... да только въ глаза-то ему какъ я теперь посмотрѣла бы?.. и какъ онъ теперь меня захотѣлъ бы вызвать?..

— Въ глаза? Онъ-то?..

— Да.

Аксенъ посвисталъ будто про-себя.

— Какъ вы, а я бы уже еще съ-изначала штуку барину бы сдѣлалъ...

— Какую?

Аксенъ ничего не отвѣтилъ.

— Грѣхъ вамъ, дядюшка! Вы думаете, что я охотой...

Оксана залилась слезами.

— Лошади добѣгали уже къ хутору! Остаетсяъ версты двѣ.

— Дядюшка! шеннула будорожно Оксана.

— Что, мое сердце? Фу, какая вы антиреспектная!

— Что вамъ дать за волю-то мою?

— Чьимъ заплатить-то мнѣ?

— Да!

Аксенъ склонился къ ея уху:

— Коли бы у васъ хоть мильонъ былъ, барышня, а я значить моего барина, распродобрышаго Владимира Алексѣича, низачто не промѣнялъ. Я пошутилъ-съ! Будьте ему покорны во всемъ, аки я самъ рабъ, смердь-смердящій, вѣренъ ему! Это вамъ-съ мой советъ...

Уже подвѣзжая къ воротамъ, Шкатулкинъ сказалъ опять:

— Вы обо всемъ что я вамъ говорилъ, ни гу-гу! Слышите?

— О! я-то никому...

— То-то же, барышня, а то вѣдь я и ножомъ пырну! Скажете, — я значить пропалъ, а меня не замай — въ острогъ-то не хочется.

Аксенъ ловко отворотилъ конецъ рукава и за лацканомъ показалъ ножъ. Оксана помертвѣла.

— Это-съ я всегда про запасъ ношу. А вы будто ни про что и не слышали. Я здѣсь чужой и вы чужія-съ... Выдадите про мои лишніе съ вами разговоры, вѣдь ничего не выиграете. — «Пожалуйста, ручку, сударыня, прѣжали! Милъ-пардонъ!» добавилъ онъ гротеско, уже у крыльца.

Ловко выпрыгнувши изъ коляски, Аксенъ свелъ Оксану еще ловче по ступенькѣ наземь, потомъ въ сѣни.

— Вамъ бы нашей барыней быть, повелительницей, полковницей! весело заключилъ онъ, снимая шляпу съ кокардой, когда Оксана въ яркой алой клѣтчатою юпкѣ и въ дорогомъ платкѣ и монистахъ входила съ крыльца въ сѣни. Полковникъ начиналъ одѣвать ее щегольски.

— Лошадей выпречь, да выводить получше! крикнулъ между тѣмъ полковникъ изъ окна кучеру, не безъ радости подхвативши на лету слова Шкатулкина и самодовольно любуясь соблазнительною красоткою Оксаны, ея здоровымъ, полнымъ станомъ, густыми русыми косами, поблѣднѣвшимъ и слегка захудалымъ лицомъ, слегка впалыми и томными глазами, и этимъ живописнымъ украинскимъ нарядомъ, шитою пестрыми шелками сорочкой, монистами и яркою алою клѣтчатою юпкой.

— «О! теперь я за нее спокоенъ; она не убѣжитъ!» рѣшилъ въ восторгѣ полковникъ, провожая глазами щегольскую нетверзю любимыхъ лошадей, удалявшихся въ мыль и въ пѣи къ конюшнѣ. — Вотъ я поѣду на торги, пшеницу продавать въ Бердянскъ, и ее возьму, въ театръ повезу, еще платьевъ ей справлю. Наряды кого не соблазнятъ!.. Да кажется она уже и беременная... Все въ ней хорошо; пылу только этого нѣтъ; какая-то вялая будто, тихая, да молчаливая...»

Гдѣ-то, у кого-то и при какомъ-то разговорѣ у Панчуковскаго завязался споръ о преданности владѣльцамъ крѣпостныхъ дворовыхъ. Полковникъ доказывалъ, что вѣрность и честь — принадлежность однихъ людей благородной крови, что если есть зѣбри породистые, то есть и люди породистые, люди бѣлой кости.

— Я, господа, демократъ въ душѣ; но кровь, лучшія преданія честной семьи — это такія вещи, такія, что я...

— Ахъ, полковникъ! ваша правда! перебила его сосѣдка Щелкова; протискивая свой чепецъ и свой чубукъ въ кружокъ, по обычаю обступившій мѣстнаго Токвиля: — я вамъ раскажу свѣжій прихѣръ...

— Какой? какой? спросили слушатели.

— На дняхъ я ѣздила къ золовкѣ моей, за Донъ. На одной изъ этихъ скверныхъ донскихъ станцій собралась огромная толпа проѣзжающихъ. Куча всякихъ подорожныхъ лежала на столѣ, а лошадей никому не давали... ждали какое-то важное лицо третьи сутки...

— Это ужасъ, ужасъ! Вотъ наши почты! вотъ злоупотребленія...

— Не въ томъ дѣло, сказала Щелкова: — а вотъ въ чемъ. Тутъ же сидѣла, скучая, одна почтенная и премилая дама, помѣщица изъ Россіи. Она молчала, ни съ кѣмъ не вступала въ знакомство, вся въ черномъ, и маленькая дочь съ нею. Ее поразило необычайное происшествіе: крѣпостной слуга ея мужа — кажется покойнаго уже — мальчикъ лѣтъ двадцати-пяти, на котораго она возложила въ пути всѣ свои нужды, всѣ чемоданы и ключи ему сдала... этотъ мальчикъ, пользуясь хорошей погодой — а погода тогда стояла чудная — выходилъ часто за ворота и на крыльцо станціи... все смотрѣлъ въ даль, я сама это замѣчала, будто дивился нашимъ мѣстамъ; еще

подслѣповатый такой былъ и какъ-будто... загнанный, скучный, — смотрѣлъ-смотрѣлъ...

— Ну-съ, ну?

— Да какъ былъ въ одномъ сертучишкѣ и замасленомъ картузѣ, — и далъ тягу въ степи; пропалъ безъ вѣсти.

— Это ужасъ! шептали дамы.

— Какая же причина? допрашивали мужчины.

— Гм! простая-съ! злобно и вмѣстѣ насмѣшливо отвѣтила, кашляя, Щелкова: — очень простая, какъ же вы не догадались! Ужь это у насъ народецъ такой; не вези его сюда! Какъ пріѣхалъ, поставилъ носъ по-вѣтру, почувялъ волю — и драла! И край-то здѣсь, упаси-господи! Мнѣ что! Я больше вольными работаю; да гдѣ денегъ-то взять, гдѣ взять ихъ намъ, горемычнымъ?

— Чтоже, нашли этого лакея?

— Куда вамъ его тутъ найти! Особенно же онъ еще бѣжалъ, говорятъ, потому, что черезъ барыню ожидалъ попасть въ чужія знакомыя руки. Такъ на станціи ямщики послѣ толковали...

— Барыня же эта кто такая?

— Перепелицына. Я въ подорожной смотрѣла, Перепелицына изъ Моршанска...

Панчуковскій чуть не уронилъ стакана съ чаемъ, бывшаго у него въ рукѣ, и едва могъ скрыть волненіе; охватившее его при этой вѣсти.

— Какъ вы сказали? отнесся онъ сколько могъ свободнѣе къ Щелковой.

— Перепелицына-съ... Такъ мнѣ сказали и въ подорожной такъ прописано.

— Гдѣ же она теперь?

— Въ Севастополь чтоли, на могилу мужа кажется поѣхала.

— А мальчикъ?

— О немъ она старому послала объявленіе и сильно-сильно была стѣснена ъбгѣствомъ его. Онъ впрочемъ ее не обокралъ и она его очень любила...

— Мѣстечки-съ! насмѣшливо завершилъ этотъ разговоръ полковникъ.

Послѣ обѣдни у отца Павладія въ одно воскресенье сидѣлъ въ гостяхъ причтъ другой вновь-устроенной сосѣдней церкви.

— Вы слышали, батюшка? передавали вѣсть Щелковой услужливые собесѣдники: — тутъ возлѣ по донскому трайту ѣхала помещица и ее лакей на дорогѣ бросилъ?

— Нѣтъ, не слышалъ. Куда же она сама-то ѣхала?

— Въ Севастополь чтоли! отвѣтили собесѣдникъ пономарь.

— Что вы, что вы! Въ нашемъ уездѣ, въ нашемъ горѣдѣ уже живеть, поселилась, и квартиру у моей тещи наняла! возразилъ дьяконъ.

— Зачѣмъ же это она пріѣхала? спросилъ отецъ Павладій.

— По дѣламъ. Никого не принимаетъ, живеть тихо, въ церковь только ходитъ къ отцу Анисиму и кажется очень скучная. Къ дочкѣ учителя искала.

— Лакей же ея?..

— Такъ и пропалъ безъ вѣсти, ключи отъ чемодановъ ввасѣхъ, должно-быть по ошибкѣ, а вещей ничего не тронулъ...

— А!

Панчуковскій, невѣдомо: ни для кого, нанялъ у колониста за Мертвою фургономъ и поѣхалъ за Донъ. Тамъ легко онъ нащупалъ становаго, котораго имя узналъ онъ отъ Щелковой, явился къ нему, будтобы отъ лица помещицы, у которой сбѣжалъ слуга, назвался чужимъ именемъ, предложилъ становому малую толику за справку, получилъ доступъ въ его перепискѣ и съ худо-скрываемиымъ трепетомъ сѣлъ читать объявленіе Перенелицыной о слугѣ. Становой, обрадованный въ своей глуши неожиданно-упавшею съ неба ланною, толкалъ изъ пріемной грязныхъ ребятишекъ своихъ, извинялся, что жена его нечесаная попалась гостю на крыльцѣ, и передавалъ какіе-то новые политическіе слухи.

Панчуковскій впивался глазами въ каждую строчку простого-повидимому и незамысловатаго объявленія. Изъ послѣдняго только кажется и можно было узнать, что воть сбѣжалъ лакей Петрушка Козырь, а примѣты ему такія-то, то-есть почти никакихъ, какъ водится.

— Ужь и край! проговорилъ становой, какъ видно начитанный и литературно-натертый малый: — этого зовутъ вонъ Петрушкой! Да еслибы сюда Чичиковъ изъ Мертвыхъ Душъ заѣхалъ, и его бы кажется Петрушка тутъ отъ него сбѣжалъ, почувши волю здѣшнюю, о которой они тамъ на сѣверѣ-сѣ и не предполагаютъ...

Панчуковский, увидѣвши въ блѣдномъ и смиренномъ повидимому ставовомъ такия литературныя записки, сдвинулъ брови и какъ ни занятъ былъ другими мыслями, рѣзо спросилъ :

— Вы гдѣ учились?

— Изъ здѣшней войсковой-съ гимназій исключенъ-съ, за стихи на инспектора классовъ-съ...

— Гм! Когда же у васъ времени становится здѣсь за службой?

— Намедимъ-съ. А вы тоже любитель просвѣщенія?

— О, да! да!

— И у васъ книжки хорошия есть? Вотъ еслибы понитать! Здѣсь одинъ ученый журналистъ недавно проѣзжалъ на Тамань. Я узналъ о его проѣздѣ черезъ мой участокъ и тридцать нязь верстъ за нимъ гнался, чтобы только увидѣть его...

Панчуковский, башмакувъ, ничего не отвѣтилъ и кусая до крови ногти опять сталъ перечитывать бумагу. Онъ всталъ, началъ надѣвать перчатки.

— Куда же эта барыня проѣхала?

— Не знаю-съ...

— Слугу не нашли?

— Гдѣ ихъ тутъ найти! Помилуйте! У насъ тысячи, десятки тысячъ такихъ дѣлъ о бѣглыхъ...

Панчуковский вышелъ на крыльцо.

— Одно могу сказать, прибавилъ ставовой, въ мундирномъ сертучкѣ сбѣгая съ крыльца къ сургону: — я сталъ вносить дѣла объ этомъ-то Петручкѣ Козырѣ въ опись, да по алфавиту наткнулся на дѣло другого еще Козыря... Последнее тянется уже лѣтъ десять и много ставовыхъ на немъ смѣнилось: оно объ одномъ лакеѣ, котораго зарѣзалъ какой-то косарь; и этого лакея тоже звали Козыремъ — онъ при смерти такъ объявилъ въ больницѣ, гдѣ умеръ...

— Прощайте!

— Прощайте-съ.

Панчуковский уѣхалъ, недослушавши послѣднихъ объясненій ставового. Его занимали другія мысли...

Становилась настоящая осень.

— «Что, сударь, вы не поохотитесь бы теперь на зайчиковъ да на диночекъ?» спросилъ утромъ полковника новый его камерди-

неръ, Аксень Шкатулкинъ, по обычаю своему весело передъ баринномъ посмѣиваясь, виляя добродушною и смазливою, хотя уже съ сѣдоватыми усами, мордочкой и играя живыми подвижными глазками. Онъ бережно и степенно одѣвалъ ноги полковника въ сапоги, а полковникъ лежалъ на диванѣ въ халатѣ и лѣниво раскидывая мыслями: что ему въ тотъ день дѣлать? На душѣ его было светло-свѣтло.

Полковникъ молчалъ. Солнце чуть глядѣло въ окна. Камердинеръ отозвался.

— Я спрашиваю, сударь, не манитъ васъ теперь поохотиться съ собачками или хоть съ ружьемъ? Деньки вотъ бывають уже сѣрые, морось моросить, туманчики въ полѣ прохладные переливаются-сь! Вотъ бы въ степь-то... а?

— А ты развѣ охотникъ? Тише надѣвай чулки: тамъ мозоль вонъ есть...

— Былъ когда-то-сь я и въ охотникахъ! Былъ, да мало ль еще чѣмъ я и не былъ...

Шкатулкинъ вздохнулъ.

— Ты откуда бѣжалъ?

— Изъ-за Полтавы-сь... Не вѣрите? ей-же-ей не лгу...

— И давно?

— Да лѣтъ десять-девять уже будетъ-сь...

— Ну, скажи же ты мнѣ, Аксень, да по правдѣ: гдѣ ты все это время бурлачилъ?

Аксень умильно улыбнулся, кашлянулъ, сложилъ на рукахъ платъ полковника, сталъ въ вѣжливую, выветъ почтительную и шаловливую картинку, губы сдвинулъ еще добродушнѣе, глаза окружилъ бѣловатыми кроткими смѣющимися морщинками, бровки насупилъ, вздохнулъ опять и отвѣтилъ:

— Извольте, сударь; спрашивайте!

— Гдѣ ты былъ, я повторяю, за всѣ эти девять чтоли лѣтъ твоего побѣга?

— Вездѣ былъ понемногу; гдѣ ночь, а гдѣ день, а гдѣ и того меньше...

— Такъ всѣ бурлаки отвѣчаютъ, а ты мнѣ скажи по душѣ...

Аксень засмѣялся и глянулъ всторону.

— Извольте. Спрашивайте опять, еще подробнѣе? сказалъ онъ, шагнѣвши къ полковнику ближе и опять свертываясь руками, ногами, головой и всѣмъ тѣломъ въ ту же услужливую, любезную и

вмѣстѣ добродушную картинку : — я вамъ все открою-сь, все... Ну-сь?

— Я тебя будто видѣлъ гдѣ... Будто ты у меня когда-то или работалъ, или просился работать? Я что-то, братецъ, помню тебя...

— А можетъ-быть! Нѣтъ, баринъ, нѣтъ. Я васъ вижу впервые. Вездѣ перебивалъ я въ этомъ краѣ-сь; а у васъ не былъ! Былъ я и въ Кіевѣ, и въ Житомирѣ-сь, и въ Умани, и въ Одессѣ, и въ Пятигорскѣ-сь, а у васъ не былъ. Ей-же-богу-сь не былъ! Что вы! Развѣ мнѣ лгать?

Панчуковскій зѣвнулъ.

— Чѣмъ же ты промышлялъ въ бурлакахъ, до поры, какъ напаялся у Шульцвейна? Расскажи, братъ, отъ скуки...

Аксенъ опять кашлянулъ.

— Да не знаю какъ вамъ и сказать-то...

— А что?

— Видите ли, сударь, вы холостой, вамъ можно сказать: господа это называютъ клубничкой-сь! Я охотникъ, видите ли, до бабашекъ-сь; люблю-сь этотъ хрухтъ...

Панчуковскій, неожиданный такого отвѣта, самъ приснулъ со смѣху.

— Какъ? Какъ? Ахъ ты шутникъ, что отмочилъ!

— Ейбогу-сь! Я большой-сь ходокъ по женскимъ дѣламъ-сь! Всю мою жизнь можно-сказать на это потратилъ; видите ли, откровенно вамъ говорю: въ ума помраченіе впадалъ. И нѣтъ тутъ села, городишка, гдѣ бы я свиныхъ дорожекъ къ красоткамъ не топталъ... Вотъ и сѣдина уже пошла въ усы и въ бакены-сь...

— Э! да ты мнѣ находка, Аксенъ! Я самъ, братецъ, какъ видишь, любитель. Съ покойнымъ Абдулкой мы многія дѣла рѣшали. По правдѣ, жаль его. Тутъ была у насъ исторія изъ-за одной горожанки... Онъ мнѣ тогда очень помогъ, и я покойнику этого никогда не забуду...

— Да-сь, слышалъ-сь; тутъ и градоначальникъ кажись сердился?

— Такъ ты все знаешь?

— Какъ не знать-сь. А теперь зато ухъ славная, сударь, дѣвочка у васъ эта отъ попа! Мы про нее еще у Шутовкина слышали. Я и у него работалъ-сь; онъ тоже ходокъ...

— Да ты у меня смотри однако, Аксенъ, ее не отбей! Ты еще мнѣ рога наставишь! шутливо замѣтилъ полковникъ.

— Какъ можно, сударь! Я дѣла-то эти знаю-съ. У меня тоже баринъ въ Россіи былъ съ, и я былъ имъ тоже вѣрнѣйшимъ холопомъ, рабомъ по гробъ моей жизни-съ. Меня и они по этимъ-то исторіямъ-съ наряжали. И скажу вамъ, у барина моего все толстому были, пудъ по восемь-съ, по десять... Да что-съ? я и здѣшнему исправнику-съ, г. Подкованцеву, одну гречанку поставилъ, дѣвицу неизмѣримую-съ, сущую королеву Бобелину-съ...

— Такъ ты и Подкованцева знаешь?

— Служилъ имъ тоже недѣли двѣ. Уже безъ этого намъ, бѣглымъ, нельзя-съ. А господинъ исправникъ здѣшній — судій отецъ намъ, бурлакамъ-съ; безъ него наше царство пало бы-съ. Вѣдь мы народъ-съ иной; по натурѣ своей живемъ. Ну, и бываютъ приключенія; когда разгуляешься очень, непотребность какую сдѣлаешь, онъ-то и вспоретъ, а велитъ у себя отслужить, — и дѣло съ концомъ. Далеко не тянетъ. А то иной разъ продуется онъ съ господами морскими офицерами въ карты, и прямо уже намъ сдѣлаетъ: эйнъ-венигъ аржанчина, братцы-бурлаки; это значитъ дѣньжата дай ему малую толику...

— И вы даете?

— Даемъ; какъ не дать! На то онъ нашъ отецъ командиръ.. Безъ него и невода-съ по всему здѣшнему вольному номерью, и донскія гирла, да и ваши, сударь, стѣнные-то вновь-поселенцыя хутора опустѣли бы. Что птицы вольныя, такъ и мы, бродяги, дѣлимъ волю; не тѣсни насъ только, а мы, отъ работы не бѣжимъ.

— А правда, Шкатулкинъ, что въ донскихъ гирлахъ, въ камышахъ и возлѣ Нахичевани, бѣглые стали теперь пачпорты печатать и всѣмъ роздаютъ, а недавно стали и асигнаціи стряпать? Какъ бы поживиться, братецъ, размѣнять эдакъ сотенку-другую трехрублевыхъ на ваши сторублевья?

Шкатулкинъ поблѣднѣлъ. Панчуковскій атого не замѣтилъ.

— Не знаю, сударь; я по этой части не ходокъ-съ... Мое дѣло сапожки почистить, коней или верблюдовъ напоить, въ саду состоять. Какъ встарину вонъ шляхта говорила: «кульбачить коня, и хендѣжить бѣты». Вы баринъ добрый, мы васъ знаемъ; вы насъ покрываете, содержите, и я бы вамъ сказалъ, да ничего не знаю... Чтобъ мнѣ почернѣть, какъ та мать сыра земля, коли я что про это знаю...

Такъ объяснялся съ полковникомъ Милороденко-Шкатулкинъ, котораго въ то время именно земскія власти разыскивали, какъ од-

ного изъ коноводовъ наичеванской шайки фальшивыхъ монетчиковъ и дѣлателей пачпортовъ.

— На всякій однако случай, сударь, чтобы нашъ отецъ командиръ г. Подкованцевъ не придрался къ вамъ когда-нибудь за меня, то вотъ вамъ и мой билетъ!

Онъ досталъ изъ бокового кармана пачку бумагъ, лизнулъ палецъ, отдѣлилъ не безъ труда изъ нихъ новенькій пачдортъ и подалъ его полковнику.

Панчуковский покрутилъ носомъ и усмѣхнулся.

— Знакомое дѣло! сказалъ онъ. — Зачѣмъ ты мнѣ это даешь? Вѣдь я же знаю, что это не твой билетъ. Вонъ и подпись какого-то городничаго прямо несообразная.

— Какъ несообразная? Это какъ-съ?

— Да ясно фальшивая, братецъ, и все тутъ!

— Нужды нѣтъ; держите. Я ужъ вамъ отслужу... И то я съ васъ противъ пачпортныхъ да вольныхъ вполонину договорилъ жалованье!

Полковникъ взялъ билетъ, умылся, одѣлся, причесался и пошелъ наверхъ къ Оксанѣ. Плѣнница въ эти дни уже нетакъ строго содержалась. Она и по двору ходила, и въ поле одна ѣдила съ кучеромъ въ дрожжахъ кататься.

Оксана особенно вдругъ стихла и будто ожила, повеселѣла. Она замѣтно стала оправляться, а полковникъ началъ невольно къ ней привязываться. Заботы къ ней и ласки становились безъ конца. Кромѣ Домахи, въ услуженіи у ней показалась и еще какая-то дѣвочка. Оксана наверху только днемъ сидѣла; а комнату ей отвели уже рядомъ съ кабинетомъ полковника.

Неуспѣлъ полковникъ придти къ Оксанѣ, пожурить ее за затворничество и свести шутя и напѣвая внизъ, въ кабинетъ, неуспѣлъ онъ сѣсть на диванъ и посадить Оксану къ себѣ на колѣни, обнялъ ее и сталъ учить раскуривать папироску; какъ потайная дверь въ одномъ изъ шкафовъ кабинета отворилась и изъ комнаты, отведенной Оксанѣ, сквозь занавѣсъ просунулась любопытная голова Шкапулкина.

— Что тебѣ? надоѣлъ, братецъ! сказалъ Панчуковский съ досадою, что такъ нечаянно прервали его шалости съ дамою его сердца.

Оксана вскочила и тихо отошла къ окну.

— Извините, сударь: я не зналъ, что тутъ ходить нельзя-съ,

сквозь эти двери. Тронулъ задвижечку, а она сама это — **ЧВЪГ!** и отворилась... Я самъ даже испугался...

— Да зачѣмъ ты сюда пришолъ?

— Барышня, сударь, счастье послано-сь: караванъ на верблюдахъ съ виноградомъ пришолъ. Не купите ли-сь? **Свѣжій, преотличный!**

— Ступай; я сейчасъ приду.

Шкатулкинъ вышелъ.

— Ты, Оксана, смотри не бросай такъ ключа отъ твоей комнаты; еще бы не пропало что у тебя! Видишь, всѣ ходять черезъ нее уже и въ мой кабинетъ...

— Нѣтъ, не буду бросать ключа; я забыла...

— Пойдемъ же виноградъ новый покупать.

Полковникъ и Оксана вышли на крылечко. Солнце къ обѣду выслынилось. Туманы исчезли и день сверкалъ чуднымъ послѣднимъ, осеннимъ блескомъ.

У воротъ толпился веселый людъ, дворня и батраки. Рядъ заманчивыхъ, туго-нагруженныхъ крымскими плодами двухколесныхъ арбъ стоялъ подъ оградомъ. Высились двугорбые длинноногіе верблюды. Татары въ низенькихъ шапочкахъ суетились возлѣ, вынимая напоказъ синіе и зеленые гроздья.

Полковникъ купилъ запасъ винограду, велѣлъ запретъ рѣзвую четверку, сѣлъ съ Оксаной въ фаэтончикъ, посадилъ на козлы **Шкатулкина** и покатылъ въ степь, съ ружьемъ. — не наскочить ли гдѣ-нибудь на дрохвъ или на дикихъ гусей, а то и на своихъ овецъ въ полѣ посмотреть.

— А вѣдь у меня весело, **Шкатулкинъ?** крикнулъ **Панчуковскій** на козлы.

— Весело, и боже! какъ весело! Ейбогу-сь вы особый изъ господъ! Я люблю-сь такихъ какъ вы...

— Четверня каково мчить, **Аксентій?**

— Подхватываетъ; ажно духъ мреть... ухъ! такъ ажно будто лижетъ кто, лоскочетъ за сердце...

— Не русскому ли, братецъ, тутъ житье?

— Съ капиталами, оно точно...

— Какъ съ капиталами?

— Да у васъ чай, сударь, казны достаточно?

.. **Панчуковскій** немолчалъ и носомъ цокрутилъ.

— Есть, братецъ... да и расходы большіе! Все больше въ оборотъ; дома... рѣдко что есть...

— Ну, и дома—таки вѣрно перепадаетъ! Не можетъ быть, сударь! А вотъ я у нѣмца этого Шульцвейна былъ, такъ антихристъ даже безъ свѣчей по вечерамъ сидитъ; все расчитываетъ и на это, скаредъ!

— Мирно же онъ живетъ съ женою своею?

— Все цѣлуются—съ старые черти—съ; ажно противно! Я болѣе по лакейству способенъ, а они меня все по хлѣбопашеству пу-скали; ну, я у нихъ къ вамъ и отпросился. А какъ я былъ у Шутовкина купца, такъ тотъ какъ свинья—съ: либо пьянъ, либо деньги считаетъ! А домъ — дворецъ.

— Сударыня, поздній цвѣточикъ! сказалъ неожиданно Шкатулкинъ, вскакивая дорогой съ козелъ, срывая цвѣтокъ въ полъ и поднося его Оксанѣ.

Та засмѣялась, не брала его. Она хоть и покорилаь, или какъ отзывался о ней полковникъ — аклиматизировалась, но при людяхъ еще сильно дичилась.

— Бери! сказалъ полковникъ. — А ты, Аксентъ, за свое? а?

— Я, сударь, уже Домаху—съ вашу рѣшилъ соблазнить! Вамъ молодка, а мнѣ старуха.

Полковникъ смѣялся отъ души.

Весело пробѣжали лошади версть двадцать въ оба конца и на румяной прохладной вечерней зорькѣ, всѣ въ мылѣ, снова подкатили полковника къ крыльцу.

Темнымъ вечеромъ, послѣ ужина Панчуковскій отпустилъ дворню спать и рѣшился однако посмотреть, что думаетъ его новый, такой развязный слуга. Онъ вышелъ на крыльцо. На площадкѣ, на верхнихъ ступенькахъ, лежали его сапоги, сапожныя щетки и стояла баночка съ ваксой. У крыльца же, подъ окномъ, уже раздѣтый, въ одной рубахѣ, несмотря на сиверкій вечеръ, стоялъ Шкатулкинъ. Онъ молился вслухъ на востокъ, вздыхалъ, зѣвалъ, почесывалъ себѣ грудь, руки и спину, поглядывалъ по сторонамъ и усердно клалъ земные поклоны.

— «Слуга надежный, коли такой вѣрующій! это лучшій признакъ!» подумалъ полковникъ и пошелъ въ кабинетъ. — «Спасибо нѣмцу; хоть этимъ, повторяю, мнѣ пользу настоящую тутъ по со-сѣдству сдѣлалъ.

— Такъ ты, братецъ, набожный человѣкъ? спросилъ слугу на-
утро полковникъ.

— Грѣхи замаливаю. Поклялся покаяться, остепениться. Вонъ
просѣды въ голову идетъ; далъ зарокъ безъ шутокъ покаяться и
трудомъ въ мирные люди перейти...

— Ну, досталъ полковникъ слугу! говорилъ отецъ Павладій
дьячку: — ты видѣлъ? вѣдь это Милороденко у него!

— Видѣлъ.

— Ну, жаль же, что онъ газетъ тогда не читалъ! Да Богъ съ
нимъ!..

«Ахъ ты бѣднякъ-бѣднякъ Харько! вотъ обработали!» рассу-
ждалъ между тѣмъ какъ-то на крылечкѣ Милороденко-Шкатулкинъ,
наслышавшись вдоволь на мѣстѣ уже, въ Новой-Диканькѣ о проис-
шествіи съ Левенчукомъ. — «Ейбогу, и смѣшно и жалко! Да и задалъ
же ты, братецъ, тутъ полковнику копоти, нанугалъ его здорово. На
добро я тебя привелъ сюда! Гдѣ же ты самъ-то теперь, другъ Хо-
ринька? Вотъ бы повидаться! Наговорились бы, натѣшились, вспо-
минаючи былыя времена, какъ я тебя-то отъ омута избавилъ, уто-
питья тебѣ не далъ и сюда на вольницу привелъ. Только по правдѣ
не покавалерски здѣшніе кавалеры съ тобою, вижу, поступили: вмѣ-
сто того чтобъ тебѣ самимъ-то женщинъ вдоволь по старинѣ пре-
доставить, а они у тебя же еще бабу отняли, дѣвочку-невѣсту! Не то
прежде тутъ было; свѣтъ не тотъ сталъ! Бокомъ вся земля повер-
нулась! Куда ни глянь, все уже здѣсь другое будто стало, а не пре-
жнее, когда тебѣ, бурлачку, все бывало предоставляли. Тутъ же
вонъ уже... и сѣчь-то насъ вольныхъ стали, и розыскивать строжѣ.
Въ города же и не поткнися; полицейскій смердовъ-сынъ звѣреть
лютымъ сталъ, такъ и рыщетъ и норовитъ тебя либо въ морду, либо
за шиворотъ! Гдѣ же ты, Хоринька, гдѣ однако? Вотъ я теперь де-
сять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья получаю; вонъ оно. А тогда?
Получали меньше, да лучше жить было. Не попасться бы однако,
не узнали бы тутъ у полковника. Да нѣтъ, вся дворня незнающая. И
баринъ самъ невыдастъ; а то прямо въ Сибирь... Вонъ намедни од-
ного бродягу снабдилъ я сѣренькою депозиткою... Чтоже? погубилъ
его! Десять лѣтъ онъ у Небольцевыхъ табунщикомъ былъ, а
попался; повели бѣдняка сперва къ его барину, а оттуда прямо на

Ураль пойдетъ. Онъ обидѣлся, ушелъ, прошлялся, а теперь черезъ меня и пропалъ...»

Разъ съѣздивъ полковникъ въ городъ, забѣжалъ тамъ, среди разныхъ коммерческихъ дѣлъ, на почту, и воротился передъ вечеромъ сильно не въ духѣ. Онъ ѣздивъ одинъ съ кучеромъ. Прошолъ онъ черезъ лакейскую сурово. Шкатулкины надъ чѣмъ-то у стола здѣсь портняжилъ, быстро вскочилъ, принялъ съ барина пальто и вышелъ на крыльцо.

— Что это, Самойло Осипычъ, баринъ нашъ сердитый такой пріѣхалъ? спросилъ онъ, сейчасъ прочитавши на лицѣ барина невзгоду.

— Изъ почтовой конторы вышелъ такой...

— Письмо чтоли какое получилъ непонутру, или денегъ отъ кого ждалъ?

— А шутъ его гороховый знаетъ! отвѣтилъ Самойло, поглядывая съ козель въ окна. — Откуда ему деньги! вѣрно письмо какое изъ Россіи получилъ...

— А баринъ самъ откуда?

— Сказываютъ, съ Волги чтоли; изъ Моршанска надо быть... Служилъ въ гвардіи; да должно-статься отъ долговъ бѣжалъ сюда...

Аксень дождался сумерковъ, внесъ въ комнаты свѣчи, барину чай подаль; и пока баринъ дѣлалъ приказчикамъ распоряженія на другой день, сходилъ на вышку къ Оксанѣ, поигралъ съ нею и съ Домахою по обычаю въ карты, въ свои козыри, и пошелъ барину въ кабинетъ постель стлать. Онъ вошелъ въ кабинетъ со стороны зала. Передъ альковомъ, гдѣ за занавѣсками стояла кровать полковника, онъ увидѣлъ на столикѣ хлыстъ барина, шляпу и распечатанное письмо.

— «А! подумалъ онъ: ужь не обо мнѣ ли розыски?» Подбѣжавши на цыпочкахъ къ дверямъ въ залъ и въ комнату Оксаны, онъ постоялъ, послушалъ, и будто убирая со стола, сталъ нагнувшись читать письмо. Прочтя его до конца раза два, онъ положилъ его обратно на столъ и задумался. Смыслъ письма, очевидно давно лежавшаго въ конторѣ, черезъ которую полковникъ не переписывался, былъ ему непонятенъ; тѣмъ неменѣе оно его заняло.

— «Что это за госпожа Перенелицына изъ Моршанска?» думалъ Аксень, склонясь надъ столомъ.

Вотъ что было писано въ этомъ письмѣ:

«Любезный другъ, Владиміръ Алексѣичъ! Семь лѣтъ прошло

съ тѣхъ поръ какъ вы меня бросили. Я вамъ не мѣшала нигдѣ : ни въ вашей службѣ , ни въ свѣтѣ , ни въ семейной жизни. Я жила въ заброшеномъ, отдаленномъ городкѣ ; вы блистали въ высшемъ кругу. Вамъ понадобилась въ гвардіи лучшая обстановка ; вы потребовали мой капиталъ, давши слово, когда устроитесь съ квартирой и съ эскадрономъ, перевести къ себѣ и ту, которая для васъ пожертвовала всѣмъ. Я тогда была больна отъ родовъ. Я вамъ, некончивши леченія, выслала полную довѣренность. Вы взяли вмѣсто части весь капиталъ. Вамъ памятно положеніе мое, когда вы прѣехали ко мнѣ, въ зимнюю страшную стужу и объявили, что вы несчастный человекъ, что все мое состояніе вами проиграно въ карты въ петербургскомъ клубѣ... Вы хотѣли стрѣляться ; вы были внѣ себя. Я вамъ простила, хоть осталась изъ богатой женщины — нищею. Вы сказали, что думаете начать другую жизнь, хотите бросить службу и заняться частными дѣлами, что теперь это увлекаетъ всѣхъ. Я снова осталась одна, въ томъ же маленькомъ, заброшеномъ, отдаленномъ городкѣ. Я ждала васъ годъ, другой, третій. О васъ пропали всѣ слухи. Вы исчезли въ толпѣ другихъ, бросившихъ тогда столицы для частныхъ спекуляцій въ губерніяхъ. Наконецъ, ваша участь стала меня терзать. Невѣжда, какъ вы меня когда-то называли, грубая провинціалка, дочь уѣзднаго малограмотнаго купца, я томилась въ одиночествѣ, скрывала отъ всѣхъ причину вашего отсутствія. Я боялась распросами указать на слѣды нашей страшной истины, ждала и ждала. Вы исчезли безъ слѣда. Смерть? Я уже и съ нею тогда мирилась. Но вы были живы и забыли о нищетѣ. Семья отъ меня отказалась. Вы знаете какъ эта грубая, алчная семья терзала меня и прежде за васъ... Желая вамъ угодить, я занялась книгами, музыкой, тайкомъ стала брать уроки. Мои средства вскорѣ совершенно истощились. Затворница съ дѣтства, какъ вы меня знали, послѣ двухъ счастливыхъ годовъ, погибшихъ на вѣки, я опомнилась, посовѣтовалась съ двумя-тремя близкими людьми. Мы рѣшили снова, что слухи невѣрны и что васъ нѣтъ на свѣтѣ. Я уже тогда была здорова. И какъ не вовремя явилось мое выздоровленіе ! Тьма сгустилась надо мною. Я продавала мои вещи. Я стала ѣздить по монастырямъ. Сашѣ нашей пошолъ уже девятый годокъ. Я была въ Кіевѣ, Воронежѣ, въ Москвѣ. Одна ворожка мнѣ наворожила и сказала : «Онъ живъ, онъ живъ ; моли Бога только ; онъ къ тебѣ воротится и красоты твоей до вѣку не погубить.

«Володя, другъ мой, живъ ли ты ? Что я, безумная ! Ты не

любилъ меня, ты нелюбя, изъ расчета сошелся со мною! Ошибаюсь ли я, тобою брошенная, измученная, забытая, презрѣнная? Не помани, Володя, лихомъ меня, невѣжды-дикарки, если ты живъ! Хоть въ нищетѣ живешь, хоть въ нагольномъ тулупѣ ходишь, — воротись ко мнѣ. — Наши моршанскіе купцы, родня мнѣ, проѣдомъ съ Дону, о васъ, Владиміръ Алексѣичъ, отъ одного обиженного вами бѣдняка прослышали. Вы ли это, или я, безумная, ошибаюсь? Но они говорили мнѣ много страннаго, непонятнаго, будто вы въ богатствѣ живете, развратничаете въ томъ краѣ, слывете магнатомъ. Не однофамилецъ ли вы тому, кто мнѣ глаза завязалъ? Объясните мнѣ, пишите. Всему есть границы. Я долѣе не потерплю. Вы были въ гвардіи голышомъ; я вамъ одежду справляла, долги ваши платила. Слушайте: если... если я открыла истину, если вы окончательно ничто иное какъ ловкій человекъ, а какъ плутъ, замыслившій поиграть мною, выжать изъ меня послѣдніе нужные соки и потомъ бросить меня, какъ негодный лимонъ, то я найду на васъ судъ и расправу. Билетъ въ сто-пятьдесятъ тысячъ серебромъ вѣроятно теперь не проигранъ. Сроку я вамъ даю отнынѣ мѣсяць... Слѣды ваши я открою теперь вочто бы то нистало... Я даже сама тогда явлюсь къ вамъ... Ваша покорнѣйшая слуга Настасья Перепелицына. — P. S. Такъ я подписываюсь своимъ прежнимъ именемъ. Приобрѣтеннаго послѣ я не уважаю. — Володя, роденькій, или ты шутишь! не погуби меня... Пощади!»

Въ концѣ письма стояли годъ, число мѣсяца и адресъ писавшей, то-есть: Моршанскъ.

— «Кто же эта госпожа Перепелицына?» продолжалъ думать Милороденко, облокотившись о столъ и держа въ рукахъ простыню и подушку съ постели полковника, какъ-будто продолжалъ стлать ее: — «вѣрно его полюбвишка! Да и хватъ же баринъ... да и денегъ же должно-быть у него вдоволь: десятками тысячъ вонъ владѣлъ. Такъ и есть: вѣрно купеческую дочку соблазнилъ и стянулъ капиталъ полюбовницы; такъ бы было и мнѣ съ моею барышней сдѣлать! Дуракъ былъ!»

Въ комнату съ шумомъ вошелъ Панчуковскій и прямо кинулся къ столу.

— Что ты тутъ думаешь, Аксень? крикнулъ онъ въ досадѣ.

— Я-съ? Что вы-съ! Я постель стелю-съ...

— Постель стелешь?

Полковникъ подозрительно посмотрѣлъ кругомъ и накрылъ письмо на столѣ записною рабочею тетрадью.

— Стела же, пора ; да иди ! Меня приказчики разбѣсили...

— Въ секунду-съ. Я вонъ ходилъ къ барышнѣ ; въ карты съ ними поигралъ — ловко играютъ-съ ; обдули насъ съ Домахой ; по носу били !

— Постой однако... сказалъ будто въ раздумьи полковникъ, все еще глядя на столѣ, гдѣ лежало письмо.

— Чего изволите-съ ?

— Дай вонъ мнѣ съ того шкафа изъ журналовъ Отечественныя Записки...

Милороденко пошелъ къ полкѣ. Панчуковскій на него смотрѣлъ въ волненіи.

— Не то ; ты берешь Библиотеку для чтенія ; прочитай надпись — видишь ? мнѣ нужно Отечественныя Записки...

— Никакъ нѣтъ-съ, не могу-съ... не знаю-съ...

— Развѣ ты неграмотный ?

— Неграмотный ! простодушно отвѣтилъ Милороденко : — э, сударь ! когда бы я былъ грамотный, я бы въ писаря нанялся, да и нашей-то красавицѣ книжечки бы читалъ ! Меня еще мой баринъ принуждалъ читать. Я, говорилъ онъ тогда, тебя, Аксентъ, въ приказчики приготовлю, учишь ! Чтожъ, тупъ я былъ, такъ и остался... Какъ чурбанъ бывало стою и смотрю въ книгу ; тамъ *да* сказано, а я говорю *ва*...

— Ладно ! подумалъ Панчуковскій и какъ-будто мимоходомъ, быстро спряталъ письмо въ столѣ подъ замокъ, а требуемую книгу взялъ самъ.

— Теперь иди, голубчикъ Аксентъ, спать ; я самъ раздѣнусь ! Буду еще читать и счеты сводить сегодняшніе...

— Счастливо, сударь, оставаться ! Да Богу Господу помолитесь ; онъ всегда покой даетъ. Я вотъ былъ буйанъ и кутила ; а теперь молюсь и чувствую покаяніе.

— Ты думаешь ? хорошо...

Ночью Милороденко снова подкрался съ надворья къ окну барина и сталъ смотрѣть : сквозь просвѣтъ въ занавѣскахъ видна была часть комнаты. Полковникъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ ; на столѣ лежало тоже самое письмо. Лицо полковника было пасмурно. Онъ грызъ усы и ногти, закидывался на спинку кресла и два раза хватался за голову. Потомъ Панчуковскій всталъ, досталъ

изъ особаго ящика ключи, выбралъ одинъ изъ нихъ и нагнулся со свѣчкой къ боковой, гладкой сторонѣ стола. Милороденку не было видно, что онъ тамъ сталъ дѣлать. Вѣрно открылъ какой-нибудь потайной ящикъ, потомучто досталъ оттуда много бумагъ, сталъ перебирать, вдругъ оглянулся — замеръ было, будто послышавши отъ комнаты Оксаны шаги, переждалъ, вскочилъ, добѣжалъ туда, удостоверился, что эти двери заперты, сѣлъ опять и сталъ снова копаться въ бумагахъ... «Э! вѣрно же все про любовницыны угрозы соображаетъ! А въ томъ-то ящикѣ должно-статься и его деньги!» подумалъ соглядатай.

Далѣе Милороденко ничего не видѣлъ. Возясь надъ столомъ и зацѣпивши за занавѣску окна, Панчуковскій невольнo уничтожилъ остальной просвѣтъ въ стеклѣ и тѣмъ прекратилъ послѣднюю возможность наблюденій надъ собою. Милороденко тихо спустился съ откоса фундамента; держась за водосточную трубу, сталъ осторожно на землю; вошелъ въ сѣни, почистилъ сапоги барина и сталъ опять по обычаю, у крыльца, усердно вслухъ молиться, собираясь спать, вздыхая и почесываясь. Къ его молитвамъ привыкла вскорѣ и дворня.

XI

ОТДАЧА ДОЛГА

Шутовкинъ передалъ учителю порученіе полковника, и бѣднякъ Михайловъ, прогорѣвшій на неудачной аферѣ со льномъ до тла, взялъ у хозяина все свое заслуженное жалованье, занялъ еще значительную часть у сосѣда подъ часы, сосчиталъ сумму и поѣхалъ вздыхая къ отцу Павладію, расплатиться съ весеннимъ долгомъ. — «Проклятые чумаки! подвезли столько льну, что совѣмъ разорили!» думалъ студентъ: «не удались мечты!»

Святодуховъ-Куть много измѣнился съ тѣхъ поръ какъ въ чудную майскую ночь молодой аферистъ летѣлъ сюда съ радужными надеждами на барыши и въ тоже время добровольнымъ соглядатаемъ тайнъ тихаго и уединеннаго уголка.

Теперь онъ вступалъ въ осиротѣвшій, печальный дворъ отца Павладія съ тоской. Совѣсть грызла его; невольнo, несознавая тогда могущихъ быть послѣдствій, и онъ былъ замѣшанъ въ грустной драмѣ, смявшей счастье этого смиреннаго пріюта.

Дворъ студенту показался какъ-то особенно пространнымъ , а церковь совершенно низенькою , и маковка ея уже будто не такъ сверкала золотомъ , какъ въ ту улетѣвшую чудную , привольную и незабвенную ночь . Роца стояла безлистая , обнаженная . Сквозь ея рѣдкія вершины уныло синѣлъ прудъ . Вѣтеръ посвистывалъ , обрывая съ вѣтокъ послѣдніе листы . Домъ священника былъ старъ ; побѣлка на немъ потемнѣла отъ дождей , а мѣстами съ его стѣнъ осыпалась глина .

Подѣхавши на этотъ разъ въ телѣжкѣ хозяина , Михайловъ вошелъ въ ворота и у плетня подъ сараемъ увидѣлъ священника . Отецъ Павладій съ топоромъ копался надъ колесомъ , остановился и сразу не узналъ гостя .

— Здравствуйте !

— Здравствуйте... Кто вы ?

Священникъ наставилъ къ глазамъ ладонь .

— Вы меня не узнали ?

— Извините , не узналъ ..

— Михайловъ .

— А ! теперь узналъ... Что вамъ нужно ? Деньги чтоли привезли ?

— Что это ? вы сами съ топоромъ работаете ?

— Да ; нечего дѣлать ; надо же чѣмъ-нибудь жить намъ , горемыкамъ . Самъ теперь вотъ я и лошадей пою , и свиней кормлю , и дрова рублю , и все починаю ! Что дѣлать ! Такова уже наша участь... Была прежде и работница , да вашъ же Донъ-Жуанъ украдъ , свелъ ее со двора...

Михайловъ молчалъ . Кровь хлынула ему въ голову .

— Я въ этомъ не виноватъ ! сказалъ онъ растерявшись .

— Чтоже вамъ угодно однако ? сухо спросилъ священникъ .

— Я вамъ деньги привезъ ; благодарю за ссуду...

— Пожалуйте въ комнату ; я сейчасъ туда приду за вами . Извините , теперь уже у меня прислуги нѣтъ , молодой человѣкъ . Такъ-то-съ ; не прогнѣвайтесь... Уже чаю некому подать-съ !

Михайловъ пошелъ , думая : « Да , подѣломъ мнѣ ! Дѣло скверное , а началось оно и сдѣлалось почти черезъ меня ! »

Онъ печально вошелъ въ комнаты . Тамъ было все попрежнему . Тотъ же запахъ воска и ладона , таже чистота , тѣже свѣжія скатерти , пучки травъ у образовъ , журналы и газеты кипами по столу и

по стульямъ. Онъ взглянулъ : многіе были неразрѣзаны , а другіе даже въ пакетахъ , нераспечатанные . Вошелъ отецъ Павладій .

Снявши шляпу , онъ остановился у порога . Тотъ же подрясникъ , тотъ же гарусный старенькій поясъ на немъ ; таже красноватая мясистая лысина и утлая косичка , перевязанная полинялою ленточкой . Но маленькіе , красные , вспухшіе глазки были будто еще меньше и печальнѣе , борода замѣтно побѣлѣла и лицо осунулось . Онъ размахивалъ сѣрою пуховою шляпой , собирался все что-то сказать рѣзкое и суровое и не говорилъ .

— Ну-съ , молодой человекъ , ну-съ , такъ-то-съ ; да , спасибо вамъ ; одолжили ! Очень , очень вамъ благодаренъ ! Просто разодолжили ; професоровъ вашихъ надо поблагодарить...

Студентъ сидѣлъ неподнимая глазъ .

— О чемъ вы это говорите , отецъ Павладій ? Развѣ я...

— Я говорю о вашемъ другѣ , о г. Панчуковскомъ . Спасибо вамъ и ему за вниманіе . Берега нашей Мертвой озаменовались такимъ романомъ , который бы уже прямо на бумагу , да и въ журналы ! И чего вы медлите его опубликовать ?

— Да вы ошибаетесь , отецъ Павладій ; вы смѣшиваете меня съ полковникомъ... Чтоже общаго у меня съ нимъ ?

Студенту было совѣстно ; онъ понималъ , что кривить душою : онъ тогда угадывалъ затѣи полковника .

— Чтѣ намъ , современнымъ людямъ , продолжалъ священникъ , неотходя отъ порога , продолжая нелѣпо размахивать шляпою и неслушая Михайлова : — чтѣ намъ бѣдные люди , всякіе голыши сельскіе... ! Ограбить ихъ , осмѣять , отнять у нихъ послѣднія утѣшенія и радости ! Вотъ что . Да-съ . Мало вамъ , господа , гребчихъ да городскихъ продажныхъ красавицъ ! Вы на наши тихія захолустья взѣлись ! И тутъ васъ недоставало ! Подлю-съ , да , подлю ! Извините...

— Да послушайте , что вы ! Развѣ это ко мнѣ относится ?

Священникъ съ досадою бросилъ шляпу на кушетку и сѣлъ на стулъ . Потомъ онъ опять вскочилъ и схватилъ со стола какую-то книжку .

— Ну читайте , читайте ! Что тутъ пишутъ , а ? Порочать зло , проклинаятъ ложь , насилія и неправду ? А вы что сдѣлали ? Куда же ваши повѣсти послѣ этаго годятся , ваши комедіи и драмы , когда вы , ученый человекъ , съ воромъ съякшались . — съ воромъ , который по ночамъ гарцуетъ , въ чужіе дома врывается и все безна-

казанно творить, благо для этого есть у него деньги, связи и положеніе въ свѣтѣ? Я же вездѣ искалъ и вездѣ получилъ отказы на него! Для меня въ этомъ дѣлѣ все погибло, все; онъ смѣло и явно купилъ все свое дѣло, всѣ свои новыя утѣхи...

Священникъ замолчалъ. Грудь его тяжело дышала, руки тряслись, лицо побагровѣло.

— Позвольте васъ спросить наконецъ, г. Михайловъ, отвѣчайте мнѣ: для чего вы захотѣли спекулировать? Вамъ деньги были нужны?

— Да-съ, я вамъ тогда говорилъ зачѣмъ! отвѣтилъ студентъ, теряясь болѣе и болѣе.

— Но вы же обезпечены чѣмъ-нибудь? Уроки имѣете? Зачѣмъ же и вы захотѣли еще болѣе доходовъ? Отвѣчайте! Потребность времени, роскошь? Зачѣмъ вамъ были барыши эти новыя, за которыми вы погнались, занявши у меня деньги?

— У меня мать-старуха въ Одессѣ, дочь убитаго поручика и жена бездомнаго капитана, моего покойнаго отца. Ей ѣсть нечего на старости.

— А! у васъ нищая мать! Вы для нея! Такъ зачѣмъ же вы не медленнымъ трудомъ захотѣли улучшить свое и ея положеніе, а на быстрые барыши кинулись? То-то и дѣло! Гдѣ нечестные скорые доходы, тамъ и товарищи-подлецы подъ руку попадаютъ. Такъ-то-съ... Ужь вы извините меня. Пожалуйте деньги-съ... Я свое сказалъ. Хоть вы и несовсѣмъ виноваты, а хвостъ, батюшка, замарали... Не говорите: вы знали о его умыслахъ...

Священникъ судорожно сосчиталъ поданныя деньги, сходилъ въ спальню, вынесъ оттуда росписку студента и рѣзко подалъ ему.

— Слушайте, г. Михайловъ. Вы еще молоды; много надеждъ у васъ впереди; а я уже мертвый человѣкъ; одною ногой стою въ темной могилѣ, а другую тоже заносу туда. Кончайте получше курсъ вашихъ наукъ, да не кидайтесь на болѣзнь нашей Новороссіи, на ея торговую горячку. Немало она унесла къ гибели здѣсь огромныхъ средствъ и дарованій; артистовъ сдѣлала взяточниками, публицистовъ-съ нѣкоторыхъ ворами; оскотинить она, погубить и васъ. Осмотритесь, приглядитесь къ жизни: жизнь не терпитъ скачковъ! Вотъ у меня хоть бы мой садикъ и роща. Они теперь хороши... А вѣдь я тридцать лѣтъ сидѣлъ и тридцать лѣтъ трудился надъ ними! Читайте, учитесь, работайте... Извините меня, старика... Вы что болѣе всего любите? Ну скажите мнѣ, что?

— Естественную исторію, музыку—съ... особенно музыку...

— Ну, изъ естественныхъ наукъ займитесь хоть ботаникой, степныя травы собирайте, сушите; вѣдь вы имя себѣ составить можете однимъ здѣшнимъ травникомъ. Да Гумбольдта—съ, Гумбольдта читайте, а не на манеръ бердичевскихъ факторовъ маклакуйте! Или хоть нашими украинскими пѣснями займитесь. Эхъ, что за прелесть эти пѣсни! Когда я былъ еще въ Черниговѣ въ бурсѣ, я много ими занимался и пѣлъ ихъ пропасть со скуки, въ саду семинарскомъ гуляючи да латинскіе вокабулы мертвящія зубря. Жена же моя покойница ихъ отгмѣнно пѣла... Такъ-то—съ! Украинскія народныя пѣсни создадутъ еще современемъ своихъ Моцартовъ—съ...

Михайловъ просидѣлъ у священника до вечера. Много переговорилъ онъ съ нимъ, а еще болѣе переслушалъ. «Эка, дѣльный человекъ, думалъ онъ о немъ: — и въ какую глушь закинуть!»

Простился онъ съ отцомъ Павладіемъ, растроганный до глубины души. Онъ клялся заняться науками, бросить аферы.

— Прощайте, г. Михайловъ! Желаю вамъ счастливаго пути въ вашу Одессу; да не возвращайтесь болѣе сюда!

— Какъ можно! Я еще хочу взглянуть на вашъ очаровательный Святодуховъ—Куть, на ваши ключевыя воды, на вашъ садъ и прудъ!

— Пронадать имъ видно, какъ и всему тутъ! Вы, я чай, слышали какая участь постигла моего бѣднаго помощника, дьячка Фендрихова?

— Нѣтъ, не слышалъ. Что такое? Боже! вы меня пугаете... я его помню, видѣлъ его у Щелковой...

— Онъ послѣ покровы, нынѣшнею осенью, ослѣпъ...

— Ахъ, бѣднякъ! Гдѣ же онъ теперь? Вотъ бѣднякъ, правд!

— Да тутъ еще у меня на кухнѣ живетъ; изрѣдка и въ церковь на крылосъ ходитъ, — только совсѣмъ ослѣпъ, какъ есть. Должно-быть вѣтромъ на него какимъ пахнуло, или роса такая пала. Въ двѣ недѣли и ослѣпъ... Или скорѣе просто такая уже вырно ему судьба была на роду написана.

— Такъ вы теперь одни?

— Нѣтъ, его жена мнѣ помогаетъ, но у нея свое дитя есть; а я выписалъ, жду вотъ племянника къ себѣ въ причетъ: этого наренька, видите ли, выгнали изъ нашей семинаріи тоже за разныя разности; ну я его къ себѣ и сманиваю. Нескучно хоть будетъ... Па-

рень даровитый, вотъ какъ и вы, науку прошолъ; боюсь, не испортился бы тутъ только...

Михайловъ сталъ сходить съ крыльца.

— А про мою воспитанницу что-нибудь слышали? спросилъ съ усмѣшкой священникъ: — вѣдь вы когда-то ее у меня, помните, видѣли, и она васъ тоже тогда кажется заняла?

— Нѣтъ, не слышалъ. А вы не знаете что съ нею теперь?

— Какже, какже, теперь уже я все знаю: у Панчуковскаго она поселилась окончательно; да то диво, что говорить ему отдалась совершенно и даже... стыжусь вамъ сказать... таково уже наше время... и помяните слово мое, Панчуковскій поплатится, и поплатится сильно... А она?!

— Чтоже? говорите!

— Говорять... уже и беременна отъ него... не прячется и открыто съ нимъ ѣздить стала. Въ мой уголъ тридцать лѣтъ никакая людская напасть не пропикала; я какъ въ гнѣздѣ ласточки жилъ. А теперь что случилось!...

Михайловъ пожалъ плечами, вздохнулъ, простился съ священникомъ и уѣхалъ. Шутовкина онъ не засталъ дома. Хозяинъ его былъ гдѣ-то по комерческому дѣлу. Было поздно вечеромъ.

Ученики Михайлова уже спали. Онъ сѣлъ къ роялю, склонилъ къ его клавишамъ грустное лицо и бѣлокурые пышные кудри свои, сталъ было играть и неволью заплакалъ... Потомъ онъ сталъ играть и игралъ съ увлеченіемъ до утренней зари.

— «Я буду артистомъ!» подумалъ онъ, забываясь радужными грезами.

Солнце взошло.

У рояля, на кушеткѣ, навзничъ лежалъ и крѣпко спалъ Михайловъ. Что ему снилось? Музыка, естественная исторія или новые соблазны спекуляціями?

Богъ-вѣсть...

Въ домѣ у сосѣдей Панчуковскаго, братьевъ Небольцевыхъ, на екатерининъ день, день именинъ ихъ старушки-матери, былъ праздникъ и большой сѣздъ гостей. Въ числѣ другихъ, разнообразныхъ и разноплеменныхъ лицъ околотка, былъ здѣсь и полковникъ.

Въ осеннемъ темнозеленомъ пальто, съ орденскою ленточкою въ

петлицѣ, цопрежнему раздушоный и распомаженный, Панчуковскій однако былъ повидимому, какъ-будто не въ духѣ. Столпившись въ курительномъ кабинетѣ отъ дѣвицъ и дамъ, гости-мужчины по-былому толковали о минувшемъ лѣтѣ, о близости закрытія приморскихъ портовъ, о цѣнахъ хлѣба, каменнаго угля, о видахъ на весеннія продажи сельскихъ сборовъ и о мѣстныхъ скандалахъ всякаго рода. Сидя на мягкомъ диванчикѣ и сверкая перстнями, запонками и щегольскими розовыми ногтями, Панчуковскій по обычаю вскорѣ оживился и завладѣлъ общимъ разговоромъ.

— Такъ вы думаете, что мы можемъ ожидать, съ близкою реформой крестьянскаго быта, переселенія народовъ къ намъ съ сѣвера, скорой колонизаціи здѣшнихъ земель, которыя непременно тутъ опустѣютъ? Шалишь! Нѣтъ, господа, этого не будетъ! Будь я подлець, коли это не такъ!

— Отчего же? Вы все намеками говорите, полковникъ...

— Отчего? вотъ забавно!

— Да-съ, непонятно что-то...

— Оттого что въ нашъ вѣкъ странствія новыхъ гунновъ и алановъ невозможны. Да-съ, новые Аттилы у насъ — это англійскія-съ паровыя машины, ливерпульскіе да клейтоновскіе локомотивы, молотилки-съ и всякіе черти! Вотъ нашествія чего мы должны ожидать и отъ чего должны откупаться, какъ стариинные города и села откупались отъ дикихъ варваровъ! Трудъ поселянъ, дешовенькій крѣпостной трудъ, — онъ только намъ и давалъ доходъ, повторяю, при крѣпостномъ состояніи; а теперъ — все вздорюжаетъ, и земледѣлію отнынѣ шабашъ!

— Позвольте, опять; почему вы такъ думаете, что къ намъ не двинутся переселенцы изъ великорусскихъ губерній? спросилъ Митя Небольцевъ, старшій изъ братьевъ хозяевъ.

Панчуковскій громко и рѣзко захохоталъ.

— Ахъ вы, простота-простота, душечка! Ну бросить ли нашъ тулякъ, владимірецъ или псковичъ свою дымную лачужку, бѣдную ниву и родичей, чтобы явиться къ намъ въ гости? Да онъ скорѣ пойдетъ въ Москву на фабрики, или на барки на Волгу на заработки, чѣмъ рѣшится къ намъ переселиться. Черезъ сто лѣтъ, такъ, не спорю; а теперъ — оставьте, господа, надежды. Не вѣрьте вы нашимъ чухонскимъ Штейнамъ и новоиспекаемымъ Кавурамъ съ Невскаго проспекта! Вѣдь въ Питерѣ, куда вѣтеръ подуетъ, туда и всѣ пѣсни летятъ! Былъ у меня тамъ одинъ пріятель-чино-

вникъ; вѣрите ли, еслибы вотъ вашъ, Адамъ Адамычъ, пудель ему сказалъ, что въ модѣ, положимъ, голубыя шляпы, онъ бы въ департаментъ тотчасъ голубую шляпу надѣлъ...

Слушатели засмѣялись.

— Какъ, какъ, Владиміръ Алексѣичъ? Пудель? Голубыя шляпы?..

— Право! На этого же самого чиновника на дачѣ воры какъ-то напали; что бы вы думали? Онъ влѣзъ въ печку и сталъ оттуда впотъмахъ собакою лаять. Это собачье искусство только его и спасло, что дачу ограбили, а его оставили въ живыхъ.

Лакей внесъ водку передъ завтракомъ. Хозяева суетились. Слушатели въ восхищеніи отъ остротъ Панчуковскаго похаживали, шушукались. А онъ ораторствовалъ, непереставая.

— Что мнѣ, господа! Я не отъ личныхъ огорченій говорю. Я счастливъ, богатъ, свободенъ какъ вѣтеръ, хоть и эгоистъ, господа, и считаю въ душѣ это чувство лучшею рекомендаціею человека.

— Не всегда, полковникъ! возразилъ опять Митя Небольцевъ, желавшій хоть чѣмъ-нибудь оспаривать бойкаго мѣстнаго красная и идола: — и у васъ бываютъ невзгоды; вы вотъ перебили у Шульцвейна степь, а саранча на ней всѣ травы съѣла!

— Зато у меня съ прошлогодней пшеницы и съ льна теперь однимъ золотомъ семьдесятъ тысячъ цѣлковыхъ въ кассѣ лежитъ, не считая депозитокъ...

Полковникъ повелъ глазами. Передъ его носомъ въ это время стоялъ его новый камердинеръ Аксень Шкатулкинъ и въжливю ждалъ минуты ему что-то сказать.

— Прикажете лошадей отпречь? спросилъ онъ тихо барина, когда тотъ замолчалъ.

— Нѣтъ, я сейчасъ послѣ пирога уѣду! отвѣтилъ громко полковникъ и прибавилъ шопотомъ: — не лѣзь, когда тебя не спрашиваютъ. Жди, послѣ пирога велю запрятать...

— Куда вы, куда? заговорили хозяева и гости разомъ.

— Надо домой; есть дѣла!

— Оставайтесь, ради-бога оставайтесь. Въ кои-то вѣки васъ дождешься...

Полковника упросили и онъ остался.

Онъ продолжалъ:

— Слѣдовательно я состою въ кругу недовольныхъ по убѣжде-

ніямъ, а не изъ личностей. Я за себя молчу. А прислушайтесь вы къ толкамъ въ степеняхъ, на проселкахъ и широкихъ столбовыхъ дорогахъ, въ шинкахъ и на возахъ съ снопами, у переправъ, мостовъ и по взморью. О чемъ народъ толкуетъ, а? О чемъ толкуетъ народъ здѣсь и вездѣ?

Слушатели тревожно молчали, утоная въ табачномъ дыму. Полковникъ всталъ и дико оглянулся по комнатамъ, закидывая за уши волося.

— Народъ готовить намъ штуки-съ, господа! Да, да, да! Зовите меня алярмистомъ, илиюминатомъ... Я народъ нашъ знаю, я вращался и вращаюсь въ немъ! Онъ готовить намъ такія штуки-съ, что намъ не расхлебать!.. Одинъ косарь косилъ у меня этимъ лѣтомъ. Я любилъ съ нимъ говорить. Разъ онъ меня на дняхъ спрашиваетъ: «Видно вы, баринъ, проглотили чорта съ хвостомъ, что такъ разумны; скажите мнѣ, правда ли то, что намъ волю хотять дать?» — Я говорю: правда, мой миленькій; только имѣйте, говорю, терпѣніе, ждите. — «Да оно такъ, отвѣчаетъ тотъ: только пошли у насъ слухи по ярманкамъ, по церквамъ, по шинкамъ, по дорогамъ тутъ и по распутіямъ, что не одну волю намъ дадутъ, а также и всю землю вашу навѣки.» — Вотъ и подите-съ!.. затѣваютъ кашу... А я народъ знаю и меня народъ любитъ; я популярень между вами. А что со мною они было сдѣлали! а?

Панчуковскій замолчалъ. Въ кабинетъ что-то вздыхало, точно будто кто плакалъ. Онъ оглянулся: помѣщица Щелкова, отъ простуды бывшая съ завязаною шеей, тихо подошла изъ залы и держала платокъ у глазъ. Она закашлялась и ухватила полковника за полу.

— Мосьё Панчуковскій, скажите бога-ради, скажите наконецъ, чего намъ еще ждать, чтобы я могла, имѣла силы вовремя все сдѣлать, приготовиться? Я женщина глупая, слабая; все меня пугаетъ, все...

— Во имя отца и сына и святого духа, аминь! раздался голосъ изъ залы.

— Господа, молебень! объявили братья хозяева: — немножко наше духовенство припоздало! Да разстоянія виноваты; нашъ приходъ въ Андросовскъ, за тридцать верстъ... Пожалуйте. Обычай дѣдовскіе мы соблюдаемъ.

— А мы съ вами, Авдотья Петровна, послѣ потолкуемъ! сказалъ Панчуковскій: — видите, молиться зовутъ! А вѣдь я ретроградъ

и плантаторъ , какъ меня тутъ обзываютъ : надо молиться , и по системѣ...

Гости вышли въ залъ . Тутъ уже блескомъ сіяла толпа раздушныхъ дамъ и барышень . Легкія и воздушныя очаровательныя платья у каждой напоминали близость приморскихъ городовъ и возможность болѣе тѣсныхъ сношеній съ чужими краями . Свѣжія итальянскія шляпки , турецкія шали , ліонскіе шелка и бархаты и марсельскіе и греческіе духи били въ носъ каждому . Черныя брови , смуглыя личики , легкіе станы , живыя движенія... « Вотъ она , наша-то Новороссія ! шепталъ за молебномъ Панчуковскій , поталкивая Митю Небольцева : — отрадно отдохнуть отъ работъ и наживы , глядя на нашихъ красавицъ ! » — Щегольской камердинеръ полковника , въ зеленомъ ливрейномъ фракѣ , съ бронзовыми пуговицами и при цѣпочкѣ , также тутъ былъ , выйдя изъ лакейской , стоя у дверей и молясь Богу . Молодой красивый священникъ , изъ херсонскихъ грековъ , читалъ въ носъ и гнусилъ нараспѣвъ , такъ и прошивая всѣхъ зоркими глазами изъ-подъ черныхъ , широкихъ и густыхъ бровей . На немъ была ярко-лазоревая , въ какихъ-то серебряныхъ звѣздахъ и блесткахъ , риза . На груди наперсный крестъ , а поясъ и нарукавники шитые гарусомъ и стеклярусомъ .

Студентъ Михайловъ , стоя тутъ же съ своими птенцами , невольно вспомнилъ отца Павладія и его уединенную , бѣдную и старенькую обстановку . Впереди всѣхъ стояла вся вся бѣломъ именинница , семидесятилѣтняя мать хозяевъ , первая переселенка изъ помѣщицъ сюда на Мертвую .

Послѣ молебна стали закусывать . Гости опять столпились въ кабинетѣ , какъ Митя , а потомъ и Сеня Небольцевы ни старались ихъ обратить въ гостиную къ дамамъ . Полковникъ , куря сигару , постарался опять начать разглагольствовать , стоя передъ Щелковой .

— Вы толкуете , Авдотья Петровна , что съ Дону , изъ козаковъ , если коснется и ихъ реформа , къ намъ двинутся руки . Пустое-съ ! Извините . Знаю я этотъ почтенный и воинственный народъ...

— Что , что ? подхватилъ Митя Небольцевъ : — я козаковъ люблю ; народъ лихой ; тамъ я былъ влюбленъ , господа , недавно , и не позволю ихъ бранить — извините...

— Отстальные люди , несовременная татарщина , господа , ваши эти козаки ! Что за военныя арматуры въ нашъ мирный вѣкъ у каждого изъ нихъ , вмѣсто гражданскихъ наклонностей ! Что за учителя при

сабляхъ и что за чиновники при шпорахъ! А встрѣтитесь вы съ ними на пароходахъ, которые уже врываются въ ихъ Донъ, или въ домахъ гдѣ-нибудь, куда уже являюся наши и заграничные журналы: сидятъ, молчатъ и хлопаютъ глазами, либо пьютъ... За пуншемъ да за картами только ихъ и услышишь! Да что и слышать: дичь, бестыды Тамерлановъ...

— Э, камадь! повторяю — не нападайте такъ на моихъ лихихъ козаковъ! перебилъ опять Митя Небольцевъ: — поссоримся! я одинъ за всѣхъ ихъ васъ на дуэль вызову! Вздоръ вы говорите!

— Да уже коли на то пошло, такъ слушайте! Былъ у меня пріятель тутъ по сосѣдству, исправлявшій должность учителя уѣзднаго училища; и захотѣлъ онъ нажитья, поѣхалъ къ нимъ, къ козакамъ-то, на Донъ, тамъ бібліотеку гдѣ-то публичную открыть. Последнія деньжонки бѣднякъ на нее убилъ. Чтоже бы вы думали? Приходитъ къ нему подписаться на чтеніе сынъ какого-то ихняго тамъ нето купца, нето горожанина; залогъ оставилъ. Рвеніе къ литературѣ показалъ; признался что круглый невѣжда, что учиться хочеть, и попросилъ ему выбрать что-нибудь для чтенія. Учитель-бібліотекарь выбралъ ему этого Тургенева, Грановскаго, Некрасова тамъ чтоли. Радуетя, что такое стремленіе у малаго замѣтилъ. Чтоже бы вы думали? Черезъ недѣлю приходитъ кучеръ отъ батюшки этого малаго и приносить обратно книги. «Старикъ, говорить, прислалъ ваши книжки обратно; готовъ и залогъ вамъ оставить задаромъ — только не давайте его сыну больше ничего читать: отъ дѣла отбивается!»

Всѣ начали ахать, возражать, увѣрять, что это преувеличенія.

— Что вы, господа? этому не вѣрите? возразила невпопадъ неразслушавши дѣла Авдотья Петровна Щелкова, желая поддержать полковника: — я сама отъ дѣтства ни одной книги до конца не прочитала; все некогда... книги вредъ, да и не для нашего брата степняка онѣ писаны! Недаромъ я бросила Рязань и сюда закабалась!

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! заключилъ полковникъ: — если справедливы слухи о близкой наконецъ реформѣ крестьянской, наши села запустѣютъ, хлѣбонашествво упадетъ! Мы разоримся, обнищаемъ всѣ. Еслибы, господа, я былъ американецъ и жилъ съ вами не въ Россіи, а положимъ въ Виргиніи или въ штатѣ Мериландѣ, — я бы

въ случаѣ войны за невольничество сталь бы открыто на сторону закабаленія негровъ...

— Негровъ? вотъ мило! сказали нѣкоторыя дамы, подъ общее увлеченіе входя также въ кабинетъ и протѣсяясь къ полковнику: — это что-то изъ Хижины дяди Тома...

— Пустозвоны ваши литераторы! крикнулъ наконецъ съ запальчивостью Панчуковскій: — ну чего они не напичкали въ этотъ сборникъ всякаго вздора! Что за святость страданій у этихъ скотовъ; что за поэзія побѣговъ и воспѣваніе освобожденій отъ труда! Въдъ рабство — это трудъ, а трудъ — кусокъ хлѣба, а хлѣбъ — честь, нравственность! Ужь не вздумаютъ ли идеализировать и нашихъ бѣглыхъ безначпортныхъ бродягъ, мѣсяца полтора назадъ заставившихъ меня, изъ-за расчета съ негодями-косарами, выдержать правильную осаду?..

— Ахъ, мосье Панчуковскій! лукаво разаѣхались дамы и дѣвицы, знавшія между тѣмъ настоящую причину соблазнительнаго скандала, постигшаго полковника: — расскажите, какъ это съ вами было? Мы не знаемъ... чего добивались у васъ эти мятежники? Мы тогда перепугались, мужья ружья готовили...

Панчуковскій вздохнулъ и смиренно опустилъ глаза.

— Сожгли у меня все-съ, набуянили, стекла въ домѣ перебили, шинокъ у откупщика насильно роспили!

— Вы же на нихъ искали?

— Искаль. Но развѣ вы не знаете нашихъ судовъ? Кое-кого поймали; но это все оказались неприкосновенные къ дѣлу; ихъ выпустили, а главныхъ, то-есть главнаго не нашли...

— Кто же этотъ главный? спросила, съ смиреніемъ Іуды, Авдотья Петровна, пять поколѣній мозолей между тѣмъ патершая на своемъ языкѣ, тарабаря со всѣми объ исторіи Левенчука и Оксаны.

— Бѣглый пастухъ какой-то помѣщицы, взбунтовавшій три артели моихъ косарей требованіемъ надбавки заработной платы при расчетѣ, сверхъ условія... Тоже извѣстное дѣло...

— Гдѣ же онъ теперь?

— Говорятъ убѣжалъ въ донскіе плавни и камыши, извѣстный всѣмъ притонъ нашихъ разорителей.

— И его товарища, мессьё, разыскиваютъ — Милороденка или Александра Дамскаго по прозванію, замѣтила кашля Щенкова: — тотъ такъ ужь прямо аспгнаціи сталь дѣлать и съ нимъ, говорятъ, вездѣ былъ заодно. Я брала у отца Павладія газеты и о немъ читала...

Моя Нещка, — *ma servante, messieurs* — тоже съ этимъ Милороденкомъ было подружилась, когда онъ еще у Шутовкиныхъ годъ назадъ шаялся. Этотъ еще опаснѣе. Смѣль, говорятъ, до невѣроятности. Мнѣ его описывали. На взморѣ онъ въ прошломъ году съ двумя лодками турецкую кочерму ограбилъ... Я хоть его и не видѣла, а кажется бы узнала сразу...

— Да, возразилъ насмѣшливо Панчуковскій : — и Троекуровъ у Пушкина хвасталъ, что узналъ бы разбойника Дубровскаго сразу; а Дубровскій у него три мѣсяца учителемъ прожилъ... Вы читали Дубровскаго?

— Я ничего не читала и въ Рязани, а и здѣсь подавно некогда.

Слуги въ это время убирали закуску въ залѣ и все слышали. Слуга полковника неожиданно скрылся и за обѣдъ вышелъ съ подвѣзаннымъ глазомъ.

— Что это у тебя, Аксѣнь? спросилъ его Панчуковскій разсѣянно за обѣдомъ.

— За дѣвочкою тутъ, сударь, погнался за дворомъ у сарайчика — а она меня и съѣздила кулакомъ въ глазъ! шепнулъ Шкапулкинъ ему на ухо.

Полковникъ въ это время ѣлъ индѣйку, съ жирнымъ фаршемъ, любимое свое блюдо. Онъ громко разсмѣялся, повеселѣлъ и всѣ съ нимъ повеселѣли.

— А сдаться? спросилъ также шопотомъ слугу полковникъ послѣ обѣда : — сдаться твоя героиня?

— Сдаться! У старой барыни ихъ здѣсь цѣлый гаремъ-съ: останьтесь, сударь; попозднѣе можно поохотиться. Я взялъ бубенъ съ собою и заманю ихъ всѣхъ къ Конону кучеру въ хату...

— Посмотримъ! Надо осторожнѣе...

Послѣ обѣда, во время десерта, пріѣхалъ Мосей Ильичъ Шутовкинъ. Сладостлюбивый забуддыга-купчикъ былъ на этотъ разъ прифранченъ, въ тонкомъ сертучкѣ и чистомъ голандскомъ бѣльѣ. Это было послѣ того какъ Панчуковскій выходилъ съ дамами во дворъ и плясалъ съ дворовыми дѣвушками трепака. Это была его специальность на всѣхъ дружескихъ сѣздахъ еще со дней гвардіи.

— Что вы на пирогахъ къ намъ не пріѣхали? спросилъ Шутовкина Митя Небольцевъ : — мы васъ ждали! Вѣрно опять шуры-муры гдѣ-нибудь затѣяли? Благо дѣтей къ намъ впередъ послали...

— Ванну моей царицѣ Пентефріи дѣлалъ-съ, такъ и провозилъ съ ея туалетомъ; къ роднымъ ее отпустилъ!

Молодежь, бывшая уже снова въ домѣ, приснула со смѣху. Пошли передавать другъ другу отвѣтъ Мосея Ильича.

Шутовкинъ сталъ между тѣмъ искать глазами Панчуковскаго, увидѣлъ его въ кругу дамъ, по обыкновенію въ положеніи оратора, и кивнулъ ему пальцемъ.

— Пóдь сюда, полковникъ, пóдь сюда! сказалъ онъ ему, оглядываясь.

Панчуковскій подошелъ. Шутовкинъ отвелъ его въ сторону и не отпуская его руки. Собственная жирная и теплая рука Мосея Ильича дрожала.

— Владимиръ Алексѣичъ, принимай мѣры! началъ онъ не пообычаю степенно и безъ шутокъ, упершись въ него сѣрыми и добрыми, будто испуганными глазками.

— Что такое?

Душа у полковника замерла, чуя что-то недоброе.

Шутовкинъ оглянулся кругомъ и продолжалъ говорить шопотомъ.

— Ты отъ меня скрывалъ, а бѣсъ тебя и попуталъ! Я вчера изъ города прибылъ; маклачилъ тамъ кое съ чѣмъ, съ чиновниками видался. Ходить, душечка, тамъ слухъ, что... одна помѣщица какая-то... Перепелицына чтоли, пріѣхала и тебя насчетъ какихъ-то денегъ разыскиваетъ...

Панчуковскій вздрогнулъ и позеленѣлъ.

— Ну?..

— Она тебя разыскиваетъ, справки собираетъ о твоихъ дѣлахъ. Ты ее въ любовницахъ держалъ чтоли, или вѣщанъ съ нею? говори!

Панчуковскій молчалъ, неподнимая глазъ. Эта вѣсть видно его окончательно сразила.

— Капиталы ты у нея взялъ чтоли, деньги увезъ какія? Много?.. Да говори же! Я тебя, Володя, спрашиваю, или ты и отъ нея скрываться? А брудершафтъ зачѣмъ мы пили съ тобой на-мне-дни?

Панчуковскій опомнился.

— Все это вздоръ; это сумашедшая баба, и все тутъ! сказалъ онъ. — Я ее не приму! Кто меня заставитъ? Вѣдь такъ? Я отъ нея отрекись... ну, отрекись окончательно!

Шутовкинъ отвѣлъ его ещё далѣе въ уголь:

— Да она тебѣ законная чтоли, говори? Это главное. Кѣли что, то мы ее и спустимъ! Вотъ тебѣ рука моя, братъ! Въдѣя у тебя въ долгу; развѣ ты позабылъ? Безъ тебя бы я тогда ни-ни, ничего бы не сотворилъ! Ужь отстоимъ, небось; намъ эти бабы дѣла не впервое. Или ты и въ самомъ дѣлѣ у нея капиталцу царапнуть, да сюда въ наше приволье тягу дашь? Да и почему она Перемелицына, а ты Панчуковскій, коли вы можетъ-статься точно повѣнчаны? Какіе тамъ слухи ходятъ?

Панчуковскій оглянулся, закусилъ губу, помолчалъ, прищурилъ глаза къ сторонѣ нарядной толпы. Подавали уже свѣчи. Все кругомъ шумѣло, лепетало. Рояль гремѣлъ. Столы для картъ ставили. Его Аксень съ хозяйскимъ слугою на раскаленныхъ плиткахъ лоделавандомъ курилъ, прогоняя запахъ недавняго обѣда.

— Молчи, дружище Мосей Ильичъ, до времени, какъ будтобы ты ничего не слышалъ и не знаешь. Я тебѣ все послѣ раскажу. Будешь молчать? Руку, товарищъ?

— Вотъ она. Ни-ни; я... о, я никому ни слова!

Шутовкинъ и полковникъ обнялись и крѣпко поцѣловались.

— А крестить будешь у меня, Володя?

— Буду.

— Постой еще...

— Что?

— Если же это, послушай, точно твоя жена... гм! и придется тебѣ съ ней опять зажить по закону, — дѣвочку-то твою ты мнѣ отпустишь чтоли, а? уступишь?

— Никогда, никогда этому не бывать! сказалъ полковникъ. — Я, слава тебѣ Господи, еще съума не сошолъ, чтобъ мѣнять кукушку на ястреба...

Они объ руку другъ съ другомъ вмѣшались въ нарядную толпу. Давно гремѣлъ звонкій рояль. Молодежь въ плясъ пустилась; южная страстишка попрыгать верхъ брала. Танцовали тутъ всегда до упаду. Игралъ Михайловъ.

А полковникъ, снова оживленный и бойкій, стоя въ дамскомъ кругу, въ гостиной, опять ораторствовалъ.

— Наши новороссійскія степи — это, медамы, рай земной! Засухи, саранчу, пыль — все мы можемъ побѣдить и преодолѣть. Людей только намъ дайте, людей, этихъ-то бѣлыхъ негровъ побольше. Въ каждомъ мѣстѣ этой степи проройте колодезь, ключъ раскопайте, и

сухая, какъ уголь черная земля изумить васъ плодородіемъ; стада сами къ вамъ придуть. Мы объ Америкѣ вздыхать позабудемъ. Свои Куперы у насъ будутъ...

— А теперь, москѣ Панчуковскій? Какъ вы теперь считаете Новороссію нашу?

— Теперь?..

Панчуковскій иронически улыбнулся.

— Да-съ.

— Теперь наши степи напоминаютъ мнѣ украинскую сказку о томъ, какъ обыкновенно, передъ бѣдою будтобы въ хаты кто-то бѣлый все съ улицы заглядываетъ, считая по пальцамъ живущихъ тамъ, снящихъ и работающихъ. Народъ говоритъ, что передъ послѣднею здѣсь чумою, при Екатеринѣ чтоли, на курганахъ степныхъ рано поутру видали все двухъ женщинъ; это были двѣ моровыя сестры: младшая — жизнь, а старшая — смерть; онѣ дрались и таскали другъ друга за волосы, споря о судьбѣ людской и готова народу бѣдствія. Такихъ-то сестрицъ и я все будто теперь вижу тутъ съ недавнихъ поръ! заключилъ Панчуковскій кланаясь: — и вы меня не увѣрите; намъ бѣды съ ожидаемыми реформами не миновать! Прощай, веселая, спокойная и счастливая сторона! Все здѣсь вымереть, переведется и заростетъ лопухами и чертополохомъ...

— Какія страсти! Какіе ужасы! шептали дамы, тѣсняя вокругъ него и его лорнируа.

— Я уже и ружье приказчику купила, а револьверъ у меня всегда теперь подъ подушкой! заключила Щелкова: — не увѣрите вы и меня, чтобы у насъ прошло все мирно... Моя Пешка вчера мнѣ платокъ швырнула со злости...

— Геній, а не человекъ! шептали другія дамы, имѣвшія дочерей: — и какъ жаль, что неженатый!

Панчуковскій оставилъ дамъ, незамѣтно прошолъ сквозь веселую толпу танцующихъ въ загъ, взялъ тайкомъ шляпу, тихо вышелъ на крыльцо, переждалъ пока запрягли ему лошадей, сѣлъ и полетѣлъ домой на своей крылатой четверкѣ.

— Отчего же это вы, баринъ, не дождались и такъ рано уѣхали? спросилъ дорогою Милороденко съ козель, съ сожалѣніемъ качая головою: — а я уже кой-кого подготовилъ...

— Чортъ ихъ подери! Я терпѣть немогу, братецъ, этихъ нашихъ веселостей, особенно ихъ танцевъ... Толи дѣло съ простыми

дѣвочками, гдѣ-нибудь подѣ вербой — она пышетъ, пляшучи, а ты ее цѣлуешь! Не люблю я барышень...

— Ничего, сударь, и это; тутъ барышни обнаковенно съ голыми плечиками бывають... Я всегда въ такомъ случаѣ люблю ихъ танцы и постоянно смотрю изъ передней-съ.

Пріѣхавши домой, Панчуковскій сѣлъ за бумаги; подѣ видѣтъ ревнивыхъ предосторожностей, въ отношеніи къ своей любимицѣ, дѣйствительно почувствовавшей признаки интереснаго положенія, велѣлъ опять запираеть ворота и всѣ входы и выходы. Отъ главныхъ же дверей въ домѣ ключъ взялъ къ себѣ въ кабинетъ, а на ночь кругомъ заперъ весь домъ собственноручно.

— Мнѣ это, сударь, невыгодно! замѣтилъ шутливо Аксень, его раздѣвая.

— Отчего?

— Вы понимаете-съ...

— Ничего; переждешь, братъ. Днемъ наверстаешь; сны въ передней! Теперь же ужъ на дворѣ и холодно; да говорятъ еще, будто какая-то шайка изъ острога разбѣжалась. Подкованцева подѣ судъ отдають...

— Шайка-съ? Подкованцева? спросилъ передернувшись Милороденко.

— Да.

— Ну такъ и точно, лучше побережемся! Бѣднякъ, бѣднякъ! Жаль этого-съ исправника. А вы за мною — спокойно спите... я вѣдь покажусь, я нынче монахъ-съ! Любите меня, а я ужъ по-христіански обойдусь съ вами...

Осень кончилась. Пролетѣли громадныя воздушныя арміи перелетныхъ птицъ. Настала гнилая, безснѣжная приморская зима, длинныя ночи, короткіе холодные деньки, съ зеленѣющими полями, стадами овецъ въ степи, быстрыми и краткими налетными метелями и изрѣдка хмурымъ, сердитымъ небомъ. Снѣгъ падаетъ и тотчасъ почти таетъ. Либо замететъ степь, дороги. Все замерзло; вотъ сталъ зимній русскій путь. Завтра дождь, послѣзавтра адская грязь. Арбы грузнуть, верблюды и волы тонуть по брюхо. Одна ѣзда верхомъ становится возможною. И опять холодъ, опять тепло. Два дня погрѣло солнышко — и уже летятъ снова дикіе гуси, журавли; аисты ходятъ по пустырямъ, пеликаны по озерамъ и лиманамъ. Въ деревняхъ барыни на крылечко выставляютъ цвѣты на воздухъ. Овцы опять движутся на подножный кормъ въ поле. А февраль еще

на дворѣ. У побережья въ синихъ волнахъ снуютъ лодки, корабли показываются. Невода опять тянутъ. Костры горять. Торговля зашевелилась. Конторскіе маклера рыщутъ по городамъ. Но небо опять нахмурилось, налетѣли съ сѣвера тучи, и Новороссія, южно-русская Италия, опять становится мертвою, суровою Скиѣей.

Слухи о мадамъ Перепелицыной было прошли и замолкли. Панчуковскій совѣстился ѣхать въ городъ и лично хлопотать. Онъ рѣшился показать видъ, что спокоенъ, а потомъ и въ самомъ дѣлѣ успокоился. Михайловъ давно уѣхалъ въ Одессу.

XII

ПОХОЖДЕНІЯ МИЛОРОДЕНКА

— Твой соперникъ, твой Левенчукъ наконецъ пойманъ! такую пріятною и неожиданною вѣстью порадовалъ Панчуковскаго пріятель-исправникъ Подкованцевъ: — онъ пойманъ въ партіи неводчиковъ, близъ Маріуполя, и доставленъ по мѣсту преступленій ко мнѣ въ увѣздъ. Теперь отъ васъ, отъ тебя, другъ Владиміръ Алексѣичъ, зависитъ помочь и мнѣ: меня, братъ, упекаютъ подъ судъ, за покровительство нашимъ бродягамъ. Такъ ты мнѣ своими связями помоги; а я, пока состою при мѣстѣ, запроторю твоего соперника туда, куда и Макаръ телятъ не гонялъ. Пріѣзжай, потолкуемъ.

— Я же его упеку! свирѣпо подумалъ полковникъ: — все равно нечего теперь дѣлать, поѣду!

Панчуковскій слеталъ къ Подкованцеву, условился какъ и куда спустить бродягу Левенчука, а кстаті посовѣтовался и о томъ, что предпринять съ происками начинавшей уже ему надѣдать помѣщицы Перепелицыной, появившейся въ сосѣднемъ городѣ. Положено было: Левенчука избавить отъ допросовъ и отъ слѣдствія по дѣлу о взбунтовавшихся косаряхъ, а скорѣе послать его, какъ бродягу, къ его помѣщикамъ; еслиже онъ не назоветъ ихъ, то прямо въ Сибирь, — какъ непомнящаго родства, а о тоспожѣ Перепелицыной пустить въ окрестностяхъ молву, что на нее падаетъ подозрѣніе въ соучастіи съ продавцами фальшивой монеты, сдѣлать у ней черезъ пріятеля-городничаго повальный обыскъ, навугать ее, а потомъ и предложить ей ѣхать обратно въ Россію.

— Левенчукъ пойманъ! сказалъ полковникъ и Шкатулкину, во-

ротясь домой въ радости отъ условія съ Подкованцевымъ, и спѣша и слугу обрадовать этою вѣстью.

— Пойманъ-съ? Быть не можетъ? Ай да полиція-съ! сказалъ Аксень, ставши между тѣмъ бѣлае мѣлу, вѣроятно тоже отъ радости: — гдѣже-съ онъ?

— Ведуть еще въ цѣпяхъ, по этапу!

— Зачѣмъ же въ цѣпяхъ, ваше высокоблагородіе? Это прижимки-съ.

— Какъ! Да вѣдь это онъ былъ тогда главный-то бунтовщикъ съ косарями!

— А! я и забылъ! Куда же его ведутъ, сударь?

— Должно-быть въ Сибирь пойдеть.

— Такъ-съ. Жаль парня! Ну, да на то уже ваша барская воля! Значить чтобъ не мѣшалъ счастью...

Полковникъ передъ тѣмъ нарочно постраждалъ Шкатулкина вѣстью, будтобы гдѣ-то бѣжала шайка воровъ изъ острога, для того чтобъ тотъ лучше берегъ домъ, но ночамъ запираемый съ обоихъ выходовъ самимъ Панчуковскимъ. — Теперь же вдругъ слухъ атотъ на самомъ дѣлѣ сбился. Антропка ѣздилъ для кухни за говядиной въ городъ и услышалъ тамъ, что дѣйствительно изъ сосѣдняго острога бѣжали арестанты, сдѣлавши проломъ въ печкѣ и уйдя черезъ трубу.

— «Вотъ видите ли, сказалъ полковникъ дворнѣ: — чего добраго, еще Левенчукъ можетъ-быть убѣжалъ! пропадемъ мы право всѣ, если не будете беречься; запирайте же постоянно на ночь всѣ двери въ хатахъ и ворота во дворъ, да собакъ спускайте съ цѣпей. Ты же, Домаха, отнынѣ не отходи сверху отъ дверей Оксаны; теперь она стала спать наверху, то чтобъ что-нибудь ее не напугало. Ты знаешь, что теперь надо ее беречь да беречь; обереги ее, я тебя отблагодарю; видишь, какая она стала... Я думаю, къ николину дню родить будетъ!» — «Какже! Точно къ николину...»

Итакъ полковникъ спалъ снова одинъ въ кабинетѣ. Дверь черезъ шкафъ въ сосѣднюю комнату, отведенную было Оксанѣ, онъ постоянно запиралъ. Куча непрочитанныхъ за лѣто книгъ и журналовъ теперь лежала на столѣ въ кабинетѣ, воля кровати Панчуковского, и онъ, задергиваясь пологомъ и предварительно взявши къ себѣ ключи отъ дома, ежедневно, ложась спать, читалъ до глубокой ночи. Тутъ постоянно роились въ его головѣ всѣ главные предположенія и дерзкія, небывалыя мысли о новыхъ спекуляціяхъ. Иногда

онъ вставалъ, подходилъ по мягкому ковру къ столу, садился писать, незримый болѣе съ надворья, вслѣдствіе недавно къ зимѣ устроенныхъ плотныхъ внутреннихъ ставней, и заря его заставляла утромъ нерѣдко еще въ креслѣ, въ тепломъ куньемъ халатѣ, за выкладками, соображеніями и письмами. Переписка его была болѣе комерческая, дѣловая.

На гумнѣ въ это время домолачивалась пшеница. Стоялъ также еще громадный рядъ скирдъ ржи и прочаго менѣе цѣннаго хлѣба, и большія скирды свезеннаго овцамъ со степи сѣна. Молотила паровая машина. Полковникъ ежедневно ходилъ на гумно, стоялъ надъ рабочими и просиживалъ тамъ до глубокихъ сумерекъ. Шкатулки же обыкновенно, управившись въ домъ и поигравши съ «барышней» и съ Домахой въ карты, выходилъ на крыльцо, сидѣлъ тутъ, курилъ, смотрѣлъ какъ догорали недолгіе порывистые зимніе деньки, либо посмѣивался, сплевывая всторону и труня надъ разными дворовыми лицами, сновавшими съ утра до ночи изъ кухни въ анбаръ, изъ анбара въ ледникъ, въ погреба, за дворъ и въ домъ, и поджидалъ тутъ барина.

Разъ захотѣлось Панчуковскому пойти ночнымъ дозоромъ на токъ, гдѣ лежали большіе вороха намолоченой, навѣянной и еще нессыпаной пшеницы въ клунѣ, посмотрѣть, нѣтъ ли плутовскихъ слѣдовъ къ воротамъ или черезъ канавы, не пользуется ли кто лишнимъ сѣномъ изъ его же наемныхъ дворовыхъ, державшихъ скотъ на барскомъ корму. Снѣгъ передъ тѣмъ только-что снова выналъ послѣ обѣда и запорошилъ бѣлымъ пушкомъ всю окрестность, дворъ, овчарни, гумно и батрацкія избы съ клѣтушками.

Было темно. Въ трехъ шагахъ нельзя было видѣть человѣка. Но полковникъ смѣло пошелъ; въ карманѣ его былъ по обычаю револьверъ. Аксентъ копался въ домѣ, въ буфетѣ, готовя чашки къ чаю. Полковникъ по пути кликнулъ Антропку и пошелъ съ нимъ. Они миновали батрацкія избы, гдѣ почти все уже затихло и спало, прошли овчарни, мельницу и поднялись на взгорье къ току.

— Сбѣгай, братъ Антропка, домой: я забылъ спички; принеси! А я тутъ подожду. На обратномъ пути закурю сигарку; да также фонарь принеси, — легче будетъ назадъ идти. Я буду ждать у клуни.

Антропка побѣжалъ. Полковникъ пошелъ впередъ.

Было тихо. Снѣгъ почти неслышно шелестѣлъ подѣ ногами. Все молчало въ мягкомъ свѣжѣмъ воздухѣ. Изъ верхняго этажа дома полковника, черезъ ограду, мерцалъ огонекъ изъ слухового окна Оксаны. «И какъ это она скоро покорила и забыла своего жениха!» думалъ полковникъ: — «чѣмъ женщину не купишь! Или эти украинки по правдѣ скотоваты?» Со стороны поля, изъ какой-то отдаленной, степной овчарни доносился лай собакъ. «То вѣрно волки тамъ показиваютъ, набѣгаютъ изъ обѣдѣнныхъ камышей!» раскидывалъ мыслями полковникъ...

Вдругъ ему послышался шорохъ шаговъ за оградой гузна, въ сторонѣ противоположной той, куда скрылся Антропка. Кто-то не то шолъ, не то ѣхалъ возлѣ хлѣбныхъ скирдъ, за канавою.

— «Кто бы это былъ такой?» подумалъ Панчуковскій и замаръ... волосъ зашевелился у него на головѣ: — «воръ не воръ, зачѣмъ же онъ ѣдетъ отъ поля? Это вѣрно не нашъ, чужой!»

— Кто здѣсь? Эй! кто ты? крикнулъ Панчуковскій.

Незримый путникъ не отзывался.

— Эй! говорю тебѣ — отвѣчай!

— А ты кто? спросилъ грубый голосъ, и шаги направились къ полковнику.

— Сторожъ.

— Нѣтъ, лютоди! Ты баринъ самъ?

— А хотъ бы и баринъ? сказалъ Панчуковскій и заикнулся.

— Ну стой же, коли твоя судьба на то привела!

Незнакомецъ зашевелился. Панчуковскій не успѣлъ подумать, зачѣмъ это онъ велѣлъ ему подождать и что значили его слова о судьбѣ, — даже пьянымъ ему показался незнакомецъ, — какъ мгновенно въ пяти шагахъ отъ него что-то невыносимо-ярко блеснуло, раздался оглушительный выстрѣлъ, а въ упоръ передъ нимъ съ ружьемъ обрисовался Левенчукъ.

— Что это ты? крикнулъ Панчуковскій пошатнувшись.

— Шолъ подстеречь тебя, баринъ, и посчитаться съ тобою навѣки; а и самъ ты подвернулся... не прогнѣвайся!

— Кто здѣсь? эй! держи, лови! воръ, разбойникъ! туши скирду! закричалъ Панчуковскій очнувшись и понявши, что выстрѣлъ въ него не попалъ. Пыжъ отъ выстрѣла попалъ на хлѣбную скирду, которая дымилась.

— Кто, кто здѣсь? отозвался несвоимъ отъ страху голосомъ Антропка, прибѣжавшій между тѣмъ съ фонаремъ.

— Ну жалько же, что у меня не двустволка! сказалъ между тѣмъ Левенчукъ: — я-бъ тебя уложилъ! И скрылся.

Антропка кинулся тушить скирду. Полковникъ съ револьверомъ впереди себя, побѣжалъ отыскивая Левенчука и передавая все наскоро Антропкѣ. Левенчукъ скрылся.

— Стойте вы тутъ, а я сбѣгаю за лошадыю; людей еще позову и мы по слѣду теперь его мигомъ розыщемъ...

— Дѣло! Бѣги, а я здѣсь пережду! говоритъ Панчуковскій, едва переводя духъ.

— Нате спички, держите; насилу розыскали ихъ съ Аксеюмъ въ кабинетѣ... Ахъ ты иродъ, такъ ты не покался! Съ ружьемъ пришоль!

Антропка безъ памяти побѣжалъ снова домой. Панчуковскій отыскавъ на землѣ брошенный Антропкой фонарь, нагнулся, закрылъ его полой и зажогъ въ немъ свѣчу. Руки его дрожали. Онъ прислушался: по полю въ другомъ концѣ отъ гумна кто-то бѣжалъ... Полковникъ сталъ искать слѣдовъ. Шаги бѣглеца отлично были видны по свѣжей порошѣ; верхомъ, съ фонаремъ, легко его было найти. Лишь бы не зарядилъ онъ опять ружья или снѣгъ бы снова не пошоль. — «А! шепталъ Панчуковскій:—вершкомъ лѣвѣе, и весь зарядъ сидѣлъ бы уже въ моей груди, а я метался бы, какъ отбѣгавшій свой вѣкъ заяцъ! Гдѣ смерть-то моя ходила!.. И надо же было пойти дозоромъ на токъ и на него, бѣглаго изъ острога, наткнуться!» Сердце его усиленно билось; кровь стучала въ вискахъ. Поднимался легкій вѣтерокъ; будто метель собиралась. — «Боже, когда бы снѣгъ нр пошоль, чтобъ его розыскать! добраться бы мнѣ наконецъ до него! Какова дерзость? И что дѣлается со мною, непостижимо! Откуда такія напасти?» Раздался громкій конскій топотъ. Прискакали на блескъ фонаря, на батрацкихъ лошадахъ, Антропка, прикащикъ, лѣтомъ бывшій причиною неудовольствія косарей, и еще четыре работника, наркоро, даже безъ шапокъ.

— Вотъ вамъ фонарь; скачите, догоняйте! молю васъ, ловите его...

— Слушаемъ-съ! Врядъ ли уйдетъ!.. Развѣ гдѣ лошадь припавена у него, али снѣгъ успеетъ запорошить слѣды...

— Развѣ и мнѣ не поскакать ли также съ вами?

— Еще чего бы не было! Лучше оставайтесь. Домой идите... Мы мигомъ обознаемъ все! крикнулъ изъ-за занавы прикащикъ, и верховые поскакали.

Панчуковскій пошолъ къ дому. Онъ былъ въ сильномъ волненіи. Начиная дѣйствительно снѣгъ идти. Не успѣлъ онъ до воротъ дойти, какъ поважили огромные хлопья.

— Уйдетъ, уйдетъ! думалъ Панчуковскій: — пропало мое дѣло! Вотъ бы поймать его! Что до суда и слѣдствія, а я бы его еще самъ пробралъ...

Во дворѣ было тихо. Въ кухнѣ не свѣтились уже огни. Освѣщено было попрежнему только окно наверху въ домѣ у Оксаны, да въ лакейской виднѣлся Аксентъ, смиренно копавшійся съ иглою и съ какою-то одеждою у свѣчки. Сторожъ, по мѣстному названію «бекѣтный», не сразу отворилъ на окликъ барина ворота. Слухи дѣйствительно ходили о шалостяхъ мѣстныхъ грабителей и воровъ немаловажные и всѣ держали ухо остро.

— Кто на очереди? спросилъ Панчуковскій.

— Самойло.

— На-же спички, Самуиликъ, да бѣги скорѣе въ кухню, зажги конюшенный фонарь и давай его мигомъ мнѣ! Есть дѣло; можетъ-быть сейчасъ также поскачемъ съ тобою; осѣдлаешь тогда мнѣ же-ребца!

Сѣдой хрычъ Самойло съ прѣсенокъ у сторожки едва разобралъ слова полковника, пошолъ переваливаясь и воротился изъ кухни съ зажженнымъ фонаремъ.

Панчуковскій наскоро передалъ ему о случившемся. Отворили конюшню; Самуиликъ побѣждалъ въ каретникъ взять сѣдло, какъ за воротами раздался снова шумъ и громкій крикъ приказчика: «отворяйте!»

— Стой, погоди! сказалъ Панчуковскій и самъ пошолъ, прислушиваясь къ говору за воротами.

— Да отворяйте же! кричалъ приказчикъ: — это мы, свои! ли-сицу поймали...

Самойло звенѣлъ ключами. За воротами кто-то тихо охалъ.

Верховые въѣхали во дворъ. Подвинули къ лошадамъ фонарь. Полковникъ взглянулъ: Антропка сидѣлъ на сѣдлѣ, начаясь. Онъ весь былъ облитъ кровью ..

— Что это? кто тебя ранилъ?..

Антропка молча указалъ въ сторону, хватаясь за бокъ.

— Живо деръ, сударь, успѣлъ опять зарядить ружье, и выждавши нашу погоню, выстрѣлилъ...

Панчуковскій выхватилъ у Самуилика фонарь, поднесъ его къ

человѣку, связанному уже по рукамъ и по ногамъ и за шею прикрученному къ сѣдлу приказчика. Съ волосами, упавшими на лицо, и запорошенный снѣгомъ, передъ нимъ стоялъ мрачно понурившийся Харько Левенчукъ.

Сперва было полковникъ его не узналъ.

— Ты меня опять поджигать пришлоль?

— Тогда не поджигалъ; вы на меня донесли, меня ославили; такъ я уже думалъ одинъ на одинъ посчитаться...

— А, вотъ что! Слѣзай, Антропка! Батраковъ остальныхъ сюда! Держи его! А! такъ ты признаешься? Слышите вы всѣ?

Самуиликъ судорожно заметался. Приказчикъ убралъ въ конюшню лошадей. Левенчука толпой привязали къ коновязи. Полковникъ повидимому не горячился, говорилъ тихо, но свирѣпѣлъ болѣе и болѣе. Сбѣжались другіе перепуганные батраки. Ихъ разставили на часахъ. Кто былъ потрусливѣе, того отослали обратно. Готовилась сцена, какими иногда увеселялъ себя полковникъ.

— Розогъ сюда, палокъ!

— Чего бы еще не было отъ этого? шепнулъ было Панчуковскому приказчикъ: — лучше бы его такъ доставить въ судъ!

— Молчать! Я васъ всѣхъ переберу! Розогъ, кнутовъ, палокъ!

Явились и кнуты и розги. Въ домъ было все тихо. Туда никто не входилъ и тамъ ничего не знали. Попрежнему свѣтились тихія окна Оксаны и Авсена.

— Нѣтъ, душечка! нѣтъ, голубчикъ, шепталъ Панчуковскій: — пока еще до суда, такъ ты опять еще уйдешь изъ острога въ печку; а вотъ я тебѣ перемою тѣлцо, переберу по суставамъ всѣ твои косточки... Клади его, Антропка! Самуилика сюда! Гдѣ онъ? Ну, живѣе... Куда онъ тебя ранилъ, Антропка?

— Въ бокъ, дробью-съ...

Явился Самуиликъ, грустно губы скорчилъ; да нечего было опять дѣлать — воля барская...

— Онъ, сударь, вольный можетъ стать! Зачемъ вы его бить хотите! обозвался, снявши шапку, одинъ изъ батраковъ.

— Молчать! оралъ уже на весь дворъ Панчуковскій: — каждаго положу, кто хоть слово пикнетъ! Клади его, бей; а ты, Антропка, хоть и раненый, считай... Огня мнѣ; пока выкурю сигарку, не вставать тебѣ, анафема!

Началась возмутительная сцена...

Левенчукъ, какъ легъ, не откликнулся, пока надъ нимъ сосчитали триста ударовъ.

— Довольно, сказалъ полковникъ: — повороти хохла, да посмотри живъ ли онъ? Что хохоль, что собака — иной разъ ихъ и не различишь...

Левенчука повернули къ фонарямъ лицомъ.

— Такъ вотъ она, воля-то ваша, братцы! простоналъ Левенчукъ, чуть шевелясь отъ боли: — а вы лучшей тутъ искали?

Толпа съ ропотомъ шумѣла...

— Ну, ну, не толковать! Воды ему, окатить его да дѣтъ напиться! крикнулъ полковникъ, отходя къ крыльцу. — Это кто? спросилъ онъ, наткнувшись на кого-то впотемкахъ и поднося къ его лицу фонарь.

То былъ Милороденко...

На немъ черты живой не было.

— Баринъ! зачѣмъ вы такъ тиранили человѣка? спросилъ онъ.

— Такъ и учать скотовъ! Да если и вы всѣ его защищать станете, лучше убирайтесь на всѣ четыре стороны. Лишь бы лѣсъ былъ, а волки будутъ... Я, братъ, военная косточка и шутить не люблю.

Милороденко пропустилъ барина молча мимо себя.

Но едва полковникъ скрылся въ домъ, онъ опроретью побѣжалъ къ конюшнѣ, гдѣ такъ неожиданно было наткнулся на истязанія своего бывшего пріятеля.

— Гдѣ онъ, гдѣ онъ? шепталъ разбитымъ голосомъ Милороденко, расталкивая батраковъ.

— Вонъ, Аксентій Данилычъ, водою отливають; замеръ горемыка, чуть его бросили... Какъ бы чего барину не было...

— Барину! зарычалъ Милороденко: — а человѣческую душу загубилъ, такъ про душу эту и не вспомните? Еще воды сюда! Снѣгу на голову — водки въ ротъ. Эй, на вотъ цѣлковый, сбѣгай въ шинокъ...

Очнувшіеся батраки, зашевелились передъ новыми приказаніями. Стало людское шло туда, куда пастухъ велъ, кто бы онъ нибылъ...

Прошло часа полтора. Въ кабинетъ полковника вошелъ Аксентъ. Онъ молча положилъ ключъ отъ каретника на столъ, у подушки Панчуковского. Глаза его были заплаканы, волосы всклоочены.

— Ну?

— Извольте ключъ-съ; приказчикъ прислалъ...

Милороденко не поднималъ глазъ отъ полу.

— Связали? уложили его въ каретникъ, какъ я приказалъ?

— Заперли связаннаго. Утромъ можно въ городъ послать—съ... Только знаки, баринъ, будутъ видны — не было бы чего...

— Ложись спать, да двери запирай! Не твое дѣло! Терпѣть я, братецъ, не люблю разсуждений. Это ты могъ дѣлать у Шульцвейна, у другихъ...

Аксенъ покорно ушелъ. Прошло еще съ полчаса. Все замолкло. Огни вездѣ опять погасли. Ворота со скрипомъ затворились. Умолкли и собаки, лаявшія подъ этотъ необычный ночной шумъ.

Полковникъ всталъ, выпилъ два стакана залпомъ воды, надѣлъ халатъ и туфли; обошелъ весь домъ, увидѣлъ Домаху, спавшую у дверей Оксаны, зашелъ на Оксану взглянуть, увидѣлъ Аксена, съ смиреніемъ агнца какъ-виднo хранившаго уже на коврикъ въ лакейской, воротился въ кабинетъ, заперъ его на ключъ изнутри и съ легкой дрожью улегся снова въ постель, задернувши атласный пологъ. Онъ долго не спалъ; слышалъ какъ часы наверху пробили два и потомъ три; какъ пѣтухи прокричали вторично. Наконецъ онъ забылся.

Ему все снились отрадныя картины. Въ потайномъ желѣзномъ англійскомъ сундукъ кассы его, врѣзанномъ въ его письменный столъ, грезилось ему, лежать уже не сто пятьдесятъ тысячъ рублей тайно увезеннаго женинаго капитала, а вдвое противъ этого. Оксана дарить ему сына, толстенькаго гетманца, съ черными кудрями, и нарекутъ ему имя также Владиміръ. А по пустынной, зимней степной дорогѣ на сѣверъ тянется подъ конвоемъ длинный этапъ: впереди его идетъ въ цѣпяхъ Левенчукъ, а сзади — уличенная Подкованцевымъ въ сношеніяхъ съ фальшивыми монетчиками, супруга Владиміра Алексѣича, урожденная купеческая дочка Настасья Гавриловна Перепелицына. Сонъ длится далѣе. Хуторъ Новая-Диканька уже расширился, превратился въ мануфактурный и промышленный городокъ. Полковникъ военнымъ-губернаторомъ управляющимъ и гражданскою частью. Высятся кирпичныя фабричныя трубы. Каменные корпуса поднимаются по улицамъ. Извозчики ѣздить. Дремучія рощи окружаютъ собственный домъ полковника. «Это уже и отца Павладія небрежеголяло!» думаетъ Пачуковскій и вмѣстѣ съ тѣмъ въ испугъ просыпается...

Что это?..

Комната его странно освѣтилась. Въ дверной секретный шкафъ

вошли беззвучно какія-то два лица. Надъ постелью его стало что-то высокое... Онъ вскрикнулъ и обезумѣвши отъ смертнаго ужаса, кинулся за края полога.

— Ни слова! звонко сказалъ стоявшій надъ нимъ: — теперь уже молчи, баринъ; теперь уже наша воля — это видишь?

Смотритъ полковникъ: его слуга Аксень стоитъ надъ его ухомъ и держитъ собственный револьверъ полковника.

— Что ты, Аксень? съума сошолъ?

Шкатулкинъ, уже одѣтый въ платье своего барина, видно не шутилъ.

— Баринъ, сказалъ онъ: — ты теперь уже молчи; пикнешь слово — вотъ тебѣ Богъ святой — пулю въ лобъ пущу! Намъ что теперь? Все подавай свое и баста. Пролежишь смирно — живъ останешься...

Панчуковскій оглянулся — за пологомъ стоялъ также освобожденный, истерзанный имъ за три часа назадъ Левенчукъ. Въ рукахъ послѣдняго былъ ножъ.

— Боже! не сонъ ли это? шепталъ Панчуковскій, пугливо взглянувши на окровавленные волосы въ свалкѣ истязанія и взбитую бороду блѣднаго, какъ трупъ, Левенчука.

— Чтоже вамъ нужно? спросилъ полковникъ: — и что это ты, Аксень, затѣялъ?

— Ты теперь, ваше высокоблагородіе, уже тоже молчи! Пистолеть-то твой, повторяю, какъ видишь, у меня! На, Хоринька! прибавилъ Милороденко, подавая пистолетъ Левенчуку: — держи эту штучку, да посади барина-то, обидчика твоего, обратно на постель, то-есть положи его сразу въ лобъ-то, коли что затѣеть, а мнѣ некогда! Да ты можетъ-баринъ, хочешь знать кто я? Спасибо за угощеніе: я Милороденко! Не удалось покаяться, какъ видишь...

— Ну, теперь слушай уже и ты! сказалъ, переступая съ ноги на ногу Левенчукъ: — садись и молчи; я бѣ тебя уложилъ тутъ на вѣки... такъ старшій не велить! У насъ съ нимъ свои счеты...

Панчуковскій упалъ обратно на постель. Онъ уже и за ногу себя ущипнулъ, все еще полагая, не спитъ ли, и охать принялся, и даже попросту заплакалъ. Верзило Левенчукъ стоялъ передъ нимъ какъ бааланча, изрѣдка шевелясь и косясь на него.

Милороденко между тѣмъ, облачившись въ платье полковника, имъ же почищенное съ вечера, съ обыкновенною юркостью заматался,

хлопоча по комнатѣ и увидя, что пригрозилъ полковнику достаточно, успокоился и сталъ даже пошучивать :

— Вотъ, баринъ, ты не захотѣлъ его давеча помиловать ; **вольнаго-то человека бѣглаго, пташку божію посякъ ; теперь и не прогнѣвайся!** Вся твоя дворня перевязана ; рты у каждаго заклепаны какъ боченочки, — мы вотъ и распоряжаемся ! Ты я думаю удивился немало ? Теперь уже ты намъ отвѣтъ дашь : я, сударь, повторяю — Милороденко ! Не вѣришь ? Ейбогу-съ...

И онъ шнырялъ по комнатѣ. Кругомъ было тихо.

— Боже, Боже ! что они только съ нами донинѣ дѣлали, Хоринька ! Правда ? заключилъ Милороденко, укладывая въ чемоданъ все что было поцѣннѣе изъ вещей въ кабинетъ, и потомъ прибавилъ : — Ты, баринъ, думаешь, что я шучу ? Какъ рѣшился я освободить пріятеля, онъ прямо шолъ тебя убить...

Панчуковскій вдругъ вскочилъ, кинулся къ двери и крикнулъ громко : « Сюда, сюда, люди ! грабятъ, рѣжутъ ! »

Голосъ его звонко отдался по комнатамъ.

— Шалишь ! перебилъ его, загородя ему дорогу Милороденко : — ну, Харьковъ, гдѣ теперь тѣ бичевочки, что мы на ихъ барскую милость приготовили ? Видно безъ этого и съ нимъ не обойдется !

Левенчукъ досталъ веревку, при помощи франтовито-одѣтаго Милороденка съ силой ухватилъ Панчуковскаго, зажалъ ему ротъ, наставилъ къ виску его пистолеть, и въ два мгновенія полковникъ, связанный какъ чурбанъ, лежалъ уже на кровати. Милороденко не безъ грубости заткнулъ ему ротъ концомъ простыни, причемъ полковникъ ощутилъ скверный вкусъ мыла, обернулъ его лицомъ къ стѣнѣ и прибавилъ :

— Ну слушай же теперь, баринъ, въ послѣдній разъ : теперь уже не шути ; или ты не вѣришь ? Чуть обернешься назадъ, аминь тебѣ ! Ножъ въ спину по рукоятку ! Лучше лежи ; а нето пуля !

— Харьковъ ! гайдъ ! шепнулъ онъ Левенчуку.

Пріятеля сорвали планку съ потайного замка въ рабочемъ столѣ, подмѣченную заранѣе Милороденкомъ, вскрыли замокъ и ящикъ, вытащили связку бумагъ, нашли мѣшочекъ съ золотомъ, нѣсколько связокъ депозитокъ. Руки у Милороденка дрожали. Левенчукъ тяжело дышалъ. Все уложено въ другой чемоданчикъ.

— Бери ! Скорѣе ! Неси на дворъ !.. Нѣтъ, лучше стой надъ нимъ, а я понесу !

Милороденко выскочилъ изъ дому. Тамъ на дворѣ онъ сложилъ

все въ шуму подѣ крыльцомъ, гдѣ такъ часто молился. Осмотрѣлся еще разъ, обѣжалъ кухню, амбаръ, подворотную сторожку. Вездѣ было тихо. Собаки были убиты. Перевязанная дворня лежала спокойно. Освободивши Левенчука, Милороденко поочереди съ нимъ перевязалъ всѣхъ мужчинъ и бабъ, поодионочкѣ, съ барскимъ пистолетомъ въ рукахъ, свелъ ихъ въ одинъ изъ погребовъ и съ забитыми ртаи посадилъ туда, пригрозивши выпустить каждому кишки, чуть кто голосъ подастъ. Да уже одно сознаніе, что онъ Милороденко, скрвало ртаи всѣмъ невольио.

Выкативши фаэтончикъ полковника, Милороденко вывелъ его лошадей, пока еще темно было, къ погребу сбѣгалъ съ фонаремъ, освободилъ оттуда обомлѣвшаго отъ страху Самуйлика, вывелъ его, заставилъ съ угрозами заперчь фаэтонъ, связалъ его опять, толкнувъ въ погребъ, уложилъ чемоданы, и забѣжалъ обратно въ кабинетъ.

— Что, смиренъ теиерь нашъ князь? Ты теиерь молчишь, баринъ, а? А не хочешь ли мы тебѣ дѣвочку хорошенькую доставимъ?.

— Вотъ опростоволосился! думалъ полковникъ, жуя отвратительную простыню: — того и гляди зарѣжутъ; Боже! хоть бы въ живыхъ оставили...

— Какой ему чортъ теиерь, молчить! свирѣпо сказалъ Левенчукъ, сплюнувши въ сторону: — да пора уже, чего ты тамъ возишься?.. Пора отсюда вонъ...

— Ну, стой же еще малость... Надо и о твоемъ, голубчикъ, добрѣ подумать.

Левенчукъ вздохнулъ и сѣлъ.

— Да, пора бы! Жилъ ты тутъ сколько времени, хоть бы догадался освободить ее!

— Ужь я тебѣ обѣщался, только молчи! Не зналъ гдѣ ты. Да и что ей стало! Въ холѣ жила, я съ нею въ карточки баловался... А я у тебя въ долгу — помнишь, за порцію?..

Милороденко поднялся наверхъ по лѣстницѣ. Полковникъ слышалъ, какъ тамъ на мезонинѣ произошла возня. Кто-то несвоимъ голосомъ звизгнулъ и, тяжело рѣхнувши, покатился внизъ по ступенямъ. Опять все затихло. — «Домаха отплачивается, бѣдняга!» подумалъ полковникъ.

Таже потайная дверь въ шкафѣ отворилась въ кабинетъ. Показалась опять голова Милороденка.

— Теперь, Харько, бросай его; иди сюда! Ну скорѣе; свѣтаетъ...

Левенчукъ ступилъ въ сосѣдную комнату.

Тамъ впотѣмахъ стояла, опуствя голову; судорожно-рыдавшая Оксана.

— Ну-ну, барышня, перестаньте, цѣлуйтеся да идите скорѣе! Пора; ой, ей-же-ей пора! Поймають, тогда все пропало. Теперь уже и у тебя, Хоринька, хвостъ навѣки замаранъ...

Онъ толкнулъ одурѣлаго отъ встрѣчи съ Оксаною Левенчука. Левенчукъ вывелъ Оксану. Внизу лѣстницы стонала Домаха.

— Ты, Оксана, молись Богу, шепталъ Левенчукъ: — а я тебя прощаю — не ты виновата...

— Баринъ, а баринъ! Слушай, сказалъ Милороденко, входя въ кабинетъ: — я тебѣ сослужилъ службу; надо же было и посчитаться! Задавить тебя, повѣсить, зарѣзать — все одно что плюнуть. Мы тебя такъ кидаемъ; живи, только не дерись больше съ людьми православными. Тронешь кого пальцемъ — аминь тебѣ, помни! Гдѣ ни буду, явлюсь хоть съ того свѣта! Да постой, полежи еще маленько; встанешь раньше срока, пока самъ я тебѣ крикну — убью; пришло Левенчука: онъ разъ по тебѣ далъ промахъ, теперь уже не промахнется. Прощай; живи — и намъ на твое счастье пожить хочется...

Милороденко вынулъ всѣ ключи, заперъ обѣ кабинетныя двери снаружи, связалъ еще покрѣпче Домаху подъ лѣстницей собственнымъ ея же фартукомъ, выскочилъ на крыльцо, заперъ домъ на ключъ со двора. Уже замѣтно свѣтало. Оксана сидѣла въ фэзонѣ. Левенчукъ, склоня голову къ ручкѣ экипажа, стоялъ возлѣ. Они грустно шептались...

— Ну, пташки мои, готовы? Освободить ее для тебя, сердце Хоринька, всегда было нетрудно; да куда бы она дѣлась безъ тебя? А ты вотъ что подумай: я тебя не обидѣлъ... я берегу ее... это за водку ту, помнишь?

Еще разъ подбѣжалъ Милороденко къ погребу, постучалъ; погрозился, велѣлъ всѣмъ снова дожидаться и молчать, пока и ихъ онъ позоветъ; тихо отперъ ворота, вывелъ четверню за ограду, воротился назадъ, заперъ ворота изнутри, перелѣзъ черезъ ограду по лѣстницѣ, вынеся предварительно изъ каретника Левенчуку кучерской армякъ, одѣлъ его, посадилъ на козлы, а самъ сѣлъ въ полковничкомъ отставномъ военномъ пальто и въ фуражкѣ съ кокардой

въ фэзтонъ къ Оксанѣ, лошади тронули, выѣхали шажкомъ за клуню, за косогоръ, Левенчукъ сталъ по нимъ бить что было мочи, онѣ подхватили вскачь и унеслись скоро изъ вида. Можетъ-быть никогда еще ихъ быстрый бѣгъ не приносилъ на землѣ столько счастья... Оксана плакала навзрыдъ, колотясь головою о стѣнки фэзтона.

Долго ждалъ связанный полковникъ со всѣми своими домочадцами условленнаго знака освобожденія. Уже совѣтъ разсвѣло, солнце взошло. Батрацкія хаты задымились. «Что за чудеса!» думали батраки, ничего незнавшіе о заключеніи вчерашней исторіи и видя, что изъ полковническаго двора никто не показывается: ни кучеръ не ведетъ лошадей на водопой, ни приказчикъ не идетъ звонить къ конторскому столбу. Сошлись работники къ оградѣ: ворота заперты изнутри. Постучались, стали кричать; никто не отзывается. Крики ихъ слышны были въ погребу; но перевязанные тамъ не могли ни крикнуть, ни двинуться, да и заперты были тоже на ключъ. Опомнилась прежде другихъ и нашла средство дѣйствовать старая Домаха. Она разорвала ветхій фартукъ, опутавшій ей руки и ноги, тихо обошла комнаты, постояла хныча у дверей кабинета, тщетно силилась ихъ отпереть, пробовала выйти на крыльцо — и тамъ двери снаружи были заперты. Она взошла охая наверхъ, увидѣла народъ за воротами, сначала и его приняла за разбойниковъ, потомъ узнала кое-кого изъ своихъ и рѣшилась подать отвѣтъ въ форточку двери надъ балкономъ.

— Что, бабушка, тамъ у васъ такое? пугливо спрашивали голоса изъ-за ограды.

— А у васъ, братцы, что? Охъ, напугали окаянные! Несчастье стряслось!

— Ворота заперты и никого не видно со двора...

— И тутъ двери кругомъ заперты...

— Да ты, тетка, отбей чѣмъ-нибудь!

— Чѣмъ же отбить?

— А гдѣ баринъ?

— Не знаю. Тутъ чудеса были, да и только...

— Ты дверь выставь на балконъ; замокъ дверной отпри, а замазка и такъ отскочить...

Домаха успѣшно выставила дверь на балконъ.

— Простыни свяжи, бабушка, да и опустись наземь! суетливо кричали голоса изъ-за ограды.

Домаха явилась съ простынями, осмотрѣлась, что разбойниковъ нѣтъ, и наскоро передала, что случилось ночью въ домѣ. По ея словамъ всѣ внутреннія комнаты были заперты и баринъ въ домѣ не откликался.

— Боюсь, какъ бы не убитъ, братцы...

— Не убьешься! получше свяжи, тогда и намъ отворишь двери и ворота, невысоко...

Старуха связала толстымъ жгутомъ простыни, и стала ихъ прикрѣплять ихъ къ балконнымъ периламъ. Въ это время со степи показался верховой. Ничего неподозрѣвая, онъ тихо подѣхалъ къ воротамъ: Это оказался разсылный мѣстнаго откупщика. Онъ слѣзъ съ лошади.

— Здравствуйте, братцы!

— Чего ты?

— Къ приказчику.

— погоди, ты видишь что у насъ дѣется! И приказчика не найдешь...

Ему рассказали въ чемъ исторія.

— Гдѣ же вашъ баринъ? спросилъ удивленный разсылный.

— Гдѣ? А Богъ его знаетъ гдѣ...

— Да я его встрѣтилъ подъ Андросовкою!

— Какъ подъ Андросовкою?

— Именно же подъ Андросовкою; въ коляскѣ на вашихъ коняхъ и поѣхалъ; должно-статься рано выѣхалъ! Я вашихъ коней и коляску знаю; только кучеръ пожалуй что и не вашъ. Волосатый таковой. Еще полковникъ высунулся и поглядѣлъ на меня; а я ему шапку снялъ.

Батраки переглянулись. Что за притча! Задумалась и Домаха.

— Куда же это онъ поѣхалъ?

— Не знаю; съ нимъ и ваша та, знаете?

— А! въ самомъ дѣлѣ, братцы, гдѣ наша Оксана? да гдѣ и остальные?..

— Не замайте, не мѣшайте! говорила старуха, привязывая простыни къ балкону и мостясь перелѣзть черезъ перила.

Охая и крестясь, она перевалилась за балясы, повисла на воздухѣ и благополучно стала спускаться внизъ. Шутки смолкли. Всѣ чуяли узнать что-то недоброе.

Домаха спустилась наземь, перекрестилась еще разъ и отперла ворота. Всѣ гуртомъ вошли во дворъ, ошарили всѣ углы, кухню,

сарай ; нашли очумѣлыхъ отъ страха плѣнниковъ въ погребу, освободили ихъ, вывели на воздухъ.

— Кто это васъ?

— Милороденко, братцы! Охъ, Господи спаси и помилуй! Господи, спаси...

— Какъ Милороденко? Откуда онъ взялся?

Приказчикъ и Антропка первые оправались и стали ругаться.

— Это же онъ и есть окаянный, Аксень—то нашъ, что баринъ у нѣмца нанялъ: это и есть Милороденко, что господа у Небольцевыхъ толковали, и что судъ его розыскиваетъ! Онъ у насъ и жилъ...

— Снялъ же я живодеру этому шапку! Да не нарядить ли вамъ за ними, ребята, погоню? сказалъ разсылный откупщика.

— Да, ищи теперь вѣтра въ полѣ!

— Однакоже что съ домою да съ нашимъ баринюмъ сталося? Гдѣ онъ?

Распросили еще разъ Домаху, взломали дверь съ параднаго крыльца, вошли осторожно, осмотрѣли всѣ комнаты. Все на своихъ мѣстахъ. Подошли къ кабинету: двери заперты и безъ ключей.

— Надо ломать двери...

— Надо!

— Кузнеца сюда!

Явился кузнецъ, тотъ самый батракъ, что Левенчука когда-то защищалъ. Руки его дрожали. Долото не попадало въ щель. Сломали замокъ превосходной лаковой дубовой двери, вошли въ кабинетъ и сперва, за запертыми внутренними ставнями, ничего не разглядели. Отперли ставни, отдернули пологъ — и судите, каково было общее изумленіе, когда на кровати оказался связанный и съ заткнутымъ ртомъ полковникъ.

Его освободили. Измученный и нравственно убитый со стыда и злости, онъ долго не зналъ что говорить и дѣлать; наконецъ наскоро распросилъ каждаго что съ кѣмъ было, отпустилъ всѣхъ и остался съ приказчикомъ и съ Самуѣликомъ.

— Такъ и лошадей нѣтъ? спросилъ онъ, опустивши голову и кусая до крови ногти.

— Уведены—съ тоже...

Панчуковскій быстро подошелъ къ столу, увидѣлъ вскрытый потайной ящикъ, разбросанныя бумаги, ухватился за голову и упалъ безъ чувствъ... Кое-какъ его оттерли, дали воды напиться.

— Все погбло, все погбло! кричалъ онъ, какъ ребенокъ и билъ объ стѣну : — о боже, боже, все погбло! Лошадей, хоть какихъ—нибудь лошадей! Садитесь верхами, скачите, ищите ихъ : у меня украдены всѣ деньги... всѣ!

Новый ужасъ обнялъ дворню. Забывши тревогу, усталость и недавній страхъ, всѣ кто могъ вскочили на машинныхъ, даже малотѣжанныхъ табунныхъ лошадей, и поскакали.

— Десять тысячъ цѣлковыхъ тому, кто найдетъ ихъ и воротитъ мои дѣньги! кричалъ Панчуковскій съ крыльца, бѣгая то въ конюшню, то за ворота.

Написаны повѣстки въ станъ, въ судъ, въ полиціи трехъ сосѣднихъ городовъ.

Къ знакомымъ и къ пріятелямъ посланы особые гонцы.

Панчуковскій взошелъ наверхъ. Комната Оксаны была пуста.

— Разомъ какого счастья лишился я! подумалъ полковникъ : — говорятъ, что человекъ идетъ въ гору, идетъ и вдругъ оборвется... И правда!..

Полковникъ бродилъ по дому, проклиналъ весь міръ, звалъ къ себѣ поодинокѣ всѣхъ, кто еще возлѣ него остался, совѣтовался, кричалъ, сердился, дѣлалъ тысячи предположеній, рвалъ на себѣ волосы, безпрестанно бѣгалъ на балконъ, смотрѣлъ въ степь, наводилъ во всѣ стороны ручную подзорную трубу и плакалъ, охалъ, какъ малый ребенокъ.

Изъ посланныхъ нѣкоторые воротились къ обѣду, другіе къ вечеру, третьи вовсе еще не воротились. Отвѣтъ былъ одинъ : никто ничего не открылъ. Бѣглецы ускакали безъ слѣда.

На разсвѣтъ длинной темной ночи, въ которую никто въ домѣ и во дворѣ полковника не заснулъ ни-наволось, къ крыльцу Панчуковского съ громомъ подъѣхалъ экипажъ.

— Нѣмецъ пріѣхалъ! Шульцвейнъ! сказалъ кто-то, вбѣгая къ полковнику, который лежалъ, обложенный горчичниками, въ постели. На столѣ стояли склянки съ лекарствами. Докторъ возлѣ сидѣлъ.

— «Опять его судьба ко мнѣ въ такой часъ заноситъ!» съ невольною досадою подумалъ Панчуковскій и молча, съ грустною улыбкою протянулъ руку входившему въ кабинетъ колонисту.

— Ist es möglich? спросилъ Шульцвейнъ, грубыми и неуклюжими шагами подходя къ кровати Панчуковского : — есть ли какое вѣроятіе въ томъ, что разнеслось теперь о васъ?

— Все справедливо! тихо сказалъ полковникъ, качая головою изъ подушекъ.

— Кто же это все сдѣлалъ?

— Слуга, рекомендованный вами...

— Ай-ай-ай! И я причина вашего разоренія, можетъ-быть гибели? Ахъ, mein Gott, mein Gott! Я безчестный человѣкъ!

Панчуковскій попросилъ его придти въ себя, успокоиться, самъ съѣлъ и попросилъ сѣсть гостя. Въ той же синей потертой курткѣ, съ тѣми же длинными костлявыми ногами, румяный и бѣлокурый колонистъ усѣлся, охая и поминутно ломая руки.

— То что случилось со мной, Богданъ Богданычъ, могло наоборотъ случиться и съ вами. Не въ рекомендаціи дѣло; вы его не знали и за него не ручались. Дѣло съ бѣглыми, какъ видите, у меня оборвалось...

— Но я, я!.. Черезъ меня! Ахъ, mein Gott, mein lieber Gott!

— Вы мнѣ порекомендовали этого негодяя, зато отъ васъ я впервые узналъ и о моей красавицѣ... что теперь отъ васъ таится?... шутка судьбы!

Отчаянію и неподдѣльной горести Шульцвейна однако не было границъ. Онъ ходилъ по комнатѣ, размахивалъ мозолистыми руками, останавливался, дѣлалъ тысячи предположеній о поимкѣ грабителей, вызывался самъ ихъ искать, самъ своими средствами; предлагалъ на первое время часть собственнаго капитала къ услугамъ полковника, для его первыхъ хозяйственныхъ оборотовъ.

— Сколько же они у васъ всего похитили?

— За двѣсти тысячъ... да-съ!

Шульцвейнъ падалъ на диванъ, топалъ уродливыми ногами, вопилъ, осклабя розовыя сочныя губы до ушей, стоналъ, билъ кулаками въ столъ, въ грудь себя, и кричалъ: «Двѣсти тысячъ, двѣсти тысячъ!»

— Да что вы такъ выходите изъ себя? уже иронически спросилъ полковникъ.

— Это деньги нажитыя, трудовыя! Я знаю трудъ! Я его знаю! Боже мой, Боже, когда бы ихъ нашли! О, еслибы ихъ нашли!

— Вы видите, я спокоенъ. Мнѣ жаль болѣе моей красавицы. Видите, я вамъ сознался...

Утромъ подъѣхали другіе сосѣди: братья Небольцевы, Шварберъ, Веберъ, Авдотья Петровна Щелкова. Шутовкинъ вошелъ

похрамывая и проклиная дорогу. Онъ особенно вѣжно и съ чувствомъ пожалъ руку полковника.

— Душа Володя! Я тебя лучше другихъ понимаю; не денегъ тебѣ жаль; ты жалѣешь другого сокровища — ее! Она готовилась тебѣ подарить ангела-сына, или можетъ-быть дочь.

Шутовкинъ, вѣдучи къ новому другу, вылилъ.

Къ обѣду прискакалъ Подкованцевъ. Онъ былъ смиренъ, не попросилъ по обычаю ни бювѣшки, ни манжѣкаты, внесъ портфель, досталъ оттуда какую-то бумагу, подалъ ее Панчуковскому, и обратясь къ присутствующимъ, сказалъ:

— Меня, господа, берутъ у васъ, гонятъ въ отставку; вы меня не отстояли, а увидите — безъ Подкованцева вамъ житья не будетъ.

— Нѣтъ, мы васъ не отдадимъ...

— Не отдадите? Теперь уже поздно! Зато я тотъ же-съ, какъ и былъ! Вы бы услышали прежде мои новости: фаэтонъ, господа, полковницкій я нашолъ и его сюда уже везутъ...

— Нашли, экипажъ нашли! закричали слушатели и сбѣжались поздравлять полковника: — а лошади?

— Одинъ экипажъ пока, печально заключилъ исправникъ: — экипажъ и два пустыхъ чемоданчика на берегу моря, au bord de la mer, messieurs! только покамѣсть и нашли! Но найдемъ и остальное. А лошади пали, загнанныя вскачь на сорока пяти верстахъ... Жаль ихъ!

— Какъ же это нашли?

— Видите ли: новые чиновники чистуны брезгаютъ приѣмами отцовъ и дѣдовъ; а мы еще живемъ по старинѣ. Я гаркнулъ на моихъ соколиковъ, значитъ созвалъ ближайшихъ къ городу моихъ пріятелей, то-есть разныхъ мошенниковъ-съ — извините — и сказалъ эйнъ-венигъ такое наставленіе: ищите и обряцете, толцые и отверзется, а чтобъ вы мнѣ полковницкія вещи розыскали! всѣхъ передовлю!

— И нашли?

— Нашли пока одно; можетъ найдемъ и другое...

Присутствующіе стали строить новые планы поисковъ.

— Деньги Владиміра Алексѣича, въ золотѣ, значитъ появятся либо въ портахъ, либо въ Нахичевани. Надо тамъ слѣдить! Да и какъ слѣдить? Стань за сто верстъ, судь за сто двадцать! Эдакая даль, пустыня...

— Ничего изъ этого не будетъ! рѣшали другіе: — денегъ не воришь; надо облавы на этихъ проклятыхъ бѣглыхъ сдѣлать; это отъ нихъ всѣ бѣдствія идутъ, оттого что у насъ людей безъ пачпортовъ держать.

— Да вы же ихъ, Дмитрій Андреичъ, держите больше всѣхъ насъ, вы же! сказалъ кто-то Небольцеву.

— Хороши и вы. А кто кучера моего передерживалъ въ прошломъ году, а?

— А мою дѣвку-съ?

— А моего табунщика?

— Да онъ же не вашъ?

— А чей же?

— Онъ тоже бѣглый, а не вашъ; я потому его и держалъ.

Авдотья Петровна Щелкова вбѣжала впопыхахъ.

— Мессѣ, фазтонъ Владиміра Алексѣича привезли!

Всѣ выбѣжали на крыльцо. У конюшни дѣйствительно стоялъ весь избитый и загрязненный фазтонъ. Его привезли на обывательскихъ. Самойло держалъ его рукою за колесо.

— Что, братъ Самуѣйликъ, не думалъ дожить до такой жалости? спросилъ кто-то.

Покачалъ сѣдою головою Самуѣйликъ и ничего не отвѣтилъ. Всѣ дворовые ходили какъ шальные.

— Конецъ намъ видно приходитъ! Бога мы вконецъ прогнѣвили!

Гости толпой стояли на крыльцѣ, шушукаясь: «Двѣсти тысячъ, двѣсти тысячъ! это еще небывалое дѣло въ краѣ!»

— Какъ однако экипажъ отбѣжали! Да и погода грязниться стала. Ишь какъ потеплѣло; облака незимнія бѣгутъ, будто весной пахнетъ. Какъ бы сегодня дождя не было! Распуститъ, засядемъ всѣ мы тогда здѣсь у полковника не на недѣлю...

— И въ самомъ дѣлѣ, господа, пора бы по домамъ, сказалъ Веберъ.

— Погодите, исправникъ ждетъ еще сегодня одной справки; онъ на плавни, въ камыши послалъ лазутчиковъ: не туда ли скрылись бѣглецы?

— Весной запахло, большихъ барышей Подкованцевъ лишится: теперь отъ контрабанды имъ только и житье настаеетъ! Недаромъ же онъ у моря терся, что тамъ такъ скоро нашолъ брошенный фазтонъ!

Передъ вечеромъ прѣхалъ нарочный верховой изъ-за Андрюшки, съ вѣстью отъ лазутчиковъ изъ сосѣднихъ грековъ.

Дѣйствительно, по слухамъ бѣглецы перебрались къ Дону и скрылись въ его гирлахъ, въ камышахъ. Бросивши фаэтонъ, они наняли у какихъ-то неводчиковъ повозку, а потомъ сѣли на отходившую береговую барку, прошли часть пути водою по взморью и скрылись по пути къ устьямъ Дона.

Къ ночи еще болѣе потеплѣло. Пошелъ дождь. Гости бросились по домамъ. Исправникъ заночевалъ у полковника.

Утромъ Подкованцевъ проснулся: надъ степью плыли теплые непроглядные туманы. Снѣгъ исчезалъ. Поля отдавались уже картинами неожиданной-негаданной весны... Мигомъ въ сутки распустило такъ, что исправникъ въ обѣденное время другого дня выѣхалъ отъ Панчуковскаго въ тарантасѣ гуськомъ, въ двѣнадцать лошадей. И то поѣхалъ еле-еле тащась въ океанъ невообразимой грязи. Дождь пошелъ и лилъ три дня сряду. Стала небывалая распутица.

Зато тутъ-же, между двухъ-трехъ дождей, среди еще несошедшаго снѣгу, откуда взялась зелень. Въ степи показались озерки; мелькнули весенніе цвѣты. Въ облакахъ затурликали журавли. Потянулись вереницы гусей. Черезъ новыхъ три-четыре дня, въ одинокихъ затопленныхъ оврагахъ, покрытыхъ лѣсками, загремѣли недалекіе крымскіе и кавказскіе гости—соловьи. Въ воздухѣ запахло почками тополей. Дни прояснѣли. Подулъ съ юга крѣпкій морской вѣтеръ. Туманы уплыли. Пышно засинѣло у береговъ море. А Донъ бурлилъ, кипѣлъ, шумѣлъ и катилъ къ нему, дробясь мутными потоками песчаныхъ гирлъ, пѣнистыя и привольныя свои воды...

Окна выставлены, ошубахъ и помину нѣтъ. Плуги бороздятъ уже степи. Стада выснажили въ поля. Теплый душистый паръ струится и стелется надъ тихими, веселыми долинками и пригорками. Стада овецъ пасутся, утоная въ парахъ. А солнце весело-весело катится, и каждый, радуясь отходу недолгой зимы, мигаетъ, съ любовью взглядывая на ярко сверкающее небо.

ХІІІ

ОБЛАВА НА ВЪГЛЫХЪ

Ускользнувши отъ преслѣдованій земской полиціи, Милороденко, Левенчукъ и Оксана пробрались къ вечеру дня, въ который на ху-

торѣ Новой-Диканкѣ произошло такое событіе, къ глухой Сасуновой-балкѣ, недалеко отъ морского берега. У Милороденка были вездѣ пріятели и помощники. Загнавши полковницкихъ лошадей, онъ очень скоро досталъ у какого-то прибрежнаго неводчика новую тройку, и на ней бѣглецы еще нѣсколько времени проскакали на телѣгѣ по взморью. У песчаной пустынной горы они пересѣли на парусную барку и пошли моремъ. День былъ пасмурный. Лодка обошла въ туманѣ рядъ береговыхъ мелей и причалила у тощаго, чуть виднаго въ камышахъ ручья. Тутъ Милороденко сказалъ: «Стой, братцы, тутъ мы выйдемъ!» бросилъ гребцамъ договоренную плату, надбавилъ еще на водку, и бѣглецы пошли вверхъ по теченію ручья, а лодочники, обрадованные невиданнымъ заработкомъ, поспѣшили снова въ море.

Ручей вытекалъ изъ стенинаго оврага, Сасуновой-балки. Тамъ вечеръ, а вскорѣ и ночь застали бѣглецовъ. Притаца на себѣ остальные чемоданы, они вошли въ камыши, окружавшіе истоки ручья, выбрали мѣсто посуше на склонѣ оврага, у прошлогодняго стога сѣна, накошеннаго тутъ кѣмъ-то по низу балки, и сѣли отдохнуть.

— Ну, Хоринька, не знаю какъ ты, а я у лодочника захватилъ хлѣба и рыбки. Садись съ подругою да закусывай, чѣмъ Богъ послалъ.

— Не то у меня на умѣ теперь, чтобъ хлѣбъ есть! Оксана, возьми ты; не затощай, — дорога еще не завтра кончится...

Оксана взяла хлѣба и рыбы.

— Куда мы теперь дѣнемся? спросилъ Левенчукъ: — что это вы съ нами сдѣлали, Василь Иванычъ?

— А! Какъ куда? Какъ что я сдѣлалъ?

— Зачѣмъ это вы у полковника эти деньги взяли?

— Деньги? Шалишь, братецъ! Ахъ ты простота, простота! Да деньги-то всему сила. Съ ними, братъ, теперь намъ море по-колѣно будетъ, а счастье въ ноги намъ будетъ кланяться!

— Не будетъ!

— Будетъ!

— А какъ не будетъ? Какъ поймають-то насъ теперь, да по острогамъ, въ кандалы закують, морить стануть, а послѣ въ каторгу сошлютъ, и еще палачъ-то тебя кнутомъ отдереть?

Милороденко засвисталъ, засмѣялся, отъ смѣху по травѣ пока тился и опять сѣлъ степенно и съ достоинствомъ.

— Глушь ты есть и теперь, человѣче; глушь, братъ Хоринька,

вижу я, ты и по сей день, съ той поры какъ я велъ тебя сюда! Помнишь ты тѣ дни и тѣ ноченьки, поля безъ дорогъ и овраги такіе же какъ вотъ и эта трущоба? Велъ я тебя тогда ими и уму-разуму поучалъ! Многое я тебя пророчилъ, да не все сбылося изъ того! Не все сбылося, многое перемѣнилось тутъ, а все-таки признайся и скажи, братъ, такъ ли ты здѣсь дни-то свои короталъ на этомъ привольѣ, по неводамъ, у моря осенью и зимой, или лѣтомъ по степямъ здѣшнимъ, какъ жилъ ты положимъ у своей-то госпожи?.. Ну говори!

— Конечно, оно такъ; а все-таки какъ подумаю: чего же мы съ вами, дядюшка, и тутъ дождалися? Бить насъ и тутъ били, невѣсту у меня и тутъ отняли...

— А эндакой чемоданище, да еще полный денегъ-то, — рѣшился бы тамъ, въ своей-то степи украсть, пастухомъ-то за стадомъ день-деньской ходючи? А? Говори, ну?

Милороденко взялъ меньшій чемоданъ и еще въ отблескъ съренькой, влажной зари раскрылъ его. Левенчукъ увидѣлъ связки бумагъ и между ними пачки асигнацій.

— Почитай тутъ тысячи, десятки тысячъ. А? Вѣдь не рѣшился бы?

— Куда мнѣ! Разумѣется не посмѣлъ бы...

— То-то же; а тутъ ты вонъ другой человекъ сталъ! Тебя значить обидѣли, ну и ты спуску не далъ, да еще гдѣ? въ самыхъ такъ сказать апартаментахъ, въ кабинетѣ ихъ высокоблагородія полковника, да еще и самого барина-то за бѣлую глоточку эдакъ подержалъ — не шали дескать, мы сами люди... не обиждай насъ! мы тутъ вольные!

— Такъ оно, такъ; да только деньги эти напрасно мы брали! Куда мы ихъ дѣнемъ? За ними и погоня крѣпче будетъ. Подымутъ всѣхъ чиновниковъ за нами теперь, всѣхъ станowychъ и засѣдательей. Взяли бы одну Оксану, они бы насъ бросили сегодня же! Что мы имъ?

— Барышня, цѣлуйте его! Видите какова-съ вѣрность-то! Ну цѣлуйте же его, а то буду сердиться!

— Охъ, Василь Ивановичъ! сказала Оксана: — ужъ мнѣ ли не клясть моего мучителя и врага; не вамъ ли я на него плакалась? А погубять насъ эти деньги; пропадемъ мы всѣ за нихъ, и я говорю!

Милороденко помолчалъ. На дворѣ стемнѣло окончательно.

— Вылѣзь, Хоринька, на шпинекъ да глянь, все ли тихо кругомъ; а тамъ покалякаемъ, сползешь опять!

Левенчукъ выбрался изъ оврага, долго слушалъ, приглядываясь во всѣ стороны, отошелъ нѣсколько въ степь и воротился.

— Ну? Никого невидно?

— Никого!

— Вотъ же я что надумалъ, слушайте! рѣшилъ Милороденко: — до утра мы выспимся, а утромъ деньги сосчитаемъ и подѣлимся.

— Ничего намъ ненужно, Василь Иванычъ, отвѣтили разомъ Левенчукъ и Оксана: — мы уже условились; вмѣстѣ втроемъ намъ оставаться и бурлачить долѣ нельзя!

— Куда же вы? Такъ меня уже и бросить затѣяли?

— Спасибо вамъ; а только мы такъ положили: доберемся до Дону, сядемъ какъ-нибудь на барку какую-нибудь, пройдемъ до Качалина, а тамъ на Волгу, и Волгою либо въ Астрахань, либо въ Моршанскъ, — одинъ городокъ такой тамъ есть, и меня купцы хорошіе туда звали. Я уже и пачпортъ припасъ заранѣе тогда еще. Они обѣщали спрятать отъ всякаго дозора и принисать въ своемъ городѣ...

— Пачпортъ? Откуда?

— Въ гирлахъ досталъ.

— У Проскудина Ѳеди?

— У него.

— Ну, это моей фабрики, я угадалъ! Далѣе, братецъ! говори далѣе...

— А далѣе, что Богъ дастъ. Тамъ и станемъ жить. Что мы! Дѣла злого никакого не сдѣлали; нечего и суда бояться, хоть бы и узнали насъ когда, что мы бѣглеы.

Милороденко вздохнулъ.

— Туда, такъ и туда! Идите съ-богомъ. Радъ, что вызволилъ васъ. Оно точно, проживете себѣ, коли такіе уже купцы звали. А тамъ и волю должно-статься скоро скажутъ всѣмъ. Ну, а деньги?

— Деньги берите вы; начто они намъ?

— Какъ? Всѣ?..

Духъ у Милороденка замеръ. Онъ тронулъ чемоданъ.

— Всѣ...

— То-есть рѣшительно какъ есть, всѣ до копѣйки?

— До копѣйки.

Милороденко шапку снялъ и перекрестился.

— Господи! услышалъ ты молитву мою. Теперь я богачъ, ка-кихъ и въ сказкахъ небываетъ. Добился значить и я до своего! Куда же я теперь пойду-то?

Левенчукъ и Оксана молчали.

— Пойду я за Несвитай; тамъ у меня солдатка знакомая, одна кума есть. Деньги закопаю у нея, развѣдаю въ гирлахъ, у камышниковъ нашихъ, нельзя ли пробраться за Кубань, либо за Манычъ, къ киргизамъ или на Кавказъ? Можно — возьму и богатство; нѣтъ — послѣ за нимъ прїѣду. И заживу же я, братъ Хоринька, теперь уже какъ слѣдуетъ. На церковь дамъ, сиротамъ, бѣднымъ раздамъ какую часть... Что изъ того, что мы вотъ бѣглецы? Я-то уже, положимъ, совсѣмъ пожалуй порченый; многое затѣвалъ. Да зато тихо жилъ въ послѣднее время у полковника. А вы вотъ и вовсе ни въ чемъ неповинные. Да присмотрѣлся я и ко всѣмъ-то нашимъ, что живутъ вонъ хоть у полковника. Люди какъ люди; и какъ за него-то стояли еще! точно за отца родного, точно его подневольные крѣпостные. Я кучеру его, Самойлѣ этому, чуть кишокъ не выпустилъ, какъ пошолъ тебя освобождать и развязывать въ конюшнѣ, а онъ на-сторожѣ былъ у воротъ ночью. Несовладай я съ нимъ, все бы пропало; да и всѣ они такъ. А отчето? Нужны они ему больно, онъ ихъ содержитъ получше иныхъ-то господъ, ну, они за него и горой! Придетъ времячко, Хоринька, ты съ своею хозяйкою дождешься лучшаго часу, станешь спокойно жить, припѣваючи, а меня тогда не поминай, братъ, лихомъ... Все у меня зудитъ и теперь еще, точно пихаетъ куда; я уже и негожусь съ вами-то. Ну, а какъ деньги эти я проведу, да на франки и сантимы, либо на эти пѣстры турецкіе промѣняю, такъ еще ность утру не одному... Въ Турцію проберусь, трехъ жонъ куплю разомъ... пашой буду... бѣсъ ихъ подери! А полковникъ-то, я думаю, горячку теперь поретъ! Да не найдетъ насъ; есть у меня такіе уже прїатели, — весь край меня знаетъ. Береги значить только друга, а денегъ дамъ вволюшку теперь всякому...

Утромъ рано бѣглецы вскрыли чемоданъ. Оксана высунулась изъ оврага и стерегла, не явится ли какой признакъ погони.

— Мы, братъ Хоринька, отъ Мертвой недалеко, окружили ее; такъ тутъ надо быть умнѣе! Ты тамъ что ни говори, а вотъ бери, на тебѣ денегъ; безъ нихъ вамъ не ступить шагу.

Милороденко далъ Левенчуку свертокъ червонцевъ.

— Не возьму! отвѣтилъ опять Левенчукъ: — пускай онъ про-

падаютъ! У меня свои есть. Недаромъ же я старался, ее-то ожидаючи! Я другой человекъ чѣмъ ты, Василь Ивановичъ: я, братъ, Бога боюсь...

И онъ вынулъ изъ-за пазухи кошелекъ.

— Дурень, голубчикъ, дурень! Охъ, дурачье вы всѣ! Да что дѣлать! Ну, разводи теперъ огонь. Бога!.. Да и я-то его боюсь, только не такъ какъ ты. Ну, разводи же огонь...

— Зачѣмъ?

— Увидишь.

Левенчукъ высккъ огня, собралъ сухого камыша и развелъ на днѣ оврага костерокъ. Стогъ былъ недалеко.

Милороденко, обшарившій акуратно чемоданы полковника, золото и серебро завернулъ особо, а пачки съ асигнаціями, банковые билеты и разные счета, бумаги и письма медленно еще разъ осмотрѣлъ и понесъ со вздохомъ на ярко-разгорѣвшійся огонь.

— Что вы, дядюшка, что вы? крикнулъ Левенчукъ.

— Не замай! Пусть сгоритъ оно и прахомъ пойдетъ, недобромъ нажитое; туда ему и дорога! Еще доведу ли я его и спрячу ли. А накроютъ насъ, ему же опять отдадутъ. Да и такъ уже я тутъ убытки несъ, на этихъ-то асигнаціяхъ; можетъ скажутъ еще, что и это рукъ нашихъ дѣло фабричное. А золото какъ-нибудь провезу...

Левенчукъ удержалъ его и убѣдилъ лучше все, чего онъ не возьметъ съ собою, спрятать въ сѣно.

Оксана безъ мысли и словъ смотрѣла сверху оврага въ одинокую степь. День свѣтлѣлъ болѣе и болѣе. Туманъ уносился. Оврагъ выходилъ изъ утреннихъ сумерекъ. Камыши и ручьи шестѣли.

— Какъ бы однако стога не зажечь чужого! заключилъ Милороденко, шевеля огонь, чтобы онъ скорѣе догоралъ, и видя, что съ костра искры иногда летѣли на стогъ: — кто-нибудь добрый человекъ своей скотинкѣ сѣна припасъ! Побереги его, Харько, пока костеръ догоритъ, да и до ясу! А я переодѣнусь тѣмъ временемъ.

Левенчукъ, спасшій своимъ совѣтомъ полумиллионный капиталъ полковника, исполнилъ просьбу Милороденка и сберегъ стогъ, куда тотчасъ спрятали остальные деньги и чемоданъ. Бѣглецы переодѣлись и пустились вверхъ по оврагу. Левенчукъ надѣлъ прежній свой мѣщанскій нарядъ, а Милороденко досталъ изъ чемодана штатское пальто полковника и другую шапку. Вверху оврага, верстахъ въ

трехъ былъ вольный шинокъ. Тамъ Милороденко въ шинкарѣ—конокрадѣ нашолъ стараго пріятеля. Левенчукъ и Оксана оставались въ оврагѣ. Милороденко принесъ имъ перекусить и объявилъ, что за часъ передъ тѣмъ тутъ проскакалъ стаковой съ двумя гарнизонными солдатами :

— Теперъ прощайте! сказалъ онъ : — коли хотите, идите въ Святидуховку ; черезъ недѣлю я достану коней и пріѣду за вами. Попъ васъ пока укроетъ въ байракъ !

Незадолго передъ тѣмъ между господами землевладѣльцами прошла молва, что явился съ зимы новый губернаторъ и что онъ вознамѣрился принять брошенные было его предѣстникомъ крутыя мѣры противъ бѣглыхъ. Ему обѣщала свое горячее содѣйствіе ближайшій градоначальникъ, особенно злившійся на бродягъ за распространіе побережной контрабанды. Всѣ опять мгновенно окрысились на безпачпортный народъ, точно до того времени его здѣсь не подозревали. Стали снова въ всѣ стороны тайные гонцы. Писались экстренныя и секретныя предувѣдомленія по земской и по городской полиціямъ. Потребовали готовности къ содѣйствію, въ случаѣ надобности, близъ-стоявшихъ военныхъ командъ, и въ особенности ловкихъ на эти знакомыя уже въ краѣ дѣла донскихъ козаковъ. Одни изъ владѣльцевъ земель, рыболовень и фабрикъ радовались этимъ мѣрамъ ; другіе, и большая часть, говорили противъ нихъ. — « Край бѣглыми только и держался, толковали послѣдніе : не будь ихъ, онъ запустѣеть ; жди еще, пока эти земли заселятся законнымъ путемъ, пока сѣверное народонаселеніе сюда хлынетъ ! » — « А исторіи съ Панчуковскимъ ? возражали первые : а постоянные грабежи по взморью, конокрадство въ степяхъ, несоблюденіе условій найма, убійства, общее растлѣніе нравовъ здѣшняго сельскаго населенія, въ виду покровительства съ нашей же стороны бродягамъ ? » Споры мѣстностей и мнѣній опять загорѣлись. Возобновилась снова и здѣсь вѣчная и знакомая міру сказка войны Бѣлой и Алой розъ. Андросовка шла противъ Антроповки, Небольцевы спорили съ Шутовкинымъ, Щелкова съ Шульцвейномъ, Мертвыя воды съ Дономъ, а Веберъ съ своимъ родичемъ Шваберомъ. — Прошла вѣсть, что кое-гдѣ уже оцѣплялись города и пригороды. Земскія власти дѣлали неожиданные повальные обыски деревень и одинокихъ степныхъ хуторовъ. Остроги перепол-

нялись безпачпортными, дезертирами и особымъ сословіемъ мѣстныхъ бродягъ, выдающихъ себя за людей непомнящихъ родства. Подъ конвоемъ гарнизонныхъ рыцарей то здѣсь уже прошли партіи пойманныхъ и дознанныхъ бѣглыхъ, то тамъ. Зашевелилась вольница, смиренно жившая на всей вальготности по нѣскольку сладкихъ и тихихъ лѣтъ. Иные найдены сѣдовласыми и съ кучей дѣтей отъ новыхъ, въ бѣгахъ припасенныхъ хозяекъ. Сколько лѣтъ они уже въ бродягахъ, этого и они сами не скажутъ, не помнятъ. — «Кто ваши господа, гдѣ они?» — «А Богъ ихъ знаетъ! живы ли уже наши господа теперь, мы не знаемъ!» — «Когда же вы бѣжали?» — «До первой еще холеры, въ персидскую войну, отъ набора!» — Сгоняли въ города самозванцевъ мѣщанъ, сапожниковъ, плотниковъ, неводчиковъ, столяровъ, слѣсарей и пастуховъ. Однихъ ловили, другіе сами шли, слышавши ловко-пущенный кѣмъ-то слухъ, будто бѣглымъ будутъ въ правленіяхъ раздавать земли и водворять ихъ на прижитыхъ ими мѣстностяхъ, въ качествѣ вольнаго народа. Кучи фальшивыхъ пачпортовъ загромождали въ полиціяхъ допросные столы. — Очистивши города, власти отрядили отдѣльные обыски по деревнямъ. Дошла очередь и до тихихъ окрестностей Мертвой.

— Эка невидаль, что люди безъ пачпортовъ живутъ! ворчалъ ослѣпшій дьячекъ отца Павладія, Фендриховъ: — опять, вторично заретъ наша окольность по Мертвой!

— Молчи, Фендриховъ, не ропщи! Сказано бо въ писаніи: ропоть гнѣвить Господа, и кійждо бо спасенія не обрящетъ! А лучше молись: авось все обстроится, и да мимо идетъ чаша сія. Не въ первый разъ намъ съ тобою терпѣть! Помнишь, какъ люди здѣсь мерли?..

Такъ говорилъ отецъ Павладій, сильно хворавшій и подавшійся съ зимы. Онъ уже почти не выходилъ изъ дому, не заглядывалъ по обычаю въ свою любимую, весело зеленѣвшую рощу, или все сидѣлъ на крылечкѣ, смотря на косогоръ въ стень, за церковь, будто кого поджидая. Но Фендриховъ, отъ слѣпоты ли, или старости ставшій очень сердитымъ, не унимался и все ворчалъ, сидя съ ногами на лежанкѣ въ спальнѣ, передъ кроватью священника.

— Сказуютъ, что для порядка! А гдѣ порядокъ? Ты лучше прежде насели вертоградъ твой, тогда и требуй, чтобъ тамъ все было на чистоту. Вотъ хоть бы и наша Оксана. Чтоже-что она дочь бѣлаго? А жила же у насъ какъ святая весь дѣвичій вѣкъ! Взяли ее,

увели, и все у насъ осиротѣло. Вотъ такъ и вся земля тутъ запустѣетъ, ваше преподобіе. Такъ-то-съ.

— Объ Оксанѣ ты не говори! Слышишь? Не говори! Лучше мнѣ не вспоминай о ней вовсе, и только!

— Не могу, не могу, отче...

— Вотъ тоже хотъ бы и ты, Фендриховъ. Ты старъ былъ и хотя таки съ лѣнцой, а все же церковь подметалъ какъ слѣдуетъ, да и подметалъ пожалуй тоже только по большимъ праздникамъ. Ну вотъ и прислали намъ много дьячка; положимъ Андрей нашъ и молодъ, и все содержитъ въ чистотѣ. А что? душа моя ни къ чему тутъ при немъ не лежитъ! И въ ограду идешь, ключи берешь; дорожки подметены, песочкомъ усыпаны; бѣжить Андрей въ халатикъ, суетится, услуживаетъ; а не то, братецъ, не то... Все не то стало!.. Миръ не туда идетъ!

— Куда же это онъ идетъ?

— Къ послѣднему времени идетъ...

Такъ отецъ Павладій говорилъ Фендрихову про новаго дьячка Андрея, своего же родича, который по поводу исключенія своего за грубости инспектору семинаріи, несмотря на окончаніе первымъ ученикомъ курса, лишонъ былъ незадолго передъ этимъ сана священника и права на приходъ и командированъ сюда въ наказаніе, въ простые причетники. Онъ покорился печальной участи, охотно принялся за должность при дядѣ, сильно обрадовался, что нашолъ у него множество книгъ, преданъ чтенію со всѣмъ пыломъ молодой, жаждущей знанія души, сталъ въ часы отдыха (а его, Боже, сколько здѣсь!) охотиться съ ружьемъ по окрестностямъ и сразу заслужилъ любовь прихожанъ. Какъ-то съѣздивши въ городъ за новыми церковными книгами и для расчета въ консисторіи, по довѣренности отца Павладія, по свѣчному сбору, онъ познакомился тамъ съ учителемъ уѣзднаго училища, затѣявшимъ, какъ мы говорили, открыть по-сосѣдству публичную бібліотеку и сильно въ этомъ разочаровавшимся, и разговорился съ нимъ о томъ, о семъ. Онъ досталъ у этого учителя еще десятокъ-другой любопытныхъ книгъ и между прочимъ сталъ жаловаться на свою судьбу. — «Вы, мой любезнѣйшій, сдѣлайте такъ, какъ я! возразилъ учитель:—купите дестъ-другую дешовенькой сѣрой бумаги, да и пишите наблюденія ваши надъ мѣстными правами; записокъ своихъ не бросайте; онъ вамъ пригодятся! Видите, какъ здѣсь все быстро мѣняется; край строится заново. Уже на моихъ глазахъ многое измѣнилось. Вонъ и донча-

ки слышно затѣвають улучшенія, помышляютъ о желѣзной дорогѣ и о пароходствѣ. Не захотите сами въ литературу пуститься, вотъ теперь статья, какъ я, газетнымъ корреспондентомъ, — отошлите свои наблюденія въ географическое общество! — «Помилуйте-съ, еще мнѣ достанется; что я есть такое теперь, по поводу оказаннаго неуваженія моего такъ-сказать-съ; извините, къ взяточнику-съ и казнокраду, нашему бывшему инспектору семинаріи? Я — дьячекъ и только-съ?» — «Ничего; многіе ваши уже выступаютъ на поприще. Покупайте бумагу и пишите. Слышно, и вашъ священникъ пишетъ какое-то разсужденіе?» — «Отецъ Павладій-съ?» — «Да.» — «Такъ точно-съ, пишетъ что-то, только онъ больно сталъ хирѣть...» — «А что вашъ романъ съ похищеніемъ его воспитанницы? Гдѣ она?» — «Богъ вѣсть; сказываютъ, снова ушла съ прежнимъ любезнымъ.» — «Смотрите же, пишите записки. Библіотека мнѣ не удалась; но я вновь тутъ около одного мѣщанинишки, кирпичнаго заводчика захаживаюсь; онъ раскольникъ, можетъ-быть дастъ дельжата на журналъ; такъ мы тутъ тогда на Мертвой, въ городкѣ, типографію откроемъ и журналъ станемъ издавать. Трудитесь, любезнѣйшій; отъ насъ, бурсаковъ съ, многого ждуть теперь; вотъ что-съ. Когдабъ Бѣлинскій былъ живъ, мы бы его заманили въ покровители.» — «Да, да! Когда бы Бѣлинскій!.. вотъ душа-то была! Мы его тайкомъ теперича въ семинаріяхъ читаемъ.» — «Ну, коли не Бѣлинскаго, къ другимъ литераторамъ письмо напишемъ — мы ихъ тутъ всѣхъ знаемъ; вотъ люди! они намъ откликнутся! Чтожъ-что мы нищіе и что вокругъ насъ одни златолюбцы да угодники мамоны живутъ, тупые, отсталые и злые люди. Мы на нихъ не посмотримъ; мы будемъ работать. Вѣдь у насъ пачпорты есть; насъ не выгонятъ, не выведутъ, какъ этихъ теперь бѣдняковъ бѣглыхъ. Такъ или нетакъ-съ?» — «Извольте-съ; согласенъ... Чтоже это за записки надо вести?» — «О жизни-съ, да и о прочемъ...»

Такъ бесѣдовали новые пріятели, бездольная горячія головы.

Между тѣмъ затѣянные мѣры противъ бродягъ шли энергически своимъ путемъ. Власти хватили и розыскивали безпачпортныхъ, а между послѣдними въ тоже время являлись примѣры такой прыти, какой прежде и небывало.

— Жили смирно бѣглые, никто ихъ не замалъ! ворчалъ снова на лежанкѣ Фендриховъ: — стали тревожить ихъ, пошли шалости! Вотъ такъ и съ пчелами бываетъ: трудятся золотыя пчелки — смиренны, ничего; а разворуши ихъ, и бѣда — озлятся.

И точно, дерзости бѣглыхъ въ ту весну превзошли всѣ границы. Осада Панчуковскаго, небывалая шокража громадной суммы у него, его же бѣглымъ слугою, все это были уже не мелочи. На берегу близъ Таганрога съ англійскаго судна тогда же высадили и скрыли какъ-то ночью баснословное количество контрабанды: чаю, сахару, шолковыхъ, шерстяныхъ тканей, пороху и стальныхъ издѣлій, на сотни тысячъ рублей. У какой-то переправы высѣкли квартальнаго, гнавшагося погоней за открытымъ бѣглымъ мясникомъ изъ городка. На базарѣ въ Керчи зарѣзали мѣнялу среди бѣла-дня и увезли въ свалкѣ его деньги. На дорогѣ въ степи ограбили губернаторшу. Возлѣ Сиваша, въ гнилыхъ болотахъ, появился настоящій разбойникъ, какой-то дезертиръ Цѣночкинъ. О немъ и о его похожденияхъ пошли уже настоящія сказки: что будтобы онъ на откупъ взялъ всѣ пути по Арабатской-стрѣлкѣ, собираетъ калымъ съ каждаго проѣзжаго и прохожаго на сто верстъ въ окружности, что его пуля не беретъ, что вся его шайка заговорена отъ смерти, что онъ зарекся ограбить Симферополь, Феодосію, а потомъ Мелитополь, и завелъ часть летучаго отряда даже на вершинахъ Чатырдага. Мѣстное воображеніе и толки разыгрались.

— Слышали вы, какіе ужасы рассказываютъ?

— Слыхалъ, но не всему вѣрю, какъ другіе, недавно еще впрочемъ считавшіе нашихъ бѣглыхъ пуританами, по чистотѣ нравовъ ихъ.

Это говорилъ Панчуковскій, встрѣтившись съ колонистомъ Шульцвейномъ у мостка, у переправы черезъ бурлившую еще Мертвую.

— Куда вы, Богданъ Богданычъ, ѣдете? Помните, какъ мы когда-то встрѣтились съ вами, также въ степи подъ Мелитополемъ? Много воды утекло съ тѣхъ поръ!

— А вы куда?

— На облаву хутора нашей Авдотьи Петровны.

— И я туда же по дѣлу; кстати, разомъ къ ней за рѣчкой и своротимъ.

— Да-съ; не ожидалъ я отъ нея. Какова барыня! сказалъ Панчуковскій.

— А что? Я все это въ отлучкахъ по своимъ овчарнямъ былъ...

Дюжій колонистъ поправилъ пейсы и сталъ пугливо ждать отвѣта.

— Да у нея вчера нашли шестьдесятъ пять бѣглыхъ ; такъ и жили у нея слободой. Сегодня продолжаютъ обыскъ. Это должно быть послѣднимъ подвигомъ Подкованцева будетъ.

— Чтоже, развѣ съ этимъ добрымъ Подкованцевымъ ?..

— Да говорятъ, дали ему послѣднее испытаніе : коли не выкажетъ здѣсь особой бойкости въ поимкѣ бѣглыхъ, его отставятъ.

— А ваше дѣло? покража этой баснословной суммы?

— Что за баснословная ! еще наживемъ-съ.

Колонистъ покосился на полковника.

— Чтоже, вдемъ къ сосѣдкѣ ?

— А ! поѣдемте. Это любопытно !

— Нетолько любопытно, но и поучительно ! сказалъ полковникъ. — Да надо бы его теперь и на церковный хуторъ нашего отца Павладія направить. Этотъ священникъ извѣстный передержчикъ бѣглыхъ ; его бы рощу да бабраки обшарить.

— Нехорошо, полковникъ, ни хтъ гуть ! возразилъ съ горечью честный нѣмецъ, отъѣзжая отъ моста : — вы съ нимъ врагъ теперь, и на него напускаете такія страсти. Вы мстите ему ? вы ? Фи ! нехорошо !

— Такъ ему и надо ; теперь каждый думай о себѣ.

— У васъ же, полковникъ, всѣ бѣглые похерены ?

— Нечего дѣлать, придется и мнѣ съ моими проститься — самъ ѣздивъ въ городъ, привелъ уже одну партію настоящихъ работниковъ ; всѣхъ переменю, ни одного теперь бродяги не стану держать ; ну ихъ къ бѣсу ! Только теперь еще молчу ; разомъ всѣхъ прогоню...

Полковникъ съ нѣмцемъ поѣхали къ Авдотѣ Петровнѣ, надъ которою стряслась такая черная бѣда въ видѣ наѣзда, по порученію губернатора, исправника.

Отецъ Павладій между тѣмъ, въ тотъ день передъ вечеромъ, былъ изумленъ появленіемъ неожиданныхъ гостей.

Онъ по обычаю теперь сидѣлъ съ утра до вечера въ залѣ, въ старомъ потертомъ креслѣ передъ окномъ, читая какую-нибудь книгу и собирався тогда перемѣститься на крылечко, гдѣ онъ на воздухѣ любилъ ужинать, какъ во дворѣ его, у кухни, произошла суета. Сперва вбѣжалъ было къ нему, шелестя новымъ камлотовымъ подрясникомъ, его племянникъ — дьячекъ Андрей. Но Андрей вскочилъ только въ сѣни, постоялъ какбы въ раздумьи и выбѣжалъ опять на крыльцо. Слышались голоса ; говорилъ кто-то шопотомъ. Заскрипѣли половицы подъ знакомыми пѣтками Фендрихова. Слѣпой другъ

долголѣтней жизни отца Павладія вошелъ, ведомый своимъ преемникомъ, и ощуывая стѣны и притолки, остановился въ залѣ у дверей. Лицо его измѣнилось и сіяло необычайнымъ чувствомъ радости и ликованія.

— Что такое съ тобою, Фендриховъ? ты на себя сталъ непохожъ?

Священникъ заложилъ очки на лобъ и ожидая чего-то невѣроятнаго, покрасѣлъ; руки его дрожали, косичка моталась на затылкѣ.

— Говори же, что тамъ такое? Ну? Что ты глядишь на меня, Андрей?

— Оксана, батюшка... она сама... пришла съ Левенчукомъ! Идите, отворяйте церковь, вѣнчайте ихъ скорѣе!..

Отецъ Павладій всталъ, тихо вскрикнулъ и выскочилъ въ сѣни. Ему навстрѣчу на порогѣ поклонились до земли Оксана и Левенчукъ. Онъ сперва было не узналъ Оксаны. Измученная столькими событіями, она сильно измѣнилась въ лицѣ, но была также хороша, ежели еще не лучше...

— Оксана, Оксаночка моя! залепеталъ отецъ Павладій, всхлипывая, дрожа всѣмъ тѣломъ и крестя лежавшую у ногъ его Оксану.

— Благословите насъ, батюшка, отецъ нашъ названный, меня и его благословите! сказала Оксана также плача и неподнимаясь.

— Благословите и вѣнчайте; за нами скоро будетъ погоня! прибавилъ Левенчукъ: — намъ либо вмѣстѣ жить, либо умирать!

— Погоня? Куда? Ко мнѣ! Это еще что? Этого не будетъ!

— Сюда, батюшка, сюда; мы покинули барку у Лисьей-Косы, а сюда пріѣхали на неводской подводѣ. Насъ по баркѣ найдутъ; мы всю ночь ѣхали на чумацкомъ возу, подъ рогожами, съ мѣшками муки.

— Вставайте, вставайте; Богъ васъ благословить! Ахъ вы соколки мои! Ахъ ты Оксаночка моя; и ты, такъ вотъ, это какъ есть, на возу—то тряслась?..

Священникъ не договорилъ. Онъ не могъ безъ слезъ видѣть своей нѣжно-любимой питомицы. Она стыдилась глаза поднять.

— Нужда, батюшка, всему научить! грустно сказала Оксана: — неволя какъ добьется, то и воля не всегда лихо залечить!

— Андрей! Фендриховъ! живо! Ключи гдѣ? Отпирайте церковь! Огня давайте да въ кадилъницу ладону!

Слѣпой и зрячій дьячки засуетились. На дворѣ наступала ночь.

— Свидѣтели есть у васъ?

— Вотъ ихъ милость будетъ! сказалъ Левенчукъ, указывая на молодого дьячка: — нашъ возница-неводчикъ заручится тоже, и до-вольно! а тетка Горпина? Она еще жива? Дитя ея живо?

— Живы, живы; хорошо. Поспѣшайте; а я вотъ ризу возьму.

Левенчукъ пошолъ звать подводчика. Оксана вздыхала, крестилась, подходила къ каждой вещицѣ въ комнатѣ, трогала ее, пыль съ нея обметала, цѣловала и слезно плакала-плакала.

— Здравствуйте и на вѣки можетъ-быть прощайте! шептала она.

— Расскажи же ты мнѣ, Оксана, какъ это тебя украли? спросилъ священникъ сквозь двери, наскоро переодѣваясь въ спальнѣ.

Оксана передала все, что успѣть могла.

— А онъ-то антихристъ, онъ-то? извергъ-то этотъ? Какъ онъ-то мучилъ тебя?

Оксана молчала, неподнимая заплаканныхъ глазъ.

— Ну, да я не буду тебя допытывать; горе, горе такое, что и трогать-то его неслѣдуетъ! Смотри же только, Оксана... хоть дитя-то теперь не твое, незаконное будетъ; хоть оно прижито тобою... въ неволѣ, насильно, а все-таки береги себя, береги и его: оно все-таки плодъ твой, даръ Бога живого! Не проклинай его, корми, люби и воспитай! Даешь слово?

Священникъ вышелъ и торжественно стоялъ передъ Оксаной.

— Развѣ я уже, батюшка, нехристь какая чтоли? Что случилось, было противъ моей воли; я вся измучилась, изболѣла. Зачто же оно-то мучиться будетъ? Да и что насъ еще ожидаетъ? Вѣдь мы бродяги, бродяги, батюшка! Намъ мѣста нѣтъ...

Она снова громко зарыдала и упала на столъ, обливая слезами его знакомую, вылощенную столькими годами тесовую крышку.

— Господь смилуется и надъ вами, Оксана! Пойдемъ въ церковь.

У паперти Фендриховъ бесѣдовалъ съ Левенчукомъ. — «Такъ ты это ее такъ, каку есть, принимаешь, съ чужою прибылью?» — «Что дѣлать, принимаю!» — «Молодецъ парень! Руку!»

Всѣ вошли въ церковь. Свѣчи уже горѣли. Слѣпой Фендриховъ чопорно стоялъ въ стихарѣ, на крылосѣ, готоваясь пѣть. Священникъ возгласилъ молитву. Свидѣтели опрошены, записаны. Отецъ

Павладій скрѣпилъ своею подписью ихъ спрость и обыскъ. Молодые поставлены передъ налоемъ. Священникъ махнулъ кадильницею. Запѣлись молитвы. Надѣты вѣнцы.

— Любите ли вы другъ друга, сынъ Харитонъ и ты дочь моя Ксенія?

— Любимъ.

— По своему ли вы согласію и по своей ли волѣ вѣнчаетесь?

— По своему согласію и по своей волѣ.

— Богъ васъ благословить!

— Аминь! пѣли дрожащія и вмѣстѣ радостные голоса съ крылоса.

А солнце ярко свѣтило въ узкія окна церкви, гдѣ впервые нѣкогда увидѣлись Левенчукъ и Оксана. Акаціи и сиреневые кусты, одѣвшись ярко кудрявою зеленью, окутывали попрежнему церковь и она въ нихъ тонула по крышу. Выщелкиванья соловьевъ мѣшались съ возгласами отца Павладія и съ крылосными перепѣвами. Помѣнявши кольца вѣнчаемыхъ, связавши имъ руки и обведя ихъ вокругъ налоя, священникъ кончилъ обрядъ, поздравилъ ихъ, заставилъ поцѣловаться, обнялъ ихъ и самъ въ три ручья расплакался: Плакали Фендриховъ и молодой дьячекъ. Старая Горпина, несберегшая годъ назадъ Оксаны, также тихо плакала въ церковномъ углу, прижимая къ груди дитя свое, нѣкогда такъ дѣлѣнное Оксаною.

— Чтоже у тебя есть, Горпина, молодыхъ угостить? спросилъ священникъ, выходя въ ограду:—они теперь князь и княгиня у насъ.

Темнымъ дворомъ церковнымъ со свѣчами всѣ воротились къ дому.

Вошли въ комнаты и тамъ накурили ладаномъ. Оксана съѣла бѣсѣдовать съ Фендриховымъ. Священникъ занялся съ Левенчукомъ.

— Въ прошломъ году я съ тебя требовалъ выкупа; теперь я оамъ тебѣ дамъ на подъемъ. Ты чай безъ копѣчки теперь обрѣтаешься, горемыка?

— Спасибо, бабушка, за все; будетъ чѣмъ вспомнать вашу милость.

Священникъ ушелъ въ спальню, порылся въ завѣтныхъ сундучкахъ и вынесъ Оксанѣ радужную депозитку.

— Вотъ тебѣ, Оксана, мое приданое; обживетесь гдѣ, извѣстите меня, — еще будетъ... Вѣдь я тебѣ отецъ и воспитатель! Эхъ, счастливъ я теперь больше чѣмъ когда былъ...

Оксана поклонилась ему въ ноги.

Съѣз опять священникъ къ Левенчуку.

— Слушай сюда, слушай, Левенчукъ! спросилъ онъ шопотомъ: — тѣже деньги, казна то полковника гдѣ? Милороденко гдѣ?

— Я, ваше преподобіе, про то не мѣшаюсь. Товарищъ мой взялъ ихъ точно; да я ему не судья. Мы его скоро бросили; мы сами себѣ люди, и онъ себѣ человѣкъ! Я чужого никогда не брать и брать не буду...

— Такъ и слѣдуетъ, такъ и слѣдуетъ; ну, спрашивать я больше не буду... я, братъ, тебѣ вѣрю во всемъ...

Горпина накрыла на столъ, поужинали всѣ вмѣстѣ. Вынуты были три бутылки какого-то завѣтнаго вина. Призывали и молчаливаго приморскаго возницу къ угощенію.

Такъ сидѣли пирующіе, бесѣдовали и попивали, мало распрашивая и щадя другъ друга. Далеко за полночь домъ священника затихъ. Все въ немъ заснуло. Не успѣло утромъ солнце взойти, поднялся въ домъ шумъ.

Вбѣжала старая Горпина къ священнику.

— Батюшка! Тамъ отъ нѣмца съ горы рядъ какихъ-то людей показался; нето идутъ, нето ѣдутъ, словно понятые съ сотскимъ!

Всѣ выскочили за ворота. Точно: со стороны хутора Вебера двигались на небосклонѣ какія-то фигуры.

— Спасайтесь, поѣзжайте, бѣгите! это обыскъ, обыскъ! закричалъ священникъ, и всѣ опрометью кинулись въ дворъ обратно. Левенчукъ бросился наскоро запрягать съ подводчикомъ возъ. Но выѣхать они не успѣли. Священникъ посоветовалъ воловъ опять распречь, закатить возъ въ сарай, а всѣмъ спрятаться въ байракъ. Левенчукъ съ Оксаной такъ и сдѣлали, побѣжали туда.

Пройдя наскоро мимо церкви къ пруду, они вошли въ крайніе кусты, и нѣкогда дорогой имъ ракитникъ опять ихъ скрылъ въ своихъ зеленѣющихъ развѣсистыхъ куцахъ.

— Какъ тебя звать? спросилъ священникъ ухмылявшагося неводчика.

— Степанкомъ.

— Ты же, Степанъ, развѣ поѣзжай самъ въ поле, имъ же навстрѣчу; будто такъ муку везешь. Слышишь? А я будто гуляючи за тобой слѣдомъ пойду...

— Извольте.

— Валяй, Степанъ! — Воловъ опять запрягли.

Возъ поѣхалъ, за нимъ пошолъ отецъ Павладій; въ полутора

верстѣ отъ Святодухова—Кута ихъ встрѣтилъ исправникъ на дрожкахъ и за нимъ человекъ сорокъ понятыхъ съ сотскимъ. Съ другой стороны, изъ-за хутора Вебера, показывалась въ полѣ, полъ предводительствомъ другого сотскаго, новая толпа понятыхъ. Все дѣйствовало по заранѣ составленному предположенію.

— Воротитесь, отецъ Павладій! сказалъ исправникъ улыбаясь, держа въ рукахъ бумагу и останавливая священника:—я все понимаю... воротитесь!

— Какъ такъ! Я несогласенъ; это насиліе сану! сказалъ священникъ.

— Сотскій, возьми подводу и этого батрака; извините, отецъ Павладій! Не угодно ли вамъ съѣсть со мною на дрожки? Волю эти краденые; а батракъ вашъ извѣстный контрабандистъ Сава Пузырной, — мнѣ дали знать только что наши лазутчики, что онъ къ вамъ отвезъ и главнаго изъ розыскиваемыхъ нами бѣглыхъ...

Священникъ оторопѣлъ, засуетился, потерялся.

— Пожалуйте-съ и покажите намъ, гдѣ у васъ укрылись здѣсь главные бродяги, бѣглый чабанъ помѣщицы Венеціановой, Харитонъ Левенчукъ, и ваша бывшая воспитанница, а попросту-съ его любовница, непомнящая родства-съ дѣвка Ксенія?

Отецъ Павладій очнулся.

— Вы забываете, милостивый государь, уваженіе къ моему званію! у меня никого нѣтъ изъ бѣглыхъ и не было, я ничего не знаю и прошу васъ подобныхъ обвиненій мнѣ не предъявлять всенародно!

— Полноте! сказалъ улыбаясь Подкованцевъ:—я исполняю свой долгъ; прошу васъ садиться со мною. Не задерживайте насъ!

Нечего дѣлать, священникъ сѣлъ на дрожки.

Они подѣхали къ святодуховскому двору. Дворъ и садъ наскоро были оцѣплены толпой понятыхъ. Другіе понятые оцѣпили байракъ и прудъ.

Исправникъ распорядился скоро и какъ-то беззвучно метался; вездѣ все устроилъ, сталъ на крыльцѣ, спросилъ: «всѣ ли на мѣстахъ?» велѣлъ вынести къ крыльцу столъ, разложилъ бумаги, досталъ кисеть съ табакомъ, набилъ трубочку, поставилъ свидѣтелей, улыбнулся и началъ было допросъ, но потомъ остановился.

— Чтоже вы не продолжаете? спросилъ священникъ, вышедши къ исправнику.

— Подождите, не торопитесь! вотъ мы еще гостей подождемъ,

свидѣтелей, чтобъ протоколъ составить какъ слѣдуетъ! Я вамъ не судья — будутъ судить другіе!

Священникъ сѣлъ къ сторонѣ, на особомъ стулѣ. Онъ думалъ: «Боже мой! что, какъ ихъ найдутъ?» Подѣхалъ старшій Небольцевъ и съ нимъ еще кто-то.

— Грѣхъ вамъ, батюшка! сказалъ и онъ подходя: — вотъ-съ насъ всѣхъ извѣстили, что вы главный притонъ нашимъ грабителямъ въ своей рошѣ устроили!

— Кто же вамъ это сказалъ? Такъ про меня одного и сказали?

— Всѣ говорятъ!

На отцѣ Павладіѣ лица не было.

— Понимаю, вы меня обвиняете въ покровительствѣ бѣглымъ, что черезъ меня они смѣлы и дерзки стали. Господа! Я тридцать лѣтъ тутъ, въ этой пустыни прожилъ; при мнѣ строились и возникали ваши села и нѣкоторые ваши города. Недочеты, обманы, всякія притѣсненія возмутили вашихъ бѣглыхъ. Они мирно доселѣ жили. Край здѣсь измѣнился, нравы другіе пошли. Не я бѣглыхъ пердерживалъ; обыщите другихъ.

— Вы слышите, слышите? спрашивалъ исправника Небольцевъ.

Подѣхали Шульцвейнъ и Шутовкинъ. Эти обошлись съ священникомъ мягко и вѣжливо.

Вставали уже, составивши предварительныя статьи протокола, чтобы идти, какъ загремѣли колеса и послышался знакомый звукъ колесъ и ресоръ полковническаго фаэтона и Панчуковскій, попрежнему щегольски разодѣтый и веселый, выпрыгнулъ изъ фаэтончика, снялъ ловко красивую соломенную панаму, подалъ дружески руку всѣмъ кромѣ священника, поклонился исправнику. Священнику же онъ сказалъ, обмахивая платкомъ пыль съ лаковыхъ полусапожекъ: «А мы съ нами, батюшка, старинные друзья, не правдали?» — Священникъ кашлянулъ и сухо отворотился.

— Ну-съ, началъ Подкованцевъ, — очень радъ буду, господа дворяне, что при васъ лично привелось мнѣ исполнить мой долгъ; коли это мнѣ не удастся, — гоните и судите меня сами...

Всѣ сошли съ крыльца. Общее молчаніе было мрачно и торжественно.

— Сотскіе, начинайте. Сперва съ кухни и съ амбара, а потомъ въ погребъ и на чердаки! Домъ я самъ обыщу.

— Такъ она здѣсь? страстнымъ шопотомъ допытывалъ Шутовкинъ полковника.

— Здѣсь! разсѣянно отвѣтилъ Панчуковскій, вспоминая роковую чудную ночь, когда онъ похитилъ здѣсь Оксану.

— Почему вы узнали?

— Приказчикъ мой ихъ обозналъ, у шинка Лысой Ганны, знаете?

— Знаю. знаю! Такъ и ея прежній женихъ тутъ?

— Здѣсь, должно-быть!

— И она, какъ была, еще съ овалцомъ? Вотъ полюбуюсь крошечкой! Доведется таки и мнѣ ее увидѣть!..

Облава началась какъ на охотѣ. Гонцы шли тихо, съ дубинами, а сотскіе по крыльямъ порядокъ держали. Они осматривали каждый хлѣвушокъ, каждую ямку и всѣ уголки. Обыскали кухню, амбары, погреба, конюшенный сарайчикъ и домъ. Не нашли никого кромѣ забывшейся подъ свиное корыто и перепуганной до полусмерти тетки Горпины. Обыскали церковную ограду, даже церковь, прудъ и садъ.

— Они въ байракъ! я знаю! шепнулъ Панчуковскій, подходя къ исправнику, обыскавшему между тѣмъ домъ священника.

— Соединить всѣхъ понятыхъ вмѣстѣ! крикнулъ Подкованцевъ: — сотскіе! Да идти дружнѣ; не пропускать ни единого кустика, ни одной водомошки.

— Послушайте! Десять тысячъ цѣлковыхъ вамъ! шепталъ между тѣмъ Панчуковскій исправнику: — это не взятка будетъ, а благодарственный, законный процентъ! Ради Создателя найдите ихъ, черезъ нихъ моя вся разграбленная касса найдется!

— А я полагаю, Володя, что ты и по правдѣ болѣе за красоточкою этою хлопочешь? возразилъ шутя Подкованцевъ.

— Куда мнѣ! Я уже о ней забылъ и думать! Спросите Шуткина; я ему ее обѣщалъ передать...

Священникъ самъ не свой стоялъ поодаль отъ господъ и сыщиковъ. Онъ силился быть спокойнымъ, но сердце его било тяжолую тревогу. Облава пошла къ байраку. Понятые стали болѣе густою цѣнью съ обѣихъ краевъ оврага. Часть изъ нихъ стала по опушкамъ на-сторожѣ. Всѣ же остальные пошли внутрь въ раkitникъ и въ камыши къ ключамъ. Долго они шли, тихо шелестя между кустами и деревьями.

— Это совершенно во вкусъ Хижины дяди Тома, замѣтилъ Митя Небольцевъ.

— Далась таки опять вамъ эта галиматья, эта хижина! Ну по-

слушайте, господа! продолжалъ Панчуковскій: — ну, есть ли хоть тѣнь сходства между нашими безпачпортниками и американскими поэтическими неграми, или между нами, господа, и тамошними рабовладѣльцами! Какъ небо и земля!

— Какъ небо и земля! сказалъ и Подкованцевъ, идя за сотскими къ мѣсту выхода гонцовъ: — ужь тамъ, какъ у насъ, буюешки не дадутъ...

— А что? ничего нѣту? спросили зрители.

— Ничего! лѣниво отвѣтили гонцы, въ разбродъ выходя на оушкы. — Что бы это значило? подумалъ Подкованцевъ: — куда же они дѣлись?

— Стой, стой! держи его! стой! нежданно и въ разладъ крикнули голоса понятыхъ въ чащѣ байрака.

Всѣ остальные гонцы также кинулись туда. Изумленнымъ взорамъ исправника и помѣщиковъ открылась драка въ гущинѣ камыща, надъ ключами. Куча понятыхъ старалась кого-то осилить. Ловимый отмахивался дубиной и кидался на всѣхъ.

— Не подступай, убью! кричалъ онъ.

— У него и ножъ! кто-то обозвался въ толпѣ, и понятые отшатнулись.

Подбѣжалъ исправникъ.

— Лови его, хватай! чего вы стоите! Бери, вяжи его!

Понятые опять кинулись, навалили гурьбой на пойманнаго, сбили его съ ногъ; произошла схватка на землѣ — и опять толпа отхлынула. Трое изъ нея охали, хватаясь за руки и за лица. Кровь текла по ихъ рубахамъ.

— Братцы, не тронь меня: я Пѣночкинъ; я зарученный! бойко проговорилъ пойманный выпрямляясь: — тронете меня, всѣмъ пропадать!

— Врешь! раздался сзади голосъ Панчуковского: — берите его, это Милороденко; стрѣлай въ него изъ ружья, сотскій, только бей на смерть, коли заупрямится!

— Ружье сюда и мнѣ! крикнулъ исправникъ: — славайся, мерзавецъ! или я тебя положу...

Толпа зашумѣла. Священникъ глазамъ своимъ не вѣрилъ. Онъ ждалъ видѣть Левенчука и Оксану, а прежде ихъ увидѣлъ чело-вѣка, котораго называли роковымъ именемъ Милороденки.

— Какъ ты попалъ сюда, негодяй? спросилъ онъ его: — ты меня погубилъ; ты въ моей роцѣ спрятался!

— Батюшка, не бойтесь! Они тронуть васъ не посмѣютъ! Что дѣлать! Я здѣсь случаемъ-сь. Пропалъ теперь совѣмъ! Такъ пусть ихъ высокоблагородіе васъ не тронуть, ослобонять далѣе отъ обыску, я ихъ казну имъ укажу; она у меня далеко запрятана, да я далеко, видите, не ушолъ — пути мнѣ пересѣкъ г. Подкованцевъ. Я тутъ то, по близостямъ это и шлялся! А не исполните просьбы моей, будете задаромъ страмить батюшку, — умру, а ничего не открою!

Панчуковскій переговорилъ съ исправникомъ, понятыхъ созвали. Священнику объявили, что такъ какъ одинъ изъ главныхъ грабителей и преступниковъ пойманъ, то дальнѣйшій обыскъ болѣе не нуженъ.

— Это вамъ однако впередъ, батюшка, наука, сказалъ Небольцевъ: — будьте осторожнѣе! А то мы недаромъ васъ подозрѣвали.

— Мастера вы всѣ, господа, учить; не раскаяться бы послѣ!

Милороденко добровольно сдался, крикнулъ; изъ байрака, изъ оврага, какъ послѣ узнали, изъ водомоины, полной листьевъ и всякаго хлама, вышли Левенчукъ и Оксана.

Погода еще, какбы подумавши, онъ крикнулъ и вызвалъ Левенчука и Оксану. Изумленіе было общее.

— Край чудесъ! шепталъ торжествующій Подкованцевъ.

Всѣхъ найденныхъ тутъ же связали, осмотрѣли, заковали и самъ исправникъ съ Панчуковскимъ, посадивши Милороденка и Левенчука въ фаэтонъ, повезли ихъ въ городъ для допроса. Оксану повезли особо въ тарантасѣ исправника.

— Не повезете ее со мною, сказалъ Левенчукъ, — ничего не узнаете про деньги, хоть убейте сразу насъ обоихъ!

Дѣлать нечего, Панчуковскій уступилъ, даже защитилъ Оксану отъ взоровъ любопытныхъ, а Шутовкину, который мѣля лѣзь посмотрѣть на нее, даже погрозилъ поссориться.

Поѣхали исправникъ и Панчуковскій немѣшкая. На половинѣ дороги ихъ встрѣтилъ становой, съ новою толпою понятыхъ.

— Что такое?

— Настоящаго Пѣночкина поймали!

— Гдѣ поймали? гдѣ онъ?

— Въ стени тутъ, въ шинкѣ; вотъ онъ...

Толпа раздвинулась — у телѣги, привязанный къ ея колесу, стоялъ и посмѣивался дѣйствительный Пѣночкинъ.

— Связать его покрѣпче и также въ городъ! Ай да денекъ! Теперь уже въ отставку не выгонять; лишь бы жилось на свѣтъ...

— Въ городъ , въ городъ !

Фаэтонъ полетѣлъ. Милороденко сталъ о законахъ разсуждать.

— Ты же гдѣ этимъ статьямъ про уголовные законы учился ? спросилъ его исправникъ дорогою.

— Въ академіи художествъ , въ острогѣ—съ тутошнемъ , гдѣ я впервые всю суть позналъ—съ и произошолъ !

— Какъ въ острогѣ ?

— Извѣстное дѣло—съ ; у насъ тамъ свои—съ професора и адъюнкты есть ! Вотъ , когда я былъ женатъ на барышнѣ , въ Рассеѣ—съ , у нея братецъ двоюродный въ студентахъ былъ—съ и жилъ часто съ нами ; такъ нѣтъ—съ , его професора супротивъ нашихъ куда хуже , наши почище будутъ ! Ихніе только о книжкахъ...

XIV

ПРИМОРСКІЙ ГОРОДОКЪ

Фаэтончикъ , запряженный новой четверней , летѣлъ вскачь опять тою самою дорогою , по которой нѣкогда полковникъ встрѣтился съ Шульцвейномъ. Опять степь пышно зеленѣла. Опять по ней густо цвѣли , ее заливая , желтые и всякіе цвѣты. Десять человѣкъ казаковъ скакали верхами возлѣ.

— Эхъ степь , степушка ! говорил Милороденко , води кругомъ грустнымъ и вмѣстѣ смѣющимися глазами : — раздольице ненаглядное ! Не намъ вотъ съ Левенчукомъ больше тобою любоваться ! Теперь уже пойду я подошвы топтать по нашей Рассеюшкѣ ! Пожилъ я таки , господа , волю ; и у васъ , г. Подкованцевъ , и у васъ , полковникъ , нанимался ; чтоже ? бѣсъ взялъ , на дворянской дѣвицѣ былъ женатъ , пожилъ , постранствовалъ въ свое удовольствіе ! Вотъ теперь и попался ! А все отчего ? Что начпорта настоящаго миѣ господиномъ не выдано ; рабъ я подневольный былъ и опять есмь и буду значить вовѣки... Господа , позвольте табачку ! Я знаю , ставповые больше коллежскаго секретаря , а исправники больше титулярнаго не бываютъ. Я же еще теперь пока настоящій милонеръ. Владимира Алексѣича казна вѣдь , господа , еще у меня спрятана...

Панчуковскій сидѣлъ блѣдно-зеленый , но показывалъ видъ , что тоже отшучивается.

— Дайте ему , Подкованцевъ , табакъ на папирску ! А у меня пистолеты , нечего ихъ бояться ! прибавилъ онъ шопотомъ.

— На, воръ, только штуки со мной какой не выкинь ; не осрами и не погуби меня ! Я за тебя вонъ награду получу...

— Помилуйте ! я же и у васъ служилъ ; люди мы свои ; законы-сь и уваженіе знаемъ-сь.

Дорогой они останавливались , опять осмотрѣли закрѣпы Левенчука и Милороденка.

Стемнѣло , когда исправникъ и Панчуковскій , послѣ двукратнаго перевала на пути , взятія новыхъ провозатыхъ и перемѣны лошадей , вѣхали подъ шлагбаумъ присутственнаго , значить чиновнаго , хотя весьма утлаго и невзрачнаго приморскаго городка , лежащаго близъ рѣчки Несытой . Ихъ окликнулъ часовой у городской гаубтвахты . Въ городскихъ воротахъ , немогиши высоко поднять связаной руки , Милороденко попросилъ ему приподнять шапку и перекрестился .

— Вотъ какъ ! еще и крестишься ! сказалъ , суетливо оправляясь и едва говоря отъ усталости , исправникъ .

— Меня Сенька кривой , одинъ тоже вотъ осторожный пріятель , въ Кіевѣ училъ , при проѣздѣ каждаго часового креститься . А онъ зналъ всѣ знанія ; антимины изъ православныхъ церквей все раскольникамъ кралъ и поставлялъ . Его клейменаго прогнали сквозъ двѣ тысячи и сослали въ каторгу-сь . У него кума въ острогѣ была .

Подѣхали къ дому градоначальника . Подкованцевъ , невѣрившій своему счастью въ поимкѣ такихъ героевъ , снѣшилъ ими оправдать себя !

— Что значить , господа , приморскій воздухъ ! замѣтилъ Милороденко развязно , зѣвая впотымахъ : — какъ свѣжестью запахло ! А все-таки , Владиміръ Алексѣичъ , я вамъ денегъ не отдамъ — онѣ , считайте , пропали .

Солдаты окружили фаэтонъ . Исправникъ сбѣгалъ къ дежурному чиновнику . Черезъ четверть часа вышла новая вызванная изъ соѣдной кордегардіи команда подъ ружьемъ .

— Это тотъ самый Милороденко , сказалъ Подкованцевъ чиновнику , — а это тотъ самый его товарищъ Левенчукъ , что ограбили на дняхъ вотъ ихъ , г. Панчуковскаго ; доложите его превосходительству , что я ихъ сегодня выслѣдилъ , поймалъ и лично доставилъ .

Принесли фонари . Арестанты молча стояли . Чиновникъ сбѣгалъ къ градоначальнику .

— Въ мѣшокъ ихъ ! крикнулъ чиновникъ воротившись : — велили ихъ въ острогъ вести , въ секретную .

— Прощайте, баринъ! За вами еще жалованье за два мѣсяца! Не поминайте лихомъ; съ Амура писать буду! крикнулъ Милороденко Панчуковскому. — Подъѣхала въ тарантасъ Оксана. Всѣхъ повели въ острогъ.

Градоначальникъ далъ полковнику слово сдѣлать арестантамъ допросъ въ ту же ночь и допытать ихъ о деньгахъ.

— Во всемъ сознаюсь, будьте спокойны! развязно прибавилъ Милороденко: — мнѣ вѣдь надо позаботиться о моемъ другѣ Левенчукѣ и его пріятельницѣ-съ... Ихъ только спасите...

— Bravo, bravo! сказалъ Подкованцевъ, уѣзжая въ гостиницу: — какъ мы скоро дѣло обдѣлали! За вами, полковникъ, теперь ужинъ.

— Нетолько ужинъ, цѣлое вамъ наследство! Это вамъ лучшая пенсія за службу!

Отправились въ гостиницу. Туда вскорѣ явились частный приставъ, уголовныхъ дѣлъ стряпчій, два чиновника особыхъ порученій ко казуснымъ дѣламъ. Подано шампанское, заказанъ лукулловскій ужинъ. Въ лучшей номеръ поданы карты. Завязался штось. Проиграли до яснаго бѣлаго дня невставая.

— А ваша супруга, полковникъ? Она до сихъ поръ здѣсь въ городѣ живетъ? спрашивали подкутившіе собесѣдники.

— Дѣйствительно моя жена, брошенная мною, пріѣхала сюда въ городъ. Но она обзавелась тутъ, господа, утѣшителемъ: какой то учитель. Вы уже запоздали...

Всѣ захохотали. Еще цинически поострили надъ m-me Панчуковской.

Гости разошлись пошатываясь. — «Вотъ чудная душа, этотъ Панчуковскій!» повторяли всѣ, уходя: «сейчасъ видно, и бонъ-виванъ, и настоящій аристократъ...»

Утромъ весь городъ заговорилъ о случаѣ съ Панчуковскимъ, который сюда завертывалъ рѣдко и котораго здѣсь болѣе знали по слухамъ. Онъ являлся къ градоначальнику. Послѣдній оказался его знакомымъ по Петербургу и чуть даже не сверстникомъ по службѣ въ другомъ вѣдомствѣ. Главныхъ чиновниковъ тоже объѣздилъ Панчуковскій. Дѣло его закипѣло. Преступниковъ стали ежедневно допрашивать. Но тѣ вдругъ заперлись о деньгахъ, что никогда ихъ не видѣли и не грабили полковника. — «Зачѣмъ же вы бѣжали отъ него?» — «Избавили украденную имъ у священника такую-то дѣвущку.»

Шли толки о томъ, что дѣло принимаетъ новый видъ, что чуть ли Панчуковскій сочиненнымъ слухомъ о пропажѣ денегъ не думаетъ замять дѣла о собственныхъ похожденияхъ съ воспитанницею священника.

Это говорила молодежь изъ чиновниковъ. Люди зрѣлые ударились на соображенія, какъ выманить у преступниковъ сознание въ томъ, куда они спрятали такую чудовищную сумму. Слѣдователи входили въ секретную, заставляли Оксану на соломѣ больную, молчаливщюю, Левенчука возлѣ нея, а Милороденка на колѣняхъ передъ образомъ: онъ молился и дѣйствительно казалось не былъ виноватъ ни въ чемъ изъ того, въ чемъ его винули.

Прошло двѣ недѣли. Полковникъ напиналъ вопить о медленности нашихъ допросовъ, доказывали, что мы рано бросили пытку...

Въ обѣдъ въ номерѣ Панчуковского сходилась вся городская аристократія. Кушали, играли въ карты, пили. Передавались слухи и о дѣлѣ, и объ арестантахъ. Прокуроръ сообщалъ постоянно всѣ новости о нихъ: о чемъ они сегодня говорили, какія данныя вновь сообщали.

— Жаль эту дѣвушку, говорилъ иногда прокуроръ: — она такая тихая, скромная, все плачетъ; и возлюбленный ея кажется малый смиренный и жилъ прежде честно. Они впрочемъ назвались намъ мужемъ и женою на допросъ.

— Вотъ это забавно, сказалъ Панчуковскій.

— Да, вы не вѣрите, мы собрали справки — и точно они обвинялись послѣ понимки ихъ, у этого самаго вашего священника, отца Павладія, гдѣ она жила воспитанницею.

— Чудеса! какъ скоро успѣли!

— Зато ихъ коноводъ, этотъ Милороденко вамъ, Владиміръ Алексѣичъ, настолько близкій вамъ, существо непостижимое! Онъ во всемъ сознался: и въ занятіи контрабандой, и въ связяхъ съ нахичеванскими фальшивыми монетчиками, а въ грабежѣ вашихъ денегъ не сознается.

— Нельзя ли какъ, хоть однимъ глазомъ, посмотрѣть на этихъ арестантовъ? спрашивали прокурора частные посѣтители полковника.

— Меня одна дама просила на Милороденка взглянуть!

— Меня просила моя невеста взглянуть на эту дѣвушку, нашу героиню!

— Нельзя, господа, нельзя теперь никакъ!

— А когда же?

— Дня черезъ три можно.

— Слово? честное слово? Отчего же черезъ три дня?

— Честное и благородное, вотъ вамъ моя рука; самъ я и поведу. Имъ кончится тогда весь предварительный допросъ. Туда же я, къ вашимъ героямъ, посадилъ и нашего другого героя...

— Кого, кого?

— Пяточкина дезертира, вы слышали? Этого разбойника съ Сиваша! Онъ на прошлой недѣлѣ взятъ подъ шинкомъ Лысою-Ганною и доставленъ сюда, по соприкосновенности въ главныхъ преступленіяхъ съ нашимъ городомъ. Такъ я и его вмѣстѣ къ Милороденкѣ и Левенчуку посадилъ. Имъ данъ теперь лучшій и надежнѣйшій казematъ во второмъ этажѣ, рядомъ съ башнею. Небось не уйдутъ.

— Есть же что-нибудь еще новое о деньгахъ?

— Завтра преступникамъ послѣдній допросъ; сегодня они какъ-то взволнованы отъ моихъ розысковъ и просили ихъ отложить. Завтра, завтра на утро все рѣшится. Имъ поставится главная улика — жидъ Лейба изъ шинка Лысой-Ганны. Онъ видѣлъ Милороденка и Левенчука въ день ихъ побѣга отъ полковника и они ему показывали чемоданъ какой-то. По справкамъ и примѣтамъ это чемоданъ полковника...

— Такъ мнѣ, выходитъ, еще ожидать? спрашивалъ полковникъ.

— Его начинало мучить; онъ чувствовалъ, что дѣло его гибнетъ...

— Дня два еще подождите, вѣдь дѣло идетъ не о десяти рубляхъ. Сами будете и слѣдить завтра за допросомъ и открытіемъ вашей покражи.

Панчуковскій со вздохомъ принялъ предложеніе прокурора, освѣдомился о городскихъ удовольствіяхъ того дня и узналъ, что въ городѣ въ тотъ вечеръ былъ театръ. Онъ взялъ билетъ и пошелъ туда, почти нехотя.

Ему не очень весело сидѣлось въ театрѣ. Играли какой-то избитый водевиль. Къ нему подѣлъ секретарь градоначальника, правовѣдъ и фронтъ, пустота и неизвѣстно почему желавшій казаться близорукимъ. — «Что вы подѣлываете?» спросилъ онъ. — «Хочу выписать изъ-за границы себѣ на содержаніе итальянку.» — Одротота ата пошла по театру.

Въ концѣ представленія неожиданно пронеслось между зрителями волненіе. Вошелъ въ партеръ блѣдный полицмейстеръ—молдаванинъ. Окинувши залъ смутнымъ взоромъ, онъ не сѣлъ на свое мѣсто, а подошелъ сперва въ первомъ ряду кресель къ городскому головъ, ему что-то сказалъ, голова сейчасъ оставилъ театръ, потомъ полицмейстеръ вошелъ въ ложу градоначальника, куда уже передъ тѣмъ по пути заходилъ, и съ нимъ тотчасъ также убѣжалъ изъ театра.

— Что такое, что случилось? шушукали зрители: — пожаръ чтоли?

— Опять отличилась наша полиція: всѣ главные арестанты бѣжали, два часа назадъ, изъ острога! отвѣтилъ кто-то вполголоса въ креслахъ.

Панчуковскій вздрогнулъ; всталъ, подошелъ задыхаясь къ разговаривавшимъ. Занавѣсъ въ это время опустился. Никто не аплодировалъ. Всѣ занялись роковою вѣстью. Вокругъ секретаря градоначальника столпились весь партеръ.

— Они подняли половицу подъ нарами въ казематѣ, говорилъ шурясь и лорнируя ложи секретарь; слышавшій разговоръ головы съ полицмейстеромъ: — распилввши ее гвоздемъ изъ оконницы; етали каждую ночь отугенаться подъ полъ; между поломъ верхняго этажа и сводомъ нижняго проникли въ башню, запертую у насъ какъ извѣстно въ острогѣ за негодностью съ давнихъ поръ; сошли по лѣстницѣ башни внизъ, начали копать подъ стѣну башни, прокопались подъ наружную оградю, и сегодня главные, а за ними и остальные ушли. Они копали нагишомъ, а землю въ рубашкахъ таскали и разсыпали подъ полами. Тамъ вся команда рыцетъ теперь съ фонарями; погоня поскакала...

— Кто убѣжалъ? спросилъ Панчуковскій, еще невѣря своимъ ушамъ.

Голосъ его дрожалъ. Въ глазахъ у него помутилось.

— Всѣ главные воры и негодяи, Пыночкинъ на примѣръ, да и ваши-то... да-съ... Милороденко и Левенчукъ; а съ ними тоже и эта знаете, полковникъ, женщина... Полицмейстеръ нашъ бѣднякъ совсѣмъ потерялся. Генералъ велѣлъ поднять на ноги всѣ городскія полицейскія силы...

Шумно разнеслась по городу ошеломляющая вѣсть.

Панчуковскій безъ памяти выскочилъ изъ театра. Извозчикова уже публика разобрала. Онъ почти побѣжалъ въ свою гостиницу. Не

дорогѣ, у одного освѣщеннаго дома онъ остановился перевести духъ. Въ полуоткрытое окно гремѣлъ меланхолически рояль. Пѣлъ чей-то пріятный женскій голосъ. У воротъ стояла щегольская пролетка; кучеръ дремалъ, завернувшись въ армякъ.

— Чьи лошади?

— Учителя. А вамъ что?

— Какого?

— Головы-съ... отвѣтилъ кучеръ, увидѣвши на Панчуковскомъ кокарду и приподнимая шапку.

— Кто вашъ учитель?

— Михайловъ Иванъ Аполоничъ.

Панчуковскій озадачился.

— Изъ Одессы? бывший студентъ? что у Шутовкина въ томъ году жилъ?

— Такъ точно-съ.

— А у кого это онъ? Квартира тутъ чья? Я что-то не разбираю...

— Настасья Васильевны-съ, полковницы Панчуковской-съ...

Панчуковскій отскочилъ. Изъ окна въ это время раздался голосъ:

— Сафронъ, ты тутъ? подавай.

— Сейчасъ.

Не помнилъ Панчуковскій, какъ добѣжалъ до гостиницы.

— Такъ вотъ она, судьба-то, съ кѣмъ жена моя сошлась! мыслилъ онъ: — правду же значить говорятъ городскіе толки! И она явилась искать со мной сближенія? Письма ко мнѣ писала, а теперь оправки противъ меня собираетъ! Процессъ затѣваетъ...

На столѣ въ номерѣ гостиницы онъ засталъ письмо исправника.

— Не я, Владиміръ Алексѣичъ, виноватъ, если вы сдались на здѣшнія городскія власти послѣ того, какъ я вамъ поймалъ вашихъ похитителей и не протестовали противъ того, что они въ одномъ казематѣ соединили Левенчука, Милороденка и Пѣночкина, уже сидѣвшаго здѣсь въ острогѣ и прежде бѣжавшаго; въ эти дни они обдумали и исполнили дерзкое, небывалое дѣло. Полицмейстеръ тутъ кругомъ виноватъ. Но я опять предлагаю вамъ свои услуги. Теперь уже надо намъ самимъ дѣйствовать! Изъ ближайшей подгородной корчмы мнѣ сейчасъ донесли, что слѣдъ бѣжавшихъ показанъ по направленію къ Дону, къ гирламѣ, и именно къ неводамъ купца Пустошнева. Тамъ мѣсто самое глухое и удобное для скрѣтїя. Дер-

жите это пока въ строжайшемъ секретѣ; сейчасъ занимайте тройку добрыхъ лошадей, возьмите съ собой оружіе, выпросите себѣ у генерала жандарма въ провожатые, переодѣньтесь получше и спѣшите ночью же ко мнѣ. Я васъ буду ждать, всторонѣ отъ большой дороги, у трехъ кургановъ, называемыхъ могилою Трехъ-братьевъ, на девятой верстѣ. Посылаю съ нарочнымъ. Желаю отъ души успѣть.

Вашъ Подкованцевъ.»

Панчуковскій съѣздилъ къ градоначальнику, выпросилъ себѣ, въ провожатые жандарма-солдата, переодѣлся, досталъ у хозяина гостиницы охотничій штуцеръ, зарядилъ одинъ отводъ его картечью, а другой пулею, съѣлъ на приготовленную уже добрую тройку, и поѣхалъ. Онъ платилъ щедро. Всѣ смотрѣли на него съ сожалѣніемъ.

Ужась понималъ его при одномъ помышлении, что теперь вся карьера его готова была пропасть навсегда и безъ возврата; съ лишеніемъ похищеннаго и ускользавшаго окончательно капитала.

«Дуракъ я, дуракъ! Зачѣмъ я такъ надѣялся? Можетъ-быть деньги въ это время были бы уже у меня въ рукахъ! А я занялся городскими удовольствіями; на стѣны острога понадѣялся... двѣ недѣли ушло! Селедками бы покормить было хоть черезъ сторожа этихъ арестантовъ; за червонецъ эту пытку бы сотворили — и дѣло было бы въ шляпѣ.»

Ночь была непроглядная. Вѣтеръ шумѣлъ. Дождь срывался. Панчуковскій подѣхалъ къ девятой верстѣ, своротилъ влѣво. У могилы Трехъ-братьевъ его окликнулъ Подкованцевъ.

— У! я продрогъ! Вотъ бы теперь буюещки, колонель, если нѣтъ нечего поманижекать! Нѣтъ ли выпить чего? Что вы такъ опоздали?

— Вотъ вамъ бутылка рому; я захватилъ. Долго въ театрѣ я просидѣлъ, ваше письмо три часа меня ждало; не знали гдѣ я?

XV

ВЪ ГИРЛАХЪ И ВЪ ПЛАВНЯХЪ НА ДОНУ

Тронулись тройки рысью. Мѣсяцъ не вырѣзывался. Лошади бѣжали дружно. Много думалось Панчуковскому. Онъ вспоминалъ лучшіе свои дни здѣсь въ степяхъ, риски по хозяйству, волшебныя

барыши, любовныя похождения, покражу Оксаны минувшимъ дѣ- томъ, картины выдержаной имъ баснословной осады, вспомнилъ свой замыселъ выписать себѣ итальянку, — невольно сообразилъ лица Милороденка и Левенчука у своей кровати, въ ночь грабе- жа, городской театръ, музыку въ освѣщенномъ окнѣ и отвѣтъ опрошеннаго кучера. — «Она мнѣ измѣнила... тѣмъ лучше! Мнѣ легче будетъ жить по старому! Но Михайловъ... помощникъ мой! . Я этого не ожидалъ...» Исправникъ гдѣ-то впотемкахъ остано- вливался, выѣзжалъ изъ телѣги, съ кѣмъ-то говорилъ, шушукался, и они опять ѣхали. — «Что за таинственныя отношенія здѣшнихъ земскихъ властей къ земству!» думалъ Панчуковскій: «тѣмъ лу- чше...»

Заря еще не занималась, когда обѣ тройки подѣхали къ какой- то песчаной косѣ. Тутъ они перемѣнили лошадей, опять посадили, опять смѣняли лошадей, уже недалеко отъ тоней купца Пустошнева, и втянулись въ камыши. Пустошневъ былъ другъ Подкованцева, всегда ему помогалъ по службѣ. Но тони его, бывшія въ самыхъ донскихъ гирлахъ, особенно были пригодны для пристаней контра- бандистовъ, по причинѣ ряда отмелей и островковъ съ камышами, прилегавшихъ къ нимъ у взморья, и здѣсь-то часто совершались дѣла, по которымъ послѣ начинались грозныя и энергическія слѣд- ствія. Это было лакомое мѣсто для исправниковъ. Они же смотрѣли сквозь пальцы на передержку здѣсь бѣглыхъ.

— Вы потерпите тутъ, а я на минутку къ молодцамъ зайду! сказалъ Подкованцевъ: — вы будьте спокойны; я далъ вамъ слово и слѣлаю. Тутъ надо самимъ работать. Имъ негдѣ уже отсюда пройти, кромѣ вонъ того мѣста! Слышите, паруходъ тутъ гдѣ-то пыхтитъ... На это они навѣрное рассчитывать будутъ; не можетъ быть, чтобы они ушли безъ сильной помощи снаружи острога. Подумайте, Милороденко располагалъ столько времени и такую огромную сумму. Имъ здѣсь быть! Они затѣваютъ уйти въ чужіе края...

Исправникъ слѣзъ съ телѣги, накинулъ мужичью свиту, взялъ пистолеты и пошолъ. Панчуковскій приподнялся въ своей чередѣ, посматривая кругомъ.

Исправникъ посоветовалъ ему еще втянуться въ гирла.

Панчуковскій двинулся въ чуть-блѣдныхъ сумеркахъ.

— Да вы ступайте, братцы, за мной! сказалъ исправникъ ям-

щикамъ: — тутъ дорога плоская, рытвинъ почти нѣтъ. Ступайте шагомъ, пока я крикну; тогда и остановитесь.

Подковащевъ шолъ, чуть видный впереди, медленно подвигался между исполинскими камышами, то узкими, то широкими прогалами. Дорога шла пескомъ. Скоро она пошла будто книзу. Подъ ногами лошадей стали плескаться лужи. По сторонамъ, среди зарослей нескончаемыхъ, дремучихъ во всѣхъ стороны идущихъ камышей, то здѣсь, то тамъ мелькали бѣлыя полосы озеръ. Вербовыя вѣтви тронули впотьмахъ по лицу Панчуковского. Стало въ воздухѣ влажнѣе, но такъ же тепло, душисто и чутко. Легкій вѣтеръ зашелестья было тростниками и затихъ. Туманъ и облака люцыми съ неба. Пояснило. Стало еще-теплѣе. «Это плавни!» думалъ Панчуковский, склонилъ голову и будто слегка вздремнулъ, усталый донельзя и качаемый ровными колебаніями легкой телеги. Севозъ мгновенную дремоту онъ услышалъ издали тихій окликъ Подковащева: «Теперь стойте! Я скоро приду; надо опять своротить къ одной тутъ хаткѣ!» открылъ глаза, потянулся и оторопѣлъ отъ чудной плавней картины, которая вдругъ развернулась передъ нимъ, будто выходя изъ какой-то дымки, изъ какого-то заколдованаго тумана...

Солнце еще не показывалось. Но блѣдный отблескъ, предшествующій зарѣ, уже освѣщалъ въ разныхъ мѣстахъ окрестность.

Донъ, сливаясь съ притоками и дробясь самъ на множество рукавовъ, шолъ здѣсь уже непохожій на рѣку. Это было громадное пространство водъ, потопившихъ землю, холмы, луга и песчаные наметы, или скорѣе собраніе самыхъ разнообразныхъ рѣкъ, ручьевъ и острововъ, поросшихъ исполинскими камышами. Главной рѣки почти не было видно. То здѣсь, то тамъ, будто спѣша къ морю, будто обгоняя другъ друга, справа и слѣва вырывались изъ чащи камышей новые ручьи. Луга и острова, потопляемы разливомъ гирлъ до начала жаровъ, и потому донскіе плавни въ это время посѣщаются только рыбаками да тѣми, кого нужда заставляетъ въ нихъ скрыться. Коегдѣ эти обнаженныя пространства, эти зеленѣющія вершинки, а большею частью сплошные песчаные кучугуры, покрыты ольховникомъ, вербой и лозой. Сюда иной разъ, по брюхо въ водѣ, перегоняютъ на пастбище рогатый скотъ и лошадей. Но тучи мошекъ и комаровъ скоро прекращаютъ возможность къ такимъ перебродкамъ. Скоро всѣ плавни пустѣютъ. Развѣ иной бѣднякъ изъ рыбаковъ, бродя въ лабиринтѣ здѣшнихъ острововъ, озеръ, камышевыхъ зарослей и

несчастныхъ мелей, броситъ сѣти и накоситъ на лодку для лошади полкорны сѣна или молодого зеленого тростника.

Заря близилась.

Панчуковский не могъ оторваться отъ картины шумящихъ, грохочущихъ и бѣгущихъ съ пѣнѣю въ камышевыхъ холмахъ гирля. Передъ нимъ во уста шагахъ, за мелкимъ бродкомъ, стало выси- няться огромное, тихое, свѣтлое какъ зеркало озеро. Это было не озеро, а тотъ же Донъ, въ концѣ долгаго пути завернувшій въ за- тѣшье трехъ песчаныхъ горбовъ и цѣлой дубравы лозъ и тростни- ковъ и легшій въѣзъ на отдыхъ. По этому тиховодію шагала ка- кая-то сѣрая тѣнь, съ длиннымъ носомъ. Вотъ зааглась въ первыхъ лучахъ свѣта у нее хвостъ; она повернулась... цапля. Пролетѣло новое дуновение вѣтра; вздохнуло утро. Съ разныхъ сторонъ опять отдернулись новыя завѣсы...

Тамъ опять открывается цѣпь мелкихъ безконечныхъ островковъ. Здѣсь блеснули окраины красного, будто окровавленнаго соляного озера. Въ чащѣ лозы отозвалась лягушка, за нею другая, третіи, тысячи, и цѣлый разливъ болотныхъ стоновъ огласилъ воздухъ. А камыши открываются далѣе и далѣе, слились цѣлыми роцями, лѣсами, темные и величавые, шелестя широкими султанами и листьями. А вотъ раздался крикъ журавлей, гдѣ-то далеко, далеко. Вправо мель- нули крылья мельницы, потопленной въ острова и лозы. Что-то шлохнулось въ воздухѣ и загудѣло далѣе и далѣе, будто откуда-то пронесся послѣдній отзвукъ неслышнаго пушечнаго выстрѣла. На самую тѣлгу, въ упоръ на Панчуковского, поркнувши черезъ ка- мыши, налетѣла какая-то легкая, длиннокрылая птичка. Свободная и дышащая испугомъ и влагою, она робко и ясно взглянула въ его глаза своими круглыми, мерцающими глазками, и въ два взмаха опять завила, унеслась въ нескончаемые ряды камышей, острововъ и журчащихъ неумолаемо-бѣгущихъ ручьевъ. Панчуковский спро- сить своего жандарма:

— Бывалъ ты здѣсь?

— Какъ не бывать!

— Много рыбы тутъ ловится?

— Всякая бываетъ: бычки, синець, бѣлизна, осетры, стерляди, баламутъ, значить мутящій сельдь, онъ воду мутитъ...

Панчуковский взглянулъ впередъ. За тиховоднымъ озеромъ, по которому незадолго прогуливаясь прошла покинутая сонъ цапля, небосклонъ сталъ еще яснѣе.

Небо вдали наконецъ подернулось отблескомъ зари. На окраинѣ небосклона, за камышами перебѣгали бѣлые зайчики. Что-то особенно раздольно шумѣло. То море вдали шѣнилось и бурлило у береговъ, отдавая въ песчаные наносы широкихъ гирлъ кудрявымъ бѣлымъ прибоемъ. Вѣтеръ еще не смолкалъ. Чайки съ криками усилились по темному еще взморью. Вѣтви выходили изъ тумана чуть видныя мачты судовъ, шедшихъ всю ночь по морю подъ парусами или стоявшихъ вразброску у неводскихъ пристаней во Дону. Вправо видѣлись верхушки рыбацкихъ землянокъ, крошечный домикъ купца Пустошнева, курени по притокамъ Дона. Съ нѣкоторыхъ крышъ поднимался уже дымокъ.

Воротился запыхавшись Подкованцевъ. Онъ велъ на поводу оседланую лошадь.

— Помилуйте, мнѣ совѣстно, право! Чѣмъ я васъ достойно отблагодарю? вы спасаете мое состояніе, честь, жизнь мою, и все сами дѣлаете! сказалъ Панчуковский.

— Помилуйте, ничего! здѣсь иначе нельзя. Другой тутъ бы армію понятыхъ потребовалъ, казацкую команду, а я все самъ. Видите какія мѣста. Здѣсь я недавно чай открылъ: люди Пустошнева мнѣ все покорны. Между нами скавать, я дѣлюсь съ ними призами законными. Меня тутъ безъ нихъ чуть было не изрубили на первыхъ порахъ греки-контрабандисты. Когда-нибудь, какъ счастливо обдѣлаю ваше дѣло, покажу вамъ: у меня плечо перерублено. Кажется въ такихъ исторіяхъ когда-нибудь-съ пропаду какъ собака...

— Чтоже наше дѣло? спросилъ съ лихорадочнымъ трепетомъ полковникъ.

— Шш! берегитесь извозчиковъ! Они насъ не знаютъ; думаютъ, что мы простые полицейскіе сыщики по контрабандѣ. Сидите же, сидите, камрадъ, тутъ; приказчикъ мнѣ другую лошадь далъ тамъ. Давайте еще буюшки — надо допить бутылочку рому этого! Если что надобно будетъ, я выстрѣлю изъ пистолета, тогда вы скачите ко мнѣ. Они здѣсь гдѣ-то уже, вѣрно вонъ въ тѣхъ трюннахъ ждуть; на зарѣ, какъ замѣтили наши сыщики, какіе-то люди съ больною женщиной подходили къ куренямъ. Это они, они; имъ негдѣ пройти, какъ здѣсь... Я разослалъ стражу по берегамъ, верховыхъ и пѣшихъ, чтобъ не дать имъ сѣсть гдѣ-нибудь на дубъ или на лодку и не удрать къ пароходу. Вонъ видите, какое-то паровое судно стоитъ, да еще кажется англійское. Они тутъ смѣло теперь шляются. Тамъ должно-статься мы ихъ и накроемъ... Ночью бура

гдѣ-то была, а здѣсь сильное волненіе; ихъ вѣрно не приняли на лодку... У меня на все есть открытые листы...

Подкованцевъ, одѣтый мужикомъ, но съ пистолетами подъ армякомъ, побѣжалъ снова камышами.

Панчуковскій скинулъ тулупъ, остался въ одномъ сѣромъ простомъ кафтанѣ, сѣлъ верхомъ на приведенную довольно крѣпкую лодшадку, перекинулъ черезъ плечо гостинничный штуцеръ, врѣзался еще глубже въ болѣе высокіе и густые камыши и сталъ ждать. Кругомъ уже ярко сіяли озерки и трясинныя болота. Дичь начинала стрекотать, кричать и стонать на всѣ лады. Гуси заготовали невдалекѣ, поднялись громадною стаей и съ звонкими переκληками потянулись къ морю. Панчуковскій ждалъ, соображая свое положеніе. Ему невольно опять представился брошенный Петербургъ, модный свѣтъ, балетъ, Невскій, блистательные товарищи. Онъ взглянулъ на своего вислоухаго пегаса, на свой дырчатый сѣрый кафтанъ, помыслилъ, что черезъ полчаса онъ можетъ сдѣлаться окончательно банкротомъ, чуть роковымъ бѣглецамъ такимъ волшебнымъ, неожиданнымъ оборотомъ дѣла удастся уйти съ берега. «А остальному свѣту нѣтъ до меня дѣла! Гдѣ рѣшается моя судьба!..» Яснѣло болѣе и болѣе. Возлѣ неводскихъ куреней задвигался народъ. Какіе-то пѣшіе побѣжали ко взморью; какіе-то всадники поскакали...

Панчуковскій невольно въ это мгновеніе подумалъ:

— Что, если все погибнетъ, если ихъ не поймаютъ и мои деньги, все мое состояніе пропадетъ, исчезнетъ безъ слѣда навѣки? Что, если будетъ свалка, меня кликнутъ сигналомъ, я поскачу, и меня убьютъ? Будь что будетъ. Я пожилъ, повеселился. Я ловилъ каждое мгновеніе жизни, пилъ сладость изъ каждаго цвѣтка, бросая потомъ его, какъ негодный. Убьютъ, — туда мнѣ и дорога. Смерть разъ бываетъ въ жизни. Ну, значить такъ и на роду было написано. Жилъ въ деревнѣ у отца, потомъ въ Петербургѣ, потомъ женился, состояніе взялъ; жена надоѣла, жену бросилъ, сюда пріѣхалъ — жизнью поживиться на этомъ раздолби, — тутъ выходитъ и конецъ. А если не убьютъ?.. если не убьютъ, а возьмутъ одно состояніе, все состояніе, какъ есть, всѣ до одинаго средства къ жизни... что тогда? Вотъ любопытно: хватитъ ли у меня силы воли избавиться лично, собственною охотою, отъ такого позора и униженія? Хватитъ ли у меня ума, безумія, горячки, покончить эту шутку... самоубійствомъ? Позоръ послѣ роскоши, цѣпи и нищенская сума послѣ воли и счастья!..»

Раздался чуть слышный сигнальный выстрѣлъ. Дымокъ заблѣвалъ надъ песчаными откосами.

— А! сигналъ! Подкованцевъ не вретъ! а я уже начиналъ думать, не возьметъ ли онъ взятки съ того же Милороденка и не пропуститъ ли его: у соперника моего теперь денегъ больше! Двѣсти тысячъ!.. О двухстахъ тысячахъ идетъ дѣло, а въ этой пустынѣ ихъ спасаютъ всего двое: я, да самъ исправникъ...

Владиміръ Алексѣичъ поскакалъ на выстрѣлъ, въ перерѣзъ бѣжавшимъ вдали по берегу людямъ. Едва онъ выскочилъ изъ лимана, пробѣгая донскіе гирла и плавни и поднявшись на возвышенную, плоскую прибрежную отлогость, чудныя картины опять, какъ нарочно открылись передъ нимъ. Утро заливало уже море алыми лучами...

Поморская послѣдняя ширь и гладь разстилась, синѣя во всѣ стороны. Кое-гдѣ по зеленымъ буграмъ и песчанымъ косогорамъ мелькали бѣленькіе придонскіе хутора и побережныя слободки. Дикая, суровая и бѣдная растительность, между песчаными долинами и наметами, сверкала въ блесткахъ утренней росы. Солнце выкатывалось слѣва, со стороны кавказскаго небосклона, гоня послѣдніе волнистые туманы и выясняя болѣе и болѣе, пышнѣе и пышнѣе, берега, суда, камыши, плавни и синее хмурое море. Бойкій донской конекъ скакалъ во всю прыть по знакомой, родной равнинѣ. Панчуковскому невольно вспомнилась пѣсня нѣкогда и имъ читаннаго и любимаго Кольцова объ этомъ дикомъ и порубежномъ новороссійскомъ краѣ. Онъ даже озадачился, даже горько улыбнулся, что въ такое для него роковое мгновеніе, когда готово было погибнуть все его земное счастье, все его богатство, ему вспомнились стихи Кольцова, о которыхъ онъ давно забылъ и думать. Сами собою, пока онъ скакалъ въ упоръ къ берегу, повторялись въ умѣ его стихи донского мужичка:

... Ахъ ты, степь моя,
 Степь привольная!
 Широко ты, степь,
 Пораскинулась,
 Къ морю Черному
 Понадвинулась...

— «Тутъ не Черное, а Азовское море; ну, да все равно! И ползаетъ-же такая дичь въ голову въ эту роковую минуту!» думалъ Панчуковскій; прищипывая лошадь и напряженнымъ взоромъ слѣ-

да вдали какую-то непостижимую суматоху. Сновали люди у берега; кто-то махалъ шапкою, звалъ другихъ, голоса уже слышались...

— Что тутъ? гдѣ, гдѣ? закричалъ Владиміръ Алексѣичъ, доскакавши на высойй пригорокъ и съ него окидывая глазами все кипѣвшее еще отъ ночного вѣтра взморье.

— Вона, эвона! отвѣчали неводчики, почесываясь и не узнавая въ подъѣзжавшемъ сѣрокастанникѣ барина, да еще и полковника.

Они указывали на берегъ, гдѣ кто-то садился въ лодку, суетливо понукая гребцовъ, упиравшихся веслами и нехотѣвшихъ вѣхать.

Панчуковскій поскакалъ туда. Это былъ Подкованцевъ.

— Я исправникъ, кричалъ послѣдній обезумѣвшимъ отъ досады и бѣшенства голосомъ: — я исправникъ, подлецы; везите, везите меня! вотъ они...

— Кто, кто? спросилъ Панчуковскій, кружась на разгорячившемся конькѣ: — да отвѣняйте же бога-ради! Кто?

Исправникъ отбилъ лодку, вырвалъ у одного изъ гребцовъ, едва стоявшихъ съ-пьяну на ногахъ, весло и оттолкнулся отъ берега.

— Наши, наши вонъ, на баркасъ вѣдутъ, уже къ пароходу сѣ-нчатъ. Проклятый край! Анаемскій край! Присяжные такъ и не даютъ лодки; да развѣ я бѣглый какой! Исправникъ тутъ пѣшка ничтожная; на сотни верстъ раскинуты притоны мошенниковъ, а тебя никто не слушаетъ. Они спонили за ночь этихъ олуховъ. Тутъ воѣ заодно!

Панчуковскій увидѣлъ на парусномъ дубѣ знакомцевъ: Милороденко, Пѣночкинъ и Левончукъ гребли; а Оксана, укутанная платкомъ, на кормѣ сидѣла. Гребцы на дубу были очевидно не русскіе, изъ грековъ или турокъ. Поднимался опять сильный вѣтеръ. Прибой былъ рѣзкій. Дубъ относило влѣво къ берегу. Исправника теченіежъ потащило вправо. Подкованцевъ оралъ на бѣжавшихъ до берегу другихъ неводчиковъ, звалъ ихъ, божился о чемъ-то, въ грудь себя колотилъ, ругался... Дубъ сталъ заходить за бугоръ на мели.

Владиміръ Алексѣичъ выждалъ, соскочилъ съ лошади, ухватилъ штуцеръ, присѣлъ на колѣно, прицѣлился въ дубъ изъ штуцера и выстрѣлялъ сперва картечью, а потомъ пулей. Дубъ былъ шагахъ въ трехстахъ отъ берега. Картечь засвистѣла по волнамъ... Гребцы на дубу съ насмѣшкой поклонились. Пуля также никого не зацѣпила. На дубу было сперва путники засуетились, но стали опять спокойно осмотрѣть на берегъ.

— Лодокъ, лодокъ! оралъ Подкованцевъ, бывшій самъ когда-то

во флотѣ, какъ извѣстно, и выбивался изъ силъ, гребя однимъ весломъ: «лодокъ! Тутъ участь человѣка гибнетъ, моя служба пропадаетъ!»

Съ берега, изъ гирль справа потянулись востроносныя лодочки. Ихъ кидало, какъ пробки, по волнамъ. На иностранномъ пароходѣ распускали пары.

Дубъ, подхваченный попутнымъ вѣтромъ, распустилъ парусъ и выбравшись изъ за прибрежья, пошелъ было быстро. Плывшихъ на немъ уже трудно стало разглядѣть. Къ Панчуковскому, также почесываясь, подошелъ неводскій приказчикъ и узналъ въ немъ барина.

— Вѣрно тульское-съ простое ружье у васъ? спросилъ онъ снимая шапку: — либо вы промахнулись, ваше высокоблагородіе! Моя лошадка вынесла васъ хорошо...

— Нѣтъ, я кажется кого-то зацѣпилъ. Однимъ кажись меньше на дубу стало. Я что-то не вижу хорошо. Неужто не успѣютъ обогнать ихъ наши береговыя лодки? И отчего тутъ пушекъ нѣтъ?

Приказчикъ наставилъ ладонь къ глазамъ.

— Всѣ, баринъ, всѣ цѣлы на дубу; я ихъ считалъ когда они сѣдлись вонъ за тою носою. Это албанскій пароходикъ, подъ аглицкимъ флагомъ; переселяющихся татаръ-съ всѣ эти дни тутъ неподалеку забиралъ и ногайцевъ изъ дальнихъ ауловъ, а нынче ему идти. Пушекъ же, баринъ, не наставишься вездѣ: ишь наша Русь-то раскинула свои границы!

— Да развѣ туда бѣглыхъ допускаютъ, позволено береговою стражей?

— Всяко бываетъ, баринъ, всяко...

Последнихъ словъ приказчикъ не договорилъ. Дубъ стало опять гнать къ берегу. Ему въ перерѣзъ поплылъ Подкованцевъ. Вдругъ на дубу сверкнулъ огонь, дымокъ за клубился. Что-то зашурчало въ воздухѣ. Панчуковскій ахнулъ: Подкованцевъ навзничъ перекинулся съ своей лодки черезъ бортъ. На берегъ гдѣ стоялъ Панчуковскій, началъ сбѣгаться народъ, подъ вліяніемъ замѣшательства отъ убійства исправника; дубъ ушелъ снова; новый порывъ вѣтра, сидѣвшіе на немъ зашевелились, распустили другой парусъ и ушли къ пароходу; лодки ихъ не догнали. Пароходъ тронулся и пошелъ на всѣхъ парахъ.

— Убить наповалъ, ваше высокоблагородіе, сказалъ другой жандармъ, когда сторожевыя лодки привезли на берегъ бѣднаго Подко-

ванцева и положили его на песокъ: — черепъ вонъ своротило. Видно пуля-то у разбойниковъ аглицкая съ, да и штуцеръ дальнобитный. Шаговъ на подторы тысячи хватилъ и задѣлъ ловко съ; на прицѣлъ такъ по ровъ не возьмешь — я самъ въ ратникахъ въ Севастополѣ былъ... Ахъ ты горе какое! Ахъ-ахъ!

Полковникъ стоялъ, непомня, что вокругъ него дѣлалось. Явились сосѣдніе сотскіе. Произведена по береговой стражѣ тревога. Посланы гонцы въ городъ. Оттуда казенный пароходъ пошелъ на всѣхъ паряхъ, въ погоню за названнымъ транспортнымъ пароходомъ. На высотѣ Керчи, въ проливѣ, его догнали, остановили, осмотрѣли. Работалъ телеграфъ. Но осторожныхъ бѣглецовъ на томъ пароходѣ не оказалось. День стемнѣлъ. Пошелъ дождь. Пользуясь туманомъ, вѣроятно бѣглецовъ гдѣ-нибудь высадили на кубанскій волновавшійся тогда берегъ, либо на другое иностранное судно. На этомъ же албанскомъ пароходѣ сидѣли только грязные, въ лохмотьяхъ ногайцы и часть переселяющихся въ Турцію побережныхъ татаръ.

Такъ донесено было градоначальнику.

— А деньги, мои деньги? вопилъ Панчуковскій, оставшись еще въ городѣ. — Всѣ пожимали плечами. Остальныхъ незначительныхъ осторожныхъ бѣглецовъ переловили за три дня. Тѣ далеко не шли: всѣ поймались по сосѣднимъ кабакамъ.

Тѣло Подкованцева привезли въ городъ. Панчуковскій все рассказывалъ любопытствующимъ какъ было. — «Какою жалкою и позорною смертью умеръ бѣднякъ Подкованцевъ!» толковали горожане и знакомые: «а достойный былъ человекъ! Отъ руки каторжниковъ, бѣглыхъ, жизнь кончилъ! Этого у насъ еще недоставало! А еще отставить хотѣли такого достойнаго человека...»

Имя полковницы Панчуковской, урожденной Перепелицыной, стало между тѣмъ произноситься всюду въ городѣ, сдѣлалось моднымъ именемъ. Къ ней являлся съ визитомъ полицмейстеръ; градоначальникъ пожелалъ съ ней познакомиться. А до той поры, вся осень и зиму она тщетно у всѣхъ искала, хлопоча о раздѣлкѣ или примиреніи съ мужемъ.

— Да она, говорятъ, глупенькая! толковали городскія дамы: — купеческая она дочка, чтоли? Ее Панчуковскій, говорятъ, бросилъ изъ-за какой-то ея измѣны!

— Таковъ онъ, чтобъ жена у него измѣняла! Это онъ ей ежедневно измѣнялъ и теперь измѣняетъ...

— А ея романъ съ этимъ учителемъ?

— Какой вздоръ! Михайловъ уроки ея дочери даетъ... Въдъ это теперь артистъ; слышали вы, какъ онъ играетъ! Въ одинъ годъ чюдеса сдѣлалъ! Онъ ея дочку училъ играть, а матери давалъ уроки пѣнія...

— Такъ, такъ! говорили недовѣрчиво, качая головами, словоохотливыя мѣстные дамы: — значить они дуэты страстные вмѣстѣ распѣвають? Спекуляціи же вашъ артистъ оставилъ?

— Бросилъ совершенно; онъ теперь собираетъ и записываетъ украинскія народныя пѣсни, кладетъ на музыку и хочетъ издать, — и оперу на какую-то малороссійскую повѣсть Гоголя пишетъ. Дарованіе замѣчательное!

Нежданно-негаданно явился въ городъ священникъ отецъ Павладій и привезъ прямо въ домъ градоначальнику найденный кѣмъ-то въ оврагѣ, при снятіи стога, чемоданъ. Въ чемоданѣ были деньги. Панчуковскій опять было открылся, какъ отъ шефа жандармовъ изъ Петербурга явилось секретное предписаніе наложить арестъ на все имущество Панчуковского, а его обязать подпиской не выѣзжать изъ города. Друзья жены полковника ожили. Зато онъ снова окончательно потерялся. Новая-Диканька также ускользала. Ему посоветовали обратиться въ сенатъ. Полковникъ однако поговорилъ съ судьей, одѣлся и полетѣлъ къ своей женѣ съ предложеніемъ мировой. Голова его горѣла. Сердце било тревогу.

— Настасья Васильевна! прости меня! сказалъ онъ, входя къ ней и опускаясь на колѣни. Дочка его выбѣжала съ куклой изъ гостиной; увидѣла незнакомаго ей челоуѣка и остановилась.

— Прости меня, Настенька! Я много передъ тобой виноватъ: я тебя ограбилъ; Господь меня наказалъ — прости для нашего спасенія!

Въ это время изъ гостиной вышелъ прокуроръ.

— Я давно хлопочу за васъ, полковникъ, сказалъ онъ: — это вещь болѣе невозможная: по личному ходатайству вашей жены, брошенной вами болѣе девяти лѣтъ, ей выслали разводную.

Въ городѣ еще продолжали толковать о неясныхъ отношеніяхъ Панчуковского къ его женѣ. Ихъ печальный романъ еще не дѣлалъ многимъ мѣтливымъ головамъ спокойно спать. Какъ всегда водится, образовалось два круга: одинъ стоялъ за мужа, другой за жену. Одни говорили: «мужъ извергъ!» а другіе: «хороша и жена! она вотъ что, вотъ что и вотъ что дѣлала.» Толки разумѣется вскорѣ прекратили и весьма грязный, какъ водится, отънюкъ. Говорили попреж-

нѣму, что у госпожи Панчуковской не только здѣсь, но и въ Моршанскѣ были тайные и явные любовники; что съ здѣсь весь городъ съ этой стороны узналъ, что даже извозчики стали о ней легко относиться. Именно; будто кто-то подкутилъ и крикнулъ какъ-то: «Извозчикъ къ полковницѣ! знаешь?» — «Какъ не знать полковницы, извольте!» — Такъ будтобы нагло и свободно отвѣтилъ городскому пьянчужкѣ-офицеру извозчикъ. Сторона мужнина приводила другіе примѣры. «Коли такъ, то отчего бы не пошлать и самому Панчуковскому! Вонъ онъ услышалъ о поведеніи жены; можетъ-быть и помириться съ ней былъ бы непрочъ, — а молва о ней пошла, онъ навля ей и вспомнилъ опять старину — съ цыганками сталъ водиться, неприличный пикникъ за городъ съ чиновниками затѣялъ...» — «А? Обрабѣть жену!» — «Чтоже тутъ состояніе? Найденыжъ въ стогѣ денегъ ему не воротили. Наложили секвестръ и на его хутора. Да развѣ это что-нибудь значить? Онъ подалъ апелляцію въ сенатъ, а самъ переѣхалъ въ Новую-Диканьку! Чтоже изъ того, что они подвели противъ него такіе подкопы! Чтѣ наконецъ изъ того, что онъ на женины деньги все дѣла повелъ, на нихъ купилъ и хуторъ? Это уже ихъ счеты, ихъ... И намъ между нимъ и женою дѣла никогда не рѣшить!»

Эти толки длились недолго. Городъ вскорѣ былъ пораженъ послѣднею и общею прискорбною вѣстью...

Владимира Алексѣича Панчуковского его дворовые вновь нанятые люди подняли убитымъ на ярманкѣ въ Андросовкѣ. Смертельный ударъ ему былъ нанесенъ неизвѣстно кѣмъ въ переулкѣ; въ концѣ ярмарочнаго дня. Оказалась разбитою голова: кто-то съ непомятною силою ударилъ его сзади обухомъ топора. Началось шумное слѣдствіе! Взяли подъ допросъ всю его дворню, которую было онъ незадолго передъ тѣмъ нанялъ, распустивши прежнюю. Чиновники-дѣльцы не открыли однако ничего, что бы наводило на вѣрную причину убійства Панчуковского полагали однако, что въ противозаконномъ передержанствѣ бездачпортныхъ людей надобно бы было искать главной и ближайшей причины насильственной смерти полковника. «Чтоже вы, господа, вздоръ несете?» перебивали ихъ чиновники изъ молодого поколѣнія: «да его бѣглые нанятые слуги ему служили получше многихъ крѣпостныхъ! они его столько разъ сами стасали!» — «Счастливъ и Подковаицевъ, что погибъ до этого слѣдствія. Мы бы и его запроторили туда, куда Мамаръ телятъ не гонялъ! Онъ бѣглымъ былъ главный опора.»

Господа чиновники однако скоро получили инструкцію не фанатизировать на предметъ мнимой виновности бѣглыхъ изъ двора полковника, не ссылать ихъ и не тѣснить, а судить какъ всѣхъ людей на свѣтѣ, ожидая дальнѣйшаго рѣшенія о припискѣ ихъ къ мѣстамъ оубѣдлости.

Кто-то принесъ въ гостиную градоначальника такое извѣстие :

— Бѣдная Панчуковская! Да дайте ей наконецъ средство вырваться изъ этой тины сплетень и пересудовъ. Скоро ее станутъ осуждать и въ смерти мужа, тогда какъ дѣло оказывается иное...

— А что? а что? есть что-нибудь новое?..

— Какже-съ! Полковника убили, это вы знаете... Пойманъ нѣкто Петрушка Козырь, крѣпостной лакей покойнаго отца Панчуковскаго, жившій при женѣ полковника и бѣжавшій отъ нея по дорогѣ сюда, какъ вы вѣрно слышали. Онъ любилъ барыню, служилъ ей вѣрой и правдой десять лѣтъ, а бѣжалъ, узнавши, что опять суждено ему было попасть къ барину. Вѣрно солону было и у батюшки полковника всей семьѣ Козыря. Братъ Петра этаго, Касьянъ Козырь, бѣжалъ давно сюда еще отъ батюшки полковника. По справкамъ теперь оказалось, какъ бы вы думали, что? Оказалось, что этотъ Касьянъ нѣкогда съ малюткой-дочерью шолъ сюда, былъ на дорогѣ зарѣзанъ, умеръ въ Таганрогѣ въ госпиталѣ; его дочь попала въ воспитанницы священника, на Мертвой — она-те послѣ и была похищена полковникомъ... Петрушка же Козырь на дняхъ былъ пойманъ, бѣжалъ изъ квартиры станового пристава, гдѣ на справкахъ и допросахъ узналъ судьбу своего погибшаго брата Касьяна и его дочери, — да недолго думавши, станулся еще вѣрно заранѣе съ Левенчукомъ, явился на ярманкѣ, нашолъ въ толпѣ покупателей полковника, подстерегъ его и убилъ на-повалъ, изъ-за угла въ переулкѣ... — «Гдѣ же дѣлся убійца?» — «Исчезъ безъ слѣда.»

Въ концѣ юня, послѣ смерти полковника, жену его ввели во владѣнне всѣмъ его имѣнiемъ. Шульцвейнъ предложилъ мадамъ Панчуковской уступить ему земли, постройки и всѣ обзаведенія съ движимостью на Новой-Диканькѣ. — «Вамъ теперь, безъ энергiи покойнаго вашего мужа, не управиться съ этимъ имѣнiемъ! А у меня есть свободный капиталъ, и я поведу дѣло выгодно, уплативши вамъ за все наличными.» — Бѣдная и измученная Настасья Васильевна съ радостью продала Новую-Диканьку, переуступила Шульцвейну и аренду мужа по другой землѣ, гдѣ были овчарни

и знакомая читателю «пустка» — мѣсто первой сцены ея мужа съ Оксамою — расплатилась съ своими моршанскими кредиторами, продала нѣмцу и заграничный фаэтончикъ, съ четвернею новыхъ бойкихъ дончаковъ, возившихъ ея мужа также постоянно вскачь, простилась съ сосѣдями и уѣхала обратно въ Моршанскъ. — «Климатъ на югѣ Россіи невыгоденъ оказался полковницѣ», толковали горожанки: «иначе бы она не уѣхала.» — «Нѣтъ, это не то!» толковали мужчины, заражонные и здѣсь спорами новѣйшихъ публицистовъ: «пора для частной дѣятельности мужскаго пола высшихъ сословій на Руси настала, а для женщинъ еще не пришла. Былъ бы живъ полковникъ, такъ и онъ бы кажется долго не протянулъ своихъ предпріятій. Оборвись еще у него два-три дѣла, вродѣ поѣданія саранчею его степей, и онъ навѣрное черезъ годъ опять бы служилъ въ коронной службѣ. Эти акціонерныя компаніи, эта губернская провинціальная дѣятельность нашихъ передовыхъ людей — только повѣтріе. Увидите, всѣ наши новѣйшія стремленія и такъ-называемый собственный трудъ кончатся однимъ: наши имѣнія, фабрики, лѣса, земли и воды всѣ здѣсь скоро попадутъ въ аренду либо нѣмцамъ, либо жидамъ...» Черезъ мѣсяцъ вслѣдъ за Панчуковскою, уѣхалъ въ Моршанскъ и Михайловъ. Прошолъ слухъ, что онъ еще въ Новороссіи сдѣлалъ ей предложеніе и по смерти ея мужа получилъ отъ нея слово.

Недавно чуднымъ, теплымъ, чисто-украинскимъ денькомъ, по своему обычаю, подарила осень наши степи. Солнце, слегка будто отуманенное, грѣло по-лѣтнему. Паутина летѣла во всѣ стороны. Въ полѣ было пусто травы пожелтели, но листь съ деревьевъ въ одинокихъ байракахъ еще не облетѣлъ. Эти красивые лѣски стояли, горя всѣмъ разнообразіемъ измѣненныхъ, доживающихъ послѣдніе дни листьевъ: свѣтлымъ пурпуромъ дикихъ яблонь и шиповниковъ, яркимъ золотомъ кленовъ и липъ, серебромъ осокоровъ и синеватымъ густымъ багрецомъ терновника, дубковъ и орѣшниковъ. Въ это время поморскія новороссійскія степи по красотѣ себѣ неимѣютъ соперниковъ. Слетаясь съ сѣвера, передъ отлетомъ за море, въ это время дичь здѣсь кишмя-кишитъ. Стаями ходятъ дрохвы, гуси темносѣрыми громадными стадами пасутся по пустырямъ, будто отары овецъ. Журавли кричатъ, производя свои воздушные смотры и раз-

воды подъ облаками, свѣртываясь въ треугольнички, квадраты, круги или развертываясь въ длинныя, подвижныя, необозримыя колонны. Иной разъ по часу и по два они летятъ; начисто застилая небо. Въ это время здѣсь въ степяхъ уже изъ людей почти ничего не увидишь. Чумацкіе обозы, въ ожиданіи близкой распутицы, не тянутся болѣе съ сѣвера въ портовыя конторы, по широкимъ дорогамъ. Хлѣбъ свезенъ. Однѣ скирды сѣна торчатъ еще то здѣсь, то тамъ, служа сѣдалищемъ для молчаливыхъ и важныхъ орловъ и коршунновъ всякаго вида и роста.

Затихъ и одѣлся въ пышныя цвѣта и оттѣнки и байракъ Святодухова-Кута. Роца ракитника отливалась всеми яркими блестящими. Прудъ синѣлъ и просвѣчивался сквозь ея облажонныя опушки. Нѣсколько юркихъ птичекъ шныряли еще въ деревьяхъ, высвистывая свои послѣднія пѣсни.

А въ домикѣ отца Павладія готовилось грустное событіе. У стола, на которомъ всегда кучами лежали газеты и журналы, сидѣлъ насупившись посторонній священникъ, какой-то рыжій, золотушный, тощій и длинный, съ подвязаною щекою, отецъ Смарагда. Онъ сидѣлъ тревожно, косясь на столъ передъ окномъ, гдѣ новый святодуховскій дьячекъ Андрей, чувявшій недоброе, съ грустью устанавливалъ наскоро соленую закуску. Въ спальнѣ же раздавались тихіе одинокіе стоны. Тамъ на лежанкѣ сидѣлъ старый слѣпой дьячекъ Фендриховъ, а на стульяхъ его жена, съ ребенкомъ на колѣняхъ, и какая-то знахарка-старуха, изъ сосѣднихъ казачекъ. Отецъ Павладій, простудившись на отправленіи одной требы, умиралъ отъ горячки. Лекарей въ окрестности разумѣется тамъ не было. Онъ часто забывался и бредилъ; но иногда ясно приходилъ въ себя. Сидѣвшіе старые друзья его уединенной жизни на Мертвой молчали, вздыхая и прислушиваясь къ нему, какъ говорится, души ожидали отлета. Но не сдавался крѣпкій, въ пустынномъ воздухѣ состарѣвшійся священникъ.

— Осиротѣлъ, опустѣетъ окончательно мой домъ! проговорилъ отецъ Павладій, взглянувши кругомъ себя: — но не опустѣютъ здѣшнія окрестности. Не одинъ владѣлецъ, Фендриховъ, другой найдется. Охъ... тяжело мнѣ... тяжело. Вотъ и манифестъ уже весной прочитали. Не забудутъ васъ, господа. Людямъ стало уже лучше. Бѣглыхъ—то несчастныхъ станетъ меньше. Придутъ сюда люди всякіе теперъ уже по волѣ. Фендриховъ! не поминай меня лихомъ! Ктобъ тутъ ни былъ, проси служить службы по мнѣ да по бѣднѣмъ,

по несчастнымъ и по сиротенымъ тутъ переселенцамъ. Охъ... да смотрите... рошу, садъ, дружокъ мой берегите... А про Оксану—то, про Оксану... Охъ, благослови ее Господи Боже, сироту—то эту... Гдѣ она?

Въ ночь на другой день отецъ Павладій умеръ. Фендриховъ рассчитался съ хорошившимъ его священникомъ туго и не безъ прижимокъ. Онъ былъ въ отставкѣ, слѣдовательно самостоятеленъ.

Молодой дьячекъ по смерти строителя Святодухова—Кута тотчасъ подвергся гоненіямъ новаго священника, такъ какъ все дядино имущество передано становымъ ему, кромѣ части пожитковъ, отданныхъ Фендрихову съ коровами, пчелами и овцами отца Павладія. Новый священникъ сталъ оуждать направленіе мыслей своего причетника, ославилъ его передъ епархіальною властью за вольнодумство и за веденіе записокъ въ запрещенномъ образѣ сужденій.

Дьячекъ Андрей временно, скрѣпя сердце, выбился оттуда въ другой приходъ; но судьба ему улыбнулась. Колонистъ Шульцвейнъ, хотя и лютеранинъ, выхлопоталъ ему оправданье. Шульцвейнъ началъ пріобрѣтать вліяніе и на Мертвой. Андрея сдѣлали опять причетникомъ святодуховской церкви. Колонистъ часто, владея теперь Новою—Диканькой, заѣзжалъ къ нему бесѣдовать.

— Молодцы нѣмцы! думалъ дьячекъ, завидя приближеніе его неизмѣннаго фургона; — не зѣваютъ; все прибираютъ къ рукамъ!

— Что толкуютъ ваши прихожане? спрашивалъ колонистъ, протягивая дьячку мозолистую руку и осклабяя тѣже бѣлые здоровые зубы. На немъ была прежняя синяя куртка, а длинныя костлявыя ноги въ тѣхъ же высокихъ сапогахъ, не безъ аромата дегтя.

— Какіе—съ, Богданъ Богданычъ?

— Помѣщичьи! Какъ они, до собесѣдству, смотрятъ на новое свое положеніе, опубликованное вамъ теперь?

— Будемъ, говорятъ, ждать.

— Бѣглые же попадаютъ и теперь? Видите вы ихъ тутъ иногда хоть въ церкви? Вѣдь это было прежде одно средство спастись; это былъ предохранительный плацанъ бывой машины вашей...

— Нѣтъ, рѣже сталъ этотъ народъ; почти что вовсе ихъ нѣтъ. Многіе пошли добровольно на сѣверъ—съ, въ Россію.

Шульцвейнъ засмѣялся и уѣхалъ. Онъ не переставалъ любить Святодухова—Кута и много сталъ помогать къ его дальнѣйшему про-

цвѣтанію. Тогда все поглядываѣтъ на плодъ трудовъ отца Павладія, на подцерковный прудокъ въ рощѣ и думаѣтъ : «Нельзя ли бы и тутъ хоть мойку для шерсти устроить, или пивной заводъ? Мѣсто отличное...»

— Онъ ненадежный, говорили однако многіе знающіе про Шульцвейна : — онъ затѣваетъ уѣхать и продать всѣ земли ; такъ онъ говорилъ.

Къ осени жена ему собственноручно сшила куртку зеленую и купила ему вмѣсто серебряныхъ золотые часы. Но онъ ихъ спря- талъ.

— А чтоже участь Милофоденка, Левенчука и Оксаны ? спрашивали иногда городскія дамы, которыхъ еще занимала исторія этихъ бѣглецовъ съ Панчуковскимъ.

— Говорятъ одни, что они черезъ Кубань и Кавказъ въ Турцію пробрались ; другіе же говорятъ, что они попались гдѣ-то нето въ Анапѣ, нето въ Редуть-Кале ; какой-то татаринъ-выкрестокъ будто выдалъ ихъ...

— Ну, чтоже съ ними сдѣлали ?

— Въ острогѣ вѣрно гниютъ гдѣ-нибудь. Да нѣтъ, не можетъ быть, хоть священникъ и нашолъ деньги Панчуковского, но вѣдь значительная доля въ этой суммѣ была въ золотѣ и серебрѣ, и ея не оказалось — что-то болѣе трехъ тысячъ цѣлковыхъ. На эти деньги, со стороны, соумышленники ихъ имѣ и помогли значить уйти изъ острога, на нихъ же они могли обойти черезъ всѣ наши пограничные пикеты и ушли вѣроятно, если не въ Анатолю, такъ на какомъ-нибудь купеческомъ суднѣ въ Молдавію. А эта сторонка въ такой теперь сумятицѣ, что тамъ укрыться и пристроиться, особенно же еще съ деньгами, очень легко. Да тамъ же немало живеть и нашихъ прежнихъ, уже давно осѣдлыхъ и отлично пристроившихся бѣглыхъ. Плати только исправно подати, да живи смирно. Дѣло твое и улажено...

Въ ноябрѣ стала продавать свое имѣніе, вслѣдствіе окончательнаго неуспѣха дѣла, помѣщица Щелкова. Шульцвейнъ и ея землю купилъ.

— Каковъ, а ? говорили о немъ опять помѣщики и горожане : — скоро два уѣзда будетъ въ его рукахъ ! Вотъ, если перемѣнится вы-

борный ценсъ , будетъ онъ имѣть сильный голосъ между нашими мельчающими дворянчиками... Куда ему уѣзжать! Съ нами останется!

— Чтоже тутъ удивительнаго : нѣмецъ , да еще и не русскій, а иностранный, нѣмецкій нѣмецъ!

А. СКАВРОНСКІЙ

---

* * *

Говорять, толкуютъ, споры да слова...
Право инада ходить кругомъ голова !

Право, такъ устанешь ! Скученъ этотъ путь...
Хочется скорѣе какъ-то отдохнуть,

Хочется кому-то прямо рассказать
Какъ противно этимъ воздухомъ дышать,

Какъ здоровой силы, твердой простоты
Ищешь въ этомъ царствѣ лжи и клеветы...

Много въ мирѣ честныхъ и простыхъ людей —
Ну-ка къ нимъ, мой ангелъ, къ нимъ уйдемъ скорѣй,

Будемъ жизни пошлой ложь позабывать...
Вотъ-то славно станемъ жить да поживать !

Ф. ВЕРГЪ

ЛИТЕРАТУРА И ПРАВЫ АНГЛІИ

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ

СТАТЬЯ ТОНА

II

РОМАНЫ И РОМАНИСТЫ

Въ XVIII вѣкѣ проявляется въ Англіи новое литературное направление, соответствующее страстямъ и наклонностямъ публики: это направление анти-романическое, положительное и нравственное, имѣющее въ виду не экзальтировать или баюкать воображеніе, какъ средневѣковые испанскіе романы, не улучшать разговорную рѣчь, какъ всѣ романы XVIII вѣка и преимущественно французскіе, но изображать дѣйствительную жизнь, описывать характеры, указывать какъ нужно себя вести и судить поступки общества. Это было поразительное явленіе, какъ-будто голосъ народа, скрытаго подъ землею. Въ это время блестящаго разврата, когда шутка Афра Бена забавляла всѣхъ свѣтскихъ женщинъ, странно раздавался этотъ отголосокъ серьезной мысли и на одномъ и томъ же столѣ, нерѣдко встрѣчались легкія произведенія и «Робинзонъ» Даніэля де Фoa.

I

Это былъ диссидентъ, памфлетистъ, журналистъ, романистъ, продавецъ чулокъ, работникъ на кирпичномъ заводѣ и служитель таможни; одѣвъ изъ тѣхъ неутомимыхъ тружениковъ и упорныхъ бойцовъ, которые несмотря на клеветы и заключенія въ тюрьмы,

силой честности и энергіи, привлекають наконецъ на свою сторону общественное мнѣніе. На двадцать-третьемъ году онъ рисковалъ быть повѣшеннымъ или сосланнымъ, за возстаніе въ пользу Монмута. Семь лѣтъ спустя онъ разорился и долженъ былъ скрываться. Въ 1702 г. за памфлетъ, понятый совершенно въ противномъ смыслѣ, присужденъ къ денежной пени, выставленъ къ позорному столбу, гдѣ отрѣзали ему уши, и посаженъ на два года въ Ньюгетъ. Только состраданіе казначея Годольфина недалеко его женѣ и шестерымъ дѣтямъ умереть съ голода. По выходѣ изъ заключенія онъ едва небылъ побитъ камнями, въ Шотландіи. Второй памфлетъ, тоже истолкованный въ худую сторону, стоилъ ему восьмисотъ фунтовъ; его снова заключаютъ въ тюрьму и выпускаютъ только по милости королевы. Его подпись поддѣлывали, сочиненія искажали въ свою пользу, такъ что онъ вынужденъ былъ письменно возставать противъ поддѣлывателей, противъ виговъ, недовольныхъ его усердіемъ, и противъ тори, ненавидѣвшихъ его какъ главнаго сторонника виговъ. Во время этой полемики, его разбилъ параличъ и онъ оправдывался уже съ постели. Смерть однакожъ не приходила, а существовать съ большимъ семействомъ вещь нелегкая. Онъ обратился къ изящной литературѣ и написалъ «Робинзона Крузо», вслѣдъ за нимъ «Moll Flanders», «Captain Singleton», «Duncan Campbell», «Colonel Sack», «the History of the Great Plague in London» и много другого. Несмотря на то что онъ писалъ прозу, стихи, писалъ о вопросахъ политическихъ и религіозныхъ, писалъ сатиры, романы, исторію, поэмы, путешествія, памфлеты, коммерческіе трактаты, статистическія изслѣдованія, издалъ двѣсти десять сочиненій серьезныхъ, смерть застигла его все-таки въ крайней бѣдности, и послѣ него остались долги. Съ какой стороны ни посмотришь на его жизнь, всюду представляется рядъ нечеловѣческихъ усилій и постоянныхъ ударовъ судьбы. Наслажденій въ ней небыло, мысль объ изящномъ ея не касалась. За изящную литературу онъ принялся какъ плебей и пресвитерьянинъ, съ мѣщанскими сюжетами и нравственными цѣлями, чтобъ придать гласности и исправить поведеніе воровъ, свободныхъ женщинъ, ремесленниковъ и матросовъ. Вся награда за трудъ заключалась въ сознаніи, что онъ приноситъ пользу. «Тотъ, кому открылась истина, — говоритъ онъ, — и который боится высказать ее, потомучто о ней много говорили другіе, или глупъ, или просто трусъ. Конечно тяжело сказать: всѣ ошибаются кромѣ меня; но чтоже дѣлать, если на самомъ дѣлѣ всѣ ошибаются? Нечего дѣлать, пужно идти вочто бы то нистало одному прямою дорогою.» Де-Фоа напоминаетъ одного изъ тѣхъ храбрыхъ солдатъ, неизвѣстныхъ, но полезныхъ, которые съ вѣчно-тощимъ желудкомъ, по ко-

лѣно въ грязи, совершаютъ походы, принимаютъ удары враговъ, а иногда и товарищей и умираютъ сержантами, весьма довольные, если перепадетъ имъ какой-нибудь крестикъ.

У него былъ складъ ума необходимый для его трудной службы: серьезный, точный, лишенный всякой тонкости, энтузіазма и пріятности. Его воображеніе есть воображеніе чловѣка дѣловаго, а не артиста, производящее одни образы. Онъ ихъ рассказываетъ такъ какъ они пришли ему въ голову, не заботясь о слогѣ, простой разговорной рѣчью, несоставляя фразъ, словами обыденными и вульгарными оборотами, возвращаясь нѣсколько разъ къ одному и тому же, повторяя два или три раза одну и ту же вещь и даже неподозрѣвая, что онъ могъ бы говорить пріятно и трогать сердце; кажется у него одна задача — излпть на бумагу наплывъ тѣхъ наблюденій, которыя скопились въ его головѣ. Даже въ вымыслѣ у него такія же точныя опредѣленія, какъ въ трудѣ историческомъ. Онъ выставляетъ годъ, день, число, рассказываетъ какое направленіе имѣлъ въ то время вѣтеръ, ведетъ цѣлый подробный отчетъ о торговлѣ, монетахъ, процентахъ, прибыляхъ и убыткѣ, однимъ словомъ даетъ всѣ статистическія и гидрографическія свѣдѣнія объ описываемомъ имъ островѣ, такъ что читателю приходитъ мысль нарисовать подробную карту и сдѣлать наглядными всѣ частности, такъ рельефно описанныя авторомъ. Можно подумать, что онъ самъ работалъ съ Робинзономъ; съ такою точностью описываетъ онъ его работы столлярныя, плотничныя и корабельныя. Еще ни у какого автора не случалось встрѣтить такого чутья дѣйствительной жизни. Наши современные реалисты, живописцы и анатомы далеко отстаютъ отъ него; въ ихъ тщательныхъ описаніяхъ проглядываютъ расчетъ и выдѣлка, тогда какъ тутъ иллюзія полная, обмануть не глаза, а умъ. Рассказъ де Фoa о чумѣ долго считался истиннымъ происшествіемъ, а лордъ Чатамъ принималъ его «Записки путешественника», за полный фактъ. Къ этому онъ и стремился. «Издатель — говорится въ старыхъ изданіяхъ Робинзона — признаетъ написанное въ этой книгѣ за настоящіе факты. Въ ней впрочемъ не проглядываетъ и тѣни вымысла.» Въ этой естественности вся сила его таланта и съ этой точки самыя недостатки обращаются въ его пользу; его недостатокъ искусственности дѣлается искусствомъ въ свою очередь; его невыработки, повторенія, длинноты усиливаютъ иллюзію; каждая мелкая подробность, какъ бы плоска и ничтожна она ни была, отзывается истиной; она не выдумана, потому что вовсе неинтересна. Искусство выбираетъ, прикрашиваетъ; значитъ это собраніе темныхъ, вульгарныхъ случайностей есть дѣло истины.

Прочтите *Правдивую исторію о томъ, какъ мистрисъ Раль черезъ*

день послѣ своей смерти явилась мистрисъ Баргравъ въ Кентребри, 8 сентября 1705, явленіе указывающее на необходимость читать «Книгу утѣшеній», чтобъ избѣгнуть страха смерти. Соч. Дрелинкура. Шестикопѣечныя книжонки, читаемыя по складамъ торговками, не отличаются большей сухостью. Здѣсь такое собраніе подробностей обстоятельныхъ и законныхъ, такое множество свидѣтелей, очныхъ ставокъ, столько иѣщанскаго добродушія и вульгарнаго здраваго смысла, что автора можно принять за отставнаго продавца колваковъ, у котораго нехватило воображенія выдумать хорошую сказку: ни одинъ писатель, дорожащій своей репутаціей, не издастъ бы этой пошлости. Но де-Фоа имѣетъ въ виду не свою репутацію; у него другой замыселъ, котораго мы не угадываемъ, потому что мы престо писатели. Онъ хочетъ способствовать распространенію благочестиваго сочиненія Дрелинкура и утвердить людей въ вѣрѣ рассказъ о возвращеніи душъ съ того свѣта. Это самое большое доказательство, которое можно было въ то время противопоставить невѣрующимъ; самъ серьезный Джонсонъ рассказываетъ, что видѣлъ выходца съ того свѣта; это вѣрованіе было тогда господствующимъ въ среднемъ классѣ. Здѣсь, какъ и въ другихъ трудахъ, де-Фоа, какъ и Свифтъ, человѣкъ дѣла; онъ заботится о послѣдствіяхъ и нишетъ Робинзона, чтобъ предохранить людей отъ невѣрія, какъ Свифтъ описалъ жизнь послѣдняго висѣльщика, чтобъ напугать воровъ. «Эта исторія — говорится въ введеніи, — написана для примѣра другимъ и также для того, чтобъ воздать должную хвалу мудрости провидѣнія.» Въ этой странѣ положительной и религіозной, между этими политиками и пуританами, практическая сторона имѣетъ такой перевѣсъ, что совершенно поработаетъ искусство.

Никогда еще искусство не избиралось орудіемъ болѣе нравственныхъ и чисто англійскихъ цѣлей. «Робинзонъ» есть произведеніе почвы и до сихъ поръ можетъ служить примѣромъ; у него есть та сила воли, та сдержанная энергія, та сосредоточенная страсть, то глухое броженіе мыслей, которыя создавали прежнихъ властителей морей, а теперь встрѣчаются у колонистовъ и squatters. Напрасны всѣ предостереженія разсудка, угрызения совѣсти, увѣщанія родныхъ и друзей, несчастія обоихъ братьевъ Робинзона: «въ его природѣ есть пагубная склонность», въ его головѣ рѣшено, что нужно пуститься въ море. Даже раскаяніе, овладѣвшее имъ послѣ первой бури, не помогаетъ; онъ топить его въ винѣ. Напрасно кораблекрушеніе и близость смерти: онъ только больше ожесточается и стоитъ на своемъ. Напрасно плѣтъ у мавровъ и обладаніе плодотворной плантаціей манятъ его къ покою; его неукротимый инстинктъ пробуждается: «онъ рожденъ для того, чтобы быть свидѣмъ

собственными врагомъ», и снова пускается въ путь. Корабль погибаетъ и онъ очутился одинъ на пустынномъ островѣ; тогда-то открывается исходъ его врожденной энергіи; онъ, какъ познѣе его: потоки въ Австраліи и Америкѣ, долженъ воспроизвести своими средствами все что выдумано цѣлымъ человѣчествомъ. «У меня былъ теперь — говоритъ онъ, сдѣлавъ и нагрузивъ одивалцать плотовъ въ тринадцать дней — такой запасъ разныхъ вещей, который едвали когда составляется для одного человѣка, а между тѣмъ я небылъ доволенъ; мнѣ казалось, что пока судно не пошло ко дну, я *долженъ* выгрузить изъ него все что будетъ мнѣ по силамъ. И еслибы простояло подольше хорошее время, я кажется разобралъ и перенесъ бы къ себѣ и самое судно.» Въ его глазахъ трудъ — самая естественная вещь. Когда онъ оттачиваетъ столбы для своего плетня и употребляетъ на вырубку каждаго изъ нихъ по цѣлому дню, онъ говоритъ только, что «это была довольно скучная работа; но какое мнѣ дѣло разсуждать о скучѣ, если у меня достаточно времени и вѣтъ другого занятія? Мое время и работа неимѣли никакой цѣны, такъ что мнѣ было все равно какъ ни употреблять ихъ.» Трудъ и усталость головы и рукъ уиѣряють въ немъ избытокъ силы и дѣятельности; этой мельницѣ всегда нужно что-нибудь перемалывать: иначе, вертясь попустому, она испортится. Онъ работаетъ каждый день и цѣлый день; онъ въ одно и тоже время плотникъ, лодочникъ, носильщикъ, охотникъ, земледѣлецъ, портной, корзинщикъ, скотникъ, булочникъ, не боится ни труда, ни неудачъ, ни непогоды. Такъ какъ у него былъ только топоръ и стругъ, онъ употребилъ сорокъ два дня, чтобъ выпилить доску. Два мѣсяца пошли на то, чтобы сдѣлать два первыхъ кувшина, а пять на постройку первой лодки; потомъ «съ порядочнымъ трудомъ», онъ уравнилъ землю отъ своего двора къ морю, и небулучи въ силахъ довести своей лодки до моря, онъ рѣшилъ привести море къ лодкѣ, и началъ рыть каналъ; рассчитавъ однакожъ, что этотъ трудъ можетъ продолжиться двѣнадцать лѣтъ, онъ принялся строить другую лодку на другомъ мѣстѣ и рыть другой каналъ, въ полмили длиною, четыре фута глубиною и шесть шириною. На это пошло два года. Я научился никогда не терять терпѣнья; какъ скоро я увидѣлъ, что дѣло пошло на ладъ, я уже не оставлялъ его болѣе.»

Всюду эти сильныя слова непобѣдимаго терпѣнія. Это племя созаво для работы, какъ его скоть для употребленія въ пищу, а лошади для скачекъ. Еще и теперь раздаются звучные удары топора въ Мельбурнѣ и на Соленомъ озерѣ. Причина ихъ успѣха всюду одна и таже: они все дѣлають съ расчетомъ и методически; они обшуживають даже свой избытокъ усердія. Робинзонъ дѣйствуетъ

всюду по ютамъ. Когда онъ выбираетъ мѣсто для палатки, у него въ головѣ четыре условія, съ которыми должна согласоваться мѣстность. Когда на него нападаетъ отчаяніе, онъ подводитъ итогъ страданіямъ и удачамъ, раздѣляетъ ихъ на два столбца, одинъ противъ другого, и заключеніе выходитъ утѣшительное. Его мужество есть послѣдствіе здраваго смысла. «Разсмотрѣвъ и измѣривъ разсудкомъ каждую вещь и составивъ о ней самое рациональное понятіе, человѣкъ можетъ современемъ дойти до совершенства въ каждомъ механическомъ дѣлѣ. Я прежде никогда не бралъ въ руки рабочаго инструмента, а между тѣмъ силою прилежанія и опыта дошолъ до того, что дѣлалъ всѣ нужныя вещи и могъ бы ни въ чемъ не нуждаться, еслибъ были подъ рукой инструмента». Есть глубокое и серьезное наслажденіе въ этой трудности достиженія. Squatter, какъ и Робинзонъ, доволенъ своими вещами не потому, что онѣ ему полезны, но потому что онѣ его произведеніе. Онъ чувствуетъ себя человѣкомъ, находя всюду печать своего труда и своей мысли; онъ доволенъ тѣмъ, «что видитъ все выходящимъ изъ его рукъ въ такомъ порядкѣ и знаетъ, что у него такой большой запасъ вещей». Онъ охотно идетъ домой, потому что онъ тамъ хозяинъ и виновникъ всѣхъ удобствъ, которыя тамъ встрѣчаются. Онъ важно обѣдаетъ дома, «какъ король».

Вотъ наслажденія «человѣка». Къ нимъ присоединяется чувство укрѣпляющее природныя склонности сознаниемъ долга. Религія выражается, какъ и слѣдуетъ быть, душевными волненіями и видѣніями, потому что это душа беспокойная; воображеніе разыгрывается здѣсь отъ малѣйшаго толчка и доходитъ до солнца или до сумашествія. Въ тотъ день какъ Робинзонъ увидѣлъ слѣды дикихъ, онъ былъ «какъ громомъ пораженъ», трусливо бѣжалъ въ свою хижину, «мысли его смѣшались», онъ болѣе не владѣлъ собою; несмотря на укрѣпленія и запоры, онъ безпрестанно считаетъ себя открытымъ, хочетъ распуснуть своихъ козъ, уничтожить заборы, заравнять поле. У него появляются странныя мечты; онъ спрашиваетъ себя, не чорту ли принадлежать эти слѣды, и начинаетъ разсуждать на эту тему. «Я сообразилъ, что у чорта нашлось бы много другихъ способовъ, чтобъ напугать меня, если ему ужъ такъ хотѣлось. Я жилъ на совершенно противоположной сторонѣ острова, и вѣрно онъ бы не былъ такъ простъ, чтобъ оставить слѣды тамъ, гдѣ я могъ бы вовсе ихъ не замѣтить или гдѣ они могли быть замечены первымъ вѣтромъ. Все это не согласовалось съ понятіемъ, которое мы обыкновенно составляемъ о ловкости чорта». Въ этой страстной душѣ, которая «восемь лѣтъ оставалась безъ мысли, вся подавленная работою рукъ и физическими потребностями», вкореняется вѣ-

ропаніе порожденное страхомъ и уединеніемъ. Между этой могучей природой, при стеченіи всѣхъ подобныхъ обстоятельствъ, чѣловѣкъ другой націи скрестилъ бы руки съ мрачнымъ видомъ стояка или, какъ эпикуреецъ, сталъ бы ждать возвращенія безпечности. Но онъ при видѣ налагающихся колосьевъ проливаетъ слезы и думаетъ, что Богъ возрастилъ ихъ нарочно для него. Въ другой разъ, ему было ужасное видѣніе во время лихорадки; онъ раскаивается, беретъ библію и открываетъ ее на словахъ: «призови меня во дни скорби и найдешь спасеніе». Тогда съ губъ его сливается молитва, бесѣда души съ Богомъ, который ее слушаетъ и отвѣчаетъ ей. «Когда я прочиталъ слова: никогда, никогда не покину тебя, — мнѣ пришла мысль, что они сказаны именно мнѣ, потому что зачѣмъ бы встрѣтили ихъ мои глаза именно въ ту минуту, когда я начиналъ отчаиваться?» Съ этихъ поръ открывается для него духовная жизнь. Чтобы проникнуть во всю ея глубину, Робинзону нужна только его библія; въ ней его вѣра, его теологія, его богослуженіе; каждый вечеръ онъ находитъ въ ней какое-нибудь примѣненіе къ своей жизни; онъ больше не одинъ: съ нимъ бесѣдуетъ Богъ и вотъ нашлось примѣненіе его духовной дѣятельности, онъ повелъ ту же борьбу съ своимъ сердцемъ, какую велъ до сихъ поръ съ окружающею природою: онъ вздумалъ побѣдить, взмѣнить, улучшить, примирить также свою душу. Онъ постится, читаетъ три раза въ день писаніе. Посредствомъ внутренней работы, онъ достигаетъ того, что духъ его не только смиряется, но и начинаетъ чувствовать искреннюю благодарность къ Богу. — «Я умиленно и горячо возблагодарилъ его за то, что онъ открылъ мнѣ, какъ я могу исполнять свое одиночество и недостатокъ челоуѣческаго общества его присутствіемъ и вѣрою въ его благость, которая укрѣпляла и утѣшала меня въ этой жизни надеждою на вѣчное общеніе съ нимъ въ будущей». Въ такомъ настроеніи духа можно все перенести и все сдѣлать; сердце и голова помогаютъ рукамъ, религія освящаетъ трудъ, вѣра питаетъ терпѣніе, и челоуѣкъ, опираясь съ одной стороны на свои инстинкты, а съ другой на свои вѣрованія, дѣлается способнымъ осушивать и обрабатывать цѣлые континенты.

Здѣсь де-Фоа случайно описалъ личность; обыкновенно онъ, какъ Сервантесъ, описываетъ одни происшествія; онъ лучше знаетъ жизнь нежели душу, и общій ходъ событій нежели частныя происшествія. Онъ положилъ однако начало этому роду и другіе за нимъ послѣдовали. Рыцарскіе нравы сошли со сцены и съ ними поэтическая живописность. Уничтожились монархическіе нравы и съ ними остроумное и нѣсколько вольное направленіе. Водворились нравы

средняго класса, съ практическими и домашними чтеніями. Литература, подобно обществу, перемѣнила направленіе. Потребовались книги, которыя можно бы было читать у домашнего очага, въ деревнѣ, въ семьѣ; къ этому роду обратились геній и вымыселъ. Сохъ человеческой мысли, покинувъ засыхающія вѣтви, направился къ едва замѣтнымъ почкамъ и сообщилъ имъ жизнь. Плоды, которые произойдутъ отъ нихъ, будутъ носить вмѣстѣ отнотокъ окружающей температуры и родной почвы. Имъ свойственны двѣ черты. Всѣ эти романы будутъ описаніемъ личностей; люди этой страны, оларенные большой проинцательностью, серьезностью взгляда и способностью концентрированной наблюдательности, открыли множество неизбитыхъ сторонъ сторонъ человеческого характера. Всѣ эти романы — плоды наблюденій и проистекають изъ нравственнаго источника; люди этого времени, потерявъ силу вымысла и сойдя въ жизнь дѣйствительную, хотять почерпнуть въ книгахъ существенные уроки, вѣрные факты, спасительныя волненія и указанія дѣятельности.

Повсюду видишь однѣ и тѣже явленія. Романъ проявляется во всѣхъ формахъ и всегда отличается однимъ и тѣмъ же направленіемъ. Въ это время явились Tatter, Spectator, Guardian и всѣ пріятныя и серьезныя произведенія, которыя, подобно роману, приносятъ подъ домашній кровъ разныя извѣстія, совѣты, описанія нравовъ, характеровъ и всѣ клонятся къ исправленію человѣка. Аддисонъ, какъ любитель нравственныхъ странностей, добродушно слѣдитъ за своимъ Роджеромъ де Коверлей и съ улыбкою проводитъ его по всѣмъ труднымъ путямъ, въ которыхъ могутъ выказаться его деревенскіе предразсудки и врожденное великодушіе, между тѣмъ какъ Свифтъ унижая человѣка до степени хищнаго животнаго, заставляетъ общество признать себя въ гнусномъ изображеніи Ягу. Несмотря на различіе въ пріемахъ, оба идутъ къ одной цѣли. Ихъ воображеніе все направлено на изученіе характеровъ и на начертаніе плана людскихъ дѣйствій. Имъ нѣтъ дѣла до философіи, ихъ старанія направлены на искореніе порока. Они только моралисты и психологи. Оба они погрузились въ созерцаніе добродѣтели и порока, одинъ съ яснымъ добродушіемъ, другой съ яримъ негодованіемъ. Они и тѣже факты служили основаніемъ граціознымъ портретамъ Аддисона и поносительнымъ эпонемъ Свифта. Послѣдователи ихъ шли по той же дорогѣ, и несмотря на разность таланта и темперамента авторовъ, всѣ произведенія ихъ имѣють одно начало и клонять къ одинаковой цѣли.

Двѣ главныхъ идеи направляли нравственность въ Англіи: это были совѣсть и врожденный инстинктъ. Они то прибѣгали къ

Благотѣи, то предавались свободѣ. Оба эти шибія поочередно цѣрствовали въ Англіи и самое физическое сложеніе людей этой страны давало имъ направленіе. Одни, испуганные избыткомъ жизненной силы и правнуданностью страстей, смотрѣли на свою физическую природу какъ на чума и прибѣгали къ религіи, законамъ, всенитанію, примчліамъ, чтобы поставить ихъ преградами. Другіе, соскучивши постояннымъ принужденіемъ и строгой дисциплиной, опрокидывали всѣ преграды и давали полную и неограниченную свободу своей натурѣ. Тѣ и другіе слишкомъ выходили изъ мѣры и тѣмъ способствовали торжеству своихъ противниковъ. Отъ Шекспира до Нуританъ отъ Мильтона до Вешерлея, отъ Конгрева до де Фоя; отъ Шеридана до Борка, отъ Вильберфорса до лорда Байрона распущенность вызвала строгость, тиранія возмущеніе; эта же борьба природы и закона выражается въ сочиненіяхъ Фильдинга и Ричардсона.

II

«Намела или награжденная добродѣтель, письма одной молодой и прекрасной дѣвушки къ своимъ родственникамъ, изданныя для внушенія правилъ религіи и добродѣтели молодымъ людямъ обоего пола, сочиненіе, имѣющее основаніемъ истины и занимающее умъ разнообразными и трогательными происшествіями, невозбуждая воображенія и нераспаяя сердца, вмѣсто того чтобы служить ему назиданіемъ». Заглавіе достаточно ясно. Проповѣдники радовались, видя себѣ помощь съ той стороны, откуда могла прийти опасность и докторъ Шерлокъ съ кафедры рекомендовалъ эту книгу слушателямъ. Авторъ ея былъ типографщикъ, сынъ столяра, пятидесяти лѣтъ, употреблявшій на сочиненія свои небольшіе досуги. Человѣкъ трудолюбивый, достигшій нѣкотораго достатка и образованія, скромный, деликатный, нервный и больной, любящій общество женщинъ и ведущій съ ними переписку; жилъ онъ уединенно и смирно, и единственнымъ его недостаткомъ было небольшое тщеславіе. У него были строгія правила, что способствовало его нравственнымъ наблюденіямъ. Совѣсть есть самый лучшій свѣтильникъ; каждый моралистъ есть психологъ; христіанская казуистика составляетъ нѣкоторымъ образомъ естественную исторію человѣческаго духа. Тотъ, кто по внушенію безпокойной совѣсти, начинаетъ анализировать свои дѣйствія, кто видитъ добродѣтели и пороки въ самомъ зародышѣ, кто сѣбитъ за невольнымъ вторженіемъ худыхъ помысловъ и тайнымъ вкорененіемъ добрыхъ намѣреній, кто мо-

жетъ различить силу и моментъ борьбы и искушенія, тотъ держать въ рукѣ всѣ струны человѣческаго сердца и ему стоять только правильно ударять по нимъ, для того чтобъ онѣ издавали правильные акорды. Въ этомъ заключается искусство Ричардсона; онъ въ одно время наблюдаетъ и соображаетъ; въ немъ есть идеи моралиста. Никто въ его вѣкъ не равнялся съ нимъ по глубокости, ясности и сжатости соображеній, въ силу которыхъ всѣ безчисленныя нити человѣческихъ дѣйствій и отношеній выходятъ наружу и соединяются въ одно, для воспроизведенія типа или назидательнаго примѣра.

Его первый романъ — цвѣтокъ, одинъ изъ тѣхъ цвѣтковъ, которые могутъ распуститься только въ дѣвственномъ воображеніи, при свѣтѣ первой фантазіи, прелесть и свѣжесть которой превосходятъ все что могъ впоследствии создать уже созрѣвшій геній. Памела — пятнадцатилѣтняя дѣвочка, воспитанная старою леди на условіяхъ полубарышни и оставшаяся послѣ ея смерти на жертву преслѣдованіямъ молодого наследника. Это такое же наивное и доброе дитя, какъ Маргарита у Гёте. На двадцати страницахъ вамъ представляется это свѣжее личико, вѣчно краснѣющее, съ ласковыми глазами, всегда готовыми заплакать. Она конфузится отъ каждой ласки, опускаетъ глаза, не знаетъ что дѣлать; это невинное сердце или смущается, или приходитъ въ умиленіе. Нѣтъ ни одной черты смѣлости и нервической сухости французской дѣвушки. Она «какъ овечка», любящая, безъ злобы и гордости, застѣнчивая и скромная. Когда ея господинъ хочетъ поцѣловать ея силой, она удивляется и не вѣритъ, что люди такъ дурны. «Джентльменъ унизился до свободнаго обращенія съ своею служанкой!» но она нехочетъ унизиться до этой степени; въ письмахъ къ роднымъ она оговаривается, что называетъ его просто *онъ*; «но онъ самъ виноватъ въ этомъ: зачѣмъ онъ утратилъ со мною свое достоинство?» Никакое оскорбленіе неспособно вывести ее изъ предѣловъ покорности; онъ такъ крѣпко сжалъ ея руку, что она «посинѣла и почернѣла»; онъ слѣдалъ и еще хуже, повелъ себя настоящимъ негодяемъ, и къ довершенію всего, оклеветалъ ее передъ своими слугами, оскорблялъ и вынуждалъ отъ нея возраженія, но она все молчала, нерѣшаясь оскорбить своего господина. «Вы можете говорить что хотите, сударь, кротко отвѣчаетъ она: — мое дѣло говорить: Богъ да благословить вашу милость!» Она на колѣняхъ благодаритъ его за то, что онъ высылаетъ ее изъ дому. Но несмотря на такую покорность, какая сила отпора! Она одна, все противъ нея; онъ ея господинъ, родъ божества въ ея глазахъ; онъ *justice of the peace*, защищенный отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, съ не-

ограниченной властью феодального князя. Въ его характерѣ вся тогдашняя грубость; онъ обходится съ нею какъ съ невольницей и считаетъ себя еще добрымъ. Онъ держитъ ее нѣсколько мѣсяцевъ взаперти съ одной злой мегерой, своей сообщницей, бьетъ ее, стращаетъ, допекаетъ скукой, прельщаетъ деньгами и обѣщаніями. Но, что ужаснѣе всего, ея собственное сердце говоритъ въ его пользу: она его втайнѣ любитъ; самыя хорошія качества ей служатъ помѣхой; она не позволяетъ себѣ лгать, тогда какъ это было бы нужно; религія удерживаетъ ее отъ самоубійства, тогда какъ оно кажется единственнымъ исходомъ. Всѣ средства къ спасенію уничтожаются, ждешь уже послѣдняго насилія, но эта невинность воспитана въ пуританскихъ убѣжденіяхъ. Она каждую свою слабость принимаетъ за искушеніе.

«Люциферъ всегда готовъ найти слугъ своему дѣлу»; она покинута высокой христіанской идеей, которая уравниваетъ всѣ души передъ послѣднимъ судомъ; она говоритъ, что «душа ея имѣетъ равное значеніе съ душою всякой княгини, хотя положеніе ея ниже положенія всякой невольницы.»

Оскорбляемая, покинутая всѣми, оклеветанная, она утѣшается мыслью о будущей жизни и остается непоколебима. Всѣ пороки она объясняетъ безвѣріемъ. «Эта женщина вѣроатно не имѣетъ вѣры?» говоритъ она о своей мучительницѣ. Вѣра въ Бога, вѣра сердечная, а не фраза церковнаго ученія, привычка представляетъ себѣ во всемъ живую, вѣчную справедливость — вотъ новая кровь, которую реформа внесла въ жилы стараго свѣта и которая одна была свободна оживить и укрѣпить его.

Памела полна этимъ чувствомъ; въ самыя опасныя и въ самыя пріятныя минуты въ ней проявляется оно и соединяется съ другими ощущеніями, укореняясь все глубже и глубже въ ея сердце. Онъ задумалъ на ней жениться и хочетъ получить увѣреніе въ ея любви; она не смѣетъ ничего сказать, боясь дать ему поводъ къ новымъ попыткамъ; она смущена его добротою, однако отвѣчать нужно. У ней вырывается полупризнаніе, въ религіозной формѣ. «О, сэръ, я увѣрена, что съ божьей помощью никакія ласки не заставятъ меня измѣнить своей чести; но я не могу быть неблагодарна, и еслибъ мнѣ было суждено испытать то, чего я до сихъ поръ боялась, съ какимъ сожалѣніемъ унесла-бъ я въ могилу мысль, что не могу ненавидѣть виновника своей гибели и что должна на страшномъ, послѣднемъ послѣднемъ судѣ стать обвинительницей души, которую бы такъ желала спасти!» Онъ былъ тронутъ и побѣжденъ, аристократическія предразсудки не устояли, и съ этого дня, письма счастливой дѣвушки рассказываютъ о приготовленіяхъ къ свадьбѣ.

Посреди этого счастья она все-таки остается покорною и нѣжною; ея сердце переполнено благодарностью.

«Эта бѣдная, глупая дѣвочка будетъ черезъ нѣсколько дней его женою, какъ могла бы быть какая-нибудь герцогиня! О, милый, милый человѣкъ!» Она осмѣливается поцѣловать его руку. «Мое сердце такъ совершенно принадлежитъ вамъ, что я боюсь только, что вамъ покажется докучнымъ избытокъ моей любви.» Это будетъ въ понедѣльникъ, во вторникъ или въ среду; она не смѣетъ назвать дня, краснѣетъ и дрожитъ; есть чудная прелесть въ этой стыдливости, въ этомъ сдержанномъ восторгѣ. вмѣсто свадебнаго подарка она выпрашиваетъ прощенье людямъ, которые ее обижали. «Я обвила его шею руками и мнѣ не было стыдно поцѣловать его разъ, два, три, по разу за каждую прощенную личность.» Тогда они начали говорить о будущемъ: она будетъ всегда сидѣть дома, не будетъ посѣщать общества и играть въ карты. Она будетъ вести домашнїя дѣла, помогать ключницѣ варить варенья, дѣлать консервы и убирать тонкое бѣлье; она будетъ наблюдать за завтраками и обѣдами, въ особенности когда будутъ гости; она мастерски умѣетъ рѣзать жаркое; мужъ вѣроятно будетъ удѣлять ей часъ или два своего времени и будетъ снисходителемъ къ неловкимъ изъясненїямъ ея благодарности.» Въ его отсутствїе она будетъ читать, «чтобы полировать свой умъ и сдѣлать себя достойной его бесѣды» и молиться Богу, чтобы онъ помогъ ей всегда свято исполнять свои обязанности. Ричардсонъ набросалъ здѣсь портретъ англїйской супруги, хозяйки и домохозяйки, трудолюбивой и послушной, любящей и набожной, а Фильдингъ докончилъ его въ своей Амелїи.

Вотъ еще сильнѣйшая борьба. Добродѣтель, какъ и всякая сила, измѣряется при сопротивленїи; чтобы дать ей больше рельефности, пужно подвергнуть ее испытанїямъ. Въ страстяхъ англїйскаго народа найдется много препятствїй для добродѣтели. Добро и зло въ характерѣ этихъ людей происходятъ отъ слишкомъ большой силы воли. Когда имъ недостаетъ нѣжности и разсудительности, врожденная энергїя обращается въ жесткость, упрямство и тиранию, и сердце дѣлается скопищемъ гнусныхъ страстей. Съ такими-то людьми, должна была бороться Клариса Гарлоу.

«Отецъ ея не терпѣлъ ни контроля, ни какихъ убѣжденїй. Онъ ниразу въ жизни не сдѣлалъ уступки въ томъ, что считалъ своимъ правомъ.» Онъ забилъ волю въ своей женѣ и обратилъ ее въ молчаливую рабу и хотѣлъ тоже сдѣлать и съ дочерью, отдавая ее глупому и жестокому человѣку. Онъ глава семейства, господинъ всѣхъ своихъ, деспотъ и эгоистъ, какъ римскїй патрицій. Онъ рѣшилъ выдать дочь замужъ и громить непокорную. Изъ-за раска-

товъ его гнѣва слышатся дикія восклицанія его сына, нѣкотораго подобія кровожадному бульдогу, воспитаннаго въ мысляхъ о будущей неограниченной власти, рѣзкіе крики старшей дочери, рыжей и безобразной, ревнивой и завистливой, выметающей на сестръ невниманіе къ себѣ Ловеласа; глухая брань двухъ дядей, ограниченныхъ старыхъ холостяковъ, грубыхъ и упрямыхъ, по принципу; раздражительныя увѣщанія матери, тетки, старухи-няни, трехъ бѣдныхъ жертвъ, которыя невольно дѣлались орудіями пытки въ рукахъ деспотовъ. «Они составили союзъ въ пользу г. Сольмъ и въ защиту отеческой власти». Теперь, это была настоящая война. «Такъ какъ вы употребили въ дѣло всѣ ваши способности, чтобы поставить на своемъ, мы должны въ свою очередь стоять твердо и общими силами за наше дѣло». Они составили боевую линію, въ которой убѣжденіе каждой личности поддерживаетъ убѣжденія остальныхъ. Тутъ уже не разсуждаютъ, а дѣйствуютъ по заланной идеѣ, которая такъ глубоко вкоренилась въ ихъ головахъ, что уничтожить ее не въ состояніи никакая сила. «Насъ семеро, а вы одинъ; кто долженъ уступить: одно лицо или цѣлое семейство?» Она согласна на всѣ уступки. «Нѣтъ, мы не хотимъ жертвъ». Она отказывается отъ состоянія, они не хотятъ мировой сдѣлки. Она обрекаетъ себя на безбрачную жизнь. «Нѣтъ, мы требовали брака съ Сольмомъ, и намъ его нужно». Они закоснѣли въ своемъ намѣреніи и исполнять его; для нихъ это ужь дѣло чести.

И молодая дѣвушка, безъ опоры, неопытная, должна бороться съ мужчинами, съ стариками, людьми имѣющими вѣсъ, со всей своей семьей. Это ужасно! Они съ ослѣпленіемъ ярости стягиваютъ, общими силами ярмо на шею бѣднаго ребенка, невидя, что доводятъ его до сумашествія или позора. Она умоляетъ ихъ, каждаго по очереди, со всею силою своихъ доводовъ, вырываетъ у нихъ слезы, но ничто не помогаетъ. Тяжелый гнетъ давитъ ее все съ новою силою; нравственныя мученія дѣлаются съ каждымъ днемъ разнообразнѣе. Они ожесточаются ея долгимъ сопротивленіемъ и изливаютъ весь запасъ своей жолчи. Даже видѣть ее не хотятъ болѣе, не позволяютъ ей писать, боятся ея слезъ. Арабелла особенно искусно выбираетъ оскорбленія, со всею злобою безобразной и униженной женщины:

«Какъ! набожная Клариса влюбилась въ кутилу! Родители приуждены держать ее подъ замкомъ, чтобы она не бросилась ему на шею! Расскажи мнѣ, душа моя, какъ ты теперь проводишь время? Сколько часовъ въ сутки идетъ у тебя на работу? сколько на молитву? сколько на любовь? Я думаю, послѣднее занятіе отвлекаетъ тебя отъ всѣхъ прочихъ... Ты уступишь или сломишься; да, душа

мой!» Потомъ она беретъ арфу и начинаетъ романсъ, чтобъ выразить свое равнодушіе къ сестрѣ: «Милая сестрица, сердце мое, кроткая моя Клара! хочешь я провожу твою милость на лѣстницу? Ну, скажи мнѣ словечко, скоро придется вѣдь разговаривать съ г. Сольмъ». Потомъ видя, что Клариса рыдаетъ, она ей утираетъ глаза съ притворною вѣжностью: «Прекрасно! романическій взрывъ, стоишь уязвленнаго сердца!» — «Вотъ два образчика матеріи; вотъ этотъ хорошъ, а тотъ еще лучше. На твоёмъ мѣстѣ я сдѣлала бы изъ одной изъ этихъ матерій свадебное платье. Что скажешь ты о бархатномъ платьѣ? Какъ бы хорошо оно было въ сельской церкви! Такой прелестный цвѣтъ лица еще бы выигралъ отъ малиноваго платья! Ты вздыхаешь, сердце мое? Ну, возьмемъ черный бархатъ. Какъ будешь ты хороша въ черномъ, съ твоими блестящими глазами, какъ апрѣльское солнце сквозь темное облако. Развѣ Ловласъ не говорилъ тебѣ, какъ хороши эти глаза?» Когда ей наконецъ напомнили, что назадъ тому три мѣсяца Ловласъ не казался ей такимъ негодяемъ, она задохнулась отъ злобы, хотѣла бить сестру и закричала теткѣ шипящимъ голосомъ: «Пойдите отсюда! пусть эта гадина околѣетъ отъ злобы!» Всѣ они напоминаютъ стаю собакъ въ погонѣ за ланью, которая тѣмъ болѣе озлобилась, что уранила ее и слышать запахъ ея крови.

Въ послѣднюю минуту, когда она думаетъ наконецъ освободиться, на нее обрушивается новое нападеніе, еще опаснѣе. Въ Ловласѣ есть всѣ пагубныя страсти семейства Гарлоу и ктому же геніальная способность изобрѣтать ихъ. Какой характеръ! сколько въ немъ чисто англійскаго! Какъ онъ различенъ отъ Донъ-Жуана Моцарта или Мольера! Впервыхъ гордость непреклонная, желаніе всѣхъ подчинить, заносчивость и потребность непремѣннаго торжества; потомъ уже чувственность. Онъ щадитъ невинность дѣвушки, потому что считаетъ побѣду слишкомъ легкою и потому что бабушка умоляла его не искушать ея. Его девизъ: униженіе гордыхъ. «Я люблю препятствія!» говоритъ онъ. Двигателемъ всего характера — гордость, гордость ненасытная, безконечная, безумная. Онъ признается, что считаетъ себя цезаремъ и только для удовольствія каприза нисходитъ до частныхъ побѣдъ. «Будь я проклятъ, если соглашусь сдѣлаться мужемъ первой принцесы въ мірѣ, зная или только подозрѣвая, что она колебалась одну минуту между мною и императоромъ!» Онъ веселъ, блестящъ, говорливъ, но это только вѣжливость; онъ въ сущности варваръ; его шутки жестоки, холодны, какъ шутки палача. Посмотрите какъ онъ утѣшаетъ стараго слугу, доставившаго ему свиданіе съ Кларисой: «Не безпокойся, любезный Жозефъ, меня напрасно считаютъ негодяемъ. Я напри-

жѣръ совершенно правъ передъ миссъ Биттертоувъ. Я носилъ по ней трауръ за границей, — почетъ, который я всегда дѣлаю достойнымъ женщинамъ, умрающимъ отъ родовъ по моей милости». Надо сказать, что кутилы этой страны настоящіе живодеры: одинъ джентльменъ, другъ Ловласа, соблазнилъ дѣвушку, напоилъ ее пьяною и свезъ ночью въ публичный домъ, гдѣ и оставилъ ее, незаплативъ денегъ; черезъ двѣ недѣли онъ съ самодовольнымъ видомъ потиралъ руки, услышавъ, что несчастную хозяйка заведенія посадила въ тюрьму, гдѣ она и умерла въ припадкѣ безумія. Французскіе развратники — школьники въ сравненіи съ ними. Ловласъ на примѣръ, болѣе ненавидитъ Кларису нежели любитъ. У него есть списокъ всѣмъ оскорбленіямъ, которыя онъ получилъ отъ нея или отъ ея семейства. Онъ перечитываетъ его, когда начинаетъ чувствовать жалость; каждое сопротивленіе Кларисы его раздражаетъ: «Я научу это милое созданіе соперничать со мною въ выдумкахъ и составлять комплоты противъ своего побѣдителя!» Это борьба, въ которой одинъ побѣдитъ другого. Пощады не будетъ. «Когда у него что-нибудь на душѣ, онъ дѣлается самымъ изобрѣтательнымъ и самымъ прозорливымъ изъ смертныхъ». Онъ проводитъ ночи у дома Кларисы, подкупаетъ прислугу, выдумываетъ исторіи, пишетъ подложныя письма, подсылаетъ людей; никакіе расходы, затрудненія, даже подлости его не останавливаютъ. У него всѣ оружія годны. Онъ подводитъ десять, сорокъ подкоповъ и сводитъ ихъ въ одну мину. Онъ все предвидитъ, все смѣетъ, противъ всего человѣчества, противъ долга, противъ здраваго смысла, вопреки просьбамъ друзей, мольбамъ Кларисы, угрызениямъ собственной совѣсти. Слишкомъ сильная воля дѣлается и у него, какъ у семейства Гарлоу, желѣзными тисками, которые все славливаютъ, а не сгибаютъ, до тѣхъ поръ пока не раздробятся сами объ обломки, ими произведенные.

Какой другой исходъ Кларисѣ, кромѣ такого же упорства? Она тоже во всеоружіи. «Вгляжѣвшись въ себя хорошенько, — говоритъ она, — я замѣтила, что во мнѣ столько же крови отца, сколько и крови матери». Несмотря на все христіанское смиреніе, она горда, она «надѣялась быть примѣромъ для своихъ сверстницъ»; она мужчина по твердости и разсудку. Какая наблюдательность надъ собою! какое точное изслѣдованіе своего поведенія и поведенія другихъ! Нѣтъ ни одного слова, взгляда, движенія Ловласа, котораго-бъ она не замѣтила и не обсудила съ точностью дипломата и моралиста. Стоить прочесть эти долгіе разговоры, гдѣ ни одно слово не сказано безъ расчета; это ежедневная дуэль съ перспективой смерти или пораженія передъ глазами! Она это знаетъ и не

смущается, но постоянно владѣть собою, неувлекаясь, знаетъ что цѣлый свѣтъ за него, а за нее никто, что она съ каждымъ шагомъ идетъ къ погибели, что погибель почти неизбѣжна, но все-таки не уступаетъ. Какая переменѣна со времени Шекспира! Откуда это понятіе о женщинѣ, такое новое и оригинальное? Кто облекъ въ такой героизмъ эти невинныя созданія? Пуританизмъ перешолъ въ гражданскую жизнь. «Она никогда не могла равнодушно смотрѣть на долгъ» и провела всю жизнь въ созерцаніи долга. Она составила себѣ принципы, обсудила ихъ и прилагала ко всѣмъ обстоятельствамъ своей жизни; на каждый пунктъ у ней были правила, доводы и аргументы. Она составила вокругъ себя цѣлое укрѣпленіе изъ непоколебимыхъ правилъ. Дойти до нея можно только опрокинувъ все ея прошедшее и разрушивъ все основаніе ея характера. Въ этомъ вся ея сила и въ тоже время слабость, потому что она сама стояла плѣнницею въ своихъ укрѣпленіяхъ; ея собственныя принципы разставляютъ ей сѣти, а добродѣтель ее губить. Она слишкомъ дорожитъ декорумомъ, не хочетъ объявлять дѣла въ судѣ, чтобы не сдѣлать гласными домашнихъ дразгъ; не можетъ говорить въ присутствіи отца, потому что это нарушеніе дочерней обязанности; не выгоняетъ Сольма какъ собаку, потому что это противно женственности; не хочетъ уѣхать съ миссъ Гоу, чтобы не повредить ея репутаціи; она оставляетъ Ловласа, когда онъ клянется, потому что клятвы противны христіанской религіи. Она педантка и резонерка, политикъ и проповѣдникъ; она скучна, она не женщина. Когда пожаръ въ домѣ, нужно выбѣгать босикомъ, а не дожидаться туфель въ постелѣ. Мнѣ очень жаль, но я прибавлю тихо, очень тихо, такъ чтобы меня не слышала идеальная Клариса, что у ней умъ былъ узкій; ея добродѣтель похожа на ханжество. Она не увлекаетъ, у ней въ рукахъ постоянно кодексъ приличій; она не создаетъ обязанностей, но слѣдуетъ предписанію; у ней нѣтъ сильной рѣшимости, въ ней больше добросовѣстности и твердости, чѣмъ энтузіазма и генія. Вотъ худая сторона морали, доведенной до крайности, къ какой-бы цѣли она ни стремилась. Отъ слишкомъ усиленной сдержанности человѣческія стремленія дѣлаются узки.

Бѣдный Ричардсонъ довелъ добросовѣстность до крайнихъ предѣловъ въ Карлѣ Грандиссонѣ «образцѣ христіанскаго джентльмена». Не знаю, многихъ ли обратилъ этотъ примѣръ. Нѣтъ ничего несноснѣе назидательнаго героя; онъ правленъ какъ автоматъ; цѣлая жизнь его проходитъ въ поклонахъ и взвѣшиваніи своихъ обязанностей. Онъ боится грѣха навѣстить въ воскресенье больного и успокоиваетъ свою совѣсть увѣреніями, что это дѣлается для блага ближняго. Повѣрите-ли вы, что этотъ господинъ влюбленъ?

да, но по-своему. Напримѣръ онъ пишетъ своей невѣстѣ: «Теперь, любезнѣйшая и милѣйшая изъ женщинъ, позвольте мнѣ имѣть честь ожидать вашихъ строкъ, которыя извѣстятъ меня насколько дней вы сократите этотъ скучный мѣсяцъ. Моя чрезмѣрная благодарность за вашу снисходительность будетъ безмѣрна, какой бы ни былъ благословенный день, назначенный вами для моего счастья и который навсегда утвердитъ меня вашимъ Карломъ Грандисономъ. «Что можетъ быть приличнѣе этого? На свадьбѣ было восемь каретъ, каждая четверней; сэръ Карлъ внимателенъ къ старшимъ; за обѣдомъ мужчины, съ салфетками въ рукахъ, прислуживаютъ дамамъ; невѣста постоянно готова упасть въ обморокъ; онъ падаетъ къ ея ногамъ, совершенно какъ принято. «Ради вашихъ добрыхъ родныхъ, дорогая моя, придите въ свое обычное состояніе: иначе я, который буду гордиться полученіемъ вашей руки, при тысячѣ свидѣтелей, принужденъ буду жалѣть, что уступалъ желанію этихъ добрыхъ друзей и сдѣлалъ торжество публичнымъ». Начинаясь поклоны, комплименты, цѣлый рой приличій летаетъ какъ стая влюбленныхъ херувимовъ и осѣняетъ своими благочестивыми крыльями законныя ласки счастливой четы. Слезы текутъ ручьями. Гарріетъ разнѣживается надъ горемъ своей бывшей соперницы, а сэръ Карлъ обнимаетъ ее и самъ утираетъ ея глаза: О человѣколюбіе! прелестная чувствительность! говоритъ онъ: — не удерживайте этого трогательнаго порыва! Роса небесная! и онъ цѣлуетъ платокъ, слезы существа крохотнаго какъ небо и милосерднаго какъ оно! Это ужъ слишкомъ! приходитъ желаніе аккомпанировать ему на свирѣли, Самый терпѣливый читатель чувствуетъ тошноту отъ этихъ приторностей на трехъ тысячахъ страницъ. Къ довершенію всего, сэръ Карлъ, вида что Гарріетъ цѣлуетъ свою соперницу, составляетъ проектъ храма дружбы, который тутъ-же будетъ приведенъ въ исполненіе; вотъ торжество мнѣологическаго рококо! Подконецъ вѣнки летать со всѣхъ сторонъ какъ въ оперѣ, всѣ поютъ гимны Карлу и причитываютъ ему хвалу: «Какъ можетъ онъ не быть прекраснымъ мужемъ, если былъ такимъ добрымъ сыномъ, примѣрнымъ братомъ, вѣрнымъ другомъ, человѣкомъ, ни разу не нарушившимъ своего принципа? Онъ высокъ, благороденъ, деликатенъ, набоженъ, безукоризненъ, онъ не сдѣлаетъ ни одного дурного дѣла, ни одного ложнаго шага; его совѣсть и парикъ въ совершенномъ порядкѣ. Аминь. Надо его вставить въ рамку или запереть въ куцстамеру.

И вы также, почтенный Ричардсонъ, несмотря на талантъ, не умѣли взяться за дѣло. Въмѣсто услуги нравственности, вы нанесли ей вредъ. Знаете, какое впечатлѣніе производятъ назидательныя

афиши, наклеиваемыя вами въ началѣ и концѣ книги? Хорошее настроеніе исчезаетъ, изъ-подъ свѣтскаго костюма начинаешь слышать гнусливый голось проповѣдника и сердиться за обманъ. Вспомните, что на днѣ человѣческаго сердца всегда готово возмущеніе и если его слишкомъ открыто готовятся заковать въ дисциплину, оно вырывается и летитъ на свободу. Вслѣдъ за повѣстью Памела вы печатаете рядъ добродѣтелей, которыхъ она была образцомъ; читатель зѣваетъ, теряетъ впечатлѣніе удовольствія, перестаетъ вѣрить и спрашиваетъ себя, ужь не была ли небесная героиня простымъ манкѣномъ, котораго заводили благочестивыя люди? Вы рассказываете въ концѣ Кларисы, какъ наказываются всѣ злые, безъ исключенія пола и возраста; читатель смѣется, находитъ, что на свѣтѣ бываетъ иначе и рекомендуетъ вамъ напечатать при этомъ оттиски «котловъ, въ которыхъ будутъ кипѣть грѣшныя души въ аду». Мы не такія дѣти, какъ вы думаете; недостаточно заговорить басомъ, чтобы напугать насъ; намъ неужно выписывать нравоченіе прописными буквами: и безъ этого разберемъ. Мы любимъ искусство, а у васъ его нѣтъ; мы хотимъ, чтобы вы намъ нравились, а вы объ этомъ не заботитесь. Вы выписываете каждую букву, каждый разговоръ, вы ничего не оставляете воображенію, въ вашихъ романахъ по восьми томовъ; не урѣзать-ля ихъ; будьте писателемъ, а не архивариусомъ. Не изливайте всѣхъ вашихъ знаній на публику. Искусство отличается отъ природы тѣмъ, что концентрируетъ ея явленія. Двадцать писемъ, по двадцати страницъ каждое, могутъ не выразить характера такъ, какъ выскажется онъ въ одномъ живомъ словѣ.

Васъ добросовѣстность тянетъ къ землѣ; вы боитесь своего генія, вы его обуздываете и не позволяете себѣ въ великія минуты ни страстнаго крика, ни откровеннаго слова. Вы впали въ округленныя и водянистыя фразы, и не хотите показать намъ природу какъ она есть, какъ показываетъ ее Шекспиръ, у котораго она, волеваемая страстями, кричитъ и перескакиваетъ черезъ ваши барьеры. Вы не умѣли полюбить ее и потому она вамъ не показывается.

III

За нее-то ратуетъ Фильдингъ, и судя по его личности и дѣйствіямъ, онъ созданъ именно для этого: это большой, сильный мальчикъ, ростомъ до шести футовъ, полнокровный, съ избыткомъ веселости, честный, великодушный, общительный и сильный, но неосторожный, мотъ, кутяла, видѣвшій все въ жизни, но несохра-

нившей на себя слѣдовъ грязи; «вообще — говорила леди Мери Уортлей Монтегю — счастливѣе всякаго короля и способнѣе забыть свою подагру, заботы и долги, лишь бы была подъ рукою бутылка шампанскаго и пирогъ съ дичью.» Въ немъ преобладаетъ естественность, немного грубая, но богатая. Онъ не сдерживается, идетъ по теченію, неизбирая русла, поставя перемычекъ, бурнымъ, но обильнымъ потокомъ.

Съ самаго начала избытокъ физическихъ силъ повлекъ его къ разврату, въ который онъ впадалъ иногда и послѣ женитьбы, уже въ зрѣломъ возрастѣ. Онъ веселъ и безпеченъ, не страдаетъ даже авторскимъ самолюбіемъ. Однажды Гарриксъ попросилъ его выпустить неловкую сцену, говоря, что иначе его освищутъ. «А, чортъ еѣ возьми, пусть сами зрители ее отыщутъ!» Сцену дѣйствительно освищали; актеръ явился увѣдомить автора, который пилъ и курилъ въ это время. «Ну, что тамъ такое? — Свищутъ ужасно. — А отыскали—таки, чортъ ихъ возьми!» Всякую неудачу онъ принималъ съ хохотомъ. Онъ не гнался за тычкомъ. Получивши наследство, онъ пируетъ, угощаетъ сосѣдей, заводитъ ссору, окружаетъ себя лакеями въ желтыхъ ливреяхъ. Въ три года ничего не осталось кромѣ хорошаго расположенія духа и сильной воли. Онъ оканчиваетъ курсъ законовѣдѣнія, издаетъ два тома in-folio о правахъ короны, дѣлается *правосудіемъ*, уничтожаетъ нѣсколько шакъ воровъ и наживаетъ «на самой нелѣпнѣйшей службѣ самыя грязныя деньги въ мірѣ.» Онъ не утомленъ и не разочарованъ; онъ слишкомъ крѣпкаго сложенія, чтобъ страдать нервами. У него всего волю, силы, здоровья и даже нѣжности. Онъ питаетъ къ своимъ дѣтямъ материнскую нѣжность, а жену обожаетъ и чуть не сходитъ съ ума послѣ ея смерти. Единственнымъ утѣшеніемъ для него было оплакивать ее съ своей служанкой, на которой онъ подковецъ женился, чтобъ дать добрую мать своимъ дѣтямъ: послѣдняя черта этого смѣлаго плебейскаго сердца, скорого на увлеченія, лишоннаго предразсудковъ и соединявшаго въ себѣ всѣ хорошія качества, за исключеніемъ деликатности. Его книги производятъ впечатлѣніе простаго, здороваго вина, которое веселитъ, подкрѣпляетъ и которому недостаетъ только аромата.

Такому человѣку не долженъ былъ нравиться Ричардсонъ. Тотъ кто любитъ природу, далеко гонитъ отъ себя напыщенность, скуку и щепетильность пуританъ. Онъ началъ съ того, что написалъ пародію на Ричардсона. Его первый герой Жозефъ, братъ Памелы и борется съ преслѣдованіями своей госпожи, какъ Памела съ произволомъ своего господина. Испушеніе, трогательное когда дѣло идетъ о дѣвушкѣ, становится комичнымъ. Фильдингъ хохочетъ во

всю силу легкихъ, какъ Рабле или Скарронъ. Онъ подражаетъ торжественному слогу, допуская въ то же время самыя неприличныя вольности. Если у васъ хорошія манеры или вы хорошо одѣты, не подходите къ нему. Онъ поведетъ васъ въ тюрьмы, трактиры, на грязныя дороги, покажетъ вамъ скандальныя происшествія, вольныя картины. У него вкусъ и обоняніе невзыскательны. Мастеръ Жозефъ, выходя отъ леди Бооби, подвергся нападенію, раздѣтъ и оставленъ во рву, за мертвое тѣло; проѣзжаетъ дилижансъ; дамы не соглашаются принять голое тѣло, а мужчины жалѣютъ своего новаго платья... Это только начало, судите что будетъ дальше. Жозефъ и его другъ, добрый пасторъ Адамъ, затѣяли драку и получили много ударовъ палками; имъ бросали въ голову сковороды съ свиной кровью; собаки изодрали ихъ платья; у нихъ угнали лошадь. Жозефъ такъ красивъ, что имъ плѣнилась служанка, такъ что онъ принужденъ былъ силою вынести ее изъ своей комнаты; у нихъ никогда нѣтъ ни копѣйки; ихъ хотятъ посадить въ тюрьму. Впрочемъ они смѣло идутъ впередъ, какъ ихъ собраты, другіе романы, капитанъ Бутъ и Томъ Джонсъ. Эти кулачныя схватки, трактирные скандалы, зовъ разбиваемыхъ рукобойниковъ и ложекъ, бросаемыхъ въ голову, эта смѣсь приключеній и неудачъ составляетъ веселое попури. Всѣ эти добрые люди хорошо дерутся, хорошо ѣдятъ, пьютъ еще лучше. Весело смотрѣтъ на эти крѣпкіе желудки: ростбифъ укладывается въ нихъ какъ въ свое обычное мѣсто. Не говорите, что эти крѣпкія руки слишкомъ часто работаютъ по спинамъ ближняго; кожа ближнихъ крѣпка и скоро заживаетъ. Да, жизнь хороша, и съ Фильдингомъ можно совершать пріятное путешествіе и воротиться съ разбитой головою и полнымъ желудкомъ.

Мы будемъ съ нимъ не все смѣяться: въ дорогѣ вѣдь многое можно увидѣть. Чутье природы великій даръ, и Фильдингъ, идя въ противоположную сторону Ричардсону, открываетъ себѣ такія же обширныя владѣнія. Природой называется зародышъ тайныхъ страстей, иногда пагубныхъ, большею частію вульгарныхъ, всегда слѣпыхъ, которыя кишатъ въ насъ, худо прикрытыя плащомъ приличія и разсудка; мы думаемъ, что управляемъ ими, тогда какъ онѣ нами распоряжаются, а мы только приписываемъ себѣ ихъ дѣйствія. Ихъ такъ много, онѣ такъ перепутаны между собою, что отъ насъ ускользаютъ всѣ ихъ движенія. Вотъ сфера Фильдинга; его искусство и удовольствіе заключаются, какъ у Мольера, въ приподнятій завѣса; его лица пародируютъ очень серьезно; вдругъ читателю открывается щель, въ которой кишатъ безумства, тайныя ненависти, лихойство и интриги, которыя двигаютъ этими лицами. Напримѣръ когда Томъ Джонсъ сломалъ руку, философъ

Сквайръ приходитъ утѣшать его стовческими правилами; но доказывая, что боль чувство ничтожное, онъ прикусываетъ себѣ языкъ и раздражается двумя проклятіями, на чемъ теологъ Туаккумъ, его соперникъ, построиваетъ доказательство, что случай этотъ есть предостереженіе свыше, зачто оба чуть не доходятъ до кулаковъ. Въ другой разъ тюремный священникъ, усовѣстивши преступника, соглашается выпить съ нимъ кружку пунша, потомучто въ писаніи не упомянуто объ этомъ напитокѣ и, утоливши жажду, приступаетъ къ окончанію проповѣди о языческихъ философахъ. Разоблаченные такимъ образомъ истинкты имѣють странный видъ; юли, выступающіе съ наружною важностью, видны намъ насквозь; дамы хорошо сдѣлають, если не пойдутъ въ мастерскую Фильдинга. Этотъ могучій геній любить, какъ Рубенсъ, сельскіе праздники; веселья, красныя и чувственныя фізіонміи танцуютъ у него и не скрываютъ своихъ грубыхъ истинктовъ. Изъ нихъ состоятъ его главные персонажи. Они сдѣланы у него рельефно, свѣжими красками, однимъ взмахомъ. Серьозныя личности остаются у него на второмъ планѣ. Уайстернъ напримѣръ, деревенскій сквайръ, добрый человекъ, но пьянога, вѣчно въ сѣдлѣ, вѣчно ругается и лѣзетъ на драку, вѣчто вродѣ извощика, одичавшаго въ деревнѣ и освярѣпѣвшаго отъ здоровой ѣды, сильныхъ тѣлесныхъ упражненій и пьянства; англійской гордости и предрасудковъ въ немъ тьма. Его страсти ничто не сдерживаетъ: ни свѣтскія условія, такъ какъ онъ вѣчно живетъ въ деревнѣ, ни власть гражданская, потомучто онъ человекъ богатый и самъ имѣющій власть на воспитаніе, такъ какъ онъ едва умѣетъ читать, ни размышленіе, потомучто онъ не въ состояніи связать двухъ мыслей. При первомъ противорѣчии онъ краснѣетъ и хочетъ драться. Его едва можно удержать силою. Онъ бѣжитъ къ Альворти жаловаться на Джонса, который смѣетъ ухаживать за его дочерью. «Счастливъ онъ, что не попался мнѣ въ руки! я бы его измялъ, скривилъ бы ему морду; я научилъ бы этого нищаго протягивать лапу къ барскому блюду! Не будетъ ему ни куска съ моего блюда и копѣйки денегъ. Пусть идетъ за нею въ одной рубашкѣ, пусть лучше мои деньги поплывутъ въ Ганноверъ и соблазняютъ ими нашу націю!» Альворти отвѣчаетъ, что ему очень жаль. — «Къ чорту вашу жалость! Много она мнѣ послужитъ, когда я лишусь единственной дочери, бѣдной Сони, моей единственной радости и надежды на старости лѣтъ; но я рѣшился прогнать ее: пусть проситъ милостыню и околѣетъ съ голоду. Никогда не дамъ ни копѣйки! Этотъ собачій сынъ всегда умѣлъ выманить звѣря изъ норки, чтобы черти его задушили! Это будетъ самая неудачная

дичь, которую удалось подстрѣлить ему въ свою жизнь. Онъ получить только кости да кожу!»

Дочь старается его уговорить, но онъ бѣшенъ. Тогда она заводитъ рѣчь о послушаніи и покорности; онъ прыгаетъ по комнатамъ отъ радости и умиляется до слезъ. Когда же она опять начинаетъ упрашивать, онъ скрежещетъ зубами, стучитъ кулаками, топаетъ ногами. «Ты выдешь за него, чортъ меня побери, достанется онъ тебѣ, хоть бы тебѣ пришлось повѣситься на слѣдующее утро!» Резоновъ онъ представить не можетъ, только велитъ ей быть хорошею дочерью, противорѣчитъ самъ себѣ и мечется какъ слѣпой буйволъ, на одномъ мѣстѣ. При малѣйшемъ шумѣ онъ готовъ къ оборотѣ. Всѣ его мысли внушены животными инстинктами. Никогда еще животное не заслоняло такъ человѣка. Онъ смѣшонъ въ своей дикой наивности; «не знаю какъ это случается, чортъ меня побери, но вы всегда заставляете меня плясать по своей дудкѣ, Альворти. А между тѣмъ у меня такое же помѣстье какъ и у васъ, и я такая же власть.» Въ немъ все переходчиво, онъ человѣкъ минуты. Ни злоба, ни личные интересы не имѣютъ мѣста въ его характерѣ; все исчезаетъ перель минутною страстью; она вторгается въ его мозгъ какъ волна и затопляетъ все остальное. Помирившись съ Томомъ, онъ ждетъ—недождется, чтобъ Томъ женился на его дочери. Ату ее, хорошенько! Когда же свадьба, завтра или послѣзавтра? Я не уступлю ни минуты сверхъ этого времени. Не смотри на ея гримасы Томъ, она хоть сейчасъ рада быть твоей женой: не правда ли, Соня? Держу пари на 5 гиней, что черезъ 9 мѣсяцевъ отъ завтрашняго дня у насъ будетъ мальчикъ! Слушай, Альворти, чего ты хочешь: шампанскаго или бургонскаго? Попируемъ мы въ эту ночь.» Когда онъ дѣлается дѣдушкой, то проводитъ все время въ дѣтской, увѣряя, что болтовня маленькой дѣвочки пріятнѣе для него самой лучшей англійской своры. Вотъ чистая природа и никто кромѣ Фильлинга не изображалъ ее въ болѣе разнузданномъ видѣ.

Онъ смотритъ на все не съ равнодушіемъ Шекспира и Гете; онъ моралистъ по преимуществу, и это одна изъ принадлежностей вѣка, что реформаторскія намѣренія также разрѣшаются у него, какъ и у прочихъ. Въ его вымыслахъ есть практическая цѣль: онъ говоритъ, что серьезный тонъ раздражаетъ, а комическій «располагаетъ людей къ добродушію». У него порокъ является въ сатиру; онъ разсматриваетъ страсти не какъ простыя силы, но какъ предметы, заслуживающіе одобренія или порицанія. На каждомъ шагѣ является нравственное сужденіе; онъ предлагаетъ намъ выборъ, обсуживаетъ, извиняетъ или осуждаетъ. Онъ пишетъ цѣлый ро-

манъ провническимъ слогомъ, чтобы преслѣдовать и уничтожить мошенничество и измѣну. Онъ не только художникъ, но и судья, и эти обѣ роли въ немъ сходятся; психологія поражаетъ мораль; тамъ гдѣ есть понятіе о человѣкѣ, долженъ существовать и идеалъ человѣка, и Фильдингъ, видя въ человѣкѣ инстинктъ, борящійся съ установленными правилами, держитъ сторону этого инстинкта и самую добродѣтель считаетъ инстинктомъ. Великодушіе есть, по его словамъ, врожденная способность; она присуща намъ, помимо всѣхъ писаныхъ правилъ; какъ всѣ прочія жизненные силы, оно у иныхъ бываетъ сильнѣе. Надо довольствоваться имъ какъ оно есть, не искажая его разсужденіями и дисциплиной. Правильные и вымѣренные герои Ричардсона, пропитанные теоріями, напоминаютъ гнусливыхъ проповѣдниковъ. Рѣчи Сквайра и Туаккума и ихъ тирады о добродѣтели философской и добродѣтели христіанской неболеѣ какъ упражненіе въ слогѣ во время десерта. Добродѣтель заключается въ крови и темпераментѣ; ученая болтовня и мрачный аскетизмъ къ ней ничего не прибавятъ. Давайте намъ людей, а не манкевовъ или ученыхъ свигирей. Мои герои рождаются добродѣтельными, какъ щенки рождаются ласковыми, а лошади смѣлыми. Мнѣ нужно сердце живое, полное жара и силы, а не сухого педанта, позволяющаго подь линейку всѣ свои дѣйствія. Горячая натура можетъ увлечь, но эти увлеченія простибельны. Человѣкъ напьется нечаянно, встрѣтитъ женщину по дорогѣ, непрочь будетъ подраться и не откажется отъ дуэли; ему не будетъ обидно, если знатная дама найдетъ его красивымъ и предложитъ свой кошелекъ; онъ будетъ вѣтренъ, испортитъ свою репутацію, какъ Джонсъ, будетъ сквернымъ администраторомъ, какъ Бутъ, по извините ему это волненіе крови, свойственное животнымъ благородной породы. Зато онъ позволитъ избить себя, прежде чѣмъ дастъ въ обиду бѣднаго лѣсничаго. Онъ проститъ своему смертельному врагу, безъ всякой натяжки, по добротѣ душевной и, пошлетъ ему втайнѣ денегъ; онъ будетъ честенъ въ отношеніи своей любовницы и останется вѣренъ ей, несмотря на блестящія предложенія и свою крайнюю бѣдность; онъ не пожалѣетъ ни денегъ, ни крови, ни трудовъ, ни страданій, не будетъ этимъ хвастаться и лукавить; отвага и доброта преобладаютъ въ его сердцѣ, какъ чистая вода въ хорошемъ источникѣ. Онъ будетъ можетъ-быть простоватъ, какъ капитанъ Букъ, даже игрокъ и мотъ, неспособный вести дѣла, и въ состояніи измѣнять своей женѣ, но раскаяніе его будетъ такъ чистосердечно, заблужденія такъ невольны, онъ будетъ такъ непритворно нѣженъ, что она полюбитъ его еще сильнѣе — и онъ того стоитъ. Онъ будетъ ея сдѣлкой во время болѣзни, будетъ предупредителемъ какъ любовникъ,

даже въ присутствіи женщины, которой увлекался. «Еслибы свѣтъ принадлежалъ мнѣ, я положилъ бы его къ ногамъ моей Амеліи. Онъ плачетъ какъ ребенокъ, говоря о ней, и слушаетъ ее какъ ребенокъ. «Я повторяю ея слова, потомучто онѣ остаются у меня въ памяти.» Онъ потихоньку одѣвается, когда нужно отправиться въ полкъ и поетъ, свиститъ дорогой, чтобъ только не думать; онъ уходитъ пока она спитъ, потомучто не можетъ выносить ея слезъ. Въ этомъ воинскомъ тѣлѣ истинно женская душа, которую трогаетъ всякая малость, касающаяся любимой личности, душа застѣнчивая въ нѣжности, неистощимая на жертвы, на довѣріе и ласку. Если въ человѣкѣ есть это, бросьте все остальное; со всѣми своими безчеловѣчностями онъ выше вашихъ приличныхъ героевъ! — На это мы будемъ отвѣчать: Вы правы, защищая природу, но защищайте ее сполна. Въ вашихъ людяхъ недостаетъ тонкой отдѣлки; высокій энтузіазмъ и деликатность такъ же присущи природѣ, какъ и сила, громкій смѣхъ и откровенная доброта. Поэзія столько же истина, какъ и проза, и если существуютъ обжоры и боксеры, то существуютъ также артисты и рыцари. Сервантесъ, которому вы подражаете, и Шекспиръ, котораго вы напоминаете владѣли, этой отдѣлкой; въ своей обильной книгѣ вы не даете ни одного цвѣтка. Кулачные удары и трактирные сцены могутъ наскучить. Хотѣлось бы видѣть болѣе уваженія къ вашимъ героинямъ; дорожныя случайности слишкомъ часто производятъ безпорядокъ въ ихъ туалетѣ, и Фанни, Софи и Мистрисъ Гертфри, хотя и остаются чистыми, но невольно помнишь покушенія на ихъ добродѣтель. Вы такъ огрубѣли, что не чувствуете шероховатости. Вы внушаете Джонсу ложную мысль, что любовница его, мистрисъ Вильямсъ, можетъ-быть его мать и долго оставляете читателя въ этомъ ужасномъ предположеніи. Наконецъ вы натягиваетесь въ описаніи любви, у васъ слишкомъ округленныя фразы; Томъ Джонсъ объясняется словами автора. За недостаткомъ идей, онъ декламируетъ оды. Вамъ знакомо только увлеченіе чувствъ, кипѣніе крови, нѣжныя изліянія, но не нервическая экзальтація и поэтическіе восторги. Человѣкъ, какимъ вы его себѣ представляете, здоровый буйволъ, и такимъ можетъ-быть и слѣдуетъ изобразить героя народа, который самъ себя прозвалъ Джовомъ Булемъ, т. е. Ванькой-быкомъ.

IV

Во всякомъ случаѣ онъ могучъ и отваженъ, и если вы представите себѣ личности изъ приведенныхъ романовъ, онѣ перенесутъ

вась въ полуварварскій міръ, къ племени, энергія котораго вась возмутитъ или напугаетъ. Теперь откройте писателя близко копирующаго нравы; они всѣ, Фильдингъ въ особенности, говорятъ, что не изобразили ни одной черты, которой не видали бы въ натурѣ, но Смоллетъ, какъ писатель посредственный, прямо дѣлаетъ слѣпки, не придавая имъ красоть своего генія; ни веселость Фильдинга, ни ригоризмъ Ричардсона не оживляютъ и не облагораживаютъ картины. У него нравы цѣлкомъ; этотъ подражатель Лесажа упрекаетъ послѣдняго за шутки надъ несчастіями своихъ героевъ; онъ хочетъ возбудить въ читателяхъ негодование къ корыстолюбивому и порочному направленію общества и показываетъ скромную добродѣтель въ борьбѣ съ эгоизмомъ, завистью, злобой и постыднымъ равнодушіемъ человѣчества. Тутъ сыпятся ужъ не одни удары кулакомъ, но и удары ножомъ, шпагою, пистолетомъ.

Въ этомъ свѣтѣ дѣвушка, вышедшая изъ дома, рискуетъ возвратиться женщиной, а мужчина можетъ и вовсе не возвратиться. Женщины царапаютъ мужчинамъ лицо ногтями; воспитанные джентльмены, какъ Переграйнъ, бьютъ людей хлыстомъ.

Обольстивъ жену одного господина, который отказывается вызвать его за это на дуэль, Переграйнъ велитъ своимъ людямъ выкупать его въ каналъ. Онъ подкупаетъ трактирщика поколотить пастора, который довесъ на него, и трактирщикъ вышибаетъ у него челюсть. Можно бы привести много подобныхъ злодѣйствъ. Ругань, побои, цинизмъ разговоровъ, грубость шутокъ наводятъ на мысль о сворѣ бульдоговъ, которые даже играя вырываютъ другъ у друга куски живого мяса. Нельзя безъ ужаса читать приключенія Родрига Рандома или самого Смоллета на военномъ суднѣ. Его хватаютъ, сваливаютъ съ ногъ ударами палокъ и ножа, и связаннаго катятъ на палубу, гдѣ матросы, видя запекшіеся отъ крови волосы, смѣются и говорятъ, что онъ носить теперь красные шнуры на головѣ, вмѣсто того чтобы носить ихъ на спинѣ. Онъ проситъ сосѣдей вынуть платокъ изъ его кармана, чтобы унять кровь; они вынимаютъ и хладнокровно продаютъ за бутылку джину. Капитанъ объявляетъ, чтобы больные шли на палубу и несчастныхъ, слабыхъ и харкающихъ кровью выгоняютъ вкutomъ; нѣкоторые сходятъ съ ума, другіе умираютъ и изъ шестидесяти остается только двѣнадцать. Чтобы дойти до больного въ этомъ грязномъ госпиталѣ, кишашемъ всякими гадами, нужно подлѣзть подъ койки или раздвигать ихъ руками.

Прочтите еще расказъ миссъ Уильямъ, дѣвушки богатой и хорошаго происхожденія, доведенной до ремесла публичной женщины, умирающей съ голода и холода, скитаясь по ночамъ «между жалкими созданіями въ грязныхъ лохмотьяхъ, лежащими въ кучѣ, въ

какомъ-нибудь темномъ мѣстѣ и зовущими пьяныхъ матросовъ, чтобъ получить отъ нихъ вѣсколько денегъ на утоленіе джिनномъ голода и холода. Онѣ доходятъ до совершенно скотскаго состоянія, пока наконецъ не умрутъ въ какомъ-нибудь сорномъ углу.»

Эта дѣвушка будучи заключена въ Брайдвэлъ съ самыми позорными женщинами, подпала подъ власть тирана, требованія котораго превышаютъ ея силы; ее сбьютъ до обморока и приводятъ опять въ чувство ударами кнута; въ это время у нея пропадаютъ даже чулки и башмаки. Умирая съ голода и отчаянія, она рѣшилась повѣситься: ей помѣшала сосѣдка, а на другое утро дали ей тридцать ударовъ розогъ. Горе и боль довели ее до изступленія, такъ-что она зубами вырывала у себя клочки тѣла. Напрасно вы захотите успокоиться на героѣ. Онъ грубъ и чувствененъ, какъ герои Фильдингъ, но безъ ихъ добродушной веселости. Гордость и мстительность—двѣ главные черты его характера. Вино Фильдингъ обратилось въ рукахъ Смолета въ кабачную водку. Его герои — эгоисты и варварски мстятъ за обиды. Родригъ пользуется услугами своего вѣрнаго Страйпа и кончаетъ тѣмъ, что женить его на публичной женщинѣ. Переграицъ разставляетъ самую грязную западную дѣвужкѣ, на которой долженъ жениться и которая сестра его лучшему другу. Его сварливый, сосредоточенный и упрямый характеръ дѣлается противенъ; онъ соединяетъ въ себѣ наклонности тирана, живущаго насчетъ другихъ людей, и мужика, невмѣющаго малѣйшаго такта. Съ нимъ жить невозможно, онъ васъ измучитъ. Его избѣгаютъ какъ опасное животное; приливъ животной страсти и напряженной воли такъ силенъ, что не достигнувъ цѣли, онъ неистовствуетъ, хватается за оружіе; ему нужно пустить кровь, онъ сходитъ съ ума. Даже его неликодушіе испорчено гордостью; самая веселость заслонена грубостью. У него варварскія забавы, что впрочемъ во вкусѣ Смолета. Онъ утрируетъ свои карикатуры; онъ думаетъ развеселить читателя, показывая ему обрубленныя уши и разорванные рты; онъ преувеличиваетъ національный предразсудокъ, сводитъ всевозможныя странности: лейтенанта, полуизжареннаго индѣйцами, морскихъ волковъ, проводящихъ всю жизнь въ ругательствахъ на своемъ грубомъ нарѣчій, старыхъ дѣвъ, безобразныхъ какъ обезьяны, сухихъ какъ скелеты, кислыхъ какъ уксусъ, мономановъ погруженныхъ въ неадантизмъ, впохондрію, мизантропію и молчаніе. Въ сто того чтобы очертить ихъ нѣсколькими штрихами, какъ Жильблязъ, онъ налегаетъ на нихъ, приводитъ всѣ подробности, незамѣчая какъ онѣ гнусны и какое производятъ отвращеніе. Его читатели стоятъ въ уровень съ его грубой энергіей, и чтобъ разшевелить такіе нервы, необходимы такіе приемы.

Одна и та же способность для цивилизации этого варварства и умирения этой силы свойственна авторамъ и публикѣ: это — серьезное изученіе характера. Ихъ глаза устремлены на внутреннюю сторону человѣка. Они вычисляють съ точностью особенности личности и даютъ имъ такой отпечатокъ, что персонажи ихъ дѣлаются тишами, которыхъ не забываютъ. Они психологи. «Every man in his humour», это заглавіе комедіи стараго Бена Джонсона показываетъ, какъ давно господствуетъ это лаціональное направленіе. Смолетъ пишетъ цѣлѣнный романъ на основаніи этой данной, — «Humphrey Clinker». Дѣйствія нѣтъ; книга есть собраніе писемъ во время путешествія въ Англію и Шотландію. Каждый изъ путешественниковъ судитъ о вещахъ сообразно своему складу ума. Старый джентльменъ щедрый и ворчливый, постоянно считающій себя больнымъ, старая дѣва ищущая мужа, горничная наивная и тщеславная, храбро коверкающая правописаніе, цѣлая вить оригиналовъ, выставляющихъ на видъ свои странности, — вотъ дѣйствующія лица; удовольствіе читателя будетъ заключаться въ воспроизведеніи ихъ характеровъ по слогу, въ предугадываніи ихъ глупости, въ разсматриваніи пружинки, приводящей въ движеніе ихъ мысли и дѣйствія. Доведите до крайности это изученіе человѣческихъ особенностей — и передъ вами явится талантъ Стерна. Представьте себѣ человѣка, который ѣдетъ путешествовать въ очкахъ съ сильно увеличивающими стеклами. Каждая пылинка, каждое пятно на скатерти, каждая складка платья его заинтересуетъ; путешествіе его будетъ медленно подвигаться; онъ дѣлаетъ не болѣе шести шаговъ и не выйдетъ изъ комнаты. Оттого-то Стернъ рассказываетъ въ четырехъ томахъ рожденіе своего героя. Онъ видитъ всѣ мелочи, описываетъ самыя неуловимыя. Если человѣкъ непрямо пробираетъ проборъ, то это, по мнѣнію Стерна, зависитъ отъ особенности его характера, которую онъ наслѣдовалъ отъ отца, дѣда и т. д.; это зависитъ отъ устройства его мозга, которое произошло отъ разныхъ случайностей при рожденіи, а случайности эти зависятъ отъ привычекъ его родителей, отъ настроенія минуты, отъ разговора за полчаса назадъ, отъ размолвки съ послѣднимъ пасторомъ, отъ раны на большомъ пальцѣ, отъ двадцати узловъ на завязкахъ мѣшка и ужъ незнаю отчего еще. Шестъ частей «Tristram Shandy» рассказываютъ малѣйшую изъ этихъ подробностей: чиханіе, дурно выбритая борода ведетъ за собою цѣлый мотокъ перепутанныхъ причинъ, которыя сверху, снизу, справа и слѣва, удлиняясь и пуская невидимыя вѣтви, проникають въ самую глубь характера, въ самыя отдаленныя происшествія. вмѣсто того чтобъ извлечь главный корень, какъ дѣлають другіе романисты, Стернъ начинаетъ старательно разматывать весь мо-

токъ. Какъ бы далеко ни скрывались тончайшія нити, онъ ихъ найдеть и выведетъ на свѣтъ божій; тамъ, гдѣ намъ представлялся одинъ стебелекъ, мы видимъ беззачетную корешковъ, которыми живутъ и питается растеніе.

Вотъ странный талантъ, составленный изъ провидательности и ослабленія и похожій на тѣ болѣзни сѣтчатой оболочки въ глазу, во время которыхъ пораженный нервъ теряетъ способность видѣть то, что замѣтно для самаго обыкновеннаго глаза и замѣчаетъ то, что недоступно для самаго лучшаго зрѣнія.

Стернь большой юмористъ и эксцентрикъ, человекъ набожный и повѣса, скрипачъ и философъ, который дѣлаетъ все наоборотъ, чѣмъ другіе. Его книга — складъ рухляди, гдѣ вы найдете рѣдкости всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ, перемѣшанные между собою: тексты отлученія отъ церкви, медицинскія консультаціи, выписки изъ неизвѣстныхъ или выдуманныхъ авторовъ, отрывки схоластической учености, амфилады пелѣныхъ исторій, диссертациі, разсужденія, воззванія къ читателю. Онъ повинуется перу и пишетъ безъ плана и послѣдовательности; даже случайно встрѣтивши порядокъ, нарушаетъ его; толчкомъ поги онъ опрокидываетъ на свою начатую исторію нѣсколько сосѣднихъ фоліантовъ и перешагиваетъ черезъ нихъ. Ему весело сбивать съ толку остановками и отступленіями. Важность ему не нравится, онъ считаетъ ее лицемѣріемъ; ему больше по душѣ шалость и онъ рисуетъ себя въ Юрихъ. Въ правильномъ умѣ, мысли идутъ послѣдовательно, усиливаясь постепенно; въ этой же странной головѣ онѣ скачутъ какъ маски на масляницѣ, дергая другъ друга за ноги, за голову, за полы платья, въ самомъ ужаснѣйшемъ и неожиданномъ беспорядкѣ. У него всѣ короткія фразы — прыжки; читая ихъ задыхаешься. Тонъ мѣняется каждыя двѣ минуты: то вдругъ слышится смѣхъ, то задумчивость, то скандалъ, то удивленіе, то нѣжность, то опять смѣхъ. Какой-то злой волшебникъ перепутываетъ всѣ нити ощущеній и дергаетъ ихъ какъ попало, налегая преимущественно на одну или двѣ. Какъ всѣ первыя люди, Стернь способенъ разнѣжиться; это впрочемъ не доказываетъ его доброты: онъ большой эгоистъ въ жизни; но ему нужно поплакать въ извѣстные дни и онъ заставляетъ плакать читателя. Онъ разнѣживается надъ птичкой въ клѣткѣ, надъ осломъ, привыкшимъ къ боямъ, который смотритъ на него съ покорностью, какбы говоря, чтобъ онъ не билъ его слишкомъ больно, а что впрочемъ онъ въ его власти. Онъ употребитъ двѣ страницы на это описаніе и самъ Пріамъ у ногъ Ахилла не могъ бы быть трогательнѣе его.

Такимъ-то образомъ онъ находитъ въ молчаніи, въ бранномъ

словъ, въ самомъ мелочномъ дѣйствіи примѣръ геройства или тонкости чувства, прекрасные цвѣты, невидимые для другихъ и растущіе въ самой дорожной пыли. Однажды старый инвалидъ Тоби поймалъ съ большимъ трудомъ муху, которая долго надоѣдала ему своими жужжаньемъ; онъ встаетъ, проходитъ по комнатѣ съ больною ногою, отворяетъ окно и выпускаетъ обидчицу: «Ступай, бѣднѣйка, за что тебѣ мучить? Съѣтъ такъ великъ, что намъ съ тобою доставитъ обонь шѣста.» Это ужъ слишкомъ тонкая чувствительность, ее и описать нельзя; нужно бы перевести цѣлую исторію, хоть наприимѣръ Лесювра, чтобъ выразить всю ея всенщю; эта всенщя улетучивается при первомъ прикосновеніи и похожа на слабѣйшій запахъ цвѣтовъ, на минуту внесенныхъ въ комнату больного. Въ скромной красота усиливается контрастомъ шутокъ, окружающихъ ее какъ зѣбрь отъ крапивы. Стервъ, какъ всѣ люди съ разстроеннымъ организмомъ, очень причудливъ. Онъ любитъ вольныя сцены не изъ чувства художника, не изъ чувственности, какъ Фильдингъ, не изъ жажды наслажденій, какъ Дора и другіе по ту сторону Ламанша. Онъ идетъ въ грязныя мѣста, потомучто они запрещены и туда никто не ходитъ. Онъ ищетъ въ нихъ оригинальности и скандала. Въ запрещенномъ плодѣ ему пріятенъ не самый плодъ, а запрещеніе, потомучто онъ выбираетъ всегда самый негодный и червивый. Неудивительно, если эпикуреецъ съ удовольствіемъ останавливается на грѣшкахъ хорошенькой женщины, но странно, что романиста привлекаютъ самыя тривиальныя сцены; это объясняется порчей воображенія, находящаго прелесть въ отталкивающихъ предметахъ, какъ люди съ испорченнымъ вкусомъ предпочитаютъ гнилой сыръ. Чубъ читать Стерна, нужно дожидаться дня сплина или дурной погоды, когда разстройство нервъ не допускаетъ серьезныхъ мыслей. Его персонажи такъ же безразсудны, какъ и онъ самъ. Онъ въ человѣкѣ видитъ только его конекъ, страсть къ укрѣпленіямъ въ инвалидѣ, наклонность къ ораторскому искусству въ г-жѣ Шенди. Этотъ конекъ проявляется у людей, по его словамъ сначала, какъ маленькій прыщикъ, который едва замѣтенъ, но растетъ, растетъ и закрываетъ все лицо. Никто не можетъ сравниться съ Стерномъ въ изображеніи человѣческаго уродства; онъ указываетъ на корень, слѣдитъ за его отпрысками, показываетъ всѣ микроскопическія жилочки, степень ихъ увеличенія и перешну цвѣта. Психологическая наблюдательность достигаетъ здѣсь высшей степени. Нужно немало искусства, чтобъ исказить природу, и англійскій романъ къ описанію правильныхъ формъ прибавляетъ здѣсь формы искаженныя и тѣмъ пополняется.

V

Приближается время, когда очищенные нравы оясняют и романъ въ свою очередь и дадутъ ему окончательный характеръ. Изъ двухъ стремленій къ животному инстинкту и нравственной рефлексіи одно взлето вверхъ; литература, сдѣлавшись серьезной, изгоняется изъ области вымысла грубость Смоллета и непристойность Стерна, и романъ нравственный, не дойдя еще до рукъ уже слишкомъ суровой миссъ Барней, попадаетъ въ честныя руки Гольдсмита. Его «Векфильдскій священникъ» — идиллія въ прозѣ, нѣсколько испорченная слишкомъ гладкими фразами, но народная, какъ фламандская картина. Посмотрите у Тербурга или Мьериса на женщину на рынкѣ, на бурмистра пьющаго пиво: лица вульгарны, наивность комична, горшокъ щей на первомъ планѣ, а между тѣмъ атъ добрые люди спокойны и такъ довольны своимъ маленькимъ счастьемъ, что имъ завидуешь. Впечатлѣніе отъ книги Гольдсмита почти такое же. Всѣ приключенія священника долгое время состоятъ въ переходѣ «отъ голубой постели къ коричневой». У него есть четвероюродные братья, которые ходятъ къ нему обѣдать и берутъ займы сапоги. Жена его, получившая все современное воспитаніе, прекрасная кухарка, почти умѣетъ читать, въ совершенствѣ prepares консервы и рассказываетъ за обѣдомъ достоинства и происхожденіе каждого кушанья. Дочери ея стремятся къ изяществу и готовятъ въ печи духи и притиранья. Ея сынъ Моисей даетъ маху на армякѣ и промѣняваетъ жеребенка на коллекцію зеленыхъ очковъ. Самъ пасторъ сочиняетъ трактаты противъ вторичнаго брака духовныхъ лицъ, которыхъ никто не покупаетъ, сочиняетъ заранѣе эпитафію своей женѣ, которая гласитъ, что онъ до конца жизни пребылъ вдовцомъ и наклеиваетъ ее, какъ примѣръ краснорѣчія, надъ своимъ каминномъ. Семейная жизнь продолжаетъ свое теченіе; мать и дочери нѣсколько держатъ въ рукахъ главу семейства, который мститъ за это нѣсколькими эниграммами, устраивается на своей новой фермѣ съ двумя лошадьми, изъ которыхъ у одной бѣльмо на глазу, а другая безхвостая. «Ничто не могло сравниться съ чистотою моего дворика; заборы и плетни были невыразимо хороши... Нашъ домъ стоялъ у подножія холма, съ прекрасной долиной сзади и рѣкою насупротивъ. Съ одной стороны лугъ, а съ другой поле... Въ немъ былъ только одинъ этажъ и крытъ онъ былъ соломой, что выходило очень красиво. Внутреннія стѣны были выбѣлены известкой... Хотя одна и таже комната замѣняла намъ кухню и гости-

ную, но отъ этого въ ней было только теплѣе. Она содержалась въ такой чистотѣ, что блестящая мѣдная посуда, разставленная по полкамъ, пріятно дѣйствовала на глазъ и дѣлала лишними другія украшенія». Они доживаютъ такъ до старости, выходятъ подъ навѣсъ пять смородиновую настойку; дочери поютъ или сыновья читаютъ; а родители смотрятъ на 'дугъ, пестрѣющій синими колокольчиками: «Еще бутылочку, милая Дебора! а ты, Моисей, спой хорошую пѣсенку. Какъ мы должны благодарить Бога, даровавшаго намъ здоровье, спокойствіе и довольство! Я чувствую себя счастливѣе самаго могущественнаго монарха. У него нѣтъ такого уютнаго уголка и такихъ веселыхъ лицъ кругомъ...»

Вотъ нравственное счастье. Несчастье здѣсь въ такомъ же родѣ. Бѣдный священникъ лишился состоянія и переведенный въ маленькій приходъ, сдѣлался фермеромъ. Сосѣдній сквайръ соблазнилъ и увезъ его старшую дочь; у нихъ пожаръ, онъ обжигаетъ руку до плеча, спасая двоихъ маленькихъ дѣтей. Его сажаютъ въ тюрьму за долги, съ негодами, которые бранятся и богохульствуютъ. На соломя, въ спертый атмосферѣ, больно, видя ясно, что скоро семейство останется безъ хлѣба и что дочь его умираетъ, онъ все-таки не упалъ духомъ; онъ остался священникомъ и главою семейства, даетъ наставленія домашнимъ, подкрѣпляетъ, утѣшаетъ, наставляетъ заключенныхъ, переноситъ ихъ грубыя насмѣшки, исправляетъ ихъ, вводитъ въ тюрьмѣ правильный трудъ и добровольную дисциплину. Его сила не въ стойкости темперамента; у него душа нѣжная, человѣколюбивая, доступная кротости. Его закаливаетъ не гордость или ненависть. «Теперь я не имѣю злобы на него, хотя онъ отнял у меня все что у меня было самаго дорогого и разбилъ мое сердце... Я боленъ, боленъ до изнеможенія... У меня не было намѣренія мстить... Если онъ желаетъ моей покорности, пусть знаетъ, что я раскаиваюсь въ нанесенной ему обидѣ, если я когда-нибудь его обидѣлъ... Такъ какъ онъ былъ моимъ духовнымъ сыномъ, то я надѣюсь представить его душу очищенною передъ престолъ господень». Негодай не обезоруженъ такою кротостью, и въ довершеніе всего, похищаетъ его вторую дочь и сажаетъ въ тюрьму его сына, по ложному обвиненію въ убійствѣ. Въ эту минуту всѣ нѣдры отеческаго сердца потрясены, всѣ утѣшенія погибли, всѣ надежды рушились. Вся его душа — огромная рана, онъ страдаетъ, но, возвращаясь къ своему долгу, начинаетъ готовить себя и своего сына къ переходу въ другую жизнь, и чтобъ быть полезнымъ повозможности большому числу людей, начинаетъ поучать преступниковъ. «Онъ старается приподняться съ соломы, но силы ему измѣняются и онъ можетъ только опереться о стѣну, поддерживаемый сыномъ

и женою». Въ этомъ состояніи онъ говоритъ проповѣдь, которая еще сильнѣе поражаетъ, какъ контрастъ его состоянію. Это разсужденіе въ англійскомъ духѣ, полное доказательствъ, что несчастнымъ гораздо легче покинуть жизнь и что они сильнѣе стремятся къ достиженію будущихъ благъ и успокоенія. Здѣсь видѣнъ источникъ добродѣтели, зародившейся въ христіанскихъ правилахъ и добротѣ душевной, долго питаемой внутренними размышленіями. Здѣсь разсудокъ все пересиливаетъ, ничего впрочемъ неподавляя: рѣдкое и краснорѣчивое зрѣлище это гармоническое собраніе лучшихъ нравственныхъ чертъ всего вѣка въ одной личности, которая заставляетъ любить благочестивую, правильную и трудолюбивую домашнюю жизнь. Это лучшій и симпатичнѣйшій примѣръ англійской протестантской добродѣтели. Религіозный, ласковый и резонеръ, священникъ миритъ въ своемъ характерѣ повидимому противоположныя наклонности и возвышаетъ самыя обыкновенныя положенія своею внушающей уваженіе личностью.

VI

Въ центрѣ этой группы стоятъ странная личность, родъ литературнаго диктатора этого времени; Ричардсонъ другъ Гольдсмита и работающій для его журнала; Гольдсмита удивляется ему, наивно сожалѣя, что не можетъ стать выше; миссъ Бэрней подражаетъ его слогу и уважаетъ его какъ отца. Историкъ Гиббонъ, художникъ Рейнольдсъ, актеръ Гарриксъ, ораторъ Борксъ, индіанистъ Джонсъ являются въ его клубъ держать диспуты. Лордъ Честерфильдъ, потерявши его расположеніе, предлагаетъ ему выходотать неограниченную свободу слова, чтобъ опять попасть въ число его друзей. Босвелъ ходитъ по его слѣдамъ записываетъ его слова и наполняетъ ими цѣлые *in-quarto*. Критика его считается неизмѣннымъ приговоромъ; слушать его добиваются какъ особенной чести; онъ законодатель слога. Перенесемъ въ воображеніи этого князя ума во Францію, въ салоны элегантнои философіи и энциклопедическихъ нравовъ; контрастъ будетъ разительнѣе и ярче выставитъ направленіе англійскаго духа.

Вы видите челоуѣка огромнаго роста, съ бычачьимъ сложеніемъ, угрюмаго вида, подмигивающаго однимъ глазомъ, съ лицомъ изрытымъ золотухою, въ коричневомъ платьѣ и грязномъ бѣльѣ, меланхолика отъ природы и съ привитыми странностями. При цѣломъ обществѣ онъ вдругъ пробормочетъ латинскій стихъ или молитву. Въ другой разъ, киваетъ головою, наклоняется взадъ и впередъ и

двигаетъ одной ногой. Одинъ его товарищъ рассказывалъ, что чудаку пришла мысль войти въ комнату непременно правой ногою, а такъ какъ это неудалось, онъ воротился и началъ съ начала. За столомъ онъ вдругъ наклоняется и снимаетъ башмакъ у дамы. На кушанье онъ бросается какъ акула, неотводя глазъ отъ тарелки, неговоря и неслушая что говорится вокругъ него, и ѣсть съ такою жадностью, что потъ выступаетъ на лбу и жилы на вискахъ напруживаются. Если дичь съ запахомъ или масло въ широгѣ горько, аппетитъ его еще усиливается. Когда голодъ наконецъ утолялся, онъ начиналъ громко спорить, употреблялъ тривіальныя выраженія, бралъ верхъ вочто бы вистало, навязывалъ свой авторитетъ и грубилъ противникамъ. «Я замѣчаю, сударь, что вы дранной вигъ. — Сударыня, не говорите лучше объ этомъ; на глупость придется отвѣчать глупостью. — Я хотѣлъ быть невѣжливымъ съ вами, потому что мнѣ показалось, что вы невѣжа». Все это говорилось съ крикомъ, то съ сжатыми губами, то съ присвистомъ, то съ прищелкиваньемъ языка. Къ концу рѣчи онъ отдувался какъ китъ, желудокъ его колыхался и онъ выпивалъ дюжину чашекъ чаю.

Тогда спрашивали шопотомъ у Гаррика или Босвела о привычкахъ этого страннаго людоеда. Онъ жилъ циникомъ и эксцентрикомъ, провелъ всю молодость въ книжныхъ лавкахъ, за чтеніемъ преимущественно латинскихъ in-folio, даже самыхъ неизвѣстныхъ, напримѣръ Макробія; онъ попалъ на латинское изданіе Петрарки, отыскивая яблоковъ и думалъ обязать публику, рекомендуя ей изданіе Политіана. Двадцати пяти лѣтъ онъ женился по любви на пятидесятилѣтней женщинѣ, маленькой, толстой, красной, одѣвавшейся пестро, налѣпившей на щеки полтора пальца румянъ и у которой были дѣти его лѣтъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, многіе принимали его за идіота, по гримасамъ, другіе, видя его сложеніе, совѣтовали ему сдѣлаться носильщикомъ. Тридцать лѣтъ онъ работалъ у книгопродавцевъ, которыхъ билъ, если они были съ нимъ грубы, ходилъ всегда въ изодраномъ платьѣ, обѣдалъ черезъ два дня, былъ доволенъ, когда могъ купить на шесть пенсовъ говядины и на одинъ пенни хлѣба, написалъ въ недѣлю цѣлый романъ, чтобъ выручить деньги на похороны матери.

Получивши пенсію отъ короля и избавившись отъ журнальной работы, онъ по цѣлымъ днямъ пролеживалъ въ постелѣ и принималъ къ себѣ неранѣе полуночи. Къ нему надо идти по темной лѣстницѣ печальнаго дома, на сѣверной сторонѣ Fleet-Street'a шумнаго квартала Лондона, на узкомъ и темномъ дворѣ; выходя, слышишь ворчанье четырехъ женщинъ и стараго шарлатана-доктора, которыхъ онъ прію-

тилъ у себя и которые страшно сердятъ и надоблаютъ ему; спрашиваете хозяина, негръ отворяетъ дверь и вы находите общество у кровати; у него въ это время бываютъ извѣстные лица и даже дамы. Такъ онъ ораторствуетъ до обѣда, идетъ въ трактиръ, гдѣ просиживаетъ до вечера, потомъ выходитъ на улицу, ловитъ знакомаго и отчитываетъ его до четырехъ часовъ утра.

Спрашивается, что въ немъ прельщаетъ? смѣлость его либерализма? Друзья говорятъ, что нѣтъ болѣе упornaго партизана существующаго порядка. Его прозвали геркулесомъ торизма. Съ самаго дѣтства онъ смотрѣлъ на виговъ какъ на враговъ общества. Онъ оскорбляетъ ихъ даже въ своемъ словарѣ. По его мнѣнію, Іаковъ II и Карлъ II лучшіе изъ королей. Онъ защищаетъ произвольный налогъ на американскія колоніи. Онъ объявляетъ «что духъ виговъ есть отреченіе отъ всякаго принципа, что королевская власть слишкомъ ограничена, что родъ человѣческой можетъ быть счастливъ, только при неравенствѣ сословныхъ правъ и совершенномъ подчиненіи.» Французъ, сочувствующій «*Contrat social*», сразу увидитъ, что онъ не дома; что же скажетъ онъ, услышавъ сужденіе доктора о томъ, что, «Руссо самый скверный человѣкъ въ мірѣ, негодяй, котораго подѣломъ выгнали изъ общества. Странѣ должно быть стыдно оказывать ему покровительство. Я бы охотнѣе подписалъ указъ о его ссылкѣ, чѣмъ о ссылкѣ преступниковъ. Да, я хотѣлъ бы видѣть его работающимъ на плантаціяхъ. Видно въ этой странѣ не любятъ философскихъ нововведеній; посмотримъ что-то скажутъ о Вольтерѣ: трудно рѣшить, кто изъ нихъ двухъ хуже: Руссо или Вольтеръ?» Это ясно. Но развѣ нельзя искать истины? Нѣтъ, «ни одинъ честный человѣкъ не долженъ быть деистомъ, потому что онъ не можетъ имъ быть, вникнувши въ христіанскія доказательства.» Вотъ твердый христіанинъ, притомъ страстный англичанинъ, защитникъ существующаго порядка, заклятой врагъ диссидентовъ. Онъ кланяется архіерею съ особенными приемами. Если при немъ заговорятъ о методисткѣ, онъ отвѣтитъ, что проповѣдывающая женщина—собачка, ходящая на заднихъ лапкахъ, что это любопытно, но некрасиво. Онъ смѣло признаетъ себя консерваторомъ. Онъ ходилъ въ полночь въ церковь св. Іоанна вызывать привидѣніе. Въ его журналѣ много пламенныхъ молитвъ, назидательныхъ правилъ и примѣровъ. У него глубокія убѣжденія въ соединеніи съ нелѣпыми предрасудками и строгой нравственностью. Онъ христіанинъ тѣломъ и душою, на словахъ и на дѣлѣ. Мысль о Богѣ и о страшномъ судѣ его постоянно преслѣдуетъ. «Гаррикъ! сказалъ онъ однажды: — я не пойду больше за кулисы, потому что шелковые чулки и открытыя плечи вашихъ актрисъ возбуждаютъ мои чув-

ства.» Онъ постоянно раскаивается въ своей лѣни и мучится угрызѣніемъ совѣсти.

Все это очень странно и мы спрашиваемъ, что нравится людямъ въ этомъ грубомъ медвѣдѣ. Говорятъ, что въ Лондонѣ менѣе требовательны насчетъ манеръ и вѣжливости, что тамъ энергія можетъ проявляться грубо, а добродѣтель странно, что тамъ допускаются задорные разговоры, что общественное мнѣніе все на сторонѣ христіанизма и конституціи и очень хорошо сдѣлало, выбравъ главою человѣка, котораго слогу и принципы подходятъ къ общему взгляду. Разсматривая его книги, мы замѣчаемъ, что каково бы нибыло сочиненіе, трагедія, словарь или біографія, тонъ всюду одинаковъ. «Докторъ, говоритъ Гольдсмитъ: — еслибы вы писали басню о маленькихъ рыбакахъ, то онѣ говорили бы у васъ китовымъ голосомъ.» Въ самомъ дѣлѣ, у него все торжественные періоды, гдѣ каждое существительное выступаетъ церемоніальнымъ маршемъ, со свитой сзади, гдѣ пышные слова гудятъ какъ органъ, гдѣ каждое предложеніе уравнивается другимъ одинаковой длины, гдѣ мысль развивается съ правильностью оффиціальной процессіи. Классическая проза достигаетъ у него совершенства, какъ классическая поэзія у Попе. Нельзя сильнѣе принести природу въ жертву искусству. Никто не заключалъ идеи въ болѣе тѣсные предѣлы; никто не давалъ такой рельефности разсужденію и доказательству; никто сильнѣе не навязывалъ расказу или разговору формы аргумента или тирады; никто такъ не сжималъ свободу рѣчи и жизни антитезами и изрѣченіями автора. Это конецъ концовъ, торжество и тиранія ораторскаго слога. Мы понимаемъ, что вѣкъ ораторскаго искусства признаетъ его главою и что ему приписываютъ въ краснорѣчій первенство, присужденное Попе въ поэзіи.

Какія же идеи сдѣлали его популярнымъ? Здѣсь удивленіе Француза возрастаетъ. Онъ напрасно перелистываетъ его словарь, восемь томовъ опытовъ, шесть томовъ біографій, множество брошюръ и религіозно сохраненныхъ бесѣдъ; его одолеваетъ зѣвота. Эти истинны слишкомъ извѣстны, принципы знаешь навзустъ. Онъ говоритъ, что жизнь коротка и нужно пользоваться ея немногими днями, что мать не должна воспитывать сына недорослемъ, что человѣкъ долженъ раскаиваться въ дурныхъ поступкахъ, но избѣгать суевѣрія, что нужно быть всегда дѣятельнымъ, но несуетиться. За эти совѣты мы очень благодарны, но могли бы обойтись и безъ нихъ. Кто эти любители скуки, раскупившіе разомъ тринадцать тысячъ экземпляровъ его сочиненій? Впрочемъ въ Англіи любятъ проповѣди, а его «опыты» — проповѣди. Люди серьезные не нуждаются въ пикантныхъ идеяхъ и предположеніяхъ, имъ нужны осязательныя

и полезные истины. Они требуютъ дѣйствительныхъ документовъ о человѣкѣ и жизни, и ничего болѣе. Пусть идея будетъ вульгарна: вѣдь хлѣбъ и говядина также вульгарны, а между тѣмъ полезны. Имъ нужно точныхъ опредѣлений степеней счастья и несчастія, послѣдствій различія положеній и характеровъ, выгодъ и вреда городской и деревенской жизни, знанія и невѣжества, богатства и недостаточности, потому что они утилитарные моралисты, потому что они ищутъ въ книгахъ свѣдѣній, предупреждающихъ ошибки и утверждающихъ въ честности, потому что они воспитываютъ въ себѣ практической смыслъ. Немного вымысла, нѣсколько портретовъ достаточны для украшенія сочиненія; эта существенная пища не требуетъ много приправъ; необходимо, чтобъ она была здорова и питательна. Въ этомъ отношеніи «опыты» составляютъ національную пищу. Англійскій вкусъ удовлетворяется именно тѣми качествами, которыя французамъ кажутся тяжелыми и нелѣпыми; теперь дѣлается понятно, почему они любятъ и уважаютъ достойнѣйшаго и веснѣнѣйшаго Самуэля Джонсона.

VII

Я хотѣлъ бы собрать всѣ эти черты и видѣть цѣльныя личности. Краски и формы оканчиваютъ идею. Чтобъ знать, надо видѣть. Пойдемте въ музей эстамповъ: Гогартъ, національный живописецъ, другъ Фильдинга, современникъ Джонсона, вѣрный списыватель нравовъ, покажетъ намъ съ вѣншей стороны то, что они показывали съ внутренней.

Мы входимъ въ эту большую библіотеку искусства. Благородное дѣло живопись! Оно облагораживаетъ даже порокъ. На всѣхъ чetyрехъ стѣнахъ, подъ прозрачными стеклами, поднимаются торсы, выясняются мускулы, теплая кровь течетъ подъ кожей, лица такъ и хотятъ говорить; подумаешь, что все безобразное, вульгарное и ненавистное исчезло со свѣта. О характерахъ больше не судишь, нравственные причины остаются въ сторонѣ. Не чувствуешь желанія ни хвалить, ни ненавидѣть. Здѣсь человѣкъ — пятно краски, собраніе мускуловъ; я не знаю убійца ли онъ.

Жизнь, счастливое развитіе естественной и тѣлесной силы, вотъ что ласкаетъ глазъ со всѣхъ сторонъ. Члены начинаютъ невольно двигаться, въ подражаніе этимъ движущимся формамъ. Передъ этими львами Рубенса, могучій голосъ которыхъ оглашаетъ отверстие рва, передъ этими колосальными группами, передъ этими головами, которыя чуть не шевелятся, наша животная сторона вздра-

гиваетъ отъ симпатіи, .. кажется, что вѣзъ машей груди готовъ вырваться крикъ, додобный ихъ рычанію.

Тщетно искаженіе искусства; даже у французовъ, у составителей эниграмъ, у напудренныхъ аббатовъ XVIII вѣка, оно остается само собою. Красота исчезла, но грація осталась. Эти пѣтушковскія фізіономіи, эти пчелиныя талии, эти маленькія ручки, погруженныя въ цѣлыя волны кружевъ, эти лѣнивыя прогулки между цвѣтниками и фонтанами, эти любовныя мечтанія въ комнатѣ увѣшанной гирляндами, весь этотъ извѣженный свѣтъ имѣетъ свою прелесть. Художникъ и въ немъ, какъ вездѣ, высасываетъ лучшій сокъ.

Но чего хочетъ Гогартъ? Видали ли вы такого живописца? Художникъ ли онъ? Другіе поражаютъ желаніе вглядываться въ ихъ произведенія, а онъ возбуждаетъ охоту невидать ихъ.

Что можетъ быть пріятнѣе изображенія ночной пирушки, съ добрыми, беззаботными лицами, съ богатымъ освѣщеніемъ, играющимъ на помятыхъ нарядахъ и склоненныхъ тѣлахъ. Но у него, какія фигуры! Злость, глупость, глубокое выраженіе грубыхъ страстей такъ и отпечатываются на фізіономіяхъ. Одинъ раскочивается отъ тошноты, съ губами искривленными икотой; другой реветъ, какъ негодная собака; третій, плѣшивый, съ шрамомъ на головѣ, падаетъ ничкомъ, съ улыбкой больного идіота. Безконечно тянется эта нить ужасныхъ или животныхъ фізіономій; всѣ черты искажены или судорожны, абы разбиты или въ поту, рты искривленные ужаснымъ смѣхомъ; у этого носъ провалился; у сосѣда его лицо покрыто кровавыми наростами, онъ куритъ съ скучнымъ и злобнымъ выраженіемъ; другой, хромой и красный старикъ, съ подбродкомъ свѣсившимся на груди, смотритъ на васъ неподвижнымъ взгладомъ морского рака.

Гогартъ показываетъ въ человѣкѣ животное, хуже того, животное бѣшеное или кровожадное. Посмотрите на этого убійцу, стоящаго надъ тѣломъ своей любовницы: глаза его выкатились, ротъ искривился, онъ скрежещетъ зубами, при видѣ крови, которая можетъ его выдать; или на этого несчастнаго игрока, сорвавшаго парикъ и галстукъ и ревущаго на колѣнахъ, съ кулаками поднятыми къ небу. Посмотрите на эту больницю умалишенныхъ, на этого грязнаго идіота, съ зеленымъ лицомъ, съ грязными ногтями, который воображаетъ себя скрипачемъ и падѣтъ на голову нотную бумагу; на этого суевѣра, катающагося на соломѣ и избѣгающаго когтей дьявола, готоваго въ него вцѣпиться; на этого голаго безумца, котораго заковыываютъ въ цѣпи и который ногтями вырываетъ у себя куски тѣла. Скверные Ягу, считающія себя

людьми, въ какомъ больномъ воображеніи вы зародились и зачѣмъ художникъ осквернялъ свой взоръ вашимъ изображеніемъ ?

Этотъ художникъ былъ англичанинъ, а чувства у англичанина варварскія. Оставимъ въ сторонѣ предубѣжденія и взглянемъ съ точки зрѣнія этихъ людей не на наружную, а на внутреннюю сторону. Все стремленіе мысли направлено здѣсь на созерцаніе души, туда же стремится и живопись. Забудемъ же контуры : они здѣсь служатъ только воплощеніемъ духа. Эти искривленные носы, эти прыщи на пьяномъ лицѣ, этотъ отупленный жестъ, эти взматые черты, эти обезображенные формы служатъ къ ясному воспроизведенію нравственной природы, наклонностей, привычекъ. Это не головы и члены, а развратъ, пьянство, грубость, ненависть, отчаяніе, всѣ болѣзни и уродства, происходящія отъ слишкомъ сильной воли, это выставка всѣхъ страстей. У него онѣ не распушены, этотъ догматикъ такъ же владѣетъ жезломъ морали, какъ всѣ его сограждане. Это полсменъ, взявшійся исправить этихъ пьяныхъ боксеровъ. Церемоніи между своими излишни. Онъ запираетъ каждый порокъ въ клѣтку, надписываетъ имя и прибавляетъ названіе кары, назначенной въ писаніи ; онъ выводитъ наружу всю гнусность, всю грязь, такъ что нѣтъ ни одной закоренѣлой совѣсти, которая бы себя не узнала и не пришла въ ужасъ.

Вотъ назидательная сцена противъ джина : на лѣстницѣ, выходящей на улицу, лежитъ пьяная женщина, полунагая, грудь у ней открыта, ноги всѣ въ ранахъ ; она бессмысленно улыбается, а ребенокъ, вынавший изъ ея рукъ, разбилъ о мостовую черепъ. Надъ нею блѣдный скелетъ, съ закрытыми глазами и стаканомъ въ рукѣ, готовъ скатиться по лѣстницѣ. Оргія въ полномъ разгарѣ ; оборванные привидѣнія сталкиваются другъ съ другомъ. Въ каморкѣ вѣдѣвъ повѣшенный. Могильщики кладутъ въ гробъ голую женщину. Нищій, рядомъ съ своей собакой, гложетъ пустую кость. Возлѣ него маленькія дѣвченки чокаются стаканами, а молодая женщина вливаетъ джину въ ротъ грудному ребенку. Помѣшанный поднялъ на вертелъ одного изъ ея дѣтей и кружится съ нимъ ; мать это видитъ.

Еще картина и еще урокъ противъ жестокости. Одинъ молодой варваръ былъ повѣшенъ и его трупъ разсѣкаютъ. Онъ лежитъ на столѣ, президентъ холодно указываетъ палочкой мѣста, надъ которыми нужно работать. Операторы разсѣкаютъ. Однѣя стоятъ въ ногахъ, другой, человекъ опытный, старый мясникъ, схватилъ ножъ рукою, которая не дрогнетъ, а другую запустилъ во внутренности, которыя далѣе рассматриваютъ и кладутъ въ воду. Послѣдній экспертъ вытаскиваетъ глазъ, а искривленный ротъ мертвеца какъ-

будто стонетъ подъ его рукою. Собака таскаетъ по землѣ сердце ; бедра и черепъ кипятъ въ котлѣ, вокругъ нихъ доктора размѣниваются холодными шутками надъ субъектомъ, изрѣзываемымъ въ куски ихъ инструментами.

Вы скажете, что такіе уроки годны для варваровъ и что вамъ несовсѣмъ по душѣ эти свѣтскіе проповѣдники, де-Фоа, Гогартъ, Смоллетъ, Ричардсонъ, Джонсонъ и другіе ; я вамъ отвѣчу, что моралисты полезны, а эти именно обратили варварство въ цивилизацію.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БЫВАЛАГО ОБЪ ІЕРУСАЛИМѢ (¹)

«Ты ли это предо мною, безсмертный городъ, оплаканный богочеловѣкомъ и прославленный людьми, престолъ вѣры и суевѣрія! Ты ли это, дивный уголокъ земли, знаменитый кровавою памятью и громаднымъ вліяніемъ на судьбы человѣчества, чье имя мы затвердили едвали не раньше всѣхъ другихъ именъ, куда стекаются поклонники чуть не со всего міра!...»

Такъ думалъ я, увидѣвъ въ первый разъ Іерусалимъ съ горы Поклонной, въ то время когда бывшіе со мною поклонники слѣзали съ коней и съ молитвеннымъ шопотомъ цаловали святую землю. «Вотъ, говорили они, матушка гора Элеонская, царь небесный въ домѣ давыдовомъ, — гробъ христовъ!...» и пѣзъ глазъ ихъ текли непритворныя слезы. Я не слѣзъ съ коня, и только съ напряженнымъ вниманіемъ вглядывался въ эту сплоченную массу каменныхъ развалинъ, обнесенныхъ стѣною.

Не стану описывать видовъ Іерусалима, описанныхъ и срисованныхъ сотнями рукъ; скажу только, что рѣдкій городъ имѣетъ такой тяжелый, грустный видъ, какъ Іерусалимъ и его мертвыя окрестности.

Мы въѣхали въ Яфскія ворота. У воротъ насъ встрѣтила толпа прокаженныхъ. Полунагіе, съ страшно изуродованными лицами, они протягивали къ намъ безнадежныя руки, прося подавнія. Поклонники съ ужасомъ шарахнулись въ сторону, боясь заразы. Кавасы начали бросать въ несчастныхъ палки и каменя, — послышались сильные, удушливые стоны... Я отвернулся.

(¹) Въ этой статьѣ выпущены всѣ подробности мѣстностей и религіозныхъ обрядовъ, извѣстныхъ уже читателямъ изъ тысячи разныхъ сочиненій на эту тему. Обзоръ этихъ *подробностей* современемъ будетъ предметомъ особой статьи, а теперь мнѣ только хотѣлось представить ту грязную обстановку, среди которой находится іерусалимская святыня.

Въ воротахъ таможенная стража уже не просила, а требовала подалня; отъ ней нельзя было отдѣлаться палками. Въ складчину отдали мы что слѣдуетъ, и стража, для успокоенія совѣсти, только снаружи пощупала наши чемоданы.

И вотъ мы идемъ по кривымъ улицамъ святаго города. На улицахъ лужи отъ выливаемыхъ нечистотъ, валяется падаль, и толпами шагаетъ народъ черезъ эти лужи и падаль. Двигутся верблюды съ тяжелыми выюками; движутся турки, арабы, монахи. Пестрота костюмовъ и лицъ рѣжетъ глаза...

На дворѣ патриархіи, гдѣ покоится греческая іерархія, окончилось наше далекое странствіе. Отвели намъ на первый разъ большую комнату, устланную коврами, и на диванахъ молча разсѣлись мои спутники: два мужика изъ Серпухова да девять бабъ ярославскихъ; тутъ же, въ сторонкѣ, свалили нашу кладь: чемоданы, узлы и мѣшки съ черными сухарями, которые везутъ съ собою наши расчетливые русаки за три тысячи верстъ, помня только одно, что здѣсь не найдутъ они чернаго хлѣба. Нашъ отдыхъ продолжался не болѣе полчаса; потомъ одинъ изъ монаховъ повелъ насъ въ храмъ на поклоненіе святыни. Тамъ приложились мы къ мѣсту явленія мирносоицамъ», приложились къ «камню помазанія» и подошли къ часовнѣ святаго гроба.

— Здѣсь надо снимать сапоги и башмаки, сказалъ вожатый: — св. гробъ надо цѣловать съ босыми ногами.

Усѣлись наши гдѣ понало, сняли обувь, и потомъ поочередно стали входить въ часовню. Многіе входили на колѣняхъ, у нѣкоторыхъ на глазахъ были слезы; но всѣ почти лица выражали не радость, а какое-то оупѣніе, всѣ были словно растеряны, ошеломлены новизною своего положенія. Притомъ все это произошло такъ быстро, монахъ такъ торопилъ насъ, что большинство исполняло его приказанія почти механически...

— А гдѣжь это гробъ христовъ? спросилъ вполголоса одинъ мужичекъ, завязывая лапти: — мнѣ сказывали, что онъ виситъ на воздухѣ, а тамъ ничего не видать (!).

— Я, братъ, самъ ничего не замѣтилъ, отвѣчалъ тоже вполголоса его сосѣдъ, — да и нашимъ-ли грѣшнымъ глазамъ видѣтъ такую святыню! Богъ за грѣхъ не допуститъ!

Возвратились потомъ въ патриархію, гдѣ и ночевали въ той же комнатѣ всѣ вмѣстѣ.

(!) Многіе изъ нашихъ поклонниковъ думаютъ, что гробъ виситъ на воздухѣ. Они не хотятъ вѣрить, что гробомъ христовымъ называется каменная плита, и ищутъ настоящій гробъ, изъ шести досокъ.

На другой день, послѣ обѣдни, внесли къ намъ посеребренные лохани, опять велѣли разуться и одинъ изъ старшихъ монаховъ совершилъ церемонный обрядъ умовенія ногъ нашихъ. Поклонники плакали отъ умиленія. Многіе сейчасъ же полѣзли въ свои мѣшки, повытаскали оттуда разныя вещицы: покровцы, воздухи, пелены для святыхъ судовъ и отдали умывавшему ноги.

— Вотъ, говорила одна почтенная старушка, подавая монаху алую ленту съ серебряной бахромой, — повѣсьте на чудотворную икону; сама вышивала...

— А отъ меня возьмите икону, перебила другая: — мнѣ куда она! а вамъ можетъ пригодиться, только поминай рабовъ божіихъ: Ивана, Петра, Акулину... и она скороговоркой насчитала до двадцати именъ, пересчитала снова, чтобы не забыть кого, но монахъ осадилъ ее сразу.

— За вѣчное поминовеніе, сказалъ онъ, — мы беремъ по 5 рублей съ имени: поэтому вамъ придется заплатить около ста рублей⁽¹⁾.

— Отецъ родной, да гдѣжь я возьму столько? Я ужъ лучше Богу помолюсь за тебя, а ты уступи!...

— У насъ уставъ такой, всѣ такъ платять.

Старуха задумалась.

— Сейчасъ васъ позовутъ къ отцу намѣстнику, проговорилъ монахъ уходя: — онъ запишетъ въ книгу ваши жертвованія.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ насъ стали призывать поочередно въ отдѣльную комнату, гдѣ сидѣлъ патріаршіи намѣстникъ, и совершилъ онъ нецеремонный сборъ денегъ нашихъ. Въ эти два дня греки успѣли поразвѣдать, у кого изъ нашихъ есть какія деньги, и потому на вопросъ: «сколько класть, батюшка?» прямо отвѣчали: «столько-то», и клали наши безропотно. Кто пробовалъ возражать, тѣхъ запугивали — и клали. Пошли сборы: въ пользу синода, за поминъ души, въ пользу св. гроба, за квартиру плата впередъ, за право путешествія на Иорданъ и проч., такъ что каждому изъ насъ пришлось выложить неменѣе 20 р. сер. Разомъ высохли наши умиленные слезы. Озадаченные, печальные собрались мы потомъ въ своей комнатѣ; многіе стали пересчитывать оставшіеся гроши и задумали горькую думу: хватитъ или не хватитъ? Этотъ сборъ открылъ намъ глаза на грековъ, заставилъ пристальнѣе взглядѣться въ окружающую насъ дѣйствительность... Расчетъ-то у нихъ слишкомъ вѣренъ: «какъ поотберемъ деньги,

(1) Это очень дешево въ сравненія съ афонскимъ вѣчнымъ поминовеніемъ, гдѣ берутъ отъ 25 до 60 р. с. съ имени.

думаютъ они : меньше тратить будутъ на пустяки, — ну и намъ выгодно...»

Послѣ этого сбора ухаживанья грековъ прекратились ; мы стали не нужны имъ болѣе. Они повели насъ на постоянное мѣсто жительства въ Архангельскій монастырь и поѣхали опять въ путь наши чемоданы, узлы и мѣшки съ сухарями.

Архангельскій монастырь вѣроятно только потому называется монастыремъ, что въ немъ есть церковь. Это неболѣе какъ восточная гостинница, составленная изъ нѣсколькихъ арабскихъ домиковъ, гдѣ монаховъ нѣтъ вовсе, а живетъ только одинъ игуменъ и при немъ послушникъ. Самъ игуменъ только по одеждѣ напоминаетъ монаха ; онъ домохозяинъ, вѣчно ссорющійся съ своими жильцами и слѣдящій за порядкомъ въ домѣ. Монастырь называется греческимъ, но и это только номинально. Русскіе такъ воспользовались давнишнимъ правомъ гостепріимства въ этомъ монастырѣ, что грекамъ рѣдко удается служить въ монастырской церкви, гдѣ постоянно слышится русское пѣніе. Противъ монастыря живетъ наша миссія въ красивомъ домѣ, построенномъ на греческія деньги, и эта миссія, надо отдать ей честь, не позволяеть вмѣшиваться въ свои дѣла грекамъ, которые до сихъ поръ не могутъ простить ей, что она врѣзалась въ Іерусалимъ противъ ихъ воли.

На грязномъ дворѣ монастыря, загроможденномъ разными пристройками, помѣщеній немного, и потому все почти населеніе сжато наверху, на терасѣ. На этой терасѣ стоитъ особый рядъ келій низкихъ и тѣсныхъ ; на ней же помѣщается крошечная церковь съ бѣлымъ куполомъ, на которомъ вмѣсто креста стоитъ жестяной ангелъ съ мечемъ и подлѣ него лежитъ жестяной же турокъ. Это изображеніе водружено на куполѣ въ память чуда, которымъ ангелъ поразилъ богохульствующаго турка. Недалеко отъ церкви показываютъ плиту съ черными пятнами, на которой совершилось чудо убійства ; эти пятна — слѣды крови.

Монастырь былъ биткомъ набитъ поклонниками. Двери изъ келій открыты настежь, передъ дверьми кипѣли самовары. Все почти общество поклонниковъ находилось на терасѣ ; тутъ были и монахи, и солдаты, и крестьяне, и женщины ; кто шилъ, кто стряпалъ, всякій занимался своимъ дѣломъ съ полнымъ спокойствіемъ, будто у себя дома. Говоръ гудѣлъ оживленный. Здѣсь пахло лукомъ и смазными сапогами. Насъ ввели въ этотъ мірокъ и размѣстили по квартирамъ. Мнѣ дали комнатку, или вѣрнѣе пещеру, своюю

формою напоминающую роаяль. Затялый воздух былъ смертью до нельзя, штукатурка на стѣнахъ вспузырилась отъ сырости, свѣтъ едва проникалъ въ крошечное окно безъ стеколъ. Въ комнатѣ ничего небыло кромѣ рогожи и связки луковницъ, вѣроятно забытыхъ прежнимъ жильцомъ, и въ этой-то канурѣ мнѣ надо было жить съ тремя другими поклонниками, которые тотчасъ разложили свои пожитки, повѣсили на гвоздь четки вмѣсто образа и принялись дождать оставленный лукъ такъ снокойно, будто вѣчно жили въ этой тюрьмѣ. Не успѣли мы оглядѣться, какъ дверь нашей кельи широко растворилась и на порогѣ показался игумень и съ нимъ четыре мужика съ узлами.

— Нельзя ли тутъ еще помѣстить? спросилъ игумень ласковымъ языкомъ: — сколько васъ тутъ?

— Четверо, отозвался одинъ изъ нашихъ.

— Такъ можно еще.

— Отчегожъ не можно, потѣшимся.

Въ келью ввалились новые сосѣди. Двое изъ нихъ сейчасъ же растянулись на полу спать, остальные втащили свои мѣшки и стали укладывать ихъ вдоль стѣны, безцеремонно отпихивая чужія вещи.

Душно стало; я вышелъ изъ кельи, а тутъ рядомъ сидѣтъ борода и штопаеть овчинный тулупъ. Эта борода замѣтила видно, что мнѣ не понравилась пришлая моя комната.

— Не хотите-ли, говорить, жить съ нами? У насъ всего трое.

— Отчего-жъ, говорю, спасибо!

— Такъ вотъ войдите тутъ рядомъ.

Я вошелъ въ сосѣднюю келью: тамъ просторнѣе. У окна на скамейкѣ сидѣтъ монахъ и вяжетъ четки; въ одномъ углу на рогожѣ лежитъ кто-то въ нагольномъ тулупѣ и громко охаетъ, въ другомъ углу складень въ кучу багажъ. Рѣзкій гнилой запахъ наполняетъ келью.

— Что это, спрашиваю, у васъ воздухъ нехорошъ?

— Воздухъ-то хорошъ, отвѣчаетъ монахъ, да самъ не придумаю откуда эта вонь.

— Вода иорданская, отозвался больной, стоитъ тутъ у меня въ углу; двѣ ведра назадъ привезъ, и, кто ее знаетъ, что тутъ такое; только воняетъ непомерно (!).

— Чтожъ ты не выльешь эту воду? Вѣдь сидѣть нельзя въ комнатѣ.

— А домой-то я что повезу? Я и думалъ было вылить, да гово-

(!) Это часто случается съ нашими поклонниками, вѣроятно оттого, что кувшины, куда они вливаютъ иорданскую воду, бываютъ слишкомъ грязны.

рять перейдетъ... Эхъ! прибавилъ онъ грустно, — грѣшенъ я видно очень! За грѣхи караетъ Господь.

— Вотъ ужъ, какъ огонь Богъ дастъ, надо трижды обвести его кругомъ головы, — все сниметь! произнесъ монахъ будто про себя.

Смѣхъ не стало терпѣть болѣе. Вышелъ я изъ кельи, сѣлъ на чемоданъ и горько задумался. Какъ терпѣливъ и невзыскателенъ нашъ народъ, думалъ я, что можетъ жить спокойно среди такой обстановки! Какъ же значить сильна вѣра этихъ людей, что заставляетъ ихъ ѣхать нѣсколько тысячъ верстъ, съ огромными трудностями въ Іерусалимъ, гдѣ греки ихъ обманываютъ и запираютъ въ эти тюрьмы. Чѣмъ же вознаграждается это самоотверженіе?... Оборванный куполъ ⁽¹⁾ храма бросился мнѣ въ глаза, и былъ какъ бы отвѣтомъ на этотъ вопросъ. — Пойду, загляну поближе въ эту жизнь поклонническую.

Оставилъ я чемоданъ у сосѣда и вышелъ изъ монастыря.

Я вошелъ въ храмъ. По всей ротондѣ храма группами гуляли поклонники разныхъ націй и сектъ, между которыми рѣзко отдѣлялись типичностью своихъ костюмовъ и лицъ наши русскіе. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза при входѣ въ храмъ, это множество грязныхъ сапоговъ и онучей, разставленныхъ въ беспорядкѣ вокругъ часовни св. гроба. Мнѣ сказали, что сейчасъ только пришла изъ Яффы партія русскихъ матросовъ и теперь поклоняется гробу. Эти матросы, уже разъ снявъ сапоги, не надѣвали ихъ потомъ до окончанія молитвъ и босикомъ разгуливали по каменному полу храма, въ страхѣ крестясь на всѣ стороны. Они видимо не знали куда дѣться, чему молиться. Одна старуха-поклонница, должно-быть изъ бывалыхъ, замѣтила это и измѣнивъ свою физиономію на постылый ладъ, тихо подошла къ молящимся.

— Богъ сподобилъ васъ, господа честные, приложиться къ пречистому гробу своему... Не хотителя пожелать теперь у Голговы, а васъ проведу!

Матросы пошли за ней какъ за своимъ командиромъ.

Я присоединился къ этой партіи и вмѣстѣ съ нею вошелъ въ греческое отдѣленіе храма: Старуха подвела насъ къ небольшой каменной тумбѣ, поставленной посреди пола, и остановилась.

— Это пупъ земной, громко проговорила она, указывая на тумбу: — тутъ, братцы мои, самая середина земли, а вокругъ этого мѣста вся вселенная и звѣзды небесныя ходять.

(1) Куполъ надъ гробомъ господнимъ въ самомъ жалкомъ положеніи; желѣзные листья, покрывающіе его, сняты и видны безобразныя ребра и щели.

Матросы выслушали безъ возраженій и молча поцѣловали этотъ пупъ.

Отсюда подвигались мы на Голгоу, гдѣ старуха съ учительскимъ величіемъ рассказала здѣсь исторію страданій христовыхъ и указала трещину, которая появилась въ день смерти Спасителя. Выбѣсть съ другими и я заглянулъ сквозь отверстіе, нарочно сдѣланное для этого на полу, и увидѣлъ глубокую трещину. Матросы прикладывались.

— Изъ этой трещины многое множество мертвыхъ вышло на свѣтъ божій, добавила старуха, вѣроятно уже по собственнымъ соображеніямъ.

— А вотъ здѣсь кружка! неожиданно вмѣшался грекъ-монахъ, давно слѣдившій за нами, и указавъ эту вещь, умиленно смотрѣлъ на молящихся. Солдаты подошли къ кружкѣ и ждали что скажетъ старуха.

— Тутъ, братцы, надо деньги класть на поминъ родителей вашихъ, произнесла та со вздохомъ, и труловые гроши солдатскіе съ громомъ полетѣли въ кружку.

Разными переходами сошли мы внизъ, черезъ католическій отдѣлъ, и очутились въ небольшихъ притворахъ или пещерахъ съ иконами и лампадами. У иконы на каменномъ полу были замѣтны двѣ круглыя дыры, обнесенныя рѣшеткой. Три молодыхъ крестьянки стояли у этихъ дыръ на коленяхъ; одна изъ нихъ читала вслухъ молитвенникъ.

Гуртомъ вошли мы. Поклонницы встали.

— Охъ, грѣхи наши тяжкіе! заговорила наша старуха: — здѣсь-то, братцы мои, была темница христовушкина, въ эти дырочки вставлены были его ноженьки, а рядомъ тутъ, въ хранилѣ, сидѣла владычица наша и объ сынѣ плакала...

Матросы молились, но одинъ предметъ охолодилъ ихъ религіозное вниманіе: въ углу они опять замѣтили кружку и боялись, что старуха опять заговоритъ о поминѣ души; но старуха не заговорила, а монаха вблизи не случилось.

— Ну, теперь я поведу ихъ, ты довольно водила! заговорила визгаво одна изъ молившихся поклонницъ нашей старухѣ.

— Ишь ты, молода больно! молоко не обсохло на губахъ, а туда же волить!... Впрочемъ и водить-то некуда больше; мы все обошли.

Старуха врала. Ей просто не хотѣлось уступить другой права водить поклонниковъ и щеголять передъ ними своимъ знаніемъ святыни и своей бывалостью. Ея соперница проворчала что-то, потомъ отплюнулась и начала прилежно молиться.

— Кому начинать? спросила она.

— Читай ты.

— Ловка больно! я и то сорокъ три страницы неперевода духу прочла.

— Ну давай молитвенникъ, начну я: только чуръ не смѣяться, если оовру что. На чемъ остановились?

— А вотъ тутъ внизу: «равночисленныя»...

— «Равночисленныя бо песку пѣсни аще приносимъ ти»...
в т. д.

Чтеніе началось.

Я оставилъ свою партію и вышелъ одинъ къ ротондѣ храма. Слышешь говоръ. Группами ходитъ и сидитъ народъ. Вотъ двѣ женщины, съ черными платками на головахъ, сидятъ на ступенькахъ храма и разговариваютъ.

— Я купила сорокъ связокъ перламутовыхъ; сама буду четки вязать.

— Эва! а у меня уже больше сотни связано; тридцать штукъ въ Одессу съ землякомъ послала одной благодѣтельница, больно ужъ просила: если, говорить, не пришлешь четокъ, — въ гробъ живая лягу; ну и послала...

— А вотъ погоди, мать моя, обѣщаль мнѣ прислать отецъ Онисимъ съ Аэона цѣлый мѣшокъ слезокъ ⁽¹⁾ отъ матушки царицы небесной.

— Какой это Онисимъ, ярославскій что ли? рыжій такой?...

— Онъ самый.

— Шутникъ же онъ, прости господи! Знаешь ли что съ нимъ было?....

Онъ заговорили по секрету.

Идетъ старикъ съ монахомъ, и шепчетъ старикъ таинственно:

— Видѣніе святое было, до сихъ поръ въ душѣ будто благодать какав. Самъ понять не могу.

— Пропшую ночь видѣлъ?

— Да, отче. Сижу я это на ступенькѣ, самъ молитвы про себя читаю, народу мало... Вдругъ слышу шумъ: смотрю — вверху свѣтъ, и будто духи какіе летаютъ надъ гробомъ господнимъ. Это шумъ, а такъ понималъ, отъ вѣянія крыматаго происходилъ... Страхъ мепя беретъ; Господи, говорю, почто такая милость?... Положилъ я это земный поклонъ, и — все пропало. Тутъ только я догадался, что это значить нечистые...

(1) Тагъ называется на Аэонѣ одно растеніе, изъ сѣмени котораго дѣлаются четки.

— А ты молись чаще, нечистые этого боятса. Вотъ я самъ тоже часто видѣнія вижу, и все больше нечистые...

— Ай, батюшки, отцы святые!... завизжала толстая дѣвка, наткнувшись на лежащаго араба: — ишь растаяулса, проклятый!

— Молчи ты, озерница! заговорила съ другого конца старуха, испуганная неожиданнымъ крикомъ. — Забываешь ты, грѣховодница, мѣсто святое!

— Не ты бы говорила, праведница; знаемъ мы вашу святость! тоже пріѣхала своимъ поганымъ рыломъ гробъ христовъ цѣловать!...

И долго раздавалась русская ругань по храму.

Иду дальше. Передъ иконой стоятъ на колѣняхъ женщина въ шляпкѣ и молится усердно.

Въ абисинскомъ притворѣ стоятъ два священника въ бѣлыхъ широкихъ чалмахъ; драпированные бѣлыми простынями накинутыми на голое тѣло. Передъ ними выстроилась толпа матросовъ и шопотомъ обсуживаетъ ихъ костюмы.

— Чтожъ тутъ дѣлаютъ эти турки? спрашиваетъ одинъ.

— Стерегутъ должно-быть.

— А кресты-то ктожъ имъ надѣлъ на шею?

— Приказано значить... а впрочемъ, кто ихъ знаетъ, можетъ и ордена какіе.

Одинъ изъ священниковъ началъ молиться. Матросы съ недоумѣніемъ переглянулись и стали расходиться. — Ихъ не разберешь, замѣтилъ одинъ вполголоса, — кто тутъ во Христа вѣруеть, а кто татаринъ!

Спустился я по лѣстницѣ внизъ, въ армянскій отдѣлъ. Тамъ готовились къ службѣ. Слѣва у стѣны стоялъ монахъ, передъ нимъ четыре бабы и мужикъ. Они поочередно прикладывали ухо къ стѣнѣ и крестились. Я подошелъ; спрашиваю: что такое?

— Ничего, произнесъ монахъ, подозрительно оглядывая меня съ головы до ногъ: — это такъ... шумъ слышится...

— Души воютъ, батюшка! выѣшалась одна женщина: — подъ этимъ мѣстомъ, сказываютъ, адъ кромѣшный, геенна огненная, слышно какъ воютъ грѣшныя души...

Въ стѣнѣ было небольшое глухое отверстіе, къ которому я приложилъ ухо и услышалъ шумъ, подобный тому, какой слышится если приложишь къ уху раковину, стаканъ или трубу пустую: то словно вѣтеръ свиснетъ, то будто ручей пробѣжитъ... Монахъ куда-то скрылся.

— Слышалъ, батюшка? спрашивали меня.

— Слышалъ, говорю.

— Спаси Господи и помилуй!

Старуха бояливо перекрестилась и опять впроставила ухо. Лицо ея было блѣдно; глаза сверкали неестественнымъ блескомъ. «Вотъ, заговорила она: прерывисте, — смола-то кипить, польмя пышетъ... Охъ, какъ плачетъ одинъ... да какъ же много васъ тутъ, родненькіе, голубчики вы мои!... Тихе: должно самъ пришлоъ, огня подбавляеть... Ой какъ стонуть! не своимъ голосомъ стонуть, за языкъ ихъ тннуть, жилы вытягиваютъ... Господи!...» Она съ ужасомъ отшатнулась отъ стѣны и, дрожа всѣмъ тѣломъ, упала на колѣни.

— Только бы сподобилъ Господь вернуться домой!... вышлю всѣ свои денежки; накажу, чтобы поминали мою грѣшную душу... Помини меня Господи! Помилуй-мя мати святая!...

Торопливо принялась она класть поклоны. Ея товарищи тоже машинально опустили на колѣни.

И этимъ доказывается общее повѣрье, что подлѣ Іерусалимомъ находится мѣсто вѣчнаго мученія!... Греки не всѣмъ показывают это адское отверстіе, а только самымъ довѣрчивымъ поклонникамъ. Но кому придется когда-нибудь побывать въ Іерусалимѣ, вспомните мою статейку и опуститесь въ армянскій отдѣлъ: тамъ вы увидите многое, что заставитъ васъ призадуматься горько...

Ударилъ въ колоколъ у грековъ, загремѣлъ органъ у католиковъ и въ тоже время потянулась процессія армянская съ оглушительными воплями. Народъ быстро наполнял храмъ. Вошли блюстители порядка: военная стража въ фесахъ, съ ружьями; предводители этой стражи вооружены кнутами. Греческіе священники подошли къ пустому сѣдалищу, на которомъ когда-то сиживалъ патріархъ іерусалимскій ⁽¹⁾, отвѣсили этому пустому мѣсту по земному поклону, и потомъ уже начали службу. Толпы мѣстныхъ обывателей вваливались въ храмъ неснимая шапокъ и съ шумомъ напирали на стражу. Предводитель стражи съ крикомъ хлесталъ по головамъ на обѣ стороны. Я вышелъ изъ храма.

Нехотѣлось мнѣ жить въ Архангельскомъ монастырѣ. Лучше, думаю, пойду за городъ, устрою себѣ палатку и живу на вольномъ воздухѣ, подальше отъ грековъ. Но вотъ встрѣчаю я одного жидка, который очень умильно предложилъ мнѣ квартиру со столомъ въ своей гостинницѣ. Я обрадовался этой находкѣ и въ тотъ же день переселился на новоселье. Хотя гостинница своимъ устройствомъ

(1) Онъ живетъ теперь въ Константинополѣ.

и напоминала нѣсколько Архангельскій монастырь, но все-таки было нѣсколько чище, а столъ даже имѣлъ притязаніе на комфортъ. У хозяйна гостинницы была служанка, русская дѣвка, не знавшая какими средствами выбраться ей изъ Иерусалима. Тутъ же рядомъ жила одна русская барыня, изъ старосвѣтскихъ помѣщицъ, очень набожная, у которой постояннымъ гостемъ былъ какой-то монахъ, и проводили они вмѣстѣ цѣлые дни въ духовныхъ бесѣдахъ. Съ этой помѣщицей сошолся я на другой же день за обѣдомъ. Говорили о дороговизнѣ жизненныхъ продуктовъ въ Иерусалимѣ.

— Я ужь перада, что и пріѣхала, говорила она между прочимъ: — ужь пускай бы все дорого, да для души бы хоть польза была, а то нѣтъ, грѣхъ только одинъ: толкотня, суматоха, столпотвореніе; благочинія и не думай искать. Взъешь это ко гробу, думаешь помолиться, поплакать наедянь, а тамъ тебя сзади за подолъ тянуть: выходи дескать, давай другимъ мѣсто. Служать въ соборѣ греки, царскія врата отворены, а черезъ нихъ, глядишь, мальчишки бѣгають, да еще въ шапкахъ... Нѣтъ ужь, дожить бы только до насхи, а тамъ и домой сейчасъ. Ну ихъ къ Богу!..

— Что, вы уже побывали вездѣ въ окрестностяхъ? спросилъ я.

— Въ Виелеемѣ только была, суларь мой; а вотъ на дняхъ собираюсь ѣхать къ дубу мамврійскому. Не хотите ли вмѣстѣ?

— Отчего же не ѣхать, съ удовольствіемъ; только я не знаю что это за дубъ такой?

— Ахъ, Господи, неужели не помните: тотъ самый, гдѣ троица святая была, Авраамъ-праотець жилъ...

— Но этому дубу должно-быть теперь болѣе трехъ тысячъ лѣтъ. Вѣдь это чудо.

— А вы небось чудесамъ-то не вѣрите? Вѣдь цѣло же здѣсь дерево пророка Исаи, отчегожъ мамврійскому не быть? Не то еще чудо, что дубъ столько лѣтъ стоитъ, а то чудо, что каждый поклонникъ отрѣзываетъ отъ этого дуба кусокъ на память. Вѣдь кажется въ три-то тысяча лѣтъ можно бы весь дубъ изрѣзать на щепки, а нѣтъ, — цѣлъ до сей поры. Вы еще не вѣрите, грѣхъ творите! Охъ Господи помилуй!...

Она при этомъ силилась выдать изъ себя какое-нибудь умиленіе; но видя что ничего не выходитъ, спросила:

— Ума не приложу только, гдѣжъ тутъ осина, на которой Іуда повѣсился? Всю святыню исходила, а осины невидать.

— Здѣсь не тотъ климатъ, заговорилъ я: — осина не можетъ кажется расти въ Иерусалимѣ.

— Такъ по-вашему на чемъ же Іуда-то подавился?.. Ужь лучше бы право молчали, чѣмъ говорить такія вещи.

Она отвернулася. Монахъ, сидѣвшій до сихъ поръ молча, посмотрѣлъ на меня сурово и зашевелилъ губамп.

— Вы напрасно изволите такъ рассуждать, проговорилъ онъ наконецъ, — я знаю съ достовѣрностію, что эта осина была здѣсь, но ее недавно срубили; много болѣзней, знаете, отъ нея пошло... всякіе тамъ гады... Ну и срубили. Когда дѣлъ мой былъ здѣсь, такъ видѣлъ ее своими глазами.

Я не смѣлъ болѣе возражать и разговоръ прекратился.

Скучно стало мнѣ послѣ этого разговора. Подошолъ я къ окну: передъ окномъ стоятъ кактусы, за ними сплошною массою торчатъ уродливые, плосккрышіе домишки, налѣпленные другъ на друга; въ этихъ домишкахъ живутъ грязные люди... Страшный видъ имѣеть Іерусалимъ. Надъ нимъ протекло болѣе трехъ сотъ вѣковъ, и всѣ эти вѣка оставили на немъ свои отпечатки, уцѣлѣвшіе отчасти до нашей поры. Съ каждою постройкою дома, рытьемъ канавы или цистерны, открываются въ немъ слѣды древнѣйшихъ построекъ, — роскошныхъ, не такихъ какъ теперь; старыя монеты ходятъ по рукамъ обывателей, которые не знаютъ куда сбыть ихъ. Какой богатый и еще непочатый край для археолога! Теперь въ Іерусалимѣ три города, построенные другъ на другѣ. Внизу, въ основаніи, лежитъ древній Іерусалимъ, похороненный, засыпанный своими развалинами; на этихъ развалинахъ стоитъ другой городъ, смѣсь стараго съ новымъ, и наконецъ на крышахъ этого построенъ третій городъ, чисто азіатскій. Такимъ образомъ существуютъ три Іерусалима: подземный, земной и надземный. Читатель вѣроятно несовершенно ясно представляетъ себѣ этотъ надземный Іерусалимъ, а это дѣлается очень просто: семьянинъ-арабъ приходитъ къ какому-нибудь домовладѣльцу и проситъ позволенія построить на его крышѣ домъ; тотъ немолленно заключаетъ съ нимъ условіе и постройка дома кинитъ. Гдѣ крыша широкая, тамъ часто стоитъ нѣсколько такихъ домиковъ; иногда даже втаскиваютъ туда землю и разводятъ садикъ (*). Если наконецъ нѣтъ мѣста на крышахъ, или хозяева очень дорого просятъ, арабъ покупаетъ себѣ воздухъ, то есть, перекидываетъ черезъ улицу арку съ одного дома на другой, и на этой аркѣ строитъ себѣ домъ. Улицы въ Іерусалимѣ неширо-

(*). Конечно ни одинъ хозяинъ не позволитъ занять всю крышу своего дома и оставлять площадку себѣ, какъ для того, чтобы имѣть открытое мѣстечко для семейнаго отдыха, такъ и для того, чтобы на этой площадкѣ могла собираться дождевая вода, откуда она проходитъ въ цистерну.

кія, такъ что если пьяный поклонникъ растянется поперекъ дороги; то онъ головою упрется въ одну стѣну, а ногами въ другую... Въ городѣ нѣтъ пустого мѣста: все застроено, завалено, дома растутъ на домахъ, все лѣзетъ вверхъ, другъ на друга. Храмъ св. гроба теперь стоитъ уже будто въ ямѣ: къ площадкѣ его надо уже спускаться по лѣстницѣ. Нынѣшній Іерусалимъ даже сдвинулся съ своего стараго мѣста, ближе къ Иосафатовой долинѣ, а Сіонъ, гдѣ прежде были лучшія зданія, теперь за стѣнами города, и на немъ стоитъ только одна мечеть. Вѣроятно въ послѣдствіи городская черта перенесется еще далѣе, потомучто въ окрестностяхъ города предполагаются постройки въ большихъ размѣрахъ.

Отъ стараго Іерусалима уцѣлѣла хорошо только часть стѣны, сложенная безъ всякаго цемента, изъ камней исполинской толщины. Эта стѣна считается остатками соломонова храма и у ней по субботамъ собираются евреи оплакивать свое вѣчное рабство. Есть еще одна крѣпостная башня, называемая въ народѣ домомъ давидовымъ; но этотъ домъ давидовъ снизу сложенъ изъ римскихъ тесаныхъ камней, а верхъ достроенъ турками. Такъ называемый «крестный путь» весь состоитъ изъ заборовъ и домиковъ позднѣйшей постройки, а по этому пути и теперь еще водятъ поклонниковъ и указываютъ имъ разныя святыни, какъ-то: ямку въ стѣнѣ, которую будтобы сдѣлалъ Спаситель, задѣвъ ее печально крестомъ; арку, известную подъ именемъ «esse homo!» на которой живетъ какой-то раввинъ, и двѣ впадины на плитахъ, среди улицы: на одной изъ нихъ, по толкованію бывалыхъ, упалъ Спаситель отъ тяжести креста, а на другой Богоматерь, и плиты не вынесли тяжести божеской, — погнулись.

Интересно обойти стѣны іерусалимскія. Онѣ сложены изъ камней разныхъ народностей, имѣвшихъ вліяніе на судьбу города: тутъ есть и циклопическіе камни, и еврейскіе, и римскіе, и турецкіе; гдѣ виднѣнъ простой кирпичъ, гдѣ осколокъ колонны или барельефа, а гдѣ просто замазано глиной.

Мало является сюда охотниковъ изучать древности іерусалимскія, потомучто мало пріѣзжаетъ ученыхъ, а если и пріѣзжаютъ эти ученые, то для цѣлей поклонническихъ. А какъ часто очень обыкновенныя случаи наводятъ здѣсь на открытія. Въ мое время, когда рыли фундаментъ для нашего консульскаго дома, откопали часть старинной стѣны, слѣдовъ которой давно уже искали археологи. При постройкѣ одного дома открыли рядъ большихъ колоннъ, даже подземный каналъ на значительной глубинѣ. Какой-то англичанинъ захотѣлъ изслѣдовать этотъ каналъ, спустилъ туда лодку, поѣхалъ, но не воротился... Много рѣдкостей также открылось въ

то время , когда стали вывозить за городъ груды мусора , хранившіяся до того въ подвалахъ и чуланахъ... (1).

Эти-то древности и привлекательны для насъ : онѣ-то и собираютъ сюда тысячи поклонниковъ , потомучто напоминаютъ имъ о тѣхъ религіозныхъ событіяхъ , предъ которыми міръ благоговѣеть. Какъ же значить безсовѣтны тѣ толкователи , которые , пользуясь невѣжествомъ поклонниковъ , объясняютъ имъ всѣ событія святой старины на пынѣшнемъ Іерусалимѣ и заставляютъ ихъ благоговѣть передъ камнями , заборами и домами новѣйшей работы !

Нынѣшній Іерусалимъ самъ по себѣ слишкомъ непривлекателенъ. Онъ напоминаетъ груду плесени , покрывшей обломки старины , и въ этой грудѣ роятся десятки тысячъ жидовъ , арабовъ , турокъ и грековъ , — грязныхъ , невѣжественныхъ. Въ городѣ почти нѣтъ никакой торговли , хлѣбъ не растетъ въ его окрестностяхъ ; казалось голодъ и ядовитый климатъ должны бы давно выморить людей , — но городъ такъ счастливо обставился , что деньги идутъ къ нему сами. Бѣдное , поклонничество несетъ сюда свои послѣдніе гроши и кормитъ эту бесплодную массу населенія.

Одна изъ самыхъ отвратительныхъ особенностей іерусалимскаго населенія — это прокаженные , которыхъ въ немъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Эти прокаженные составляютъ въ немъ отдѣльное гніущее общество и живутъ въ особомъ кварталѣ , куда не смѣетъ заглянуть ни одинъ здоровый человѣкъ. Много слышалъ я прежде объ этой страшной болѣзни Палестины , но не думалъ , что она такъ ужасна , какъ на самомъ дѣлѣ. Больные теряютъ пальцы на рукахъ и ногахъ ; ихъ носъ , а иногда глаза проваливаются , голосъ пропадаетъ , все тѣло коробится и покрывается гніущими наростами , которые потомъ остаются съ ними на всю жизнь. И эти несчастные , всѣми отверженные , ведутъ въ своемъ кварталѣ грустную жизнь , безъ надежды пристать когда-нибудь къ человѣчеству : всѣ съ ужасомъ бѣгутъ отъ прокаженного , гонятъ его , отворачиваются отъ его безобразія , которое не можетъ впустить даже участія. Предоставленные собственному произволу , они поневолѣ сходятся между собой , женятся , выходятъ замужъ и такимъ образомъ размножаютъ свое гнілое племя. Дѣти прокаженныхъ до семи лѣтъ ничѣмъ не отличаются отъ здоровыхъ дѣтей , но съ этого возраста болѣзнь начинаетъ обнаруживаться прежде всего въ пальцахъ , и къ тринадцатому году окончательно превращаетъ ихъ въ живые трупы. По-

(1) Прежде въ Іерусалимѣ былъ законъ для христіанъ : « не выносить изъ избы сора » — не въ переносномъ , а буквальномъ смыслѣ.

слѣ этихъ двадцати трехлѣтнихъ страданій, убивающихъ лучшіе годы больного, онъ уже не чувствуетъ въ ранахъ особенной боли и доживаетъ вѣкъ свой спокойно. Проказа такъ заразительна, что здоровый человѣкъ можетъ захворать отъ одного прикосновенія прокаженного, и тогда уже нѣтъ никакихъ средствъ излечить его: медицина ничѣмъ не поможетъ этой еще неразгаданной болѣзни. Одинъ англичанинъ хотѣлъ было заняться изслѣдованіемъ проказы, но заразился самъ; съ нимъ повторились всѣ симптомы болѣзни, и послѣ долгаго напраснаго леченія, онъ прожилъ затворникомъ до самой смерти. Турки особенно часто заражаются проказой, потому что, вѣря въ неизбежность предопредѣленія, они допускаютъ нѣкоторыхъ прокаженныхъ въ свои мечети и собранія. Я видѣлъ самъ одного прокаженного въ лавкѣ, за вырубкой.

И странно: эти живые трупы имѣютъ еще свою исторію. Они производятъ свой родъ отъ слуги пророка Елисея, Гізія, наказаннаго проказой за воровство, и гордятся древностью своего племени... Вѣроятно они отъ всей души ненавидятъ здоровыхъ людей, потому что съ яростью бросаются на нихъ, если имъ откажутъ въ поляннѣ.

Но довольно объ этихъ страдальцахъ. Пусть существованіе ихъ будетъ упрекомъ турецкому правительству, которое не слѣдитъ за развитіемъ этой язвы въ своей землѣ и позволяетъ даже больнымъ плодить свое гнилое племя... А изъ Россіи между тѣмъ шлютъ въ Іерусалимъ деньги на улучшеніе быта прокаженныхъ. Воображаютъ наивно, что здѣсь есть для нихъ больницы или богадѣльни...

— Не надо ли вамъ святаго масла? спросила помѣщица, заглянувъ въ мою комнату: — я вамъ могу уступить немного.

— А у васъ какое есть?

— Разное. Есть святигробское, вилееское, геесиманское, отъ Голговы... Вотъ вчера у меня поясница болѣла; я, по совѣту отца Поликарпа, сотворила молитву и вытерлась съ вѣрою, и чтоже! сегодня какъ рукой сняло. Не явное ли чудо!

— А вы какимъ масломъ терлись?

— Вилеескимъ кажется.

— Ну такъ дайте мнѣ вилеескаго.

Помѣщица вышла, долго возилась въ сосѣдней комнатѣ и наконецъ вернулась съ озабоченнымъ видомъ.

— Вотъ вѣдь грѣхъ-то вышелъ, сказала она: — позабыла я вчера слѣлать надписи на пузырькахъ, а теперь и не разберу которое

виолеемское? Вы повремените пожалуйста! я уже спрошу у отца Подьярпа.

— Дѣлать нечего, отвѣчалъ я: — видно доля моя такая!

Она удалилась, явно досадуя на свою разсѣянность. Я пошолъ прогуляться.

Полдень. Душно какъ въ пеклѣ. На главныхъ улицахъ давка непроходимая. Поярковыя шляпы, чалмы, фесы и шапки торчатъ передъ лавками, гдѣ развѣшаны разноцвѣтныя четки, кресты и флаконы съ розовымъ масломъ. Среди этой давки медленно движутся верблюды съ тяжелыми выюками, ослы съ ящачками по бокамъ, налитыми жидкою грязью, которая расплескивается по обѣ стороны на народъ. Гудитъ глухой говоръ, слышатся десятки нарѣчій, но рѣче всѣхъ выдѣляется изъ этого хаоса крикливая, пересыпчатая брань, привычная только для русскаго уха. То двѣ поклонницы столкнулись у лавки и спорятъ за право владѣнія большимъ деревяннымъ крестомъ, вырывая его изъ рукъ въ руки и нежалѣя при этомъ тѣхъ патріотическихъ словъ, которыя чаще всего раздаются у насъ на улицахъ. Послѣ крупной перебранки обѣ онѣ вцѣпляются другъ другу въ косы и идутъ судиться къ консулу въ сопровожденіи хозяина со сломаннымъ крестомъ и длинной толпы зѣвакъ.

Душно какъ въ пеклѣ. На площадкѣ передъ храмомъ въ нѣскольکو рядовъ сидятъ арабы-виолеемиты, и передъ ними на платкахъ разсыпаны горами перламутровыя иконки, крестики, коробки и брошки. Между рядами ходятъ толпами покупатели. Картина оживленная. Я пошолъ вдоль рядовъ; остановился у одного стараго араба, и просилъ его показать свои издѣлія.

— А, московъ! хорошій человекъ! весело заговорилъ онъ, рассчитывая на вѣрный барышъ: — купи, бачка; у меня есть хорошіе боги!

Онъ вынулъ изъ-за пазухи грязный холщевой мѣшокъ и высыпалъ оттуда нѣсколько перламутровыхъ иконокъ сносной работы.

— Вотъ успенье купи... А вотъ крестъ изъ маслички: какъ налѣнешь на груль, — воды не бойся, никогда не потонешь. А это четки, хорошія четки, дай женѣ налѣвать, чтобы родила, чтобы дѣтки были...

Онъ подалъ мнѣ четки изъ верблюжьей кости.

— Здравствуйте, господинъ честной! послышалось сзади меня.

Я оглянулся: передо мной стояла одна изъ тѣхъ женщинъ, съ которыми я ѣхалъ изъ Яффы. Съ нею была еще какая-то молодлица.

— Что вы тутъ покупаете? спросила она меня.

— Да вотъ, говорю, хочу посмотрѣть иконки.

— Все дрянъ такая, что и смотрѣть нечего: работа никуда не-

годится. Вотъ возьмите пожалуй это, прибавила она, показывая мнѣ черную иконку изъ носороговой кости: — отъ змѣй помогаетъ.

— К чему же? У насъ на Руси змѣй немного; какъ-нибудь и безъ этого обойдемся.

— А неровенъ часъ! въ Іерусалимѣ быть и такой благодати не взять! Чтожь люди-то скажутъ! Что стоитъ? громко спросила она у араба. (1)

— Два карбованца, отвѣчалъ старикъ, показывая ей два пальца.

— Ахъ ты старій хрѣнъ! Мы тысячу верстъ проѣхали, а ты насъ грабить вздумалъ? Хочешь тридцать копѣекъ?

— Одна карбованца.

Старикъ показалъ одинъ палець.

— Врешь ты, сычъ. А что, вы ужъ много накупили здѣсь святыхъ-то вещей? спросила она вдругъ меня.

— Нѣтъ еще.

— Не хотите ли у меня взять что-нибудь? Я уступлю. У меня и грамотка есть, даже саванъ достала.

— Какая это грамотка?

— Въ патриархіи раздають, чтобы класть въ гробъ мертвымъ. Это просто находка для бѣдныхъ людей; саванъ не всякой кушть можетъ, а грамотка стоитъ недорого. Благодать-то одна у обоихъ: кому въ гробъ положилъ, всѣ грѣхи простятся.

— Гдѣ же грамотку достать можно? спросила сосѣдка.

— А у тебя тоже нѣтъ?

— Давно бы взяла, да что-то страшно: неравно сама погрешь.

Въ это время къ намъ полошли два мужика въ овчинныхъ тулупахъ и мѣховыхъ шапкахъ. По краснымъ лицамъ ихъ и голой груди текли ручьи пота; водкой разлило за десять шаговъ. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ два креста; изъ кармана другого болтались четки разныхъ сортовъ.

— А что, Степанида Федоровна, чортъ те дери! сказалъ одинъ изъ нихъ моею собесѣдницѣ, съ ухарскимъ самодовольствомъ ударивъ ее по плечу: — пойдешь ты завтра съ нами въ лазаретъ?

— Отвяжись ты, безстыжая твоя рожа; пшь натрескался!

— Да нѣтъ, ты говори толкомъ, пойдешь съ нами, аль нѣту? Мы въ лазаретъ идемъ.

— Больны чтоли? спросилъ я.

— Нѣтъ, Богъ милуетъ, здоровы.

(1) Многие изъ нашихъ поклонниковъ, когда говорятъ съ арабами, то кричатъ во все горло, какъ съ глухими, воображая, что они не понимаютъ потому, что не слышатъ.

— Чтожъ вы будете дѣлать въ лазаретѣ?

— Молиться будемъ. Всѣ туда ходять и мы пойдёмъ.

— Да тожъ въ Назаретъ ходять.

— Все одно, какъ вы назови; святыня-то отъ того не перемѣнится. Такъ ли я говорю, Степанна Федоровна?

— Убирайся...

— Ишь ты какаа, не лыкомъ шитая!.. Нѣтъ, я заставлю те, барыня, говорить поласковѣе. Пойдешь, говори, аль нѣтъ?

И онъ сталъ дерзко приставать къ ней съ какими-то намеками. Я отошолъ. Стыдно стало мнѣ за своихъ.

Можетъ-быть читателю покажется страннымъ, что я вывожу поклонниковъ съ такой грязной стороны, неприличной святому мѣсту; но чтоже дѣлать, если это все факты, рѣзко бросающіеся въ глаза? Мнѣ кажется, что изъ всей массы русскихъ поклонниковъ, пріѣзжающихъ въ Іерусалимъ на пасху, только можетъ-быть восьмая часть пріѣзжаетъ по чисто-религіознымъ побужденіямъ; остальные являютъ сюда или для закупки священныхъ вещей, или для большаго вѣса въ обществѣ, или наконецъ чтобы прокатиться и убить рабочее время. Большинство нашихъ поклонниковъ составляютъ женщины, и притомъ не простыя женщины, а имѣющія уже самостоятельный взглядъ на религію, успѣвшія уже обойти всѣ русскія святыни, и потому проникнутыя нѣкоторымъ недантствомъ. Эти женщины по большей части принадлежать къ тому классу вѣчно-странствующихъ богомолковъ, которыхъ сотнями встрѣчаемъ мы на нашихъ большихъ дорогахъ, съ котомками за плечами, съ посохами въ рукахъ; безъ которыхъ не обойдется ни одна монастырскій праздникъ. Между ними есть и порченныя, и кликуши, и юродивыя; всѣ онѣ и одѣты какъ-то одинаково, даже лицомъ походятъ другъ на друга, будто кто нарочно подбиралъ ихъ по одной мѣркѣ. Густо наводняютъ онѣ Іерусалимъ въ поклонническое время (!), въ полной увѣренности, что поклонничество прокормитъ ихъ потомъ въ Россіи и дастъ почетное мѣсто между богомольцами разныхъ сортовъ. Конечно, встрѣчаются между ними и простыя деревенскія бабы, помѣщицы, чановницы, вѣрующія по простотѣ душевной, что въ Іерусалимѣ можно отговѣтъ какъ слѣдуетъ и замолить старыя грѣхи, — но этихъ немного, да и тѣ большею частью путешествуютъ подъ покровительствомъ жомалыхъ страницъ и монахинь. Нѣкоторыя изъ этихъ пресловутыхъ жомалокъ каждый годъ являютъся въ Іерусалимъ, и каждый годъ приво-

(!) Поклонническимъ временемъ въ Іерусалимѣ называется промежутокъ отъ воздвиженья св. креста до пасхи.

дять съ собою новыя партіи богомольцевъ... Ходить хожалка изъ села въ село, изъ монастыря въ монастырь, рассказывая о видѣнныхъ и слышанныхъ въ Іерусалимѣ ликовинкахъ, и идуть за рассказчицей простодушные слушатели, бросивъ свои работы, собиравъ свои послѣдніе гроши. Хожалка условливается съ ними въ платѣ за свои хлопоты и везеть по знакомой дорожкѣ. У ней вездѣ есть свои благодѣтели: въ Одессѣ, Цареградѣ, Ясѣ, при помощи которыхъ она легко, съ своей партіей, достигаетъ Іерусалима. Зато какой почетъ бываетъ ей здѣсь отъ грековъ, съ какимъ благоговѣніемъ смотрятъ на нее ея подчиненные! И поведеть потомъ она ихъ по городу, толкуя и вкривъ и вкось.

Есть еще въ Іерусалимѣ особый разрядъ богомолковъ, почетныхъ и богатыхъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ, предъ которыми смиренно преклоняются всѣ монахи, и только немногіе изъ нихъ, болѣе крупнаго ранга, позволяютъ съ ними маленькую фамильярность. Такія богомолки остаются еще долго послѣ пасхи, а иногда живутъ здѣсь по нѣскольку лѣтъ; имъ конечно нехочется потерять такое почетное положеніе и ѣхать въ Россію, гдѣ онѣ вѣроятно исчезнуть въ толпѣ. Время своего житія въ божьемъ городѣ онѣ проводятъ въ молитвахъ и разныхъ благотвореніяхъ, о которыхъ потомъ сами же благовѣстятъ по всему околотку. Онѣ посѣщаютъ больницы, сочиняютъ духовныя гимны, одна изъ нихъ даже устроила школу, въ которой учить арабовъ и гречанокъ русской грамотѣ по часослову и псалтырю. Эта школа очень походитъ на дѣтскій монастырь, въ которомъ всѣ обряды ученія окружены разными религіозными церемоніями. Двѣ маленькія мусульманки, обучающіяся въ этомъ монастырѣ, вполне подчиняются его уставу, и вмѣстѣ съ прочими смиренно цѣлуютъ руки монахамъ, посѣщающимъ школу.

Изъ мужчинъ, пріѣзжающихъ въ Іерусалимъ, большинство принадлежитъ монахамъ съ Афона и съ разныхъ концовъ Россіи. Меньшинство составляютъ цывалды, крестьяне и изрѣдка помѣщики. Мужчины смотрятъ на все какъ-то солиднѣе чѣмъ бабы, но между тѣми и другими существуетъ полная дружба.

Странны бываютъ первыя впечатлѣнія новичка-поклонника въ Іерусалимѣ. Еще на родинѣ онъ представляетъ себѣ Іерусалимъ какимъ-то духовнымъ раемъ, исполненнымъ безконечной благодати божіей, и потому, отправляясь въ далекое странствіе, онъ заранѣе готовится къ подвигамъ покаянія, надѣясь на св. гробъ замолють свои грѣхи не только прошлые, но и будущіе. И вотъ онъ первое время ходитъ какъ шальной, съ умиленьемъ крестится на всѣ стороны, и со страхомъ обходитъ каждый камушекъ, боясь наступить

на какую-нибудь святыню. Въ патриархіи все еще свачала поддер-
живается это благоговѣйное настроеніе: за нимъ ухаживаютъ,
умываютъ ему ноги, принимаютъ отъ него разныя вещицы, кото-
рыя онъ привозитъ въ даръ, помня, что православіе угнетено на
востокѣ (а эти вещицы греки послѣ не знаютъ куда дѣвать, чтобы
не оскорбить жертвователя; они не смѣютъ признаться, что свято-
гробская ризница и безъ того ломится отъ множества приношеній
изъ русскаго золота и серебра). Но послѣ непредвидѣннаго сбора
денегъ у него половина умиленія пропадаетъ. Потомъ ведутъ его
въ храмъ, гдѣ его непріятно удивляетъ грязная обстановка, недо-
статокъ благоговѣнія къ святынѣ въ мѣстныхъ жителяхъ, а глав-
ное — зловоніе, наполняющее храмъ ⁽¹⁾; кромѣ того онъ видитъ,
что сами греки слишкомъ безцеремонно обращаются со святыней и
въ службѣ ихъ нѣтъ того благочевія, къ которому онъ привыкъ
въ Россіи... Все это замѣтно начинаетъ охлаждать поклонника,
тѣмъ болѣе что онъ ожидалъ впечатлѣній жаркихъ, трогатель-
выхъ. Затѣмъ его вводятъ въ кругъ земляковъ-поклонниковъ, ко-
торые уже жили съ мѣстомъ и смотрятъ на все такъ же спокойно,
какъ на свою собственность; здѣсь онъ видитъ жизнь очень обык-
новенную и окончательно свыкается съ мыслью, что въ Іерусалимѣ
можно жить, какъ и во всякомъ другомъ городѣ. Поживши нѣ-
сколько недѣль, онъ уже начинаетъ расправлять крыльшки, по-
чувавъ, что теперь онъ вольная птица, и пойдетъ погуливать, за-
водитъ интрижки и обчитывать мѣстныхъ жителей не хуже дру-
гихъ. Такимъ образомъ онъ поведетъ жизнь совершенно иначе
чѣмъ думалъ прежде.

Простота нравовъ и чувство общей свободы быстро сближаетъ
поклонниковъ. Сначала между ними бываетъ еще силенъ духъ раз-
ныхъ партій, кипятъ слетни и ссоры, но потомъ повемногу они
сходятся въ одну семью, въ одну праздничную коммуну, въ которой
всѣ религіозныя чувства уже на второмъ планѣ (я говорю о боль-
шинствѣ), и если въ эту коммуну вступить новичекъ, то онъ уди-
вится, какъ безцеремонно его земляки обращаются съ предметами
всеобщаго поклоненія... Русскій, по природѣ, не любитъ стѣсняться
и ухарски дѣлаетъ по-своему, хотя бы на него смотрѣли сотни глазъ.
Помню я, какъ однажды арабы, отливая водою пьянаго мужика, ра-
стянушагося среди улицы, не хотѣли вѣрить, что «московъ» омер-
твѣлъ отъ водки, а не отъ болѣзни. Въ одной изъ іерусалимскихъ
улицъ на поклонническое время открывается кофейня, нарочно

(1) Воздухъ портится въ храмѣ отъ того, что поклонники часто почувуютъ въ
немъ. При томъ недалеко есть отхожія мѣста.

устроенная для русскихъ, гдѣ аракъ продають уже не рюмочками, какъ обыкновенно, а стаканами, и гдѣ часто собираются наши цыганцы, щеголяя предъ греками и арабами своимъ умѣньемъ пить.

Изъ этой же кофейни турецкая стража иногда приводитъ къ консулу обезумѣвшихъ отъ арака представителей русскаго пьянства, а консулъ, видя наконецъ, что не помогаютъ никакія увѣщанія, устроилъ недавно для подобныхъ гостей особыя чуланъ, называемый у поклонниковъ «чуланомъ покаянія».

Впрочемъ теперь все еще стало лучше, когда консулы стали наблюдать за поклонниками и отдѣлили мужчинъ отъ женщинъ, помѣстивъ послѣднихъ въ особыя дома, нарочно нанятыхъ для этого. А прежде всѣхъ почти русскихъ, безъ различія пола, втискивали въ кельи Архангельскаго монастыря, гдѣ и проводили онѣ все время поклонничества въ грязи тѣлесной и душевной. Мужики ропсуютъ на то, что ихъ оставили безъ вниманія. «Чтожь, говорятъ они: развѣ бабы святѣ насъ, что имъ дали чистыя квартиры, и денегъ за это не берутъ?» И мнѣ кажется они правы.

Въ самомъ дѣлѣ, плохо приходится иногда нашимъ поклонникамъ въ Иерусалимѣ. Они не привыкли къ этимъ вѣчнымъ поборамъ; не могутъ свыкнуться съ мыслью, что здѣсь перекреститься нельзя, не заплативши извѣстной платы. Большинство богомольцевъ—люди небогатыя, и потому для нихъ тяжелы эти условія; но приходятъ часто въ Иерусалимъ такіе бѣдняки, у которыхъ гроша нѣтъ за душой, и ихъ-то житье—горе горькое: греки не любятъ такихъ. Съ вѣчными мольбами, гдѣ даромъ, гдѣ за половинную плату, они добираются таки до Яффы. Здѣсь консулъ, по заведенному порядку, отбираетъ у нихъ послѣднія деньги, чтобы пароходному обществу не пришлось везти ихъ даромъ обратно, и нищія духомъ и карманомъ, являютя они въ городъ божій въ лохмотьяхъ, часто босые, и все время живутъ подальнемъ. Богъ—знаетъ что влечетъ этихъ людей нищенствовать въ Иерусалимъ, гдѣ и безъ того многое множество нищихъ. Или думаютъ они, что и здѣсь можно прожить однимъ странничествомъ, какъ въ Россіи? Или думаютъ они впоследствии улучшить свое состояніе, примѣшивая къ своимъ рассказамъ свитое имя Иерусалима?..

Горько отзовется Иерусалимъ и зажиточнымъ поклонникамъ: за ними уже черезчуръ ухаживаютъ греки, невыпуская ихъ изъ виду, пока не вытянутъ достаточную кучку золота. Удивился я, увидѣвъ однажды, какъ два монаха вели подъ руки мужика безъ шапки, въ овчинномъ тулупѣ, который что-то бойко размахивалъ руками. Спрашиваю сосѣда объяснить значеніе этой церемоніи. «А

это монахи проиухали, что у мужика въ поясѣ много золота спря-
тано, отвѣчаетъ имъ сосѣль; ну и водятъ его по святынямъ: пове-
дутъ его слушать какъ воютъ души въ аду, подарятъ ему саванъ,
грамотку, можетъ икону какую, наговорятъ три короба душеспаси-
тельныхъ словъ, — ну и отдастъ онъ имъ свое золото, которое ко-
пилъ можетъ втеченіи многихъ трудовыхъ лѣтъ.»

И пойдетъ онъ потомъ трубить по городамъ и селамъ, какія ви-
дѣнія видѣлъ въ Іерусалимѣ, слышалъ вой грѣшниковъ, вѣлъ огонь
святой; покажетъ даже щепочки отъ гроба господня, землю съ го-
ры Голговы, и никто потомъ не увѣритъ народъ, что гробъ хри-
стовъ и Голгова — каменные...

Право сердце обливается жолчью, какъ полумаешь, что русскій
поклонникъ находитъ въ Іерусалимѣ опору своему суевѣрію и вы-
носить изъ него нелѣпыя понятія и рассказы, которые потомъ всею
тяжестью отзовутся на нашемъ довѣрчивомъ народѣ. Предостав-
ленные самимъ себѣ, или подъ влияніемъ ханжей, измѣривающихъ
вершками впадины и дыры іерусалимскія, поклонники толкуютъ
всю религіозную внѣшность *по-своему*, подгоняя ее подъ мѣрку сво-
ихъ старыхъ вѣрованій. Эти люди скорѣе откажутся отъ того, что
видятъ своими глазами, нежели отъ этихъ вѣрованій, къ которымъ
они привыкли съ малолѣтства; и напротивъ съ любовью вѣрятъ
всему, что подходитъ къ ихъ религіозному складу. И нѣтъ никого,
кто бы умлючи объяснилъ имъ значеніе и исторію іерусалимской
святыни; отдѣлилъ бы, въ ихъ понятіяхъ, истину отъ суевѣрія и
предразсудковъ, которые греки сильнѣе стараются развивать въ на-
родѣ, чтобы подѣйствовать на его щедрость. Имъ нѣтъ дѣла до
истины; имъ нужны только деньги, которыя давно уже въ гла-
захъ ихъ взяли верхъ надъ религіей... А вѣдь огромную роль
играютъ въ нашемъ простонародьи эти странники, бывшіе за мо-
ремъ, видѣвшіе гробъ христовъ, — и съ напряженнымъ внима-
ніемъ слушаетъ народъ ихъ рѣчи, вѣритъ каждому слову. Помню
я одинъ случай. рѣзко выражающій то благоговѣніе, съ какимъ
смотритъ народъ на поклонниковъ св. гроба. Я былъ въ одномъ
семействѣ, гдѣ всѣ собрались около захожаго странника и слушали
его рассказы объ Іерусалимѣ. Въ это время вошла въ комнату ста-
руха-служанка, и узнавъ въ чемъ дѣло, и кого она видитъ, молча
подошла къ страннику, положила передъ нимъ три земные поклона
и поцѣловала грязную подошву его сапога: — «ты дескать этой
подошвой попираешь святую землю!» Какая значить громадная сила
въ рукахъ этихъ странниковъ! какъ много могутъ они повредить
и принести пользы народной религіи!..

Главное, что привлекаетъ въ Иерусалимъ большинство поклонниковъ, это церемонія священнаго огня, которая совершается здѣсь въ полдень великой субботы. Дѣйствительно, эта картина такъ оригинальна, такъ эфетна, что собственно для нея можно съѣздить въ Иерусалимъ. До десяти тысячъ народа втиснулось въ этотъ день въ храмъ; вездѣ, гдѣ только была возможность помѣститься: въ стѣнахъ между колонами, на особо-устроенныхъ нарахъ, въ скажинахъ купола, на карнизахъ, буквально все было залито сплошною массою поклонниковъ. Я взгромоздился на иконостасъ, гдѣ тоже уже стояла порядочная толпа, и оттуда могъ видѣть все какъ на ладони.

Въ храмѣ нѣтъ ни одного огонька, но у каждаго изъ присутствующихъ въ рукахъ наготовѣ пукъ изъ 33 свѣчей или фитилей, въ память 33-лѣтней жизни Спасителя. Народъ шумитъ, толкается; стража бьетъ кнутами направо и налево, и въ этой давкѣ вдругъ арабы начинаютъ свои священныя пляски вокругъ часовни св. гроба съ хоругвями и крестами. Неистово хлещетъ ихъ стража, бьютъ ихъ сбитые съ ногъ богомольцы; но подѣ градомъ ударовъ, съ дикими воплями ломаются арабы по головамъ толпы, опрокидывая встрѣчныхъ, и ничто не въ состояніи остановить этихъ плясокъ, безъ которыхъ, по словамъ арабовъ, св. огонь не сойдетъ на землю. Измученные, избитые, съ нѣмой у рта, они тогда только умоляютъ, когда патріаршій намѣстникъ двинется съ процесіей къ часовнѣ. А на дверяхъ часовни лежитъ семь печатей; подлѣ нея сильная мусульманская стража. Трижды обходятъ намѣстникъ часовню, потомъ приближается къ дверямъ, сламываетъ печати и входитъ внутрь съ своимъ послушникомъ, который несетъ за нимъ незажжоную лампаду и пукъ ваты. Дверь за ними затворяется плотно. На минуту толпа стихаетъ; всѣ ждуть... И вотъ показывается огонь въ отверстіяхъ, нарочно сдѣланныхъ для этого, и съ крикомъ привѣтствуетъ народъ огонь. Всѣ рвутся впередъ, чтобы зажечь свои свѣчи изъ первыхъ рукъ; въ тоже мгновеніе ударяютъ въ колокола и била чугунныя. Громъ раздается въ воздухѣ. Огонь быстро разливается по всему храму; на нитяхъ подымается въ верхніе слои народа, зажигаются лампы, свѣчи и паникадила; въ нѣсколько минутъ весь храмъ превращается въ массу пламени; — и тутъ-то начинается невиданная картина. Арабы, съ неистовыми криками, снова начинаютъ свои пляски, махая пучками пылающихъ свѣчей. Всѣ приходятъ въ религіозный экстазъ: цѣлуютъ огонь, глотаютъ огонь, жгутъ себя этимъ огнемъ, вѣря, что онъ не жжется и предохраняетъ отъ болѣзней. Я видѣлъ молодую арабку: она медленно водила огнемъ по обнаженной груди, и изъ

глазъ ея, поднятыхъ къ небу, текли слезы. Видѣлъ какъ многіе жгли себѣ шею, руки, водили огнемъ вокругъ головы, пока не начинали дымиться волосы... Всѣ обнимались, целовались въ плечи, — и потомъ опять пляска, бѣшеная пляска съ факелами, съ криками, пѣснями, кривлявнями. Дымъ отъ пылающихъ свѣчей охватилъ всю эту массу и столбами повалилъ изъ дверей и оконъ храма. Людей не стало видно, но сквозь густую массу дыма мелькало только вокругъ нѣсколько тысячъ огней прыгающихъ, летающихъ, пляшущихъ при громѣ трезвона и при оглушительныхъ вопляхъ народа. Невозможно представить себѣ поражающаго эффекта этой картины; но была бы она кажется еще эффектнѣе, еслибы совершалась ночью: дневной свѣтъ ослабляетъ впечатлѣніе.

Когда я вышелъ изъ храма, у меня въ ушахъ еще долго отдавался шумъ; въ глазахъ мелькали искры.

По народному повѣрью, священный огонь нельзя задувать или заливать какъ обыкновенный, а надо тушить его объ свое тѣло. Этотъ обрядъ арабы, и даже нѣкоторые поклонники, исполняютъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Они ударяютъ всей массой огня въ лобъ, въ щеку или грудь, и такимъ образомъ тушатъ его. Иные даже весь пучокъ огня втискиваютъ въ ротъ и проглатываютъ огонь... Многіе выносятъ огонь съ собою по домамъ, и зажигаютъ имъ свои лампы, чады и очаги; а наши поклонницы стараются даже довести его до Россіи. На обратномъ пути, на пароходѣ, я видѣлъ одну женщину, которая везла святой огонь въ особо-устроенномъ фонарѣ, и помню ея отчаяніе, когда этотъ огонь во время бури захлестнуло водою.

Въ день католической пасхи церемонія св. огня повторяется, только съ меньшею торжественностью. Католики *явно* выскрѣаютъ огонь на св. гробъ, и потому у нихъ нѣтъ такой таинственной обстановки, какъ у грековъ. А миѣ кажется, что только эта таинственная обстановка и удерживаетъ многихъ арабовъ въ православіи.

Пасхальная служба прошла очень церемоніально, хотя тоже не обошлось безъ суматохи и драки, неизбѣжной при такомъ множествѣ богомольцевъ. Замѣчательна въ этотъ день иллюминація храма разноцвѣтными шкаликами, устроенная съ большимъ вкусомъ. При первомъ пѣніи: «Христосъ воскресъ», опять забили въ колокола и была чугуница, и въ тотъ же моментъ всѣ хоругви, стоявшія вокругъ часовни св. гроба, завертѣлись, запрыгали, изображая тѣмъ духовную радость силъ небесныхъ, невидимо присутствовавшихъ въ храмѣ. Служба продолжалась около четырехъ часовъ.

Поклонники, въ первый же день пасхи (а нѣкоторые даже накану-

пунѣ) огромными партіями тронулись въ Яффу, увозя съ собою цѣлыя бутылки св. масла и воды іорданской, кипы четокъ и иконы, раковины и куски мамврійскаго дуба, которые потомъ они будутъ выгодно сбывать въ народѣ. Іерусалимъ опустѣлъ и принялъ свой азіатскій оттѣнокъ. Спустя недѣлю, я прошолся опять по главнымъ улицамъ города и удивила меня его мертвая пустота, которая рѣзко бросилась въ глаза послѣ той оживленной толкотни, какую я привыкъ въ немъ видѣть въ великомъ посту. Лавки нето отперты, нето закрыты; на прилавкахъ кое-гдѣ сидятъ полунагіе арабы и какъ-то сонно поглядываютъ на прохожаго; взрѣдка проходятъ ослы и верблюды, — все еле движется, и всѣмъ, какъ видно, скука страшная. На площади передъ храмомъ ни души; въ храмѣ идетъ служба и человекъ пять молча прислушиваются, какъ пѣвецъ вытягиваетъ сквозь носъ свои плакучія ноты. На бѣду подулъ яловитый хамсинъ и своимъ огненнымъ дыханіемъ опалилъ зазеленѣвшія окрестности; въ воздухѣ мгла, солнце какъ кровавое пятно торчитъ на небѣ безъ лучей, даже стрижи, любители іерусалимскихъ зданій, и тѣ куда-то подѣвались...

Душно и скучно жить въ Іерусалимѣ послѣ поклонническаго времени. Іерусалимъ — это огромный монастырь, гдѣ іезуитство достигло величайшихъ размѣровъ, куда люди приходятъ только молиться, приходятъ съ благоговѣніемъ къ святости мѣста, а выходятъ обманутые, разочарованные. Душно и скучно жить въ немъ европейцу, у котораго еще не угасли требованія жизни общечеловѣческой. Конечно, первое время каждый находится подъ вліяніемъ окружающей мѣстности, гдѣ все наводитъ на историческія и религіозныя воспоминанія; но пройдетъ и это настроеніе, натура возьметъ свое: захочется пожить почеловѣчески, но Іерусалимъ слишкомъ мертвъ для такой жизни. Мѣстная святыня кладетъ на него какой-то оттѣнокъ не отъ сего міра. Всѣ новости заходятъ сюда стороной, мелькомъ; нѣтъ общества, нѣтъ книгъ, нѣтъ развлеченій: консулы живутъ особняками и въ вѣчной враждѣ между собою; мѣстные жители проводятъ время поазіатски; греческіе монахи по обыкновенію не сочувствуютъ жизни общественной, все человѣческое для нихъ неинтересно, и отъ такой обстановки можно совершенно отупѣть и одичать. Сидишь себѣ въ комнатѣ одинъ-одинехонекъ, сидишь долго, наконецъ эта пустота начинаетъ пугать; выйдешь прогуляться, но куда идти? Въ грязномъ городѣ по убійственной мостовой гулять невозможно. Пойдешь за городъ — и тамъ не на чемъ остановить взгляда: безжизненная, холмистая степь изъ бѣловатаго камня; отъ каждаго камня пышетъ какъ отъ печи, зелень вся выгорѣла и поблекла, пыль густыми

сложныи носятся въ раскаленномъ воздухѣ. Отъ нечего дѣлать зайдешь въ загородную кофейню, сиромышъ, за немѣвнѣемъ лучшаго, калявѣтъ и кофе, и сядишь себѣ на тростяниновомъ табуретѣ, поглядывая на публику. А чалмоносная публика важно и съ полнымъ благодушіемъ подлизываетъ чашки съ кофейною гущей; въ углу на цыновкѣ сидитъ арабъ и что есть силы дубаситъ въ барабанъ, а другой въ тактъ ему, сквозь толстыя губы, непускаетъ дикіе звуки, — и мало видѣтъ при этомъ восторга слушателей, съ какимъ сочувствіемъ они мычатъ и прищелкиваютъ въ ладоши. Скучно станетъ отъ такой музыки и выйдешь изъ кофейни съ тайною болью за эту жизнь, за этотъ жалкій народъ... По воскресеньямъ за городомъ бываетъ гулянье: женщины, закутанныя съ головы до ногъ бѣлыми покрывалами, бродятъ по окрестнымъ холмамъ, какъ могольскія тѣни въ саванахъ; мѣстами устраиваются скачки и схватки борцовъ-арабовъ, но все это интересно только сначала, а потомъ надоѣстъ до-жельзя. Разъ только, уже спустя долго послѣ отпльива поклонниковъ, я разслышалъ, среди народнаго говора, размашистые звуки русской хоровой пѣсни, и чутко дрогнула душа моя отъ этихъ давно неслыханныхъ звуковъ; Русь откликнулась въ сердцахъ... То пѣли наши каменщики, выписанные изъ Крыма для постройки русскаго монастыря.

Однажды была попытка устроить въ Іерусалимѣ нѣчто вродѣ концерта. Съ удивленіемъ прочли мы афиши, въ которыхъ объявлялось, что нѣкая м-же Спиро (она же и ясновидящая) намѣрепалась дать вокальный концертъ, съ платою по пяти франковъ за входъ. Вещь неслыханная въ Іерусалимѣ, которая однако кончилась ничѣмъ. Мѣстные обыватели, незнакомые съ условіями концертовъ, до того накурили въ залѣ, что бѣдная пѣвица на серединѣ кантаты закашлялась и ушла. Много говору было потомъ объ этомъ концертѣ; толковали, что мѣсто святое оскорблено этой дьявольскою выдумкой, и что пѣвицѣ вѣроятно не поздоровится на томъ свѣтѣ.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о православныхъ арабахъ, жалкій бытъ которыхъ давно уже обращаетъ на себя вниманіе завѣзжихъ свроейцевъ. Полное невѣжество и изумительная нищета заѣдаетъ этотъ бѣдный народъ, а греки, насильственно захватившіе власть надъ нимъ, не только не заботятся о его развитіи, но даже мѣшаютъ ему развиваться, боясь, что овъ очнувшись сброситъ съ себя ненавистное иго. Греки презираютъ арабовъ, не допускаютъ ихъ въ свои собранія, не даютъ имъ никакихъ вліятельныхъ дол-

жностей; греческіе епископы не живутъ даже въ своихъ арабскихъ епархіяхъ, бросивъ ихъ на произволъ своихъ намѣстниковъ, отъ которыхъ требуютъ только исправной высылки дохода. Еще недавно только завелись въ Іерусалимѣ какія-то жалкія подобія школъ, въ которыхъ учатъ арабскихъ мальчиковъ греческому языку и молитвамъ; еще недавно стали открываться школы въ окрестныхъ селахъ, гдѣ съ учениками занимаются сельскіе священники, сами ничего незнающіе, и занимаются въ такихъ катакомбахъ, предъ которыми кельи архангельскаго монастыря кажутся хоромами. Самые храмы православныхъ арабовъ въ такомъ положеніи, что приходится только пожалѣть этотъ несчастный народъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Іерусалима есть храмы, помѣщенные въ ямахъ, нарочно вырытыхъ, гдѣ иконостасъ сколоченъ изъ некрашенныхъ досокъ, гдѣ вмѣсто иконъ налѣплены безобразныя литографіи, гдѣ вмѣсто свѣчъ на престолѣ стоятъ ночники... и все это покрыто толстымъ слоемъ грязи, закопчено ладномъ, пропитано вонью прогорѣлаго масла. Попы служатъ въ какихъ-то заплатанныхъ тряпкахъ, босые, грязные... А кажется греки могли бы удѣлить арабамъ хоть часть тѣхъ пожертвованій, какія грудами сносятъ сюда поклонники.

Куда же идутъ деньги, собираемыя іерусалимскими греками чуть не со всего міра? Если предположить, что каждый русскій поклонникъ оставитъ здѣсь только по 20 руб. сер. (а ихъ иной годъ бываетъ до тысячи), то вотъ уже и 20,000 рублей, а кромѣ русскихъ ежегодно пріѣзжаютъ сюда нѣсколько тысячъ поклонниковъ изъ Греціи и славянскихъ земель, изъ которыхъ каждый привозитъ, кромѣ своихъ денегъ, значительныя суммы отъ постороннихъ благотворителей; если сосчитать при этомъ іерусалимскіе доходы изъ нѣмнѣйшій бессарабскихъ, молдо-влахійскихъ, палестинскихъ и отъ частныхъ сборщиковъ подаванія, рассылаемыхъ отсюда во всѣ концы православнаго міра, — то составитъ очень почтенная цифра, поступающая ежегодно въ казну св. гроба. Куда же идутъ эти деньги, если народъ ихъ не видитъ, и Россія попрежнему слышитъ изъ Іерусалима жалобы на безденежье и варварство турокъ?

Сколько могъ я замѣтить, турки здѣсь мало чѣмъ виноваты. Главная пропасть бездонная, куда сыплются жертвенныя денжки, это вѣчные ссоры и споры между разными религіозными партіями, которыя часто сталкиваются въ своихъ интересахъ. Партіи греческая, католическая и армянская всѣми силами души ненавидятъ другъ друга и не жалѣютъ никакихъ суммъ, чтобы переманить правительство на свою сторону и такимъ образомъ выиграть хотя одинъ аршинъ въ раздѣлѣ св. земли. Часто изъ-за пустой спорной

вещи дѣло доходить до кровавой драки и при этомъ гибнутъ миліоны піастровъ. Захотятъ напримѣръ католики служить на св. гробѣ часомъ раньше положеннаго, другія партіи непремѣнно начнутъ оспаривать и пойдутъ потомъ судиться къ пашѣ; а паша какъ судить: кто больше дастъ, тотъ и правъ. Поэтому въ храмахъ все уже подробно раздѣлено между представителями разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, назначено число свѣчъ и лампадъ, принадлежащихъ каждой партіи, размѣрены границы владѣній до каждаго вершка, и все это узаконено съ бою, послѣ долгихъ споровъ и дракъ...

Уже около 15 лѣтъ тянется споръ между ними за право починки купола надъ гробомъ господнимъ, и до сихъ поръ ни одна изъ тяжущихся сторонъ не хочетъ уступить, и все изъ-за того, что въ Іерусалимѣ право владѣнія зданіемъ приписывается тому, кто покростъ его. Тяжущіеся не хотятъ устроить складчину, потому что слишкомъ ненавидятъ другъ друга, но каждая сторона старается перещеголять другія богатствомъ подарковъ пашѣ, чтобы привлечь его на свою сторону. Чтобы прекратить этотъ споръ, правительство рѣшилось починить куполъ на свой счетъ и выслало въ Іерусалимъ матерьялы нужные для починки и архитектора съ приличнымъ жалованьемъ; этотъ архитекторъ нанялъ хорошую квартиру близъ храма и до сихъ поръ живетъ, въ ожиданіи работы, припѣваючи; матерьялы сложены въ порядкѣ, а куполъ почему-то такъ и остался безъ починки.

Бываетъ иногда, что споры прекращаются на время, и это время самое безотрадное для іерусалимскаго паши; онъ всѣми силами старается найти причину спора, и иногда находитъ. Стоитъ напримѣръ какаа-нибудь часовня на горѣ Элеонской, вотъ паша и предлагаетъ армянамъ: «чтожъ вы зѣваете? мѣсто никѣмъ не занято». Армяне благодарятъ пашу и начинаютъ понемногу обстровываться. Греки и католики замѣчаютъ и поднимаются: «какъ! говорятъ, по какому праву?» и споръ быстро закипаетъ. А паша тому и радъ: со всѣхъ сторонъ льется ему золото. Кончается большею частью тѣмъ, что спорное мѣсто занимаютъ турки, а разнымъ христіанамъ отпѣриваютъ три ровныя площадки по сторонамъ.

Кромѣ подобныхъ случаевъ расхода, бываютъ другіе непредвидѣнные. Вотъ напримѣръ нынѣшнему патріарху Кириллу захотѣлось переселиться изъ Іерусалима въ Константинополь, и за одно право этого переселенія онъ занялъ правительству 800 т. піастровъ (около 40 т. р. с.). Тамъ онъ выстроилъ и содержитъ на святогробскія деньги большое женское училище, въ которомъ учит-

ся до 300 константинопольскихъ гречанокъ, а арабы іерусалимскія довольствуются самою жалкою школою.

Много денегъ убито на постройку роскошнаго дворца, противъ патриархіи для пріема почетныхъ и вліятельныхъ поклонниковъ, и этотъ дворецъ всегда почти пустъ, потому что вліятельные поклонники рѣдко заглядываютъ въ Іерусалимъ.

Много наконецъ денегъ убито на такъ называемый крестный монастырь недалеко отъ Іерусалима. Здѣсь греки въ широкихъ размѣрахъ устроили духовную академію съ богатой библіотекой, и написали учениковъ для этой академіи, грековъ же, съ острововъ Архипелага; а мѣстные арабы только издали любятъ на эту академію...

И это бѣдное племя, скованное и обезсиленное греками, несмотря на убійственную нищету и явные притѣсненія, кротко несетъ ненавистное иго и все еще стоитъ за православіе. Надо удивляться почему не всѣ еще арабы перешли на сторону католиковъ, которые завели для своихъ единовѣрцевъ хорошія больницы, завели школы, гдѣ не только обучаютъ безплатно, но даже даютъ потомъ средства къ жизни. Вѣроятно православные арабы не знаютъ о тѣхъ доходахъ, которые собираютъ греки на ихъ имя, и все еще надѣются, что когда-нибудь у нихъ будутъ свои школы и свои ученые. Изъ среды ихъ часто выходили талантливые люди, которые искали науки, возставали противъ злоупотребленій, просили даже помощи Россіи, но такихъ людей греки ссылали въ такую трущобу, гдѣ они не имѣли никакой возможности дѣйствовать. Народъ тупѣетъ отъ невѣжества, чахнетъ отъ бѣдности; и нѣтъ никого, кто бы могъ заявить передъ людьми о его правахъ на жизнь лучшую... Самымъ голоднымъ изъ нищихъ греки для успокоенія совѣсти ежедневно раздають сухой хлѣбъ, но вѣдь однимъ хлѣбомъ человѣкъ сытъ не будетъ.

Скучно станетъ какъ подумаешь, что этотъ задавленный, оскорбленный народъ могъ бы жить лучше, еслибы ему отдали хотя часть денегъ, собираемыхъ для него патриархіей. Зачѣмъ же послѣ этого громкія фразы объ улучшеніи быта восточныхъ христіанъ? Нечего пенять на турокъ, не турки здѣсь виноваты, а тѣ, которые для своихъ единовѣрцевъ собираютъ золото чуть не со всего міра, и тратятъ безсовѣстно это золото на свои споры, свой столъ и одежду. Вѣдь этотъ народъ принялъ вашу вѣру, ждетъ вашего покровительства, и если онъ до сихъ поръ не проклялъ васъ, значитъ еще не потерялъ надежды. Вы первые невольно пробудили въ немъ нравственныя потребности жизни, вашъ долгъ теперь вести его дальше. У васъ есть средства, и ваша монашеская скромность не

оправдасть вашего бездѣйствія. Вы отвѣтите за этотъ народъ передъ судомъ челоувѣчества !..

Четыре мѣсяца прожилъ я въ Іерусалимѣ и свободно вздохнулъ, когда вышелъ потомъ на свѣтъ божій. Легко и свободно вздохнула грудь моя, когда пароходъ отдѣлялъ меня отъ береговъ земли этой...

Н. А. Вл.....

СОВРЕМЕННЫМЪ ВИТІЯМЪ

... Среди безмолвныхъ и послушныхъ,
Среди доврчивыхъ глупцовъ
Я усталъ отъ вашихъ фразъ бездушныхъ,
Отъ дрожащихъ ненавистью словъ !
Мнѣ противно лгать и лицемѣрить,
Нестерпимо — отрицаньемъ жить...
Я хочу во что-нибудь да вѣрить,
Что-нибудь всѣмъ сердцемъ полюбить.

Какъ монахъ, твора обѣтъ желанный,
Я хочу по знойному пути
Къ берегамъ земли обѣтованной
По песку горячему идти ;
Чтобы слезы падали ручьями,
Чтобъ отъ вѣры трепетала грудь,
Чтобъ съ пути, облитаго слезами,
Мнѣ ни разу не пришлось свернуть.

Чтобъ оазисъ въ золотыя страны
Отдохнуть меня манилъ и звалъ,
Чтобъ вдали тянулись караваны,
Солнце жгло, — а я бы все шагаль !
Чтобъ глаза слипались отъ дороги,
Чтобъ сгарали жаждою уста,
Чтобъ мои подкашивались ноги
Подъ тяжелымъ бременемъ креста...

А. АПУХТИНЪ

СЕМЕЙСТВО МОНСОВЪ

1699—1734

(ОЦЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ)

I

А Н Н А М О Н С Ъ

1692—1703

Въ 1698 году въ послѣднихъ числахъ августа, Москва тревожно ждала государя изъ его долговременнаго, заграничнаго путешествія. Чувство тревоги и страха волновало всѣхъ отъ великаго боярина и «генералиссимуса» Шейна до послѣдняго стрѣльца, томившася въ колодахъ за извѣстное дѣло подъ воскресенскимъ монастыремъ... Въ толпахъ «сѣраго» народа бродили разные слухи и толки; тѣ и другіе были вызываемы нелюбовью къ Петру и его нововведеньямъ, тѣ и другіе были поддерживаемы полуторагодишною отлучкой монарха. «Царя Петра Алексѣевича не стало за моремъ!» таинственно говорили тетки и сестры государя и вслѣдъ за ними вѣсть эту разносили горожанки, стрѣльцы и стрѣльчихи повторили и вѣрили ей, даже бояре-правители, охваченные, по выраженію государя: «сбабынъ страхомъ». «У насъ наверху (т. е. во дворцѣ) позамялось, шептала одна изъ враждебныхъ Петру царевенъ своей постельницѣ, хотѣли было бояре государя-царевича удушить...» «Государь, передавала стрѣльчихамъ одна изъ боярскихъ боярынь, государь невѣдомо живъ, невѣдомо мертвъ... И въ то число, какъ было бояре хотѣли государя-царевича удушить, его подѣтели и платье его на другаго налѣли, и царица узнала, что не царевичъ; а царевича сыскали въ иной комнатѣ.

Толки эти, начавшіеся чуть не со времени отъѣзда Петра, приняли громадные размѣры и были искрой, брошенной въ народъ. «Нынѣ вамъ худо, писала Софья стрѣльцамъ, а впредь будетъ еще хуже. Идите къ Москвѣ. Что вы стали?..» И стрѣльцы откликнулись на призывъ: «въ Москву, въ Москву! перебьемъ бояръ, разорвемъ Кукуй (нѣмецкую слободу), перерѣжемъ нѣмцевъ!..»

Нѣмцы остались цѣлы; уцѣлѣлъ и ненавидный народу Кукуй городокъ: стойкость Гордона и шушки Де-Граге спасли кукуйцевъ отъ народной мести; стрѣльцы были сняты, разбиты, перехвачены и 2 июля 140 обlixованы кнудомъ, а 130 человекъ, по указу Шейна и бояръ-правителей, вздернуты на висѣлицы.

Но розыскъ и казни были слишкомъ непосѣшны, милосерды и необстоятельны для столь важнаго дѣла, такъ по крайней мѣрѣ казалось Петру; «съ печалью и досадою отъ болѣзни сердца» слалъ онъ еще изъ Амстердама горькія укоризны кесарю Ромодановскому за послабленіе мятежникамъ; и вотъ съ твердымъ намѣреніемъ «вырвать сѣмя Милославскаго, угасить огонь мятежа» спѣшилъ государь въ столицу: «Сей ради причины, писалъ онъ Ромодановскому, будемъ къ вамъ такъ, какъ вы и не чаяете.»

Бояре однако чаяли и чаяли для себя грозную сиверку.

Во вторникъ, 25 августа, въ 6 часовъ пополудни, только-что прозвонили отъ вечерни, въ боярскихъ палатахъ, дворцовыхъ теремахъ, затѣмъ по всей Москвѣ пролетѣла вѣсть: государь приѣхалъ! Петръ съ Лефортомъ и Головинымъ возвратились въ столицу. Проводивъ великихъ пословъ до ихъ жилищъ, навѣстивъ нѣсколько боярскихъ семействъ, царь спѣшилъ насладиться радостями любви въ семействѣ виноторговца, одного изъ жителей Кукуй-городка, Ивана Монса. Анна Монсъ, младшая дочь виноторговца, нѣсколько лѣтъ тому назадъ успѣла привковать къ себѣ сердце суроваго монарха. Казалось разбѣянія заграничной жизни, долговременность разлуки должны были погасить любовь Петра къ Аннѣ Ивановнѣ; это тѣмъ болѣе казалось вѣроятнымъ, что во все время съ марта 1697 года по августъ 1698 года т. е. во время путешествія своего, государь ни разу не вспомнилъ объ Аннѣ, по крайней мѣрѣ этого не видно изъ многочисленной переписки съ его нѣмецкими и русскими слугами. Но видъ Кукуй-городка должно быть воскресалъ въ памяти Петра тѣ пріятные часы, которые онъ проводилъ въ семействѣ Монсъ, и вотъ онъ спѣшитъ обнять одну изъ красавицъ нѣмецкой слободы... «Крайне удивительно, писалъ австрійскій посолъ Гваргентъ, крайне удивительно, что царь противъ всякаго ожиданія, послѣ столь долговременнаго отсутствія еще одерживъ

прежнюю страстью; онъ тотчасъ по приѣздѣ посѣтилъ имъку Монсъ...» (1)

Не любовь любовью, а дѣло дѣломъ. Ночь проведена была въ деревянномъ домикѣ въ Преображенскомъ. (2) На слѣдующіе же дни Петръ поспѣшилъ принять всѣхъ и каждаго въ комъ только имѣлъ нужду; впрочемъ ни изъ его разговоровъ, ни изъ его поступковъ нельзя еще было замѣтить какіе уроки вынесены государемъ изъ его поѣздки, какія важныя нововведенія должна ждать отъ него Россія. Въ первые дни онъ только и дѣлалъ, что хваталъ своихъ бояръ за бороды и ловко ихъ отхватывалъ ножницами, «это были впервые — восклицаетъ г. Устряловъ — и самые трудные шаги къ перерожденію Россіи!» Затѣмъ изъ впечатлѣній, вынесенныхъ царемъ изъ за границы, стриженные сановники услышали похвалы венеціанскому послу. Петръ очень хвалилъ его за вкусныя блюда и вкуснѣйшіе наитки. Кромѣ посла-гастронома изъ заграничныхъ знакомыхъ Петръ очень сблизился съ королемъ польскимъ. Четырехдневныя попойки и пиршества (на обратномъ пути къ Москвѣ) до такой степени сдружили Петра I съ Августомъ II, что они обмѣнялись кафтанами. «Я люблю Августа, говорилъ царь боярамъ, щеголяя предъ ними въ платьѣ новаго пріятеля, люблю его больше всѣхъ васъ; люблю не потому, что онъ польскій король, а потому, что мнѣ нравится его личность.»

Такъ говорилъ Петръ въ бесѣдахъ съ сподвижниками и слугами; но заявляя предъ ними пріязнь къ Августу, онъ снѣшилъ однако отпраздновать радость встрѣчи съ московскими друзьями. Устроить пиръ самый роскошный и разгульный было дѣломъ веселаго Лефорта. 2 сентября къ нему собралось до 500 человекъ гостей; на пирушку, по указу царя, были созваны всѣ вѣмецкія дамы, находившіяся въ Москвѣ. Разумѣется смѣло можно предположить, что не забыли пригласить и Анну Монсъ, настоящую *царицу* праздника. Заздравные тосты, клики пирующихъ, музыка, пальба изъ 25 орудій, залпами встрѣчали каждый гость, и самая горячая пляска не переставала до поздняго утра... Но оставимте танцующихъ, поищемъ государя... Вотъ онъ сидитъ за столомъ въ облакахъ табачнаго дыма за бутылками и ковшами; Петръ окружонъ друзьями и слугами, шумна бесѣда «кумпаніи»; хмѣль развязалъ языки, и генералисимусъ, бояринъ Шейнъ, неосторожно пробалты-

(1) Guarent. Дешеш его къ имп. Леопольду I, 1698 г. въ X приложеніи исп. Петра. соч. Устрялова. Т. III. стр. 621.

(2) Преображенское лежитъ на лѣвомъ берегу Яузы, за сокольничьимъ полемъ, въ 7 верстахъ отъ Кремля. Нынѣ 2-ой кварталъ покровской части.

вается о разныхъ производствахъ и отличіяхъ, за деньги и въ большомъ числѣ сдѣлавныхъ имъ въ своемъ отрядѣ. Царь вспыхиваетъ. Выскочивъ изъ за стола, онъ спрашиваетъ о слышанномъ солдаты, стоявшихъ на караулѣ... Отвѣты солдатъ увеличиваютъ его негодование; съ страшнымъ гнѣвомъ государь выхватываетъ шпагу и бьетъ ею по столу: «какъ колочу я теперь по столу, кричатъ Петръ, такъ разобью я весь твой отрядъ, а съ тебя, генералисимусъ, едери шуру!»

Еслибы можно было перенестись въ это общество, созванное по указу царя веселить его и самимъ веселиться, еслибы можно было взглянуть на лица разстанцовавшихся пѣмокъ-красавицъ и пѣмцевъ-кукуйцевъ, мы бы увидѣли какой испугъ овладѣлъ ими при звукахъ громоваго голоса Петра; какой ужасъ оледѣнилъ общее веселье, когда увидѣли зловѣщіе размахи сабли въ рукахъ гнѣвнаго властелина. Генералисимусу грозила явная опасность; одинъ мигъ и — если не шкура, то голова его легко могло бы скатиться подъ столъ; Петръ, какъ мы уже знаемъ, былъ вообще недоволенъ послѣдними распоряженіями Шейна относительно стрѣльцовъ... Князь-кесарь Ромодановскій и князь-папа Зотовъ дерзнули удерживать государя. Тотъ не унимался; нѣсколько разъ хватилъ по головѣ князь-пану, и на половину отрубилъ пальцы князю-кесарю; два удара, направленные въ Шейна, пали на Лефорта, удары были чувствительны, но несмертельны... «Всѣ, такъ повѣствуетъ очевидецъ, были въ величайшемъ страхѣ»; ⁽¹⁾ каждый изъ русскихъ страшился попасть на глаза государю, да едва ли были храбрѣе пѣмцы и пѣмки, особенно послѣднія. Анна Ивановна (если только она была на балѣ) не дерзнула смягчить гнѣвъ властелина: за это опасное дѣло взялся молодой фаворитъ ⁽²⁾ и взялся успѣшно (*dilato haud dubie in aliud tempus furore*): голова Шейна, а также остальные пальцы его неудачнаго защитника Ромодановскаго остались цѣлы. Въ молодомъ фаворитѣ мы узнаемъ Алексашку; того самаго Алексашку, который нѣсколько недѣль спустя заявилъ особенную ловкость въ отрубаніи стрѣлцкихъ головъ... ⁽³⁾ Этотъ фаворитъ, укрощающій гнѣвъ самодержца, этотъ юноша-палачъ съ выразительнымъ личикомъ и огненными глазами, — знаменитый Меньшиковъ...

⁽¹⁾ Guarent. 622, 625, 626. *Нартовъ*, если не очевидецъ, то современникъ Петра, передаетъ подробности пира довольно сходно съ рассказомъ Guarent. Сморг. въ Москвит. 1842 г. № 4 стр. 458—460.

⁽²⁾ Слова: «der junge Favorit aber» Guarent пишетъ цыфирью.

⁽³⁾ Возстаніе и казни стрѣльцовъ въ 1698 году. «Отеч. Зап.» 1861 г. № 5 стр. 130.

Въ то время, когда пируетъ и изволитъ гнѣваться его царское величество, когда безвѣстная нѣмка съ бойнымъ фаворитомъ раздѣляютъ его вниманіе и ласки, что же дѣлаетъ злополучная, забытая царица?

Извѣстно, что еще въ бытность свою въ чужихъ краяхъ Петръ приказывалъ довѣреннѣйшимъ изъ бояръ, убѣдить царицу «во свободѣ» удалиться въ монастырь⁽¹⁾. Царица не соглашалась; надо думать, что духовникъ и патріархъ, лица, на которыхъ собственно и легло щекотливое порученіе убѣждать Авдотью Фелоровну, дѣйствовали съ недостаточнымъ усердіемъ. Петръ взялся самъ за это дѣло и не далѣе какъ на шестой день по пріѣздѣ, четыре часа провелъ въ секретной бесѣдѣ съ женой. Видно *лакомическая* рѣчь Петра не могла склонить бѣдную женщину къ насильному постригу и къ вѣчной разлуцѣ съ единственнымъ сыномъ; по крайней мѣрѣ Петръ былъ очень гнѣвенъ и незамедлялъ вымѣстить гнѣвъ на духовныхъ совѣтникахъ царицы: въ теченіи двухъ часовъ патріархъ молилъ о помилованіи его за то, что онъ не исполнилъ царскаго указа запереть царицу въ монастырь; оробѣвшій архимонастырь винилъ бояръ и нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, которые многими доводами не допустили его до этого. Оправданіе патріарха еще больше разгнѣвало царя; три духовныя лица были немедленно, по его указу, посажены въ преображенскія тюрьмы. Что же до патріарха, то онъ едва успѣлъ откупиться большими деньгами⁽²⁾...

На другой день послѣ описаннаго нами бала приступлено къ рѣшительной мѣрѣ относительно царицы: любимѣйшая сестра Петра, царица Наталья, оторвала отъ матери ея родное дѣтище; царевичъ Алексѣй отвезенъ былъ въ Преображенское. Мать строго допрашивали: почему ты не исполнила нѣсколько разъ присланныхъ изъ Амстердама повелѣній явти въ монастырь? кто тебя отъ этого удерживалъ? — Царица смиренно отвѣтила, что только долгъ матери дѣлалъ ее ослушницей царскихъ повелѣній; она не знала на кого оставить единственнаго сына. — «Затѣмъ, пишетъ Guarient, — ей оказали милость: дозволили выбрать одну изъ двухъ названныхъ монастырей для постриженія и оставали за ней право носить свѣтское платье. Царицу увезли въ Суздаль, въ Покровскій дѣвичій монастырь⁽³⁾.

Что было причиной развода Петра съ женой? — Извѣстно, что

(1) Царица Авдотья Лопухина. Очеркъ изъ Русской исторіи. — Русскій Вѣстникъ. 1859 г. № 9.

(2) Guarient. с. 623.

(3) Покровскій дѣвичій монастырь въ городѣ Суздаль — мѣсто заточенія А. Ф. Лопухиной, ст. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1860 г. № 12.

г. Устряловъ оставилъ этотъ вопросъ, — вопросъ небезинтересный и довольно важный для характеристики Петра, першешеннымъ. Почтенный историкъ довольно произвольно навязываетъ Петру сомнѣнія въ томъ, не была ли царица Авдотья въ заговорѣ съ Софьею; съ наименьшимъ же произволомъ онъ набрасываетъ на нее тѣнь подозрѣнья: не участвовала ли де она въ замыслахъ Соковинна, и за всѣмъ тѣмъ все-таки сознается, «что чѣмъ провинилась царица предъ мужемъ — остается тайной». Намъ кажется, что не зачѣмъ и доискиваться разъясненія этихъ тайнъ догадками объ участіи Авдотьи въ какихъ-то замыслахъ и заговорахъ; не только сочувствовать имъ, но даже и знать о нихъ — царица не могла. Не надо забывать, что она была матерью двухъ сыновей, пржитыхъ отъ своего «лапушки Петруши», не надо забывать, что она горячо любила мужа — о немъ свидѣлствуютъ ея письма и ея ревность къ государю; малѣйшаго же участія царицы въ какихъ бы то ни было заговорахъ было бы достаточно для строгой казни; будь это участіе и Петръ не сталъ бы церемониться, тратить время на убѣжденія жены удалиться въ свободѣ, на личныя объясненія съ нею, не сталъ бы и дѣлать ей послабленій даже и на первое время, какъ-то: разрѣшеніе носить скѣтское платье въ монастырѣ и проч. — Нѣтъ, натура Петра въ такихъ случаяхъ не сдерживалась ничѣмъ, никакими связями родства, никакими приличіями... доказательства этого всѣмъ извѣстны. И такъ не въ минимомъ и ничѣмъ не доказанномъ сочувствіи царицы Авдотьи къ дѣлу противниковъ своего державнаго супруга, надо искать причину ея ссылки и заточенья: причина заключалась въ томъ, что Авдотья Федоровна ни мало не соответствовала идеалу Петра; она — не сошлась характерами. Мы представляемъ себѣ Авдотью Федоровну идеаломъ такъ называемыхъ до петровскихъ женщинъ, образцомъ царицъ московскихъ XVII вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, скромная, тихая, весьма набожная, она обилась съ терпѣвымъ заточеніемъ; она нянчилась съ малютками, читаетъ церковныя книги, бесѣдуетъ съ толпой служанокъ, боярынь и боярышень, затѣмъ сътуетъ и печалится на вѣтренность мужа. Жгучей, страстной, перемистой натурѣ Петра была нужна не такая женщина, — ему нужна была не безмолвная, величій цѣломудренная царица, одна изъ тѣхъ царицъ, къ которымъ, по словамъ Котошихина, не допускали иноземныхъ пословъ, изъ болзни, что государыня царица не сказала бы какой-нибудь глупости, «и отъ того пришло бы самому царю въ стыдъ» (1)...

(1) Московскаго государства, говоритъ Котошихинъ, женской полъ грамотѣ неученыя, и не обаяйтому есть, а природнымъ разумомъ простоваты, и на отто-

Она глупа! говаривалъ Петръ о первой супругѣ (1), следовательно онъ прямо считалъ ее такой царицей, «отъ которой пришло къ ему въ стыдъ»; и такъ — ему нужна была женщина, взрослая не въ русскихъ понятіяхъ. Ему нужна была такая подруга, которая бы умѣла не плакаться, не жаловаться, а звонкимъ смѣхомъ, нѣжной лаской, шутивнымъ словомъ кстатн отогнать отъ него черную думу, смягчить гнѣвъ, разогнать досаду; такая, которая бы не только не чуждалась его пирушекъ, но сама бы страстно ихъ любила, плясала бы до упаду, ловко и бойко осушала бы бокалы. Статная, выдавая, ловкая, крѣпкая мѣшцами, высоко-грудая, съ страстными огненными глазами, находчивая; вѣчно веселая словомъ женщина не только по характеру, но даже и въ физическомъ отношеніи не сходная съ царицей Авдотьею, — вотъ что было идеаломъ Петра: его подруга должна была умѣть утѣшить его и пляской и красивымъ иноземнымъ нарядомъ, и любезной ему, нѣмецкой или голандской рѣчью съ какимъ-нибудь посломъ ли иноземнымъ, съ купцомъ ли заморскимъ или иноземцемъ-ремесленникомъ... Понятно, что такая женщина не могла встрѣтиться Петру въ семействахъ бояръ; въ концѣ XVII столѣтія, въ Россіи онъ ее могъ только найти въ нѣмецкой слободѣ... Анна Монсъ, какъ ему показалось, подошла къ его идеалу, она-то и сдѣлалась послѣднимъ поводомъ къ заточенью царицы (2). И мы убѣждены, вопреки г. Устрялову, что ни какихъ *болѣе важныхъ побужденій*, кромѣ названныхъ нами, не было со стороны Петра; но и ихъ было достаточно для Петра и — онъ оторвалъ отъ своего ложа жену, даровавшую ему наследника престола.

Какъ бы то ни было, но фактъ, къ великому соблазну народа, совершился: царь развелся съ женой, — и затѣмъ съ необыкновенной энергіей началъ «гасить огнь митезный». — Кремлевскія стѣны покрываются трупами; московскія площади обливаются кровью стрѣльцовъ, возставшихъ противъ «иноземческаго» царя, противъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ нововведеній; почти всѣ стрѣльцы героями

вѣры несмышляды и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ — и потому мочно дозватца, отъ чего къ нимъ быти гораздо разумнѣй и смѣлѣй: такъ же какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потому жъ люди видаютъ мало. И толкъъ царь въ то время учинилъ такъ, что... посломъ велѣлъ бы быти у царицы своей на посольствѣ, а она бы выслушавъ посольства, собою отбыти не учинила бы никакого, и отъ того пришло къ самому царю въ стыдъ. *Житіе Петра Великаго*. стр. 46.

(1) *Нартовъ* въ Москвит. 1842 г. № 11 стр. 140.

(2) Тоже думаетъ *Щербатовъ* въ соч. «О поврежд. нравствѣ» стр. 29.

умирають за старую Русь, погребаемую Петромъ; не даромъ же и доселѣ народъ поетъ про стрѣльцкіе казни:

Изъ Кремля, Кремля крѣпка города,
 Отъ дворца, дворца государева,
 Что до самой ли Красной площади,
 Пролежала тутъ широкая дорожка;
 Что по той по широкой, по дороженькѣ,
 Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
 Добра молодца большого боярина,
 Что большого боярина, атамана стрѣльцкаго,
 За измѣну противъ царскаго величества.
 Онъ идетъ ли молодецъ — не отступаетъ,
 Что быстро на всѣхъ людей — озирается,
 Что и тутъ царю не покоряется.
 Предъ нимъ идетъ грозень палачъ;
 Во рукахъ несетъ остеръ топоръ;
 А за нимъ идетъ отецъ и мать,
 Отецъ и мать, молода жена;
 Они плачутъ, что рѣка льется,
 Возрыдають, какъ ручьи шумятъ,
 Въ возрыданья выговаривають:
 - Ты, дитя ли наше милое,
 Покорися ты самому царю,
 Принеси свою повинную,
 Авось тебя государь-царь пожалуетъ,
 Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ.
 Каменѣетъ сердце молодецкое,
 Онъ противится царю, упрямствуетъ;
 Отца, матери не слушаетъ,
 Надъ молодой женой не сжалится,
 О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ.
 Привели его на красную площадь,
 Отрубили буйну голову,
 Что по самы могучи плечи.

Въ продолженіи одного октября мѣсяца, въ разные дни, восемь длиннѣйшихъ процесій стрѣльцовъ протянулись по улицамъ столицы: ихъ везли и вели на кровавое побоище; Москва приобывалась къ подобнымъ картинамъ:

Какъ изъ славнаго села Преображенскаго,
 Что изъ гого приказу государева,
 Что вели казнить добраго молодца,
 Что казнить его, — повѣсить;
 Его бѣлы руки и ноги скованы,

По правую руку идетъ страшенъ палачъ,
По лѣвую идетъ его мать родная..

Но не легки еще были подобныя картины для русскаго народа, не легко было в самому виновнику страшныхъ зрѣлищъ — царю Петру Алексѣевичу: «отъ мысли о бунтовавшихъ стрѣльцахъ, говоривалъ онъ въ это время, гилръ отечества, всѣ улы во мнѣ трепещутъ; помысла о томъ, заснуть не могу. Такова сія кровожадная саранча!» (1)

По свидѣльству одного изъ близкихъ къ нему людей, Петра держали тогда по ночамъ такія конвульсія во всемъ тѣлѣ, что онъ клалъ съ собой въ постель одного изъ деньщиковъ и только держась за его плечи, могъ заснуть; судорожное подергиванье головы; шеп и личныхъ мускуль въ Петрѣ усилились со времени избіенія стрѣльцовъ (2). «Юный фаворитъ» былъ съ нимъ неразлученъ; Петръ сильно привязался къ нему; онъ видѣлъ въ Алексашкѣ будущаго надежнѣйшаго и преданнѣйшаго изъ своихъ слугъ, ничѣмъ не связаннаго съ ненавистной для него старинной; въ Меньшиковѣ для Петра выросло поколѣніе его ставленниковъ, его птенцовъ...

— Къ Алексашкѣ Меньшикову, говорилъ между прочимъ московскій гость Романовъ одному изъ своихъ знакомыхъ, государева милость такова, что никому таковой нѣтъ.

— Што-жъ, отвѣчалъ знакомый, молитва о томъ Алексашки къ Богу, что государь къ нему милостивъ.

— Тутъ Бога и пebyмо; чортъ его съ нимъ снесъ . . . . . что вольно ему, что чорту въ своемъ озерѣ возиться, желаетъ, что хочетъ (3)...

Въ то время, какъ Петръ скасовываетъ стрѣльцовъ, а въ народѣ бродятъ истолкованія чувствъ и симпатій Петра, обратимся къ той, въ обществѣ которой отдыхалъ Петръ въ это полное крови и ужаса время. Постараемся прослѣдить съ какого времени и при какихъ обстоятельствахъ возникло расположеніе Петра къ Аннѣ Монсъ, какова была эта женщина, окончательно остудившая его къ царицѣ, и ускорившая рѣшеніемъ ея горькой участи; что это за женщина которой, по свидѣтельству иноземцевъ, отдавъ сердце, Петръ по-

(1) *Нартовъ*. - Москвитян. - 1842 г.

(2) *Нартовъ*. - Москвитян. - 1842 г. № 4 стр. 466—467.

(3) Изъ дѣлъ преобраз. приказа: дѣло гостя Романова, по извѣту тяглица Золотаря. 30 августа 1698 г. Розыскъ тянулся годъ; богатый гость послалъ Алексашку Меньшикову боченокъ съ 1000 рублями, царь замѣтилъ посланнаго и деньги отправлены въ преображенскій приказъ. Алексашкѣ однако удалось удержать у себя 200 рублей; но заступничество его опоздало: Романовъ умеръ въ тюрьмѣ. Будущій птенецъ Петра съ юныхъ лѣтъ обывался принимать взятки.

премѣнно раздѣлялъ бы съ ней и корону всея Россіи (1), еслибы только на его любовь красавица отвѣтила такую же страстью? Нечего и говорить, что вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ Анна Ивановна выступаетъ изъ ряда дюжинныхъ любовницъ великихъ персонъ и заслуживаетъ нѣсколькихъ страничекъ въ очеркахъ частной жизни Петра-великаго.

На правомъ берегу Яузы, изстари, еще со времянь Ивана Грознаго особюю слободою поселены были иноземцы разныхъ вѣръ и націй; нѣмецкая слобода была какбы особый городокъ, рѣзко выдѣлявшійся, какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по образу жизни своихъ обитателей. Разоренный и уничтоженный «въ нужное и прискорбное время» т. е. вначалѣ XVII вѣка «Кукуй городокъ» (2) снова возникъ при царѣ Алексѣѣ (3).

Шотландцы, голландцы, англичане, французы и другіе иноземцы, доселѣ раскинутые по всей Москвѣ, водворены были теперь въ Новоиноземческую слободѣ. Отведенные подъ нее пустыри быстро покрылись прекрасными домиками, огородами и садами; надъ слободой возвысились иноземскія кѣрки и жизнь совершенно особнячкомъ пошла на Кукуй. Тутъ были люди всѣхъ націй, разныхъ вѣроисповѣданій, языковъ, «художествъ и ремеслъ». Подлѣ дома генерала подымалось жилище и нѣмецкаго гостя; бѣцъ доктора жила какой-нибудь виноторговецъ, даже золотыхъ дѣлъ мастеръ, плотникъ и другіе ремесленники; генералы и полковники иноземцы большею частью жили въ слободѣ; изъ негоціантовъ здѣсь были замѣтнѣе другіе дома Кельдермана «московскаго государства повѣриваго и чести достойнаго» Даніэля Гартмана, Яна Любса, золотыхъ дѣлъ мастера Моиса и др. Тутъ-же жили семейства покойныхъ служилыхъ иноземцевъ, какъ напр. генерала Гамильтона и другіе (4). Несмотря на сословныя отличія и разность занятій, иноземцы, говоря вообще, жила не замкнуто въ своихъ семьяхъ, или въ небольшихъ кружкахъ. Жизнь общественная при первыхъ благоприятныхъ для иноземцевъ обстоятельствахъ получила въ Кукуй-городкѣ широкое развитіе, особенно тогда, когда московское правительство въ лицѣ Петра, стало имъ покровительствовать.

(1) *Helbig Russische Günstlinge*, стр. 110—112.

(2) Такъ прозывалась слобода отъ близъ протекавшаго ручья Кукуя.

(3) П. с. з. т. I № 85.

(4) О Гамильтонѣ въ статьѣ: «Фрейлина Гамильтонъ». Отеч. Зап. 1860 г. № IX.

Почти всѣхъ хорошенккихъ дамъ и дѣвицъ, — а красавицами изобилывала слобода, — можно было встрѣтить на любой вечерникъ у какого-нибудь негодянта. Вечернія сходки были безпрерывны; на нихъ обыкновенно старики и важные иноземцы собирались въ отдѣльномъ покоѣ, дымили трубками, да осушали стаканы, а молодежь безъ устали танцевала въ сосѣднихъ покояхъ; тутъ были и безконечный польскій, и грось-фатеръ, и какой-то танецъ съ поцѣлуями; пляски — зачастую начатыя въ 5 часовъ пополудни — оканчивались къ 2 часамъ утра; устали и церемоній не знали; простота и свобода доходила до грубости; ссоры, драки между подгулявшими кукуйцами были ежедневно... Тамъ не менѣе, люди пріѣзжіе веселью дивились тому, какъ весело проводили время жители иноземческой слободы; не проходило почти ни одного вечера, чтобъ они не сходились другъ къ другу съ женами, дочерьми, племянницами... Въ то время, когда русская боярыня или боярышня отвѣщая поклоны за торжественными обѣдами московской знати, либо церемонно лобызалась съ почетными гостями, по волѣ хозяина дома, въ то время, когда отъ этихъ теремныхъ красавицъ трудно было добиться другихъ отвѣтовъ кромѣ «да», «нѣтъ», «не знаю», въ это время на другомъ берегу Яузы, въ семействахъ и общихъ собраніяхъ иноземцевъ царилъ относительная свобода, веселье и простота. Мудрено ли послѣ этого, что пылкій Петръ, никакъ немоги примириться съ обрядностью и торжественностью русскаго быта тогдашнихъ бояръ, всей душой полюбилъ частную и общественную жизнь иноземцевъ.

Мы не станемъ, вслѣдъ за г. Устряловымъ, увѣрять, что молодого монарха съ первыхъ же годовъ таянула на Кукуй городокъ жажда получить отъ иноземцевъ «образованіе для себя и для своего народа»; кто знаетъ молодость Петра (а г. Устрялову она известна лучше чѣмъ кому-нибудь другому), тотъ хорошо знаетъ и то, что государь, по крайней мѣрѣ въ первое время, ласково протянулъ руку чужеземнымъ пришельцамъ вовсе не съ такою высокою цѣлью, а просто ради веселаго и пріятнаго препровожденія времени. Но дѣйствительно эти веселыя пирушки на Кукуѣ сдѣлались школою для Петра, и притомъ такой школой, изъ которой вынесенное далеко и далеко не все было доброе; здѣсь то Петръ, по выраженію народа, излишне «почалъ вѣрвати въ нѣмцевъ», не даромъ же народъ съ такой ненавистью и озлобленіемъ относился къ кукуйцамъ ⁽¹⁾.

Впрочемъ Петръ мало интересовался симпатіей или антипатіей

⁽¹⁾ *Аделунгъ* о Мейербергѣ изд. 1827 г. стр. 207—209; *Олсарій*, *Берггольцъ*, *А. Гордонъ*, *Устряловъ* и др.

народа; шведская слобода довольно рано сдѣлалась для него отдалѣннѣйшимъ уголкумъ въ Москвѣ; здѣсь онъ задолго еще до заграничной поѣздки переходилъ отъ одной потѣхи къ другой, здѣсь слагались у него планы смѣлыхъ походовъ его на берега Чернаго моря (1), здѣсь за чарамъ пива и водки выслушивалъ онъ длинныя и, безъ сомнѣнія, хвастливыя рассказы иноземцевъ о красотахъ заморской жизни; здѣсь наконецъ Петръ вкусилъ радости любви...

Іоаннъ Монсъ, уроженецъ города Миндена, что на Везерѣ (2) по извѣстіямъ Корба (3), былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ; по словамъ другихъ писателей, между прочимъ Гваріента, Монсъ былъ вино-торговецъ. Быть-можетъ оба ремесла служили средствомъ существованія этого семейства. Оно прибыло въ Россію во второй половинѣ XVII столѣтія; Монсъ пріѣхалъ изъ города Миндена съ двумя атестатами отъ городскихъ властей о его способностяхъ и ученіи, съ женой, весьма заботливой хозяйкой и съ нѣсколькими дѣтьми. Рассказы и письма кукуйцевъ, прежнихъ выходцевъ изъ заграницы, родственныя связи и наконецъ, что самое важное, надежды на обогащеніе привлекли Монса въ отдаленную Московію. Въ грамотахъ, привезенныхъ имъ съ собой, сказано было, что Іоаннъ въ имперскомъ вольномъ городѣ Вормсѣ два года обучался съ большими успѣхомъ «бочарному мастерству» (4); безъ сомнѣ-

(1) «По указу государеву» вынѣ (въ 1697 году) намъ гостямъ, говорили довольные купцы, указано устроить корабли на Воронежѣ; а чортъ дя его государя несетъ подъ Царь-городъ, жаль силы что пропадетъ, а онъ государь хоть бы и пропалъ мало горя! (Дѣл. преобр. приказа 1698 г.) Подобные толки показываютъ, какъ неохотно принималъ народъ даже тѣ повѣненія нелюбезнаго ему государя, который явно клонился къ пользѣ и величію Россіи.

(2) *Helbig Russische-Günstlinge* говоритъ, что *Mons de la Croix* былъ родомъ изъ Франціи, сынъ содержателя таверны (Weinschenke), отецъ его поселился сначала въ Ригѣ, а оттуда перешолъ въ Москву. По словамъ другихъ Монсъ былъ по происхожденію фламандецъ. Нужно однако замѣтить, что прибавленіе къ его фамиліи de la Croix встрѣчается гораздо позже и только въ письмахъ, отпосланныхъ къ его второму сыну, знаменитому Виллиаму Ивановичу.

(3) *Diarium itineris in Moscoviam*. Vienna. 1700 стр. 106. Въ своемъ дневникѣ 1698 и 1699 годовъ. Корбъ часто упоминаетъ о *domicella Mons*.

(4) Двѣ грамоты, привезенныя Монсомъ были: а) свидѣтельство отъ бургомистра и совѣта гражданъ Миндена въ томъ, «что почтенный и уважаемый Іоаннъ Георгій Монстъ, законнорожденный сынъ бывшаго оберъ-вакхистра кавалеріи Тилемана Монста и Маргариты Монстъ, урожден. Роббенъ, можетъ быть принять во всѣ цехи, гильдіи, общества и коллегіи; въ чемъ и выдано ему Іоанну-Георгу Монсту это метрическое свидѣтельство. Городъ Минденъ, 7-го августа, 1657 года. Второй документъ выданъ Монсту: б) отъ Ганса Леонгардта-Бендта, гражданина имперск. вольн. города Вормса, мастера изъ бочарнаго цеха. Бендтъ выданною изъ цеха грамотою свидѣтельствовалъ, что «Іоаннъ-Георгій Монстъ изъ Миндена, сынъ Тилемана Мунста», бывшаго вакхистра короля шведскаго,

нія, это же ремесло, а затѣмъ болѣе выгодная спекуляція виноторговля и дали средство Монсу къ безбѣдному существованію. У него было три сына; изъ нихъ намъ извѣстны: Филимонъ и Виллиамъ, и двѣ дочери Модеста, въ русскомъ переводѣ Матрена и Анна. Съ домою старика Монеа хорошо былъ знакомъ съ самаго пріѣзда своего въ Россію (1676 г.) знаменитый Лефортъ; гуляка, поклонникъ женской красоты, онъ часто бывалъ у виноторговца и ухаживалъ за хорошенькими дочерьми; изъ нихъ старшая скоро вышла замужъ за иноземца Федора Балка. Если вѣрить Гваріенту, а не вѣрить ему нѣтъ основанія, младшая изъ сестеръ Монсъ сдѣлалась любовницей ловкаго женевца. «Монсы, по словамъ Гюйсена, принимали Лефорта очень гостепріимно. Потомъ, когда при стрѣлцкомъ возстаніи Лефортъ выказалъ свою приверженность царю и былъ за то награжденъ высокими государственными званіями, тогда онъ изъ похвального великодушія (слова Гюйсена) остался признательнымъ къ Монсамъ, возвыщалъ ихъ и вообще старался сдѣлать эту фамилію соучастницею своего счастья».

Такъ объясняетъ причину возвышенія Монсовъ Гюйсень, извѣстный воспитатель царевича Алексѣя и авторъ хвалебныхъ брошюръ о Петрѣ I. Дѣло, какъ кажется, было проще; ни о какомъ похвальномъ великодушіи рѣчи небыло; Лефортъ всегда старался потѣшать своего державнаго питомца, доставлялъ ему всякаго рода развлечения и, разумѣется, какъ на веселую и пріятную утѣху указалъ на красавицу Монсъ... Анна Ивановна, по словамъ болѣе правдиваго Гваріента, сдѣлалась фавориткою обоихъ друзей ⁽¹⁾.

Почти одновременно съ любовью къ Монсъ около 1692 года начинается охлажденіе Петра къ его законной супругѣ; онъ неохотно съ ней переписывается, не отвѣчаетъ на ея письма, не обращаетъ вниманія на ея упреки; въ 1693 году государь бьетъ ея брата Аврама Лопухина, бьетъ по щекамъ за ссору его съ Лефортомъ; вскорѣ царица съ глубокой скорбью пишетъ къ мужу: «Только я бѣдная, на свѣтѣ безчастная, что не пожалуешь, не пишешь о зловрѣяхъ своемъ. Не презри, свѣтъ мой, моего прошенія...» Но свѣтъ

въ 1657 году отданъ былъ мнѣ на два года для обученія его бочарному ремеслу. Впродолженіе всего этого времени Мунстъ былъ усерденъ въ ученіи, благоправенъ въ поведеніи и совершенно изучилъ бочарное ремесло 1659 г. Оба свидѣтельства писаны на пергаментѣ съ приложеніемъ черныхъ восковыхъ печатей, налитыхъ въ деревянную оправу и привѣшанныхъ на шолковыхъ лентахъ. Этого Іоаннъ Монстъ, Мунстъ или Монсъ — (одно и тоже лицо) живъ былъ еще въ 1703 году, что видно изъ сохранившейся долговой его росписки генералъ-фурьеру Іоанну Гольцу — въ 100 рейхсталерахъ — 1703 года; онъ умеръ не позже 1705 года.

(1) Устряловъ истор. Петра I, т. III, прилож. X стр. 621.

не внемлетъ ея пѣснямъ, и между поѣздками на Бѣлое море, между великими потѣхами въ окрестностяхъ Москвы, ищетъ отдыха не у нея «безчестной», а въ обществѣ Лефорта и своихъ друзей, въ домѣ красавицы Кукуй-городка. Можно представить себѣ послѣ этого, съ какимъ негодованіемъ смотрѣла цар. Авдотья на нѣмецкую свободу; и станемъ ли мы винить ее вслѣдъ за г. Устряловымъ за то, что она считала кукуйцевъ за нехристей и развратниковъ: вѣдь слободская пѣмка оторвала отъ ея ложа «лапушку свѣтъ Петрушеньку». Между тѣмъ государь два раза слеталъ подъ Азовъ:

Подъ тотъ ли подъ славной подъ Азовъ городъ,
Что подъ тѣ ли стѣны бѣлокаменные,
Ахъ подъ тѣ ли подъ раскаты, подъ высокіе...

А тутъ путешествіе за границу; Петръ оставляетъ жену подъ надзоромъ бояръ и духовныхъ, имъ и поручаетъ удалить ее въ монастырь; что же до Анны Монсъ, то ее осыпаетъ подарками и въ знакъ благоволенія беретъ съ собой ея старшаго брата Филимона⁽¹⁾. Народъ вѣзаметлилъ подмѣтить разрывъ царя съ царицей и глухо заговорилъ о томъ, будто бы бояре бьютъ уже государыню по щекамъ...

Таковы были отношенія Петра къ двумъ женщинамъ, когда вѣсть о стрѣльцкомъ возстаніи заставила его преждевременно возвратиться въ Москву. Мы видѣли, какъ съ перваго же вечера вспыхнула въ немъ прежняя страсть къ Аннѣ Ивановнѣ. Отсюда значеніе ея все болѣе и болѣе растетъ. На сколько же заслуживала безвѣстная нѣмка любовь Петра?

Иностранцы и преимущественно нѣмцы отзываются о ней съ большими похвалами; Helbig напримѣръ сводитъ отзывы *ослѣ* объ Аннѣ Монсъ и на основаніи этого свода выходитъ, что «эта особа служила образцомъ женскихъ совершенствъ: съ необыкновенной красотой она соединяла самый плѣнительный характеръ; была чувствительна, не прикидывалась страдальцей; имѣла самый обворожительный нравъ, невозмущаемый капризами, не знала кокетства, плѣнала мужчинъ, сама того не желая, была умна и въ высшей степени добросердечна»⁽²⁾. Кромѣ этихъ отиѣнныхъ качествъ, по вѣрніямъ тѣхъ же нѣмцевъ, Анна была до такой степени цѣло-

(1) -Филимонъ Монсовъ въ «Спискѣ всякихъ чиновъ людямъ, которые нынѣ въ посольствѣ 1697 г.» значится пажомъ при первомъ послѣ, т. е. при генералъ-адмиралѣ Францѣ Яковлевичѣ Лефортѣ. *Устряловъ*, III, стр. 572.

(2) -Russische Günstlinge-: Кейзерлингъ, урожденная Монсъ де ла Круа, стр. 110—112.

мудренна, что на любовныя предложенія Петра отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ.

Эти восторженные отзывы нѣмцевъ, вызванныя желаніемъ возбудить сочувствіе къ судьбѣ своей единоземки, разлетаются при первомъ знакомствѣ съ подлинными документами и съ рассказами безпристрастныхъ современниковъ. Такъ дѣломудріе было не въ характерѣ Анны Ивановны: съ легкой руки Лесорта она всецѣло отдалась Петру; объ этомъ заговорили вездѣ: въ домахъ иноземцевъ, въ избахъ простолюдиновъ, въ колодничьихъ палатахъ.

— Относилъ я венгерскую шубу къ иноземкѣ, къ дѣвицѣ Аннѣ Монсовой, говорилъ между прочимъ нѣмецъ, портной Франкъ аптекаршѣ Якимовой, и видѣлъ въ спальнѣ ея кровать, а замаскированно на ней золотныя...

— Это не та кровать ты видѣлъ, прервала аптекарша: — а вотъ есть другая, въ другой спальнѣ, въ которой бывають государь; здѣсь-то онъ и опочиваетъ...

Затѣмъ аптекарша пустилась въ «неудобно-сказываемыя» подробности.

— Какой онъ государь, говоритъ о Петрѣ колодникъ Василъ Ворлюкъ въ казенкѣ преображенскаго приказа одному изъ своихъ товарищей-колодниковъ, какой онъ государь! Бусурманъ! въ среду и пятницу ѣсть мясо и лягушки... царницу свою сослалъ въ осылку, и живетъ съ иноземкою Анной Монсовой... (1)

Петръ рѣшительно сталъ смотрѣть на нее какъ на будущую свою супругу-дарицу; смерть Лесорта, лишивъ его любимѣйшаго друга, въ тоже время избавила царя отъ совѣтника и вывела изъ нелюбоваго положенія «старую» ему Анну (такъ она подписывала свои письма). Въ концѣ апрѣля 1699 года государь отправился въ послѣдній походъ подъ Азовъ и его субъ-супруга успѣшила завязать съ нимъ нѣжную переписку; къ сожалѣнію, изъ нея уцѣлѣло только вѣтъ писемъ Анны Монсъ (2), но ихъ довольно, чтобъ судить о характерѣ корреспонденціи и о характерѣ писавшей; что до отвѣтовъ Петра, то они не дошли до насъ: ихъ, какъ кажется, уничтожили въ годъ разрыва государя съ его фавориткой. Уцѣлѣвшія письма Анны къ государю писаны порусски, за исключеніемъ подписей и маленькихъ приписокъ ея руки частью на нѣмецкомъ, частью на голландскомъ языкахъ, но такъ какъ Анна порусски писать не умѣла, то русскій текстъ писанъ рукой секретаря (3).

(1) Столбцы преображ. приказа 1220/48—1243/48.

(2) Онѣ напечатаны нами въ «Русск. Вѣсти.» 1860 г. № 17 въ приложеніи, къ ст. -Наталья Федоровна Лопухина».

(3) Едвали не Адамомъ Вейде; но крайней мѣрѣ онъ отсылалъ и даже при-

Въ этихъ письмахъ (1) мы находимъ обычныя пожеланія: «милостивѣйшему государю Петру Алексѣевичу» желаю «многочлѣтнаго здравія и счастливаго пребыванія», затѣмъ убѣдительношая просьба: «дай государь милостиво вѣдати о своемъ государскомъ многочлѣтномъ здравіи, чтобъ мнѣ бѣдной, о такомъ великомъ здравіи всѣмъ сердцемъ обрадоваться»; впрочемъ полюбныхъ просьбъ ретечать кажется доводилось немного, такъ какъ въ пяти письмахъ Анны мы находимъ двѣ ея благодарности государю за его отвѣты: «челомъ бую милостивому государю за премногую милость твою, что пожаловалъ обрадовалъ и далъ милостиво вѣдати о своемъ многочлѣтномъ здравіи чрезъ милостивое твое писаніе, объ которомъ я всѣмъ сердцемъ обрадовалась, и молю Господа-Бога» и проч. «и дай-богъ, чтобъ намъ вскорѣ видѣть милостивое пришествіе твое»; изъ этихъ церемонныхъ, официальныхъ фразъ можно думать, что Петръ не доводилъ еще Анну до излишней съ нимъ короткости, но однако тутъ же мы находимъ знаки нѣжныхъ заботъ «Аннушки» о своемъ горю. Она хлопочетъ, по его просьбѣ, достать нѣсколько склянецъ какой-то «цедрооли»; «вельми печалится», что не удается ее достать; жалуетъ, что у нее «убогой крыльевъ нѣтъ», а «еслибы у меня убогой, пишетъ Момсъ, крылья были и я бы тебѣ милостивому государю сама принесла» (цедрооль).

Въ ожиданіи, пока выростутъ крылья или по крайней мѣрѣ добудетъ завѣтный пактотокъ «вѣрнѣйшая до своей смерти» Анна Ивановна (*sein getreue dienerin bet in mein dot*) носылаетъ «четыре цитрона и четыре апельсона», чтобъ государь «кушалъ на здоровье», а заковецъ носымаетъ и цедрооли двѣнадцать скляницъ, причѣмъ проситъ не пить: «больше бѣ прислала, да не могла достать.»

Съ такими нѣжными заботами относительно государя, казалось бы Анна Ивановна рѣшительно должна была приковать къ себѣ эту шилкую натуру: такъ и случилось, но не надолго. Красавица, ангелоподобное существо, какой изображаютъ ее чувствительныя вѣщцы, не любила Петра; она и отдавалась-то ему только изъ корысти, ради собственной прибыли и возвышенія своей фамиліи. Еще не успѣвъ заявить ничѣмъ, кромѣ посылкою апельсинъ, цитроновъ и цедрооли, какими болѣе важными подвигами преданность сво-

писывалъ отъ себя въ письмахъ Анны Ивановны къ государю. Интересныя анекдоты о немъ у *Helbig'a*, стр. 98—102.

(1) Отъ 28 мая, 8 іюня, безъ числа, 28 іюля и отъ 11 сентября; на двухъ изъ нихъ означенъ адресъ: «Asoff- An Myн heer groot commandeur Peter Alexewitz; на одномъ обозначенъ Anno 1699 г., но по общему характеру писемъ можно догадываться, что онѣ все принадлежатъ къ одному 1699 году.

ему благодѣтелю, Анна уже торопилась выѣзжать въ разныя тяжбы и ходатайствовать предъ государемъ въ дѣлахъ, которыя вовсе до нее не касались. Много ли уцѣлѣло ея писемъ къ Петру; а въ двухъ изъ нихъ она проситъ за вдову Петра Салтыкова въ дѣлѣ ея съ Лобановымъ, молитъ о перенесеніи этого дѣла изъ одного приказа въ другой и о томъ, чтобъ не чинить праведъ людямъ Салтыковой (1); впрочемъ на первые разы Монсъ проситъ осторожно съ оговорками: «пожалуй государь не прогибайся, что объ дѣлахъ докучаю милости твоей.» И между тѣмъ продолжала докучать не только о чужихъ дѣлахъ, но спѣшила позаботиться о составленіи собственнаго достатка: «благочестивый великій государь, царь Петръ Алексѣевичъ, писалъ секретарь подъ диктовку Монсъ: многолѣтню здравствуй! о чемъ государь и милости у тебя государя просила, и ты государь повелѣлъ приказать Федору Алексѣевичу (Головину): выписать изъ дворцовыхъ селъ волость; и Федоръ Алексѣевичъ по твоему государеву указу, выписавъ, послалъ къ тебѣ, государю, чрезъ почту; и о томъ твоего государева указу никакого не учинено. Умилостивися государь царь Петръ Алексѣевичъ для своего многолѣтняго здравія и для многолѣтняго здравія царевича Алексея Петровича своей государевъ милостивый указъ учини...» Но находя еще убѣдительнымъ такой, въ высшей степени странной (въ устахъ виновницы ссылки царицы) аргументъ, какъ подарокъ волости — «для многолѣтняго здравія царевича», Анна Ивановна собственноручно приписала: «я прошу мой милостивѣйшій государь и отецъ не презри мою нижайшую просьбу, ради-бога, пожалуй меня, твою покорнѣйшую рабу до моей смерти А. М. М.» (2).

Всѣ эти убѣжденія и заклинанія были не болѣе какъ прина-чѣмъ; Анна Ивановна могла обойтись и безъ нихъ: Петръ съ полной готовностью выполнялъ всѣ ея просьбы, а мало этого, не смотря на извѣстную свою бережливость, въ отношеніи къ женщинамъ доходившую до скупости, осыпалъ красавицу щедрыми подарками; довольно упомянуть объ одномъ изъ нихъ, чтобъ судить объ остальныхъ: государь подарилъ ей свой портретъ, осыпанный

(1) Извѣстно, что помѣщики и помѣщицы въ дѣлахъ о собственныхъ своихъ долгахъ выставляли кредиторамъ на праведъ крѣпостныхъ своихъ людей.

(2) -Ich versuche mein gnadigste herr und Vater seyt mein gnadige bilt nit af um gottes Willen posaln мене sein underdanigste dienertin bet in mein dot A. M. M. dem 11 September. Въ подписяхъ Анны два М. быть-можетъ означало: «Монсъ-зонъ-Монстенбергъ» или же другое ея имя Маргарита, но прибавлено *de la Croix* въ ея подписяхъ ни разу намъ не встрѣтилось, равно какъ и въ этомъ прибавленія ни въ одномъ изъ подлинныхъ писемъ ея матери и старшей сестры.

драгоценными камнями на сумму въ 1000 рублей! Кроме этого, Анна Ивановна получила въскольکو имѣній съ разными угодьями и выпросила себѣ ежегодный пенсіонъ ⁽¹⁾; вниманіе къ ней государь распространилъ до того, что на счетъ казны выстроилъ ей въ мѣмецкой слободѣ близъ кирки огромный каменный палаццо.

Недовольствуясь этимъ и увлекаемая частью собственными склонностями къ стяжанію, частью убѣжденіями матери, Анна Ивановна, какъ уже мы видѣли, стала мѣшаться въ разныя тяжбы; она и ея родные не жалѣли своихъ кліентовъ и собирали отъ нихъ много драгоценностей... Подобныя мѣшательства тѣмъ легче были для Монасъ, что, по свидѣтельству Гюйсенъ, даже въ присутственныхъ мѣстахъ было принято за правило: если madame и mademoiselle Montzen имѣли дѣло и тяжбы собственныя или друзей своихъ, то о томъ дѣлались особенныя reflexion salva justitia, и вообще Монасамъ въ дѣлахъ до нихъ имѣній должно было оказывать всякое содѣйствіе ⁽²⁾. Они этииъ снисхожденіемъ такъ широко воспользовались, продолжаетъ Гюйсенъ, что привалясь за ходатайство по дѣламъ вѣншей торговли и употребляли для того нанятыхъ страпачихъ (адвокатовъ и ходатаевъ по дѣламъ).»

Дѣла довольно разнообразнаго свойства обдѣлывались при посредничествѣ Анны Ивановны; расскажем со словъ современника одно изъ такихъ дѣлъ. Въ 1699 г. состоялъ въ Москвѣ на службѣ, артиллерійскій полковникъ — нвоемець Krage, какъ кажется именно тотъ который пушечными залпами подѣ воскресенскою обителью спасъ Кукуй отъ огня и ножа стрѣльцовъ; однажды пьяный гайдука Krage въ присутствіи барина избилъ и изуродовалъ минера Серьера. Гайдука наказали кнудомъ; минеръ неудовольствовался этимъ и по выздоровленіи подалъ на полковника счетъ, что стоило ему леченія; хлопоты свои Серьеръ началъ чрезъ фаворитку царя, графиню Монсин в селъ дочь, говорить Плейеръ ⁽³⁾; но австрійскому послу два раза удалось защитить полковника: минеръ получилъ отказъ

(1) Она получала въ годъ съ матерью 708 рублей, сумма по тому времени немаловажная.

(2) Рассказывая это, Гюйсенъ — такъ наивенъ, что рѣшается увѣрить, будто бы все это дѣлалось потому только, что государь далъ обѣщаніе Лезорту при его смерти покровительствовать Монасамъ. Цитируемое соч. Гюйсена было написано въ 1706 г. противъ брошюры Нейбауера: -Schreiben eines vornehmen deutschen officiers an einen Geheimen Rath eines hohen Potentaten wegen der üblen Handlung der fremden officier so die Moscovitter in jarer Dienste lackten. 1704 г. см. -От. Зап.- 1860 г. № X ст. -Нейбауеръ и его брошюра- и № III: -Баронъ Гюйсенъ-.

(3) Устр. III прил. XI. доп. Otto Pleyer отъ 10 дек. 1699, ст. 643—645.

въ своей претензіи; но на бѣду случилось, что Кrage какъ-то поссорился съ дѣвицею Монсъ и тѣмъ навлекъ на себя ненависть всего семейства; въ то время, когда Кrage неосторожно ссорился съ Монсъ, противникъ его вызвался у этой госпожи завѣдывать ея дѣлами и хозяйствомъ, и такъ умѣлъ къ ней подбится, что та, по выраженію Плейера «настойчиво ходатайствовала за него у царя; и Петръ вопреки двукратному отказу въ претензіи минера, приговорилъ Кrage къ штрафу въ 560 рублей.

Государь, подъ вліяніемъ кукуйцевъ, по выраженію народному все болѣе и болѣе «онѣмчивался»; въ этомъ вліяніи разумѣется значительную долю имѣла и обворожительная Анна Ивановна; въ январѣ 1700 года на всѣхъ воротахъ Москвы появились строгія объявленія всѣмъ, мало-мальски-зажиточнымъ русскимъ людямъ зимою ходить въ венгерскихъ кафтанахъ или шубахъ, лѣтомъ же въ нѣмецкомъ платьѣ; мало этого отнынѣ ни одна русская дворянка не смѣла явиться предъ царемъ на публичныхъ празднествахъ въ русскомъ платьѣ... (1).

И «все то, заговорилъ народъ, найде намъ скорбь и туга велья по зависти діавольской и пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ; влѣзли окоянніи татски, яко хищницы волцы въ стадо христово!»

Военныя тревоги, страшная борьба съ «сѣвернымъ героемъ» занимавшая молодого государя давали полный просторъ дѣйствовать въ собственную пользу «пришельцамъ иновѣрныхъ языковъ»; этой цѣлью была все время Анна Ивановна. Обогатившись отъ щедротъ своего благодѣтеля, сластолюбивая вѣника скоро забыла все благодѣанія государя забыла, что шкапы и гардеробъ ея наполнены еще жемчужными драгоценными подарками... она измѣнила ему и отдала свое сердце — саксонскому посланнику Кецагсеку... Эта личность намъ мало извѣстна; знаемъ только, что въ 1702 году онъ поступилъ въ русскую службу и сопровождалъ Петра въ его походахъ; новая связь, была искусно скрыта и недостойная подруга Петра была до такой степени нагла, что ужъ измѣнивши ему, не стыдилась еще выпрашивать и получать отъ него подарки. А подарки были не малоцѣнны. Такъ въ январѣ 1703 г.

(1) См. *Pleyer* стр. 648—649. Объ удовольствіяхъ Петра въ нѣмецкой слободѣ, въ 1702 году, см. интересныя записки Корнелія *Брунне*; выдержки изъ нихъ, съ примѣчаніями довольно странными напечатаны Семидомовымъ въ «От. Зап.» 1829 г. ч. XXXIX с. 346—365. ч. XI с. 46 и 394. Здѣсь помѣщены описанія разныхъ казней въ Москвѣ за 1702 годъ, шутовская свадьба царскаго любимца Филатки съ княжною Шаховскою, свадьба въ которой осмѣивались русскіе свадебныя обычаи и т. п. событія.

Анна Ивановна получила въ свое владѣніе село Дудино въ Козельскомъ уѣздѣ, 295 дворовъ со всѣми угодьями (1).

Петръ свѣдалъ объ измѣнѣ «вѣрной до смерти» Аннушки, совершенно случайно. Эта случайность рассказываетя иноземными писателями и писательницами съ всевозможными романическими прикрасами; благодаря имъ Анна Ивановна дѣлается какой-то страдальцей-героиней, вызывающей сочувствіе. Напомнимъ чувствительнѣйшій изъ подобныхъ рассказовъ; онъ принадлежитъ леди Рондо, писавшей пятнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Анны Моисъ: «Петръ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ съ большою нѣжностью любилъ дочь одного офицера, по имени Мунса и казалось былъ взаимно любимъ ею. Въ одинъ несчастный день онъ пошелъ осматривать крѣпость, строившуюся на морѣ, въ сопровожденіи своихъ и иностранныхъ министровъ; на возвратномъ пути польскій министръ случайно упалъ въ воду съ подъемнаго моста и утонулъ, несмотря на всѣ усилія спасти его. Императоръ приказалъ вынуть всѣ бумаги изъ его кармановъ, запечаталъ ихъ въ присутствіи всѣхъ. При дальнѣйшемъ осмотрѣ выпалъ портретъ; государь поглялъ его и — представьте его удивленіе! Портретъ изображалъ его любезную. Онъ разламываетъ конвертъ, развертываетъ бумаги и находитъ въ нихъ многія письма руки ея къ умершему, написанныя въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ; оставивъ общество, государь приказалъ позвать измѣнницу...» за тѣмъ леди передаетъ со словъ какой-то придворной дамы подробности объясненія Петра съ Анною; государь горько укоряетъ невѣрную: та плачетъ, но плачетъ не отъ раскаянія, а отъ глубокой скорби о покойникѣ; Петръ, тронутъ этой страстью, самъ проливаетъ слезы и говоритъ рѣчь, въ которой хотя прерываетъ съ ней связь; но тѣмъ не менѣе великодушно прощаетъ ее, обнадеживаетъ, что она ни въ чемъ не будетъ нуждаться; послѣ того Петръ въ скоромъ времени выдаетъ замужъ свою любезную за одного чиновника, которому даетъ шесто въ отдаленной провинціи; «монархъ, заключаетъ раскаянца, заботился объ ихъ счастіи до конца жизни и оказывалъ къ нимъ постоянно свою любовь (2).

Рассказъ этотъ въ своихъ подробностяхъ совершенно опровергается Миллеромъ, ученымъ, какъ извѣстно, занимавшимся русской исторіей по архивнымъ подлиннымъ источникамъ; въ одномъ изъ рукописныхъ примѣчаній своихъ на письма леди Рондо, Миллеръ такъ передаетъ трагическій случай: «при осадѣ Шлюсельбурга

(1) Каб. дѣла пол. II. кн. XCII. с. 117.

(2) *Lettres d'une dame anglaise*. Rotterdam. 1777 г.

въ 1702 году, Петръ узналъ, что обворожительная «*domicella Mons*» ему не вѣрна и что она вела переписку съ саксонскимъ посланникомъ Кенигсекомъ. Кенигсекъ провожалъ государя въ этомъ походѣ и однажды, поздно вечеромъ, проходя по узенькому мостику, переброшенному чрезъ небольшой ручей, оступился и утонулъ. Первая забота государя при извѣстїи о смерти Кенигсека — была осмотрѣть бумаги, бывшія въ карманахъ покойника; въ нихъ государь надѣялся найти извѣстія относительно союза его съ королемъ Августомъ и вмѣсто нихъ нашолъ нѣсколько писемъ своей фаворитки. *Domicella Mons* слишкомъ ясно выражала свою преступную любовь къ Кенигсеку; сомнѣнія быть не могло. О портретѣ, продолжаетъ Миллеръ, тайная исторія умалчиваетъ. Послѣ этого случая государь не хотѣлъ уже знать невѣрную фаворитку, и она такимъ образомъ лишилась большого счастья, котораго непременно бы достигла, еслибы сумѣла превозмочь неосторожную склонность къ Кенигсеку (1).

Въ разсказѣ Миллера только одно неясно: или годъ смерти Кенигсека выставленъ невѣрно, вмѣсто 1703 г. — 1702 или Петръ I не тотчасъ по смерти саксонско-польскаго посла узналъ о связи его съ Анною Монсъ; такъ по крайней мѣрѣ можно думать по прочтеніи свидующаго мѣста въ письмѣ государя къ Ф. Апраксину: «Шлюсельбургъ. 15 апрѣля, 1703 года... здѣсь все изрядно шло: божіею, только злыо несчастливый случай учинился за грѣхъ мамъ: первый, докторъ Леймъ, а потомъ Кенисенъ, который принялъ уже службу нашу, и Петелинъ утонули внезапно, и такъ вмѣсто радости — печаль» (2); трудно допустить, чтобы Петръ извѣдывалъ такое сожалѣніе о человѣкѣ, который разбилъ его любовь — къ преемницѣ ц. Авдотьи; ясно; что во время отпуски письма; Петръ еще ничего не зналъ о измѣнѣ Монсъ; быть можетъ бумаги покойника сохнули, или были еще запечатаны. Вѣрно однако то, что щеголять великодушїемъ Петръ и не думалъ: Анна Ивановна и ее сестра (вѣроятно способствовавшая интригѣ) были заперты въ собственномъ домѣ и отданы подъ строгой надзоръ князя-кесаря съ запрещенїемъ посѣщать даже кирку. Въ это бѣдственное для себя время, Анна Ивановна всячески старалась вновь возбудить страсть

(1) Примѣчанія Миллера на письма леди Рондо. За сообщеніе этихъ замѣчаний свидѣтельствуемъ нашу признательность В. Ф. Ратчу.

(2) Голцковъ XIV с. 62. Фамилїи здѣсь исковерканы — неизвѣстно Петромъ ли, или издателемъ его писемъ. Кенисенъ, читай Кенигсекъ, Леймъ, читай Клеммъ; лейбъ-медикъ царевича Алексѣя, Готфридъ Клеммъ — утонулъ вначалѣ 1703 года, въ Невѣ, близъ Шлюсельбурга. Смотри Риттера: исторїю медицины въ Россїи. 1820 ч. III с. 113—114.

къ себѣ государя. Въ бумагахъ семейства Монсъ, мы находимъ разныя гадальныя тетради, рецепты привораживаній, колдовства, списки чародѣйныхъ перстней, и т. п. вещей. Анна Ивановна, женщина въ высшей степени суевѣрная, вмѣстѣ съ матерью, но выраженію современника: «стали пользоваться запрещенными знавіями и прибѣгали къ совѣтамъ разныхъ женщинъ, какими бы способомъ сохранить къ ихъ семейству милости царскаго величества». Колдовство не помогло, оно вызвало только извѣтъ на Монсъ и слѣдственное о томъ дѣло (1). «Хотя за подобныя поступки, писалъ въ 1706 году защитникъ и панегиристъ Петра Гюйссенъ, за колдовство и ворожбу въ другихъ государствахъ было бы определено жесточайшее наказаніе, однако его царское величество, по особенному милосердію, хотѣлъ чтобъ этотъ процессъ былъ совершенно превращенъ, но ex capite ingratitude отъ Монсовъ отобрали деревни, и каменный палаццо отшолъ впоследствии подлѣ анатомической театрѣ. Драгоцѣнности же и движимое имущество, очень значительное, были оставлены имъ, за исключеніемъ одного только портрета, украшеннаго брилліантами...» (2).

Опала надъ Анной Ивановной и ея семействомъ продолжалась до 1706 года; указомъ отъ 3 апрѣля сего года изъ С. Петербурга, государь «далъ позволеніе Моншѣ и сестрѣ ея Балкшѣ дѣ кирку ѣздить». (3) Мужъ Матрены Ивановны, полковникъ Балкъ отправленъ былъ въ Дерптъ комендантомъ, «а остальные члены семейства — писалъ Гюйссенъ въ 1706 году — живутъ свободно, но уже не могутъ расплываться и не имѣютъ права, чтобъ оказавши имъ сначала милости остались при нихъ на вѣчныя времена.»

Подобныя расчеты съ стороны Анны Ивановны были бы большою глупостю: съ 1705 года сердце Петра принадлежало уже новой безвѣстной иностранкѣ, но то была знаменитая впоследствии Екатерина Алексѣевна!

Зато и сердце ея предшественницы въ это время было также не свободное; извѣстныя живому герою, Анна Ивановна тѣмъ легче забыла умершаго; въ 1706 году за ней ухаживаетъ и объ ней заботится прусскій посланникъ баронъ фонъ-Кейзерлингъ. Его заботливостю Анна Ивановна обязана была полученіемъ высочайшаго разрѣшенія посѣщать кирхи, затѣмъ по усиленнымъ просьбамъ

(1) Мы его не нашли въ современныхъ бумагахъ.

(2) Если дѣло идетъ о портретѣ государя, то и онъ небылъ отнятъ; по крайней мѣрѣ онъ значится еще въ спискѣ драгоцѣнностей Анны Монсъ за 1712 и 1714 года.

(3) Голлицевъ. XIV. с. 270 и 381.

того же влюбеннаго барона, Монсъ была совершенно ослабоджена. Въ комъ же находимъ Кейзерлингъ оппозицію своимъ стараніямъ, кто не могъ допустить мысли объ освобожденіи прежней царской фаворитки? самъ ли Петръ, или его окружающіе? Разумѣется частью самъ государь, столь неохотно забывавшій какія бы то небыло прегрѣшенія своихъ подданныхъ но болѣе всего дѣйствовалъ противъ освобожденія Монсъ знакомый уже намъ «Алекса-шка.» Меньшиковъ изъ рѣзвago, шлоvidaго юноши обратился теперь въ статнаго мужчину; наивность, съ которой онъ бралъ сотнями рублей, замѣнялась вѣточничествомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, ловкость, съ какою онъ отрубалъ головы стрѣльцовъ, вмѣстилась необыкновеннымъ искусствомъ вести придворныя интриги и поддерживать свое значеніе. Онъ приблизилъ къ Петру Екатерину, онъ навсегда могъ рассчитывать на нее какъ на самую ревностную свою защитницу, и понятво, все, что могло ослабить интимныя вѣжныя отношенія Петра къ Екатериной, то всячески было устраняемо Меньшиковымъ. Онъ встревожился, узнавъ объ усиліяхъ барона освобождать красавицу «Кукуя»; въ ней любимѣйшій птенецъ Петра видѣлъ еще опасную соперницу Екатерину; такъ что Кейзерлингъ въ 1707 году въ Варшавѣ, по повѣ- стію Миллера, имѣлъ по этому поводу непріятности съ Меньшико- вымъ, и государь встрѣтилъ хлопоты Кейзерлинга съ большими неудовольствіемъ ⁽¹⁾, и только впоследствии позволилъ себѣ смяг- читься. Забытая Анна Ивановна была освобождена, но вслѣдствіе тѣхъ же превратствій только въ 1711 году сочеталась она первымъ законнымъ бракомъ: счастливымъ обладателемъ ея руки сдѣлался фонъ-Кейзерлингъ ⁽²⁾.

По увѣреніямъ иностранцевъ, Петръ любилъ Анну Ивановну до самаго брака ея съ Кейзерлингомъ, и притомъ не только не получалъ отвѣта на свою любовь, но даже машолъ въ ней сильнѣйшій от- норъ, что такъ рѣдко случалось, восклицаетъ Helbig «съ велико- родницею Liebhaber». «Меньшиковъ и Екатерина — продолжаетъ тотъ же писатель — рисковали потерять все, еслибы красавица уступила»

(1) Объ этомъ неудовольствіи, даже гнѣвѣ, упоминаетъ *Нейбауеръ*; въ 1704 году онъ грозилъ, что «о поступкѣ царя съ дѣвицею Монсъ, съ своей возлю- бенной, когда къ ней нѣсколько стала близокъ посланникъ Кейзерлингъ, бу- деть извѣстно изъ ежедневныхъ газетъ.»

(2) Свадьба была 18 іюня 1711 года; въ бумагахъ, относящихся до фамили Монсъ, есть роспись серебра, которое пишетъ мать Анны, дочь моя Анна-Мар- гарита Монсъ принесла въ приданое 18 іюня 1711 года. Въ этой росписи обо- значено разныхъ серебряныхъ вещей — ложка, чайниковъ, бокаловъ, блюдо, солонокъ и т. п., всего 50 фунтовъ серебра.

Меншиковъ употреблялъ весь свой умъ, чтобы воспрепятствовать намѣреніямъ Петра. Ему вѣроятно пришлось бы отступить предъ пылкой страстью своего властителя, еслибъ самая твердость дѣвушки не помогла желаніямъ Меншикова и Екатерины. Если Екатерина при посредственной любезности сумѣла возвыситься до званія русской императрицы, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что прекрасная Монсъ съ своими превосходными (1) качествами гораздо бы скорѣе достигла этой великой цѣли. Но она предпочла судьбу *geliebten* (возлюбленнаго) т. е. Кейзерлинга. И первая и послѣдній очень и очень превосходили происхождение и ожиданія дѣвушки, но все же были къ ней ближе, чѣмъ престоль и царь: она тайно обручилась съ прусскимъ посланникомъ Кейзерлингомъ. Петръ узналъ объ этомъ, продолжаетъ Helbig, когда только-что собрался отправиться куда-то на балъ, узналъ изъ перехваченнаго письма, въ которомъ Анна жаловалась на неотвязчивость монарха. Это несчастное открытіе превратило любовь его въ гнѣвъ. Государь отправился на балъ, встрѣтилъ красавицу и представилъ ей чувствительное доказательство своего неудовольствія. «Больно видѣть, — восклицаетъ разсказчикъ — что этотъ великій человекъ, которому охотно простятъ какую-нибудь опрометчивость, имѣлъ визость потребовать подаренный домъ обратно. Чтобы не подвергнуть ее новымъ непріятностямъ, Кейзерлингъ рѣшился тотчасъ же на ней жениться, но въ это самое время впалъ въ жестокую болѣзнь, которая и свела его въ могилу; впрочемъ онъ, какъ честный человекъ, исполнилъ свое обѣщаніе: уже будучи на смертномъ одрѣ, онъ обвинялся съ прекрасной Монсъ, послѣ чего вскорѣ и умеръ. Вдова его осталась въ Москвѣ, гдѣ скончалась ея супруга. Она проводила свои дни вдали отъ двора, съ достоинствомъ, въ тиши домашней жизни, и погруженная въ воспоминанія о своихъ послѣднихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, и умерла тамъ же.»

Мы не безъ умысла привели весь этотъ романическій эпизодъ изъ интереснаго сочиненія Helbig'a; дѣло въ томъ, что книга эта въ послѣдніе годы служила однимъ изъ употребительнѣйшихъ источниковъ не только для составителей монографій изъ русской исторіи XVIII вѣка, но даже и для Herrmann'a, автора одной изъ лучшихъ «Geschichte d. russisch. Staats» (1), а между тѣмъ всѣ разсказы автора «Russische Günstlinge» требуютъ лиишокодь тѣмъ и нужно пользоваться ими съ крайней осторожностью; тайный совѣтъ

(1) Herrmanns называетъ книгу Helbig'a «Russische Günstlinge Tübingen», 1839 г. (въ V части его русской исторіи, № 109, прим. 79) «сочиненіемъ весьма пригоднымъ для русской исторіи.»

никъ при саксонскомъ посольствѣ, акредитованный въ 1787 году къ петербургскому двору, Helbig, конечно имѣлъ случай собрать много интереснаго, но онъ слишкомъ увлекся анекдотической стороной быта прошлыхъ царствованій и здѣсь пользовался наустными разсказами, дошедшими до него зачастую въ совершенно искаженномъ видѣ, какъ легенды или придворныя сплетни. Доказательство отыскать не трудно; въ приведенномъ выше разсказѣ все или искажено, или спутано: о Кенигсѣкѣ не упомянуто ни слова, Кейзерлингъ сдѣланъ виновникомъ окончательнаго разрыва Петра съ Анной Ивановной; опала надъ ней, вопреки Helbig'у, разразилась надъ Монсѣмъ гораздо раньше; лекомысленная сластолюбивая нѣмка является у г. тайнаго совѣтника героиней чувствительнаго романа, что опять противорѣчитъ истинѣ; за тѣмъ Кейзерлингъ умеръ вовсе не такъ скоро, и вопреки Helbig'у, скончался не въ Москвѣ, а въ Столпе, на дорогѣ въ Берлинъ 11 декабря 1711 года (1); за тѣмъ насколько «достоинства» было въ характерѣ Анны Ивановны, и насколько погрузилась она на закатѣ дней своихъ въ «размышленія о послѣднихъ несчастныхъ обстоятельствахъ», мы увидимъ изъ ея собственныхъ писемъ. Эти письма не имѣютъ отношенія къ Петру, но онѣ освѣтятъ намъ ту женщину, которая была окончательной виновницей заточенія законной царицы, и которая впоследствии почти десяти лѣтъ сама царилла въ сердцѣ преобразователя Россіи. (2)

Въ концѣ 1711 года семейство Монсѣ было разбросано въ разныхъ мѣстахъ: старуха-мать лѣтъ пятнадцать уже лежала въ постели, въ страданіяхъ отъ какой-то хронической болѣзни; съ ней въ собственномъ деревянномъ домикѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, жила

(1) Замѣчанія на письма г-жи Рондо, историка *Миллера* и подл. письма г-жи *Кейзерлингъ*. Тайный совѣтникъ Кейзерлингъ скончался въ г. Столпе, въ квартирѣ доктора Астмаса. Въ томъ же декабрѣ 1711 г. присяжнымъ нотаріусомъ города Столпе составлена была опись вещамъ Кейзерлинга. Изъ нея видно, что при покойникѣ было много драгоценностей, между прочимъ извѣстный уже намъ портретъ Петра-перваго, царскій подарокъ Аннѣ Ивановнѣ, нѣсколько перстней, осыпанныхъ брилліантами, золотыя часы, цѣпочка и проч. Гардеробъ тайнаго совѣтника, какъ видно изъ описи, отличался большой роскошью, здѣсь были кафтаны дорогого сукна, обшитые по швамъ позументами, парчевыя жилеты, разныя шелковыя вещи и проч. Съ нимъ же было, вѣроятно для подарковъ, болѣе дюжины дорогихъ собольихъ и другихъ мѣховъ.

(2) Что до иностранныхъ писателей, то мы не нашли нужнымъ цитовать изъ нихъ другіе разсказы о романтической судьбѣ Монсѣ; разсказъ сходный съ Helbig-овскимъ, см. въ «*Voyage en Russie - Chantreau*. Paris. 1794 т. I. с. 67—70.

Анна Ивановна съ двумя малютками (Кейзерлинггами?); тревоги житейскія и дѣйствию страстей поколебали здоровье молодой женщины; она таяла какъ свѣчка, харкала кровью, и зачастую поцѣсколыу мѣсяцевъ лежала въ постели. Старшая сестра ея, съ которой мы еще не разъ встрѣтимся, бойкая, разбитная Матрена Ивановна, была въ это время съ мужемъ въ Эльбингѣ, занатомъ русскими войсками. Балкъ былъ назначенъ туда комендантомъ. Старшій и младшій братья скончались въ 1710—1711 годахъ, а средній братъ Виллиамъ Ивановичъ, въ качествѣ генеральсь-адъютанта, состоялъ при государѣ и былъ безпреставно командиремъ съ мѣста на мѣсто, съ разными порученіями. Въ 1711—1713 годахъ мы его видимъ въ Курляндіи, въ Данцигѣ, Кенигсбергѣ, Берлинѣ и въ другихъ мѣстахъ; въ подобныхъ же командировкахъ проходила служба племянника его, однолѣтняго съ нимъ Петра Федоровича Балка.

Вся семья была очень дружна; всѣ заботились о семейныхъ интересахъ, и между ними шла самая оживленная переписка; особенно горячо принимала въ ней участіе мать Монсовъ, старуха, вѣчно жалующаяся на судьбу свою, на бѣдность и проч; въ этой корреспонденціи разумѣется интереснѣе всего для насъ письма Анны Ивановны; постараемся собрать изъ нихъ болѣе интересныя черты (1).

11 декабря 1711 года, въ бытность свою за границей, скончался баронъ Кейзерлингъ. Насколько опечалились Монсы, неизвѣстно, зато извѣстно, какъ сильно встревожились они, узнавъ что на деньги, драгоценныя вещи и остальное движимое и недвижимое имѣніе покойника, находившееся въ Курляндіи и въ Пруссіи, заявилъ претензію старшій братъ покойнаго — ландмаршалъ прусскаго двора; боязнь лишиться богатаго наслѣдства до такой степени встревожила Анну Ивановну, что она даже забыла приличнымъ образомъ оплакать покойника и вся отдалась заботамъ удержать за собой и деньги, и имущество; то и другое составило предметъ ея думъ, о томъ и другомъ плакалась она въ своихъ письмахъ.

«Любезный, писала она къ брату, 14 февраля 1712 года, отъ

(1) «Письма отъ матери Монсовой; также и отъ Анны Монсовой», за этимъ русскимъ заглавіемъ въ сборникѣ подъ заглавіемъ: «уголовное с. дело 1724 г.» переплетены въ большомъ безпорядкѣ между прочими бумагами, въ Мовсу относящимися, коллекція нѣмецкихъ писемъ къ нему отъ матери, сестеръ, его друзей и товарищей по нѣмецкой слободѣ. У насъ приведены въ своемъ мѣстѣ частью въ полномъ переводѣ, частью въ экстрактахъ, любопытнѣйшіе изъ этихъ документовъ. Писемъ Анны Монсъ къ брату Виллиаму неболѣе восьми, отъ матери же болѣе двадцатичетырехъ.

всего сердца любимый братецъ! Желаю, чтобы мое печальное письмо застало тебя въ добромъ вѣровѣ; что до меня съ матушкой, то мы то хвораемъ, то здоровы; нѣтъ конца моей печали на этомъ свѣтѣ; незнаю чѣмъ и утѣшиться» (1); и вѣтъмъ однако, должно быть для утѣшенія, проситъ привезти вещи и деньги ея мужа въ Москву, «потому что лучше, замѣчаетъ Анна Ивановна, когда онъ у меня, чѣмъ у чужихъ людей». Главнымъ ходатаемъ ея по дѣламъ съ Кейзерлингомъ-старшимъ былъ нѣкто Лаусонъ; ему расточали Анна Ивановна и ея мать особыя знаки уваженія и вниманія; Виллему строго предписывалось ничего не предпринимать безъ его совѣта; ему посылались (впрочемъ весьма недорогіе) подарки прямо отъ имени Анны, у него спрашивалось обо всемъ; такъ напримѣръ, Анна просила брата спросить Лаусона: «отдавать ли ея деверю, Кейзерлингу, портретъ царя, прежде чѣмъ деверь пришлетъ вещи покойника изъ Курляндіи?» Мать даже просила сына «кромѣ себя и Лаусона никому не довѣрять, никого не слушать, со всѣми, кромѣ его, быть осторожнымъ.» Ради интересовъ дочери, старуха убѣдительноше просила сына оказывать камердинеру (покойнаго Кейзерлинга) столько добра, сколько можетъ; помни, что отъ этого человѣка зависитъ сильно помочь или сильно повредить». При всемъ томъ, ни вещи, ни деньги не получались. Къ одному горю другое — Штраленбергъ (камердинеръ покойника) рассказывалъ за границей, что жена его, оставленная въ Москвѣ у г-жи Кейзерлингъ, страдаетъ отъ ея грубаго обращенія. «Прошу тебя, любезный братъ, писала Кейзерлингъ къ Виллему, не вѣрь этому лгуну Штраленбергу; онъ безпрестанно дѣлаетъ мнѣ новыя непріятности, такъ что я умираю съ досады... Передай ему, что его жена горько плакала, услыжавъ о томъ, какъ безстыдно лжетъ ея мужъ, будтобы я дурно съ ней обращаюсь. Напротивъ, призываю Бога свидѣтелемъ, ей очень хорошо у меня; когда она была больна, я пригласила доктора на свой счетъ, и избавляя ее отъ всякихъ расходовъ, подарила ей черное платье.»

Еще ближе къ сердцу принимала огорченія, навосишья Аннѣ Ивановнѣ, ея мать; изъ писемъ старухи видно, что она любила Анну, едвали немноже всѣхъ остальныхъ дѣтей: «съ чего Штраленбергъ взялъ, восклицала она по поводу его сплетень, какъ онъ смѣетъ увѣрять, будтобы жена его ужасно страдаетъ у твоей сестры? Онъ безсовѣстный лжець! пора бѣ ему завязать ротъ; чтобы чортъ побралъ этого мерзавца съ его страстью лгать, сестра твоя отъ него уже и такъ много потерпѣлась... Моя дочь сдѣлала для его

(1) Почеркъ Анны Ивановны довольно четкій, красивый; но орѣотрація слаба. Подпись ея: «вдова: А. М. Кейзерлингъ, урожденная Монсъ».

жены по крайней мѣрѣ столько же, сколько онъ для своего господина». Кроме этого неблагоприятнаго «много безпокойствъ», какъ жаловалась въ другомъ письмѣ старуха, причинялъ ее дочера какой-то «бѣжбожный» Салтыковъ...»

Съ одной стороны старшій братъ Кейзерлинга, съ другой его камердинеръ, своими поступками сильно заставляли опасаться «печальную» вдову, что многое изъ имущества супруга ускользнетъ изъ ее рукъ; вслѣдствіе этого она нашла нужнымъ самой съѣздить если не за границу, то въ Петербургъ, чтобъ привести это дѣло къ благополучному окончанію; сборамъ этимъ предшествовали собственноручныя ея распоряженія о продажѣ разныхъ вещей покойника. Ни малѣйшей печали, любви и даже уваженія къ покойному не высказывается въ письмахъ Анны Ивановны. Такъ напримѣръ въ одномъ изъ писемъ къ брату, отъ 1 марта 1712 года, слѣдующее распоряженіе о продажѣ лошадей за назначенную ею же плату, затѣмъ распорядившись о взятіи кой-какихъ вещей, оставленныхъ ее мужемъ въ Курляндіи, она только послѣ всего этого проситъ брата: «напиши мнѣ пожалуста: привезутъ ли тѣло моего мужа въ Курляндію? Вели чтобъ гробъ обили краснымъ бархатомъ и золотымъ палуномъ», и тутъ же слѣдуетъ приписать о дѣлѣ для нея важнѣйшемъ: «ради-бога, побереги шкатулку съ бумагами, чтобы ничего не потерялось, а старшему зятю моему скажи, чтобы онъ прислалъ мнѣ только портретъ его величества съ драгоценными камнями.»

«Мы все больны, плакалась между тѣмъ старуха; твоя сестра (т. е. Анна Ивановна) пять недѣль не вставала съ постели и харкаетъ кровью, что изъ этого будетъ, одинъ Богъ знаетъ! Она хочетъ вытѣ здѣсь всѣ свои деньги, постарайся объ этомъ, равно и о томъ, чтобы всѣ ея вещи были привезены сюда... Ради-бога, не вези съ собой негодяя камердинера, а то будетъ ему худо. Твоя сестра безутѣшна, помоги ей Богъ!

«Твоя сестра еще больна, писала недѣлю спустя мать Мовса; ты вѣроятно слышалъ уже, что ландмаршалъ (братъ Кейзерлинга) хочетъ взять себѣ вещи покойника; не допусти до этого, привези ихъ съ собою, не давай себя уговорить ни въ чемъ, эти Кейзерлинги очень хитры, а камердинеръ (покойника) съ ними заодно. Несмотря на всѣ наставленія, дѣло не подвигалось: «Смотри чтобъ твоя бѣдная сестра не лишилась своей собственности, безпреставно напоминала старуха... Зачѣмъ ты письмо послалъ въ Ригу, оно три недѣли было въ дорогѣ... и сестра должна была заплатить шесть рублей за письма твои и камердинера!.. Зачѣмъ ты лошадей отирывалъ въ Эльбингъ, смотри чтобы онѣ не пропали»...

Не могъ угодить Виллиму Ивановичу и сестрѣ своей Аниѣ;

важъ кажется, страдаа чехоткой, она была очень раздражительна и болѣзнь вмѣстѣ съ корыстолюбиемъ, одной изъ рѣзкихъ чертъ ея характера, вызывали съ ея стороны рядъ упрековъ: «отъ твоего нысьма, писала она брату 8 мая 1712 года, я въ отчаяннн: ты потратилъ много времени попустому. Незнаю, что за причина, что мое дѣло въ такомъ дурномъ положенн, незнаю по чьему совѣту уѣхалъ ты въ Берлинъ?..» — А тутъ на бѣду Виллнмъ Ивановичъ, человекъ молодой, щеголь и вѣтренникъ, не могъ удержаться, чтобы не завязъ нѣсколько сотенъ рейхсталеровъ изъ хранившихся у Лаусаона сестринныхъ денегъ. При извѣстнн объ этомъ, Анна Ивановна запылала негодованнмъ: «я была до крайности поражена, писала она къ нему, при извѣстнн, что ты занялъ уже до 700 рейхсталеровъ!.. Боже мой! неужели это значитъ поступать по братски? Этакъ ты меня совсѣмъ разоришь! Подумалъ ли ты, сколько слезъ я пропроливваю во вдовсмм своемъ положенн и сколько у меня расходовъ? Какой же ты послѣ этого оберегатель моихъ интересовъ и моей собственности? Матушка очень огорчена твоимъ поведеннмъ. Напиши, на что тебѣ нужны были деньги? Оканчиваю письмо, слезы мѣшаютъ мнѣ писать. Призываю Бога на помощь, да исправить онъ тебя, быть можетъ ты станешь лучше обо мнѣ заботиться...» Что до матери, то она просто на просто грозила сыну самымъ сильнымъ проклятнмъ, если онъ не перестанетъ тратить деньги своей «несчастной сестры.» — «Прошу тебя, писала съ своей стороны старшая сестра Монсъ, — дѣлай все въ пользу Анны, не упускай время. Одинъ Богъ знаетъ, какъ больно мнѣ слышать упреки матушки, что мы не соблюдаемъ интересовъ нашей сестры...» «Если не лучше будутъ дѣйствовать, говоритъ въ другомъ письмѣ Матрена Балкъ, въ дѣлѣ любезной нашей сестры, то маршалъ Кейзерлингъ достигнетъ своей цѣли и присвоитъ себѣ вещи. Видно, ты не очень то заботишься о данномъ тебѣ порученн, за что и будешь отвѣчать предъ нашей сестрой.»

Общн хлопоты привели наконецъ къ болѣе успѣшному результату; этому безъ сомнѣнн способствовало и то, что сама г-жа Кейзерлингъ съ матерью прнѣхали границу лѣтомъ 1712 года; онѣ прогостили нѣсколько недѣль въ г. Эльбингѣ у своего зятя Балка и отсюда имѣли болѣе удобствъ вести свой процессъ; общими стараннми Монсовъ, генераль-адъютантъ, младшн братъ покойнаго Кейзерлинга, уговоренъ былъ протестовать противъ незаконныхъ претензнн ландмаршала, своего старшаго брата, и этотъ протестъ много сдѣлалъ по дѣлу Анны Ивановны у короля Прусскаго. Дѣло впрочемъ протянулось съ годъ, такъ что Анна Ивановна по возвратѣ въ Москву, скоро нашла нужнымъ ѣхать въ Спб. «Но я незнаю,

жаловалась мать, что мнѣ дѣлать съ ней; я все больна и никакъ не могу съ ней пуститься въ дорогу.» О побѣдѣ между тѣмъ сильно хлопотала Анна Ивановна; расчетливая до скупости, и въ тоже время съ претензіями на нѣкоторыя права въ качествѣ прежней фаворитки государя, она писала къ вице-адмиралу, а также и къ графу Головкину, чтобы тѣ выхлопотали ей даромъ подводы: люди датскаго посланника, говорила она брату, получали даровыя подводы, отчего же мнѣ не получить?» Поводъ однако не давали; старуха мать почти въ каждомъ изъ своихъ писемъ къ сыну, напоминала, чтобы тотъ похлопоталъ, но Виллямъ Ивановичъ не былъ еще въ той силѣ, въ какой мы увидимъ его въ послѣдствіи, а шенцы Петра не считали нужнымъ оказывать вниманіе забытой красавицѣ. Что до нея самой, то давно вытѣснивъ изъ сердца образъ Петра и оставивъ его въ своей шкатулкѣ, такъ какъ онъ былъ осыпанъ драгоценными камнями, Анна Ивановна забыла и Кейзерлинга: въ 1713—1714 годахъ, она уже не вспоминаетъ о немъ, даже по поводу его имѣнія: она занята плѣннымъ шведскимъ капитаномъ Миллеромъ (1).

Капитанъ, одинъ изъ полтавскихъ плѣнниковъ, проживалъ въ Нѣмецкой слободѣ, познакомился съ Анной Ивановной и имѣлъ счастье быть послѣднимъ въ ряду избранниковъ ея сердца. «Печальная» вдова намѣревалась выйти за него замужъ! а пока осыпала его подарками; видно красота ея сильно поблекла, если она находила нужныхъ прибѣгать къ этому средству, чтобы привязать къ себѣ своего новаго рыцаря. Такъ «въ привосѣ отъ иностранки Анны Монцовой пожитковъ ея къ капитану» были: «намзолъ штофовой, золотоу и серебромъ шитый; кувшинецъ, да блюдо, что бороды

(1) Всѣ приведенныя свидѣнія заимствованы изъ волинныхъ нѣмецкихъ писемъ *Модесты Монсъ* (матери: 15 февраля, 27 марта, 8 мая, 19 Юня и 9 нумеровъ неизвѣстныхъ чиселъ 1712 г. *Анны Кейзерлинги* урожд. *Монсъ*, письма 14 февраля, 1 марта, 8 мая, 19 Юня и два неизвѣстныхъ чиселъ 1712 года; материнскія и дочернія письма, отправляемыя были изъ нѣмецкой слободы, особенно нескладно писала старуха; всѣ ея письма необыкновенно неравнорѣчны и наполнены повтореніями объ одномъ и томъ же, при внимательномъ разборѣ ихъ можно догадываться, что старуха была слаба разсудкомъ и памятью. *Матрони Балк* урожд. *Монсъ* письма изъ Эльбинга отъ 23 юня, 3, 7, 10 и 14 юля, и 14 сентября 1712 года. *Петра Балка* письмо изъ Эльбинга отъ 17 сентября 1711 г. Генераль-адъютанта *Кейзерлинга* письмо изъ Гарда отъ 1 юля 1712 г. Также смотр. показаніе, данное въ сенатской канторѣ 19 августа, 1715 г. челядинскомъ капитана Мюллера (т. е. Миллера), шведа Иванова о пожиткахъ «Монцовой». Историкъ Миллеръ ошибочно утверждаетъ что Анна Кейзерлингъ вышла замужъ за капитана *Мюллера*, она была только *сговорена* съ *Миллеромъ Берк*. IV 125. Вещи покойнаго Кейзерлинга отправлены были его вдовѣ изъ г. Столе 7 марта 1714 года: процессъ былъ выигранъ.

брѣть серебрянныя и другія вещи. Впоследствии послѣ смерти уже сестры, хлопота онять ихъ у Миллера, Вильямъ Ивановичъ утѣрпалъ: «что тотъ притворствомъ вѣрлся (вырался?) въ домъ къ сестрѣ моей и въ болѣзнь сестры моей, взявъ, стакался съ дѣвкою шведкою, которая ходила въ ключѣ у сестры моей, вѣдалъ многія пожитки». Монсъ жаловался, что Миллеръ, пользуясь болѣзнию его матери и излишнюю довѣренностью къ нему Анны Ивановны, утѣрилъ ее, будтобы вѣсть въ Швеціи жалованья отъ короля маестности; выманивалъ у нея деньги и разные подарки. Обманомъ или другимъ чѣмъ, какъ бы то ни было, но Миллеръ дѣйствительно очень сблизился съ Анной Ивановной: они были сговорены и свадьба помѣшала только смерть невѣсты. Вдова Кейзерлингъ скончалась въ августѣ 1714 года, въ Нѣмецкой-слободѣ, на рукахъ большой старухи-матери и пастора; въ безпамятствѣ прелесмертной агоніи, она пожалѣла только о *нѣкоторой скротѣ* и о возлюбленномъ; ему завѣщала она часть своего имущества.

«Имущества было довольно. Однихъ алмазовъ, брильянтовъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей осталось въ черешаховой шкатулкѣ Анны Ивановны на сумму, по своему времени, громадную а именно на 5,740 рублей; въ спискѣ этихъ вещей были подарки Лесорта, Петра, Кенигсека, фонъ Кейзерлянга, небыло только подарковъ Миллера, потому что «половникъ шведской» самъ принималъ ихъ отъ Анны. Изъ всѣхъ драгоценностей цѣннѣе всѣхъ былъ подарокъ государя; онъ значится въ спискѣ такъ: «образъ съ разными съ драгоценн. камнями, около охваченъ — въ 1000 рублей». Затѣмъ на цѣнности замѣчательны: «умершаго господина фонъ *Кейзерлинге* персона въ алмазахъ — 700 руб.» Остальныя вещи были алмазныя: лацъ-кейтъ, сердечко съ короной, серьги, крестъ, перстан, пражки, замочки, булавки, шпажка и зубочистка алмазныя; тутъ же были нитки жемчугу, изъ которыхъ, *четыре нитки* покойница завѣщала *скротѣ нѣкоторой*; золотыя и серебряныя часы, табакерки, кольца, все это украшено бриллиантами, изумрудный перстень и т. п. (1) вещи эти

(1) «Роспись алмазнымъ вещамъ, которыя были въ сундукѣ, черешаху охлееной. Эта роспись драгоценностямъ Анны Ивановны, дошла до насъ въ шести спискахъ, и всѣ они руки старухи Монсъ. Въ описи ея собственныхъ вещей значится портретъ ея дочери, какъ можно думать — портретъ Анны Ивановны; нельзя не пожалѣть, что онъ не дошелъ до насъ, либо быть-можетъ и уцѣлѣлъ въ какой-нибудь коллекціи, но состоитъ въ отдѣлѣ *незначительныхъ* портретовъ. Говоря о имуществѣ Анны Ивановны, нельзя не сказать нѣсколько словъ и о ходатаѣ по ея дѣламъ, Лаусонѣ, тѣмъ болѣе, что мы къ нему уже не возвратимся. Мы видѣли съ какимъ довѣріемъ и уваженіемъ и мать и дочь относились къ нему и какъ заискивали въ немъ; такъ продолжалось до вѣтъ поръ, пока Монсы въ немъ пуждались; но вотъ умираетъ Анна Ивановна.. «Я

были достоинствъ той женщины, которая такъ горько плакалась за растрату братомъ нѣсколькихъ сотенъ рейхсталеровъ...

Набы то нибыло, не проводивъ въ могилу бревныя останки той женщины, имя которой, благодаря любви Петра, попало въ исторію, скажемъ о ней окончательное жиѣніе: оно вытекаетъ изъ представленныхъ матерьяловъ. Ихъ достаточно, чтобъ видѣть въ Аннѣ Монсъ, страшную эгоистку, нѣмку сластолюбивую, чуть не развратную съ сердцемъ холоднымъ, нѣмку расчетливую до скупости, лживую до корысти, при всемъ этомъ суевѣрную, лживонную всякаго образованія, даже мало грамотную (очемъ свидѣлствуютъ ея полнинныя письма). Кромѣ плѣнительной красоты въ этой авантюристкѣ небыло никакихъ другихъ достоинствъ. Поднятая изъ грязи разврата, она не сумѣла оцѣнить любовь великаго государя, не сумѣла оцѣнить поступка, который тотъ сдѣлалъ ради ея, предавъ жестокой участи свою законную супругу. Страстью къ Аннѣ Монсъ, Петръ показалъ, что и великіе люди неизяты челоѣческихъ слабостей, что страсть и имъ сдѣлать очи, и имъ затемняетъ рассудокъ. Безвѣстная нѣмка, женщина во всѣхъ отношеніяхъ недостойная, Анна Монсъ, послужила причиной къ совершенію нѣсколькихъ событій, въ высшей степени важныхъ въ исторіи великаго Петра: царица Авлотья Федоровна ссылается въ заточеніе; наследникъ престола преждевременно лишается материнскаго надзору, а вслѣдствіе этого затанываетъ въ душѣ своей ненависть къ отцу, гонителю матери; эта ненависть растетъ, заставляетъ Александра окружать себя сторонниками, столько же непріязненными его отцу, начинается борьба малозамѣтная, въ высшей степени стра-

крайне скорблю, писалъ Лаусонъ къ матери, 1 окт. 1714 г., изъ Кенигсберга, крайне скорблю о кончинѣ высокопочтенной тайной совѣтницы фонъ-Кейзерлингъ и тѣмъ болѣе сочувствую печали матери, что самъ лишился въ вашей любезной дочери своей милостивой и уважаемой покровительницы, но тутъ дѣлать нечего, мы должны только благодарить Бога, что онъ сократилъ ея страданія... Въмѣстѣ съ заявленіями печали и сочувствія, Лаусонъ съ нѣмецкою акуратностью представилъ отчетъ въ приходахъ и расходахъ, довѣренныхъ ему суммъ покойной Кейзерлингъ, при этомъ онъ просилъ позволенія удержать у себя за свои трехлѣтніе труды 200 рейхсталеровъ; но теперь Лаусонъ не виновъ, и вотъ старуха Монсъ сначала ничего не отвѣчаетъ на его просьбу, а потомъ рѣшительно требуетъ чтобъ тотъ прислалъ и эти деньги. Поручая это дѣло сыну, въ апрѣлѣ 1716 года, въ бытность того въ Германіи, мать вопреки всѣмъ своимъ прежнимъ восхваленіямъ Лаусона, называетъ его теперь воромъ, мошенникомъ, вообще челоѣкомъ до такой степени нечестнымъ, что будтобы онъ, Лаусонъ, въ счетахъ всегда выставлялъ 10 вмѣсто 5. Всѣ эти обвиненія мать Монсоетъ не подтверждаетъ аптами и топчетъ въ грязь челоѣка, такъ недавно превозносимаго, за какіе-нибудь 200 талеровъ! Письмо Модесты Монсы. М. 12 апр. 1716 года.

дательная со стороны царевича, не важная по ходу, которая быть-можетъ приняла бы болѣе серьезные размѣры, еслибы некончилась катастрофою 1718 года. Съ другой стороны любовь къ Аннѣ Монсъ заставляетъ Петра обратить вниманіе на ея семейство, а въ немъ между прочимъ и на брата Анны, Виллима. Государь приближаетъ его къ себѣ, возвышаетъ на высокую степень придворныхъ званій и въ немъ находитъ челоѵка, который разбиваетъ его семейное счастье, отравляетъ послѣдніе дни его жизни и — это еще догадка — дѣлается одной изъ причинъ преждевременной кончины Петра-великаго.

МИХАИЛЪ СЕМЕВСКІЙ

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ни одна отрасль законодательства не выражаетъ такъ ярко, живо и отчетливо бытъ народа въ каждый моментъ пройденной имъ жизни, какъ его уголовное право. Поэтому, не касаясь отдаленныхъ эпохъ развитія русскаго законодательства, прослѣдимъ только тѣ моменты нашей жизни, въ которыхъ уголовное право принимаетъ характеръ справедливаго возмездія и человѣколюбія (1).

Эти моменты начинаютъ являться съ воцареніемъ дочери Петра великаго.

Елизавета Петровна приостановила смертную казнь (2), замѣнивъ ее ссылкой въ каторжныя работы, и запретила вырывать ноздри у женщинъ, ссылаемыхъ въ Сибирь.

Екатерина II избавила отъ тѣлеснаго наказанія дворянъ и священнослужителей, замѣнивъ послѣднее лишеніемъ честнаго имени.

Павелъ I отиѣнилъ смертную казнь въ привилегированныхъ губерніяхъ и запретилъ подвергать тѣлесному наказанію стариковъ, достигшихъ семидесятилѣтняго возраста.

Александръ приостановилъ употребленіе пытки (онъ желалъ, чтобы изгладилось даже ея названіе), освободилъ отъ тѣлеснаго наказанія не только священнослужителей, но даже ихъ жонъ и дѣтей, запретилъ вырывать ноздри у всѣхъ ссыльныхъ въ каторжныя работы и облегчилъ участь послѣднихъ «Уставомъ о ссыльныхъ.»

Съ этого періода по настоящее время мало-помалу облегчается участь преступниковъ смягченіемъ наказаній и освобожденіемъ отъ тѣлеснаго наказанія тѣхъ лицъ, которыя пользуются особенными преимуществами (3).

(1) Мы укажемъ только на тѣ замѣчательныя реформы, которыя составляютъ эпохи для русскаго народа.

(2) Смертная казнь у насъ была остановлена прежде, чѣмъ въ западной Европѣ.

(3) См. IX т. Зак. о состояніяхъ, XV т. Улож. о наказаніяхъ и XI т. Уставъ торг.

Итакъ, съ вѣдраніемъ Елизаветы Петровны по настоящій моментъ нашъ уголовные законы постепенно начинаютъ слагаться изъ принципа справедливаго возмездія и человѣколюбія. Этотъ принципъ ярче всего выразился въ слѣдующихъ законахъ :

1) «Судья не долженъ налагать наказанія паче содѣяннаго преступленія.»

2) «Судьѣ должно быть болѣе человѣколюбивымъ, чѣмъ жестокимъ.»

Эти начала и общее развитіе нашей гражданской жизни дѣють поводъ предполагать, что и нѣкоторые другіе виды наказаній, если еще служатъ наказаніемъ для нѣкоторыхъ классовъ людей, то доживаютъ послѣдніе дни. Намъ даже кажется, что настала уже именно тотъ моментъ, въ который они должны прекратить свое существованіе, потому что различныя системы уголовныхъ наказаній только тогда признаются вполне рациональными, если онѣ согласуются съ духомъ времени и развитіемъ того народа, въ жизни котораго заняли мѣсто, но не иначе; если же эти данныя омередятъ какую-нибудь изъ системъ возмездія, то она должна прекратить свое существованіе.

Развитіе нашей гражданской жизни выработало понятіе о томъ, что права человѣческія дѣють не сословныя начала, ни другія преимуществъ, а самая личность, вслѣдствіе чего и было уничтожено крѣпостное право. При такомъ же взглядѣ на человѣка — освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія только избранныхъ людей едва ли основательно. Изъ такихъ привилегій истекають только слѣдующія явленія :

Первый случай. Положимъ, два купца различныхъ гильдій, но съ одинаковымъ умственнымъ развитіемъ и материальными средствами, чрезъ насиліе или угрозу принудили двухъ женщинъ къ вступленію съ собою въ бракъ. Хотя эти преступленія сложились у нихъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, но какъ одинъ изъ нихъ купецъ второй гильдіи, а другой третьей, то ихъ отвѣтственность предъ уголовнымъ закономъ выражается въ слѣдующей формѣ :

Купецъ второй гильдіи лишается всѣхъ правъ состоянія и съсылается въ каторжную работу, на опредѣленное время. Купецъ же третьей гильдіи, кромѣ изложеннаго, еще подвергается наказанію плетью, чрезъ палачей, съ наложешіемъ клеймъ⁽¹⁾.

Второй случай. Положимъ, два купца различныхъ гильдій, но съ одинаковыми данными, похитили двухъ незамужнихъ женщинъ,

(¹) Ст. 2119. XV т. Улож. о наказ. (изд. 1857 г.). Это общій законъ, и мы только обозначили дѣйствующихъ лицъ.

для вступленія съ ними въ бракъ, противъ ихъ воли. Хотя эти преступленія сложились изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ, но законъ опредѣляетъ для нихъ одно общее наказаніе — лишеніе всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, а другое частное: для купца второй гильдіи — ссылка на житье въ губерніи томскую или тобольскую съ заключеніемъ на время отъ 2 до 3 лѣтъ; для купца же третьей гильдіи тѣлесное наказаніе розгами отъ 70 до 80 ударовъ и отдача въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ 4 до 6 лѣтъ ⁽¹⁾.

Эта неодинаковая форма и степень наказанія вытекаетъ изъ того, что лица податного состоянія, вступившія въ первую или вторую гильдію, свободны отъ тѣлеснаго наказанія; для того же, чтобы приобрѣсти это преимущество, нужно заплатить болѣе гильдейской пошлины, чѣмъ это требуется для вступленія въ третью гильдію ⁽²⁾.

Тѣмъ образомъ въ изложенныхъ случаяхъ купцы третьей гильдіи подвергаются увеличенному наказанію розгами, плетью и клейменію единственно только потому, что до совершенія преступленія не числились въ высшихъ гильдіяхъ ⁽³⁾.

Намъ возразятъ, что законъ далъ особенныя льготы купцамъ первыхъ двухъ гильдій не потому, что они платятъ болѣе чѣмъ другія податныя лица, а вслѣдствіе того, что въ нихъ предполагается большее развитіе, чѣмъ въ другихъ низшихъ сословіяхъ; слѣдовательно потеря гражданскихъ нравъ и ссылка уже достаточное для нихъ наказаніе. Но въ настоящій моментъ нашей жизни и въ другихъ низшихъ классахъ мы встрѣчаемъ людей развитыхъ и хорошо образованныхъ. Наконецъ развѣ мы не видимъ, что жной купецъ получилъ прекрасное образованіе, пробылъ въ первой и второй гильдіяхъ изрядное количество лѣтъ и надѣялся заслужить почетное гражданство, — вдругъ счастье измѣняется ему: онъ впадаетъ въ несостоятельность, перечисляется въ мѣщанство и вслѣдъ за этимъ, получивъ сильное оскорбленіе, убиваетъ того, кто нарушилъ его честь? Но какъ въ моментъ совершенія преступленія онъ уже былъ мѣщанинъ, а не купецъ высшихъ гильдій, то и не освобождается отъ наказанія плетью чрезъ палачей, съ положеніемъ клеймъ: это человѣческое право потеряно имъ безвозвратно. Другое же лицо

⁽¹⁾ См. тамъ же, 2118 ст. Это также общій законъ.

⁽²⁾ См. Т. V. Уст. пошлин.

⁽³⁾ Такой же участи подвергаются и другія лица, неосвобожденные отъ тѣлеснаго наказанія.

податного состоянія — грубое, неразвитое, безнравственное, наживъ разными нечистыми путями и рядомъ преступленій значительный капиталъ, записалось въ купцы первой гильдіи ⁽¹⁾. Такимъ образомъ, приобрѣтя гражданскія права ⁽²⁾, это лицо начало искать невѣсту, и разумѣется изъ порядочнаго круга. Но для богача это недолго: вѣдь у насъ часто ищутъ въ мужъ не человѣка, а деньги; и вотъ родители за злато продали свое единственное дѣтище, милую, добрую, развитую дѣвушку. (Впрочемъ и послѣднія непрочь отъ денегъ, и очень часто ищутъ въ мужъ того же, что и родители). Итакъ дѣло сдѣлано: купецъ женатъ. Но скоро жена надѣла и онъ окружился камеліями. Объ этомъ жена узнала и между ними начались столкновенія. Сначала онъ усмирлялъ жену грубостью; потомъ кулачвымъ правомъ; наконецъ вида, что это не дѣйствуетъ и что развода нельзя получить, рѣшился на убійство. Такъ какъ въ былое время подобнаго рода преступленія составляли его исключительную професію, то онъ предварительно распустилъ слухъ, что у жены явился фаворитъ и что къ послѣднему она частенько ѣздитъ; но кто онъ и гдѣ живетъ, ему еще неизвѣстно. Вслѣдъ за этимъ задавилъ свою беременную жену, и бросивъ ее въ воду, немедленно подалъ въ полицію объявленіе, что жена, укравъ у него деньги, неизвѣстно куда скрылась. Въ надеждѣ, что слѣды преступленія скрыты, онъ прижалъ къ сердцу маленькій капиталъ, который взялъ за женою, и отправился кутить къ камеліямъ. Но — увы! — счастье измѣнилось...

На другой день, послѣ изрядной попойки явилась къ нему его жена съ требованіемъ дать ей половинную часть состоянія.

— Что ты, въ умѣ ли! восклицаетъ купчикъ.

— Ваша выходка неумѣтна, замѣчаетъ камелія: — деньги на столъ! Я нехочу даже болѣе говорить съ убійцею, а нето сію минуту дамъ знать полиціи, какими путями вы избавились отъ жены.

Онъ поблѣднѣлъ. Ему ясно стало, что съ пьяныхъ глазъ онъ

(1) Вступленіе въ гильдіи дозволяется людямъ всѣхъ свободныхъ состояній, которые по закону могутъ записываться или перечисляться въ состояніе городскихъ обывателей, исключая случаевъ, обозначенныхъ въ 24 ст. XI Т. Уст. тор. (изд. 1857 г.) Купцамъ же третьей гильдіи, состоящимъ подъ слѣдствіемъ и судомъ по такимъ дѣламъ, по которымъ могутъ быть подвергнуты тѣлесному наказанію, до окончанія слѣдствія переходъ въ высшую гильдію запрещается.

(2) По закону, купечество первой гильдіи вообще не почитается податнымъ состояніемъ, но составляетъ особый классъ почетныхъ людей въ государствѣ. (Т. XI, Уст. торг., ст. 71.)

высказался. Но не помня, что во время его откровенности были и другія лица и вообразивъ, что онъ только ей одной открылъ тайну, быстро принялъ гордый и спокойный видъ и указалъ ей на дверь. «Пусть себѣ доноситъ», подумалъ онъ, когда она вышла изъ его квартиры: — «вѣдь показаніе одного свидѣтеля не есть совершенное доказательство; кромѣ того отъ свидѣтельства можно отвести ее; другимъ же я не открывалъ этой тайны».

Но онъ ошибся; по слѣдствію были раскрыты всѣ фазисы преступленія, и онъ подвергнулся лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжную работу (1), то-есть гораздо меньшему наказанію, чѣмъ мѣщанинъ за убійство, вслѣдствіе оскорбленія чести.

Наконецъ два лица, вышедшія изъ крѣпостной зависимости, записываются въ городскіе обыватели: одинъ въ купцы первой гильдіи, а другой въ мѣщане. Вслѣдъ за этимъ совершаютъ однохарактерныя тяжолыя преступленія. Хотя они одинаково развиты, но законъ для купца опредѣляетъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, а для мѣщанина, кромѣ этого, наказаніе плетью съ наложеніемъ клеймъ.

Поэтому мы полагаемъ, что неодинаковая степень наказанія, основанная на словесныхъ началахъ или другихъ преимуществахъ, можетъ болѣе не имѣть мѣста въ нашей гражданской жизни ровно какъ и толкованіе что «лица, веззятые по закону отъ наказаній тѣлесныхъ, приговариваемыя къ каторжнымъ работамъ или къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь, подвергаются сверхъ того наказанію плетью по той причинѣ, что соединенное съ каторжными работами или ссылкой на поселеніе въ Сибирь лишеніе всѣхъ правъ состоянія для лицъ высшихъ классовъ — есть потеря гораздо болѣе важная, потому что они съ этимъ вмѣстѣ, кромѣ многихъ драгоценныхъ преимуществъ, теряютъ верѣдку и значительныя имѣнія; — и самыя работы для простолюдиновъ не могутъ быть столь тягостны» (2).

Съ этимъ комментариемъ мы совершенно несогласны:

1) Потеря всѣхъ гражданскихъ правъ тяжела для каждаго человека, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ; потому, съ лишеніемъ этихъ данныхъ (хотя бы онѣ выражались въ микроскопич-

(1) Эпизодъ изъ жизни давно минувшихъ дней, но повторяющійся очень часто. Мы могли бы привести еще нѣсколько случаевъ изъ жизни высшихъ сословій, гдѣ также встрѣчаются грубыя, животныя натуры, но оставляемъ, «чтобы гусей не раздражить». Ктому же вѣдь каждый знаетъ изъ насъ, что всяко бываетъ!

(2) Проскуряковъ. Руководство къ позн. дѣйств. русск. госуд., гражд., уголовн. и политич. зак. угол. и пол. зак., стр. 7.

ческой формѣ), положеніе его становится бѣдственнѣе и безотраднѣе; въ какой бы сферѣ ни вращался человѣкъ, онъ разстается съ нею безъ сожалѣнія только тогда, если въ будущемъ увидитъ что-нибудь лучшее, а не худшее.

2) Ссылка въ каторжныя работы тяжела для каждого человѣка: она лишаетъ его свободы, которая одинаково дорога для людей развитыхъ и неразвитыхъ. Кроме того, какъ бы грубъ ни былъ человѣкъ, у него есть свои привычки и привязанности, съ которыми ему нелегко разстаться. Въ примѣръ приведемъ фактъ: изъ людей неосвобожденныхъ отъ рекрутской повинности и поступившихъ въ солдаты по набору, многіе умираютъ отъ тоски по мѣстамъ, которыхъ были дорога ихъ сердцу.

3) Потеря всего имущества одинаково тяжела какъ для шельмера, такъ и для человѣка небогатаго, который быть-можетъ въ портѣ лица добылъ маленькое состояніе.

4) Последнее положеніе о томъ, что «для простолюдиновъ работы нестоль тягостны», также не можемъ оставить безъ анализа. По духу всего толкованія, къ названію «простолюдины» должно отнести всѣхъ лицъ, неосвобожденныхъ отъ тѣлеснаго наказанія: Но развѣ всѣ эти лица несутъ тяжелыя работы?

Одни изъ нихъ имѣютъ средства и для этой цѣли держатъ рабочихъ. Другіе служатъ на мѣстахъ, гдѣ также не требуется физическая тяжелая работа, какъ напримѣръ по управленіямъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, акціонерныхъ обществъ, фабрикъ, заводовъ, откуповъ, торговыхъ заведеній, лавокъ, домовъ и проч. (1)

Наконецъ, если человѣкъ даже съ малолѣтства привыкъ къ тяжелому физическому труду, но потомъ отъ него отсталъ на нѣсколько лѣтъ, то когда вновь за него принимается, — этотъ трудъ дѣлается нелегкимъ, также какъ и для другихъ смертныхъ; а отъ слѣдствія надъ преступникомъ до работъ въ крѣпостяхъ, на заводахъ и въ арестантскихъ ротахъ, вслѣдствіе нашей медленной процедуры уголовного судопроизводства, проходятъ многіе годы. Кроме того, не всѣ же преступники изъ низшихъ классовъ здоровѣе преступниковъ высшихъ сословій, а для человѣка съ слабымъ здоровьемъ и работы тяжелѣе.

Теперь обратимся къ наказанію въ формѣ клейменія (2).

(1) Разумѣется мы говоримъ только о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ именно не требуется тяжелая физическая работа.

(2) Наложеніе клеймъ совершается рукою палача, вслѣдъ за наказаніемъ плетями. Оно состоитъ въ поставленіи на лбу и щекахъ осужденнаго буквъ К. А. Т., т. е. каторжный. Достигшіе 70 лѣтъ и женщины не присуждаются къ наложенію клеймъ. (28 ст. Улож. о наказ., изд. 1857 г.)

По толкованію клейменіе дѣлается въ отвращеніе побѣговъ изъ каторжныхъ работъ или же во время пересылки въ каторжныя работы (1). Но такъ какъ клейменіе совершается только надъ тѣми лицами, которыя подвергаются наказанію плетью, то невольно рождается вопросъ: почему такое недовѣріе къ послѣднимъ лицамъ? Они не такіе же люди, какъ и другіе преступники, которыхъ законъ избавляетъ отъ клейменія? Этотъ законъ возникъ въ то время, когда уважалась не самая личность, а принадлежность человека къ какому-нибудь сословному классу людей, пользующихся особенными преимуществами; нынѣ же этотъ законъ можетъ не имѣть болѣе мѣста въ нашей жизни.

Такимъ образомъ изъ изложеннаго мы приходимъ къ тому результату, что потеря всѣхъ или нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ, и ссылка въ каторжныя работы и на поселеніе въ Сибирь, или отдача въ исправительныя арестантскія роты гражданского вѣдства — для всѣхъ классовъ людей есть достаточное наказаніе въ возмездіе за совершенныя преступленія. Розги, плети и наложеніе клеймъ составляютъ увеличенное наказаніе.

Изъ современныхъ государствъ рѣзкія формы тѣлеснаго наказанія сохранились еще у восточныхъ народовъ. Но у послѣднихъ онѣ могутъ потерять силу не иначе какъ только вслѣдствіе сильныхъ реформъ; потому, неговоря уже о томъ, что идея человеческого достоинства стоитъ у нихъ на низшей ступени развитія, вслѣдствіе чего основаніемъ для нравъ человеческихъ служить не самая личность, а принадлежность къ какому-нибудь политическому или религіозному обществу, главный источникъ неуклоненія отъ развѣ-принятыхъ началъ — ихъ религія: наложивъ свою могучую руку на всѣ сферы политической и гражданской жизни, она не дозволяетъ восточнымъ народамъ отрѣшиться отъ элементовъ введенныхъ ею и развитыхъ на общечеловѣческихъ принципахъ.

Не изъ такихъ началъ слагается жизнь русскаго народа: гражданское развитіе совершенно выработало понятіе о человеческомъ достоинствѣ, а христіанская религія не только не проповѣдуетъ принципа возмездія въ формѣ наказаній, уничтожающихъ человеческое достоинство, какъ это встрѣчаемъ въ религіи мусульманской, а напротивъ, возстаетъ противъ этихъ началъ.

О. ФИЛИПОВЪ

(1) Проскуряковъ. Уголовн. и Полиц. Зак. стр. 6.

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

II

ПРОДОЛЖЕНІЕ

Доктора обходили палаты поутру; часу въ одиннадцатомъ являлись они у насъ всѣ вмѣстѣ, сопровождая главнаго доктора, а прежде нихъ, часа за полтора, посѣщалъ палату нашъ ординаторъ. Въ то время у насъ былъ ординаторомъ одинъ молоденькой лекаръ, знающій дѣло, ласковый, привѣтливый, котораго очень любили арестанты и находили въ немъ только одинъ недостатокъ: «слишкомъ ужъ смиренъ.» Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ какъ-то не разговорчивъ; даже какъ-будто конфузился насъ, чуть не краснѣлъ, измѣнялъ порціи чуть не по первой просьбѣ больныхъ и даже, кажется, готовъ былъ назначать имъ и лекарства по ихъ же просьбѣ. Впрочемъ онъ былъ славный молодой человекъ. Надо признаться, много лекарей на Руси пользуются любовью и уваженіемъ простаго народа и это, сколько я замѣтила, совершенная правда. Знаю, что мои слова покажутся парадоксомъ, особенно взявъ въ соображеніе всеобщее недогѣріе всея русскаго простаго народа къ медицинѣ и къ заморскимъ лекарствомъ. Въ самомъ дѣлѣ простолюдинъ скорѣе нѣсколько лѣтъ лягу, отдавая самую тяжолою болѣзнию, будетъ лечиться у знахарки или своихъ домашнихни, простонародными лекарствами (которыя отнюдь не надо пренебрегать), чѣмъ пойдетъ къ доктору или лечь въ госпиталь. Но кромѣ того, что тутъ есть одно чрезвычайно важное обстоятельство, совершенно неотмощ-

щеся къ мелицивѣ, именно: всеобщее недовѣріе всего простолюдыя ко всему, что носитъ на себѣ печать административнаго, форменнаго; кромѣ того народъ запуганъ и предубѣжденъ противъ гошпиталей разными страхами, рассказами верѣдко нелѣпыми, но иногда и имѣющими свое основаніе. Но главное его пугаютъ нѣмецкіе порядки гошпиталя, чужіе люди кругомъ во все продолженіе болѣзни, строгости насчетъ вѣды, рассказы о настойчивой суровости фельдшеровъ и лекарей, о взрѣзываніи и потрошеніи труповъ и проч. и проч. Ктому же, разсуждаетъ народъ, господа лечитъ будутъ, потому что лекаря все-таки господа. Но при болѣе близкомъ знакомствѣ съ лекарями (хотя и не безъ исключеній, но большею частію), всѣ эти страхи исчезаютъ очень скоро, что, по моему мнѣнію, прямо относится къ чести докторовъ нашихъ, преимущественно молодыхъ. Большая часть ихъ умѣютъ заслужить уваженіе и даже любовь простонародья. По крайней мѣрѣ я пишу о томъ, что самъ видѣлъ и испыталъ, неоднократно и во многихъ мѣстахъ и не имѣю основаній думать, чтобъ въ другихъ мѣстахъ слишкомъ часто поступалось иначе. Конечно въ нѣкоторыхъ уголкахъ лекаря берутъ взятки, сильно пользуются отъ своихъ больницъ; почти пренебрегаютъ больными, даже забываютъ се-вѣтъ медицину. Это еще есть; но я говорю про большинство или лучше—сказать про тотъ духъ, про то направленіе, которое осуществляется теперь, въ наши дни, въ медицинѣ. Тѣ же, отступники дѣла, волки въ овечьемъ стадѣ, чтобы ни представляли въ свое оправданіе, какъ бы ни оправдывались напрямѣръ хоть *средой*, которая зашла в нихъ въ свою очередь, всегда будутъ неправы, особенно если при этомъ потеряли и челоуѣколюбіе. А челоуѣколюбіе, ласковость, братское состраданіе къ больному; никогда нужнѣе ему всѣхъ докторствъ. Пора бы намъ перестать апатически жаловаться на среду, что она насъ зашла. Это положитъ правда, что она иногда въ насъ заходитъ, да не все же и часто этой хитрой и понимающей дѣло плутъ, предовко прекривляетъ и оправдываетъ вліяніемъ этой среды: не одну свою слабость, а верѣдко и просто подлость, особенно если умѣетъ красно говорить или писать. Впрочемъ и мысля отбился отъ темы; я хотѣлъ только сказать, что простой народъ недовѣрчивъ и враждебенъ болѣе къ администраціи медицинскою, а не къ лекарямъ. Узнавъ каковы они на дѣлѣ, они бытстро терять

многія изъ своихъ предубѣжденій. Прочая же обстановка нашихъ лечебницъ до сихъ поръ во многомъ не соотвѣтствуетъ духу народа, до сихъ поръ враждебна своимъ порядками привычкамъ нашего простолюдья и не въ состояніи пріобрѣсти полного довѣрія и уваженія народнаго. Такъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется изъ нѣкоторыхъ моихъ собственныхъ впечатлѣній.

Нашъ ординаторъ обыкновенно останавливался передъ каждымъ больнымъ, серьезно и чрезвычайно внимательно осматривалъ его и спрашивалъ, назначалъ лекарства, порціи. Иногда онъ и самъ замѣчалъ, что больной ничѣмъ не боленъ; но такъ какъ арестантъ пришолъ отдохнуть отъ работы или полежать на тюфякѣ, вмѣсто голыхъ досокъ и наконецъ все-таки въ теплой комнатѣ, а не въ сырой кордегардіи, гдѣ въ тѣснотѣ содержатся густыя кучи блѣдныхъ и испитыхъ полсудимыхъ (подсудимые у насъ почти всегда, на всей Руси, блѣдые и испитые, — признакъ что ихъ содержаніе и душевное состояніе почти всегда тяжелѣе, чѣмъ у рѣшонныхъ), то нашъ ординаторъ спокойно записывалъ имъ какую-нибудь febris catarrhalis и оставлялъ лежать иногда даже на недѣлю. Надъ этой febris catarrhalis всѣ смѣялись у насъ. Знали очень хорошо что это, принятая у насъ, по какому-то обоюдному согласію между докторомъ и больнымъ формула для обозначенія притворной болѣзни; «запасныя колотья» какъ переводили сами арестанты febris catarrhalis. Иногда больной злоупотреблялъ мягкосердіемъ лекаря и продолжалъ лежать до тѣхъ поръ пока его не выгоняли силой. Тогда нужно было посмотреть на нашего ординатора: онъ какъ-будто робѣлъ, какъ-будто стыдился прямо сказать больному, чтобъ онъ вѣдѣлъ управлявалъ и скорѣе бы просился на выписку, хотя имѣлъ полное право, просто запросто, безо всякихъ разговоровъ и умишленныхъ вышарать его, написать ему въ скорбномъ листѣ *sanat. est.* Онъ сначала намекалъ ему, потомъ какъ бы спрашивалъ: «Не вора ли, дескать? вѣдь ужъ ты почти здоровъ, въ палатѣ тѣсно и пров. и проч.» до тѣхъ поръ пока больному самому становилось совѣстно и онъ самъ наконецъ просился на выписку. Старшій докторъ, хоть былъ и человѣколюбивый и честный человекъ (его тоже очень любили больные), но былъ несравненно суровѣе, рѣшительнѣе ординатора, даже при случаѣ выказывалъ суровую строгость и за это его у насъ какъ-то особенно уважали. Онъ являлся въ сопровожденіи всѣхъ гошпитальныхъ лека-

рей, послѣ ординатора, тоже свидѣтельствовалъ каждому по оди-
ночкѣ, особенно останавливался надъ трудными большими, все-
гда умѣлъ сказать имъ доброе ободрительное, часто даже залу-
шевное слово и вообще производилъ хорошее впечатлѣніе. При-
шедшихъ съ запасными колотьями онъ никогда не отвергалъ и
не отсылалъ назадъ; но если больной самъ упорствовалъ, то
просто завросто выписывалъ его: «Ну чтожь, братъ, полежа-
довольно, отдохнулъ, ступай, надо честь знать.» Упорствовали
обыкновенно или лѣнливые до работъ, особенно въ рабочее, лѣт-
нее время, или изъ подсудимыхъ ожидавшихъ себѣ наказанія.
Помню съ однимъ изъ такихъ употреблена была особенная стро-
гость, жестокость даже, чтобъ склонить его къ выпискѣ. При-
шолъ онъ главною болѣзнію; глаза красные, жалуется на силь-
ную колючую боль въ глазахъ. Его стали лечить мушками,
цѣвками, брызгами въ глазъ какой-то разъѣдающей жидкостью
и проч., но болѣзнь все-таки не проходила, глаза не очищались.
Мало-помалу догадались доктора, что болѣзнь притворная: ве-
спаленіе постоянно небольшое, хуже не дѣлается, да и не выле-
чивается, все въ одномъ положеніи, случай подозрительный. Ар-
естанты всѣ давно уже знали, что онъ притворяется и людей об-
манываетъ, хотя онъ самъ и не признавался въ этомъ. Это былъ
молодой парень, даже красивый собой, но производившій какое-
то неприятное впечатлѣніе на всѣхъ насъ: скрытный, подозри-
тельный, нахмуренный, ни съ кѣмъ не говоритъ, глядитъ напо-
добья, отъ всѣхъ таятся, точно всѣхъ подозрѣваетъ. Я помню
иногда даже приходило въ голову, чтобъ онъ не сдѣлалъ чего-
нибудь. Онъ былъ солдатъ, сильно проворовался, были уличены,
и ему выходили тысяча налокъ и арестантскія роты. Чтобъ отде-
лить минуту наказанія, какъ я уже упоминалъ прежде, рѣшало-
ся иногда подсудимые на страшныя выкодки: прыгнуть ногою
наканути казни ногою-нибудь въ начальства, или своего же брата
арестанта, его и судятъ по новому и отдаляется наказаніе еще на
десята на два и цѣль его достигается. Ему мунды нѣтъ до того,
что его будутъ наказывать черезъ два мѣсяца, а черезъ три
суроубѣе? только бы теперь-то отдалить грезную минуту хотя на
нѣсколько дней, а тамъ чтобы нибыло, — до того бывають ино-
гда слышь упадокъ духа въ этихъ несчастныхъ. У насъ нѣко-
уже шоптались прележь себя, чтобъ остерегаться его; пожалуй
зарѣжетъ ногою-нибудь молью. Впрочемъ такъ только говорили, а

особенныхъ предосторожностей никакихъ не брали, даже тѣ, у которыхъ койки приходились съ нимъ рядомъ. Видѣли впрочемъ, что онъ по ночамъ растираетъ глаза известной съ щекатурки и чѣмъ—то еще другимъ, чтобъ къ утру они опять стали красными. Наконецъ главный докторъ погрозилъ ему заволокой. Въ упорной глазной болѣзни, продолжающейся долго и когда уже все медицинскія средства бывають испытаны, чтобъ спасти зрѣнiе, доктора рѣшаются на сильное и мучительное средство: ставятъ больному заволоку, точно лошади. Но бѣднякъ и тутъ не согласился выздороветь. Что за упрямый былъ это характеръ, или ужь слишкомъ трусливый: вѣдь заволока была хоть и не такъ какъ палки, но тоже очень мучительна. Больному собирають сзади на шею кожу рукой, сколько можно захватить, протыкають все захваченное тѣло ножомъ, отчего происходитъ широкая и длинная рана по всему затылку и продѣвають въ эту рану холстинную тесемку, довольно широкую, почти въ палецъ; потомъ каждый день въ опредѣленную часть, эту тесемку передергивають въ ранѣ, такъ что какъ-будто вновь ее разрѣзають, чтобъ рана вѣчно гноилась и не заживала. Бѣднякъ переносилъ, впрочемъ съ ужасными мученiями и эту пытку упорно нѣсколько дней, и наконецъ только согласился выписаться. Глаза его въ одинъ день стали совершенно здоровые и какъ только зажила его шея, онъ отправился на абвахту, чтобъ на завтра же выйти опять на тысячу палокъ.

Конечно, тяжела минута передъ наказанiемъ, тяжела до того, что можетъ быть я грѣшу, называя этотъ страхъ малодушиемъ и трусостью. Стало быть тяжело когда подвергаются двойному, тройному наказанiю, только бы не сейчасъ оно исполнялось. Я упоминалъ впрочемъ и о такихъ, которые сами просились скорѣе на вышку еще съ незажившей отъ веревыхъ палочъ спиной, чтобъ выходить остальныя удары и окончательно выйти изъ подъ суда; а сдержанiе подъ судомъ, на абвактѣ конечно для всѣхъ несравненно хуже каторги. Но кромя разницы температуръ, большую роль играютъ въ рѣшимости и безстрашии нѣкоторыя закоренѣлая привычка къ ударамъ и къ наказанiю. Многократно битый какъ-то укрѣпляется духомъ и спиной и смотритъ наконецъ на наказанiе съвѣтлѣе, почти какъ на малое неудобство и уже не боится его. Говоря вообще это вѣрно. Одинъ нашъ арестантъ, изъ особаго отдѣленiя, ирещенскiй

калмыкъ , Александръ или Александра , какъ звали его у насъ , странный малый , плутоватый , безстрашный и въ тоже время очень добродушный , рассказывалъ мнѣ какъ онъ выходилъ свои четыре тысячи , рассказывалъ смѣясь и шутя , но тутъ же клялся пресерьозно , что еслибъ съ дѣтства , съ самаго нѣжнаго , перваго своего дѣтства онъ не выросъ подъ плетью , отъ которой буквально всю жизнь его въ своей ордѣ не сходили рубцы съ его спины , то онъ бы ни за что не вынесъ этихъ четырехъ тысячъ . Рассказывая , онъ какъ-будто благословлялъ это воспитаніе подъ плетью . « Меня за все били , Александръ Петровичъ , говорилъ онъ мнѣ разъ , сидя на моей койкѣ , подъ вечеръ , передъ огнями , за все про все , за что ни попало , били лѣтъ пятнадцать сряду , съ самаго того дня какъ себя помнить началъ , каждый день не нѣскольку разъ ; не билъ кто не хотѣлъ ; такъ что я подъ конецъ ужъ совсѣмъ привыкъ . » Какъ онъ попалъ въ солдаты не знаю ; не помню ; впрочемъ , можетъ онъ и рассказывалъ ; это былъ всегдашній бѣгунъ и бродяга . Только помню его рассказъ о томъ , какъ онъ ужасно струсилъ , когда его приговорили къ четыремъ тысячамъ , за убійство начальника . « Я зналъ , что меня будутъ наказывать строго и что можетъ изъ-подъ палокъ не выпустятъ и хоть я и привыкъ къ плетямъ , да вѣдь четыре тысячи налокъ , — шутка ! да еще все начальство озлилось ! Зналъ я , навѣрно зналъ , что не пройдетъ даромъ , не выхожу ; не выпустятъ изъ-подъ палокъ . Я сначала попробовалъ было окреститься , думаю ; авось простятъ , и хоть мнѣ свои же тогда говорили , что ничего изъ этого не выйдетъ , не простятъ , да думаю : все-таки попробую , все-таки имъ мальче будетъ крещенаго-то . Меня и въ самомъ дѣлѣ окрестили и при святомъ крещеніи нарекли Александромъ ; ну а палки все-таки палками остались ; хоть бы одну простили ; даже обидно мнѣ стало . Я и думаю про себя : постой же я васъ теперь всехъ и завтраду наду . И вѣдь что вы думаете , Александръ Петровичъ , надулъ ! Я ужасно умѣлъ хорошо мертвымъ представиться , то-есть не то , чтобы совсѣмъ мертвымъ , а вотъ-вотъ сейчасъ душа вонъ изъ тела уйдетъ . Повели меня ; ведутъ одну тысячу : жисеть , врачу ; ведутъ другую , ну , душно ; конецъ мой идетъ ; изъ ума совсѣмъ вышибли , ноги подламываются , я грохъ объ землю : глаза у меня стали мертвые , лицо синее , дыханіе нѣтъ , у рта стѣна . Подождемъ лекарь : сейчасъ , говорить , умреть . Повнесли меня въ госпиталь , а я тотъ

часть ожилъ. Такъ меня еще два раза потомъ выводили, и ужъ злились они, очень на меня злились, а я ихъ еще два раза надулъ; третью тысячу только одну прошолъ, обмеръ, а какъ пошолъ четвертую, такъ каждый ударъ какъ ножомъ по сердцу проходилъ, каждый ударъ за три удара шолъ, такъ больно били! Остервенились на меня. Эта-то вотъ скаредная послѣдняя тысяча (чтобъ ее!..) всѣхъ трехъ первыхъ стошла, и кабы не умеръ я передъ самымъ концомъ, (всего палокъ двѣсти только оставалось) забили бы тутъ же на смерть, ну да и я не далъ себя въ обиду: опять надулъ и опять обмеръ, опять повѣрили, да и какъ не повѣрить, лекаръ вѣрить, такъ что на двухъ стахъ-то послѣднихъ, хоть и изо всей злости били потомъ, такъ били, что въ другой разъ двѣ тысячи легче, да нѣтъ, носъ утри, не забилъ, а отчего не забилъ? А все тоже потому что снѣдѣства подъ плетью росъ. Оттого и живъ до сегодня. Охъ били-то меня били на моемъ вѣку! прибавилъ онъ въ концѣ рассказа какъ бы въ грустномъ раздумьи, какъ бы силъся припомнить и пересчитать, сколько разъ его били. «Да нѣтъ, прибавилъ онъ, перебивая минутное молчаніе, и не пересчитать сколько били; да и куды перечестъ! Счету такого не хватитъ.» Онъ взглянулъ на меня и разсмѣялся, но такъ добродушно, что я самъ не могъ не улыбнуться ему въ отвѣтъ. «Знаете ли, Александръ Петровичъ, я вѣдь и теперь, коли сонъ ночью вижу, такъ непременно,—что меня бьютъ; другихъ и сновъ у меня не бываетъ.» Онъ дѣйствительно часто кричалъ по ночамъ и кричалъ бывало во все горло, такъ что его тотчасъ будили толчками арестанты: «Ну что, чортъ, кричишь!» Былъ онъ парень здоровый, не высокаго росту, вертлявый и веселый, лѣтъ сорока пяти, жилъ со всѣми ладно, и хоть очень любилъ воровать и очень часто бывалъ у насъ битъ за это, но вѣдь ктожъ у насъ не проворовывался, и ктожъ у насъ не былъ битъ за это?

Прибавлю къ этому одно: удивлялся я всегда тому необыкновенному добродушію, тому беззлобію, съ которыми разоказывали всѣ эти битые о томъ, какъ ихъ били и о тѣхъ, кто ихъ билъ. Часто ни малѣйшаго даже отбѣнка злобы или ненависти не слышалось въ такомъ разказѣ, отъ котораго у меня подчасъ подымалось сердце и начинало крѣпко и сильно стучать. А они бывало разказываютъ и смѣются какъ дѣти. Вотъ М—цкій, мнѣршнръ разказывалъ мнѣ о своемъ наказаніи; онъ былъ

не дворянинъ, и прошолъ пятьсотъ. Я узналъ объ этомъ отъ другихъ и самъ спросилъ его: правда ли это и какъ это было? Онъ отвѣтилъ какъ-то коротко, какъ-будто съ какою-то внутреннею болью, точно стараясь не глядѣть на меня в лицо его покраснѣло; черезъ полминуты онъ посмотрѣлъ на меня въ глазахъ его засверкалъ огонь ненависти, а губы затряслись отъ негодованія. Я почувствовалъ, что онъ никогда не могъ забыть этой страницы изъ своего прошедшаго. Но наши, почти всѣ, (не ругаюсь, чтобъ не было исключеній) смотрѣли на это совсѣмъ иначе. Не можетъ быть, думалъ я иногда, чтобъ они считали себя совсѣмъ виновными и достойными казни, особенно когда согрѣшили не противъ своихъ, а противъ начальства. Большинство изъ нихъ совсѣмъ себя не винило. Я сказалъ уже, что угрозеній совѣсти я не замѣчалъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе было противъ своего же общества. О преступленіяхъ противъ начальства и говорить нечего. Казалось мнѣ иногда, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ, былъ свой особенный, такъ-сказать какой-то практический, или лучше — фактическій взглядъ на дѣло. Принималась во вниманіе судьба, неотразимость факта и не то что обдуманно какъ-нибудь, а такъ ужь, безсознательно, какъ вѣра какал-нибудь. Арестантъ, на примѣръ, хотъ и всегда склоненъ чувствовать себя правымъ, въ преступленіяхъ противъ начальства, такъ что и самый вопросъ объ этомъ для него не мыслимъ, но все-таки онъ практически сознавалъ, что начальство смотритъ на его преступленіе совсѣмъ инымъ взглядомъ, а стало-быть, онъ и долженъ быть наказанъ и квиты. Тутъ борьба обюдная. Преступникъ знаетъ притомъ и не сомнѣвается что онъ оправданъ судомъ своей родной среды, своего же простонародья, которое никогда, онъ опять такъ знаетъ это, его окончательно не осудитъ, а большую частію и совсѣмъ оправдаетъ, лишь бы грѣхъ его былъ не противъ своихъ, противъ братьевъ, противъ своего же родного простонародья. Совѣсть его смотъна, а совѣстью онъ и силенъ и не смущается нравственно, а это главное. Онъ какъ бы чувствуетъ что вотъ на что оверотся, и потому не ненавидитъ, а принимаетъ случившееся съ нимъ и фактъ неминуемъ, который не имъ начался, не имъ и кончился и долго долго еще будетъ продолжаться, среди разъ поставленной паслывной, не уперной борьбы. Какой солдатъ менавдять лн что турку, когда съ нимъ воюеть; а вѣдь турка же рѣжетъ его.

колетъ, стрѣляетъ въ него. Впрочемъ не всѣ рассказы были ужь совершенно хладнокровны и равнодушны. Про поручика Жеребятникова напримѣръ, рассказывали даже съ нѣкоторымъ отгнѣнкомъ негодованія, впрочемъ не очень большаго. Съ этимъ поручикомъ Жеребятниковымъ я познакомился еще въ первое время моего лежанья въ больницѣ, разумѣется изъ арестантскихъ рассказовъ. Потомъ какъ-то я увидѣлъ его и въ натурѣ, когда онъ стоялъ у шашъ въ караулѣ. Это былъ человекъ лѣтъ подь тридцать, росту высокаго, толстый, жирный, съ румяными, заплывшими жиромъ щеками, съ бѣлыми зубами и съ поздревскимъ, раскатистымъ смѣхомъ. По лицу его было видно, что это самый незадумывающійся человекъ въ мирѣ. Онъ дострасти любилъ сѣчь и наказывать палками, когда бывало назначали его экзекуторомъ. Спѣшу присовокупить, что на поручика Жеребятникова я ужь и тогда смотрѣлъ какъ на уродѣ между своими же, да такъ смотрѣли на него и сами арестанты. Были и кромѣ него исполнители, въ старицу разумѣется, въ ту недавнюю старицу, о которой «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ», любившіе исполнить свое дѣло рачительно и съ усердіемъ. Но болъшею частію это происходило наивно и безъ особаго увлеченія. Поручикъ же былъ чѣмъ-то вродѣ утонченнѣйшаго гастронома въ исполнительномъ дѣлѣ. Онъ любилъ, онъ страстно любилъ исполнительное искусство, и любилъ единственно для искусства. Онъ наслаждался имъ и какъ истаскавшійся въ наслажденіяхъ, полинявшій патриціи времянь Римской имперіи, изобрѣталъ себѣ разныя утонченности, разныя противуестественности, чтобъ сколько нибудь расшевелить и пріятно пощекотать свою заплывшую жиромъ душу. Вотъ выводить арестанта къ наизамію; Жеребятниковъ экзекуторомъ; одинъ взглядъ на длинный, выстроенный рядъ людей съ толстыми палками уже вдохновляетъ его. Онъ самодовольно обходитъ ряды и подтверждаетъ усиленно, чтобы каждый исполнялъ свое дѣло рачительно, совѣстливо, не то... Но ужь солдатики знали, что значить это *не то*. Но вотъ приводятъ самаго преступника и если онъ еще до сихъ поръ былъ не знакомъ съ Жеребятниковымъ, если не слышалъ еще про него всей подноготной, то вотъ какую напримѣръ штучку тотъ съ нимъ выкидывалъ. (Разумѣется это одна изъ сотни штучекъ; поручикъ былъ действующимъ въ изобрѣтеніяхъ). Всякій арестантъ, въ ту мнвнугу, когда его обнажаютъ, а руки привязываютъ къ

прикладамъ ружей, на которыхъ, такимъ образомъ, тянуть его потомъ унтеръ офицеры черезъ всю зеленую улицу, — всякій арестантъ слѣдуя общему обычаю всегда начинаетъ въ эту минуту слезливымъ жалобнымъ голосомъ молить экзекутора, чтобы наказывалъ послабѣе и не усугублялъ наказанія излишнею строгостію: «ваше благородіе, кричитъ несчастный, помилуйте, будьте отецъ родной, заставьте за себя вѣкъ бога молить, не погубите, помилусердствуйте!» Жеребятниковъ только бывало того и ждетъ; тотчасъ оставовитъ дѣло и тоже съ чувствительнымъ видомъ начинаетъ разговоръ съ арестантомъ:

— Другъ ты мой, говоритъ онъ, да чтоже мнѣ-то дѣлать съ тобой? Не я наказую, законъ!

— Ваше благородіе, все въ вашихъ рукахъ, помилусердствуйте!

— А ты думаешь мнѣ не жалко тебя? Ты думаешь мнѣ въ удовольствіе смотрѣть какъ тебя будутъ бить? Вѣдь я тоже человѣкъ! Человѣкъ я, аль нѣтъ по-твоему?

— Вѣстимо, ваше благородіе, знамо-дѣлю; вы отцы, мы дѣти. Будьте отцомъ роднымъ! кричитъ арестантъ, начиная уже надѣяться.

— Да другъ ты мой, разсуди самъ; умъ-то вѣдь у тебя есть, чтобъ разсудить: вѣдь я и самъ знаю, что по человѣчеству долженъ и на тебя грѣшника смотрѣть снисходительно и милостиво...

— Сущую правду изволите ваше благородіе говорить!

— Да, милостиво, смотрѣть какъ бы ты ни былъ грѣшенъ. Да вѣдь тутъ не я, а законъ! Подумай! Вѣдь я Богу служу и отечеству; я вѣдь всякій грѣхъ возьму на себя, если ослаблю законъ, подумай объ этомъ!

— Ваше благородіе!

— Ну да ужъ что! ужъ такъ и быть, для тебя! Знаю что грѣшу, но ужъ такъ и быть... Помилую я тебя на этотъ разъ, накажу легко. Ну а что если я тѣмъ самымъ тебѣ вредъ принесу? Я тебя вотъ теперь помилую, накажу легко, а ты надеешься, что и другой разъ также будетъ, да и опять преступленіе сдѣлаешь, что тогда? вѣдь на моей же душѣ...

— Ваше благородіе! другу не другу закажу! Вотъ какъ есть передъ престоломъ небеснаго создателя...

— Ну да ужь хорошо, хорошо! А поклянешься мнѣ, что будешь себя впредь хорошо вести?

— Да разрази меня Господи, да чтобъ мнѣ на томъ свѣтѣ...

— Не клянись, грѣшно. Я и слову твоему повѣрю, даешь слово?

— Ваше благородіе!!!

— Ну слушай же, милую я тебя только ради сиротскихъ слезъ твоихъ; ты сирота?

— Сирота, ваше благородіе, какъ перстъ одинъ, ни отца ни матери...

— Ну такъ ради сиротскихъ слезъ твоихъ; но смотри же, въ послѣдній разъ... ведите его, прибавляетъ онъ такимъ мягкосердымъ голосомъ, что арестантъ ужь и не знаетъ какими молитвами Бога молить за такого милостивца. Но вотъ грозная процесія тронулась, повели; загремѣлъ барабанъ, замахаи первыя палки... «Катай его!» кричитъ вовсе свое горло Жеребятниковъ, жги его! лупи-лупи! Обжигай! Еще ему, еще ему! крѣпче сироту, крѣпче мошенника! сажай его, сажай!» И солдаты лупятъ совсего розмаха, искры сыплются изъ глазъ бѣдняка, онъ начинаетъ кричать а Жеребятниковъ, бѣжить за нимъ по фрунту и хохочетъ-хохочетъ, заливадается, бока руками подпираетъ отъ смѣха, распрямиться не можетъ, такъ что даже жалко его подъ конецъ станеть, сердешнаго. И радъ-то онъ, и смѣшно-то ему и только развѣ изрѣдка перервется его звонкій, здоровый, раскатистый смѣхъ, и слышится опять «лупи его, лупи! Обжигай его мошенника, обжигай сироту!..»

А то вотъ еще какія онъ изобрѣталъ варьяціи: выведутъ къ наказанію; арестантъ опять начинаетъ молить. Жеребятниковъ на этотъ разъ не ломается, не гримасничаетъ, а пускается въ откровенности:

«Видишь что, любезный, говоритъ онъ, покажу я тебя какъ слѣдуетъ, потому ты и стоишь того. Но вотъ что я для тебя, пожалуй сдѣлаю: къ прикладамъ я тебя не привяжу. Одинъ пойдемъ, только по новому: Бѣги что есть силы черезъ весь фрунтъ! Тутъ хоть и каждая палка ударить, да вѣдь дѣло-то будетъ короче, какъ думаешь? хочешь испробовать?»

Арестантъ слушаетъ съ недоумѣніемъ, съ недовѣрчивостью, и задумывается, «чтожъ думаетъ онъ про себя, а можетъ оно, и

вправду вальготнѣе будетъ ; пробѣгу что есть моча , такъ муга впитеро короче будетъ , а можетъ и не всякая налка ударить».

— Хорошо, ваше благородіе, еогласенъ.

— Ну и я согласенъ , катай ! Смотрите жъ , не зѣвать ! кричить онъ солдатамъ , зная впрочемъ напередъ , что ни одна палка не манкируетъ виноватой спины ; промахнувшійся солдатъ тоже очень хорошо знаетъ чему подвергается . Арестантъ пускается бѣжать что есть силы по «зеленой улицѣ», но разумѣется не пробѣгаетъ и пятнадцати рядовъ , палки какъ барабанная дробь , какъ молнія , разомъ , вдругъ , низвергаются на его спину и бѣднякъ съ крикомъ упадетъ какъ подкошенный , какъ сраженный пулей . — Нѣтъ , ваше благородіе , лучше ужъ по закону , говоритъ онъ , медленно подымаясь съ земли , блѣдный и испуганный , а Жеребятниковъ , который заранѣе зналъ всю эту штуку и что изъ нея выйдетъ , хохочетъ , заливаясь . Но и не описать всѣхъ его развлеченій и всего , что про него у насъ рассказывали !

Нѣсколько другимъ образомъ , въ другомъ тонѣ и духѣ , рассказывали у насъ объ одномъ поручикѣ Смекаловѣ , исполнявшемъ должность командира при нашемъ острогѣ прежде еще чѣмъ назначили къ этой должности нашего плацъ-майора . Про Жеребятникова хоть и рассказывали довольно равнодушно , безъ особенной злобы , но все-таки не любовались его подвигами , не хвалили его , а видимо имъ гнушались . Даже какъ-то свысока презирали его . Но про поручика Смекалова вспоминали у насъ съ радостію и наслажденіемъ . Дѣло въ томъ , что это вовсе не былъ какой-нибудь особенный охотникъ высѣчь ; въ немъ отнюдь не было чисто жеребятническаго элемента . Но все-таки онъ былъ отнюдь не прочь и высѣчь ; въ томъ-то и дѣло , что самыя розги его вспоминались у насъ съ какою-то сладкою любовью , — такъ умѣлъ угодить этотъ человекъ арестантамъ ! А и чѣмъ ? Чѣмъ заслужилъ онъ такую популярность ? Правда , нашъ народъ , какъ можетъ быть и весь народъ русскій , готовъ забыть цѣлыя муки за одно ласковое слово ; говорю объ этомъ какъ объ фактѣ , не разбирая его на этотъ разъ , ни съ той , ни съ другой стороны . Нетрудно было угодить этому народу и приобрести у него популярность . Но поручикъ Смекаловъ приобрѣлъ особенную популярность — такъ что даже о томъ , какъ онъ сбѣжалъ , упоминалось чуть не съ умиленіемъ . «Отца не надо», говорятъ бывало арестанты и даже вздыхаютъ , сравнивая по воспоминаваніямъ

и ихъ прежняго временнаго начальника, Смекалова, съ теперешнимъ плацъ-майоромъ. « Душа человѣкъ! » — Былъ онъ человѣкъ простой, можетъ даже и добрый по-своему. Но случается бываетъ не только добрый, но даже и великодушный человѣкъ въ начальникахъ, и чтожь? — всѣ не любятъ его, а надъ инымъ такъ смотришь и просто смѣются. Дѣло въ томъ, что Смекаловъ умѣлъ какъ-то такъ сдѣлать, что всѣ его у насъ признавали за *своего* человѣка, а это большое умѣнье или вѣрнѣе-сказать природная способность, надъ которой и не задумываются даже обладающіе ею. Странное дѣло: бывають даже изъ такихъ и совсѣмъ недобрые люди, а между тѣмъ приобрѣтають иногда большую популярность. Не брезгливы они, не гадливы къ подчиненному народу, — вотъ гдѣ, кажется мнѣ, причина! Барченка-бѣлоручки въ нихъ не видать, духа барскаго не слышать, а есть въ нихъ какой-то особенный простонародный запахъ, природный имъ, и, боже-мой, какъ чутокъ народъ къ этому запаху! чего онъ не отдастъ за него! Милосерднѣйшаго человѣка готовъ промѣнять даже на самаго строгаго, если этотъ припахиваетъ ихнимъ собственнымъ, посконнымъ запахомъ. Чтожь если этотъ припахивающій человѣкъ сверхъ того и дѣйствительно добродушенъ, хотя бы и по-своему? Тутъ ужъ ему и цѣны нѣтъ! Поручикъ Смекаловъ, какъ уже и сказалъ я, иной разъ и больно наказывалъ, но онъ какъ-то такъ умѣлъ сдѣлать, что на него нетолько не злобствовали, но даже напротивъ, теперь, въ мое время, какъ уже все давно прошло, вспоминали о его *штучкахъ* при смѣхѣ и съ наслажденіемъ. Впрочемъ у него было немного штукъ; фантазія художественной не хватало. По правдѣ, была всего-то одна штука, одна-единственная, съ которой онъ чуть не цѣлый годъ у насъ пробавлялся; но можетъ-быть она именно и мила-то была тѣмъ, что была единственная. Навивости въ этомъ было много. Приведуть на примѣръ виноватаго арестанта. Смекаловъ самъ выйдетъ къ наказанію, выйдетъ съ усмѣшкою, съ шуткою, объ чемъ-нибудь тутъ же распроситъ виноватаго, объ чемъ-нибудь постороннемъ, о его личныхъ, домашнихъ, арестантскихъ дѣлахъ, и вовсе не съ какою-нибудь цѣлью, не съ заигрываніемъ какимъ-нибудь, а такъ просто, — *потому что ему дѣйствительно знать хочется объ этихъ дѣлахъ*. Принесуть розги, а Смекаловъ стулъ; онъ сядетъ

на него, трубку даже закурить. Длинная у него такая трубка была. Арестантъ начинаетъ молить... «Нѣтъ ужъ, братъ, ложись, чего ужъ тутъ...», скажетъ Смекаловъ; арестантъ вздохнетъ и ляжетъ. «Путѣка, любезный, умѣешь вотъ такой-то стихъ наизусть?» — «Какъ не знать, ваше благородіе, мы крещенные, съиздѣтства учились.» — «Ну такъ читай.» И ужъ арестантъ знаетъ что читать и знаетъ заранѣ что будетъ при этомъ чтеніи, потомучто эта штука разъ тридцать уже и прежде съ другими повторялась. Да и самъ Смекаловъ знаетъ, что арестантъ это знаетъ; знаетъ, что даже и солдаты, которые стоятъ съ поднятыми розгами надъ лежащей жертвой, объ этой самой штукѣ тоже давно ужъ слышаны, и все-таки онъ повторять ее опять, — такъ она ему разъ-навсегда понравилась, можетъ быть именно потому, что онъ ее самъ сочинилъ, изъ литературнаго самолюбія. Арестантъ начинаетъ читать, люди съ розгами ждутъ, а Смекаловъ даже приагнется съ мѣста, руку подыметъ, трубку перестанетъ курить, ждетъ извѣстнаго слова. Послѣ первой строчки извѣстныхъ стиховъ, арестантъ доходить наконецъ до слова: «на небеси». Того только и надо. «Стой!» кричатъ воспламененный поручикъ и мигомъ съ вдохновеннымъ жестомъ, обращаясь къ человѣку поднявшему розгу кричатъ: «А ты ему поднеси!»

И заливается хохотомъ. Стоящіе кругомъ солдаты тоже ухмыляются; ухмыляется сѣкущій, чуть не ухмыляется даже сѣкомый, несмотря на то, что розга по командѣ «поднеси», свиститъ уже въ воздухъ, чтобъ черезъ одинъ мигъ, какъ бритвой рѣзнуть по его виноватому тѣлу. И радуется Смекаловъ, радуется именно тому, что вотъ какъ же это онъ такъ хорошо придумалъ — и самъ сочинилъ: «на небеси» и «поднеси» — и кстати и въ рифму выходитъ. И Смекаловъ уходитъ отъ наказания совершенно довольный собой, да и высѣченный тоже уходитъ чуть не довольный собой и Смекаловымъ, и смотришь — черезъ полчаса ужъ рассказываетъ въ острогѣ какъ и теперь, въ тридцать первый разъ, была повторена уже тридцать разъ прѣжъ сего повторенная штука. «Одно слово душа человѣка! забавникъ!»

Даже подчасъ какой-то мангловщиной отзывались воспоминанія о добрыйшемъ поручикѣ.

— Бывало идешь этта, братцы, рассказываетъ какой-нибудь арестантикъ и все лицо его улыбается отъ воспоминанія, — идешь, а онъ ужь сидитъ бывало подь окошкомъ въ халатикѣ, чай пьетъ, трубочку покуриваетъ. Снимешь шапку, — куда Аксеновъ идешь?

— Да на работу, Михаилъ Васильичъ, перво-наперво въ мастерскую надоть; засмѣется себѣ... То-есть душа человекъ! одно слово душа!

— И не нажить такого! прибавляетъ кто-нибудь изъ слушателей.

III

ПРОДОЛЖЕНІЕ (1)

Я заговорилъ теперь о наказаніяхъ, равно какъ и объ разныхъ исполнителяхъ этихъ интересныхъ обязанностей, собственно потому, что переселясь въ госпиталь получилъ только тогда и первое наглядное понятіе обо всѣхъ этихъ дѣлахъ. До тѣхъ поръ я зналъ объ этомъ только по наслышкѣ. Въ наши двѣ палаты сводились всѣ наказанные шпидрутенами подсудимые изъ всѣхъ батальоновъ, арестантскихъ отдѣленій и прочихъ военныхъ командъ, расположенныхъ въ нашемъ городѣ и во всемъ его округѣ. Въ это первое время, когда я ко всему, что совершалось кругомъ меня, еще такъ жадно приглядывался, всѣ эти странные для меня порядки, всѣ эти наказанные и готовившіеся къ наказанію естественно производили на меня сильнѣйшее впечатлѣніе. Я былъ взволнованъ, смущенъ и испуганъ. Помню, что тогда же я вдругъ и нетерпѣливо сталъ выкиать во всѣ подробности этихъ новыхъ явленій, слушать разговоры и рассказы на эту тему другихъ арестантовъ, самъ задавалъ имъ вопросы, добивался рѣшеній. Мнѣ желалось между прочимъ знать невремѣнно всѣ степени приговоровъ и исполненій, всѣ отѣнки этихъ исполненій, взглянуть на все это самихъ арестантовъ: я старался вообразить себѣ психологическое состояніе идущихъ на

(1) Все что я пишу здѣсь о наказаніяхъ и казняхъ было въ мое время. Теперь, я слышалъ, все это измѣнилось и измѣняется.

казнь. Я сказалъ уже, что передъ наказаніемъ рѣдко кто бываетъ хладнокровенъ, неисключая даже и тѣхъ, которые уже предварительно были много и неоднократно биты. Тутъ вообще находятъ на осужденнаго какой-то острый, но чисто-физическій страхъ, невольный и неотразимый, подавляющій все нравственное существо человѣка. Я и потомъ, во всѣ эти нѣсколько лѣтъ острой жизни, невольно приглядывался къ тѣмъ изъ подсудимыхъ, которые пролежавъ въ гошпиталѣ, послѣ первой половины наказанія и залечивъ свои спины, выписывались изъ гошпиталя, чтобы назавтра же выходить остальную половину назначенныхъ по конфирмаціи палокъ. Это раздѣленіе наказанія на двѣ половины случается всегда по приговору лекаря, присутствующаго при наказаніи. Если назначенное по преступленію число ударовъ большое, такъ что арестанту всего разомъ не вынести, то дѣлятъ ему это число на двѣ, даже на три части, судя потому, что скажетъ докторъ во время уже самаго наказанія, то-есть можетъ ли наказуемый продолжать идти сквозь строй дальше или это будетъ сопряжено съ опасностью для его жизни. Обыкновенно пятьсотъ, тысяча и даже полторы тысячи выходятся разомъ, но если приговоръ въ двѣ, въ три тысячи, то исполненіе дѣлятся на двѣ половины и даже на три. Тѣ, которые залечивъ послѣ первой половины свою спину, выходили изъ гошпиталя, чтобъ идти подъ вторую половину, въ день выписки и наказаніи бывали обыкновенно мрачны, угрюмы, неразговорчивы. Замѣчалась въ нихъ нѣкоторая отупѣлость ума, какая-то неестественная разсѣянность. Въ разговоры такой человѣкъ не пускается и больше молчитъ; любопытнѣе всего, что съ такимъ и сами арестанты никогда не говорятъ и не стараются заговаривать о томъ, что его ожидаетъ. Ни лишняго слова, ни утѣшенія; даже стараются и вообще-то мало вниманія обращать на такого. Это конечно лучше для подсудимаго. Бываютъ исключенія, какъ вотъ напримѣръ Орловъ, о которомъ я уже рассказывалъ. Послѣ первой половины наказанія онъ только на то и досадовалъ, что спина его долго не заживаетъ и что нельзя ему поскорѣе выпиться, чтобъ поскорѣй выходить остальные удары, отправиться съ партіей въ назначенную ему ссылку и бѣжать съ дороги. Но этого развлекала цѣль и богъ-знаетъ что у него было на умѣ. Это была страстная и живучая натура. Онъ былъ очень дово-

день, въ сильно возбужденномъ состояніи, хотя и подавлялъ свои ощущенія. Дѣло въ томъ, что онъ еще передъ первой половиной наказанія думалъ, что его не выпустятъ изъ-подъ палокъ и что онъ долженъ умереть. До него доходили уже разные слухи о мѣрахъ начальства еще когда онъ содержался подъ судомъ; онъ уже и тогда готовился къ смерти. Но выйдивъ первую половину, онъ ободрился. Онъ явился въ госпиталь избитый до полусмерти; я еще никогда не видалъ такихъ извъ; но онъ пришолъ съ радостью въ сердцѣ, съ надеждой, что останется живъ, что слухи были ложные, что его вотъ выпустили же теперь изъ-подъ палокъ, такъ что теперь, послѣ долгаго содержанія подъ судомъ, ему уже начинали мечтаться дорога, побѣгъ, свобода, поля и лѣса... Черезъ два дня послѣ выписки изъ госпиталя онъ умеръ въ томъ же госпиталѣ, на прежней же койкѣ, невыдержавъ второй половины. Но я уже упоминалъ объ этомъ.

И однако тѣже арестанты, которые проводили такіе тяжелые дни и ночи передъ самымъ наказаніемъ, переносили самую казнь мужественно, неисключая и самыхъ малодушныхъ. Я рѣдко слышалъ стоны даже въ продолженіе первой ночи по ихъ прибытіи, нерѣдко даже отъ чрезвычайно тяжело избитыхъ; вообще народъ умѣетъ переносить боль. Насчетъ боли я много спрашивалъ. Мнѣ иногда хотѣлось опредѣлительно узнать какъ велика эта боль, съ чѣмъ ее наконецъ можно сравнить? Право не знаю для чего я добивался этого. Одно только помню, что не изъ празднаго любопытства. Повторяю, я былъ взволнованъ и потрясенъ. Но у кого я ни спрашивалъ, я никакъ не могъ добиться удовлетворительнаго для меня отвѣта. Жжоть, какъ огнемъ палить, — вотъ все что я могъ узнать и это былъ единственный у всѣхъ отвѣтъ. Жжоть, да и только. Въ это же первое время, сойдясь поближе съ М—мъ, я спрашивалъ и его. «Больно» отвѣчалъ онъ, «очень, а ощущеніе — жжоть какъ огнемъ; какъ огнемъ; какъ-будто жарится спина на самомъ сильномъ огнѣ.» Однимъ словомъ всѣ показывали въ одно слово. Впрочемъ помню, я тогда же сдѣлалъ одно странное замѣчаніе, за вѣрность котораго особенно не стою; но общность приговора самихъ арестантовъ сильно его поддерживаетъ: это то, что розги если даются въ большомъ количествѣ, самое тяжелое наказаніе изъ всѣхъ у насъ употребляемыхъ. Казалось бы, что это съ

перваго взгляда нелѣпо и невозможно. Но однакоже съ пяти-сотъ, даже съ четырехсотъ розогъ можно засѣчь человѣка до смерти; а свинѣ пятисотъ почти навѣрно. Тысячи розогъ не вынесетъ разомъ даже человѣкъ самаго сильнѣйшаго сложенія. Между тѣмъ пятьсотъ палокъ можно перенести безо всякой опасности жизни. Тысячу палокъ можетъ вынести, безъ опасенія за жизнь, даже и не сильнаго сложенія человѣкъ. Даже съ двухъ тысячъ палокъ нельзя забить человѣка средней силы и здороваго сложенія. Арестанты всѣ говорили, что розги хуже палокъ. «Розги садче» говорили они, «муки больше.» Конечно розги мучительнѣе палокъ. Они сильнѣе раздражаютъ, сильнѣе дѣйствуютъ на нервы, возбуждаютъ ихъ свѣше мѣры, потрясаютъ свѣше возможности. Я не знаю какъ теперь, но въ недавнюю старину, были джентльмены, которымъ возможность высѣчь свою жертву доставляла нѣчто напоминающее маркизъ де-Сада и Бренвиле. Я думаю, что въ этомъ ощущеніи есть нѣчто такое, отъ чего у этихъ джентльменовъ замираетъ сердце, сладко и больно вмѣстѣ. Есть люди какъ тигры, жаждущіе лизнуть крови. Кто испыталъ разъ эту власть, это безграничное господство надъ тѣломъ, кровью и духомъ такого же какъ самъ человѣка, такъ-же созданнаго, брата, по закону христову; кто испыталъ власть и полную возможность унижить самымъ высочайшимъ униженіемъ другое существо, носящее на себѣ образъ божій, тотъ уже поневолѣ какъ-то дѣлается невластенъ въ своихъ ощущеніяхъ. Тиранство есть привычка; оно одарено развитіемъ, оно развивается наконецъ въ болѣзнь. Я стою на томъ, что самый лучшій человѣкъ можетъ огрубѣть и отупѣть отъ привычки до степени звѣря. Кровь и власть пьянятъ: развиваются загрубѣлость, развратъ; уму и чувству становятся доступны и наконецъ сладки самыя ненормальныя явленія. Человѣкъ и гражданинъ гибнутъ въ тиранѣ навсегда, а возвратъ къ человѣческому достоинству, къ раскаянью, къ возрожденію становится для него уже почти невозможнѣе. Кому же примѣръ, возможность такого своеволія дѣйствуютъ и на все общество заразительно: такая власть соблазнительна. Общество, равнодушно смотрящее на такое явленіе, уже само заражено въ своемъ основаніи. Однимъ словомъ право тѣлеснаго наказанія, данное одному надъ другимъ, есть одна изъ язвъ обще-

ства, есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ для уничтоженія въ немъ всякаго зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основаніе къ непремѣнному и неотразимому его разложенію.

Палачемъ гнушаются же въ обществѣ, но палачемъ—джемтльменомъ далеко нѣтъ. Только недавно высказалось противное мнѣніе, но высказалось еще только въ книгахъ, отвлеченно. Даже тѣ, которые высказываютъ его, не всѣ еще успѣли затушить въ себѣ эту потребность самовластія. Даже всякій фабрикантъ, всякій антрепренеръ непремѣнно долженъ ощущать какое-то раздражительное удовольствіе въ томъ, что его работнички зависятъ иногда весь, со всѣмъ семействомъ своимъ, единственно отъ него. Это навѣрно такъ; не такъ скоро поколѣніе отрывается отъ того, что сидитъ въ немъ наследственно; не такъ скоро отказывается человѣкъ отъ того, что вошло въ кровь его, передано ему такъ-сказать съ матернимъ молокомъ. Не бываетъ такихъ скороспѣлыхъ переворотовъ. Да наконецъ сознать вину и родовой грѣхъ еще мало, очень мало; надобно совсѣмъ отъ него отучиться. А это не такъ скоро дѣлается.

Я заговорилъ о палачѣ. Свойства палача въ зародышѣ находятся почти въ каждомъ современномъ человѣкѣ. Но не равно развиваются звѣринныя свойства человѣка. Если же въ комъ-нибудь они пересиливаютъ въ своемъ развитіи всѣ другія его свойства, то такой человѣкъ конечно становится ужаснымъ и безобразнымъ. Палачи бываютъ двухъ родовъ: одни бываютъ добровольные, другіе — подневольные, обязанные. Добровольный палачъ конечно во всѣхъ отношеніяхъ ниже подневольнаго, которымъ однакоже такъ гнушается народъ, гнушается до ужаса, до гадливости, до безотчетнаго, чуть не мистическаго страха. Откуда же этотъ почти суевѣрный страхъ къ одному палачу, и такое равнодушіе, чуть не одобреніе къ другому? Бываютъ примѣры до крайности странные: я знавалъ людей даже добрыхъ, даже честныхъ, даже уважаемыхъ въ обществѣ, и между тѣмъ они на примѣръ не могли хладнокровно перенести, если наказуемый не кричитъ подъ розгами, не молить и не просить о пощадѣ. Наказуемые должны непремѣнно кричать и молить о пощадѣ. Такъ принято; это считается и приличнымъ и необходимымъ, и когда однажды жер-

тва не хотѣла кричать, то исполнитель, котораго я зналъ и который въ другихъ отношеніяхъ могъ считаться человѣкомъ пожалуй и добрымъ, даже лично обидѣлся при этомъ случаѣ. Онъ хотѣлъ было сначала наказать легко, но неслыша обычныхъ «ваше благородіе, отецъ родной, помилуйте, заставьте за себя вѣчно Бога молить и проч.» — разсвирѣпѣлъ и далъ розогъ пятьдесятъ лишнихъ, желая добиться и крику и просьбъ — и добился. «Нельзя-съ, грубость есть», отвѣчалъ онъ мнѣ очень серьезно. Чтоже касается до настоящаго палача, подневольнаго, обязаннаго, то извѣстно: это арестантъ рѣшопный и приговоренный въ ссылку, но оставленный въ палачахъ; поступившій сначала въ науку къ другому палачу и выучившись у него, оставленный навѣкъ при острогѣ, гдѣ онъ содержится особо, въ особой комнатѣ, имѣющей даже свое хозяйство, но находящійся почти всегда подъ конвоемъ. Конечно живой человѣкъ не машина; палачъ бьетъ хоть и по обязанности, но иногда тоже входитъ въ азартъ, но хоть бьетъ не безъ удовольствія для себя, зато почти никогда не имѣетъ личной ненависти къ своей жертвѣ. Ловкость удара, знанье своей науки, желаніе показать себя передъ своими товарищами и передъ публикой, подстрекають его самолюбіе. Онъ хлопочетъ ради искусства. Кромѣ того онъ знаетъ очень хорошо, что онъ всеобщій отверженецъ, что суевѣрный страхъ вездѣ встрѣчаетъ и провожаетъ его и нельзя ручаться, чтобъ это не имѣло на него вліянія, не усиливало въ немъ его ярости, его звѣриныхъ наклонностей. Даже дѣти знаютъ, что онъ «отказывается отъ отца и матери». Странное дѣло, сколько мнѣ ни случалось видѣть палачей, всѣ они были люди развитые, съ толкомъ, съ умомъ и съ необыкновеннымъ самолюбіемъ, даже съ гордостью. Развивалась ли въ нихъ эта гордость въ отпоръ всеобщему къ нимъ презрѣнію; усиливалась ли она сознаніемъ страха, внушаемаго ими ихъ жертвѣ и чувствомъ господства надъ нею, — не знаю. Можетъ-быть даже самая парадность и театральность той обстановки, съ которою они являются передъ публикой на эшафотѣ, способствуютъ развитію въ нихъ нѣкотораго высокомерія. Помню, мнѣ пришлось однажды, впродолженіе нѣкотораго времени, часто встрѣчать и близко наблюдать одного палача. Это былъ малый средняго роста, мускулистый, сухощавый, лѣтъ сорока, съ довольно пріятнымъ и ум-

вымъ лицомъ и съ кудрявой головой. Онъ былъ всегда необыкновенно важень , спокоенъ ; снаружи держалъ себя поджентльменски, отвѣчалъ всегда коротко , разсудительно и даже ласково, но какъ-то высокомерно-ласково , какъ-будто онъ чѣмъ-то чванился предо мною. Караульные офицеры часто съ нимъ при мнѣ заговаривали и право даже съ нѣкоторымъ какъ-будто уваженіемъ къ нему. Онъ это сознавалъ и передъ начальникомъ нарочно удвоивалъ свою вѣжливость, сухость и чувство собственного достоинства. Чѣмъ ласковѣе разговаривалъ съ нимъ начальникъ, тѣмъ неподатливѣе самъ онъ казался, и хотя отнюдь не выступалъ изъ утонченнѣйшей вѣжливости, но — я увѣренъ, въ эту минуту онъ считалъ себя неизмѣримо выше разговаривавшаго съ нимъ начальника. На лицѣ его это было написано. Случалось, что иногда въ очень жаркій лѣтній день посылали его подъ конвоемъ, съ длиннымъ тонкимъ шестомъ, избивать городскихъ собакъ. Въ этомъ городкѣ было чрезвычайно много собакъ, совершенно никому непринadleжавшихъ и плодившихся съ необыкновенною быстротою. Въ каникулярное время онѣ становились опасными и для истребленія ихъ, по распоряженію начальства, посылался палачъ. Но даже и эта унижительная должность повидимому нисколько не унижала его. Нало было видѣть съ какимъ достоинствомъ онъ расхаживалъ по городскимъ улицамъ, въ сопровожденіи усталого конвойнаго, пугая уже однимъ видомъ своимъ встрѣчныхъ бабъ и дѣтей, какъ онъ спокойно и даже свысока смотрѣлъ на всѣхъ встрѣчавшихся. Впрочемъ палачамъ жить привольно. У нихъ есть деньги, ѣдятъ они очень хорошо, пьютъ вино. Деньги достаются имъ черезъ взятки. Гражданскій подсудимый, которому выходитъ по суду наказаніе, предварительно хотъ чѣмъ-нибудь, хотъ изъ послѣдняго, да подарить палача. Но съ иныхъ, съ богатыхъ подсудимыхъ, они сами берутъ, назначая имъ сумму сообразно съ вѣроятными средствами арестанта, берутъ и по тридцати рублей, а иногда даже и болѣе. Съ очень богатыми даже очень торгуются. Очень слабо наказать палачъ конечно не можетъ ; онъ отвѣчаетъ за это своей же спиной. Но зато, за известную взятку, онъ обѣщается жертвѣ, что не прибьетъ ее очень больно. Почти всегда соглашаются на его предложеніе; еслижъ нѣтъ, онъ дѣйствительно наказываетъ варварски и это почти вполнѣ въ его власти. Случает-

ся, что онъ палагаетъ значительную сумму даже на очень бѣднаго подсудимаго; родственники ходятъ, торгуются, кланяются и бѣда если не удовлетворяетъ его. Въ такихъ случаяхъ много помогаетъ ему суевѣрный страхъ, имъ внушаемый. Какихъ диковинокъ про палачей не рассказываютъ! Впрочемъ сами арестанты увѣряли меня, что палачъ можетъ убить съ одного удара. Но впервыхъ когдажъ это было испытано? А впрочемъ можетъ быть. Объ этомъ говорили слишкомъ утвердительно. Палачъ же самъ ручался мнѣ, что онъ это можетъ сдѣлать. Говорили тоже, что онъ можетъ ударить со всего размаха по самой свишѣ преступника, но такъ что даже самага маленькаго рубчика не вскопичить послѣ удара и преступникъ не почувствуетъ ни малѣйшей боли. Впрочемъ обо всѣхъ этихъ фокусахъ и утонченностяхъ извѣстно уже слишкомъ много рассказовъ. Но если даже палачъ и возьметъ взятку, чтобъ наказать легко, то все-таки первый ударъ дается имъ со всего размаха и изо всей силы. Это даже обратилось межъ ними въ обычай. Послѣдующіе удары онъ смягчаетъ, особенно если ему предварительно заплатили. Но первый ударъ, заплатили или нѣтъ ему, — его. Право не знаю для чего это у нихъ такъ дѣлается? Для того ли, чтобъ сразу вріучить жертву къ дальнѣйшимъ ударамъ, по тому расчету, что послѣ очень труднаго удара уже не такъ мучительны покажутся легкіе, или тутъ просто желаніе пофорсить передъ жертвой, задать ей страху, огорошить ее съ перваго раза, чтобъ понимала она съ кѣмъ дѣло имѣеть, показать себя однимъ словомъ. Во всякомъ случаѣ палачъ передъ началомъ наказанія чувствуетъ себя въ возбужденномъ состояніи духа, чувствуетъ силу свою, сознаетъ себя властелиномъ; онъ въ эту минуту актеръ; на него дивится и ужасается публика и ужъ конечно не безъ наслажденія кричитъ онъ своей жертвѣ, передъ первымъ ударомъ: «Поддержись, охггу!» — обычныя и роковыя слова въ этомъ случаѣ. Трудно представить до чего можно исказить природу человѣческую!

Въ это первое время, въ госпиталѣ, я заслушивался всѣхъ этихъ арестантскихъ рассказовъ. Лежать было намъ всѣмъ ужасно скучно. Каждый день все тоже и тоже, каждый день такъ похожъ одинъ на другой! Утромъ еще развлекало насъ посѣщеніе докторовъ и погомъ скоро послѣ нихъ обѣдъ. Ыда разумѣется, въ такомъ однообразіи, представляла значительное развлеченіе.

Порціи были разныя, распредѣленныя по болѣзнямъ лежавшихъ. Иные получали только одинъ супъ, съ какой-то крупой; другіе только одну кашицу, третьи одну только манную кашу, на которую было очень много охотниковъ. Арестанты отъ долгаго лежанія изнѣживались и любили лакомиться. Выздоровливающимъ и почти здоровымъ давали кусокъ вареной говядины, «быка», какъ у насъ говорили. Всѣхъ лучше была порція цыготная, — говядина съ лукомъ, съ хрѣномъ, и съ пр. а иногда и съ крышкой водки. Хлѣбъ былъ тоже смотря по болѣзнямъ, чорный или полубѣлый, порядочно выпеченный. Эта официальность и тонкость въ назначеніи порцій только смѣшила больныхъ. Конечно въ иной болѣзни человекъ и самъ ничего не ѣлъ. Но зато тѣ больные, которые чувствовали аппетитъ, ѣли что хотѣли. Иные мѣнялись порціями, такъ что порція, подходящая къ одной болѣзни, переходила къ совершенно другой. Другіе, которые лежали на слабой порціи, покупали говядину или цыготную порцію, пили квасъ, гошпитальное пиво, покупая его у тѣхъ, кому оно назначалось. Иные съѣдали даже по двѣ порціи. Эти порціи продавались или перепродавались за деньги. Говяжья порція цѣнилась довольно высоко; она стоила пять копѣекъ асигнаціями. Если въ нашей палатѣ не было у кого купить, посылали сторожа въ другую арестантскую палату, а нѣтъ — такъ и въ солдатскія палаты, въ «вольныя», какъ у насъ говорили. Всегда находились охотники продать. Они оставались на одномъ хлѣбѣ, зато зашибали деньгу. Бѣдность была конечно всеобщая, но тѣ, которые имѣли деньжонки, посылали даже на базаръ за калачами, даже за лакомствами и проч. Наши сторожа исполняли всѣ эти порученія совершенно безкорыстно. Послѣ обѣда наступало самое скучное время; кто отъ нечего дѣлать спалъ, кто болталъ, кто ссорился, кто что-нибудь вслухъ рассказывалъ. Если не приводили новыхъ больныхъ было еще скучнѣе. Приходъ новичка почти всегда производилъ нѣкоторое впечатлѣніе, особенно если онъ былъ никому незнакомый. Его оглядывали, старались узнать что онъ и какъ, откуда и по какимъ дѣламъ. Особенно интересовались въ этомъ случаѣ пересыльными; тѣ всегда что-нибудь да рассказывали, впрочемъ не о своихъ интимныхъ дѣлахъ; объ этомъ если самъ человекъ не заговаривалъ, никогда не спрашивали, а такъ: откуда шли? съ кѣмъ? какова дорога? куда пойдутъ? и

проч. Иные тутъ же слыша новый расказъ припоминали какбы мимоходомъ что-нибудь изъ своего собственнаго: объ разныхъ пересылкахъ, партіяхъ, исполнителяхъ, о партіонныхъ начальникахъ. Наказанные шищрутенами являлись тоже объ эту пору, къ вечеру. Они всегда производили довольно сильное впечатлѣніе, какъ впрочемъ и было уже упомянуто; но не каждый же день ихъ приводили, и въ тотъ день какъ ихъ не было, становилось у насъ какъ-то вяло; какъ-будто всѣ эти лица одно другому страшно надоѣли, начинались даже ссоры. У насъ радовались даже сумасшедшимъ, которыхъ приводили на испытаніе. Уловка прикинуться сумасшедшимъ, чтобъ избавиться отъ наказанія, употреблялась изрѣдка подсудимыми. Однихъ скоро обличали, или лучше сказать они сами рѣшались измѣнять политику своихъ дѣйствій, и арестантъ, прокуралесивъ два-три дня, вдругъ ни съ того, ни съ сего становился умнымъ, утихалъ и ирочно начиналъ проситься на выписку. Ни арестанты, ни доктора не укоряли тако-го, и не стыдили, напоминая ему его недавніе фокусы; молча выписывали, молча провожали и дня черезъ два-три онъ являлся къ намъ наказанный. Такіе случаи бывали впрочемъ вообще рѣдки. Но настоящіе сумасшедшіе, приводившіеся на испытаніе, составляли истинную кару божію для всей палаты. Иныхъ сумасшедшихъ, веселыхъ, бойкихъ, кричащихъ, пляшущихъ и поющихъ, арестанты сначала встрѣчали чуть не съ восторгомъ. «Вотъ забава-то!» говаривали они, смотря на много, только-что приведеннаго кривляку. Но мнѣ ужасно трудно и тяжело было видѣть этихъ несчастныхъ. Я никогда не могъ хладнокровно смотрѣть на сумасшедшихъ.

Впрочемъ скоро безпрерывныя кривлянья и безнокойныя выходы приведеннаго и встрѣченнаго съ хохотомъ сумасшедшаго рѣшительно всѣмъ у насъ надоѣдали и дня въ два выводили всѣхъ изъ терпѣнія окончательно. Одного изъ нихъ держали у насъ недѣли три и приходилось просто бѣжать изъ палаты. Какъ нарочно въ это время привели еще сумасшедшаго. Этотъ произвелъ на меня особенное впечатлѣніе. Случилось это уже на третій годъ моей каторги. Въ первый годъ, или лучше-сказать въ первые же мѣсяцы моей острожной жизни, весной, я ходилъ съ одной партіей на работу, за двѣ версты, въ кирпичный заводъ, съ печниками, подносчикомъ. Надо было исправить для будущихъ лѣт-

нихъ кирпичныхъ работъ печи. Въ это утро, въ заводѣ, М—цкій и Б. познакомили меня съ проживавшимъ тамъ надсмотрщикомъ, унтеръ-офицеромъ Острожскимъ. Это былъ полякъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, высокій, сухощавый, чрезвычайно благообразной и даже величавой наружности. Въ Сибири онъ находился съ давнишнихъ поръ на службѣ и хотъ происходилъ изъ простонародья, пришолъ какъ солдатъ бывшаго въ тридцатомъ году войска, но М—цкій и Б. его любили и уважали. Онъ все читалъ католическую библію. Я разговаривалъ съ нимъ и онъ говорилъ такъ ласково, такъ разумно, такъ занимательно рассказывалъ, такъ добродушно и честно смотрѣлъ. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его года два, слышалъ только, что по какому-то дѣлу онъ находился подъ слѣдствіемъ и вдругъ его ввели къ намъ въ палату какъ сумасшедшаго. Онъ вошелъ съ визгами, съ хохотомъ и съ самыми неприличными, съ самыми комаривскими жестами пустился плясать по палатѣ. Арестанты были въ восторгѣ, но мнѣ стало такъ грустно... Черезъ три дня, мы всѣ уже не знали куда съ нимъ дѣваться. Онъ ссорился, дрался, визжалъ, пѣлъ пѣсни, даже ночью, дѣлалъ поминутно такія отвратительныя выходки, что всѣхъ начинало просто тошнить. Онъ никого не боялся. На него надѣвали горячешную рубашку, но отъ этого становилось намъ же хуже, хотя безъ рубашки онъ затѣвалъ ссоры и лѣзъ драться чуть не со всѣми. Въ эти три недѣли иногда вся палата подымалась въ одинъ голосъ и просила главнаго доктора, перевести наше нещечко въ другую арестантскую палату. Тамъ въ свою очередь выпрашивали дня черезъ два перевести его къ намъ. А такъ какъ сумасшедшихъ случилось у насъ разомъ двое, безпокойныхъ и забіякъ, то одна палата съ другою чередовались своими, даже мѣнялись, сумасшедшими. Но оказывались оба хуже. Всѣ вздохнули свободнѣе, когда ихъ отъ насъ увели наконецъ куда-то...

Помню тоже еще одного страннаго сумасшедшаго. Привели однажды лѣтомъ одного подсудимаго, здороваго и съ виду очень веуклюжаго парня, лѣтъ сорока пяти, съ уродливымъ отъ оспы лицомъ, съ заплывшими красными маленькими глазами и съ чрезвычайно угрюмымъ и мрачнымъ видомъ. Помѣстился онъ рядомъ со мною. Оказался онъ очень смирнымъ малымъ, ни съ кѣмъ не заговаривалъ, и сидѣлъ какъ-будто что-то обдумывая.

Стало смеркаться и вдругъ онъ обратился ко мнѣ. Прямо, безъ дальнихъ предисловіи, но съ такимъ видомъ, какъ-будто сообщаетъ мнѣ чрезвычайную тайну, онъ сталъ мнѣ рассказывать, что на дняхъ ему выходитъ двѣ тысячи, но что этого теперь не будетъ, потому что дочь полковника Г. объ немъ хлопочетъ. Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него и отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, дочь полковника ничего не въ состояніи сдѣлать. Я еще ни о чемъ не догадывался; его привели вовсе не какъ сумасшедшаго, а какъ обыкновеннаго больного. Я спросилъ его чѣмъ онъ боленъ? онъ отвѣтилъ мнѣ, что не знаетъ и что его зачѣмъ-то сюда прислали, но что онъ совершенно здоровъ, а полковничья дочь въ него влюблена; что она разъ, двѣ недѣли тому назадъ, проѣзжала мимо абвахты, а онъ на ту пору и взглянулъ изъ-за рѣшотчатаго окошечка. Она, какъ увидала его, тотчасъ же и влюбилась. И съ тѣхъ поръ, подъ разными видами, была уже три раза на абвахтѣ; первый разъ заходила вмѣстѣ съ отцомъ къ брату, офицеру стоявшему въ то время у нихъ въ караулѣ; другой разъ пришла съ матерью раздать подаваніе и проходя мимо шепнула ему, что она его любитъ и выручить. Странно было, съ какими тонкими подробностями рассказывалъ онъ мнѣ всю эту нелѣпость, которая разумѣется вся пѣликомъ родилась въ разстроенной, бѣдной головѣ его. Въ свое избавленіе отъ наказанія онъ вѣрилъ свято. О страстной любви къ нему этой барышни говорилъ спокойно и утвердительно, и несмотря уже на общую нелѣпость рассказа, такъ дико было слышать такую романтическую исторію о влюбленной дѣвицѣ, отъ человѣка подлѣ пятьдесятъ лѣтъ, съ такой унылой, огорченной и уродливой физиономіей. Странно, что могъ сдѣлать страхъ наказанья съ этой робкой душой. Можетъ-быть онъ дѣйствительно кого-нибудь увидѣлъ въ окошко, и сумасшествіе, приготовлявшееся въ немъ отъ страха, возраставшаго съ каждымъ часомъ, вдругъ разомъ нашло свой исходъ, свою форму. Этотъ несчастный солдатъ, которому можетъ-быть во всю жизнь ниразу и неподумалось о барышняхъ, выдумалъ вдругъ цѣлый романъ, востиктивно хватаясь хоть за эту соломенку. Я выслушалъ молча и сообщилъ о немъ другимъ арестантамъ. Но когда другіе стали любопытствовать, онъ цѣломудренно замолчалъ. Назавтра докторъ долго опрашивалъ его и такъ какъ онъ сказалъ ему, что ничѣмъ не

болень и по осмотру оказался дѣйствительно такимъ, то его и выписали. Но о томъ, что у него въ лястѣ написано было запал., мы узнали уже когда доктора вышли изъ палаты, такъ что сказать имъ въ чемъ дѣло уже нельзя было. Да мы и сами-то еще тогда вполнѣ не догадывались въ чемъ было главное дѣло. А между тѣмъ все дѣло состояло въ ошибкѣ приславшаго его къ намъ начальства, необъясниваго для чего его присылали. Тутъ случилась какая-то небрежность. А можетъ—быть даже и приславшіе еще только догадывались и были вовсе не увѣрены въ его сумашествіи, дѣйствовали по темнымъ слухамъ и прислали его на испытанье. Какъ бы то нибыло, несчастнаго вывели черезъ два дня къ наказанію. Оно кажется очень поразило его своею неожиданностью; онъ не вѣрилъ, что его накажутъ до послѣдней минуты и когда повели его по рядамъ, сталъ кричать: карауль! Въ госпиталѣ его положили на этотъ разъ уже не въ нашу, а за невмѣніемъ въ ней коекъ въ другую палату. Но я справлялся о немъ и узналъ, что онъ во всѣ восемь дней ни съ кѣмъ не сказалъ ни слова, былъ смущенъ и чрезвычайно грустенъ... Потомъ его куда-то услали, когда зажила его спина. Я по крайней мѣрѣ уже больше не слыхалъ о немъ ничего.

Чтоже касается вообще до леченія и лекарствъ, то сколько я могъ замѣтить, легко-больные почти не исполняли предписаній и не принимали лекарствъ, но трудно-больные и вообще дѣйствительно больные очень любили лечиться, принимали акуратно свои жикстуры и порошки; но болѣе всего у насъ любили наружныя средства. Банки, пиявки, припарки и кровопусканія, которыя такъ любить и которымъ такъ вѣрить нашъ простолюдинъ, принимались у насъ охотно и даже съ удовольствіемъ. Меня заинтересовало одно странное обстоятельство. Эти самые люди, которые были такъ терпѣливы въ перенесеніи мучительнѣйшихъ болей отъ налокъ и розогъ, черѣдко жаловались, кривлялись и даже стонали отъ какихъ-нибудь банокъ. Разиѣживались ли они ужь очень, или такъ просто франтили, — ужь не знаю какъ это объяснить. Правда наши банки были особаго рода. Машинку, которою просѣкается мгновенно кожа, фельдшеръ когда-то, въ незапамятныя времена затерялъ или испортилъ, или можетъ-быть она сама испортилась, такъ что онъ уже принужденъ былъ дѣлать необходимые надрѣзы тѣла ланцетомъ. Надрѣзовъ дѣ-

лаютъ для каждой банки около двѣнадцати. Машинкой небольшо. Двѣнадцать ножичковъ ударять вдругъ, мгновенно и боль неслышна. Но надрѣзаніе ланцетомъ другое дѣло. Ланцетъ рѣжетъ сравнительно очень медленно; боль слышна; а такъ какъ, напримѣръ при десяти банкахъ, приходится сдѣлать сто двадцать такихъ надрѣзовъ, то все вмѣстѣ конечно было чувствительно. Я испыталъ это, но хотя и было больно и досадно, но все-таки не такъ же, чтобъ не удержаться и стонать. Даже смѣшно было иногда смотрѣть на иного верзилу и здоровяка, какъ онъ корчится и начинаетъ нюнуть. Вообще это можно было сравнить съ тѣмъ, когда иной человѣкъ, твердый и даже спокойный въ какомъ-нибудь серьезномъ дѣлѣ, хандритъ и капризничаетъ дома, когда нечего дѣлать, не ѣсть что подавать, бранится и ругается; все не по немъ, всѣ ему досаждаютъ, всѣ ему грубятъ, всѣ его мучаютъ; — однимъ словомъ съ жиру бѣсятся, какъ говорятъ иногда о такихъ господахъ, встрѣчающихся впрочемъ и въ простонародьи; а въ нашемъ острогѣ, при взаимномъ всеобщемъ сожитіи, даже слишкомъ часто. Бывало въ палатѣ свои уже начнутъ дразнить такого нѣженку, а иной просто выругаетъ; вотъ онъ и замолчитъ, точно и въ самомъ дѣлѣ того и ждалъ, чтобъ его выругали, чтобъ замолчать. Особенно не любилъ этого Устьянцевъ и никогда не пропускалъ случая поругаться съ нѣженкой. Онъ и вообще не пропускалъ случая съ кѣмъ-нибудь сцѣпаться. Это было его наслажденіемъ, потребностью, разумѣется отъ болѣзни, отчасти и отъ тупоумія. Смотритъ бывало сперва серьезно и пристально, и потомъ какимъ-то спокойнымъ, убѣжденнымъ голосомъ начинаетъ читать наставленія. До всего ему было дѣло; точно онъ былъ приставленъ у насъ для наблюденія за порядкомъ или за всеобщей нравственностью.

— До всего доходить, — говорятъ бывало смѣясь арестанты. Его впрочемъ щадили и избѣгали ругаться съ нимъ, а такъ только иногда смѣялись.

— Ишь наговорилъ! На трехъ возахъ не вывезешь.

— Чего наговорилъ? Передъ дуракомъ шапки не снимаютъ, извѣстно. Чегожъ онъ отъ ланцета кричитъ? Любилъ медокъ, любви и холодокъ, терпи значить.

— Да тебѣ-то что?

— Нѣтъ, братцы, перебилъ одинъ изъ нашихъ арестанти-

ковъ, рожки ничего; я испробовалъ; а вотъ нѣтъ хуже боли, когда тебя за ухо долго тянуть.

Всѣ засмѣялись.

— А тебя нешто тянули?

— А ты думалъ нѣтъ? Извѣстно тянули.

— То-то уши-то у тебя торчкомъ стоятъ.

У этого арестантика Шапкина, дѣйствительно были предлинные въ обѣ стороны торчавшія уши. Онъ былъ изъ бродягъ, еще молодой, малыи дѣльный и тихій, говорившій всегда съ какимъ-то серьезнымъ, затаеннымъ юморомъ, что придавало много комизму внымъ его рассказамъ.

— Да съ чего мнѣ думать-то, что тебя за ухо тянули? Да и какъ я это вздумаю, туголобий ты человѣкъ? ввязался снова Устьянцевъ, съ негодованіемъ обращаясь къ Шапкину, хотя впрочемъ тотъ вовсе не къ нему относился, а ко всѣмъ вообще. Но Шапкинъ даже и не посмотрѣлъ на него.

— А тебя кто тянулъ? спросилъ кто-то.

— Кто? Извѣстно кто, исправникъ. Это, братцы, по бродяжеству было. Пришли мы тогда въ К., а было насъ двое, я да другой, тоже бродяга, Ефимъ безъ прозвища. По дорогѣ мы у одного мужика въ Толминой деревнѣ разжились маленько. Деревня такая есть, Тѣлмина. Ну вошли, да и поглядываемъ: разжиться бы и здѣсь, да и драю. Въ полѣ четыре воли, а въ городѣ жутко — извѣстно. Ну перво на перво, зашли въ кабачокъ. Оглядѣлись. Подходить къ намъ одинъ, прогорѣлый такой, локти продраны, въ нѣмецкомъ платьѣ. То да сѣ. — А вы какъ, говорить, позвольте спросить, по документу? (1)

— Нѣтъ, говоримъ, безъ документа.

— Такъ-съ. И мы тоже-съ. Тутъ у меня еще двое благопріятелей, говорить, тоже у генерала Кукушкина (2) служатъ. Такъ вотъ смѣю спросить, мы вотъ подкутили маненько да и девьжонками пока не разжились. Полштофика благоволите намъ.

— Съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ говоримъ. — Ну, выпили. И указали тутъ они намъ одно дѣло, по столовской то-есть, по нашей части. Домъ тутъ стоялъ, съ краю города и бога-

(1) По пачпорту.

(2) То-есть въ лѣсу, гдѣ поетъ кукушка. Онъ хочетъ сказать, что они тоже бродяги.

тый тутъ жилъ одинъ мѣщанинъ, добра пропасть, ночью и положили провѣдать. Да только мы у богатаго-то мѣщанина тутъ всѣ впятеромъ, въ туже ночь и попались. Взяли насъ въ часть, а потомъ къ самому исправнику. Я, говорить, ихъ самъ допрошу. Выходить съ трубкой, чашку чаю за нимъ несутъ, здоровенный такой, съ бакенбардами. Сѣлъ. А тутъ ужъ кромѣ насъ еще троихъ привели, тоже бродяги. И смѣшной же это человекъ, братцы, бродяга: Ну ничего не помнить, хоть ты колѣ ему на головѣ теши, все забылъ, ничего не знаетъ. Исправникъ прямо ко мнѣ: Ты кто таковъ? Такъ и зарычалъ какъ изъ бочки. Ну извѣстно, тоже что и всѣ сказываю: ничего дескать не помню, ваше высокоблагородіе, все позабылъ.

— Пстой, говорить, я еще съ тобой поговорю, рожато мнѣ знакомая; самъ бѣльма на меня такъ и пялитъ. А я его допрежь-сего никогда и не видывалъ. Къ другому: ты кто?

— Махни-драло, ваше высокоблагородіе.

— Это такъ тебя и зовутъ махни-драло?

— Такъ и зовутъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну хорошо, ты махни-драло, а ты? Къ третьему значить.

— А я за нимъ, ваше высокоблагородіе.

— Да прозываешься-то ты какъ?

— Такъ и прозываюсь: «А я за нимъ?» ваше высокоблагородіе.

— Да ктожъ тебя, подлеца, такъ назвалъ?

— Добрые люди, назвали, ваше высокоблагородіе. На свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, ваше высокоблагородіе, извѣстно.

— А кто такіе эти добрые люди?

— А запоматовавъ маненько, ваше высокоблагородіе, ужъ извольте простить великодушно.

— Всѣхъ позабылъ?

— Всѣхъ позабылъ, ваше высокоблагородіе.

— Да вѣдъ былижъ у тебя тоже отецъ и мать?.. Ихъ-то хоть помнишь ли?

— Надо такъ полагать, что были, ваше высокоблагородіе, а впрочемъ тоже маненько позапоматовавъ; можетъ и были, ваше высокоблагородіе.

— Да гдѣ жъ ты жилъ до сихъ поръ?

— Въ лѣсу, ваше высокоблагородіе.

- Все въ лѣсу?
- Все въ лѣсу.
- Ну, а зимой?
- Зимы не видалъ, ваше высокоблагородіе.
- Ну, а ты, тебя какъ зовутъ?
- Тепоровъ, ваше высокоблагородіе.
- А тебя?
- Точи не зѣвай, ваше высокоблагородіе.
- А тебя?
- Потачивай небось, ваше высокрблагородіе.
- Всѣ ничего не помните?
- Ничего не помнимъ, ваше высокоблагородіе.

Стоять, смѣется и они на него глядятъ усмѣхаются. Ну а другой разъ и въ зубы ткнетъ, какъ нарвешься. А народъ-то все здоровенный, жирные такіе. — Отвести ихъ въ острогъ, говорить, я съ ними потомъ; ну а ты оставайся — это мнѣ то-есть говорить. — Пошодъ сюда, садись! Смотрю столъ, бумага, перо. Думаю: чего жъ онъ это ладить дѣлать? Садись, говорить, на стулъ, бери перо, пиши! а самъ схватилъ меня за ухо, да и тянетъ. Я смотрю на него, какъ чортъ на попа: не умѣю, говорю, ваше высокоблагородіе. — Пиши!

— Пожилосердуйте, ваше высокоблагородіе. — Пиши, какъ умѣешь такъ и пиши! а самъ все за ухо тянетъ, все гаветъ, да какъ завернетъ! Ну, братцы, скажу, легче бы онъ мнѣ триста розогъ всыпалъ, ажно искры посыпались — пиши, да и только!

— Да что онъ, сдурѣлъ, что ли?

— Нѣтъ не сдурѣлъ. А въ Т—кѣ писарекъ занедолго штуку выкинулъ: Деньги тяпнулъ казенныя, да и бѣжалъ, тоже уши торчали. Ну дали знать повсемѣстно. А я по примѣтамъ-то какъ-будто и подошолъ, такъ вотъ онъ и пыталъ меня; умѣю ль я писать и какъ я пишу?

— Эко дѣло парень! А больно?

— Говорю, больно.

— Равдался всеобщій смѣхъ.

— Ну а написалъ?

— Да чего написалъ? сталъ перомъ водить, водилъ-водилъ по бумагъ-то, онъ и бросилъ. Ну плюхъ съ десяткомъ накидалъ, разумѣется, да съ тѣмъ и пустилъ, тоже въ острогъ значить.

— А ты развѣ умѣешь писать?

— Прежде умѣлъ, а вотъ какъ перьями стали писать, такъ ужъ я и разучился...

Вотъ въ такихъ расказахъ, или лучше сказать въ такой болтовнѣ, проходило иногда наше скучное время. Господи, что это была за скука! Дни длинныя, душныя, одинъ на другой похожіе. Хоть бы книга какая-нибудь! И между тѣмъ я, особенно вначалѣ, часто ходилъ въ госпиталь, иногда больной, иногда просто лежать; уходилъ отъ острога. Тяжело было тамъ, еще тяжелѣе чѣмъ здѣсь, нравственно тяжелѣе. Злость, вражда, свара, зависть, непрерывныя придирки къ намъ, двирамамъ, злыя, угрожающія лица! Тутъ же въ госпиталь всѣ были болѣе наравной ногѣ, жили болѣе по-приятельски. Самое грустное время въ продолженіе цѣлаго дня, приходилось вечеромъ, при свѣчахъ и въ началѣ ночи. Укладываются опять рано. Тусклый ночникъ свѣтитъ вдали у дверей яркой точкой, а въ нашемъ концѣ полумракъ. Становится смрадно и душно! Иной не можетъ заснуть, встанетъ и сидитъ часа полтора на постели, склонивъ свою голову въ колпакѣ, какъ-будто о чемъ-то думаетъ. Смотришь на него цѣлый часъ и стараешься угадать о чемъ онъ думаетъ, чтобы тоже какъ-нибудь убить время. А то начнешь мечтать, вспоминать прошедшее, рисуются широкія и яркія картины въ воображеніи; припоминаются такія подробности, которыхъ въ другое время и не припомнилъ бы, и не почувствовалъ бы такъ, какъ теперь. А то гадаешь про будущее: когда-то выйдешь изъ острога? куда? когда это будетъ? воротиться ли когда-нибудь на свою родимую сторону? думаешь, думаешь и надежда зашевелится въ душѣ... А то иной разъ просто начнешь считать: разъ, два, три и т. д., чтобы какъ-нибудь среди этого счѣта заснуть. Я иногда насчитывалъ до трехъ тысячъ и не высыпалъ. Вотъ кто-нибудь заворочается. Устьянцевъ закашляеть своимъ гнилымъ, чахоточнымъ кашлемъ и потомъ слабо застонетъ и каждый разъ приговариваетъ: «Господи, я согрѣшилъ!» И странно слышать этотъ больной, разбитый и ноющій голосъ, среди всеобщей тиши. А вотъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ тоже не спать и разговариваютъ съ своихъ коекъ. Одинъ что-нибудь начнетъ рассказывать про свою быль, про далекое, про минувшее, про бродяжничество, про дѣтей, про жену, про прежніе порядки.

Такъ и чувствуешь уже по одному отдаленному шопоту, что все объ чемъ онъ рассказываетъ никогда къ нему опять не воротится, а самъ онъ раскащикъ — ломоть отрѣзанный; другой скупаешь. Слышенъ только тихій, равномерный шопоть, точно вода журчитъ гдѣ-то далеко... Помню однажды, въ одну длинную зимнюю ночь я прослушалъ одинъ рассказъ. Съ перваго взгляда онъ мнѣ показался какимъ-то горячешнымъ сномъ, какъ-будто я лежалъ въ лихорадкѣ и мнѣ все это приснилось въ жару, въ бреду...

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ

НОЧЬ

(Ө. Н. Б е р г у)

Запахъ розы и жасмина,
Трепетъ листьевъ, блескъ луны,
Изъ открытыхъ оконъ летя
Пѣсня южной стороны...

И томить и нѣжать душу
Эта ночь и пѣсня мнѣ.
Что затихло, что заснуло, —
Снова будятъ въ ней онѣ.

И внезапно встрепенулась
Вереница давнихъ грѣзъ...
А казалось, что навѣки
Эти грёзы рокъ унесъ !

И что все, чѣмъ въ молодые
Дни душа была полна, —
Поглотила невозвратно
Жизни мутная волна !

Но опять потухшій пламень
Загорается въ крови,
И опять раскрылось сердце
Для восторга и любви !

Пахнутъ розы и жасмины,
Серебримые луной —
И поетъ, поетъ о счастья
Чей-то голосъ молодой !..

А. ПЛЕЩЕВЪ

ДЕРЕВЕНСКІЕ ТИПЫ

ДВОРНИКЪ

Было это въ 1859 году. Чудная погода стояла въ селѣ Неклюдовѣ. Небо было ясно и безоблачно. Солнце свѣтило ярко и грѣло привѣтливо. Въ воздухѣ слышалось пѣніе жаворонковъ, карканье грачей и кудахтанье куръ, — и все это сливалось въ одну какую-то невыразимую трескотню, покрывавшуюся глухимъ шумомъ весеннихъ водъ, бурлившихъ въ буеракахъ неклюдовскихъ. По улицамъ разгуливали куры, подъ предводительствомъ своихъ гордыхъ командировъ—пѣтуховъ; да смиренно стояли около сараевъ коровы, пригрѣвавшія на солнышкѣ свои исхудалые бока. На горѣ около церкви суетились деревенскіе ребятишки, охапками таскавшіе въ церковь мѣлко изрубленную еловую хвою. Около колокольни на площадкѣ расхаживали взадъ и впередъ два семинариста, которые горячо о чемъ-то разсуждали и при этомъ постоянно размахивали руками.

Въ это время на крыльцѣ постоялаго двора, стоявшаго недалеко отъ церкви подъ горою, появилось одно изъ досточтимыхъ лицъ села Неклюдова. То былъ неклюдовскій дворникъ Козьма Савеличъ Топтыгинъ, съ виду богатырь, росту высокаго, тѣлосложенія широкаго, съ большою рыжей, окладистой бородой, по мѣстамъ испещренной злодѣйскою сѣдиною. Круглый годъ Савеличъ (такъ звали его неклюдовцы), когда только онъ не выѣзжаетъ изъ Неклюдова, появляется послѣ обѣда на своемъ крыльцѣ и сидитъ здѣсь, прохладаясь, битыхъ два—три часа. То онъ зазываетъ къ себѣ проѣзжающихъ извощиковъ; то калякаетъ съ мужиками и бабами. А то и просто сидитъ себѣ одинъ, посвистывая, или дозѣывая, пока досадная зѣвота не прогонитъ Са-

велича на женины пуховики. Такъ и теперь Савеличъ выпилъ по уставу красоую, плотно попостничалъ и вывалился на крыльцо во всемъ своемъ прасольскомъ всеоружіи: въ замасленной нанковой поддѣвкѣ, въ плисовыхъ шальварахъ, съ пребольшимъ ключемъ на толстомъ пеньковомъ поясѣ. Прежде всего его сѣрыя, заплывшія жирцомъ глаза, наткнулись на двухъ учоныхъ витязей, пробиравшихся около колокольни.

— Ишь задорятся, ишь задорятся, сказалъ Савеличъ съ чувствомъ собственнаго превосходства; и совершилъ троекратное качаніе головой. — Ого какъ парить, заговорилъ онъ снова, и, посмотрѣвъ на солнышко, — усѣлся на лавочку и запѣлъ тенорикомъ: «се женихъ грядеть въ полунощи». Изливъ такимъ образомъ свои чувства, онъ посмотрѣлъ на улицу ивановскую, какъ будто ища тамъ кого-то глазами. Савелича стала разбирать зѣвота, которая такъ и нашептывала ему: «Савеличъ, а Савеличъ, поди отдохни, вишь какъ зѣвается.» — О-охъ, Господи помилуй, Господи помилуй, затянулъ Савеличъ, зѣвая во всю ширину рта и опять посмотрѣлъ на улицу ивановскую. Тутъ лицо его прояснилось и приняло улыбающееся выраженіе. Савеличъ увидалъ большую артель мужиковъ, пробиравшихся вдоль улицы. — А идутъ, идутъ архаровцы, говорилъ про себя Савеличъ: — запоздали, запоздали что-то голубчики; прошлымъ годомъ въ ефту пору всѣ ужъ по дворамъ были. Мужики между тѣмъ становились все ближе и ближе и наконецъ поровнялись съ персоною Савелича. Тутъ были и мужики преклонныхъ лѣтъ, сгорбленные, дотягивавшіе послѣдніе годы своей тягольной жизни, и молодые парни съ гармониками подмышкой, и мужики среднихъ лѣтъ. Одѣты были: кто въ чекменѣ, кто въ дубленомъ, кто въ простомъ полушубкѣ съ подобранными полами. А иные были совершенно раздѣты и несли за плечами свою одежду. У всѣхъ рубахи и одежда были покрыты желтизною, такъ что и простые бараньи полушубки смотрѣли издали дубленками.

— Здорово землячки, какъ жили поживали, сказалъ дворникъ, подступая къ перильцамъ крыльца, поровнявшимся съ нимъ мужикамъ. Всѣ пѣшеходы, какъ будто по сигналу, остановились.

— Здравствуй, здравствуй, Савеличъ, отвѣчали они и стали подступать къ крыльцу: — Слава Богу, слава Богу, заговорилъ высокій худощавый мужикъ, опершись обѣими руками на свою

дубинку и оставивъ на Савелича свою клинообразную бороду :
— Тебя, какъ Господь милуетъ Савеличъ, спросилъ онъ дворника ?

— Ничего живемъ, хлѣбъ жуемъ, отвѣчалъ дворникъ. Ну, и праздничка Христова поджидаемъ. Хоть грѣшныя, а тожь христіяне. Теперь бабѣ-то, небось, ждетъ не дождется, сказалъ дворникъ, подмигнувъ мужикамъ.

— Успѣемъ и бабамъ уголить, сказалъ тотъ же высокій мужикъ. Таперича шабашъ на цѣлую недѣлю. Самимъ Христомъ, значить, дана льгота душамъ христіянскимъ.

— Да что вы нонѣ запоздали, спросилъ дворникъ.

— Э-э, Савеличъ, да мы тебѣ не докладывали. Вѣдь Трахи-ма-то безсчастнаго мы похоронили.

— Это чорный, кудрястый парень, что о пасхѣ все на гармоникѣ-то игралъ, сказалъ дворникъ. Знаю, знаю ; такой веселякъ былъ. Да отчего онъ померъ-то ?

— Да такой, видно, грѣхъ вышелъ, Савеличъ. Тянули мы это штуку на гору. Ну ничего бы и сошло. Да откудава непозъ-мись баринъ. Хватъ самъ за веревку. Ну, говоритъ, мужички дружнѣй, закатывай. Всѣхъ задоръ взялъ, самъ значить здѣсь. Какъ гаркнули мы это : «ой зеленая ухни!» А Трахимъ-то ухнулъ, да такъ и покатился. «Смерть моя, смерть моя», кричитъ. Снесли ево въ лазаретъ, да дотулова и видѣли. На третій день и Богу душу отдалъ, нутро вѣрно порвалъ. Вотъ и запоздали. Нонѣ спозаранку хоронили, а скончался онъ въ чистый чет-вергъ.

— Жаль, жаль, малова, сказалъ дворникъ.

— Какъ не жаль, Савеличъ. Парень былъ золото. А пѣсня-ми-то весь заводъ потѣшалъ, во какой, сказалъ одинъ изъ ар-тели.

— Бывало и отботитенютъ ; а ему и горя мало, запѣлъ и за-пѣлъ, добавилъ другой.

— А у насъ на селѣ все благополучно, Савеличъ ?

— Кажись все благополучно, отвѣчалъ дворникъ. Только старика Климушина, съ недѣлю тому, схоронилъ

— Царство небесное Петровичу, сказали мужики.

— Свалило таки старину.

— Благовправный былъ старикъ.

— А рептухъ мой зажилъ, съ тѣмъ и померъ.

— Да вотъ у тебя, Макаръ, на дворѣ маленькое несчастье случилось, сказалъ дворникъ, кивнувъ головой съ краю стоявшему мужику, низенькому, рябому, коренастому. Это извѣстіе врасплохъ застало Макара. Ноги у него задрожали, лицо вытянулось, поблѣднѣло.

— Ой ли! вскрикнулъ Макаръ. А что такое? Скажи, Савельичъ, спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ дворника.

— Чего ты испугался-то, сказалъ холодно дворникъ. Ты думаешь и богъ-вѣсть что такое, продолжалъ онъ. Анъ просто-напросто бурая телка карачунъ задала. И шкура у меня ужъ въ анбарѣ.

— Ахъ! братцы мои, вскрикнулъ Макаръ и закачалъ головой. Сонъ-то въ руку дался; я вамъ не сказывалъ. Сижу будто я на прилавкѣ. А телка-то подходятъ ко мнѣ, и лизъ и лизъ по колѣнѣ. Ти-п-р-р-усь, говорю, пошла въ закуту. Пошла она голубушка, да какъ замычить. Тутъ же меня сумнѣніе взяло, какъ проснулся. Ахти, думаю, съ телкой-то чего-нибудь не приключилось. Ано вотъ какъ тутъ и было.

У Макара закапали слезы. Мужики начали утѣшать его.

— Ну зачѣмъ плакать-то, Макаръ. Экой ты — баба.

— Живая кость мясомъ обростетъ.

— Извѣстно, божье изволенье.

— Богъ наказалъ, богъ и справить.

— А телка-то, телка-то была, сказалъ Макаръ, стараясь принять веселый видъ, — валухъ-валухомъ, двухгодовалая; чрезъ годъ непременно бы съ теленкомъ была. Эхъ-ма! Отъ бѣды-то, видно, и въ дѣсь не убѣжишь, заключилъ со вздохомъ Макаръ.

— Да, братъ, сказалъ, обратившись къ Макару, рядомъ съ нимъ стоявшій мужикъ, ужъ послѣднее это дѣло, коли скотина на дворѣ не стоитъ. Вѣдь тѣмъ только и живешь, что скотинкой, да землицей.

— Вѣдь то-то, братецъ ты мой, сказалъ ему Макаръ, телку-то думалъ продать, да избенку перемшить. Зимой-то голосомъ голосимъ, ребятишки просто померзаютъ; жалость забираетъ... Поди ты какой грѣхъ! И Макаръ снова закачалъ головой.

Тутъ подошла другая артель мужиковъ, шедшихъ тоже съ завода. Поздоровавшись съ дворникомъ, они остановились около крыльца.

— Эй, Тимофей, сказалъ дворникъ высокому черноватому

мужику съ худымъ, испитымъ, посинѣвшимъ лицомъ. Вѣдь тебя узнать нельзя. Что съ тобой? Исхудалъ какъ?

Мужики переглянулись. Слава Богу, что Тимофей живъ-то, Савельичъ, сказалъ одинъ изъ мужиковъ. Да, Савельичъ, подтвердилъ Тимофей, не чаялъ я свѣту видѣть.

— Что, спросилъ дворникъ, ай опять живодерь-то?..

— Да, Николай Митровъ, отвѣчалъ Тимофей и вздохнулъ. Самъ же на меня накаверзничалъ, продолжалъ онъ, и самъ же лупку мнѣ сотворилъ. Да какъ? Боже ты мой упаси. Татаринъ того не сдѣлаетъ. А то свой же братъ мужикъ, только бурмистръ. Эхъ горько, Савельичъ! Мѣсяць равнехонько въ лазаретѣ вылежалъ; при послѣднемъ издыханіи былъ. Да царь-то небесный видно сиротъ не захотѣлъ оставить. Выздоровѣлъ таки. Теперь на домъ вѣ жарюсь. Туда уперли. Эхъ жисть, жисть! заключилъ Тимофей, махнувъ рукой.

— Разбойникъ, разбойникъ, Николай Митровъ, заговорили съ негодованіемъ мужики.

— Во гдѣ онъ у насъ сидитъ, сказалъ одинъ, почесывая себѣ спину.

— Эхъ, еслибъ поскорѣй да воля, вскрикнулъ Тимофей, всебъ отдалъ, прозакладовалъ; въ одной рубахѣ бѣ остался. У!

— Что и говорить, братцы, сказалъ дворникъ, плохая ваша жизньъ.

— Ужъ такая-то жисть Савельичъ, сказалъ Тимофей, что не приведи богъ.

— А-а Петръ, вдругъ сказалъ дворникъ, было и позабылъ. Тебѣ богъ дѣтища далъ. Я воспріемникомъ былъ; на вербное воскресенье крестили.

— Слава-богу, слава-богу, а тебѣ Савельичъ спасибо, сказалъ Петръ. А что дѣвочку или мальчика?

— Мальчика, мальчика, братъ, отвѣчалъ дворникъ.

— Слава-богу, слава-богу, опять заговорилъ Петръ. А то дѣвчуря нашему брату мужику неподжога. А малый другое дѣло-подмога. Слава-богу, слава-богу.

— Эй, братцы, по дворамъ, крикнулъ Тимофей, дѣловъ будетъ въ волю.

— Да, да, пора, пора, отзывались мужики, и стали трогаться съ мѣста.

— Погодите, погодите, братцы, сказалъ дворникъ: Зайдите,

посмотрите моего товару—то. Всякой всячины накупилъ; ва все село хватить.

— Некогда, некогда, заговорили было мужики.

— Ну, ну, сказалъ дворникъ, за посмотри—то денегъ не возьму.

Мужики остановились и начали переговариваться.

— Ай зайдемъ, братцы. Уважимъ Савельича?

— Ну, зайдемъ штоли?

— Отчего не завернуть. Можно.

— Только, братцы, на минутку, да и маршь.

— Да, да.

— Ну, ну! Савельичъ, покажь, покажь.

Дворникъ пошелъ по направленію къ анбару, стоявшему черезъ дорогу отъ его дома. За нимъ потянулись и мужики. Отперши дверь, онъ остановился.

— Ну, прошаемъ покорно; чего стали? сказалъ онъ мужикамъ.

— Сѣмъ! чегожь остановился; полѣзай.

— Неспособно, братцы, потеръ.

— Что потеръ?

Да енто-то мѣсто. Ногой ворохнуть нельзя.

— Ахъ ты шутова голова.

— Братцы, подсодьте его.

— Я не махонькой. Посмотрю и отселева, — не баринъ.

— Ну, какъ хошь.

Мужики всѣ одинъ по одному забрались въ анбаръ исключая Семена, оставшагося наружи.

— Вотъ моя и магазезя, сказалъ дворникъ, поводя кругомъ глазами.

— Славная, славная магазезя.

— Сто вѣковъ простонить.

— Первый сортъ хоромина.

— Направо входитъ двѣсти четвертей, продолжалъ дворникъ: — да налѣво почитай полтораستا. Ну, да это васъ не касается, сказалъ дворникъ, и запустивъ руку въ чанъ, вынулъ кусокъ солонины.

— Посмотрите-ка, посмотрите-ка, сказалъ онъ, повертывая въ рукахъ мясо. — Первый сортъ солоника. По четыре рубля за пудъ платилъ, и то по знакомству, въ гуртѣ. А жиру-то, жи-

ру-то, и костей почитай нѣтъ. Да время-то нетакое, заключилъ дворникъ: — непригоже эфтимъ товаромъ заниматься; и бросилъ назадъ въ чанъ солонину.

— Ничего, Савеличъ, покажь, покажь, начали просить мужики.

— Вѣдь погребеніе господне не прошло, братцы, сказалъ дворникъ. — Руки-то наскоромите.

Но уступая настойчивымъ просьбамъ мужиковъ, снова вытаскилъ изъ чана кусокъ солонины и подалъ ее стоявшему около него мужику. Тотъ поворочавъ въ рукахъ, сказалъ:

— Что мяско кажись заправское. Только маненичко душокъ есть, какъ-будто отзывается, сказалъ онъ, понюхавши солонину, и посмотрѣлъ дворнику въ глаза. — Что дескать скажешь ты на это, любезный?

— Расправъ поздри-то, сказалъ дворникъ: — а то у тебя тамъ не благополучно. Душокъ какой-то нашолъ. Самъ вѣрно съ душкомъ сюда пришолъ.

— Поздри у меня разчудесныя, сказалъ мужикъ, нюхавшій солоницу. — Табаку не потребляемъ. А солонинка твоя, Савеличъ, не гнѣвись, съ изьянцемъ. Это тебѣ всякъ скажетъ. Последняя баба и та расчухаетъ.

Дворникъ взялъ у него солонину и подалъ ее другому мужику Пахому Петровичу.

— Натъ-ко, Пахомъ Петровичъ, сказалъ онъ ему, подавая солоницу: — у тебя вкусъ-то будетъ повѣрнѣе.

Но и Пахомъ Петровичъ сказалъ дворнику тоже:

— Ничего, сказалъ онъ: — солонинка сойдетъ. Только маленичко съ изьянцемъ, маленичко душокъ есть.

— Ну, братцы, сказалъ дворникъ: — въ эфтомъ я не причинень. Господь теплынь наслалъ, ну немножко и поздалась.

Солонинка между тѣмъ начала ходить по рукамъ.

— Ну, какъ же жрать-то будемъ; вѣдь противно, сказалъ одинъ мужикъ.

— Ужь дюжо-то прочванилась, замѣтилъ другой.

— Ни за что не возьму; безъ мяса буду, пропади оно пропадомъ, сказалъ третій.

И хоть все это говорилось полушопотомъ, но дворникъ разслышалъ велестные отзывы объ его товарѣ.

— Что вы, что вы, братцы, сказалъ дворникъ: — выварится

первый сортъ солонника будетъ. Право первый сортъ; по совѣсти говорю. Дворникъ взялъ у мужиковъ солонину и опустил ее въ чашъ. — Теперь посмотримъ пшено, сказалъ онъ, и подаль мужикамъ совокъ пшена.

— Ну что, каково пшенцо-то? Золото, братцы, а не пшено; зерна выметнаго не найдешь. Возьмите-ка на языкъ-то, сказалъ дворникъ.

Мужики стали жевать и поплевывать.

— Ну что, сказалъ дворникъ: — несолья проглотить. И уваръ, братцы, богатѣйшій, продолжалъ дворникъ. — Горсть бросишь, изъ горшка претъ: жепя апробацію дѣлала.

— Украинская, Савеличъ? спросилъ одинъ мужикъ.

— Да, да, украинская, отвѣчалъ дворникъ.

— Ну, вѣрно годясто, сказали мужики.

— И крупа тоже первый сортъ, сказалъ дворникъ, захвативъ горсть крупы. — Вотъ она, сказалъ дворникъ, показывая мужикамъ крупу. — Ни одной галочки нѣтъ и пыли тожъ. Ну такъ-то, братцы, продолжалъ онъ: — приходитежъ за привзией-то. Солонина — оляпнадцать копѣекъ; пшено — четыре рубля съ полтиной; крупа — два рубля съ четвертью; мука — полтора рубля. Больше — ни копѣйки, и меньше — ни копѣйки. На все положена смѣта посовѣсти. Брату родному уступить нельзя. Такса значить; больше ничего. Теперь можно, сказалъ дворникъ: — и магазю оставить. Было бы смотрѣно, а тамъ будетъ и куплено.

При этихъ словахъ Савеличъ щелкнулъ языкомъ.

— Такъ что ли, братцы? спросилъ онъ и потрепалъ по плечу одного мужика.

— Вѣстимо такъ, Савеличъ, отвѣчалъ тотъ. — Окрожъ вашей милости къ комужъ приткнуться.

Мужики стали одинъ по одному выбираться изъ анбара. За ними вышелъ и Козьма Савеличъ. Заперъ дверь, перекрестилъ замокъ, перекрестился самъ и пошолъ рядомъ съ мужиками.

— Да какъ же это, Савеличъ, заговорилъ было дядя Пахомъ: — на заводъ-то таперича солонина девять копѣекъ, а пшено-то ровно по четыре рубля.

— Э-э-эхъ, братецъ, заговорилъ дворникъ: — то-то ты мужикъ. На глазахъ-то у тебѣ темная вода, а не свѣтъ божій; и нашего дѣла ты не разумѣешь. Ну, нешто я не могъ купить то-

вара-то за эфту цѣну; не могъ что ли? А? Да не захотѣлъ, братъ, душой кривить не захотѣлъ. Мужикъ покупаетъ, свой, доморощенный. Стало всю протекцію нужно вести на чистоту, посовѣсти. А тамъ на заводъ-то товаръ разбираетъ народъ пришлый, кто откуда. Ну и товаръ, значить, спускаютъ залежалый, недобротный. Приѣзжаетъ попушникъ за двадцать, за тридцать верстъ, дотудова его и видѣли. А мое дѣло — другое, какъ есть другое. Дай тебѣ я товару-то съ изьяномъ, а ты миѣ завтра же съ пеней. Христось воскресе, скажу, Пахомычъ! Вонгінну воскресе, скажешь, да и ляпнешь: «а каша-то твоя незадачна, кисленька, глотку дереть.» Вотъ куда дѣло-то гнетъ. Я съ тебя эфтаго облиманту не возьму, сказалъ дворникъ, потрепавъ по плечу Пахомыча. — Ну что, понялъ въ чемъ дѣло-то? заключилъ дворникъ.

— Какъ же, Савеличъ, таперича появилъ, сказалъ Пахомычъ. — Да ты, пожалуста, не гнѣвись, Савеличъ. Я вѣдъ такъ спроста, отъ души.

— Чего тутъ гнѣваться-то. Это хорошо, что ты миѣ сказалъ. Значить у тебя думы не будетъ, сказалъ дворникъ — Такъ-то, братцы, продолжалъ онъ: — за провизіей непремѣнно; поджидать буду.

Мужики взмолились.

— Да ты, Савеличъ, сбавь маленько въ цѣнѣ-то.

— Сдѣлай милость сбавь. Бога молить будемъ.

— Право слово, дороговько.

— Ну, и убоинка таво съ изьянцемъ.

— Что съ изьянцемъ, сказалъ дворникъ. — Вѣдъ слышали, что я тутъ непричиненъ. Божье произволенье, — вотъ и все. Нечего ляскать-то.

— Экой ты коляной, Савеличъ. Жалости у тебя нѣтути, право нѣту.

Дворникъ остановился, какъ-будто что-то раздумывая.

— Убытокъ такъ убытокъ себѣ, сказалъ онъ, махнувъ рукой: — на пшенѣ пятачокъ сбавляю. А больше ни въ чемъ. Прощевайте! сказалъ дворникъ мужикамъ. — А ты, Козьмичъ, зайди ко миѣ. Для праздника крестнику обновочка есть. Красную шапочку дочь сшила.

— А спасибо тебѣ, кумъ, спасибо, сказалъ, кланяясь Козьмичъ. — Благодаритель ты нашъ, какъ есть благодаритель.

Мужики пошли своей дорогой. А Козьмичъ поплелся за дворникомъ. Оба вошли въ избу, въ которой все, лучше всякаго календаря и пасхалии, говорило: «завтра пасха, непременно пасха будетъ.» Дворничиха Пелагея Петровна, такаяжъ толстая, какъ самъ Савеличъ, въ набойчатомъ платьѣ и таковомъ же фартукѣ, таскала изъ печи куличи разной величины. Потъ градомъ ватился съ ея разгорѣвшихся щекъ. Около почтенной матушки стояла ея любезная дочка — свѣтъ Матрена Козьминична, дѣвица въ самой порѣ, краснощочкая, въ красномъ ситцевомъ платьѣ и въ ситцевомъ тогоже цвѣта платкѣ, изъ подъ котораго непривлекательно выглядываютъ рыжнѣющія бубли. Она брала съ лопаты куличи и укладывала ихъ на полку. На полатахъ лежали два извощика. Одинъ — помоложе, съ черной бородой, кудреватый, лежалъ лицомъ вверхъ и ловилъ за баки таракановъ. Другой — постарше, лежалъ лицомъ внизъ, свѣсивъ съ полатей свою, какъ огонь, красную бороду. Вниманіе его поглощено было похождениями чернаго кота. Въ углу подъ полатами бушевалъ на привязи пѣгообразный теленокъ, бодая своей, безрогой башкой о пустую, стоящую около него, кадку. Тутъ же, около безсловесной твари на скамьѣ приснастились два деревенскіе мальчугана. То-и-дѣло они о чемъ-то перешоптывались; то-и-дѣло попеременно протягивали руки за кадушку. Послѣ чего всякій разъ теленокъ поднималъ ревъ и бодался. А мальчуганы, едва удерживаясь отъ смѣха, зажимали другъ другу ротъ и толкали другъ друга ногами. На лавкѣ сидѣли двѣ деревенскія старухи въ бѣлыхъ полушубкахъ, повязанныя бѣлыми платками. Одна маленькая сидѣла въ углу и дремала. Другая высокая сидѣла около стола, у окна. На столѣ стояла большая красная чаша съ красными же яйцами; лежалъ окорокъ витчены, да индѣичья потроха, немного свѣсившіеся со стола. Отчего черный котъ, забравшись подъ столъ и ставши на заднія лапы, то-и-дѣло облизывался и вытягивалъ шею, покушаясь схватить висящій предметъ соблазна. Но старуха не давала ему совершить это злохитрое намѣреніе: — Ишь усачь! ишь воръ! я тебѣ, кричала старуха. И конецъ орѣховой палки попадалъ, или по хвосту, или по головѣ, или по бокамъ чернаго кота. Оконтуженный васька въ три прыжка уносился къ печкѣ. И чрезъ двѣ, три минуты, забывъ свое недавнее безчестье, сластолюбивый котъ снова пробирался къ столу, попеременно поглядывая, то на старуху, то

на соблазнительные для него видѣичьи потроха. И снова онъ принималъ воровскую позу. И снова тоже орѣховая палка заставляла его, поджавъ хвостъ, уноситься къ печкѣ. И долго бы еще, можетъ быть, продолжалась эта неравная борьба безсловесной твари съ словесною, еслибы появленіе Козмича не повернуло этого дѣла въ пользу хитраго кота. Вошедши съ дворникомъ въ избу, Козмичъ положилъ на лавку свою дорожную суму и началъ всѣмъ кланяться.

— Здравствуй кума, Целагел Петровна, говорилъ онъ: — здравствуй Матрена Кузьминишна; здорово баушка Устинья: здравствуйте народъ честной. Со всѣхъ сторонъ посыпалось на Козмича: — Здравствуй кумъ! здорово лядюшка; здорово почтенный!

— Здорово, Петрушенька, сказала старуха, воевавшая съ котомъ; — Ай! то-то съ завода. Дворникъ въ это время снялъ съ гвоздя счоты и началъ по нимъ что-то высчитывать.

— Съ завода, съ завода, баушка, отвѣчалъ Козмичъ: — А ты то-то къ церкви Божіей кажись пробираешься? спросилъ въ свою очередь Козмичъ.

— Да, кормилецъ, отвѣчала старуха. А то кудажь? Да вотъ зашла къ Петровнѣ пердыхнуть, одышка взяла. А тамъ и въ церкву поплетусь. Къ плащаницѣ приложиться надоть. А на стояньи-то ужь третій годъ не была. Ходули одервенѣли, совсѣмъ одервенѣли, кормилецъ.

— Испостилась, испостилась, баушка.

— И-а-и, кормилецъ. Прежде-то въ Великую пятницу въ ротъ бисерники не брала. А теперь-то о-о-охъ ма: до здѣзды-то кое-какъ продышешь. А тамъ и не всутерпѣ станеть, и нажрешься, прости господи. — Ахъ! матушки свѣты, закричала старуха, разбойникъ-отъ усачь потроха сволокъ. Петровна, Петровна, вонъ къ теленку-то, къ теленку-то помчался. Ахъ, плутяга! ахъ воръ! не усмотрѣла таки. Аай, ай, ай!

— Тетушъ, а тетушъ, вотъ онъ енъ, вотъ онъ енъ; у теленка мурлыжить, кричали мальчуганы.

— Ахъ мерзавецъ, ахъ разоритель, завопила дворничиха. Разорилъ, вконецъ разорилъ разбойникъ. Да чего вы смотрите, шалагавы, ловите его, ловите его.

— Мы, тетушъ, боимся, укусить.

— Бойтесь, шельмы, прохлаждаться сюда пришли. Дворничиха сама полезла въ телячью коvuру и отняла у васьки его добычу.

— Ахъ! разбойникъ, сказала она, кишечку-то ужъ и сожралъ. Забелъшить, непременно забелъшить его надо.

— Ну, ну; и забелъшить ужъ, сказалъ дворникъ. А отъ мшей куда денешься? Сама виновата, опростоволосилась.

— Опростоволосилась! сказала дворничиха обиженнымъ тономъ. Вѣдь онъ разбойникъ; на всякій разъ не напасешься.

— Матрюшь, а Матрюшь, сказалъ дворникъ дочери, которая въ это время мыла лавку, поли-ка принеси шапочку, што крестнику-то шила. Слышь штоль! провориѣй!

— Сейчасъ, тятинька, сію минуту!

Матреша побѣжала въ другую комнату; черезъ двѣ минуты она принесла красную шапочку и подала отцу.

— Кисточку-бы нужно пришить, сказала она, да не успѣла.

— Ничего, сойдетъ, сказалъ дворникъ.

— Натка крестнику гостинецъ, сказалъ онъ, отдавая шапочку Козьмичу. Бараночекъ надобы дать, да зубъ еще нѣтъ, не совладеетъ. Ну, со временемъ...

— Спасибо тебѣ, кумъ! спасибо, Матрена Козьминишна, сказалъ Козьмичъ, осматривая шапочку. Экая нарядная шапочка-то и съ мохрами... Барчукъ, какъ есть барчукъ будетъ.

— Прощенья просимъ, кумъ, сказалъ потомъ Козьмичъ. Много благодарны; угобзилъ, какъ есть угобзилъ. Теперь моя-то небось прождалась. До свиданья, кумъ!

— Прощевай, прощевай, братецъ, сказалъ дворникъ: — И Козьмичъ вышелъ изъ избы.

— Ухъ! какъ я упатрашилась, Устиньюшка, сказала дворничиха, подсаживаясь къ старухѣ съ одеревенѣлыми ходулями, и качая своей головой.

— И, мать моя, сказала старуха, нельзя же; вѣдь то-то праздникъ на дворѣ; годъ ждали.

— Ужъ эти праздники, правдники! Иной, можетъ, и радъ имъ; а мнѣ-просто бѣжала бы куда. День-денской бьешься, бьешься, угомону не видишь. Встала чуть зорька; петьку истощила; квась слила; теленка напояла. Да такой млещій, не пьеть еще; и корку-то и палецъ ему суешь, не пьеть, хоть ты-на. А тамъ извощики, за тѣми нужно; за куличами, почитай, часа три

провозилась. Да теперь самъ-то скроется въ амбаръ, а тутъ куличи продавать нужно.

— Что и говорить, кормилица! Хлопотво, хлопотно. Ну и дѣло-то ваше купецкое, тѣмъ живетъ. За то и домъ-то золотое донышко.

— Да ужь Богъ съ нимъ и съ богатствомъ, право ужь тошно.

— Смотрю я, Петровна! добра-то, добра-то што у тебя; ялицъ-то какая чаша. А мой-то просто задурились; хоть бы жевлакъ.

— Не докормъ, Устиньюшка, не докормъ вѣрно.

— И-и мать моя; осмину ячменю потравила, все сама. Да такъ, прости господи, попритчилось что-то курамъ-то. По сѣдямъ-то просто стонъ стоитъ, все кудахтаютъ. А мой словно бѣлены обѣлись; зайдутъ эго на погребницу и стоятъ какъ полоумныя; хотьбы твякнули. Я къ нимъ и пѣтуха-то подгоняла; уйдетъ и уйдетъ сибирный; а вѣдь заводской! Да спасибо кумъ Аксиньѣ, а то и подъ куличъ подсунуть нечего бы.

— Ну, ужь вѣрно такія куры ледація.

— И-и-и пѣтъ, мать моя; куры, какъ куры, и двѣ хохлушки есть. Я ужь думаю, Петровна, не порча ли какая?..

— Ну-у; на старости лѣтъ грѣшить вздумала. Другое дѣло, корова, лошадь; а куръ-то кто станетъ портить?

— А-а-а Петровна, Петровна! вѣдь у Никитиныхъ пѣтуха-то испортили, право слово испортили. Два раза только и зѣвнулъ, и, какъ пить далъ, окачурился.

— Ну такъ, можетъ-быть. Дворничиха поднялась и пошла къ печкѣ. Однакожъ и пироги пора сажать, сказала она.

— Какъ бы не такъ! про себя сказала старуха. Зѣвнулъ и окачурился, что-нибудь да не такъ!

— Жена, а жена! сказалъ вошедшій дворникъ. Евтюхъ-то Трычяниковъ старыхъ не отдалъ, да еще вдолгъ пшена просить. Да ужь я ему отпѣлъ. Зады, говорю, братъ не очистилъ, да впередъ суешься. Христомъ богомъ умоляетъ. Корова, говорить, на дняхъ отелится, теленкомъ отплату.

— Не давай, слышь ты у меня не давай, закричала дворничиха. Сиволапые; гамазея что ли у нихъ тутъ своя!

— Ну не дамъ, чего ты орешь-то... Да я пришолъ кваску попить, душа пересмягла.

— Квасокъ далеко ; суслица хлебни ; вонъ корецъ на полкѣ.
Дворникъ, взявъ корецъ, почерпнулъ въ кадущкѣ сусла. Выпивъ, чмокнулъ губами раза два и сказалъ про себя : важнѣйшее сусло ; можно и еще порцію хватить. Дворникъ хватилъ и другую порцію. Надо полагать и квасюга будетъ залихвацкій, сказалъ онъ, обтирая свои усы.

— Жена, а квасокъ-то у насъ, надо палагать, будетъ важнѣйшій, пивцомъ шибаетъ. Замѣтилъ дворникъ.

— Не учиться стать дѣлать-то, сказала дворничиха.

Дворникъ направился къ двери съ цѣлью опять засѣсть въ своей магазин, какъ вошли въ избу два мужика. Одинъ былъ въ дубленомъ полушубкѣ на распашку ; другой — въ синей изъ толстаго сукна чуйкѣ, подпоясанной краснымъ кушакомъ. У послѣдняго была въ рукахъ завязанная въ бѣлое полотенце чаша.

— Здравствуй, Савельичъ, сказали они вошедъ въ избу.

— Здорово, здорово, братцы, сказалъ дворникъ.

— Я къ вашей милости, Козьма Савельичъ, съ дѣльцомъ, проговорила дубленка.

— Не такое братъ время, чтобы безъ дѣла-то шататься, проговорилъ дворникъ.

— Вотъ што, Савельичъ, купи у меня пару поросятъ.

— А миѣ, Савельичъ, сказала синяя чуйка куличъ требуется.

— За куличомъ ступай къ женѣ, это по ея части, сказалъ дворникъ ; обращаясь къ чуйкѣ. А скотинкой занимаемся мы, сказалъ онъ, обращаясь къ дубленкѣ. Изволь !

— А ужъ поросяты-то, Савельичъ, ахти горе, какъ есть заводскіе, бурдасы бурдасами. Еслибъ не нужда, не разстался бы, ни за што. Посовѣсти говорю.

— Вѣдь вотъ говоришь нужда, а цѣну-то заломишь, небось. Знаемъ мы васъ.

— Зачѣмъ ломить-то, Савельичъ, свои люди, сойдемся.

— Ну, ну покажь ; гдѣ поросяты-то ?

При этихъ словахъ мужикъ растворилъ дверь и закричалъ во все горло : Степашъ, а Степашъ ! подь сюды !

Въ избу вошла двѣнадцати-лѣтняя дѣвочка, босая, одѣтая въ худинькой зипунишко. Черезъ плечо у ней былъ мѣшокъ, въ

которомъ ворочалась и хрюкала невинная скотина. Мужикъ взялъ у дѣвочки мѣшокъ.

— Вотъ оно, добре-то, сказалъ онъ, потрясая мѣшкомъ въ воздухъ.

Поросята начали рюхать въ перекличку.

— Вишь какъ рюхаютъ, Савельичъ, словно боровья какіе.

Што? въ мѣшкѣ чтоль посмотришь? Аль, на русь вывалить?

— Все едино, сказалъ дворникъ, вываливай на русь.

Мужикъ развязалъ мѣшокъ и тряхнулъ имъ посреди избы. Вывалившіеся на русь поросята, начали рюхать и обнюхивать другъ друга; потомъ поворочали другъ друга рыломъ, и съ визгомъ вырнули подъ печь.

— Звѣрѣ, а не порослята, сказалъ мужикъ. Черезъ мѣсяцъ славными полсвинтухами будутъ. Добро, однимъ словомъ добро.

— А што примѣрно ты за нихъ хочешь взять, сказалъ дворникъ, обращаясь къ дубленкѣ. Цѣну, цѣну-то мнѣ говори!

— Безъ торгу, по совѣсти, штобъ безобидно было и мнѣ и тебѣ, Савельичъ!

— Извѣстно дѣло!

— По четвертачку за штучку, Савельичъ! Недорого, ей-богу недорого. Кому ненужно стоять. Ну, по рукамъ штоли? а? по рукамъ, Савельичъ?

— Вотъ твое дѣло и неподопреть, сказалъ дворникъ.

— Пошто непопреть?

— За такихъ поросетенокъ-то да по четвертаку?

— Штожь дешевистъ, право же дешевистъ!

— Э-э! гусь лапчатый! да я вижу, ты по свиной-то части шеходокъ, а я ешту статью похлѣще тебя знаю. За поросять-то, скажу тебѣ, и въ городѣ по двугривенному больше не дадутъ.

— По двугривенному маловато, Савельичъ, право слово, маловато. Скотина-то исправная!

— Не маловато, а какъ есть настоящая цѣна.

— Ну куда нишло, Савельичъ; а Савельичъ! куда нишло. По двугривенному съ гривной.

— Ну, была ни была повидалась, съ пятаккомъ по двугривенному, сказалъ дворникъ, и замахнулся, съ цѣлью ударить по рукамъ.

— Нѣтъ, Савельичъ! сказала дубленка, пряча правую руку

назадъ и качая головой. Это ты обиждаешь, какъ есть обиждаешь. За такое добро-то, да только съ пятаконь. А вотъ что, Савельичъ, слышь; ни по твоему, ни по моему; по двугривенному съ двумя троешками! Ну, согласенъ, а, согласенъ?

Дубленка подставила руку Савельичу.

— Дорогонько, дорогонько, сказалъ дворникъ, да что дѣлать, мужикъ-то хорошій. Идетъ, сказалъ онъ, хлопнувъ по рукѣ продавца.

— Куплено, продано; загребай денежки, сказалъ мужикъ, потирая руки и подергивая ноздрями.

— Чѣмъ возьмешь то, провизіей, ай чистоганомъ?

— Чистоганомъ бы надоть. Да вѣдь пшена-то въ долгъ небось не дашь, а, не дашь?

— Нельзя, любезной, нельзя. Итакъ ужъ доволя распустилъ.

— Ну, давай хоть провизіей; четвертку пшена, да муки ржаной пудъ.

— А солонинки-то? Мимо?

— Мимо, Савельичъ!

— Штожь такъ?

— Самъ новишной годъ съ мясомъ, Савельичъ. Онамеднясь боровка повалилъ. Такой задачный вышелъ; жиру — просто не проворотить.

— Да за тобой кажись старинькихъ мала толка есть.

— Што ты, Савельичъ, никакъ я съ твоей милостью начисто расплатился?

— Ну, ну; не перечь, записано брать.

Дворникъ досталъ изъ кармана книжку.

— Во, сказалъ онъ, развернувъ ее: за деготь не доплатилъ пятнадцать копѣекъ. Соли пять фунтовъ — пятиалтыникъ.

— Запоматовалъ, ей-же Богу, запоматовалъ. Штожь; доставлю, при первомъ случаѣ доставлю, Савельичъ!

Въ избу вошелъ приходскій дячокъ, средняго росту, пожилыхъ лѣтъ, въ синемъ нанковомъ, поношеномъ, тулупѣ.

— Здравствуй кумъ, сказалъ онъ, обращаясь къ дворнику. Здравствуй кума; съ преддверіемъ Христова праздничка имѣемъ честь поздравить. Здравствуйте, православные!

— Здорово, здорово, кумъ, сказалъ дворникъ. Ну, какъ поживаешь? Долго къ намъ не жаловалъ. Что, небось, дѣла?

А то чтожь? извѣстно дѣла. Недавно изъ губерніи веротил-ся, за дѣтми ѣднать, а тамъ дежурство справлялъ.

— Здорова ли кума, сказала дворничиха. — Дочка здорова ли? Сыновья какъ?

— Жена масло теперъ сбиваетъ, а дочь главизной зани-мается, букли къ празднику снаряжаетъ, отвѣчалъ дьячокъ.

— Ну, а стракулисты какъ? сказалъ дворникъ: — здра-ствують что ли? а?

Дьячокъ обидѣлся.

— Стракулистовъ у меня не имѣется, сказалъ онъ: — а есть у меня студентъ, да семинаристикъ.

— Вотъ и осерчалъ, сказалъ дворникъ: — я вѣдь только такъ пошутилъ. Ну, ну...

— Въ словесахъ осмотрительность имѣть подобаешь, сказалъ дьячокъ. И продолжалъ: — Матюшка-то теперъ сапоги брату хвабритъ. А самъ-то заперся въ горницу, велемудрствуетъ, про-повѣдь къ празднику готовить. Въ пустыню, говоритъ, въ пу-стыню я теперъ бѣжалъ бы. Зачѣмъ, говорю, въ пустыню? ка-чай на колокольню подъ колокола, кромѣ газокъ никто не по-мѣшаетъ; а то въ погребъ запру, и тамъ тожь изрядно.

— А сынокъ-то твой, нужно полагать, кумъ, голова, ска-залъ дворникъ.

— Да нечего Бога гнѣвить, сказалъ дьячокъ. — Этотъ у меня задался. Додѣлецъ, великій додѣлецъ; по всѣмъ наукамъ хватъ-малый.

— Стало-быть, кумъ, попомъ будетъ?

— Непремѣнно, непремѣнно; изъ перваковъ, братъ, хорошее мѣсто получить.

— Ну и слава-богу, слава-богу! это дѣтище стало на ра-дость.

— Слышь какъ скоромятинной-то воротить, говоритъ рыже-бородый извощикъ своему товарищу, подергивая ноздрами.

Тотъ тоже потянулъ въ носъ.

— И то-братъ, сказалъ онъ: — полѣзешь долой.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? оскоромимся.

— Ну дакъ што-жь?

— Да вѣдь грѣшно будетъ.

— А намъ-то што! Дворничиху и пропекутъ на томъ свѣтѣ.

— А толста, братъ, дворничиха. Всей крокъшней не проймешь!

— Прожгутъ, не робѣй!

— Да скажи пожалуста, кумъ, началъ опять дворникъ: — чему ихъ тамъ-то учать?

— Мало ли чему! сказалъ дьячокъ: — всего и не перечтешь. Самая главная — богословія, а тамъ еще и хвилософія. Реторика тоже есть, ну и синтаксисъ; да еще наукъ съ двадцать есть, — всѣхъ и не упомнишь. Въ наше время этому не учили.

— И все это онъ произошло, Борисъ Ивановичъ? вмѣшалась дубленка, продавшая звѣрьевъ, а не поросятъ.

— Да, прошолъ, сказалъ дьячокъ.

— Стало, о чемъ ни спрошай, отвѣтствіе произведеть.

— Обо всемъ, что ни спроби. На все найдется; за словесами въ карманъ не полѣзеть. И скажеть-то, любо слушать. Лежали мы это, въ чистый четвертокъ, на печи, онъ молчитъ и я молчу. Ну, думаю себѣ, должно о чемъ-нибудь мудрствуетъ, не такъ-то, А онъ молчалъ, молчалъ, да такіе экивоки и повель. «Отче, говорить. — Что? говорю. «Не обидишься?» — Зачѣмъ обижаться, говорю я ему, коли безобидно будетъ. «А ты, говорить, вѣру-то знаешь плохентеръ». Вотъ озадачилъ, такъ озадачилъ! Вскочилъ это я, и говорю: какъ материнъ сынь, плохентеръ, а не хочешь въ зубентеръ?.. Отецъ вѣры не знаетъ, а-а-а?.. Не то штобъ я осерчалъ. Нѣтъ, я его люблю; а такъ для важности. Ну, и прочелъ я «вѣрую» всю отъ начала до конца.—«Э, говорить, да это и турка пожалуйи знаетъ. А ты, отче, вотъ что, говорить, скажи: отчего это патриархи-то жили по шестисотъ лѣтъ и болѣе, а теперь аще въ силахъ осьмдесятъ, а то пожалуйи и раньше поги задерешь?» — Э, говорю, да въ этомъ дѣлѣ и ты, студентъ, не болѣ моего смыслишь, божье благословенье, говорю; вотъ тебѣ вся недолга. И благочивный, говорю, болѣ этого не скажеть. А онъ такъ, да не такъ. Какъ пошолъ, какъ пошолъ; просто я диву дался; откуда что беретъ. И отъ писанія-то, и отъ своего уму-разуму шибалъ. Хитро, не вонять, а видно, что такъ.

— Стало, Борисъ Ивановичъ, сказала дубленка: — твой сынокъ-то священникомъ будетъ?

— Бещобы, сказалъ дьячокъ: — да онъ нашего-то за пузанъ заткнетъ. А тожъ первова разряду. Да тожъ, да не тожъ. Прошлымъ годомъ, это объ рождествѣ, сиѣшались они на барскомъ дворѣ; куда-ти! Мой-то совсѣмъ батьку съ пахвай сбилъ. А къ моему-то баринъ подходитъ, руку пожалъ, да и говоритъ: «диклектикъ, диклектикъ вы, Тимовей Борисычъ!» Вотъ оно что, родителю-то значить и пріятно. Да вотъ и завтра; если тамъ какая раця поидеть, безпремѣнно мой опять пошибеть: это ужъ писано. Вотъ оно что, образованье-то! Да!

— Стало, Борисъ Иванычъ, сказала дубленка: — сынокъ-отъ твой битка.

— Ума палата, братъ. По всей округѣ такого лихача не сыскать.

— Кумъ Борисъ Иванычъ! а, кумъ, Борисъ Иванычъ! сказала дворничиха: — когда унасъ нонѣ Палагеи-то?

— А св. мученицы Пелагии, сказалъ дьячокъ: — знаю, знаю, зачѣмъ вопрошаешь. Нонѣ что у насъ? спросилъ онъ шопотомъ самого себя? — Двадцать второе число, да, двадцать второе, день суботній. И дьячокъ началъ по пальцамъ высчитывать числа.

Въ избѣ вошли два мужика да баба.

— Савеличъ, куличи готовы? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Готовы, готовы, братцы, отвѣчалъ дворникъ.

— И всяческаго сорту?

— Всѣхъ сортовъ: большіе, средніе и маленькіе есть.

— А вотъ о прошломъ году были не задачи, не пропечены.

— Нонѣ въ самой порѣ; ступайте къ жепѣ!

— Въ четвертокъ, въ четвертокъ кума, сказалъ дьячокъ, держа правой рукой за большой указательный палецъ лѣвой, находившейся въ закорюченномъ видѣ. — Въ четвертокъ на Оумниной, повторилъ онъ и далъ своему пальцу прямолинейное положеніе. — А тамъ чрезъ три денечка и николинъ день, продолжалъ дьячокъ. — Это будетъ у насъ... сказалъ онъ, и снова обратился къ пособію своей числогадательной длави. — Это, значить, будетъ, будетъ у насъ, у насъ будетъ, говорилъ онъ, растягивая эти слова... — въ понедѣльникъ, да, да въ понедѣльникъ, сказалъ онъ, опуская руки. — Къ николѣ нужно ѣхать. Корову продавать рыжую буду. А тамъ скоро Константина и

Елены, — прикащика тевашевитсво. Стало-быть, честному причту воле утѣшеніе будетъ.

— Борисъ Иванычъ! а Борисъ Иванычъ, спросила дубленка: — што нонѣ у насъ високошь што ли?..

— Да, високошь, отвѣчалъ дячокъ. — А на что тебѣ знать-то это? спросилъ въ свою очередь дячокъ, считавшій своею неприкосновенною спеціальностью изчислять времена и лѣта.

— Да такъ, Борисъ Иванычъ, говорятъ, будто въ високошь моръ на свинью бываетъ. Правда это, Борисъ Иванычъ?

— Не знаю, сказалъ дячокъ. — А что высокосной годъ трудной, это бываетъ.

— Вотъ въ прошлой високошь, сказала дубленка: — тоже свинья тратилась.

— Помню, помню, сказалъ дячокъ: — у меня боровокъ палъ; славный боровокъ былъ.

— Да, это хорошо, Борисъ Иванычъ, что високошь-то чрезъ три года бываетъ. Вѣдь чрезъ три года, Борисъ Иванычъ?

— Да, чрезъ три на четвертый, сказалъ дячокъ догматически.

— Ну да, чрезъ три на четвертый. А вотъ кабы кажной годъ-то високошь, свинины бы не напасился.

— Тебѣ что кумъ требуется, спросилъ дворникъ, обращаясь къ дячку.

— Соломишки, солонишки, братъ, фунтиковъ съ восемь. Да не привезъ ли ты изъ городу табачку? взять бы для студента.

— Есть и чортова травка, отвѣчалъ дворникъ. Ну, пойдете-же-жъ, сказалъ онъ, обращаясь къ дячку и дубленкѣ.

Всѣ трое вышли изъ избы.

— А гольтипа, гольтипусшая, сказала дворничиха, мазавшая масломъ пороги: — туда жъ цыгарки курить, а отецъ изъ dolgoвъ не выходитъ. Три года, какъ пять рублей долженъ. Все бубнятъ, погоди, погоди кумъ, поправлюсь, поправлюсь. И теперь все гольишъ поправляется.

— И, мать моя, замѣтила старуха: — вѣдь то-то дитва. Легко ли какая семьяста у Бориса Иваныча-то!

— Такъ ужъ не хвастался бы. А то сынъ-де у меня, сынъ-де у меня, ума палата. Нашелъ уму палату. Сопля, возгрей убить; а туда жъ руку въ карманъ, шапку на сторону, — сторонись-де,

уша палата ъдетъ. Да насть нѣмо шеллавецъ, такъ и неровитъ, чтобы ему прежде кланялись. Ожидай... Мой-то еще съ дуру чухвиснить, а я, ужь сохрани Богъ, никогда. Сами мошь съ усамн; отваливай, канальской сынъ! Тьфу, прости Господи, съ этими народами не согрѣша согрѣшишь, заключила съ досадою дворничиха и замолчала.

Но снова она опять понесла :

— А дочка-то, посмотрикась, завтра какъ вылупится, платье муслимадлѣ, платокъ шелковый, башмаки козловые. Просто не смотрѣль бы, ажно тошно, съ души воротить.

Дворничиха опять замолчала.

— А что, Ванюхъ, сказалъ Петруха : — полно муштровать надъ теленкомъ-то, а то замѣтить.

— И то братъ, баба злющая, енаральша ; такъ аттумачить, что ау ! Прошлымъ годомъ Сеньку Шмеля за космы аттаскала, а за што ? Коту на хвостъ наступилъ ; во, зелье какое !..

— А за теленка, стало, не то будеть !

— Вотъ, теперь, говорить, опять начала дворничиха : — корову продашь. А куда деньги ? Все до копѣчки женушка-то съ дочушкой растянуть. Чего добраго, а то крамолинъ заведеть. Охъ !.. ужь эти крамолины, крамолины, просто не смотрѣль бы !

Дворничиха опять замолчала.

— Ты ужь извини, Устиньюшка, сказала она : — вѣдь съ этими людьми поневолю языкъ-то замараешь. Грѣшиница ; горяча на правду, заключила она.

— Всяко бываетъ, кормилица, сказала со вздохомъ старуха.

— Ну, Петрухъ, вочто кривая не хлыснить, еще разъ за хвостъ дерну, да и баста !

— Ну, разокъ, слышь неболѣ ; а то, чего добрава, поймавь.

Ванюха, кашляя и вздергивая ноздрями, потянулъ за каждую руку. Теленокъ заревѣлъ и началъ бодать окадушку.

— Да что тебѣ подѣялось тамъ, закричала дворничиха. — Вы, вѣрно, шалаганы, муштруете надъ нимъ.

— Нѣтъ, тегушь ; мы смирно. Это онъ самъ. Вѣрно пошла нѣтуга.

— То-то смирно ! а то пойдю такъ за чупъ отверчу.

— Што, лѣшай, сказала Петруха. — Это моли Бога, что пироги маслитъ. А то такую бы трепку задала. Злая баба, прибавилъ онъ; и дворника за бороду талыскаетъ. А нашто дворникоть-силачь.

— А что, Петрухъ, завтра звонить будемъ?

— Какъ же, непервой разъ; кажиной годъ о пасхѣ-то звонимъ.

— Да ты, братъ, махлюсть. Ты за чѣмъ разомъ во всѣ барабанишь? Зачѣмъ? Не надо-ть! А ты перво въ самые махонькіе раза три звякни; потомъ што побольше; а тамъ ужъ и въ наибольшей цопни. Едакъ лучше съ переборомъ. Такъ на заводѣ унтеръ звонить.

— Ну братъ, до того не дойти. Барабаншикомъ былъ; значить музыкантъ. А я звоню попростецки, какъ умѣю.

— Да что, вѣдь ладу не выходитъ, некрасиво.

— Што дѣлать; бабы и хуже того звонять.

— А ужъ смѣшно, братъ, бабы-то звонять. Ухватются это по двѣ, по три за кажинную веревку, и цопаютъ, цопаютъ. Ни складу, ни ладу. Просто содомъ, хоть изъ деревни вонъ бѣжи.

— Зато они и бабы. Богъ ни на што талану не далъ. Окромѣ прялки ни къ какой комисіи не подходитъ. Э! стой, гуслисть пришоль.

— Погоди, погоди, што будетъ?

Въ избу не вошоль, а влетѣлъ дворовый челоувѣкъ неклюдовскаго барина, высокой ростомъ, съ предлинными черными усами. Одѣтъ былъ въ сатиновомъ, невыразимаго цвѣта, пальто и триковыхъ клѣтчатыхъ, непомятой ширины, брюкахъ. Бойко, размахисто подлетѣлъ онъ къ дворничихѣ и размахнувъ на сѣверъ и югъ своими длинновязыми руками, продекламровалъ, какъ по книгѣ:

— Почетной гражданикъ, вселюбезнѣйшей Пелагеѣ Петровнѣ мое всенижайшее? Какъ живете, можете? Широжками позволите ваниматься-сь? Добре, добре, моя пташечка, капарничка тонконогая!

— Ну, ну, музыкантъ, сказала дворничиха: — ты у меня не борзись. А то какъ разъ помеломъ по усисмамъ помажу.

— Ахъ-сь, тѣтинька, сказалъ Фомичъ (такъ звали этого героя): — какія вы сегодня сердитыя-сь; и отвернулся въ сторону.

— Естество, сказалъ онъ полушопотомъ, обратившись къ синей чуйкѣ, и тутъ же, скорчивъ рожу, высунулъ изъ подъ усовъ языкъ, по направленію къ дворничихѣ.

— Угаръ баба, командирша, сказалъ мужикъ, хохоча.

— Вотъ подь Севастополь бы!

— Побѣдила бы, безпремѣнно; картечью бѣ не проняли.

— А, мой ангелъ, эмблема-съ моей души, идеалъ сердца, сказалъ Ѳомичъ, увидавъ дочь дворника. — Извините-съ, мы васъ и не замѣтили-съ. Ну, какъ ваше драгоцѣннѣйшее?..

— Слава-богу! Какъ ваше?..

— О!, лучше-съ требовать нельзя-съ, прелестная сильфида. Извольте видѣть въ самомъ презонабельномъ-съ положеніи пахожусь.

— Хитро что-то, не понять.

— Ничего-съ! Такъ пріучился-съ; такая у меня-съ композиція-съ... А позвольте-съ позаимствоваться у васъ на счетъ свѣдѣнія о мѣстопребываніи вашего тятиньки-съ. Это будетъ подоступнѣе-съ.

И Ѳомичъ нараспѣвъ продекламировалъ, улыбаясь :

Ахъ гдѣ, ахъ гдѣ купецъ
Прелестной дѣвы сей отецъ?

— Въ анбарѣ. Шутникъ вы этакой, право.

— Въ анбарѣ! не деликатно-съ, не деликатно-съ. Въ депѣ разнаго бакалейнаго товару-съ и продуктовъ земныхъ-съ. Это будетъ какъ есть постоличному-съ.

— Ну, въ Москвѣ не жили, какъ умѣемъ.

— Семень, дружище, сказалъ Ѳомичъ, обращаясь къ синей чуйкѣ: — удружи музыканту Ѳомичу; спутешествуй въ анбаръ, слышишь въ анбаръ. Тамъ въ заключенномъ видѣ сидитъ купецъ Топтыгинъ. Топтыгина сюда на лицо!

— Сейчасъ, сказала синяя чуйка, и нырнула вопъ изъ избы.

— Ну-съ, ангелъ мой-съ, сказалъ Ѳомичъ, обернувшись къ своему идеалу: — какъ-съ вы себя извольте-съ чувствовать? чего желаете-съ, о чемъ мечтаете-съ?

— Сказала: слава-богу; ну что еще? Безотвязные вы какіе!

— Слава-богу-съ! прекрасно-съ! безподобно-съ! изыщный видъ во всемъ и бездна граціи полна, она, она и все она-съ!

— Да волноте вамъ ; вы лучше приходите-ка къ намъ праздноicomъ на скрипочкѣ поиграть.

— Для васъ , мой-съ идеаль , все-съ , что угодно ; и мазурку-съ в самый трамбамъ съ присвистомъ и колѣнцами.

Оомичъ поднесъ правую руку къ сердцу и прищурилъ лѣвый глазъ.

— Матрющъ , безстыдница , сказала дворничиха : — пошла въ горницу . А ты у меня усачъ , смотри . Вѣдь тутъ тебѣ не Сашки , не Дуняшки .

— Ухъ , какія строгости , сказалъ Оомичъ .

Въ избу ввалился самъ дворникъ .

— Первостатейному купцу благословенной веси неключевой-съ , сказалъ Оомичъ : — добрѣйшему Козьмѣ Савичу Топтыгину мое почтеніе-съ !

— Ну-ну ; похвамилии меня не обзывать . Человѣкъ я простой , значитъ нейдетъ мнѣ это .

— Не резонабельно-съ , не резонабельно-съ , сказалъ Оомичъ . — Хвамилиа-съ — краса человѣку-съ : безъ хвамилии человѣкъ-съ — баранъ ; отличие отъ безсловесной твари составляетъ-съ . По эфтой причинѣ всякой-съ сужеть въ натурѣ-съ свое именованіе имѣеть-съ . Ну-съ , а хвамилиа Топтыгинъ — съ важнѣйшая , степенная-съ .

— Ты мнѣ , усачъ , буки не подпускай . Сказалъ , не люблю ; человѣка уважить долженъ ; вотъ и все .

— Ну-ну , не сердися , не сердися Савеличъ ; лапочку , лапочку-съ .

— Это можно , изволь .

Между усачомъ и силачомъ совершилось дружеское рукожатіе .

Въ избу вошелъ запыхавшійся мужикъ ; лицо его было все въ поту .

— Савеличъ ! началъ онъ , отдуваясь : — кормилецъ... изюмцу... четверть фунтика... пожалуста...

— Во , гусь ! изюму захотѣлъ ! на што это ?

— Для снадобья , Савеличъ , на куличъ .

— Ха , ха , ха , закатился Оомичъ : — при бѣдности , а какія нѣжности . Вотъ такъ Тимошей ! Ха , ха , ха ! Козьма Савеличъ ! мвидалю ему , мускателю , всѣхъ бакалейныхъ товаровъ , отпустить !

Дворникъ тоже захохоталъ; извозчики на полатахъ также захикали.

— Э, пропади она и съ изюмомъ, сказалъ сконфуженный мужикъ. — Говорилъ, смѣятца будутъ. Во, ово и сбылось.

— Да кто тебя послалъ-то? спросилъ дворникъ.

— Кто? извѣстно, сволчинья-портниха; изъ городу пріѣхала.

— А! это хврантиха-то! понимаемъ.

— Одожи, одожи ему, Козьма Савеличъ, изюмцу-то, сказалъ Ѳомичъ. — Марья Васильевна мамзель важнѣйшая, антикъ. А все-таки смѣшно. У Тимофея куличъ съ изюмомъ, ха-ха-ха!

— Привезла это, продолжалъ мужикъ: — пять фунтовъ крупчатки. — «На что это, говорю, Марья.» — «На куличъ, говорить.» — «Э, говорю, затѣваешь ты. Семь-ка снесу, продамъ Савеличу; да куличокъ-то готовишкой возьму, хлопотъ не будетъ.» И, куда ти и руками и ногами замотала. — «Сходи-ка ты говорить, изюмцу купи; въ городѣ-то я позабыла купить. А я тебѣ, говорить, такой куличъ смастерю, — лучше помѣщицьева будетъ.»

— Вретъ, вретъ, басамыга! закричала дворничиха: — ужъ лучше моего не будетъ. Потрела тамъ юбками въ городѣ, да и думаетъ, что она ни въсть какая мастерица стала. Печева носъ-то драть; невелика хвигура!

— Ну, чтожъ, Савеличъ, сказалъ мужикъ: — снабди изюмкомъ-то. Во и деньги.

— Хорошо, хорошо, сказалъ дворникъ: — ступай въ анбаръ.

— Не давай, слышь ты у меня, не давай, заорала дворничиха. — Тамъ изюму немножко. Самимъ для обихода; да можетъ спросить кто почище.

— А, эхидна, сказалъ мужикъ, хватаясь за дверь; и пошла ей вѣтъ. Все бы она лаялась.

— Ну, сказалъ Ѳомичъ дворнику, картычки барину купили-съ?

— Кушилъ, сказалъ дворникъ, только второва сорту. Да, первова-то все ахвицеры разобрали. При мнѣ одинъ приходилъ, послѣднiя взялъ. Кричить, траншея подведу, сикуцию поставлю, если не дашь атласныхъ. Ну, послѣднiя и отдалъ. А по за-

кову-то мнѣ нужно бы: попрежде пришло. Да что сдѣлаешь? военной; борода ходу вѣтъ.

— А канифоли, струнъ купили-съ?

— Какъ же купилъ.

Дворникъ пошелъ въ горницу. Черезъ двѣ минуты онъ вернулся и подалъ Оомичу карты, канифоль и струны.

— Вотъ такъ угодили-съ, истинно угодили-съ, сказалъ Оомичъ. Не знаю, какъ благодарить вашу комплекцыю-съ. Стало быть у насъ съ баринномъ праздникъ-съ будетъ деликатесь. Теперь можно и во свояси махнуть-съ. Прощайте, Кузьма Савеличъ-съ, сказалъ онъ, расшаркиваясь, прощайте-съ, до живѣйшаго свиданія-съ.

Оомичъ готовъ уже былъ махнуть черезъ порогъ, какъ вдругъ что-то остановился и началъ хохотать во все горло.

— Ха-ха, ха-ха-ха! Чтѣ жархо въ избѣ-съ, чтѣ жарко, анъ у тебя, Савеличъ, на палатяхъ-то-съ полнолуиэ, жаръ птица-съ, свѣтило небесное!

— Эхъ, дни-то нетакіе, усы, сказалъ владѣтель пламенной бороды, а то бы я разутѣшилъ твою милость.

— Ишь, красноперый, тожъ амбицію имѣеть.

— Ну, ну; не ругатца, а поспѣшай лучше къ барину. А-то его благородіе твоему блародію въ потылицу надаеть.

— Сиволапой буржуй, сказалъ Оомичъ, и высунулъ извозчику языкъ.

— Стракулисть, отвѣчалъ извозчикъ, и показалъ ему съ полатей кукишь.

Сражонный кукишомъ, Оомичъ ненашолся, что сказать, не смотря на свой изобрѣтательный умъ, и молча нырнулъ изъ избы.

— Кудряшъ, сказалъ побѣдившій извозчикъ своему товарищу, слыхалъ.

— Какъ не слышать, слыхалъ, сказалъ тотъ: — а хлѣско ты ему отрезвонилъ. Чай усача-то покоробило.

— Народецъ, братецъ ты мой, этн холопи!

— Не говори, братъ!

— Изъ мужиковъ, братъ ты мой, вылѣзъ, и въ бары не попалъ. И выходитъ звѣрь какой-то лютой; всякому въ носъ да въ рыло.

— А до нашихъ паневницъ народъ опасливый.

— Еще какой опасливый-то : смотри и смотри.

— Отъ чего бы это ?

— А оттого , что народъ-стракулистъ . Значить , онъ и во всякомъ , что нинаестъ дѣлѣ , стракулистъ !

— А вѣдь и то малый — такъ !

— Почтенные , а почтенные , откулива васъ Богъ несетъ , спросила синяя чуйка извозчиковъ .

— Кудряшъ ?

— Чаво ?

— Не васъ ли то-то обзываютъ ?

— А можетъ . Постой !

— Почтенные , а почтенные , громче прежняго повторила синяя чуйка ; откулева васъ Богъ несетъ ?

— Изъ Москвы , любезной , изъ Москвы . Колоколь веземъ , сказалъ извозчикъ съ рыжей бородой .

— Ну что новенькова въ Москвѣ-то ! Говорять , будто колоколь Ивана-великаго въ землю ушолъ , а царь-пушка благимъ матомъ по ночамъ воетъ ?

— Не правда , не правда ! сказалъ извозчикъ . Колоколь , какъ-есть , это стоитъ на хвундаментѣ . И край это около него привалимшись .

— А великъ , братъ ты мой , край-то , замѣтилъ рассказчику его товарищъ . И двумъ мужикамъ не поднять !

— Кудри , не перебивай ! сказалъ рассказчикъ , и добавилъ : — дуракъ , и тремъ-то не поднять !

Послышался стукъ въ окно . За окномъ раздался голосъ :

— Ночевать можно ?

— Можно , можно , закричала синяя чуйка .

Старуха потянулась къ окну .

— Господа какіе-то подѣхали , Петровна , сказала она . Вишь подъ какой праздникъ разѣзжаютъ , прибавила она .

— Матрюшь , сказала дворничиха , поди , встрѣнь господь-то : да проводи прямо въ отхожую .

— Ну я царь-пушка , продолжалъ извозчикъ , не слыхали , чтобъ выла . Можетъ , это машина , это такъ !

— Кудряшъ , сказалъ онъ шопотомъ , народъ-то я вижу здѣсь трухменной , болотный . Семъ-ка я на нихъ страху напушту .

— Напусти , братъ , сдѣлай милость напусти , пускай испужаютца .

— А вот мы слышали, заговорилъ опять извозчикъ, что антихристъ народился въ какой-то бусурманской землѣ. Еще двухъ годковъ нѣтъ окоянному, продолжалъ онъ, а борода ужъ по самый пупъ; и хвостъ это ужъ показался. А тамъ смотри и рога будутъ,

— Неужто взаправду?

— Въ книгахъ, любезный, писано.

— Съ нами крѣсная сила, зашептала старуха, и начала креститься. О-о-о-охъ-ма! послѣднія-то знать времена настали!

— Не даромъ, замѣтила синяя чуйка, ханцузъ опять поднимается, полонить вселенную хочетъ. А ужъ какъ полонить, тутъ ужъ и антихристъ на чуку.

— Охъ, хотъ бы господь съ покаяннѣемъ прибралъ.

— Вотъ хотъ бы наше дѣло, веземъ мы, колоколъ и колоколъ-то большущій. А пожалуй и позвонить вдоволь не придется. Запечатываютъ это церкви, и звону хрестіанскова не будетъ.

— Охъ, спаси господи и помилуй!

— Ну! а на счетъ ослобоненья ничего не слыхать? спросила синяя чуйка.

— Какъ не слыхать, слыхали, сказалъ извозчикъ. Все говорятъ, будетъ, будетъ. А когда будетъ, господь ихъ вѣдаетъ.

— А хорошо-бы хотъ на послѣдяхъ-то пожить на слободѣ. Да и поспѣшить бы этимъ дѣломъ теперича нужно. А то придетъ антихристъ, и какъ объявить волю, мужиковъ видимо невидимо на его сторону перекачаетъ.

— Еще бы, неперекачать!

— А вѣдь повѣрили! сказалъ шопотомъ, извозчикъ своему товарищу; напужалъ!

— Халимоны, какъ есть халимоны! печальной народъ, что ни сплети, все въ ходъ пойдетъ.

Послышался благовѣсть. Въ избѣ всѣ засуетились и начали креститься.

— Слава тебѣ господи, сказала синяя чуйка, поднимаясь съ мѣста.

— Аминь! спаси господи и помилуй, сказала старуха, хватая за свою орѣховую палку.

— О, господи Исусе Христе, помилуй насъ грѣшныхъ, по-

слышалось на полатахъ. А оравой колоколь, замѣтилъ одинъ извозчикъ, а все-таки до нашего не дойдетъ.

— Далека пѣсня, сказалъ другой.

Всѣ одинъ по другому начали выбираться изъ избы. Выбрались и мальчуганы, дергавшіе за хвостъ теленка.

— Ванюхъ, сказалъ Петруха, то-то я вижу у тебя свѣчка?

— Да; свѣчка.

— Ахъ, братецъ ты мой, я то свою позабылъ воть горе-то. Бѣжать-то далеко, почитай, на самой конецъ деревни.

— Ну, дакъ штожь?

— Нѣтъ ли у тебе пяточка? Одолжи, завтра яйцами отдамъ.

— Что мнѣ твоими яйцами-то дѣлать? Мнѣ чистыя деньги надо. Завтра съ Борзымъ, да съ Слюдинымъ въ три листа сговорились.

— Ну деньги и деньги. Двѣ трайчатки есть, у хвирабника за чугунъ взялъ. Ну, дайже.

— Изволь, убогаторю. Только слышь завтра послѣ обѣда къ колокольни выноси. Сказалъ: играть будемъ.

— Ну, сказалъ: доставлю, и доставлю. Да ты знашь, за што я яйцами-то хотѣлъ тебѣ отвѣтить.

— Не знаю, а што?

— У мене, братъ, цыцарычье яйцо-то есть. На заводѣ у писарихи купилъ, три траешки далъ. Ну, завтра, значить, ийца лущить будемъ. Только ты, пожалуста, Ванюхъ, молчокъ ни цы-цы. А то, прошлымъ годомъ, показалъ я яйцо-то своимъ ребятшкамъ. Они по сусѣдамъ размолвили; да все село братъ узнало. Прихожу это я къ колокольни. Ну, братцы, говорю; кто на звятки; давай! Какъ захохочутъ всѣ, да какъ начали тумачами кормить. А Демка Крынкинъ такъ прямо въ рыло заѣхалъ. Такъ я братъ ну скорѣй улепетывать домой. Прибѣжалъ это, да цопъ съ серцовъ яйцо-то объ печь и сѣлъ. Скусь, братъ, все едино, што въ куриномъ. А не въ примѣръ дороже куриного. Стало за крѣпость.

— Вѣстиво за крѣпость, а то за штожь?

— Ты ужъ пожалуста про яйцо-то ни гу-гу, слышь ни гу-гу!

— Ну вотъ еще! ни гу-гу, и ни гу-гу.

Настало молчаніе.

— Ванюхъ, опять заговорилъ его товарищъ, не пойдѣмъ въ церкву-то, ещо настоишься.

— А куда-жъ идить-то?

— А во што я ти скажу; сейчасъ къ караульному. Возьмемъ у него хванарь. Скажемъ дьячокъ велѣль. Да и маршъ на колокольню. Галокъ изъ шпилью шугать будемъ.

— А смѣшно, братъ, галки изъ шпилью посыпуться, словно горохъ; да какъ слѣбця, прямо подъ ноги. Тутъ што хошь съ ними дѣлай. О прошломъ годѣ-то, помнишь, вѣдь, братъ, цѣлую плетуху наловили; да у дьяконова сына взяли бумаги, нарядили ихъ; да на пасху-то послѣ обѣда это на народъ и выпустили. Смѣху-то, смѣху-то сколько было!

— Комедія, просто комедія!..

В. КАТАРЕЦКІЙ

КАКЪ РѢШАЮТСЯ ПРАВСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ДРАМОЙ

(*Nov Intimes*, комедія г. Сарду)

Современному передовому человѣку приходится иногда искренно позавидовать доктринеру-рутинеру. Посмотрите на послѣдняго: нѣтъ у него отравляющаго сомнѣнія; онъ не знаетъ мукъ, сопровождающихъ страстное, ненасытное желаніе рѣшить, объяснить себѣ преслѣдующій васъ вопросъ. У него готовы отвѣты на все, готово рѣшеніе, готова мораль и правила нравственности; подводите только подъ нихъ поразившія васъ житейскія явленія. Онъ беззаботенъ, веселъ, счастливъ. Спокойно ложится онъ въ постель, завершить сномъ проведенный безъ тревогъ и волненій день; такъ же спокойно встрѣчаетъ новый, въ полной увѣренности, что ничѣмъ не можетъ быть возмущено его спокойное теченіе. Всѣ его страданія и неприятности не выходятъ изъ узкой, тѣсной сферы эгоистическаго наслажденія жизнью и ограничиваются только подчасъ оскорбленіемъ самолюбія или долетѣвшимъ до его почтеннаго уха голосомъ изъ новой атмосферы, голосомъ, раздавшимся изъ устъ непримиримаго врага его, человѣка иной жизни и закала, голосомъ, нарушающимъ его олимпийское спокойствіе и рождающимъ въ душѣ сомнѣніе въ твердости и прочности рѣшенныхъ имъ вопросовъ.

Совсѣмъ иное дѣло жизнь для человѣка, мучимаго тревогой и сомнѣніемъ, носящаго въ груди всѣ вопросы неразрѣшенными и всѣми силами души стремящагося къ ихъ уясненію и разрѣшенію. Ему нѣтъ покоя, ему нѣтъ пощаль, нѣтъ отдохновенія.

Сознательное размышленіе о какомъ бы то нибыло вопросѣ жизни, повидимому пустомъ и невмѣющемъ особаго значенія, втягиваетъ его въ самый кипятокъ жизни; для него всѣ понятія перепутались, снелись, зацѣпили другъ друга; ни одно не подходитъ подъ шпатель и всѣми принятыя опредѣленія, всякое силится освободиться отъ узды, положенной на него рутинными нравственными и схоластическими приѣмами: все перемѣшано, перетасовано какъ ко-

лода картъ : бывшее раздѣленіе всего по мастямъ , облегчавшее работу мысли, признано несостоятельнымъ ; всѣ границы, всѣ предѣлы потеряны. Что одному ясно какъ день, вѣрно какъ дважды два, то для другого предметъ сомнѣнія и страданій. Ни въ области реального знанія, ни въ сферѣ нравственной опредѣленныхъ рѣшеній, готовыхъ отвѣтовъ нѣтъ. А какъ легко было прежде : стоило сосчитать только количество пестиковъ и тычинокъ , чтобы отнести растение къ тому или другому виду и роду ; смутилъ вашъ покой вопросъ изъ міра нравственнаго, — отправляйтесь къ Аристотелю или къ разнымъ древнимъ авторитетамъ , и все ужасно, опредѣлено, подведено подъ рубрику. Теперь не то : гдѣ кончается растение и начинается животное , гдѣ оканчивается животное и начинается человекъ? И уже не пойдешь къ Аристотелю справляться , чтобы онъ объяснилъ тебѣ *das Ding an sich*.

Странныя эти мысли родились въ головѣ моей по выходѣ изъ Михайловскаго театра послѣ представленія комедіи г. Сарду «*Nos Intimes*», встрѣченной съ такимъ всеобщимъ сочувствіемъ въ Парижѣ , а слѣдовательно и у насъ. Какое кажется имѣютъ отношеніе приведенныя мысли съ комедіей г. Сарду? а между тѣмъ вышло такъ. О чемъ ни задумаешься , о скучномъ или о веселомъ — богъ знаетъ куда утядеть. А между тѣмъ я намѣрею объяснить , какъ родились въ головѣ мысли , которыя повидимому не имѣютъ никакого отношенія ни къ какой комедіи.

Одинъ изъ остроумнѣйшихъ нашихъ публицистовъ сказалъ когда-то , что о театрѣ говорить нельзя , въ особенности о французскомъ , непустившись въ глубокомысленныя разсужденія *à la Siècle* о томъ , *ce que c'est que le tiers-état* ?

Кстати , любезный читатель , не замѣчали ли вы надъ собою страннаго дѣйствія , производимаго современной французской комедіей и драмой и состоящаго въ томъ , что какую бы пьесу ни давали , впечатлѣніе всегда одного и того же рода. Я не говорю , чтобы оно одинаково было по количеству впечатлѣнія : это зависитъ отъ большаго или меньшаго таланта автора пьесы ; я говорю о качествѣ , которое (худо ли оно или хорошо , это другой вопросъ) , но всегда одного и того же рода. Это замѣчательное явленіе , и объясненіе его должно открыть намъ многое , а главное , оно и приведетъ къ тѣмъ повидимому неотносящимся сюда мыслямъ , которыя я началъ.

Если литература данной эпохи есть зеркало этой эпохи , то эта аксіома еще очевиднѣе въ вопросѣ о театрѣ. Припомните всеволлассическую , французскую комедію , заразившую всю Европу въ блестящее время подражанія всему французскому. Но о классицизмѣ

я не скажу ни слова. Я прошу только читателя мысленно пробѣжать за мной по той эпохѣ, въ которую аристократическая придворная Франція наслаждалась старикомъ Расиномъ, притнимавшимъ весьма долю участія въ воспитаніи того могучаго, героическаго, энергическаго населенія XVIII вѣка, которое и теперь поражаетъ насъ своимъ величіемъ. Никто изъ здраво-развитыхъ людей не станетъ искать греческихъ и римскихъ героевъ въ какомъ-нибудь Британикѣ или Федрѣ; напротивъ того, подъ римской тогой, надѣтой еще на французскій манеръ, потому что такъ казалось граціознѣе, всякій узнаетъ придворнаго аристократа памятнаго всѣмъ вѣка Людовика XIV, ставшаго моделью для подражанія отъ Мадрита до молодого Петербурга. Духъ подражанія и копированія усвоился особенно хорошо высшими слоями на русской почвѣ. Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось во Франціи, но духъ подражанія, привившійся особенно глубоко къ екатерининской аристократіи, не замѣчалъ, что оригиналъ уже измѣнился, и не разъ, и не два, продолжалъ повторять копія, утратившія всякій смыслъ и значеніе. Парижскій дворъ переѣхалъ въ Кобленцъ во время передѣлки тюльерійскаго дворца, какъ выражается одинъ езуитскій учебникъ; Бананарте, фельдмаршалъ Людовика XVII, управлялъ Франціей отъ имени короля, классическая трагедія уступила мѣсто безцвѣтной драмѣ времени имперіи, — подражаніе продолжалось; королевское семейство съ дворомъ возвратилось въ Тюльери, какіе-то новые, невѣдомые люди, неаристократическаго происхожденія, избираютъ своего короля, гордящагося тѣмъ, что онъ не аристократъ, — подражаніе прежнимъ временамъ продолжается; дворъ вмѣсто Кобленца переселяется въ окрестности Лондона, — таже исторія. Но есть вѣдь нѣкоторая разница между Расиномъ, Бомарше, В. Гюго и Скрибомъ. У насъ этого не замѣчаютъ. Театръ представляетъ историческую эпоху, ея стремленія, надежды, упованія, господствующія идеи, силы, сословія. Вѣдь въ Парижѣ всякій разъ иная публика восхищалась смѣнявшимися другъ друга писателями. Парижъ дворянскій, аристократическій и Парижъ буржуазный, мѣщанскій — столько же похожи другъ на друга, какъ Расинъ на Скриба. Въ нашей литературѣ такихъ перемѣнъ не было и дай-богъ, чтобъ никогда не было. Но что можно заключить объ обществѣ, въ которомъ единственное звено, связывающее столь разнородныя вещи — духъ подражанія!

Современная французская сцена изображаетъ эпоху господства буржуазіи. По двумъ-тремъ авторамъ, по десяти комедіямъ, ими написаннымъ, будущему историку легко будетъ нарисовать всю эпоху со всѣми ея стремленіями, со всею ея нравственностью. Какимъ

рѣзкимъ штрихомъ отгѣнитъ онъ двѣ эпохи, выраженные Бомарше и Скрибомъ, рисовавшими портреты свои съ того же буржуа; но въ первой эпохѣ этотъ буржуа былъ за народъ; онъ былъ націоналенъ, золь, остеръ, уменъ, онъ чувствовалъ силу, онъ готовъ былъ на бой, онъ не назывался даже буржуа: это былъ великій, талантливый tiers. Тенерешній буржуа, собственникъ, лавочникъ, рантье — совсѣмъ другое. Загляните въ Скриба и позадумайтесь хорошенько, если вы не боитесь думать.

Въ Парижѣ считается тридцать театровъ, расходы на нихъ громадныя; вѣроятно таковы же и доходы. Кѣмъ они держатся? неужели блузниками или сотнею иностранцевъ? Нѣтъ, они существуютъ для буржуазіи, и буржуазіею, которая ими наслаждается, въ нихъ учится, выражаетъ свои стремленія, свой уровень нравственности, и черезъ нихъ же высказываются представители ея мысли, ея таланты. И на первомъ планѣ стоитъ Скрибъ.

Разумѣется я могъ бы указать на многіе романы Ж. Занда, изъ которыхъ можно кое-что узнать о современномъ французскомъ буржуа, но я не рекомендую ее, какъ женщину, отличающуюся пристрастіемъ и заражонною притомъ такими вредными мыслями, что ни одинъ порядочный буржуа не рѣшится дать ей книгу въ руки своей дочери. Но Скрибъ — это официальный, патентованный, великій талантъ буржуазіи; врать онъ не можетъ. Буржуа, тронутые списанною съ нихъ добродѣтью, плачутъ, улыбаются, рукоплещутъ своему любимцу. Чѣмъ же являются фотографическіе съ нихъ снимки, раскрашенные по модной картинкѣ такимъ образомъ, что сквозь слой красокъ хорошо видны настоящія черты оригинала? Занявъ по историческому праву наслѣдства мѣсто блестящей аристократіи, вышедшая изъ простаго народа буржуазія утратила добрыя народныя инстинкты и не приобрѣла дворянскихъ добродѣтелей. Создать общественную нравственность она была не въ силахъ; въ преданіи государственныхъ чиновъ и древнихъ парламентовъ не оказалось исторической необходимости. И вотъ является нравственность, основанная на правилахъ политической экономіи, на конторской книгѣ, на силѣ денегъ, на любви къ порядку, на узкомъ, эгоистическомъ чувствѣ самосохраненія. Всмотритесь хорошенько въ комедіи и драмы Скриба. Съ какимъ беспощаднымъ ожесточеніемъ преслѣдуетъ онъ искреннее чувство, благородное стремленіе; съ какою любовью силится онъ выставить ихъ за бредъ, за утопію, за безплодное мудрствованіе; съ какою искренностью покрываетъ онъ позоромъ женщину за капризъ, за увлеченіе, за неподдѣльную страсть. И когда она опозорена, мужъ-буржуа торжествуетъ; когда она осмѣлена, онъ читаетъ

ей мораль; когда она убита, онъ добиваетъ ее прощеніемъ. О, Скрибъ хорошо знаетъ мѣщанское сердце!

Но для чего, спроситъ меня читатель, разговорился я о Скрибѣ, когда долженъ говорить о Сарду, комедія котораго стоитъ въ заголовкѣ статьи этой? Да я уже сказалъ, что всѣ вопросы дотога перепутались, сдѣшались, смѣшались круговой порукой что о чемъ. бы ни вздумалъ заговорить, не знаешь съ какой стороны подойти в богъ-знаетъ куда заѣдешь. Я сказалъ, что въ какую бы современную драму или комедію вы ни отправились, — впечатлѣніе вынесете одно и тоже. Причина этого заключается въ томъ, что публика, для которой онѣ пишутся, составляетъ что-то такое затянутое, ограниченное, со всѣми свойствами китайской неподвижности, что выходящіе изъ среды ея писатели и пишущіе для нея и не могутъ изобразить ничего внѣ этой замкнутости и ограниченности. Представитель, коноводъ ихъ Скрибъ; другіе съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ слѣдуютъ за нимъ. Въ числѣ ихъ находится и Сарду, съ тою впрочемъ разницею отъ великаго мастера, что Богъ не одарилъ его ни такимъ талантомъ, ни такимъ умомъ. Поняли ли вы меня, читатель? Теперь мнѣ можно бы было пояснить и первую мою мысль, почему однимъ людямъ чрезвычайно легко жить на свѣтѣ, а другимъ весьма тяжело и почему современному передовому человѣку подчасъ становится завидно смотрѣть на невозмутимое спокойствіе и олимпийское величіе много доктринера-рутинера, но я надѣюсь показать это мыслями, рожденными въ головѣ моей комедіей «Nos Intimes».

Съ готовымъ кодексомъ нравственности, съ порѣшными рубриками и опредѣленіями легко оцѣнить какую хотите комедію. Есть въ комедіи добродѣтельные люди? Есть, какже, мужъ. Награжденъ, торжествуетъ? Какже, награжденъ, торжествуетъ. Есть порокъ или преступленіе? Есть, какже, жена. Наказана? Наказана. Гуманно, чѣмъ, какъ? Очень гуманно: прощена, ей не сдѣлано даже выговора, она просто оставлена наединѣ съ своею совѣстью; мужъ не хотѣлъ даже показать ей, что сомнѣвается въ ея добродѣтели, и наградилъ ея любовника, доставивъ ему выгодное мѣсто. Какъ очерчены лица? Ничего, педурно; есть правда и вовсе ненужныя, есть балаганныя, но общему ходу они не мѣшаютъ. Какъ идетъ само дѣйствіе? Ничего, не вяло. Если всего этого для оцѣнки еще недостаточно, то вызываютъ на сцену аристотелевскія три единства и этими тремя аршинами измѣряютъ достоинство пьесы, которая, если выдержитъ всѣ эти испытанія, получаетъ дипломъ на званіе прекрасной комедіи, а ея авторъ — талантливаго писателя. Неправда ли, очень просто, читатель, и приводитъ къ положительной и спра-

ведливой оцѣнкѣ? И для чего тутъ вводить новые, непомященные ни въ реторикѣ, ни въ пѣтикѣ вопросы, мучиться, терзаться? А вѣдь есть такіе охотники!.. вѣрно имъ нечего дѣлать болѣе путнаго. Начнутъ выжимать, сосать, впиваться, докапываться и откапаютъ нивѣсть-богъ что. И къ чему это поведетъ? Если пьеса окажется изъ рукъ вонъ плоха, вѣдь ей отъ этого не меньше будутъ хлопать ни въ Михайловскомъ театрѣ, ни въ Водевиль, на которомъ она удостоилась всемірной извѣстности. Если прославляемая ею нравственность окажется покоящеюся на весьма непрочныхъ основаніяхъ, возвѣщенные ею истины окажутся не истинами, — вѣдь отъ этого нравственность не выиграетъ ничего и останется тѣмъ, чѣмъ была; открытая истина только и останется на листкахъ «Времени»? Если вы, читатель, согласны съ тѣмъ, что я сейчасъ сказалъ, то не читайте остальныхъ страницъ; чтоже въ самомъ дѣлѣ терять понапрасну время?

Въ прежнія времена обращалось большое вниманіе на заглавіе книги или пьесы. Это имѣетъ нѣкоторое основаніе, особенно въ случаѣ если уже самимъ заглавіемъ авторъ высказываетъ свою мысль, свое мнѣніе о своемъ произведеніи. Въ душѣ читателя или зрителя заранѣе складывается то или другое воззрѣніе, онъ готовится къ извѣстному роду впечатлѣніямъ. *Nos Intimes* — *наши закадычные*, стало-быть авторъ намѣренъ выставить намъ дружбу, ея тревоги и волненія, героическія черты и самоотверженіе, или онъ хочетъ показать обратную сторону медали: обманъ, себялюбіе, лицемеріе — словомъ выразить избитую, но тѣмъ неменѣе въ высшей степени интересную и поучительную тему отъ Кастора и Полукса до Тартюфа включительно. Ничуть небывало. Это одно заглавіе; дальше его нейдите и ничего не требуйте. Мы готовы примириться съ этимъ полнымъ несогласіемъ содержанія пьесы съ ея названіемъ: не все ли равно въ самомъ дѣлѣ, что стоитъ въ ея заголовкѣ? соглашаемся на это съ тѣмъ болѣею охотою, что съ первой же сцены поставленъ вопросъ неменѣе интересный. Въ душѣ нашей рождается только сомнѣніе, что буржуазный авторъ не только не одолѣлъ его, но хотъ бы съ честью только выпутался изъ него. Тема самая избитая въ мѣщанской комедіи становится авторомъ съ первой же сцены. Богатый ранѣе, милый и симпатичный типъ, выводимый въ примѣръ и поученіе парижскимъ мѣщанамъ, съ юношескимъ увлеченіемъ и теплою, обезпеченною его возрастомъ, любовью, обожаетъ свою супругу, несмотря на то, что старше ея двадцатью годами. Вы думаете, что авторъ выскажетъ свою антипатію къ такому неровному браку? Жестоко ошибаетесь: вѣковой опытъ не окончательно еще убѣдилъ людей въ этой истинѣ. Въ той же комедіи одинъ

весьма пожилой докторъ, влюбленъ въ падчерицу равнѣе и женится на ней, и вѣроятно повторить въ своей супружеской жизни тоже что случилось съ его тестемъ. Буржуа нашъ вполне счастливъ, но счастлива ли его жена — это другой вопросъ. Мы видимъ, что она скучаетъ, что окружающая среда неудовлетворяетъ ее, что молодая кровь кипитъ, нервы играютъ, молодыя силы требуютъ исхода, приложенія, дѣятельности. Любитъ ли она мужа? На это существуетъ стереотипный отвѣтъ: да, она привязана къ нему какъ къ лучшему своему другу, она *уважаетъ его какъ отца*. Мы видимъ только, что маленькія услуги и любезности, оказываемыя ей ея мужемъ, посвятившимъ всю свою дѣятельность садоводству и уходуванію за цвѣтами, мало ее занимаютъ и нисколько не трогаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли молодая голова, въ которой вѣроятно бродитъ безчисленное множество мыслей, которыя поставили бы въ совершенный тупикъ ея мужа, удовлетвориться затѣей — обсадить резедой или астрами такую-то клумбу?

Съ пансіонскими, романтическими идеалами, незамѣненными, несмотря на всю ихъ сантиментальность и пошлость, никакими иными, болѣе простыми, реальными и стало-быть прочными, понятно, что она не позволяетъ подойти и приласкать себя мужу, отъ котораго за версту несетъ навозомъ.

Для всякаго безпристрастнаго человѣка отношенія между молодой женой и старымъ мужемъ неестественны, нѣтъ, непрочны. Семейное благополучіе, въ которомъ такъ увѣренъ супругъ, построено на такихъ ложныхъ основаніяхъ, что оно должно разлетѣться прахомъ при первомъ потрясеніи извѣстїи, при первомъ обстоятельстве, которое объяснитъ молодой женщинѣ пустоту ея жизни и родитъ въ ней желаніе наполнить ее чѣмъ-нибудь. Но подобныя разсужденія и выводы могутъ родиться только въ головѣ безпокойнаго, опаснаго человѣка. У послѣдователя и подражателя гениальнаго Скриба такой простой и естественный вопросъ облекается въ иную форму. Да какъ же и быть иначе? Надо поддержать незыблемыя основы буржуазнаго благополучія, надо показать, что всѣ опасности, грозящія этому благополучію, неосновательны, безправственны, а то чего добраго, буржуа не заснетъ покойно, и впрямь подумаетъ, что ему грозитъ бѣда отъ всѣхъ этихъ идей, распространяемыхъ вредными теоріями и книжками. И вотъ сомнѣніе, болѣзненную тоску молодой женщины, ея стремленія къ чему-то иному, что бы дало какое-нибудь содержаніе ея жизни, ея законныя и естественныя, хотя и не сформулированныя еще желанія, которыя намъ такъ понятны, низводятся на степень каприза, блажи, бреда.

Родившесся въ душѣ вашей искреннее чувство замазывается ложью

и неправдой ради поддержанія условной мѣщанской нравственности, покоящейся на вѣковой рутинѣ. Въ голову буржуа уже брошены пер-
вые сѣмена, долженствующія въ скоромъ времени разрастись въ без-
апелляціонное обвиненіе. Разумѣется, что мы не смѣемъ требовать
отъ писателя буржуазіи, чтобы онъ вывелъ человѣка того или другого
закала, тѣхъ или другихъ убѣжденій, соприкосновеніе съ которыми
послужило бы къ скорѣйшей развязкѣ натянутого положенія между
женой и мужемъ и показало бы шаткость мѣщанскаго семейнаго
счастья. Не смѣемъ, потому что при такихъ обстоятельствахъ выборъ
въ *перые любовники* честнаго и благороднаго человѣка, который
внушилъ бы къ себѣ дѣйствительную любовь — встревожило бы всю
парижскую публику, которую одну авторъ имѣлъ въ виду. Надо
ему продолжать начатую работу и окончательно доказать, что тревога
и тоска молодой женщины дѣйствительно не имѣютъ законнаго
основанія и вытекаютъ изъ каприза. И посмотрите, съ какою тща-
тельностью все это дѣльце облѣяно авторомъ. Мужъ даже и не
подозрѣваетъ того, что происходитъ въ головѣ и сердцѣ его жены;
ему и на умъ ирвати не можетъ ничего подобнаго, будто самъ онъ
никогда не былъ молодъ, не былъ носѣщаемъ тревогами и сомнѣні-
ми, будто бы такъ сразу онъ отлился въ формы рагъ, какъ Паллада
вышла изъ расколовагося черепа Зевса въ полномъ вооруженіи.
Въ душѣ его все улеглось, успокоилось, покрылось тѣной, имѣю-
щей свойство втягивать въ себя все что только приблизится къ
ней. По нашему мнѣнію бѣдной женщины грозила опасность съ
перваго дня знакомства съ подобнымъ существомъ, и опасность
тѣмъ большая, чѣмъ менѣе имѣлось средствъ бороться съ ней. Но
помните! говорятъ моралисты: — мужъ окружаетъ ее такимъ
вниманіемъ, онъ такъ обожаетъ ее, что ей просто безсовѣстно не
чувствовать и не цѣнить этого; нѣтъ, какъ хотите, это неблаго-
дарно съ ея стороны и доказываетъ только ея пустоту и легко-
мысліе. У буржуа достаетъ форменнаго благородства настолько,
чтобы не показать и тѣни сомнѣнія ни въ добродѣтеляхъ супруги,
ни въ своемъ безмятежномъ счастьи, но недостаетъ сообразитель-
ности, догадки, умѣнья знать то, что происходитъ въ сердцѣ
жены. Развѣ вы не видите, читатель, что авторъ не забывалъ ни
на минуту публики, съ которой имѣлъ дѣло и которая должна оце-
нить его комедію?

Съ другой стороны, посмотрите что за молодой рыцарь выве-
денъ на сцену, съ которымъ придется вступить мужу въ бой; вѣ-
роятно мы увидимъ что-нибудь въ *pendant* къ женскому капризу и
легкомыслію. И разумѣется, что подобный герой или *jeune premier*
выведенъ не съ тою цѣлью, чтобы уличить очерченное семейное

благополучіе. Начнемъ съ того, что приемы имъ употребляемые для пріобрѣтенія симпатій молодой женщины, по истинѣ удивительны, какъ на примѣръ притворное паденіе въ обморокъ, и прямо говорятъ, что это за господичъ. Въ противномъ случаѣ была бы бѣда. Вообразите публику, которая съ сочувствіемъ взглянула бы на это лицо комедіи? Что было бы съ бѣднымъ мужемъ, съ его великодушіемъ; довѣрчивостію и со всеми добродѣтелями, что было бы съ семейнымъ счастьемъ, съ покойнымъ; невозмутимымъ своимъ буржуа?

Наконецъ съ третьей стороны, посмотрите во что обращено чувство женщины къ молодому человѣку. Назвать его любовью, естественнымъ и законнымъ стремленіемъ, было бы тоже опасно. Истиннѣйшая публика догадалась бы, что положеніе лицъ комедіи просто, невыдуманно и должно было быть необходимымъ слѣдствіемъ всей обстановки замкнутой жизни, несмѣющейся ни интересовъ, ни содержанія. Такъ это правда, подумалъ бы буржуа, что пустиая въ ходъ исѣ эти такъ называемыя теоріи и утопіи? Чтобы сохранить мое благополучіе и человѣческое достоинство, нужно жить какою-то иною жизнью; недостаточно благосостоянія и комфорта, которыми я окружалъ себя и жену, недостаточно сельской, патриархальной жизни, домашняго очага. Все это оказывается несостоятельнымъ при первомъ столкновеніи съ живымъ чувствомъ, съ здоровою мыслью, съ дуновеніемъ какой-то иной атмосферы. Не хорошо было бы, еслибы роль эту приняла на себя любовь; мѣщанское счастье не выдержало бы; буржуа остался бы недоволенъ ни комедіей, ни авторомъ, ни главное самимъ собою. И вотъ чувству приходится сначала легкой, потомъ густой отгѣнокъ чувственности.

На этой почвѣ и споры быть не могутъ. Какъ! женщина ради чувственнаго влеченія играетъ семейнымъ благополучіемъ, счастьемъ мужа, его спокойствіемъ и честью! Да какая же нравственность простить, оправдать преобладаніе животныхъ инстинктовъ въ существѣ, одаренномъ разумомъ и свободной волей? Теперь смѣло можно вооружиться мѣщанскою нравственностью, съ полною надеждою на успѣхъ и побѣду. Какой же человѣкъ рѣшится покрыть свою голову позоромъ и принять на себя защиту чувственной склонности?

Какъ же тутъ не задуматься, читатель. Сами вы видѣли, какія метаморфозы пріимала основная мысль писателя. Съ полнымъ великодушіемъ соглашаетесь вы простить ему неумѣстное заглавіе, неяснѣющее никакого ни логическаго, ни художественнаго отношенія къ содержанію пьесы; предъ вами довольно опредѣлительно ставится вопросъ иного рода, пожалуй хоть *подводный камень бур-*

жузного благополучія, вопросъ, который вдругъ насильственно и цинически преобразуется въ оскорбительное для бѣдной женщины: *on ne badine pas avec l'adultère*. Зато какое обширное поле открыто для обнаруженія душевнаго величія и семейныхъ добродѣтелей мужа! Онъ положительно не вѣритъ ни въ разрушенное свое счастье, ни въ возможность измѣны со стороны жены. Какихъ трудовъ стоило друзьямъ уговорить его выѣхать изъ дому; чтобы возратиться врасплохъ ночью и собственными глазами убѣдиться въ своемъ несчастіи; такъ и чувствуется вами, что по собственной, благородной природѣ своей онъ неспособенъ на такой низкій подвигъ, — все это науасно.

Впрочемъ все вваливши на плечи бѣдной жертвы и на ея чувственность, Сарду, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать, не могъ не видѣть, что для полнаго достиженія задуманной цѣли надобно положить границы самой этой чувственности, хоть бы это стоило новой измѣны самому себѣ. Поставить минуточку *рокового* свиданія за кулисами — избави-богъ: публика богъ-знаетъ что подумаетъ, пожалуй и сомнѣваться станетъ. Гораздо лучше выставить сцену ночного свиданія предъ ея глазами и борьбу долга съ чувственнымъ стремленіемъ остановить вовремя, когда послѣднее станетъ одерживать верхъ. Никакого сомнѣнія не останется въ впечатлѣніи зрителя: вѣдь не можетъ же подумать онъ, чтобы авторъ такіа скандальзныя вещи рѣшился выставить предъ его глазами. Спасибо заѣвшей талантливой артисткѣ, которая, рѣшившись пожертвовать правдой всей пьесы, поняла вторую мысль автора и уже не хотѣла измѣнять ей. Мнѣ случилось слышать такое мнѣніе: «да изъ-за чего же вся эта катавасія и почему пьеса поступила въ разрядъ *неудобосмотримыа для дѣвицъ*? вѣдь между ними ничего особеннаго не случилось.» Такимъ образомъ въ головѣ публики хотя и созрѣло рѣшеніе *qu'on ne badine pas avec l'adultère*, но все было приостановлено вовремя, ничего особеннаго дѣйствительно не случилось; нравы не вышли изъ приличія, нравственность осталась чистою и незапятнавою; публика получила только хорошій примѣръ въ поученіе. Весь дальнѣйшій ходъ пьесы и психическіе, въ высшей степени интересныя мотивы покрыты такой же легкой дымкой и подурены благоуханіями, безъ которыхъ немислима французская комедія нашего времени. Что думаетъ неожиданно возвратившійся мужъ послѣ той сцены, въ которую любовникъ жены его прыгаетъ съ балкона? разстѣались ли его подозрѣнія, убѣдился ли онъ въ невинности жены? Въ какомъ состояніи его жена? увѣрена ли она, что мужу что-либо извѣстно, оскорблена ли она его шпионствомъ? — все покрыто приличнымъ сомнѣніемъ, публика находится въ совер-

шпенцомъ невѣдѣнія. Но автору до этого нѣтъ никакого дѣла; главная цѣль достигнута, публикѣ дана острастка и толстый буржуа многозначительно взмалдываетъ на свою супругу, какъ бы говоря ей: «понимаешь ли къ чему ведетъ легкомысліе и нарушение долга? смотри же у меня!» — и спокойно засыпаетъ, увѣренный въ дѣйствительности урока, заданнаго въ три вечера его жемъ.

Можетъ-быть, возражать мнѣ, что такое гуманное по мнѣнію г. Сарду обращеніе мужа съ женою, эта щебетливость при выраженіи подозрѣній, это человѣческое желаніе обойти тяжелое облачное снѣгіе, которое по нашему мнѣнію не можетъ быть честнымъ, если не будетъ прямымъ, вытекаетъ, какъ плодъ нашей цивилизаціи изъ его рыцарскихъ понятій о чести и благородствѣ. Такое заблужденіе: это дворянскіе замашки буржуа, который никогда не умѣлъ создать ни общественной нравственности, ни понятій о чести, его рыцарство въ этомъ отношеніи не пошло далѣе долгового обязательства конторы, скрѣпленнаго подписью биржеваго маклера. Достаточно прослѣдить за всею его жизнью, въ ея различные періоды, чтобы показать, что рыцарство это напускное.

Приходимъ къ послѣдней сценѣ и развязкѣ. Главная мысль, внушить публикѣ, что семейнымъ благополучіемъ шутить не слѣдуетъ, проведена до конца, а старшій герой увѣнчанъ лаврами за великодушіе, благородствіе и семейныя добродѣтели. Знаетъ ли онъ, что случилось во время его отсутствія, — это остается невѣстнымъ. Вѣроятно знаетъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ оказывается пошлѣйшимъ дуракомъ, а этого разумѣется не могъ быть въ виду талантливый подражатель Скриба. Но если ему кое-что извѣстно, что можно впрочемъ заключить только по особенному чувству, съ какимъ читаетъ онъ жемъ своей изъ газеты какое-то происшествіе, могущее служить намекомъ на ихъ отношенія, то поведеніе его поистинѣ заслуживаетъ вниманія. Онъ говоритъ: смотри-же, я все знаю и изъ чувства состраданія къ тебѣ не хочу показать, что все знаю; всѣ говорящія противъ тебя доклатательства, ясныя для меня болѣе чѣмъ для моихъ друзей, я сваливаю на блѣдную лисицу, которая причастна дѣлу курятника, но вовсе не прыжка твоего любовника съ балкона; не буду я негодовать на тебя, не стану мстить моему сопернику: напротивъ того, я доставляю ему очень хорошее, прибыльное мѣсто; но да послужитъ этотъ случай тебѣ урокомъ; мое счастье, мое спокойствіе, мою честь я снова вѣряю тебѣ въ полной увѣренности, что ты не станешь играть ими изъ-за каприза, по легкомыслію.» Такимъ образомъ всѣ щели въ треснувшемъ семейномъ счастіи замазаны, все кончилось благополучно и довольный зритель спокойно выходитъ изъ театра съ размышленіемъ,

какъ хорошо устроена природа вообще и жизнь человѣческая въ особенностяхъ, что подлѣ яду слѣдуетъ непременно искать противоядія, что зло съ добромъ, счастье съ несчастіемъ, горе съ радостью перемѣшано и переплетено съ великою, мудрою предусмотрительностью.

Вотъ и вся пьеса, читатель. Я не утруждалъ вашего вниманія болѣе отчетливыми ея изложеніемъ, я не упомянулъ ни про одно лицо, по поводу которыхъ впрочемъ названа она «Nos Intimes». Вѣдь вамъ извѣстны приемы, ходули, афектація, несообразности, употребляемыя французской комедіей съ цѣлью легче и естественнѣе привести дѣйствіе къ развязкѣ. Все это есть и въ послѣдней комедіи Сарду: и проказы лисницы, и подставной всюду гдѣ понадобится докторъ, и переломъ руки молодого человѣка, и вовсе не-нужные друзья, изъ которыхъ и забавень-то выходитъ всего одинъ, потому что онъ совершенно нечаянно и по ошибкѣ попалъ въ комедію. Это впрочемъ нисколько не мѣшаетъ пьесѣ быть весьма занимательною и, какъ я старался показать, весьма поучительною и вызывать громъ рукоплесканій и въ парижскомъ Водевильѣ и въ нашемъ Михайловскомъ, въ которомъ пьеса за зиму дана безчисленное множество разъ. Ну и слава богу!

Не знаю повили ли вы теперь, читатель, почему я сказалъ въ началѣ моей статьи, что современному передовому человѣку приходится иногда искренно позавидовать иному моралисту-рутинеру. Помилуйте! вмѣсто того чтобы съ дѣтскимъ простодушіемъ и наивностью упиваться наслажденіемъ, доставляемымъ талантливымъ писателемъ и игрою неменѣе талантливыхъ актеровъ, пошолъ копать, доискиваться, разбирать тайные изгибы человѣческаго сердца, — чтоже удивительнаго, что докопаетесь до боли и страданія, а наслажденіе пройдетъ сквозь пальцы, а потомъ и станете завидовать тому, кто подошелъ къ дѣлу проще, естественнѣе? Хотѣлъ бы вернуться назадъ, да нельзя: troppo tarde!

П. ВИНКОВЪ

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ ТАЛЕЙРАПА

(СОБРАННЫЯ И ИЗДАННЫЯ ГРАФИНЕЙ О... ДЮ К..., ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО. ЧЕТЫРЕ ЧАСТИ. МОСКВА 1861 ГОДА).

Въ настоящей статьѣ мы вовсе не намѣрены разбирать выставленныя нами выше записки Талейрана: мы не будемъ говорить ни о степени ихъ достовѣрности, ни о достоинствахъ или недостаткахъ перевода, ни откуда взялись вдругъ эти записки въ 1861 г.; перепечатка ли это изъ прежнихъ книжекъ какого-нибудь журнала съ новой оберткой, или новый свѣжій переводъ новой книги — все это мы оставимъ въ сторонѣ. Намъ попалась на глаза эта книга и мы — ужь лучше займемъ это съ первыхъ словъ — просто придемся къ ея заглавію. Намъ хочется просто поговорить о Талейранѣ.

Исторія далеко не держится того мудраго правила, которое завѣщено намъ еще древнимъ міромъ: *de mortuis aut nil, aut bonum*. Если блаженной памяти Кайдановъ и находилъ возможнымъ проводить его въ своей исторіи, то вѣдь зато ктоже теперь и называетъ исписанныя в потомъ напечатанныя имъ листы бумаги исторіей? Истинная исторія, какъ понимаетъ ее образованный міръ, очень и очень сурова и совсѣмъ не снисходительна. Если она и ничего не говоритъ о нѣкоторыхъ мертвыхъ, то именно потому, что нечего ей говорить о нихъ. Сколько вѣдь есть людей, о которыхъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, которые живутъ такъ тихо, что вса мутивъ воды отираваются въ елисейскія поля. Ихъ жизнь нельзя назвать въ собственномъ смыслѣ жизнью, потомучто какая же тамъ жизнь, гдѣ нѣтъ никакой борьбы? Нѣсколько десятковъ лѣтъ они двигаются по корѣ земной и если чѣмъ они затрудняютъ исторію, такъ это именно вопросомъ: для чего они родились на свѣтъ божій? Да не подумаютъ наши читатели, что мы здѣсь поднимаемъ вопросъ о правѣ каждой личности на жизнь и т. п. Это было бы слишкомъ

большое, какъ говорятъ нѣмцы, *Miszvertändnisz*. И тутъ, въ этихъ такъ-сказать полуразрушенныхъ храминахъ зоркій глазъ поэта можетъ открыть жизнь, — найти какіе-либо задатки ея, полугнилые правда, но все-таки задатки. И въ этихъ, неизвѣстно для чего рождающихся на свѣтъ божій, людяхъ есть своего рода интересы, удовольствія, горе и т. п. Человѣкъ, конечно при всѣхъ обезличивающихъ, неблагопріятныхъ условіяхъ къ своему развитію, всегда останется человѣкомъ... т. е. въ немъ никогда не изгладится образъ человѣческой. Презирать этихъ людей разумѣется, ни въ какомъ случаѣ недолично... О нихъ нужно только поболѣть, пожалѣть... Тѣмъ менѣе исторія должна оставаться исторіей. Если кому вполнѣ идетъ пословица: «о всѣхъ не уплакаться», такъ это именно къ исторіи. Какъ личности, люди незамутившіе ни зломъ, ни добромъ воды, не должны въ нее входить, потому что ея задача — воспроизводить прошедшую жизнь со всѣми ея интересами, цѣлями, ея успѣхами, жизненными условіями. А что она скажетъ о людяхъ, собственно-то говоря, не жившихъ? Ихъ мелкіе интересы можетъ быть стоять слишкомъ далеко отъ интересовъ прогресса, человѣчества, не имѣли къ нимъ ни положительнаго, ни отрицательнаго отношенія. Она можетъ о нихъ только сказать... да! были люди, которые дѣйствительно ѣли, пили, ходили, въ которыхъ двигалась кровь и т. д. Но вѣдь за эти вещи можетъ вступить физиологія, потому что они собственно ея предметъ.

Такъ говоримъ, что исторія не говоритъ только о той массѣ людей, о которыхъ она ничего не можетъ сказать, которые не оставили по себѣ никакихъ историческихъ слѣдовъ даже въ томъ обществѣ, въ томъ кругу, гдѣ они жили. Но она говоритъ о всемъ, что или само жило, или имѣло какое-либо вліяніе на жизнь. Здѣсь она ничѣмъ не стѣсняется, не стѣсняется и правиломъ: *de mortuis aut nihil, aut bonum*. Она не затрудняется никакимъ авторитетомъ, какъ бы громко быль онъ въ свое время; ея приговоры нисколько не смягчаются тѣмъ, что въ свое время извѣстный дѣятель былъ наверху богатства, славы, почестей, имѣлъ огромнѣйшія умственные способности. Напротивъ тѣмъ неутомимѣе она къ людямъ, если они, имѣя всю возможность трудиться во благо человѣчества, гонялись въ жизни только за своими эгоистическими интересами, или еще хуже злоупотребили дарами счастья. Исторія нѣсколько походитъ на добросовѣстнаго ювелира. Продавцы представляютъ ему драгоценныя камни: вотъ этотъ говорятъ они, алмазь, тотъ яхонтъ, третій рубинъ... Но онъ слишкомъ разборчивъ въ названіяхъ, потому что въ противномъ случаѣ онъ обманетъ и себя и людей, которые захотѣли бы полагаться на его честность. Онъ тщательно разсматри-

ваетъ ихъ и только послѣ тщательнаго изслѣдованія признаетъ продаваемые вещи за драгоценныя камни, или за простое, подкрашенное стекло. Такъ точно поступаетъ и историкъ. Извѣстная эпоха представляетъ ему своего дѣятеля — человѣка съ самыми лучшими намѣреніями, много жившаго и трудившагося въ жизни, человѣка, занимавшаго въ свое время самое блестящее положеніе. Ему слишкомъ много рекомендуютъ его услужливые современныя лѣтописцы и историки, которые можетъ-быть имѣли побужденіе сбить *полезную* для ихъ цѣлей, иногда личныхъ, человѣка, за отличнаго дѣятеля... Но зоркій глазъ историка не слишкомъ-то много довѣряетъ услужливымъ крикамъ. Если ему говорятъ, что въ свое время извѣстный человѣкъ былъ *перломъ* человѣчества, онъ тѣмъ строже къ нему. Какъ ювелиръ требуетъ тѣмъ большей крѣпости отъ камня, чѣмъ онъ драгоценнѣе, такъ и историкъ требуетъ отъ дѣятеля тѣмъ большихъ плодовъ, тѣмъ большихъ трудовъ для пользы общества, чѣмъ онъ *значительнѣе* былъ въ свое время. Онъ входитъ въ духъ, интересы, стремленія и нужды извѣстной эпохи, — взвѣшиваетъ условія тогдашней жизни и всякаго рода дѣятельности и по этому пробному камню опредѣляетъ достоинство и значеніе извѣстнаго дѣятеля.

И въ томъ, что исторія не держится правила: *de mortuis aut nil, aut bonum*, — чрезвычайно много успокоительнаго. Тотъ фактъ, что на землѣ можетъ быть и есть безпристрастная исторія — мирить нѣсколько съ жизнью. Человѣкъ никогда не помирится съ несправедливостью, онъ всегда требуетъ, чтобы со всякою вещью поступали сообразно съ ея внутреннимъ достоинствомъ. А сколько въ жизни самой горькой несправедливости! Зачастую въ ней мишура выдаетъ себя и всѣми признается за золото, тогда какъ истинное золото признается только мишурой, и что еще хуже, втаптывается въ грязь. Сколько вѣдь погибаетъ свѣжихъ, молодыхъ, въ высшей степени кипучихъ силъ оттого только, что они не любятъ и опасны дряхлой, но крѣпкой матерьяльной силѣ. Напоминать впрочемъ объ этомъ нашимъ читателямъ — совершенно бесполезно. Горькій опытъ, кажется, представляетъ каждому изъ насъ тысячу да то примѣровъ. И еслибъ для исторіи дорога была мишура, еслибъ она судила людей по тому внѣшнему блеску, которымъ часто бываютъ окружены они, что тогда сталося бы съ безызвѣстными тружениками, которые въ тиши хлопчуть о благѣ человѣчества и приносятъ отъ себя посильную для него ленту? Еслибы исторія призывала доказательствами права на безсмертіе въ потомствѣ не добрыя намѣренія и посильное, сколько позволяютъ современныя условія жизни, проведеніе ихъ въ своей дѣятельности, какими бы жалкими

существомъ былъ человекъ? Непринятые гени смѣшны, когда они въ сущности одна мишура, а хотятъ выманить себя за гениевъ. Но только въ этомъ случаѣ они смѣшны. Объ ихъ судьбѣ *стоитъ* пожалѣть и даже *очень* пожалѣть, когда человечество вмѣсто того, чтобы беречь и дѣлать самыя лучшія созданія свои, возводитъ ихъ на костры и плахи, или даетъ имъ умереть подъ гнетомъ матеріальныхъ нуждъ. Комедія тутъ никакой нѣтъ; тутъ самая страшная трагедія. Въ жизни сюжетомъ для трагедіи часто берутъ комическія вещи, и разыгрываютъ комедію тамъ, гдѣ самая страшная трагедія. Возстановить въ кажущемся безобразіи красоту, и въ кажущейся красотѣ безобразіе и есть долгъ исторіи. Блестящіе метеоры своего времени она назоветъ метеорами исчезающими безслѣдно, бесплодно, только съ громкимъ трескомъ. А за безвѣстнымъ труженикомъ, который не только быть-можетъ не занималъ блестящаго положенія въ обществѣ, а напротивъ былъ преслѣдуемъ имъ, но который за то принадлежалъ къ той лучшей части его, гдѣ собственно и совершается прогрессъ, гдѣ создается благо будущихъ поколѣній, гдѣ и кроется самая жизнь-то общества, за этимъ безвѣстнымъ труженикомъ исторія признаетъ самыя неоспоримыя права на безсмертіе. И это безпристрастіе исторіи чрезвычайно утѣшительно. Оно доказываетъ по крайней мѣрѣ то, что есть же какой-либо бунтъ на землѣ, что есть голосъ, ничѣмъ неувлекающійся голосъ, который зло назоветъ зломъ, а добро добромъ.

Такъ вотъ исторія нестѣсняется и такими громкими именами, каково имя Талейрана. Она не обращаетъ много вниманія на то, что онъ былъ когда-то епископомъ отенскимъ, затѣмъ членомъ національнаго собранія, министромъ, посланникомъ, владѣтельнымъ княземъ беневетскимъ, вице-великимъ избрателемъ и оберъ-камергеромъ имперіи, сенаторомъ, княземъ, перомъ, оберъ-камергеромъ Франціи, кавалеромъ орденовъ: св. Духа, золотого руна, большаго ора, почетнаго легіона и т. д. Между этими громкими титулами исторія хочетъ найти человекъ; онъ-то собственно и нуженъ ей. Если Талейранъ занималъ блестящее положеніе въ обществѣ, то исторіи нужно знать, оправдалъ ли онъ довѣріе къ себѣ общества, чѣмъ онъ заслужилъ титулы, и что собственно полезнаго принесъ онъ обществу. Вотъ тутъ-то и оказывается иногда, что мало добиться въ жизни громкихъ титуловъ для того, чтобы заслужить доброе о себѣ слово исторіи.

Талейранъ принадлежитъ именно къ тому типу людей, которые составляютъ плодъ смутнаго состоянія общества. Человекъ, по своему воспитанію, поставленъ въ слишкомъ большую зависимость отъ того общества; гдѣ онъ родился и гдѣ проводитъ первое время

своего развитія. Онъ какъ молодое дерево, матеріалы для своего нравственнаго роста, развитія, но самой необходимости, долженъ вбирать себѣ изъ окружающей его почвы. Поэтому справедливо говорить, что общество создаетъ характеры. Если общество здорово, живуче, если кипятъ въ немъ жизненныя силы, то оно способно и воспитать здоровую, сильную натуру. Слабыя, изжившія общества производятъ только безхарактерныя личности. Таковы напримѣръ личности времянь упадка Греціи, Византіи и Рима. Въ переходныя эпохи, когда въ обществѣ еще ничего нѣтъ установившагося, когда оно порывается высвободиться изъ одряхлѣвшихъ, старыхъ условій жизни — образуются тоже особаго рода и личности. Отличительный характеръ переходныхъ эпохъ составляетъ страшная борьба старыхъ началъ съ новыми. Это — время порывистыхъ стремленій къ лучшему: ясно поставленныхъ и точно опредѣленныхъ цѣлей тутъ еще нѣтъ у общества. Въ это время дѣлается только ожесточенная критика.

Въ это время порывистаго хода жизни, выходятъ на ея арену личности, которые какбы сосредоточиваютъ въ себѣ нравственныя силы страны и пролагаютъ новыя пути жизни, ясно ставятъ цѣли, къ которымъ она должна стремиться. Но вмѣстѣ съ самыми лучшими созданіями общества неизбѣжно являюся на свѣтъ божій и самыя худшія. Оно конечно иначе и быть не можетъ. Еслибы вы захотѣли поднять со дна колодца упавшія туда драгоценности, то неизбѣжно вмѣстѣ съ ними захватили бы нѣсколько и грязи со дна. Современемъ конечно вода устоитъ, грязь свдетъ на дно и останется только чистая вода. Тѣмъ менѣе, чтобы поднять оттуда хорошее нужно было вытащить и много худаго. Такъ и въ обществѣ. Времена движеній, выставляя на арену дѣятельности здоровыя, лучшія силы, непременно вмѣстѣ съ ними выбрасываютъ на верхъ личности своекорыстныя, эгоистичныя. Когда за переходной эпохой войдутъ въ жизнь новыя выработанныя ею условія жизни и дѣятельности, фальшивыя личности должны сойти со сцены, потому что ихъ уже не можетъ терпѣть *новая* жизнь. Но при смутномъ переходномъ состояніи общества они неизбѣжны. Ихъ задача въ это время — какъ говоритъ русское присловье — ловить въ мутной водѣ рыбу. Они слуги стараго начала, если есть надежда приобрести себѣ отъ него какую-либо пользу; они же слуги и новаго, если тутъ можно чѣмъ-нибудь поживиться для себя. Вотъ именно къ этому — то разряду личностей и принадлежитъ Талейранъ.

Талейранъ родился и воспитывался во время самаго смутнаго состоянія французскаго общества. Школьное и политическое воспитаніе онъ получалъ во время самаго страшнаго двоедумія. Дви-

женіе, подготовившее событія 1789 года, тогда уже ясно обозначилось и гласно заявило себя противъ устарѣвшихъ условій жизни. Но собственно говоря истинное движеніе впередъ на фактъ существовало только въ умахъ немногихъ личностей. Большинство образованныхъ даже тогдашнихъ людей плохо понимало цѣли, къ которымъ они должны были стремиться. Какъ часто бываетъ, оно заучивало прогрессивныя мысли со словъ другихъ и понимало ихъ нѣсколько иначе, чѣмъ онѣ должны бы пониматься. И тогда существовали люди на мысли. Конечно, такіе люди были способны проводить свои возрѣвія въ жизнь, потому что для этого нужна твердость, самородность убѣжденій, а этихъ—то вещей и не доставало большинству богатыхъ образованныхъ французовъ конца XVIII вѣка. Такимъ образомъ жизнь и теорія страшно расходились. Тогдашній французъ, болтающій въ блестящихъ салонахъ о тѣхъ вещахъ, проповѣдниками которыхъ въ литературѣ были Вольтеръ и Руссо, и тотъ же французъ въ общественной жизни далеко не были похожи другъ на друга. Въ душѣ самый отчаянный атеистъ, по наружности тогдашній французъ *тамъ, гдѣ нужно было показаться*, былъ страшнымъ ханжой и суевѣромъ. Молвил мысли онъ держалъ про себя, а большинство хотѣлъ учить тому самому, что отвергалъ, потому что это было для него полезно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Оттого, быть можетъ, даже въ самыхъ лучшихъ личностяхъ той эпохи мы не находимъ цѣльности, такъ нужной для всякаго общественнаго дѣятеля. Оттого во время французской революціи, когда толковали о правѣ всѣхъ французовъ: принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, тысячамъ отказывали въ правѣ жизни. Жизнь и убѣжденія обыкновенно расходятся у людей, а тогда они расходились болѣе, чѣмъ когда-либо. Никакой историкъ не станетъ отрицать того факта, что вторая половина XVIII столѣтія выработала чрезвычайно много хорошаго, общечеловѣчнаго. Но точно также никакой историкъ не рѣшится отрицать и того, что многіе тогдашніе либералы въ теоріи, на практикѣ оказывались большими рутинерами. А такое двоедушіе и двоедуміе неизбѣжно вело общество къ ослабленію въ немъ нравственныхъ принциповъ. Не праставая всецѣло ни къ какимъ убѣжденіямъ, а держась разныхъ, смотря по обстоятельствамъ, тогдашняя личность, избѣгалъ такимъ образомъ борьбы, неизбѣжно терпела силу воли. Это весьма естественно, потому что сила характера къ человѣкѣ всегда бываетъ соединена съ силою убѣжденій.

Талейранъ родился и воспитывался вотъ именно въ такую эпоху общественнаго двоевѣрія и двоедушія, въ эпоху ослабленія нравственныхъ принциповъ. Зато родившись и воспитавшись во

время смутнаго состоянія общества, онъ во всю свою жизнь, какъ говорится, ловилъ только рыбку въ мутной водѣ. По слабости своего организма онъ былъ предназначенъ отцомъ къ духовному званію. Тогдашнее французское духовенство съ грубыми безобразіями отличалось примѣрнымъ ханженствомъ. Никогда религія не подвергалась большому униженію и не служила для человѣка лучшимъ средствомъ для его эгонистическихъ цѣлей, какъ именно во второй половинѣ XVIII столѣтія. Революція, отвергнувъ ее, гораздо менѣе сдѣлала вреда ей, чѣмъ предшествовавшее ей революціонное время. Если революціонеры XVIII столѣтія и отвергли религію, то по крайней мѣрѣ тутъ они дѣйствовали по принципу. Не вѣря ей въ душѣ, они не хотѣли допустить, чтобы отторгаемое ими начало, признавалось и существовало публично. Не то было до революціи. Не вѣря ни во что, духовенство занималось религіозными процессіями и чѣмъ молился во храмахъ, считало лучшимъ вымаливать себѣ хорошіе бенефиціи у королевскихъ любовницъ. Выгодная бенефиція была на умѣ у всякаго каноника, аббата, епископа, а о религіозныхъ убѣщеніяхъ паствы, религіозно-нравственномъ воспитаніи ея, для котораго собственно и существуетъ всякое духовенство въ свѣтѣ, никто и не думалъ. И Талейранъ не могъ быть, или лучше считалъ излишнимъ быть выше своего вѣна, потому что собственно не внутреннія склонности души привлекли его къ духовному званію, а недостатки организма. Онъ, какъ видно, совершенно вошелъ въ духъ тогдашняго духовенства. Что онъ въ сущности никогда не былъ религіознымъ человѣкомъ, это всего яснѣй доказываетъ его отреченіе отъ духовнаго званія, когда оно могло быть опаснымъ для него по политическимъ обстоятельствамъ, и его отказъ снова вступить въ него, когда эта опасность уже миновала, но для него полезнѣй было остаться на гражданской службѣ. Когда онъ только вступилъ въ духовное званіе, его задушевною мыслию было полученіе аббатства, а когда сдѣлался аббатомъ — епископства и хорошей бенефиціи. Для этой цѣли и онъ, какъ прочіе его собратья по ремеслу, ползалъ и преоымкался по переднимъ у сильныхъ тогдашнихъ людей, какъ напримѣръ у Дюбарри, любовницы Людовика XV. Онъ, какъ видно, не считалъ подлымъ искать хлѣба у того самаго начала, которое въ душѣ и въ гостивныхъ совершенно отвергалъ.

Точно также Талейранъ никогда не былъ въ точномъ смыслѣ и политическимъ дѣятелемъ, хотя онъ былъ членомъ національнаго собранія, министромъ и посланникомъ республики, министромъ имперіи, занималъ важныя должности при Людовикѣ XVIII. Съ мыслию о политическомъ дѣятельнѣ нераздѣльна мысль объ его полити-

ческихъ принципахъ: одно безъ другого невозможно. Принципъ въ политическомъ дѣятелѣ указываетъ на его постоянство, честность, на его политическія званія. Онъ служитъ какъ бы предвѣстникомъ того, что можетъ ожидать нація отъ личности при извѣстныхъ обстоятельствахъ, даетъ ей возможность, смотря по нимъ вѣрять свою судьбу тому или другому дѣятелю. Политическіе принципы служатъ ручательствомъ націи, что лицо, которому она довѣрилась, будетъ хлопотать о пользахъ ея ради своего принципа. Ничего подобнаго политическимъ принципамъ не было въ Талейранѣ. Во времени республики — онъ былъ и монархистомъ и демократомъ, т. е. когда въ Парижѣ имѣлъ еще нѣкоторую силу король, онъ давалъ ему совѣты, хлопоталъ повидимому объ его пользахъ, и въ тоже время не хотѣлъ, чтобы демократическая партія считала его приверженцемъ короля. Онъ, что называется, вертѣлся и туда и сюда, когда не былъ увѣренъ, чья сторона возьметъ верхъ. Уличенный въ приверженности къ королю онъ бѣжалъ, стараясь безсовѣстно увѣрить республиканцевъ, что онъ никогда не думалъ быть роялистомъ. Во времена директоріи онъ при помощи знакомыхъ своихъ, увѣрилъ директоровъ въ своемъ всегдашнемъ желаніи служить республикѣ и получилъ мѣсто сначала посланника, при прусскомъ дворѣ, а затѣмъ министра иностранныхъ дѣлъ. Но въ то самое время всходила уже новая звѣзда на тоглашній политическій горизонтъ. Счастливый герой Италіи уже началъ пріобрѣтать славу и популярность, къ великой горести и большимъ безпокойствамъ директоріи. Талейранъ понялъ, что «маленькій капралъ» шагнетъ очень далеко, и что не мѣшаетъ на всякій случай привѣтствовать новую появляющуюся звѣзду. Онъ знакомится съ нимъ, лститъ ему и подаетъ дѣльные совѣты противъ той самой директоріи, которая приняла его въ число гражданъ Франціи и дала ему мѣсто министра. Во времена имперіи онъ становится бонопартистомъ. Но лишь только Наполеонъ оскорбилъ его честолюбіе, и онъ увидѣлъ, что путь, по которому пошелъ Наполеонъ, въ политической своей дѣятельности, не можетъ довести его до добра, Талейранъ передается на сторону бурбоновъ. Въ 1814 году предъ отреченіемъ Наполеона, онъ подъ видомъ дружескихъ совѣтовъ, удаляетъ людей, которые могли быть для него опасны, и подружески удаляетъ Марію Луизу съ сыномъ римскимъ королемъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ предложеніе ей отъ союзниковъ регенства и тѣмъ приготовить отреченіе Наполеона отъ престола. Наконецъ въ іюньскую революцію онъ *готовъ* былъ привѣтствовать орлеанскій домъ.

Такъ вотъ въ какихъ непримиримыхъ противорѣчіяхъ протекала

вся политическая жизнь Талейрана. Епископъ, министръ республики, имперіи, приверженецъ бурбоновъ, и если хотите, орлеанскаго дома. Возможно ли челоѣку болѣе приобрѣсти доказательствъ на безславіе въ потомствѣ? Разсматривая политическую его жизнь, мы находимъ въ ней чрезвычайно много сходнаго съ политическою жизнью его современника Барьера, анализъ жизни котораго такъ прекрасно сдѣланъ Макколеемъ. Различіе между ними только въ томъ, что у Барьера политическая безсовѣстность выражалась нѣсколько циничнѣе, чѣмъ у Талейрана. Талейранъ, конечно, послѣ яраго якобинизма никогда не сталъ бы предлагать своихъ услугъ Наполеону, по части шпионства, какъ это дѣлалъ Барьеръ. Но это, конечно, оттого, что Талейранъ лучше обставилъ себя и былъ поумнѣй Барьера; и если недопускалъ подобныя вещи въ своей жизни, то только потому, что они могли также повредить его карьерѣ, какъ они повредили Барьеру. Зато ихъ обомъ никакъ нельзя назвать политическими дѣятелями. Истинный политическій дѣятель можетъ только служить своей политической идеѣ и тѣмъ людямъ, которые раздѣляютъ его убѣжденіе; поступать иначе онъ не можетъ потому, что это значило бы измѣнить себѣ самому и идеѣ, которой онъ самъ хочетъ служить, значило бы вѣзаться вести поклажу заодно съ щукой и лебедемъ. Не такъ думалъ Талейранъ. Онъ отслужилъ четыремъ годамъ, и радъ бы помочь еще десятерымъ, лишь бы что-нибудь тутъ выиграть для себя — для своего кармана и честолюбія.

Непримиримыя противорѣчія въ политической дѣятельности Талейрана происекали главнымъ образомъ отъ того, что въ немъ не было нравственныхъ принциповъ. Политическіе принципы всегда стоятъ въ тѣсной связи съ нравственными. Предупреждаемъ впрочемъ нашихъ читателей, что слово *нравственный* мы здѣсь понимаемъ въ широкомъ значеніи и не придаемъ ему смысла той, чисто условной морали, которая такъ часто выдается за чистѣйшую нравственность. По нашему мнѣнію только тотъ дѣятель имѣетъ политическій принципъ, который глубоко убѣжденъ въ своемъ политическомъ идеалѣ и готовъ всѣми силами прилагать его къ жизни. А для этого нужно прежде всего быть *честнымъ, неподкупнымъ*, нужно имѣть какую-нибудь совѣсть, которая контролировала бы, во имя нами принятаго принципа, наши дѣйствія. Вѣдь и глубокія убѣжденія могутъ быть только въ цѣлостной натурѣ, а неизношенной, безчестной? Талейрану именно недоставало нравственныхъ принциповъ; и оттого вся его политическая жизнь протекла въ вопіющихъ, безобразнѣйшихъ противорѣчіяхъ самому себѣ. Онъ не былъ настолько честнымъ республиканцемъ, чтобы не быть слугой

монархи, и никогда не былъ настолько честнымъ бонопартистомъ, чтобъ не служить бурбонамъ. Измѣнить одному ради другаго — для него не считалось безчестнымъ. «Чей берегъ — того и рыбка», вотъ какой пословицѣ слѣдовалъ онъ и потому никогда не справлялся съ своими убѣжденіями, вѣренъ ли онъ останется имъ, если перейдетъ на другой берегъ, или лучше, его убѣжденія были таковы, что позволяли приставать къ чьимъ угодно берегамъ.

Но что Талейранъ былъ уменъ — это выше всякаго сомнѣнія. Это была натура безъ сердца, жившая однимъ только холоднымъ, расчетливымъ разсудкомъ. Во всю свою жизнь онъ, кажется, никогда ничѣмъ не увлекался. Способность увлеченій въ человѣкѣ служитъ доказательствомъ многого чрезвычайно хорошаго въ немъ. Она прежде всего указываетъ на тонко-развитую натуру, которая способна понимать кой-что, способна видѣть кое въ чемъ хорошее. Жить ничему не удивляясь, ничѣмъ не увлекаясь — значитъ быть лишоннымъ очень многого въ жизни. Рядомъ съ увлеченіями къ злу могутъ быть и увлеченія къ добру. Сильная натура можетъ привести огромную пользу обществу, если возьмется за дѣло, увлечется имъ. При увлеченіяхъ для человѣка невозможно какое-либо холодное, безучастное отношеніе къ дѣлу... Нѣтъ! Онъ или горячо возьмется за него, или со всею силою противопоставитъ себя. А вѣдь отсюда какъ много можетъ выиграть общество! Принявъ близко къ своему сердцу извѣстное дѣло, горячо взявшись за него, сильная натура употребитъ въ его пользу все, что возможно для нея. Или же наоборотъ она будетъ бороться съ живой антипатіей. Тутъ во всякомъ случаѣ будетъ польза для общества. Если что вредитъ болѣе всего какому нѣсть предирітію, то вѣдь усиленная противъ него борьба оппонентовъ, а всегда холодность, апатія къ нему. Это очень хорошо понимала еще древніе законодатели. Еще Солонъ постановилъ опредѣленнымъ закономъ, чтобы ни одинъ гражданинъ, членъ афинской республики, въ извѣстныхъ общественныхъ вопросахъ не оставался нейтральнымъ; потому онъ непремѣнно долженъ былъ принять ту или другую сторону, чѣмъ-нибудь увлечься. А Талейранъ никогда ничѣмъ не увлекался. Извѣстная его поговорка *pas trop de zèle, messieurs*. Доколѣ эта поговорка указываетъ только на необходимость благоразумія въ привлеченіи извѣстнаго дѣла, и уменьшенія излишней горячности — эта поговорка совершенно справедлива. Въ устахъ же Талейрана — она имѣла совсѣмъ другой смыслъ. Она прямо мѣтила на всякое увлеченіе. Она саркастически относилась къ нему и рекомендовала одно холодное разсудочное отношеніе къ дѣлу. Зато ничѣмъ неувлекав-

иійся Талейранъ и шолъ туда только, гдѣ расчеты указывали выгоду — хотя бы дѣло было и несовсѣмъ чисто.

И если въ чемъ Талейранъ остался вѣренъ самому себѣ, такъ именно въ томъ, чтобъ *«противополчить самому себѣ, лишь бы это было едино»*. Ровность въ человѣкѣ, вѣрность его самому себѣ, — какъ мы уже сказали, всегда неразлучны съ его честностью. Но честность въ жизни, вѣрность самому себѣ не всегда ведетъ къ званію пера, члена законодательнаго собранія, владѣтельнаго князя; честность рѣдко навивается. Если что она можетъ дать человѣку, то скудное, бездоходное сознаніе неотеряннаго, сохраненнаго человѣческаго достоинства и чистоты совѣсти. Много-ль тутъ утѣшительнаго для человѣка, который неживетъ сердцемъ, а однимъ только умомъ? Потому въ людяхъ слишкомъ благоразумныхъ никогда не возникнетъ въ душѣ д сомнѣнія на счетъ выбора того или другого пути. Вѣдь поди, думаютъ они, съ этой честностью, вѣрностью самому себѣ, непоколебимостью убѣжденій, насидишься голодными; а кого удивишь? только самъ проголодаешь, когда другіе будутъ сыты. Вотъ именно такого-то благоразумія и держался Талейранъ. Онъ, какъ видно, имѣлъ особенный взглядъ на жизненную борьбу. Жизнь, справедливо говорятъ, есть борьба. Но чего и съ чѣмъ? Вотъ тутъ и вопросъ. Жизнь слагается изъ борьбы различныхъ убѣжденій, нравственной борьбы... Талейранъ понималъ эту жизненную борьбу нѣсколько иначе. Вся его жизнь доказываетъ, что онъ смотрѣлъ на нее, какъ на борьбу личностей — не болѣе. При такомъ взглядѣ жизнь уже не представляетъ въ себѣ никакой гармоніи, ничего успокоительнаго, ничего, что могло бы пріивлечь къ ней человека честнаго, безкорыстнаго, дѣлющаго кой-какія убѣжденія. Если жизнь есть какой-то хаосъ, какая-то безпорядочная борьба самолюбій, борьба изъ-за удовольствій, при которыхъ каждая личность старается достигнуть верха счастья на счетъ счастья другого, чтобы въ свою очередь быть свергнутой третьимъ, — то о чемъ же, значить нужно стараться въ жизни? Не болѣе, не менѣе, какъ обмануть другихъ, пользоваться всѣмъ, что можетъ принести какую нибудь пользу, прожить свою жизнь въ свое удовольствіе. Тутъ нечего хлопотать о какихъ-то принципахъ, о вѣрности самому себѣ. Талейранъ, дѣйствительно остался вѣренъ именно вотъ этому принципу, если только тутъ возможно употребить это слово. Зато онъ собралъ для себя кое-что отъ всѣхъ нравствій, существовавшихъ при немъ во Франціи. Директорія слѣдила его сначала по-славянски, а потомъ министеромъ двостороннихъ дѣлъ, Наполеонъ — тоже министеромъ и оберъ-камергеромъ... Бурбоны — перомъ, сенаторомъ и т. д. Оно конечно все это чрезвычайно благо-

разумно. Какъ видно, онъ для того только и принималъ на себя общественное служеніе, чтобъ получше устроить собственныя дѣла.

Какъ эгоистъ, Талейранъ не очень то уважалъ челоѡвѣчество. Въ доказательство этого мы приведемъ тотъ общезнѣвѣстный фактъ, что Талейранъ былъ чрезвычайно золъ въ отзывѣхъ о другихъ людяхъ. Онъ какъ-будто, чрезвычайно рѣдко встрѣчался съ честными людьми, какъ-будто никогда не имѣлъ счастья видѣть въ нихъ добрыя стороны. Правда, конечно, и то, что въ томъ поколѣніи, къ которому онъ самъ принадлежалъ, немного было цѣльныхъ личностей. Но что и въ его поколѣніи были люди благородные, не всегда думавшіе только о себѣ, — это несомнѣнно. Таковы напримѣръ нѣкоторые дѣятели эпохи 1789 года, многіе принципы которой имѣли и имѣютъ общечеловѣчное значеніе. Ему, казалось, никогда не приходило въ голову, что можно иногда не думать о своемъ я и потому во всѣхъ людяхъ онъ предполагалъ, одно только самолюбіе. Но его сарказмы на людей не имѣютъ ничего общаго съ сарказмами на нихъ напримѣръ Байрона. Байронъ смѣялся надъ людьми, потому что они далеко не соответствовали его идеаламъ. Онъ преслѣдовалъ сарказмомъ ихъ во имя своего идеала. Оттого съ такою любовью иногда онъ останавливается на цѣльныхъ личностяхъ, напримѣръ *Nai-dée* въ Донъ-Жуанѣ. Въ основѣ байроновскаго взгляда на челоѡвѣка лежитъ глубокое знаніе современнаго челоѡвѣка и глубокое негодованіе на множество въ немъ фальши. А Талейранъ, его же современникъ, презиралъ людей потому, что заключилъ о нихъ по самому себѣ. Байронъ горько смѣялся потому, что былъ широкой, глубокой натурой... Талейранъ смѣялся только потому, что былъ мелкой натурой, до той мелкой, что мы чувствуемъ себя даже виновными предъ памятью великаго челоѡвѣка, сопоставивъ съ нимъ личность Талейрана. У него не было и друзей... Другъ ему былъ всякій, кто дѣйствовалъ въ его пользу, и врагомъ тотъ, кто встрѣчался съ нимъ на пути къ его цѣлямъ.

Да! Талейранъ ничего не имѣлъ въ себѣ необыкновеннаго. Необыкновенно было только противорѣчіе его самому себѣ, необыкновененъ только былъ эгоизмъ его природы.

Зато, чтоже собственно сдѣлалъ онъ для Франціи? Онъ долго былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Но вѣдъ новыхъ началъ въ европейскую дипломатію онъ не ввелъ никакихъ. Во время директоріи, онъ ограждалъ предъ иностранными дворами интересы директоръ, при Наполеонѣ идеи бонапартистскія. И если онъ что-нибудь и дѣлалъ для Франціи, то это потому, что видѣлъ невозможность другаго рода дѣйствій, что въ такомъ случаѣ онъ могъ много те-

рять. Изъ такихъ побужденій ведетъ свое происхожденіе и та хартія, которую когда-то сочинялъ Талейранъ.

Да и вообще всѣ личности, à la Талейранъ, не много приносятъ пользы прогрессу, потомучто прогрессъ требуетъ самоотверженія, любви къ людямъ, забвенія мелкихъ интересовъ, а отъ подобныхъ-то вещей и немогутъ отказаться Талейраны... Ихъ дѣло пожалуй потолковать о прогрессѣ, о всемъ, что въ модѣ, а на дѣлѣ — *сдѣлать* свое дѣло. Но о нашихъ доморощенныхъ Талейранахъ — мы поговоримъ когда-нибудь впереди.

МИКРОСКОПИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ

Только тотъ, кто очень любитъ тонкости, кто пристрастился къ дробнѣйшему анализу, только такой человекъ можетъ находить интересъ въ нашей современной журналистикѣ. Безъ микроскопа, увеличивающаго въ тысячу разъ въ ней часто ничего не увидишь, ничего не разберешь; все сливается въ однообразную плоскость съ отѣнками различныхъ цвѣтовъ. Но тотъ, кто любитъ микроскопическія наблюденія, можетъ найти много интереснаго. Онъ съ удовольствіемъ можетъ наблюдать, что проявленія жизни продолжаютъ совершаться; подъ микроскопомъ онъ видитъ странныя формы очевидно живыхъ существъ, замѣчаетъ какъ они вступаютъ въ борьбу и стремятся даже поглотить другъ друга. Всякій конечно имѣетъ право дѣлать такія наблюденія для пользы науки; нужно только, чтобы онъ не забывалъ приводить размѣра описываемыхъ имъ явленій къ ихъ настоящему, микроскопическому масштабу. Соблюдая это условіе, я рѣшаюсь предложить здѣсь читателямъ нѣкоторыя весьма современныя наблюденія.

Къ числу послѣднихъ великихъ событій нашего литературнаго міра безъ сомнѣнія относится дѣло г. Писемскаго. Всякій, знакомый со всѣми документами этого дѣла, я надѣюсь согласится со мною, что въ немъ трудно открыть что-либо замѣчательное, что для невооруженнаго глаза оно является во всѣхъ отношеніяхъ совершенною плоскостью. Въ самомъ дѣлѣ — о чемъ вопросъ? Выразилась какіа-нибудь мнѣнія? Проявилась борьба убѣжденій? Ничего не бывало; ни малѣйшаго умственного движенія не произошло. Тихъ да гладь, да божья благодать!

Между тѣмъ если наблюдать дѣло въ микроскопъ, оно возбуждаетъ вѣкоторое изумленіе; это изумленіе возбуждается не предметомъ, о которомъ шла рѣчь, а именно отношеніемъ между собою литераторовъ и литературныхъ органовъ. Вотъ точка зрѣнія, открываемая посредствомъ микроскопа! Человекъ простой, не имѣю-

щій понятія объ оптическихъ инструментахъ, никогда не станеть на такую точку зрѣнія. Онъ все будетъ думать, что дѣло идетъ о чемъ-нибудь большомъ, доступномъ простому глазу, напримѣръ о школахъ и образованіи, о женщинѣ и ея значеніи и т. п. Зато онъ и не замѣтитъ ничего важнаго, ни капли замѣчательнаго. Только тотъ, кто умѣеть увеличивать предметы въ тысячу разъ, откроеть, что интересъ, дѣло, фактъ дѣйствительно существуетъ, но вполне сосредоточивается въ существахъ, недоступныхъ для невооруженнаго глаза, въ литераторахъ. Благодаря успѣхамъ оптики теперь это ясно для всѣхъ. Было много разъ сказано, и приходится еще разъ повторить, что большею частью *событія* нашей литературы таковы, что рѣчь нужно вести не о дѣлѣ, а о лицахъ, которыя участвуютъ въ этомъ дѣлѣ. Начнутъ разсуждать, заговорять и заспорять часто богъ-знаеть о какихъ важныхъ предметахъ, о философіи, объ искусствѣ,

о камерахъ, присяжныхъ,

О Байронѣ — ну объ матерьяхъ важныхъ.

Но несмотря на весь жаръ и шумъ рѣчей просто языкъ не поворачивается, чтобы продолжать или развивать эти рѣчи о важныхъ предметахъ. Когда вздумаешь судить, то по самому существу дѣла приходится говорить исключительно объ однихъ говорящихъ, а никакъ не о томъ о чемъ они вздумали говорить.

Въ настоящемъ случаѣ это ясно какъ день. Изъ всей полемики, возникшей относительно г. Писемскаго нельзя выжать ни капли содержанія, ни единой крупинцы пищи для любознательнаго ума и чувствительнаго сердца. Весь вопросъ состоитъ въ одномъ столкновеніи авторитетовъ (а вѣдь сколько писали противъ всякаго *авторитетства*!), въ частныхъ отношеніяхъ литераторовъ и литературныхъ органовъ.

Вся драма, или если хотите комедія, состоитъ пока изъ четырехъ актовъ:

- 1) Никита Безрыловъ явился со своимъ фельетономъ въ декабрьской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія».
- 2) «Искра» грозно востала противъ него и вмѣстѣ противъ его укрывателя, редактора «Библіотеки для Чтенія», г. Писемскаго.
- 3) «Русскій Міръ» объявилъ брань «Искры» претупленіемъ и сообщилъ, что противъ нея готовится протестъ, подписанный уже тридцатью именами.
- 4) Гг. Никита Безрыловъ и Писемскій отвѣчали своимъ врагамъ въ январской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія».

Начнемъ же по порядку.

Фельстонъ Никиты Безрылова былъ дѣломъ никакъ не выходящимъ изъ порядка вещей. Я вполне увѣренъ, что почти никто ему не удивился и что многіе, къ числу которыхъ принадлежу и я, прочли его съ удовольствіемъ. Въ этомъ фельтонѣ Безрыловъ относился съ извѣстнаго рода ѣдкимъ юморомъ къ нѣкоторымъ предметамъ, прямо подлежащимъ вѣднiю фельетонистовъ, именно къ современнымъ общественнымъ явленіямъ — къ воскреснымъ школамъ, къ эмансипаціи женщинъ и къ литературнымъ чтеніямъ.

Юморъ этотъ отчасти русскаго свойства; онъ напоминаетъ ту натуру, про которую Гоголь говоритъ, что она ничего *преснаго не любитъ*; его можно назвать *стопудовымъ*. Но я вполне поваль его и могъ имъ въ точности насладиться, потому что совершенно знакомъ съ нимъ по сочиненіямъ г. Писемскаго, одного изъ любимыхъ моихъ писателей. Никита Безрыловъ очевидно есть одинъ изъ даровитыхъ и вполне успѣшныхъ подражателей г. Писемскому; такъ сходенъ ихъ тонъ и приемы.

Такимъ образомъ всякій, безпристрастно читающій, могъ бы по этому случаю только возрадоваться появленію новаго таланта въ нашей литературѣ. Между тѣмъ чтоже случилось? «Искра» внезапно разразилась бранью на нѣсколькихъ столбцахъ! Чтоже это значить? Если юморъ Никиты Безрылова совершенно однороденъ съ юморомъ г. Писемскаго, то спрашивается какъ это могло ускользнуть отъ нашихъ литераторовъ? Если гнѣвъ почтеннѣйшей «Искры» справедливъ, то какимъ образомъ мы *пятнадцать лѣтъ* переносили этотъ юморъ, обращенный ко всѣмъ явленіямъ нашей народной и неародной жизни, юморъ, сохраняемый г. Писемскимъ во всемъ, что онъ пишетъ, и что мы всѣ читали? Какъ мы могли придти въ негодованіе только тогда, когда этотъ юморъ случайно обратился на современныхъ и близкія явленія? Положимъ что въ немъ есть огромные недостатки. Положимъ, что въ немъ господствуетъ *цинизмъ*, столь рѣзкій, что художественность часто едва достаточна для того чтобы скрыть его и примирить съ нимъ. Но если недостатки дѣйствительно есть, то въ полномъ избраніи сочиненій г. Писемскаго они безъ сомнѣнія должны были обнаружиться гораздо яснѣе и рѣзче, чѣмъ въ пяти страницахъ, составляющихъ спорный фельетонъ. Спрашивается, чтоже смотрѣла наша критика, если она считаетъ долгомъ обидѣться теперь, а пятнадцать лѣтъ не обижалась?

И такъ «Искра» поступила опрометчиво и легкомысленно. Что-нибудь одно изъ двухъ: — или она должна была нападать цѣлкомъ на всѣ творенія г. Писемскаго или оставить вовсе въ покоѣ шуточ-

из Никиты Безрылова. Въмѣсто того «Искра» напала на Безрылова съ неумѣреннымъ усердіемъ.

И тутъ однакоже не было ничего необыкновеннаго, ничего выходящаго изъ порядка вещей. Кто слѣдилъ за военными дѣйствіями «Искры» хотя сколько-нибудь внимательно, тотъ безъ сомнѣнія не увидитъ въ настоящемъ случаѣ никакого отступленія отъ всегдашнихъ ея приемовъ. Бѣдная «Искра»! Журналъ по видимому злой и обижайщій, но въ сущности самъ весьма достойный сожалѣнія? Съ какимъ усиліемъ она ищетъ случаевъ для своего обличенія! Какъ тѣсенъ кругъ предметовъ доступныхъ ея взгляду! Какъ мало для нея существуетъ разнообразія въ жизни! Ищетъ-ищетъ она предмета для своего гнѣва и кончится тѣмъ, что обратится на литературу и принимается казнить ее съ удвоенною злобою. Дѣло часто доходитъ до забавнаго. Читатели можетъ-быть помнятъ длинный походъ «Искры» на вновь являвшихся поэтовъ, начиная съ г. Случевского. Это было настоящее *избіеніе младенцевъ*, которое совершалось съ великимъ усердіемъ. Подумаешь, какіе подвиги намъ приходится дѣлать! Какая, въ самомъ дѣлѣ, язва — новые стихотворцы! Истребляйте и гоните ихъ безъ милосердія!

Вотъ и теперъ алчнымъ глазамъ «Искры» не представилось ничего болѣе важнаго и замѣтнаго, какъ довольно невинный фельетонъ Безрылова. Она разразилась громами краснорѣчія, потоками упрековъ. Нечего сказать — нашла мѣсто для краснорѣчія!

Во всемъ этомъ однакожъ нѣтъ ничего особеннаго; все это, какъ мы уже замѣтили, совершенно въ порядкѣ вещей. Только тутъ начинается, какъ говорить почтмейстеръ, *нитъ завязки романа*. Несмотря на обыкновеннѣйшій ходъ дѣла, мы узнаемъ изъ «Русскаго міра», что собратія г. Писемскаго оскорбились плохую статейкою «Искры». Они рѣшились на необыкновенное средство и готовятъ протестъ. «Подписавшихся было до 30 и ожидается еще значительное число.» Можетъ-быть опять появятся въ русской литературѣ братья Милеанты, чѣмъ они безъ сомнѣнія навѣки упрочатъ свое безсмертіе въ исторіи нашего умственнаго движенія.

Спрашивается, что же это значитъ? Какимъ образомъ дѣло могло получить такой оборотъ? Казалось бы брань есть дѣло привычное въ нашей литературѣ. Мало ли кого бранили? Наконецъ, *кого* не бранили? Отъ давнихъ дней порядокъ у насъ одинъ и тотъ же:

Другъ на друга словесники идутъ,
Другъ друга рѣжутъ и другъ друга губятъ
И хоромъ про свои побѣды трубятъ.

Кто хоть немножко любитъ литературу, тотъ конечно вспомнитъ.

безчисленные случаи, когда ему вчужѣ было больно за проявленіе всевозможной наглости, всякаго рода глумленія и лая, обращенныя часто къ самымъ дорогимъ для читателей именамъ. А если мы вспомнимъ ближайшее время столь замѣчательное развитіемъ полямики, то невольно удивимся отсталости г. Писемскаго и его друзей. Прогрессъ относительно брани былъ быстрый, широкій и въ настоящую минуту въ самомъ свѣломъ ходу. Если въ чемъ преуспѣла русская литература, такъ именно въ ругательныхъ выраженіяхъ, которыя своими разнообразіемъ, выразительностью и богатствомъ свидѣтельствуютъ о силѣ русскаго языка и русской фантазіи. И къ кому не были примѣняемы самыя сильныя изъ этихъ выраженій? Во всей литературѣ кто остался не обруганнымъ? Кто не имѣетъ въ виду, что его обругаютъ при первомъ удобномъ случаѣ? Надѣюсь, сомнѣнія здѣсь быть не можетъ. Ничего не могло бы быть легче, какъ набрать множество самыхъ громкихъ именъ въ нашей литературѣ и привести разныя выраженія наибольшей крѣпости, которыя были употреблены въ отношеніи къ этимъ именамъ. При нѣкоторой начитанности легко было бы указать на нумера, статьи и страницы.

Таковы наши литературные нравы. Таковъ тонъ, въ которомъ мы пишемъ одинъ объ другомъ. Ко всему этому мы привыкли; все это есть дѣло явное и публичное. Такъ что, принимая въ соображеніе этотъ господствующій тонъ нашей литературы, окажется весьма удивительнымъ такое явленіе, что г. Писемскій или его пріятель рѣшились протестовать противъ брани. Что за аристократизмъ! Что за исключительное положеніе? Съ чего взяли, кто бы то ни было, что г. Писемскій принадлежитъ къ числу *неругаемыхъ* въ нашей литературѣ? Какими основаніями и доводами можно поддѣрживать эту *неругаемость*?

Притязаніе на такую неприкосновенность кажется намъ самымъ замѣчательнымъ явленіемъ во всей этой исторіи. Откуда оно могло явиться? Развѣ статейка «Искры» отличается отъ обыкновенныхъ нашихъ литературныхъ пріемовъ? Ни мало. Она даже отзывается яснымъ подражаніемъ. *Гнусная дичь*, выраженіе весьма игривое; но подобныя ему выраженія были уже употребляемы. Въ литературѣ мы признаемъ полное равенство, отсутствіе всякихъ отличій. Слѣдовательно, если брань была обращена на однихъ, то можетъ быть обращена и на другихъ. И если г. Писемскій или кто-нибудь вмѣсто него считаетъ нужнымъ протестовать противъ обращенной на него брани, то необходимо должно протестовать и за всѣхъ другихъ, осыпанныхъ бранью. Въ самомъ дѣлѣ, за что же они остались безъ отзыва и защиты? Какъ можно допустить такую явную несправедливость? Какъ можно кому бы то ни было давать такую огром-

ую привилегію передъ другими? Если вспомнимъ всю толпу, безропотно подисертывавшуюся тяжелой литературной участи — быть обруганнымъ, то притязанія на *нерушимость* покажутся невозможной гордостью. Грабежъ! Монополія! Долой привилегіи! Вотъ что скажетъ всенкій истинный приверженецъ литературнаго равенства.

Но всему этому мы считаемъ дѣйствительнымъ прогрессомъ выходку «Искры» противъ г. Писемскаго. Если у насъ дѣйствительно существовала разрядъ *неприкосновенныхъ* лицъ, то она разрушила очарованіе этой неприкосновенности и показала возможность полнаго равенства. Кто былъ прежде уязвленъ печатными насмѣшками, тотъ можетъ теперь утѣшиться. Рано или поздно дойдетъ до всѣхъ очередь. Всѣхъ ругаютъ; вотъ обругали Писемскаго; слѣдовательно чтожъ за бѣда? Такова участь всякаго литератора!

Такимъ образомъ исторія съ г. Писемскимъ свидѣтельствуеть только, что еще не водворилось полное равенство въ нашей литературѣ, что у нѣкоторыхъ лицъ еще существуетъ мечта о неприкосновенности. Первый результатъ микроскопическихъ наблюденій!

Второй результатъ, подобенъ первому; но касается не лицъ, а журналовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что г. Писемскій и друзья его не обидѣлись бы, не сочли бы брани за *оскорбленіе*, еслибы она не явилась въ «Искрѣ». Явись она гдѣ-нибудь подальше, въ мѣстахъ болѣе глухихъ, никто конечно не обратилъ-бы на нее вниманія. Г. Писемскій остался-бы спокоенъ, и *тридцать* друзей его не сочинили-бы труднаго протеста. Но дѣло произошло въ *Искрѣ*, а «Искра», какъ говоритъ самъ «Русскій Міръ», есть «органъ современной сатиры». Понимая прямо, это значитъ — журналъ, въ которомъ по преимуществу проявляется современная сатира. Теперь понятно отчего испугался г. Писемскій и кружокъ его почитателей. *Искра* — авторитетъ! Вотъ опять микроскопическій фактъ нашего литературнаго міра. Не боятся «Свѣточа», не боятся «Инвалида» или «Русскаго Мира», а «Искры» или «Современника» боятся! Между тѣмъ не всѣ ли мѣнія равны? Не всякій ли органъ равно достоинъ уваженія? Давать одному органу предъ другимъ большее значеніе, — не значитъ ли явно, передъ всею публикою поклоняться авторитетамъ, приносить жертвы идоламъ?

Дѣло здѣсь очень просто. Каждая статья, каждая страница, гдѣ бы она ни была напечатана, отвѣчаетъ *сама за себя*. Если она плоха, то тѣмъ хуже тому, кто ее написалъ и напечаталъ. Если «Искра» криво и невѣрно напала на г. Писемскаго, то тѣмъ хуже для «Искры»: она теряетъ, а не г. Писемскій. Виѣсто этихъ отвлеченныхъ соображеній въ настоящемъ случаѣ являются очевидно частныя соображенія, именно принимается въ расчетъ, что «Искра»

имѣть значительный авторитетъ, — что не легко повѣрять, что она промахнулась, — что отвѣтъ на ея выходы не будетъ имѣть такого вѣсу, какъ самыя эти выходы.

Намъ кажется, что мы не ошибаемся. Иначе трудно объяснить какимъ образомъ простая и обыкновенная полемика могла привести къ мысли о протестѣ. Но кажется тучи разсѣваются. По видимому протестъ не состоится. «Современникъ» уже объявилъ въ «Искрѣ», что онъ со своими сотрудниками не будетъ участвовать въ протестѣ и что «Русскій Миръ» неправильно помѣстилъ его въ числѣ протестантовъ.

Наконецъ явилась январская книжка «Библиотеки для Чтенія» и мы совершенно успокоились. И г. Писемскій и г. Безрыловъ сами выступаютъ на битву.

За гибель — гибель, брань за брань!

Книжка Библиотеки даже особенно замѣчательна своею воинственностію. «Искра» въ ней названа *клоакою*. Ну вотъ и прекрасно! Долгъ платежомъ красенъ и обѣ стороны должны быть довольны. Но кромѣ того въ «Библиотекѣ» на этотъ разъ такъ много разныхъ полемическихъ красотъ, что г. Писемскій по своему собственному журналу болѣе чѣмъ по какому-нибудь другому можетъ убѣдиться, что тонъ «Искры» можетъ-быть названъ даже скромнымъ въ сравненіи съ другими голосами и ужъ ни какъ не нарушаетъ общаго хора.

Невольно приходитъ намъ на мысль другой примѣръ, который можетъ-быть весьма поучителенъ для г. Писемскаго и его защитниковъ. Въ январской книжкѣ «Современника» есть такой крупный полемическій перлъ, что его трудно оставить безъ вниманія. Въ «матеріалахъ для біографіи Н. А. Добролюбова», послѣ длиннаго отрывка изъ дневника, гдѣ Добролюбовъ выражаетъ любовь къ одному изъ своихъ наставниковъ, г. Чернышевскій восклицаетъ слѣдующее:

• Теперь, милостивые государи, называвшіе нашего друга человекомъ безъ души и сердца, — теперь честь имѣю обратиться къ вамъ, и отъ имени моего, отъ имени каждаго прочитавшаго эти страницы, въ томъ числѣ и отъ вашего собственнаго имени, — да, и вы сами повторяете себѣ то, что я говорю вамъ, — теперь имѣю честь назвать васъ *тупоумными глупцами*. Вызываю васъ явиться, *дрянныя пошляки*, — поддерживайте же ваше прежнее мнѣніе, вызываю васъ. . . .

• Вы смущены? Вижу, вижу, какъ вы плететесь .

• Помните же, милые мои, что напечатать имена ваши въ моей волѣ и что съ трудомъ удерживаю я себя отъ этого .

Нельзя не видѣть въ этой полемической выходкѣ и въ ней заботливости о памяти друга; но къ сожалѣнію, гораздо сильнѣе поражаетъ читателя другое, именно тонъ и форма полемики. *Тупоумныя глупцы и дрянныя пошляки!* Выраженія замѣчательно-сильныя! И трудно думать, чтобы они были обращены къ лицамъ неизвестнымъ и маловажнымъ; самый гнѣвъ г. Чернышевскаго свидѣтельствуется противное. Вотъ примѣръ и поученіе для г. Писемскаго. Слава-богу, онъ еще не названъ *тупоумнѣйшимъ глупцомъ и дряннѣйшимъ пошлякомъ*. На что же онъ жалуется?

Но сверхъ силы выраженной еще замѣчательнѣе то, что г. Чернышевскій грозитъ. Угрозу нужно понимать кажется такъ: — *въ моей власти назвать васъ по именамъ и прибавить, что вы тупоумнѣйшіе глупцы и дряннѣйшіе пошляки*. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы г. Чернышевскій напечаталъ только то, что вотъ такой-то и такой-то ошибались въ характерѣ Добролюбова, то спрашивается, что же тутъ было бы страшнаго такого? Ошибаться есть дѣло простибельное. Я смѣю думать, самъ г. Чернышевскій иногда ошибается. Или можетъ-быть онъ неогрѣшимъ какъ римскій папа?

Если дѣло говорить само за себя, то незачѣмъ ругаться; если же все дѣло въ ругани, то ею нельзя грозиться. Если г. Чернышевскій печатно называетъ другихъ тупоумными глупцами и дрянными пошляками, то этимъ самымъ онъ только даетъ право и другимъ въ случаѣ надобности назвать его тупоумнымъ глупцомъ и дряннымъ пошлякомъ. На что же онъ надѣется? На свой авторитетъ? Или можетъ-быть на то, что не всякій рѣшится прибѣгать къ тому же оружію? Хороши расчеты, нечего сказать!

Кулачное право — вотъ верховный законъ, который господствуетъ въ нашей литературѣ. Покоряться ему неизбѣжно. Но пусть бы мы наслаждались этимъ правомъ, да по крайней мѣрѣ не хвалились и не хвастались имъ. Немножко совѣстно, когда кто-нибудь сознательно скажетъ: я имѣю силу, слѣдовательно — прочь съ дороги! И къ чему это говорить? Кто просить такъ наивно обнаруживать себя? Не лучше ли принимать на себя видъ безпристрастія, остроумія, глубокомыслія, и такимъ образомъ показывать всѣмъ и каждому, что власть и сила принадлежить у насъ только уму и таланту? Кажется вѣдь дѣло бывалое, привычное; нельзя взять умомъ, такъ возьмемъ умѣнемъ.

Если взять дѣло поглубже, то окажется, что брань, господствующая въ нашей литературѣ, есть брань очень низкаго сорта. Она слишкомъ легкомысленна, слишкомъ голословна и поверхностна для того, чтобы имѣть глубину и вѣдкость. Мы еще не привыкли достаточно къ печати и тѣшимся ею, какъ дѣти. Имѣя подъ ру-

ками печатный станокъ, мы никакъ не можемъ удержаться, чтобы отъ времени до времени не пустить задорнаго слова противъ тѣхъ, кто намъ не нравится. Намъ еще забавляетъ то, что мы можемъ напечатать, опубликовать наше нерасположеніе къ тому или другому. Отсюда безчисленные литературные турниры, въ которыхъ мы такъ усердно упражняемся. Намъ завлекаетъ самая ихъ публичность, наше театральное положеніе относительно публики. Слѣдовательно дѣло не серьезное, шуточное; вотъ почему оно ведется часто такъ легкомысленно. Кто дѣлаетъ дѣло серьезно, тотъ опирается и надѣется на мысль, на силу души и чувства. Тому легко быть сдержаннымъ и приличнымъ. Мы же часто тамъ, гдѣ нужно употребить мысль и чувство, употребляемъ брань, т. е. слѣпую силу, силу печати. Мы находимъ, что это средство легче и удобнѣе; мы такъ легко смотримъ на дѣло, что не чувствуемъ нужды въ болѣе крѣпкихъ и надежныхъ средствахъ.

И вотъ мы потѣшаемся вволю. «О томъ-то вонъ что напечатано!» «Тамъ-то задѣли такого-то!» «Какъ того-то обругали!» Только и слышно. Чтоже дѣлать? Мы скучаемъ, и безъ этого намъ было бы еще скучнѣе. «Искрѣ» простиительно разразиться бранью на г. Писемскаго; вѣдь это сдѣлано было что называется съ голоду, за неимѣніемъ возможности найти другую пищу для ея сатирическаго ума. Такъ это у насъ и будетъ, пока не придетъ пора встать за серьезное дѣло. Не дурно бы конечно остепениться немножко раньше; недурно бы заявить примѣръ крѣпкой мысли, глубокаго и твердаго убѣжденія, которое по самой своей сущности, гнушалось бы всякими злоупотребленіями словъ и авторитетовъ; не дурно бы если бѣ литература была замѣтнѣе въ общемъ движеніи... Но мало ли чего бы намъ еще хотѣлось? На нѣтъ и суда нѣтъ.

К. Н.

ДВА ЛАГЕРЯ ТЕОРЕТИКОВЪ

(по поводу «Дня» и кой-чего другого)

Именно въ настоящее время мы нуждаемся въ честномъ, при
мощъ и главное вѣрномъ словѣ о нашемъ народѣ... Народъ теперь
выступаетъ на сцену, призванный къ общественной жизни законо-
положеніями 19 февраля. Что же онъ такое, что же это за неизвѣст-
ная страна, о которой мы что-то слышали, къ которой повидному
близко и подходили; что это за новый элементъ русской жизни, ко-
торый скоро обновитъ нашу общественную жизнь? Что это однимъ
словомъ за *замѣсто русское*? Исторически о немъ знаемъ мы только
то, что когда-то оно было однимъ изъ главныхъ заправляющихъ на-
чалъ нашей жизни, потомъ постепенно отодвигалось на задній планъ
разными обстоятельствами, что долгое время оно повидному за-
мирало и только по временамъ заявляло себя въ часто грозныхъ
протестахъ противъ горькой дѣйствительности... Вопросъ о наро-
дѣ въ настоящее время есть вопросъ о жизни... Отъ того или дру-
го рѣшенія его зависитъ можетъ-быть судьба будущаго русскаго
прогресса. И это потому такъ, что вопросъ о русскомъ народѣ видо-
измѣняется слѣдующимъ образомъ: есть ли у насъ въ настоящее
время элементъ, какъ элементъ отличный отъ служилыхъ сословій,
есть ли еще въ немъ теперь какая-нибудь жизнь, можетъ ли оно
обновить наше небогатое жизненностью общество?..

Такой жизненный вопросъ никогда не рѣшится по теоріи. Онъ
возникъ у насъ, хотя и не съ такой силой, давно ужъ, когда наше
общество пришло къ сознанию своей особенности отъ другихъ за-
падно-европейскихъ народовъ. Но любовь къ теоріи помѣшала тео-
ретикамъ взглянуть на факты прямо, понять ихъ какъ слѣдуетъ.
Теорія хороша, но при нѣкоторыхъ условіяхъ. Если она хочетъ
формулировать жизнь, то должна подчиниться ея строгому кон-
тролю. Иначе она станетъ посягать на жизнь, закрывать глаза на

факты, начесть, какъ говорится, нагибать къ себѣ дѣйствительность. Западники, составивъ себѣ теорію западно-европейской общечеловѣческой жизни и встрѣясь съ вовсе непохожей на нее русской жизнью, заранѣе осудили эту жизнь. Славянофилы, принявъ за норму старій московскій идеальчикъ, *тоже заранѣе* осудили въ русской жизни все что неукладывалось въ ихъ узкую рамку. Иначе конечно и быть не можетъ. Разъ положенное ложное начало ведетъ къ самымъ ложнымъ заключеніямъ, потому что теорія любитъ послѣдовательность. Разъ положенное узкое, одностороннее начало непременно, по той же самой послѣдовательности теоріи, поведетъ къ отрицанію тѣхъ сторонъ жизни, которые противорѣчатъ принятому принципу.

Но въ томъ-то пожалуй и заслуга теоретиковъ, что они въ иныхъ случаяхъ слишкомъ послѣдовательны и не боятся никакихъ заключеній... Одна фаланга вышшихъ теоретиковъ не только отрицаетъ существованіе русскаго земства, не признаетъ его началомъ, которое должно жить, но просто отрицаетъ въ самомъ принципѣ народность. Мы не станемъ слишкомъ подробно разбирать мнѣніе этой фаланги, потому что это отняло бы у насъ слишкомъ много времени и мѣста, а главное потому, что теорія эта слишкомъ узка и поверхностна, да и стара также. Еще у Шиллера маркизъ Поза мечтаетъ о космополитизмѣ. Относительно предмета, который насъ занимаетъ теперь, она не выдерживаетъ въ наше время критики и мы ограничимся о ней нѣсколькими словами.

«Нашъ идеалъ — говорить одинъ лагерь теоретиковъ — характеризуется общечеловѣческими свойствами. Намъ нуженъ человекъ, который былъ бы вездѣ одинъ и тотъ же — въ Германіи ли то, въ Англіи или во Франціи, который воплощаетъ бы въ себѣ тотъ общій типъ человѣка, какой выработался на западѣ. Все, что *пріобрѣтено* имъ общечеловѣчнаго, сѣбѣ давайте всякому другому народу, вносите общечеловѣчные элементы во всякую среду, какова бы она ни была. К чему тутъ толки о почвѣ, съ которой будто бы нужно справиться, при усвоеніи ей началъ выработанныхъ другимъ народомъ?» Такимъ образомъ изъ всего человѣчества, изъ всѣхъ народовъ, теоретики хотятъ сдѣлать шѣчто весьма безличное, которое во всѣхъ бы странахъ земного шара, при всѣхъ различныхъ климатическихъ и историческихъ условіяхъ оставалось бы однимъ и тѣмъ же... Задача тутъ, какъ видно, широкая и цѣль высокая... Жаль только, что не въ широтѣ задачи и высотѣ цѣли тутъ дѣло. Намъ бы сильно хотѣлось, если бы кто-нибудь изъ этого рода теоретиковъ рѣшилъ бы слѣдующіе вопросы: точно ли *играетъ* много челоѣчество, когда каждый народъ будетъ вре-

ставить изъ себя какой-то стертый грошъ, и какая именно будетъ отъ того польза? Пусть кто-нибудь изъ теоретиковъ укажетъ вамъ тотъ общечеловѣческій идеалъ, который выработать изъ себя должна всякая личность. Цѣлое человечество еще не выработало такого идеала, потому что образованіе собственно только въ какой-нибудь двадцатой долѣ человечества. А если тотъ общечеловѣческій идеалъ, который у нихъ есть, выработанъ *однимъ только* западомъ, то можно ли назвать его настолько совершеннымъ, что рѣшительно всякій другой народъ долженъ отказаться отъ попытокъ принести что-нибудь отъ себя въ дѣло выработки совершеннаго человѣческаго идеала и ограничиться только пассивнымъ усвоеніемъ себѣ идеала по западнымъ книжкамъ? Нѣтъ, тогда только человечество и будетъ жить полною жизнью, когда всякій народъ разовьется на своихъ началахъ и принесетъ отъ себя въ общую сумму жизни какую-нибудь особенно развитую сторону. Можетъ-быть тогда только и можно будетъ мечтать намъ о полномъ общечеловѣчномъ идеалѣ. Иногда приходятъ намъ въ голову и такого рода мысли, что каждый развиваясь при особыхъ условіяхъ, исключительно свойственныхъ той странѣ, которую онъ заселяетъ, неизбежно образуетъ свое міросозерцаніе, свой складъ мысли, свои обычаи, свои уставы въ общественной жизни... И думается, что если физически невозможно заставить народъ отрѣшиться отъ всего изъжитого и выработаннаго въ пользу положимъ и общечеловѣчнаго идеала, только добытого въ другихъ странахъ, то неизбежно надобно обращать вниманіе на народность, если мы хотимъ какого-нибудь развитія народу... Народные инстинкты слишкомъ чутки ко всякому посягательству со стороны, потому что иногда рекомендуемое общечеловѣчнымъ какъ-то выходитъ нигуда выгоднымъ въ известной странѣ и только можетъ замедлять развитіе народа, къ которому прилагается... Мы думаемъ, что всякому растенію угрожаетъ вырожденіе въ странѣ, гдѣ недостаетъ многихъ условій къ его жизни. Даже казалось намъ иногда, что это желаніе инвেলировать всякій народъ по одному, разъ навсегда опредѣленному идеалу въ основѣ слишкомъ деспотично. Оно отказываетъ народамъ во всякомъ правѣ *саморазвитія*, умственной *автономіи*. А по поводу тысячелѣтія Россіи въ нынѣшнемъ году намъ пришли въ голову вотъ какого рода соображенія. За тысячу лѣтъ хотя кое-какой, но все-таки исторической жизни, мы накопили нѣкоторый опытъ... Западъ приходилъ уже спасать насъ въ лицѣ Петра и цѣлые полтора ста лѣтъ различными манерами принимался онъ благоустраивать нашу жизнь. Но что вышло изъ всѣхъ подобныхъ предпріятій? Если и сдѣлали что-нибудь они для насъ хорошаго

такъ это именно то, что доказали намъ, что есть *лосос* у насъ, что на нее въ нѣкоторыхъ случаяхъ должно обращать очень и очень большое вниманіе. Петровскіе реформы создали у насъ своего рода *statum in statu*. Она создали такъ-называемое образованное общество, переставшее не квасъ пить, какъ увѣреть «Современникъ», а вмѣстѣ съ квасомъ и мыслить о Руси, общество часто измѣнявшее народнымъ интересамъ, совершенно разобщенное съ народной массой, мало того, ставшее во враждебное къ ней отношеніе. И нужно было много трудовъ и времени, чтобъ наконецъ въ лучшей части этого оторванного отъ почвы общества пробудилась мысль о народѣ, о народномъ развитіи, пробудилось сознаніе необходимости усвоенія себѣ народныхъ интересовъ и сближенія съ народомъ.

Потому самому, что теоретики отвергаютъ существованіе всякой народности, они не понимаютъ втого, что значить «сблизиться съ народомъ». Они не могутъ понять того, что земство — самый нужный элементъ въ нашей русской жизни, не понимаютъ, въ чемъ должно состоять наше съ нимъ сближеніе. «Мы ли въ народу должны подойти, говоритъ «Современникъ», или онъ къ намъ?» «Народъ долженъ подойти къ намъ, или лучше мы должны подвести его къ себѣ, потомучто вѣдь въ насъ собственно витають общечеловѣчныя идеалы, мы представители на Руси прогресса и цивилизаціи. А народъ глупъ, ничего до сихъ поръ не выработалъ; среда народная безсмысленна, тупа.» Но намъ приходится иногда въ голову, что народъ не подойдетъ къ намъ прежде, нежели мы убавимъ у себя олимпійскаго величія, прежде чѣмъ сами подадимъ ему не на словахъ, а на дѣлѣ руку. Вѣдь народъ-то не сознаетъ въ насъ нужды: *она будетъ крѣпко и безъ насъ...* Онъ не исчахнетъ, какъ чахнетъ мы, чувствуя подъ своими ногами точки опоры, шипѣя за своими плечами массы народа. Онъ твердъ самъ собой... Не хрипки силами, безжизненны вѣль собственно мы сами, ищущіе честь называться образованнымъ обществомъ. Намъ убѣждаютъ согласиться въ томъ, что народъ — наше земство — глупъ, потомучто гг. Успенскій и Шшемскій представляютъ мужика глупымъ... Вотъ, говорятъ, они не подступаютъ къ народу съ какими либо предзамыслими мыслями, и глупаго мужика — называютъ глупымъ. Но такіе рассказы — вродѣ расказа г. Успенскаго «Обозъ», но нашему убѣжденію, составляютъ клевету на народъ. И это ли непредзанатость взглядовъ? Вѣдь въ нихъ есть кое-какая задняя мысль, которая въ иное время бываетъ слишкомъ макстани. Тутъ неутѣшаетъ насъ даже и то соображеніе, представленное «Современникомъ», что массы ведаѣтъ глуны, слишкомъ *стадообразны* и во Франціи, въ Англіи и Германіи, что рутинна глубоко засѣла въ нихъ

голову и что во всемъ они поступаютъ большею частію машинально. Такъ зачѣмъ же и хлопотать о массахъ, если онѣ глупы, дѣйствуютъ машинально и т. п. Жаль только, что въ этомъ случаѣ теоретики не доводятъ своихъ заключеній до конца...

И знаете ли, читатель, намъ все кажется, что во взглядѣ этой фаланги теоретиковъ страшный аристократизмъ. Они какъ-будто дѣлаютъ себя аристократіей просвѣщенія и центромъ, котораго должно держаться наше земство... И это ученіе теоретиковъ не симптомъ ли, только симптомъ подъ другой формой — борьбы, такъ часто возникавшей въ древней Руси — боярства съ земствомъ? такой фактъ нельзя ли назвать въ некоторымъ посягательствомъ на народъ нашихъ чиновныхъ сословій?.. Впрочемъ Богъ ихъ знаетъ...

Но есть и еще другая фаланга теоретиковъ, которая ради послѣдовательности, тоже отвергаетъ очень и очень многое: разумѣмъ московскихъ славянофиловъ, издающихъ теперь газету «День». Въ свое время славянофильство много сдѣлало пользы для изученія быта нашего народа... Оно показало много сторонъ въ русской жизни, указало значеніе земства въ нашей исторіи и непосредственное его выраженіе — общинный бытъ. Оно оказываетъ услуги нашей литературѣ даже и теперь. «День» издается только съ 15 ноября прошлаго года; но и въ это короткое время онъ успѣлъ привлечь къ себѣ вниманіе нашего читающаго общества. И мы должны сказать, что недаромъ на «День» публика обратила вниманіе. Въ немъ есть сила, которая вевольно привлекаетъ читателя на его сторону. Вы не можете не сочувствовать этому усиленному исканію «Днемъ» правды, этому глубокому, хотя иногда и несправедливому, негодованію на ложь, фальшь. Въ ѣкости его отзыва о настоящемъ положеніи дѣлъ слышится какое-то порываніе къ свѣжему воздуху, слышно желаніе уничтожить тѣ преграды, которыя мѣшаютъ русской жизни развиваться свободно и самостоятельно. Въ годосѣ «Дня» есть много честности. Онъ хочетъ дѣйствовать въ интересахъ нашего земства, ратуетъ за его интересы, поэтому онъ съ особенной силой отрицаетъ современный строй общества... И его отрицаніе обращено большею частію на дѣло. Онъ не тратитъ даромъ силы, не стрѣляетъ въ воздухъ, какъ это часто случается съ дешевыми отрицателями, тоже своего рода поклонниками искусства для искусства. «День» затрогиваетъ самыя существенныя стороны нашей русской жизни. Его отрицаніе идетъ въ глубь, поднимаетъ такъ-сказать самое нутро вопроса, а не расплывается въ воздухъ, не сражается съ воображаемымъ зломъ, не доккидотствуетъ. Доставляя выше всего, хотя и понимая по-своему интересы земства, онъ сказалъ такое живое и дѣльное слово о крестьянскомъ дѣлѣ и тѣсно связанномъ съ нимъ

вопросъ дворянскомъ, о цензѣ, широко имъ понятъ... Онъ подпалъ въ интересахъ русской народности, и польскій вопросъ, чрезвычайно важный при настоящихъ обстоятельствахъ... А вѣдь подобныя вопросы, для насъ въ настоящее время — вопросы плоти и крови. Отъ того или другого ихъ рѣшенія зависить вся наша будущность, весь холь русскаго прогреса и цивилизаціи. Разбирать въ частности поднимаемые «Днемъ» вопросы мы не будемъ, потомучто они — чрезвычайно важные вопросы и стоить обстоятельнѣйшаго обсуждения, чего мы не можемъ сдѣлать въ тѣсныхъ границахъ одной критической статьи. О нихъ нужно поговорить о каждомъ особо и немедленно, отъ чего мы отнюдь не уклоняемся. Прибавимъ еще, что голосъ «Дня» мы считаемъ очень важнымъ и нужнымъ въ нашей литературѣ, особенно въ виду постоянно возникающихъ новыхъ вопросовъ жизни. Если въ рѣшеніи иныхъ мы и разоидеся съ нимъ, то вѣдь чѣмъ больше будетъ по нимъ полемики, тѣмъ лучше. Но въ интересъ той же правды, которую хочеть «День» найти на Руси, мы должны сказать, что безпощадное отрицаніе въ иныхъ случаяхъ слишкомъ безпощадно и потому несправедливо. Ратуя за русское земство, онъ несправедливъ къ нашему такъ-называемому образованному обществу. Признавая жизнь только въ народѣ, онъ готовъ отвергнуть всякую жизнь въ литературѣ, обществѣ, — мы тутъ разумѣемъ лучшую часть его. Въ этомъ случаѣ онъ большой ригористъ. «Все ложь, все фальшь — говоритъ онъ въ одной передовой статьѣ своей — все внутреннее развитіе, вся жизнь общества какъ проказой заражены ею (т. е. ложью). Ложь въ просвѣщеніи... Ложь въ вдохновеніяхъ искусства... Ложь въ литературѣ...» Мы понимаемъ, что этотъ голбсъ можетъ-быть искрененъ; но очевидно также, что это голосъ фанатизма... «День» не хочеть спуститься съ своей допетровской высоты, презрительнымъ взглядомъ окидываетъ настоящую русскую жизнь, лорнируетъ ее сквозь свое московское стеклышко и ничего-то не находитъ въ ней такого, къ чему онъ могъ бы отнестия сочувственно...

Назадъ тому два мѣсяца мы спрашивали у «Дня» :

Неужели мы въ полтора ста лѣтъ, хотябы quasi-европейской жизни не вынесли ничего добраго, и только внутренне развратились, изжились, потеряли всякія задатки жизни?

Неужели Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Островскій, Гоголь — все чѣмъ гордится наша литература, всѣ имена, которыя дали намъ право на фактическое участіе въ обще-европейской жизни, все что свѣжило русскую жизнь и свѣтило въ ней — все это равняется нулю?

Неужели все это порывистое стремленіе литературы послѣднихъ

годовъ къ прогрессу, къ цивилизаціи, страстное желаніе, сколько возможно улучшить русскую жизнь, это вниманіе къ общественнымъ вопросамъ въ той мѣрѣ, въ какой позволяютъ влѣшнія обстоятельства, неужели самое это глубокое недовольство современной жизнию — все это нуль, ложь, фальшь?

Неужели общечеловѣчные элементы, проводникомъ которыхъ съ запада въ русскую жизнь всегда по возможности была литература — мы должны признать источникомъ лжи и фальши, разъедающей наше общество?...

Все ложь, все фальшь, повторяетъ намъ «День». Вотъ въ этомъ-то гоюсѣ мы узнаемъ московскихъ славянофиловъ-теоретиковъ. И у нихъ какъ у западниковъ, тоже непониманіе жизни, тоже посягательство на нее, тоже беспощадная послѣдовательность. И тѣмъ болѣе досадно на это поголовное обвиненіе въ фальши всего общества, что вѣдь въ немъ скрывается глубочайшее противорѣчіе «Дня» самому себѣ. Для чего, спрашивается, онъ издается? Конечно для того, чтобы принести хотя какую-нибудь пользу обществу, чтобы указать ему путь къ жизни, уничтожить конечно разъедающую его фальшь? Вѣдь не издавался бы «День», еслибъ фальшь дотого разъѣла наше общество, что въ немъ не осталось бы никакихъ зачатковъ жизни? О мертвыхъ заботиться много нечего; съ безжизненнымъ трупомъ хлопотать нужно не о томъ, чтобы его возвратить къ жизни, а поскорѣй убрать его изъ человѣческаго жилья, чтобы незаразились отъ него и живые, здоровые... Зачѣмъ же хлопочетъ «День» о присужденіи нашего общества къ жизни, о возвращеніи къ средѣ народной, если по его мнѣнію все въ немъ ложь и фальшь?

Въ томъ-то и бѣда теоретиковъ, что они или вовсе не хотятъ понимать, или плохо понимаютъ жизнь... Намъ припомнилась одна тирада изъ передовой статьи «Дня» противъ нѣкоторыхъ увлеченій! Присвоивши себѣ право заявлять живой, сильный протестъ противъ лжи, фальши общества, онъ отрицаетъ у *молодости* это же самое право. Преслѣдуя то, что составляетъ жертвенную, хлопоча о жизни, онъ презираетъ *молодую* жизнь... Тверди о непочатыхъ силахъ народныхъ, о свѣжести и крѣпости его — славянофилы запрещаютъ всякую дѣятельность молодымъ, крѣпкимъ, въ первый разъ столкнувшимся съ дѣйствительностію, силамъ... Вызываютъ къ голосу народному, отъ народа, еще неискушеннаго во злѣ, ожидаютъ плодовъ, а молодому поколѣнію, на которое возлагаются лучшія надежды общества, отказываютъ во всякомъ голосѣ... Еслибъ «День» судилъ о вещахъ не по своему московскому идеальчику, не повѣрилъ бы жизнь теорію, а теорію — жизнью,

онъ не напечаталъ бы статьи, которую мы всегда будемъ считать неизгладимымъ пятномъ на редакціи.

Самая отрицательная часть «Дня» терлетъ въ нашихъ глазахъ часть своей силы отъ одного слѣдующаго обстоятельства... Мы объяснимъ свою мысль слѣдующимъ примѣромъ. Представьте, что человѣкъ подошелъ къ безобразной кучѣ сору, гдѣ вараду съ пескомъ, лохмотьями зарыто много и драгоценностей... Онъ начинаетъ перебирать кучу; онъ съ силой отбрасываетъ лохмотья, песокъ, разную дрянь... Стоя въ сторонѣ, вы не можете не согласиться, что называемое имъ дрянью дѣйствительно дрянь; вы готовы даже удивляться мѣткости его приговоровъ... Но бѣда-то въ томъ, что этотъ разметатель сору ищетъ не драгоценностей тамъ, чтобъ воспользоваться ими для себя, а старый, поношенный башмакъ... Вы удивляетесь, почему же это онъ ищетъ не того, чего по всѣмъ вашимъ предположеніямъ, ему нужно бы было искать... И вотъ вы видите, какъ та же безпощадная рука, которая отметала грязь, съ тою же силою и ѣдкою насмѣшкой отбрасываетъ и то, что вы считаете золотомъ... Такимъ образомъ предъ вами разбрасывается песокъ, лохмотья, не во имя тѣхъ дорогихъ вещей, которыя зарыты вмѣстѣ съ ними, а во имя стараго, поношеннаго башмака... Тутъ уже невольно приходитъ въ голову: правда ли, что поношенный башмакъ, изъ-за котораго отвергается и дурное и хорошее, лучше самыхъ лохмотьевъ въ этой кучѣ?.. И вы не можете не догадаться, что *ослабленіе* человѣка не даетъ ему возможности видѣть въ кучѣ дряни и хлама, дѣйствительно хорошее... Это сравненіе кажется можетъ нѣсколько быть примѣнимо къ «Дню». Отрицательная его сторона, какъ мы уже сказали, безспорно — хороша.. Но во имя чего онъ отрицаетъ въ нашей теперешней русской кучѣ сору и хорошее и дурное?.. Мы сказали, что онъ ратуетъ за интересы земства... Но значеніе его, условіе жизнеспособности этого начала онъ понимаетъ по-своему. Онъ беретъ не земство — то здоровое, свободное земство, которое жило широкой жизнью въ первые шесть вѣковъ нашего историческаго быта, а беретъ за норму отношеній земства къ другимъ началамъ бытъ московскій XVI и XVII вѣка, когда централизація уже страшно посягнула на права и свободу земства. Однимъ словомъ «День» отрицаетъ теперешнюю жизнь во имя московской теоріи...

Но вѣдъ она тоже кабинетное созданіе, плодъ мечты и чуждаго воображенія... Однимъ словомъ она подходитъ на старый, поношенный, хотя и не совсемъ еще стоптаный, башмакъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ софизъ она годна еще къ кое-какому употребленію, но все же нужно обновить чѣмъ-нибудь новымъ. Доче-

тровская Русь привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе, она дорога намъ — не почему? Потому, что тамъ видна цѣлостность жизни, тамъ повидимому одинъ господствуетъ духъ; тогда человекъ, не такъ какъ теперь, чувствовалъ силу внутреннѣхъ противорѣчій *самому себѣ* или лучше сказать, вовсе не чувствовалъ; въ той Руси повидимому миръ и тишина... Но въ тамъ-то и бѣда — что допетровская Русь и московскій періодъ только видимостью своею могутъ привлечь наше къ себѣ вниманіе и сочувствіе. А если повнимательнѣй взглянуть въ эту повидимому чудную картину, въ отдаленіи рисующуюся нашему воображенію, мы найдемъ, что не все то золото въ ней, что блеститъ... Она потому и хороша, что вдалекѣ отъ насъ, что ее показываютъ при *искусственномъ* освѣщеніи. Посмотри на нее вблизи, найдешь, что тутъ и краски слишкомъ грубы, и фигуры аляповаты и въ цѣломъ что-то принужденное, натянутое, ложное... Дѣйствительно, лжи и фальши въ допетровской Руси — особенно въ московскій періодъ — было довольно... Ложь въ общественныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ преобладало притворство, наружное смиреніе, рабство и т. п. Ложь въ религіозности, подъ которой если и не таилось грубое безвѣріе, то по крайней мѣрѣ скрывались или апатія, или ханжество. Ложь въ семейныхъ отношеніяхъ, унижавшая женщину до животнаго, считавшая ее за вещь, а не за личность... Въ допетровской, московской Руси было чрезвычайно много азіатскаго, восточной лжи, притворства, лжи. Этотъ квіетизмъ, унылое однообразіе допетровской Руси указываютъ на какое-то внутреннее безсиліе. Если московская жизнь хороша была, то скажите пожалуйста, что же заставило народъ отвернуться отъ московскаго порядка вещей, и повернуть въ другую сторону? Однимъ словомъ, что произошло нашъ русскій расколъ? Вѣдь выходитъ, что нельзя сливать Москву съ народомъ, нельзя московскую, допетровскую жизнь иривнавать за истинное, лучшее выраженіе жизни народной. «День» говоритъ, что въ допетровской Руси были пороки только, а не ложь... Выраженіе слишкомъ неопредѣленное... пороки въ семействѣ и общественныхъ отношеніяхъ... Да что же спрашивается, послѣ этого ложь? Не ложь-ли производить и пороки, на малость которыхъ нельзя пожаловаться въ допетровской Руси?

И поэтому-то московскому идеалу славянофиловъ хотѣтъ перестроить Русь... Для нихъ все наше развитіе, положимъ небольшое, но все-таки развитіе, какое у насъ было со времени Петра — все это равняется нулю... Они ужасно бранятъ Петра, за то что, по выраженію Аксакова, онъ завершилъ каму славкомъ крутеньку, а сами немного уступаютъ ему въ своей *крутости*. Въ нихъ видна

таже допетровская безцеремонность съ жизнью... Для славянофиловъ теорія — такая же беспощадная, такая же скорая на все, какъ и всякая другая... Нѣтъ, ужь со временъ Петра много воды утекло, и далеко зашла эта вода, и такъ ея много, что рѣшительно нѣтъ никакой физической возможности повернуть ее назадъ, или все ее уничтожить... Положимъ, вы бы напримѣръ вздумали дать стокъ стоячей водѣ и для этой цѣли начали бы копать каналъ... Давно ужь вы начали эту работу, прокопали большое пространство... Но работа ваша идетъ очень плохо, медленно; вашъ каналъ слишкомъ неглубокъ и впереди не предвидится вамъ возможности углубить его, потому что въ распоряженіи вашемъ слишкомъ мало рабочихъ рукъ, да и рабочая ваша масса не подновляется свѣжими силами... Вотъ вы разузнаете причину своей неудачи... Оказывается къ вашему изумленію, что направленіе вы своему каналу дали не такое, какое нужно дать, что главная масса рабочихъ, которая главнымъ образомъ составляетъ вашу силу, на которую хотѣли опираться вы, которая могла бы вести вашъ каналъ впередъ и широко и глубоко и прочно, — эта главная масса рабочихъ, вся, такъ сказать, суть вашей силы, отстала отъ васъ, закопала свой каналъ, и пошла пробивать себѣ дорогу по другому направленію. Ну что вы тутъ станете дѣлать... Оставить всю славянскую вамъ работу? но какъ-то чувствуется вами, что и ваша работа, какъ-бы ни была положимъ мала она и недостаточна, все же работа... вы сознаете, что и вы кое-что сдѣлали и что добытое вами могло бы пригодиться и той главной массѣ рабочихъ, которая отстала отъ васъ. Такимъ образомъ воротиться нельзя, потому что зашли-то очень далеко... И нельзя идти далѣе, потому что это значило бы только еще болѣе расходиться съ главной силой; еще сильнѣе чувствовать свое безсиліе, и глубже сознавать необходимость общаго соединенія... Что тутъ дѣлать? Не лучше ли вамъ, не бросая своей работы, открыть сообщенія съ главной массой, и поэтому узнать направленіе вашего канала; сама главная масса противъ желанія придвинется къ вамъ, когда увидитъ искренность нашего намѣренія соединиться; если она прежде и смотрѣла на васъ слишкомъ недоувѣрчиво, то это потому, что она не видѣла отъ васъ никакой помощи себѣ... Вѣдь тогда только и пойдетъ у васъ отлично дѣло, когда вы соединитесь вмѣстѣ, когда соедините въ одно общій, добытой уже опытъ, и начнете дружно пробивать себѣ впередъ дорогу... Вотъ этого-то и не хотятъ понять славянофилы; имъ того только и хочется, чтобы все добытое нами въ продолженіи полутораста лѣтъ уничтожить и воротить наше общество назадъ...

Возможное ли это дѣло? Не теорія ли это, мало берущая во вниманіе жизнь?

Такъ вотъ два лагеря теоретиковъ, изъ которыхъ одинъ отвергаетъ въ принципѣ народность и слѣдовательно наше чисто народное начало — земство. Другой понимаетъ значеніе нашего земства посвоему и во имя своей теоріи — не отдастъ справедливости нашему образованному обществу... Тѣ и другіе, какъ видно, судятъ о жизни по теоріи и признаютъ въ ней и понимаютъ только то, что непротиворѣчитъ ихъ исходной точкѣ. А между тѣмъ часть истинны есть въ томъ и другомъ взглядѣ... И безъ этихъ частей невозможно обойтись при рѣшеніи вопроса, что нужно намъ, куда идти и что дѣлать?

Несомнѣнно то, что реформа Петра оторвала одну часть народа отъ другой главной... Реформа шла сверху внизъ, а не снизу вверхъ. Дойти до нижнихъ слоевъ народа реформа не успѣла. Оно конечно, при тѣхъ реформаторскихъ приемахъ, какіе употреблялъ Петръ, преобразование и не могло охватить весь народъ: народъ передѣлать очень трудно. Для этого мало желѣзной воли одного человека. Развитие народа совершается вѣками, уничтоженіе добытого имъ — можетъ быть задачей тоже однихъ только вѣковъ... Вотъ въ томъ-то и была ошибка Петра, что онъ захотѣлъ сразу — за свою одну жизнь — переменить нравы, обычаи, возрѣнія русскаго народа. Деспотизмъ реформаторскихъ приемовъ возбуждалъ только реакціи въ массѣ; она тѣмъ крѣпче усиливалась сохранить себя отъ нѣмецкаго, чѣмъ сильнѣе послѣдніе посягали на ея народность. Съ другой стороны, мы чрезвычайно ошиблись бы, еслибъ подумали, что реформа Петра принесла въ нашу русскую среду главнымъ образомъ общечеловѣческіе зачатые элементы. На первый разъ у насъ водворилась только страшнѣйшая распущенность нравовъ, нѣмецкая бюрократія — чиновничество. Не чуя выгоды отъ преобразования, не видя никакаго фактическаго себѣ облегченія при новыхъ порядкахъ, народъ чувствовалъ только страшный гнѣвъ, съ болью на сердцѣ переносилъ поруганіе того, что онъ привыкъ считать съ незапамятныхъ временъ своей святыней. Оттого въ цѣломъ, народъ и остался такимъ же, какимъ былъ до реформы; если она какое имѣла на него вліяніе — то далеко не къ выгодѣ его. Говоря такимъ образомъ мы вовсе не думаемъ отрицать всякое общечеловѣческое значеніе реформы Петра... Она, по прекрасному выраженію Пушкина, прорубила намъ окно въ Европу, она указала намъ на западъ, гдѣ можно было кой-чему поучиться. Но въ томъ-то и дѣло, что она осталась небольшою какъ окномъ, изъ котораго избранная публика смотрѣла на западъ и видѣла главнымъ образомъ не то, что

нужно бы было владѣть, училась, вовсе не тому, чему должна была тамъ учиться... Оттого петровская реформа принесла характеръ намѣны нашей народности, нашему народному духу. — Бываютъ такія времена въ жизни народа, что въ немъ особенно чувствуется потребность выйти на свѣжій воздухъ, какое-то особенное недовольство настоящимъ, потребность чего-то новаго. Несомнѣнно, что въ ближайшее время къ Петру уже чувствовалъ народъ *худобу* жизни, заявлялъ свой протестъ противъ дѣйствительности и пытался выйти на свѣжій воздухъ... Такъ мы по крайней мѣрѣ понимаемъ историческій фактъ — нашъ расколъ. Такое историческое явленіе, каковъ Петръ, выросло на русской почвѣ конечно не чудомъ какимъ. Оно подновлено несомнѣнно временемъ... Въ русскомъ воздухѣ воспалась уже задатки реформаціонной бури и въ Петрѣ только сосредоточилось это пламеннѣйшее общее желаніе — дать новое направление нашей исторической жизни... Но характеръ всякихъ переходныхъ эпохъ таковъ, что во время ихъ чувствуется сильнѣйшее желаніе выйти изъ пошлаго порядка вещей, но какъ выйти, куда идти, — этого сознается и понимается... Въ томъ-то и была бѣда Петра, что желаніе Руси обновиться онъ повялъ посвоему, исполнялъ его тоже посвоему — деспотически прививалъ въ жизнь не то, въ чемъ она нуждалась. Поэтому Петра можно назвать народнымъ явленіемъ настолоко, насколько онъ выражалъ въ себѣ стремленіе народа обновиться, дать болѣе простору жизни — но только до сихъ поръ онъ и былъ народенъ... Выражаясь точнѣй, одна идея Петра была народна. Но Петръ какъ фактъ былъ въ высшей степени антинароденъ... Вопервыхъ онъ измѣнилъ народному духу въ деспотизмъ своихъ реформаторскихъ пріемовъ, сдѣлавъ дѣло преобразования дѣломъ всего народа, а дѣломъ *своимъ* только произвола. Деспотизмъ — вовсе не въ духѣ русскаго народа... Онъ слишкомъ миролюбивъ и любитъ добиваться своихъ цѣлей путемъ мира, постепенно... А у Петра пылали костры и воздвигались эшафоты для людей, не сочувствовавшихъ его преобразованіямъ... То самое, что реформа главнымъ образомъ обречена была на внѣшность, было уже измѣною народному духу... Русскій народъ не любитъ гоняться за внѣшностію: онъ больше всего цѣнитъ духъ, мысль, *суть* дѣла. А преобразование было таково, что простиралось на его одежду, бороду и т. д. Народъ и отрекся отъ своихъ доброжелателей реформаторовъ, не потому конечно, чтобы любилъ бороду, гонялся за одеждой, а потому, что такой преобразовательный пріемъ былъ далеко не въ его духѣ. И чѣмъ сильнѣе было на него посягательство сверху, тѣмъ сильнѣе онъ сплывался, сжимался. Борода и одежда сдѣлалась чѣмъ-то вроде ловушки. Можетъ-быть именно подъ вліяніемъ подобныхъ

обстоятельствъ и сложились въ насенъ мужикѣ такая неподатливая, упорная, твердая натура.

Какъ бы то ни было, только фактъ сталъ очевиденъ, что народъ отрекся отъ своихъ реформаторовъ и пошелъ своей дорогой — врозь съ путями высшего общества... Земство разошлось съ служилыми сословіями. Послѣдовавшія за петровской эпохой историческія обстоятельства только усиливали это раздвоеніе общества отъ массы народной. О народѣ — о главномъ часто забывали, думали больше о самихъ себѣ. Бюрократія развивалась въ ущербъ народнымъ интересамъ, давленіе сверху становилось тяжелѣе и тяжелѣе, возбуждая большій упоръ въ народѣ. Крѣпостное право усиливалось, объ образованіи народа думали только немногія горячія головы. Сословный бытъ развивался въ ущербъ низшимъ классамъ. Высшіе классы скоро утерли самый языкъ, на которомъ говорила масса. Чужестранный элементъ развився въ небывалыхъ размѣрахъ, и по обстоятельствамъ, по общественному своему положенію, владея матеріальной силой, старался забрать въ свои руки чуждый ему народъ. Интересы разошлись до того, что воинное искреннее сочувствіе народнымъ интересамъ, выходявшее не изъ народной среды, принималось массой съ недвѣрчивостью, даже съ неудовольствіемъ, потому что она не могла понять, какимъ образомъ господа могутъ хлопотать о мужикѣ: горькая дѣйствительность нѣсколько разъ убѣждала его, сколько лжи и обмана, сколько узкаго эгоизма и своекорыстія скрывается иногда подъ видимымъ участіемъ.

Въ точно такихъ же почти отношеніяхъ находятся и теперь эти двѣ силы; разошедшія другъ съ другомъ очень давно. И теперь сколько разбивается самыхъ лучшихъ намереній въ интересахъ народа, именно потому, что народъ не вѣритъ въ ихъ искренность! Обвинять тутъ народъ въ невѣжествѣ, непониманіи хорошаго, ставить подобныя вещи ему собственно въ укоръ, чрезвычайно недобросовѣстно. Согласитесь, что иногда наши ласки къ народу только намъ кажутся ласками, а зачастую — въ сущности — то онѣ бываютъ медвѣжьями. Мы вѣдь, нужно говорить правду, не умѣемъ подойти къ народу. Уже въ этомъ отношеніи никогда нѣтъ середины. У насъ или грубость такая, что просто изъ рукъ вонъ, или такая маняловщина, что бѣда да и только. Ну поймемъ-ли насъ народъ, когда мы явимся къ нему въ лайковыхъ перчаткахъ и будемъ съ простымъ мужикомъ обращаться на «вы»? Самы конечно виноваты. Зато рѣдко, рѣдко бываетъ, что народъ вѣритъ намъ и пользуется нашими совѣтами. Изъ усердія къ народнымъ интересамъ, мы являемся его совѣтниками наприимѣръ по земле-

дѣльному его дѣлу. Говоримъ ему устно и печатно, сочиняемъ нарочно для этой цѣли книжки. Но читаетъ ли ихъ народъ, даже тѣ, которые ему попадаютъ случайно въ руки? Служаетъ ли онъ нашимъ наставленіямъ? Да! читаетъ и слушаетъ изъ простаго любопытства, какъ о новыхъ, прежде ни въ неслыханныхъ вещахъ, съ такой же охотой читаетъ, какъ и Еруслана Лазаревича. Но онъ и не думаетъ принимать наши наставленія къ дѣлу, потому дескать, это не наше дѣло, а барское, писаны книжки не для насъ, а для господъ. И нето-чтобъ онъ тутъ не понималъ насъ, а просто потому, что не вѣритъ нашимъ книжкамъ, нашему усердію въ пользу его. — Съ трудомъ прививаются народной массѣ и нравственныя и религіозныя цопятія людьми, которые не изъ ся среды... А посмотрите, съ какими напряженнымъ любопытствомъ, съ какою жадностію, лихорадочнымъ вниманіемъ безмолвная толпа слушаетъ грамотнаго мужика. Фактъ наиримѣрь в то, что сколько вѣдь напускной лжи и двосуднаго притворства на себя мужикъ предъ нашими судами; какъ иногда усладенно ловить онъ случай — стянуть изъ барскаго кармана лишнюю копѣйку. Между тѣмъ перѣдко этотъ лжець, двосудный обманщикъ самъ-то въ себѣ честный человекъ — честный предъ своей общиной, предъ своимъ міромъ и не подумаетъ обмануть своего брата мужика или схитрить предъ міромъ... Потому видите-ли, дѣлаются тутъ дѣла такъ, что судъ міра есть судъ въ высшей степени народный, обмануть *своего* считается безчестіемъ... А къ нашему брату онъ не чуеъ никакой привязанности; нѣтъ у насъ съ нимъ общихъ, связывающихъ узъ, нѣтъ общихъ интересовъ. Вотъ и нажемся мы народу въ нѣкоторомъ родѣ татарамъ, недрямъ, съ которыми не грѣхъ обойтись помудренѣй, чѣмъ съ своимъ братомъ. Въ нашемъ присутствіи мужикъ уже вовсе не тотъ, каковъ онъ со своимъ: онъ стѣсняется, онъ официаленъ, хочетъ казаться... До такой степени наше общество раздѣлилось съ народомъ!

Вотъ почему нельзя говорить, что дескать зачѣмъ отдѣлять высшее общество или, точнѣе выражаясь, образованное общество отъ массы народа. По идеѣ-то, оно выходитъ какъ-будто и такъ, да в сущности-то оно такъ. Только бѣда наша въ томъ, что на практикѣ — народъ отвергаетъ насъ. Это-то и обидно; этого-то причины и должны мы доискаться. Родились мы на Руси, вскормлены и вскормлены произведеніями нашей родной земли, отцы и прадеды наши были русскаго происхожденія. Но на бѣду всего этого слышимъ мало для того, чтобы получить отъ народа притяжательное и вѣстоименіе «нашъ» и конечно самымъ лучшимъ благочестивымъ желаніемъ вередовыхъ русскихъ людей всегда будетъ: настолько сое-

двинуться съ народомъ, чтобъ онъ не отдѣлялъ образованныхъ людей отъ себя и считалъ образованное общество своимъ... Но это будетъ задачей долгаго времени — и блаженное время окончательнаго соединенія оторваннаго теперь отъ почвы общества — еще вперед. До того же времени называть себя *de facto* народомъ, частью той массы, которая составляетъ наше крестьянство, земствомъ — будетъ самообольщеніемъ. Вѣдь нельзя напримѣръ не задуматься надъ тѣмъ, почему это мы не можемъ теперь найти языкъ, на которомъ могли бы искренно, сердечно бесѣдовать съ народомъ; почему это такъ сильно чуждается насъ народъ; такъ трудно намъ, если только невозможно, войти въ духъ, понятія и интересы народа; почему это инстинктъ народный такъ упорно не хочетъ узнать въ насъ своихъ друзей? Конечно, такое явленіе происходитъ оттого, что мы разобщены съ народомъ, что исторія вырыла между имъ и нами пропасть...

И снова повторяемъ, что невозможно обвинять народъ въ томъ, что онъ плохо понимаетъ насъ, что онъ не развитъ, что онъ чуждается насъ... Опять скажемъ, что въ неразвитости народа виноваты и мы сами. Отчего же мы цѣлыхъ полтора ста лѣтъ забывали о немъ, не хлопотали объ его развитіи, предоставили его самому себѣ на произволъ судьбы — и судьбы тягостной. Можемъ ли мы послѣ этого требовать отъ него нравственной развитости. Во первыхъ сколько есть и между нами людей, которые по своимъ нравственнымъ понятіямъ не только не стоятъ выше мужика, но даже гораздо его ниже. Гдѣ какъ не въ этомъ образованномъ обществѣ скрывается такая подлѣйшая ложь, такой грубый обманъ, такая нравственная подлость, что ей и названья не найдешь. Образованная ложь всегда выражается въ жизни циничнѣе; тѣмъ отвратительнѣй становится она нравственному чувству человѣка, чѣмъ повидимому толще покрыта лакомъ внѣшней образованности и прогрессивныхъ понятій. Еслибы вы взяли простого балалайщика съ рынка и онъ не сталъ бы понимать въ чемъ заключается вся суть очаровательной гармоніи Моцарта или Бетховена, стали бы вы на него претендовать? Чтобъ понимать высшую гармонію звуковъ, для этого нужно имѣть очень развитое ухо; на какомъ же основаніи станете вы требовать отъ полуразвитаго уха, совершеннаго пониманья высшей гармоніи? Вѣдь это значило бы требовать отъ яблони апельсина. И то еще нужно замѣтить тутъ, что не всегда вѣрны тѣ наблюденія надъ простымъ народомъ, какія дѣлаются напримѣръ гг. Успенскимъ и Писемскимъ. Наблюденіе надъ нашимъ простымъ мужикомъ дѣлается, какъ извѣстно, чрезвычайно поверхностно; глубь-то его душевная упускается, о ней часто и

Т. VII. — Отд. II. 1/12

не знаютъ тѣ, которые повидимому, вблизи изучаютъ народъ, и это опять потому, что мужикъ не любитъ весь раскрываться предъ господами. Оттого недовѣріе къ безчестности, глупости мужика, не только небезполезно, а даже обязательно. Жаль только, что наши скептики, прилагающіе свое отрицаніе ко всему, не употребляютъ его въ дѣло на указанномъ нами пунктѣ.

И отъ этого раздвоенія народа страшно страдаютъ обѣ его части. Отсутствие общихъ пунктовъ у высшаго общества съ низшимъ; противоположность интересовъ, созданная историческими обстоятельствами, заставляетъ его относиться враждебно къ народу. Народу некогда идти впередъ, потому что при настоящихъ отношеніяхъ къ высшему обществу, у него хватаетъ времени только на отстаиваніе того, что у него есть. Предоставленный самому себѣ, онъ коснѣетъ въ невѣжествѣ, совершенно лашонъ всякаго участія въ тѣхъ общечеловѣческихъ результатахъ европейской цивилизаціи, которыми впрочемъ только въ нѣкоторой мѣрѣ владѣетъ образованное общество. Онъ и прозвалъ себя горемыкой, потому что самъ-то по себѣ находитъ весьма труднымъ выдти изъ того незавиднаго положенія, въ какое поставили его историческія обстоятельства. Рѣдко, рѣдко находитъ онъ себѣ вождей, которые указываютъ ему новые пути, собираютъ въ одно его разрозненыя, разбѣяныя силы и мощно двигаютъ ихъ къ одной цѣли. И сколько тутъ пропадаетъ силы! Эта тучная, могущая быть плодovitѣйшею, земля должна лежать если не совсѣмъ впускъ, то приносить вовсе не тѣ плоды, какіе могла бы приносить...

Отъ разрыва съ народомъ страдаютъ и высшіе классы. Ихъ силы сравнительно съ силами народа — чрезвычайно малы, если не ничтожны. Разрозненные съ народомъ, высшіе классы не поднимаются новыми силами — оттого чахнутъ, ничего не вырабатываютъ. Неимѣя твердой точки опоры, они не имѣютъ впереди ясно поставленной и точно обозначенной цѣли. Оттого ихъ существованіе, принимаетъ какой-то безцѣльный характеръ. Не сливая своего дѣла съ земскимъ дѣломъ — они по необходимости должны были поставить впереди себя только узкія цѣли. Оттого всѣ лучшіе порывы впередъ нашего общества неизбѣжно отпечатлѣваются какимъ-то характеромъ безжизненности, чахлости. Говорятъ, что у насъ въ Россіи не привилась наука... именно потому и не привилась, что страна располагаетъ въ пользу ея слишкомъ малыми свѣжими силами. А между тѣмъ сколько силъ хранится въ этихъ сорока миллионахъ людей, которые чужды вовсе науки, даже не слышали о ней. Сколько бы могло быть даровитѣйшихъ труженниковъ науки, если бы вся эта масса была призвана къ жизни, если бы открыты были

двери для талантовъ, таящихся въ ней... Безъ соединенія съ народомъ никогда пожалуй не удадутся высшимъ классамъ и попытки улучшить общественный бытъ страны. Самая сфера мыслей образованнаго нашего общества приняла характеръ какой-то условности, потому что въ нее не вносятся новыхъ, свѣжихъ мыслей изъ массы народной, потому что не являются на умственную арену новые свѣжіе, бойцы. И только тогда у насъ явится и прочно установится наука, когда она будетъ достоинствомъ не одного, или нѣсколькихъ привилегированныхъ сословій, а всей массы народа... Тогда только выработается именно тотъ общественный бытъ нашъ, такой именно, какой нуженъ намъ, когда высшіе классы будутъ опираться не на однихъ только самихъ себя, а и на народъ; тогда только можетъ прекратиться эта поразительная чахлость и безжизненность нашей общественной жизни.

И вотъ когда у насъ будетъ не на словахъ только, а на дѣлѣ одинъ народъ, когда мы скажемъ о себѣ заодно съ народной массой — мы, тогда прогрессъ нашъ не будетъ идти такимъ медленнымъ прерывистымъ шагомъ, какимъ онъ идетъ теперь. Въдъ тогда только и можемъ мы хлопотать объ общечеловѣчвомъ, когда разовьемъ въ себѣ національное... Прежде чѣмъ познать общечеловѣческія интересы надобно усвоить себѣ хорошо національные, потому что послѣ тщательнаго только изученія національныхъ интересовъ будешь въ состояніи отличать и понимать чисто общечеловѣческій интересъ. Прежде чѣмъ хлопотать объ огражденіи интересовъ всего человѣчества во всемъ мірѣ, — нужно стараться оградить ихъ у себя дома. А то можетъ случиться, что за все возмемся и нигдѣ не успѣемъ. Говоря впрочемъ о національности, мы не разумѣемъ подъ нею ту національную исключительность, которая весьма часто противорѣчитъ интересамъ всего человѣчества. Нѣтъ мы разумѣемъ тутъ истинную національность, которая всегда дѣйствуетъ въ интересъ всѣхъ народовъ. Судьба распредѣляла между ними задачи: развить ту или другую сторону общаго человѣка... только тогда человѣчество и совершитъ полный циклъ своего развитія, когда каждый народъ, примѣнительно къ условіямъ своего матеріальнаго состоянія, исполнитъ свою задачу. Рѣзкихъ различій въ народныхъ задачахъ нѣтъ, потому что въ основѣ каждой народности, лежитъ одинъ общій человѣческій идеалъ, только оттѣненный мѣстными красками. Потому между народами никогда не можетъ-быть антагонизма, еслибы каждый изъ нихъ понималъ истинные свои интересы. Въ томъ-то и бѣда, что такое пониманіе чрезвычайно рѣдко и народы ищутъ своей славы только въ пустомъ первенствѣ предъ своими сосѣдами. Разные народы,

разрабатывающіе общечеловѣческія задачи, можно сравнить съ спеціалистами науки; каждый изъ нихъ спеціально занимается своимъ предметомъ, къ которому, предпочтительно предъ другими чувствуетъ особенную охоту. Но вѣдь всё они имѣютъ въ виду одну общую науку. И отчего наука всего болѣе идетъ въ широту и глубь, какъ не отъ спеціализаціи ея предметовъ и частной разработки ихъ отдѣльными личностями?

Такимъ образомъ собственные наши интересы и интересы человечества требуютъ, чтобы мы возвратились самымъ дѣломъ на почву народности, соединились съ нашимъ земствомъ. Но теоретики оныя задаютъ вопросъ, въ чемъ же должно состоять это сближеніе съ народомъ? Чтобы не распространяться объ этомъ предметѣ много, мы скажемъ коротко, что для сближенія съ народомъ образованныхъ классовъ нужно:

1) Распространить въ народѣ грамотность. Народъ нашъ бѣденъ и голодаетъ вовсе не отъ того, чтобы у него мало было средствъ къ добыванію насущнаго хлѣба. Земли у насъ много, заработка нетрудна, по недостатку рабочихъ рукъ. Народъ оттого бѣденъ и голоденъ, что невысокъ у него, по особымъ обстоятельствамъ, нравственный уровень, что онъ не умѣетъ извлекать для себя пользу изъ тѣхъ огромныхъ естественныхъ богатствъ, какія у него подъ рукой. Значитъ прежде всего нужно позаботиться объ его умственномъ развитіи.

2) Облегчить общественное положеніе нашего мужика уничтоженіемъ сословныхъ перегородокъ, которыя заграждаютъ для него доступъ во многія мѣста. Средство это стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о сословныхъ правахъ и привилегіяхъ.

3) Для сближенія съ народомъ нужно вѣсколько преобразоваться нравственно и намъ самимъ. Намъ нужно отказаться отъ нашихъ сословныхъ предразсудковъ и эгоистическихъ взглядовъ. Народу тяжелы наши кулаки, которые когда-то были такъ въ модѣ, да онъ не терпитъ и оскорбительной для него французской вѣжливости. Нужно полюбить народъ, но любовью вовсе не кабинетною, сентиментальною.

Да! нужно открыть двери и для народа, дать свободный просторъ его свѣжимъ силамъ. Такъ мы понимаемъ сближеніе съ народомъ. Читатели видятъ, что оно вовсе не фраза, пустое слово, а имѣетъ большое значеніе въ теперешней нашей общественной жизни.

Но въ томъ-то и дѣло, скажутъ намъ скептики, что мы и народъ неспособны ни къ какому лучшему будущему. За цѣлую тысячу лѣтъ своей исторической жизни ничего не сдѣлали ни мы сами, ни народъ. Примѣняя къ Руси извѣстную мысль Монтескьё—всякій на-

родъ достоинъ своей участи, что можемъ сказать хорошаго о насъ и этомъ народѣ, который и т. д. Объ этомъ вопросѣ мы скажемъ слѣдующее :

Вопервыхъ, на что указываетъ намъ русскій расколъ?.. Замѣчательно, что ни славянофилы, ни западники не могутъ какъ должно оцѣнить такого крупнаго явленія въ нашей исторической жизни. Это конечно происходитъ оттого, что они теоретики. По ихъ теоріи дѣйствительно не выходятъ, чтобъ въ расколѣ было что-нибудь хорошее. Славянофилы — лелѣя въ душѣ одинъ только московскій идеалъ руси православной не могутъ съ сочувствіемъ отнестись къ народу, измѣнившему православію... Западники, судя объ историческихъ явленіяхъ русской жизни по нѣмецкимъ и французскимъ книжкамъ, видятъ въ расколѣ только одно русское самодурство, фактъ невѣжества русскаго, гнавшагося за сугубымъ алилуія, двуперстнымъ знаменіемъ и т. д. Они не поняли въ этомъ странномъ отрицаніи, страстнаго стремленія къ истинѣ, глубокаго недовольства дѣйствительностію. Оно и неудивительно, потому что, судя о вещахъ по теоріи, легко закрыть глаза на многое, легко напустить на себя своего рода ослѣпленіе. И этотъ фактъ русской дури и невѣжества, по нашему мнѣнію, самое крупное явленіе въ русской жизни, и самый лучшій залогъ надежды на лучшее будущее, въ русской жизни.

Вовторыхъ, скептики забываютъ, что народъ удержалъ до сихъ поръ, при всѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, *общинный бытъ*, что незная началъ западной ассоціаціи, онъ имѣлъ уже *артель*. Западные публицисты послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ оставившись на ассоціаціи и въ ней видятъ спасеніе труда отъ деспотизма капитала. Но въ западной жизни, это общинное начало еще не вошло въ жизнь; ему ходъ будетъ только въ будущемъ... На Руси, оно существуетъ уже какъ давнее жизнью и ждетъ только благоприятныхъ условій къ своему большому развитію. А главнымъ образомъ тутъ должно обратить вниманіе на то, съ какими упоромъ народъ отстаивалъ цѣлыя вѣка свое общественное устройство и все-таки отстоялъ... Чтожь это за явленіе, какъ недоказательство того, что народъ нашъ способенъ къ политической жизни?

Втретьихъ, посмотрите какой иногда тактъ въ сужденіи, кака зрѣлая практичность ума, мѣткость въ словѣ проявляется въ этомъ народѣ, который не имѣетъ никакой юридической подготовки, не знаетъ римскаго права. Законоположеніе 19 февраля вызвало народъ къ жизни, поставило его въ новыя условія, — и онъ вовсе не оказался неспособнымъ обжизивать свое новое положеніе... Если вы слѣдвали за крестьянскимъ дѣломъ, вы не можете не согласиться,

что въ фактахъ его проявляется не одно только невѣжество и глупость...

Да наконецъ, хотя бы эта способность самоосужденія, которая проявляется на Руси съ такой безопадно-страшной силой, не доказываетъ ли, что самоосуждающіе способны къ жизни. Не въ русскомъ характерѣ имѣть такой узкій національнѣйшій эгоизмъ, какой перѣдко встрѣтить можно у англичанина, у нѣмца, у француза. Такъ ли народъ нашъ приверженъ къ своимъ обычаямъ, повѣряемъ, своему быту, какъ напримѣръ англичанинъ къ своимъ учрежденіямъ... Не потому русскій народъ слишкомъ крѣпко держится своего, что оно свое, а потому, что онъ не слышалъ ничего лучшаго, потому что все другое рекомендованное ему со стороны, онъ нашолъ худшимъ... Онъ потому и держится своего, что оно лучшимъ ему кажется изъ всего, что онъ слышалъ и видалъ. А вотъ посмотрите съ какой настойчивостью отстаиваетъ англичанинъ свои университеты, хотя и сознаетъ, что ихъ устройство далеко расходится съ современными понятіями. Ему дорогъ англійскій методъ воспитанія и образованія не потому, чтобы онъ считалъ его лучшимъ изъ всего, что онъ знаетъ въ этомъ отношеніи, а потому, что это *свое*. Или посмотрите на ту сальную иногда сентиментальность, съ какою нѣмецъ разсуждаетъ о своей полиціи или своихъ Rath'ахъ и о превосходствѣ нѣмецкой націи предъ другими. Вотъ французъ, который постоянно толкуетъ о славѣ націи, о своихъ національныхъ учрежденіяхъ, о военныхъ своихъ подвигахъ, потому только, что заговори онъ иначе, онъ измѣнилъ бы своей *славной* націи. Но узкая національность не въ духѣ русскомъ. Народъ нашъ съ безопадною силой выставляетъ на видъ свои недостатки и предъ цѣлымъ свѣтомъ готовъ толковать о своихъ злѣхъ, безопадно бичевать самого себя; иногда даже онъ несправедливъ къ самому себѣ, — во имя негодующей любви къ правдѣ, истинѣ... Съ какою напримѣръ силой эта способность осужденія самобичеванія проявилась въ Гоголѣ, Шелринѣ и всей этой отрицательной литературѣ, которая гораздо живучѣе, жизнеспособнѣе, чѣмъ положительнѣйшая литература времени очаковскихъ и покоренья Крыма.

И неужели это сознаніе челоуѣкомъ болѣзни не есть уже залогъ его выздоровленія, его способности оправиться отъ болѣзни... Эта болѣзнь опасна, которая на виду у всѣхъ, которой причины всѣ знаютъ, а та, которая кроется глубоко внутри, которая еще не вышла наружу и которая тѣмъ сильнѣе портитъ организмъ, чѣмъ по невѣдѣнію, долѣе она остается непримѣчною. Такъ и въ обществѣ... Сила самосужденія прежде всего — сила: она, указываетъ на то, что въ обществѣ есть еще силы. Въ осужденіи зла непре-

мѣнно кроется любовь къ добру, негодование на общественныя язвы, болѣзни, — предполагаетъ страстную тоску о здоровьи.

И неужели отрицаніе наше кончится только однимъ разрушеніемъ? Неужели на мѣстѣ полуразрушенныхъ зданій ничего не воздвигнется и это мѣсто-останется пустымъ пожарищемъ?.. Неужели мы настолько задохнулись, настолько замерли, что нѣтъ надежды на наше оживленіе? Но если въ насъ замерла жизнь, то она несомнѣнно есть въ нетронутой еще народной почвѣ... это святое наше убѣжденіе.

Мы признаемъ въ народѣ много недостатковъ, но никогда не согласимся съ однимъ лагеремъ теоретиковъ, что народъ непроходимо глупъ, ничего не сдѣлалъ въ тысячу лѣтъ своей жизни, не согласимся, потому что излишній ригоризмъ нигдѣ не умѣстенъ... Если друзья будутъ о немъ такого мнѣнія, то что же останется для его недоброжелателей?

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ НУМЕРЪ «ДНЯ»

Не прикасаются жида къ самарянамъ...

Иногда шевелилось въ насъ чувство негодованія, когда мы читали насмѣшки и глумленія надъ газетой «День». Намъ казалось обиднымъ, когда этотъ журналъ трактовался наряду съ изданіемъ г. Аскоченскаго, когда на него возводились намеками грязныя обвиненія. Своимъ прямымъ, честнымъ, смѣлымъ голосомъ «День», какъ мы думали, заслуживалъ много, болѣе уважительнаго обращенія. Намъ казалось, что съ нимъ можно спорить, что съ нимъ должно спорить, что съ нимъ необходимо бороться всѣми силами, и слѣдовательно относиться къ нему съ однимъ смѣхомъ — несправедливо и легкомысленно.

Но «День» кажется весьма мало обращать вниманія не только на наше мнѣніе (что конечно мы никакъ бы не поставили ему въ особую вину), но и на всю нашу литературу вообще, — чего ужъ простить никакъ невозможно. «День» замуриваетъ глаза, не хочетъ ничего видѣть и слышать, и въ такомъ умышленномъ ослѣпленіи даетъ просторъ всѣмъ своимъ увлеченіямъ, забавляется тѣмъ, что доходитъ до края, уносится фантазією въ самыя пріятныя, но выѣстъ и самыя воздушныя мечтанія. «День» дѣлаетъ себя смѣшнымъ, самъ отдастъ себя на позоръ и поруганье; со всею искренностью можемъ сказать, что намъ его жаль. Намъ жаль видѣть, что насмѣшки ему придутся подѣломъ, что онъ самъ виноватъ, роняя свой авторитетъ, что онъ заставляетъ громко и рѣзко осуждать себя даже тѣхъ, кто во многомъ ему сочувствуетъ.

Въ 19 № «День» почелъ нужнымъ въ передовой своей статьѣ распространиться о новомъ законѣ, по которому евреи, имѣющіе дипломы на ученые степени доктора, магистра или кандидата, допускаются на службу *по вѣдѣмъ вѣдомствъ* и по всей Россіи. «Дню» показалось важнымъ и необходимымъ объяснить, что этотъ законъ *нельзя понимать безъ ограниченія*. И вотъ онъ всячески настаи-

васть на томъ, чтобы онъ былъ прядмаемъ съ ограниченіемъ. Дѣло ясное: статья «Дня» направлена *противъ* евреевъ, имѣеть въ виду ограниченіе правъ евреевъ. Спрашивается, чтоже вооружаетъ *противъ* ихъ «День»? А вотъ послушаемъ: приведемъ *всѣ* и *подлинныя* слова статьи. Статья говоритъ, что евреи «совершенно отрицаютъ христіанское ученіе, христіанскій идеалъ и кодексъ нравственности и исповѣдуютъ ученіе враждебное и противоположное»; что евреи «проповѣдуютъ ниспроверженіе всякаго христіанскаго порядка»; что они «держатся началъ враждебныхъ началамъ христіанскаго народа, христіанскому знамени»; что еврей «не можетъ иначе дѣйствовать, какъ въ духѣ своего ученія, противоположнаго *всѣмъ* началамъ, которыя легли въ основу частнаго и общественнаго и государственнаго быта въ христіанской землѣ», что «онъ можетъ вздумать законодательствовать въ духѣ моисеевомъ».

Вотъ и все, съ самою буквальною точностью. И ничего болѣе точнаго, болѣе опредѣленнаго не могъ привести ревнитель христіанской вѣры? И не обманываетъ онъ себя и другихъ звономъ фразъ?..

Чтоже послѣ этого еврей? Вѣрно не люди, а дикіе звѣри, опасные для порядка нравственнаго и всего частнаго, общественнаго и государственнаго быта?

Жалкіе друзья, которые велятъ христіанству болѣе, чѣмъ его враги! Нѣтъ ничего особеннаго въ поношеніи враговъ; но поношеніе друзей, по позоръ, навлекаемый дѣлу его защитниками и приверженцами, — вотъ зло нестерпимое и обидное въ высочайшей степени. Всякій защищающій какое-нибудь дѣло, тѣмъ осторожнѣе и тѣмъ вѣрнѣе дѣйствуетъ въ его пользу, чѣмъ болѣе проникнуть духомъ этого дѣла, чѣмъ глубже понимаетъ его интересы. Вотъ почему мы особенно негодуемъ на «День». Двадцать разъ повторя слова: *враждебно, противоположно*, онъ до того легкомысленъ, что не даетъ себѣ труда вникнуть хоть сколько-нибудь въ сущность дѣла и позволяетъ себѣ оглушать довѣрчивыхъ читателей одною шумихою словъ. Враждебно! Противоположно! Но въ чемъ враждебно? Въ чемъ противоположно? Развѣ тотъ, кто имѣлъ бы дѣйствительный интересъ въ дѣлѣ и видѣлъ бы его въ опасности, могъ бы ограничиться такимъ безсодержательнѣйшимъ глословіемъ? Такъ говорятъ только люди мечтающіе о дѣлѣ, а не тѣ, кто дѣйствительно дорожитъ дѣломъ.

«День» приводитъ впрочемъ единственный примѣръ, единственную реальную черту, кака я есть въ цѣлой статьѣ. Всѣ его сердечныя опасенія ограничиваются слѣдующимъ: «нельзя же предположить, — говоритъ онъ, — чтобы оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода могъ сдѣлаться еврей, еврей не по происхожденію, а по вѣрѣ!»

Какая удивительная тонкость! Кто не согласится, что вопрос затруднительный, темный, почти невозможный? Но неужели «День» не понимает, откуда протекает вся трудность вопроса? Долго и трудно было бы намъ пускаться въ подробныя объясненія; замѣтимъ только одно: вопросъ «Дня» есть очевидно *лишний, ненужный, неинтересный* вопросъ. Онъ не имѣетъ никакого значенія для гнѣвующаго христіанина.

Взглядъ «Дня» какъ видно другой. Еслибы въ іудействѣ было что-нибудь вредное для христіанства, то для христіанскаго общества охраненіе отъ этого вреда очевидно можетъ заключаться только въ его вѣрѣ. «День» ищетъ другой охраны: онъ желалъ бы видѣть ее въ законѣ; ему стоитъ еще сдѣлать шагъ — и онъ будетъ искать ее въ огнѣ и мечѣ!

«День» находитъ невозможнымъ какое бы то ни было мирное, дружественное общеніе дѣло между евреями и христіанами. «Допустить евреевъ — говоритъ онъ — къ участию въ законодательствѣ или въ народномъ представительствѣ, какъ въ Англии (кромѣ дѣлъ, ихъ непосредственно касающихся), мы считаемъ возможнымъ только тогда, когда бы мы объявили, что мы отрекаемся и отказываемся отъ христіанскаго путевождящаго свѣта». Мало этого «День» считаетъ «примѣромъ гнусной лжи и лицемерія» — «взаимныя учтивости и вѣжности поляковъ-католиковъ и евреевъ въ Варшавѣ въ прошломъ году». «Еврей, въ ужасѣ восклицаетъ онъ, подноситъ католикамъ крестъ — эмблему распятія, — распятія, совершеннаго евреями надъ тѣмъ, кого католики признаютъ богомъ!»

Что за дѣтство, что за слѣпота! Да еще въ отношеніи къ такому разительному факту! Что же, по мнѣнію «Дня», мы поступили бы совершенно логически, совершенно честно и нелицемерно, еслибы мы жгли и вѣшали евреевъ? Въль мы имѣли бы для этого очень прочное основаніе. «Они, — сказали бы мы, — *эти евреи*, распяли того, кого мы признаемъ богомъ!»

Не тѣмъ духомъ, кажется намъ, было проникнуто ученіе того, во имя котораго повидимому говоритъ «День». Ученіе мира, любви и согласія должно бы возбуждать другія мысли и другія рѣчи. Слова же «Дня» живо напоминаютъ намъ именно тѣхъ, кто возставалъ противъ божественнаго основателя нашей вѣры. Помните ли что они говорили? «Какъ онъ можетъ быть мессіею? Онъ постоянно окруженъ грѣшниками, бываетъ въ обществѣ мытарей и блудницъ, онъ говоритъ... даже съ самарянами!»

Если судить по этимъ упрекамъ, записаннымъ въ евангеліи, то мы должны признать, что духъ христовъ коснулся именно евреевъ,

о поступкѣ которыхъ говоритъ «День», и что онъ оставилъ на этотъ разъ людей повидимому ревнующихъ во имя его.

И въ самомъ дѣлѣ «День» не чувствуетъ проявленій этого духа; въ своей слѣпотѣ онъ отвергаетъ его тамъ, гдѣ долженъ бы былъ видѣть его ясныя и существенныя обнаруженія. «Что такое — спрашиваетъ онъ — духъ современной цивилизаціи? Выражается ли она въ томъ; что англичане тѣснить славянъ и поддерживаютъ гнетъ надъ ними турокъ, отвергающихъ цивилизацію? Въ ученіи ли матерьялистовъ, отвергающихъ понятіе о добрѣ и злѣ и низводящихъ челоѣка на степень безответственнаго животнаго, лишоннаго внутренней свободной воли? Въ развратѣ ли женщинъ, проповѣдуемомъ нѣкоторыми коммунистами?..»

Что все это, какъ нежолчныя упреки девятнадцатому вѣку? Что это, какъ не отлученія, какъ не проклятія извѣстнымъ явленіямъ нашего времени? Не прикасаются жидове самаряномъ; не прикасается «День» матерьялистамъ, коммунистамъ и пр. Узко понимаетъ «День» девятнадцатый вѣкъ; не видитъ онъ того, о чемъ самъ говоритъ, то-есть *болѣе широкаго воплощенія въ жизни нравственныхъ истинъ, проповѣданныхъ евангеліемъ*. Не тѣмъ преимущественно характеризуется нашъ вѣкъ, что онъ породилъ матерьялистовъ и коммунистовъ; эти явленія конечно входятъ въ его характеръ, но главныя черты характеристики не въ нихъ: гораздо важнѣе и главнѣе то, что эти матерьялисты и эти коммунисты въ настоящее время бываютъ добрѣе и обильнѣе любовью, чѣмъ иногда бывали нѣкоторые ревнители благочестія; что общество не предастъ пытокъ матерьялистовъ и не сжигаетъ на кострахъ коммунистовъ, вообще смотритъ на нихъ съ иной точки зрѣнія, чѣмъ та, которой держится «День». Въ евангеліи сказано: «вы узнаете дерево по плодамъ его.» Рекомендуемъ «Дню» эту точку зрѣнія. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, какія истины челоѣкъ исповѣдуетъ: вся сущность въ томъ, какія *правила* онъ исполняетъ. При такомъ взглядѣ на вещи, можетъ-быть XIX вѣкъ не будетъ являться въ такихъ черныхъ краскахъ, въ какихъ его видитъ «День». При такомъ взглядѣ можетъ-быть окажется возможнымъ и согласимымъ то, что кажется невозможнымъ и непримиримымъ, если судить по однимъ отвлеченнымъ понятіямъ.

«День» хвастается своею логикою. «Только во имя христіанскихъ же началъ, — пишетъ онъ, — а не какой-то (какой-то!..) цивилизаціи, можно желать расширенія льготъ и правъ для евреевъ, но нельзя же, опираясь на начала внесенныя въ міръ христіанствомъ, требовать отрицанія и отверженія этихъ началъ! Это бессмысленно!» Очень связно и послѣдовательно; жаль только, что къ дѣлу нимало

не относится. Кто требует отрицанія и отверженія христіанскихъ началъ? Какимъ началамъ грозитъ отрицаніе и отверженіе? Противъ кого вы воюете? Не это ли называется *слыною* враждою, которая тоже вѣдь очень послѣдовательна, то-есть до конца *исра-зумна*?

Приведемъ наконецъ заключеніе статьи «Дня», гдѣ онъ заранѣе старается защититься отъ предчувствуемыхъ нападений и гдѣ ясно выражается его взглядъ на нашу литературу.

«Мы знаемъ, что противъ нашего мѣнія поднимется цѣлый хоръ *недобросовѣстныхъ* или непонятливыхъ публицистовъ, что насъ обвинятъ въ отсталости, въ варварствѣ, въ невѣжествѣ и даже въ фанатизмѣ. Эти *клеветы* намъ нестрашны. Но неужели не найдется людей, способныхъ разсмотрѣть вопросъ хладнокровно и на основаніи простой логики? Или требованіе логики въ сочиненіяхъ большей части нашихъ публицистовъ есть требованіе *неумѣренное?*..»

Печальный взглядъ на литературу! Очень понятно, что чуждаея ей до такой степени, такъ мало ей сочувствуя и такъ мало ее понимая, «День» расположитъ впадать въ странныя отвлеченности. Если-бы онъ смотрѣлъ на нее не такъ презрительно, онъ былъ бы ближе къ жизни и жизнь предохранила бы его отъ его собственной *опасной логики*. Литература, какъ уже мы говорили, больше проявляетъ жизнь, глубже коренится въ ней, чѣмъ это думаетъ «День». А «День» чѣмъ исключительнѣе относится къ вопросамъ, тѣмъ больше теряетъ жизненности.

Не въ фанатизмѣ, не въ варварствѣ мы обвиняемъ «День»: мы находимъ его вину въ легкомысліи, съ которымъ онъ обращается съ важными вопросами, въ той легкости, съ какою онъ *теоретически* разрѣшаетъ ихъ, легкости, дошедшей до хвастовства, до похвалбы силою своей логики...

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

- Испанскія дѣла. — Беременность королевы. — Преслѣдованіе протестантовъ. — Намѣренія испанцевъ въ Мексику. — Намѣренія мексиканцевъ дома. — Кандидатура эрцгерцога Максимилиана.
- Австрійско-турецкія дѣла. — Сходство между Австріей и Турціей. — Военныя стремленія Австріи.
- Хлопчатобумажныя дѣла. — Вліяніе войны на производство хлопка. — Количество обрабатываемаго хлопка въ Англіи. — Хлопка некуда дѣвать.
- Прусскія дѣла. — Чего желаетъ феодальная партія. — Чего желаютъ умеренные либералы и прогрессисты. — Стремленія противныя Австріи.
- Французскія дѣла. — Превращеніе доходныхъ билетовъ.
- Последнія извѣстія.
-

Испанскія дѣла

25 января утромъ Мадридъ былъ обрадованъ торжественнѣйшимъ колокольнымъ звономъ. Дѣло было въ субботу, особеннаго никакаго праздника не было; стало быть сердца вѣрнопопавшихъ должны были забиться усиленно отъ радостнаго ожиданія такого событія, какое было не совсѣмъ обыкновеннаго свойства. Да, въ самомъ дѣлѣ въ этотъ день прошолъ слухъ, что беременность ея величества королевы сдѣлалась несомнѣнна, вслѣдствіе того, что наступила ея вторая половина, отмѣчаемая обыкновенно первымъ движеніемъ младенца въ материнской утробѣ. Послѣ обѣда, въ церквахъ было прочтано офиціальное объ этомъ объявленіе и королева сама отправилась въ церковь Атоха благодарить Бога и молить о покровительствѣ счастливому разрѣшенію ея отъ бремени. Всѣ войска, стояшія въ Мадридѣ, въ полной парадной формѣ, стояли по обѣ стороны королевскаго пути. Торжественная музыка гремѣла, колокола звонили громко, войска привѣтствовали королеву восторженными кликами, и счастливые подданные съ умиленіемъ заглядывали въ промежутки между рядами солдатъ на свою обожаемую королеву, благополучно достигшую половины беременности. По обычаю, въ королевскомъ поѣздѣ участвовалъ весь дипломати-

Т. VII. — Отд. III.

чекій корпусъ, важнѣйшіе сановники государства, члены сената и палаты народныхъ представителей.

Королева Изабелла II царствуетъ съ ноября 1843 года. Она вступила въ супружество въ 1846 году, въ тотъ день, какъ ей минуло шестнадцать лѣтъ, и съ тѣхъ поръ имѣетъ троиxъ дѣтей, инфанту Изабеллу, которой теперь одинадцатый годъ, инфанта Альфонса, принца Астурійскаго, (пятый годъ) и инфанту Марію (третій годъ). Всѣми дѣтьми своими королева Изабелла разрѣшалась или въ концѣ ноября, или въ декабрѣ; но теперь вѣрноподданные могутъ весьма достовѣрно рассчитать, что королева подаритъ имъ новаго инфанта или инфанту около 15 іюня. Королевѣ Изабеллѣ теперь тридцать второй годъ, и надо надѣяться, что въ этомъ счастливомъ, сплѣомъ, но далеко еще не перезрѣломъ возрастѣ беременность ея кончится благополучнымъ разрѣшеніемъ.

Когда поѣздъ возвратился во дворецъ, президентъ сената поздравилъ королеву съ благополучнымъ вступленіемъ во вторую половину беременности и въ тоже время съ днемъ ангела е. к. в. принца астурійскаго, Альфонса. «Господа сенаторы, — отвѣчала на это поздравленіе королева; — предстоящее событіе, которое при помощи божіей все болѣе и болѣе обезпечиваетъ наследность престола, внушило вамъ слова, выражающія ваше участіе въ этомъ дѣлѣ и привязанность. Тѣмъ пріятнѣе мнѣ было ихъ слышать, что сегодня день тезоименитства моего любимаго сына. Народъ, который во всѣ времена показывалъ столько преданности своимъ королямъ, заслуживаетъ того, чтобы имѣть великихъ государей. Мы воспитаемъ свое дитя въ правилахъ добродѣтели, и судьба его всегда будетъ связана съ судьбою народа, котораго управленіе вѣриво и правдивѣе.»

Послѣ того было разрѣшено торжественное цѣлованіе руки всѣмъ сенаторамъ, составлявшимъ комисію поздравленія. Потомъ королева въ томъ же смыслѣ отвѣчала вице-президенту палаты представителей и упомянула, что этотъ день двойнѣ счастливъ для нея и для ея супруга; какъ мать и королева, она искренно благодаритъ Бога за увеличеніе королевской фамиліи.

Столь счастливое событіе въ королевѣ не мѣшаетъ однакоже идти своимъ чередомъ испанскимъ дѣламъ, по поводу которыхъ такъ неволью и такъ часто кстати вспоминается нашъ бѣдный Поприщанъ, которому казалось, что онъ Фердинандъ VIII. Въ Гренадѣ два испанца, гг. Матаморосъ и Альяма приняли протестантское исповѣданіе и имѣли неосторожность раздѣвать библію, начатанную на испанскомъ языкѣ. Извѣстно, что въ католическихъ странахъ духовенство не любитъ библію, переведенной на употреблѣ-

тельный въ странѣ языкъ, считаетъ ее вредною книгой и требуетъ, чтобы вѣрующіе на слово вѣрили своимъ проповѣдникамъ, не входя къ источникамъ. Такимъ образомъ Матоморось и Альяма сдѣлались преступниками. Ихъ судили довольно сходно съ уставами «независимой» инквизиціи и приговорили къ семилѣтней каторжной работѣ. Только-что это сдѣлалось извѣстнымъ, какъ прусскій посланникъ въ Мадридѣ графъ фонъ-Галенъ отправился къ испанскому министру иностранныхъ дѣлъ и ходатайствовалъ противъ примѣненія такого безчеловѣчнаго закона. Онъ старался доказать, что въ наше время ни съ чѣмъ несообразно преслѣдовать людей, которые равно никому не дѣлаютъ никакого зла, ничего не хотятъ, не просятъ, не требуютъ, а только заботятся о распространеніи книги, составляющей основаніе христіанскаго ученія, не навязывая этой книги никому, не насилуя ничьей совѣсти. Онъ говорилъ, что Пруссія желаетъ Испаніи всевозможнаго благополучія, и что поэтому онъ считаетъ долгомъ представить, что государство, въ которомъ на совѣсть каждаго гражданина наложены оковы, не можетъ считать себя странюю прогрессивною, никогда не выбьется изъ тупой рутинны старинныхъ предразсудковъ, которые всегда будутъ связывать и народъ, и само правительство, и не дадутъ ему идти впередъ. При нетерпимости религіозной не можетъ быть терпимости политической, да не можетъ быть и политической вѣрности, потому что человѣкъ *non-soil* вѣрный — весьма неблагонадеженъ, очень непрочный гражданинъ и плохой христіанинъ. Вѣроятно, еще не мало другихъ доводовъ приводилъ прусскій посланникъ, прося по крайней мѣрѣ если ужъ нельзя вдругъ отмѣнить пелѣнаго закона, какъ можно скорѣе обратиться къ королевской милости, которая можетъ смягчить присужденное наказаніе въ произвольной мѣрѣ. На все это министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ обѣщаніемъ пересмотрѣть дѣло. Кромѣ того прусскій посланникъ вошелъ по тому же дѣлу въ сношенія съ англійскимъ уполномоченнымъ съ тѣмъ, чтобы тотъ поддержалъ его домогательства. Только-что прусское правительство получило объ этомъ извѣстіе, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ поручилъ своему посланнику въ Лондонѣ войти въ сношеніе съ англійскимъ правительствомъ и условиться съ нимъ касательно общаго ходатайства за приговоренныхъ къ каторжной работѣ.

Что изъ этого выйдетъ, неизвѣстно; но какъ бы то нибыло, иностранныя державы оказали бы человѣчеству большую услугу, еслибы вырвали изъ испанскаго законодательства нелѣпыя преслѣдованія совѣсти. Пусть это былобы истолковано въ дурную сторону, пусть это считалось бы посягательствомъ на самостоятельность Испаніи, пусть это противно вновь изобрѣтенному, но нигдѣ не примѣ-

няемому принципу невмѣшательства, — пора, давно пора уважать человѣческое достоинство на столько, чтобы не казнить человѣка за чтеніе извѣстной книги и ея пониманіе.

Мексиканскіе дѣла Испаніи идутъ, какъ и слѣдовало ожидать, прекрасно. Высадка въ Санъ-Хуанъ да Уллоа совершилась благополучно, и на крѣпости развѣваются три флага: испанскій, французскій и англійскій. На запросъ о Мексикѣ въ палатѣ депутатовъ, министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ, что правительство намѣрено безусловно уважать независимость этой страны, желаетъ неприкосновенности мексиканской земли и предоставитъ населеніямъ полную свободу въ выборѣ правительства. Экспедиція отправилась будтобы только для того, чтобы требовать удовлетворенія въ нанесенныхъ испанцамъ оскорбленіяхъ, доказать, что Испанія довольно сильна, чтобы заставить себя уважать и для того, чтобы внести возрождающіе, живительные принципы, которые обыкновенно вносятся цивилизованными войсками въ страну, страдающую анархіей. «Если мексиканцы полагаютъ, что имъ нужно правительство прочное и сильное, то они могутъ его получить, и мы этому противиться не будемъ. Испанія будетъ только стараться доказать мексиканцамъ, что она желаетъ имъ полной свободы въ устройствѣ ихъ внутреннихъ дѣлъ и не получало никакихъ официальныхъ извѣстій о предполагаемой кандидатурѣ эрцгерцога Максимилиана. Новая королевская форма правленія до сихъ поръ не была предметомъ никакихъ сношеній между правительствами. Еслибы это было, то испанское правительство ограничилось политикою выжидательною, и будетъ стараться не имѣть никакого ни побудительнаго, ни задерживающаго вліянія на образъ мыслей и рѣшеніе мексиканцевъ: пусть они свободно распоряжаются своею судьбою и независимо выбираютъ себѣ правительство, какое считаютъ для себя лучшимъ.»

Это все очень хорошо и отзывается благороднымъ и благоразумнымъ либерализмомъ. Но нельзя не замѣтить, что въ этомъ уваженіи къ волѣ націи чрезвычайно много только кажущагося, много самообольщенія. Когда страна занята чужими войсками, то невольно та партія, которая раздѣляетъ образъ мыслей этихъ войскъ, будетъ сильнѣе всѣхъ другихъ партій. Давленіе будетъ; оно неизбежно; оно точно также неизбежно, какъ само физическое присутствіе войска въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно будетъ стоять. Въ такой странѣ, какъ Мексика, гдѣ партіи привыкли организоваться очень скоро, гдѣ до сихъ поръ онѣ дѣйствовали съ неодолимою рѣшительностью, гдѣ люди весьма мало дорожатъ своею жизнью, по крайней мѣрѣ гораздо меньше, нежели въ странахъ болѣе холодныхъ, — само собою разумѣется, вокругъ войска соберется многочисленная и рѣшительная

партія. Она будетъ дѣйствовать не подъ прямымъ непосредственнымъ вліяніемъ чужеземныхъ солдатъ, а только будетъ чувствовать себя сильнѣе, а стало быть и въ самомъ дѣлѣ будетъ нравственно сильнѣе всѣхъ другихъ. Извѣстно, какъ вліятельные люди отказываются отъ своего вліянія и «махнувъ только рукою, говорятъ: не нужно никакихъ знаковъ подданничества». Тутъ-то знаки и являюся.

Между тѣмъ президентъ мексиканской республики Хуаразъ, имѣетъ нѣсколько свой взглядъ на иностранное вторженіе. Онъ взыскать къ патриотизму своихъ согражданъ и проситъ ихъ забыть внутреннія вражды передъ внѣшнею опасностью. «Въ нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, — пишетъ онъ, правительство республики считаетъ своимъ долгомъ объявить основную мысль своей политики. Главнокомандующій испанскими силами, занимая городъ Уллоа, во всеобщее свѣдѣніе объявилъ, будто онъ станеть занимать этотъ городъ до тѣхъ поръ, пока правительство испанской королевы не убѣдится, что испанцы будутъ пользоваться въ Мексикѣ подобающимъ уваженіемъ. Онъ прибавилъ, что городъ останется для англичанъ и французовъ залогомъ удовлетворенія ихъ требованій. Это неправда, будто правительство республики сдѣлало какое-нибудь оскорбленіе испанской королевы; точно также неправда, будто мы не слушали справедливыхъ требованій Испаніи. Мы протестуемъ противъ такихъ обвиненій. Со времени трактата 1836 года мы всегда смотрѣли на Испанію, какъ на страну дружественную, и насъ нельзя обвинять въ томъ будто мы насильственно выгнали испанскаго посланника. Всѣ подробности этого дѣла извѣстны, и точно также извѣстно, что правительство готово дать по этому дѣлу самыя удовлетворительныя объясненія. Необходимо было удалить изъ нашей земли иностраннаго чиновника, который открыто благопріятствовалъ людямъ, возставшимъ противъ законныхъ властей въ республикѣ. Правительство воспользовалось правомъ принадлежащимъ всѣмъ народамъ на свѣтъ; но въ тоже время мы заявляли искреннее желаніе свое, чтобы это обстоятельство ни въ чемъ не могло измѣнить добрыхъ отношеній между республикой и Испаніей. Насилія, отъ которыхъ могли пострадать испанскіе подданные, точно также не могутъ служить предлогомъ для разрыва хорошихъ отношеній, потому что эти насилія были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ общественнаго переворота, который долженъ былъ истребить злоупотребленія, причину всѣхъ нашихъ несчастій. Если испанскимъ подданнымъ пришлось потерпѣть гораздо больше, нежели другимъ, то это конечно просто потому, что ихъ гораздо больше. Еще это и потому, что они дѣятельнѣе другихъ иностранцевъ принимаютъ

участіе въ нашихъ раздорахъ, оказываются свѣдѣнїе и провозглаше- нїе. Тѣмъ не менѣе всѣ наши правительства, сѣбялюбивыя другъ друга, выслушивали доводы испанскаго посольства. Задолго до при- знанїа нашей независимости мексиканскій конгрессъ принялъ на себя долгъ испанскаго правительства, хотя большая часть этого долга пошла на то, чтобы бороться именно противъ этой независимости. Правительство всегда готово было, по мѣрѣ своихъ средствъ, удо- влетворять справедливыя требованїа. Но всѣ націи на свѣтѣ, и осо- бенно сама Испанїа, переживали времена безденежья, и почти у всѣхъ кредиторы выжидали болѣе счастливаго времени. По этому наше правительство войны не объявляетъ, но по мѣрѣ возможности будетъ отражать силу силой; оно готово удовлетворить всѣ справед- ливыя требованїа, но всегда будетъ отвергать условїа, которыя мо- глибы быть оскорбительны для достоинства народа или опасны для его независимости. Граждане Мексики! Если иностранцы не хотятъ признавать нашихъ добрыхъ намѣренїй, если они рѣшились узнать Мексику, отнять у насъ часть земель, вмѣшаться въ правительствен- ныя дѣла или уничтожить нашу національность, то я взываю къ ва- шему патриотизму: забудьте вражду, порожденную различїемъ мѣ- нїй; пожертвуйте, если нужно своею собственностью; отдайте свою кровь, соединитесь съ правительствомъ и между собою для дѣла ве- личайшаго и священнѣйшаго изъ всѣхъ, для защиты отечества! Живыя извѣстїа, распускаемыя врагами нашими, представляютъ насъ народомъ низко стоящимъ, неспособнымъ къ цивилизаціи. Но во время войны, къ которой насъ принуждаютъ, будемъ строго на- блюдать общепринятые законы и обычаи. Пусть между нами спо- койно и безопасно подъ защитою нашихъ законовъ, живутъ наши враги, если они не вооружены. Такимъ образомъ мы опровергнемъ клеветы нашихъ враговъ и докажемъ, что мы достойны свободы и независимости, завѣщанныхъ намъ отцами нашими.

Приготовленїй къ войнѣ сдѣлано много, и между прочимъ осо- беннымъ декретомъ прекращены всѣ платежи, за исключенїемъ то- го, что частные люди должны правительству и за исключенїемъ того, что правительство потребуетъ на военныя издержки.

А «Крестовая газета» пишетъ, что австрійскій эрцгерцогъ Мак- симилїанъ принялъ кандидатуру на мексиканскій тронъ; его высо- чество послалъ уже въ Мексику своего частнаго секретаря, г. фонъ- Шерцголемнера. Но что же изъ этого выйдетъ?

Правда, что его высочество еще довольно молодъ: ему вѣтъ еще полныхъ тридцати лѣтъ; но онъ конечно успѣлъ уже приобрести и твердо укрѣпить въ себѣ привычку австрійскихъ прїемовъ мышленїа, возрѣвнїй и міросозерцанїа. Все это въ Мексикѣ едвали приложимо.

Горячая Мексика отличается отъ холодно-спокойной Австріи уже тѣмъ, что она почти экваторіальная страна, и потому жители тамъ имѣютъ совершенно другой, неудобуправляемый характеръ. Начать съ того, что необходимѣйшія, первоначальныя человѣческія работы не приучаютъ тамъ человѣка къ той акуратности, къ которой мы привыкли. Здѣсь, въ Европѣ люди привыкаютъ къ дисциплинѣ по одному уже тому, что природа ихъ къ этому приучаетъ своею строгою, роковою неумолимостью: не посѣялся, напр., ко второму Спасу — будешь безъ хлѣба; мы знаемъ очень твердо, что пшеницу надо сѣять, когда черемуха разцвѣтеть, а ленъ тогда, когда кукушка закукуетъ; мы знаемъ, что до Ильина дня сѣно скосить — пудъ меду въ него накласть. Неумолимо-суровая природа приучила жителей сѣверовосточной Европы къ большой дисциплинѣ строгою послѣдовательностью времени года, взыскательностью въ исполненіи важнѣйшихъ для человѣческаго существованія работъ. А въ странахъ тропическихъ и въ особенности въ Мексикѣ — совсѣмъ другое. На возвышенной мексиканской плоскости человѣкъ сѣетъ свою пшеницу круглый годъ, отъ 1 января до 31 декабря, когда ему вздумается, когда досужно или когда придетъ крайняя нужда. Роскошная природа балуетъ его вѣчною веселою, непрерывно-благоприятною погодою, ежедневнымъ посѣвомъ и ежедневною жатвой, чрезвычайною легкостью жизни, даровымъ кормомъ изъ дикихъ плодовъ и картофеля, и потому человѣкъ не приобрѣлъ тамъ благодѣтельной привычки къ дисциплинѣ. По этому же самому человѣкъ тамъ мало цѣнитъ свою жизнь: люди всегда мало цѣнятъ то, что дешево достается. Напротивъ, въ Австріи, гдѣ каждый день жизни берется у природы съ бою, гдѣ жизнь требуетъ ежеминутныхъ заботъ, гдѣ человѣкъ заботливо долженъ защищаться отъ холода и голода, онъ такъ привыкаетъ няньчигься съ своею жизнью, такъ приучается къ благоразумной предусмотрительности, что благоразуміе и осторожность, становятся его стихіями. Касательно этого послѣдняго свойства, эрцгерцогъ Максимилианъ оказалъ бы не малую услугу мексиканцамъ, еслибы привезъ къ нимъ съ собою кромѣ нѣмецкихъ чиновниковъ, еще и свой нѣмецкій климатъ, правильное раздѣленіе времени года, частые урожан, умѣнье довольствоваться мѣщанскимъ счастьемъ и способность смѣяться въски-бабынмъ хохотомъ по поводу самыхъ плоскихъ *сидоа*. Что нѣмецкіе чиновники съѣдутся, даже въ нѣсколько пруссаковомъ количествѣ, это не подлежитъ сомнѣнію; но такъ какъ нельзя предположить, чтобы съ эрцгерцогомъ переѣхалъ и климатъ, къ которому онъ привыкъ, то мексиканцы останутся все тѣмъ же отчаяннымъ, бурливымъ народомъ, какимъ они были до смѣхъ поръ, и также беззаботно и часто будутъ ставить на карту и

все свое состояніе, и самую жизнь, становясь въ оппозицію, и по два раза въ годъ перемѣняя правительство. Сильное и твердое правительство, конечно, бываетъ иногда способно ввести въ странѣ порядокъ, въ той мѣрѣ, въ какой страна способна къ порядку или въ той степени, какъ она удобосжимаема. Но желѣзная рука всадника не всегда удобно переносится конемъ...

АВСТРІЙСКО-ТУРЕЦКІЯ ДѢЛА

Дѣя знаменитыя, сложныя державы, лежащія между Адриатическимъ и Чернымъ морями, имѣютъ столько общаго, дѣла ихъ такъ сложны, ихъ положенія относительно Европы такъ одинаковы, и положенія ихъ правительствъ относительно подданныхъ такъ между собою близки, что по справедливости о нихъ слѣдуетъ говорить вмѣстѣ. Австрія и Турція имѣютъ даже одно совершенно общее дѣло, это сунторинскія батареи гердеговинскихъ инсургентовъ. Извѣстно (см. полнт. обозр. за ноябрь) что австрійцы разорили эти батареи и что русское правительство послало имъ протестъ, такъ какъ разрушеніемъ батарей, построенныхъ на турецкой землѣ, вѣнскій кабинетъ поступилъ противъ парижскаго трактата, по которому ни одна держава не въ правѣ вмѣшиваться въ турецкія дѣла одна, безъ предварительнаго соглашенія со всѣми другими державами, подписавшими трактатъ. Такъ съ точки зрѣнія трактатовъ австрійцы поступили неловко; точно такъ же и съ точки зрѣнія человѣческой дѣло вышло неблаговидное. Христіане, выведенные изъ терпѣнія невыносимымъ мусульманскимъ игомъ, возстаютъ и собравшись съ немногими остальными силами вооруженною рукою протестуютъ противъ мусульманскихъ притѣснителей. Сосѣдніе христіане берутъ сторону притѣснителей, отнимаютъ у несчастныхъ угнетенныхъ двѣ пушки и разрушаютъ одинъ изъ немногихъ и слабыхъ оплотовъ ихъ, подъ тѣмъ только пустынь предположъ, что ядра изъ этихъ пушекъ могли бы долетать до той находящейся подъ властью мусульманъ дороги, по которой часто проходятъ христіанскіе отряды войскъ. Поняли ли инсургенты, что Австрія излишнимъ образомъ поусердствовала въ пользу своей сосѣдки Турціи, и такимъ образомъ нарушила постановленія парижскаго трактата, или крайняя необходимость заставила ихъ снова рѣшиться устроить разрушенное и опять попробовать счастья на старомъ мѣстѣ. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что по этому поводу возникнетъ многословнѣйшая и для спеціалистаго очень интересная дипломатическая переписка, и Австрія съ своимъ извѣстнымъ удорствомъ въ преслѣдованіи дипломатическихъ цѣлей добьется

своего. Въ этомъ ручается то великое участіе, которое питаетъ къ Турціи англійское правительство. Въ этомъ же самомъ ручается еще и другое, не менѣе важное обстоятельство, находящееся въ связи съ итальянскимъ вопросомъ.

Папа какъ извѣстно не уступаетъ ничего, и на запросъ французскаго правительства, не угодно ли ему будетъ сдѣлать какую-нибудь уступочку, отвѣчалъ, что онъ пожалуй согласенъ взять назадъ отошедшія отъ него области. Австрія, по поводу кандидатура эрцгерцога Максимилиана на престолъ мексиканской республики, приказала своему посланнику въ Парижѣ тонкимъ образомъ замѣтить, что мексиканская кандидатура ни въ какомъ случаѣ не должна служить исходною точкою переговоровъ объ уступкѣ Венеціи. Съ третьей стороны, итальянцы всѣми силами стремятся къ Риму и къ Венеціи, а въ итальянскомъ парламентѣ депутаты и министры прямо говорятъ объ укрѣпленіи Анконы, какъ о будущемъ операціонномъ базисѣ предстоящихъ военныхъ дѣйствій противъ Австріи, и тутъ дѣло ведется начистоту. Дипломатическая задача состоитъ теперь въ томъ, чтобы подтасовать карты выгоднѣйшимъ образомъ, такъ чтобы всѣ выиграли. По этому всѣ возможные дипломаты, по призванію и безъ призванія занимаются подтасовкою картъ или лучше сказать итальянскимъ гран-пасьясомъ. Одна изъ послѣднихъ комбинацій состоитъ въ томъ, чтобы Римъ отдать по принадлежности Италіи, чтобы тамъ была столица королевства; отдать Италіи и венеціанскую область, а самую Венецію отдать папѣ и сдѣлать изъ этого города столицу католичества, подъ гражданскимъ только надзоромъ итальянскаго королевства. Въ вознаграженіе Австріи за потерю области, отрѣзать ей, даже съ значительнымъ излишкомъ, часть турецкихъ славянскихъ владѣній, чтобы было побольше и приморскихъ пунктовъ. Естественнымъ образомъ приходится отрѣзать Герцеговину, такъ какъ она лежитъ по сосѣдству и рядомъ съ Далмаціей составитъ прекрасную приморскую страну. Стало-быть и въ этомъ есть сходство между Австріей и Турціей: и та и другая страна въ вынѣшнемъ году можетъ потерять по одной или по двѣ области. Еще Дунайскія княжества съ одной стороны и Венгрія съ другой составляютъ значительное сходство. Мадыяры несмотря на то, что нѣмецкое населеніе австрійской имперіи позволяетъ имъ къ нему присоединиться даже до окончательнаго слитія, не понимаютъ и не принимаютъ этого благополучія: все въ лѣсъ глядятъ. Румыны точно такъ же не хотятъ быть турками, и не смотря на давнишній антагонизмъ молдаванъ и валаховъ, эти два княжества стараются соединиться между собою все крѣпче и крѣпче, только чтобы по отношенію къ Турціи

составить болѣе плотную, болѣе согласную единицу. Но ничего нѣтъ болѣе сходнаго, какъ внутренней составъ этихъ двухъ государствъ. И тамъ и здѣсь преобладающее племя составляетъ меньшинство, а подвластные народы, въ которыхъ большинство и здѣсь и тамъ состоитъ изъ славянъ, смотрятъ врозь и страшный взрывъ грозитъ ежеминутно. Въ такихъ неблагополучныхъ обстоятельствахъ преобладающему народу не остается ничего болѣе, какъ стараться придавать себѣ храбрости воинственными возгласами, военной музыкой, холостыми зарядами и порою натянутымъ видомъ спокойствія.

«Приготовимся, подготовимся, — говорятъ австрійскія полуофициальныя газеты. Война — зло ужасное; мы въ этомъ случаѣ согласны съ честными людьми всѣхъ странъ и народовъ, и мы должны дѣлать всевозможныя усилія, чтобы удалить ее и обезпечить нашей націи (какой же?) будущность спокойную, исполненную дѣятельнаго прогресса. Но есть зло еще ужаснѣе; это возстаніе. Оно, при помощи тайныхъ обществъ, проникаетъ во всѣ европейскія государства и подрываетъ ихъ основанія. Такимъ образомъ, находясь въ опаснѣйшемъ положеніи, мы должны изъ двухъ золъ выбирать наименьшее и рѣшительно выступить на путь, указуемый намъ обязанностью, ибо до тѣхъ поръ пока мы не истребимъ своихъ враговъ, мы не будемъ наслаждаться истиннымъ миромъ и постоянною безопасностью. Дипломаты увѣряютъ, будто 1862 годъ обезпечилъ на счетъ мира; но это они увѣряютъ въ томъ, чему сами не вѣрятъ. Въ самомъ дѣлѣ, причинъ столкновеній слишкомъ много, чтобы можно было еще весь этотъ годъ выжить спокойно. Достаточно одного ружейнаго выстрѣла на аванпостахъ, чтобы вспыхнула война въ Италіи, а коль скоро она вспыхнетъ, то немедленно охватитъ всю Европу. Франція сильно вооружается. Она увеличиваетъ свой флотъ, улучшаетъ артилерію, изучаетъ новую систему снабженія войскъ и походныхъ лазаретовъ. Все это заставляетъ предполагать въ главѣ этой націи сильное желаніе выступить въ походъ противъ сильнаго непріятеля. Другіе народы тоже не сядутъ сложа руки и тоже увеличиваютъ свои войска, чтобы быть готовыми встрѣтить близкую опасность. Изъ всѣхъ европейскихъ державъ наиболѣе подвержена угрозамъ, наиболѣе ненавидима революціей — Австрія, въ которой заключаются принципы религій и древняго общественнаго порядка. Мы это знаемъ, и потому нарушители порядка встрѣтатъ насъ готовыми къ ихъ принятію, ибо вотъ уже два года, какъ правительство приняло мѣры, чтобы успѣшно отразить и истребить всякаго внутренняго и вѣшняго врага. И такъ увѣримся, что борьба близка, что она будетъ послѣд-

няя въ нынѣшнемъ вѣкѣ, что она рѣшитъ судьбу народовъ. Пусть люди бездѣйственные, которые все видятъ въ хорошемъ свѣтѣ, снова услышатъ громъ пушекъ. Когда вопросъ будетъ рѣшёнъ, тогда мы еще упѣемъ возвратиться къ пріятному бездѣйствию Титира; у насъ будетъ еще время насаждать Парраизійскій лѣсъ или ухаживать за цвѣтами въ садахъ Аркадіи счастливой. А нынѣче гремить боевая труба; голосъ генераловъ возбуждаетъ солдатъ къ битвамъ. Прочь расслабляющія страсти, прочь спокойствіе и сонъ! Чтобы завтра быть счастливыми, сегодня намъ надо показаться съ оружіемъ въ рукахъ. Правительство должно также, въ этихъ обстоятельствахъ, имѣть сознаніе самого себя и своего правденія. Оно еще болѣе, чѣмъ его страна, служить представителемъ нуждъ всѣхъ націй. Австрія есть послѣдній оплотъ, противопоставленный вторженію общественныхъ переворотовъ. Будь этотъ оплотъ опрокинутъ, — конечно, невѣрные восторжествуютъ! Такъ пусть же дѣйствуютъ съ твердостью, пусть освободятъ страну отъ предателей, пусть пропадутъ всѣ робкіе и чиновники камелеоны. Всякій чиновникъ въ нынѣшнія времена долженъ знать свои обязанности и выполнять ихъ, не обращая вниманія на людей. И такъ приготовимся къ борьбѣ, и пусть всякій дѣлаетъ то, что можетъ, и помогаетъ дѣлу правительства. Послѣ побѣды, у насъ будетъ время придумывать комментаріи на титово милосердіе. Надо начать съ того, чтобы истребить, уничтожить всѣхъ непріятелей, а потомъ, по окончаніи великой борьбы, мы простимъ. Революція не вступаетъ въ переговоры и не проситъ; она хочетъ, — и выражаетъ это довольно громко, — вычеркнуть Австрію изъ числа державъ. Такъ мы же ее предупредимъ точно такъ же крупными дѣланіями: надо истребить съ лица земли королевство итальянское и второе декабря. Къ чему себя обманывать? Пока мы не приступимъ къ этому предпріятію, передъ нами всегда будутъ тѣ же опасности. И такъ мы привѣтствуемъ 1862 годъ, приносящій намъ твердую надежду на войну, увѣренность въ томъ, что она будетъ. Со всѣхъ сторонъ стремятся къ бою, и съ нашей стороны, и съ непріятельской. Гарибальди пишетъ, что въ августѣ мѣсяцѣ онъ вступитъ въ Вѣну. Такъ исполнимъ же его пророчество. Пойдемъ, возьмемъ его, плѣннаго привеземъ въ Вѣну и станемъ показывать его въ балаганахъ въ пользу раненыхъ.»

Надо признаться, что показывать Гарибальди въ Вѣнѣ въ балаганахъ въ пользу раненыхъ — это мысль очень оригинальная, смѣлая, «игривый предметъ»; но нельзя не обратить вниманія на то, что газетчики храбрятся вовсе невольно. Онѣ толкуютъ о томъ, будто Австрія — послѣдній оплотъ, грудью стоящій противъ переворотовъ, что революція только о томъ и думаетъ, чтобы вычер-

кнутъ Австрію. Всмотримся же хорошенько въ эту громкую фразу, которая въ сущности есть ничто иное, какъ признаніе. Подъ именемъ революціи австрійцы непремѣнно разумѣютъ рѣзню, терроръ, ломку, отрицаніе прошлаго. Въ наше время это уже ошибка, и австрійскіе храбрецы напрасно думаютъ, что революція — синонимъ кровопролитія. У всѣхъ народовъ, сколько-нибудь сохранившихъ способность идти впередъ общественные перевороты какъ напри- мѣръ нашъ переворотъ въ жизни земледѣльческаго населенія, совершаются спокойно, такъ-сказать физиологически, а не патологически. По этому если Австрія стоитъ твердымъ оплотомъ противъ этихъ физиологическихъ общественныхъ переворотовъ, то довольно понятно такое пожеланіе, въ слуху котораго эта страна должна исчезнуть, какъ единица. Доказано тысячу разъ, и стремящіеся впередъ государства доказываютъ всякій день различными разумными, спокойными переворотами, что существующій порядокъ — нынѣшній ли, тотъ ли, который былъ семьдесятъ лѣтъ или семьсотъ лѣтъ тому назадъ составляетъ только переходъ къ другому, лучшему порядку. Остановка, застой есть Австрія, есть «оплотъ», противопоставленный общественнымъ переворотамъ. Ни одно, рѣшительно ни одно изъ правительствъ, одаренныхъ жизненностью, не полагаетъ и не полагало, что въ данную минуту все обстоитъ такъ благополучно, что лучшаго и желать нельзя, и не слѣдуетъ. Оптимисты въ этомъ случаѣ — враги отчизны и человечества, и нѣсколько измѣняя слова Тита; можно очень справедливо сказать, что день, прошедшій безъ измѣненія къ лучшему, безъ движенія впередъ, есть потерянный день. Римскій императоръ говорилъ, что ему всякій день необходимо дѣлать добро. Но это было правильно въ тѣ смутныя времена преторіянцевъ-опричниковъ и безправности гражданской, когда гроши изъ общественной казны, раздаваемые частнымъ лицамъ, составляли въ самомъ дѣлѣ доброе дѣло. Во второй половинѣ XIX вѣка обстоятельства перемѣнились до того, что общества не требуютъ, не ждутъ и не желаютъ со стороны правительствъ добра въ томъ смыслѣ, какъ понималъ его Титъ; они ждутъ и желаютъ только расчетливости и безостановочнаго, непрерывнаго хода впередъ, потому что остановка, перерывъ есть для живаго организма летаргія. Твердый оплотъ противъ общественныхъ переворотовъ есть, стало-быть, тяжелый кошмаръ, отъ котораго подверженный ему старается освободиться. Кто же найдетъ, чтобы это было не хорошо, неестественно?

Гарibaldi въ Вѣнѣ, выставленный въ балаганѣ на показъ въ пользу раненыхъ — дѣло физически возможное. Но это было бы ужасающимъ, канибальскимъ торжествомъ кошмара. Тогда тоску-

щему человѣству осталось бы одно только утѣшеніе, что кошмары не вѣчны и исчезаютъ при энергическомъ усилии паціента.

Хлопчатобумажныя дѣла

Недаромъ хлопокъ въ южныхъ штатахъ называется королемъ. Этотъ король дѣлалъ чудеса въ тѣхъ штатахъ, которые теперь отложились: онъ могучею рукою пріобрѣталъ ихъ къ почти сказочному благосостоянію свободныхъ штатовъ. Южныя степи населялись быстро, сотни пароходовъ плавали по южнымъ рѣкамъ, желѣзныя дороги со всѣхъ сторонъ проникали до глубины невольничьихъ земель, а количество сбора увеличивалось съ юду на юдъ *быстрѣе, чѣмъ увеличивалось черное населеніе*. Хлопокъ вступилъ на престолъ въ концѣ прошлаго вѣка. Въ 1790 году вывозилось едва сто кипъ въ годъ; съ тѣхъ поръ стали вывозить тысячи, потомъ сотни тысячъ и даже миллионы кипъ. Высшій урожай былъ въ 1859 году: собрано пять миллионъ кипъ, цѣною на полтора миллиарда. Кромѣ количества, и достоинство американскаго хлопка весьма высоко; онъ крѣпокъ, волокно у него длинное, цвѣтъ прекрасный, разновидностей множество. Великобританія получала оттуда двѣ трети всего потребляемаго на ея мануфактурахъ хлопка. Обладая такимъ необходимымъ для экономіи народовъ продуктомъ, американскіе плантаторы чистосердечно считали себя суперарбитрами всего образованнаго міра; они хвалились, будто въ ихъ рукахъ судьба Англіи и, главное, судьба сѣвероамериканской республики. И въ самомъ дѣлѣ, отъ ежегодныхъ урожаевъ они не только богатыли и строили себѣ дворцы чуть не до сумашествія роскошныя, но въ тоже время произвольно распоряжались американскимъ конгрессомъ: силою своихъ бумажныхъ кипъ, они фактически возстановили торгъ неграми, принудили законодателей къ сочиненію новаго кадекса.

Но ихъ дерзкое благополучіе вдругъ покачнулось. Рабовладельцы сами по своей волѣ разрушили уставъ и объявили войну сѣвернымъ штатамъ. Ихъ вывело изъ терпѣнія не избраніе Линкольна, а то, что эти несчастные сѣверные пролетаріи, которые сами работаютъ, точно негры, имѣютъ претензію принимать участіе въ управленіи республикой. Они думали, что Нью-Йоркъ и другіе сѣверные торговые города, продолжая поклоняться золотому тельцу или доллару, примутъ ихъ условія и будутъ почтительно просить мѣста въ невольничьей конфедераціи. Они были увѣрены, что сѣверные штаты, чтобы не закрыть своихъ мануфактуръ, кинутся имъ въ объятія, а Франція и Англія, всямѣя возможности

обойтись без хлопка, пришлютъ имъ помощь деньгами и войсками. Но вотъ прошло десять мѣсяцевъ, и еще ничего подобнаго не видно. Дѣло Трента разыгралось пока благополучно, и несмотря на тайныя симпатіи финансовой аристократіи, дѣла идутъ повидимому къ тому, чтобы предоставить южные штаты ихъ собственной черной судьбѣ. Сама земля кажется устала работать на ненасытныхъ плантаторовъ. Урожай 1860 года былъ отправляемъ въ Европу передъ самой войной: онъ ниже предыдущаго на мильонъ кипъ и не достигаетъ урожая 1858 г. Последний урожай, который не вывозится теперь по случаю войны, еще несравненно ниже, и причина этого заключается въ самой войнѣ. Южные штаты собрали не mehr 300.000 войска, состоящаго большею частью изъ рабовладельцевъ. Можетъ быть нѣтъ ни одного семейства плантаторовъ, которое не послало бы на войну одного или нѣсколькихъ членовъ своихъ и есть цѣлые округи, гдѣ хозяевъ нѣтъ и дѣла ведутся экономами или управителями. Въ этомъ-то и заключается сила южнаго войска: всѣ офицеры привыкли командовать, умѣютъ заставить себя уважать мелочью, изъ которой состоитъ масса войска. Сверхъ того они очень хорошо знаютъ, въ какой теперь опасности ихъ несчастное дѣло, и дерутся съ храбростью отчаянія. Они знаютъ навѣрное, что рано или поздно, силою обстоятельствъ, они поставлены будутъ между вторженіемъ сѣверныхъ войскъ и возстаніемъ невольниковъ, и потому дерутся не только за свою національную независимость, но прямо за свои богатства, за земли, за дома, за жизнь свою и своихъ семействъ. Войско оживленное такимъ духомъ, конечно будетъ сильно. Но оберегая границы, оно не можетъ въ то же время смотрѣть за уборкой хлопка. Управляющій никогда не замѣнитъ хозяина, а мало даже въ южныхъ штатахъ звѣрей-надзирателей, которые хозяйственнымъ образомъ распоряжаются бичемъ. Невольники, народъ хитрый, какъ всѣ слабые, дѣлаютъ видъ, что работаютъ, а на дѣлѣ выходятъ изъ ихъ работы очень мало: дороги испорчены, изгороди повалены, плантаціи заглушаются сорными травами. Далеко имѣется еще другое, болѣе важное слѣдствіе войны: необходимость замѣнить часть хлопчатобумажныхъ плантацій другими растеніями, хлѣбными. До войны невольничьи штаты воздѣлывали почти исключительно хлопокъ, сахаръ и табакъ, а зерновой хлѣбъ почти весь и муку, и даже столовые плоды получали съ сѣвера. Вслѣдъ за объявленіемъ войны и за началомъ блокады, начался почти совершенный голодъ въ южныхъ штатахъ. Несмотря на то, что они любятъ похвастать и преувеличивать въ рассказахъ о своемъ благосостояніи, но даже совершенно черныя газеты «Richmond Whig» и «New-Orleans Delta» наперерывъ кричатъ о необходимости

разведенія хлѣбныхъ растеній, а нѣкоторые увѣряютъ даже, будто мало вовсе оставить производство хлопка. Это неудобное положеніе тѣмъ тяжело, что невольничьимъ штатамъ пришлось бы получать хлѣбъ изъ Англіи, которая сама получаетъ значительную часть его изъ сѣверныхъ штатовъ.

Мало этого: до войны мануфактурные товары большею частью получались изъ сѣверныхъ штатовъ. Башмаки, шляпы, булавки, гвозди, мыло и тысяча другихъ необходимѣйшихъ предметовъ получались съ сѣвера; Пенсильванія доставляла имъ лопаты, заступы, плуги, которыми работали негры. Книжки, бумага, книгопечатные шрифты, порохъ, ружья, рельсы, локомотивы и вагоны, даже веревки и холстъ для упаковки хлопка получались изъ сѣверныхъ штатовъ. Плантатору нельзя было взглянуть ни на себя, ни вокругъ себя, чтобы не признать своей промышленной зависимости отъ сѣвера. Привыкнувъ къ роскоши, они по случаю войны, стали нуждаться даже въ необходимомъ. Приходится отнять отъ земледѣльческаго труда множество черныхъ работниковъ и помѣстить ихъ на другое дѣло. А теперь еще вдобавонъ они работаютъ надъ устройствомъ батарей, фортовъ и перевозятъ провіантъ и военныя тяжести. Прошлогодній сборъ хлопка по всему этому едва доходить до 2.500.000 кипъ, какъ говоритъ министръ финансовъ южной конфедераціи, а въ его словахъ невозможно не подозревать преувеличенія.

Таковы первыя непосредственныя слѣдствія войны; но каковъ бы ни былъ исходъ нынѣшняго столкновенія, хлопковая монополія американцевъ исчезнетъ, хлопокъ перейдетъ изъ невольничьихъ рукъ въ свободныя. Это неизбѣжно. Впродолженіе десяти мѣсяцевъ можно было думать, что вся причина войны — хлопокъ, сѣверные люди старались захватить хлопокъ, а южные берегли его ревниво. Въ этомъ убѣжденіи южное правительство смотрѣло на него, какъ на деньги и принимало его вмѣсто золота, при подпискѣ на заемъ. Но подписка эта шла плохо; изъ 15 миліоновъ долларовъ подписано было неболѣе двухъ третей, а хлопка неболѣе 10.000 кипъ. Плантаторы охотнѣе жертвуютъ своею личностью, нежели еобственностью. Готовые отдать за сохраненіе невольничества свою жизнь, они благоразумно берегутъ свои продукты.

Сѣверныя войска занимаютъ теперь нѣсколько пунктовъ южнаго берега; но десять мѣсяцевъ войны уже озлобили плантаторовъ; они теперь охотнѣе сожгутъ весь свой прошлогодній урожай, чѣмъ отдадутъ хоть одну кипу сѣверянамъ. Въ случаѣ даже обратнаго хода дѣлъ, еслибы можно было предположить, что югъ выиграетъ дѣло, отдѣлится совершенно и образуетъ отдѣльное государство, а

тогда хлопковое дѣло погибло для рабовладѣльцевъ. Они имѣли въ Европѣ монополию этой торговли, потомучто могли поставить кипу хлопка даннаго качества дешевле, нежели кто другой. Но война и самостоятельность поднимуть цѣну хлопка всѣми суммами, которыхъ будетъ стоить содержаніе постояннаго войска, флота, всевозможныхъ чиновниковъ, общественныхъ зданій, крѣпостей. Все это заплатитъ хлопокъ, стало-быть настолько поднимется его цѣна, что съ нимъ въ состояніи будетъ соперничать хлопокъ, воздѣланный и собранный свободными руками.

А между тѣмъ для Англійи хлопокъ необходимъ, какъ хлѣбъ насущный. Ланкаширъ съ своими хлопковыми лордами и невольничьими олигархи солидарны между собою; англичане, правда, не непосредственнымъ образомъ помогали развитію и проленію невольничества, вывоза хлопокъ преимущественно выработанный невольничьими руками; а плантаторы дешево давали матеріалъ, послужившій основаніемъ колоссальныхъ богатствъ фабрикантовъ и скуднаго куска хлѣба рабочихъ. Но американская война показала, что неслѣдовало и непрямо принимать на себя долю плантаторскихъ преступленій. А между тѣмъ, въ предостереженіяхъ недостатка не было. Давно уже была предсказана нынѣшняя катастрофа, давно внутренніе раздоры амеріканской республики приняли характеръ грозный. Англійскія газеты давно совѣтовали ланкаширскимъ фабрикантамъ, не во имя нравственности, а во имя простого благоразумія, принять мѣры къ тому, чтобы не быть въ зависимости отъ невольничьихъ плантацій, а устроить имъ серьезную конкуренцію въ Индіи, въ Африкѣ, на Антильскихъ островахъ, вездѣ, гдѣ только можетъ расти хлопокъ ⁽¹⁾. Фабриканты соглашались иногда, что ихъ положеніе не совсѣмъ безопасно, устраивали даже комитеты для изслѣдованія способовъ пособить дѣлу, даже основывали общества для поощренія хлопковыхъ плантацій. Но тѣмъ и кончались ихъ усилія. Среди обоянія своего богатства, они никакъ не воображали, что оно можетъ когда-нибудь поколебаться. При помощи талантливыхъ изобрѣтателей, ихъ предпримчивость и настойчивость развили фабрикацію до размѣровъ величественныхъ. Въ 1767 году англійскіе прядильщики употребляли до 120,000 пудъ хлопка, а въ 1860 году имъ нужно было уже въ триста разъ больше. Передъ войной, вспыхнувшей въ Соединенныхъ Штатахъ, въ мануфактурныхъ округахъ Великобританіи было 2,200 фабрикъ съ 400,000 ра-

---

(1) Изъ каждыхъ 100 кипъ хлопка, обработанныхъ въ Великобританіи, въ 1860 году, 85 были привезены изъ американскихъ штатовъ, 8 изъ другихъ земель и только 7 изъ англійскихъ колоній.

бочихъ, съ 33 милліонами веретенъ, приводимыхъ въ движеніе паровыми машинами въ 100,000 лошадиныхъ силъ. (Изъ всѣхъ рабочихъ около $\frac{3}{8}$ были женщины, получавшія среднимъ счетомъ 3 р. 20 к. въ недѣлю, тогда какъ мужчины получали до 5 р. 80 к.) Капиталъ, затраченный на прядильни, доходилъ до $1\frac{1}{4}$ милліарда, а производилось на нихъ пряхи на полъмилліарда. Услуживые статистики высчитали, что въ 1860 году выпрядена нить въ 40 милліоновъ верстъ: ею можно-бы сто разъ обернуть земной шаръ, или десять разъ достать луну. Такимъ образомъ Англія обрабатывала болѣе половины всего количества хлопка, который употреблялся на всемъ земномъ шарѣ. Вдругъ, среди такого благосостоянія, поднимается и встаетъ призракъ разоренія, въ видѣ междоусобной войны въ Штатахъ. Если прибавить къ этому, что остальные на сѣтѣ мануфактуряты должны терпѣть почти столько же, то итогъ потерь выйдетъ громадный.

Англичане вообще не очень громко говорятъ о своихъ національныхъ несчастіяхъ; но по статистическимъ цифрамъ можно заключить, что пауперизмъ развивается ужасно. Въ началѣ ноября 1861 изъ 842 бумагопрядильнъ манчестерскаго округа, только 295 работали непрерывно, 498 были открыты три, четыре или пять дней въ недѣлю, а 49 вовсе не работали. Изъ 172,257 рабочихъ этого округа немного болѣе трети сохранили все свое жалованье, другая треть была на работѣ четыре дня въ недѣлю; около 30,000 получала задѣльную плату за три дня: 15,000 работали пять дней, а 8,000 были вовсе безъ работы. Въ другихъ мануфактурныхъ округахъ пропорція была таже самая. Въ 1860 году рабочіе получали по 5,750,000 рублей въ мѣсяцъ, а въ ноябрѣ мѣсяцъ прошлаго года всего 3 миліона.

По извѣстной связи всѣхъ промышленности, и по другимъ отраслямъ были значительные убытки; изъ отчетовъ англійскихъ таможенъ видно то, чего не бывало уже много лѣтъ сряду: уменьшился вывозъ сукна, шелку, посуды, металловъ, и т. д. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1861 вывозъ былъ на 18 процентовъ меньше вывоза въ сентябрѣ 1860 года. Въ Англіи было 892,000 бѣдныхъ, получавшихъ помощь, въ Шотландіи 121,000, въ Ирландіи 91,000, что составляетъ по отношенію къ населенію этихъ странъ 39, 40 и 15 бѣдныхъ на тысячу жителей. Къ 1 іюля 1861, число бѣдныхъ увеличилось на 33,900, а тогда нынѣшній ужасный кризисъ только что начинался. Къ тому еще и хлѣбъ въ Англіи теперь въ цѣнѣ, тогда какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ хлѣбъ ни почему: недавно тамъ топили вагоны кукурузой. И среди этихъ то ужасовъ голода проходитъ нынѣшняя холодная зима, а между

тѣмъ богатая Англія къ 1 мая готовить великолѣпное торжество промышленности, колоссальную всемірную выставку, гдѣ собраны будутъ всѣ послѣднія чудеса мануфактуръ, и между прочимъ изумительныя бумагопрядильныя машины. А пока зрители будутъ толпиться у этихъ чудесъ, что станутъ дѣлать бѣлыя рабочіе? Умирать голодомъ.

Но что же дѣлать Англіи? Можно ли пособить этому несчастью хотя бы оружіемъ, договорами, чѣмъ пошало, только пособить. Сначала министерство думало, что употребленіе силы будетъ уместно. Оно начало съ того, что признало южныя штаты ведущими войну, а не возставшими; потомъ оно дѣлало видъ, будто не знаетъ, что въ южное войско силой взято множество англичанъ въ солдаты. Нѣкоторые манчестерскіе купцы, плохіе политики, просили даже позволенія у своего правительства вооружить флотилію и отправиться добывать хлопокъ на свой счетъ и страхъ, нарушая блокаду. Съ тѣхъ поръ однакоже обстоятельства перемѣнились, и всѣ теперь увѣрены, что насильственными мѣрами тутъ ничего не возымеешь, что причины остановки — не въ Америкѣ, а въ самой Англіи, вездѣ. Индійскіе купцы только что узнали о сѣвероамериканскихъ неурядицахъ, успѣшили скупить большія запасы тамошняго хлопка, и хотя онъ гораздо ниже американскаго, однако все-таки годится. Однако весь хлопокъ остался у нихъ на рукахъ. Въ Мирзапурѣ на набережной съ 50,000 кипъ хлопка, который отдавался владѣльцами чуть не даромъ. А въ индійскомъ хлопкѣ недостатка бы не было.

Дѣло въ томъ, что втеченіи 1859 и 1860 года, по случаю обильныхъ урожаевъ въ Америкѣ, производство такъ усилилось, построено было столько лишнихъ фабрикъ, что это неминуемо должно было произвести кризисъ въ противоположную сторону. Рынки были переполнены, цѣны на хлопчатобумажныя издѣлія упали. Не будь американскаго междоусобія, пришлось бы точно также остановить излишнюю горячку производства. Но остановка въ подвозѣ хлопка изъ Америки произвела реакцію опять въ другую сторону. Покупатели бумажныхъ издѣлій, желая запастись товарами, которые скорѣе должны были сильно подняться въ цѣнѣ, не остановили своихъ заказовъ, и кризисъ въ направленіи пониженія цѣнъ пріостановился. Въ тоже время англійскіе фабриканты воспользовались удобнымъ случаемъ, ухватились за благовидный предлогъ и убавили фабрикацію болѣе, нежели на цѣлую треть, продолжая принимать заказы, при чемъ заказчики получали все, что имъ слѣдовало. Такимъ образомъ два кризиса взаимно нейтрализовались, отъ чего впрочемъ работникамъ ничуть не легче.

Въ половинѣ 1861 года запасъ хлопка въ Англіи былъ не менѣе

запаса 1860 года. Наконецъ 6 декабря 1861 года въ Ливерпульѣ на складѣ было 606,810 кипъ хлопка, стало-быть гораздо больше, нежели въ предыдущемъ году, когда въ соответствующую недѣлю было только 579,620 кипъ. Теперь въ Ливерпульѣ около 660,000 кипъ. Этого должно бы хватить мѣсяца на четыре, полагая, что Англія перерабатываетъ и вывозитъ въ сырошъ видѣ до 40,000 кипъ въ недѣлю. Ктому же нерабовладѣльческіе производители хлопка вѣроятно пришлютъ въ Англію столько же, сколько присылали въ прошломъ, т. е. 1,200,000 кипъ. Да если къ этому еще прибавить частные запасы фабрикантовъ, то въ итогѣ составитя до двухъ миліоновъ кипъ, которыхъ слишкомъ будетъ довольно даже для обыкновенныхъ, вислоко не уменьшонныхъ требованій.

Стало-быть неумолимо свирѣпствующій въ богатой Англіи пауперизмъ происходить вовсе не отъ недостатка хлопка, не отъ междоусобной войны, происходящей въ Америкѣ. Манчестерскіе фабриканты видятъ это очень хорошо, но съ большою радостью сваливаютъ на американскую войну необходимость уменьшать число рабочихъ, и уменьшаютъ; но теперь, при ясномъ сознаніи дѣла, они уже не рѣшатся ни желать, ни требовать войны и насильственного открытія блокады южныхъ портовъ. Откройся теперь южные порты, — фабриканты были бы въ большомъ затрудненіи, куда дѣвать новыя миліоны кипъ, когда заказовъ такъ немного.

Однакоже, какъ бы то ни было, не въ нынѣшнемъ году, такъ въ будущемъ, фабриканты надѣются, что обработка хлопка приметъ прежніе размѣры и займется о томъ, откуда же они будутъ получать хлопокъ. Изъ южныхъ штатовъ они уже не надѣются получать его въ прежнемъ количествѣ, и по той же низкой цѣнѣ. Если южные штаты образуютъ самостоятельное государство, то цѣна хлопка возвысится на все количество необходимыхъ государственныхъ расходовъ, и количество его уменьшится на всю не збѣжную убавку рабочихъ рукъ, до сихъ поръ употреблявшихся на хлопковыхъ плантаціяхъ. Если сѣверные штаты восторжествуютъ и обратво присоединятъ къ себѣ южные, то цѣна хлопка точно такъ же возвысится, потомучто рабство будетъ непремѣнно уничтожено, и на хлопокъ падеть часть нынѣшнихъ громадныхъ государственныхъ займовъ; да и количество его уменьшится, потомучто свободныхъ черныхъ невозможно будетъ заставлять такъ много работать, какъ до сихъ поръ работали невольники. Откуда же впередъ будетъ получаться въ Европѣ нормальное количество хлопка? Это вопросъ немаловажный, потомучто съ его рѣшеніемъ связано существованіе десяти миліоновъ европейцевъ, занятыхъ пряжей, тканьемъ и окраской хлопчатобумажныхъ издѣлій.

Страны, могущих доставлять нам хлопок, так много, что остается только выбирать. Тамъ растетъ травянистый хлопокъ, здѣсь кустарный; тутъ волокно длинное, тамъ короткое, и бѣлое, и желтоватое. Иной видъ любитъ морской берегъ и песчанистую почву, другой — черноземъ, третій хорошо растетъ по горнымъ отлогостямъ. Десятина, засаженная хлопчатникомъ, даетъ средній урожай въ двѣ кипы. Стало-быть всего только мильона десятинъ достаточно, для снабженія хлопкомъ всѣхъ англійскихъ придиленъ. Такое пространство равняется только десятой долѣ новгородской губернии, въ которой болѣе десяти мильоновъ десятинъ, или четвертой части курской губернии, или около трети московской губернии. Въ обширныхъ тропическихъ колоніяхъ Англій найдется тысяча такихъ пространствъ.

Хлопокъ есть на антильскихъ островахъ, принадлежащихъ Испаніи и въ тѣхъ частяхъ южной Америки, гдѣ существуетъ еще невольничество. Хотя нѣкоторые экономисты увѣряютъ, что законы политической экономіи отличаются отъ законовъ нравственности, но это было встарину. Теперь и самые экономическіе законы порицаютъ невольничью работу и считаютъ ее невыгодною: рано или поздно она перейдетъ въ катастрофу. Изъ Бразиліи вывозится около 150,000 кипъ хлопка.

Гораздо важнѣе въ отношеніи къ добыванію хлопка тѣ антильскіе острова, гдѣ рабство уже не существуетъ. На островѣ Ямаикѣ работаетъ теперь манчестерское общество на акціяхъ Jamaica cotton company. Въ прошломъ году это общество засѣяло хлопкомъ огромныя пространства, и урожай вышелъ необыкновенно хорошъ. Общество даромъ раздаетъ хлопковыя сѣмена мелкимъ землевладѣльцамъ. Тамъ имѣется до 400,000 десятинъ, годныхъ подъ хлопчатникъ, при свободномъ черномъ населеніи въ 427,000 душъ. На островѣ Гаити хлопчатникъ процвѣтаетъ въ рукахъ свободныхъ негровъ. Множество бѣглыхъ негровъ и свободныхъ въ послѣднее время толпами переселяются на свободныя антильскіе острова и тотчасъ принимаются за хлопчатникъ: имъ тамъ охотно даютъ землю. Въ послѣдніе три мѣсяца изъ Бостона, Филадельфіи и Нью-Йорка вышло туда одиннадцать кораблей, нагруженныхъ свободными неграми. Одинъ купецъ спросилъ такого переселенца, зачѣмъ онъ уѣзжаетъ? «Хлопку довольно царствовать», отвѣчаетъ негръ: «онъ свирѣпый король; надо его подорвать. Не будетъ хлопка на югѣ, не будетъ и невольниковъ.»

Въ центральной Америкѣ, въ Колумбіи, въ Аргентинской республикѣ хлопокъ родится великолѣпно; тамъ образовалось нѣсколько компаній для сплошнаго его разведенія на цѣлой тысячѣ квадрат-

ныхъ верстѣ. Самы Соединенные-Штаты хлопчуть о томъ, чтобы пополнить недостатокъ, происшедшій отъ отложенія южныхъ штатовъ. Въ странѣ свободной, двадцать пять верстѣ сѣвернѣ Балтимора, насаждено большое пространство кустарниковаго хлопчатника. Сдѣлано даже наблюденіе, что этотъ видъ хлопчатника даетъ тѣмъ болѣе длинное и тѣмъ болѣе тонкое волокно, чѣмъ ближе разводится къ сѣверному предѣлу своего пояса.

Въ старомъ свѣтѣ тѣ самыя страны, которыя дали въ сѣверную Америку первыя сѣмена хлопчатника и долгое время снабжали хлопкомъ европейскія бумагопрядильни, весьма могутъ занять свое первоначальное мѣсто. Въ южной Испаніи, въ Сициліи, въ Сардиніи, въ бывшемъ королевствѣ неаполитанскомъ множество земель, очень удобныхъ для разведенія хлопчатника; тамъ разведеніе его уже началось съ успѣхомъ. Въ Египтѣ трудолюбивые феллаки отравили въ прошломъ году 160,000 кипъ хлопка. Но ихъ разоряють туземные ростовщики и не выпускають изъ долговъ, давая имъ займы крошечныя суммы за 60 и 70 процентовъ. Манчестерская компанія устраиваетъ тамъ земледѣльческій банкъ, который будетъ снабжать бѣдняковъ деньгами за 1 и не болѣе какъ за 2 процента въ мѣсяцъ. И такой высокій процентъ будетъ уже тамъ настоящимъ благодѣаніемъ. Алжирская колонія вывезла только 426 кипъ въ годъ.

Другіе берега Африки еще болѣе благопріятны разведенію хлопчатника. Гвинейскій берегъ, Либерія, Абекута начинаютъ разводить его. Наконецъ сама Индія, можно сказать родина тончайшихъ бумажныхъ тканей, *видимаго воздуха* добываетъ отъ 2½ до 4 миліоновъ кипъ хлопка; оттуда въ одинъ Китай вывозится 200,000 кипъ. Плохое качество тамошняго хлопка акціонерныя общества стараются поправить выпискою сѣмянъ изъ Америки, тамошнимъ рабочимъ выслають усовершенствованныя орудія для обработки волокна, прессы, плуги и т. д. Но главное поощреніе успѣховъ разведенія хлопчатника состоитъ въ улучшеніи путей сообщеній. Остъ-индская компанія, во времена своего процвѣтанія, дѣлала всевозможныя усилія, чтобы въ Индіи не было дорогъ. Въ одной изъ самыхъ плодородныхъ и богатыхъ провинцій Индіи въ Белларіи, съ 10 мил. жителей, десять лѣтъ тому назадъ не было ни одного моста, ни одной дороги, по которой можно было бы ѣздить на колесахъ. Приходилось путешествовать верхомъ, а черезъ рѣки переправляться въ бродъ, или на лодкахъ. Но теперь, когда Индія вырвана изъ рукъ разорявшихъ ее акціонеровъ, по всей странѣ ведутся желѣзныя дороги, и въ будущемъ году открыто будетъ для движенія всего 1700 верстѣ. До тѣхъ поръ, пока богатые купцы

распоряжались участію миліоноръ индѣйскаго населенія, тамошніе земледѣльцы были совершенно въ рукахъ своихъ привилегированныхъ кастъ. Браминны, гозайны, бирагін и другіе люди, пользовавшіеся особенными преимуществами, разоряли народъ разными таксами и грабили на всѣвозможные лады, подъ всякими предлогами, начиная съ наборовъ въ пользу религіозныхъ учреждений. Теперь это все понемногу приводится въ порядокъ; невоздѣланная земля приведена въ извѣстность, раздѣлена на участки отъ десяти до тысячи десятинъ, и продается всякому желающему отъ 3 до 7 рублей за десятину: покупатель имѣетъ право разводять все, что хочетъ: хлопчатникъ, явднго, чай, кофе или что другое. Благодатный климатъ въ первый же годъ десять разъ окупить цѣну земли.

Индія начала перерождаться, и теперь манчестерскіе фабриканты безъ своекорыстнаго участія слѣдятъ за извѣстіями объ амеріканскихъ событіяхъ. Для нихъ теперь сраженіе при Сомеритѣ или какое другое не представляютъ особенной важности, «они любятъ на нихъ безъ кровожаднаго волненія, какъ на трагическій балетъ», почти даже не обращая вниманія, кто же выигралъ, сѣверъ или югъ, и кто же этотъ убитый генералъ Цолликофферъ, изъ сѣверныхъ войскъ, или изъ южныхъ. Теперь они даже не очень заботятся о томъ, что чарльстоунскій портъ заваливается камнями, но передъ исхудалыми рабочими своими, которые протягиваютъ за подаваніемъ свои костистыя руки, они со вздохомъ увѣряютъ, что проклятыя янки воюють и отнимають у нихъ работу. «Чтоже дѣлать? — говорятъ они, — мы теперь и сами безъ работы. Приходится терпѣть, покоряясь волѣ провидѣнія. Что-то Богъ дастъ лѣтомъ? Все въ святой Его волѣ.»

Надо однако отдать справедливость настоярамъ: они усерднѣйшимъ образомъ проповѣдуютъ въ томъ же смыслѣ, и очень скромно отзываются о своемъ скромномъ званіи.

ПРУССКІЯ ДѢЛА

Мы уже имѣли случай говорить, какъ удачно образовалась нынѣшняя палата депутатовъ въ Берлинѣ. Въ ней теперь значительно преобладаетъ свободный элементъ. Но это далеко еще не значитъ, что вынѣшнее законодательство будетъ отличаться особенно либеральными мѣрами, такъ какъ верхняя палата долго еще будетъ въ оппозиціи всякому либеральному стремленію. Впрочемъ такова уже судьба всѣхъ верхнихъ палатъ и верхнихъ слоевъ на свѣтѣ. Конституціонисты даже откровенно говорятъ, что верхнія палаты затѣмъ и учреждаются, чтобы сдерживать стремленія нижнихъ.

Но такъ какъ холъ впередъ; обмѣнъ стараго на новое составляетъ непремѣнное, непреложное условіе всякой жизни, то конечно и прусское устройство по немногу поднимается впередъ, и партія оппозиціи, такъ называемая феодалная партія, стала понемногу сдвигаться на переговоры.

Въ 1815 году король Фридрихъ Вильгельмъ III сдѣлалъ нѣкоторые либеральныя обѣщанія. Исполнять ихъ онъ не думалъ, а кое-что въ такомъ родѣ надо было сдѣлать, и потому онъ устраивалъ провинціальныя сеймы. Они были въ высшей степени полезны, какъ приготовленіе къ парламентской жизни. Въ 1847 году провинціальныя сеймы соединены были въ одинъ общій. Въ этомъ-то состояніи открыто выказался вѣчный антагонизмъ средневѣковаго государства и новѣйшаго. Первое едва не разрушилось совершенно подъ ударами событій 1848 года; но либеральная и радикальная партіи втеченіи шести мѣсяцевъ дѣйствовали такъ плохо, что побѣжденная партія успѣла воротить себѣ большую часть того, что было потеряно. Однако чистое возвращеніе къ старому порядку было уже невозможно, и конституція 1830 года была результатомъ взаимныхъ уступокъ правительства и стремленій народа. Хартія для того времени была составлена довольно сносно; король и народъ могли бы довольствоваться ею довольно долгое время, безъ большихъ измѣненій. Но едва король присягнулъ хартіи, какъ высшее сословіе открыто объявило о своемъ намѣреніи бороться противъ этого основнаго закона. Оно сдержало слово. И тогда всякій могъ видѣть какъ прекраснѣйшія учрежденія могутъ обратиться ко вреду народа, если онъ еще не успѣлъ ихъ совершенно усвоить. Обѣщанныя хартіей органическіе законы остались въ картонахъ министерствъ; обнародованные законы не были приведены въ дѣйствіе: свобода печати, право собраній, отвѣтственность министровъ, самоуправленіе общинъ и провинцій, отдѣленіе судебной власти отъ административной, свобода вѣроисповѣданій, уничтоженіе сословныхъ привилегій, все это осталось только на бумагѣ, а на дѣлѣ явилось въ совершенно искаженномъ видѣ. Одно только понеобходимости пришлось оставить, это парламентскую каюдру; но безъ свободы печати какіе-нибудь сто человѣкъ свободныхъ гражданъ словами ничего не могли сдѣлать. Такъ дѣло бы и продолжалось, еслибы болѣзнь Фридриха-Вильгельма IV не привела къ перемѣнѣ правителя.

Принцъ-регентъ объявилъ, что онъ будетъ держаться средины между крайностями, исполнить то, что было обѣщано и не станетъ выносить никакого принужденія снизу. Вновь составленное министерство Гогенцоллернъ-Ауэрсвальдъ не сдержало всѣхъ своихъ обѣщаній, но оказало огромныя услуги. Оно ввело законъ на мѣсто

административнаго произвола; при немъ печать подведена подъ обыкновенные законы, прекратились религіозныя преслѣдованія, диссиденты и евреи получили почти всѣ права. Другія реформы были отвергнуты верхнею палатою. Однакоже министерство удовлетворяло общественныя желанія; между министерствомъ и либеральною партіей не было важныхъ несогласій. Но прошлогодняя коронація въ Кёнигсбергѣ внесла въ положеніе министерства нѣкоторыя затрудненія, тѣмъ болѣе, что дѣло было не задолго до выборовъ.

Въ Пруссіи не было коронаціи съ 1701 года, когда курфирстъ Фридрихъ III принялъ королевскій титулъ. Предполагалось, что первый король принялъ королевскую корону за себя и за всѣхъ своихъ пресмычковъ. Всѣ слѣдующіе короли только принимали *присягу на подданство* отъ провинціальныхъ чиновъ. Это феодальное учрежденіе, основанное на различіи сословныхъ правъ, уложеніемъ 1850 года было измѣнено. По смыслу конституціи, король, въ присутствіи двухъ *соединенныхъ* палатъ, клянется, что будетъ поддерживать конституцію и управлять сообразно съ законами. Члены палатъ *клянутся въ вѣрности и повиновеніи* королю и конституціи. Эти точныя и ясныя правила исполнены были и тогда, когда регентъ сдѣлавшись королемъ, открывалъ законодательное собраніе 1861 года. Вдругъ дворянство вознамѣрилось принести *присягу на подданство*, по случаю коронаціи. Министерство согласилось на присягу. Далѣе, рѣчи произнесенныя при коронаціи, имѣли неблагоприятное вліяніе на общественное мнѣніе. Ни въ одной изъ привѣтственныхъ рѣчей не было вималѣйшаго намека на конституціонныя права народа, въ чемъ послѣ и упрекали г. Симсона, президента второй палаты. Какъ бы то нибыло, кенігсбергскіе дѣятели привели министерство въ затруднительное положеніе передъ выборами. Избирательные циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ графа Шверина показали, что министерство опасалось за исходъ выборовъ. Министръ запрещалъ своимъ чиновникамъ дѣйствовать на убѣжденія избирателей иначе, какъ путемъ убѣжденія, поясняя намѣренія правительства. Онъ писалъ: «Правительство не придаетъ никакаго значенія благопріятнѣйшимъ въ министерскомъ смыслѣ выборамъ, если при этомъ невыразилось истинное мнѣніе страны; стало быть правительство отвергаетъ всякое насиліе, употребляемое для направленія выборовъ. Подобные выборы наконецъ не даютъ никакой поддержки правительству; кромѣ того они противны закону, подрываютъ уваженіе къ законамъ, слѣдовательно подрываютъ значеніе власти». Требуя выборовъ откровенныхъ и въ тоже время умѣренныхъ, министръ обращался къ той партіи, въ рядахъ которой онъ самъ занималъ замѣтное мѣсто, когда съ такимъ талантомъ управлялъ оппозиціею

министерству фонъ-Мантейфеля. Эта партія втеченіе десяти послѣднихъ лѣтъ называлась либеральною, конституціонною, готскою, партією Сямсона и наконецъ, въ прошломъ году — Финке.

Но краснорѣчіе министра оказалось напраснымъ, потому что духъ времени есть такая неодолимая, роковая сила, о которую разбиваются гораздо болѣе сильныя и высокія власти, чѣмъ графъ Шверинъ. Духъ времени, а не кто другой устроилъ нынѣшніе прусскіе выборы, и оказалось, что партія реакціи, считавшая прежде 218 голосовъ, потомъ 57, въ нынѣшней палатѣ имѣеть только шестнадцать. Партія либеральная имѣвшая прежде 58 голосовъ, потомъ 223, теперь имѣеть 253. Католическая партія пріобрѣла нынѣче 18 новыхъ голосовъ. Въ числѣ 253 вообще либераловъ заключается собственно двѣ партіи, прогрессисты и умѣренные либералы. Первыхъ считается около ста.

Такимъ образомъ мы будемъ свидѣтелями борьбы четырехъ партій: католической, реакціонной, умѣренно-либеральной и прогрессистской. Не мѣшаетъ вѣскольکو ближе съ ними познакомиться.

Прусскіе демократы давно жалуются на привилегированное положеніе дворянства, а дворянство, напротивъ, держится такого мнѣнія, что у него отнимають то, что принадлежитъ ему по праву рожденія. Всѣ насъ грабили, — говорятъ бранденбургскіе и померанскіе риттеры, даже правительство, которое завладѣло нашею землею и стало между нами и народомъ, который намъ принадлежитъ. Но съ 1818 года риттеры держатъ Пруссію въ рукахъ: они стоятъ во главѣ войска, дипломатіи, министерствъ, администраціи; они управляютъ губерніями, держатъ подъ своимъ покровительствомъ церкви, не платятъ поземельной подати. Несмотря на такія обширныя права, риттеры часто имѣли нужду входить въ сношенія съ своимъ государемъ, и сильно возставаа противъ конституціонныхъ ученій, требовали возстановленія собраній государственныхъ чиновъ, уничтоженныхъ въ XVII вѣкѣ курфирстомъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, то-есть требовали собраній, гдѣ голоса дворянства считались выше голосовъ всѣхъ остальныхъ чиновъ, вмѣстѣ взятыхъ. Они думали, что могутъ сами вести всѣ дѣла и мало-помалу невольню выведены были на почву ненавистнаго парламентаризма. Короли Фридрихъ Вильгельмъ III и IV могли возстановить штаты XVII вѣка, но никакъ не могли возстановить среднее сословіе и крестьянъ въ томъ видѣ, какъ они были за двѣсти лѣтъ назадъ. Они составили оппозицію, только-что получили право говорить. Риттеры вынуждены были вступить въ борьбу, и чтобы имѣть какой-нибудь усѣхъ, должны были принять оружіе своихъ противниковъ, говорить, доказывать. Этого только и было нужно. Рево-

люція 1848 года опрокинула сладостныя мечты дворянства; оно даже не пробовало сопротивляться, и удалилось въ свои помѣстья. Въ мартѣ 1848 года войско было побито; черезъ полгода оно съ торжествомъ вступило въ столицу, и тогда феодальная партія снова явилась на политическую сцену. Дворянство громоздило препятствіе на препятствіе, чтобы только не дать устояться конституціи. Оно добилось того, что хартія 1850 года сдѣлалась смѣсью феодальныхъ разграниченій съ либеральными принципами. Въ Пруссіи явились перы или члены верхней палаты, наследственные и пожизненные. При выборахъ 1852 года министерство Вестфалена устроило такъ, что нижняя палата составлялась по большей части изъ чиновниковъ, которые во всемъ соглашались съ правительствомъ, и тогда прошолъ законъ о составѣ верхней палаты. Король долженъ былъ *назначать* членовъ верхней палаты. Чтобы избѣжать назначенія не совсѣмъ феодальныхъ членовъ, дворянство вставило маленькій крючокъ: крупные собственники получили право *представлять* королю 90 кандидатовъ на пожизненное мѣсто. Прибавлено было, что *представленъ* быть можетъ только тотъ, кто владѣеть дворянскою собственностью наследственно въ одной фамиліи не менѣе ста лѣтъ, или владѣеть майоратомъ. Такимъ образомъ изъ верхней палаты исключены всѣ собственники, приналежащіе къ среднему сословію, потому что въ Пруссіи дворянская собственность прибрѣтается всякимъ только въ послѣднія 50 лѣтъ. Изъ 12,500 дворянскихъ имѣній только 1,300 удовлетворяютъ постановленному требованію. Эти 1300 дворянъ и суть прирожденные избиратели палаты. Въ послѣднія шесть лѣтъ это собраніе дѣтельно помогало реакціонному министерству Мантейфеля, а послѣ учрежденія регентства, систематически противодѣйствовало новому министерству. Общественное мнѣніе возстало противъ этого собранія, которое представляло лишь крошечное меньшинство, а забираю въ свои руки всю правительственную власть. На выборахъ прошлаго года, феодальная партія, чувствуя нѣкоторую опасность своего положенія, дѣлала самыя забавныя усилія, чтобы удержать за собою власть и вліяніе. Прусскіе дворяне устраивали мимимы, даже увѣряли ремесленниковъ и рабочихъ, будто у аристократовъ и у нихъ интересы одни и тѣже. Составился «центральный консервативный комитетъ», съ великолѣпными объявленіями: Онъ запрашивалъ ремесленниковъ сѣзжаться въ Берлинъ, общалъ желающихъ квартиру, столъ, прогулку и даровыя развлечения, увѣрялъ, будто «пустой либерализмъ» подвергается страху опасности, сожалѣлъ о бѣдныхъ рабочихъ, находящихся подъ игомъ подлаго капитала. Но изъ всего этого ничего не вышло.

Феодалная партія всегда была (какъ и слѣдовало ожидать) въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ ультра-протестантами и ультра-католиками. Интересы этихъ двухъ послѣднихъ полупартій совпадаютъ съ интересами феодаловъ. Король говорилъ о нихъ министрамъ въ Кенигсбергѣ: «Въ обѣихъ церквахъ надо постараться остановить проски, при помощи которыхъ религія только прикрываетъ политическое волненіе. Въ евангелической церкви явились черезчуръ строгіе богомольцы, доходящіе до лицемѣрія. Надо стараться сбить маску со всякаго лицемѣрія, со всякаго ложнаго благочестія, со всѣхъ клерикальныхъ пролѣтокъ, которыя служатъ орудіемъ тонкихъ лицемѣровъ.» Кардиналу Гейселю король сказалъ во время коронаціи: «Я надѣюсь, что духовенство будетъ подавать моимъ католическимъ подданнымъ примѣръ повиновенія властямъ и уваженія къ закону.» Черезъ нѣсколько дней онъ дополнилъ свою мысль: «Слишкомъ много народу мѣшается въ политику; церковь тоже мѣшается, а это никакъ не годится.»

Клерикальная партія почти всегда подаетъ голоса вмѣстѣ съ феодалною.

Умѣренно-либеральная партія сильно держится парламентскихъ *формъ*, не желаетъ ни рѣзкихъ переменъ, ни стараго порядка, и нѣсколько покаяйски придерживается золотой середины. Вильгельмъ Гумбольдтъ очертилъ прекрасно эту партію, говоря, что «либераль можетъ слѣлаться министромъ, но это еще не значитъ, что онъ будетъ либеральнымъ министромъ.» Умѣренные либералы — люди болшую частію практическіе, и честные между ними дѣлаютъ что могутъ, стараются помирить желаемое съ возможнымъ. Демократы на выборахъ 1858 года съ необыкновеннымъ практическимъ тактомъ и самоотверженіемъ подавали свои голоса въ пользу умѣренныхъ либераловъ, и теперь уже видятъ плоды своего самоотверженія. Тогда задача ихъ состояла въ томъ, чтобы слишкомъ рѣзкими выборами не возбудить при дворѣ сожалѣнія о слѣпавшихъ свободахъ уступкахъ. Большинство нижней палаты 1859 года требовало только исполненія программы принца-регента, и на этомъ основаніи общало министерству свою опору. Но согласіе продолжалось недолго: по нѣкоторымъ внѣшнимъ дѣламъ, именно по итальянскому и германскому вопросамъ, и по внутреннему вопросу о войскѣ произошло разногласіе, и партіи раздѣлились.

Послѣдній вопросъ и до сихъ поръ не теряетъ своей важности. Пруссія, слабѣйшая изъ пяти великихъ державъ, обязана, по неулобству своихъ границъ, содержать войска болѣе, нежели позволяли бы ея финансы. Пруссія можетъ поставить подъ ружье пятьсотъ тысячъ человекъ, но изъ нихъ только треть регулярнаго

войска, а остальное — милиція, ландверъ, которая, поучившись владѣть оружіемъ, распускается по домамъ. Въ случаѣ нужды, милиція въ полномъ составѣ выступаетъ въ походъ, мобилизуется, причеиъ отъ земледѣлія и другихъ работъ отнимается множество лучшихъ рукъ. Министерство представило планъ увеличенія регулярнаго войска до 117 батальоновъ и 72 эскадроновъ, увеличеніе срока службы съ 2 до 5 лѣтъ, а въ кавалеріи съ 3 до 4, причисленіе трехъ младшихъ классовъ милиціи къ войску, ограниченіе остальныхъ классовъ милиціи только гарнизонною службою во время войны и наконецъ уничтоженіе конной милиціи. Вся эта передѣлка потребовала бы 9 миліоновъ рублей въ годъ, а можетъ быть и 10, если считать кое-какіе непредвидѣнные расходы. На этомъ и вышло несогласіе. Либеральная партія находила, что это дорого, лучше оставить милицію; министерство находило, что дорого не войско, достигающее своей цѣли, а войско, не удовлетворяющее потребностямъ защиты страны. Палата не согласилась на перемѣну и министерство взяло свой проектъ назадъ; снова представило его въ 1861 г.; онъ опять не прошолъ. Что-то будетъ въ выиѣшнемъ?

Fortschritts Partei, партія прогресистовъ, обозначилась особенно въ 1848 году. Умѣренныя либералы, испугавшись тогдашнихъ смуть, отдѣлились отъ тѣхъ, кто хотѣлъ вытребовать какъ можно больше уступокъ. Но самые глубокіе либералы въ Пруссіи, за немногими исключеніями, хотѣли не болѣе, какъ конституціонной монархіи, окружной народными учрежденіями. Во время суматохи 1848 года, надо было выбрать представителей Германіи во Франкфуртское собраніе и другихъ представителей Пруссіи, въ Берлинъ. Избиратели нашли, что лучшихъ, ученѣйшихъ, надо послать во Франкфуртъ, обдумывать уложеніе новой германской имперіи, а тоже лучшихъ, но болѣе практическихъ людей дѣйствія, — въ Берлинъ, для своихъ домашнихъ дѣлъ. Первые оказались представителями либерализма умѣреннаго, спекулятивнаго; вторые были органами самаго демократическаго образа мыслей. Они составляли въ Берлинѣ огромное большинство и по обычаю большинства, ринулись впередъ такъ проворно, что замѣтили препятствія лишь тогда, какъ было слишкомъ поздно. Королевская власть снова усилилась, сдѣлались выборы подъ вліяніемъ верхней палаты, а нижняя наполнилась чиновиіками. Это обстоятельство произошло отъ того, что прогресисты, обидѣвшись новымъ закономъ о выборахъ, вовсе въ выборахъ не участвовали, на томъ основаніи, что министерство не имѣло права издавать закона, не разсмотрѣннаго, не утверждаемаго законодательною палатой. Они были правы, въ этомъ ви-

кто не сомнѣвается, но все-таки они потеряли время, упустили возможность быть полезными, имѣть вліяніе на дѣла. Теперь прогрессисты желаютъ нѣсколько болѣе энергически понуждать министерство къ исполненію обѣщаній. Въ 1859 году, подѣ вліяніемъ итальянскихъ событій, въ Германіи проснулось за десять лѣтъ до того подавленное движеніе единства. Оно родилось въ королевствѣ Ганноверѣ, жители котораго болѣе всѣхъ недовольны конфедераціей. Движеніе вскорѣ организовалось, при помощи передовыхъ прусскихъ либераловъ, и приняло названіе Національнаго Союза. Программа этого общества состоитъ въ преобразованіи конфедерации нѣмецкихъ государствъ въ одно федеративное государство подѣ военнымъ и дипломатическимъ предводительствомъ Пруссіи. Берлинское министерство не одобрило этого движенія, умѣренные либералы остались съ министерствомъ; а демократы явились на выборы 1861 года отдѣльною партіей; но такъ какъ слово демократъ стало однозначущимъ съ словами радикалъ, республиканецъ, социалистъ, то они и приняли названіе *прогрессистовъ*, да еще *нѣмцевъ*, чтобы изъ самаго названія видно было ихъ стремленіе. Сущность ихъ теперешнихъ намѣреній состоитъ вотъ въ чемъ: «Чтобы согласиться на требованія правительства, и между прочимъ на увеличеніе войска, не мѣшаетъ потребовать серьезныхъ гарантій либеральной системы. Войско, говорятъ прогрессисты, принадлежитъ мелкому дворянству, верхняя палата крупному; они выторговываютъ у нижней палаты ея права, у страны то, что пріобрѣтено съ такими трудами, и у насъ же требуютъ оружія для укрѣпленія нашихъ непріятелей. Пусть правительство сдѣлаетъ маленькую уступку, пусть оно дастъ другую организацію верхней палатѣ, чтобы она не могла безнаказанно становиться внѣ уложенія и отвергать органическіе законы, предвидѣнные конституціей. Мы согласимся на увеличеніе войска въ обмѣнъ на передѣлку верхней палаты.

Партія прогрессистовъ будетъ полезна для Пруссіи, потому что истинное благо государствъ конечно состоитъ въ благосостояніи большинства, а прогрессисты именно о большинствѣ-то и хлопочутъ. Они теперь внесли въ палату предложеніе такого рода: «Не угодно ли палатѣ депутатовъ выразить мнѣніе, что интересы Пруссіи требуютъ не откладывать далѣе признанія итальянскаго королевства.»

Такое предложеніе прямо враждебно Австріи. Эта держава, открыто признающая себя оплотомъ, поставленнымъ противъ всякаго движенія впередъ (см. выше), должна это считать личнымъ себѣ оскорбленіемъ. Это прямая ересь, отложеніе сѣверной Германіи отъ южной, разложеніе «общаго отечества.» Еще замѣчательнѣе другое

предложеніе, которое должно имѣть еще болѣе обширныя послѣдствія :

«Не угодно ли будетъ палатѣ депутатовъ рѣшить: 1) Право нѣмецкаго народа на политическое единство существуетъ неоспорно, какъ требованіе его національнаго существованія, какъ результатъ его исторіи. Это сполна выражено созваніемъ, съ согласія всѣхъ государствъ, національнаго нѣмецкаго собранія, выражено основаніемъ въ этомъ собраніи центральной власти, признанной правительствами и уложеніемъ, составленнымъ въ этомъ собраніи. 2) При нынѣшнемъ шаткомъ политическомъ положеніи Европы, исполненіе этого требованія не можетъ быть болѣе отложено безъ великой опасности для чести, могущества и независимости какъ прусскаго, такъ и нѣмецкаго отечества. 3) Изъ переговоровъ королевскаго правительства касательно перемѣны федеральной конституціи, изъ военнаго договора съ Саксенъ-Кобургъ-Готой, изъ ноты министра иностранныхъ дѣлъ, 21 декабря 1861, къ саксонскому правительству, надо заключить, что само правительство желаетъ военнаго, дипломатическаго и парламентскаго союза германскихъ государствъ. 4) Его величество въ тронной рѣчи выразилъ намѣреніе «дѣйствовать въ пользу федеральныхъ преобразованій, которыя, сообразно съ истинными отношеніями силъ, соединять силы нѣмецкаго народа и дадутъ Пруссіи средства съ большимъ успѣхомъ служить интересамъ общаго отечества.» Это намѣреніе не можетъ быть исполнено иначе, какъ посредствомъ учрежденія федеральнаго государства въ существующей конфедераціи. 5) Важные интересы народа не были достаточно обезпечены таможеннымъ союзомъ, основаннымъ на принципѣ конфедераціи государствъ; они могутъ быть практически разрѣшены только въ федеративномъ государствѣ, гдѣ народное нѣмецкое представительство будетъ обезпечено содѣйствіемъ конституціи... Палата депутатовъ объявляетъ, что необходимо: 1) Прусскому правительству открыто постановить цѣлью своей политики полное осуществленіе этого непреложнаго права націи: 2) именно, сообразно съ положеніемъ Пруссіи, какъ самаго большаго чисто-нѣмецкаго государства, въ полномъ сознаніи своего нѣмецкаго призванія, правительству необходимо требовать для прусской короны военнаго, дипломатическаго и политико-торговаго управленія въ имѣющемъ образоваться нѣмецкомъ федеративномъ государствѣ, безъ нарушенія внутренней независимости государствъ; по ему необходимо въ тоже время создать, посредствомъ народно-нѣмецкаго представительства, необходимыя ручательства за свободу и права народа.»

Австрійское правительство и тутъ опять терять. И любо-

нѣтъ видѣть, какъ оно, въ своей нотѣ для доказательства, что Пруссія не имѣетъ права образовать въ Германіи федеративнаго государства, увѣряетъ, что это была бы федерація въ конфедераціи, и т. д. Понятное дѣло, что Австріи не нравятся стремленія, въ силу которыхъ она становится второстепенною нѣмецкою державой, въ родѣ Баваріи или Ганновера, тогда какъ независимо отъ нѣмецкихъ земель остальные готовы отложиться по первому поводу, хотя бы по поводу ожидаемой на далматскихъ берегу высадки итальянскихъ волонтеровъ. Не даромъ же человѣкъ, имѣющій несчастную привычку сдерживать свои обѣщанія, далъ венгерцамъ слово точно такъ же помогать имъ, какъ они помогали итальянцамъ въ освобожденіи ихъ отечества.

ФРАНЦУЗСКІЯ ДѢЛА

О нихъ можно бы и не говорить. Понятно, что все тамъ обстоитъ благополучно, въ силу крѣпко установившагося порядка вещей. Но невозможно не разказать о знаменитой, давно обѣщанной и наконецъ состоявшейся операциі *превращенія* доходныхъ билетовъ. Мы уже говорили, какой ужасный недочетъ образовался во французскихъ финансахъ. Теперь надо поправлять денежныя обстоятельства. Но какъ же это сдѣлать? Одно изъ средствъ состоитъ въ этомъ превращеніи. Дѣло въ томъ, что билеты 4½ процентные должны быть превращены въ трехпроцентные, и точно такъ же должны быть превращены облигаціи тридцатилѣтняго займа, выпущенныя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Благодаря такой благоудѣтельной операциі, по увѣренію министра финансовъ Фульда, Франція будетъ имѣть однородные доходные билеты, только трехпроцентные, такъ что сбивчивости никакой не будетъ, все будетъ ясно и чисто, до того чисто и ясно, что можно будетъ хоть снова дѣлать долги: старые нисколько не помѣшаютъ.

Выгода еще та, увѣряетъ почтенный министръ, что доходъ каждаго владѣльца билетовъ нисколько не уменьшится, такъ что кто прежде получалъ тысячу франковъ, тотъ и впредь будетъ ихъ получать. Дѣло въ томъ, что прежде доходъ въ 4½ франка получался въ 4½ процентныхъ билетахъ съ номинальной суммы во 100 франковъ. Чтобы получать тотъ же доходъ 4½ франка, считая его по 3 процента, придется имѣть билетъ въ 150 франковъ. Мы дѣйствительно удобнѣе имѣть обязательство правительства въ 150, чѣмъ въ сто франковъ. Это мы какъ-то безопаснѣе: кредитору во всякомъ случаѣ пріятнѣе имѣть заемное нисмо въ большую сумму, чѣмъ въ маленькую, особенно если итогъ процентовъ тотъ же. По этому,

вфронтно, трех-процентные билеты на биржѣ ходятъ выше четырехъ-съ-половиною процентныхъ, то-есть первые продаются дороже (по отношенію къ процентной суммѣ) чѣмъ вторые. Напримѣръ 18 ноября прошлаго года (беремъ день на удачу) трех-процентный стофранковый билетъ продался за 69 фр. 80 сант. а четырехъ съ половиною процентный, тоже стофранковый, стоилъ 96 фр. 35 сант. Стало быть за 69 фр. 80 сант. можно было купить право получать въ годъ три франка дохода, а чтобы купить на томъ же условіи на половину большій доходъ, или $4\frac{1}{2}$ франка дохода, приходилось бы заплатить на половину дороже 69 фр. 80 сант. или 69 фр. 80 сант. + 34 фр. 90 сант. = 104 фр. 70 сан. Въ четырехъ съ половиною процентныхъ билетахъ тотъ же доходъ $4\frac{1}{2}$ франка можно было приобрести за 96 фр. 35 сант. Выходитъ, что трех-процентные билеты ходили дороже. Г. Фульдъ опредѣлилъ даже, что всякому владѣльцу 1000 фр. но $4\frac{1}{2}\%$ выгодно заплатить 80 фр. лажу, чтобы получить ту же сумму по 3%.

Но при ближайшемъ разсмотрѣніи, дѣло принимаетъ нѣсколько иной видъ. По $4\frac{1}{2}\%$ процентнымъ билетамъ правительство платитъ нынче 173.350.000 франковъ процентныхъ денегъ ежегодно, что представляетъ номинальный капиталъ займа въ 3.830.000.000 фр. При нынѣшнемъ превращеніи, правительство выдаетъ на тотъ же самый долгъ, на ту же уплату процентныхъ денегъ, въ замѣнъ $3\frac{1}{2}\%$ процентныхъ билетовъ на 3,830 миліоновъ франковъ — трех-процентныхъ билетовъ на 5,745 миліоновъ, или въ капиталъ общественный долгъ возвысится на 1,915 миліоновъ франковъ. Правда, что правительство получить при этой операціи лажу 300 миліоновъ; остальные 1,615 миліоновъ — чистое бесполезнѣйшее увеличеніе капитала долга. При погашеніи долга, еслибы только правительство заботилось о погашеніи, это увеличеніе составилобы совсѣмъ не очень выгодную тягость. При десяти миліярдяхъ уже существующаго долга, эта прибавка въ 1,600 миліоновъ или цѣлой шестой доли, принести пользы не можетъ. Но общественное мнѣніе убаюкивается тѣмъ, будто правительство будетъ платить меньшій процентъ, стало быть легче будетъ платящимъ, а платить разумѣется всѣ, кто только платитъ какой-нибудь налогъ. Но это печальная мѣра, которую можно не оправдать, а только объяснить крайне затруднительнымъ положеніемъ денежныхъ дѣлъ Франціи. О погашеніи или объ уплатѣ долга никто теперь не заботится; но этой операціи нельзя же откладывать въ безконечность безъ крайней несправедливости. Внуки или праправнуки нынѣшнихъ французовъ должны будутъ или произвести эту уплату, или вѣчно платить проценты.

Операция *превращенія* доходныхъ билетовъ былабы еще нѣсколько понятна при другихъ обстоятельствахъ. Должникъ, а въ данномъ случаѣ правительство, при благоприятныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, находя, что платимые имъ проценты высоки, имѣеть полное, законное право предложить своимъ кредиторамъ или получить деньги обратно, или оставить ихъ, но за уменьшонные проценты. Тогда, въ случаѣ согласія всѣхъ или нѣсколькихъ кредиторовъ, общественныя тягости дѣйствительности уменьшились бы, потомучто долговой капиталъ въ 100 миліоновъ потребовалъ бы тогда процентныхъ денегъ не $4\frac{1}{2}$, а только 3 миліона. Но *превращеніе*, сочиненное г. Фульдомъ, нисколько не облегчаетъ тягостей всѣхъ платящихъ, а напротивъ: нынѣшнія тягости остаются въ прежнемъ размѣрѣ, а въ будущемъ увеличиваются не цѣлые 1,600 миліоновъ. И все это только для того, чтобы получить теперь же 300 миліоновъ лажу.

При обсужденіи закона о *превращеніи* доходныхъ билетовъ въ законодательной палатѣ, оказалось нѣсколько голосовъ противъ закона. Депутаты оппозиціи говорили очень хорошо, раздавались рукоплесканія, и все-таки законъ прошолъ, перешолъ въ сенатъ, и на другой же день обнародованъ и вступилъ въ полное дѣйствіе. Видно, очень торопятся собирать этотъ соблазнительный лажъ.

Между тѣмъ ходять слухи о томъ, будтобы Франція заняла въ Англіи 100 миліоновъ франковъ; потомъ прошли слухи, что заемъ этотъ сдѣланъ только четырьмя банкирскими домами, у четырехъ лондонскихъ банкировъ, по миліону фунтовъ. Для успокоенія общественнаго мнѣнія на этотъ счетъ, говорятъ будто эти французскіе банкиры, въ восторгѣ отъ операціи *превращенія*, спѣшатъ записаться деньгами, чтобы принять участіе въ неожиданно-выгодной операціи.

Нѣтъ нужды говорить ни о значеніи этой операціи *превращенія*, ни о степени значенія палаты представителей во Франціи. Чтоже касается до сената, то онъ не входя въ разсмотрѣніе проекта, не входя въ подробности, прямо рѣшилъ, въ должностномъ слогѣ, что съ его стороны не встрѣчается препятствія къ принятію закона, когда сами платящіе на него согласились. Сенатъ же состоитъ изъ получающихъ; по этому препятствія и не встрѣтилось.

Последнія извѣстія

Последнія извѣстія изъ всѣхъ частей свѣта не совѣмъ успокоительны. По нимъ видно, что съ приближеніемъ теплаго времени въ

Т. VII. — Отд. III. 1/7

Европѣ начинаютъ проявляться стремленія безпокойныя. Въ Греціи 14 февраля вспыхнуло въ Навплии военное возстаніе. Инсургенты овладѣли городомъ и крѣпостью. Генераль Ганъ пошолъ водворять порядокъ. Дальнѣйшія подробности вовсе неизвѣстны, но судя по тому, что положительно извѣстно о положеніи Греціи, можно догадываться, что нѣмецкій генераль выступилъ для усмиренія возстанія, направленнаго именно противъ нѣмецкихъ генераловъ.

Въ Мексикѣ, говорятъ, всѣ партіи, раздѣлившія страну, совершенно между собою примирились, чтобы дружно стать противъ непріятельскаго вторженія. Говорятъ даже, что неподалеку отъ Вера-Круза, совершенно разбили испанскій отрядъ войскъ. Это совершенно естественно, и это доставитъ немалое удовольствіе императору Людовику Наполеону, потому что подъ этимъ предлогомъ удобно будетъ послать въ Мексику подкрѣпленіе, а потомъ еще подкрѣпленіе. Англія, съ своей стороны не одобряетъ похода внутрь страны; Франція тоже не одобряетъ, потому что теперь ей не до того: всѣ, отъ банкира до лавочника и дворника, заняты *превращеніемъ* и плохимъ положеніемъ дѣлъ. Но хочетъ этого Людовикъ Наполеонъ, а 300 миліоновъ собираемаго теперь лажа, пригодятся на покрытіе вооруженія кораблей и снаряженія войска.

Въ Парижѣ разработывается адресъ и скоро будутъ происходить о немъ пренія. Въ немъ о римскомъ вопросѣ будетъ самая пустая, никого неудовлетворяющая фраза. Сенатъ весь единодушно стовтъ за занятіе Рима французскими войсками, такъ что ужь самъ императоръ выразилъ желаніе, чтобы желанія сената были нѣсколько либеральнѣе въ этомъ отношеніи. Но и нельзя ожидать ничего, кромѣ консервативнѣйшихъ стремленій отъ сената, въ которомъ каждый членъ получаетъ отъ тридцати до полутора ста тысячъ жалованья.

Принцъ Валлійскій, наследникъ британскаго престола, путешествуетъ теперь по Европѣ въ строжайшемъ инкогнито. По послѣднимъ извѣстіямъ, онъ только что выѣхалъ изъ Вѣны.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Указъ объ увеличеніи податей и сборовъ. — Обнародованіе бюджета. — Новый предметъ литературной полемики. — Московскія мысли: объ образованномъ чело-вѣкѣ, либералахъ и дворянствѣ. — Несостоявшійся союзъ и нѣчто о сред-немъ сословіи. — Остроуміе «Зрителя». — «Мировой Посредникъ»: его взглядъ; крестьянскія замѣтки. — Толки въ Твери, замѣченные г. Павловымъ, и толки въ Казанѣ, имъ незамѣченные. — Исторія съ г. фонъ-Ренне. — Печатный бла-жокъ. — Еще немножко о розгахъ, которыми *усиленно* интересуются въ Уфѣ. — Скорбь неизвѣстнаго корреспондента. — Удачное рѣшеніе одного волостного суда. — *Фальки*. — Скоро ли грамотность? — Шестая петербургская гимназія. — Преобразование технологическаго института. — Два засѣданія кievскаго университетскаго совѣта. — Общество психіатровъ. — Еще двѣ новыя ассоціа-ціи. — Преобразование въ Смольномъ монастырѣ.

За прошлый мѣсяць есть очень важныя новости, которыя мы прежде всего должны занести въ нашу скромную лѣтопись.

Въ 30 день декабря данъ высочайшій указъ правительствующе-му сенату о возвышеніи: податей и налоговъ со всѣхъ лицъ по-датныхъ званій, цѣны на гербовую бумагу, пошлинъ съ привозныхъ товаровъ и почтовой таксы съ посылокъ и страховыхъ писемъ. Въ началѣ указа изображено:

«Возвышеніе цѣнъ на всѣ вообще потребности жизни имѣло послѣдствіемъ и увеличеніе государственныхъ расходовъ на приоб-рѣтеніе предметовъ, нужныхъ по разнымъ частямъ управленія. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ и усилило вообще, особенно же въ производительныхъ классахъ народа, способы къ выгоднѣйшимъ заработ-камъ и къ полученію вознагражденія за труды въ большемъ про-тивъ прежняго размѣрѣ. Сіе положеніе дѣлъ, доказывая съ одной стороны необходимость нѣсколько увеличить подати и прочіе по-ступающіе въ доходъ казны сборы, съ другой же служить руча-

тельствомъ, что сіи сборы не обратятся въ обремененіе любезныхъ намъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ.»

4 января послѣдовало высочайшее повелѣніе: роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ обнародовать для всеобщаго свѣдѣнія. «Сѣверная Почта» объявила объ этомъ повелѣніи 19 января, прибавивъ, что роспись скоро явится въ печати, и на другой же день въ разныхъ органахъ слышались сочувственные отголоски на давно ожидаемое и желанное извѣстіе. «Россія имѣетъ матеріальныя средства, и средства громадныя (говорила по этому поводу одна газета). Съ такими средствами нельзя опасаться совершеннаго разстройства финансовъ, до какаго бы состоянія они ни были доведены. Но тайна все мертвитъ, къ чему ни прикасается ея парализующій перстъ, тогда какъ гласность все животворитъ... При всякой тайнѣ неизбѣжно общественное недоувѣріе и недовольство дѣйствіями правительства, какъ бы чисты и безкорыстны они ни были; гласность же напротивъ, доказывая чистоту намѣреній правительства, болѣе чѣмъ что-либо другое содѣйствуетъ благостоянію страны, утверждая въ ней взаимную довѣренность правительства и народа. Вотъ почему на опубликованіе государственнаго бюджета мы смотримъ какъ на великое земское дѣло.»

Другой журналъ замѣтилъ, что кромѣ нравственнаго довѣрія къ правительству, которое вслѣдствіе атой иферы несомнѣнно возрастеть, — Россія выиграетъ еще отъ измѣненія, которое произойдетъ во взглядѣ русскаго общества на то, что у насъ называется казной. «Кому знакомы (говоритъ журналъ) ходячія понятія даже нашихъ образованныхъ классовъ о казнѣ, тотъ знаетъ, какой практической вредъ они причиняли. Казна представлялась воображенію чѣмъ-то отдаленнымъ, колоссальнымъ и неисчерпаемымъ; на казну смотрѣли такими глазами, что незнающій Россіи могъ бы слѣдующее заключеніе о совершенномъ недостаткѣ патриотизма въ нашемъ обществѣ. Этому равнодушію общества къ интересамъ казны долженъ быть конецъ. Но чтобы не было равнодушія, для атого первое средство — знакомство. Когда вы незнакомы съ вещью, то по неволѣ равнодушны къ ней, она совершенно для васъ чужда...» («Совр. Лѣт.» № 4).

Нельзя не признать мѣткости атого замѣчанія. Дѣйствительно, казна представлялась воображенію русскихъ людей какимъ-то темнымъ, бездоннымъ колодеземъ, изъ котораго льются вѣчныя рѣки, слѣдовательно черпанье оттуда какими-нибудь ведерочками насколько не можетъ быть ощутительно и убытокъ замѣтной не произведетъ. Это безсознательно-сложившееся понятіе постоянно подерживалась видимыми для общества огромными расходами, пре-

имущественно на государственныя сооружеія, и еще болѣе — поспившимися, во многихъ случаяхъ преувеличенными слухами о расходахъ, для общества невидимыхъ. Преувеличеніе же слуховъ было неизбежно, какъ естественный продуктъ тайны, и оно-то составляло одну изъ самыхъ невыгодныхъ для правительства сторoвъ этой тайны.

Въ № 19 «Сѣверной Почты» (24 января) явилась эта *Табель доходовъ и расходовъ государственнаго казначейства на 1862 годъ, составленная по государственной росписи, высочайше утвержденной 22 января*. Изъ нея узнаемъ, что весь вообще государственный доходъ составляетъ сумму 310.619.739 руб.

Въ томъ числѣ:

1) Податей: подушной и оброчной и разныхъ сборовъ съ податныхъ сословій.	55.255.928 р. 68	к.
2) Доходовъ экономическихъ, т. е. съ разныхъ шмѣній и горныхъ заводовъ.	11.798.031 р. 69	к.
3) Разныхъ пошлинъ	198.481.075 р. 3	к.
(Въ этомъ числѣ однихъ питейныхъ . . . . .)	123.022.580 р. 73	к.)
4) Разныхъ суммъ, какъ-то: съ николаевской желѣзной дороги, съ бывшихъ военныхъ южныхъ поселеній и пр., а также долговыхъ платежей	13.817.774 р. 38	к.
Такимъ образомъ итогъ обыкновенныхъ доходовъ составляетъ	279.352.809 р. 79	к.

Къ этому присоединяются:

Доходы, поступающіе изъ разныхъ источниковъ на опредѣленные предметы. . . . . 16.509.902 р. 48¹/₄ к.

Чрезвычайныя суммы, изъ поступившихъ по послѣднему 4¹/₂% займу . . . . . 14.757.899 р. 72³/₄ к.

Итогъ обыкновенныхъ доходовъ, съ присоединеніемъ чрезвычайныхъ суммъ, составляющихъ 294.110.709 р. 51³/₄ к., распределяется къ расходу слѣдующимъ образомъ:

На платежи по внутреннимъ и вѣнскимъ займамъ.	54.296.187 р. 91	к.
По министерству императорскаго двора.	7.957.905 р. 42	к.
По военному министерству (съ военными учебными заведеніями и эмеритальной кассой)	111.639.581 р. 65 ³ / ₄	к.
По морскому министерству	20.589.830 р. 74 ¹ / ₄	к.
По вѣдомству православнаго духовенства	4.661.097 р. 96	к.

На гражданское вѣдомство (въ томъ числѣ на министерство финансовъ, со включеніемъ операционныхъ расходовъ, и на вѣдомство путей сообщенія, со включеніемъ строительныхъ расходовъ) всего . . . 89.226.443 р. 76³/₄ к.

Помильной платы пароходнымъ обществамъ и гарантіи обществъ жел. дорогъ, на непредвидимые расходы и на недоборъ въ доходахъ, всего . . . . . 15.739.662 р. 6 к.

Обнародывая эту таблицу, «Сѣверная Почта» заявляетъ, что по преобразованному порядку отчетности по государственному контролю, между прочими предположеніями находится и измѣненіе образа составленія смѣты министерствъ и главныхъ управленій, съ болѣе подробнымъ и яснымъ изложеніемъ всѣхъ статей расходовъ, и что порядокъ этотъ будетъ введенъ съ будущаго 1863 года.

Если не самымъ близкимъ предметомъ, то самымъ выпуклымъ, т. е. представляющимъ наибольшую неровность на шероховатомъ полѣ нашей общественной дѣятельности кажутся намъ въ настоящую минуту нѣкоторыя части московскаго журнальнаго книгопечатанія. Недаромъ когда-то московскій старожилъ и коренной представитель тамошняго общества, г. Фамусовъ сказалъ, что

. . . . . отъ головы до пятки

На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.

Что ни говорите, а этотъ замѣченный Фамусовымъ отпечатокъ, видоизмѣняясь постепенно и медленно, до сихъ поръ все еще остается особымъ отпечаткомъ, — по крайней мѣрѣ такъ можно заключать по нѣкоторымъ новѣйшимъ проявленіямъ московской журналистики... Вообще чрезвычайно поучительная вещь — эта портретная галерея московскихъ людей, извѣстная подъ заглавіемъ: *Горе отъ ума*. Мы сейчасъ привели отсюда нѣсколько стиховъ, которые произноситъ Фамусовъ о своихъ современникахъ, а между тѣмъ и теперь кажется, какъ-будто онъ пророчески предвидѣлъ умственную жизнь послѣдующаго московскаго поколѣнія. Неразъ уже говорилось и во «Временя» и въ другихъ журналахъ о различіи, существующемъ между петербургскою и московскою журналистикою, но едвали когда-нибудь это различіе доходило до такихъ предѣловъ, какъ въ послѣдніе мѣсяцы. Съ началомъ нынѣшняго года

оно дошло до того, что такъ совершенно спокойно и съ полной увѣренностью высказываются такія вещи, о которыхъ здѣсь не только заговорить, но и подумать почли бы нравственной и физической невозможностью. Прислушайтесь пожалуйста. Московскій житель Фамусовъ говорить наирамѣрь:

«Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ!»

«Наше Время», московская ежедневная съ нынѣшняго года газета, самое начало своего преобразованнаго бытія ознаменовала также своеобразною мыслью о дворянствѣ. Въ 1 №, на первомъ столбцѣ, она дебютировала слѣдующими словами:

«Образованнаго человѣка, въ точномъ значеніи этого слова, можно встрѣтить только между дворянами. Образованный человѣкъ или родится дворяниномъ, или дѣлается имъ. Это фактъ, противъ котораго, какъ намъ кажется, спорить до сихъ поръ было невозможно.»

Почему такъ кажется редакціи «Нашего Времени», мы не знаемъ, но знаемъ и видимъ, что редакція не только пошла дальше Фамусова, но и дошла до конца, т. е. до совершенно-невѣроятной идеи. Это фактъ, противъ котораго, (согласитесь, читатель) спорить невозможно. Невозможно даже и возражать редакціи, потому что мысль ея совсѣмъ невозможная. Мы прочитали статью, въ которой красуются приведенныя нами слова, пытаюсь отыскать, нѣтъ ли тутъ какого-нибудь сокровеннаго смысла, иносказанія: — нѣтъ! Статья говоритъ о предстоящихъ дворянскихъ выборахъ и никакого сокровеннаго смысла, никакого иносказанія въ ней и слѣдовъ нѣтъ, и приведенныя слова остаются какъ онѣ есть во всемъ ихъ буквальномъ безобразіи. Теперь допустимъ предположеніе, что какъ пишущій эти строки, такъ и вы, читатель, — мы оба не дворяне, а между тѣмъ считали себя людьми образованными «въ точномъ значеніи этого слова», потому что мы не на словахъ, а въ глубинѣ души, сроднившимся съ нами чувствомъ, всегда и во всякомъ уважали не дворянское, а человѣческое достоинство; потому что истинно-прекрасное намъ казалось прекраснымъ и истинно-безобразное — безобразнымъ; потому что мы носили въ себѣ ясный идеаль челоуѣческой и гражданской доблести; потому наконецъ, что всегда находили мы въ самихъ себѣ свободное сочувствіе всему истинно-высокому и разумному и проникались невольнымъ негодованіемъ при видѣ всякой низости, фальши, корыстной двуличности и тому подобныхъ темныхъ явленій. Допустимъ въ себѣ это законное самознаніе, — что же должны мы сказать редактору «Нашего Времени»? Вѣдь повѣрить мы ему не повѣримъ, мнѣнія о себѣ не

измѣннѣмъ; что же подумаемъ о немъ и что отвѣтить на его невозможную мысль о возможности встрѣтить образованнаго человѣка только между дворянами?.. Вотъ упекають *омиatum* въ употребленіи нелигатурныхъ выраженій вредъ взора, нечѣстности и ерунды! Да что же дѣлать, если бываютъ на свѣтѣ вещи, для которыхъ нѣтъ другихъ выраженій?...

Не припомните ли, мѣсяца два или три тому назадъ, мы говорили о появившемся тогда объявленіи г. Павлова насчетъ превращенія редактируемой имъ газеты «Наше Время» изъ еженедѣльной въ ежедневную. Тогда, если припомните, закралось въ насъ какое-то неясное предчувствіе относительно зародившагося духа и характера этого изданія...

«Увы, предчувствіе сбылось!»

Въ «Нашемъ Времени» мужественно подвизается г. Чичеринъ, который иногда, и даже часто, высказываетъ также невѣроятныя и невозможныя мысли и также напоминаетъ намъ въ некоторыхъ изъ лучшихъ мыслей старика-Фамусова. Почтенный московскій старожилъ говорить наиримѣрь:

• А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудить о дѣлахъ, что слово — приговоръ.
Вѣдь столбовые все, въ усъ никому не дуютъ
И о правительствѣ такъ иногда толкуютъ.
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ — бѣда!
Нето-чтобъ новизны вводили, — никогда,
Спаси ихъ Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорать, пошумать и...»

Г. Чичеринъ либеральничаетъ совершенно въ духѣ фамусовскихъ старичковъ: онъ также иногда придерется къ тому, къ сему... Такихъ же либераловъ, «чтобъ новизны вводили», онъ не терпитъ... Мало этого, онъ даже создаетъ въ своемъ тревожномъ воображеніи такихъ либераловъ, какихъ у насъ вовсе нѣтъ, да и быть не можетъ, какъ вы сейчасъ сами увидите... Г. Чичеринъ, также какъ г. Павловъ, ратуетъ за дворянство и также вѣроуверенъ въ невозможности встрѣтить истинно-образованнаго человѣка иначе, какъ только между дворянами. Онъ даже вслѣдъ, желая г. Павловъ, подтверждаетъ ту мысль, что

«Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ».

т. е. въ Москвѣ влатоглавою, кладущей на все живущее и умирающее въ ней «особый отпечатокъ»... Мы непремѣнно приведемъ и вскользъ

ко мыслей г. Чичерина о дворянствѣ и даже упомянемъ о судьбѣ, постигшей эти мысли; но прежде послушаемъ о либералахъ... О либералахъ очень любознательно; тутъ, во взглядѣ на нашихъ либераловъ, въ понятіи о нихъ и въ выраженіи испытанныхъ къ нимъ чувствъ, особенно хороши г. Чичеринъ.

Въ № 1 «Нашего Времени» есть его статья: *Мира и границы*. Она начинается словами: «Отличительное свойство русскаго ума состоитъ въ отсутствіи понятія о границахъ. Можно подумать, что все необъятное пространство нашего отечества отпечаталось у насъ въ мозгу...» Далѣе это не новая, но по новому поставленная мысль освѣщается такимъ образомъ:

«Возьмемъ на примѣръ понятіе о власти. Оно содержитъ въ себѣ множество видовизмѣнной, изъ которыхъ каждое имѣетъ значеніе на своемъ мѣстѣ. Одна власть есть верховная въ государствѣ, другая, подчиненная, имѣетъ ограниченныя права и юридически опредѣляемый кругъ дѣйствія... Несомнѣнно отъ разумныхъ понятій объ обществѣ представлять себѣ *слабую* власть, сверху до низу, безграницною и безусловною. Между тѣмъ у насъ всакий начальникъ силою счѣтаетъ свою власть таковою. На самый законный отпоръ подчиненныхъ онъ смотритъ какъ на своеволие и бунтъ. Съ своей стороны подчиненные вѣрятъ въ полномочіе начальника; одни покоряются ему безусловно, другіе безусловно его ненавидятъ...»

Вы видите, что г. Чичеринъ либеральничаетъ, какъ вѣроятно либеральничали и тѣ московскіе старички, о которыхъ говоритъ Фамусовъ. Онъ взглядъ всякаго начальника на свою власть, какъ на безусловную, приписываетъ единственно безмѣрно-широкому размаху русскаго ума, и знаетъ не хотеть, что точно такой же размахъ можно отыскать въ умѣ очень многихъ другихъ націй, что всякій начальникъ естественно привыкаетъ относиться къ своимъ подчиненнымъ въ такой же степени безусловно, въ какой самъ подчиненный стоящему надъ нимъ высшему начальнику. Да иначе и нельзя: если на примѣръ начальникъ требуетъ отъ непосредственно-подчиненнаго ему лица безпримословнаго исполненія приказаній, которыя послѣдній можетъ выполнять только при помощи ему подчиненныхъ лицъ, то и онъ долженъ требовать отъ нихъ такого же безпримословнаго исполненія. Въ чемъ же тутъ особенно-широкій размахъ ума? Дѣло очень простое и для всякаго, хоть-бы иностраннаго ума понятное... Но это еще ничего; а вотъ послушайте дальше.

«Съ другой стороны (продолжаетъ г. Чичеринъ) возьмемъ понятіе о свободѣ. Оно еще болѣе представляется намъ условнымъ... Цѣлѣю о свободѣ въ общественной жизни немыслимо иначе, какъ

въ предѣлахъ, нестановленнаго закономъ, или обучаема. Между тѣмъ русскому человѣку и это понятіе представляется безграничнымъ. Русскій либераль теоретически *не признаетъ никакой власти. Онъ хочетъ повиноваться только тому закону, который ему нравится.* Самая необходимая дѣятельность государства кажется ему притѣсненіемъ. Русскій либераль выѣзжаетъ на вѣсколькихъ громныхъ словахъ: свобода, гласность, общественное мнѣніе, сѣзаніе съ народомъ и т. п., которыми онъ не знаетъ границъ и которыя поэтому остаются общими мѣстами, лишонными всякаго существеннаго содержанія. Оттого самыя элементарныя понятія: повиноваться закону, потребность полиціи, необходимость чиновниковъ кажутся ему порожденіемъ возмутительнаго деспотизма.»

Дальше г. Чичеринъ жалуется, что хоть бы наприхѣръ онъ, «*съ неомнностію сердца, не строилъ никакихъ теорій и никогда не предлагалъ держать лишнее количество чиновниковъ,*» — по русскіе либералы все это могутъ ему приписать.

«Откуда же (вопрошаетъ онъ засимъ) все это происходитъ? отчего противъ васъ поднимается вопль въ извѣстномъ разрядѣ журналистики? Оттого что вы имѣли неосторожность или дерзость произнести нѣкоторыя слова, которыя возбуждаютъ колеръ въ либеральныхъ дѣтяхъ: государство, законъ, чиновникъ, централизанція...»

Незнаю, что могло возбудить въ г. Чичеринѣ такой невыразимый «колерь», который разумѣется въ этой тирадѣ, полной лашой, вопіющей неправды. Что писалъ онъ ее въ видимомъ раздраженіи — это еще ничего: кому не случилось въ жизни раздражаться? Но раздраженіе въ г. Чичеринѣ произошло такого свойства, какого мы не предполагали въ современномъ намъ мыслителѣ. Раздразился же онъ до того, что незамѣтилъ очень крупной несообразности въ самомъ сильномъ мѣстѣ своей тирады: у него русскіе либералы «*не признаютъ никакой власти*» и въ тоже время «*хотятъ повиноваться закону*» (хоть бы и такому, который имъ нравится). Но кто хочетъ повиноваться закону, тотъ уже не можетъ не признавать надъ собою власти. Чтоже касается до закона, который нравится, то пусть г. Чичеринъ скажетъ по чистой совѣсти, желаетъ ли онъ повиноваться закону, который ему не нравится? Здѣсь само собою разумѣется, что никакой разумный законъ не можетъ не нравиться никому, кромѣ помѣшаннаго, — если не забывать, что законъ нишется не для каждаго лица въ отдѣльности, а для всѣхъ подданныхъ государства.

Но г. Чичеринъ и на этой сильной фразѣ не успокоился: чрезъ нѣскольго строкъ онъ говоритъ, что и повиновеніе закону русскому

кажутся либералу порожденіемъ возмутительнаго деспотизма... Такая вещь могла быть написана человѣкомъ, уже не въ раздраженіи, а развѣ только въ какой-нибудь мани... Неужели найдется на святой Руси такой человѣкъ, который повѣритъ г. Чичерину хоть въ одномъ словѣ изъ всей этой тирады? Не можетъ быть! Да онъ и самъ теперь я думаю не вѣритъ себѣ: его можетъ быть что-нибудь напугало; разстроенному воображенію представились призраки въ видѣ либераловъ, которыхъ онъ призналъ за дѣйствительныхъ людей, да и описалъ. Въ такомъ случаѣ — да испоможетъ небо благодатный миръ въ его возмущенную душу!

Но, если не такъ было дѣло, если г. Чичеринъ сознавалъ и теперь сознаетъ что онъ наивсталъ, то... нехорошо! очень нехорошо и несправедливо! Штъ, г. Чичиринъ, если правду говорить, большешинство русскихъ либераловъ до сихъ поръ таково, что...

... придерутся

Къ тому, къ сему, а часто ни къ чему,
Поспорять, пошумять и... разойдутся.

Объ этомъ большинствѣ не стоило и писать, не стоило и повторять сказанное Грибоѣдовымъ. Если же разумѣть либерализмъ въ лучшемъ смыслѣ, какъ разумное, честное и свободное, нестѣсненное никакими предвзятыми расчетами и цѣлями, никакимъ нравственнѣйшимъ мундиромъ стремленіе къ лучшему, — то между русскими либералами нѣтъ такого желѣзнаго образа, какой вамъ угодно было начертать, неоткуда было ему взяться, и характеризовать русскихъ либераловъ такимъ образомъ значитъ забывать известное изрѣченіе, что съ словомъ должно обходиться честно.

Однако мы обѣщались показать образчики размысленій г. Чичерина о дворянствѣ и считаемъ себя неправѣ нарушить это обѣщаніе. Правду сказать, мы думали, что послѣ официальныхъ заявленій «Сѣверной Печты» вопросъ этотъ будетъ считаться до времени порѣшоннымъ; но оказывается, что въ Москвѣ онъ продолжаетъ кипѣть. Эта рѣзкая мысль о самоуничтоженіи, которую сама редація «Дни», выразившая ее, вѣроятно понимала не въ такомъ рѣзкомъ смыслѣ, какъ у нея вышло, — эта мысль, говоримъ, вызвала сильнѣйшій отпоръ со стороны г-на Чичерина, который отиоръ вызвалъ немалѣе сильныя возраженія со стороны «Русскаго Вѣстника», — вотъ и завязался бой... Но намъ прежде всего хочется привести нѣсколько отрывковъ изъ г. Чичерина. Вотъ они:

«...чѣмъ менѣе распространенъ въ обществѣ политическій смыслъ, чѣмъ менѣе людей, способныхъ къ общественной дѣятельности, тѣмъ необходимѣе, чтобы они соединялись въ одно органи-

вованное тѣло, проникнутое общими духомъ, воспящее въ себѣ преданія и сознающее свою честь и свои права.»

Почему же это такъ необходимо? — Г. Чичеринъ не отвѣчаетъ, а только дѣлаетъ оговорку:

«Правда (говорить о нѣ), можно опасаться, чтобы такое тѣло, пользуясь своимъ положеніемъ, не стало употреблять предоставленныя ему права въ пользу частныхъ своихъ интересовъ, въ ущербъ другимъ. Особенно въ настоящую минуту дворянство раздражено; оно находится въ переходномъ состояніи и не успѣло еще освѣтиться съ своимъ новымъ положеніемъ. Естественно, что въ такое время у него на первомъ планѣ долженъ стоять вопросъ сословный, а не общій государственный интересъ. Не дѣло высшей власти удерживать каждое сословіе на своемъ мѣстѣ, не допускать...» и пр.

«...Нѣтъ ничего легче, какъ сліяніе съ народомъ; но это значитъ замѣнять естественное теченіе жизни и правильное развитіе гражданскихъ отношеній либеральными общими фразами». («Наше Время» № 4)

Ужь если искать отсутствія границъ и мѣры, то можно (какъ мы выше видѣли и какъ увидимъ сейчасъ) найти его и у г. Чичерина. Если кто говоритъ у насъ о сліяніи съ народомъ, разумѣя сліяніе нравственное, т. е. знакомство и взаимное пониманье другъ друга между двумя расторгнутыми половинками общества, то конечно говорить о дѣлѣ, къ которой должно идти общество, тяготя къ ней силою «естественнаго теченія жизни» (попробуйте доказать, что эта дѣль не вѣрна и недостижима!); а г. Чичерину вѣроломство кажется, что кто-то хочетъ вопреки естественному теченію, немаленко, завтра же все общество, въ томъ числѣ и самого его, г. Чичерина, слить съ народомъ? Да вѣдь это ужъ такая степени страха, которая выходитъ изъ всѣхъ границъ и мѣры! И вотъ — мысль о сліяніи съ народомъ называется оны либеральною фразою, противоположащею естественному теченію жизни. Въ чемъ же по его разумѣнію должно состоять это естественное теченіе? Въ томъ, изволите видѣть, чтобы было тѣло, плотно организованное особнякомъ отъ массы общества, еще неизмѣющей политическаго смысла, тѣло, воспитанное своимъ особымъ духомъ, преданіями, честью и правами. И пусть это тѣло будетъ раздражено, пусть у него на первомъ планѣ будетъ вопросъ сословный, а не общій государственный интересъ, зато высшая власть должна держать его въ уздѣ, недопуская сорваться, въ припадкѣ раздраженія, съ своего мѣста, и тогда... тогда будетъ совершенно естественное теченіе жизни... Удивительно какъ это естественно, разумно и главное — нравственно!

Нѣтъ, г. Чичеринъ, неусердствовали вы чересчуръ и вознопадъ!

Гдѣ сословія стали въ такое положеніе, что высшая власть должна удерживать каждое на своемъ мѣстѣ, чтобы одно не задавило и не затоптало въ грязь другого, — тамъ не видны ны и вѣроятно никто не видитъ естественнаго теченія жизни, а еще шевѣ — «правильнаго развитія гражданскихъ отношеній», потому что ихъ не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ правильныхъ *человѣческихъ* отношеній.. А вѣдь: можетъ-быть г. Чичеринъ, высказывая свои невозможныя идеи, еще рассчитывалъ на чье-нибудь сочувствіе. Что мудренаго въ все живущее въ мірѣ видеть сочувствія; объ этомъ даже Навель Иванычъ Чичиновъ какъ-то разъ прекрасно выразился..

Любопытенъ былъ споръ г. Чичерина съ «Русскимъ Вѣстникомъ» о *среднихъ людяхъ* въ древности и будущемъ *среднемъ сословіи* въ Россіи. Но намъ прискорбно вспоминать о семъ, намъ прискорбно не то, что заспорили два великіе мыслителя, а то, что споръ довелъ ихъ до взаимнаго нерасположенія. Сначала «Русскій Вѣстникъ» обнаружилъ бымо дружелюбныя наклонности. «Очень жаль, говорить, что г. Чичеринъ вызываетъ насъ на полемику. Намъ было бы гораздо пріятнѣе имѣть его своимъ союзникомъ, въ виду тогда смутнаго зрѣлища, которое представляетъ наша литература». Какое величіе и какой тактъ въ отысканіи достойныхъ союзниковъ! Въ смутной литературной толпѣ прозорливымъ окомъ отличилъ «Русскій Вѣстникъ» г. Чичерина и протягиваетъ ему руку на союзъ! Чтожъ г. Чичеринъ? Увы! онъ только холодно поблагодарилъ и — не принявъ руки, потому что ему не понравились статьи «Русскаго Вѣстника» о дворянствѣ. Ну, зато и пропѣлъ же ему «Русскій Вѣстникъ» пѣсню о *кружкѣ*, такую пѣсню, послѣ которой кажется уже нечего и думать о союзѣ! А жаль, очень жаль. Еслибы удался союзъ, еслибы редакторъ «Русскаго Вѣстника», г. Чичеринъ и г. Павловъ соединились въ группу, — какая бы вышла античная группа, достойная рѣвца и мисти! Какихъ бы невозможныхъ для простаго смертнаго идей наговорили намъ они! Сколько наготовили бы они намъ сословіи — и высшихъ (первенствующихихъ), и низшихъ (лишонныхъ политическаго смысла), и среднихъ (связующихъ два первыхъ)! Какой бы они придумали чудный механизмъ для удержанія каждаго сословія на своемъ мѣстѣ!.. Ахъ, зачѣмъ г. Чичеринъ не принялъ руки «Русскаго Вѣстника»?..

Вотъ сдѣланіе идей! «Русскій Вѣстникъ» сказалъ, что у насъ нѣтъ *средняго сословія*, т. е. того, что у французовъ tiers-état. Мы и поверили было ему, да г. М. Э., въ 7 № «С. Петербургскихъ Вѣдомостей», ввелъ насъ въ сомнѣніе. Принимая горячее участіе въ судьбѣ *Чапальмита* г-на Щербинны, г. М. Э. говоритъ: «Наука не отнимается *бескорытно* у издателя для этого *бескорытнаго* труда!

Вѣдь найдутся же издатели для журналовъ всякаго рода, распространяемыхъ въ *среднемъ сословіи*; неужели же не случится этого, когда дѣло идетъ о народѣ?»

Благодѣтель! какъ вы хорошо сказали! Только жаль, что мы тутъ не все понимаемъ. Если трудъ г-на Щербинина безкорыстный и издатель для него нуженъ тоже непременно безкорыстный, то значитъ вы рассчитываете, что *Читальникъ* не пойдетъ и останется у издателя на рукахъ? Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же издавать его? А вѣдь мы думали, что онъ предназначается къ повсемѣстному распространенію, невпримѣръ обширнѣйшему сравнительно съ «журналами всякаго рода, распространенными въ *среднемъ сословіи*»... Тутъ однако опять есть нѣчто несовсѣмъ понятное. О чемъ это говорится — о всѣхъ ли русскихъ журналахъ, или о нѣкоторыхъ? Намъ казалось, что всѣ наши журналы распространены преимущественно въ одномъ и томъ же сословіи, которое мы съ вами, невнимая «Русскому Вѣстнику», будемъ пожалуй называть среднимъ. Но вы можетъ-быть знаете, что какіе-нибудь журналы преимущественно распространены въ сословіи высшемъ? Если знаете, — укажите, благодѣтель, намъ на нихъ; мы бы поклонились имъ какъ-нибудь попочтительнѣе, а вамъ за эту услугу указали бы съ своей стороны на такіе журналы, которые хотя не пользуются названіемъ безкорыстныхъ, но, распространяясь въ среднемъ сословіи, подають надежду спуститься ниже и — что мудренаго? — пробраться въ села и деревни. И подумайте, если это въ самомъ дѣлѣ случится, если какой-нибудь журнальчикъ, безъ вашего вѣдома, бочкомъ да стороночкой расползется по деревенскимъ избамъ прежде нежели вы отыщете безкорыстнаго издателя для *Читальника*, — вѣдь это будетъ немножко неожиданно, неправда ли?

Говоримъ мы, что всѣ наши журналы распространены преимущественно въ одномъ и томъ же кругѣ, а между тѣмъ чувствуемъ, что должны же быть и исключенія. Вотъ впримѣръ въ Москвѣ завелся журналъ, выходящій по субботамъ; имя ему *Зритель*. Мы покажемъ образчикъ его духа и силы остроумія; это же кстати можетъ-быть пополнить сколько-нибудь картину московскаго книгопечатанія... Въ третьей тетрадкѣ «Зрителя», на страницѣ 108, плохой политицажъ представляетъ мальчика, сидящаго на окнѣ или на чемъ-то въ этомъ родѣ; мальчикъ держитъ на колѣнѣ листъ бумаги и пишетъ. Вверху надпись: «С. Петербургскіе журнальскіе люди», а внизу:

«Мы лишились Ванюшки Сладкопѣвова. Онъ умеръ тринадцати лѣтъ. Онъ умеръ слишкомъ рано для человѣчества. Онъ умеръ такъ

рано потому, что онъ былъ слишкомъ честенъ. Онъ ужасно любилъ конфеты, но никогда не просилъ ихъ у маменьки; онъ могъ украсть конфеты у тетеньки : онъ этого не дѣлалъ и предпочелъ умереть. Ванюшка Сладкопѣвовъ написалъ три статейки въ прозѣ и нѣсколь- ко стихотворныхъ пародій, особенно на отрывки изъ *Душеньки*; сверхъ того ему принадлежать подписи : *в*, — *ев*, — *овев*; — *овевъ*, *...*, *евевъ* и н. др. Мы долго думали, возлѣ кого положить прахъ Ванюшки Сладкопѣвова : возлѣ Ньютона, или возлѣ Колумба ?..

Maison de confiance
AU DÉLICIES DU JOBARD
chef d'atelier
M-R CZERNYCHEFSKY.

Скажите, знаете вы что-нибудь пошлѣе этой цинически-неприличной штуки? Теперь любопытно было бы знать, смѣшать ли «Зритель» подобными штуками ту часть московской публики, кото- рая способна интересоваться другими, на что-нибудь похожими жур- налами? Ну что, если смѣшать! А вѣроятно, что этотъ выходя- щій по субботамъ журналъ тамъ, гдѣ-нибудь по харчевенкамъ, тѣ- шить людъ честной. Да жаль и этого люда, если ему будутъ вну- шать бессмысленная насмѣшки надъ такими предметами; какъ умъ, талантъ, преждевременная смерть честнаго человѣка и пр.

Щека московское книгопечатаніе упражняется въ невозможныхъ идеяхъ и невозможныхъ островахъ, пока нами удръянше изъ тамош- нихъ мыслителей возятся съ вопросомъ о будущемъ обществен- номъ положеніи «первенствующаго» сословія, люди, непосредствен- но соприкасающіеся съ настоящей дѣйствительностью, съ нынѣ устроивающимся сословіемъ нисшимъ, дѣлаютъ свое дѣло и разъ- ливаютъ его успѣшнѣе. Новое, двухнедѣльное изданіе : «Мировой Посредникъ» открыло свое служеніе этому дѣлу, и взглянувъ поче- ловѣчески на положеніе того сословія, которому г. Чичеринъ такъ ловко услужилъ, приписавъ всему ему раздраженіе и преобладаю- щую преданность сословнымъ интересамъ, — взглянувъ, говоримъ, почеловѣчески на положеніе этихъ людей, редакторъ «Мирового Посредника» г. Е. Карновичъ едвали не въ первый разъ указалъ на сѣщеніе въ головахъ мыслителей двухъ различныхъ поватій : интереса сословнаго и интереса экономического. Онъ замѣтилъ, что русское дворянство не состоитъ исключительно изъ однихъ поземельныхъ собственниковъ, владеющихъ помѣстьями на крѣпост-

новъ правъ; что послѣдніе, въ общей суммѣ являютъ, составляютъ не больше одной трети; что дворяне безпомѣстные, составляющіе большинство членовъ сословія, уничтоженіемъ крѣпостнаго права нисколько не затронуты, и потому «напрасно придается сословный характеръ некоторымъ стремленіямъ, обнаруживающимся въ этомъ дѣлѣ со стороны помѣщиковъ». Въ самомъ дѣлѣ жалеть о крѣпостномъ правѣ въ его принципѣ, какъ о правѣ, теперь уже никому на умъ не придетъ; внутренній голосъ каждаго уже давно порѣшилъ съ этой стороны дѣла. Стало-быть, если есть еще какія-нибудь сожалѣнія или желанія со стороны помѣщиковъ, то конечно только хозяйственныя.

«Придавая такимъ образомъ помѣщичье-крестьянскому дѣлу хозяйственное значеніе (говоритъ г. Карновичъ), мы легко объяснимъ себѣ существующій нынѣ разладъ между помѣщиками и крестьянами. Подобный разладъ въ кругу хозяйственныхъ вопросовъ вполне понятенъ, такъ какъ весьма естественно и даже позволительно стоять каждому за свои хозяйственныя выгоды. Мы увѣрены, что самую либеральную англійскую фермерскую призадумались и поупражились бы насчетъ многихъ гуманныхъ вопросовъ, еслибы вопросы эти слишкомъ сильно ватронули ихъ хозяйственныя интересы.

«Смотря съ хозяйственной, а не съ сословной точки зрѣнія на ходъ помѣщичье-крестьянскаго дѣла, мы никакъ не можемъ считать безусловно помѣстную часть нашего дворянства за стремленія поддержать свои выгоды въ помѣстныхъ распорядкахъ, такъ какъ по самой человѣческой природѣ никакъ нельзя требовать отъ всѣхъ одинаковой степени равнодушія къ своимъ домашнимъ интересамъ.

«... Помѣстное дворянство еще не кончило своего дѣла, потому что при улаживаніи частныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ посредствомъ мироваго разбирательства, большинству помѣщиковъ, каждому изъ нихъ въ отдѣльности, приходится дѣлать особыя, уже не сословныя, но хозяйственныя уступки. Принуждать ихъ къ этимъ уступкамъ было бы крайне-несправедливо, но склонять къ нимъ необходимо, и въ этомъ-то заключается въ настоящее время главная и самая трудная обязанность мировыхъ посредниковъ...»

Таковъ прямой, естественный и примиряющій взглядъ новаго журнала на ту общественную дѣятельность, которой онъ предполагаетъ быть органомъ. На этомъ взглядѣ какъ-то невольно отдыхаешь послѣ разныхъ хитро-закрученныхъ политическихъ идей, — отдыхаешь, потому что слышишь человѣческій голосъ... Не человѣчность ли этого голоса вызываетъ откликъ и другихъ человѣческихъ голосовъ, внушая къ себѣ справедливое довѣріе? Въ «Мировомъ Посредникѣ» есть замѣчательная новизна: это — корреспонден-

ція отъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Мы видѣли два вышедшіе нумера, и въ нихъ обоихъ есть крестьянскія замѣтки. Въ 1 № напечатаны отрывки изъ письма «ярославскаго земледѣльца», съ сохраненіемъ выраженій и правописаній подьячника. Вотъ что говорится о своихъ побужденіяхъ ярославскій земледѣлецъ :

«Хотелъ бы вамъ соопщить и указать прямымъ путемъ по земледѣльческимъ понятіямъ и по нашему мужицкому смыслу ; но нѣсколько подумавши во всемъ остановился, потому можетъ ли какой бы то небылъ земледѣлецъ указать на неправды».

Далѣе :

«Конечно нужнобы вамъ имѣть и земледѣльчскіе указанія и возраженія і я рать бы очень указать и воаразить да боюсь меня съ ногъ съвалить, какъ есть у насъ пословица не говори правды и не терай дружбы ; а я о этомъ дѣлѣ бесъ правды писать не желаю».

Далѣе земледѣлецъ между прочимъ замѣчаетъ, что при мировомъ сѣвдѣ нужны «быть не однимъ природнымъ дворянамъ, но и тѣмъ крестьянамъ, до кого дѣло касается, хотя по одному въ уѣздѣ земледѣльцу съ природнымъ умомъ».

Во 2-мъ № двѣ замѣтки временно-обязаннаго крестьянина И. М. Понеллева. Первая разсуждаетъ о крестьянской общественной службѣ и выражаетъ между прочимъ то мнѣніе, что нужно бы къ смотрителю общественнаго магазина, «на случай храненія, приема и отпуска хлѣба», избрать двухъ посредниковъ изъ добросовѣстныхъ крестьянъ, и одного изъ нихъ непременно грамотнаго. «Крестьяне (продолжаетъ Понеллевъ) на мое предложеніе по этому предмету отзываются, что смотритель не съѣстъ хлѣба, я говорю, онъ его дѣйствительно не будетъ ѣсть, но утратитъ и скажетъ — мыши съѣли, да въ щель утекло или писарь ложно записывалъ хлѣбъ, вотъ тогда правъ смотритель и невиноватъ писарь, вся вина упадетъ на мышей, но съ мышей взять нечего, такъ все и пропало». Во второй замѣткѣ высказывается желаніе, чтобы мировые посредники ревизовали волостныя правленія строго и подробно, потому что «въ прѣтивномъ случаѣ неминуемо подвергнутся растратѣ нѣкоторыя суммы, принадлежащія обществамъ, тѣмъ болѣе, гдѣ бываютъ малограмотные волостные старшины, а волостнымъ писарямъ довѣрять всѣмъ нельзя ; сами же общества по неопытности своей въ счетоводствѣ подробное обревизованіе производить еще не въ состояніи».

Нѣтъ сомнѣнія, что найдутся люди, которые взглянуть совершенно равнодушно на эту крестьянскую корреспонденцію, какъ на что-то очень неважное ; но мы чрезвычайно рады новымъ «литераторамъ-обывателямъ», рады, что редація «Мировою Посредника»

удалось вызвать на свѣтъ ихъ голоса. Кто знаетъ, что еще придется намъ услышать отъ нихъ!...

Теперь послушайте, что происходило въ собраніи членовъ мировыхъ учреждений тверской губерніи. Въ засѣданіяхъ этого собранія 12 и 13 декабря разсматривались между прочимъ два вопроса, поставленные посредникомъ новоторжскаго уѣзда Кудрявцевымъ.

Первый вопросъ: «Не найдеть ли собраніе нужнымъ, неожиданнаго истечения трехлѣтняго срока, ходатайствовать о немедленномъ призваніи крестьянъ къ участию въ выборѣ мировыхъ посредниковъ?» Предложенію своему г. Кудрявцевъ привелъ три основанія: 1) въ настоящее время крестьяне уже достаточно ознакомились съ своимъ новымъ положеніемъ и значеніемъ мировыхъ должностей, чтобы сдѣлать безошибочный выборъ; 2) участіе крестьянъ въ выборѣ посредниковъ увеличитъ благотворное вліяніе послѣднихъ на успѣшнѣйшій и мирный ходъ общаго дѣла; 3) выборное начало, общее обоимъ сословіямъ, наиболѣе послужитъ къ ихъ сближенію. Противъ этого предложенія сдѣлано было нѣсколько возраженій, между прочимъ то, что крестьяне еще не созрѣли. Происходили пренія, за которыми послѣдовало рѣшеніе вопроса, письменною подачею голосовъ, большинствомъ 33 противъ 27, въ томъ смыслѣ, что «собраніе находить полезнымъ немедленное допущеніе крестьянъ къ участию въ выборѣ мировыхъ посредниковъ».

Другой вопросъ: можетъ ли быть допущенъ выборъ крестьянами въ должности сельскаго управленія и суда, лицъ всѣхъ сословій, владѣющихъ землею? При этомъ весьегонскій посредникъ Пыжовъ представилъ на обсужденіе собранія поступившую къ нему отъ одного помѣщика просьбу о зачисленіи его во временно-обязанные крестьяне къ другому помѣщику, которому онъ обязывается отбывать всѣ повинности, наравнѣ съ прочими крестьянами, съ тѣмъ чтобы распространены были на него и права временно-обязанныхъ крестьянъ, именно: право участвовать на сельскихъ и волостныхъ сходахъ, право выбора въ сельскія и волостныя должности и пр. Опять происходили пренія, опять вопросъ рѣшался письменною подачею голосовъ, и большинствомъ 45 голосовъ противъ двухъ безусловно отрицательныхъ и трехъ отрицательныхъ въ отношеніи къ занятію судебныхъ должностей, «собраніе признало полезнымъ допущеніе лицъ всѣхъ сословій, владѣющихъ землею, въ должности сельскаго управленія и суда».

Г. Павловъ не могъ конечно не обратить вниманія на эти два рѣшоныя тверскимъ собраніемъ вопроса. Онъ считалъ долгомъ отозваться объ нихъ очень неблагоприятно; особенно неуважительнымъ и несвоевременнымъ показалось ему разсужденіе о зрѣ-

лости крестьянъ для участія въ выборѣ мировыхъ посредниковъ. «Ну что право (говорить онъ) имъ за необходимость мучить себя разрѣшеніемъ такихъ муареныхъ формулъ, когда и безъ того довольно головоломной работы?» (въ самомъ дѣлѣ, что бы имъ лучше помочь г. Чичерину, ломающему голову надъ отысканіемъ русла, въ которомъ совершается естественное теченіе жизни!). «Можетъ-быть крестьяне созрѣли, а можетъ-быть и вѣтъ. Надѣнетъ крестьянинъ синій кафтанъ, явится артельщикомъ на петербургской биржѣ, — ну какъ-будто и созрѣлъ. Увидишь его въ курной избѣ, вмѣстѣ съ телятами, — покажется, что надо ему еще зрѣть». (Ну, вотъ видите ли! а мы и не знали, что есть только два *существенные* признака для опредѣленія степени зрѣлости народа: синій кафтанъ да телята!). «Разумное, дѣлательное и скорое примѣненіе новаго закона — право гораздо полезнѣе будетъ и дворянамъ, и крестьянамъ, и всей Россіи, чѣмъ эти напрасные толки». («Наше Время» № 18) Такъ, такъ! примѣняй написанный законъ, а не разсуждай и не толкуй! Вотъ одинъ изъ гоголевскихъ героевъ тоже совѣтовалъ запретить всѣмъ сочинителямъ писать. «Книгъ уже и такъ много написано (горорилъ онъ); читай, ирощеніемъ пользуйся, а не пиши!..» Такъ какъ же, г. Павловъ? Не писать, не толковать, не разсуждать, а только примѣнять? Хорошо-съ!

Оно бы пожалуй ничего, можетъ-быть и полезно былобы для здоровья послѣдовать благому совѣту, да что же дѣлать, если при самомъ-то примѣненіи подступаютъ безпрестанно вопросы, отъ которыхъ никакъ не отдѣлаешься безъ того, чтобы не потолковать да не поразсудить? Правда, что происходитъ указываемое вами примѣненіе закона къ жизни людей, еще обитающихъ вмѣстѣ съ телятами, но изъ этого не слѣдуетъ, что на нихъ можно и смотрѣть какъ на телятъ, что и устроить ихъ такъ же легко, какъ телятъ: вѣрно загнать въ хлѣвъ — загнать, и дѣлу конецъ; выпустить, такъ выпустилъ.

Вотъ не припомните ли мнѣніе г. Д. Самарина о возможности примирить помѣщичьи интересы съ бытовымъ понятіемъ этого незрѣлаго народа тѣмъ, что оброку за пользованіе землею дать видъ подати, вредоставивъ крестьянамъ вносить его въ казну, а не помѣщикамъ? Можетъ-быть разсужденіе г. Самарина тоже казалось вамъ напрасными толками, неумѣстными въ виду даннаго уже закона, который стоитъ только примѣнять и больше ничего? А между тѣмъ въ одинъ голосъ съ г. Самаринимъ заговорили въ одномъ мѣстѣ недозрѣлые люди, о которыхъ вы не совѣтуете толковать. Потрудитесь заглянуть въ 14 № «Дня»; тамъ нѣкто М. А. Г-нъ, изъ Ливень (орловской губ.), рассказываетъ, какъ мировой посредникъ, по

просьбѣ одного помѣщика, спрашивалъ собравшихся крестьянъ, какую они желаютъ уставную грамоту — издѣльную или оброчную. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ общество отъ перехода на оброкъ единогласно отказалось. Тогда посредникъ *возжелалъ* узнать причину ихъ отказа и спросилъ, знаютъ ли они какъ должны работать по новому урочному положенію? Причемъ сталъ имъ читать его и растолковывать. Крестьяне слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, и когда онъ кончилъ, объявили, что «такъ работать немогуту, а лучше безъ грѣха сядемъ на оброкъ, только чтобъ ужъ деньги шли на помѣщику, а прямо въ казну.» — Какъ такъ въ казну? спросилъ посредникъ. — «Да такъ-ста, въ казну, а помѣщику вносить небудемъ.» — А какъ же онъ-то будетъ? — «А онъ-то какъ тамъ зная съ козвы волучаетъ, а намъ чтобъ ужъ не *возжасться* съ нимъ и не быть отъ него *обязанными*». «Сколько посредникъ имъ толковалъ имъ о невозможности такого желанія (прибавляетъ г. Г-въ), они все стояли на одномъ, а въ противномъ случаѣ лучше соглашались быть «какъ отцы наши и дѣды были... будемъ тянуть барщину».

Почему жъ бы надъ такимъ требованіемъ и не задуматься? Да и какъ надъ нимъ не задуматься, если оно мѣшаетъ буквальному примѣненію давняго закона?

Но вотъ что еще: почему, скажите, не поразили вы гроваши вашего краснорѣчія предводителей дворянства калужской губерніи, которые почти всѣмъ соборомъ предалась жаркому толкованію закона, по которому будтобы можетъ быть предоставлено вѣтъ, предводителямъ, быть защитниками личныхъ интересовъ каждаго дворянина предъ мировыми учрежденіями? А вѣдь изъ этого вышла цѣлая исторія, вѣроятно занявшая немало времени, нужнаго для занятій по примѣненію новаго положенія. И гг. предводители были разбиты на всѣхъ пунктахъ губернскимъ присутствіемъ, стало-быть и вашему краснорѣчію могла быть обильная яница, еслибы вы по этому случаю заговорили на тему: не разсуждать! Однако вы смолчали.

Но мы никакъ не можемъ смолчать о томъ, что между прочимъ было поводомъ къ началу означенной исторіи. Въ числѣ поводовъ къ этому была тоже исторія съ помѣщикомъ ливонскаго уѣзда фонъ-Ренне. Вотъ ея сущность:

Къ мировому посреднику Щепкину поступили жалобы на г. фонъ-Ренне отъ его дворовой дѣвушки, и отъ самого г. фонъ-Ренне на двухъ мужиковъ. Г. Щепкинъ хотѣлъ-было отстраниться отъ разбирательства этихъ жалобъ, основываясь на своемъ родствѣ съ фонъ-Ренне, но мировой съѣздъ разобралъ, что Щепкинъ съ фонъ-Ренне только въ свойствѣ третьей степени, и потому отвода не

привалъ. Тогда г. Щепкинъ пригласилъ г. фонъ-Ренне явиться для разбора жалобъ; тотъ не явился; Щепкинъ оштрафовалъ его рублемъ; фонъ-Ренне подалъ въ волостное правленіе бумагу. Вотъ этотъ замѣчательный документъ:

«Отъ 22 сентября сего года, за № 85, мировой посредникъ Щепкинъ уведомляетъ меня письмомъ, что онъ, по жалобѣ моей, не имѣетъ никакихъ правъ дѣлать разбирательство о дворовыхъ людяхъ; сего же октября мѣсяца 3 дня за № 110, онъ же, посредникъ, заблагоразсудилъ тѣхъ же дворовыхъ людей и меня вызвать въ мою деревню Кленовку для разбора ихъ со мной. Первое письмо противорѣчитъ другому и доказываетъ, что посредникъ дѣйствуетъ самовластно лишь только по своимъ социалстскимъ убѣжденіямъ и той книгѣ, по которой онъ возмущилъ моихъ дворовыхъ людей, но никакъ не по законамъ, ни по положеніямъ. Вслѣдствіе этого и того, что онъ самъ своимъ протоколомъ отказался быть у меня посредникомъ, я не считаю себя обязаннымъ давать ему отвѣты и являться туда, куда онъ осмѣливается меня требовать, объявляя мнѣ прежде свою вражду. Таковой посредникъ не можетъ быть у меня посредникомъ, который не хотѣлъ быть примирителемъ двухъ сословій, а напротивъ дѣйствовалъ къ раздраженію обоюгъ сословій. А потому объявляю я чрезъ оное правленіе посреднику Щепкину, что я, вѣрелъ до разсмотрѣнія высшимъ начальствомъ всѣхъ моихъ жалобъ на него и распоряженій онаго, можетъ ли онъ, посредникъ Щепкинъ, оставаться у меня, — его предложенія не считаю себя обязаннымъ выполнить.»

Этотъ любопытный документъ дошелъ до губернскаго присутствія, которое передало его на распоряженіе губернскаго правленія, а губернское правленіе... передало г. фонъ-Ренне уголовному суду.

Вотъ эта-то исторія, какъ сообщаютъ, была одною изъ причинъ, побудившихъ предводителей дворянства калужской губерніи вскаты права стать защитниками личныхъ интересовъ дворянъ противъ мировыхъ учреждений. Въ какой степени сильна эта причина, читатели легко могутъ судить сами: здѣсь, въ этой исторіи, дѣйствующія лица обозначаются такъ ясно, что угадывать нечего... Прибавимъ съ своей стороны, что сколько ни знаемъ мы обнародованныхъ фактовъ изъ исторіи введенія въ дѣйствіе положеній 19 февраля, — не помнимъ, чтобъ было между ними много такихъ, по которымъ можно было бы заключить о необходимости кому-нибудь имѣть особыхъ уполномоченныхъ защитниковъ предъ мировыми учреждениями.

Въ рассказанной исторіи особенно рельефенъ землевладѣлецъ фонъ-Ренне; а встрѣтили мы другой рассказъ, гдѣ преимущественно

но характеризуется мировой посредникъ. Къ корреспонденту «Дня», изъ разанской губерніи, пишетъ о томъ, какъ одинъ помѣщикъ четыре мѣсяца возился съ уставной грамотой и все не могъ развязаться, хотя дѣло происходило только между нимъ и мировымъ посредникомъ. Послалъ онъ грамоту къ посреднику на утверждение; тотъ принялъ и *черезъ мѣсяцъ* возвратилъ, прося переписать верхній листъ, написанный не по формѣ, т. е. *не на печатномъ бланкѣ*. Помѣщикъ исполнилъ требованіе и думалъ, что уже все съ его стороны кончено; но — грамота опять явилась къ нему для исправленія: втеченіе перваго мѣсяца, до переписки верхняго листа, посредникъ не читалъ ея и не зналъ, что въ ней есть мѣста, требующія исправленія. Началось исправленіе, переписка на-было и... ужъ не знаемъ, чѣмъ дѣло кончилось.

Здѣсь замѣчательно только одно: требованіе печатнаго бланка, какъ чего-то освящающаго. Чтѣ на это сказать? Сказать амѣтъ съ поэтомъ:

Сильна въ предаваніи въ людяхъ вѣра!

Она такъ сильна, что протавится, и долго протавится всеокрушающему вліянію духа времени, Духъ времени отвергаетъ одинъ утвержденный закономъ обычай; законодательная власть давно расположена послѣдовать внушенію духа времени и длонить къ постепенному искорененію осуждаемаго нравственнѣмъ чувствомъ обычая; но люди, сильные вѣроу въ предаваніе, все держатся за него, за этотъ обычай, не хотятъ выпустить изъ рукъ орудіе, съ которымъ имъ казалось очень удобно жить, и какъ животолюбецъ предъ смертыю, кричатъ:

• Помедли!.. день одинъ!.. •

«Инвалиду» (въ № 5) вздумалось свести и сличить постановленія губернскихъ присутствій двухъ смежныхъ губерній — кievской и подольской, по одному и тому же вопросу, именно: могутъ ли быть крестьяне подвергаемы тѣлесному наказанію за неисправное отбываніе издѣльной повинности? Подольское присутствіе рѣшило вопросъ отрицательно, т. е. что «за неисправное отбываніе крестьянами издѣльной повинности, ни тѣлесное наказаніе и никакія другія мѣры, сверхъ указанныхъ въ подлежащихъ статьяхъ мѣсти. полож., не могутъ быть предоставлены, а потому и предложеніе мирового посредника Ярошинскаго (предлагавшаго усилить мѣры взыскапія за неисправное отбываніе повинностей) не можетъ быть принято.» Кіевское же присутствіе разсудило совершенно иначе: оно постановило, что въ случаѣ жалобы помѣщиковъ (на неисправ-

ное отбываніе повинностей), мировые посредники имѣютъ право подвергать сельскихъ начальниковъ за послабленіе взысканію, а осужденію изъ крестьянъ, *кроме вознагражденія помѣщику, наказанію, въ размѣрѣ изъясненномъ въ 32 статьѣ, въ томъ числѣ и тѣлесному наказанію.*»

Странно, какъ это одинъ и тотъ же предметъ въ различныхъ углахъ отражается совершенно подъ разными углами и принимаетъ различныя, даже противоположныя цвѣта; а вѣдь кажется закономъ-то отраженіа (т. е. законы мышленія) для всѣхъ одни и тѣже. Вотъ въ городѣ Уфѣ тотъ же предметъ отразился опять иначе и принялъ особый, очень яркій оттѣнокъ: тамъ рѣчь пошла уже не просто о тѣлесномъ наказаніи, а о наказаніи тѣлесномъ *усиленнымъ*, двойномъ. Объ этомъ мы прочли во 2 № «Мирового Посредника» весьма подробное изложеніе дѣла; оно состояло вотъ въ чемъ. Въ виду уфимскаго мирового съѣзда было нѣсколько случаевъ, что дворовые люди и крестьяне обращались съ жалобами на помѣщиковъ, часто взводя на нихъ оскорбительныя клеветы. Мировой съѣздъ, «принимая во вниманіе, что наше законодательство строго пресѣдуетъ клевету, особенно оскорбительную для лица оклеветаннаго, и находя необходимымъ пресѣчь зло въ началѣ, призвалъ нужнымъ подвергать виновныхъ въ ложныхъ извѣстахъ, происходящихъ не отъ непониманья новыхъ законовъ, а состоящихъ въ умышенномъ искаженіи истины, въ примѣръ прочимъ *и въ усиленной степени наказанію тѣлесному, крестьянъ на сходахъ, а дворовыхъ людей въ полиціи.*»

Эта *человѣколюбивая* мысль пошла на рассмотрѣніе губернскаго присутствія, и оно ее отвергло. Но вѣдь могло и не отвергнуть, еслибы предметъ отразился подъ тѣмъ же угломъ, какъ въ Кіевѣ. Предметъ этотъ мы считаемъ очень важнымъ и потому хотимъ содѣйствовать возможно большей извѣстности тѣхъ основаній, по которымъ оренбургское губернское присутствіе отвергло мысль уфимскаго мирового съѣзда. Они могутъ быть не бесполезны въ случаѣ возникновенія той же мысли въ другихъ мѣстахъ. Вотъ эти основанія:

«Губернское присутствіе нашло необходимымъ объяснить мировому съѣзду: 1) что безарестанные разборы жалобъ, хотя бы и не основательныхъ, составляютъ непремѣнную обязанность всѣхъ мировыхъ урядовъ, въ особенности посредниковъ (ст. 23 и 24 пол. обѣ укр. по крестьян. дѣл.) и что неосновательность жалобъ происходитъ большою частію отъ новости правъ, дарованныхъ крестьянамъ, ими съ должной ясностью еще не сознанныхъ; 2) что разъясненіе этихъ правъ съ должнымъ сведеніемъ къ неразвитости

и неграмотности бывших крупосудныхъ, къ непониманію или и осознанію принятыхъ границъ приличія, всего скорѣе помочь разумить жалующихся, изъ коихъ, какъ гг. посредники должны были удостовѣриться на опытъ; большая часть руководится промышляющими писаньемъ просьбъ и жалобъ; 3) что по силѣ 229 ст. улож. о наказ., за неосновательность жалобы взысканія не полагается; 4) что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ просьбахъ или жалобахъ содержится клевета на помѣщика, гг. посредники должны внушать присутелямъ, что они подвергаются наказанію по 2095 ст. улож., во въ тоже время гг. посредники должны имѣть въ виду, что подобныя дѣла, согласно примѣч. къ 2102 ст. улож. о наказ., начинаются не иначе какъ по жалобамъ самихъ оскорбленныхъ или ихъ супруговъ, родителей и опекуновъ, что наказаніе за клевету опредѣляется судебнымъ мѣстомъ, а не административною властью; 5) что если принесенія жалобы служатъ предлогами для уклоненія отъ работъ, то гг. посредники имѣютъ возможность уклоняющагося подвергнуть взысканію по 29 ст. полож. объ учр. по кр. дѣл.; когда же обнаруживается подстрекательство къ неповиновенію и безпорядкамъ, тогда они должны сообщать судебнымъ слѣдователямъ или полиціямъ о производствѣ слѣдствія и передачіи виновныхъ суду на основаніи общихъ узаконеній; 6) что наконецъ признаніе мировымъ съездомъ необходимости усиленнаго тѣлеснаго наказанія за ложный извѣтъ противно современному духу учреждений, которыхъ гг. посредники служатъ представителями, и что такая мѣра можетъ скорѣе служить къ сокрытію справедливыхъ жалобъ и уничтоженію довѣрія къ посредникамъ, чѣмъ принести пользу ожидаемую мировымъ съездомъ.»

Кажется и ясно, и законно, и разумно? Но представьте, что мировой съѣздъ на эти доводы прислалъ длиннѣйшее отверженіе, говоря, что онъ преслѣдуетъ не непонимавье, а злоумышленную ложь, клевету, и затѣмъ рисуетъ страшную картину зла, происходящаго отъ безнаказанности этой клеветы... Хорошо; да вѣдь сказано, что на клевету есть законный судъ. Такъ вѣтъ! хочется непременно самимъ посѣчь, и посѣчь усиленно. Чтожъ дѣлать? страсть!

Губернское присутствіе, выслушавъ объясненіе съѣзда, нашлось. Оно постановило: «объясненіе это... приобщить къ дѣлу.» Покойся, милый прахъ!..

При этомъ случаѣ намъ хотѣлось бы исполнить хотя отчасти желаніе одного ипогороднаго корреспондента, анонимное письмо котораго передано въ редакцію нашего журнала. Корреспондентъ выражаетъ искреннѣйшую скорбь о существованіи у насъ тѣлесныхъ наказаній и о томъ, что наша литература до сихъ поръ не обратила

но этотъ предметъ достаточнаго вниманія. «Я вполне увѣренъ, м. г. (говорить онъ, обращаясь къ одному изъ сотрудниковъ «Времени»), что вы, какъ человѣкъ образованный и вполне сочувствующій всему разумному и добруму, въ теплыхъ и краснорѣчивыхъ словахъ выскажете всю несобразность, чтобъ не сказать дикость тѣлесныхъ наказаній... Прошу васъ приступить къ дѣлу какъ можно скорѣе; вы поймете мою просьбу, если я вамъ скажу, что новодомъ къ этому письму послужило именно то, что многіе, которыхъ съ психологической точки зрѣнія нельзя даже назвать преступниками, подвергаются именно теперь этому роду наказанія.»

Вполнѣ раздѣляемъ скорбь нашего добраго корреспондента, по спѣшимъ напомнить ему, что на предметъ, о которомъ онъ говоритъ, давно обращено вниманіе не только литературою, но и самимъ правительствомъ, какъ это извѣстно изъ нѣкоторыхъ недавнихъ постановленій, постепенно тѣлесныя наказанія ограничивающихъ. Затѣмъ — для извѣстно-просвѣщенныхъ нашихъ современниковъ никакихъ теплыхъ и краснорѣчивыхъ словъ по этому предмету уже ненужно; что же касается до лицъ, еще готовыхъ раздѣлять мнѣніе гг. членовъ уфимскаго мирового съѣзда, то... хотя Плюшкинъ и утверждалъ, что «душеснасительнымъ словомъ хоть кого проймешь», но Чичиковъ тутъ же подумалъ: «ну, тебя я думаю не проймешь!..» Будемте ждать, когда духъ времени воздѣйствуетъ и на сердца, наименѣе покорныя его вліянію.

Но — довольно объ этомъ. Мы должны еще воротиться на минуточку къ вопросу о зрѣлости народа, по поводу одного извѣстія, найденнаго нами въ 16 № «Дня», — извѣстія, которое неожиданно наведо насъ на мысль, что кромѣ кафтана и телать, могутъ существовать еще другіе признаки, дающіе возможность хотя приблизительно опредѣлять степень народной зрѣлости. Вотъ это извѣстіе, присланное изъ зарайскаго уѣзда (рязанск. губ.). Одинъ крестьянинъ струиенской волости дер. Якишиной просваталъ дочь за сосѣдняго крестьянина. Невѣсту зашили, ударили по рукамъ и дѣло приближалось уже къ свадьбѣ; но за нѣсколько дней до нея женихъ сталъ отбазываться, прося къ приданому прибавки пятьдесятъ рублей. Свадьба разстроилась; отецъ невесты обратился съ жалобой къ мировому посреднику, а тотъ передалъ дѣло въ волостной судъ. Судъ призвалъ истца, отвѣтчика и свѣдѣтелей, распросилъ всѣхъ и каждого, и въ тоже присутствіе постановилъ рѣшеніе:

«Жениху, какъ нарушившему свое слово, заплатить отцу невесты за угощеніе и приготовленія къ свадьбѣ (до 15 руб.) и штрафныхъ въ волостной судъ 2 руб.;

«такъ какъ женихъ своимъ отказомъ ослабилъ дѣвушку, то не позволять ему жениться, пока невѣста не выйдетъ замужъ.»

Слѣдствіемъ этого рѣшенія было то, что женихъ принесть повинную и черезъ три дня женился на своей прежней невѣстѣ.

Рѣшеніе, по нашему мнѣнію, мѣткое и оригинальное. Жаловаться стало-быть нечего. Нечего терять надежду на то, что народъ въ состояніи будетъ обойтись безъ особаго попечительства въ своихъ домашнихъ распорядкахъ и даже можетъ-быть въ дѣлѣ своего нравственнаго усовершенствованія. Нечего стало-быть и геревать о такихъ наиримѣрь явленіяхъ, о какомъ въ томъ же журналѣ «День» пишетъ кто-то изъ ливенскаго уѣзда. А пишетъ онъ вотъ что :

«Въ нашемъ уѣздѣ сильно начинается развиваться между простымъ народомъ игра въ карты; ощущается только большой недостатокъ въ игральныхъ картахъ: за скверную, замазаную колоду охотно даютъ курицу, гуся и т. д... Играютъ въ игру, называсмую *фальки*, и всегда — въ деньги и зачастую немаленькія. По долгимъ зимнимъ вечерамъ, непремѣнно во всякой деревушкѣ, неговоря уже о селахъ, домахъ въ трехъ-четырехъ собираются игроки, и начинается рѣзня и продолжается далеко за полночь. Отговариваются скукой, бездѣльемъ. Эхъ, кабы поскорѣй подоспѣла грамотность!..»

Какъ-бы это въ самомъ дѣлѣ сдѣлать такъ, чтобы она подоспѣла скорѣе, прежде нежели обитатели ливенскаго уѣзда успѣютъ окончательно проигратъся въ *фальки*?.. Нетерпѣливы мы! Въ насъ кипятъ желанія, жажда встрѣчи. Мы очарованы свѣжимъ воздухомъ, какъ выздоровѣвшій, которому послѣ долгаго лежанья хочется какъ можно скорѣе очутиться въ полѣ, среди полного расцвѣта природы. Мы очень похожи на этого выздоровѣвшаго, которому мало воздуха, дующаго въ открытую форточку; онъ ждетъ-недождется, когда исчезнутъ передъ нимъ четыре стѣны и откроется вся шаръ и даль, кипящая жизнью и здоровьемъ: не часть онъ дожидаться такого счастья, и всякая остановка и отсрочка бросаетъ его въ жаръ, приводитъ въ отчаяніе. За то-то и зовутъ насъ «мальчиками»; «снѣдниками» и всякими именами, которыя никакъ нейдутъ къ старчеству, къ холодному резонерству и доктринерству, а только означаютъ юношескія горячія стремленія, всегда честныя, всегда согрѣтыя добротой и любовью. Оттого же и долгимъ мы любимыя слова съ утра до вечера и съ вечера до утра, и носимся съ ними какъ съ несагаднымъ дѣтищемъ, нещади терпѣливаго вниманія ближняго, до тѣхъ поръ пока не найдутся другія слова, которыя покажутся намъ еще болѣе симпатичными, еще болѣе нужными...

Вотъ такъ и слово «грамотность», за которымъ стоитъ другое

разнокольное слово: «воспитаніе народа.» Намъ однако говорить ; сближеніе съ народомъ — либеральная фраза. Повѣрить этому, такъ ружь сложить ; потому что издали воспитывать нельзя. Да позволить хоть грамотѣ-то поучить, хоть послать учителей ! Мы знаемъ, что народъ уже понуствовалъ надобность въ грамотности ; следовательно онъ непрѣменно выучится грамотѣ, а потому проснувшись жданъ и воспитаеъ его. Чтобъ ускорить это дѣло, нужно только достать какъ можно больше учителей. Но если и достаемъ учителей, все-таки нельзя неграмотный народъ выучить такъ скоро, чтобы съ будущей же зимы онъ пересталъ играть въ фальки, занявшись вмѣсто того чтеніемъ газетъ.

Впрочемъ восклицаніе о грамотности по поводу карточной игры объясняется мѣстнымъ положеніемъ дѣлъ, потому что тотъ же корреспондентъ, который сдѣлалъ это восклицаніе, пишетъ о своемъ ливенскомъ уѣздѣ еще слѣдующее :

«Народное образованіе у насъ оказываетъ успѣхи плачевныя. Сельскія школы идутъ плохо, т. е. вѣрнѣе-сказать ихъ еще совсѣмъ нѣтъ, если не считать двѣ-три школы, основанныя самими помѣщиками, въ которыхъ они сами учатъ... Вотъ еще въ августѣ предписано сельскому духовенству открыть школы въ приходахъ, но по разнымъ обстоятельствамъ, а болѣе отъ совершеннаго недостатка матеріальныхъ средствъ, исполненіе этого предписанія въ нашемъ уѣздѣ не осуществляется. Нѣтъ, виноватъ: исполненіе этого предписанія въ некоторомъ образомъ выразилось въ томъ, что волостные старшины обѣхали свои волости и переписали мальчиковъ; но тѣмъ дѣло и кончилось. Впрочемъ и крестьяне какъ-то не очень охотно изъявляютъ желаніе отнискать своихъ сыновей для обученія къ духовенству, и какъ-то недовѣрчиво на это смотрятъ; но крайней мѣрѣ нѣсколько селеній нашей волости на волостномъ сходѣ заявили, что отнискать къ попомъ въ село дѣтей не хотятъ... лучше сложился, да наймемъ себѣ учителя.»

Такъ вотъ теперь нужно, чтобъ было имъ кого нанять.

Подобныя же вѣсти изъ рязанской губерніи есть въ № 1 *Совр. Лѣтоп.* Тамъ говорится : «Инициатива въ этомъ дѣлѣ (т. е. въ дѣлѣ распространенія грамотности) принадлежитъ епархіальному начальству, сдѣлавшему сельскимъ священникамъ предложеніе заводить по возможности въ приходахъ школы для обученія грамотѣ крестьянскихъ дѣтей безвозмездно. Если до сего времени эта мысль осуществляется туго, и въ малыхъ размѣрахъ, то этому дѣтъ иной причины, кромѣ недостатка въ матеріальныхъ средствахъ. Однакоже несмотря на неблагопріятныя условія, уеардіемъ нѣкоторыхъ лицъ положено, а у насъ основаніе школамъ грамотности». Это основаніе

заканчивается только въ двухъ школахъ, изъ которыхъ одна устроена въ селѣ Позднемъ священникомъ Дм. Андр. Городцовымъ, а другая въ селѣ Ольховцахъ временно-обязаннымъ дворяниномъ челоукомъ Алексан. Петр. Пушкинымъ. Немного! Зато виднѣе выступаютъ имена основателей. Кромѣ этого, другой корреспондентъ, купецъ Ермаковъ, изъ Данкова, извѣщаетъ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей», что 2 декабря открыта школа въ селѣ Влейковѣ старинными мировымъ посредникомъ Бернарда. «Еще при постройкѣ (въ селѣ г. Ермаковъ) временно-обязанными крестьянами, по добровольной раскладкѣ, дома для волостного правленія, онъ (г. Бернардъ) предложилъ, независимо отъ помѣщенія для правленія, устроить двѣ-три комнаты и для училища. Крестьяне, исполняя благой совѣтъ, не могли однако надѣяться, по неимѣнію материальныхъ средствъ, на скорое ея открытіе; но г. Бернардъ и тутъ не задумался: онъ предложилъ штрафную сумму, взимаемую съ нихъ за проступки, употребить на этотъ предметъ; крестьяне съ радостью приняли это предложеніе и немедленно составили о томъ приговоръ. Нынѣ въ этой школѣ учится около пятидесяти мальчиковъ и дѣвочекъ; первые учатся у священника Хитрова и волостного писаря Сударикова, а послѣднія у дочери священника, дѣвочки А. Хитровой».

Относительно сельскихъ школъ у насъ нѣтъ больше текущихъ новостей; но есть другія новости, относящіяся къ дѣлу образованія.

Въ Петербургѣ существуютъ пять гимназій, и всѣ онѣ долго переполнены учениками, что начальство ихъ принуждено иногда отказывать въ пріемѣ. Теперь высочайше повелѣно учредить *шестую* с. петербургскую гимназію на *двѣсти пятьдесятъ* приходящихъ воспитанниковъ. Для этой гимназіи назначено то помѣщеніе (у Чернышова моста), которое было квартирою министровъ народного просвѣщенія и въ которомъ, кромѣ гимназій, предположено помѣстить безвозмездно русское географическое общество. Гимназію предназначено открыть 17 апрѣля нынѣшняго года. Эта новость, сколько мы слышали, встрѣчена петербургскими жителями съ особеннымъ сочувствіемъ.

Начальство технологическаго института объявило, что съ будущаго учебнаго года приводятся въ исполненіе преобразование этого заведенія, заключающееся въ постепенномъ упраздненіи общихъ (подготовительныхъ) классовъ, такъ что потоки въ институтѣ будутъ одни высшіе спеціальныя классы.

Университетскій вопросъ, какъ извѣстно, находится въ разсмотрѣніи правительства, и чинъ онъ разрѣшится — мы еще не знаемъ. Но вотъ изъ кievскихъ университетскихъ новостей узнаемъ, что

тако въ одно изъ засѣданій совѣта въ концѣ ноября было разсужденіе о томъ, на какихъ основаніяхъ долженъ быть допускаемъ пріемъ слушателей въ университетъ. Результатъ разсужденій были слѣдующія три положенія:

«1) Доступъ въ университетъ можетъ быть открытъ для всѣхъ желающихъ.

«2) Тѣ слушатели университетскихъ лекцій, которые жаждутъ слушать полный систематическій курсъ съ цѣлію подвергаться потомъ испытанію на ученую степень, должны при поступленіи въ университетъ 1) предъявить свидѣтельство о рожденіи, происхожденіи; объ удовлетворительномъ усвоеніи гимназическаго курса (т. е. свидѣтельство о зрѣлости къ слушанію университетскихъ лекцій), 2) внести известную сумму, отъ которой нѣкоторые могутъ быть освобождены совѣтомъ по особенно уважительнымъ причинамъ.

«3) Дисциплинарныя отношенія слушателей къ университету должны быть вовсе уничтожены.»

Въ другомъ засѣданіи (8 декабря) обсуждались вопросы: а) могутъ ли лица женскаго пола быть допускаемы къ слушанію университетскихъ лекцій совмѣстно съ студентами, и по всѣмъ ли факультетамъ? б) какія условія должны быть постановлены при такомъ допущеніи? и в) могутъ ли такіа лица быть допускаемы къ испытанію на ученая степени и какими правами, въ случаѣ выдержанія испытанія, они должны пользоваться?

По этимъ тремъ пунктамъ вопроса о слушательницахъ мнѣнія были высказаны каждымъ факультетомъ особо. По первому пункту всѣ факультеты единогласно положили, что лица женскаго пола могутъ быть допускаемы къ слушанію лекцій совмѣстно съ студентами. По второму пункту также всѣ выразили въ сущности одно и тоже мнѣніе, хотя въ разныхъ выраженіяхъ, что условія допущенія не могутъ быть тѣже, что и для слушателей мужскаго пола. По третьему пункту всѣ, кромѣ юридическаго факультета, заключили, что лица женскаго пола могутъ быть допускаемы къ испытанію на ученая степени и пользоваться правами наравнѣ съ студентами; юридическій же факультетъ замѣтилъ, что допускать слушательницъ къ испытанію считаетъ излишнимъ, такъ какъ всѣ почти права, которыя можетъ дать ученая юридическая степень, при настоящемъ порядкѣ, недоступны для женщины. Въ числѣ факультетовъ, обсудившихъ этотъ вопросъ, былъ конечно и факультетъ медицинскій, который особенно ясно поставилъ условіемъ допущенія женщинъ къ слушанію курса медицины — удовлетворительное выдержаніе вступительнаго экзамена, и затѣмъ согласился, что

онѣ могутъ испытываться на ученыхъ медицинскіа степени и пользоваться всѣми правами, присвоенными этимъ степенямъ. Между тѣмъ — странно! — мы слышали толки нѣкоторыхъ врачей, которые просто вопіють противъ вторженія женщинъ въ ихъ профессію, доказывая рѣшительную неспособность прекрасной половины человечества постигать ихъ цѣлящую премудрость и быть такими же хорошими врачами, каковы суть они, врачи-мужчины. Доказательства ихъ конечно берутся изъ строенія тѣла, особенностей мозга, физиологическихъ отравленій и пр. Не сильны мы въ такихъ наукахъ, какъ анатомія, физиологія, а тѣмъ паче — органическая химія, и потому не можемъ стать на ихъ точку зрѣнія, но право думается: не ошибаются ли они, цѣлители тѣлесъ нашихъ, въ этомъ такъ же, какъ случается имъ ошибаться въ опредѣленіи сущности нашихъ недуговъ, чему мы, при всей глубинѣ ихъ премудрости, видимъ безпрестанно поразительные примѣры? Женщины слушаютъ ихъ доказательства и только улыбаются; а могли бы кажется сказать: зачѣмъ вы, господа, такъ много о себѣ думаете? И дѣйствительно господа много о себѣ думаютъ. Въ гордомъ сознаніи преимуществъ своей мужской породы, они уже ни во что ставятъ это обстоятельство, что если женщина предается какому-нибудь дѣлу, то почти всегда вноситъ въ него сердечный элементъ, вследствие чего и изученіе предмета, и примѣненіе его на практикѣ бываетъ тепле и добросовѣстно; а гдѣ же и пригодно, и нужно болѣе всего это свойство, какъ не на поприщѣ врача? А тѣ случаи, когда женщина гибнетъ оттого только, что не можетъ рѣшиться дозволить врачу осмотрѣть себя?.. Хоть для избѣжанія этихъ печальныхъ случаевъ признали бы вы пользу изученія женщинами медицины, и порадовались бы, что находятся между ними такія, которыя рѣшаются пройти тяжелый курсъ вашихъ наукъ.

Въ Петербургѣ учреждается *Общество психіатровъ*, для котораго уже утвержденъ уставъ. Цѣль его конечно научная и имѣетъ социальная: общество предполагаетъ знакомить съ одной стороны врачей-неспеціалистовъ, а съ другой — публику съ научными понятіями лучшихъ современныхъ психіатровъ и ихъ практическими убѣжденіями относительно способовъ призрѣнія помѣшанныхъ, ухода за ними и леченія ихъ; оно намѣрено стремиться къ уничтоженію предрассудковъ, существующихъ въ публикѣ, относительно помѣщенія помѣшанныхъ въ спеціальныя заведенія и къ возбужденію общаго интереса къ избранной имъ отрасли науки; оно намѣрено наконецъ слѣдить за развитіемъ юридическихъ постановленій относительно помѣшанныхъ... Появленіе этого общества для насъ особенно дорого, потому что предметъ его стоитъ безпре-

станно у всѣхъ предъ глазами, и мы забываемъ его, забываемъ скорбѣть объ участи тѣхъ, которые подвергаются величайшему изъ несчастій, какія только могутъ поражать человѣка — потерю ума.

Не дай мнѣ Богъ сойти съума!

Нѣтъ! легче посохъ и сума,

Нѣтъ! легче трудъ и гладь!..

Независимо отъ научныхъ стремленій, начало асоціаціи видимо больше и больше входитъ во вкусъ русскихъ людей, спасающихся подъ его защитою отъ бѣдъ, которыми грозитъ безденежье. Такъ отъ «Инвалида» узнаемъ, что формируется *Русское купеческое общество для взаимнаго вспоможенія*, къ учрежденію котораго привело то соображеніе, что прочность купеческаго благосостоянія и капиталовъ подвержена множеству случайностей, такъ что часто купеческое семейство, привыкшее къ довольству и обилію, вдругъ въ одно прекрасное утро, отъ одного неловкаго поворота коммерческихъ обстоятельствъ, остается безъ ничего, лицомъ къ лицу съ полнѣйшей нищетою и всѣми ея нравственными послѣдствіями, неизбѣжными для людей, къ ней не привыкшихъ. Вотъ и учреждается общество, которое, чтобъ оказываемая имъ помощь не имѣла вида милостыни, принимаетъ форму клуба, съ тѣмъ что часть денегъ, вносимыхъ членами, будетъ отдѣляться на составленіе благотворительнаго капитала.

Въ Кіевѣ, говорятъ, недавно составила новая асоціація арсенальныхъ офицеровъ и чиновниковъ. О ней пишутъ вотъ что: «Цѣль образовавшей асоціаціи — облегченіе средствъ къ займу денегъ. Чтобы понять всю своевременность и настоятельную потребность въ составленіи подобнаго общества именно въ Кіевѣ, нужно быть знакомымъ съ кіевскимъ безденежьемъ. Такого безденежья, какое вы теперь здѣсь встрѣтите, рѣшительно никто не запомнитъ, да и не существовало... Объ немъ (обществѣ) года два говорили-говорили, да такъ бы и покончили, еслибы за эту мысль не взялся дѣятельно казначей арсенала Евреиновъ. Онъ предложилъ проектъ такъ-называемаго «офицерскаго капитала», назначеннаго для ссуды. («Инв. № 8). — Далѣе слѣдуетъ самый проектъ и критика на него; но мы уже не войдемъ въ эти подробности, довольствуясь однимъ фактомъ существованія асоціаціи, какъ спасительнаго средства отъ грозящаго безденежья.

Намъ очень хотѣлось бы сообщить вамъ, читатель, еще что-нибудь поважнѣе, и безъ сомнѣнія нашлось бы что-нибудь, — пото-

мучто, мало ли у насъ важныхъ предметовъ; но, признаемся откровенно, времени у насъ осталось только на то, чтобы сдѣлать слѣдующія два извѣщенія:

1) Вышелъ въ свѣтъ *третій* выпускъ «Списковъ населенныхъ мѣстъ российской имперіи», составленныхъ и издаваемыхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Этотъ выпускъ содержитъ въ себѣ списокъ населенныхъ мѣстъ Бессарабской области (цѣна ему въ Петербургѣ 1 руб.).

5) Совѣтъ императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, — заведеніе, общезвѣстное подъ названіемъ «дворянской половины Смольнаго монастыря», объявляетъ, что заведеніе это въ настоящее время преобразовано, а именно:

Бывшіе *девятимѣсячные* курсы, съ выпусками, чрезъ каждые три года, до 150 дѣвицъ въ февралѣ, и равночисленными приемами въ августѣ, замѣнены курсами *семимѣсячными*, съ ежегодными выпусками въ декабрѣ и приемами въ январѣ.

Вмѣсто прежнихъ трехъ классовъ — младшаго или *кофейнаго*, средняго или *золубого* и высшаго или *бѣлаго*, въ которыхъ воспитанницы находились по три года, учреждены *семь годовыхъ классовъ*, въ которыхъ будетъ всего 420 воспитанницъ, въ томъ числѣ 210 на казенномъ содержаніи и 210 пансіонерокъ.

По званію родителей, прежде допускался приемъ дочерей только тѣхъ дворянъ, которые записаны въ пятую или шестую часть дворянской родословной книги, а по чинамъ — не ниже полковника и статскаго совѣтника. Нынѣ это измѣнено относительно *свокоштныхъ*. Такими принимаются дочери всѣхъ потомственныхъ дворянъ, въ какую бы часть книги они ни были записаны, а также дочери лицъ не ниже штабсъ-капитана и штабсъ-ротмистра гвардіи, майора арміи и надворнаго совѣтника.

Такъ всюду проникаетъ духъ преобразованій!

НЕКРОЛОГЪ

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ПАНАЕВЪ

Въ ночь съ 18 на 19 февраля скончался скоропостижно, одинъ изъ редакторовъ «Современника», извѣстный нашъ писатель Иванъ Ивановичъ Панаевъ. Онъ умеръ отъ аневризма. Мы глубоко сожалѣемъ объ этой новой потерѣ, которую понесла наша литература. Авторъ «Тли», «Онагра» и другихъ болѣе или менѣе талантливыхъ произведеній, имѣвшихъ въ свое время большой успѣхъ и даже социальное значеніе, не переставалъ писать до самой своей кончины. Его «Литературныя воспоминанія», его «Замѣтки Новаго Певца» извѣстны нашей публикѣ.

Это былъ честный, благородный человѣкъ. Доброта его сердца слишкомъ извѣстна всѣмъ тѣмъ, кто зналъ его близко. Какъ писатель, онъ былъ прямъ и откровененъ, даже иногда циниченъ, но не скептикъ. Онъ вѣрилъ въ лучшее. Онъ работалъ надъ собою постоянно. Въ немъ была благородная сила самоосужденія, — мы знаемъ это. Взглядъ его иногда бывалъ поверхностенъ. Какъ писатель, въ явленіяхъ жизни онъ не всегда замѣчалъ всю глубокую сущность ихъ; но онъ никогда не отставалъ отъ развитія общества и всегда понималъ его требованія... Знавшіе его близко искренно пожалѣютъ объ утратѣ человѣка, публика — объ утратѣ талантливаго писателя.

ВОПРОСЪ О НАРОДНОМЪ ЗДОРОВЬИ И ИНТЕРЕСЫ ВРАЧЕБНАГО СОСЛОВІЯ ВЪ РОССИИ

ОБЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО СОСТОЯНІЯ ВОПРОСА О НАРОДНОМЪ ЗДОРОВЬИ. — Мнѣнія нѣкоторыхъ медицинскихъ писателей о неестественности отношеній врача къ обществу и начальству. — Аптекари и аптеки. — Безобразіе новой аптечной таксы, обнаруженное магистромъ фармаціи Классономъ. — Отпускъ лекарствъ врачами. — Орловскій привѣръ. — Городовые и уездные врачи. — Докторъ Тулушевъ въ сель. — Знахари и лекарки. — Чѣмъ жить сельскому врачу? — Сравненіе положеній сельскаго врача съ сельскимъ священникомъ. — Въ чемъ должно заключаться правительственное содѣйствіе при устройствѣ врачебной части и что можетъ сдѣлать само общество? — Что требуется отъ врачей для нихъ же и для общественной пользы? — Эмансипація врачей. — Предположенія объ устройствѣ сельской медицины. — Условія народнаго долголѣтствія и благоденствія.

Вопросъ о народномъ здоровьѣ такъ тѣсно связанъ съ интересами врачебнаго сословія, что говорить объ одномъ некасаясь другого значитъ смотрѣть только на одну сторону дѣла; и въ самомъ дѣлѣ почти все писанное до сихъ поръ объ этомъ предметѣ носитъ на себѣ характеръ самой крайней односторонности. Этимъ отчасти можно объяснить главную причину бесплодности многихъ статей, написанныхъ въ послѣднее время объ устройствѣ сельской медицины; и въ этомъ же должно искать объясненія того, что настойчивыя попытки нѣкоторыхъ медицинскихъ газетъ заявить необходимость реформъ въ управленіи нашей медицинской части прошли въ нашей печати почти никѣмъ незамѣченными. Главный промахъ, какъ намъ кажется, заключается въ томъ, что одни писали только о страданіяхъ больного народа, а другіе твердили о тяжкомъ положеніи врачей и недостаточномъ вознагражденіи ихъ труда. Резюмированіемъ всего высказаннаго обѣими сторонами кажется до сихъ поръ никто не занимался и въ этомъ конечно

нельзя никого упрекать, потому что до недавняго времени нечего было и резюмировать. Все, что сказано о безпомощномъ положеніи нашихъ сельскихъ жителей въ болѣзняхъ почти ограничивалось указаніемъ болѣе или менѣе рѣзкихъ примѣровъ этой безпомощности при существующемъ устройствѣ медицинской части, жалобами врачей на склонность народа къ «шарлатанскому леченію» и рекомендаціею не очень практичныхъ и не очень мудрыхъ проектовъ объ искорененіи знахарей и лекарокъ, при чемъ всегда предлагалось; издать правило объ *обязательномъ* признаніи врачей народомъ. Къ сожалѣнію прочитавъ довольно длинный рядъ статей, разсуждающихъ объ этомъ предметѣ, мы вынуждены сознаться, что статьи эти свидѣтельствуютъ иногда о весьма благородномъ а иногда и о весьма странномъ образѣ мыслей авторовъ, и почти никогда не говорятъ о ихъ знакомствѣ съ дѣломъ, а тѣмъ менѣе о способности повернуть дѣло лицомъ къ общественному вниманію.

Собственно о положеніи врачей и объ ихъ отношеніяхъ къ начальствующимъ лицамъ у насъ начали говорить очень недавно (около двухъ лѣтъ назадъ) и то въ мало-распространенномъ специальномъ изданіи, съ которымъ сдѣлали кто-нибудь и знакомъ изъ людей, непринадлежащихъ къ медицинскому сословію. Но несмотря на это вопросъ объ интересахъ врачующаго сословія обработанъ гораздо многостороннѣе и тщательнѣе, чѣмъ вопросъ объ интересахъ людей требующихъ врачебной помощи.

Этой обработкой русская литература обязана профессору университета св. Владимира А. П. Вальтеру, издающему еженедѣльную медицинскую газету: «Современная Медицина.» Въ два года, которые продолжается это изданіе, оно, какъ мы уже сказали, успѣло разъяснить этотъ вопросъ на столько, что теперь можно болѣе или менѣе безошибочно опредѣлить положеніе нашего врачебнаго сословія и искать мѣръ къ улучшенію этаго положенія одновременно съ изысканіемъ средствъ къ уничтоженію безпомощности нашихъ поселенъ въ врачебномъ отношеніи. Изъ ряда статей, напечатанныхъ втеченіи двухъ лѣтъ въ газетѣ профессора Вальтера врачами и не врачами, явствуетъ: 1) что городскіе и уѣздные врачи, обязанные *ex officio* облегчать недуги городского и сельскаго населенія, никакъ не могутъ этаго сдѣлать, потому что имъ нѣтъ времени лечить народъ, потому что они заняты самыми разнообразными служебными обязанностями и что вслѣдствіе непрерывныхъ хлопотъ по службѣ они отстаютъ отъ науки и чѣмъ долѣе служатъ, тѣмъ менѣе становятся достойными званія *врачей*. 2) Что вознагражденіе, получаемое этими мелкими отъ казны (190 р. с. въ годъ), не даетъ имъ никакой возможности жить честнымъ образомъ, а вслѣдствіе того,

как сказано въ «Современной Медицинѣ», ихъ по преимуществу «считаютъ взятки» съ тѣхъ статей, гдѣ медичъ является не врачомъ, а чиновникомъ, наблюдающимъ за ненарушеніемъ законовъ о народномъ здравіи. Повѣстно, что при такихъ условіяхъ городской и уѣздный врачъ, въ большинствѣ случаевъ, перестаетъ быть въ мѣстнѣ обществу *врачемъ* и считается только чиновникомъ. Его офиціальное положеніе и необходимость пользоваться этимъ положеніемъ ради приобрѣтеній, удаляютъ отъ него народъ и ставятъ его въ неблагопріятномъ свѣтѣ передъ людьми съ развитыми понятіями о чести и «обязанностяхъ». 3) Народъ не любитъ врачей за преслѣдованіе тѣхъ самоучекъ, которые лечатъ его болѣзни домашними средствами и теплымъ словомъ участія; и 4) въ народѣ живетъ страшное отвращеніе къ больницамъ и гошпиталамъ, которое можете объяснить тѣмъ, что по словамъ «Современной Медицины» (1861 г. № 42) «смертность въ нашихъ гошпиталахъ особенно велика, наука по большей части далеко отъ нихъ, а честность и добросовѣстность еще дальше.» Наклонность къ чудесному и вѣра въ таинственныя силы своихъ знахарей, въ соеяненіи съ атестаціею, высказанною русскимъ гошпиталамъ русскимъ медицинскимъ профессоромъ, не только объясняютъ причины народной активати къ лечебнымъ заведеніямъ, но они представляютъ надежное ручательство за то, какъ пойдетъ дѣло, если врачевныя порядки у насъ еще долго простоятъ въ прежнемъ положеніи. И такъ: городскіе и уѣздные врачи, *обязанные* лечить жителей своего округа, не могутъ ихъ лечить за недостаткомъ времени, отнимаемаго у нихъ службою; а народъ не обращается къ ихъ помощи потому, что видятъ въ нихъ чиновниковъ и мало вѣрятъ въ могущество ихъ знанія, вследствие недостатка сближенія съ врачами и затрудненія въ полученіи лекарствъ. Сблизить врачующихъ съ требующими врачеванія, могла бы по мысли разныхъ хитрыхъ и мудреныхъ мѣръ успѣли уже стать въ неблагопріятныя другъ къ другу отношенія, довольно трудно; а взаимныя интересы ихъ требуютъ этого сближенія самымъ настоятельнымъ образомъ. Теперь дѣло является намъ такой видъ: *народъ гибнетъ безъ врачебной помощи, молодые врачи сомнѣніями сидятъ безъ дѣла и безъ заработка.* Несообразность такого положенія, краснорѣчивѣе всякихъ доводовъ говорить о необходимости немедленнаго устройства этой безурядицы. Вопросъ въ томъ: кому удобнѣе принять на себя инициативу этого устройства, обществу или правительству? Неблагоуразумно было бы ободѣваться надеждами, что существующій разрывъ обѣихъ заинтересованныхъ здѣсь сторонъ можетъ уступить одному какому-либо *распоряженію*, льбящему цѣлью сблизить одну сторону съ другою, хотя бы и

сами они одновременно повали, что распоряженіе это очень важно для взаимной ихъ пользы. Остается заботиться только о томъ, чтобы тѣ врачи, которые приставлены помогать народу и тѣ, которые еще ни къ чему не приставлены *за немальніемъ въ Россіи можетъ статься* въ такія отношенія къ народу, въ которыхъ главнымъ занятіемъ ихъ было бы леченіе, а не обязанности, сопряженныя съ потерей познаній, дающихъ право именоваться *врачамъ de facto*. Первая мысль, которая приходитъ въ голову при этихъ соображеніяхъ уменьшить пространство районовъ, ввѣренныхъ попеченіямъ извѣстнаго врача до той соразмѣрности, при которой врачъ можетъ послѣшить на помощь больному селянину безъ большой потери времени и безъ вреда для другихъ больныхъ; при этомъ количество районовъ увеличится до очень большой цифры и эту цифру опредѣлитъ число дѣйствительно нужныхъ намъ теперь врачей. Число это полагаемъ будетъ очень велико, потому что участки должны опредѣляться не только пространствомъ, но и густотою населенія. Врачамъ нужно будетъ дать жалованье не во 190 р. с. въ годъ, потому что они не будутъ уже стоять у денежныхъ источниковъ извѣстныхъ теперешнимъ городскимъ и уѣзднымъ врачамъ. Нужно въ каждомъ участкѣ учредить аптеки, безъ которыхъ у насъ до сихъ поръ еще существуютъ многіе уездные города; а какъ большой аптекаръ не пойдетъ въ мѣста необширяющія значительныхъ оборотовъ, то аптеки придется учредить насчетъ того, кто приметъ на себя инициативу устройства разсматриваемаго нами дѣла. Но расходы, потребныя на содержаніе дѣйствительно нужнаго числа врачей и на устройство аптекъ, (безъ чего, при существующемъ порядкѣ, полученія лекарствъ, назначеніе ихъ врачамъ будетъ бесполезно) составятъ такую почтенную цифру, покрытіе которой изъ суммъ, составляющихъ государственный бюджетъ, невозможно. Кроме того неудобство правительственной инициативы въ этомъ дѣлѣ станетъ очевиднымъ, если мы примемъ въ расчетъ, что намъ нужно не то, чтобы въ каждомъ участкѣ была persona inveniunda — *она* врачамъ, но чтобы тамъ былъ дѣйствительный врачъ, пріятный народу и способный лечить людей, примѣняясь къ ихъ нуждамъ, образу жизни и степени умственнаго развитія. Такими образомъ нечего и думать привести врачебный вопросъ въ положеніе выгодное для врачебнаго сословія и для народа одними усиліями правительства. Позволимъ себѣ теперь думать, что правительство, заботящееся о скорѣйшемъ предоставленіи маленькимъ городамъ и селамъ всѣхъ ередствъ пользоваться врачебною помощью въ той мѣрѣ, какою страна можетъ обладать въ настоящее время, предоставить введеніе новаго распорядка самостоятельности сель и горо-

довъ точно такъ, какъ оно предоставило имъ, содержащіяся отъ казны, пожарныя команды. Охраненіе отъ пожаровъ городского имущества (а между нимъ и казеннаго: казначействъ, винныхъ подвздошь, соляныхъ магазиновъ) и охраненіе собственного здоровья жителей, составляютъ ближайшіе интересы общинъ и потому, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ полагаться на ихъ заботливость очень основательно. Но рождается вопросъ могутъ ли городскія и сельскія общины устроить у себя врачебную часть при совершенномъ невмѣшательствѣ правительства, если оно признаетъ за ними въ этомъ дѣлѣ полное право. Совершенно могутъ, если правительство сочтетъ только нужнымъ сдѣлать одно распоряженіе. Изъ статей, написанныхъ самими врачами въ «Современной Медицинѣ» видно, что прежде всего нужно, чтобы врачъ былъ врачомъ, не дѣлаясь чиновникомъ, нужно чтобы врача полюбилъ народъ. Слѣдовательно нужно, чтобы врачи не *назначались*, а скорее *выбирались*, потому что иначе общества, обязанныя принимать врачей, назначенныхъ безъ ихъ выбора, найдутъ себя обязанными искать врачебной помощи у лицъ, имѣющихъ болѣе правъ на ихъ симпатію. Нужно также освободить врачей отъ обязанности преслѣдовать лекарей-самоучекъ, ибо долготѣнній опытъ показываетъ намъ, что это не уничтожаетъ такъ-называемаго «шарлатанскаго леченія», а только ставитъ самихъ врачей въ непріязвенныя отношенія къ народу, привязанному къ своимъ лекарямъ, и симпатизирующему имъ какъ лицамъ гонимымъ и преслѣдуемымъ за свою способность соперничать съ врачами, пріѣзжающими «потрошить мертвыхъ». Наконецъ нужно подвергнуть немедленному пересмотру аптечный уставъ, представляющій рядъ безпрерывныхъ стѣсненій: увеличивать число аптекъ нельзя; лекарства непомѣрно дороги. Аптекарская такса — самая несообразная изъ всѣхъ таксъ, съ которыми не могутъ еще у насъ разстаться. Компетентные люди давно указывали на безчисленные ея недостатки и наконецъ въ августѣ мѣсяцѣ прошедшаго года медицинскимъ совѣтомъ издана новая такса, которая по напечатанному отзыву магистра Фармаціи Э. Классона «служитъ новымъ доказательствомъ, что у насъ важныя вопросы рѣшаются людьми мало знакомыми съ предметомъ».

Г. Классонъ говоритъ:

«Разсмотрѣвъ таксу съ начала до конца, я не нашолъ ни одного параграфа, изъ котораго можно бы видѣть удовлетворительное рѣшеніе задачи. При назначеніи новыхъ цѣнъ составители руководствовались совершеннымъ произволомъ: дешевыя средства получили высокія цѣны, другія, стоимость которыхъ выше, должны быть продаваемы дешевле, при третьихъ назначены двѣ или три различныхъ цѣны, такъ что нельзя

шать, которою должно руководиться при назначеніи цѣнъ за лекарства.

Въ статьѣ магистра фармаціи Классона приведено нѣсколько доказательствъ совершенной негодности новой аптекарской таксы. А между тѣмъ какой поднимается гвалтъ, когда кто-нибудь начнетъ хлопотать о новой аптекѣ. Намъ нечего указывать, какими путями можетъ правительство оказать свое содѣйствіе тому, чтобы народъ не смотрѣлъ на врачей какъ на чиновниковъ, чтобы аптекѣ было столько, сколько ихъ нужно и сколько ихъ можетъ существовать; тогда не нужна будетъ и аптечная такса, имѣющая смыслъ только при монополии.

Получая право имѣть врачей по собственному выбору и устраивать врачебную часть по своему усмотрѣнію, общество станетъ въ этомъ вопросѣ въ то самое отношеніе къ правительству, въ какомъ оно стоитъ къ нему въ вопросѣ объ учрежденіи пожарной части. Если захочетъ, оно останется при тѣхъ городскихъ, уѣздныхъ и окружныхъ врачахъ вездѣ, гдѣ не будетъ средствъ или желанія замѣнить ихъ врачами по собственному выбору. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ явилось желаніе иного порядка и гдѣ есть средства къ его осуществленію оно получитъ возможность осуществиться, и общественный врачъ приметъ на себя всѣ обязанности полицейскаго врача въ отношеніи къ правительству (судебно-медицинскія вскрытія мертвыхъ тѣлъ, осмотры проходящихъ рекрутскихъ партій и проч.), точно на томъ же основаніи, на какомъ общественная пожарная команда будетъ отстаивать казначейство, тюремные замки и вообще всѣ казенныя зданія. Почти нѣтъ сомнѣній, что при той же нерасположенности, которая замѣтна у горожанъ къ городскимъ, а у поселянъ къ уѣзднымъ и окружнымъ врачамъ, городскія общины весьма вѣроятно скорѣе придутъ къ замѣщенію городскихъ ваканцій врачами по собственному избранію, безъ предоставленія имъ всякихъ служебныхъ привилегій. Въ этомъ случаѣ на города можно скорѣе разсчитывать, потому что въ нихъ жители чаще имѣютъ столкновеніе съ врачами наблюдающими, «въ видахъ охраненія общественного здоровья» за рынками, мясными рядами, овощными лавками, кондитерскими и погребями; въ селахъ эти столкновенія рѣже и ограничиваются почти исключительно случаями судебно-медицинскихъ вскрытій, какъ народъ говоритъ «погребенья». Оттого въ селанинѣ живетъ только одно чувство боязни къ полицейскому врачу, а въ горожанинѣ это чувство смѣшано съ другимъ болѣе неприязненнымъ чувствомъ, вызывающимъ у него больше сильное желаніе иного порядка въ устройствѣ врачебной части. Кромѣ того

городскія общества болѣе сельскія знакомы съ пользою врачебной науки и обладаютъ большими средствами обезпечить своего врача, отъ платы которому 190 рублей серебромъ въ годъ правительство уже должно освободиться. Къ тому же аптеки въ городахъ могутъ устроиться скорѣе, чѣмъ въ селахъ, гдѣ онѣ не всегда найдутъ для себя готовое помѣщеніе. Такимъ образомъ устройство врачебной части въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ дѣйствительнымъ потребностямъ общества, въ городахъ несравненно удобнѣе, чѣмъ въ деревняхъ. Но въ деревнѣ люди нуждаются во врачебной помощи еще больше, потому что образъ жизни поселянъ и разныя бытовыя условія ихъ стоятъ въ совершенной разлациѣ съ гигиеническими условіями, благопріятствующими человеческой жизни. Смертность поселянъ въ дѣтскомъ возрастѣ можетъ служить однимъ изъ доказательствъ этого положенія.

Можно полагать, что въ отношеніи городовъ правительству стоитъ только дозволить набрать городамъ врачей для охраненія интересовъ общественнаго здоровья и дѣло устроится безъ всякаго правительственнаго вмѣшательства и безъ всякаго съ его стороны расхода. Въ селеніяхъ дѣло другое. Тамъ мы не видимъ возможности обойтись безъ нѣкотораго содѣйствія правительства. Очевидно, это содѣйствіе должно состоять не въ принужденіи поселянъ обращаться за совѣтами къ врачу. Въ этомъ нѣтъ никакой пользы, а потому нѣтъ и никакой надобности. Крестьяне охотно ходятъ за *лекарстницею* въ помѣщичьи дома и шерѣдѣ тодпани приходить въ случайно (не ради «потрошиться») заѣзшему въ село лекарю. Слѣдовательно собственно отвращенія отъ врачебной помощи у нашего народа нѣтъ. Содѣйствіе правительства нужно въ представленіи людямъ возможности основаться въ селенія, — это нужно не крайней шѣрѣ на первое время, пока мало сказать: *laissez faire, laissez aller*. Ввести врачей всюду сразу не возможно; нужно познакомить прежде народъ съ пользою, которую могутъ приносить врачи. Но этому можно бы начать съ селъ государственнаго вѣдомства, которое (см. «Русскій Инвалидъ» и «Русскую Рѣчь» 1861 годъ) «владѣетъ огромными земельными участками и богатыми ерваными статьями, приносящими годоваго дохода въ общемъ счетѣ около 7 кв. на десятину». Предоставленіе врачамъ помѣщеній, извѣстнаго количества земли и нѣкоторыхъ козачествныхъ угодій съ прибавкою, если можно, небольшого жалованья, хоть сравнительно тому, какое получаютъ сельскіе священники — привлекли бы въ села скитающихся въ настоящее время безъ дѣла медиковъ и положили бы основаніе дѣйствительной сельской медицинѣ въ Россіи. Такое пожертвованіе со стороны государственныхъ иму-

щество, кажется не было бы для него обременительнымъ, а обезпечить врача въ той же мѣрѣ, въ какой обезпеченъ священникъ; совершенно справедливо и необходимо, потому что иначе ничего не выйдетъ для народнаго дѣла. Не выйдетъ ничего, конечно и изъ одного предоставленія въ пользу врачей тѣхъ угодій, какими пользуются священники, если они не получаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и права отпущать отъ себя лекарства. Аптекъ нашему поселянину искать негдѣ да онъ и не любитъ бесполезныхъ, по его понятію, проволочекъ; онъ понимаетъ разумность платы за совѣтъ и за *снадобье* вмѣстѣ, но не покупаетъ рецептовъ. Это замѣчено давно очень многими и наконецъ засвидѣтельствовано, въ «Совр. Медицинѣ» докторомъ Добычинскимъ или Орловскимъ городскимъ врачомъ Лебединскимъ. Опасности отъ дозволенія сельскимъ врачамъ отпущать лекарства больнымъ поселянамъ предвидѣть нельзя. По крайней мѣрѣ теперь многіе живущіе въ селахъ врачи отпускаютъ же лекарства и вреда отъ этого ни малѣйшаго не происходитъ, а въ Орлѣ, городской врачъ Лебединскій (см. «Русскую Рѣчь») исходатайствовалъ себѣ право снабжать бѣдныхъ больныхъ лекарствами не изъ нашихъ драгоценныхъ аптекъ, а прямо изъ лавки купца Сулова. Стало быть не мы одни думаемъ, что сельскимъ врачамъ (и городскимъ, живущимъ въ такихъ городахъ гдѣ нѣтъ аптекъ) можно и должно дозволить снабжать лекарствами людей, прибѣгающихъ къ ихъ помощи. Запрещено же у насъ продавать въ лавкахъ порохъ, продюють вмѣсто его *мажъ*, составленный изъ угля и селитры. Недозволено продавать мышьякъ, а можно купить *мелкую сахару*, отъ котораго дохнетъ всякая тварь; подлежащая уничтоженію, по мнѣнію лица, купившаго *мелкую сахару* въ первой носкатальной лавкѣ; а кому хочется отравиться, тотъ и удавится на первой веревкѣ. Что же пользы въ подобныхъ сврещеніяхъ? Дарованіе сельскимъ врачамъ права отпущать лекарства, по цѣнѣ, которая будетъ необходимою для нихъ и для народа и предоставленіе въ пользу сельскихъ врачей такихъ участковъ, какими пользуются сельскіе священники въ казенныхъ селеніяхъ, навѣрное дадутъ возможность скорого устройства въ селахъ медицинскон части, и въ устройствѣ этомъ будетъ гораздо болѣе цѣль чѣмъ въ томъ, при которомъ два или три врача, состоящіе при палатѣ вмуществъ, одинъ или два раза въ годъ катаются по селамъ, стоятъ правительству денегъ и не приносятъ никакой пользы народу, теряющему въ годъ одного человѣка изъ 30, тогда какъ народы другихъ европейскихъ странъ, стоящихъ несравненно выше Россіи по условіямъ необходимымъ для человѣческаго долголѣтія, теряютъ только одного человѣка изъ 57 и даже 1 изъ 61. У насъ очень разви. недовѣріе къ людямъ. Медицинская часть

наша представляет совершенное подобие австрийского «контроля, контролирующего контроль». Если держаться такой системы, то разумеется устройство сельской медицины и отпуск врачам лекарств представит весьма серьезную задачу со стороны контроля-рования действий врача; но ведь не все же существующее есть в то же время и необходимое... Эту истину сознавал еще древний мир и разсужденіе о ней можно встрѣтить у Аристотеля. Да и развѣ въ самомъ дѣлѣ установленный нашими положеніями медицинскій контроль существуетъ и можетъ существовать на самомъ дѣлѣ? Развѣ неизвѣстно, что такое наши старшіе врачи и инспектора управъ, имѣющіе право повѣрять и врачей, и аптеки. *Современная Медицина* фактически доказала, что весь этотъ надзоръ — или только одна бессмысленная процедура, или невѣжественная придирчивость, или же что всего чаще, сборъ овчинокъ. Профессоръ Вальтеръ, которому (какъ выше сказано), мы обязаны собраніемъ многостороннихъ мнѣній о русскомъ врачебномъ вопросѣ, очень рѣзко возстаетъ противъ подчиненности врачей «профанамъ». Подъ этимъ именемъ почетный ученый разумѣетъ лицъ, которымъ подчиненъ теперь служащій медикъ, госпитальный ординаторъ или полицейскій врачъ. Судя по собственнымъ наблюденіямъ и по статьямъ, разъяснявшимъ въ *Современной Медицине* вредъ этого невыносимаго и безапелляціоннаго подчиненія мелкимъ лицамъ, пережившимъ свои познанія въ медицину или вовсе никогда ихъ не имѣвшимъ, мы вполне сочувствуемъ профессору Вальтеру. Но не говоря объ устройствѣ госпитальной части, которая не составляетъ предмета вашей статьи, мы не видимъ возможности изъять общественнаго врача отъ общественнаго контроля и полагаемъ, что общественный контроль будетъ справедливою и вѣрною оцѣнкою достоинствамъ практическаго медика и контроль этотъ вовсе не будетъ для медика такъ тяжелъ, какъ контроль нынѣшнихъ «профановъ». Довѣріе или недоовѣріе къ врачу нельзя навязывать обществу, изъ какихъ бы «профановъ» оно ни состояло и какъ бы высоко ни стоялъ врачъ, по своимъ научнымъ познаніямъ; а потому нельзя и отнимать у общества права держать извѣстнаго врача или отвергнуть его. Въ этомъ правѣ оцѣнивать врача и содержать его или замѣнять другимъ только и выразится вся сила общественнаго контроля, въ который должно вѣрить и при которомъ легко уразднить контроль господъ, собирающихъ съ уѣздныхъ врачей по 100 руб. сер. годоваго оброка или неимѣющихъ имъ положеннаго жалованья (см. письмо доктора Воронежскаго въ *Сѣверной Пчелѣ*). При зависимости отъ общества, которому долженъ служить врачъ, онъ станетъ дорожить интересами этого общества, чтобы заставить его дорожить собою; а общественное мнѣ-

ніе, всегда болѣе безпристрастное, чѣмъ мнѣніе отдѣльныхъ лицъ; располагающихъ участію высшаго русскаго врача, не замедлитъ выразиться о немъ, какъ въ самомъ маленькомъ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Зависимость эта необходима и не можетъ быть тяжкою для врача, понимающаго, что не человѣческое общество устроено для него, а онъ созданъ для человѣческаго общества. Кто изъ врачей понялъ это, тотъ не ошибся. Есть много привѣровъ, что врачи не только въ самыхъ маленькихъ городахъ, но и въ деревняхъ успѣли пріобрѣсть себѣ уваженіе поселянъ и нашли у нихъ средства къ безбѣдному существованію. Изъ письма доктора Тулушина, напечатаннаго въ 46 № «Тамбовскихъ губ. Вѣдомостей» мы видимъ, что онъ отлично устроился въ одной деревнѣ и всѣ крестьяне съ охотою идутъ къ нему лечиться. Онъ выписываетъ лекарства въ сыромъ видѣ изъ Москвы, приготовляетъ ихъ и беретъ за вымечку 20 коп. серебромъ.

20 коп. цѣна невелика, но если помножить ее на количество больныхъ, то составитъ порядочная сумма, на которую много можно пріобрѣсть лекарствъ для бѣдныхъ.» И всю эту сумму задаромъ забираютъ наши нѣмецкіе аптекари, (1) катающіе на своихъ рыскахъ членовъ врачебныхъ управъ и акуратно поздравляющіе ихъ съ новымъ годомъ, новымъ здоровьемъ и цѣлостью стараго порядка...

По-нашему лучше устроиться въ селѣ и пріобрѣсть отъ леченія тысячи больныхъ мужиковъ 500 честныхъ рублей (по пошлякѣ въ кругу всякій залатить. Одинъ дастъ двугривенный, зато другой дастъ и рубль, и два, и вичекъ, и маслица, и всего, что онъ дастъ знахарю, убивающему его своимъ невежественнымъ леченіемъ); чѣмъ дополнять 190 руб. годоваго жалованья въ городѣ взятками, лостовано чувствуя себя между двухъ огней. Многіе уже понимаютъ это, точно такъ какъ понимаемъ и мы, и понялъ г. Добычинъ, рассказывавшій о непризнаніи врачей народомъ и о тяжелой, невыносимой зависимости врача отъ всякой власти уѣзднаго городка. Докторъ Добычинъ тоже знаетъ, какъ бесполезны фискальныя мѣры противъ знахарскаго леченья и какъ бессмысленна война съ знахарями во всеоружіи полицейскаго медика. Онъ даже знаетъ и почему народъ предпочитаетъ лекарямъ знахарей, потому что знахари не чиновники, живутъ съ народомъ одною жизнью, радуются его радостями и плачутъ его слезами, а не «ждутъ рекрутскихъ наборовъ»; потому что они не надуты спѣсью индѣйскихъ пѣтуховъ, а сумѣютъ успокоить и раздражительнаго мужа и сварливую, каприз-

(1) «Экономическій Указатель» свидѣтельствуетъ, что въ Россіи до сихъ поръ нѣтъ аптекъ, принадлежащихъ русскимъ.

ную жену.» Но кто же сказалъ, что можно жить среди своего народа отдѣльною, неимѣющею ничего общаго съ нимъ жизнью? Что народу искать въ человѣкѣ, несообщающемъ своимъ интересамъ съ его интересами, несочувствующемъ его радостямъ, нескорблящемъ о его горѣ? Они чужды одинъ другому и имъ обонять плохо въ этомъ раздѣленіи. Народъ чувствуетъ это, но бѣдный, темный народъ не видитъ средствъ сблизиться съ «господами-врачами», чувствуютъ это и «господа-врачи.» Первый шагъ должны сдѣлать врачи съ полнымъ убѣжденіемъ, что народъ не побѣжитъ отъ нихъ; если они не станутъ смотрѣть на него, какъ на «чернь непроевѣщенную», и не откажутъ ему не только въ терпѣливомъ вниманіи къ жалобамъ на тѣлесные недуга, но и въ добромъ словѣ, способномъ умиротворить и согласить «раздраженного муха съ сварливой, капризной женой.» Зачѣмъ же отказывать въ этомъ? Зачѣмъ же дано образованіе и просвѣщенность сердца, если не для того, чтобы вносить блага мира и любви въ простые сердца, враждующія вслѣдствіе недоразумѣнія, накипающей скорби, или сумѣнны справиться съ своими страстями? Развѣ разумное, честное и осторожное внимательство умнаго и просвѣщенного стороннего человѣка въ семейную вражду людей, лишонныхъ возможности не только развѣзжаться и бросать дѣтей во первое капризу, но и жить на разныхъ половинкахъ, — не великое христіанское дѣло, не дѣло *самаго просвѣщеннаго* человѣка въ селеніи?

Мы знаемъ, что въ быту сельскаго врача не всѣ денечки будутъ красны, что не безъ досадъ и нѣкоторой нужды онъ проживетъ свою жизнь, особенно сначала, пока его узнаютъ и полюбятъ, но въѣдъ все же положеніе *сельскаго* врача всегда будетъ лучше положенія *враздвоштающагося* врача, которыхъ цѣлые сотни мы видимъ въ нашихъ университетскихъ городахъ. И такъ повторимъ, правительство одно не можетъ ничего сдѣлать ни для обученія народа, ни для устройства въ широкоразбросанныхъ селеніяхъ врачебной части; оно только можетъ дать средства идти этому дѣлу скорее, чѣмъ оно въ состояніи идти безъ его содѣйствія. Оно можетъ освободить медиковъ отъ ношенія у своего бедра немедицинскаго инструмента, предоставить сельскимъ врачамъ право отсутствовать, дать въ ихъ пользованіе определенное количество казенныхъ земель, приносящихъ около 7 коп. годового дохода съ десятины (1), предоставить общинамъ выбирать себѣ врача (который долженъ нести и полицейскія обязанности въ своемъ округѣ) и по

(1) См. «Русскую Рѣчь» (внутр. обозрѣніе) и «Русскій Инвалидъ.» 1861 г. Ноябрь м.

общественному приговору замѣнять его другимъ; оно можетъ, наконецъ, дозволить учрежденію неограниченнаго числа аптекъ лицамъ, которымъ должныя фармацевтическія познанія и не возвращать аптекарямъ свободнаго пониженія цѣнъ, противу таксы. Впрочемъ это само-собою выйдетъ изъ конкуренціи. Остальное все устроить сами общины, самъ народъ, съ понятіемъ котораго, по справедливому замѣчанію Гакстгаузена, сроднился аграрный коммунизмъ, и который въ этомъ коммунизмѣ найдетъ средство обезпечить основныя потребности всѣхъ дѣйствительно нужныхъ общинѣ людей. (1) Врачей общины, конечно, крестьяне признаютъ *нужными* для себя людьми; но для того, чтобы они познакомились съ выгодой медицинскою помощью мы не видимъ никакого средства, какъ призваніе врачей сначала въ тѣ села, гдѣ правительство можетъ теперь же предоставить въ пользованіе врачей извѣстныя поземельныя угодья, т. е. въ села, подвѣдомственные управленію государственныхъ вѣдомствъ. Окрестные поселане другихъ вѣдомствъ сначала станутъ прибѣгать къ помощи врачей, живущихъ въ казенныхъ селеніяхъ, а потомъ, постигнувъ выгоды приближенія къ себѣ врачей, подумаютъ и о средствахъ обезпечить своимъ особымъ врачамъ. Многимъ хочется сразу раздѣлить селенія на медицинскіе округа и каждый изъ этихъ округовъ снабдить особымъ врачомъ, но это, къ сожалѣнію, невозможно, какъ по недостатку средствъ для такого дѣла, такъ и потому, что *наемка* врачей въ села можетъ имѣть неблагоприятное впечатлѣніе на поселанъ, особенно если врачъ не будетъ зависѣть отъ общества и станетъ заботиться о его интересахъ менѣе, чѣмъ о расположеніи своихъ начальниковъ.

Такимъ только образомъ по нашему мнѣнію и можно положить прочное основаніе непризрачному, а дѣйствительному устройству въ Россіи медицинской части, въ городахъ и селеніяхъ. Обладанные правомъ выбора для себя полицейскихъ врачей, города не замедлятъ воспользоваться этимъ правомъ, а гдѣ городскія общества не пожелаютъ имъ воспользоваться, тамъ можетъ оставаться старый порядокъ. Въ селахъ же врачи явятся вскорѣ послѣ того, какъ мы прочтемъ въ «Сѣверной Почтѣ» что въ село Цвѣтныя или Добрынь, напримѣръ, вызывается врачъ, въ пользованіе котораго предоставляется деревянный домъ съ тремя жилыми покоями и надворнымъ строеніемъ, пятнадцать десятинъ распахной земли въ трехъ

(1) Тенгоборскій, въ своемъ извѣстномъ трудѣ о производительныхъ силахъ Россіи свидѣтельствуеетъ, что «идея общины природна русскому народу во всея пролеленія его жизни» и касается его коммунистическихъ устройствъ, по замѣчанію Тенгоборскаго, — «опасно», ибо этому народу «противенъ корпоративный духъ западнаго мышленія».

кливахъ и три десятины сѣнокоса. Или же другое объявленіе, въ которомъ будетъ сказано, что я N. N. желаю быть сельскимъ врачомъ, если мнѣ дадутъ въ селѣ теплую, чистую хату, ключекъ земли и корма для лошади и коровы. Такія простыя строки обрадуютъ насъ болѣе многорѣчивыхъ трактатовъ объ устройствѣ того, чего сразу нельзя у насъ устроить ни по какимъ иностраннымъ образцамъ. Можетъ быть нѣкоторые найдутъ, что земельный надѣлъ врача «свяжетъ его свободу», какъ полагалъ одинъ нашъ ученый, говоря о крестьянахъ, но вѣдь не всякое же лыко ставить въ строку. Мало ли, что не сдается нѣкоторымъ доктринарамъ? Поземельный надѣлъ въ пользу врача обезпечитъ его прочно, прочтѣе денежной складчины въ его пользу и, дѣлая его хозяиномъ своего участка, сблизитъ его близкимъ къ интересамъ своихъ пациентовъ, сблизитъ его съ народомъ и съ природой. Этими окончиваемъ мы все, что могли предложить отъ себя на обсужденіе людей, обратившихъ въ послѣднее время вниманіе на интересы народнаго здравія. Мы не выдаемъ нашего мнѣнія за что-то конченное, непогрѣшимое, но позволяемъ себѣ надѣяться, что еслибы оно дошло до нашего смысленаго народа, то онъ можетъ быть во многомъ согласился бы съ нами и нашолъ бы въ себѣ и силы, и средства пособить своему теперешнему безпомощному положенію.

Мы болѣе боимся, поймутъ ли насъ врачи. Это для насъ вопросъ весьма загадочный. Конечно г. Тулушевъ, а пожалуй и г. Добычинъ и еще нѣсколько челоувѣкъ молодыхъ врачей, чувствующихъ неестественное положеніе русскаго врачебнаго сословія въ русскомъ обществѣ, поймутъ насъ и можетъ быть согласятся съ нами, что для интересовъ самаго врачебнаго сословія необходимы мисіонеры къ народу изъ этаго же сословія, и что безъ свободнаго сближенія врачей съ народомъ нельзя ожидать ничего хорошаго для ежегодно возрастающаго числа русскихъ медиковъ. Но что скажутъ авторитеты, невѣздящіе къ больнымъ, которые платятъ менѣе 3 р. с. за визитъ? Впрочемъ, чтобы они не сказали это все равно: «не мнѣ свѣтъ начался, не ими и кончится.» Гораздо дороже мнѣніе такихъ людей, какъ профессоръ Вальтеръ и его почтенные сотрудники, откровенно и честно обнажившіе передъ русскимъ обществомъ все возмущающее безобразіе русскаго медицинскаго управленія, колоссальное невѣжество и корыстолюбіе разныхъ юпитеровъ громовержцевъ медицинскаго олимпа.

Между тѣмъ по выводамъ Моро де Жоннеса въ Россіи и Польшѣ встрѣчается изумительное долголѣтіе и челоувѣчскій вѣкъ въ этихъ странахъ представляется гораздо длиннѣе чѣмъ въ Австріи и Италіи. «Страны съ умѣреннымъ климатомъ не принадлежатъ, какъ

слѣдовало бы полагать, говорятъ Моро де Жоннесъ, къ числу тѣхъ, которыя пользуются выгодами малой смертности; для *этого они нуждаются въ общественномъ порядкѣ болѣе совершенномъ.* Этою выпискою изъ знакомаго многимъ русскимъ сочиненія французскаго статистика мы и оканчиваемъ свою статью, желая русскому народу *долгоденствія и благоденствія*, а друзьямъ его изысканія вѣрныхъ средствъ къ приведенію страны въ то положеніе, при какомъ долгоденствіе становится удѣломъ ея жителей.

Н. ЛѢСКОВЪ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. В. БАЗУНОВА

КОМИССИОНЕРА МОРСКОГО УЧЕНАГО КОМИТЕТА И МОРСКОГО СБОРНИКА

*Въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста,
въ домѣ Ольгиной.*

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ :

ТЕОРИЯ ДВИЖЕНІЯ НЕБЕСНЫХЪ ТѢЛЪ, обращающихся вокругъ солнца по кинематическимъ сѣченіямъ. Сочиненіе К. Ф. Гаусса. Перевелъ А. Догель. М. 1861. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб.

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ. Романъ въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ. Ф. М. Достоевскаго. Въ двухъ томахъ. Спб. 1861. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

БУХГАЛТЕРІЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА. Сочиненіе К. М. Клинге, старшаго учителя конторскаго знанія въ свб. коммерческомъ училищѣ. Спб. 1861. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

О ТЕОРИИ СУДЕБНО-УГОЛОВНЫХЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ, въ связи съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ. Публичныя лекціи профессора Спасовича. Спб. 1861. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

ИСТОРИЯ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, отъ начала ея до настоящаго времени. Людвигъ Ковдратовича (Владислава Сырокомли). Перевелъ съ польскаго О. Кузьминскій. Томъ первый. М. 1861. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб.

ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ДЛЯ ПРЕКРАСНАГО ПОЛЯ противъ сѣтей и ловушекъ мужинъ. Съ присовокупленіемъ домашнихъ средствъ отъ неприяностей въ любви и бракѣ, супружескаго календаря, любовнаго словаря и карты почтовой дороги по землѣ любви. Составилъ К. С. Дьяконовъ. Спб. 1861. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

ГИГИЕНА И ФИЗИОЛОГІЯ БРАКА. Естественная исторія мужины и женщины въ ихъ брачномъ состояніи, разсмотрѣнная съ медицинскою точкою зрѣнія. Съ подробнымъ описаніемъ самыхъ любопытныхъ ея проявленій. Сочиненіе д-ра Дебѣ, въ двухъ частяхъ. М. 1861. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ

СЕДЬМАГО ТОМА

Вражье гѣлко, да божье крѣпко. (Расказъ няни) С. Ѳеодорова	5	✓
Тайственное убійство. (Изъ уголовныхъ дѣлъ Франціи 1840 года). Поля. (Отрывокъ изъ неоконченной поэмы). Стих. А. Н. Майкова	39	1
Бѣглые въ Новороссіи. Повѣсть въ двухъ частяхъ. А. Скваронскаго.		
Часть первая	107	✓
Часть вторая	337	✓
Свѣжее преданье. Романъ въ стихахъ. Я. П. Полонскаго	215	
О налогѣ въ западныхъ европейскихъ государствахъ съ точки зрѣнія теоріи. (Théorie de l'impôt, par Proudhon). Статья первая. Владимира Фукса	251	
Литература и нравы Англіи въ XVIII столѣтіи. Статья Тэна.		
Статья первая	282	✓
Статья вторая	455	✓
На улицѣ. Стих. Ѳ. Н. Берга	320	
Записки изъ Мертваго Дома. Часть вторая. Глава I. Гошпиталь. Ѳ. М. Достоевскаго	321	✓
Глава II. Гошпиталь. Глава III. Продолженіе	565	
Говорятъ, толкуютъ, спорятъ да слова.. Стих. Ѳ. Н. Берга	454	
Изъ воспоминаній бывалаго объ іерусалимѣ. Н. Б. Бл.	499	✓
Современнымъ витіямъ. Стих. А. Апухтина	524	
Семейство Монсовъ. (Очеркъ изъ русской исторіи). Михаила Семевскаго	525	
Выдержки изъ русскаго законодательства. О. Фелипова	558	✓
Ночь. Стих. А. Н. Плещеева	598	
Деревенскіе типы. I. Дворникъ. В. Катарецкаго	599	
Убійцы Пешара. (Французское уголовное дѣло)	1	

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

✓ Явленія современной литературы пропущены нашей критикой. Графъ Л. Толстой и его сочиненія. Статья первая. Аполлона Григорьева	1
По поводу одной современной повѣсти. Нравственно-критическій этюдъ П. А. Бибикова	31
Примѣръ апатіи. (Письмо въ редакцію «Времени» по поводу статьи г. Антоновича «О почвѣ». Современникъ 1861, декабрь). Н. Косиц.	58
По поводу новыхъ изданій о расколѣ. Н. Аристова	76
✓ Критики-этнографы. Малороссійскій дисатель Гоголь, по гг. Кулишу и Максимовичу. («Основа» 1861, кн 4, 5 и 9)	99
Какъ рѣшаются нравственные вопросы современной французской драмой (Nos Intimes, комедія г. Сарду). П. А. Бибикова	109
✓ Записки князя Талейрана (собранныя и изданныя графиней О. . . . . лю К., переводъ съ французскаго. Четыре части	121
Микроскопическія наблюденія К. Н.	134
Два лагеря теоретиковъ (По поводу «Дня» и кой-чего другого)	143
Двадцатый номеръ «Дня»	. . . . .

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе. — Событія прошлаго года въ Европѣ. — Военственныя стремленія. — Мирные успѣхи	1
✓ Англо-американскія дѣла. — Окончаніе исторіи Трента и начало новыхъ затрудненій. — Главная задача Англій. — Военныя мѣры сѣвернаго правительства	6
Итальянскія дѣла. — Невыгодное положеніе бывшаго неаполитанскаго короля. — Министерскія затрудненія. — Слухи объ очищеніи Рима	18
Австрийскія дѣла. — Путешествія императора. — Чрезвычайная храбрость войскъ. — Перестройка укрѣпленій	28
Французскія дѣла. — Усовершенствование конституціи. — Приключенія съ печатью. — Рѣчь новаго года	34
Последнія извѣстія. — Тронная рѣчь короля прусскаго. — Португальскія возмущенія. — Мексиканскіе подвиги европейцевъ. — Китайскіе перевороты	39
Испанскія дѣла. — Беременность королевы. — Преслѣдованіе протестантовъ. — Намѣреніе испанцевъ въ Мексикѣ. — Намѣреніе мексиканцевъ дома. — Кандидатура эрцгерцога Максимилиана	45
Австрийско-турецкія дѣла. — Сходство между Австріей и Турціей. — Военственныя стремленія Австріи	52
Хлопчатобумажныя дѣла. — Вліяніе войны на производство хлопка. — Количество обрабатываемаго хлопка въ Англій. — Хлопка некуда дѣвать	57
Прусскія дѣла. — Чего желаетъ феодалная партія. — Чего желаютъ	

умѣренные либералы и прогресисты. — Стремленія противныя Австріи	66
Французскія дѣла. — Прекращеніе доходныхъ билетовъ	75
Последнія извѣстія.	77

СМѢСЬ

Студенческая жизнь въ XVI столѣтіи.	1
Густавъ Вернеръ и его домъ братства въ Рейтлингенѣ.	28
Наши домашнія дѣла. (Современныя замѣтки.)	

Наслѣдство стараго года: задачи и «День». — Образчики его рѣчи и размышленій. — Офиціальное заявленіе. — Вопросъ о гласности сужденій мирового съѣзда и слухъ объ одномъ случайномъ послѣдствіи подобнаго вопроса. — Открытый мировой съѣздъ и его вліяніе. — Еще образчикъ недовѣрія. — Вопросъ о томъ, говорить ли правду. — Живописная группа. — Желанія и надежды на ихъ исполнимость, основанныя на нашей измѣняемости. — Метаморфозы и смотръ знаменъ. — Извѣщеніе о предстоящихъ преобразованіяхъ. — Вклады въ пользу народнаго образованія. — Жалобы изъ Орда и утѣшеніе негодующимъ. — Проектъ «общаго поземельнаго банка». — Общества вспомошествованія: новгородскихъ чиновниковъ и московскихъ приказчиковъ. — Пушкинская стипендія. — Закрытіе петербургскаго университета. — Кончина Остроградскаго. — Подписка на памятникъ Никитину	37
---	----

Наши домашнія дѣла. (Современныя замѣтки).

Указъ объ увеличеніи податей и сборовъ. — Обнародованіе бюджета. — Новый предметъ литературной полемики. — Московскія мысли: объ образованномъ чловѣкѣ, либералахъ и дворянствѣ. — Несостоявшійся союзъ и нѣчто о среднемъ сословіи. — Остроуміе «Зрителя». — «Мирововой посредникъ»: его взглядъ; крестьянскіе замѣтки. — Толки въ Твери, замѣченные г. Павловымъ, и толки въ Калугѣ, имъ незамѣченные. — Исторія съ г. фонъ Ренне. — Печатный бланокъ. — Еще немножко о розгахъ, которыми усилѣнно интересуются въ Уфѣ. — Скорбь неизвѣстнаго корреспондента. — Удачное рѣшеніе одного волостнаго суда. — <i>Фальки</i> . — Скоро ли грамотность? — Шестая петербургская гимназія. — Преобразование Технологическаго института. — Два засѣданія кіевскаго университета ского совѣта. — Общество психіатровъ. — Еще двѣ новыя асоціаціи. — Преобразование въ Смоленскомъ монастырѣ.	65
Некрологъ: Иванъ Ивановичъ Панаевъ	95
Вопросъ о народномъ здоровьѣ и интересы врачебнаго сословія въ Россіи. Н. Ляскова.	96

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
указанное число экземпляровъ. С. Петербургъ , 26 февраля 1862 года

Ценсоръ *Ф. Вессаго*

УБИЙЦЫ ПЕШАРА

(ФРАНЦУЗСКОЕ УГОЛОВНОЕ ДѢЛО 1857—58 г.)

Въ ночь съ 29 на 30 августа 1859 года, часа въ два съ половиной, вдругъ поднялась страшная тревога на улицѣ Вильгельма-завоевателя, въ городѣ Канѣ (Саен, въ Нормандіи). И крики, и брань, и топотъ шаговъ — все тутъ смѣшалось. Шумъ этотъ начался въ одномъ изъ домовъ на этой улицѣ, потомъ вдругъ онъ смолкнулъ; цѣлая толпа людей стремглавъ кинулась оттуда бѣжать. Отъ этой толпы одинъ отдѣлился и побѣжалъ по направленію къ palais de justice. Другой, въ одной рубашкѣ, сверху которой было наброшено пальто, кинулся вслѣдъ за бѣжавшимъ; тотъ быстро обернулся къ нему передомъ и дважды выстрѣлилъ изъ пистолета.

Человѣкъ въ рубашкѣ воротился обратно. При его приближеніи двое изъ толпы, которыхъ онъ старался настичь, кинулись бѣжать въ противную сторону отъ palais de justice. Немного подальше отъ колонны, поставленной передъ лицомъ, при свѣтѣ газоваго фонаря, одинъ изъ преслѣдуемыхъ живо вернулся и вскричалъ: «вотъ же тебѣ, подлець!» И затѣмъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ упоръ по бѣжавшему за ними человѣку въ рубашкѣ. Тотъ былъ на босую ногу; нѣсколько времени онъ боролся съ двумя другими и громко стоналъ отъ боли. Одинъ изъ этихъ двухъ крикнулъ на него: «ты, братъ, больно-то не храбрись!» Въ то же мгновеніе раздался новый выстрѣлъ. Двое убѣжали; человѣкъ въ рубашкѣ опрокинулся навзничъ и растянулся на панели.

Кое-гдѣ впрочемъ растворились окна; кой-кто по сосѣдству отважился выдти на улицу. Прибѣжалъ между прочимъ какой-то молодой человѣкъ, вскрикнулъ: братъ! братъ! и упалъ къ ногамъ того, кто повидимому былъ уже не больше какъ трупомъ. Тутъ въ жертвѣ злодѣйства узнали молодого часовщика и золотыхъ-дѣлъ мастера Жюля Пешара, изъ улицы Вильгельма-завоевателя...

Братъ его, молодой студентъ—медикъ, прибѣжавшій слишкомъ поздно для его спасенія, и кое-кто еще изъ сосѣдей увидали, что несчастный весь израненъ. Перенесли его на квартиру. Магазины были ограблены, конторка взломана, оконныя стекла перебиты. На улицахъ, по тому направленію, по которому бѣжали мошенники, мѣстами попадались золотыя и серебряныя вещи.

Императорскій прокуроръ пріѣхалъ къ Пешару. Послали за врачомъ, докторомъ Лебидуа, и тотъ нашелъ Пешара въ такомъ положеніи, которое не дозволяло несчастному дать ни малѣйшихъ указаній на преступленіе. Ноги, бедра и поясница вспухли. На лицѣ было три раны: одна, по срединѣ правой брови, нанесена была какимъ-то инструментомъ, имѣющимъ и конецъ превострый, и лезвье тоже; другая въ такомъ же родѣ, у корня носа; третья, хоть и широкая, но легкая на правой щекѣ. На груди острая рана, въ видѣ заданутой летки. Въ черепѣ, на лѣвой сторонѣ затылка, засѣла пуля. Въ шеѣ найдена другая. Та втащила за собой въ рану клочокъ сукна, а эта клочекъ бѣлья.

Два pistolетные выстрѣла, причинившіе обѣ эти раны, не могли быть произведены разомъ, въ одно и тоже время, потому что направленіе каждой изъ нихъ различное и скрещивалось подъ прямымъ угломъ.

Черезъ два дня, то-есть 15 августа, послѣ мучительныхъ смертельныхъ страданій несчастный Пешаръ умеръ. Цѣнность украденныхъ вещей, драгоценностей и денегъ серебромъ и банковыми билетами простиралась до 15,000 франковъ.

Впопыхахъ злодѣи, когда пустились бѣжать, оставили на мѣстѣ преступленія желѣзныя щипчики: *сударь-баринъ* называются они на языкѣ мошенниковъ; потайной фонарь съ восковымъ огаркомъ, на носовой платокъ, сильно поношенный, съ табачными пятнами, клѣтчатый — розовыя клѣточки, полинявшія.

Преступленіе было совершено и съ искусствомъ и съ отвагой. Надо было прежде всего отпереть фальшивымъ ключемъ дверь съ подъѣзда; потомъ дверь съ задняго хода въ магазинъ, запертую тремя замками, два обыкновенныхъ а третій секретный; сдержать пружину, устроенную надъ второй дверью и имѣвшую сообщеніе съ колокольчикомъ, который висѣлъ въ изголовьѣ у кровати Пешара; наконецъ предупредить или унять лай сторожевой собаки, запертой въ магазинъ, лай которой чрезъ отверстіе въ потолкѣ легко могъ достигнуть до слуха хозяина. Но всѣ эти препятствія были устранены съ изумительной ловкостью.

Ночная темнота помогла убійцамъ скрыться. Изъ нихъ только двоихъ видѣли, какъ они со всѣхъ ногъ бѣжали по улицѣ *Saronière*

шла. Если, по виду мелкомъ, такъ что сообщить дѣльнаго и подробнаго описанія ихъ примѣтъ не было возможности. Розыскы продолжались нѣсколько недѣль, но хотъ они и производились одновременно въ разныхъ мѣстахъ, однакожь успѣха не принесли никакого.

Наконецъ въ началѣ октября, когда съ новымъ приманіемъ стали перебирать списки жильцовъ, представленные содержателями гостиницъ и хозяевами, отлающими комнаты въ наемъ, то на спискѣ представленномъ госпожою Бьяръ, жившею на улицѣ Дюбницевъ, прочли слѣдующее: «Шемі (Огюсть), 35 лѣтъ, родился и жительство имѣетъ въ Мюльгаузенѣ, купецъ; паспортъ предъявленъ 27 сентября 1856 года въ Больвиллерсѣ, на проѣздъ въ Мацтъ; прибылъ 6 августа; выѣхалъ 24 августа. — Графъ (Евразъ), 43 лѣтъ, родился и жительство имѣетъ въ Стразбургѣ, купецъ; паспортъ предъявленъ 25 февраля 1857 года, въ Живорѣ, на проѣздъ въ Руанъ; прибылъ 12 августа; выѣхалъ 25 августа.»

Страннымъ показалось, какъ это у госпожи Бьяръ, которая гостиницы не содержитъ, наняла квартиру купца, одинъ изъ Стразбурга, другой изъ Мюльгаузена.

Вскорѣ вѣстимъ наняли на нѣкоторыя обстоятельства, способствовавшія къ усиленію первыхъ подозрѣній. Два эти иностранца прибыли въ Канъ 14 июля, накануне скачекъ, и съ ними еще третій кто-то. Четверо сутокъ они въ троимъ занимали всѣ вмѣстѣ одну комнату въ гостиницѣ Сенъ-Пьеръ; потомъ разѣлились, и двое изъ нихъ переѣхали ко вдовѣ Бьяръ, въ одну комнату, а третій къ Планшону, на улицѣ Сенъ-Жанъ, и въ списокъ жильцовъ внесенъ былъ подъ именемъ Шабрі. Обѣдали они всѣ трое вмѣстѣ. Поведеніе ихъ было какое-то загадочное: сажались они всегда поодаль отъ другихъ пріѣзжихъ и разговаривали другъ съ другомъ нѣто на какомъ-то иностранномъ языкѣ, нѣто на воровскомъ нарѣчій.

Платокъ, оставленный убійцами въ магазинѣ Пешара, поведи къ драгоценнымъ открытіямъ. Жильцы вдовы Бьяръ отдавали стирать бѣлье четыре раза дѣвицѣ Гюландъ. Показали платокъ дѣвицѣ Гюландъ; та хотъ и не сразу, но признала его — и по цвѣту, и потомучто затасканъ ужъ очень, и по табачнымъ пятнамъ, да еще пальца на три отъ рубчика платокъ въ одномъ мѣстѣ замѣтно протерся.

Не оставалось больше никакого сомнѣнія; трое пріѣзжихъ, на слѣды которыхъ полиція напала, были убійцы Пешара. Но куда они укрылись, вопросъ? Въ мѣстахъ указанныхъ въ спискѣ г-жи Бьяръ, ихъ не оказалось.

Наконецъ съ почты было взято одно залежавшееся письмо, адресованное безъ всякаго сомнѣнія на имя одного изъ убійцъ. На кон-

вертъ почтовый штемпель : « Туръ. 31 августа » и надпись : « Милостивому государю Огюсту Шмитъ, въ Канъ. Poste restante. »

Письмо писано женской рукой, и между прочимъ въ немъ говорилось : « Ты мнѣ про самую суть-то, про *твэдо*-то и не говори : знаю, знаю !... Пріятелямъ кланяйся... Жена Феликса шлетъ нуку съ любовію поклонъ, и друзьямъ... Крѣпко обвиняю моего муженька... »

Стало-быть шайка убійцъ изъ Тура разсыпалась по другимъ городамъ ; можетъ въ Турѣ ихъ нѣтъ ли ?

Рѣшено было отправить какъ можно скорѣе въ этотъ городъ комисара канской центральной полиціи г. Дюшейляра. Прибывшій 28 октября въ Туръ, г. Дюшейляръ свесся съ тамошними полицейскими агентами, оказалось, что имена Шемі и Графъ имъ и невѣстны. На другой день онъ пересмотрѣлъ, по спискамъ доставленнымъ въ полицію, имена всѣхъ свреевъ, проживающихъ въ городѣ. Замѣтилъ двѣ фамиіи : Кайзеръ и Блѣхъ. Никто ничего не зналъ про нихъ ; г. Дюшейляръ вознамѣрился лично освѣдниться объ ихъ житьѣ-бытьѣ и какихъ они правилъ. Приѣзжаетъ къ нимъ на квартиру ; а квартировали они въ одной гостинницѣ. Блѣха вѣту дома. Въ комнатѣ его г. Дюшейляръ встрѣчаетъ женщину какую-то ; та и говоритъ : « Мужъ только-что вышелъ, товаръ на желѣзную дорогу отправляетъ. » Дѣлать нечего, подождать приходится Блѣха. Только ждать его часъ, жлать другой, а онъ все домой не возвращается. — « А позвольте васъ спросить, чѣмъ вапъ супрутъ занимается ? » спрашиваетъ г. Дюшейляръ. — Да торгуетъ. — « Не знавали ли вы, вотъ въ самой этой гостинницѣ, Шемі одного ? » При этомъ имени жена Блѣха не можетъ скрытъ замѣшательства ; комисаръ смекнулъ, что тутъ что-нибудь недаромъ.

Вечеромъ онъ опять въ гостинницу ; Блѣха все вѣтъ какъ нѣтъ. Не думая долго, г. Дюшейляръ приказалъ арестовать жену Блѣха и сдѣлать у ней въ квартирѣ обыскъ. К несчастью, по неосмотрительности одного полицейскаго, жена Блѣха успѣла схватить чей-то портретъ и исковеркать на немъ лицо. Навѣрно это былъ портретъ Блѣха.

На другой день узнали, и въ этомъ не было нимадѣйшаго сомвѣнія, что Блѣхъ бѣжалъ вмѣстѣ съ какимъ-то Майеромъ, и что еще одинъ негодяй изъ ихней же шайки, пазвавшійся Фернанди, укатилъ въ омнибусѣ въ Парижъ. Тотчасъ же были отправлены телеграфическія депеши по всему протяженію линіи.

Съ какой стати эти люди, какъ только почували полицейскій розыскъ, такъ сейчасъ и бѣжать ? Ясно, что нить была у нихъ въ рукахъ. Забравъ надлежащія справки, г. Дюшейляръ, при искусномъ

и дѣятельномъ содѣйствіи двухъ турецкихъ полицейскихъ комиссаровъ, гг. Ложье и Митеня, узналъ еще, что Кайзеръ уѣхалъ изъ Тура въ ту самую ночь 30 октября, предъ наступленіемъ которой была арестована жена Блѣха, За исключеніемъ Блѣха и Кайзера, которые квартировали вмѣстѣ, эти люди жили по разнымъ квартирамъ, всякій со своей наложницей; нѣкоторые даже дѣтвами обзавелись. Нерѣдко они собирались всѣ вмѣстѣ, и тогда наглухо запирались у себя на квартирѣ, окружали себя таинственностью и вели разговоръ на томъ жаргонѣ, который былъ подслушанъ въ Канѣ. Всѣ они жили припѣваючи, хотя промысломъ никакимъ повидимому не занимались. Мужчины зачастую отлучались изъ дому.

Телеграфъ между тѣмъ не молчалъ, и не только по дорогѣ въ Парижъ, но и по другимъ направленіямъ. Въ эту же самую ночь 31 октября, часа въ три съ половиной утра, одинъ пассажиръ, ѣхавшій на парижскомъ поѣздѣ, высадился на станціи Пуатье, а за нимъ женщина съ ребенкомъ. Хоть у него и были билеты на проѣздъ до Ангулема, но онъ вдругъ почему-то раздумалъ ѣхать дальше и потребовалъ свои десять тюковъ, лежавшіе съ остальной кладью. Въ ближайшемъ трактирѣ онъ спросилъ особый номеръ, но спать такъ и не ложился; онъ видимо былъ взволнованъ и о чемъ-то сильно беспокоился и все что-то спорилъ понѣмецки съ женщиной, которая съ нимъ вмѣстѣ ѣхала. Они вдвоемъ пересмотрѣли свои бумаги, и большую часть ихъ кинули въ огонь. Наконецъ, вернувшись на прежнюю дорогу, они отправились нѣшкомъ, взявъ съ собой и ребенка, по направленію въ Парижъ, добрались до станціи Шаснѣль, въ семи съ половиной верстахъ, и взяли тамъ билеты на проѣздъ въ Шательрѣ.

Такого страннаго поведенія нельзя было не замѣтить. Двое жандармовъ, увѣдомленные о времени прибытія ихъ на станцію, тотчасъ же отправились на поѣздъ въ Шаснѣль. Только-что пріѣхали туда, какъ въ вагонъ вошли указанныя имъ лица. Жандармъ Руже поспѣшилъ скорѣе занять мѣста въ томъ же отдѣленіи поѣзда. Во время ѣзды до кланской станціи онъ потребовалъ паспорта. Пассажиръ показываетъ ему тотъ самый видъ, который былъ прописанъ въ спискѣ вдовы Бьяръ — съ фамиліей Шемі, и о которомъ было упомянуто въ описаніи примѣтъ преступника. Не оставалось больше никакого сомнѣнія: предъ жандармомъ былъ одинъ изъ убійць Пешара.

Этотъ господинъ какъ-будто понималъ затруднительность своего положенія и хотѣлъ было пошарить въ карманахъ своего пальто. Но жандармъ, внимательно за нимъ слѣдившій, приказываетъ ему не дѣлать нисколько движенія. По пріѣздѣ на кланскую станцію,

другой жандармъ, которому негдѣ было помѣститься въ томъ же вагонѣ, сходится съ товарищемъ, и вдвоемъ схватываютъ Шемп. Принимаются обыскивать: въ томъ карманѣ, въ которомъ злодѣй намѣренъ былъ пошарить, они находятъ двуствольный пистолетъ, заряженный пулями; отлично отпущенный складной клинжаль, клинжаль котораго какъ-будто зсмяу конали недавно; жестяную коробку съ крупной дробью, съ порохомъ и пистонами; портфель съ девятью сто-франковыми билетами; буравчикъ, восковую свѣчу, форму для отливанія пуль, двѣ пули, часы золотые да кошелекъ со 120 франками. Во время обыска Шемп выронилъ въ вагонѣ жестяную коробку, гдѣ лежалъ паспортъ, хоть еще и не прописанный, но уже на немъ была приложена фальшивая печать большвиллерскаго округа. У женщины найденъ другой фальшивый паспортъ, съ именемъ Гремье-Майеръ. Тотчасъ же велѣно было задержать тѣ десять тюковъ, которые Шемп вытребовалъ на станціи Пуатье и которые, по обязанности службы, жандармы должны были везти до Ангулема, мѣста своего первоначальнаго назначенія.

Этотъ фальшивый паспортъ съ именемъ Майера, тюки забранные въ Ангулемъ, приняты разосланные изъ Тура г. Дюшейляръ, удостовѣрили, что Шемп не иной кто, какъ Майеръ изъ Тура.

Такъ произведенъ былъ арестъ одного изъ трехъ убійцъ. Надо было поймать еще остальныхъ двухъ.

Г. Дюшейляръ въ Турѣ же еще узналъ, что лица, уѣхавшія по прибытіи его въ этотъ городъ, часто получали письма изъ Ліона. Увѣренный въ томъ, что у шайки притонъ непременно долженъ быть въ Ліонѣ, г. Дюшейляръ туда и отправляется. Тамъ онъ узнаетъ прежде всего, что такъ называемому Майеру фамилія Гугенгеймъ. При содѣйствіи ліонскаго центральнаго комисара онъ отправляется съ обыскомъ въ Марсельскую улицу, въ Гильотьеръ, къ иѣкому Мейеру. А Мейеръ (по имени Людвигъ) въ самый этотъ день женился, и въ настоящую минуту былъ въ синагогѣ. Полицейскій агентъ сообщилъ г. Дюшейляру одно прекурьозное извѣстіе насчетъ нравственности Мейера: агентъ далъ ему свои часы, чтобы Мейеру поприличіи явиться какъ жениху; но только-что онъ успѣлъ отдать часы, ему и говорятъ: «ну братъ, твое счастье, коли Мейеръ возвратитъ тебѣ часики.» И агентъ съ безпокойствомъ прохаживался около квартиры своего засыщика.

Дюшейляръ потребовалъ, чтобы ему отперли эту квартиру, состоящую всего-то изъ одной комнаты. И странная вещь: любовница Мейера, на которой Мейеръ въ тотъ день хотѣлъ жениться, сидѣла дома, а въ синагогу ушелъ одинъ только женихъ. Мейерша пришла центральнаго комисара съ замѣтнымъ безпокойствомъ; она то

и дѣло побматривала на шкапѣ въ стѣнѣ; г. Дюшодаръ оставилъ ее въ покоѣ, полагая, что эта женщина откроетъ ему что-нибудь важное. И въ самомъ дѣлѣ, какъ только Майершѣ показалось, что ей больше не занимаютъ, она съ туже минуту схватила ключъ, отперла шкапчикъ и посиѣшшо вынула оттуда какое-то письмо. Письмо у ней вырвало. Въ немъ между прочимъ были преинтересныя вещи:

• Милый папашечка, простите пожалуйста — вѣдь вѣдая жалость, что вы прїѣзжали сюда и меня не розыскали. Мнѣ весьма прїятно будетъ узнать, что вы въ добромъ здоровьѣ, особенно вы...

• Вы навѣрно знаете адресъ Ляночки? а не знаете, такъ напишите въ Труа къ братцу Жозефу, онъ вамъ и сообщитъ; у меня есть свои причины, почему я не могу сама переслать вамъ этого адреса; на это у меня свои причины. Я всёхъ цѣню и уважаю, но подогоримѣ быть все-таки нехѣшаетъ.

• Милый папашечка! про невѣстку вамъ скажу, что я душой бы готова выслать къ ней о чемъ она проситъ, да не знаю какъ ее назвать: Лейра или Лера... Отъ жены Графета письмо получила: нишеть, чтобы Филипъ ей выслать.

Филипъ на воровскомъ языкѣ значило шестпортъ. Имя Графета, упомянутое въ письмѣ, должно было повести къ драгоценнымъ открытіямъ.

Другое письмо, безъ подписи, этимъ-то Графетомъ должно-быть и было написано. На конвертѣ почтовый штемпель: «Батиньоль». Мѣсто для розысковъ было такимъ образомъ указано, и объ этомъ дано было знать парижской полиціи. Та въ скоромъ времени узнала, что этотъ Графѣтъ, скрывавшійся подъ именемъ Бекка и выдавшій себя за отставного полковника, укрывся въ Батиньонѣ, въ одной домѣ, въ который войти можно только по условному знаку. Однакожъ утромъ 11 декабря добрались до этого притона. Тамъ нашли, въ одной и той же комнатѣ, Графета съ наложницей (она еще выѣстъ на постелѣ лежали) и Блѣха, который послѣ побѣга изъ Тура не разлучался съ ними. Они было попытались надаваться въ руки и затѣяли съ полицейскими агентами жестокою драку. Графета нельзя было иначе взять, какъ только скрутивъ его веревкой по рукамъ и по ногамъ. При этомъ забрано на квартирѣ два пистолета, одинъ дуствольный, другой прѣстой, заряженные по самое дуло; складной кинжалъ; огромный ножъ съ роговой рукояткой, съ острымъ концомъ и только-что отточенный; два поддѣльныхъ ключа, изъ нихъ одинъ только еще начатъ былъ; воскъ для слѣпковъ; пилы, буравъ — словомъ, всякаго рода воровскіе инструменты.

Паскаль, чтобы лучше было ему укрываться отъ поисковъ, наня-

малъ двѣ квартиры: одну въ Бретиньолѣ, другую въ Виллеттѣ; въ одной онъ прописанъ Шапленомъ, въ другой Кордевиелемъ. Онъ былъ схваченъ тотчасъ же какъ только пришолъ къ Графту, объ арестѣ котораго онъ не зналъ. Одаренный замѣчательною физической силой, онъ отбивался отчаянно; при немъ нашли два заряженные двустольные пистолета, мясницкій ножъ, фальшивыхъ паспортовъ нѣсколько и комокъ воску для свѣпковъ, въ который было вложено четыре банковыхъ билета, по 100 франковъ каждый. На одной квартирѣ забрали у него большую часть тюковъ, увезенныхъ изъ Шательрô; остальные нашлись у одной женщины по фамилиі Голь, дочери и вдовы одного наказаннаго преступника, да и сама она подвергалась судебному наказанію. Женщина эта была извѣстна между мошенниками подъ именемъ *сестрицы Линочки*. Она служила во-врамъ посредницей для сообщенія и передачи разныхъ справокъ. Приходилась Графту двоюродной сестрой и знала про всѣхъ участниковъ въ убійствѣ Пешара, гдѣ кто укрывается. «Сестрица Линочка — писалъ Графтъ, а нето подъ его диктовку писали — да братецъ Жозефъ въ Труа одни только и могутъ сообщить мой адресъ. Я всѣхъ цѣню и уважаю, но посторожнѣе быть все-таки не-мѣшаетъ». Эта-то барыня и помчалась въ Шательрô, уведомить обо всемъ наложницу Паскаля.

Такимъ образомъ трое убійцъ Пешара были взяты; но вдова Голь имѣла дерзость сказать полицейскимъ: «ну вѣдь не всѣ же наши молодцы у васъ въ рукахъ». Такъ и полагать слѣдовало: все говорило о прочной организаціи скопа мошенниковъ, и убійство Пешара было повидимому просто случайностью въ числѣ преступленій, совершенныхъ этими злодѣями. Въ самомъ Канѣ, наканунѣ убійства, они ограбили лавку купца Радигѣ съ суровскими товарами и полотномъ. Искусство, съ какимъ они обобрали магазинъ Пешара, проглядывало и тутъ.

Лавка Радигѣ была ограблена начисто. А между тѣмъ и подумать было нельзя, что совершена покража: такъ ловко обработали мошенники свое дѣло. Фальшивые ключи были подобраны такъ искусно, что двери отпирались безъ малѣйшаго шума, неслыхать было какъ замки щелкали. Уходя назадъ, мошенники бережно заперли всѣ двери. Отсутствіе самыхъ дорогихъ товаровъ да пустыя картонки только и объясняли, въ чемъ дѣло. Грабежъ произведенъ былъ, надо полагать, часа въ два-три утра. Суровского товару и полотна украдено было на сумму 4.000 франковъ.

По тщательномъ осмотрѣ конторокъ и пола въ магазинѣ, на полу примѣтили нѣсколько капелекъ жолтаго воску, которымъ впоследствии привелось послужить уликой.

Такъ всецѣло одно къ одному, доказывая виновность троицъ арестованныхъ. Пистолетъ и кинжалъ Паскаля были куплены въ Канѣ, Графта видѣли 23 августа, утромъ часовъ въ шесть, у входа въ магазинъ Пешара: онъ осматривалъ помѣщеніе. На слѣдъ троицъ убійцъ попали еще въ Говолёрѣ, гдѣ они квартировали 29 августа. Паскаль, подъ именемъ Шабри, купилъ тамъ потайной фонарь; Графтъ, подъ именемъ Бекка, заказалъ тамъ же *сударя-барина*: это тѣ самыя вещи и были, которыя убійцы Пешара оставили въ магазинѣ. Платокъ съ розовыми клѣточками принадлежалъ Графту. Капля жолтаго воску, примѣченныя у Радиге, оказались того же воску, который былъ найденъ въ потайномъ фонарѣ. Наконечъ олицъ изъ чемодановъ, забранныхъ въ Батиньолѣ, былъ купленъ Графтомъ и Майеромъ въ Канѣ.

Приведены были въ извѣстность и разныя обстоятельства побѣга злодѣевъ по совершеніи ими убійства. Графтъ добрался до Ранвилля; тамъ у одного содержателя постоялаго двора отчищалъ панталоны, на которыхъ до сихъ поръ еще видѣются кровляныя ятна; изъ Мутаржанса онъ отправился на мезидонскую станцію, а оттуда направился въ Парижъ. Майеръ и Паскаль, окольными дорогами, прибыли на ту же мезидонскую станцію. Днемъ же, впродолженіе нѣсколькихъ часовъ они скрывались въ ближнемъ лѣсу, недалеко отъ берега святой-Екатерины; вечеромъ въ девять часовъ они поѣхали въ Эрре, тамъ переночевали, а оттуда махнули въ Парижъ.

Всѣ доказательства и улики были уже вполне выяснены судомъ, а между тѣмъ трое обвиняемыхъ, ничего не зная о ходѣ слѣдствія, упорно отрицались.

Графтъ, какъ самый страшный, былъ отдѣленъ отъ остальныхъ. Онъ отрицался съ возмутительнымъ упорствомъ. Соучастники его не знали и того даже, что онъ арестованъ. Когда изъ слѣдственной комнаты Майеру показали на его соучастника, который въ ту минуту прохаживался по тюремной площадкѣ, то онъ крѣпко приунылъ. Вскорѣ, по мѣрѣ того какъ Майеръ и Паскаль убѣждались, что судьи знаютъ гораздо больше чѣмъ они полагали, — они стали сознаваться, но понемножку, исподволь, неторопясь, сваливая все на другихъ и стараясь по возможности себя выгородить какъ-нибудь. Одно обстоятельство ускорило ихъ сознаніе. Графтъ утаилъ отъ своихъ сообщниковъ банковые билеты, найденные въ кассѣ Пешара; Майеръ и Паскаль свѣдали изъ газетъ, про эту *неделикатность* своего соучастника и закипѣли той озлобленной враждой, которая такъ часто и такъ многое раскрываетъ для судей въ дѣйствіяхъ подсудимыхъ.

Со времени своего перевода на мѣсто преступленія Паскаль все еще крѣпился, не падалъ духомъ; до Лизьё онъ все думалъ, что его везуть въ Руанъ. Но въ Лизьё онъ догадался въ чемъ дѣло, поникъ головой и прослезился. А Майеръ, такъ тотъ увѣрялъ, что вотъ ужъ другой годъ какъ онъ не бывалъ въ Канъ; но когда его свели на отчюю ставку съ г-жой Бляръ, его бывшей хозяйкой, тутъ онъ совершенно растерялся: «ну, говорить, теперь совсѣмъ попался!»

Какую долю участія принималъ каждый изъ нихъ въ убійствѣ Пешара, объ этомъ можно лишь догадываться, такъ какъ они не всеиъ сознались, а кой о чемъ и умолчали. Пули, вынутыя изъ тѣла убитаго, были одинаковаго калибра съ пистолетами Паскаля. Когда злодѣи уже оканчивали свое дѣло, то первый Майеръ услышалъ, что сверху спускается Пешаръ, и пустилъ въ него большимъ камнемъ, прямо въ голову. Тутъ завязалась драка, въ которой несчастный часовщикъ получилъ нѣсколько ударовъ кинжаломъ. Графъ побѣжалъ по направленію къ palais de justice и дважды выстрѣлилъ въ Пешара изъ пистолета, а Пешаръ, несмотря на раны, безстрашно пустился за нимъ въ погоню. Майеръ говоритъ, что онъ и не пускалъ камень совсѣмъ; Паскаль принудилъ его сознаться въ похвальбѣ, что дискать лихо же я уподичвалъ часовщика. Паскаль добилъ Пешара двумя пистолетными выстрѣлами въ упоръ.

Основываясь на показаніяхъ Майера, полиція отправилась съ обыскомъ въ мутаржанскую рошу и тамъ нашла, въ четырехъ разныхъ мѣстахъ, восковыя свѣчи, часовыя колеса и кой-какія вещицы изъ лигатуры.

Мало-помалу добрались и до млага прошлаго этихъ господъ и нашли, что Майеръ дѣйствительно Гугенгеймъ и есть; что Паскаль прозывается Кудюръе. Графъ дольше скрывалъ свои вымышленныя имена, но по нѣкоторымъ несомнѣннымъ даннымъ можно было положительно сказать, что онъ вѣроятно тотъ самый Аугустъ Валль, который въ 1849 году былъ приговоренъ ассизнымъ судомъ въ Ло на десять лѣтъ наторжной работы. А этотъ Валль не иной-кто, какъ Еганъ Миндеръ, осужденный въ 1835 году кальявскимъ ассизнымъ судомъ. У Егана Мипуера въ 1835 году точно также какъ у Аугуста Валль въ 1849 и какъ у Графа въ 1858, уши проткнуты, на правой рукѣ рапа, пятно повыше поясницы, шрамъ надъ правой бровью. Значитъ Аугустъ Валль, Еганъ Миндеръ и Графъ былъ одинъ и тотъ же человекъ. Миндеръ-отецъ старикъ лѣтъ ужъ подъ восемьдесятъ, и младшій братъ Графа Георгъ Миндеръ, сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Римѣ, по обвиненію въ нѣбреніи убить жаандарма одного. Въ числѣ подложныхъ именъ, носимыхъ Графомъ, оказалось и имя отставнаго полковника Бекка: подъ этимъ-то именемъ

Георгъ Грэгъ и обнаружилъ покушеніе, за которое его отдали подъ судъ.

Но нускай теперь эти злодѣи говорить за себя. Изъ хода допросовъ читатель увидитъ эти отвратительныя, отталкивающія матерья во всей оригинальности ихъ разнообразныхъ характеровъ, и кроющія того встрѣтитъ еще любовныя подробности, касающіяся самаго состава ихъ тайны.

II

28 іюня 1858 года двадцать-одинъ подсудимый, въ томъ числѣ восемь женщинъ, явились въ присутствіе кальвадосскаго ассизнаго суда.

Засѣданіе было открыто подъ предсѣдательствомъ совѣтника *Администраціи*. Прокурорское кресло занялъ генераль-прокуроръ *Рабу*. Отецъ, братъ и сестра несчастнаго Пешара начали гражданскій искъ; адвокатомъ у нихъ *Берто*, изъ Кана.

Свидѣтелей вытребовано 140 человекъ, изъ разныхъ мѣстъ: изъ Парижа, изъ Тура, Шательро, изъ Вандома, изъ Монбризона, Лизьё, Реймса, изъ Гренобля.

Нѣчего кажется и говорить, какое волненіе, какое жадное любопытство возбудили эти пренія въ нормандскомъ городкѣ. Обширная площадь передъ судебной палатой, и всѣ улицы ведущія къ ней, были запружены громадной толпой народа: тутъ были и горожане, и изъ сосѣднихъ деревень тоже немало народу поваѣхало. Какъ-разъ и день-то случился базарный: съ деревень народъ такъ и хлынулъ. Въ залу засѣданія удалось однакожь пробраться очень немногимъ. Подсудимыхъ двадцать одинъ человекъ, да жандармовъ столько же, да человекъ двѣсти свидѣтелей, которые явились или по обязанности, или по доброй волѣ, — должны были сильно потѣснить обыкновенно отводимое для публики мѣсто.

Ведутъ троихъ главныхъ подсудимыхъ, въ кандалахъ по рукамъ и по ногамъ. При входѣ въ залу кандалы снимаются.

По прочтеніи обвинительнаго акта президентъ, еще не приступая къ допросу главныхъ подсудимыхъ, вызываетъ ихъ на отвѣты, лавные имъ раньше.

В. Гугенгеймъ! въ послѣдній разъ вы объявили, что настоящее ваше имя Зеллиманъ или Саломонъ Гугенгеймъ, и что родомъ вы изъ Шервиллера.

О. Точно такъ.

В. Вы часто мѣняли имена: назвались напримѣръ *Майеромъ*, и

подъ этимъ именемъ васъ всего больше и знали. Въ Шутце , когда васъ арестовали , вы имѣли при себѣ паспортъ съ фамиліей Шемі ; этотъ паспортъ съ вымышленной фамиліей Шемі и послужилъ причиною , что васъ арестовали , потому что въ немъ прописаны тѣ примѣты , по которымъ вы были узнаны. Кромѣ того въ Сенъ-Кентенѣ вы назвались Мюллеромъ. Подина Бломъ , ваша жена — какъ вы увѣряете , а по обвинительному акту — ваша наложница , не имѣя возможности представить свидѣтельство о бракѣ , сама созналась , что вы присвоили себѣ фамилію Мюллеръ , и только послѣ этого вы перестали запирались. Это обстоятельство въ томъ отношеніи важно , что въ 1856 году вы , именно вы , а не кто другой , были подъ этимъ именемъ приговорены къ каторжной работѣ на двадцать лѣтъ , за уклоненіе отъ суда по дѣлу объ одной покражѣ.

О. Я въ этой покражѣ не виноватъ ; ни душой ни тѣломъ не виноватъ.

В. Въ этой покражѣ замѣшаны еще четыре другихъ лица , изъ нихъ двое по фамиліи Блѣхъ и Ламбертъ , а между тѣмъ ничѣмъ нельзя доказать , что это тѣ самые подсудимые , которые въ настоящую минуту здѣсь налицо. Чтоже васъ касается , то сейчасъ же послѣ этой покражи вы уѣхали изъ Сенъ-Кентена.

О. Если я уѣхалъ изъ Сен-Кентена , такъ потому значитъ собственно , что боялся , пожалуй кредиторы мнѣ не дадутъ покою , а нето-что изъ-за преступленія какого.

В. Едва ли это такъ. Иначе вы бы такъ долго не запирались передъ свѣдственнымъ судьей въ томъ , что носили вымышленное имя Мюллеръ , потому что если бы вы назвались этимъ именемъ только для того , чтобы укрыться отъ кредиторовъ , такъ вы бы такъ и сказали судѣ , не думая долго. Но что положительно извѣстно , такъ это то , что вы приговорены дуэскимъ ассизнымъ судомъ къ каторжной работѣ на двадцать лѣтъ.

О. Приговоренъ ; а показаній отъ меня все-таки никакихъ не отобрали.

В. Совершенно справедливо ; за уклоненіе-то отъ суда васъ и приговорили. Ваше запирательство на этотъ разъ очень понятно. Но вы въ другихъ преступленіяхъ сознались. Сознались вы передъ свѣдственнымъ судьей въ томъ наримѣръ , что вы , вмѣстѣ съ какимъ-то Пассра , совершили покражу въ Гагно ; жили вы въ то время по паспорту , прописанному въ Бишвилерѣ.

О. Если я сознался въ этой покражѣ , такъ это еще ничего не доказываетъ. Просто солгалъ значитъ. А солгалъ я потому , что свѣдственный судья кой-что пообѣщаль мнѣ , въ случаѣ если я не стану запираяться.

В. Вашего объясненія никто здѣсь не допустить. Иждовного чиновника нѣтъ во Франціи, который былъ бы способенъ прибѣгать къ такимъ средствамъ, чтобы довести подсудимаго до признанія. Дальше мы этого вопроса продолжать не будемъ, и если сдѣлали его, то съ той лишь цѣлью, чтобы по нему гг. присяжные составили себѣ общее понятіе о личности подсудимыхъ. Въ подробности мы войдемъ тогда, когда въ возможной полнотѣ будетъ обследованъ всякій фактъ, послужившій обвиненіемъ.

Кудюръ, онъ же и **Паскаль**, когда очередь дошла до него, сознался, что ему *кудурко удавалось* мѣнять имена: наиримѣръ Феликсомъ онъ назывался, Туаномъ, Шатаромъ, Мартелемъ, Бернарромъ, Шабри. Что приговоренъ онъ былъ восемь разъ, между прочимъ къ ссылкѣ на каторгу на 8 лѣтъ — варскимъ ассизнымъ судомъ, и на вѣчную каторжную работу — зато что въ Мюльгаузенѣ укралъ на 8000 франковъ. Въ первый разъ его отдали подъ судъ въ 1834 году: между Авиньономъ и Марселемъ была тогда установлена почтовая карета, и въ этомъ дѣлѣ онъ участвовалъ. Онъ же принадлежалъ къ шайкѣ Освальда и Ляфабрега, находясь въ которой онъ, подъ именемъ Гролдъ, укралъ 25.000 франковъ у пьемонтскаго банкира Карлона. И всего-то ему какихъ-нибудь тридцать семь лѣтъ! Преступленіе въ его семействѣ точно передается изъ рода въ родъ: братъ у него одинъ сосланъ на вѣчную каторгу, другой въ тюрьму посаженъ на десять лѣтъ, третій на пять лѣтъ. Живеть онъ съ наложницей, съ дѣвицей Мари Милясъ.

Всѣ эти признанія Паскаль дѣлаеть съ какой-то застѣнчивостью, едва слышнымъ голосомъ и съ жестами.

А Миндеръ, онъ же и **Графтъ**, такъ тотъ ни въ чемъ не сознается. Съ первыхъ же словъ онъ выставляетъ себя жертвой злополучной. «И безъ того, говорить, немало мнѣ горя привелось вытерпѣть; сейчасъ, говорить, я вамъ изобразу.»

Президентъ. Но нѣсколько свидѣтелей положительно узнали васъ, и между прочимъ одинъ изъ нихъ сразу васъ узналъ, какъ только взглянулъ на васъ.

Графтъ. Вотъ хоть бы и это, какъ онъ меня узналъ. Удивительно какъ мило узналъ! Онъ меня узналъ по фотографическому портрету, такъ какъ я больше всѣхъ похожъ на этотъ портретъ. А это нетрудно было: всѣ другіе на кого ему указывали, — все молодью люди, и усы только у меня у одного... Просто я образецъ злополучія, образецъ!

Когда переспросъ тронхъ главныхъ подсудимыхъ былъ оконченъ, тогда снова обратились къ *Гукенгейму*, *Майеру* тожъ. Онъ сознается, что пріѣзжалъ въ Канъ въ началѣ августа 1857 года вмѣ-

ствъ съ Кудюрье и Графомъ. Онъ участвовалъ въ ограбленіи Ралигё. Знаете также, что къ Пешару раньше еще заходили, магазинъ осмотрѣть, но говорить, что не зналъ, что заходилъ къ Пешару Кудюрье, а не кто другой. Участіе же свое въ покушеніи онъ старается устроить. «Паскаль и Графъ, говоритъ, вошли въ магазинъ съ чернаго хода, а я ввиду остался на крыльцѣ, и тамъ загородилъ ходъ лѣстницей, чтобы знаете Пешару вѣрнѣе было поить шамъ.»

Президентъ. То-есть чтобы вѣрнѣе было убиться. Вѣдь вы же говорите, что лѣстница была поставлена на первой ступенькѣ, значитъ только шагъ по ней сдѣлать — и пропалъ. Вы же пустили въ него камень, когда онъ совершенно неожиданно явился передъ вами?

Майоръ. Не попало кажется.

В. За камнемъ послѣдовалъ вотомъ кинжалъ. Вы четыре удара нанесли этому несчастному молодому человѣку.

О. Что вы, что вы! не я, ейбогу право не я. Насчетъ кинжала я какъ младенецъ непорочный.

В. У васъ былъ складной кинжалъ; онъ лежалъ открытій у васъ въ карманѣ, и на немъ слѣды крови остались.

О. Нѣтъ, какое! Нѣтъ, нѣтъ, помиуйте.

В. Вы еще хвастаетесь передъ своими соучастниками, что нанесли ударъ.

О. Пустяки все это, суцій вздоръ; кинжала и не бывало у меня средоу-родясь. А за кинжалъ... да это ножницы приняли за кинжалъ! Вотъ и все. Какой это кинжалъ. Я просто какъ младенецъ непорочный, насчетъ кинжала-то.

В. Для чего же у васъ пистолетъ былъ, ежели вы убить никого не хотѣли?

О. Да всякій день мы видимъ, что съ пистолетами ходить; а вѣдь не убиваютъ же. Пистолетъ... зачѣмъ пистолетъ? обороняться чтобы. Нѣтъ ужъ это по резонъ на пистолетъ нанадать, ужъ не резонъ. А первые два раза въ Пешара Графъ выстрѣлилъ изъ пистолета.

В. А послѣдніе два выстрѣла, ихъ кто сдѣлалъ?

О. Да Паскаль должно-быть. Кто другой-то? Должно-быть Паскаль. Только не я; вотъ ужъ не я, такъ не я!.. Отъ воровства я не отивраюсь, а ужъ это...

В. Получали вы письма въ Канъ на имя Шеми? Былъ у васъ паспортъ съ такой фамиліей?

О. Въ Пуатъе я былъ Шеми, а про это я не говорю; ну а въ Канѣ, нѣтъ. Въ Канѣ я не былъ Шеми. Надо вамъ сказать, что все

это Графъ изволилъ распоряжаться паспортами; то такой мнѣ, вы-
дастъ, то другой. А насчетъ писемъ.., да я ни читать ни писать по-
французски не умѣю.

Президентъ. Онь потому запирается въ этомъ, что эти письма
скомпрометировали бы ту женщину, которую онь называлъ женой,

В. Зачѣмъ вы 31 октября уѣхали изъ Тура?

О. Я видѣлъ, что другіе ѣдутъ, ну и я уѣхалъ, боялся какъ бы не
арестовали...

В. Почему же вы боялись, чтобъ васъ не арестовали?

О. Еще бы!..

Тутъ Майеръ спохватился, что отвѣтилъ слишкомъ ужъ наивно,
и поправляется: — У меня свои причины были уѣхать, потому
значить я купецъ, надо было товаръ везти продавать.

Этими полупризнаніями Майера прежняя драма откровенности
связывается съ своимъ первымъ актомъ. Завязывается у Майера
вражда съ остальными двумя убійцами Пешара. Паскаль и Графъ
формально обвинены своимъ соучастникомъ. По позѣ, какую при-
нялъ Графъ, по отвѣгъ его легкой, гибкой рѣчи, по энергично-
нагдому взгляду и по улыбкѣ его можно впередъ угадать, что онь
намѣренъ разыгрывать трудную роль героя отиѣкиванья. Этотъ
взглядъ и эта улыбка то и дѣло противорѣчатъ одинъ другой: губы
смѣются какъ-будто, а въ глазахъ просвѣчиваетъ бѣшенство.

Кудюръе, Паскаль тожъ, смягчаетъ голосъ, потупляетъ взоръ.
Трудно подуматъ, чтобъ это былъ тотъ рыцарскій вѣтязь, который въ
Батиньоль не наживогъ, а насмерть дрался съ полицейскими. Ему
напомнили про эту драку. «Они мнѣ наговорили грубостей — ска-
залъ онь въ отвѣтъ — повалили наземъ, и я сколько могъ отъ нихъ
оборонялся.»

Вѣрный своей роли, Паскаль прямо указываетъ на Графа, что-
де ему первому пришла мысль обобрать Пешара. «Славное дѣльцо!»
будто бы сказалъ при этомъ Графъ. А онь, Паскаль, хоть и вы-
сматривалъ мѣстности, хоть и слѣлалъ слѣпки съ замковъ, и уви-
далъ гдѣ и какъ лучше будетъ защищаться, но ключи подбиралъ не
онъ: Графъ ключи подбиралъ. Графу же пришло на мысль при-
прятать все чтó было украдено у Радигѣ, въ восельскихъ камено-
ломняхъ, и все это было обернуто въ два матерчатые мѣшка.

Президентъ. У Графа нашли какой-то матерчатый мѣшокъ;
безъ сомнѣнія это одинъ изъ нихъ.

Графъ (вполголоса). Ну если они думаютъ этимъ постарить ме-
ня втупикъ, то сильно ошибаются. Да пускай ихъ чиликаютъ, мнѣ
это доставляетъ удовольствіе.

Паскаль тоже отпирается, что онъ не взламывалъ кассы Пешара; взломалъ ее Графъ, при помощи *сударя-бармена*.

В. Кто первый напалъ на Пешара?

О. Майеръ первый напалъ, съ лѣстницей и съ камнемъ; а Пешаръ, видя, все къ намъ да къ намъ наровить. Мы за нимъ захопнули дверь, онъ все хотѣлъ отворить ее, и вотъ тутъ-то Майеръ хватилъ его кинжаломъ, да и неразъ. Пешаръ вскрикнулъ два раза, когда отступать началъ, я какъ-то упалъ; послѣ этого мы всѣ и выскочили на улицу.

Президентъ. Дѣйствительно оно такъ должно-быть и было. Паскаль служилъ какъбы-сказать подпоркой, чтобъ не дать Пешару пройти черезъ двери. Слѣдовательно первые два удара кинжаломъ нанесены были либо Майеромъ, либо Графомъ.

Паскаль. Точно такъ. Послѣ Графъ и говоритъ мнѣ: «ну, говоритъ, кабы онъ не отсторонился, ужъ я бы свернулъ ему шею. А Майеръ сказалъ: «просто, говоритъ, не понимаю, какъ этотъ Пешаръ могъ выбѣжать на улицу: кажись я лихо его отподчивалъ».

Майеръ. Неправда; вотъ ужъ это такъ неправда. Положимъ я воръ, только не убійца же. Если я и сказалъ это, — я изъ расчета это сказалъ. Паскаль и Графъ все мнѣ толковали, что я въ самую-то опасную минуту ихъ и оставилъ, что трусь я. Ну, а я знаю какой опасный человѣкъ этотъ Паскаль, вотъ я и сказалъ это, только бы его успокоить. Самъ же онъ раньше все хвастался, что товарища когда-то убилъ.

Теперь наступаетъ для *Графа* очередь оправдываться. Онъ принимаетъ изящную позу и начинаетъ сладенькимъ голоскомъ: «Г. президентъ! гг. присяжные и вы, гг. присутствующіе! Имѣю честь объявить вамъ заравѣе, что если въ своихъ отвѣтахъ мнѣ и придется слегка погорячиться...»

Президентъ прерываетъ этотъ приступъ: «Погорячиться мы васъ не допустимъ: мы просто будемъ предлагать вамъ вопросы, а вамъ негодно ли будетъ на нихъ отвѣчать.»

Графъ зналъ въ Турѣ Паскаля, но ихъ знакомство было что-то называется шапочное. И съ Майеромъ онъ тоже былъ знакомъ, но съ *этими дамами* не имѣлъ удовольствія состоять въ знакомствѣ. Онъ и не знаетъ, что это такое — Радигэ, Пешаръ. Его совсѣмъ и не было въ Канѣ.

В. Но что же за выгода этимъ господамъ обвинять васъ?

О. Вотъ это дѣйствительно вопросъ.

В. Впрочемъ это нисколько не уменьшаетъ въ глазахъ судей

стесненіи вашей виновности. Развѣ при васъ не нашли вещей, украденныхъ у Радигѣ?

О. То-есть просто жена моя забеременѣла, а ей нужно было съѣзжать кой-какія закупки въ Парижъ, вотъ я и имѣлъ несчастіе поручить этимъ господамъ Паскалю и Майеру закупить тамъ что было надо.

В. Но раньше вы сказали, что кружева, о которыхъ ясно доказано, что они изъ лавки Радигѣ, переданы вамъ какимъ-то Боромео; вы отъ этого не отрицаетесь?

О. Нѣтъ, не отрицаюсь. Я съ Боромео имѣлъ сношенія. Въ извѣстныхъ случаяхъ я по его приказанію долженъ былъ отправлять ся въ разные города раньше его самого, и за это онъ мнѣ платилъ 200 франковъ въ мѣсяць. Онъ обыкновенно отправлялъ со мной какую-то шкатулку; но что въ ней было, этого не могу сказать на-вѣрно: должно-быть бумаги какія-нибудь.

В. Стало-быть вы опять возвращаетесь къ тому роману, который сочинили во время слѣдствія?

О. Вѣдь я не сказалъ же, что Боромео передалъ мнѣ кружева.

В. Чтожъ, развѣ эти бумаги могли кого компрометировать!

О. Полагаю, что могли, когда за доставленіе ихъ мнѣ платили такъ щедро.

В. Какъ же осмѣливаетесь вы увѣрять въ такой баснѣ, когда у васъ найдены всевозможные воровскіе инструменты?

О. Да они у всякаго найдутся.

В. Въ ночь съ 29 на 30 августа вы положительно были въ Канвѣ, потому что часовъ въ одиннадцать вечера вы отправились за двумя бутылками вина, и предъ отправленіемъ къ Пешару ихъ выпили.

О. Это чистая ложь: это неправда.

В. Но одинъ изъ подсудимыхъ сказалъ даже сколько вы за нихъ заплатили, и эта цѣна въ точности подтверждена виноторговцемъ.

О. Совсѣмъ нѣтъ. Я вамъ въ двухъ словахъ раскажу въ чемъ все дѣло: видите ли, гг. присяжные, этимъ двумъ лицамъ (указывая на Майера и Паскаля) понадобился третій соумышленникъ во что бы то ни стало, вынь да подай; судьи же какъ-разъ признали необходимымъ существованіе третьяго убійцы, вслѣдствіе того что на мѣстѣ преступленія видѣли троихъ, а не двухъ; вотъ и порѣшили впутать меня въ дѣло: нужна была чья-нибудь третья голова, ну мою и взяли.

В. Такъ вотъ какъ вы объясняете! Но ваше объясненіе несогласно съ тѣми фактами, которые мнѣ еще остается привести. На

мѣсть преступленія былъ напрымѣръ найденъ платокъ, очевидно принадлежавшій такому челювѣку, который нюхаетъ табакъ; мрачка подождительно признала этотъ платокъ вашимъ.

О. Прежде всего позвольте вамъ доложить, что табакъ а и не нюхаю совсѣмъ.

В. Не нюхаете!

О. Да, не нюхаю; чтожъ такое? А если въ правую пору и случалось понюхать табакку, то такъ развѣ, чтобы здѣсь разсѣять разные мрачныя мысли, которыя по временамъ приходять въ голову; ну а нынче такихъ мыслей мнѣ больше не приходять; дѣльче я смокушу дакъ не мѣдя быть больше.

В. Посмотримъ, останетесь ли вы такимъ же спокойнымъ, когда услышите что заговарять свидѣтели.

О. А что мнѣ свидѣтелей-то бояться? Никакого свидѣтеля не боюсь.

В. Въ магазинѣ же Пешара найденъ еще сударь-баринъ; не вы развѣ его купили?

О. Я? И не думалъ.

В. И 30 августа уѣхали въ Гонфлѣръ тоже не вы?

О. Тоже не я.

В. Но васъ узнали.

Графъ (съ увѣренностью, которая вызываетъ у всѣхъ присутствующихъ улыбку). Не можетъ быть! Помидуйте, этого быть не можетъ!

Президентъ. Вотъ въ самомъ дѣлѣ какая увѣренность!..

О. Чегоже вамъ еще-то? Вотъ вамъ истинный Христосъ...

Президентъ (съ негодоващемъ). Пожалуста безъ подобнахъ выходокъ. Какъ это духу у васъ достаетъ призывать имя божіе!.. Не угодно ли замолчать. Довольно будетъ напомнить вамъ, что соучастники ваши, которыхъ каждаго содержали въ особой секретной, показали одно и то же, сообщили одиѣ и тѣже подробности; напрымѣръ они говорятъ, что вы писали въ Шомонъ къ Ульмо.

О. То-есть просто эти несчастные наговорили разнаго вздору.

В. Теперь я васъ спрошу: почему 30 октября, когда центральный комисарь пріѣхалъ въ Туръ, вы тотчасъ же оттуда бѣжали?

О. Кто, я бѣжалъ? И не думалъ. Мнѣ была надобность ѣхать въ Парижъ, вотъ я и поѣхалъ; еслиже теперь я подъ арестомъ, такъ это единственно по моей чрезмѣрной добротѣ.

В. Какъ такъ? Вы бѣжите...

О. То-есть просто я собрался ѣхать въ Парижъ, Майеръ меня и проситъ позаботиться о его матерыхъ мадюткахъ. Я очень люблю дѣтей, и съ большимъ удовольствіемъ согласался на его просьбу;

ну, наконецъ вѣрите ли, что, еслибъ я хотѣлъ бѣжать, еслибъ я бо-
длся чего-нибудь, — развѣ бы я ваялъ на свое попечение пять чело-
вѣкъ дѣтей? Сопласитесь, что у меня достало бы на это соображенія.
Только я долженъ сказать, что жена разговорила меня брать этихъ
дѣтей къ себѣ, потому что на нихъ даже платьишка-то приличнаго
не было.

В. Чтожъ, вамъ стыдно стало за бѣдное платье этихъ малю-
токъ?

О. Еще бы не стыдно? Приличіе не допускало. Поставьте себя
на мое мѣсто.

В. Особенно когда приходится разыгрывать роль отставнаго
полковника.

О. Вотъ вздоръ какой! Я и не думалъ никогда разыгрывать роли
полковника; эту исторію полиція придумала для потѣхи.

В. Какія же у васъ средства къ существованію?

О. Я вѣдь вамъ сказалъ, что отъ Боромео получалъ двѣсти фран-
ковъ въ мѣсяцъ.

В. Мнѣ бы не хотѣлось ничего говорить такого, что могло бы
вызвать улыбку противъ вашего способа защиты, но я долженъ
васъ предупредить, что вашихъ словъ здѣсь никто серьезно не
приметъ. Какую же обязанность вы исправляли у этого будто бы
Боромео?

О. Я у него былъ секретнымъ разсыльнымъ.

В. Какъ же вы съ нимъ сошлись?

О. А вотъ какъ-съ. Я, видите ли, развѣзжалъ по всѣмъ мѣ-
стамъ, и Боромео нашолъ во мнѣ челоука способнаго къ той дол-
жности, которую хотѣлъ мнѣ поручить.

В. Въ чемъ же заключалась эта должность?

О. Я отвозилъ разныя бумаги, которыя вѣроятно были запре-
щенные.

В. Почему же запрещенныя?

О. Не могу сказать.

В. Чтожъ, онѣ развѣ могли повредить вамъ?

О. Пожалуй и повредить; съ меня бы штрафъ взыскали, еслибъ
я какъ-нибудь проговорился; я съ тѣмъ и поступалъ на должность,
что беру на себя отвѣтственность.

В. А въ Канѣ вы тоже по этой секретной должности были?

О. Нѣтъ, въ Канѣ я пріѣзжалъ просто для собственнаго удо-
вольствія.

В. И онъ вамъ давалъ двѣсти франковъ зато что вы ничего не
дѣлали?

О. Пожалуй-что и такъ ; случилось, по нѣскольку иблизить ерду я ничего для него не дѣлалъ , а онъ все-таки мнѣ вымачивалъ.

В. Больше мы объ этомъ распространяться не намѣрены , полагая, что чрезъ это допросъ теряетъ свое настоящее значеніе. Гдѣ вы были 30 августа ?

О. Да въ Турѣ, говорятъ вамъ въ Турѣ !

В. Послѣ убійства Пешара ваши соучастники уѣхали по одной дорогѣ, а вы совершенно въ другую сторону. Вы пріѣхали въ Равиль, и тамъ одинъ молодой человекъ призналъ васъ ; такъ ли это ?

О. Нѣтъ, не такъ.

В. Тамъ вы наняли карету, хотѣли ѣхать въ Аржансъ ; тутъ узнала васъ одна женщина ; да ?

О. Нѣтъ.

В. Тамъ же вы отмывали кровавыя пятна, которыми было забрызгано на васъ платье.

О. Ну это ложь, чистѣйшая ложь !

В. Но васъ положительно призналъ одинъ человекъ, который провожалъ васъ до Мезидона. Вотъ вы послѣ услышите что онъ здѣсь скажетъ.

О. Вольно же ему выдумывать !

В. Когда васъ арестовали, вы въ это время лежали со своей наложницей, а Блѣхъ растянулся у васъ на диванѣ. При васъ найдены заряженыя пистолеты и складной кинжалъ. Правда ли это ?

О. Правда ; только пистолеты не въ карманѣ у меня были, а лежали въ шкапу.

В. Когда васъ повели къ полицейскому комисару, то подъ лавкой, на которой вы сидѣли, нашли мясничій ножъ.

О. Да, взялъ его у меня полицейскій.

В. У вашихъ панталонъ найдены карманы вродѣ ноженъ, куда вы вкладывали открытые ножи.

О. Немудрено, что нашли такіе карманы ; вотъ на мнѣ точно такіе же панталоны, и я готовъ показать гг. присяжнымъ, что положить въ нихъ кинжалъ нѣтъ возможности ; его и не вытаскишь изъ кармана — такіе глубокіе карманы !

В. Не отпразднелись ли вы послѣ того на дорогу въ Байе, гдѣ спрятали пешаровскіе часы ?

О. Я отправился ? И не думалъ.

В. Майеръ формально это показываетъ. Въ трактирѣ, гдѣ вы обѣдъ себѣ спросили, вы были узнаны однимъ лицомъ ; которое принесло иголку съ ниткой, послыску зашить.

О. Неправда все это.

В. Но когда свидетели такъ показываютъ!

О. Случайность! Чтожъ, развѣ въ первый разъ выходитъ такая случайность?

В. Ну, такія случайностей въ нашемъ дѣлѣ цѣлая сотня наберется.

О. Да по-миѣ хоть бы тысяча.

Генералъ-прокуроръ. Кончите съ этимъ подсудимымъ.

Президентъ (Графту). Смотрите, какъ бы у васъ голосъ послѣ не свалъ.

Графъ. Не спадеть, не безпокойтесь! Оглушить я васъ не оглушу, а чтобъ вы хорошо меня разслышали, на это у меня хва-
титъ.

Допросъ остальныхъ подсудимыхъ имѣеть уже второстепенную важность. *Блехъ*, германскій еврей, бѣжалъ изъ Тура отъ полицейскихъ агентовъ потому собственно, что боялся, какбы въ тюрьму его не упрятали. *Полина Блюмъ* увѣряеть, что она законная жена *Майера*, обвиняна въ немъ въ синагогѣ по еврейскому обряду. Она тоже занимается торговлей, какъ и другъ ея *Майеръ*; легко могло статься, что она и покупала краденныя вещи; да почемъ ей было знать, что онѣ краденныя? Достойная подруга Графа *Маргарита Шатленъ*, она же и *Кретьенъ*, познакомилась со своимъ возлюбленнымъ когда тотъ назывался *Фернанди*. Она слѣбазась спутницей его жизни, съ согласія своихъ родителей. *Мари Милисъ*, наложница *Паскаля*, догадала будто бы, что мужъ ея торгуетъ шелковыми издѣліями; какъ всякой другой торговецъ; она никакъ не подозрѣвала, чтобъ онъ могъ быть мошенникомъ. Если она и уѣхала внезапно изъ Шательро, такъ потому будто бы, что мужъ ей сказалъ: «Вотъ теперь-то мы заживемъ припѣваючи! Я наслѣдство получилъ въ Англіи.» Она, *Кретьенъ*, къ *Шемі* никогда писемъ не писала, а если на печати, которой запечатано было письмо, и оказалась буквы *М* и *К*, то мало ли печатей можно найти съ этими самыми буквами.

Президентъ (дѣвицѣ *Кретьенъ*). Ваше соучастіе доказывается однимъ такимъ фактомъ, на которой нельзя не обратить вниманія. Когда нашли это письмо, Графъ вдругъ пришелъ въ сильное волненіе, и потемъ скovyралъ печать. Его спросили о причинѣ такого быстрого движенія — онъ сперва пробормоталъ что-то, а потомъ сказалъ, что полагалъ, что его жена съ кѣмъ-нибудь другимъ переписывается, и что онъ не могъ побороть въ себѣ чувства ревности.

Графъ. Это такъ. Значить, извольте видѣть, я считаю жену

своей не по гражданскому праву, а по естественному, по законамъ природы, все равно какъ бы она была моею законною женою.

У вдовы Голь мужемъ былъ чуть ли не братъ графа: отца Миндеръ, тотъ самый Миндеръ, почтенный старецъ, котораго обвиняли въ покушеніи на убійство. Мать у ней слѣтъ эдакъ двадцать все объ чемъ-то хлопотала. Мужъ пяти лѣтъ хлопоталъ «по лавкѣ, по торговымъ дѣламъ». Это преоблзательная женщина; всегда помогала своимъ друзьямъ, какъ это и водится! Она рѣшительно ни въ чемъ не виновата. Впрочемъ ее уже дважды судъ приговаривалъ къ наказанію, по ея собственнымъ дѣламъ.

Сынъ ея Шарль Голь ходилъ вѣстать съ ней на желѣзную дорогу, получать посылки разныя и чемоданы Графу; помогала имъ припрятывать; худого впрочемъ ничего въ этомъ не видѣлъ; «чай контрабанда!» думалъ.

Затѣмъ у присутствующихъ спрашиваютъ, не желаетъ ли кто выступить свидѣлемъ по какому-либо обстоятельству, касающемуся настоящаго дѣла.

Вводятъ молодого человѣка, въ глубокомъ траурѣ; онъ ужасно взволнованъ, едва держится на ногахъ; ему тотчасъ же подымаютъ кресло, онъ садится, а долго не подымаетъ головы, закрывъ ее руками. Этотъ молодой человѣкъ — братъ убитаго, Луи Шарль Альберъ Пешаръ, 20 лѣтъ отроду, студентъ-юристъ.

Президентъ. Неудобно ли вамъ будетъ принять на себя трудъ объявить гг. присяжнымъ, что происходило въ ночь съ 29 на 30 августа?

Свидѣтель (слабымъ и сильно-взволнованнымъ голосомъ). Въ эту ночь... въ эту ночь я ночевалъ у брата, въ отдельной комнатѣ. Сквозь сонъ слышу — шумъ... точно внизу на крыльцѣ дерутся. Я сейчасъ же встаю... не знаю въ которую сторону мнѣ и повернуть... вдругъ слышу голосъ брата. Я къ нему — а онъ ужъ лежитъ на землѣ... весь въ крови... (Волненіе и впадаетъ свидѣтель продолжать.)

Президентъ. Вы успокойтесь, успокойтесь; когда соберетесь съ силами, тогда и продолжайте.

Черезъ нѣсколько минутъ президентъ спрашиваетъ: что еще вы знаете?

Свидѣтель. Вижу — бѣгутъ какіе-то люди... дальше я ничего не видѣлъ, не слышалъ... Только они оттащили брата къ фонарю, убить тамъ...

Президентъ. Этотъ молодой человѣкъ упалъ безъ чувствъ подлѣ

братъ. Обвиняемый Майеръ, вы слышали? Свидѣтель былъ разбу-
жить шумомъ драки на лѣстницѣ; значитъ были же на лѣстницѣ
драки; а внизу на лѣстницѣ стояли вы.

Майеръ. Нѣтъ, вѣтъ! какой драки. Я же вамъ сказывалъ; не
было драки. Никакой драки не было.

Албертъ Пешаръ (сидѣвшій до тѣхъ поръ на креслѣ, быстро
встаетъ и въ отчаяніи ударивъ по ручкѣ кресла, говоритъ разди-
рающимъ голосомъ). Подлый вы человекъ! не говорите этого. Я
до сихъ поръ еще слышу эти крики... крики брата... они до сихъ
поръ еще раздаются у меня въ ушахъ!

Майеръ. А какже, да если я-то ничего не слышалъ?

Албертъ Пешаръ. Ахъ не говорите этого... нечѣ будьте вы про-
кляты!

Президентъ. Пожалуста успокойтесь. Мы доискиваемся истины:
вещица всегда должна быть безстрастна. Обвиняемый Графъ, вы
признаете, что внизу на лѣстницѣ была драка?

Графъ (очень спокойно). А почему мнѣ знать? Въѣзъ меня тутъ
не было.

Президентъ. А вы, Паскаль?

Паскаль (холодно). Какже, драка была: Пешаръ дрался съ Майе-
ромъ.

Президентъ. А кто кнпжаломъ ударилъ? Майеръ?

Паскаль. Послѣ меня ужъ онъ все тутъ работалъ.

Нѣсколько свидѣтелей слышали пистолетные выстрѣлы и ви-
дѣли, что трое убили Пешара, хотя лицъ хорошенько не могли
разглядѣть.

Президентъ. Графъ, слышите? Трое убили.

Графъ (вкрадчиво). Знаю, что имъ надобенъ кто-нибудь тре-
тій; только я рѣшительно не имѣю охоты быть этимъ третьимъ.

В. Но имъ-то чтоже за охота указывать прямо на васъ, если вы,
какъ говорите, и не были вовсе въ Канѣ, или даже вы можете до-
казать свою небытность тамъ?

О. Жалко, денегъ у меня нѣтъ, всѣ отобраны. Теперь мнѣ нель-
зя доказать своей небытности въ Канѣ; мнѣ бы пришлось платить
тѣмъ, кто согласился бы съзвать въ Туръ, найти тамъ лицъ, ко-
торыхъ видѣли меня, хоть я и не знаю какъ ихъ зовуть.

Генералъ-прокуроръ. Я же вамъ говорилъ, нѣсколько разъ гово-
рилъ, что если хотите, для этого готовъ отдать въ ваше распоря-
женіе всѣхъ мандармовъ, всѣхъ лицъ, состоящихъ при судѣ. По-
вѣрьте, что ваша наглость здѣсь никого не обманетъ.

Докторъ Лебедуа излагаетъ свое мнѣніе о ранахъ, нанесенныхъ
Пешару, и о различномъ направленіи двухъ пуль. Потомъ ему при-

носить доскудию полотно и драпа, пальто и сорочку убитого, и онъ говоритъ, что узнаеть че нимъ то полотно и толь драпъ, которые онъ вынулъ изъ черепа и изъ шеи Пешара. Потомъ разсертываетъ окровавленную рубашку, внимательно ее разсматриваетъ, и говоритъ, что хоть на ней и есть прорѣха, но эта прорѣха не совсѣтъ точно приходится къ ранѣ на шеѣ. «Подождимъ», говоритъ, чтр человекъ находится въ состоянн покоя; на немъ рубашка надѣта, и вдругъ въ него изъ пистолета стрѣляютъ, въ шею, въ самое мѣсто, въ которое раненъ Пешаръ: прорѣха въ такомъ случаѣ окажется на бѣлѣ совсѣтъ не въ томъ мѣстѣ, въ которомъ мы ее видимъ на рубашкѣ Пешара. Это такъ. Но вѣдь опять и вотъ еще что могло случиться, и мы полагаемъ, что оно дѣйствительно такъ и случилось, — что Пешаръ, какъ видно, дрался съ кѣмъ-то (а что онъ дрался, такъ въ этомъ вѣтъ сомнѣнн: синяки на всамъ тѣлѣ это доказываютъ); въ этой дракѣ разумѣтся онъ находился въ движенн, и вотъ вслѣдствн этого-то движенн рубашка была у него не въ порядкѣ, особенно на шеѣ. — Весьма вѣроятно и то еще, что убийца въ ту самую минуту, когда стрѣлялъ изъ пистолета, схватилъ Пешара за горло, и такимъ образомъ сдвинулъ воротъ у рубашки съ мѣста, и вотъ только чѣмъ и можно объяснить, — чѣмъ, что рубашка была не въ порядкѣ, — почему мѣсто нахождения раны не соотвѣтствуетъ прорѣхѣ на бѣлѣ.»

Президентъ. По нашему мнѣнню, это объясненн удовлетворительно какъ нельзя быть больше; очень возможная вещь, что дѣло именно такъ и было. Впрочемъ для васъ, гг. присяжные, этотъ вопросъ не изъ самыхъ важныхъ; всего важнѣе — дознаться, что драка была, что Пешаръ убитъ въ этой дракѣ и что дралось съ нимъ нѣсколько человекъ. Обвиняемый Майеръ! видите, драка была, всѣ свидѣтели такъ показываютъ, самое тѣло убитого это подтверждаетъ. Тѣло было покрыто синяками, ноги поматы; Пешаръ кричалъ сильнымъ голосомъ, просто нечеловѣческимъ; у васъ былъ кинжалъ, пистолеть; и вы все-таки стоите на томъ, что нма не дѣйствовали?

Майеръ. Г. Президентъ, ужъ я божился, пожалуй еще побожусь. — не кололъ я кинжаломъ, изъ пистолета тоже не стрѣлялъ.

Президентъ. Какже вы передъ Паскалемъ-то хвалились?

Майеръ. Когда я выбѣжалъ изъ дому, все ужъ было покончено; я просто какъ младенецъ непорочный...

Генералъ-прокуроръ. Да оставьте вы этого младенца непорочнаго въ покоѣ. Человекъ отправляется ночью на воровство, съ поддѣльными ключами, съ ломомъ, вооруженъ кинжаломъ, пистолетомъ — какая ужъ тутъ непорочность!

Президентъ. Вы, Паскаль: удрали вы Майера съ томъ, что онъ трусъ? в. говорилъ онъ вамъ, что нанесъ ударъ книжалою — въ оправданіи будтобы того, что онъ вовсе не трусъ?

Паскаль. Я его трусомъ не обзывалъ.

Майеръ. Какъ не обзывалъ, обзывалъ! трусъ ты, говорить; онъ и Графту тоже самое сказалъ, потому, что разъ какъ-то мы вдвоемъ съ Графтомъ собирались едѣвать покражу, да и убѣжали, какъ только шумъ слышали.

Президентъ (Паскалю). Чтожь, вы все-таки не сознаётесь, что участвовали въ дракѣ съ Пешаромъ?

Паскаль. Я не дрался, г. президентъ; Майеръ очень хорошо знаетъ, что я ничего не дѣлалъ, потому что, чтобы убѣжать, я проскочилъ ему промежду ногъ.

Майеръ. Ахъ ты Господи! да какъ же это можно — проскочить человѣку промежду ногъ, какъ онъ говорить?

Президентъ (Паскалю). Въ какомъ мѣстѣ и въ какое время Майеръ сказалъ вамъ, что онъ *лихо отподивалъ* Пешара?

Паскаль. Послѣ того ужъ какъ мы были за-городомъ, и при этомъ онъ еще ножъ вытиралъ, который прорвалъ ему карманъ.

Майеръ. Вотъ ужъ это неправда; клянусь...

Президентъ. Клясться вы не имѣете права, и всѣ ваши отговорки ровно ничего не значать; васъ было противъ Пешара трое; и всѣ вы трое одинаково убійцы.

Тутъ Майеру показываютъ осколокъ камня-песчаника, вѣсомъ фунта въ четыре, которымъ онъ пустилъ въ голову Пешару. — Я, говорить, не съ собой его захватилъ; я вышелъ, чтобы сыскать его. Паскаль мнѣ такъ велѣлъ.

Президентъ (Графту). А до васъ разумѣется все это нисколько не касается, такъ вѣдь конечно?

Графтъ (премило-расшаркиваясь). Не безпокойтесь, г. президентъ; я вамъ буду отвѣчать всякій разъ, какъ вы слѣдуете мнѣ честь, предложите какой-нибудь вопросъ.

И онъ пользуется сей вѣрной оказіей, чтобы сызнава поплакаться на то отчужденное положеніе, въ какое онъ поставленъ при слѣдствіи. — Дозволили, говорить, обижать меня, оскорблять: еслибъ видали, что я выстрадалъ! Они меня ни вочто поставили, а человѣкъ я нажется неслабый и не дуракъ. Теперь я убить совершенно; моя нравственность замарана.

Только-что онъ окончилъ свою тираду, какъ г. *Бинг*, продавецъ сургуча въ Канѣ, съ перваго же взгляда узнаеть въ Графтѣ того самаго высокаго господина, худого, костляваго, съ желтымъ цвѣтомъ лица, съ усиками, въ синей цмощенной блузѣ, въ сѣрыхъ

носились пятнадцатый, въ толстыхъ деревянныхъ башмакахъ и
свѣрой фуражкѣ, который 23 августа разговаривалъ у него въ за-
вѣчкѣ съ Пешаромъ.

Графъ. Толстые деревянные башмаки!.. помните, да это
для меня неприлично. Такихъ свидѣтелей какъ этотъ, хотя бы цѣ-
ла тысяча явилась, такъ и то ни въ они ничтожны.

Марія Летуриеръ, служанка предыдущаго свидѣтеля, дѣлаетъ
точное такое же показаніе и тоже узнаетъ Графа.

Содержатели гостиницы St. Pierre въ Канѣ объясняютъ, что
трое подсудимыхъ останавливались въ этой гостиницѣ 2 числа;
Майеръ былъ прописанъ подъ именемъ Шами.

Графъ говоритъ, что дѣйствительно онъ пріѣхалъ въ Канѣ объ
эту пору.

Вдова Брёръ, у которой въ Канѣ табачная лавочка, объявляетъ,
что эти трое подсудимыхъ пришли къ ней 6 августа наемать квар-
тиру. Повыше-то которой, Графъ, записалъ имена на книжкахъ и
предъявилъ паспортъ Шами (т. е. Майера). Графъ сказалъ при
этомъ, что пріѣхалъ въ Канѣ поправиться здоровьемъ; и безъ того,
говоритъ, пятьдесятъ тысячъ франковъ издержалъ, а все не могу
поправиться.

Мари Голандъ, прачка, стирала на подсудимыхъ бѣлье; въ числѣ
другихъ вещей находился платокъ, протертый близь рубчика, ста-
рый красный платокъ, клѣтчатый, весь перепачканный нюхатель-
нымъ табакомъ. Она было сначала отперлась отъ этого показанія,
потому будтобы, что говорить о носовомъ платкѣ — какъ она слы-
хала — негодится; чрезъ это можно накликаетъ смерть на того чело-
вѣка, чей платокъ.

Графъ. Табаку я и не нюхаю совсѣмъ, развѣ только изрѣдка.
Въ тюрьмѣ вѣдь нельзя же скрыть своихъ привычекъ. Такъ неудобно
ли будетъ переспросить жандармовъ, да кого хотите пожалуй.

Затѣмъ прочитывается нѣсколько свидѣтельскихъ показаній,
между прочимъ дѣтей Майера: изъ этихъ показаній видно, что
Графъ табакъ нюхалъ, что клѣтчатые платки дѣйствительно онъ
носилъ, что жена сердилась на него за эту привычку.

Трое соучастниковъ были сверхъ того еще узнены двумя содер-
жателями гостиницы, одной въ Руанѣ, другой въ Канѣ. У одного
изъ нихъ спрашиваютъ, на какомъ языкѣ разговаривали другъ съ
другомъ эти трое, не на нѣмецкомъ ли?

Майеръ. Нѣтъ, не на нѣмецкомъ: Паспалъ въ немъ ни аза не
смыслитъ.

Президентъ. Такъ на воровскомъ языкѣ въ такомъ случаѣ.

Паскаль. Быть этого не может, и даже такой науки не произойдет.

Президентъ. Эта наивность никого впрочем не обманетъ.

Дошеллеръ, комиссаръ центральной полиціи въ Кавъ, *Доубе* и *Митень,* комиссары турецкой полиціи, отдадутъ отчетъ въ своихъ розыскахъ, произведенныхъ ими съ такимъ умѣньемъ. Митень сообщитъ извѣстіе о положеніи въ обществѣ и о связяхъ Граста-Миндера, Гугенгейма и Кудюрю, сирмавшихся поды шанами Фершанди, Майера и Паскали.

Комиссаръ Митень. Эти три человека часто другъ съ другомъ сходились, а когда убъжали изъ Тура, то жены ихъ тоже черѣдко видѣлись одна съ другой. Эти женщины отъяались обыкновенно кичи вообще отъяется простонародье, но повременамъ раздражались въ пухъ и надѣвали кучу алмазовъ. Полина Блюмъ надѣла однажды великолѣпнѣйшіе золотые часы, и на пальцѣ у ней была огромный брильянтовый перстень.

Полина Блюмъ. Г. комиссаръ сильно ошибается: я всего-навсе разъ только и была у г-жи Майеръ.

Президентъ. И снала у ней: а это предполагаетъ большую кортеизности въ обращеніи. Вы надѣвали на себя иной разъ цѣпные алмазы?

Полина Блюмъ. Да, у меня были алмазы, какъ и у всякой дамы.

Президентъ. А вы, Мари Милисъ, у васъ тоже много было алмазовъ?

Мари Милисъ. Нѣтъ, нѣтакъ много.

В. Была у васъ брильянтовый перстень?

О. Была; этотъ перстень мнѣ отъ матери достался; часы тоже у меня были съ цѣпочкой; часы достались отъ дяди, а цѣпочку тетушка подарила.

Президентъ. Господа присяжные замѣтятъ конечно, что эти женщины — достойныя водруги этихъ злодѣевъ; у нихъ не все готово отвѣтъ.

Анна Трессе, швца въ Турѣ, работала въ домѣ Гугенгейма или что тоже, Майера. «Въ бытность мою тамъ, Блѣхъ заходилъ къ Майеру — говорила свидѣтельница — и она разговаривали другъ съ другомъ, но такимъ языкомъ говорили, что и равно ничего неопышала.»

Президентъ. Значитъ воровскимъ языкомъ; и это происходило въ то время, когда они узнали, что разыскиваютъ кавскихъ убійцъ. Свидѣтель, продолжайте.

Свидѣтель. Блѣхъ написалъ записку и вышелъ вмѣстѣ съ Майеромъ. Потомъ Майеръ вышелъ къ нему въ другой разъ, въ поло-

виѣ восьмого. Съ минуту пробождалъ, не дождался, и въ сердцахъ выбранилъ Блѣха...

В. Какъ же онъ его бранилъ?

О. Ахъ оги, говорить! ...! видно и не будетъ!

В. Когда онъ это говорилъ? когда пришелъ къ желѣзной дороге?

О. Да, тогда.

В. А какъ въ этомъ домѣ жили?

О. Когда Майера небыло дома, то жили очень скудно; а дома — тогда все-таки немного получше.

В. Много было у жены брильянтовъ?

О. Ну, не такъ чтобы много, да и надѣвала она ихъ не часто.

В. Маргарита Шатленъ, по прозванію дѣвнца *Кретьонъ*, часто являлась съ женой Майора?

О. Какже-съ; она зачастую къ ней хаживала и вѣрно бывало пѣсенки распѣваетъ.

Президентъ. Слышите, дѣвица Кретьонъ? Вотъ вамъ еще одинъ свидѣтель говорить, что вы часто заходили къ женѣ Майера. Въ этомъ новомъ свидѣтелѣ особенной необходимости небыло, такъ какъ вы же сами говорите, что свали у нея, а вто, какъ мы уже сказали, указываетъ на очень короткое знакомство.

Маргарита Шатленъ. Сейчас я вамъ расскажу почему я такъ свала. Разъ какъ-то вечеромъ возвращаюсь я къ себѣ домой, вдругъ на лѣстницѣ мнѣ попадается какой-то студентъ медицины, огрѣвный ящикъ тащить; я перепугалась, подумала, что въ ящикѣ у него трупъ положенъ, у меня неостало духу вернуться домой, вотъ я и упростила г-жу Майеръ позволить мнѣ переночевать у ней.

Президентъ (свидѣтелю). Маргарита Шатленъ хорошо одѣвалась? бывали на ней брильянты?

Свидѣтель. Отлично одѣвалась, и страшно любила пошкетничать; платье на ней всегда было такое пышное, и золотыхъ вещей немало.

Буше, столаръ изъ Тура, отдающій квартиры знаешь. — 23 июня я пустилъ къ себѣ на квартиру г. Ферванд (Графа) и одну дѣвицу, которая назвалась мнѣ его женою (наложницю его Маргариту Шатленъ). Онъ мнѣ сказалъ, что онъ купецъ, но я никогда не видалъ у него никакого товару; оба они то и дѣло катались по улицамъ, какъ люди, которые не знаютъ какъ убить время. Эти люди мнѣ были рѣшительно не по-сердцу; чтобы сжить въ какъ-нибудь съ квартиры, я надбавилъ плату; послѣ этого они съѣхали.

Президентъ. Стало-быть, Маргарита Шатленъ, вы ничего не дѣ

дали ; человекъ, съ которымъ вы жили въѣсть, тоже ничего не дѣлалъ ; а между тѣмъ жили въ безобидно ; на какія же деньги ?

Маргарита Шатленъ. На тѣ, которыя выдавалъ мнѣ мужъ, который развѣзжалъ по дѣламъ...

Президентъ. Ахъ да ! это исторія о г. Боромео ? Знаемъ, знаемъ. А сколько выдавалъ вамъ мужъ денегъ ?

Маргарита. Иной разъ сто франковъ, а то и двѣсти, когда мнѣ была особенная нужда.

Графъ. И это очень понятно, потому что я былъ при должноти и получалъ жалованья 200 франковъ въ мѣсяць ; надо же было давать женѣ на домашніе расходы.

Г-жа Крузмьяръ, хозяйка дома, въ которомъ нѣсколько мѣсяцевъ проживало семейство Майера, на вопросъ о томъ, какъ воспитывала Майерша своихъ дѣтей, отвѣчаетъ : — «Она очень хорошо ихъ воспитывала, очень хорошо, какъ надо быть лучшей, вотъ сейчасъ увидите. У меня много было фруктовъ, и какихъ еще отличныхъ фруктовъ ! — и дѣти ея хоть бы пальчикомъ, когда до нихъ дотронулись : никогда ! Она и въ школу ихъ учиться посылала, и сама наставляла въ страхѣ божіемъ...»

Швей Луиза даетъ такого рода отзывъ касательно образа жизни семейства Майера : — «Когда самага Майера не бывало дома, на кухнѣ и огня не разводили ; но какъ только онъ дома, — кухня просто ходячемъ ходитъ.» Къ этому она прибавляетъ : «Народу тоже къ нимъ много ходило, но все, знаете, акая мелюзга, сбродъ всякій, да и гостей не больно-то жаловали.»

Свидѣтель Франсуа Донне, чернорабочій, жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ и Майеръ.

Президентъ обращается къ нему съ тѣмъ же самымъ вопросомъ, что и къ предыдущему свидѣтелю ; Донне отвѣчаетъ : — Э, да прахъ ихъ подери-то совсѣмъ ! И якшаться-то съ ними — только руки марать.

Президентъ. Господа присяжные конечно понимаютъ что хочеть сказать свидѣтель ; мы въ томъ видѣ и оставляемъ его наказаніе, какъ оно есть. Свидѣтель, много народу ходило къ Майеру ?

Свидѣтель. Да таки довольно таскалось къ намъ всякой сбродъ ; а нуще всего я запримѣталъ замарашку одну, противно и сморъять-то на нее было — и вѣчно-то она пѣсни распѣваетъ ; Маргаритой звали.

Маргарита Шатленъ (встаетъ и говоритъ возмущающимся отъ злости голосомъ). Это ужасъ, это ужасъ ! Господа присяжные, я прошу у васъ защиты ; не давайте меня въ обиду. Сами видите, поѣ

кто изъ Туръ, задано сговорились насолить намъ. Вы же знаете что это за городъ; иностранцевъ тамъ тарифы не могутъ...

Президентъ. А изъ мужички не приходилъ ли кто къ Майеру?

Сидельтель. Еще бы те! А всѣхъ цѣпъ одинъ къ нимъ даживалъ... разъ на его рожу подсмотришь, такъ вѣкъ не забыть.

В. Почему же это?

О. Да ужь больно плутовская харя у него.

В. Посмотрите на подсудимыхъ, не узнаете ли этого человѣка.

Сидельтель (указывая на Графа). Да вотъ онъ, эфототъ самый и есть.

Графъ (быстро встаетъ). Г. президентъ, гг. присяжные! я васъ спрашиваю: воровское у меня лицо?

Президентъ. Ну ужь это я незнаю что такое! вѣдь это изъ рукъ вонъ накомедь. Человѣкъ столько разъ былъ подъ судомъ, подъ судомъ и теперь — и такіа еще слова говорить! Впрочемъ если ваша наглость и возмущаетъ насъ, но по крайней мѣрѣ она выказалась теперь вполне: гг. присяжные слѣдовательно будутъ теперь знать, съ какими людьми имѣють дѣло.

Такииъ образомъ изъ этой первой части судебнаго разбирательства, изъ этого ряда вопросовъ и отвѣтовъ читатель замѣтилъ вѣроятно, къ чему приводить всѣ показанія свидѣтелей, неподлежащія ничемалѣйшему сомнѣнію: этииъ показаніяи ясно опредѣляются отношенія трехъ главныхъ подсудимыхъ къ своимъ наложникамъ, доказываются присутствіе подсудимыхъ на мѣстѣ преступленія и наконецъ участіе ихъ въ самомъ преступленіи. Дальнѣйшее изложеніе процесса еще ярче обрисуетъ передъ нами разнообразныя личности преступниковъ, особенно Графа, этого короля шайки, человѣка самаго умнаго, самаго смѣлаго изъ всѣхъ остальныхъ, который даже передъ лицомъ судей нестыдливо обнаруживаетъ свои притязанія на свое превосходство надъ своими сообщниками.

Подсудимымъ показываютъ платье, бывшее на немъ во время ареста; оно тоже немало говоритъ за своихъ хозяевъ. Въ панталонахъ Графа рядомъ съ правымъ карманомъ найдены небольшія кожаныя ножны, въ которыя, по словамъ подсудимаго, вкладывалась пистолетъ, необходимая для мелочныхъ торговцевъ, а между тѣмъ уже третій годъ какъ Графъ пересталъ торговать по мелочи. Впрочемъ такіа ножны оказываются на всѣхъ панталонахъ Графа. Панталоны Гусенгейма-Майера въ двухъ мѣстахъ прорваны; это слѣды драки съ Пешаромъ.

Но всего рѣзче выставляются прѣвѣтъ и вообще нравственная сторона подсудимыхъ въ интереснѣйшихъ показаніяхъ свидѣтелей. Къ нимъ мы теперь и обратимся.

Композиторъ, факторъ-пріемщикъ на желѣзной дорогѣ въ Шателро. — «Въ Шателро, говоритъ онъ, я жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ семейство Паскала. Разъ какъ-то въ ноябрѣ жена Паскала говоритъ мнѣ, что имъ надо какъ можно скорѣе уѣхать изъ города, что мужъ ея получилъ изъ Марсея письмо, въ которомъ приглашаютъ его перебраться туда. Спрашиваетъ, не куплю ли я у нихъ чего изъ мебели; а кое-что отобралъ, ну мы сторговались, заплачу сколько приходилось, они уѣхали. Вдругъ черезъ два дня г. прокуроръ требуетъ меня къ себѣ и отъ него узнаю, что Паскаль обвиняется въ убійствѣ канскаго золотыхъ дѣлъ мастера. Я такъ и аянулъ, хоть впрочемъ мнѣ никогда и въ голову не приходило спросить себя, какими средствами живетъ это семейство? Расходъ большой, а откуда деньги — никто не знаетъ. Жена все по хозяйству хлопотала; мужъ почти-что никогда не выходилъ изъ дому и какъ-будто отъ кого укрывался; чѣмъ они жили, ктѣ ихъ знаетъ.

Жена Паскала. Этотъ господинъ говоритъ сущій вадоръ; оженился, который онъ у меня купилъ, ему не нравится, такъ изъ-за этого кажется не стоитъ наговаривать на людей понапрасну. Онъ говоритъ, что не знаетъ чѣмъ мы жили; да объ немъ о самомъ я бы сказала тоже самое: все это такой вздоръ, на который и вниманія обращать нестоитъ. Если онъ мнѣ столомъ недоволенъ, такъ пускай отдастъ назадъ, и кончено.

Подсудимая долго еще говоритъ все въ такомъ же родѣ; пока президентъ не рѣшился остановить ее, что впрочемъ было нелегко: долго расходился у ней языкъ.

Президентъ (свидѣтелю). Въ то время какъ семейство Паскала уѣзжало изъ Шателро, не видала ли вы — приходила къ нимъ женщина, ужъ пожилыхъ лѣтъ, вдова Голь ее зовутъ, а больше ее знаютъ подъ именемъ сестрицы Магдалины!

Свидѣтель. Какъ не знать сестрицы Магдалины! знаю, знаю. Да вонъ она сидитъ. (Свидѣтель указываетъ на мѣсто, гдѣ сидѣла вдова Голь.)

Президентъ. Не приходила ли къ Паскаламъ в. Графъ еще?

Свидѣтель. Какже, приходилъ; такой сиде высокій и къ себѣ, уходящій.

Президентъ. Подсудимый Графъ, вы подтверждаете этотъ фактъ?

Графъ (небрежно). Да, кажется я закодѣлъ какъ-то нелегко къ Паскалю, когда проѣзжалъ чрезъ Шателро.

В. Въ какое время это было?

Графъ. А право непомню хорошенько; эти коротенькіе визиты, вѣдь сами знаете, гдѣ ихъ всѣ упоминашь.

В. Куда же вы ѣздили, когда проѣзжали чрезъ Шателро?

О. Надо было на короткое время побывать въ Ангюлемѣ.

В. Зачѣмъ именно?

О. Да по дѣламъ г. Боромео.

В. Опять Боромео!

О. Опять, г. президентъ, опять; г. Боромео — мой благодѣтель, и мнѣ вѣкъ забывать того, что онъ для меня сдѣлалъ.

Графъ сказалъ это пресерьознымъ тономъ. Ясно, что ему хочется вочто бы то вистало провести судей и присяжныхъ; ему и невдомекъ, что вся эта смѣшная комедія выведена на свѣжую воду несомнѣнными обстоятельствами дѣла; а можетъ не находить ли онъ тайнаго удовольствія — разыграть, предъ своими товарищами по преступленію, роль человѣка съ сильнымъ характеромъ, готоваго до послѣдней минуты бороться съ ихъ общимъ врагомъ — правосудіемъ?

Вдова Голь, сестрица Ляночка тоже, служила въ Батиньольѣ сторожкой. «Славный сторожъ для дома!» замѣчаетъ президентъ. Надо замѣтить также, что эта старуха вдова посылалась съ какимъ-нибудь секретнымъ порученіемъ всюду, гдѣ только жили сообщники — чтобы дать имъ заранѣе знать объ опасности. — «Она вѣчно суетилась и повидимому имѣла въ семействѣ большой вѣсъ», говоритъ одинъ свидѣтель, г. *Тушуа*, лечившій у Паскаля дѣтей въ Шателро. Къ этому онъ присовокупляетъ, что поступки этихъ людей показались ему подозрительными и что Голь, при послѣдней поѣздкѣ Паскаля, то и дѣло толковала, что надо поскорѣе ѣхать въ Марсель.

— Такъ стало-быть вы говорили, чтобы Паскаль ѣхалъ поскорѣе въ Марсель, когда вы навѣстили его и провожали въ Парижъ; вы бросили и домъ, который поручено было вамъ сторожить, и свои дѣла, и сына — и все это, какъ вы говорите, для того только, чтобъ доставить удовольствіе Графу?

На этотъ вопросъ президента вдова Голь отвѣчаетъ съ самымъ простодушнымъ видомъ: «Ужъ такой у меня характеръ — доставлять чтобы удовольствіе роднымъ; больно ужъ душа-то у меня добра; и боже-мой сколько правилось мнѣ пострадать изъ-за этого!»

Шартъ, комиссаръ батиньольской полиціи докладываетъ о томъ, какъ Графъ отбивался отъ полицейскихъ чиновниковъ, которые арестовали его въ квартирѣ на улицѣ Бальяны; его волей-неволей надо было скрутить по рукамъ и по ногамъ. Когда его связали, онъ

то и дѣло посматривалъ въ уголь комнаты, жалуюсь, что повертѣтся ему немзя, слишкомъ уже туго затануты веревки. Сталъ обыскивать въ этомъ углу, и вотъ тамъ-то и нашли мясничій ножъ, — клинокъ коротенькій, широкій, конецъ вострый, и только-что отлущенъ. Еслибъ злодѣй успѣлъ схватить этотъ ножъ, безъ рѣзни дѣло бы не обошлось.

Президентъ. Экзекюторъ, покажите ножъ Графту, только въ руки ему не давайте. *Графтъ* улыбается и говоритъ: — Помылите, г. президентъ, к чему это показывать мнѣ ножъ вблизи? я бы и издали его узналъ. (Въ заднихъ рядахъ посѣтителей раздается смѣхъ.)

Президентъ (строго). Вашъ смѣхъ больше чѣмъ неприличенъ; не понимаемъ даже, какъ онъ могъ раздаться въ такомъ мѣстѣ. Развѣ не имѣлъ я причинъ сказать, чтобы такого орудія не давали въ такія руки? (Продолжительныя одобренія.) Обвиняемый Графтъ, отвѣчайте. Признаете ли вы этотъ ножъ за свой? Признаетесь ли вы въ томъ, что вамъ хотѣлось достать его, для того чтобы съ помощью его отбиваться отъ полицейскихъ чиновниковъ, которые явились васъ арестовать?

Графтъ. Въ этомъ я рѣшительно не могу признаться. Я вамъ сейчасъ раскажу какъ все дѣло было. Я-себѣ лежу, вдругъ на меня накинулись. Да хоть дайте, говорю, одѣться-то; но неуспѣлъ я надѣть пальто въ рукава, какъ эти господа съ удивительной ловкостью принимаютъ крутить меня веревками. Я впрочемъ и не виню ихъ: ужъ такое у нихъ ремесло.

Президентъ. Къ-счасью еще, что они не запоздали..

— *Графтъ* (очень любезно). Я же вѣдь вамъ говорю, что не виню ихъ; будь я на ихъ мѣстѣ, я бы *можетъ-статься* тоже самое сдѣлалъ. Но опять и то надобно сказать, что когда они вязали меня веревками, то переломили мнѣ руку и славили грудь; я изъ-за этого прохворалъ цѣлый мѣсяцъ; спросите хоть тюремнаго врача. Тогда-то, видя такое со мной обращеніе, я между тѣмъ ни комисарскаго шарфа невидать было, ни полицейскаго мундира, я такъ и подумалъ, что у меня на квартирѣ дѣлается чистый разбой. Наконецъ, когда мнѣ и ноги перевязали и спеленали какъ грудного ребенка, — только тогда и показали мнѣ шарфъ, этотъ признакъ общественнаго благостоянія. Какъ только увидалъ я этотъ шарфъ, сейчасъ же и говорю г. комисару: «Господинъ комисаръ, напрасно же вы съ перваго разу не показали мнѣ своего шарфа: я бы во всякомъ случаѣ оказалъ къ нему должное уваженіе, потому что вѣдь и меня онъ точно также долженъ охранять, какъ и всякого другого гражданина, и я конечно не сталъ бы оказывать сопротивленія.» Только я проговорилъ это, какъ меня сейчасъ же взяли какъ дере-

варный обрубок какой-нибудь, и заставили спуститься съ лестницы на полсидцѣ. Мало того, эти господа принялись надо мной смѣяться, и вотъ именно при этомъ припомнили исторію о полковникѣ Бекѣ. Когда я спускался такимъ образомъ съ лестницы, одинъ изъ агентовъ мнѣ и говоритъ: «Вы, говоритъ, прозываетесь Бекомъ; неужто, говоритъ, вы мешутя полковникъ Бекъ?» Я на это ничего не сказалъ, а эти господа уговорились сказать, будто я назвался полковникомъ.

Президентъ. Вы на мой вопросъ не отвѣчаете. Васъ схватили, связали, такъ что достать вамъ уже ничего было нельзя; этимъ-то именно и объясняется, почему вы въ первое время не оказали сопротивленія: просто-напросто вы не могли его оказать, да и едвали бы вы захотѣли, такъ какъ очень хорошо понимали, что всякое сопротивленіе съ вашей стороны будетъ совершенно бесполезно. Теперь я васъ вотъ что спрошу: гдѣ былъ у васъ мясничій ножъ: подъ скамьей ли, гдѣ нашолъ его полицейскій служитель, или у васъ въ карманѣ?

Графъ. Если ножъ найденъ подъ скамьей, значить служитель его туда подкинулъ.

В. Возможное ли дѣло, чтобы служитель нашолъ такое орудіе у такого человѣка, бросилъ его подъ лавку — и ни полслова не сказалъ объ этомъ полицейскому комисару, у котораго онъ подъ командой?

Генераль-прокуроръ. Свидѣтель, когда Графа стали вязать? уже послѣ того какъ онъ оказалъ сопротивленіе?

Полицейскій комиссаръ. Такъ точно, г. генераль-прокуроръ.

Чиновникъ охранительной полиціи *Мелекъ*, содѣйствовавшій розыскамъ, произведеннымъ въ Батиньолѣ показываетъ, что по депрося всѣхъ тамошнихъ повивальныхъ бабокъ попали на слѣдъ вѣскаго сухощаваго мушины (Графа), у котораго наложница, какъ бабкамъ было вѣдомо, находилась въ періодѣ родовъ.

Тутъ выступаютъ на сцену двѣ новыя личности: Ульмо, отецъ и сынъ, укрыватели воровъ, или, выражаясь юридическимъ терминомъ — пристанодержатели. Отецъ божится-клянется всѣми своими великими богами, что онъ рѣшительно ни въ чемъ не виноватъ, что этихъ людей онъ знать не знаетъ. Сынъ плачетъ и признается, что покупалъ разныя вещи у одного *господина*, на котораго и указываетъ въ ряду подсудимыхъ; этотъ господинъ — Гугенгейнъ-

Майеръ. Ульмо-сынъ полагаетъ, что въ этой покупкѣ кажется ничего худого вѣтъ.

Саломонъ Ульмо (отецъ) пользовался хорошей репутаціей въ Шомонѣ, гдѣ онъ занимался, по крайней мѣрѣ судя по вѣшной обстановкѣ, продажей новѣйшихъ издѣлій. Оно конечно, ходили о немъ кой-какіе и нехорошіе слухи, и многіе съ удивленіемъ спрашивали другъ у друга, „какимъ это образомъ человекъ, который ведетъ торговлю на какіе-нибудь 20.000 франковъ въ годъ, можетъ нажить такое громадное состояніе, какъ Ульмо. Известно было также, что этотъ человекъ далеко непрочъ былъ давать деньги подъ залогъ, за огромные проценты, несмотря на свою хорошую репутацію.

Показанія по дѣлу о покражѣ въ магазинѣ Радиге знакомятъ насъ съ нѣкоторыми любопытными подробностями касательно этой покражи, произведенной съ такой артистической ловкостью, что со стороны легко можно было подумать, будто купецъ нарочно самъ себя обокралъ.

Майеръ, отъ котораго стали отбирать показанія по этому дѣлу, сознается, что дѣйствительно въ немъ участвовалъ. Только увѣрляетъ, будто все украденное продалъ одному проѣзжему купцу, и между тѣмъ говорить, противно всякому смыслу, что показанныя ему вещи, которыя и г-жа Радиге признала за свои, украдены не въ этотъ разъ.

Вдова **Голь** отрицается отъ участія въ этой покражѣ; она полагала, что вещи, похищенные у Радиге, должно-быть контрабанда.

Чтоже касается **Графта**, то хотя вещи г-жи Радиге и отыскались у него, но онъ ихъ купилъ у Паскаля. Между тѣмъ при слѣдствіи онъ показалъ, что получилъ ихъ отъ Боромео, котораго при этомъ случаѣ представилъ чуть не ветошникомъ. Графту указываютъ на это противорѣчіе, и онъ отвѣчаетъ: «Я для того это сказалъ, чтобъ не запутать дѣло; но лишь я убѣдился, что эти вещи краденныя, то сознаюсь, я ихъ купилъ.»

Президентъ. Создается!.. Какова у этого человека дерзость! Одни уже эти слова показываютъ вамъ, господа присяжные, какого человека приходится вамъ судить.

Графть. А если у меня есть доказательство, что этотъ товаръ и дѣйствительно купилъ, тогда что вы скажете? Паскаль просилъ за вещи шестьсотъ франковъ; на ту пору столько денегъ у меня въ *шкатулкѣ* не случилось. Онъ мнѣ и говоритъ: «Да это, говорить, рѣшительно все равно; давай сколько есть; а въ остальномъ ужъ мы съ тобой сочтемся.»

В. Паскаль, есть ли въ этихъ словахъ правда?

Паскаль (холодно). Онъ былъ вмѣстѣ съ нами, когда мы обекрали Радиге. Ему и покупать было незачѣмъ: свою долю онъ имѣлъ.

Графъ (торопливо). Потому именно, что я у него купилъ и онъ видать, что этотъ товаръ дастъ дурное обо мнѣ мнѣніе, — онъ и говоритъ, будто и я былъ съ ними вмѣстѣ.

В. Какъ же вы сочли съ Паскалемъ въ остальномъ долгъ?

Графъ. Да пачпортикъ ему одолжилъ; этимъ однимъ я только и промышлялъ; по этой части, всякъ бы вамъ сказалъ, а у меня былъ отличный талантъ...

Президентъ. Довольно, довольно! Даже ужъ слишкомъ довольно. Изготовленіе фальшивыхъ пачпортовъ называть промысломъ, нѣтъ таланта!...

Графъ. Оно конечно, это не по закону; и я не говорю, что это дѣло хорошее, но наконецъ, такъ какъ это правда, оттого я и говорю про это. Да-съ, я поддѣлывалъ пачпорты. Жаль вотъ только, что уговорилъ несчастнаго молодого человѣка заняться этимъ промысломъ (онъ разумѣетъ Шарля Голь). Я за то собственно научилъ его, что онъ нарочно для меня устроилъ великолѣпнѣйшую закуску. Если за это полагается какое-нибудь наказаніе, то всепокорнѣйше прошу гг. присяжныхъ подвергнуть наказанію меня, а этому несчастному молодому человѣку даровать пощаду!

Этотъ новый образчикъ наглого безстыдства приводитъ присяжныхъ и все присутствіе въ крайнее изумленіе. И нѣжный тонъ, въ которомъ какъ-будто проглядывало отреченіе отъ собственного достоинства, и умоляющая поза, и слезливый, влажный взглядъ, и дрожащій отъ волненія голосъ, обнаруживаютъ въ злодѣѣ замѣчательный драматическій талантъ.

Затѣмъ переходятъ къ цѣлому ряду фактовъ, обнаруженныхъ показаніями Майера и Паскаля.

Г-жа *Фулонъ*, содержательница постоялаго двора въ Гонфлёрѣ, узнаетъ въ Графѣ, Майерѣ и Паскалѣ троихъ пріѣзжихъ 25 августа.

Президентъ. Хорошо-съ. Графъ, вы сказали давеча, что ничуть не боитесь свидѣтелей, которые станутъ говорить, что съ 25 по 30 августа вы находились въ Канѣ или около Кана. Вотъ одна изъ этихъ свидѣтелей; что вы на это скажете?

Графъ. Да то, что сударыня изволятъ ошибаться, и ихъ показаніе невѣрно.

Генераль-прокуроръ. И что только ваши показанія вѣрны?

Графъ. Очень немудрено, потому что я невиненъ.

Генераль-прокуроръ. Какъ это только вы рѣшаетесь произносить слово *невинный!*

Графъ. Чтожъ дѣлать? ужь это не моя вина; мной руководит истина.

Другой свидѣтель, *Лонге*, кузнецъ изъ Кана, объясилеть, что въ августѣ 25 числа вечеромъ приходитъ къ нему на кузницу какой-то высокій худощавый господинъ и просить, чтобъ онъ, *Лонге*, взялъ у него кусокъ желѣза, купленный имъ насупротивъ, у торговца старымъ желѣзомъ, и слѣлалъ ему изъ этого куска щипчики.

Президентъ. То—естъ воровскіе щипчики, *сударя-барина.*

Свидѣтель. Пока я ему коваль щипчики, онъ все время былъ въ кузницѣ; кончилъ работу, отдаю ему, онъ мнѣ заплатилъ и ушелъ.

Президентъ. Обвиняемый Графъ, что вы объ этомъ скажете?

Графъ. Вотъ еще одинъ, который тоже изволить ошибаться.

Слышеть легкій смѣхъ. Графъ строитъ серьезную, степенную мину и обращаясь къ судьямъ говоритъ: «Смѣхъ этотъ для меня непріятенъ, г. президентъ...»

Президентъ. У насъ запрещается всякое выраженіе одобренія или порицанія, но потрудитесь говорить не такъ рѣзко.

Графъ. Я обвиняемый, и защищаюсь; мнѣ должны оказывать уваженіе и оберегать меня. Я говорю, что этотъ свидѣтель ошибается — и вдругъ тамъ подымается смѣхъ, какъ-будто это рѣдкость какая — встрѣтить людей похожихъ одинъ на другого! И ктому же со стороны судей это вовсе не было бы первой ошибкой. Напримѣръ по дѣлу о *ліонскомъ курьерѣ*, тоже вѣдь осудили *Ле-зюрка*, именно вслѣдствіе рокового сходства. Отецъ настаивалъ на томъ, чтобъ его сына осудили!

Гондуэнъ, продавецъ старыхъ желѣзныхъ вещей въ *Гаврѣ*, продалъ 6 августа неизвѣстно кому ключи; фасонъ ключей не запомнить. Какъ-будто онъ гдѣ-то видалъ Графта, но положительно сказать не можетъ, что именно Графъ, а не другой кто купилъ у него ключи.

В. Вы покупали, Графъ?

Графъ. Нѣтъ, г. президентъ, не я; видите, свидѣтель меня даже и признать не можетъ.

Президентъ. Вполовину онъ васъ признастъ. Вы не отпираетесь отъ того, что въ августѣ пріѣзжали въ *Гаврѣ*?

Графъ. И не думаю; чуть ли еще не два раза я тамъ былъ.

В. А въ какихъ числахъ августа?

Графъ. Вотъ ужь этого рѣшительно не припомню.

Гебертъ, половой въ гостинницѣ *Испанія*, въ *Лизьѣ*, узнаеть въ

Майеръ, Паскаль и Графъ тронхъ пріѣзжихъ, которые 26 августа переночевали въ этой гостиницѣ.

Майеръ и *Паскаль* подтверждаютъ фактъ; *Графъ* видитъ лишь однимъ свидѣтелемъ больше, который изволитъ ошибаться.

В. Какъ по-вашему, Графъ, гдѣ вы были съ 25 по 30 августа?

Графъ. 25 августа я поѣхалъ изъ Гавра въ Парижъ; 26 изъ Парижа въ Страсбургъ; 27 изъ Страсбурга я опять поѣхалъ въ Парижъ, а 28 изъ Парижа въ Туръ, гдѣ я прожилъ нѣсколько дней.

Поваръ изъ гостиницы Испанія не признаетъ пріѣзжихъ 26 августа въ тронхъ обвиняемыхъ.

Графъ (вполголоса). Да этого и быть не можетъ, чтобъ онъ припомнилъ; меня тамъ и не было.

Ламдуа, содержатель постоялаго двора въ Монвилѣ, деревушкѣ близъ Кана, только-что было началъ свое показаніе, какъ вдругъ увидалъ Графа — и молчитъ. — «Что, развѣ вы его узнаете?» спрашиваетъ президентъ. — Какъ же узнать! — «При какихъ же обстоятельствахъ вы его видѣли?» — Этотъ высокій баринъ приходилъ ко мнѣ въ августѣ 27 числа, съ двумя господами, часу эдакъ во второмъ съ половиной, а то и въ два. Двое-то вышли въ садъ, и заказали, чтобъ имъ туда и обѣдъ принесли. Этотъ высокій баринъ остался вмѣстѣ со мной на кухнѣ; я въ это время цыплятъ ошипывалъ, онъ мнѣ и говорить: дай я тебѣ пособлю. «Полноте, говорю, баринъ! только одежду перепачкаете.» А онъ мнѣ на это сказалъ, что дышать небось, я самъ прежде въ метеріотеляхъ былъ.

Президентъ. Слышите, Графъ, какое точное показаніе?

Графъ. Я никогда себѣ не позволю такого рода шутокъ.

Мелли Лебуше, жена предыдущаго свидѣтеля, точно также показываетъ, что трое обвиняемыхъ обѣдали у ней въ заведеніи.

Графъ. Господа присяжные, мнѣ очень жаль, что приходится постоянно говорить одно и то же, но вотъ эта госпожа полагается на одни лишь показанія этихъ господъ (показываетъ на Паскаля и Майера); да и кромѣ того, чтожъ особенно замѣчательнаго случилось, что эта госпожа помнить все до такихъ подробностей? Пусть она будетъ такъ добра, скажетъ.

Свидѣтель. Когда эти господа пришли, я сѣяла муку; наутро надо было ее выдать.

Графъ. Неправда.

Генераль-прокуроръ. Вы просили подробностей? Довольно съ васъ кажется.

Графъ (съ жаромъ). Это не 27 числа было; ктому же Монвила я и не знаю, потому что былъ въ Парижѣ.

Карлосъ, истопникъ на желѣзной дорогѣ, видѣлъ какъ 28 августа Графъ отправлялся изъ Кана въ Лизьё. На немъ была блуза, сдѣлалъ онъ облокотившись.

Президентъ. Такимъ образомъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнiю, что 25 числа вы были въ Гонфлёръ, 26 въ Лизьё, 27 въ Монвилль, 28 въ Канъ, откуда вы уѣзжали въ Лизьё. Невозможно лучше этого слѣдить за преступникомъ шагъ за шагомъ. К чему же теперь все это заперательство?

Графъ. Можетъ статься я и былъ въ Монвилль или въ другой какой деревнѣ близъ Кана, и ѣлъ тамъ дымятъ, но только не 27 августа; тутъ на цѣлую недѣлю разница.

Президентъ. Вотъ и признанiе: вы признаётесь, что были въ Монвилль.

Графъ. Ни въ чемъ я не признаюсь... я только самъ себя поворачиваю.

Президентъ. Вы путаетесь, а это бываетъ всегда, когда кто думаетъ отдѣлаться ложью.

Шоенъ, ветошникъ, продалъ два чемодана вечеромъ 29 числа, часовъ въ семь съ половиной. — «Вотъ этотъ высокiй (указываетъ на Графа) заходитъ ко мнѣ на-домъ, спрашиваетъ, нѣтъ ли у меня дешовенькаго продажнаго чемоданчика; ну, такого не было, я ему и продалъ два новыхъ чемодана. Двое его товарищей, которые ждали его неподалеку, понесли ихъ на плечахъ.»

В. Кого вы узнаёте?

Свидѣтель. Я узнаю Графа и Майера.

Графъ. Помнится мнѣ что-то, я въ самомъ дѣлѣ какъ-будто покупалъ чемоданъ для Майера, но не иначе какъ передъ отъѣздомъ.

Президентъ. Вамъ только помнится!.. Поздненько же вы вспомнили!

Графъ. Я не для себя покупалъ: я для Майера покупалъ, онъ плохо говоритъ пофранцузски.

В. Какимъ же образомъ одинъ изъ этихъ чемодановъ очутился у васъ въ числѣ другихъ вещей, забранныхъ на вашей квартирѣ?

Графъ. Разумѣется потому, что въ немъ лежали вещи, которыя мнѣ продалъ Паскаль.

Шоенъ. Да вотъ вамъ одинъ изъ тѣхъ двухъ чемодановъ, что продалъ я этому господину. Видите, на немъ, до сихъ поръ еще дѣлѣ ярлычекъ, на которомъ цѣна означена: 6 франковъ 15 су. Этотъ высокiй господинъ далъ мнѣ золотой въ 20 франковъ.

Президентъ (Графу). Какъ же это такъ, Графъ: вы покупали

для Майера, а расплачивались за него своими деньгами? Стало-быть мы у него расходчикомъ были?

Графъ. Тутъ кажется ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ далъ мнѣ денегъ.

Жена Шовена, тоже узнаетъ въ Графѣ того самаго человека, который покупалъ чемоданы.

Президентъ. Стало-быть мы дошли до 29 числа; Графъ въ этотъ день въ Канѣ и покупаетъ тамъ чемоданъ сообща съ Майеромъ. Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнью.

Графъ. Да этого быть не можетъ, г. президентъ.

Кретьень, поденьщикъ изъ Раввиля. — «Въ воскресенье, уже послѣ смерти Пешара, я повстрѣчалъ неподалеку отъ Раввиля, въ десять съ половиной часовъ, какого-то человѣка, и онъ просилъ свезти его. Я не извозчикъ, и привожу его къ Мезезу. Встрѣченный-то господинъ говорилъ, что ему хочется поспѣть на желѣзную дорогу, и что съ нимъ кровотеченіе было.»

Мезезъ подтверждаетъ эти слова и прибавляетъ, что онъ за 20 франковъ свезъ этого барина на станцію Мультаджансъ. Оба они сейчасъ же узнали Графа.

Президентъ. Какъ вы объясните, Графъ, послѣднія два показанія?

Графъ (растерявшись). Предоставляю защищать меня моему адвокату.

Мать Мезеза еще больше приводитъ Графа въ замѣшательство, говоря, что лицо было у него въ крови и онъ попросилъ воды умыться. Она ему подала; Графъ пошелъ на кухню, обмакнулъ въ воду платокъ и принялся оттирать панталоны.

Президентъ въ короткихъ словахъ перечисляетъ все улики, основанныя на этихъ драгоценныхъ показаніяхъ.

Графъ вскрикиваетъ: — Я протестую. Изъ Кана я выѣхалъ 24 числа, а не бѣжалъ оттуда.

Гоммей, жившая прежде въ кухаркахъ, и *Гилль*, содержатель трактира въ Канѣ, видѣли въ послѣднихъ числахъ октября, какъ Майеръ съ Графомъ заходили выпить въ трактиръ, неподалеку отъ прежняго канскаго воксала. Графъ спросилъ веревку, завязать посылку чтоли какую-то, обернутую въ холстъ. Это обстоятельство, сообщенное еще Майеромъ, относится къ тому времени, когда Майеръ и Графъ ѣздили отыскивать часы, зарытые ими въ мультаржанскомъ лѣсу. Кромѣ того Майеръ при слѣдствіи показалъ, что въ томъ же самомъ мѣстѣ они зарыли разобранныя части одной машины, противъ которой не устоятъ и самому крѣпкому сувадуку. Потомъ Майеръ показалъ, что машина эта была опять за-

рыта Графтомъ вмѣстѣ съ 10.000 франковъ ислалекко отъ Парижа. Но мѣсто было плохо обозначено, и всѣ поиски оказались бесполезными.

Жена Гюиля прибавляетъ еще одно многозначительное показаніе: что изъ пробѣжхъ одинъ, что пониже-то ростомъ, называлъ другого, высокаго, Миндеромъ.

Графъ. Ну, если меня зовутъ Миндеромъ, такъ я и отвѣчать больше не намѣренъ. Чтоже касается до этой госпожи и ея мужа, то оба они очень ошибаются. Былъ же вѣдь Видокъ осужденъ *на смерть* вслѣдствіе точь-вточь такой же ошибки; свидѣтелямъ сперва кажется, что это тотъ самый человекъ и есть, потомъ они положительно говорятъ, что это дѣйствительно онъ самый — и невинный приговаривается къ наказанію.

Графъ однажды уже примѣнилъ къ себѣ тотъ случай судейской ошибки, вслѣдствіе которой погибъ Лезюркъ; теперь онъ ссылается на Видока и включаетъ его въ число невинныхъ жертвъ, несправедливо подвергшихся наказанію. Это особенно мило.

Дебюшерь, полицейскій комисаръ изъ Троарна, рассказываетъ про свою поѣздку въ муьтаржанскій лѣсъ и про свою встрѣчу, незадолго до того времени, съ Графтомъ и Майеромъ, которыхъ онъ и узналъ тотчасъ же.

Президентъ. Графъ, слышите? Вотъ вамъ еще однимъ показаніемъ больше.

Графъ (съ презрѣніемъ). Да вѣдь это показаніе полицейскаго комисара; вотъ вамъ и вся немогга.

Президентъ. Нельзя ли выразаться поприличіе, иначе мы примемъ мѣры, которыя научатъ васъ благопристойности.

Графъ. Извините, если я немного рѣзко выразился; но посудите сами, вѣдь ужъ семь мѣсяцевъ какъ я терплю несчастье.

Президентъ. Правосудіе для васъ несчастье!..

Пико, комисаръ канской полиціи, объясняетъ, что онъ узналъ отъ г-жи Бриаръ, торгующей въ Канѣ табакомъ, отъ той самой, у которой Майеръ и Графъ стояли на квартирѣ, что Майеръ курить табакъ, а Графъ нюхаетъ.

Президентъ. Это, господа присяжные, вещь не пустая; вамъ извѣстно, что Графъ постоянно говорилъ, будто не нюхаетъ табакъ.

Г-жа Бриаръ. Я ему нюхательный табакъ продавала.

Графъ (внѣ себя). Фу ты, чортъ побери! Какіе это свидѣтели, это не свидѣтели вовсе, а чудовища; я ежели даю вѣру этимъ чудовищамъ, такъ послѣ этого остается только прямо идти на эшафотъ. Чтожъ? ведите, сейчасъ же ведите, я готовъ! Ужъ лучше

безъ головы остаться , только бы не слышать подобныхъ мерзостей !

Затѣмъ переходятъ къ другой покражѣ , произведенной въ Монбризонѣ , въ ночь съ 24 на 25 мая 1857 года , по иску Нурисона-Мореля , часовщика и золотыхъ дѣлъ мастера . Въ магазинъ забраться было чрезвычайно трудно , тѣмъ болѣе что запирался онъ не снаружи . Мошенникамъ удалось однакожъ взломать кассу и они вытащили изъ нея болѣе 15.000 франковъ . Обвиняемые по этому дѣлу были Паскаль , Графъ , Лоранъ и Тонни ; у Ульмо-отца были найдены послѣ того разныя цѣпочки , кольца , сердоликовыя печатки , и что главное — брильянтовый перстень и печатка въ формѣ волка .

Паскаль сознается въ своемъ участіи въ покражѣ и называетъ всѣхъ сообщниковъ . Онъ былъ вооруженъ , Графъ тоже .

Президентъ . Графъ , слышите ?

Графъ . Я тутъ и не былъ вовсе . Вотъ погода немного мы услышимъ , что намъ пораскажетъ г. Ульмо ; а тамъ мы со своей стороны бомбу пустишь .

Лоранъ , находившійся въ это время подъ судомъ по дѣлу о покушеніи на жизнь одного жандарма , отвѣчаетъ на сдѣланный ему запросъ : — «Въ покражѣ у Нурисона-Мореля я чуть ли не столько же принималъ участія , сколько и вы , г. президентъ . Для Паскала ровно ничего не значить взвести на меня клевету ; ему бы только добиться помилованія . Укажи онъ на другого порядочнаго человѣка , ему бы низачто не повѣрили ; а у меня вотъ выпалъ такой несчастный случай — и ему вѣрятъ... ему , эдакому мошеннику !

Президентъ . Но вы такъ тѣсно связаны съ Паскалемъ ; вы приходитесь ему , какъ сказалъ бы Графъ , своякомъ , потому что у васъ съ нимъ въ наложницахъ двѣ сестры , дѣвцы Мились .

Лоранъ . У насъ были двѣ сестры , это такъ ; все же мы рѣдко видались другъ съ другомъ .

Президентъ . Отчего же не сказать ужъ лучше , что вы съ нимъ и не знакомы совсѣмъ ?

Лоранъ . Съ г. Паскалемъ я былъ знакомъ ; даже очень часто бывалъ у него до прошлаго года , такъ какъ я всегда считалъ его за хорошаго человѣка . Я видѣлъ , что онъ занимается извозомъ , ну и положился на него...

Все это было сказано не съ той театральной развязностью , которой отличается Графъ , но съ деревенской простотой , видъ такой набожной , вкрадчивый голосокъ и глаза опущены .

Паскаль и *Блехъ* говорятъ , что часть украденныхъ вещей они

продалъ Бернару Мейеру. *Бернаръ Мейеръ* отрицается. Онъ завѣрять даже, что у него и самыхъ необходимыхъ вещей не было для расплавки металловъ. Но одинъ домъ въ Парижѣ, подъ фирмою *Lyon-Allemand*, купилъ у жены Бериара — только не золотыя или серебряныя издѣлія, а слитки и выжигу. Тотъ же домъ покупалъ и у Ульмо, который былъ ему извѣстенъ просто подъ именемъ *Саломона*.

Полицейскому чиновнику *Мелену* поручено было разыскать Бернара Мейера. Зная, что это еврей, Меленъ прежде всего отправился на Гревскую-набережную, въ кварталъ, гдѣ жило много евреевъ; но какъ только онъ сказалъ, что ищетъ закладчика какого-нибудь, всякъ встрѣчный и поперечный твердилъ одно: «Ступайте къ Бернару Мейеру.»

Затѣмъ необходимо было допросить обоихъ Ульмо, и допросить обстоятельно. Сына выводить изъ присутствія, а отца просить дать объясненіе касательно покупки краденыхъ вещей, доставленныхъ Гугенгеймомъ.

Ульмо-отецъ. Не я ихъ покупалъ, а сынъ.

В. Въ какое время?

О. Право хорошенько не припомню; чуть ли не въ началѣ ноября.

В. Что вамъ говорилъ сынъ объ этомъ дѣлѣ?

О. Онъ мнѣ просто-напросто сказалъ, что купишь ихъ отъ какого-то незнакомаго господина.

В. А когда-нибудь сами вы покупали золотыя и серебряныя издѣлія?

О. Какже-съ, доводилось; но мнѣ кажется тутъ ничего худого нѣтъ.

В. Когда приводили васъ къ допросу, вы отрицались отъ этихъ покупокъ, и отрицались долго; почему это?

О. Потомучто я думалъ, что если отпущусь, такъ меня сейчасъ же и отвезутъ домой.

Президентъ. Надо было подумать совершенно напротивъ; правосудія нельзя удовлетворить ложью.

Ульмо. Теперь-то я вижу, что я нетакъ это сдѣлалъ, но про меня во всемъ Шомонѣ знали, что я и покупаю и продаю.

В. Но не золотыя и серебряныя вещи?

О. Нѣтъ, г. президентъ, и ихъ тоже, и въ этомъ ничего худого не видѣлъ.

В. Наконецъ вы говорите, что въ одно время сынъ вашъ купилъ какія-то золотыя и серебряныя вещи. Теперь другой вопросъ: не покупали ли вы когда, при другихъ обстоятельствахъ, какихъ-ни-

будь золотыхъ или серебряныхъ вещей отъ Майера, Паскаля или Графта?

О. Никогда я не покупалъ у этихъ людей, никогда; и не знаю ихъ совѣтъ.

В. Не покупали ли вы золотыхъ и серебряныхъ вещей у такихъ лицъ, которыя бы по наружнымъ примѣтамъ походили на поманутыхъ трехъ подсудимыхъ, и именно въ прошломъ сентябрѣ!

О. Да, въ это время я дѣйствительно покупалъ, но только не у этихъ господъ. Тѣ, которые продали мнѣ тогда вещи, были отлично одѣты, вѣжливы и говорили прекрасно.

В. Въ маѣ вы тоже купили вещей на 7000 франковъ?

О. Да, купилъ.

В. Не осталось ли у васъ какихъ вещей отъ этой большой покупки?

О. Право не знаю какъ вамъ сказать; чтобъ отвѣтить вамъ какъ слѣдуетъ, я бы долженъ побывать дома: я бы искалъ, и тогда сказалъ бы поправдѣ.

Президентъ. Вотъ кой-какія вещи, захваченныя у васъ; посмотрите ихъ и скажите, признаете ли ихъ за свои? (Эти вещи разныхъ дорогія бездѣлушки, перстни, серьги.)

Ульмо-отецъ. Мои какъ-буто.

Президентъ. Вы только полагаете, что онѣ ваши, но вѣдь есть слѣдственный протоколъ, который отвѣчаетъ на вопросъ прямо. Въ числѣ этихъ вещей есть одна печатка. Въ то время когда у васъ ихъ отбирали, вы сказали, что эта печатка приобретена вами три-четыре года тому назадъ, между тѣмъ какъ теперь оказывается, что эта печатка въ видѣ волка принадлежитъ къ числу вещей, украденныхъ у Нурисона-Морея въ маѣ 1857 года, то-есть только годъ тому назадъ.

Ульмо-отецъ. У меня было четыре печатки такихъ какъ эта, и потому я навѣрно сказать вамъ не могу, та ли эта самая, которую купилъ я назадъ тому три года, или какая другая.

Президентъ. Извольте, я допускаю такую отговорку. Но отъ кого же вы получили эту печать, которую вы могли имѣть у себя только послѣ того времени, когда ограбили Нурисона-Морея, такъ какъ она изъ числа украденныхъ вещей?

Ульмо-отецъ. Не знаю: иначе я вамъ и отвѣтить не могу; это просто моя покупка.

Президентъ. Мы очень хорошо знаемъ, что это ваша покупка, но вещи-то краденныя. Наконецъ, можете ли вы согласиться съ тѣмъ, что владѣете этой печаткой и перстнемъ, который г. Нурис-

совѣ Морель призналъ за свой, только съ 24 мая, то-есть со дня покражи?

Ульмо-отецъ. Ежели я сказалъ, что печатка у меня уже три года, то сказалъ это потому, что такъ думалъ; но вѣдь нетрудно и ошибиться, тѣмъ больше что, какъ я вамъ говорилъ, у меня такихъ печатокъ было нѣсколько. А сказать вамъ теперь, съ какого именно времени она въ моихъ рукахъ — я рѣшительно не могу.

Президентъ. Посмотрите, какъ все плохо вяжется въ вашихъ показанiяхъ. Въ маѣ 1857 г. вы покупаете разныхъ цѣнныхъ вещей на 7000 франковъ, и когда васъ спрашиваютъ, у кого вы ихъ купили, вы не можете дать никакого прямого указанiя; вы говорите про какихъ-то господъ, которые были отлично одѣты и мастерски вели разговоръ, какъ-будто подобныя дѣла дѣлаются наобумъ, не освѣдомившись о покупателѣ. У васъ найдены еще часы серебряныя съ черневой работой, которые вы подарили сыну. Оказывается, что эти часы краденые. Кромѣ того еще вы дали одной своей дочери золотыя часы, тоже краденые, какъ оказалось. Откуда у васъ эти часы и давно ли?

Ульмо-отецъ. Года два съ половиной или три какъ они у меня, только незнаю у кого я ихъ купилъ.

Президентъ. Вы купили ихъ у тѣхъ же самыхъ лицъ, которые украли ихъ въ Реймсѣ 21 февраля 1855 года. Журналъ «Echo de la Champagne» тотчасъ же, какъ только произведена была покража, представилъ подробное описанiе обоихъ этихъ часовъ, чтобы легче было отыскать мошенниковъ. Кромѣ того въ вашихъ книгахъ есть одинъ счетъ, перемаранный до-нельзя, насчетъ котораго вы не могли дать никакого объясненiя. Не можете ли теперь?

Ульмо-отецъ. Теперь могу-съ.

Президентъ. Привнесите подсудимому книгу. Ну-съ, хорошо; ждемъ вашихъ объясненiй.

Ульмо-отецъ. Это счетъ часамъ.

В. Мы это сами хорошо знаемъ; но кому его слѣдуетъ подать? кто покупатель? А покупка была непустая: вѣдь вы заплатили 7,660 фр. 50 сантимовъ.

О. Вотъ ужъ неприпомню, у кого бы это я могъ купить эти часы.

Президентъ. Всѣ они такъ: сперва общаются рассказать обо всемъ, а сами ровно ничего не скажутъ и оправдываются тѣмъ, что не запомнятъ. Но мы еще не со всѣми уликами покончили, которые лежатъ на васъ. Отъ васъ отъ самихъ отобраны были во время ареста ваши часы, цѣпочка отъ нихъ и печатка, которая висѣла на цѣпочкѣ. Откуда эта печатка и давно ли она у васъ?

Ульмо-отецъ. Я купилъ ее у одного молодого человѣка съ годъ тому назадъ.

В. Кто же этотъ молодой человѣкъ?

О. Не могу сказать.

Президентъ. Г. Нурисонъ-Морель, не угодно ли вамъ взглянуть на печатку и не знакома ли вамъ она?

Нурисонъ-Морель. Какъ нельзя больше, г. президентъ.

Президентъ. А вы что скажете, г-жа Морель?

Г-жа Нурисонъ-Морель (быстро взглянувъ на печать). Ахъ, да это моя печатка-полишинель!

Президентъ. Вотъ еще новый фактъ. Гг. присяжные припомнятъ конечно, что я обратилъ ихъ вниманіе на эту вторую печатку, печатку-полишинеля, неизлагая однакожъ имъ послѣдствій, которыми она можетъ повести за собой. Теперь эти послѣдствія извѣстны: она еще болѣе увеличиваетъ степень виновности Ульмо. Введите Ульмо-сына.

Ульмо-сынъ на предложенный ему запросъ отвѣчаетъ: Въ прошломъ сентябрѣ является какой-то господинъ, спрашиваетъ нельзя ли повидаться съ моимъ отцомъ и говоритъ мнѣ: «Ну а что вашъ батюшка, попрежнему торгуетъ подержанными вещами?» Я ему отвѣчаю, что моего отца здѣсь нѣтъ, уѣхалъ на родину. Господинъ остался какъ-будто недоволенъ этимъ и говоритъ мнѣ, что у него есть до меня одно дѣльцо. Мы разговорились тутъ о торговлѣ, онъ сталъ спрашивать по какой цѣнѣ продается у насъ то-то и то-то. Потомъ онъ показалъ мнѣ разныя вещи, которыя хотѣлось ему продать; тутъ были и золотыя вещи, и серебряныя позолоченныя, которыя онъ принималъ за золотыя. Я ему и говорю, что серебряныхъ вещей взять у него не могу. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что вполнѣ полагается на моего отца, что съ удовольствіемъ оставляетъ серебряныя вещи, а деньги за нихъ получить какъ-нибудь послѣ. Потомъ онъ научилъ меня какъ отличать поддѣльное золото отъ настоящаго посредствомъ крѣпкой водки. Наконецъ сводимъ счеты и согласились на 1560 франкахъ, которые я ему сейчасъ же и отдалъ, вынувши изъ отцовской шкатулки. Господинъ этотъ уходитъ, и чрезъ нѣсколько минутъ возвращается и отдаетъ мнѣ 100 франковъ, которыя будтобы я ему передалъ при расчетѣ. Я нашолъ, что съ его стороны поступлено очень честно, и отъ души поблагодарилъ его.

Президентъ. Оно точно, но есть кой-какія вещи, съ его стороны несосвѣтъ-то хорошія. Приходить къ вамъ господинъ, котораго вы вовсе и не знаете, и никогда не видали; вашего отца нѣтъ дома, вамъ всего двадцать лѣтъ; этотъ посѣтитель вступаетъ съ вами въ торговую сдѣлку, значительную и притомъ нелегкую; вы постав-

левы въ затруднительное положеніе, не знаете во сколько оцѣнить предлагаемыя вамъ вещи. Тутъ онъ учитъ васъ какъ узнавать настоящую цѣну вещей; онъ и не думаетъ сказать о себѣ, что онъ золотыхъ дѣлъ мастеръ и въ своемъ дѣлѣ что-называется дока; товаръ, который онъ вамъ предлагаетъ, совершенно новый, и на всѣ эти обстоятельства вы и вниманія не обращаете, вамъ и въ голову не приходитъ, что эти вещи можетъ-быть изъ нечистаго источника; вы нисколько не задумываетесь вступить въ такую значительную сдѣлку и отпираете отцовскую шкатулку, чтобы вынуть изъ нея деньги и расплатиться. Этотъ господинъ былъ Гугенгеймъ, онъ же и *Майеръ*, Гугенгеймъ, извѣстный воръ и мошенникъ. Это еще не все: когда васъ замѣшали въ это дѣло, арестовали, стали допрашивать, — вы рѣшительно во всемъ запирались, вы лгали.

Ульмо-сынъ (возводитъ очи къ потолку и плачетъ). Но я далъ клятву...

Президентъ. Клятву!.. Какую же это клятву?

Ульмо-сынъ. Когда насъ арестовали, меня съ отцомъ, матушка заплакала... Отецъ былъ въ отчаяніи; онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Ну, Морисъ, что бы тебѣ ни говорили, ты на все отвѣчай: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!»

Президентъ. Такъ вотъ какая у васъ клятва!.. И отецъ велитъ сыну нѣтъ за постоянное правило — лгать!

Ульмо-сынъ. Я думалъ, тутъ ничего худого нѣтъ. (Всхлипываетъ).

Президентъ. Насколько истинная горестъ должна возбуждать къ себѣ состраданіе и уваженіе, настолько притворная отвратительна. Господа присяжные, видите — этотъ молодой человекъ поднимаетъ глаза къ небу и старается тронуть васъ своей горькой судьбой; и между тѣмъ эта скорбь притворная, въ глазахъ ни слезинки; мы уже давно его знаемъ, привыкли къ подобнымъ сценамъ, и наша обязанность теперъ — представить его въ томъ видѣ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, для того чтобъ вы, господа присяжные, воздержались отъ излишней чувствительности.

Морису Ульмо предлагаютъ тѣже самые вопросные пункты, что и его отцу; отвѣтъ тотъ же самый: ничего-то онъ не знаетъ, ничего не припомнить. — Да и кромѣ того, прибавляетъ онъ, отецъ не довѣрялъ мнѣ всѣхъ своихъ дѣлъ, онъ всегда обращался со мной какъ съ *мальчикомъ*.»

Президентъ. Но вѣдь это съ вашей стороны самая крупная ложь! Какъ же это такъ — отецъ не довѣрялъ вамъ своихъ дѣлъ, обращался съ вами всегда какъ съ мальчикомъ, а въ отсутствіе его вы заключаете сдѣлку на 1560 франковъ!

Ульмо-сынъ. Именно вотъ этимъ я и хотѣлъ доказать отцу, что у меня есть способности, что я ужь въ лѣтахъ.

Президентъ. Что вы въ лѣтахъ! Отвѣтъ ловкій, только несомѣнь въѣрный. Въ глазахъ вашего отца вы не могли казаться мальчикомъ: онъ оставилъ всю торговлю на ваши руки; въ другой разъ онъ посылалъ васъ въ Парижъ одного по одному важному дѣлу, именно для сбыта вещей, украденныхъ Графомъ въ Греноблѣ. Ваши показанія ничѣмъ не подтверждаются; начали вы съ заpirationства, продолжаете ложью. Теперь скажите, кто вотъ изъ этихъ подсудимыхъ продавалъ вамъ вещи?

Ульмо-сынъ. Не знаю, право не знаю; да ихъ и невидать здѣсь.

Президентъ. Они здѣсь, и вы ихъ видите: одинъ изъ нихъ Майеръ, другой Графъ.

Ульмо-сынъ. Можетъ-быть, только я призвать ихъ не могу.

Президентъ. И вы все-таки стоите на своемъ и твердо сдерживаете клятву, то-есть даете ложныя показанія; но повѣрьте, ложь вамъ не удастся; вмѣсто того чтобъ сблизить васъ съ матерью, она только отдалитъ васъ отъ нея, и отдалитъ наолго.

Ульмо-отецъ, встаньте. Въ числѣ забранныхъ у васъ вещей есть, какъ мы сказали, ваши часы, тѣ самыя, которые вы обыкновенно при себѣ носили. Вы заявляете, что они у васъ года четыре-пять; мы еще не кончили съ эти часами. Швейцаръ! попроси сюда г. Нурисона-Мореля и покажи ему эти часы.

Нурисонъ-Морель (осмотрѣвъ внимательно часы). Эти часы никогда мои не были, но вотъ что я долженъ сказать про нихъ. Разъ какъ-то — этому ужь нѣсколько мѣсяцевъ — ко мнѣ въ магазинъ является какой-то незнакомый господинъ; а на оклѣ лежали часы похожіе вотъ на эти. Господинъ и говоритъ мнѣ, что у него украли точнехонько такіе же часы и проситъ, чтобы я извѣстилъ его въ случаѣ если ко мнѣ принесутъ такіе часы для покупки. Чтобъ окончательно убѣдить меня, онъ оставилъ мнѣ и номеръ украденныхъ у него часовъ.

Президентъ. А какой это номеръ?

Нурисонъ Морель. Жаль, я не захватилъ съ собой бумагу, на которой онъ записалъ; бумага эта у меня на квартирѣ.

Президентъ. Возьмите отсюда съ собой швейцара и принесите номеръ.

По сличеніи этого номера съ номеромъ часовъ, отобравныхъ у Ульмо, оказывается, что номера неодинаковы.

Паскаль и Майеръ показали при слѣдствіи, что Графъ посылалъ къ Ульмо-отцу письмо съ предложеніемъ купить разныя золотыя и серебряныя вещи. Графъ говоритъ, что онъ и не думалъ

вообще писать къ Ульмо, и даже не знаетъ что это за личность такая Ульмо. Ульмо-отецъ тоже отпирается въ получении этого письма.

Гузнеймъ-Майеръ. Въ Шалонѣ всѣмъ и каждому было извѣстно, что оба Ульмо торгуютъ; ктому же дѣло извѣстное, что еврей сызмалѣтства падки на золото и серебро.

Паскаль рассказываетъ, что послѣ покражи въ Гренобль, въ которой онъ участвовалъ съ Графомъ, Графъ увезъ его въ Шомонъ и тамъ свелъ его съ семействомъ Ульмо. Отецъ Ульмо купилъ у нихъ разныхъ вещей; онъ не хотѣлъ больше давать какъ по 1 франку 75 сантимовъ за граммъ (22 $\frac{1}{2}$ доли), но сынъ уговорилъ наконецъ отца дать по 1 фр. 85 цент.

Президентъ. Стало-быть Морисъ Ульмо зналъ толкъ въ дорогихъ металахъ, иначе бы онъ не надбавилъ цѣну.

Ульмо-сынъ. При этой сдѣлкѣ я дѣйствительно былъ, и какъ увидалъ, что отецъ упрямится изъ-за какихъ-нибудь 10 сантимовъ на граммъ, я ему и говорю: «ну стоитъ ли торговаться изъ-за такихъ пустяковъ!»

Президентъ. Изъ всего этого выходитъ еще и то, что Ульмо-сынъ солгалъ, сказавши, что до покупки на 1560 франковъ онъ не былъ знакомъ съ Паскалемъ.

Паскаль. Графъ и Ульмо-отецъ до такой степени были коротко знакомы, что говорили другъ другу «ты». Въ этотъ же самый день, когда мы продали Саломону на 8000 франковъ, онъ угостилъ насъ пирогомъ и мы у него вышли бутылку вина. Вечеромъ мы у него обѣдали; поданъ былъ гусь и вышито шесть бутылокъ вина.

Президентъ. Шесть бутылокъ на троихъ! Значитъ дружба была короткая, когда хозяинъ такъ щедро угощаетъ гостей. Ульмо-отецъ, вы занесли эту покупку въ своя книги? Ужъ навѣрное тамъ о ней ни слова, какъ и о другихъ покупкахъ (1).

Ульмо-отецъ. Извините, можетъ и найдется... кажется...

Президентъ. Ищите, ищите.

Ульмо-отецъ. Нѣтъ, не найду... Послѣ этого (протираетъ глаза) я не вижу...

Ульмо-сынъ. Да какже, папа? знаешь тамъ, въ приходорасх...

Президентъ. Жандармъ! присматривай за этимъ молодымъ че-

---

(1) Нельзя не замѣтить при этомъ, что президентъ вообще даетъ слишкомъ много воли языку. Его педантизмъ возмутителенъ, тѣмъ больше, что неумѣстенъ. Для кого онъ? Для публики? Для подсудимыхъ? Для судей и присяжныхъ? Выходить, что для самого президента. Въ такомъ случаѣ ужъ лучше бы было молчать. Подсудимый и безъ того въ скверномъ положеніи, а тутъ еще мораль ему читаютъ, дѣлаютъ ему упреки. Въ англійскомъ процессѣ этого по крайней мѣрѣ не водится.

довѣкомъ, чтобъ онъ молчалъ когда его не спрашиваютъ. Ульмо-отецъ, видите — эти лица шли у насъ и там; съ однимъ изъ нихъ вы были на «ты».

Ульмо-отецъ. Прогомъ я помню что угощаютъ, но не думаю, чтобъ этотъ господинъ говорилъ мнѣ «ты».

Графъ (принявши картинную позу). Совершенная правда, г. Ульмо; въ вашихъ словахъ невозможно и сомнѣваться. Твердятъ намъ вѣчно одно и тоже — вѣдь это наконецъ надоѣсть. Но опять и то надо сказать; въ мои лѣта, и притомъ... вѣроятно никто здѣсь обо мнѣ не скажетъ, что во мнѣ нѣтъ ни капли смысла, — какъ же можно предположить, чтобы я сошелся на «ты» съ человѣкомъ, который гораздо меня старше и кого я почитаю какъ отца родного? Чтоже касается до меня лично, то я долженъ замѣтить еще что: эти господа (указываетъ на Майера и Паскаля) знаютъ господина Ульмо очень хорошо, судя по ихъ словамъ; а я — несколько. Въ доказательство того, что они пренебрежительно лгутъ, я покорнѣе прошу позволить мнѣ объяснить вамъ...

Президентъ проситъ его отложить наврема эти объясненія, которыми Графъ грозилъ пустить въ своихъ сообщеникахъ намъ бомбой.

Затѣмъ еще нѣсколько свидѣтелей даютъ отзывы насчетъ нравственности Ульмо. Такъ вдова *Тортезъ*, молочница изъ Шомона, оставила у Соломона подъ задогъ новенькія скатерти; когда она пришла за ними, ихъ ужъ и съѣлъ простыль. Булочникъ изъ Шомона же, *Деварень* занялъ у Ульмо 50 франковъ, оставивши въ закладъ золотую цѣпочку и двѣ серебряныя табакерки. Когда онъ пришолъ за полученіемъ ихъ, Ульмо ему и говоритъ: «Помилуйте! да ваши вещи и двухъ дней у насъ не пролежали; ихъ ужъ давнымъ-давно нѣту. По нашей вѣрѣ, если намъ удастся обдѣлать какого-нибудь католика, такъ это вамъ во спасеніе.»

Ульмо-отецъ. То-есть срокъ давно ужъ прошолъ, и г. Деварень приходитъ ко мнѣ и говоритъ: «Чортъ-знаетъ, нѣту денегъ, да и только! Дѣлайте съ вещами что хотите.»

Президентъ. Стало-быть вы и подъ залогъ давали?

Ульмо-отецъ (и позабылъ совершенно, что онъ только-что проговорился о закладѣ). *Никакн!*

Показанія г. *Армана*, полицейскаго комисара въ Шомонѣ, даютъ обрисовкѣ этихъ двухъ любопытныхъ личностей, отца и сына Ульмо, полную законченность. «Ихъ домъ, говорятъ, былъ для Шомона чистѣйшимъ заемнымъ банкомъ. Въ кругу людей зажиточныхъ въ этомъ городѣ семейство Ульмо пользовалось хорошей репутаціей. Не то было въ кругу бѣдняковъ. Отецъ съ сыномъ

жизнь вели нравильную; сынъ усердно зашивался дѣлами и рѣдко когда появлялся въ кофейняхъ или въ обществахъ молодыхъ людей, своихъ сверстниковъ. Покорность его отцу была безпредѣльная. Бережливость въ этомъ семействѣ доходила до невѣроятности: въ мѣсяцъ выходило у нихъ на содержаніе небольшое какъ 35—45 франковъ. Впрочемъ — присовокупляетъ свидѣтель — въ настоящую пору мнѣніе объ Ульме сильно измѣнилось. Всѣхъ поразило, когда въ прошломъ октябрѣ Ульмо-отецъ вдругъ объявляетъ ликвидацию своего дома, со сбавкой 25 процентовъ на товары.»

Въ числѣ противозаконныхъ дѣйствій обоихъ Ульмо оказалось и то, что килограммъ золота они покупали по 1500 франковъ, а продавали по 2400: барышъ громадный, при законныхъ сдѣлкахъ невозможный.

Дѣвица *Констанція Жвастель*, швея, работавшая у Ульмо, показываетъ, что видѣла у Соломона одного изъ подсудимыхъ, Гунгенейма-Майера; онъ расхаживалъ по комнатамъ неводными глазами, скрестивши руки; выраженіе лица было какое-то загадочное, въ обращеніи что-то монашеское: все это ужасно ее поразило. *Майеръ* улыбается слушая и говоритъ, что когда Ульмо-сынъ провожалъ меня, то совѣтовалъ мнѣ поменьше говорить о торговыхъ дѣлахъ при швей.

Ульмо-сынъ. Швея совершенно было бесполезно знать, что я покупаю золотыя и серебряныя вещи.

В. Почему же бесполезно?

О. Потому что не тѣмъ мы торговали.

Президентъ. Это похоже на призваніе...

Одинъ изъ свидѣтелей высчитываетъ, что состояніе Ульмо не должно превышать 40 или 50,000 франковъ, если принять въ соображеніе родъ ихъ торговли.

Президентъ. То-есть вотъ теперь, въ послѣднее время?

Адвокатъ Луи. Чтожъ изъ этого? Пускай допросъ продолжается...

Дѣвица *Жакель*, гладильница бѣлая, тоже изъ Шалона, узнаетъ въ Графтѣ того самаго человѣка, который заходилъ къ Ульмо года три-четыре тому назадъ. Онъ заходилъ одинъ, пополь по лѣстницѣ прямо, такъ что ненадо было ему и показывать входа, и попросилъ г-жу Ульмо показать ему какія-то картины!

Графтъ говоритъ, что онъ и знать не знаетъ, что это за городъ такой Шалонъ. — «Представьте мнѣ, говоритъ, содержателя гостиницы въ Шалонѣ; онъ скажетъ, жилъ ли я у него. Однимъ воздухомъ нельзя же питаться. Надобно же и ѣсть что-нибудь, и квартиру нѣтъ, а я не привыкъ ложиться спозаранокъ.»

Генераль-прокуроръ. Но вѣдь еслибы здѣсь и былъ этотъ содѣжатель гостиницы, и узнай онъ васъ — вы навѣрно бы сказали, что и онъ лжотъ.

Графъ (вспыльчиво). Еще бы! Я хотъ и невиновать ни въ чемъ, но вѣдь не баранъ же я какой-нибудь, чтобы прямо подставлять подъ ножъ горло.

Наложницѣ Графа показываютъ — столовую посуду, приборъ, у ней отобранный, который былъ взъ числа вещей, украденныхъ въ Греноблѣ. *Маргарита Шатленъ* говоритъ, что ихъ подарилъ ей мужъ еще въ Турѣ.

Президентъ. Это обошлось больше чѣмъ въ 700 франковъ. Есть ли какая возможность повѣрить тому, чтобы тотъ, кого вы называете своимъ мужемъ, если даже и допустить, что онъ получалъ 200 фр. въ мѣсяцъ отъ какого-то небывалаго Боромео, — могъ за одинъ разъ сдѣлать вамъ такой подарокъ?

Маргарита Шатленъ. Мужъ никогда мнѣ не говорилъ какъ наутъ у него дѣла и велико ли у него состояніе; онъ очень привазаивъ ко мнѣ и довѣрчивъ, но отчетовъ никакихъ мнѣ не даетъ.

Изъ преступленій, совершонныхъ Графомъ, самымъ легкимъ была поддѣлка государственной печати и дѣланіе фальшивыхъ паспортовъ. Пачинается допросъ.

— Обвиняемый Графъ, въ предыдущія засѣданія, вы сознались, что занимались поддѣлкой паспортовъ.

Графъ. Я и не отрицаюсь, г. президентъ; я и теперь говорю тоже самое; но тутъ надобно сдѣлать различіе: я дѣлалъ ихъ не одинъ. Печать (т. е. государственную) прикладывалъ я, но самыя паспорты писались другими.

В. Кѣмъ же? Шарлемъ Голь?

О. Какое! нѣтъ; я бы взялъ грѣхъ на душу, еслибъ обвинилъ его въ этомъ; онъ сдѣлалъ всего только одинъ паспортъ, сколько по крайней мѣрѣ мнѣ помнится.

В. Кто поддѣлывалъ паспорты на имя Шабри и Дюшателя?

О. Незнаю.

Президентъ. Обвиняемый Паскаль, вы говорили, что ихъ дѣлалъ одинъ молодой человекъ изъ Тура.

Паскаль. Такъ точно, г. президентъ.

В. Ктоже этотъ молодой человекъ?

О. Мой сынъ; ему и всего-то какихъ-нибудь двѣнадцать годовъ. Но повѣрьте, г. президентъ, онъ не зналъ, что дѣлаетъ, и я засадилъ

его за эту работу всего только разъ, потому что мнѣ не хотѣлось, чтобы онъ шолъ по слѣдамъ отца.

Слѣдовательно насчетъ этихъ преступленій никакого недоразумѣнія не оставалось. Но вслѣдъ затѣмъ переходить къ покражѣ, совершенной Графомъ въ Ривъ-де-Жье, въ сообществѣ съ Паскалемъ и Лораномъ; дѣло это начато по иску сборщика податей г. Мортъе. Графъ и здѣсь во всемъ запирается, Паскаль сознается.

В. А вы, Лоранъ?

Лоранъ (прикидываясь взволнованнымъ). Господинъ президентъ, вотъ уже двѣ покражи, въ которыхъ меня замѣшиваютъ, и одна изъ нихъ довольно большая. Слѣдовательно, г. президентъ, еслибы дѣйствительно я участвовалъ въ обѣихъ покражахъ, то и на мою долю перешло бы немало, я былъ бы богатъ. А неужели ли вамъ, г. президентъ, гг. присяжные и всѣ здѣсь присутствующіе, узнать мое положеніе? Вотъ оно какое, мое-то положеніе. Всю свою жизнь я жилъ въ наймахъ, и оказывается, что когда меня арестовали, то не нашли имѣньишка и на 200 франковъ, и этотъ арестъ разорилъ меня совсѣмъ... разорилъ, именно разорилъ, г. президентъ, гг. присяжные, какъ вотъ вы сейчасъ увидите. Кредиторы мои, какъ увидели, что я арестованъ, стали требовать себѣ уплаты; дѣла у меня запутались и на меня подали ко взысканію — 150 франковъ... да, господа, ко взысканію, на меня — а посмотрите какія у меня на рукахъ мозоли; да-съ, подали ко взысканію, какъ на дѣтя какого-нибудь или сквернаго плательщика. О моемъ богатствѣ говорили, о моихъ нарядахъ, платкахъ: а посмотрите-ка на нихъ хорошенько, на платки-то мои, каковы они. (Развертываетъ платокъ изъ красной шерстяной матеріи, вытягиваетъ во всю его длину и вертитъ имъ во всѣхъ направленіяхъ.) Да-съ, такъ вотъ они какіе, мош-то платочки. Вотъ вамъ тутъ и все мое богатство: вѣдь это чистая нищета!

Нѣсколько свидѣтелей дѣлали для Графа разные столярные и замочные инструменты по частямъ, не зная на какое употребленіе пойдетъ цѣлое.

Сикарь, граверъ изъ Тура, объясняетъ, что Графъ заказалъ ему какой-то инструментъ, но не говорилъ на что этотъ инструментъ годится, просилъ сдѣлать его какъ только можно лучше, и что начавши работу, Сикарь догадался, что инструментъ можетъ быть употребленъ при поддѣлкѣ печатей, и потому не хотѣлъ ее оканчивать пока Графъ не дастъ отъ себя удостовѣренія и не скажетъ на что ему этотъ инструментъ. Свидѣтель прибавляетъ еще, что послѣ такого требованія Графъ, опасаясь вѣроятно доноса на него въ

полицію, больше уже къ Сижару не показывался, и оставилъ инструментъ, незаплативъ нисколько за работу.

Графъ. Нѣтъ, дѣтъ, вовсе не изъ-за этого я не возвращался къ этому господину. Этотъ господинъ не сдѣлалъ того, что я ему заказывалъ; онъ не поидѣл мой мысли и дѣлалъ не точь-вточь по моимъ рисункамъ. Ну, я вижу, что ничего порядочнаго онъ мнѣ не сдѣлалъ, я и не захотѣлъ, чтобъ онъ для меня работалъ, и не захолю больше къ нему — пожалуй еще обидится моими замѣчаніями. А надобно вамъ сказать, господа присяжные, что вещь, которую я заказывалъ, требуетъ величайшей точности въ отдѣлкѣ; въ томъ же видѣ, какъ она есть, ее пустить въ дѣло нельзя; она ровно ни на что не годится.

Президентъ. Стало-быть вы сознаетесь, что дѣйствительно этому свидѣтелю заказывали инструментъ?

Графъ (очень любезно). Помилуйте, г. президентъ! сознаюсь совершенно; все что ни говоритъ этотъ господинъ, сущая правда, какъ и все то что говорятъ другіе насчетъ работъ, которыя я имѣлъ для себя заказывать. Только нечему было говорить, будто я чего-то опасаюсь; я вовсе ничего не опасаюсь.

Тутъ президентъ дѣлаетъ описаніе этого инструмента, предназначеннаго для приложенія къ фальшивымъ пачпортамъ казенной печати. Инструментъ этотъ, вложенный въ футляръ, сдѣланъ изъ мѣди и стали, имѣетъ цилиндрическую форму, въ него вдѣлана пластинка съ отверстиями, въ которыя вставляются подвижныя буквы: буквы эти не всегда были однѣ и тѣже, ихъ надо было перемѣнять, смотря по названію того или другого округа. Въ серединѣ пластинки широкое отверстие; въ него вкладывается печать съ изображеніемъ орла.

Президентъ прибавляетъ, что отдѣлка всѣхъ частей инструмента удивительно хороша, точность во всемъ необыкновенная и что изобрѣтатель должно-быть искусникъ большой руки. Графъ принимаетъ похвалы себѣ съ видомъ скромности и съ достоинствомъ.

Изъ свидѣтельскихъ показаній относительно покражи, произведенной въ Жизорѣ Графомъ, Паскалемъ, Блѣхомъ, Ламбертомъ и Кайзеромъ, оказывается, что подсудимые утащили желѣзный сундукъ вѣсомъ въ полтораста килограммовъ (съ небольшимъ 9 фунтъ), въ которомъ лежало звонной монеты на 300 франковъ. Несмотря на огромную тяжесть, сундукъ унесенъ былъ вѣроятно куда-нибудь на пустырь и тамъ взломанъ.

Оюстекъ Баретъ, половой изъ трактира въ Мантѣ. — Въ прошломъ ноябрѣ двое прѣзжихъ зашли въ трактиръ и потребовали коляску, ѣхать въ Жизоръ; я проводилъ ихъ къ г. Бурде. Вотъ этотъ высокій былъ.

Президентъ. Видите, Графъ, свидѣтель на васъ показываетъ.

Графъ (съ притворнымъ удивленіемъ). На меня!

Президентъ. Да, на васъ.

Графъ. Объ этой поѣздкѣ я рѣшительно не помню... Въ Вантъ можетъ-быть я когда-нибудь и ѣзжалъ, но...

Президентъ. Когда вы собирались туда ѣхать, вы требовали себѣ коляску?

Графъ. Очень можетъ быть: я часто требую коляску.

Президентъ. Когда вамъ нужна коляска, вы сами ходите начинать ее, или посылаете изъ трактира мальчика?

Графъ. Мальчика всегда посылаю; самъ я никогда себя этимъ не утруждаю.

Президентъ. Никогда! такой трудъ видно вамъ не по силамъ? Не ѣздили вы когда-нибудь въ Жизоръ вмѣстѣ съ Паскалемъ?

Графъ. Мудреного нѣтъ, что и съ Паскалемъ я туда ѣздилъ, какъ со всякимъ другимъ. Чтобы припомнить все, о чемъ меня спрашиваютъ, для этого надо имѣть нечеловѣческую память.

Свидѣтель. Я и позабылъ вамъ сказать, что этотъ господинъ, когда потребовалъ коляску, сказалъ чтобы наняли коляску большую, потому что ихъ отправлялось въ Жизоръ пятеро.

Графъ. Все это до меня вислоько не касается; весь ноябрь я пробылъ по дѣламъ въ Парижѣ.

Извозчикъ *Бурде* подтверждаетъ показаніе перваго свидѣтеля; кромѣ того онъ говоритъ, что Графъ и еще кто-то другой сѣли въ коляску и велѣли ѣхать въ Жизоръ; но вскорѣ потомъ они встрѣтили на дорогѣ еще троихъ, которые тоже сѣли въ коляску. Изъ пяти обвиняемыхъ свидѣтель узнаётъ только трехъ: Графа, Паскаля и Блѣха.

Блѣхъ. А при слѣдствіи онъ меня не узналъ.

Свидѣтель. На это были свои причины. Когда я увидалъ васъ при слѣдствіи, васъ совѣмъ узнать было нельзя: вы сильно похудѣли, и баки у васъ тогда были, вотъ какъ теперь; а въ ноябрѣ у васъ онѣ были сбриты.

Блѣхъ отговаривался тѣмъ, что въ ноябрѣ онъ былъ совершенно въ другой мѣстности, но его узнаютъ еще двое свидѣтелей изъ Жизора.

Затѣмъ слѣдуетъ покушеніе на воровство въ Ferté-sous-Jouarre, въ домѣ нотаріуса Морена. По показанію Паскаля, планъ дома

былъ доставленъ Меемъ ; этотъ Мей — одинъ изъ самыхъ ловкихъ указчиковъ, *ходоковъ* въ шайкѣ. Графъ, Ламбертъ и Кайзеръ участвовали и тутъ.

Графъ. Объ этомъ воровствѣ я тоже самое скажу, что и о другихъ : въ него нарочно замѣшиваютъ невинныхъ.

Блехъ. Да, да ; именно нарочно !

Ламбертъ. Да и можно ли вѣрить такому человѣку какъ Паскаль, этому негодлю, разбойнику ? Чего отъ него другого ждать какъ только не лжи ?

Президентъ. Вы можете-статься и были бы правы, еслибъ Паскаль одинъ показывалъ на васъ ; но когда подтверждаетъ его показанія, все, и люди и вещи, — тогда поневолѣ приходится ему повѣрить.

Мей тоже отпирается отъ участія въ этой покражѣ.

Сундукъ Морена вѣсилъ 250 килограмовъ (15 пудъ слишкомъ) ; въ немъ было на 36.000 франковъ золотой и серебряной монеты да векселей на 130.000 фр. Жена Морена услышала какой-то шумъ, разбудила мужа, и тотъ увидалъ, что его сундукъ уже на-половину протасненъ въ окно. Еще бы вѣсколько минутъ — и воры исчезли бы съ сундукомъ и взломали бы его посредствомъ особой машины, устроенной именно для такихъ казусовъ.

Машина эта въ самомъ дѣлѣ силы необычайной ; показываютъ Графу осколки отъ нея.

Президентъ. Обвиняемый Графъ, признаете ли вы, что эти осколки взяты у васъ ?

Графъ. Я никогда и не думалъ въ этомъ заператься, г. президентъ.

Президентъ. Какъ же по-вашему, для какого употребленія назначалась эта машина ?

Графъ. Ко мнѣ притащилъ эту дрянъ Паскаль и сказалъ, что этой машиной тиснять матеріи.

Президентъ. Вотъ еще что : ее захватили во время воровства въ Ferté-sous-Jouarre.

Графъ. Да неужто вы не понимаете, что Паскаль, Паскаль все тутъ дѣйствуетъ ? Я полагаю, что судьи увидятъ же наконецъ, что онъ вотъ ужъ четыре мѣсяца какъ постоянно взводитъ на насъ разные небылицы.

Президентъ. Судьи будутъ дѣлать свое дѣло, ужъ мы надѣмся.

Родаръ, лимонадчикъ въ Ferté-sous-Jouarre'ѣ. — 21 ноября, часовъ въ восемь съ половиной или въ девять, заходить ко мнѣ въ заведеніе два какихъ-то человѣка ; сѣли они за карты. А у насъ ужъ заведено : кого незнаемъ, мы къ тѣмъ и присматриваемся ; ужъ

я глядѣль-глядѣль на нихъ , со вниманіемъ глядѣль , и на лицо-то имъ , и на одежу , и меня ужасно удивило , что они чѣмъ-то сильно заняты , сидятъ за картами , а на игру и вниманія не обращаютъ .

Президентъ. Обвиняемые , встаньте . Свидѣтель , посмотрите на нихъ и скажите , не узнаете ли между ними тѣхъ двоихъ , которые къ вамъ заходили ?

Свидѣтель. Вонъ они оба — на третьей скамьѣ , второй и третій съ краю (Ламбертъ и Мей) , да вотъ и этого еще знаю — вонъ послѣдній , на первой скамьѣ (Блѣхъ) .

Блѣхъ. Я и не бывалъ никогда въ Ferté-sous-Jouarre'ѣ

Свидѣтель. Ну ужъ извините , я же васъ тамъ видѣлъ .

Блѣхъ. Въ которомъ году ?

Свидѣтель. Да каждый годъ на ярманкѣ . Какъ только я узналъ на другой день , что украсть у г. Морена сундукъ не удалось , такъ и вспомнилъ сейчасъ же про этихъ людей , и съ тѣхъ поръ они не выходили у меня изъ головы .

Ламбертъ. Неужели лицо у меня такое ужъ подозрительное , что этотъ лимональчикъ такъ дурно обо мнѣ отзывается , ничего незная раньше ни обо мнѣ , ни о покражѣ ?

Президентъ. Совсѣмъ нѣтъ , лицо у васъ нельзя сказать чтобъ подозрительное ; вы , если угодно , съ вашими усами похожи на молодого офицера : надбюсю , это сравненіе вамъ не покажется обиднымъ . Но если ваша наружность не возбуждаетъ подозрѣнія , зато подозрительно ваше обращеніе , манеры , лица , въ обществѣ которыхъ васъ видѣли , самое безпокойство , которое обыкновенно замѣчается у людей , затѣявшихъ преступное дѣло и рѣшившихся идти на большую опасность .

Графта , а равно и Мей , узнаетъ содержательница трактира въ Ferté-sous-Jouarre .

Наконецъ отбираются отъ свидѣтелей показанія относительно асоціаціи злоумышленниковъ . Число этихъ свидѣтелей очень невелико ; но уже многіе изъ тѣхъ , которые были приводимы къ допросу , дали понятіе о составѣ этой асоціаціи . Всякое воровство производилось при однихъ и тѣхъ же условіяхъ : клещи , поддѣльные ключи , воскъ , пилы , ломы , фальшивые пачпорты составляли необходимую принадлежность при всякой покражѣ . Наряду съ передовыми людьми въ преступленіи , съ зачинщиками , являются здѣсь ходоки и пристанодержатели , этотъ неизбѣжный авангардъ и аррьергардъ во всѣхъ скопищахъ злоумышленниковъ .

По вопросу объ оружіи , Ламберту доказываютъ , что онъ , выдавая себя за странствующаго оутика , постоянно имѣлъ при себѣ пистолеть .

Президентъ. Обвиняемый Леопъ Мей, вы тоже были арестованы въ Клермонѣ и при васъ нашли кинжалъ.

Мей. То-есть ножъ.

Президентъ. Вы это называете ножомъ? Да вѣдь это такой же складной кинжалъ, какой у васъ у всѣхъ есть. Анета Блѣхъ, владѣтельница Блѣха...

Блѣхъ. Господиныхъ президентъ, позвольте вамъ замѣтить, Анета моя жена, моя законная жена, она никогда не была моею любовницей...

Президентъ. Извольте, я вамъ въ этомъ случаѣ уступаю; но какъ бы то нибыло, вы, Анета Блѣхъ, въ обвинительномъ актѣ стоите первая, какъ соучастница въ обществѣ злодѣевъ. Вы жили въ Турѣ среди важнѣйшихъ членовъ шайки, а между тѣмъ увѣряли, что и знать ихъ не знаете. Когда явились къ вамъ на квартиру, вы отрицались и въ томъ, что ихъ знаете, и въ томъ, что Блѣхъ, вашъ мужъ, съ ними знакомъ, и когда полицейскій чиновникъ хотѣлъ было взять фотографическій портретъ Блѣха, вы этотъ портретъ изорвали.

Анета Блѣхъ. Когда пришли ко мнѣ на квартиру, я въ это время была больна, ужасно больна; мнѣ наговорили грубостей и задавали разными вопросами; я просто не знала что говорю и что дѣлаю.

В. А теперь вы знаете что говорите?

О. Я говорю, что мужъ у меня купецъ, ѣздитъ по разнымъ мѣстамъ, чтобы было чѣмъ жить. Онъ мнѣ постоянно говорилъ, что онъ честный человекъ. Я не думаю, чтобы онъ ишѣлъ какое-нибудь дѣло съ ворами, а тѣмъ больше я. Правда, иной разъ мнѣ случалось разговаривать и съ Гугенгеймомъ и съ Паскалемъ, но ничего дурного объ нихъ я не могу сказать, да и они обо мнѣ не скажутъ.

Г. *Митень* сообщаетъ, что тайныя сборища свои злодѣи называли въ Турѣ *рамонншель*. Въ этихъ собраніяхъ разговаривали на какомъ-то загадочномъ языкѣ; беспокойство присутствовавшихъ лево обнаруживало, что всѣ они опасаются чего-то недобраго.

Постоянныя свшшенія между семействами Блѣха, Кайзера и Паскаля подтверждаются и жильцами тѣхъ домовъ, гдѣ они квартировали.

Паскаль рассказываетъ о покушеніи ограбить банкира Дево, въ Лизьѣ. Надо было перелѣзть черезъ рѣшотку; Графъ взялъ у Блѣха шинель и накрылъ ею острые концы рѣшотки, чтобы не поранить себя. И въ самомъ дѣлѣ на этой шинели, отобранной у Блѣха, несмотря на то что она была почти-что еще совсѣмъ нова, видѣлись прорѣхи именно такія, какія могутъ быть только отъ острыхъ концовъ рѣшотки.

Блехъ отпирается ; въ это время я, говорить, былъ въ Турѣ.

Г. *Митенъ* полагаетъ, что дѣйствительно 17 и 27 сентября *Блеху* слѣдовало быть въ Турѣ. Въ эти дни у евреевъ бываетъ праздникъ, и второй день называется у нихъ праздникомъ всепрощенія. *Блехъ* отправляя въ эти дни обязанность равина.

Четыре новыхъ свидѣтеля показываютъ, что 11 сентября Графъ проѣзжалъ черезъ Сенъ-Жанъ-де-Лизьё и черезъ Гло.

Графъ. Эти господа сильно ошибаются. Ужъ непременно есть кто-нибудь похожий на меня, который имъ всѣмъ кидался въ глаза, а то не могу же я въ самомъ дѣлѣ думать ; что всѣ эти свидѣтели даютъ ложныя показанія.

Новое показаніе — *Дюшейяра* удостовѣряетъ, что дней за двѣнадцать до убійства Пешара *Блехъ* находился въ Канѣ, слѣдовательно и онъ тоже былъ въ шайкѣ.

Жена *Ламберта* продавала въ Парижѣ вещи, награбленныя мужемъ. *Бернару Мейеру* она продала золотыя часы и поношенный галунъ. Какъ самъ *Ламбертъ*, такъ и его жена имѣли частыя сношенія съ *Меемъ* и *Кайзеромъ*, онъ же и *Греле*. Въ письмахъ, писанныхъ *Ламбертомъ* и его женой, попадаетъ такая фраза на воровскомъ языкѣ : «Посылаю тебѣ два съ половиной фунта *бьяло позументу* (серебра)».

На обыкновенномъ воровскомъ языкѣ серебро называется *платырэмъ*, а нето *пластинкой*. Но и этотъ языкъ тоже допускаетъ новыя выраженія.

Ламбертъ пишетъ къ женѣ ломанымъ языкомъ на нѣмецкій ладъ : «Мей есть бравый человекъ. Не есть никакая нужда въ *Грелѣ* для того чтобы дѣла дѣлать. Посылай *Грелѣ* къ чорту, въ адъ, чтобы тамъ немножко себя зажарилъ».

Эта взаимная переписка супруговъ-*Ламбертовъ* показываетъ, съ какой акуратностью вели свои дѣла преступники, требовавшіе другъ у друга строгой отчетности въ дѣйствіяхъ, точно коммерческіе люди. *Ламбертъ* всякій разъ напоминаетъ что именно онъ послалъ въ прошлый разъ, пишетъ за сколько слѣдуетъ продать пошлавное и требуетъ отъ жены отчета въ тѣхъ деньгахъ, про которыя она его не извѣщала.

III

Наступило 5 іюля. Свидѣтели всѣ уже переспрошены. Осталось проназвать защитительныя рѣчи, но слѣдователи не забыли про обѣщаніе Графа вывести на чистую воду всѣ плутни своихъ

товарищей по обвиненію. Графъ встаетъ , желая поскорѣе пустить бомбу.

— Господишь президентъ ! говорить онъ съ увѣренностью чловека, готоваго горой стоять за свое дѣло : — считаю необходимымъ представить нѣкоторыя объясненія касательно какъ меня самого, такъ въ особенности того лица, столкнувшаго меня въ пропасть, въ которой я нахожусь вотъ ужъ сельмой мѣсяць.

При этихъ словахъ у Графа раздуваются ноздри, глаза расширяются, онъ картинно протягиваетъ руку и обращается къ тому мѣсту, гдѣ засѣдаютъ присяжные.

— «Господа присяжные сію минуту услышать отъ меня, что за чловекъ нашъ обвинитель.

• За три мѣсяца до того какъ меня арестовали, одинъ проѣзжіиъ рассказалъ мнѣ про одинъ случай, который для меня непримѣръ важнѣе чѣмъ убійство Пешара. Если почему я раньше ничего не говорилъ объ этомъ, такъ именно вслѣдствіе насильственныхъ мѣръ, принятыхъ противъ меня ; но я далъ себѣ слово — вочто бы то нистало открыться передъ моими судьями во всемъ. Пріѣзжіиъ этотъ не иной кто, какъ родственникъ одного убитаго въ Ницѣ.

• Въ Ницѣ (въ Пьемонтѣ) сдѣлана была важная покража ; Паскаль могъ бы кажется рассказать въ подробности все что произошло въ эту ночь ; украдено было неменьше какъ на 25 или на 30,000 франковъ серебряной монетой. Атаманъ этой шайки что-то плохо ладилъ со своими подчиненными ; они и порѣшили сировадить его на тотъ свѣтъ. Пьемонтъ съ Франціей соединяется посредствомъ одного моста, Гардскаго вается. Такъ какъ они переходили черезъ этотъ мостъ, на обоихъ концахъ котораго устроены таможи, одна французская, другая итальянская, то и придумали для себя отговорку : мы, говорить, шли по этому мосту, и чтобъ насъ не вздумали обыскивать, мы бѣжать назадъ, и одинъ изъ насъ троиухъ утонулъ при этомъ. Но вѣдь этого быть не можетъ, господа присяжные, быть не можетъ, потомучто, еслибъ вы знали .. онъ вовсе и тонуть не думалъ. Добираются до Марсели, нашли тамъ одного свояка атаману и говорятъ : «Эко вѣдь горе ! въ воду кинулся ; таможенные хватили въ него изъ ружья.» Родственникъ этотъ всякій день читалъ газеты, просматривалъ всѣ новыя извѣстія, и вскорѣ узнаетъ, что найдено тѣло его свояка, узнанное по какимъ-то примѣтамъ любовницей покойнаго.

• Вы пожалуй меня спросите, сколько же всего было воровъ ? Отвѣчу : незнаю, ничего этого незнаю, тутъ меня не было, да и проѣзжіиъ, который рассказывалъ мнѣ про это происшествіе, тоже тутъ не былъ. (Присутствующіе выражаютъ нетерпѣніе : Графъ это замѣчаетъ). Позвольте, позвольте, я все расскажу, сейчасъ кончу. Чтобы легче было утащить деньги, воры раскладываютъ ихъ по мѣшкамъ, по 6000 франковъ въ каждый мѣшокъ и зарываютъ ихъ въ скалахъ, и въ дѣсу, и не-

знаю еще гдѣ; вы понимаете, меня тутъ не было и пріѣзжаго тоже. Кажется одинъ кто-то изъ нихъ вернулся къ зарытымъ деньгамъ и поочистилъ мѣшки, взявши изъ cadaго по 1000 франковъ. Кто въ барышахъ остался, незнаю. Кажется эти господа не такъ-то много надѣялись одинъ на другого; кажется тоже, что атамана не долюбивали товарищи, потому что ему не всегда хотѣлось плясать по ихъ дудкѣ; пріѣзжіи, которыйи рассказали мнѣ все дѣло, говорить, что надо полагать, что атаманъ-то и взялъ изъ cadaго мѣшка по 1000 франковъ.

• Братъ покойнаго былъ въ отчаяніи, читалъ-читалъ газеты, наконецъ доискался въ чемъ дѣло. Оказывается, что покойникъ и не думалъ видѣться съ моста въ воду какъ сумашедшій, а что въ рѣкѣ нашли трупъ его съ отрубленной головой.

• Человѣкъ, который совершилъ это преступленіе, снесъ голову своему пріятелю, что невпримѣръ гнуснѣе убійства Пешара, какъ я уже имѣлъ честь вамъ доложить, это чудище природы — хотите, я вамъ его покажу? Вотъ онъ! (указываетъ на Паскаля) Господа! и эдакой-то человѣкъ всѣхъ насъ обвиняетъ! Я бы могъ наговорить вамъ много другого кой-чего, но мнѣ становится жаль этого человѣка, этого несчастнаго, этого мерзавца.

• Я прямо въ лицо ему сказалъ: «Я считаю тебя за пустѣйшаго человѣка, иначе бы я задалъ тебѣ оплеуху». Не будь этихъ проклятыхъ печатей, изъ-за которыхъ я постоянно долженъ былъ обращаться къ нему, — и меня бы здѣсь небыло. Когда я сказалъ, что пуцу бомбу, значить мнѣ стало больше не въ мочь. Въ мелкой водѣ я неохотникъ плавать... Еслибъ я захотѣлъ быть доносчикомъ, то и мнѣ бы тогда было въ тюрьмѣ попривольнѣе.

• Вчера напримѣръ мы еще всѣ сидѣли въ секретной въ цѣпяхъ; мнѣ не позволили даже повидѣться съ женщиной, съ которой я хоть и не состоялъ въ законномъ бракѣ, но уважать которую мнѣ не въ силахъ запретить никакіе человѣческіе законы... Да! такъ мнѣ недовольно больше ее видѣть, а между тѣмъ съ нихъ, съ этихъ доносчиковъ, и цѣпи вчера сняли, и видѣться имъ позволили со своими полюбовницами; а мнѣ такъ и съ женой нельзя было повидѣться. Для меня вѣчно ничего!.. Со мной обращались точно съ хищнымъ звѣремъ...»

Вотъ та самая *бомба*, про которую говорилъ Графъ; но она не произвела ожидаемаго имъ дѣйствія: присутствующіе выслушали ее очень хладнокровно. Однимъ преступленіемъ стало у Паскаля больше, — но вѣдь и только. Положимъ Графъ и правду сказалъ, что открытое признаніе его вынуждено жестокимъ обращеніемъ съ нимъ въ тюрьмѣ, но вѣдь все же оно ничуть не ослабляетъ тяжести его собственныхъ преступленій. Онъ до того увлекся, что и позабылъ совершенно какой выводъ хотѣлъ сдѣлать въ свою пользу изъ этого расказа. Если Паскаль загубилъ своего соучастника, то почему же не загубить ему товарища и по дѣлу объ убійствѣ Пешара? Въ этомъ

дѣлѣ, по словамъ Графта, судьямъ недоставало третьяго сообщника, вотъ на его мѣсто и поставили Графта, кстати же онъ покушалъ краденныя вещи и дѣлалъ фальшивыя пачпорты.

— Что, вы все сказали, что вамъ хотѣлось?

При этомъ холодномъ вопросѣ президента, Графта слегка поколебало, но онъ тотчасъ же оправился, и граціозно поклонившись, отвѣчалъ: «Да-съ, все, господинъ президентъ; благодарю васъ; и васъ также, гг. присяжные. Теперь судите сами.»

Очередь говорить была за генераль-прокуроромъ. Мы не станемъ приводить длинной, энергической рѣчи прокурора вполнѣ, а ограничимся только выпиской тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ представляетъ характеристическія черты главныхъ преступниковъ и говоритъ о дѣйствіяхъ ихъ собща, скопомъ.

«... Въ точности опредѣлить мѣру участія каждаго виновнаго въ преступленіи, и такимъ образомъ подготовить и облегчить для васъ, господа присяжные, постановленіе рѣшенія — вотъ въ чемъ заключается обязанность, налагаемая на прокурора закономъ. .»

«... Во всемъ процессѣ на первый планъ выдвигается асоціація злоумышленниковъ, и потому прежде разсмотрѣнія обстоятельствъ, опредѣляющихъ мѣру преступленія каждаго изъ подсудимыхъ, мы должны представить въ общихъ чертахъ какаго рода давныя пріобрѣли мы изъ показаній свидѣтелей.

«Удивительно и вмѣстѣ страшно слановится, когда въ средѣ такого общества какъ наше, вдругъ является мощная сокровенная сила, бытіе которой заключается въ безустанной борьбѣ съ закономъ, въ смертельной войнѣ съ общественной безопасностью. Элементы, изъ которыхъ слагается эта страшная сила — по большей части наказанные преступники. Не разъ и не два произносился надъ ними приговоръ. Они бы пожалуй и вынесли то или другое наказаніе, но всего чаще имъ удавалось бѣжать и они ловко укрывались отъ полицейскихъ розысковъ.

«Какія бы мѣры ни предпринимались противъ нихъ, все оказывается бесполезнымъ. Ничто не въ силахъ сдержать дерзкой отваги этихъ людей; они ни въ чемъ не видятъ себѣ препятствія. Они живутъ среди насъ, ускользаютъ отъ самаго пронизательнаго взора, смѣло проходятъ мимо сыщиковъ. И можетъ ли быть иначе? Злодѣи сразу поняли, что имъ остается только одно средство укрыться отъ всякихъ поисковъ, даже отклонить отъ себя всякое подозрѣніе: назваться какимъ-нибудь вымышленнымъ именемъ, предъявить фальшивый пачпортъ. Какъ истые воры, они украли даже форму пачпортовъ... Десять, двадцать разъ они мѣняють свои имена, такъ что верѣдко никакой возможности нѣтъ доискаться ихъ настоящаго имени.

«Эти люди съ презрѣніемъ смотрять на трудъ, который хоть и заставилъ бы ихъ жить честно, но жить въ нуждѣ. А имъ хочется

жить въ довольствѣ, удовлетворить своимъ грубымъ наклонностямъ. Мы уже сказали что это за люди: это воры. Воровство — ихъ цѣль, ихъ промыселъ, ихъ жизнь. Если иной разъ они повидлимому и занимаются торговлей, мелочной обыкновенно, если и являются когда полъ видомъ разносчика, продавца стальныхъ перьевъ или вообще какого-нибудь дешовонькаго товара, — такъ только для того, чтобы имѣть возможность забраться въ домъ, изучить всѣ входы и выходы, и такимъ образомъ приготовиться къ ночному нападенію и отправиться съ надеждой на вѣрнѣйшій успѣхъ. Они не только праздно проводятъ время, но и безпорядочно. У нихъ есть и жены, и дѣтей муча. Брачный союзъ ихъ — наложничество; дѣти у нихъ незаконнорожденные. Наложицы тоже отъ нихъ не отстаютъ. На ярманкахъ, на рынкахъ онѣ продаютъ изъ краденыхъ вещей что подешевле. Дѣти воспитываются въ школѣ порока; у нихъ на глазахъ прескверные примѣры. Они съ колыбели приучаются говорить воровскимъ языкомъ; вѣдь и изъ нихъ тоже выйдутъ воры.

• Наложицамъ, сказали мы, поручается распродаютъ дешовыя вещи. Дорогія же вещи идутъ въ руки закладчиковъ...

• Взломать — для нихъ игрушка, плевое дѣло. Клещи, *сударь-баринь*, однимъ словомъ весь воровской арсеналъ, — вотъ у нихъ главное движимое имущество. Взломать они хоть и всегда готовы, но поддѣльные ключи для нихъ лучше. У нихъ есть и оружіе, пистолеты, кинжалы, которые они постоянно при себѣ имѣютъ во время своихъ нападений, поѣздокъ.

• Кинжалы у нихъ отлично отпущены, пистолеты заряжены туго. А отпущены, а заряжены они для тѣхъ, кто вздумалъ бы. противиться исполненію преступныхъ замысловъ.

• И что такое жизнь человѣческая въ ихъ глазахъ? Какое имъ дѣло до того, что семья будетъ горевать, родные вѣчно плакаться? Развѣ и имъ не нужны тоже деньги, много денегъ, чтобы удовлетворить своимъ постыднымъ страстямъ, упиться виномъ, нарядить въ бархатъ и золото своихъ любовницъ, воспитать во всей грязи порока, въ ненависти къ божеству, въ духѣ вражды противъ общества — воспитать дѣтей, которымъ впоследствии будетъ отведено мѣсто въ исправительныхъ заведеніяхъ и въ острогахъ!

• Ни одного города нѣтъ, гдѣ бы не побывали эти ожесточенные, озлобленные преступники. Железные дороги въ короткое время переносятъ ихъ на огромныя разстоянія. Являются они въ городъ, и сейчасъ же принимаются слѣдить за добычей. Нередко ихъ указчики, ходяки прямо наводятъ ихъ на такія мѣста, гдѣ имъ смѣло можно поживиться. Тщательно изучаютъ они эти мѣста, и когда планъ составленъ до мельчайшихъ подробностей, они тотчасъ же уѣзжаютъ изъ города, чтобы замести свой слѣдъ. Потому въ заранѣе назначенный день они вдругъ возвращаются, совершаютъ давно задуманное воровство, впрочъ и убить человѣка въ случаѣ нужды и опять уѣзжаютъ въ другіе города, чтобы и тамъ сдѣлать тоже.

• Это постоянное передвижение нисколько однакожь не мешает этимъ людямъ собираться вмѣстѣ, когда того требуютъ выгоды ихъ ассоціаціи. Они ужь знаютъ гдѣ имъ встрѣтиться; сборный пунктъ у нихъ давно опредѣленъ: дѣятельная переписка мдетъ черезъ посредниковъ, на которыхъ они смѣло полагаютъ и которые непременно доставятъ письма по назначенію. И вотъ въпродолженіе многихъ-многихъ лѣтъ эти наказанные преступники, эти бѣглецы, укрывающіеся отъ суда и слѣдствія, эти воры, убійцы, ускользаютъ отъ всякаго надзора, отъ всякаго преслѣдованія, пока провидѣнію не будетъ угодно, чтобъ человѣческое правосудіе наложило на нихъ тяжолую руку, прежде нежели они будутъ преданы правосудію божескому.

Отъ этой картины ассоціаціи мошенниковъ генераль-прокуроръ переходитъ къ частностямъ и опредѣляетъ мѣру участія въ преступленіи, принимаемаго каждымъ изъ трехъ главныхъ подсудимыхъ.

Гугенгоймъ-Майеръ сознается, только старается, хоть и совершенно напрасно, уменьшить свою виновность; ему нехочется сказать, что онъ первый нанесъ ударъ несчастному Пешару. А между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ такъ; онъ первый бросилъ камень. Онъ стоялъ у входа въ магазинъ, а въ самомъ магазинѣ работали его сообщники; роль его была та, чтобъ содѣйствовать успѣшному исполненію задуманнаго воровства; онъ самъ же хвастался, что ловко угостилъ свою жертву.

Паскаль уже въ семнадцать лѣтъ преступникъ; послѣ каждаго преступленія онъ мѣняетъ свое имя; онъ принадлежитъ къ одной изъ страшнѣйшихъ шакъ на югѣ Франціи, онъ созвался въ преступленіи, но не вдругъ, а исподволь; онъ только и могъ сказать въ свою защиту, что убійство совершено имъ непреднамеренно. Разумѣется вѣрить ему нельзя.

• Этотъ человѣкъ пролилъ нѣсколько слезъ при допросѣ; и слезы вмѣнены были ему въ особенную честь; но если онъ плакалъ, значитъ сознавалъ, что совершилъ убійство. Въ такомъ случаѣ слезы являются только новой уликой противъ него. А плакать онъ могъ развѣ только о себѣ самомъ: онъ понималъ опасность своего положенія, и испугался.

• Можетъ-быть вамъ станутъ говорить про его дѣтей, про то, что онъ воспитывалъ ихъ въ страхѣ божіемъ. Да и самъ онъ сказалъ, что ему не хотѣлось, чтобъ дѣти шли по его слѣдамъ. Но лучшее средство дать имъ хорошее воспитаніе заключалось въ томъ, чтобъ они имѣли передъ собой иные, лучшіе примѣры. А онъ пересталъ быть воромъ? а убійцей быть — тоже пересталъ?.. Нѣтъ, это плохое оправданье.

• Почему знать? можетъ-быть въ воспитаніи, которое онъ хотѣлъ дать дѣтямъ, онъ видѣлъ лишь средство къ развитію ихъ умственныхъ

способностей, направленному къ преступнымъ цѣлямъ. Иначе и предполагать невозможно, потомучто если дѣти у него и воспитываются повидному въ страхъ божіемъ, но въ тоже самое время онъ учитъ ихъ поддѣлывать пачпорты. Нѣтъ, Паскаль не просто воръ: онъ законный, неисправимый убійца.

Послѣ этого генераль-прокуроръ переходитъ къ самой оригинальной личности изъ всей шайки.

• На этихъ скамьяхъ есть одинъ человѣкъ, который отъ всѣхъ отличается своей холодной, обдуманной смѣлостью. Недостатокъ образованія онъ пополнилъ опытомъ жизни, безчисленными поѣздками. Этотъ человѣкъ представляетъ собою полнѣйшій типъ испорченной человѣческой природы. Нѣкотораго рода внѣшнее отличіе, умѣнье владѣть языкомъ, сознаніе собственного превосходства, придаютъ этому человѣку не столько самоувѣренности, сколько надменнаго хвастовства. Запирательство — у него послѣднее слово при защитѣ. Онъ безъ всякаго заарвнїя совѣсти отвергаетъ всѣ факты. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ — вотъ единственное слово, котораго добились отъ него судьи. Онъ знаетъ, что настоящее мѣсто ему — въ острожной аристократіи.

• Этого человѣка мы назвали по имени: это Графъ. Настоящее имя ему Миндеръ, это несомнѣнно; цѣлое семейство Миндеровъ — онъ, отецъ его, братья, испытало на себѣ тяжесть судебнаго наказанія. Его прозвали въ семействѣ Большимъ, и онъ дѣйствительно большой руки злодѣй, страшный злодѣй.

• Отпереться ото всего онъ не могъ, иной разъ было даже очень трудно ему отпереться; и вотъ онъ въ глазахъ столькихъ свидѣтелей, которые всѣ узнають его, напоминаетъ намъ о судейскихъ ошибкахъ, извращая ихъ по своему. Отпираться, отпираться и отпираться во всемъ — вотъ чему учать каторжные, въ надеждѣ заставить судей молчать, и изумить слабые, колеблющіеся умы.

Графъ внимательно выслушалъ слова генераль-прокурора; на его лицѣ выразилось чувство удовлетвореннаго тщеславія. Онъ улыбнулся не одинъ разъ, но виразу не опустилъ голову.

Пропускаемъ все что послѣ этого сказано было объ остальныхъ подсудимыхъ.

На другой день, 6 іюля, исправляющій должность прокурора *Жарденъ* разсматриваетъ въ своей рѣчи нѣкоторые второстепенные пункты обвиненія. Во время этого чтенія Графъ строитъ глазки дѣвицѣ Кретьень. При открытіи засѣданія онъ поднесъ ей вѣтку жасмина и взамѣнъ того получилъ поцѣлуй. Остальные подсудимые въ очень грустномъ расположеніи духа; Майеръ убитъ окончательно; слять закрывъ лицо руками и платокъ у глазъ держать; Соломонъ Ульмо тоже не въ своей тарелкѣ.

Вдруг обвинительная рѣчь прерывается громкими всхлипы-ваньями Паскаля; онъ подноситъ платокъ ко рту и старается заглушить рыдающія, но не можетъ; его выводятъ. Между присутствующими разносится слухъ, что Паскаль во время засѣданія отравился. Графъ дѣлаетъ видъ, будто не вѣритъ; пожимаетъ плечами, и его презрительная улыбка, взглядъ сожалѣнія показываютъ, что онъ не предполагаетъ въ своемъ сообщникѣ такой большой отваги. «Да просто должно-быть позавтракать плотно», бормочетъ Графъ какъбы про-себя.

Черезъ полчаса Паскаля вводятъ снова въ залу присутствія; на лицѣ его попрежнему выражается страданіе и дышетъ онъ тяжело.

Адвокатъ *Деланль*, принявшій на себя защиту Гугенгейма-Майера, и *Катель*, адвокатъ Паскаля, могли привести въ пользу своихъ клиентовъ лишь тѣ услуги, которые оказали они при слѣдствіи. «Единственное средство къ истребленію этихъ скопищъ — говорилъ *Катель* — заключается въ томъ, чтобы дать въ самой средѣ злоумышленниковъ зародиться такой мысли: «Если я когда украду что-нибудь, то меня оправдаютъ, ежели я выдамъ своихъ товарищей.» Стало-быть ежели вамъ удалось поймать одного мошенника, значить у васъ въ рукахъ дѣлая шайка. Такимъ образомъ асоціаціи дѣлаются невозможными, потому что всякій изъ членовъ ея будетъ опасаться, что при случаѣ товарищъ же донесетъ на него. А обращайтесь съ доносителемъ какъ съ закоренѣлымъ преступникомъ, тогда всѣ другіе скажутъ: «Умирать такъ умирать! умремъ, но ни слова не скажемъ. Выдать своихъ товарищей для того только, чтобъ прокуроръ же отъ насъ отвернулся, чтобъ подсудимые проклинали насъ въ душѣ, судьи приговорили къ жестокому наказанію и всякій бы презиралъ насъ!.. Низачто на свѣтъ!»

Доводъ дѣйствительно сильный. Англійская юриспруденція уже спокойнѣе осватила это средство къ охраненію общества, и всякій подсудимый, не только простой убійца (man-slaughter), но и обвиняемый въ убійствѣ преднамѣренномъ (murderer), можетъ, въ случаѣ ежели онъ дѣлаетъ извѣтъ, явиться на время подсудимымъ-свидѣтелемъ. Французская юридическая практика не допускаетъ однакожъ этого обычая, хотя и полезнаго, но по правдѣ сказать безирравственнаго.

Адвокатъ Графта, опираясь на отрицательные отвѣты своего кліента, предостерегаетъ судей отъ возможности впасть въ судебную ошибку.

Въ заключеніе произнесены были рѣчи адвокатовъ со стороны Пешара и Нурисона-Морея.

Во время этихъ рѣчей подсудиемые становятся все угрюмѣе и пасмурнѣе. Нѣкоторые отирали даже слезы. Въ самомъ Графѣ уже невидать прежней самоувѣренности; онъ ужъ и не улыбается; въ опущенныхъ глазахъ его нѣтъ и слѣдовъ прежняго блеска; лицо подернулось желтизной.

9 июля, послѣ онадцати засѣданій, президентъ спрашиваетъ обвиненныхъ, не желаетъ ли кто изъ нихъ сказать еще что-нибудь въ свою защиту.

Гугенгеймъ-Майеръ встаетъ: щеки его подернулись румянцемъ, на глазахъ показались слезы: дрожащимъ голосомъ онъ произнесъ ломаными языкомъ, съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ:

— Прошу васъ меня извинить, что я не знаю хорошо выражаться; я незнаю хорошо говорить пофранцузски. Видите ли, когда случилось дѣло г. Пешара, повѣрьте, я былъ невиновенъ въ его смерти. Я стоялъ въ сѣняхъ, а два остальныхъ въ магазинѣ; Паскаль вынесъ мнѣ дорогія вещи; я имѣлъ камень въ рукахъ, это правда; я подставилъ лѣстницу, это правда; но тутъ и все... До г. Пешара я хоть бы пальчикомъ дотронулся... ни-ни! Я никогда никого не трогалъ. Если я переѣвилъ имя, такъ потому собственно, что долгишка у меня была въ Страсбургѣ, 2,000 франковъ. Я камень бросилъ, — испугать хотѣлъ г. Пешара, а свою лѣстницу поставилъ поперегъ ступеней крыльца потому, чтобы не дать ему сойти внизъ. Когда я пустилъ камень, сейчасъ же и выскочилъ за двери. Слѣдовательно, если кто дрался съ г. Пешаромъ, такъ безъ сомнѣнйя вотъ эти двое. Первый вышелъ изъ магазина Паскаль; у него былъ мясничій ножъ въ рукахъ. А я стоялъ на улицѣ, и ничего не сдѣлалъ г. Пешару. Вы думаете не щемить у меня сердце, когда вотъ ужъ одинадцать дней сряду меня называютъ здѣсь убійцей! Господа, вѣрьте мнѣ, Гугенгеймъ не убійца. Извините, что худо говорю... Да! еще надо немножко сказать. Графъ вышелъ изъ магазина второй и два раза выстрѣлилъ изъ пистолета; я спрятался за колонну⁽¹⁾; Паскаль бѣжалъ за мной, но за Паскалемъ бѣжалъ опять г. Пешаръ и бѣжалъ притче Паскаля; тогда Паскаль оборотился и выстрѣлилъ въ г. Пешара разомъ дважды. Г. Пешаръ упалъ... Господа, я себя не обвиню въ убійствѣ несчастнаго Пешара; вѣрьте мнѣ, я невиненъ. Я былъ *вовлеченъ* этими негодаями; вотъ все что я хотѣлъ сказать. (Тутъ онъ начинаетъ говорить съ одушевленіемъ, голосъ его подымается до самаго высокаго діапазона.) Если я и осужденъ за убійство, то осужденъ невинно. Да, я вамъ говорю, господа — невинно, невинно! Сжальтесь хоть надъ моими шестерыми-то дѣтими, надъ бѣдной моей женой!

Паскаль едва слышно говоритъ, что ему больше сказать нечего, что онъ всю правду сказалъ.

---

(1) Колонной онъ называетъ гранитную пирамиду, поставленную на площади Сентъ-Этьенъ въ честь герцога беррійскаго.

Графтъ встаетъ, раскланивается и говоритъ вполголоса, самымъ почтительнымъ тономъ :

• Прошу васъ извинить меня, г. президентъ, гг. присяжные, что при первыхъ своихъ показаніяхъ я позволилъ себѣ погорячиться, сказать нѣсколько рѣзкихъ словъ... Такъ какъ меня преслѣдуютъ даже по настоящую минуту, такъ какъ мнѣ и вѣрить не хотять, хотя прямыхъ уликъ противъ меня и нѣтъ, то я готовъ допустить на время, что я третій изъ этихъ господъ, потомучто имъ непремѣнно нуженъ третій. Въ такомъ случаѣ какую бы роль пришлось мнѣ разыгрывать? Да ту, чтобы я дважды выстрѣлилъ по Пешару изъ пистолета. Если я дважды выстрѣлилъ изъ пистолета, значить далъ промахъ; а если я далъ промахъ, значить я именно хотѣлъ сдѣлать промахъ, значить у меня и намѣренія не было убивать.

• Г. генераль-прокуроръ не пощадилъ меня нисколько; онъ сказалъ, будто я только рисуюсь здѣсь, принимаю картинныя позы, будто во мнѣ много наглаго безстыдства! Онъ очень ошибается; вѣдь онъ не знаетъ что происходитъ у меня на душѣ; въ тюрьмѣ я точно такъ же спокоенъ, веселъ, какъ и здѣсь, а отчего? Да оттого что совѣсть ни въ чемъ меня не упрекаетъ... Послѣ этого я ничего не стану у васъ просить за себя, но позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ за мою жену. Ее обвиняютъ въ томъ, будто бы ей извѣстны были всѣ мои дѣла. Допустимъ, что это и такъ; но въ такомъ случаѣ она слѣдовательно находилась подъ моимъ вліяніемъ и не смѣла ни въ чемъ мнѣ перечить. До 22 лѣтъ она жила у себя въ семействѣ, и потомъ поступила къ одной благородной дамѣ, которая не могла нахвалиться ея честностью. У этой-то дамы я и имѣлъ честь познакомиться съ ней и соединить свою судьбу съ ея судьбой. Это ее и сгубило, потомучто иначе ей не сидѣть бы на этихъ скамьяхъ! Она постоянно была мнѣ покорна, и теперь, относительно судьбы этой женщины, я полагаюсь на ваше состраданіе; если вамъ непремѣнно надо казнить кого-нибудь, такъ одного меня казните. Я заслуживую этой казни, признаю себя виновнымъ. Сжальтесь надъ ней, если ужъ не хотите надо мной сжалиться. Вотъ мое послѣднее слово.

Маргарита Шатленъ, слушавшая эту рѣчь съ живѣйшимъ волненіемъ, *Полина Блюмъ* и *Марія Милисъ* плачутъ навзрывъ и просятъ присяжныхъ сжалиться надъ ихъ дѣтьми.

Вдова Голь. Все мое несчастье въ томъ, что я приходилась родней извѣстному вамъ человѣку. Поручаю вамъ моего сына... онъ дѣлалъ все по моему приказанію и мы оба не находили въ этомъ ничего худого.

Жена Ламберта (нѣжнымъ голоскомъ и со слезами). Я всегда знала моего мужа какъ человѣка честнаго; сжальтесь хоть надъ дѣтьми-то моими!

Президентъ начинаетъ читать выписку изъ дѣла. Во время его

чтенія *Ульмо-отецъ* вдругъ встаетъ со своего мѣста въ сильномъ волненіи и говоритъ: «Если я и виноватъ въ чемъ, то мой сынъ невиненъ. Я всему причиной, я его загубилъ. Если кто и виноватъ, такъ это я, а... Боже ты мой, я!»

Присяжные приступаютъ къ постановленію рѣшенія. Вопросныхъ пунктовъ набралось до 240. Въ семь съ четвертью часовъ вечера присяжные ушли въ залу, гдѣ производилось рѣшеніе, а вышли оттуда уже утромъ въ половинѣ втораго.

Первые три вопроса касательно виновности троихъ главныхъ подсудимыхъ и обстоятельствъ, увеличивающихъ мѣру ихъ преступленія, разрѣшены положительно, большинствомъ голосовъ, но только по отношенію Гугенгейма-Майера судъ согласенъ допустить обстоятельства, уменьшающія вину. Блѣхъ, Бернаръ Мейеръ, Саломонъ Ульмо, Полина Блюмъ, Марія Мились, Маргарита Шатленъ, Луиза Мейеръ — точно также признаны виновными, но съ обстоятельствами ослабляющими мѣру преступленія. Чтоже касается Шарля Голь, Мориса Ульмо и остальныхъ женщинъ, то, по приговору присяжныхъ, всѣ они найдены невинными.

Судьи уходятъ снова въ залу совѣта для сличенія протокола съ рѣшеніемъ присяжныхъ. Подсудимыхъ на это время опять вводятъ въ залу. Жандармы, приставленные къ Графту и Паскалю, не отымаютъ руки отъ эфеса своихъ сабель. Повременамъ молчаніе нарушается рыданьями или раздирающими воплями женщинъ.

Судьи приходятъ обратно. Читается приговоръ, постановленный судомъ присяжныхъ; подсудимые, признанные невинными, немедленно выводятся изъ засѣданія. Одинъ только *Шарль Голь* оказываетъ на минуту сопротивленіе, говоря: «Не хочу разставаться съ матушкой!» Мать протягиваетъ къ нему руки; жандармы выводятъ его насильно.

Майеръ и *Паскаль* на вопросъ о рѣшеніи присяжныхъ отвѣчаютъ, что больше сказать имъ нечего.

Графтъ (встаетъ и говоритъ глухимъ голосомъ). Я невиненъ; я не осужденъ вовсе, а просто убитъ. Вотъ что я вамъ скажу.

Остальные тоже ссылаются на свою невинность.

— Я хочу умереть вмѣстѣ съ нимъ! восклицаетъ дѣвица *Кретьенъ*: — к чему же вы насъ разлучаете?

Графтъ (указывая на Паскаля и Майера). Вотъ они, подлые люди! Убийцы!.. Будь только у меня 500 франковъ, я бы доказалъ свою невинность; меня бы тогда оправдали. А эти подлые люди меня безъ ножа зарѣзали... И имъ вѣрятъ; а вотъ мнѣ такъ и вѣры никакой нѣтъ... Только народъ обманываютъ... Плохое же правосудіе! Судьи оказываются убійцами... Мнѣ не на этихъ господъ

досадно, а на слѣдственного судью. Народъ будетъ говорить: они убили Графта...

Дѣвица Кретьенъ. Вотъ ужъ что правда, то правда! Боже мой Господи! осудить невиннаго... Гдѣ же послѣ этого правосудіе-то?

Наконецъ Графтъ успокаивается, хотя лицо у него блѣдно по-прежнему; онъ пробуетъ даже улыбнуться. Дѣвица Кретьенъ молчитъ; только губы у ней дрожатъ; она складываетъ руки, какъ будто молится. Одна лишь вдова Голь не въ силахъ воздержаться отъ гнѣва; жаилармы съ трудомъ ее сдерживаютъ. — «Нечего смѣяться-то! кричитъ она: пустые люди значить!.. Я никакого преступленія не совершила, я невинна! Вотъ вамъ Богъ, что я невинна! Я передъ народомъ стапу жаловаться. Въ Канѣ рѣшительно нѣтъ правосудія! Сынъ, сынъ! отдайте мнѣ сына!

За этии причитанныи, за этии вспышками раздраженной души слѣдуетъ хладнокровное разсужденіе о судебныхъ издержкахъ между адвокатами обиженной стороны и обоихъ Ульмо. Ссмейство Пешара требуетъ 30.000 франковъ вознагражденія за попеснные имъ убытки, а Нурисонъ-Морели 25.000 за судебныя издержки. Адвокатъ Ульмо-сына, г. Луи по отношенію къ своему кліенту полагаеть, что Ульмо-сынъ вслѣдствіе оправдательнаго вердикта не можетъ быть присужденъ къ уплатѣ денежнаго взыскація. Адвокатъ же *Берто* опровергаетъ эту теорію.

Не раньше какъ въ три четверти шестого, утромъ, засѣданіе открывается снова. Президентъ объявляетъ приговоръ, по которому Гугенгеймъ, Майеръ тожъ, присуждается къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ; Кудюрё, онъ же и Паскаль и Иоганнъ Миндеръ, онъ же и Графтъ, къ смертной казни; Блѣхъ къ тюремному заключенію на восемь лѣтъ; Ламбертъ къ каторжнымъ работамъ на шесть лѣтъ; Бернаръ Мейеръ къ четырехгодичному тюремному заключенію; Саломонъ Ульмо на восемь лѣтъ въ тюрьму; Полина Блювъ и Мари Милльсъ на десять лѣтъ въ тюрьму; Маргарита Шатленъ, она же дѣвица Кретьенъ, къ пятилѣтнему тюремному заключенію; вдова Голь въ каторжную работу на пять лѣтъ; Луиза Мейеръ на два года въ тюрьму; Мей въ каторгѣ на шесть лѣтъ.

По вторичному приговору судъ присуждаетъ Майера, Паскаля, Графта, Ульмо-отца и Бернара Мейера къ уплатѣ наслѣдникамъ Пешара 25,000 франковъ вознагражденія; а Паскаля и Ульмо-отца къ уплатѣ, по той же причинѣ, 15,000 франковъ Нурисону-Морели; и сверхъ того — всѣхъ къ уплатѣ судебныхъ издержекъ.

Апелляціи обоихъ приговоренныхъ къ смерти, поданныя въ кассационный судъ, отвергнуты 12 августа. И только 5 ноября Паскаль и Графтъ были казнены въ Канѣ. Эта проволочка произошла вслѣд-

ствіе вновь открывшихся преступленій, совершенныхъ этою же шайкой.

Паскаль былъ взведенъ на эшафотъ, видимо устрашенный близостью смерти; Графъ до конца сохранилъ присутствіе духа, но умеръ какъ истинный христіанинъ.

Хотя Кальвадосскій асизный судъ рассмотрѣлъ и не всѣ преступленія, совершенныя этой шайкой, но по крайней мѣрѣ разрушилъ одно изъ прочно устроенныхъ обществъ страшныхъ злодѣевъ.
